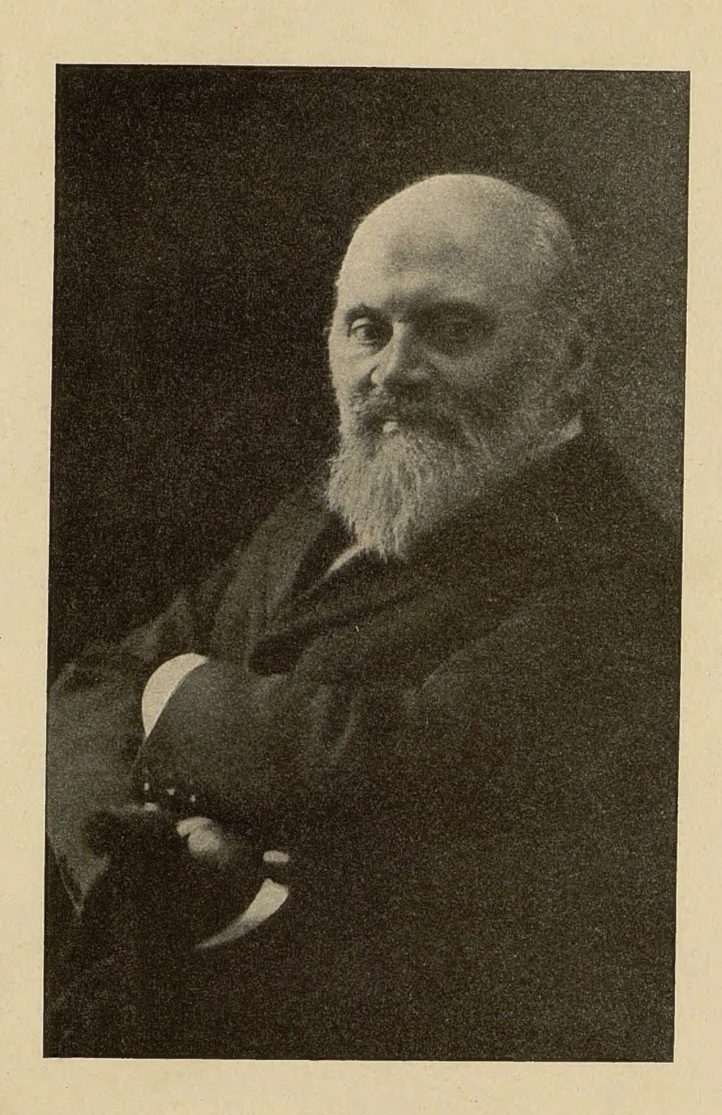


Милій Алексѣевичъ
Балакиревъ.

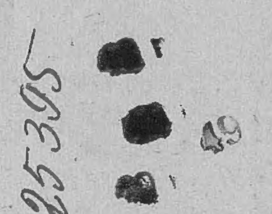
РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ,

основанное 1-го января 1870 г.

1913.

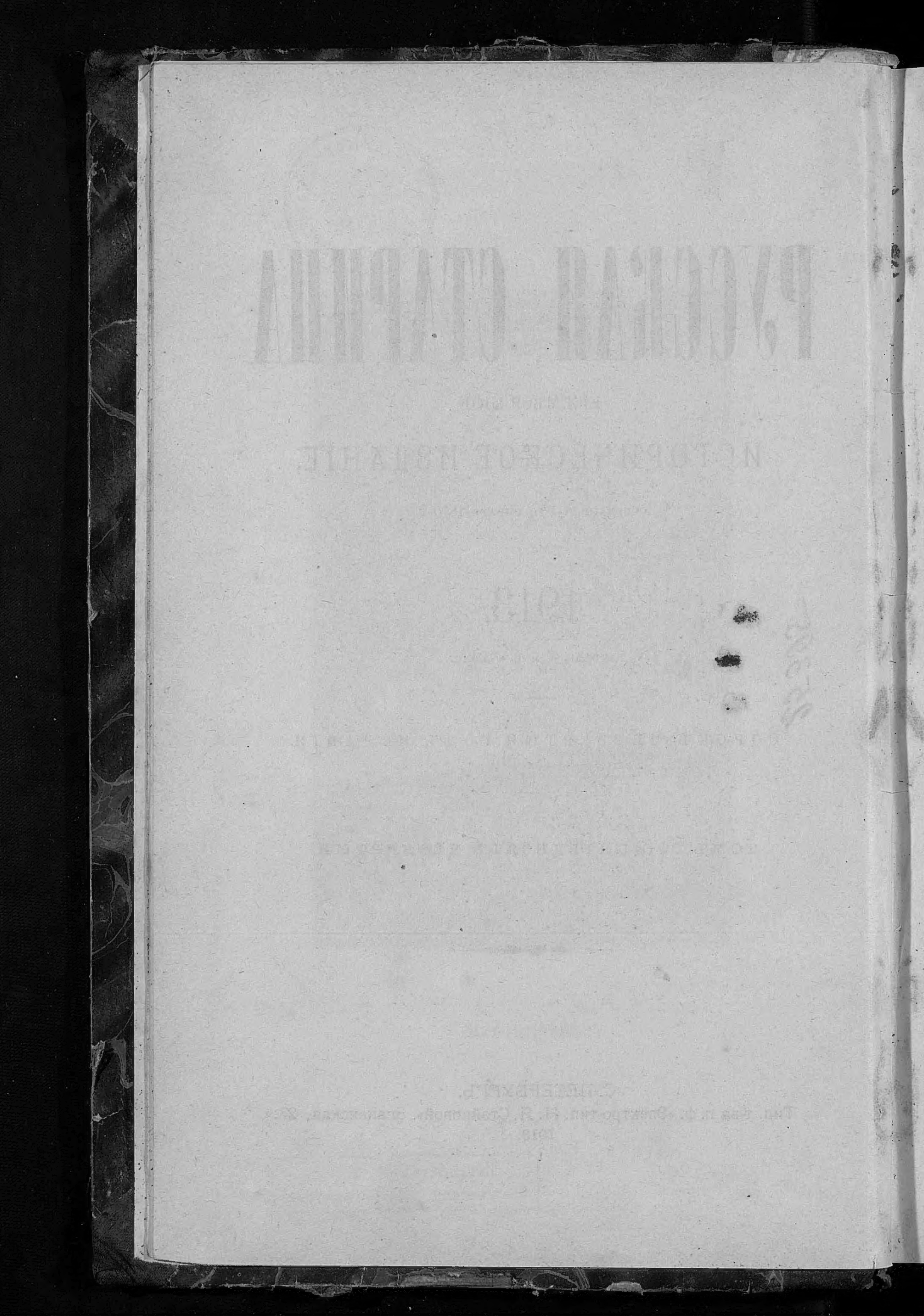


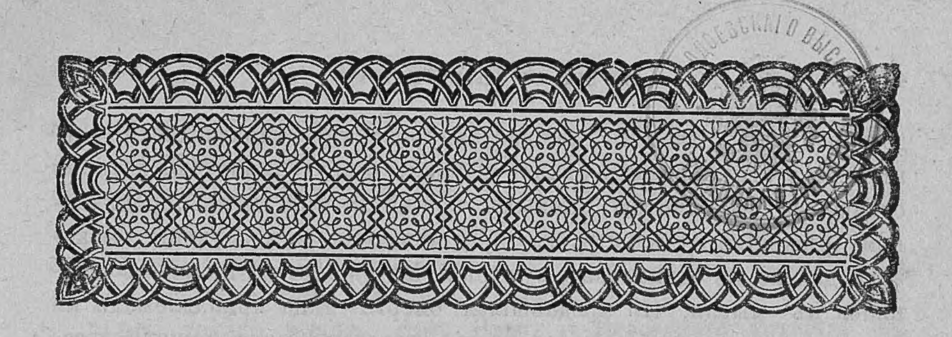
АПРѢЛЬ. — МАЙ. — ІЮНЬ.

СОРОКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ СТО ПЯТЬДЕСЯТЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. т-ва п. ф. «Электро-тип. Н. Я. Стойковой». Знаменская, 27.
1913.





Борьба съ антихристомъ подъ городомъ Тирасполемъ.

Въ концѣ 1896 и въ началѣ 1897 гг. близъ города Тирасполя Херсонской губерніи, а именно 23 и 27 декабря, а также 11 и 27 февраля въ Терновскихъ плавняхъ мѣщанинъ означеннаго города Ѳедоръ Ковалевъ заживо закопалъ 25 человѣкъ по ихъ просьбѣ ради спасенія ихъ душъ и избавленія отъ власти антихриста. Въ числѣ закопанныхъ и обреченныхъ, слѣдовательно, на мучительную смерть были: его старуха мать, жена, двое его малолѣтнихъ дѣтей, двое братьевъ и двѣ сестры. Какъ лишенныя имъ жизни лица, такъ и онъ самъ при совершеніи означенныхъ убійствъ были убѣждены, что этимъ путемъ души погибшихъ избавятся отъ вѣчныхъ мукъ антихриста и пріобрѣтутъ спасеніе свое на вѣки. Они также были убѣждены, что въ качествѣ безпоповцевъ обладаютъ правой вѣрою, божественнымъ преданіемъ и благочестивымъ житіемъ. Такое смѣшеніе крайняго изувѣрства и высокой силы религіознаго настроенія 16 лѣтъ тому назадъ поразили общество своей неожиданностью. Оно напомнило собой времена XVI и XVII вв. съ ихъ многочисленными самоубійствами раскольниковъ, спасавшихся отъ религіозныхъ гоненій. Періодическая печать жадно ловила и опубликовывала отрывочныя свѣдѣнія, доходившія до нея объ этомъ исключительномъ для конца XIX вѣка преступленіи. Появились брошюры, посвященныя этому дѣлу, при чемъ изслѣдователи раскола, также, какъ и психіатры обратили на него особенное вниманіе.

Собиравшійся въ Казани въ 1897 году 3-й всероссійскій миссіонерскій съѣздъ сдѣлалъ попытки опредѣлить, къ какой сектѣ

должны быть отнесены заживо замурованные тираспольскіе изувѣры. Въ этихъ видахъ съѣздъ избралъ особую комиссію, которая однако, за неполнотою данныхъ, не могла придти къ опредѣленному рѣшенію, отдѣльные же представители расколоученія высказали далеко не одинаковыя сужденія. Миссіонеръ Г. Кальневъ склонялся къ мысли, что предавшіяся смерти лица принадлежали къ сектѣ странниковъ-бѣгуновъ, ученіе которыхъ они приняли незадолго до своей смерти; профессоръ же Субботинъ, въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ", высказался за то, что они принадлежали къ сектѣ противо-окружниковъ Іосифовцевъ и были въ дѣйствительности не бѣгунами, а „липованами—метрикоборцами".

Больше согласія во взглядахъ обнаружили представители психіатріи въ лицѣ проф. Сикорскаго и Бехтерева, признавшіе въ Тираспольскомъ преступленіи проявленія патологическаго свойства. Проф. Сикорскій, исходя изъ этой точки зрѣнія, пришелъ къ грустному заключенію, что люди больные и ненормальные, требовавшіе опеки и попеченій, были лишены ихъ и отданы въ распоряженіе карательной власти. Въ личности Ѳедора Ковалева, закапывавшаго свои жертвы, онъ видитъ человѣка, принадлежащаго къ психопатической семьѣ и обнаруживающаго признаки вырожденія. Не ограничиваясь оцѣнкою обстоятельствъ, сопровождавшихъ данную преступность, насколько они дошли до его свѣдѣнія, онъ обосновываетъ свое сужденіе и на исторической предпосылкѣ, а именно на томъ сходствѣ, которое усматривается между тираспольскимъ преступленіемъ и тѣми, совершавшимися съ религіозной цѣлью, самосожженіями, которыми изобиловало время Царя Алексія Михайловича. Самоистребленія, совершавшіяся въ русскомъ народѣ, не отмѣчены тѣми бытовыми особенностями, которыя обусловливаются историческимъ движеніемъ времени. Эти явленія самоистребленія обнаруживаютъ свою патологическую природу, своею неподвижностью и неизмѣнчивостью неподдающуюся дѣйствію времени [1]).

Мы далеки отъ мысли опровергать сложившійся у указанныхъ психіатровъ нашихъ взглядъ на дѣятелей тираспольскаго преступленія, но полагаемъ, что историческаго свойства аргументъ, приве-

---

[1]) Изъ создавшейся литературы по тираспольскому дѣлу укажемъ на труды: *И. Громогласова:* „Тираспольское дѣло", 1898 г. *Свящ. Н. Вижевскаго:* брошюра 1897—8 г. *Юдина:* „Терновскіе изувѣры и ихъ лжеученіе". Проф. *Сикорскаго:* „Эпидемическія, вольныя смерти и смертоубійства въ Терновскихъ хуторахъ" (оно же въ: „Вопросы нервно-психич. медицины", 1897 г. вып. III). Проф. *Бехтерева:* „Внушеніе и его роль въ общественной жизни" 1908 г. *Е. Колтовской:* „Терновскій кошмаръ" 1902 г. *В. В. Розанова* „Темный Ликъ" 1911 г., стр. 115—224.

денный въ подтвержденіе этого взгляда и заключающійся во внѣшнихъ признакахъ сходства анализируемыхъ явленій, едва-ли можетъ быть признанъ убѣдительнымъ. Намъ, людямъ двадцатаго вѣка, трудно вполнѣ освоиться съ тѣмъ міровоззрѣніемъ, которое сложилось у людей отдаленнаго прошлаго и, вообще, людей, находящихся въ совершенно иныхъ условіяхъ существованія.

Намъ трудно понять того Василія Волосатаго, который въ 1681 г. „дважды посылалъ своихъ сообщниковъ бросать съ колокольни Ивана Великаго на смущеніе народа „воровскія письма", не стѣсняясь безуміемъ такого поступка. Для насъ тѣмъ болѣе совершенно непонятно психическое состояніе тѣхъ, находящихся въ дикомъ состояніи идолопоклонниковъ, которые, за неисполненіе ихъ моленій, бьютъ своего идола. Душевное состояніе тираспольскихъ дѣятелей—продуктъ сложнаго чувства, разобраться въ которомъ, при помощи однихъ психіатрическихъ методовъ изслѣдованія, едва-ли возможно. Здѣсь мы встрѣчаемся съ психологической задачей, для разрѣшенія которой приходится становиться на разнообразныя точки зрѣнія и во всякомъ случаѣ имѣть въ своемъ распоряженіи обильный, фактическій матеріалъ.

Психологъ Джемсъ [1]) упрекаетъ медицинскій матеріализмъ въ томъ, что онъ имѣетъ слабость сводить на ничто значеніе духовнаго начала. Психологъ этотъ полагаетъ, что изъ-за патологическаго свойства духовнаго явленія не слѣдуетъ упускать изъ виду жизненную правду его. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что для уразумѣнія психологическаго и соціальнаго значенія дѣйствій тираспольскихъ изувѣровъ, до сихъ поръ не имѣются въ распоряженіи изслѣдователей всѣ необходимые для этого данныя. Оцѣнка различныхъ сторонъ тираспольскаго преступленія производима была въ печати на основаніи отрывочныхъ данныхъ, появлявшихся въ газетахъ, и проф. Сикорскому, для того чтобы найти необходимый для него матеріалъ, пришлось лично отправляться на мѣсто совершенія преступленія и производить дознаніе путемъ непосредственнаго сношенія съ лицами, знакомыми съ обстановкой, при которой совершилось это преступленіе, а также съ лицомъ, закапывавшимъ жертвы преступленія—съ Ѳедоромъ Ковалевымъ. Какъ ни цѣнны могутъ быть данныя, добытыя этимъ способомъ, едва-ли они въ состояніи замѣнить ту всесторонность и относительную достовѣрность фактическихъ данныхъ, которыя добываются посредствомъ судебнаго изслѣдованія, при помощи судебныхъ средствъ дѣйствія, наиболѣе гарантирующихъ, по взглядамъ закона, обнаруженіе матеріальной

[1]) *Джемсъ*: „Многообразіе религіознаго опыта", стр. 10. 11 и др 1910 г.

истины. Между тѣмъ настоящее дѣло ограничилось производствомъ предварительнаго слѣдствія и не разсматривалось на судѣ, при условіяхъ гласности и состязательной дѣятельности сторонъ. Мѣщанинъ Ѳедоръ Ковалевъ былъ привлеченъ судебнымъ слѣдователемъ по обвиненію въ совершеніи заранѣе обдуманныхъ убійствъ подъ вліяніемъ религіознаго изувѣрства (по ст. 203 Улож. о Нак., нынѣ отмѣненной). По окончаніи предварительнаго слѣдствія, по Высочайшему повелѣнію, 31 декабря 1897 г. состоявшемуся, дѣло это производствомъ прекращено съ отдачею Ковалева безсрочно въ одинъ изъ православныхъ монастырей, по усмотрѣнію духовнаго начальства [1]).

Такимъ образомъ, тираспольское дѣло миновало судебное слѣдствіе въ окружномъ судѣ и не дошло до суда присяжныхъ засѣдателей, лишившись черезъ это одного изъ серьезныхъ источниковъ къ его уразумѣнію.

Пишущему настоящія строки пришлось, съ Высочайшаго соизволенія 7 мая 1897 г., быть командированнымъ въ качествѣ оберъ-прокурора уголовнаго кассац. департамента Правит. Сената для наблюденія за судебнымъ производствомъ этого дѣла и для ознакомленія вообще съ условіями, создавшими данную, необычайную преступность.

Для использованія всего судебнаго матеріала, собраннаго предварительнымъ слѣдствіемъ по этому дѣлу, пришлось бы опубликовать слишкомъ объемистыя данныя. Въ виду этого и архивнаго нынѣ значенія предварительнаго слѣдствія, производившагося о Ѳедорѣ Ковалевѣ, казалось бы небезынтереснымъ оглашеніе хотя нѣкоторыхъ деталей, относящихся до него, но деталей, заслуживающихъ довѣрія, какъ оформленныхъ протоколами предварительнаго слѣдствія. Въ этихъ скромныхъ размѣрахъ дѣлаемъ мы изъ подлиннаго дѣла нижеизложенныя извлеченія, сопровождая ихъ иногда личными воспоминаніями, пережитыми нами. Среди оглашаемаго матеріала имѣютъ, казалось бы, особое значеніе показанія совершившаго преступленіе—Ѳедора Ковалева. На немъ отразила полностью свое дѣйствіе та атмосфера, которая сложилась въ Тираспольскихъ плавняхъ и привела къ человѣческимъ жертвамъ. Ему знакомы были всѣ тѣ, кто сложилъ свои кости въ этихъ Плавняхъ, знакомы были и тѣ условія, при которыхъ создалось совершившееся. То обстоятельство, что онъ, въ качествѣ обвиняемаго по дѣлу, является заинтересованнымъ въ процессѣ лицомъ—едва-ли нынѣ подрываетъ до-

[1]) 19 января 1898 г. Св. Синодъ опредѣлилъ: заключить Ковалева въ Суздальскій, Спасо-Ефимьевскій монастырь.

стовѣрность его показаній. До тѣхъ поръ, пока на немъ тяготѣла клятва, взятая съ него лже-монахиней Виталіей—главный центръ, вокругъ котораго сосредоточивалась Тираспольская эпопея—Ѳедоръ Ковалевъ оставался вѣренъ ей и, скрывая истину, давалъ лживыя судебному слѣдователю показанія относительно нахожденія исчезнувшихъ изъ Плавень лицъ, въ дѣйствительности имъ похороненныхъ. Но какъ только стали обнаруживаться трупы несчастныхъ, Ковалевъ сталъ давать показанія, соотвѣтствующія дѣйствительности, разъ дальнѣйшее поддержаніе все отрицавшей лжи представлялось безцѣльнымъ. Прошло навѣянное на него, Ѳ. Ковалева, погибшею Виталіею одурманеніе, и онъ сталъ обнаруживать временно утраченную способность волеизъявленія, сталъ давать цѣнныя для правосудія показанія, въ значительной степени освѣтившія непроницаемую тьму невѣжества, окружавшаго преступленіе. Особенно цѣнны его показанія для уразумѣнія внутренняго значенія обстоятельствъ, создавшихъ данную преступность. Хотя личность Ѳедора Ковалева на лицъ, впервые познакомившихся съ нимъ при производствѣ предварительнаго слѣдствія, производила впечатлѣніе человѣка тупого, но такое свойство его личности не подрывало довѣрія къ его объясненіямъ. Хотя онъ и не устоялъ противъ силы вліянія, произведеннаго на него Виталіей, и не мудрствуя лукаво, отдался полностью подъ господство религіозной идеи объ антихристѣ, навѣянной на него этой женщиной, однако, стоило ему только освободиться изъ-подъ господства этой роковой для него личности, для того, чтобы пріобрѣсти прежнюю свободу дѣйствій и установить равновѣсіе своихъ психическихъ силъ. Въ камерѣ судебнаго слѣдователя онъ съ совершеннымъ спокойствіемъ и, можно сказать, полнымъ индифферентизмомъ бралъ въ руки, разсматривалъ и давалъ потомъ объясненія въ отношеніи предъявленныхъ ему слѣдователемъ предметовъ, извлеченныхъ изъ могилъ загубленныхъ имъ людей, имѣвшихъ ближайшее отношеніе къ трагическимъ моментамъ жизни его и еще недавно самыхъ близкихъ, общавшихся съ нимъ.

Религіозное изувѣрство, проявившееся въ Тираспольскомъ преступленіи, было продуктомъ двоякаго рода причинъ, создавшихъ его. Одни изъ нихъ относятся къ причинамъ внѣшнимъ, лежавшимъ внѣ воли и зависимости отъ участниковъ этого преступленія; другіе же—наоборотъ—коренились въ личныхъ свойствахъ дѣятелей и внѣ оцѣнки этихъ свойствъ не могутъ быть поняты.

Въ ряду первой группы причинъ приходится искать причинъ, заключавшихся въ условіяхъ мѣста и времени совершенія этого преступленія.

Мѣстность, въ которой совершилось преступленіе, характери-

зуется двумя признаками. Съ одной стороны, эта мѣстность богато одаренная природою въ климатическомъ и почвенномъ отношеніяхъ, а поэтому благопріятная для широкаго развитія жизни, въ разнообразныхъ ея проявленіяхъ. Съ другой же стороны она находится какъ бы въ сторонѣ отъ движеній исторической жизни и давала возможность издавна жившему здѣсь раскольничьему населенію не подвергаться дѣйствію выдвигаемыхъ временемъ соціальныхъ проблемъ и не испытывать на себѣ развитія создаваемыхъ ими мыслей и чувствъ. Заботы о себѣ и о спасеніи своей души составляли главный импульсъ къ развитію того индивидуализма, на которомъ обосновывалось существованіе многихъ обитателей этого изолированно стоявшаго мѣста.

Изъ составленнаго судебнымъ слѣдователемъ протокола осмотра мѣстности, между прочимъ, видно, что на юго-западъ отъ города Тирасполя, верстахъ въ пяти отъ послѣдняго, на берегу рѣки Днѣстра, среди заводей, образовавшихся отъ весенняго разлива рѣки, находится довольно большая слобода Тырновка. Дорога въ эту слободу изъ гор. Тирасполя идетъ по ровной и открытой мѣстности, среди полей и огородовъ, послѣ чего, на разстояніи около версты отъ слободы Тырновка, дорога поворачиваетъ въ особую своеобразную мѣстность, называемую Тырновскими плавнями, и идетъ по такой мѣстности приблизительно около одной версты. Все это пространство густо заросло высокими кустарниками, большими дикими деревьями, а частью засажено садами и изрѣдка виноградниками и представляетъ собой довольно глухую мѣстность. Среди деревьевъ и садовъ расположены отдѣльныя усадьбы, находящіяся въ значительномъ разстояніи другъ отъ друга, скрываясь деревьями и кустарниками, такъ что присутствіе жилого помѣщенія можно замѣтить, лишь приблизившись къ нему на очень близкое разстояніе. Поэтому вся эта мѣстность представляется на первый взглядъ довольно густымъ лѣсомъ, съ разбросанными среди него отдѣльными хуторами. Вся эта мѣстность весной покрывается водой отъ разлива Днѣстра. Здѣсь, въ этой мѣстности жили съ ихъ предками большая часть участниковъ тираспольской эпопеи.

Дополнимъ съ своей стороны протоколъ указаніемъ, что Плавни тѣ лежатъ на берегу Днѣстра, въ мѣстности, отличающейся исключительнымъ плодородіемъ, благодаря весеннимъ разливамъ этой рѣки, несущей весной насыщенную черноземомъ воду на свои берега. Особенно благопріятныя условія создаются здѣсь черезъ это для культуры садовъ, посылающихъ на центральные рынки замѣчательные фрукты [1]). Если къ этому прибавить красоту садовъ

[1]) Участокъ Ѳедора Ковалева въ 20 десятинъ цѣнился въ ту пору около 20,000 рублей.

южной природы и южный климатъ, то нельзя будетъ не признать, что не для торжества смерти, а для широкаго развитія жизни, создана эта мѣстность. Очевидно, что для уразумѣнія происхожденія совершившагося здѣсь въ самомъ концѣ XIX вѣка изувѣрства, приходится обращаться отъ природныхъ условій существованія людей въ той мѣстности къ условіямъ историческаго ихъ существованія, вліявшимъ на соціальную обстановку ихъ жизни.

Въ этомъ отношеніи приходится прежде всего обратить вниманіе на то, что населеніе Плавень было издавна раскольничьимъ. По словамъ Ѳедора Ковалева, прадѣдъ его, Блохинъ, равно какъ дѣдъ и отецъ Ковалевы, исповѣдывали „древле христіанскую вѣру" и въ той же вѣрѣ воспитывали дѣтей, признавая церковь и священнослужителей. По дѣлу можно заключить, что они принадлежали до послѣдняго времени къ старообрядчеству поповщинскаго толка, пріемлющему австрійское или бѣлокриницкое священство. Въ семьѣ Ковалевыхъ была однако одна реликвія, которая даетъ основаніе къ заключенію, что были въ прошломъ моменты, когда родъ Ковалевыхъ измѣнялъ поповщинскому толку и переходилъ въ безпоповство. Мы говоримъ о чашѣ для причастія, которая была впослѣдствіи обнаружена при закопавшейся Виталіи и которая „хранилась замурованной въ стѣнѣ и не употреблялась, пока признавали священство и принимали отъ поповъ Св. Тайны". Только за послѣдніе два года, со времени прибытія въ Плавни лже-монахини Виталіи, многіе изъ обитателей этой мѣстности стали измѣнять своимъ религіознымъ убѣжденіямъ и переходить вновь въ толкъ безпоповцевъ, все болѣе приближаясь къ крайней, по своимъ убѣжденіямъ, безпоповской ереси, а именно къ такъ называемому бѣгунству. Внѣшними признаками этого послѣдняго лжеученія служатъ, какъ извѣстно, нехожденіе въ церковь, отказъ отъ совмѣстной изъ одной посуды ѣды и питья, съ лицами, принадлежащими къ поповщинскому толку, рѣзкое обособленіе и отчужденіе отъ лицъ, не раздѣляющихъ ихъ заблужденій, и нѣкоторые другіе внѣшніе признаки, какъ, напримѣръ, отрицательное отношеніе къ спичкамъ и деньгамъ, употребленіе условныхъ выраженій въ своей рѣчи и т. п. Всѣ эти признаки въ болѣе или менѣе опредѣленной формѣ стали проявляться за послѣдніе годы въ обиходѣ плавнинскихъ жителей со времени прибытія къ нимъ Виталіи. Такое прошлое жителей Плавней свидѣтельствуетъ о невозможности проведенія полной аналогіи между Тираспольскимъ преступленіемъ и тѣми проявленіями изувѣрства, которыя въ XVII вѣкѣ проявляли религіозные финатики „старолюбцы", насильственно прекращая свое существованіе въ устраиваемыхъ ими „морильняхъ", „гаряхъ" и въ другихъ формахъ

мучительной смерти. Въ ту, отдаленную пору религіозной нетерпимости, власти дѣйствовали агрессивно, задаваясь цѣлью лицъ, упорствующихъ въ заблужденіяхъ, подвергать жестокимъ „градскимъ казненіямъ“. Религіозному изувѣру въ сущности предлагалось тогда на выборъ—или идти на казнь, устраиваемую имъ властью, или самому, посредствомъ огня, голода или потопленія, накладывать руку на свое бренное существованіе. Ничего подобнаго Тираспольскіе раскольники предъ собою не видѣли. Органы мѣстной власти вполнѣ удовлетворялись условіями ихъ мирнаго и уклонявшагося отъ общей жизни существованія. Въ дѣлѣ, правда, имѣется указаніе на то, что дѣлались попытки къ усиленію народнаго образованія въ этомъ забытомъ углу, но эти мирные пріемы воздѣйствія не достигали намѣченной цѣли и были чужды насилія. Изъ сообщенныхъ попечителемъ Одесскаго округа свѣдѣній видно, что на предложеніе ассигновать суммы на открытіе училищъ, мѣстныя раскольничьи общества отвѣчали отказомъ, ссылаясь на недостатокъ средствъ; когда же мѣстная инспекція училищъ сдѣлала попытку открытія таковаго „въ селѣ Плоскомъ“, то общество составило приговоръ (15 августа 1895 г.), въ которомъ заявило: „мы люди бѣдные, большею частью находимся на постороннихъ заработкахъ, а подростки съ хозяйками несутъ домашнія работы, почему и не можемъ посылать ихъ въ училище, а потому и находимъ училища намъ совершенно не нужны“.

Когда, по поводу народной переписи, власти потребовали заявленія жителей Плавень о своей самоличности, то, встрѣтивъ отказъ, возбудили, какъ увидимъ далѣе, уголовное преслѣдованіе противъ уклоняющихся, по обвиненію ихъ въ бродяжествѣ, и заключили ихъ подъ стражу, но затѣмъ черезъ нѣсколько дней освободили заключенныхъ, въ виду возникшихъ опасеній, что заключенные сектанты изморятъ себя голодомъ. Это лишеніе свободы, во всякомъ случаѣ, не имѣло ничего общаго съ преслѣдованіемъ этихъ лицъ за религіозныя убѣжденія.

Такимъ образомъ, не во внѣшнихъ условіяхъ существованія жителей Плавень надо искать объясненій Тираспольскаго преступленія. Причина его главнымъ образомъ коренится въ личныхъ свойствахъ погибшихъ изувѣровъ и въ душевномъ ихъ настроеніи, сложившемся подъ вліяніемъ общихъ условій жизни, доведшемъ ихъ до рокового конца.

Въ ряду личностей, вложившихся въ это преступленіе и сдѣлавшихся жертвою его, главная роль выпадаетъ, какъ мы сказали уже, на прибывшую со стороны въ Плавни, за шесть лѣтъ до преступленія, лжемонахиню Виталію. Можно съ увѣренностью сказать,

что, не будь ея въ Плавняхъ и не развей она въ нихъ своего религіознаго усердія, Плавни и понынѣ оставались бы однимъ изъ самыхъ скромныхъ и никому невѣдомыхъ, забытыхъ уголковъ Россіи.

Останавливаясь поэтому, прежде всего, на использованіи того слѣдственнаго матеріала, который имѣется въ дѣлѣ для характеристики личности Виталіи и уразумѣнія совершеннаго ею дѣла, приходится отмѣтить, что на основаніи этого матеріала личность ея рисуется въ вполнѣ ясныхъ очертаніяхъ, равно какъ и созданное преступленіе. Изъ отдѣльныхъ штриховъ, выясненныхъ слѣдственной властью, обликъ Виталіи рисуется какъ живой, съ ея убѣжденіемъ въ мимолетномъ значеніи настоящаго, съ ея чуть не буддійскимъ отреченіемъ отъ земныхъ интересовъ, съ ея стремленіемъ найти путь для спасенія души своей и ближнихъ отъ власти воцарившагося на землѣ антихриста, съ ея упрочившеюся въ ней рѣшимостью отречься отъ міра чрезъ самоуничтоженіе. Созданный ею въ Плавняхъ скитъ былъ построенъ на строго аскетическихъ началахъ жизни, и сохранившіеся до насъ отдѣльные признаки его жизни даютъ намъ возможность представить себѣ наше отдаленное историческое прошлое и понять, какъ складывались и какъ существовали тѣ религіозныя ячейки, которыя воплощали въ себя монашескую жизнь нашихъ предковъ. Тѣ поученія, которыя давала въ скитѣ монахиня Виталія, въ качествѣ „евангельской матери", посвященнымъ ею въ монашество жителямъ скита, вполнѣ совпадаютъ съ тѣми изреченіями, которыя сохранили намъ памятники христіанскаго подвижничества древне-русской церкви. Она подобно Петру Черноризцу могла бы сказать и въ дѣствительности говорила только другими словами: „Мертва есть жизнь сія и тяжка, Божья же служба и работа легка и сладка". Подобно чтимымъ Церковью мученицамъ она воодушевлена была убѣжденіемъ, что „окаянный Сихемъ, міръ сей, ничто ино вѣсть, токмо вредити прилѣпляющихся ему... Блаженъ бѣгаяй міра, да не осквернится нечистотами его!" [1]).

Сущность свидѣтельскихъ показаній въ отношеніи прошлаго Виталіи не даетъ обильныхъ данныхъ въ отношеніи раннихъ годовъ ея жизни. Извѣстно только, что она принадлежала къ семьѣ херсонскихъ мѣщанъ Макѣевыхъ, занимавшихся торговлею. Семнадцати лѣтъ отъ роду бѣжала она изъ-подъ вѣнца съ нелюбимымъ человѣкомъ, за котораго хотѣли ее выдать ея родители, и

---

[1]) *В. Кожевниковъ*: О значеніи христ. подвижничества въ прошломъ и настоящемъ. Ч. II, стр. 16.

поступила въ Куреневскій монастырь въ Ольгопольскомъ уѣздѣ. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ пребыванія тамъ она, какъ то выяснено было полицейскимъ дознаніемъ, не вполнѣ однако подтвержденнымъ въ этомъ отношеніи показаніями свидѣтелей, какъ, напримѣръ, показаніемъ Анастасіи Родивонцевой, была оттуда изгнана, вслѣдствіе произведеннаго ею между лже-монахинями раскола. По показаніямъ брата Виталіи Луки Макѣева, сестра его Вѣра, т. е. Виталія, еще въ раннемъ дѣтствѣ, выдѣлялась между другими; любила читать священныя книги и была въ нихъ очень начитана; а 12-ти лѣтъ мечтала о монастырѣ — „такая уже она уродилась", объяснилъ свидѣтель. За нею, года черезъ три-четыре, въ тотъ же монастырь поступила ея мать, „очень любившая Вѣру; мать была больная и вскорѣ въ монастырѣ умерла". Изъ этого монастыря лѣтъ десять-двѣнадцать тому назадъ [1]) Виталія перебралась въ Терновскія плавни, въ усадьбу Александры Ковалевой. На короткое время, проѣздомъ въ Херсонъ, заѣзжала она къ сестрѣ Татьянѣ и уже тогда привозила свою собственную пищу и даже воду и „съ нами (родными) не сообщалась". Она была „весьма неразговорчива и отъ нея ничего нельзя было добиться". Только со времени переѣзда Виталіи въ Плавни, въ усадьбу Александры Ковалевой, фактическія данныя относительно Виталіи представляются обильными и даютъ явственное представленіе о томъ, что такое была Виталія, куда направлялось ея религіозное настроеніе и къ чему оно привело ее. Перекочевала она изъ монастыря въ Плавни не одна, а въ сопровожденіи нѣсколькихъ, такихъ же, какъ она, монахинь, изъ которыхъ нѣкоторыя умерли въ Плавняхъ естественною смертью, другія же оказались заживо погребенными Ѳедоромъ Ковалевымъ (показ. А. Родивонцевой).

Прибытіе Виталіи въ Плавни оказало громадное вліяніе на всю дальнѣйшую жизнь ихъ обитателей и въ частности на семью Ковалевыхъ, пріютившихъ Виталію и ея сподвижницъ. Въ дѣлѣ имѣются обильныя данныя о силѣ ея вліянія, недопускавшаго возможности сопротивленія ему. Кто ближе стоялъ къ Виталіи, тотъ въ большей мѣрѣ и испытывалъ оказываемое ею психическое давленіе, и семья Ковалевыхъ, съ образовавшимися изъ нея семьями, должна была съ неизбѣжностью подвергнуться роковому дѣйствію ея духовной силы. Причины этого явленія кроются главнымъ образомъ въ личныхъ свойствахъ Виталіи. Собранный по дѣлу матеріалъ, какъ то видно будетъ изъ дальнѣйшаго изложенія, даетъ

[1]) Опредѣляя время, свидѣтели сопоставляли его съ моментомъ совершенія преступленія.

основаніе къ заключенію, что она пріобрѣла господство надъ окружавшими ее здѣсь людьми безупречностью ея поведенія, непоколебимой преданностью религіозной идеѣ, большими знаніями многихъ источниковъ богословской литературы и такой діалектикой, побороть которую не въ силахъ были обитатели Плавень, лишенные образованія и даже въ большинствѣ своихъ представителей безграмотные. Молитва, постъ и послушаніе, въ связи съ отрѣшенностью отъ міра, составляютъ символы, характеризующіе монашескую жизнь. Вѣрная аскетическому идеалу, Виталія дала имъ широкое развитіе въ жизни созданнаго ею скита. Уединенность послѣдняго и обособленность отъ личной и общественной жизни обитателей Плавень, не входившихъ въ составъ скита, сказывались во многомъ. Если, какъ мы видѣли, старообрядческое населеніе Плавень чуждалось всякаго общенія съ православными и энергично протестовало противъ попытокъ мѣстной власти расширить въ Плавняхъ школы, то еще въ большей степени отрицательное, можно сказать, враждебное, отношеніе ко всему, стоящему за предѣлами скита, получало особенно рѣзкія очертанія въ жизни послѣдняго. Это отрицательное отношеніе ко всѣмъ иначе мыслящимъ о Богѣ особенно явственно обнаружилось на почвѣ племенныхъ и религіозныхъ различій. Старообрядческій священникъ въ городѣ Тирасполѣ, Григорій Рудаковъ, дѣлалъ попытки убѣдить семью Ковалевыхъ, на основаніи священныхъ книгъ, что они ошибаются, что священство не прекратится до кончины міра, и просилъ живущихъ съ Ковалевыми по сосѣдству передать имъ, что хотѣлъ бы съ ними побесѣдовать и къ нимъ пріѣхать. Ему передали, однако, что Ковалева и ея родичи не хотятъ, чтобы онъ къ нимъ пріѣзжалъ, и что они его къ себѣ не пустятъ. Очевидно, что въ скитѣ Ковалевыхъ господствовалъ тотъ же духъ фанатизма, который побуждалъ издавна раскольниковъ давать всѣмъ единомышленникамъ въ руководство совѣтъ: „бѣги отъ еретика и не говори ему ничего о правовѣріи; только плюй на него“.

Особенно рѣзко проявлялось недружелюбіе Виталіи и ея сподвижниковъ къ обитателямъ Плавень еврейскаго происхожденія. „Я живу почти рядомъ съ усадьбой Назара Ѳомина (въ Плавняхъ), показала Люба Литвакъ (гдѣ были найдены зарытыми 9 труповъ), рядомъ же съ Ѳоминымъ жила Александра Ковалева. Она принадлежала, насколько я, говоритъ свидѣтельница, могла судить, къ старообрядцамъ и терпѣть не могла насъ, евреевъ. Она не имѣла съ нами никакого общенія, и даже покупать у насъ, евреевъ, ничего не хотѣла. Въ виду того, что они такъ ненавидѣли насъ и не имѣли никакого общенія съ нами, я, несмотря на то, что десять

лѣтъ прожила около нихъ, совершенно ничего не знаю о ихъ жизни, а тѣмъ болѣе о томъ, во что они вѣровали и чему поклонялись. Да съ нами, евреями, она и говорить бы не стала о своей вѣрѣ; она даже не брала воды изъ того колодца, которымъ пользовались мы, евреи, такъ они насъ ненавидѣли и ненавидятъ. Александру Ковалеву я иногда видѣла, когда она ходила мимо моего сада къ своей дочери Горзиной, но со мной она никогда не заговаривала, такъ какъ считала это для себя унизительнымъ".

Не менѣе краснорѣчиво о томъ же показалъ свидѣтель Берко Литвакъ.

Если отъ внѣшнихъ признаковъ, характеризующихъ жизнь скита Ковалевыхъ, обратиться къ разсмотрѣнію его внутренней жизни, то легко усмотрѣть въ ней признаки строго подвижническаго существованія. Объ этомъ свидѣтельствовала прежде всего внутренняя организація зданій, въ которыхъ проживали ихъ обитатели. Все принаровлено здѣсь было для того, чтобы отрѣшиться отъ внѣшняго міра и, проводя жизнь въ постѣ и молитвѣ, поддаться религіозному настроенію. Такъ какъ не отъ однихъ только обитателей скита зависѣло порвать всѣ связи съ внѣшнимъ міромъ, и этотъ міръ, когда-нибудь, въ лицѣ частныхъ лицъ или носителей власти, могъ дѣлать попытки общенія съ ними, то необходимость отстраненія этихъ попытокъ заставляла устраивать въ зданіи тайники, въ которые можно было бы въ этихъ случаяхъ удаляться, спасаясь отъ любопытствующихъ. Достаточно привести для примѣра одинъ изъ протоколовъ осмотра зданій, въ которыхъ помѣщались сподвижники для того, чтобы видѣть, какъ велика была у обитателей скита потребность уединенія отъ всего міра. По дополнительному осмотру скита въ усадьбѣ Ковалевой, составленному судебнымъ слѣдователемъ, оказалось: 1) При входѣ въ зданіе скита изъ коридора одна дверь налѣво ведетъ въ общую молельню, а другая дверь, находящаяся напротивъ входной двери, наружной, ведетъ въ темный чуланъ. На правой стѣнѣ этого чулана имѣется окошечко, заслоненное дверкой; это отверстіе имѣетъ въ вышину четырнадцать вершковъ, а въ ширину 10½ вершковъ; ведетъ оно въ тайникъ, имѣющій въ длину шесть аршинъ, въ ширину одинъ аршинъ съ четвертью, высота его три аршина; окошечко это находится отъ пола на вышинѣ трехъ вершковъ. 2) Въ келіи Ѳедора Ковалева, при входѣ въ сѣни, направо имѣется дверь въ келію и прямо другая дверь въ другую келію; въ этой послѣдней келіи имѣется дверка въ тайникъ; высота этой дверки одинъ аршинъ четыре вершка, а ширина одиннадцать вершковъ, длина тайника три аршина, столько же онъ имѣетъ въ высоту, ширина же его одинъ

аршинъ и три вершка. Выходовъ изъ описанныхъ тайниковъ прямо на дворъ не имѣется; оконъ также не имѣется.

Не осложняя изложеніе приведеніемъ другихъ слѣдственныхъ протоколовъ осмотровъ, ограничимся указаніемъ на тѣ соображенія, которыя высказаны были экспертизой по этому предмету на основаніи, главнымъ образомъ, этихъ протоколовъ и показаній Θедора Ковалева.

По заключенію экспертовъ общая моленная или, что то же, келія Виталіи была устроена такъ, что выходы изъ нея въ прилегающія комнаты маскировались двойными стѣнами, представлявшими собою два небольшихъ корридорчика, совершенно незамѣтные для человѣка, незнакомаго съ расположеніемъ помѣщенія. Эти корридорчики соединяли моленную съ другими келіями, а эти послѣднія, въ свою очередь, имѣли сообщеніе съ слѣдующими и т. д. Достаточно было постучать кулакомъ въ стѣну, и живущій въ сосѣдней келіи зналъ, что пора собираться на молитву. Кромѣ того, по указанію Виталіи, Θ. Ковалевъ устроилъ два „тайничка". Тайничекъ — это крошечная комнатка, въ которую ведетъ не менѣе крошечная дверь, величиною въ 3/4 квадратнаго аршина. Въ одной такой комнаткѣ, точнѣе въ ящикѣ, во всю вышину мазанки могло помѣститься 5—7 душъ, а въ другой 10 душъ. Скитяне прятались туда при всякомъ посѣщеніи усадьбы Ковалевыхъ подозрительными (съ ихъ точки зрѣнія, конечно) гостями, въ особенности же полиціей. „Какъ заслышатъ колокольчикъ, такъ сейчасъ и прячутся",—объясняетъ Ковалевъ,—„для этого и законурки были подѣланы. Достаточно было повѣсить на гвоздѣ одежду надъ „тайникомъ" и никому въ голову не придетъ, что тамъ ходъ есть". Къ подробностямъ, не лишеннымъ значенія при описаніи келіи плавнинскихъ скитянъ, нужно отнести также—и то, что во всѣхъ помѣщеніяхъ на верхнемъ косякѣ входной двери и оконъ, были прибиты небольшія полоски бумаги, на которыхъ значилась такая надпись: „Христосъ съ нами уставмя вчера и днесь той же во вѣки". Такая надпись сдѣлана была, по приказанію Виталіи, и надъ дверями А. Ковалевой.

Уединивъ своихъ сподвижниковъ и обособивъ ихъ отъ всего міра, Виталія всѣми имѣвшимися въ ея распоряженіи средствами стремилась къ подчиненію себѣ обитателей скита, путемъ развитія дисциплины и вселенія въ нихъ убѣжденія, что слово ея истинно, и что не преклоняться предъ нимъ невозможно. Особенно явственно выразилась, на первыхъ же порахъ, сила вліянія Виталіи на матери Θедора Ковалева — Александрѣ Ковалевой. По словамъ Θедора Ковалева „въ первые годы своего пребыванія у насъ въ

усадьбѣ Виталія не ограничивалась тѣмъ, что молилась у себя въ келіи; хотя изрѣдка, но она посѣщала старообрядческую церковь въ Тираспопѣ или Бендерахъ, главнымъ образомъ, въ Бендерахъ. Но послѣднія лѣтъ пять она совсѣмъ перестала посѣщать церковь. Что побудило ее оставить церковь, дальность ли разстоянія или иныя какія-либо соображенія, я съ точностью сказать не могу, но судя по тѣмъ бесѣдамъ, которыя она вела съ моею матерью, я думаю, что она перестала ходить въ церковь въ силу измѣнившихся взглядовъ на нее и на ея служителей. Какъ потому, что мать моя была женщина набожная, такъ и потому, что съ теченіемъ времени она сближалась съ Виталіей все больше и больше, она очень часто заходила къ Виталіи и вступала съ нею въ религіозныя бесѣды, и вотъ во время этихъ бесѣдъ, Виталія стала ее убѣждать, что церковь и священнослужители не нужны вовсе, что человѣкъ самъ себѣ церковь, что въ церквахъ приходится сталкиваться съ солдатами, которые ведутъ знакомство съ жидами, армянами и другими людьми и ѣдятъ съ ними по трактирамъ и инымъ мѣстамъ, что нѣсколько лѣтъ назадъ одинъ епископъ изъ Куриневскаго монастыря близъ Балты, по имени Кириллъ, отрекся было отъ церкви, а затѣмъ опять поступилъ, что этимъ онъ вызвалъ распри въ народѣ и побудилъ многихъ не ходить больше къ нему. Вообще, Виталія проводила ту мысль, что въ церковь нельзя ходить, но съ точностью объяснить вамъ, почему Виталія говорила, что въ церковь нельзя ходить, я не умѣю; я передаю лишь то, что слышалъ отъ матери. Старица Виталія оказывала сильное вліяніе своими поученіями не только на мать, но и на всѣхъ остальныхъ, кто соприкасался съ нею; всѣ ея слушались и всѣ ей подчинялись. Естественно, что и мать подпала подъ ея вліяніе и, вотъ года три или четыре назадъ, мать стала убѣждать меня и другихъ близкихъ себѣ, что по словамъ матушки Виталіи не слѣдуетъ ходить въ церковь и почитать священнослужителей, не слѣдуетъ сближаться съ людьми, которые вращаются въ мірѣ по кабакамъ и трактирамъ, и ѣсть и пить изъ одной посуды съ ними, не слѣдуетъ даже ѣсть ту пищу, которую ѣдятъ такіе люди. Нѣкоторые изъ нихъ согласились съ этимъ, вѣрили, что такъ и слѣдуетъ поступать. Къ числу такихъ относились я, съ женою, семья Ѳомина, сестра Ульяна и братъ Димитрій, братъ же Увеналій, Ермолай Горзинъ съ женою и нѣкоторые изъ свойственниковъ, какъ-то Соловьевы и др. напротивъ утверждали, что все это бабская болтовня и „путаница“, выполнять которую не слѣдуетъ. Проникшись совѣтами, преподанными матерью со словъ старицы Виталіи, я съ женою и Ѳомины перестали ходить въ

церковь и ѣсть изъ той посуды, изъ которой ѣли и пили люди, вращавшіеся въ мірѣ, мало того, мы перестали ѣсть одну пищу съ ними. Поэтому, когда мнѣ, напр., и моей женѣ случалось навѣщать Соловьевыхъ, или когда они пріѣзжали къ намъ, мы ѣли и пили врозь, но дальше этого мы не шли; мы поступали во всемъ остальномъ согласно вѣрѣ и древняго православія; читали тѣ же молитвы и молились такъ же. Независимо бесѣдъ съ матерью, мнѣ приходилось выслушивать тѣ же назиданія и лично отъ старицы Виталіи, но только въ послѣднее время, да и то крайне рѣдко".

Уединенная жизнь скита не была, однако, абсолютно таковой. Изъ показаній того же Ковалева видно, что „Виталія, примѣрно до послѣднихъ двухъ лѣтъ, временами отлучалась изъ усадьбы иной разъ на недѣли, а иной разъ и на мѣсяцы; куда она отлучалась и за чѣмъ, она намъ не объясняла. Возвращалась она всегда одна. Никакихъ странницъ съ собой она не приводила. Но въ теченіе всего времени пребыванія у насъ Виталіи, къ намъ въ усадьбу приходили многія странницы изъ Тирасполя, изъ Бендеры и изъ другихъ неизвѣстныхъ мнѣ мѣстъ, и всѣ они, съ разрѣшенія моей матери, помѣщались въ свободныхъ келіяхъ, иногда отдѣльно, а иногда и по нѣсколько душъ вмѣстѣ. Были ли между ними знакомыя Виталіи, такія, которыя знали ее раньше, не умѣю вамъ сказать. Иныя изъ нихъ пристраивались у насъ на болѣе и менѣе продолжительное время—на мѣсяцы и годы, а инымъ, которымъ житье у насъ почему-то не понравилось, уходили скоро въ другія мѣста. Всѣ странницы и странники, жившіе у насъ въ усадьбѣ, вели совершенно такой же образъ жизни, какъ и старица Виталія, всѣ они проводили цѣлые дни въ келіяхъ въ молитвѣ; въ работы по хозяйству не вдавались и съ мірянами сталкивались лишь по стольку, по скольку это нужно было для религіозныхъ бесѣдъ съ ними, напримѣръ, въ случаяхъ, когда нужно было помолиться за нихъ, или въ случаяхъ, когда являлась надобность въ томъ или другомъ совѣтѣ. Жили они также подаяніями и тою помощью, какую оказывала имъ наша семья".

„Представительницей всей братіи: странницъ и странниковъ была старица Виталія. Она была женщина грамотная и болѣе другихъ знающая, при томъ она раньше другихъ поселилась у насъ и потому, естественно, всякая вновь прибывающая подпадала подъ ея вліяніе, слушалась ея назиданій и вполнѣ подчинялась ей. Всѣ они проводили время въ молитвѣ, но это не значитъ, что они безпрерывно молились; они сами себѣ готовили пищу къ обѣду, а иногда и къ ужину; кромѣ того требовалось время на отдыхъ. Для молитвы

было установлено извѣстное время; днемъ читались часы, затѣмъ вечеромъ передъ тѣмъ, какъ вечерять, читались каноны и вечерня, предъ сномъ читалась спальная молитва, а въ ночное время, предъ тѣмъ, какъ приходилось вставать, читалось 12 псалмовъ. Кромѣ того, въ разное время дня и ночи приходилось читать нѣкоторымъ изъ нихъ, тѣмъ именно, которые получали отъ кого-либо подаяніе, канонъ за творящихъ милостыню. Наконецъ, существовала еще молитва подъ названіемъ „Неугасимая". Въ случаѣ, когда въ семьѣ кто-либо умретъ, родственники умершаго давали странницамъ и монашенкамъ, по меньшей мѣрѣ, восемьдесятъ рублей съ тѣмъ, чтобы онѣ молились за умершаго, и онѣ молились по-очереди ежедневно въ теченіе шести недѣль, за исключеніемъ воскресныхъ дней, и такая молитва называлась „неугасимою". Источникомъ для такой молитвы служилъ псалтырь, и каждая молящаяся, соблюдая свою очередь, должна была молиться 3 часа. Всѣ молитвы, которыя Виталія и странницы читали, какъ въ теченіе дня предъ обѣдомъ, предъ вечеромъ и предъ сномъ, такъ и тѣ, которыя приходилось читать за творящихъ милостыню, совершенно такія же, какъ и у старообрядцевъ древняго православія. „Неугасимая" тоже существуетъ у послѣднихъ, такъ что въ этомъ отношеніи никакой разницы въ исповѣданіи, коему слѣдовали Виталія и ея сподвижницы, съ нашими старообрядцами я не замѣчалъ. Въ будніе дни каждая странница молилась у себя въ келіи, а если странницъ въ одной келіи было нѣсколько, то онѣ молились сообща. Въ воскресные же дни и въ праздники всѣ странницы собирались на молитву въ келіи Виталіи. Въ этой комнатѣ у стѣны имѣлась доска, на эту доску ставилась икона, у иконы зажигались восковыя свѣчи, и сама Виталія или одна изъ странницъ начинала читать молитвы, а остальныя слушали".

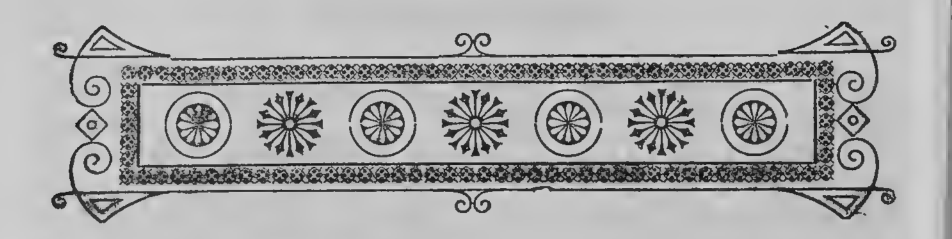
Нѣкоторыя изъ странницъ были женщины совсѣмъ неграмотныя, такія, которыя не умѣли даже читать; эти женщины молились по кожаннымъ лестовкамъ (четкамъ). Вся молитва ихъ сходилась лишь къ произношенію слѣдующихъ словъ: „Господи Іисусе Христе сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго" или „Владычица моя Пресвятая Богородица, помилуй мя грѣшнаго".

„По произнесеніи тѣхъ или другихъ изъ приведенныхъ словъ слѣдовалъ поклонъ. Такихъ словъ или поклоновъ подлежало произнесть и учинить ежедневно тысячу, а дабы не сбиться, то и придуманы были „лестовка" и „счетка". Лестовка—это кожанная или полотняная полоска со ста шариками, сшитая концами въ видѣ кольца. По учиненіи каждаго поклона, молящійся передвигаетъ палецъ съ одного шарика на другой и, такимъ образомъ, знаетъ

сколько поклоновъ онъ учинилъ въ каждый данный моментъ. Когда онъ переберетъ сто шариковъ, т.-е. учинитъ сто поклоновъ, то отмѣчаетъ это на счеткѣ, которая представляетъ собою желобъ съ продольной проволокой, на которой нанизаны десять шариковъ; каждый шарикъ соотвѣтствуетъ одной лестовкѣ, и, такимъ образомъ, десять шариковъ, будучи передвинуты съ одного конца на другой, покажутъ, что учинено тысяча поклоновъ.

В. Случевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).



Дневникъ статсъ-секретаря Григорія Ивановича Вилламова.

1810 г.[1]).

Іюнь. 14 вторникъ. Императрица меня потребовала въ 12 часовъ и приказала мнѣ передать причину, по которой меня безпокоятъ—я понадобился для отправки письма герцогу Людвигу Виртембергскому, которое я долженъ былъ послать барону Пенцъ, увѣдомивъ сего послѣдняго, что Государь соизволилъ на отставку герцога (онъ былъ исключенъ изъ списковъ), съ открытіемъ военныхъ дѣйствій противъ Франціи. Герцогъ Людвигъ находился на нашей службѣ, и не говоря ни слова отправился въ Виртембергъ и поступилъ на службу къ своему брату королю. Баронъ Пенцъ недавно пріѣхалъ по порученію герцога Людвига (который самъ пріѣхалъ въ Курляндію въ Вюрцау) и передалъ въ прошлую субботу 11-го іюня письмо отъ герцога къ Императрицѣ, въ которомъ онъ проситъ ходатайства Императрицы у Государя о полученіи формальной отставки.

Послѣ этихъ писемъ зашелъ разговоръ о болѣзни дочери Государя (Зинаида, дочь Нарышкиной), которая, какъ говорила Императрица, была больна безнадежно. Императрица очень сожалѣла Государя, говоря, что хотя связь эта достойна порицанія, но нельзя хулить Государя за привязанность къ его дѣтямъ и напротивъ было бы дурно, если бы этой привязанности не было, такъ какъ тогда связь имѣла бы нѣчто животное; потомъ сказала она еще, что Императрица

---

[1] См. „Русская Старина“ сентябрь 1912 г.

Елисавета могла бы порвать эту связь, что у ней въ рукахъ были средства, что она себя должна упрекать во многомъ, что она можетъ быть въ настоящее время плачетъ горькими слезами, но она грубила Императору, но что они были оба виноваты; вотъ что значитъ женить дѣтей; что она увѣщевала Императрицу Елисавету и говорила ей, что у нихъ дѣло пойдетъ нехорошо.

15 среда. Я былъ дежурнымъ. Разговоръ перешелъ вновь на болѣзнь дочери Императора, и Императрица вновь заговорила о Императрицѣ Елисаветѣ, хвалила ея умъ, но замѣтила, что ей есть въ чемъ во многомъ упрекнуть себя, и конечно теперь страдаетъ, по своей винѣ, такъ какъ она могла устранить эту связь, и даже теперь еще могла бы снова привлечь къ себѣ Государя, если бы захотѣла; но что она была очень груба; даже во время коронаціи она вспылила противъ него; что когда онъ подходилъ къ ней поговорить или поцѣловать, она дѣлала грубости, что наконецъ нельзя безнаказанно отстранять мужа, что Императоръ оказываетъ ей уваженіе и вниманіе, все, что она желаетъ или полагаетъ, что ей будетъ пріятно, онъ дѣлаетъ, что она имѣетъ большую власть надъ нимъ, и онъ считаетъ одной изъ важныхъ причинъ, сказавъ: Моя жена хочетъ этого, жена желаетъ этого. Но она съ нимъ обращалась дурно, и вотъ что выходитъ отъ бракосочетанія дѣтей. Если бы Императоръ и Императрица сочетались бракомъ въ 20 лѣтъ, они были бы счастливы; наконецъ, что они виноваты оба, и что Императоръ былъ вынужденъ искать связи на сторонѣ. Императрица могла бы помѣшать этому; Императоръ ей говоритъ все, говоритъ ей о своихъ дѣтяхъ, она знаетъ все. Я позволилъ себѣ замѣтить, что подобныя признанія не могутъ подѣйствовать къ измѣненію образа отношеній Императрицы. О! отвѣтила мнѣ Императрица, ей до этого все равно. Несмотря на увѣренія Ея Величества, я готовъ вѣрить, что несчастная женщина проглатываетъ свое горе, слушая эти прекрасныя признанія, но я понимаю, что ласки мужа должны быть ей противны, когда она подумаетъ, что можетъ быть за пять минутъ передъ тѣмъ онъ расточалъ другой еще нѣжнѣйшія. Императрица выражала еще сожалѣніе, что она не можетъ навѣстить больного ребенка, потому что воспользуются этимъ случаемъ для злословія. Я согласился, что это не идетъ. Она очень сожалѣла Императора, за столомъ кромѣ Віолье никого не было.

16-го четвергъ. Окончивъ утреннюю работу, я началъ составлять письмо, которое я намѣренъ былъ представить Императрицѣ, прося ее объ увольненіи меня отъ службы при ней.

Я не могу существовать, не имѣя собственнаго состоянія, на то жалованье, которое я получаю, имѣя 6 человѣкъ дѣтей, ожидая 7-го

при необходимости держать экипажъ. Императрица вѣроятно полагала, что я широко оплаченъ, и не думаетъ о моихъ нуждахъ. Конечно, она могла бы мнѣ испросить аренду, которая принесла бы мнѣ дѣйствительную пользу... Но испроситъ ли она!

Земли, пожалованныя мнѣ Государемъ 3 года назадъ, не могли быть мною получены, потому что ихъ назначили въ Иркутской губерніи и вслѣдствіе заявленій сибиряковъ изданъ указъ, которымъ воспрещалось давать земли впредь до общаго размежеванія, это состоится можетъ быть черезъ сто лѣтъ, такъ что въ сущности я ничего не получилъ. Я попрошу Императрицу разрѣшенія дать другой ходъ службы, пока еще не поздно, или возвратить меня въ департаментъ иностранныхъ дѣлъ съ содержаніемъ соотвѣтственнымъ моему чину. Кажется, я желаю не многаго.

Я объясню ей все подробно; если же она пожелаетъ непремѣнно оставить при себѣ, то она должна что-либо дѣлать, чтобы дать мнѣ дѣйствительныя выгоды. Потому что, перемѣнивъ службу, я могу имѣть другія занятія, болѣе выгодныя.

Я ничего проиграть не могу, между тѣмъ теперь года уходятъ, здоровье тоже; я постоянно занятъ и ни одной минуты нѣтъ для себя.

17 пятница. Сегодня въ 10 часовъ меня потребовали; между прочимъ, она прочла приготовленную мною записку о состояніи счетовъ Александровской мануфактуры. Оказался дефицитъ въ 354 тысячи. Между разными предложеніями объ усиленіи средствъ мануфактуры я предложилъ, чтобы казна отдавала ей всю англійскую бумажную пряжу, которая будетъ конфисковаться, такъ какъ всѣ англійскіе товары воспрещены. Мысль эта понравилась Императрицѣ, но я замѣтилъ, что врядъ-ли будутъ очень добросовѣстны въ доносахъ на этотъ счетъ, и вѣроятно ничего не найдутъ для конфискаціи. Потомъ разговоръ перешелъ на Императрицу Елисавету, и она еще говорила о виновности ея. Относительно Императора она сказала, что у него есть добродѣтели, которыя въ немъ не сознаютъ, что видятъ только то, за что можно обвинять, но не видятъ того, что его оправдываетъ, что онъ способенъ на такое великодушіе, о которомъ понятія не имѣютъ, и никто этого не предполагаетъ въ немъ, что онъ добръ и проч. Она его глубоко жалѣетъ. Ребенокъ боленъ безнадежно и только еще борется со смертью. По докладу Крейтона ему осталось только нѣсколько дней жизни. И самъ Государь сказалъ своей Августѣйшей матери, что все скоро кончится. Это младшая изъ дочерей. Относительно старшей Императрица сказала мнѣ, что просто неприлично: это вылитая бабушка. Обѣдалъ у Императрицы. Снова началъ дневникъ съ 16-го іюня.

Сегодня пріѣхалъ Нелединскій съ дочерью изъ Москвы и тоже обѣдали у Императрицы. Она красивѣе своей старшей сестры, княжны Оболенской, хотя онѣ очень похожи другъ на друга. Передъ обѣдомъ Императрица обходила со мной помѣщеніе, приготовленное для В. К. Екатерины Павловны.

Гревницъ былъ тоже съ нами. Возвратившись, мы были оба приглашены Императрицею, и поднялся снова вопросъ объ управленіи г. Павловскомъ и о истраченныхъ суммахъ, которыя не слѣдовало трогать, что подало поводъ Императрицѣ къ нападкамъ на Степана Сергѣевича Ланского. Напрасно замѣтилъ, что если нѣтъ ни копейки въ кассѣ, надо было тронуть эти суммы, и если даже Гревницъ возмѣстилъ эти деньги изъ суммъ правленія и оставилъ бы безъ копейки, то въ этомъ тоже былъ бы виноватъ Ланской, ему запретили... и проч.

Привели исторію квитанціи, выданной поставщику дровъ, въ которой обозначено количество втрое больше поставленнаго... и опять еще Ланской. Я сказалъ, что и Гревницъ не открылъ бы этого, если бы мужикъ самъ не пришелъ заявить объ этомъ. Наконецъ она сказала, что Ланской долженъ былъ, говорятъ, повѣрить, разсматривать счеты и проч... Я сказалъ ей, что Ланской и не видѣлъ ничего, кромѣ тѣхъ счетовъ, которые приносили ему, а чтобы видѣть все, надо сидѣть въ правленіи, а не проводить все время во дворцѣ, наконецъ я желаю видѣть, какимъ образомъ провѣритъ Гревницъ, что въ теченіе 3-хъ недѣль могли сжечь 2500 четвертей угля во дворцѣ. Императрица обратилась къ Гревницу, онъ подтвердилъ этотъ фактъ, она страшно возмутилась. Я продолжалъ, что Кротовъ сталъ ближе всего къ этому и все происходитъ на его глазахъ, а онъ проводитъ свое время, бѣгая по кухнямъ, тѣмъ не менѣе первый же свалитъ свою вину на Ланского, потому что самое покойное это сваливать всегда свою вину на другихъ. Я сознаюсь, что эти постоянныя обвиненія бѣднаго Ланского мнѣ надоѣли, и я сталъ горячиться. Когда мы выходили, мнѣ Гревницъ сказалъ: это называется говорить, и я весьма доволенъ, что Вы подняли вопросъ объ угольяхъ. Онъ сказалъ тоже Императрицѣ, что всѣ оправдывались тѣмъ, что все приказывалъ Ланской, что все были словесныя приказанія Ланского, но что ему кажется невѣроятнымъ, чтобы для уплатъ изъ суммъ, принадлежащихъ казнѣ, Ланской далъ бы только словесное приказаніе.

Г-нъ Нелединскій оставилъ Вел. Кн. Екатерину въ Вышнемъ Волочкѣ, она должна, какъ мнѣ сказала Императрица, прибыть 5-го іюля.

18 суббота. Сегодня въ „Сенатскихъ Вѣдомостяхъ“ объявлено объ утвержденіи духовнаго завѣщанія помѣщика Виленской губерніи Игнатія Карпи, который далъ вольную 7000 крестьянамъ, но безъ земли; имъ дано право пріобрѣсти землю, перемѣнить мѣсто жительства или работать по контракту на землѣ, гдѣ они живутъ и которая переходитъ къ его наслѣдникамъ. Но впрочемъ крестьяне подлежатъ рекрутской повинности и прочимъ повинностямъ и податямъ наравнѣ съ казенными крестьянами. Я узналъ отъ Гревница, что дочь Государя Зинаида скончалась вчера.

Вечеромъ я почти окончилъ свое письмо къ Императрицѣ.

19-го воскресенье. Сегодня я дежурилъ. Къ 11 часамъ я прибылъ во дворецъ. Тамъ были члены совѣта воспитательнаго дома: Саблуковъ, графъ Салтыковъ, Тутолминъ, Митусовъ и Давыдовъ. Салтыковъ вошелъ первый къ Императрицѣ, которая его потребовала, но я не пошелъ. Когда тотъ вышелъ, вошелъ я, и Императрица спросила меня, что я дѣлалъ? Я отвѣтилъ, что дожидался въ кабинетѣ.—Вы думали, продолжала она, что у меня были секреты, этого вовсе не было; но между тѣмъ Императрица имѣла видъ заплаканный. Она сказала мнѣ: кажется видно, что я сегодня не въ духѣ. Въ эту минуту видно было, что она взволнована. Я колебался, какъ отвѣчать, но кончилъ тѣмъ, что сказалъ, что лицо у ней краснѣе обыкновеннаго, чтобы дать понять, что надо ей оправиться до прихода Саблукова. Я убѣдился, что поступилъ умно, не войдя вмѣстѣ съ гр. Салтыковымъ. Я узналъ отъ Саблукова, что въ Стокгольмѣ былъ безпорядокъ при ввозѣ тѣла принца Голштинскаго, выбраннаго наслѣднымъ принцемъ. Графъ Ферзенъ, канцлеръ, былъ растерзанъ народомъ, что народъ совершилъ всевозможныя безчинія, и принуждены были употребить въ дѣло войска и стрѣлять, много было убитыхъ, пока не водворили порядокъ. Народъ подозрѣвалъ неестественную смерть принца.

Сегодня представлялся генералъ Армфельдъ, адъютантъ его маіоръ Клефельдъ и офицеръ датской службы баронъ Кнутъ.

Послѣ обѣда Армфельдъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ по-французски, что Императрица разрѣшила ему осмотрѣть институты, но узнавъ отъ Саблукова или Тутолмина, что я говорю по-шведски, вновь подошелъ ко мнѣ, и мы разговорились на шведскомъ языкѣ. На балѣ маіоръ Клефельдъ подтвердилъ грустную новость о происшествіи въ Стокгольмѣ. Я спросилъ, не было ли другихъ несчастій, кромѣ катастрофы съ гр. Ферзеномъ, онъ отвѣтилъ, что кромѣ убитыхъ войсками другихъ несчастій не было. Я спросилъ также, нѣтъ ли какихъ основательныхъ подозрѣній по поводу смерти принца, онъ увѣрялъ, что нѣтъ, что всѣ донесенія по этому поводу

даже датскихъ врачей, которымъ разсчетъ не молчать, если бы они нашли что-либо, всѣ единогласно утверждаютъ, что смерть произошла отъ удара. При вскрытіи нашли воду въ головѣ.

Императрица говорила мнѣ еще утромъ, какъ она сожалѣетъ Государя, и что онъ очень несчастливъ, что онъ огорченъ смертью своей дочери и вчера плакалъ, какъ ребенокъ.

Разсказывали, что король Густавъ-Адольфъ IV исчезъ отъ своей супруги, написавъ только, чтобы она продолжала воспитывать дѣтей, какъ знаетъ (или какъ воспитывала), а что онъ идетъ на произволъ судьбы. Императрица повторила тоже это извѣстіе, но не подтверждала. Армфельдъ пріѣхалъ сюда по поводу устройства своихъ имѣній въ Финляндіи, вотъ вѣроятное объясненіе его пріѣзда, но нѣтъ ли кромѣ того порученія отъ шведскаго правительства, и его порученіе не касается ли принца и В. К. Екатерины. Увидимъ. Маіоръ Клефельдъ говоритъ, что они пробудутъ около мѣсяца; В. К. должна пріѣхать 5 іюля.

20 понедѣльникъ. Утро просидѣлъ за бумагами. Императрицу не видалъ.

21 вторникъ. Прибылъ во дворецъ въ 10 часовъ, а въ $10^1/_2$ час. сопровождалъ Императрицу на маленькую прогулку, послѣ которой сѣли за работу.

Она подписала записку о счетахъ Александровской мануфактуры и приказала мнѣ ѣхать сегодня въ городъ и представить ее завтра Государю. Также приказала заготовить представленіе о награжденіи Вильсона орденомъ Св. Анны и другое, въ которомъ засвидѣтельствовать передъ Государемъ о ревностной службѣ Бетанкура по Александровской мануфактурѣ.

Она отложила нѣкоторыя бумаги и послѣ обѣда подписавъ прислала ихъ ко мнѣ вмѣстѣ съ письмами для отправки на почту.

Я окончилъ свое письмо къ Императрицѣ, вложивъ въ конвертъ вмѣстѣ съ слѣдующей запиской:

„Я осмѣливаюсь изложить письменно то, на что у меня не хватитъ храбрости сказать Вашему Императорскому Величеству, и повергаю къ стопамъ Вашимъ, въ прилагаемомъ при семъ письмѣ, съ чувствомъ тѣмъ болѣе тяжелымъ и горестнымъ, что ничего не можетъ сравниться съ таковымъ же благодарности, преданности и уваженія, съ которыми есмь [1])“...

---

[1]) J'ai pris la liberté de mettre par écrit ce que je n'aurais pas eu le courage d'exposer de bouche V. M. I-le déposer à ses pieds, dans la lettre si-jointes avec les sentiments d'autant plus pénibles et douloureux que rien égale ceux de gratitude du dévoument et de vénération avec les quels je suis.

Я приказалъ своему лакею снести это письмо завтра во дворецъ, а самъ уѣхалъ въ Петербургъ.

22 среда. Я поѣхалъ въ Зимній дворецъ и передалъ камердинеру записку для Государя и поручилъ спросить, когда мнѣ прикажетъ пріѣхать съ бумагами. Черезъ два часа я получилъ приказаніе пріѣхать на Каменный островъ въ 3 часа съ четвертью. Пользуясь свободнымъ временемъ, я написалъ письмо Лунину на счетъ Павловскаго госпиталя и замѣчанія, сдѣланныя Лодеромъ, письмо къ Саблукову и приказъ Віолье на счетъ пенсій и все это адресовалъ на имя Вольфа. Потомъ пошелъ въ уборную Императрицы, согласно ея приказу разыскивать рисунки, но ихъ тамъ не нашелъ. Послѣ этого отправился къ канцлеру графу Румянцеву исполнить порученіе Ея Величества.

Онъ мнѣ сказалъ, что курьеръ, который долженъ былъ быть отправленъ въ Парижъ, задержанъ въ виду того, что онъ узналъ изъ частнаго письма отъ Нессельроде, что скоро будетъ отправленъ курьеръ отъ кн. Куракина, приготовляющаго свои египетскія пирамиды. Относительно мануфактуры онъ выказалъ много предупредительности и готовности сдѣлать что-нибудь въ пользу ея. Но что касается мысли о передачѣ конфискованной бумажной пряжи, онъ возразилъ, что все конфискованное теперь обращается въ собственность казны; если этотъ продуктъ будетъ въ большомъ количествѣ, то министръ финансовъ и самъ Государь захотятъ его оставить въ пользу казны; если количество малое, то мануфактурѣ не будетъ пользы. Онъ поручилъ передать Императрицѣ его просьбу, чтобы она указала 4, 5 или 6 отдѣльныхъ статей, на которыхъ бы онъ могъ остановить вниманіе, чтобы посмотрѣть, на что можно согласиться.

Потомъ я былъ въ Смольномъ для приглашенія г. Адлербергъ отъ имени Ея Величества въ кумушки (zu Gevetter—шутка Ея Величества) къ калмычкѣ Маріи Петровой (воспитанницѣ Смольнаго, которая забеременѣла отъ швейцара Карманова и была изгнана за это). У ней родился сынъ (въ воспитательномъ домѣ, гдѣ она лежала подъ особымъ попечительствомъ Килевейна по приказанію Императрицы).

Остальное время я провелъ у сестры, которая очень удивилась, узнавъ, что мое письмо уже послано къ Императрицѣ, и утромъ еще писала мнѣ, совѣтуя мнѣ быть твердымъ. Она сказала мнѣ, что писала Императрицѣ Елисаветѣ и увѣдомила ее о предпринимаемомъ мною шагѣ. Она еще передъ этимъ говорила съ ней обо мнѣ и моемъ положеніи, равно какъ о моемъ желаніи видѣть себя освобожденнымъ и только что отправила ей длинное посланіе, какъ

она узнала, когда была прошлый разъ въ городѣ, что я принялъ рѣшеніе и желаю отнюдь не безпокоить Государя.

Вотъ объ этомъ Императрица упоминаетъ въ своемъ письмѣ къ сестрѣ моей по поводу старухи-генеральши Герсдорфъ, и прибавляетъ: „Я не могу отказать себѣ въ удовольствіи сказать Вамъ, что я вполнѣ одобряю принятый Вашимъ братомъ способъ веденія своего дѣла. Поведеніе его соотвѣтствуетъ истинной правдивости и честности и, такъ какъ Вы имѣли ко мнѣ достаточно довѣрія, повѣривъ мнѣ различныя предположенія Ваши по этому поводу, я позволяю себѣ высказать мое мнѣніе [1]". Это лестное свидѣтельство меня крайне порадовало. Возвратясь домой, я донесъ Императрицѣ объ исполненіи данныхъ мнѣ порученій съ увѣдомленіемъ, что я завтра пріѣду въ Павловскъ, чтобы она не подумала, что я останусь въ Петербургѣ ожидать ея рѣшенія.

Потомъ я поѣхалъ на Каменный островъ. Я заѣхалъ въ Зимній дворецъ и встрѣтилъ Віолье, котораго просилъ помочь найти оружіе для В. Кн. Николая. Пріѣхалъ на Каменный къ 3-мъ часамъ. Государя не было, онъ вернулся только къ 4-мъ и принялъ меня.

Онъ спросилъ, что можно сдѣлать для мануфактуры, чтобы возмѣстить торговые убытки, о которыхъ упоминалось въ запискѣ, я не могъ ему дать положительнаго отвѣта. Онъ сказалъ мнѣ: „если бы вы что-нибудь придумали, то сообщите мнѣ". Онъ съ удовольствіемъ пожаловалъ крестъ Вильсону и высказалъ похвалы Бетанкуру. Онъ оставилъ у себя записку Вильсона о Бобровѣ, сынѣ рабочаго изъ Тулы, чтобы дать повелѣніе министру финансовъ объ исключеніи его изъ подушнаго оклада, согласно просьбѣ. Онъ нашелъ просьбу Кусова объ освобожденіи его отъ новыхъ выборовъ справедливой и обѣщалъ не забыть этого.

Онъ разрѣшилъ Императрицѣ передать астраханскому губернатору бывшаго воспитанника заведенія для сиротъ военныхъ Львова (кажется, сына его). Онъ отказалъ наотрѣзъ въ просьбѣ г-жи Маскле, бывшей Ржевской, которая желала, чтобы сынъ ея Павелъ былъ назначенъ адъютантомъ къ Его Величеству, а о другомъ, чиновникѣ въ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ, чтобы его вновь взяли ко двору и уволили на годъ въ отпускъ.

---

[1]) Je ne saurait me refuser le plaisir de Vous dire, Madame, que j'approuve extrêmement la conduite que Monsieur votre frère se propose de tenir dans l'affaire qui le regarde personnellement. Elle est conforme à la droiture et la loyauté la plus parfaite et puisque Vous avez eu assez de confiance en moi pour me faire fort des differents projets que Vous avez eu à cet égard, je me crois permis de Vous dire mon opinion etc.

Государь отозвался о первомъ, какъ о негодяѣ, пропитанномъ дурной болѣзнью, и что онъ низачто на свѣтѣ не желаетъ его имѣть своимъ адъютантомъ. О другомъ онъ сказалъ, что просьба взять на службу, чтобы уволить въ отпускъ, не имѣетъ здраваго смысла.

Возвратясь домой, я нашелъ ружье и пару пистолетовъ, присланныхъ отъ Віолье. Вечеръ провелъ у сестры, прочелъ ей мое письмо къ Императрицѣ, она его нашла отлично написаннымъ.

23 четвергъ. Я думалъ, что Императрица напишетъ мнѣ по поводу моей просьбы, но ничего не было сдѣлано. Не безъ волненія ожидалъ я встрѣчи съ ней. Думалъ также, что, можетъ быть, напишетъ Государю, зная, что я буду у Него. Наконецъ, мнѣ пришло въ голову третье предположеніе, что она вовсе не будетъ говорить объ этомъ и оставитъ такъ. Тогда придется снова подымать вопросъ.

Пріѣхавъ въ Павловскъ, я тотчасъ же, взявъ съ собой оружіе и телескопъ для В. Кн. Николая, отправился во дворецъ. Черезъ 32 минуты Императрица приняла меня. Я замѣтилъ въ ней нѣкоторое замѣшательство, которое я чувствовалъ и самъ. Она вопервыхъ спросила, что мнѣ сказалъ Государь? Я доложилъ. Она просмотрѣла нѣсколько бумагъ, привезенныхъ мною, поблагодарила за оружіе и кончила словами: — Остальное можетъ остаться до завтра [1]). Такъ это было отложено до послѣ обѣда, я былъ огорченъ, и такъ какъ она не добавила сказанное приглашеніемъ къ обѣду, я понялъ, что мнѣ не слѣдовало оставаться.

Послѣ обѣда я зашелъ къ г-жѣ Дивовой, чтобы спросить, не слыхала ли она о моемъ письмѣ. Она увѣрила меня, что ничего не говорили объ этомъ, а когда я сказалъ ей, что Императрица получила его въ 9 час. утра, она воскликнула: „Какая лукавая!“ Она говорила мнѣ, что Императрица очень хвалила меня (вѣроятно, чтобы узнать, извѣстно ли Дивовой о письмѣ, вотъ почему былъ возгласъ „Какая лукавая“), и что, конечно, я могу получить гораздо болѣе, нежели состоя при ней. Я прочелъ Дивовой мою просьбу и разсказалъ про корреспонденцію моей сестры съ Императрицей Елисаветой и показалъ письмо послѣдней. Я принялся за журналъ съ 21-го. Въ городѣ много говорили о мирѣ съ Турціей. Говорили, что мы требуемъ присоединенія Молдавіи и Валахіи и 200 милліоновъ піастровъ. Меня увѣрили, что это требованіе дѣлается всегда, но никогда не требовали исполненія, но что Государь хочетъ дѣйствительно все это потребовать или, мо-

---

[1]) Le reste peut rester à demain.

жетъ быть, менѣе, потому что требуютъ много для того, чтобы уступить.

Дѣла въ Испаніи идутъ нехорошо; увѣряютъ, что Викторъ опасно раненъ при Кадиксѣ, съ котораго должна быть даже снята осада. Ней, кажется, разбитъ Велингтономъ, и Массена имѣлъ неудачное дѣло и что войска французскія отказались идти впередъ. Дай Богъ, чтобы это была правда. Я начинаю думать, что Императрица ведетъ мое дѣло тихо и дружественно; увидимъ, что скажетъ завтра. Гревницъ былъ у меня и по крайней мѣрѣ часъ разспрашивалъ о моемъ писаніи.

Сообщ. Н. А. Вилламовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Къ вопросу о смерти царевича Димитрія.

Въ февральской книжкѣ „Русской Старины“ сего года г. Свѣтозаровымъ была помѣщена статья: „Развитіе легенды о смерти царевича Дмитрія“ (стр. 384—404). Въ ней авторъ, разбирая 4 древнѣйшихъ источника, утверждавшихъ въ свое время положительно убіеніе младенца, старается доказать обратное, т. е. что царевичъ закололся самъ, и говоритъ, что это есть послѣдній „*новый* взглядъ, *новое* представленіе объ Угличской трагедіи“, что „*новое* научное мнѣніе подобно пилѣ, начинающей подпиливать долголѣтній *прочный* стволъ *старой* теоріи“... И въ доказательство своей посылки, г. Свѣтозаровъ говоритъ, что фактъ самоубійства царевича Дмитрія защищается также *Погодинымъ*, „*начинаетъ* завоевывать себѣ видное мѣсто въ наукѣ“.

Работникамъ, изучающимъ русскую исторію, изъ предъидущей уже постановки вопроса видно, конечно, какой „*новый* сильный аргументъ“ даетъ своею статьею г. Свѣтозаровъ. Я же позволяю возразить на брошенное имъ печатно мнѣ замѣчаніе также путемъ печати. Г. Свѣтозаровъ указываетъ, что *подлинность* слѣдственнаго дѣла и надлежащіе отсюда выводы сдѣланы въ 1873 г. Е. Бѣловымъ и говоритъ, что теорія самозакланія царевича „не только не пошатнулась, но, мнѣ кажется, еще болѣе окрѣпла послѣ недавняго появленія въ печати работы И. С. Бѣляева, который не совсѣмъ удачно, не совсѣмъ основательно пытается доказать *подлогъ* слѣдственнаго дѣла“.

Такимъ образомъ, изъ сопоставленія двухъ положеній: Е. Бѣлова и моего несомнѣненъ выводъ, что первый считаетъ слѣдственное дѣло подлиннымъ, а я—подложнымъ. Между тѣмъ, вездѣ въ своемъ изслѣдованіи [1]) я говорю, что слѣдственное дѣло, „дошедшее

[1]) „Чтенія Имп. Общества исторіи и древностей Росс. при Московск. университетѣ“, кн. 1-я за 1907 годъ, стр. 1—29, и отдѣльные оттиски (нынѣ уже распроданные).

до насъ, *подлинное*" (стр. 16), что „разсматриваемый нами документъ есть, безъ сомнѣнія, *бѣловой* экземпляръ производства въ Угличѣ", что „таковымъ *бѣловымъ* угличское слѣдственное дѣло и должно быть въ виду предстоящаго его представленія царю" (тамъ же). Но въ то же время я доказывалъ, что это *подлинное* слѣдственное дѣло, бывшее нѣкогда въ столбцѣ, въ своихъ составныхъ частяхъ перебито, спутано и даже подтасовано, повидимому, въ зависимости отъ перемѣны положенія крупныхъ лицъ, которыя въ немъ указываются. Къ моему изслѣдованію приложенъ снимокъ съ допроса понамаря Огурца, который наглядно иллюстрируетъ одно мѣсто такой редакціи кѣмъ-то подлинника, гдѣ *начало* допроса записано *одной* шириною колонны текста, а *продолженіе другой*, болѣе широкой, дѣлая отъ предъидущей выступъ на 1/4 вершка. Покойный В. О. Ключевскій интересовался моей работой и въ своемъ „Курсѣ русской исторіи" (ч. III, стр. 24) вполнѣ подтверждаетъ мое изслѣдованіе, что „слѣдственная комиссія, посланная въ Угличъ во главѣ съ кн. В. И. Шуйскимъ, тайнымъ врагомъ Годунова, вела дѣло недобросовѣстно, разспрашивала о мелочахъ, позабыла важнѣйшія обстоятельства, не выяснила противорѣчій въ показаніяхъ, вообще страшно *запутала дѣло* [1]).

Неужели можно серьезно допускать, что 7—8-ми лѣтній ребенокъ, играя въ *тычку* ножомъ (конечно, притомъ тупымъ, чтобы его удобнѣе держать въ рукахъ), упалъ въ припадкѣ черной болѣзни на землю и тутъ покололъ себя въ горло... „и било его *долго*"—говорятъ нѣкоторые въ допросахъ. Мнѣ кажется, если бы это было такъ, то царевичъ, самое большее, могъ бы только порѣзаться; притомъ при царевичѣ, *если вѣрить словамъ тѣхъ же допросовъ*, находились игравшіе съ нимъ жильцы, кормилица Арина, Марья Колобова и Василиса Волохова: неужели никто изъ нихъ не помогъ бившемуся „долго" царевичу, если бы такъ оно было въ дѣйствительности?

Кромѣ другихъ еще моихъ соображеній, указанныхъ въ моей работѣ, служащихъ къ подтвержденію взгляда, что причиною смерти

---

[1]) В. О. Ключевскій только возразилъ мнѣ, что самъ слышалъ отъ С. М. Соловьева, что тотъ пользовался *подлиннымъ* слѣдственнымъ дѣломъ. Позднѣе же, въ Архивѣ М. Ю. въ присутствіи нынѣ здравствующихъ С. П. Соколова и Г. Г. Лукьянова, которые могутъ подтвердить мои слова, Василій Осиповичъ сознался, что онъ въ своемъ мнѣ возраженіи ошибся, что С. М. Соловьевъ такъ же, какъ и Н. М. Карамзинъ, не занимался *рукописью* подлиннаго угличскаго слѣдственнаго дѣла, хранящагося въ Моск. архивѣ мин. иностр. дѣлъ, а лишь печатнымъ его изданіемъ, помѣщеннымъ въ „Собраніи госуд. грамотъ и договоровъ". Такъ какъ о первомъ возраженіи В. О. было напечатано въ моей работѣ, то теперь считаю нужнымъ отмѣтить въ печати и его второе замѣчаніе.

ребенка было не самозакланіе, а убійство, въ ней напечатано, въ видѣ приложенія, подлинное *духовное завѣщаніе* одного изъ ближайшихъ родственниковъ царевича и свидѣтеля событія въ Угличѣ 15 мая 1591 года—*Андрея Александровича Нагого.* Духовная имъ написана незадолго до его смерти, 19 декабря 1617 года, когда онъ, какъ сказано въ документѣ, „изнемогъ". Во время допросовъ, послѣ убіенія Димитрія въ Угличѣ, этотъ Нагой показалъ, что „царевичъ былъ *зарѣзанъ*, а того онъ не видалъ, кто зарѣзалъ"; этотъ Нагой, спустя четверть вѣка послѣ ужаснаго угличскаго событія, готовясь предстать передъ Нелицепріятнымъ Судіею, въ своей духовной говоритъ, что его „животы (т. е. все его жизненное имущество) взяли въ опалѣ на государя, какъ царевича Димитрія *убили*". Показывавшій то же нѣкогда при слѣдствіи, А. А. Нагой остается вѣренъ и теперь въ своей духовной, которая передавалась на храненіе въ монастырь и дѣлалась, такимъ образомъ, историческимъ свидѣтельствомъ во вѣки, повторяетъ, такимъ образомъ, то же, что нѣкогда было имъ сказано въ Угличѣ при допросѣ. Въ 1617 году ничто уже не мѣшало Нагому сказать, что Димитрій 15 мая 1591 г. накололся самъ, если бы оно тогда такъ было: отъ этого не пострадали бы ни святость невиннаго младенца, ни прочность новоизбраннаго царя на престолѣ. Разъ его слова при допросѣ были имъ сдѣланы ложно, то, помышляя о будущей жизни, онъ могъ бы ихъ исправить въ своемъ духовномъ завѣщаніи. Однако, онъ и въ этомъ документѣ подтверждаетъ свое первое показаніе, что царевичъ убитъ.

Изъ сопоставленія всѣхъ данныхъ несомнѣнно устанавливается, что смерть ребенка въ Угличѣ 15 мая 1591 г. была насильственная, а не самозакланіе, почему и дальнѣйшія работы должны быть направлены къ изученію кардинальнаго вопроса во всемъ Смутномъ времени: *чей* младенецъ былъ тогда зарѣзанъ въ Угличѣ и *кто* царствовалъ въ Россіи подъ именемъ Лжедимитрія перваго.

Возвращаясь же къ статьѣ г. Свѣтозарова, я никакъ не могу согласиться съ нимъ, что всѣ четыре разобранныя имъ сказанія о смерти царевича Димитрія, „распространяя даже и на нихъ установленный принципъ эволюціи", можно довести до самой обычной формы народной молвы. Наоборотъ, всѣ они, возвращаясь къ одной и той же формѣ, свидѣтельствуютъ, что въ этой первоначальной формѣ *былъ* несомнѣнный фактъ. Выражаясь же его же словами, закончу, что имъ „не совсѣмъ удачно, не совсѣмъ основательно" сдѣлана попытка обращенія въ легенду четырехъ живыхъ источниковъ.

И. С. Бѣляевъ.

Въ Царьградѣ въ 1878—79 г.г.

XXIII [1]).

Сравнивая способы воздѣйствія на Турцію съ одной стороны Австро-Венгріи, а съ другой—Великобританіи, нельзя не обратить вниманія на ихъ въ основныхъ чертахъ тождественность. Какъ та, такъ и другая, прежде всего увѣряютъ Порту въ своей дружбѣ, основанной на общности интересовъ, въ своей готовности всѣмъ ей служить, и въ то же время исподволь начинаютъ расшатывать власть падишаха въ отдаленныхъ провинціяхъ. Всякаго рода политическихъ и экономическихъ рычаговъ въ ихъ рукахъ много. Нажимая на тотъ или другой, соотвѣтственно податливости оттоманскаго правительства или степени его противодѣйствія, оба государства фактически заставляютъ чувствовать свою силу и значеніе, все сильнѣе и сильнѣе направляя подготовку къ достиженію намѣченной цѣли. Подъ гнетомъ Австро-Венгріи оказалась богатѣйшая страна Босніи и Герцеговины, въ рукахъ англичанъ—важный для нихъ и роскошный Египетъ. Если Турецкая имперія обезсилена и распадается на части подъ ударами на поляхъ сраженій, то наибольшій вредъ ей нанесли не открыто соперники, а мнимые друзья, безъ борьбы сумѣвшіе воспользоваться въ свою пользу драгоцѣннѣйшими изъ украшеній короны Османа.

Чрезвычайно важно вглядѣться въ глубь причинъ такихъ удивительныхъ событій. Если припомнить, что все это совершилось

[1]) См. „Русская Старина“ мартъ 1913 г.

въ періодъ исторической гегемоніи знаменитаго германскаго канцлера, князя Бисмарка, то не останется сомнѣній въ томъ, что коренныя нити ихъ исходили отъ этого исполина международныхъ отношеній. Напрасно было бы искать въ его дѣятельности сложныхъ мотивовъ. Какъ все, что въ дѣйствительности талантливо и геніально, политика его отличается крайнею простотою, созданная имъ кровью и желѣзомъ, Германская имперія была еще слаба, почему необходимо было ее укрѣпить благожелательнымъ расположеніемъ къ ней державъ, за которыми числилась наличная сила. Канцлеръ не шелъ окольными путями, тѣмъ менѣе избитыми. Въ составленной имъ схемѣ государствъ Россія не занимала виднаго мѣста, не потому, чтобы онъ не зналъ ея силы, а потому, что эта сила въ то время не была реальною.

Князь Бисмаркъ не былъ бы на высотѣ своей репутаціи, если бы задавался мелкими второстепенными цѣлями. Размахъ его мысли былъ широкъ. Въ его воображеніи уже рисовалась могущественная, всесвѣтная держава, скроенная по англійскому образцу, но опиравшаяся и на флотъ, и на сухопутную силу. Отсюда девизъ: „Германія прежде всего“ и новая патріотическая заповѣдь: „гдѣ германецъ, тамъ и Германія“. Прежде всего онъ задался укрѣпленіемъ внутреннихъ связей новообразованнаго государства развитіемъ промышленности и торговли и развитіемъ нравственнаго и религіознаго начала, для котораго не постѣснялся войти въ непосредственныя отношенія съ папскимъ престоломъ.

Очевидно, что не въ его интересахъ было рисковать войною на любомъ изъ фронтовъ государственной границы. Для него было ясно, что чѣмъ дольше Германія убережется отъ опасности быть втянутой въ международныя осложненія, тѣмъ скорѣе государство пойдетъ по избранному имъ для него государственному пути. Вотъ почему онъ былъ предупредительно любезенъ съ Франціею и самъ предложилъ ей Тунисъ, хорошо зная, что тотъ составляетъ въ данное время ея завѣтную мечту. Вотъ почему онъ не только не противорѣчитъ, но поощряетъ героическую попытку англійскаго премьера, лорда Биконсфильда, въ захватѣ о. Кипра и мало-азіатской зоны для проведенія желѣзной дороги въ Индію. Вотъ почему онъ какъ бы заискиваетъ въ Вѣнѣ и заключаетъ съ ней союзъ, главнѣйшія условія котораго поражаютъ австро-венгерскими преимуществами. Обездоленную на африканскомъ материкѣ, Италію ему было достаточно поманить пальцемъ и пообѣщать лучшее будущее, чтобы она тотчасъ душою и тѣломъ примкнула къ бисмарковскому союзу. Онъ былъ щедръ въ раздачѣ державамъ всякихъ благъ, но эта щедрость не отличалась, традиціоннымъ между дипло-

матами, доктринерствомъ, а распредѣлялась по совершенно простымъ и яснымъ соображеніямъ. Прежде всего ему было необходимо отвлечь вниманіе Европы отъ Германіи, указавъ каждому изъ ея государствъ его собственную цѣль.

Нравственный его авторитетъ въ эпоху Берлинскаго конгресса былъ недосягаемъ. Хотя онъ и объявилъ себя тогда честнымъ маклеромъ, но придавать этому выраженію полное значеніе, разумѣется, было бы величайшею наивностью. Можно ли было серьезно разсчитывать, чтобы во имя отвлеченнаго понятія, такой политическій дѣятель, какимъ былъ князь Бисмаркъ, планы котораго витали во всѣхъ частяхъ стараго и новаго свѣта, были бы принесены въ жертву собственные интересы. Къ величайшему сожалѣнію въ Берлинѣ мы почувствовали только обиду, не дали себѣ труда хладнокровно разобраться въ положеніи вещей, сознать свои ошибки, сосредоточиться для ихъ быстраго исправленія. Мы стали будировать, жаловаться всѣмъ и каждому на всеобщее къ намъ враждебное отношеніе, негодовали на зеркало, вдругъ отразившее нашу безпечность и слабость въ государственномъ строительствѣ. Контрастъ въ положеніи двухъ искони дружественныхъ державъ былъ не въ нашу пользу.

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ желаніи Германіи передвинуть центръ тяжести Австро-Венгріи на Балканскій полуостровъ. Теперь она уже не хочетъ терпѣть на германской территоріи ни малѣйшаго стѣсненія и соперничества. Рано или поздно, но неизбѣжно, нѣмецкія провинціи короны Габсбурговъ войдутъ въ составъ имперіи Гогенцоллерновъ, съ тѣми или другими наименованіями, съ большими или меньшими правами. Германія сочувствуетъ стремленіямъ вѣнскаго правительства къ расширенію его власти на Балканскомъ полуостровѣ и готова даже содѣйствовать его славянской комбинаціи; но отсюда до подчиненнаго положенія—таскать для него изъ жара каштаны—еще далеко. Въ этомъ вся суть нашихъ сложныхъ отношеній къ сосѣднимъ государствамъ.

Германія готова собирать подъ свою державу только такія страны, которыя по своему политическому и этнографическому составу могли бы лишь усилить господствующую нѣмецкую народность. Отъ другихъ она сама бы отказалась, если только съ владѣніемъ ими не была бы сопряжена польза выхода въ море и пр. Импорту нѣмецкаго населенія она даже противодѣйствуетъ, стремясь наоборотъ разсѣивать чисто нѣмецкое населеніе, чтобы по возможности шире раскинуть германскій Vaterland, или съ его помощью развивать свое вліяніе по чужимъ странамъ. Германія

идетъ по пути одновременнаго развитія своей государственности и торгово-промышленнаго вліянія на всѣ страны земного шара.

Есть полное основаніе предполагать, что Германія признаетъ всякій порядокъ, обусловливающій положительную силу не во вредъ ея интересамъ, едва-ли увлечется ефемерными задачами, сколько-нибудь рискованными и способными остановить ея движеніе впередъ. Съ замѣчательною послѣдовательностью она устранила англійское вліяніе съ азіатскихъ владѣній султана, поступившись Египтомъ, и водворила свое собственное, во всемъ отличное отъ прежняго. Она также хорошо сознаетъ все значеніе узла трехъ материковъ стараго свѣта, но утверждается здѣсь не столько матеріальною силою, сколько нравственною и путемъ развитія германскихъ капитала, промышленности и торговли. Въ короткій періодъ времени отъ предпріятій великобританскаго почина не осталось и слѣдовъ. Все замѣнилось великогерманскимъ. Позабыта индійская желѣзная дорога. Взамѣнъ разрабатываются подробности багдадской. Текущій кредитъ въ зависимости уже не отъ однихъ Лондона и Парижа. Выростаетъ Берлинъ. Англійскіе инструкторы замѣняются нѣмецкими. Пассивная оборона булаирской линіи укрѣпленій Чаталджи измѣняется на болѣе активную превращеніемъ Адріанополя въ первоклассную крѣпость. Все шире и шире захватывается рынокъ германской производительности.

Когда во время Берлинскаго конгресса наши уполномоченные, не увѣренные въ своей обстановкѣ, искали разъясненія и поддержки у Бисмарка, онъ подсмѣивался и говорилъ, что отъ него требуютъ быть русскимъ болѣе ихъ самихъ. Такая неувѣренность нашихъ представителей въ знаніи дѣла едва-ли не продолжается до сихъ поръ. По усвоенной привычкѣ мы обращаемся къ Берлину за одобреніемъ не только по безразличнымъ для него вопросамъ, но даже и такимъ, въ которыхъ наши интересы расходятся. Еще интереснѣе наши попытки къ соглашенію съ Вѣной по положеніямъ, діаметрально противоположнымъ, и приглашенію Берлина влiять въ нашу пользу, удостовѣрившись въ нашемъ добродушіи.

Значеніе kultur kampf'а не всегда выясняется съ достаточною точностью и ясностью. Уродливыя проявленія его въ частныхъ случаяхъ нельзя обобщать. Нѣтъ серьезнаго основанія содрогаться отъ призраковъ утучненія германской нивы славянскими народностями. Такая крайняя цѣль прежде всего обезсилила бы самого иниціатора и парализовала возможность достиженія имъ политическихъ цѣлей.

Чрезвычайно трудно разобраться въ логической послѣдовательности нашихъ международныхъ отношеній, настолько они иногда

мало соотвѣтствовали историческимъ событіямъ. Получается впечатлѣніе, точно вопросами внѣшней политики занимаются только время отъ времени, стройной разработки ихъ не существуетъ, все разрѣшается въ условіяхъ послѣдней обстановки. Одно руководящее чувство придаетъ имъ однородный характеръ, это крайнее миролюбіе и безкорыстіе самой высокой пробы. Но необходимо признать, что примѣненіе этого высокаго чувства не всегда полезно и часто ведетъ къ результатамъ не желаемымъ, иногда діаметрально противоположнымъ.

Что можетъ быть возвышеннѣе историческаго факта посылки корпуса генерала Муравьева для защиты Константинополя отъ воинственнаго и побѣдоноснаго египетскаго хедива Мегемета-али? Однако, мы не воспользовались и клочкомъ берега Босфора для созданія своего Гибралтара. А какое бы онъ имѣлъ громадное значеніе въ послѣдующихъ историческихъ событіяхъ!

Многимъ ли уступалъ этому факту по возвышенности чувства другой, когда для спасенія погибавшей подъ ударами венгерцевъ Австріи была отправлена русская армія? По утрированному понятію рыцарскаго безкорыстія платы за существованіе принять было нельзя, а между тѣмъ родной галиційскій край оставался подъ гнетомъ спасенной державы, и существенный недостатокъ нашей здѣсь границы не былъ исправленъ ея перенесеніемъ на Карпатскій горный хребетъ. Какія бы намъ блага принесло это послѣднее, если бы было тогда же осуществлено!

Переходя отъ этихъ крупныхъ событій къ нашимъ войнамъ на Балканскомъ полуостровѣ, нельзя не замѣтить, что главнѣйшая ихъ цѣль, защита христіанскихъ и славянскихъ народностей, нами достигалась съ величайшимъ трудомъ. Сколько времени и напряженныхъ усилій потребовало у насъ образованіе придунайскихъ княжествъ Молдавіи, Валахіи, Сербіи и, наконецъ, Болгаріи. Ничего подобнаго захватамъ Босніи, Герцоговины, Кипра и Египта. Парализовать силу владычествовавшей Турціи оказывалось еще недостаточнымъ, необходимо было еще обезпечивать успѣхъ съ quasi-союзниками далеко не всегда миролюбивыми съ ними соглашеніями. Мы до такой степени усвоили себѣ эту привычку, что сами стали ходить въ Каноссу испрашивать отпущеніе въ самыхъ священнѣйшихъ для насъ дѣлахъ. Но, какъ и слѣдовало ожидать, всѣ эти Рейхенштаты, Мюрцштеги и Бунцлау, гдѣ мы искали добрососѣдскаго соглашенія, не только намъ не дали умиротворенія, но связали насъ по рукамъ и ногамъ и подали поводъ къ самымъ непріятнымъ для насъ усложненіямъ.

Примѣняя къ себѣ масштабы, выработанные европейскими дер-

жавами въ Восточномъ вопросѣ, мы давно должны были имѣть самыя выгодныя начертанія государственныхъ границъ, располагать опорными пунктами по всѣмъ сухопутнымъ и морскимъ путямъ для нашей торговли и промышленности, пользоваться всѣми преимуществами наиболѣе благопріятствуемаго государства. Подъ нашею охраною уже давно должны бы существовать и развиваться политическіе организмы, намъ родственные и союзные, которые не служили бы болѣе для насъ расходною статьей, а наоборотъ, были бы источникомъ нашего благополучія и общаго обогащенія. Для православнаго Востока мы должны были блистать яркимъ свѣточемъ, а не искать административныхъ образцовъ въ порабощенныхъ іерархіяхъ.

У Гроба Господня первое мѣсто должно быть нашимъ. Въ величественномъ Софійскомъ храмѣ Царьграда должно было быть возстановлено православное служеніе по греко-россійскому обряду. Изъ Эчміадзина мы должны владѣть всѣмъ армянскимъ вопросомъ. Напрасно оспаривать возможность такихъ положеній. Стоитъ только представить себѣ историческіе способы дѣйствія великихъ державъ, чтобы убѣдиться, что все высказанное не выходитъ изъ предѣловъ возможности.

Черное море должно быть безусловно нашимъ. Если въ минуту нашей слабости намъ былъ ограниченъ размѣръ судовыхъ средствъ военнаго флота, то можно ли сомнѣваться теперь въ нашемъ правѣ давать въ этомъ отношеніи указанія прибрежнымъ странамъ, безразлично, входятъ ли онѣ въ нашъ государственный составъ или нѣтъ. Выходъ на широкій просторъ средиземныхъ водъ долженъ быть обезпеченъ на проливахъ фактически, дальнѣйшій путь въ океаны путемъ соглашеній. Но этимъ главнѣйшимъ русломъ нашего вліянія и коммерческаго движенія нельзя ограничиться. Необходимо располагать еще транзитною дорогою чрезъ Иранъ на Персидскій заливъ и отъ Дуная славянскими странами на Далматинское побережье.

Первенствующее положеніе германской народности на Рейнѣ понятно. Историческая эпоха отдала его въ ея распоряженіе. Но Дунай находится въ совершенно другихъ условіяхъ. Этнографическій составъ населенія его верхняго бассейна многоразличенъ. Нѣмецкій элементъ имѣетъ здѣсь такое же значеніе, какъ мадьярскій и славянскій. Что же касается до его нижняго теченія, то первенствующее положеніе на немъ безусловно должно принадлежать намъ. Какъ во многихъ другихъ случаяхъ, право не можетъ ограничиваться теоретическимъ признаніемъ, а должно осуществляться фактически. Вотъ въ такихъ-то условіяхъ дунайскаго пароходства

и желѣзно-дорожнаго сообщенія должна обезпечиваться наша коммерческая связь съ Адріатикою. Память о великомъ русскомъ царѣ Петрѣ еще живетъ въ Дубровникѣ (Рагуза), этомъ когда-то цвѣтущемъ торговомъ городѣ западнаго славянства.

Если подвести итоги нашей внѣшней государственной дѣятельности, ни въ одномъ направленіи нами не было проявлено столько дѣятельности, активной настойчивости и энергіи, какъ къ сторонѣ Ближняго Востока. Въ то же время слѣдуетъ признать, что нигдѣ не возникало по своимъ важнымъ для насъ послѣдствіямъ такихъ цѣлей, какъ здѣсь. Въ историческіе періоды своей жизни, Россія переживала великія эпохи, когда русскимъ умомъ разрѣшались задачи ея существованія и величія. Но никогда всемогущество не находилось въ такой органической связи, какъ въ вопросахъ славянскаго міра на міровомъ узлѣ путей Стараго Свѣта. Событія еще не даютъ намъ положительныхъ результатовъ, но ни смущаться этимъ, ни останавливаться на полпути не слѣдуетъ. Энергія не только не должна ослабѣвать, но наоборотъ крѣпнуть. Необходимо полное напряженіе нашихъ духовныхъ и матеріальныхъ силъ, чтобы зданіе, такъ усердно и долго возводимое, увѣнчалось полнымъ успѣхомъ.

Если Востокъ дѣйствительно имѣетъ для насъ также первостепенной важности значеніе, то что же мы даемъ для него отъ себя самаго лучшаго, чтобы въ важнѣйшемъ пунктѣ быть наиболѣе сильнымъ. Гдѣ та ячейка, которая спеціально заботится о нашихъ здѣсь интересахъ, направляетъ изученіе и наблюденіе сопредѣльныхъ странъ, комбинируетъ средства объединенія духовнаго родства, коммерческаго товарообмѣна, финансоваго и экономическаго вліянія. Если она составляетъ безличную часть обще-государственныхъ учрежденій, то самый краткій историческій обзоръ уже обнаруживаетъ недостаточность такого положенія. Въ прежнія времена религіозно-нравственнымъ путеводнымъ центромъ служилъ Кіевъ, дававшій высшее богословское образованіе іерархамъ славянскихъ странъ. Событія его переросли. Поднимался вопросъ о развитіи спеціально-миссіонерскихъ курсовъ съ перенесеніемъ ихъ въ Почаевскую лавру, но онъ не возымѣлъ жизни и заглохъ въ сутолокѣ политическихъ страстей. Гдѣ тотъ войсковой штабъ, который бы собиралъ всѣ боевыя традиціи многочисленныхъ нашихъ войнъ на юго-западномъ театрѣ и подготовлялъ средства для будущихъ побѣдъ. Тяжелые уроки военной исторіи указываютъ на большіе недостатки въ нашихъ организаціи, снаряженіи и вооруженіи, не приспособленныхъ къ мѣстнымъ условіямъ. Гдѣ объединеніе нашего капитала, производительныхъ, промышленныхъ и торговыхъ средствъ, спеціально

соображенное съ условіями рынка. Помню фактъ залежей въ Трапезонтѣ нашего сахара только потому, что онъ былъ доставленъ въ головахъ, неудобныхъ для отправки вьюкомъ. Если мы хотимъ величія родины, общаго благоустройства и благополучія населенія, мы должны еще очень много трудиться.

Турецкая имперія давно скользитъ къ упадку. Какъ держава ислама, она проявила кратковременное могущество и не способна противостоять времени и вновь народившимся силамъ. Актъ разложенія уже совершился бы, если бы не былъ задержанъ противоположными интересами великихъ державъ, которыми съ большимъ искусствомъ воспользовались султанъ Абдулъ-Гамидъ и германскій посолъ Маршалль фонъ-Биберштейнъ. Первый проявилъ необыкновенную энергію и настойчивость, быть можетъ, больше въ своихъ личныхъ цѣляхъ восточнаго деспота; второй—какъ представитель германской политики новаго курса. По новѣйшему укладу Германія не допуститъ упасть гнилому дереву, пока не подготовитъ его паденія въ свою сторону, чтобы воспользоваться плодами. Обращаютъ на себя вниманіе и государи Болгаріи, повернувшіе исторію Балканскаго полуострова въ пользу Болгарскаго государства: Александръ Баттенбергъ, слившій двѣ разрозненныя части въ одно ядро, и Фердинандъ Кобургскій, съ необыкновеннымъ искусствомъ лавирующій между опасностями. Хотя первый дѣйствовалъ очертя голову и вызвалъ стамбуловщину; а второй еще лично не сроднился съ болгарскими интересами. Первый уже отошелъ въ исторію, второй ее дѣлаетъ.

На Босфорѣ.

XXIV.

На Рождество 1878 г. я вернулся въ Петербургъ, а въ началѣ марта слѣдующаго года уже возвращался обратно, на этотъ разъ вмѣстѣ съ женой.

Въ Петербургѣ улицы уже были чисты, но по утрамъ сильно морозило. Въ Москвѣ была глухая зима. Въ Кіевѣ и Одессѣ летали снѣжинки, было 2° или 3° холода. Большой пароходъ общества Пароходства и Торговли на разсвѣтѣ вошелъ въ Босфоръ и бросилъ якорь противъ Каваки въ ожиданіи санитарнаго осмотра. Мы поднялись наверхъ и съ наслажденіемъ вдыхали теплый ароматный воздухъ. Солнце только-что поднялось, освѣтивъ красивые берега прихотливыхъ очертаній, а уже было болѣе 15° по Рео-

мюру, чудная, благословенная страна, а уже сколько бѣдствій она испытала, какого глубокаго горя была свидѣтельницей.

Долго-бы намъ пришлось ожидать на пароходѣ прибытія турецкихъ санитаровъ, не особенно торопившихся исполненіемъ своихъ служебныхъ обязанностей, если бы не прибытіе на посольскомъ каикѣ генеральнаго штаба капитана Протопопова.

Съ помощью особаго тескере (разрѣшенія) отъ турецкихъ властей всѣ препятствія были устранены въ пять минутъ, и мы уже летѣли стрѣлой по Босфору къ посольской пристани Буюкдере. Сильное теченіе изумрудныхъ водъ помогало быстротѣ нашего хода. Понтъ Эвксинскій какъ-бы торопился вылить излишекъ своей воды, чтобы дать жизнь морямъ и проливамъ. Большіе пароходы, идущіе въ Черное море, на половину теряютъ скорость своего хода, а мелкія суда слѣдуютъ вверхъ подъ самыми берегами, гдѣ стремительность воднаго движенія умѣряется треніемъ. Вотъ Анатоли и Румели хиссары (древнія башни на азіатскомъ и европейскомъ берегахъ). Вотъ поворотъ по береговому изгибу, и мы подходимъ къ Буюкдере мимо изящной виллы, нанятой для насъ на весь лѣтній сезонъ. У перрона входа видный черногорецъ въ полномъ вооруженіи привѣтливо отдаетъ намъ честь. Это нашъ тѣлохранитель, безъ котораго мы не дѣлаемъ ни одного шага внѣ нашего дома. Его постоянное мѣсто шествовать впереди, освобождая путь и зорко наблюдая, чтобы мы ничѣмъ не были обезпокоены.

Вилла въ три этажа, изъ которыхъ въ первомъ какъ-то умѣщаются на разныхъ высотахъ парадный вестибюль и столовая, во второмъ—пріемная гостиная съ стекляннымъ балкономъ на Босфоръ и спальни, въ третьемъ—запасныя комнаты для пріѣзжихъ. За виллой своеобразный садъ, круто вбѣгающій на большую высоту. Впереди набережная съ купальней на Босфорѣ. Какъ необходимая принадлежность всякаго турецкаго пейзажа, сонныя собаки сѣро-рыжаго цвѣта тамъ и здѣсь нѣжатся въ пыли. Дѣйствуютъ ли на нихъ особенности климата, или отражается на ихъ нравѣ мѣстный фатализмъ, только ко всѣмъ явленіямъ онѣ относятся съ безконечнымъ равнодушіемъ. Садъ слишкомъ малъ, чтобы пользоваться имъ для прогулокъ, и вполнѣ выполняетъ свое назначеніе, когда своимъ видомъ и ароматомъ услаждаетъ обитателей хозяйственной стороны дома.

Прогулокъ много по прекраснымъ береговымъ дорогамъ и тѣнистымъ тропамъ къ сторонѣ с. Бѣлграда, вблизи котораго расположены гигантскіе водные резервуары, еще со временъ византійскихъ императоровъ снабжающіе Царьградъ хорошею водою. Нѣсколько прекрасныхъ садовъ окружаютъ по Босфору роскошные

дворцы, преимущественно, армянъ; но, безспорно, лучшій изъ нихъ принадлежитъ лѣтней резиденціи нашего императорскаго посла въ Константинополѣ. Историческою извѣстностью пользуется многовѣковый платанъ въ Бѣлградской долинѣ, подъ тѣнью котораго по преданію стояла палатка Готфрида Бульонскаго; но въ посольскомъ паркѣ больше тѣни и свѣжести.

Для насъ вся обстановка природы была сплошною прелестью, въ особенности, когда одна изъ прекрасныхъ владѣлицъ, по сосѣдству съ посольствомъ, намъ предложила пользоваться ея въ высшей степени живописнымъ садомъ. Она не только насъ принимала съ радушнымъ гостепріимствомъ, но за каждое посѣщеніе очень благодарила, какъ будто мы ей доставляли большое удовольствіе. Супруга совѣтника посольства, М. А. Ону, предлагала совмѣстныя прогулки на азіатской сторонѣ, но намъ онѣ представлялись дикими и опасными. Къ тому же и здѣсь мы находили такъ много упоительно прекраснаго, что лучшаго и не искали. По многимъ причинамъ мы просиживали на одномъ мѣстѣ, на полугорѣ, въ чащѣ душистой зелени, и не могли насмотрѣться на предъ нами разстилавшуюся панораму дивныхъ картинъ богатѣйшей природы. Приходилось торопиться къ обѣду, а намъ казалось, что мы только-что пришли.

Свой столъ удалось устроить удачно. Случайно попался поваръ-французъ игнатьевской кухни, готовившій блюда au naturel (безъ особыхъ приправъ) большимъ мастеромъ. Это было особенно важно, такъ какъ коровье масло было чрезвычайно дорого и его не всегда можно было достать, а къ оливковому мы не имѣли большого расположенія. Далеко до русскаго черкасскаго было мѣстное мясо; зато барашки были необыкновенно вкусны и нѣжны. Домашняя птица была дорога и суха; всякая дичь въ большомъ ходу. Но лучше всего были фрукты, овощи и дары моря: лангусты и самая разнообразная рыба. Сервизы я привезъ изъ Одессы и хорошо сдѣлалъ. Оказалось, что на мѣстѣ самый простой дороже. Хрусталь сравнительно дешевъ. Черезъ поставщика посольства я досталъ большую партію французскаго S-t. Emilion прекраснаго вкуса, въ среднемъ по 90 к. за бутылку розлива въ Бордо. До сихъ поръ сожалѣю, что не увезъ съ собою въ Россію кухонную мѣдную батарею кастрюль артистической работы.

Къ часу и къ восьми вечера, къ завтраку и обѣду, къ намъ собиралась наша постоянная военная компанія: А. П. Протопоповъ и Э. В. Эккъ, къ которой часто присоединялись, пріѣзжавшіе въ Константинополь, А. С. Зеленой, В. Н. Филипповъ, В. У. Соллогубъ, Куммерау, Веригинъ и другіе. Сюда стекались новѣйшія из-

вѣстія со всѣхъ турецкихъ окраинъ, частью черезъ посольство, частью отъ нашихъ делегатовъ въ международныхъ комиссіяхъ разграниченія. Но больше всѣхъ и при томъ самыя интересныя свѣдѣнія собиралъ А. П. Протопоповъ. Въ маленькой фигурѣ его, далеко не представительной наружности, было много энергіи и ума, подчасъ необыкновеннаго юмора. Э. В. Эккъ былъ совершенно другого характера, до нѣкоторой степени сибаритъ, никогда не терявшій представительности гвардейскаго семеновскаго офицера. Первый шустрый, второй слишкомъ степенный. Они были большіе пріятели, что не мѣшало, однако, Александру Павловичу иногда довольно зло нападать на своего сожителя.

Гдѣ только ни перебывалъ Протопоповъ по утрамъ, съ кѣмъ только ни видѣлся, являясь къ завтраку перегруженнымъ самыми послѣдними новостями, когда Эккъ только расчесывалъ свои выхоленныя баки.

Видя А. П. одного, я встрѣчалъ вопросомъ:

„А гдѣ Эдуардъ Владиміровичъ?"

„Гдѣ ему быть, какъ не за тоалетнымъ столомъ! Эдинька любитъ нѣжиться, да и приводить себя въ лоскъ ему требуется не менѣе часа!"

У Александра Павловича были вездѣ друзья, въ сераскеріатѣ, въ морской казармѣ на Золотомъ Рогѣ, на укрѣпленіяхъ Чаталджи, на батареяхъ Босфора. Иногда онъ вдругъ пропадалъ по нѣскольку дней, не подавая признаковъ жизни такъ, что я уже начиналъ безпокоиться, не приступить ли къ розыску, какъ также внезапно онъ появлялся, веселый и довольный, съ богатымъ запасомъ разсказовъ. Удивительно, какъ все ему удавалось; другой на его мѣстѣ уже двадцать разъ попался бы въ руки турокъ, а онъ сухимъ выходилъ изъ воды. Булаирская линія была вся имъ снята съ подробнымъ описаніемъ укрѣпленій. Батареи Босфора сфотографированы, какъ на ладони. Всѣ военныя турецкія суда пересчитаны по пальцамъ.

Но Протопоповъ имѣлъ успѣхъ не только въ мужской компаніи и не только по серьезнымъ вопросамъ; еще болѣе дорогимъ гостемъ онъ былъ въ семьяхъ богатыхъ мѣстныхъ нотаблей. Какъ только гдѣ что-нибудь ему не удавалось, онъ сейчасъ же—къ помощи дамъ, и все шло, какъ по маслу.

Разсказы его были оригинальны и неистощимаго юмора. Отъ души мы смѣялись описаніямъ предмета его страсти. Дѣвушка, видимо, его сильно заинтересовала, но онъ какъ бы боролся съ своимъ увлеченіемъ и изображалъ ее въ самыхъ карикатурныхъ чертахъ, не называя иначе, какъ M-lle Носовинская. Мѣстный типъ

вообще очень красивъ съ существеннымъ однако недостаткомъ слишкомъ большаго развитія носа. Мы смѣялись, никакъ не предполагая, что исторія будетъ имѣть свое продолженіе весьма серьезнаго характера. Черезъ годъ Александръ Павловичъ похитилъ свою невѣсту и тайкомъ обвѣнчался. Избранница его сердца оказалась умною и преданною спутницею его жизни до самой кончины. Благодаря ея заботамъ, онъ прожилъ много лишнихъ лѣтъ и всецѣло ей былъ обязанъ своимъ душевнымъ равновѣсіемъ.

Какая роскошь цвѣтовъ. Въ особенности хороши кусты розъ надъ каменною оградою посольскаго сада. Къ сожалѣнію, цвѣтники не составляютъ принадлежности каждой виллы, какъ на лазуревой Ривьерѣ, а стыдливо прячутся за высокими стѣнами. Гаремная жизнь здѣсь еще въ полной силѣ, одинаково заставляя прозябать розы гарема и розы Франціи, одинаково ихъ заглушая въ тѣни и отнимая нѣжность аромата и духовнаго развитія.

Становится все жарче. Въ этомъ году я весны не видалъ. До полудня еще есть движеніе, но позднѣе жизнь стихаетъ до самаго вечера, когда усиленно опять бьетъ ключемъ. Даже вѣчно бороздящіе водную поверхность Босфора турецкіе пассажирскіе пароходы днемъ какъ будто ходятъ рѣже. Шумъ движенія водныхъ массъ до насъ доносится только береговымъ шелестомъ. Поверхность всегда рябится, мѣшая отражаться на ней небеснымъ высямъ. Изрѣдка двигаются гиганты Ллойда, Мессажери и Пароходства и Торговли.

Полные жизни и счастья, мы гуляемъ много, утромъ передъ завтракомъ и вечеромъ передъ обѣдомъ. Намъ никого не нужно. Иногда мы оставляемъ своего каваса внизу, а сами взбираемся по крутымъ дорожкамъ наверхъ, на береговыя высоты, съ которыхъ открываются такіе чудные виды. Но насъ предостерегаютъ отъ всякаго рода опасностей, и мы стараемся всегда имѣть подъ рукой свою вооруженную силу. Дивное время. Сколько райскихъ мы испытывали наслажденій. Какой радостный переходъ отъ прежнихъ невзгодъ и испытаній на войнѣ.

Тихій вечеръ, жара спала, наступила пріятная свѣжесть. На набережной, противъ посольскаго дворца, играетъ оркестръ съ военнаго парохода, находящагося здѣсь на станціи въ распоряженіи посла. Тамъ намъ дѣлать нечего. Лучше воспользоваться чуднымъ сіяніемъ свѣтлаго мѣсяца, чтобы испытать удовольствіе уженія рыбы на Босфорѣ. Къ этому мы готовимся давно и уже подговорили рыбака со всѣми припасами. Сказано, сдѣлано. И вотъ мы на широкой устойчивой лодкѣ, такъ какъ каики слишкомъ вертлявы, выѣзжаемъ въ свѣтлую полосу. Отсюда отлично слышна музыка, и

мы одновременно будемъ пользоваться двумя удовольствіями. Можетъ быть, музыкальная гармонія и для рыбной ловли полезна.

Намъ передаютъ двѣ удочки. Это двѣ лесы въ 14-ть и 15-ть саженей длины, на концахъ которыхъ прикрѣплены крючки съ насаженными на нихъ необыкновенно серебристыми рыбками. Въ двухъ аршинахъ выше сдѣланъ узелъ, за который нужно ухватиться лѣвою рукой, чтобы правой выкинуть пойманную рыбу въ лодку. Удочка намотана на катушку и довольно увѣсиста, но по мѣрѣ опусканія ея въ воду все становится легче. Мы замерли въ лодкѣ, чуть замѣтно двигающейся по теченію. Все вниманіе сосредоточивается въ правой рукѣ, держащей удочку. Вотъ, какъ будто потянуло, нѣтъ, опять тихо, вѣрно, рыба случайно коснулась, но не взяла. Сколько такихъ тревожныхъ моментовъ. Но вотъ, что-то сверкнуло на глубинѣ и удочку потянуло... Тутъ уже нужно выбирать ровно и плавно, но не сдавать. Надъ водой показался узелокъ. Скорѣй лѣвой рукой за него, а правой подхватить лесу у самой рыбы. Какая прелесть, какая красота, чудная рыба, размѣромъ въ хорошій сигъ, уже на днѣ лодки. Я поймалъ одну, а жена двѣ, можетъ быть, потому, что я больше хлопоталъ около нея, чѣмъ смотрѣлъ за своей удочкой. Съ богатой добычей плывемъ къ себѣ. Музыка уже стихла, рядомъ огней вытягивается предъ нами набережная. На берегу Александръ Павловичъ.

„Что же, Екатерина Адольфовна, вы не взяли меня съ собой“, жалуется онъ на свою судьбу.

„Зачѣмъ пропадали, ждать было нельзя, а гдѣ Эдуардъ Владиміровичъ?“.

„Все Носовинская! Гдѣ же этому серцегрызу пропадать. Вѣроятно, увивался вокругъ дамъ на музыкѣ“.

Устали, проголодались.

Я еще ничего не сказалъ о милой компаніи нашихъ юныхъ дипломатовъ, о разсудительномъ Базили, о корректномъ баронѣ Будбергѣ, о способномъ Тепловѣ, о даровитомъ Вурцелѣ, о симпатичныхъ Скрябинѣ и Медвѣдевѣ. Всѣ, какъ на подборъ, скромные, привѣтливые, любезные. А Щербачевъ, развѣ онъ хуже другихъ? Не только не хуже, а лучше, и даже гораздо лучше многихъ. Но къ нему мы чувствуемъ особую слабость за его сласти, до безконечности разнообразныя. Въ каждомъ карманѣ по особому роду, виду и качеству.

Были въ Ункіаръ-Искелесси, долинѣ на противоположномъ азіатскомъ берегу Босфора, гдѣ въ 1833 году былъ разбитъ лагерь русскихъ войскъ генерала Муравьева. Парадоксъ исторіи. Черезъ четыре года послѣ упорной войны, доведшей Турцію до изнемо-

женія, сюда является корпусъ нашихъ войскъ для защиты султана. Что хотѣлъ этимъ выразить Императоръ Николай I?

На устьѣ долины, на самомъ берегу Босфора, красуется мраморный дворецъ египетскаго хедива. Къ сожалѣнію, пробраться внутрь не удалось. По наружному виду можно заключить, что на роскошь зодчества денегъ не жалѣли. Хедивъ слыветъ крезомъ неисчерпаемыхъ богатствъ.

Ѣздили въ экипажѣ по набережной Босфора, внизъ по теченію. Богатыхъ виллъ мало, больше небольшихъ размѣровъ, очень уютныхъ, съ балконами, нависшими надъ дорогой. Но какое скверное впечатлѣніе производятъ ихъ оконные трельяжи, отдѣляющіе прекрасную половину ислама отъ Божьяго міра. Можетъ быть, они и не имѣютъ такого матеріальнаго значенія для затворницъ, конечно имѣющихъ свои приспособленія; но нравственно должны дѣйствовать на духъ угнетающимъ образомъ. Эта слѣпота жилищъ должна отражаться и на духовной жизни.

Коранъ третируетъ женщинъ существами болѣе низменнаго порядка, почти наравнѣ съ вещами, не оказывая имъ ни малѣйшаго довѣрія. Этимъ онъ отсѣкъ отъ правовѣрныхъ возможность высокой духовной жизни и способность къ нравственному совершенствованію. Для истаго османли кальянъ дороже любимой жены. Порабощенныя турецкія жены не знали лучшей доли и потому не такъ несчастны. Но что сказать о христіанкахъ, которыя, увлеченныя волшебными разсказами о фантастическомъ Востокѣ, связываютъ свою судьбу съ послѣдователями Магомета.

Проѣхали Терапію, видѣли виллы, въ которыхъ помѣщаются въ лѣтнее время посольства Франціи и, кажется, Австріи. Никакого не выдерживаютъ онѣ сравненія съ роскошнымъ дворцомъ Россіи въ Буюкдере. Было время, когда мы занимали на берегахъ Босфора первенствующее положеніе. Россія не стѣснялась здѣсь царствовавшими дикими нравами и существованіемъ Семибашеннаго замка, куда прятались ея представители, и говорила тономъ власть имѣющаго. Несмѣлыми попытками завязать торговыя сношенія являлись сюда въ то время англійскіе и французскіе торговые люди. Попранное жестокою судьбою, славянство оживало, еще не смѣя откликнуться на призывъ къ жизни его старшаго брата.

Какъ все это измѣнилось. Россія съ ея возвышенными стремленіями, возродить балканскія народности, не щадя собственныхъ силъ, отодвинута далеко назадъ. На первый планъ выдвинулась Великобританія, а за нею Германія съ ихъ матеріальными интересами, которымъ, ни на минуту не смущаясь, приносятъ въ жертву самыя высокія чувства человѣчества.

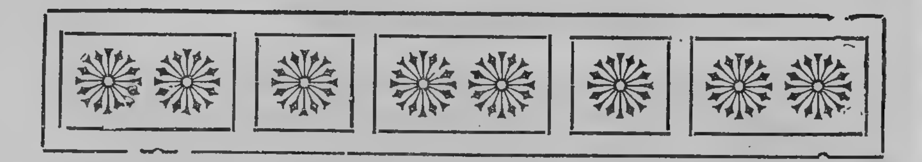
Становится все жарче. Солнце уже съ утра высоко надъ головою и жжетъ немилосердно. Рано, рано приходится выходить на прогулку, да и ту все сокращать. Въ тѣни 22° и болѣе по Реомюру, на солнцѣ около 40°. Въ комнатахъ еще держится пока свѣжесть, благодаря закрытымъ ставнямъ и окнамъ. Но духота пробирается понемногу и сюда. Днемъ раскаленный воздухъ стоитъ неподвижно, къ вечеру слабая тяга съ высотъ, не приносящая однако свѣжести. Дневная жара еще переносится съ различными приспособленіями; но, что невыносимо утомительно, это ночная духота. Уже нѣсколько недѣль ртуть не опускается ниже +17. Хотя бы два, три часа ночной прохлады, чтобы освѣжиться. Сидишь цѣлый день истуканомъ, боишься пошевелиться, чтобы не страдать отъ жары. Турки сидятъ въ это время въ шубахъ. О дождѣ мечтаешь, какъ о недосягаемой благодати; но его нѣтъ и признаковъ. Вооружайся терпѣніемъ на нѣсколько мѣсяцевъ.

Вечерняя прогулка приноситъ не много радостей. Промаявшись цѣлый день, съ наступившей темнотой нѣсколько оживаешь, но не надолго. Оживляется и набережная. Изъ виллъ высыпаютъ обитатели, видимо, довольные возможностью поговорить послѣ дневного молчанія. Вотъ и посолъ прогуливается по кровлѣ своего дворца. Онъ поднялся изъ своего кабинета и тоже ищетъ прохлады. Съ непривычки странно его видѣть на крышѣ; но приспособленіе для прогулокъ устроено очень остроумно и достигаетъ цѣли больше, чѣмъ внизу.

Въ такую страдную пору, какъ не воспользоваться своею купальней, прямо противъ нашихъ дверей. По утрамъ я сталъ купаться и очень усердно. По вечерамъ боялся водяныхъ чудищъ, каждый разъ, какъ я приходилъ въ купальню, я заставалъ въ ней группы гостей: на лѣсенкѣ размѣщались крабы, по угламъ невѣдомыя гусеницы, на поверхности плавало нѣсколько медузъ. Я разгонялъ ихъ и самъ съ наслажденіемъ погружался въ сравнительно прохладную воду; но какое странное ощущеніе отсутствія нормальнаго вѣса отъ соляной плотности морской воды. Съ своими сосѣдями я освоился, но не могъ примириться только съ крабами. На послѣднихъ я смотрѣлъ косо, подозрѣвая въ нихъ кровожадные инстинкты. Сколько прекрасныхъ юныхъ тѣлъ красотокъ всевозможныхъ національностей пало въ сераляхъ жертвою бурной ревности ислама и брошено въ Босфоръ. Можетъ быть, потому и лангусты здѣсь такъ вкусны.

Г. И. Бобриковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).



Письмо въ редакцію.

Въ 1909 году въ „Русской Старинѣ“ и затѣмъ въ I томѣ книги „На жизненномъ пути“, изданной въ 1912 году, помѣщены „воспоминанія судебнаго дѣятеля“ (А. Ѳ. Кони) о такъ называемыхъ уніатскихъ дѣлахъ. Въ нихъ послѣдовательно изложена исторія призрачнаго возсоединенія уніатовъ въ 1873—74 годахъ, сопровождавшагося для многихъ изъ нихъ весьма не призрачными карательными послѣдствіями въ видѣ ссылки однихъ изъ „упорствующихъ“ въ прежней вѣрѣ и публичной продажи имущества другихъ изъ нихъ для взноса наложеннаго, постепенно возраставшаго штрафа; приведены Высочайше одобренныя постановленія совѣщаній и сущность переписки министровъ по вопросу о характерѣ мѣръ наказанія упорствующихъ,—и сообщены данныя о дѣятельности мѣстныхъ мировыхъ учрежденій по несогласному со смысломъ 29 ст. устава о наказаніяхъ преслѣдованію уніатовъ въ судебномъ порядкѣ. Подробно останавливаясь на дѣлахъ о такъ называемыхъ „краковскихъ бракахъ“, по которымъ, вопреки разуму 37 ст. I ч. X т. Св. Зак. гражд., супруги, не согласившіеся подвергнуться разлученію отъ „купножительства“, подвергались, какъ за неисполненіе законныхъ требованій власти, штрафу въ 50 рублей каждый или двумъ мѣсяцамъ ареста, разорявшимъ ихъ хозяйство и оставлявшимъ ихъ дѣтей на произволъ судьбы,—авторъ „воспоминаній“ пишетъ о томъ, какъ былъ министромъ юстиціи Манасеинымъ, по его просьбѣ, вызванъ въ Петербургъ предсѣдатель Сѣдлецкаго Мирового Съѣзда 2-го округа (въ которомъ сосредоточивалось большинство уніатскихъ дѣлъ), сдѣлавшій докладъ о видахъ уголовныхъ преслѣдованій противъ „упорствующихъ“, при чемъ министръ, выслушавъ затѣмъ

подробный разборъ и оцѣнку юридическихъ основаній для такихъ преслѣдованій, далъ этому предсѣдателю соотвѣтствующія указанія и поручилъ, чтобы впредь такія преслѣдованія, роняющія достоинство судебной власти и лишенныя законнаго основанія, не возбуждались. На-ряду съ этимъ изложены тѣ объясненія, которыя имѣлъ по этимъ дѣламъ оберъ-прокуроръ уголовнаго кассаціоннаго департамента съ К. П. Побѣдоносцевымъ, согласившимся, въ концѣ концовъ, съ незаконностью практиковавшихся преслѣдованій „упорствующихъ", — и съ варшавскимъ генералъ-губернаторомъ І. В. Гурко, выразившимъ глубокое несочувствіе уніатской эпопеѣ... Въ заключеніи „воспоминаній" указывается, что, несмотря на рѣшеніе Сената, положившее конецъ судебному производству дѣлъ о „краковскихъ бракахъ", бывшіе уніаты стали привлекаться къ отвѣтственности по той же 29 ст. уст. о наказ. за непредставленіе дѣтскихъ метрикъ лицамъ, ведущимъ акты гражданскаго состоянія, что однако не составляетъ проступка, караемаго уголовными законами, почему дѣла и этого рода были прекращены, согласно рѣшенію Сената, съ освобожденіемъ содержавшихся въ тюрьмахъ.

Нынѣ бывшій предсѣдатель Мирового Съѣзда Н. А. Логановъ издалъ брошюру *„Уніатскія дѣла въ воспоминаніяхъ А. Ѳ. Кони и въ дѣйствительности"*. Характеризуя въ ней отношеніе бывшихъ уніатовъ къ совершившемуся возсоединенію, онъ признаетъ, что первоначально послѣднее совершилось, казалось, довольно благополучно, и лишь меньшинство приходовъ присоединилось формально подъ административнымъ давленіемъ, и находитъ, что тамъ, гдѣ Россія являлась только властной государственностью въ формѣ войскъ и правящаго чиновнаго класса, дѣло вѣры, предоставленное лишь собственному теченію, не могло не уклониться отъ даннаго государствомъ формальнаго направленія. Поэтому необходимо было дѣйствовать тѣмъ, что единственно было въ распоряженіи правительства, т. е. мѣрами государственными, но при осуществленіи преслѣдованій никакого давленія на чью-либо совѣсть или на религіозное убѣжденіе ни у кого изъ власти не было, а отъ „упорствующихъ" требовалось лишь исполненіе общегосударственнаго внѣшняго порядка, по соблюденіи котораго они, по мнѣнію автора, обвѣнчавшись въ православной церкви или же окрестивъ своего ребенка по православному обряду и представивъ по принадлежности метрику о томъ, оставались затѣмъ на полной религіозной свободѣ. Очертивъ съ этой точки зрѣнія происхожденіе дѣлъ объ „упорствующихъ", г. Логановъ стремится опровергнуть вышеприведенныя воспоминанія, какъ несогласныя съ дѣйствительностью, утверждая, что, приглашенный по желанію К. П. Побѣдоносцева на совѣщаніе

у министра юстиціи объ этихъ дѣлахъ, онъ *никакого доклада о нихъ не дѣлалъ*, что, наоборотъ, оберъ-прокуроръ А. Ѳ. Кони въ своемъ докладѣ часто указывалъ на неправильныя дѣйствія Мирового Съѣзда и кстати и некстати упорно повторялъ, что предсѣдатель и члены Съѣзда Сенатомъ будутъ *преданы* суду; — что генералъ Гурко не только не относился *отрицательно* къ уніатскимъ дѣламъ, но, интересуясь ими, желалъ сохранить установившуюся по нимъ практику; — что никакихъ указаній онъ, Логановъ, отъ министра юстиціи *не получалъ* и что, наконецъ, при уходѣ отъ министра, оберъ-прокуроръ, уже на лѣстницѣ, на его вопросъ о примѣненіи 29 статьи къ непредставленію метрикъ призналъ такое примѣненіе согласнымъ съ закономъ. Въ подтвержденіе всего этого г. Логановъ ссылается, какъ на свидѣтеля, на одного изъ насъ, а именно на *Е. Ф. Турау*, занимавшаго въ то время должность прокурора Варшавской Судебной Палаты и приглашеннаго министромъ на совѣщаніе.

Къ сожалѣнію, въ интересахъ истины, мы считаемъ своимъ долгомъ заявить, что всѣ эти утвержденія Н. А. Логанова представляются не соотвѣтствующими дѣйствительности.

Во-первыхъ,—вызванный министромъ юстиціи одновременно съ прокуроромъ Варшавской Судебной Палаты для представленія подробнаго доклада о всѣхъ видахъ примѣненія 29 ст. уст. о нак. къ „упорствующимъ", Н. А. Логановъ участвовалъ въ совѣщаніи у министра, и лишь послѣ его доклада оберъ-прокуроръ изложилъ свои соображенія по каждому изъ пунктовъ послѣдняго. *Во-вторыхъ*,—никакихъ указаній на преданіе суду кого бы то ни было на совѣщаніи никѣмъ не было и не могло быть сдѣлано уже потому, что отмѣна въ кассаціонномъ порядкѣ рѣшенія по неправильному толкованію закона отнюдь не связана съ преданіемъ суду, которое при томъ отъ уголовнаго кассаціоннаго департамента вовсе и не зависитъ. *Въ-третьихъ*,—на заявленіе Н. А. Логанова, что поводомъ для преслѣдованій по 29 статьѣ считается и непредставленіе упорствующими метрикъ, ему было указано, въ присутствіи членовъ совѣщанія, что для признанія въ подобныхъ случаяхъ законности требованій полицейской власти необходимо ближайшее ознакомленіе съ правилами о составленіи и веденіи книгъ народонаселенія въ Царствѣ Польскомъ, изъ коихъ можетъ явствовать, насколько представленіе метрикъ по требованію магистрата является обязательнымъ. *Въ-четвертыхъ*,—Н. А. Логановъ, по окончаніи совѣщанія, получилъ отъ министра юстиціи категорическія и руководящія указанія въ той именно формѣ, въ какой они изложены въ „воспоминаніяхъ судебнаго дѣятеля". *Въ-пятыхъ*,—отрицательное отно-

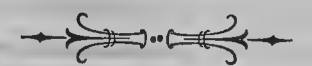
шеніе І. В. Гурко къ преслѣдованіямъ „упорствующихъ", о которомъ упоминается въ „воспоминаніяхъ", подтверждается и неоднократными личными наблюденіями тогдашняго прокурора Варшавской Судебной Палаты. *Въ-шестыхъ*,—когда состоялось рѣшеніе Сената по первому дошедшему до него изъ Люблинскаго Съѣзда 2 округа дѣлу по обвиненію упорствующихъ въ непредставленіи метрикъ, которымъ приговоръ Съѣзда былъ отмѣненъ за неправильнымъ примѣненіемъ 29 ст. Устава о наказ., то въ отвѣтъ на письмо Н. А. Логанова оберъ-прокуроръ сообщилъ ему объ этомъ рѣшеніи и привелъ мотивы таковаго, основанные на соображеніи спеціальныхъ правилъ, истребованныхъ отъ варшавскаго губернатора со свѣдѣніями отъ другихъ губернаторовъ о способѣ осуществленія этихъ правилъ.

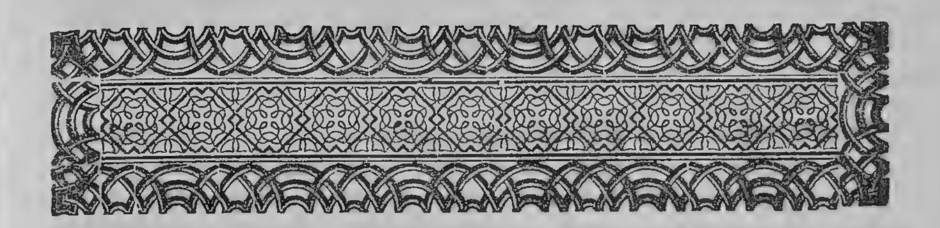
Авторъ „уніатскихъ дѣлъ" считаетъ, что указаніе „воспоминаній" на „неуловимаго столоначальника", который „не дремалъ" въ изысканіи основаній для преслѣдованій упорствующихъ, относится къ нему лично. Онъ ошибается... Въ ставшихъ историческими словахъ Императора Николая I: „Россіей управляютъ столоначальники", разумѣлись, конечно, не тѣ или другія опредѣленныя физическія лица, а общій бюрократическій духъ, выражающійся въ привязанности къ рутинѣ и въ упорномъ нежеланіи отрѣшиться отъ сдѣлавшихся привычными взглядовъ и пріемовъ. Употребленное въ этомъ именно смыслѣ въ „воспоминаніяхъ судебнаго дѣятеля" слово „столоначальникъ" никакъ не можетъ быть отнесено лично и исключительно къ Н. А. Логанову, ибо, хотя гминными судами въ Люблинской и Сѣдлецкой губерніяхъ и въ томъ числѣ гминными судами 2 округа Сѣдлецкой губерніи и было составлено по дѣламъ о непредставленіи метрикъ около ста двадцати обвинительныхъ приговоровъ, но въ постановкѣ ихъ предсѣдатель Съѣзда, конечно, участія принимать не могъ. По поступленіи же тѣхъ изъ этихъ приговоровъ, которые были обжалованы осужденными, Съѣздъ подъ предсѣдательствомъ Н. А. Логанова, руководясь сообщеннымъ въ письмѣ оберъ-прокурора рѣшеніемъ Сената, постановилъ объ оправданіи послѣднихъ.

Говоря объ отношеніи „Петербурга" къ дѣламъ объ упорствующихъ, авторъ брошюры „*Уніатскія дѣла въ дѣйствительности*" находитъ, что дымка красивыхъ фразъ и общихъ мѣстъ, въ родѣ указанія на то, что „вѣра порождается исключительно благодатью Господней, поученіемъ, кротостью и добрыми примѣрами", затягиваетъ типичность и настойчивость фактовъ, касающихся этихъ дѣлъ. Дозволительно однако думать, что приводимое *общее мѣсто* не безъ основанія помѣщено въ 70 ст. XIV т. Св. Зак. въ раздѣлѣ

о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій противъ вѣры—и не даромъ повторено въ Высочайшемъ Указѣ Правительствующему Сенату отъ 17 апрѣля 1905 г.,—и что *дымка* этой *красивой фразы* не могла однако затянуть такого типическаго факта, какъ дарованіе въ 1904 году помилованія 192 бывшимъ уніатамъ, сосланнымъ, въ качествѣ упорствующихъ, административно, въ числѣ 47 семействъ, изъ Сѣдлецкой въ Оренбургскую губернію.

А. Θ. Кони.
Е. Ф. Турау.





Дневникъ академика В. П. Безобразова.

1887 [1]).

20 марта. Былъ у В. П. Гаевскаго, между прочимъ, для вопросовъ объ экономическихъ обѣдахъ (вслѣдствіе смерти Грейга). Были Е. И. Ламанскій, Г. П. Небольсинъ, Н. Козловъ, Краевскій. Много говорили объ инцидентѣ Каткова, занимающемъ теперь весь городъ. Катковъ напечаталъ воинственную статью, направленную противъ Германіи, противъ министерства иностранныхъ дѣлъ и противъ правительственнаго сообщенія о нашихъ дружественныхъ отношеніяхъ къ Германіи. Германскій посолъ Швейничъ спросилъ Гирса, кому германское правительство должно больше вѣрить— „Московскимъ Вѣдомостямъ" (редакторъ которыхъ получилъ Владимірскую звѣзду при рескриптѣ, выражающемъ сочувствіе его государственнымъ взглядамъ) или „Правительственному Вѣстнику"? Гирсъ просилъ Государя или его уволить или дать предостереженіе Каткову.

Уволить не согласились, а вмѣсто предостереженія послали словесный выговоръ. Катковъ пріѣхалъ сюда и хочетъ прекратить свою редакцію „Моск. В.".

22 марта, воскресенье. Сегодня у меня кое-кто былъ. Катковъ торжествуетъ; не только нѣтъ рѣчи ни о какомъ предостереженіи, но Государь обласкалъ его и сказалъ, что онъ знаетъ, что Катковъ—первый патріотъ Россіи. Н. Литке видѣлъ вчера Гирса, и тотъ сказалъ ему, что il ne se tient pas pour battu (не считаетъ себя побѣжденнымъ), что онъ будетъ говорить съ Государемъ, выйдетъ

---

1) См. „Русская Старина", декабрь 1912 г.

въ отставку. Катковъ былъ у Гирса, и Гирсъ его не принялъ. Ничего изъ этого не выйдетъ, и Гирсъ останется.

Интересно то, что мнѣ говорилъ сегодня Д. Воейковъ. Въ Берлинѣ будутъ теперь знать, что сила на сторонѣ Каткова, и будутъ вести переговоры съ нимъ, а не съ Гирсомъ. Катковъ же съумѣетъ пойти на сдѣлку съ Берлиномъ и охранить достоинство Россіи лучше, чѣмъ Гирсъ (все это очень возможно, но хорошо положеніе!).

Всѣ, кого я вижу, крайне возмущены противъ Каткова. Положеніе нестерпимое! Просто нѣтъ правительства, а диктаторствуетъ частный, безотвѣтственный человѣкъ Катковъ. Конечно, при дрянности нашего государственнаго люда и пассивности общества, это положеніе можетъ продолжаться. Но мнѣ оно кажется очень натянутымъ и, кажется, должна бы быть какая-нибудь détente отъ внутреннихъ или внѣшнихъ обстоятельствъ. Это положеніе хуже, чѣмъ Болгаріи. Командуетъ первый встрѣчный. Верховная власть унижена. Европейскія правительства должны получить полное презрѣніе къ такому анархическому состоянію. Тутъ же нигилизмъ, весьма распространенный. Грустно за Россію! Если бы я былъ моложе, то пошелъ бы къ Государю во что бы то ни стало, чтобъ открыть ему глаза.

23 марта. Былъ сегодня у В. К. Сергѣя Алек. и нашелъ у него Павла Алек. Были со мной очень милы, совсѣмъ такъ дружественны и просты, какъ будто ближе къ нимъ на свѣтѣ нѣтъ никого, какъ я. Въ такія минуты я чувствую себя очень къ нимъ близкимъ. Это бываетъ, когда мы одни безъ придворнаго entourage'а. Я это прямо высказалъ С. А. и сказалъ, что я ихъ люблю, для меня—наслажденіе ихъ видѣть, но я терпѣть не могу придворной атмосферы и потому не часто у него бываю. Въ разговорѣ обнаружилась интересная вещь. Какимъ же образомъ Государь ласкаетъ Каткова, представляющаго собой воинственную политику? Тутъ ничего нельзя понять, какъ во всемъ нашемъ положеніи. Я сказалъ, что нахожу печальнымъ тріумфъ Каткова, и вообще все очень грустно. Кажется, и они съ этимъ согласны. По крайней мѣрѣ, ни малѣйшаго возраженія на мои искреннія мысли о Катковѣ, Каульбарсѣ и т. д. я не слышалъ. Если можно, я еще поговорю съ С. А., но не хочу лѣзть впередъ и навязывать мои мысли. Прежде былъ нечестолюбивъ, какъ и теперь, но теперь сверхъ того усталъ и неспособенъ дѣйствовать.

24 марта. Сегодня завтракалъ у В. К. Сергѣя Алек., и у меня былъ съ нимъ до завтрака интересный разговоръ. Я облегчалъ мою душу, исполнивъ мой долгъ. Я изложилъ мой взглядъ на отно-

шенія Государя къ Каткову—на иллюзіи, въ которой находится Государь относительно значенія Каткова въ русскомъ обществѣ. На это С. А. отвѣчалъ мнѣ: „я еще на-дняхъ говорилъ съ Государемъ о Катковѣ и откровенно и многое ему сказалъ въ томъ родѣ, какъ вы говорите. Но тутъ ошибка и ваша, и многихъ. Фаворъ Государя къ Каткову чрезвычайно преувеличенъ. Это говоритъ самъ Государь. К. пріѣзжаетъ сюда при каждомъ событіи, чтобъ собрать свѣдѣнія (пошпіонить) для своихъ статей и придать себѣ значенія, и больше ничего". Противъ того, что говорилъ С. А., я возразилъ еще: „Фаворъ исключительный, который возмущаетъ всѣхъ порядочныхъ людей, доказывается для всѣхъ ясно: рескриптъ Каткову весной при звѣздѣ; онъ свалилъ Бунге и повалитъ Вышнеградскаго; онъ теперь написалъ противъ правительственнаго сообщенія и послѣ этого былъ очень милостиво принятъ. Наконецъ, просто уже фактъ необычайный имѣть личный доступъ къ Государю и мочь ему говорить, особенно нынѣшнему Государю, который никого не видитъ. Это все факты достовѣрные, что бы тамъ ни преувеличивали. На все это С. А. молчалъ. Онъ, очевидно, со всѣмъ этимъ согласенъ. Онъ очень хорошъ съ Государемъ, но апатиченъ къ общему дѣлу и не говоритъ ему".

Послѣ того я былъ у П. Ѳ. Самарина.

С. считаетъ К. все-таки патріотомъ (его главный мотивъ патріотизмъ), но соглашается во всемъ остальномъ со мной, даже не считаетъ К. честнымъ. Признаетъ его властолюбіе, самолюбіе, корыстолюбіе. Соглашается, что все это положеніе глупое и гибельное для Россіи. Однако, много считать К. патріотомъ,—онъ прежде всего думаетъ о себѣ,—не о карманѣ, хотя и его не забываетъ.

Таково мое убѣжденіе: я могу ошибаться, но едва-ли. Въ настоящую минуту вся Европа говоритъ всего болѣе о К. и его свиданіи съ Государемъ.

Я спросилъ Самарина: „если К. искренній патріотъ, то отчего же онъ не идетъ въ министры, онъ могъ бы еще болѣе сдѣлать для Россіи, но онъ боится отвѣтственности". Самаринъ говоритъ, что онъ хочетъ дѣйствовать, какъ публицистъ. Но какой же это публицистъ, насильственно зажимающій ротъ печати?

26 марта. Вчера былъ обѣдъ важнѣйшихъ членовъ эконом. обѣдовъ у Е. И. Ламанскаго для предварительнаго обсужденія: 1) избранія новаго предсѣдателя на мѣсто Грейга; 2) чествованія памяти Грейга. Были Вешняковъ, Гротъ, Любощинскій, Небольсинъ, Куломзинъ, Кауфманъ, Гаевскій, Тернеръ и я (потомъ пріѣхалъ Мордвиновъ). Рѣшили предложить на слѣдующемъ обѣдѣ выборъ постояннаго предсѣдателя (были двѣ другія комбинаціи—отбро-

шенныя—вернуться къ старому порядку избранія предсѣдателя на каждый обѣдъ и усиленія числа вице-предсѣдателей для предсѣдательствованія по очереди) и предложить подписку на капиталъ для премій. Видимо Ламанскій очень желаетъ быть предсѣдателемъ. Многіе находятъ его общественное положеніе недостаточнымъ и желаютъ Грота, который хотя и отказывается, но, я думаю, не будетъ упираться. Гротъ былъ бы полезнѣе, и я колеблюсь, на что мнѣ рѣшиться.

28 марта. Третьяго дня обѣдалъ у В. К. Александры Іосифовны. Была очень нѣжна и извинялась, что давно не приглашала среди исключительныхъ обстоятельствъ времени. Она ужасно жаловалась на окружающія обстоятельства—покушенія и фаворъ Государя къ Каткову, и я съ ней очень сошелся.

Вчера было общее собраніе Сената: опять тѣ же два теченія—людей, угождающихъ министрамъ, и независимыхъ обвиняемыхъ въ оппозиціи, въ антиправительственныхъ чувствахъ! Къ послѣднимъ принадлежу и я (вмѣстѣ съ Мордвиновымъ). Во главѣ этой группы (она приблизительно составляетъ половину сенаторовъ общаго собранія) стоятъ Арцимовичъ и Шумахеръ. Ничего кромѣ *охраны законности* въ государствѣ противъ произвола правителей не хочетъ эта группа.

По моей совѣсти я принадлежу къ этой группѣ. Можетъ быть, мнѣ это и повредитъ. Веліо—другой человѣкъ. Вчера мы обѣдали у него съ Мордвиновымъ. Онъ произвелъ на меня самое грустное впечатлѣніе—какъ и всегда относительно публичной жизни. Это *неудавшійся* карьеристъ, хотя ему удалось несравненно больше, чѣмъ онъ заслуживалъ. Онъ раздраженъ, что его не дѣлаютъ членомъ Государственнаго Совѣта, и считаетъ за собой на это право. Но за что? Это всегда былъ неспособнѣйшій и наименѣе образованный изъ всѣхъ моихъ лицейскихъ товарищей. Онъ всегда былъ прежде всего жуиромъ и дѣлалъ необыкновенную блистательную карьеру вслѣдствіе своего отца, потерявшаго руку на Сенатской площади 14 декабря 1825 г. Объ этомъ онъ постоянно напоминаетъ, даже съ наглостью. Но получая быстрыя повышенія безъ всякой работы, онъ Богъ знаетъ, что о себѣ возмнилъ. Впрочемъ, честный человѣкъ и это его достоинство. 1-го марта 1881 г., когда онъ доказалъ свою полную несостоятельность какъ начальникъ тайной полиціи, онъ впалъ въ немилость, хотя былъ сдѣланъ сенаторомъ съ огромнымъ содержаніемъ и позволеніемъ жить въ деревнѣ. Теперь онъ изъ недовольныхъ. Его убѣжденія самыя антипатичныя деспотическія. Онъ говоритъ, что все, что дѣлаетъ Сенатъ, выѣденнаго яйца не стоитъ—съ той точки зрѣнія, что только личная

административная власть имѣетъ значеніе. Онъ не понимаетъ, что, напротивъ, только то, что дѣлаетъ Сенатъ, охраняя законность въ государствѣ, останется, какъ вѣчный капиталъ, хотя и накопляемый по капелькамъ. Въ сравненіи съ этимъ не только всѣ административныя распоряженія, но и законы, ломающіе и созидающіе изъ года въ годъ,—ничто. Веліо разсказывалъ изъ вѣрныхъ источниковъ (чиновъ тайной полиціи), какъ было дѣло 1-го марта. Открытъ заговоръ черезъ перлюстрацію за нѣсколько дней, т. е. случайно. Эти юноши такіе идіоты, что переписывались по почтѣ о своихъ замыслахъ.

Оржевскій слѣдилъ и открылъ, окруживъ преступниковъ своими агентами. Храня добычу только для себя, онъ ничего не сообщилъ Грессеру. Отсюда раздраженіе противъ него и немилость къ нему. Если бъ Грессеръ зналъ раньше, то онъ направилъ бы Государя въ Петропавловскій соборъ не по Невскому.

Все-таки, хотя это разсказывается, какъ совершенно достовѣрный фактъ, это еще не ясно.

Междуусобіе полиціи траги-комично.

30 марта. Вчера былъ у меня членъ Госуд. Совѣта Старицкій. Прочитавъ мою книгу о самоуправленіи, онъ восхитился ею и уговаривалъ меня написать теперь вновь объ этомъ. Теперь, говоритъ онъ, это особенно необходимо, когда внесенъ Толстымъ въ Госуд. Сов. проектъ о земскихъ начальникахъ. Большинство Госуд. Сов. возмущено замысломъ подорвать самоуправленіе и земскія учрежденія. Но я писать не буду. Я только вооружу противъ себя въ неудачный для меня личный моментъ безъ всякой пользы для дѣла.

2 апрѣля. Былъ сегодня у В. К. Павла Алек. и съ нимъ у С. А. на завтракѣ.

6 апрѣля. Понедѣльникъ на Святой. Страшно измучился и тѣлесно и духовно эти дни. Въ великую субботу ѣздилъ по заведенному обычаю къ В. К. Дмитрію Конст. и къ Лееру поздравлять съ его рожденіемъ и обѣдалъ у него.

Заутреня въ Зимнемъ Дворцѣ, христосовался съ Государемъ, потомъ разговѣнье у В. К. Александры Іосифовны. Сегодня изъ всѣхъ посѣщенныхъ мною членовъ Импер. фамиліи засталъ только В. К. Павла Алек. Еще разъ убѣдился, какой онъ прелестный молодой человѣкъ! Всего легче отношенія къ нему.

7 апрѣля. Обѣдалъ сегодня у В. К. Константина Конст. и Елизаветы Мавр. Мы обѣдали втроемъ очень gemüthlich. Удивительная жизнь нашей Импер. фамиліи и въ Петербургѣ. Они меня чрезвычайно рады видѣть. И вотъ единственный разъ, когда удалось

въ нынѣшнюю зиму побесѣдовать въ теченіе одного часа. Очень сердечные они оба люди.

Мы много говорили о Конст. Ник. и разбираемыхъ мною теперь бумагахъ Литке. Я разбираю огромную массу бумагъ,—переписку Литке съ В. К. Константиномъ Ник. и Головнинымъ по дѣламъ (проектамъ преобразованій) морского министерства въ 50-хъ и 60-хъ годахъ. Не знаю, что станется съ этимъ важнымъ историческимъ матеріаломъ. Замѣчу здѣсь, что только очень трудно разобрать бывшія въ эту эпоху личныя отношенія между Константиномъ Ник., Литке и Головнинымъ. А эти отношенія имѣли громадное значеніе для морскихъ реформъ. Въ бумагахъ, мною читанныхъ, много путаницы и противорѣчій, и трудно будетъ разобраться будущему историку прошедшаго царствованія, въ которомъ Конст. Ник., Головнинъ и ихъ затѣи играли значительную роль въ началѣ и въ періодѣ реформъ.

9 апрѣля. Третьяго дня вечеромъ былъ академическій Kränzchen у ген. Тилло—попытка возобновленія этихъ собраній. Были исключительно нѣмцы кромѣ одного меня. Только нѣмцы способны собираться ради научныхъ интересовъ. Русскій элементъ, допущенный на эти вечера нѣсколько лѣтъ тому назадъ, разстроилъ ихъ.

Вчера былъ экономическій обѣдъ. Я былъ многимъ недоволенъ,—во 1-хъ собралось мало, во 2-хъ вѣчные мнѣ упреки со всѣхъ сторонъ,—все не такъ, въ 3-хъ, дѣла рѣшены не такъ, какъ я считалъ за лучшее (конечно, я не настаивалъ на своихъ замыслахъ, какъ всегда не настаиваю). Рѣшено учредить премію Грейга за лучшія экономическія сочиненія и составить капиталъ. Подписка пошла вчера очень бойко. Уже подписано на 1.550 р., такъ что можно ожидать 4 т., что достаточно для учрежденія преміи на вѣчныя времена. Я этому очень радъ, потому что, кромѣ чествованія памяти Грейга, мнѣ давно хотѣлось учредить премію за лучшія экономическія сочиненія.

Затѣмъ рѣшено отложить выборы предсѣдателя до зимы. При этомъ гр. Паленъ предложилъ вопросъ объ узаконеніи нашего общества. Рѣшено, чтобъ бюро представило въ октябрьскомъ засѣданіи докладъ по этому предмету. Дай Богъ, чтобъ что-нибудь состоялось.

Выборы предсѣдателя, очевидно, отложены вслѣдствіе нежеланія большинства выбрать Е. И. Ламанскаго. Дурное о немъ мнѣніе меня поражаетъ! Оно отчасти понятно вслѣдствіе его злоупотребленій, когда онъ былъ управляющимъ Государственнымъ Банкомъ, отчасти объясняется гадкимъ свойствомъ петербургскаго общества и вообще людей покидать человѣка, когда онъ не въ силѣ. Я же,

напротивъ, расположенъ всегда поддерживать людей, когда они упали, и идти противъ нихъ, когда они въ силѣ. Это естественное чувство много мнѣ вредило. Л. съ удивительнымъ смиреніемъ всему подчинялся.

Всего страннѣе держитъ себя Тернеръ. Мнѣ очень грустно, какъ онъ сталъ высокомѣренъ съ тѣхъ поръ, какъ товарищъ министра финансовъ, хотя скорѣе можно пожалѣть о немъ, что онъ нравственно унизился до этого мѣста. Я не ожидалъ, что онъ такъ ничтоженъ, хотя это и можно было ожидать, начиная съ его молодости.

Какъ мало людей въ Петербургѣ, которые не мѣнялись при той или другой (къ лучшему или худшему) перемѣнѣ оффиціальнаго положенія: Гагемейстеръ, Вешняковъ, Ламанскій отчасти (только отчасти), Бунге,—болѣе я не знаю.

10 апрѣля. Сегодня былъ у В. К. Владиміра Алек. на пріемѣ и завтракѣ (по случаю его рожденія). Была вся импер. фамилія и много народу. Со мной были хороши. Императрица показала особенную любезность, подойдя ко мнѣ и давъ руку.

Сегодня опять убѣдился, какъ врутъ въ П. и какъ нельзя ничему вѣрить. Вчера мной слышанное и съ величайшимъ апломбомъ разсказанное о новомъ покушеніи на Государя оказывается совершеннымъ вздоромъ. Вся полицейская исторія по поводу 1-го марта (разсказъ Веліо) оказывается выдумкой. Разобраться въ этой исторіи (ссора городской полиціи съ тайной), и кто спаситель, невозможно. Фактъ только ссора и полная полицейская анархія, что грустно при дѣйствіяхъ нигилистовъ.

13 апрѣля. Всякій день убѣждаюсь, какъ шатки свѣдѣнія, сообщаемыя изъ *самовѣрнѣйшихъ* даже источниковъ, и какъ можно сбить съ толку будущихъ читателей этихъ строкъ, записывая эти свѣдѣнія. Поэтому рѣшился записывать только то, что самъ видѣлъ и несомнѣнно знаю. А такого интереснаго для будущаго очень мало.

16 апрѣля. Сегодня завтракалъ у В. К. Сергѣя Алек., и мы очень сердечно бесѣдовали. Много говорили о политическихъ дѣлахъ. Онъ какъ будто сочувствуетъ всѣмъ моимъ мыслямъ, отчасти соглашается со мной, но не рѣшается это рѣшительно высказывать. Я очень рѣшительно говорилъ ему о нынѣшнемъ горестномъ направленіи дѣлъ, о трудностяхъ, накопляемыхъ (вслѣдствіе Каткова и Побѣдоносцева) къ будущему царствованію. Онъ съ этимъ вполнѣ соглашался.

23 апрѣля. Очень досадно, что не успѣлъ быть на политическомъ процессѣ этихъ дней (заговорщиковъ 1-го марта). Отъ присутствовавшихъ слышалъ, что процессъ былъ очень интересенъ.

Впечатлѣніе печальное. Пропаганда анархизма весьма распространена и упорна. Преступники (кромѣ одного ничтожнаго) не показали ни малѣйшаго раскаянія, даже не хотѣли помилованія. Прямо говорили, что шли на цареубійство, какъ на единственное средство противодѣйствовать существующему порядку. Я все-таки, не слышалъ ихъ самъ, не могу по разсказамъ отдать себѣ отчета въ ихъ ходѣ мыслей. Говорятъ, что одинъ говорилъ очень умно (между прочимъ, доказывалъ, что въ Россіи безъ насилія нельзя ничего улучшить), но не понимаю, какъ можно умно доказывать всѣ эти нелѣпости.

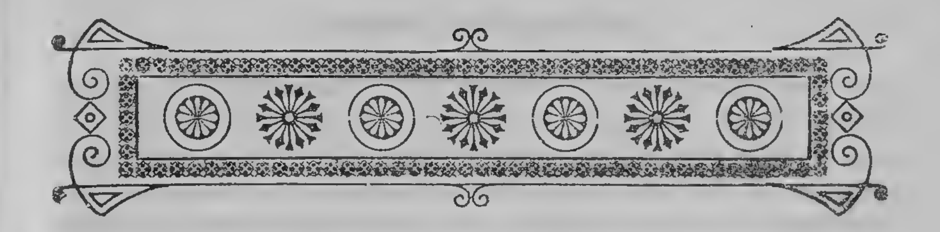
Вчера завтракалъ у В. К. Сергѣя Алек. Былъ тамъ Хитрово, посланникъ въ Румыніи, одинъ изъ нашихъ замѣчательныхъ дипломатическихъ дѣятелей на Востокѣ. Un beau parleur. Все критикуетъ, а самъ ничего не сдѣлалъ. Это—особенность нашихъ дѣятелей, ничего не способныхъ произвести и способныхъ только критиковать.

27 апрѣля. Я былъ въ такомъ мрачномъ состояніи, что не былъ въ состояніи ничего записывать, впрочемъ, ничего особеннаго и не было.

Сегодня завтракалъ у В. К. Сергѣя Алек. Было очень пріятно. Говорили объ Ильинскомъ, куда зовутъ меня опять осенью. Сердечность С. А. и Е. Ѳ. всѣхъ превосходитъ. Съ нѣкоторыхъ поръ они особенно ко мнѣ нѣжны.

Сообщ. М. В. Безобразова.

(Продолженіе слѣдуетъ).



Горе московскихъ жителей въ 1812 г.

(современныя письма).

Около двухъ лѣтъ назадъ я пріобрѣлъ остатки семейнаго архива старыхъ дворянскихъ родовъ Ушаковыхъ и Щербининыхъ. При разборѣ въ числѣ прочихъ оказались и нижепомѣщенныя письма Т. А. Яковлевой и ея родственниковъ, любопытныя какъ свидѣтельство современниковъ о пережитомъ въ священной памяти 1812 году. О самой Яковлевой, видимо родственницѣ Щербининой, можно сдѣлать лишь одно заключеніе, что она была вдовой какого-то генералъ-маіора Яковлева. Остальныхъ лицъ установить не удается. Письма четкихъ почерковъ на двухъ листахъ почтовой золотообрѣзной бумаги слегка синеватой съ буквами V. B. E. R. K. L. P. и печатаются съ ихъ оригинальной ороографіей.

Проф. *И. Шляпкинъ.*

I.

Дражайшая моя Ольга Петровна!

Зблагословенными детками, будьте Богомъ хранимы; болѣзную душою, что объ васъ такъ долгое время не имею сведенія, а я насила собралась съ силами о себѣ васъ увѣдомить, что несчастіе, случившееся таперь остановило насъ въ городѣ Михайловѣ.

Не безызвестно уже вамъ, что 2-го сентября Москва занята непріятелями; правительствомъ были уверяемы, что опасности нетъ,

да и какъ возможно было ожидать такова бедствія, какое мы потерпели; явнымъ промысломъ Божіимъ только спасена жизнь наша: родственникъ Ивана Степановича, служащій въ Черниговскомъ драгунскомъ полку—Иванъ Павловичь Родаковъ съ арміею шолъ постепенно изъ Москвы, заѣхавъ съ двумя чиновниками, добрыми старыми друзьями, не ожидая, чтобъ застать насъ дома и, увидя насъ, что мы и недумали выезжать удивился и объявя, что непріятель уже близко заставы, посоветовалъ немедля выезжать, устроилъ нашъ путь, далъ сколько могъ лошадей, денщика и въ полчаса были готовы.

Сели только въ томъ, въ чомъ были; въ совершенномъ отчаяніи раставались съ своимъ жилищемъ и со всемъ своимъ имуществомъ, которое осталось на расхищеніе врагамъ; и не помня ничево, только услышали, что воинская полиція, подъехавъ къ воротамъ, кричала: спешите, что уже вступили въ городъ. Такъ избавитель нашъ и спаситель жизни несчастной, давъ намъ провожатыхъ казаковъ и денщика, и велелъ ехать въ следъ за арміею на Рязанской трактъ. И когда мы пробирались мимо Кремлевской стены, то непріятель уже въ Кремле стрелялъ изъ ружей и палилъ изъ пушекъ. Можите судить, каково было наше положеніе, спешить было невозможно (потому), что лошади домашніе не поспевали за теми, какіе были впереди насъ. Иванъ Степановичъ все бежалъ пешкомъ едва живъ и ехали между войскъ и ихъ обозомъ; избавитель нашъ передавалъ насъ своимъ пріятелямъ, которые, какъ хранители, видя такое наше несчастное положеніе, заботились. И ночь застигла насъ въ поле, окружаемы были войсками, гдѣ была тогда и главная арміи квартира. Ночь прошла въ страхе безъ сна, тутъ разложили огня, ибо зделалось холодно. На разсветѣ избавитель нашъ, прибавя еще лошадей и далъ надежнаго провожатаго, посоветовалъ держаться ихъ вагенбурга, что мы и продолжали несколько дней, но новое встрѣтилось бедствіе, отъ нестерпимаго огорченія братъ Иванъ Аѳонасьевичъ зделался боленъ, въ дорогѣ не было способу помочь, спешили куда-нибуть и достигли города Козлова, гдѣ, хотя приняты были все способы, но, наконецъ, 25 сентября, приготовясь по долгу христіанскому, не мог(ши) перенести случившагося несчастія, скончался, оставя насъ терпеть бо́льшія огорченія, которые после случились.

Соседъ нашъ оставшійся после насъ въ Москвѣ, захваченъ былъ, по отъезде насъ чрезъ несколько минутъ непріятелями, разсказывалъ, что все наше имущество разграбили, и 4-го числа и жилище сожено до основанія. Буди воля твоя, Господи, по твоимъ судьбамъ все такъ определенно: итакъ оплакиваемъ почтеннаго

нашего, и погребенъ съ честію на лутчемъ месте. Богъ не оставляетъ въ насчастіи насъ отчаенныхъ: въ Козловѣ нашелся старинной доброй пріятель и сослуживецъ Ивану Степановичу, который узналъ о нашемъ несчастіи и, видя насъ, что въ такой нужде, снабдилъ деньгами и провизіею и старался, сколько могъ, о нашемъ спокойствіи, а если бы сего не встрѣтилось благодеянія, то не знаю, чтобъ мы были. И тутъ же въ Козловѣ пріехалъ другъ истинной Ивана Степановича, отставной полковникъ Левъ Яковлевичъ Ленковской.

Найдя насъ, тронулся положеніемъ и перевезъ всехъ насъ въ свою деревню, а потомъ въ городъ сей Михайловъ, снабдилъ насъ всемъ нужнымъ и теперь начинаемъ отдыхать и по милости ево призрены. Вотъ слабое описаніе, дражайшая Ольга Петровна, уверены, что вы объ насъ поскорбите. И прошу васъ уведомить о своемъ здоровьи и милыхъ деточекъ. Почтенной вашей матушкѣ свидѣтельствую мое почтеніе и, желая вамъ благъ отъ Бога, остаюсь доброжелательная вамъ

Татьяна Яковлева.

Прош(л)ую милую новорожденную и будущую именинницу поздравляю. Дай Богъ быть здоровымъ, да прошу уведомить доставленъ ли Данилка Василію Ивановичу. Наши люди всѣ остались въ Москве и слуху нѣтъ. Одинъ на дороги еще Москвою отбитъ и гдѣ находитца не знаю, а таперь чужіе люди у насъ живутъ".

12 ноября 1812 года,
Городъ Михайловъ

(Все письмо писано чужой рукой, подпись и приписка сдѣланы собственноручно угловатымъ почеркомъ Т. А. Яковлевой, типичнымъ для конца XVIII вѣка).

II.

Любезнейшая сестрица Ольга Петровна!

Несщастный случай лишилъ насъ имѣть удовольствіе отъ васъ писанія, о себѣ скажу милая сестрица, что живемъ въ городи Михайлови, лишившись всего, что имѣла, и (погибли бы?) ежели-бъ не добрые друзья Ивана Степановича помогавшие всемъ, что жизни надобна; прошу васъ, любезная сестрица здела(й)те удовольствіе уведомить насъ о вашемъ здоровье и о любезныхъ детушкахъ. Богу видно такъ угодно была лишить насъ всего. Такъ выѣхали, что не имели ни подушки, что успѣли въ узлы завязать, то ище

подъ Москвой растеряли; на бегу нашемъ ратники пообирали, да нельзя была отстанавливаца. Нельзя всего того нещастья описать, что мы собой испытали.

Простите милая будьте здоровы съ любезными детачками.... а я остаюсь сестра (Ваша?). Новорожденную помнила именинницу поздравляю.

(Это письмо на пятой страницѣ писано угловатымъ почеркомъ особымъ, хотя и сходнымъ съ почеркомъ Т. А. Яковлевой).

III.

И я вамъ, любезнѣйшая моя сестрица Ольга Петровна, искреннее почтенiе свидѣтельствую и скорблю душевно что давно неизвѣстны о здоровьѣ вашемъ и милыхъ дѣтачекъ, неожиданный несчастный для насъ случай лишилъ насъ и сего утѣшенiя получить ваши строки. Не буду повторять о нашемъ бѣдственномъ странствованiи и потерпѣнiи различныхъ горестей, наконецъ теперь, по милости благодѣтельныхъ друзей, можемъ чувствовать, что мы еще существуемъ, но изнуренные огорченiями. Посудите, любезнѣйшая сестрица, наше несчастное положенiе: всево лишились, но въ несчастiи нашлись друзья истинные, которыя стараютца облѣхчить нашы горѣсти; толко подкрѣпляетъ упованiе на Бога по ево волѣ святои опредѣлена к старости и слабости здоровья такая несносная участь; в добавокъ печалей нашихъ лишились почтеннаго нашего благодѣтеля, котораго оплакиваемъ (онъ) не могъ перенести несчастiя, но теперь спокоенъ.... немногое еще бѣдствiе. Я прошу васъ, любезнѣйшая сестрица, успокоить извѣщенiемъ о своемъ здоровье... и... какъ вы находитесь. Милою новорожденную поминаю, а будущую именинницу усердно поздравляю, к оному дню настоящее письмо наше поспѣть должно: въ Михаиловѣ одинъ разъ в недѣлю почта отправляетца. Простите, Богъ да хранитъ вас, а я остаюсь преданнои вамъ невѣсткой.

С. К. О.

Почтеннѣйшѣй Александрѣ Яковлевнѣ свидѣтельствую мое искреннее почтенiе и желаю добраго здоровья.

(Написано на седьмой страницѣ почеркомъ XVIII вѣка).

IV.

Ни вы, Милостивая Государыня сестрица Ольга Петровна, не ожидали никогда получить отъ насъ отсюда письма, ни мы не думали сдесь быть когда-либо, но Провиденiе, свыше располагающее

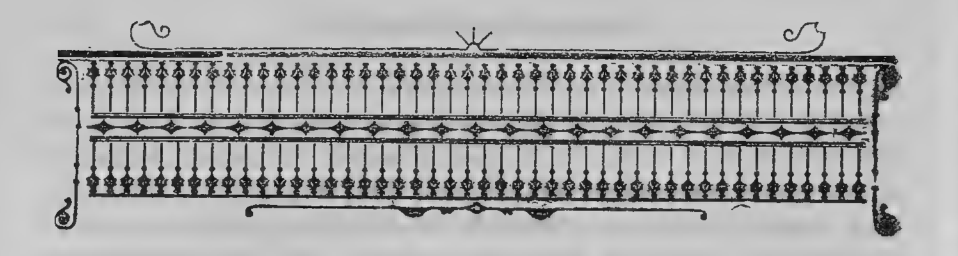
людьми и ихъ жизнью, определило намъ быть сдесь по несщастію, случившемуся съ Москвою 2-го сентября, лишившему и насъ въ нѣсколько минутъ того, что долговременными трудами и бережливостью было наживаемо. Благодареніе Богу и зато, что хоть Онъ насъ спасъ отъ плена непріятельскаго и отъ ихъ варварскихъ неистовствъ. Нещастіе наше такъ велико, что мы, несмотря на оказываемое друзьями моими пособіе, едва только начинаемъ приходить въ себя, а что будетъ впередъ—Богу известно. Есть ли бы и теперь не благотворенія друзей, то бъ пришлось отъ горя преждевременно умереть. Не знаемъ и не ведаемъ, за что на насъ Богъ въ короткое время столько послалъ несчастій. Да будетъ святая Его воля. Станемъ повиноваться и выносить, покуда достанетъ силъ. Прощайте, не лишайте насъ своего писанія и будьте уверены, что былъ есмь и буду вамъ вернымъ и изряднѣйшимъ слугою.

I. Р.

Прошу покорнейше засвидѣтельствовать искреннее мое почтеніе Милостивой Государыне Александре Яковлевнѣ и принять поздравленіе съ прошедшею новорожденною и будущей имянинницей. Дай Богъ, чтобы они и вы съ нею и прочими были навсегда благополучны и здоровы.

(Четвертое письмо написано на восьмой страницѣ хорошимъ почеркомъ начала XIX вѣка).

И. Шляпкинъ.



Басурманская неволя.

(Окончаніе).

VIII[1]).

На Святой Руси.

Полонянникъ не помнилъ себя отъ радости, когда видѣлъ передъ собою стѣны и башни Путивля, черезъ который шли обыкновенно выходцы изъ-за границы. Но здѣсь еще не кончались его злоключенія. Воеводы городовъ, черезъ которые шли полонянники, должны были „ихъ про вѣсти распрашивать и кормы давать, смотря по людемъ, и отписки и проѣзжія грамоты давать". „Проѣзжая грамота" или „память" давалась для свободнаго пропуска черезъ города, „отписку", заключавшую въ себѣ свѣдѣнія о приходѣ полонянника въ пограничный русскій городъ и о распросѣ его мѣстнымъ воеводой, полонянникъ долженъ былъ представить въ Москвѣ въ Разрядный приказъ. Но не такъ легко было добраться до Москвы. Правительство не было щедро на прогоны выходцамъ, и они большею частью добирались до столицы съ какой-нибудь оказіей, или зачастую прямо Христовымъ именемъ. Рылянка, дѣвка Анютка Чубарова, напримѣръ, вышедшая въ 1665 году изъ Азова на Донъ, была отпущена атаманомъ Корниломъ Яковлевымъ „съ торговымъ человѣкомъ на суднѣ водою до Крутояка"; въ Коротоякѣ воевода, „видя ея великую нужду", далъ ей подорожную, по которой она доѣхала до Серпухова, откуда воевода „отпустилъ ее къ Москвѣ на подводѣ съ ко-

---

[1]) См. „Русская Старина" мартъ 1913 г.

лодницею". Въ 1670 году „выбрелъ" изъ Турціи веневитинъ Титъ Ѳедоровъ, 85-лѣтній старикъ, пробывшій въ плѣну цѣлыхъ 70 лѣтъ; еле дотащился онъ до Кіева, гдѣ ему помогъ счастливый случай. „А изъ Кіева, Государь,— сообщалъ въ своей челобитной Ѳедоровъ, видя мою старость и немощь, бояринъ и воевода Петръ Васильевичъ Шереметевъ, идучи съ твоей, Государевы, службы къ Москвѣ, велѣлъ меня везть у себя въ обозѣ, и я, холопъ твой, волокся у него въ обозѣ до Орла". На полонянника Семена Онаньина, шедшаго изъ Саратова въ Москву, „въ Муромскомъ лѣсу наѣхалъ Тайныхъ дѣлъ подьячій Еремѣй Полянской и привезъ его къ Москвѣ" [1]).

Выносливо было тѣло, крѣпки были нервы полонянниковъ, но и они часто не выдерживали полонной нужи. То и дѣло случалось, что полонянникъ, выбравшись на Русь, „залежалъ" въ какомъ-нибудь городѣ: орлянинъ Даншинъ, напримѣръ, шедшій степью до Чугуева цѣлыхъ пять недѣль, на пути въ Москву въ одной деревнѣ Бѣлгородскаго уѣзда „отъ полоннаго терпѣнья и отъ степныя нужи и отъ голоду разнемогся и лежалъ съ годъ, едва не умеръ".

Иногда случалось, что, пройдя благополучно страшныя степи, полонянникъ на русской землѣ сталкивался опять лицомъ къ лицу со своими немилостивыми господами—татарами. Въ 1644 году шедшаго изъ Турціи послѣ 30-лѣтняго плѣна донковскаго казака Пуляева „громили на дорогѣ воровскіе черкасы и татарове". Во время того же набѣга изъ Путивля шелъ въ Москву выходецъ изъ полона, донской казакъ Алексѣевъ съ нѣсколькими товарищами; въ Комарицкой волости Сѣвскаго уѣзда путники наткнулись на татаръ, которые „воевали рыльскія, и путивльскія, и комарицкія мѣста"; татары взяли въ полонъ товарищей Алексѣева, а ему удалось уйти отъ нихъ [2]).

Русскіе разбойники не брезговали жалкой рухлядишкой „нагого и босого" выходца изъ полона; у карачевца Полникова, напримѣръ, въ 1669 году разбойники „межъ Курска и Орла... платьишка и карманецъ съ письмами (документами) отняли". Какъ жутко было полонянникамъ итти дремучими лѣсами Тамбовскаго края, видно изъ того, что одинъ полонянникъ, по его признанію, въ Козловскомъ уѣздѣ, подъ селомъ Тарбѣевымъ отписку, данную ему воеводой, „на лѣсу ото страху оборонилъ".

Люди, не занимавшіеся спеціально разбоемъ, также были не прочь поживиться на счетъ убогаго полонянника. Черкашенина

---

[1]) Пр. 972, 60; Пр. 412, 93, 117.

[2]) Б. 264, 125; Б. 197, 170; Пр. 158.

Зенскаго на Хопрѣ пріютили казаки и потомъ отпустили на Русь; „и съ нимъ было пошли товарищи съ Хопра три человѣка,—разсказывалъ Зенскій,—и, отнявъ у него съ рубль денегъ, что ему давали казаки, съ дороги воротились назадъ“. Иногда недобрые люди прельщались тѣми „добрыми лошадьми“, которыхъ полонянникамъ случалось угонять изъ степныхъ табуновъ своихъ хозяевъ. Полонянникъ Иванъ Андреевъ въ 1662 году увелъ съ собою отъ калмыковъ двухъ добрыхъ коней, „рублей по 50 и по 60“; когда онъ вышелъ на Волгу-рѣку, онъ увидѣлъ, что по рѣкѣ „идетъ насадъ“ (барка) крестьянина Павловской вотчины князя Черкасскаго Алексѣя Иванова. Ивановъ, какъ добрый, довезъ полонянника до села Павлова Перевоза. Здѣсь Ивановъ внезапно перемѣнился въ отношеніи къ Андрееву. „И на Павловѣ Перевозѣ, жаловался Андреевъ,—тотъ Алексѣй меня мучилъ и просилъ на меня записи, и тотъ Алексѣй отвелъ меня въ Павловъ Перевозъ на съѣзжую избу и заковалъ, и на чѣпь сажалъ, и вымучилъ на меня запись, чтобы мнѣ въ тѣхъ лошадяхъ тебѣ, Великому Государю, не бить челомъ, и завладѣлъ онъ, Алексѣй, лошадью, а другую отдалъ приказному (т. е. кн. Черкасскаго) Плакидѣ Семенову“ [1]).

Но и совершенно неимущіе, „въ конецъ разоренные“ полонянники сами по себѣ по тѣмъ временамъ представляли извѣстную цѣнность. Въ 1672 году била челомъ полонянка, мещнянка—„дѣвица“ Палашка Мерцалова на болховитина Өедосѣя Зубкова, захватившаго ее и ея племянницу. По словамъ Мерцаловой, за десять лѣтъ передъ тѣмъ татары взяли ее въ плѣнъ вмѣстѣ съ племянницей; но пробыли онѣ въ плѣну только 4 недѣли, такъ какъ на Днѣпрѣ ихъ „отгромилъ“ Переславскій полковникъ; Зубковъ „на томъ погромѣ“ взялъ ихъ къ себѣ, „говоря имъ обманомъ, знаю де я вашихъ родственниковъ и я де васъ свезу самъ“; вмѣсто этого онъ держалъ 8 лѣтъ Палашку въ своей болховской деревнѣ, а племянницу Мерцаловой „раздѣлилъ съ товарищемъ“; Палашка „стала сказываться стороннимъ людямъ, чтобы ея родственники ее сыскали“; Өедосѣй же ее „подъ ружьемъ ухоранивалъ и всякимъ безчестьемъ безчестилъ и велѣлъ сказываться Комарицкія волости Кузьмина дочь Бордина и билъ ее, на бочкѣ перегнувъ, плетьми и кистенями на мертво“. Освободившись, Мерцалова просила сыскать ея племянницу. Дѣло носило характеръ такой вопіющей несправедливости, что Разрядъ немедленно предписалъ болховскому воеводѣ „сыскать всякими сыски накрѣпко и указъ учинить, до чего доведется, въ правду, безволокитно“.

---

[1]) Пр. 401, 68, 138; Пр. 187, 213; Пр. 239, 282.

Въ числѣ такихъ насильниковъ можно было встрѣтить и духовныхъ лицъ, которымъ менѣе всего было прилично обижать Божьихъ людей. Въ 1638 году донскіе казаки, овладѣвъ Азовомъ, отпустили въ числѣ прочихъ полонянниковъ „старинную послужилицу" подьячаго Буханова дѣвку Авдотьицу, взятую въ плѣнъ за 25 лѣтъ передъ тѣмъ; дѣвка „съ робятишками своими" пошла къ прежнимъ господамъ, но подвернувшійся ей попутчикъ Дѣдиловскій вдовый попъ Богданъ Андреевъ Архиповъ, привелъ ее въ Дѣдиловъ и „отдалъ брату своему Пятницкому попу Семену Нефедьеву, который держалъ ее у себя въ порабощеньѣ и хотѣлъ выдать замужъ насильствомъ". По челобитью подьячаго Буханова воеводѣ было указано: „Авдотьицу, взявъ у попа и поставя передъ собою въ съѣзжей избѣ, распросить, къ кому она похочетъ, и для ея полонскаго терпѣнья далъ бы еси ей волю" [1]).

Правительство старалось оградить интересы полонянниковъ, но часто сами воеводы и подьячіе притѣсняли и грабили выходцевъ изъ полона. Въ 1668 году Тамбовскій крестьянинъ Маркъ Михайловъ, вышедшій изъ Крыма съ 7 товарищами, подалъ слѣдующую челобитную: „Нижнеломовской воевода Борисъ Лопатинъ насъ бѣдныхъ засадилъ въ тюрьму, хотя насъ себѣ покабалить, взялъ у насъ 10 лошадей крымскихъ добрыхъ, и мы, сироты твои, изъ той тюрьмы къ тебѣ, Великому Государю, ушли уходомъ, душою да тѣломъ, а товарыщей нашихъ, троихъ человѣкъ, себѣ во дворъ закабалилъ, а иные въ тюрьмѣ сидятъ, а къ Москвѣ не отпустилъ". Особенно падокъ былъ до полонянниковъ и ихъ лошадей Гаврила Исуповъ, воевода Чернаго Яра, въ который нерѣдко выходили полонянники съ добрыми калмыцкими и нагайскими лошадьми. Сѣвскій драгунъ Самойла Онаньинъ вышелъ изъ нагаевъ въ Черный Яръ съ двумя конями. „И тѣхъ коней у меня воевода отнялъ, жаловался Царю Онаньинъ, и меня, холопа твоего, билъ и увѣчилъ, въ желѣза ковалъ и хотѣлъ покабалить, и я, холопъ твой, не похотя быть въ холопствѣ у него, ушелъ и прибрелъ къ тебѣ, Великому Государю, къ Москвѣ". Еще горше пришлось отъ Исупова вышедшему изъ Крыма на Черный Яръ также съ лошадью ефремовцу-сыну боярскому Софону Леншину. Исуповъ, „ухватя" его и иныхъ крымскихъ полонянниковъ, человѣкъ съ 10, увезъ въ свою Арзамасскую деревню; Леншина онъ женилъ насильно на своей дворовой женкѣ-вдовѣ и, „привязавъ къ скамьѣ, билъ плетьми мало не до смерти, чтобъ онъ не сказывался сыномъ боярскимъ никому, и морилъ долгое время въ чѣпи, въ желѣзахъ

---

[1]) Пр. 709, 17—20; Пр. 109, 227—229.

голодною смертью и на поля посылалъ его хлѣба пахать за сторожами, а товарыщевъ его всѣхъ возилъ въ Арзамасъ имать на нихъ кабалы, и воевода князь Степанъ Шелешпанской кабалъ на нихъ не далъ, что они сказывались невольники"; разсерженный Исуповъ такъ разбушевался, что воевода „велѣлъ бить въ сполохъ", т. е. въ набатъ. Нѣкоторымъ полонянникамъ удалось уйти отъ Исупова; ушелъ и Леншинъ, „проволочился межъ дворъ" и „прибрелъ къ Москвѣ". Здѣсь онъ билъ челомъ Государю, чтобъ ему съ Исуповымъ „свой, Государевъ, милостивый указъ учинилъ". „Чтобъ намъ, крымскимъ полонянникомъ,—писалъ Леншинъ, ставя вопросъ на принципіальную почву—отъ такихъ приказныхъ людей впредь по городомъ такихъ неволь и поругательства и грабленія не было".

Несмотря на всѣ извороты Исупова, Леншинъ доказалъ свою правоту, и 9 іюля 1673 года, черезъ три съ лишкомъ года послѣ начала дѣла, Разрядъ постановилъ Леншина „изъ холопства свободить и написать его въ Государеву службу съ городомъ по Ефремову, съ дѣтьми боярскими", а пограбленнаго у него Исуповымъ имущества „на немъ, Гаврилѣ, искать судомъ". Обижали полонянниковъ и подьячіе, въ отпискахъ „прописывали (т. е. пропускали) ихъ имена для взятковъ" [1]).

Нерѣдко выходца — полонянника ждали на Руси такія бѣды и горести, что онъ могъ пожалѣть и о басурманской неволѣ. Не всегда выпадало ему на долю счастіе увидѣться съ оставшимися у него на родинѣ близкими людьми.

Въ „Запискахъ" Болотова трогательно описано возвращеніе на родину крымскаго выходца Горяина Болотова. „Нигдѣ не видитъ онъ, говорятъ „Записки", своего дома и хоромъ, и глаза его тщетно ищутъ обиталища, которое ему столь мило было". Оказалось, что въ отсутствіе Горяина его жена была убита разбойниками, дочь умерла, умерла „бездѣтно" и сестра, „пресѣклось все ихъ поколѣніе", а хоромы племянники свезли. Ливенецъ Филатовъ, возвратясь изъ плѣна, узналъ, что, „какъ онъ былъ въ полонѣ, и въ то время въ приходъ подъ Ливны Крымскаго хана, татаровя матеря его и четверыхъ сынишковъ поймали въ полѣ, и нынѣ въ полону животъ свой мучатъ".

Жена ефремовца Матрена Башкурова пробыла въ Крыму только годъ, но, возвратясь въ Ефремовъ, узнала, что мужъ ея „на Великаго Государя службѣ въ солдатѣхъ пропалъ безвѣстно, убитъ ли или въ полонъ взятъ, того не вѣдомо"; оставшись „бездѣтной и

[1]) Пр. 384, 561—568; Пр. 412, 117—121; Пр. 1012, 54—77; Пр. 392, 420.

безсемейной", вдова поправила дѣло тѣмъ, что вышла снова за-мужъ. Но этого не могла сдѣлать вдовая мценская попадья Меланья, которая, выйдя изъ полона, по ея выраженію, „помирала голодною смертью, при древней старости въ конецъ погибла".

Надежду сыскать родичей питали даже древніе старцы въ родѣ веневитина Тита Өедорова, пробывшіе десятки лѣтъ въ плѣну и даже забывшіе, „чьимъ прозвищемъ слыли" ихъ родные. Тотъ же Титъ Өедоровъ покинулъ страннолюбиваго боярина П. В. Шереметева, взявшаго его Христа ради съ собою изъ Кіева, и въ Орлѣ „отсталъ отъ его обозу". „Бродилъ на Веневѣ, разсказывалъ потомъ несчастный старикъ, сыскивалъ родственниковъ моихъ и родителей [1]), никого не сыскалъ, и я приволокся нынѣ къ Москвѣ".

Случалось, что полонянникъ по возвращеніи находилъ свою жену за другимъ мужемъ, къ которому поступало въ качествѣ приданаго и имущество полонянника. Жена добренскаго солдата Нефеда Леонтьева Ненила въ то время, какъ онъ былъ въ неволѣ, вышла замужъ за солдата Василія Золотарева и прижила съ нимъ двухъ сыновей, Петрушку и Самошку. Выйдя изъ полона, Леонтьевъ взялъ къ себѣ жену и меньшого сына Золотарева Самошку. Ненила успѣла умереть, а Самошка жениться, до тѣхъ поръ, пока Золотаревъ возстановилъ свои родительскія права, и воевода приговорилъ Самошку съ женою „отдать по-прежнему солдату—отцу его Василію Золотареву для того, что онъ, Василій, ему, Самошкѣ, отецъ родной".

Болотовъ, со словъ „старушки родственницы", разсказываетъ, что свиданіе Горяина Болотова съ племянниками, „съ младенчества еще любившими и почитавшими" его, было „нѣжно и таково, которое не можетъ никакъ описано быть". „Съ радостными слезами встрѣчали его они, извиняясь, что во владѣніе его имѣніемъ вступили", а потомъ „стали съ великою охотою возвращать ему его имѣніе и усиленно просить, чтобы онъ по-прежнему вступилъ во владѣніе своей деревни". „Не хочу отнимать у васъ то, что даровало вамъ Небо", отвѣчалъ великодушный Горяинъ Болотовъ племянникамъ, а они „преисполненные наинѣжнѣйшею благодарностью, почитали его и любили, какъ отца". Но древняя Русь едва-ли знала такія сентиментальности, остающіяся на совѣсти „старушки-родственницы" составителя „Записокъ".

Архивные документы, напротивъ, говорятъ о постоянныхъ кляузныхъ спорахъ между родственниками, вѣчно тягавшимися о какой-нибудь пустяшной рухлядишкѣ, о какой-нибудь четверти вот-

[1]) То же въ смыслѣ родственниковъ.

чинной земли. Родственники не упускали случая нажиться на счетъ беззащитнаго полонянника. Бояринъ Петръ Никитичъ Шереметевъ отбилъ замки у Московскихъ палатъ плѣннаго дяди своего боярина Ѳедора Васильевича Шереметева, пограбилъ его животы и самовольно владѣлъ его вотчинами въ теченіе четырехъ лѣтъ. Его внукъ Василій Борисовичъ, попавши въ плѣнъ, въ свою очередь испыталъ, насколько крѣпки были въ Московской Руси родственныя связи. „Родителей старыхъ никого нѣтъ, жаловался плѣнный бояринъ, а и есть свои, и они нынѣ не добры, тѣснятъ сынишка моего деревенскаго тѣснотою безъ меня, видя мой упадокъ великій и одиночество“.

Если вельможные полонянники терпѣли обиды отъ родственниковъ, то каково было положеніе менѣе важныхъ полонянниковъ, встрѣчавшихся въ провинціальной глуши съ жадными родственниками, захватившими ихъ помѣстья и „животы“. Сынъ боярскій Василій Григорьевъ Люшинъ въ 1669 году вышелъ изъ нагайскаго плѣна, въ которомъ онъ пробылъ 22 года, и сталъ доказывать свои права на помѣстье въ Рыльскомъ уѣздѣ. Но Василій Ивановъ Люшинъ съ братьями утверждали, что онъ не Люшинъ, а Хвастовъ, и „отъ Люшиныхъ его отчитали“. По сыску, произведенному въ Рыльскѣ и Сѣвскѣ, „объявилось, что тотъ крымскій полонянникъ Василій подлинно Григорьевъ сынъ Люшина“. По Государеву указу ему было отдано помѣстье его отца Григорія Люшина, и онъ былъ написанъ въ службу „по Новгородку-Сѣверскому съ родичи его“.

Если таковы были родственники, то чего же было ждать полонянику отъ чужихъ людей? Они смотрѣли на покинутое помѣстье полонянника, какъ на посланную имъ судьбою добычу. „Разорила меня, жаловался Царю полонянникъ сынъ боярскій Савва Комовъ, Давыдова жена Лобынцева вдова Марья, помѣстьемъ дѣда моего и отца владѣла семь лѣтъ и домишка дѣдовъ и отца моего разорила, свезла двѣ клѣти, выдрала пчелы, да перемолотила хлѣбъ, да взяла винный котелъ съ трубою, да 30 борововъ свиней, 40 курицъ, двои сошники, 4 топора, двои жерновы, 8 серповъ“. Не довольствуясь этимъ, вдова „съ совѣтники своими“ пріѣзжала къ Комову, и „его били и мучили и, что ему дано за полонъ Государева жалованья, 6 рублевъ, у него вымучили“. Въ домахъ богатыхъ полонянниковъ своевольничали и грабили холопы. В. Б. Шереметевъ жаловался на то, что „въ домишку его объявилось отъ холопей воровство великое, и отъ холопей деревнишки его до конца разорены“ [1]).

---

[1]) Пр. 615. 53—59; Пр. 412, 191—194, 526—529; Барсуковъ, V, 56, VI, 81.

На выходцѣ изъ плѣна часто тяготѣлъ долгъ тому, кто его выкупилъ. Гречане, привозившіе полонянниковъ, дѣлали это не съ благотворительною цѣлью, но „окуповъ своихъ на нихъ правили", и у полонянниковъ „съ гречаны въ окупахъ бывали споры большіе". Неумолимы были и другіе заимодавцы. Полонянка Улита Ефаньева окупила казака Растегаева въ Царь-градѣ, но сама, испытавъ полонную нужу, не оказала милосердія своему собрату по полонной нужѣ. „Бьетъ челомъ на меня неотступно, жаловался Растегаевъ на Ефаньеву, а дать мнѣ, бѣдному, нечего, дворишка разоренъ отъ воинскихъ людей-татаръ". „Окупался я, писалъ другой полонянникъ, заимаючи въ кабалы, разорился со всѣмъ домишкомъ, погибъ въ конецъ, по кабаламъ оплатиться нечѣмъ, отъ татарскія войны разоренъ безъ остатку".

Эти долги были тяжелы и для богатыхъ. В. Б. Шереметевъ предполагалъ недостававшую для выкупа его сумму собирать „у братьи своей, у московскаго народу людей". Маломочные же полонянники собирали окупныя деньги буквально „Христовымъ именемъ", получая для этого отъ правительства особую „сборную память". Жительница Переяславля, Стефанида Васильева, была должна греку Константину Иванову 200 рублей за выкупъ изъ турецкаго плѣна ея съ дѣтьми. „Христовымъ именемъ" она собрала въ черкасскихъ (малороссійскихъ) городахъ 100 ефимковъ (150 р.) и уплатила греку; затѣмъ цѣлый годъ она „съ великою нуждою" собирала деньги въ Великой Россіи и набрала еще 50 рублей. Къ довершенію всего, когда Васильева „поѣхала было въ Переяславль для расплаты послѣднихъ своихъ денегъ", въ Ливнахъ воевода Іовъ Остафьевъ отнялъ у нея не только эти сборныя деньги, но и „камень дорогой въ 100 рублевъ", не побрезговалъ и всякою женскою рухлядью, какъ-то пуговицами, полотенцами, башмаками сафьяными и гребнемъ слоновымъ [1]).

Вышедшій изъ полона крѣпостной получалъ свободу, былъ уже „старому боярину (владѣльцу) не холопъ". Но помѣщики не всегда съ охотою отказывались отъ своихъ правъ, и полоняннику приходилось искать защиты у правительства. „Не вели, Государь,—умолялъ Царя такой выходецъ,—мнѣ напрасно въ конецъ погинуть и похолоплену и опять въ неволѣ быть".

Но особенно круто приходилось подчасъ на Святой Руси взятымъ въ малыхъ лѣтахъ полонянникамъ, совершенно обасурманившимся по внѣшности. Чѣмъ болѣе стремились на Русь такіе полонянники, тѣмъ сильнѣе они разочаровывались при встрѣчѣ съ

---

[1]) Пр. 412, 8; Б. 264, 41; Пр. 158, 353; Пр. 1333, 39—81; Барсуковъ, VI, 81.

любезными соотечественниками. Казачій сынъ изъ Рыльска, Данила Ѳедоровъ Воробьевъ, взятый въ плѣнъ въ восьмилѣтнемъ возрастѣ [1]), пробылъ 16 лѣтъ въ плѣну у нагаевъ и въ Азовѣ и въ маѣ 1632 года, подъ именемъ Чуфара, пріѣхалъ на Русь съ татарами, намѣревавшимися воевать Ливенскій уѣздъ. Здѣсь онъ исполнилъ свою давнюю мечту (онъ уже разъ неудачно бѣгалъ на Русь), отсталъ отъ татаръ и „наѣхалъ на Государевыхъ людей". Чуфаръ „учалъ сказываться, что онъ русской человѣкъ, а не татаринъ", но его безъ разговоровъ скрутили и отправили въ Москву, гдѣ онъ былъ „пытанъ и вкинутъ въ тюрьму". Полтора года сидѣлъ Чуфаръ въ тюрьмѣ съ плѣнными татарами, три раза онъ подавалъ челобитныя, умоляя Государя то „за его (Чуфарово) полонное терпѣнье и за напрасную кровь", пролитую на пыткѣ, то для „царскаго ангела" или „для Благовѣрнаго царевича Ивана Михайловича" про него, Чуфара, „въ знатьѣ сыскать", т. е. допросить знающихъ его и его родню людей. „Знатцы" принесли сказку за своими руками о томъ, что они „отца его въ Рыльску въ бѣломѣстныхъ казакахъ знали и отъ отца его и отъ дяди про него, Данилка, слышали, что его, Данилка, взяли въ Рыльскомъ уѣздѣ нагайскіе люди въ полонъ". Но это не улучшило положенія Воробьева—Чуфара. Ему угрожала ссылка въ какой-нибудь отдаленный городъ вмѣстѣ съ плѣнными татарами, что особенно удручало его, дорожившаго „своей русской породой" и желавшаго „христіанской вѣры". „Дай мнѣ, бѣдному, вольный свѣтъ видѣть,—молился Воробьевъ въ своей третьей челобитной Царю,—не вели, Государь, меня сослать съ татары, чтобъ я, бѣдный, въ конецъ не погинулъ". Только въ ноябрѣ 1633 года Воробьевъ былъ „свобоженъ" изъ тюрьмы и отданъ на поруки. То же почти самое повторилось въ 1646 году съ кромчаникомъ Климомъ Васильевымъ. Онъ 40 лѣтъ пробылъ въ Крыму и былъ обасурмаиенъ подъ именемъ Теребердея. Онъ пришелъ съ татарами, „въ войну въ Московское Государство", имѣя затаенную мысль „отъ татаръ уйтить и быть въ православной крестьянской вѣрѣ". Въ Сѣвскомъ уѣздѣ онъ отсталъ отъ татаръ, но былъ схваченъ крестьянами, отправленъ въ Москву и по обычаю „пытанъ на-крѣпко и вкинутъ въ тюрьму". Впрочемъ, онъ былъ счастливѣе Воробьева; уже черезъ полгода Государь пожаловалъ его „для православныя христіанскія вѣры", велѣлъ его изъ тюрьмы выпустить и послать въ Троицкій Сергіевъ монастырь „въ службу, въ которую пригодится" [2]).

---

[1]) Взятъ былъ „въ томъ году, какъ въ Москвѣ три дни постились".

[2]) Пр. 33, 515; Пр. 68, 506—512; Пр. 162, 282—285.

IX.

Государево жалованье.

Полонянникъ достигалъ, наконецъ, Москвы, источника всякихъ благъ и милостей. Здѣсь онъ надѣялся успокоиться отъ трудовъ и поправить свои дѣла Царскимъ жалованьемъ. У каждаго была заготовлена болѣе или менѣе трогательная и убѣдительная челобитная. Одинъ просилъ просто о милости: „пожалуй, Государь, своимъ царскимъ жалованьемъ, какъ тебѣ Христосъ Богъ по сердцу Царю извѣститъ, а я за тебя, Великаго Государя, вѣчно долженъ Бога молить и тебѣ, Великому Государю, службу служить". Другой наивно ставилъ себѣ въ заслугу то, что „онъ нигдѣ въ басурманѣхъ не остался, на деньги и сукна ихъ не прельстился". Но прямо къ Царю обратиться было нельзя, и для полонянника начиналась продолжительная волокита по приказамъ; главнымъ образомъ, приходилось хлопотать въ Посольскомъ приказѣ и въ Разрядѣ, изъ которыхъ первый вѣдалъ окупъ полонянниковъ, а второй выдачу имъ жалованья за „полонное терпѣнье".

Въ Московскихъ приказахъ не вѣрили однимъ слезнымъ челобитнымъ полонянниковъ; они должны были прежде всего удостовѣрить свою личность, доказать, что они дѣйствительно были въ полону. Нѣкоторые выходцы приносили съ собою цѣлый архивъ удостовѣрительныхъ документовъ; тутъ были турецкія отпускныя и прохожіе листы отъ всякихъ заграничныхъ и русскихъ властей, исповѣдныя свидѣтельства отъ римскихъ іезуитовъ и отъ архимандрита Печерской Лавры; иной кстати прихватывалъ и какое-то „татарское письмо на сдиркѣ"(узкой бумажной лентѣ), которое, по экспертизѣ Посольскаго приказа, оказывалось совсѣмъ не идущимъ къ дѣлу „татарскимъ молитвенникомъ". Но за то многіе полонянники являлись въ приказы безъ всякихъ документовъ, въ полномъ смыслѣ „душею да тѣломъ". Одинъ показывалъ, что товарищи его на дорогѣ „покинули" и проѣзжую память съ собою унесли; другой увѣрялъ, что память у него на дорогѣ „воровскіе люди отняли". Многіе, по собственному признанію, объ отпискѣ и проѣзжей памяти и не били челомъ „за малоуміемъ своимъ", потому что, „такія отписки и проѣзжія памяти даютъ-ли, не вѣдали". И чего было спрашивать съ какого-нибудь обасурманившагося въ неволѣ выходца, который и „русскому языку не зналъ", когда человѣкъ несомнѣнно книжный—Сѣвскаго уѣзда попъ Іосифъ не принесъ отписки и памяти „для того, что ему не за обычай".

Дѣльцовъ Московскихъ приказовъ очень затрудняла эта наивная неисправность полонянниковъ, „выписать (составить выписку для доклада) было не изъ чего и пожаловать ихъ было не по чему". Въ этомъ случаѣ выходцы должны были „сыскать на себя знатцовъ" или „знатоковъ", т. е. людей, которые могли бы удостовѣрить ихъ выходъ изъ полона. Полонянникъ и самъ спѣшилъ сослаться на „знатцовъ"; „и нынѣ тѣ люди есть на Москвѣ, которые про мое полонное терпѣнье вѣдаютъ", „а вѣдомо про то многимъ людемъ, съ которыми я дорогою изъ полону брелъ"—обычныя выраженія въ челобитныхъ полонянниковъ, являвшихся въ Москву безъ документовъ. „Сыскъ въ знатьѣ" состоялъ въ томъ, что указанные полонянникомъ знатцы „по Евангельской Христовой заповѣди", т. е. подъ присягой, показывали что-нибудь въ родѣ того, что такой-то полонянникъ „въ полону былъ, и они его въ Крыму видѣли", „въ полону его видѣли и пасли скотину вмѣстѣ". Заграничные документы подвергались экспертизѣ въ Посольскомъ приказѣ; но иногда этотъ приказъ оказывался въ этомъ дѣлѣ безсильнымъ и сообщалъ Разряду, что такой-то листъ „итальянскій, и такихъ де переводчиковъ въ Посольскомъ приказѣ нѣтъ" [1]).

Всѣ эти формальности не были излишними, такъ какъ бывали иногда среди полонянниковъ самозванцы. Въ апрѣлѣ 1678 года въ Новгородъ явился человѣкъ, назвавшійся турскимъ полонянникомъ, жильцомъ Львомъ Дмитріевымъ Бестужевымъ. Онъ весьма правдоподобно разсказалъ, какъ онъ былъ въ неволѣ въ Царь-градѣ; какъ его отбили у турокъ „на Бѣломъ морѣ подъ Заячьимъ островомъ князя Винйцейскаго ратные люди", которые отпустили его „въ городъ Дербленгу", какъ онъ затѣмъ пришелъ въ Вильну и явился къ бывшимъ въ этомъ городѣ Государевымъ посламъ. Бестужева отправили въ Москву, но подъ самой Москвою „на лѣсу онъ пошелъ въ лѣсъ невѣдомо куда", и пропалъ безъ вѣсти. Черезъ два мѣсяца онъ объявился въ Кашинѣ и повинился въ томъ, что онъ послуживецъ Никифора Толочанова—Аѳонька Григорьевъ, „въ прошлыхъ годѣхъ бѣжалъ отъ боярина своего и жилъ въ черкасскихъ (малороссійскихъ) и польскихъ городѣхъ", а сказался бывшему въ Вильнѣ Государеву послу окольничему Ивану Ивановичу Чаадаеву „выходцемъ изъ полону и пролгался чужимъ именемъ для того, чтобъ де ему изъ Вильни выйти въ русскіе городы". Въ 1686 году полонянникъ, назвавшійся гречаниномъ Романомъ, да еще потер-

---

[1]) Б. 592, 249; Б. 1.200, 295, 306, 316; Пр. 392, 36; Пр. 234, 34; Пр. 1.445, 13; Пр. 412, 121, 181, 192; Пр. 857, 218.

пѣвшимъ за вѣру, оказался „охреяниномъ“ (индѣйцемъ) и турецкимъ лазутчикомъ [1]).

По издавна заведенному обычаю и въ Посольскомъ приказѣ и въ Разрядѣ распрашивали выходцевъ про „вѣсти“. Это было скорѣе формальностью, чѣмъ вызывалось дѣйствительной нуждой. Отъ полонянниковъ и тутъ трудно было добиться толка. Одни, какъ костромитинъ Полозовъ, разсказывали очень интересныя и назидательныя, но мало идущія къ дѣлу, вещи, какъ они, „ходили смотрити пупа земного“ и „щели адовой“, а „въ мечети видѣли камень на воздусѣ“. Другіе сообщали старыя новости въ родѣ того, что „прежняго Турскаго Абреима-салтана задушили янычане, а нынѣ де въ туркахъ сынъ его Магметъ-салтанъ возрастомъ семи лѣтъ“, и извинялись тѣмъ, что они „все были на каторгахъ на морѣ, и вѣстей имъ иныхъ вѣдать не по чему“. Третьи приносили не столько вѣрныя, сколько лестныя для Московскаго правительства вѣсти въ родѣ того, что „Турскій де салтанъ говорилъ ближнимъ людемъ, что нѣтъ де изо всѣхъ окрестныхъ государствъ такого ему противника, что Московскій Царь, и зѣло де онъ опасенъ его, Великаго Государя, и его, Государевыхъ, ратныхъ людей“. Московскимъ дипломатамъ и воеводамъ могли быть полезны развѣ только немногіе полонянники въ родѣ мещнянина Семена Черемисинова, который, обасурманившись и разъѣзжая по Турціи въ качествѣ гонца, „примѣчалъ и дороги и перевозы узналъ“, или полонянника Дорохина, составившаго цѣлое „Описаніе царства турскаго“ [2]).

Вся эта волокита была болѣе или менѣе тягостна для выходцевъ, особенно такихъ, которые не имѣли ни денегъ, ни „пріятелей“. „Пристать мнѣ, бѣдной и безпріютной, негдѣ, скитаюсь я, на Москвѣ боса и голодна, а пріятелей у меня никого нѣтъ, и побить челомъ тебѣ, Государю, за меня некому“— такъ изображала въ челобитной свое положеніе, въ Москвѣ, одна полонянка. Нетерпѣливые пытались обойти приказную волокиту, обратившись непосредственно къ самому Царю. 22 декабря 1680 года стрѣльцы привели въ Разрядъ драгуна Семена Мозолевскаго, и разсказали слѣдующее: „какъ изволилъ Великій Государь итить изъ своего, Государева, походу изъ села Преображенскаго, и тотъ де драгунъ на пути билъ челомъ ему, Великому Государю, невѣжливо и челобитную бросилъ въ его, Государевы, сани“. Драгунъ показалъ: „билъ онъ челомъ ему, Великому Государю, о жалованьѣ, и хотѣлъ

---

[1]) Пр. 774, 192—221; Б. 1.200, 808—316.

[2]) Б. 264, 104—114; Пр. 782, 10; Палест. Сборн., X, вып. III.

подать челобитную, и въ то время во многолюдствѣ его, Сенку, подтолкнули, и оттого челобитная его упала, а, что де онъ билъ челомъ Великому Государю, подошедъ близко, и то де онъ учинилъ съ малоумья, не знаючи, потому что онъ человѣкъ украинской, а къ тому былъ въ полону въ Крыму и въ Турской землѣ 20 лѣтъ и никакого здѣшняго обычая не знаетъ, и въ той его винѣ воленъ Великій Государь". Неизвѣстно, что было за это Мозолевскому; извѣстно только, что изъ Разряда онъ былъ отосланъ въ Посольскій приказъ [1]).

Разнообразны были нужды выходцевъ; велики были ихъ надежды на Государево жалованье. „Откупленники", т.-е. выкупившіеся за деньги, просили пожаловать „на милостыню, чѣмъ имъ тѣ окупы заплатить", опять-таки по обычной формулѣ „какъ тебѣ, Великому Государю, Господь Богъ извѣститъ". Такими просьбами не могли докучать правительству полонянники, вышедшіе „собою", но всѣ они имѣли право на „выходное жалованье", иначе жалованье „за полонное терпѣнье и выходъ". Выходное жалованье для служилыхъ людей состояло, во-первыхъ, изъ придачи къ ихъ окладамъ, помѣстному и денежному, во-вторыхъ, изъ единовременнаго пособія, называвшагося пожалованіемъ „въ приказъ". Кромѣ того, выходцамъ выдавались „кормовыя деньги" на „указные дни", т.-е. на извѣстный срокъ, по мнѣнію правительства, достаточный для устройства дѣлъ въ Москвѣ, обыкновенно на двѣ недѣли. Не служилые—духовные, посадскіе люди и крестьяне должны были довольствоваться жалованьемъ „въ приказъ" и кормовыми деньгами. Размѣръ жалованья былъ не одинаковъ, „смотря по людемъ", т.-е. по чинамъ служилыхъ людей и заслугамъ передъ государствомъ. Люди, взятые въ полонъ „на Государевыхъ службахъ, на боѣхъ и на приступѣхъ и въ посылкахъ", имѣли преимущество передъ взятыми не на службѣ.

Раненые были, особенно, привилегированными полонянниками, но опять-таки имъ жалованье выдавалось „смотря по ранамъ". Жалованье „въ приказъ" выдавалось и деньгами и сукнами. „Безодежнымъ" полонянникамъ выдавались и готовые кафтаны. Люди, попавшіе въ плѣнъ „своею оплошкою и нерадѣніемъ", получали жалованье „вполы": въ 1668 году кн. Ивану Болховскому съ товарищами, опоздавшимъ на службу въ Сѣвскъ и взятымъ на пути въ полонъ татарами, было дано половинное жалованье; при этомъ имъ было объявлено, что „за то непослушаніе, за тѣ ихъ раны и полонное терпѣнье не довелось бы имъ противъ ихъ

[1]) Пр. 972, 60; Пр. 807, 92—101.

братьи и вполы дати“ и рекомендовалось „вину свою покрыти службою“ [1]).

Чтобы судить о размѣрахъ „выходного“ жалованья, можно привести роспись 1663 года жалованья полоняникамъ, взятымъ на службѣ. По этой росписи, служилымъ людямъ „Московскаго чину и дворяномъ и дѣтемъ боярскимъ“ почти всѣхъ городовъ [2]) и рейтарамъ назначалась придача въ 50 четей и въ 3 рубля (около 50 р., на наши деньги); кромѣ того, каждому выдавалось „по сукну по аглицкому или по одинцу, а обычнымъ людемъ (менѣе почетнымъ) по сукну по доброму“, и кормовыя деньги на двѣ недѣли, по алтыну на день; за тяжелыя раны прибавлялось по 100 четей и по 5 рублей, за легкія по 50 четей и по 3 рубля. Попамъ за полонное терпѣнье выдавалось по 3 рубля и по сукну доброму; драгунамъ, солдатамъ и казакамъ по 2 рубля да по сукну доброму, кормовыхъ денегъ на 2 недѣли, по 4 деньги на день; изъ нихъ верстанымъ, т.-е. имѣвшимъ помѣстное и денежное окладное жалованье, прибавлялось по 50 четей и по 2 рубля; пашеннымъ мужикамъ, взятымъ „на службѣ“, выдавалось за выходъ по рублю и по полтинѣ, за раны по рублю и по 1½ рубля [3]).

Раненымъ, сверхъ того, выдавались деньги „на лѣчбу ранъ“. Одни раненые краснорѣчиво описывали свои страданія, видимо, стараясь разжалобить разрядныхъ дьяковъ: „И я, холопъ твой,— писалъ въ челобитной одинъ раненый,—отъ тѣхъ тяжолыхъ смертныхъ ранъ лежалъ все лѣто, былъ поновленъ (исповѣданъ) и причащенъ, и цырюльники и лѣкари выбрали у меня изъ головы многія кости, и я, холопъ твой, отъ тѣхъ тяжелыхъ своихъ ранъ погибаю, кончаюся смертью“.

Другіе раненые только опредѣляли стоимость лѣченія: „лѣчился де собою, а стало де ему отъ лѣчбы два рубли“. Раненыхъ осматривали въ Разрядѣ за неимѣніемъ врачей дьяки, и нерѣдко оказывалось, что полонянники добирались до Москвы съ тяжелыми, не зажившими ранами: у одного голова была „разрублена до мозгу, рана тяжела, рана знать“, т.-е. не зажила, замѣтна; у другого были на рукѣ „жилы перебиты, персты не гнулись“; о третьемъ дѣлалась отмѣтка „поколотъ рогатиною въ правую ногу, кость испортило, рана добрѣ больна и нынѣ не зажила, сказалъ, вышло изъ

---

[1]) Пр. 854, 113; Пр. 377, 74.

[2]) Кромѣ „украинныхъ польскихъ“, т.-е. „крайнихъ къ полю“—степи, въ которыхъ служилые люди были поплоше.

[3]) Пр. 234, 333—336; Б. 188, 19.

нея двѣ кости“; инымъ „за ранами и служить было не мочно“, и ихъ отправляли на попеченіе родственниковъ. На „лѣчбу“ раненыхъ, выдавалось отъ 4 до 2 рублей опять-таки, „смотря по людемъ и по ранамъ“ [1]).

Былъ еще особый, во вкусѣ Православной Руси, видъ жалованья — дача полонянникамъ иконъ. Полонянникъ или просилъ о дачѣ ему иконы, которую онъ обѣщался вымѣнять въ полону, и ссылался на то, что ему обѣтную икону „вымѣнить за скудостью нечѣмъ“, или просто просилъ икону на томъ основаніи, что у него „божья милосердія нѣтъ, помолиться нечѣмъ“.

Полонянники получали разныя преимущества и льготы. Изъ раненыхъ выходцевъ назначались преимущественно воеводы и приказные люди въ города. Полонянники получали льготы въ службѣ и въ податяхъ. „Мнѣ, бѣдному и скудному и до конца разоренному, на твою, Государеву, службу подняться нечимъ, а подати, Государь, всякія нынѣ стали большія, и мнѣ ихъ платить нечимъ“,—постоянно заявляли выходцы въ своихъ челобитныхъ. Такимъ полонянникамъ давались льготы „въ службѣ и въ городовой подѣлкѣ (работахъ по укрѣпленію городовъ) и во всякихъ податѣхъ на годъ и на два, смотря сколько кто въ полону былъ“ [2]).

Правительство считало себя обязаннымъ, такъ или иначе, устроить судьбу полонянника: просилъ, напримѣръ, полонянникъ постричь его въ монастырь безъ вклада, чтобъ „ему, бѣдному, безпріютному, скитаючись межъ дворъ, напрасною смертью не умереть“, и его постригали безъ вклада, даже въ такой богатый и знатный монастырь, какъ Новоспасскій. Если полонянникъ не хотѣлъ быть монахомъ, онъ могъ устроиться на положеніи какого-то штатнаго нищаго: турецкому полоняннику черкашенину Мартину Тваревскому было разрѣшено въ видѣ милости „жить на Москвѣ и кормиться Христовымъ именемъ“. Полонянники, какъ люди бывалые, могли попасть въ „верховые богомольцы“, или придворные нищіе, которые должны были, между прочимъ, занимать своихъ высокихъ кормильцевъ интересными и назидательными разсказами. Въ одномъ дѣлѣ 1695 г. выступаетъ „верховая богомолица“ царицы Параскевы Ѳеодоровны Стефанида Леонтьева, бывшая „въ прошлыхъ годѣхъ въ полону въ Царь-градѣ лѣтъ съ сорокъ и больши“. Такой бывалой старухѣ было, что разсказать скучающимъ царицѣ и царевнамъ.

---

1) Пр. 392, 524; Пр. 35, 329; Пр. 158, 362; Пр. 384, 565.
2) Пр. 782. 213; Пр. 970, 104; Пр. 2102, 171.

Награждая полонянниковъ, правительство было не прочь извлечь пользу изъ пріобрѣтенныхъ ими въ полону знаній. Въ 1637 году пріѣхалъ въ Москву смольянинъ Андрей Патаповъ, работавшій 20 лѣтъ „въ виноградѣ у турчанина“. Въ XVII вѣкѣ у насъ мечтали о разведеніи винограда на Югѣ Россіи, и обширные опыты этого производились въ Чугуевѣ. Патапова было указано отпустить въ Воронежъ „для заводу виноградныхъ садовъ и хлопчатыя бумаги, и дать ему земли изъ пустовыхъ земель“; тогда же Патаповъ былъ командированъ въ Азовъ „для виноградныхъ сѣменъ и хлопчатыя бумаги“ [1]).

Оскверненный басурманской скверной полонянникъ не могъ быть полноправымъ членомъ православнаго общества, пока онъ отъ „той скверны не поочистится“, „въ православной христіанской вѣрѣ не будетъ исправленъ“. Для „исправленія православныя вѣры“ полонянникъ изъ Разряда отсылался на Патріаршій Дворъ, откуда его отправляли „подъ началъ“ въ монастырь, „въ который доведется“. Иногда полонянники до прихода въ Москву въ малороссійскихъ и русскихъ городахъ „въ церкви хаживали и ко кресту и Евангелію ходили и къ образамъ прикладывалися и святою водою крапливалися и пасху ѣдали“, бывали у духовныхъ отцовъ и причащались; инымъ удавалось „достигнути прага“ самой Чудотворной Печерской Лавры и тамъ „святымъ спов ѣданіемъ по обычаю Восточнаго Православія совѣсть очистити и Христу Спасителю причащеніемъ Пречистаго Тѣла и Крови Его совокупитися“.

Но Москва видѣла въ этомъ лишь недосмотръ провинціальныхъ духовныхъ властей и не совсѣмъ твердыхъ въ православіи черкасъ — нехаевъ, и „подначальство“ по усмотрѣнію патріарха было обязательно и для такихъ, уже принятыхъ въ общеніе съ Церковью выходцевъ. „Подначальство“, продолжавшееся отъ 2 до 6 недѣль, смотря по степени оскверненія, заключалось въ извѣстной епитиміи. Въ строгія времена патріарха Филарета полонянниковъ, „отступившихъ отъ вѣры“, исповѣдывали и миромъ помазывали, остальные же бывали только „исповѣдываны, а миромъ не помазываны, потому что отъ вѣры не отступили“.

Некрещеныхъ дѣтей полонянниковъ тоже отдавали „подъ началъ“, а потомъ въ томъ же монастырѣ крестили. Московскія духовныя власти хотѣли, чтобы у полонянниковъ не оставалось и воспоминанія о басурманской скверн ѣ. Некрещенымъ при крещеніи давались не тѣ имена, которыми они „звалися въ полону“.

---

[1]) Чт. О. И. Др. Рос. 1894 г., II, Смѣсь, 27—28; Пр. 1211, 1—19; Пр. 1837, 131; Б. 83, 788.

Въ 1668 году въ Москву вышелъ изъ Крыма каширянинъ Андрей Писаревъ съ женою и двумя прижитыми въ полону некрещеными дѣтьми Ивашкой и Анюткой; съ ними былъ и татарченокъ, прижитый Писаревой отъ татарина и получившій отъ нея христіанское имя Ониски, т. е. Онисима. Всѣ дѣти въ Москвѣ были крещены, но Ивашка былъ названъ Ѳеодоромъ, Анютка—Агаѳіей, а Ониска—Никитой. Прижитымъ русскими женщинами отъ татаръ дѣтямъ въ Москвѣ придумывались фамиліи: въ 1669 году драгунская вдова Ѳедосья Давыдова принесла сына, окрещеннаго ею въ Волосской землѣ; крещеніе было признано правильнымъ, и сыну Давыдовой Ѳедору была дана фамилія Волошениновъ—по мѣсту крещенія [1]).

За „подначальство" выдавалось особое „подначальное", жалованье „передъ выходцы вполы", т. е. вдвое менѣе, чѣмъ за выходъ [2]).

Дѣловито черствая и скопидомная Москва съ расчетомъ и оглядкою выдавала полонянникамъ то, что было необходимо для тѣла и души. Но и тогда признавалось необходимымъ нѣсколько приласкать давняго „нужетерпца"—полонянника, дать ему извѣстное нравственное удовлетвореніе. Для русскаго человѣка того времени не было большей радости и чести, какъ „увидѣть Государевы очи и пресвѣтлое Государское лицо". Царь не гнушался, „страдавшими за него, Праведнаго Государя", полонянниками. Въ дворцовыхъ записяхъ XVII вѣка то и дѣло встрѣчаются упоминанія, что такого-то числа „передъ столовымъ кушаньемъ жаловалъ Великій Государь къ своей, Государевѣ, рукѣ полонянниковъ, которые вышли изъ полону", или „кормилъ полонянниковъ, а послѣ кушанья Великій Государь жаловалъ ихъ романѣею въ кубкахъ и въ ковшахъ медомъ".

Нѣкоторые полонянники обращали на себя особое вниманіе Государя. Въ 1649 году въ Москву привезли двѣнадцатилѣтняго мальчика—сына боярскаго Андрея Иванова Лукашева, бывшаго 4 года въ полону у татаръ и ускакавшаго отъ нихъ „середи бѣла дни", когда его везли на размѣну на Валуйку. Начальникъ Разряда—думный дворянинъ Иванъ Аѳанасьевичъ Гавреневъ привезъ Лукашева въ качествѣ диковинки къ Царю въ село Покровское. Молодой Царь заинтересовался удалымъ мальчикомъ и „приказалъ поставить его въ Верху [3]) передъ собою, Великимъ Государемъ".

При Дворѣ въ то время не было недостатка въ выходцахъ—

---

[1]) Р. Ист. Библ. II, 607, 625, 631—633, 641; Пр. 377, 179; Пр. 2102, 12.

[2]) Б. 188, 103—104.

[3]) Въ собственныхъ покояхъ Государя.

князьяхъ, говорившихъ по-татарски; одинъ изъ нихъ, князь Яковъ Куденетовичъ Черкасскій по приказанію Царя произвелъ Лукашеву экзаменъ, „распрашивалъ его татарскому языку". Послѣ экзамена „Великій Государь пожаловалъ Лукашева за полонное терпѣніе приказалъ отдать его на сбереженье, покамѣста родичи сыщутся", Гавреневу и разрядному дьяку Григорію Ларіонову [1]).

Этотъ Лукашевъ одинъ изъ типичнѣйшихъ представителей старинныхъ русскихъ людей, не страшившихся стоявшаго всегда передъ ними призрака басурманской неволи. Восьми лѣтъ онъ былъ взятъ въ полонъ, двѣнадцати „середи бѣла дни ускакалъ отъ татаръ"; двадцати трехъ лѣтъ онъ уже сражался со своими старыми знакомцами — татарами, и они въ схваткѣ близъ Бердичева „поранили его саблей до половины шеи, да лѣвое плечо пересѣкли на двое"; Лукашевъ „на томъ побоищѣ лежалъ замертво четыре дни"; подобранный наконецъ, онъ „отъ тѣхъ ранъ заскорбѣлъ" и четыре года „лежалъ въ червяхъ и во гноищѣ"; въ это время тѣ же роковые для него татары „помѣстье отца его разорили безъ остатку, а женишку его и дѣтишекъ и крестьянишекъ въ полонъ побрали"; отъ „того татарскаго разоренья" Лукашевъ „оскудалъ и обѣднялъ", а кромѣ того „одолжалъ, лежа въ болѣзни, великими долгами, лѣча тѣ свои раны"; въ двадцать семь лѣтъ онъ былъ уже инвалидомъ, „отъ тѣхъ ранъ былъ увѣченъ, лѣвою рукою не владѣлъ".

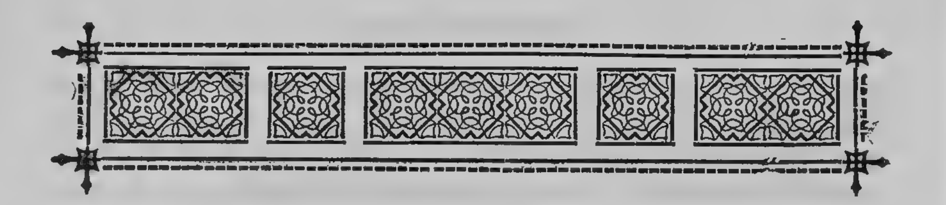
Великъ былъ тѣлесный и нравственный закалъ этихъ старинныхъ русскихъ людей, которые съ малыхъ лѣтъ жили одной жизнью съ суровой дѣвственной природой украинныхъ мѣстъ и знали ужасы варварскихъ нашествій. „Помня Бога и крестное цѣлованіе, и свою русскую породу", они „служили и прямили и радѣли Великому Государю, билися на бояхъ съ басурманы, не щадя головъ своихъ, и за Праведнаго Государя и православное крестьянство кровь свою проливали, мучили животъ свой за него же, своего природнаго Государя", на турецкихъ каторгахъ и во всякой „полонной нужѣ", терпѣли болѣзни отъ ранъ „въ червяхъ и во гноищѣ" и считали „не страхомъ, не печалью, но радостью и веселіемъ за Христа и за Великаго Государя умирать".

Современный человѣкъ, разслабленный дарами космополитической цивилизаціи часто до забвенія своей „русской породы", съ невольнымъ удивленіемъ смотритъ на это цѣльное, „могучее, лихое племя", создавшее на своей крови и на своихъ костяхъ великую и единую Россію.

В. Шереметевскій.

---

[1]) Пр. 239, 193—198.



Изъ жизни инженера путей сообщенія.

Введеніе.

Подъ вышеуказаннымъ заглавіемъ я хотѣлъ бы подѣлиться съ читателями своими воспоминаніями изъ многолѣтней трудовой жизни русскаго техника, принадлежащаго къ составу членовъ, считающейся у насъ въ Россіи почему-то особо завидной профессіи—желѣзнодорожнаго „путейца". Прочтя мое безъискусственное повѣствованіе, читатели ознакомятся съ дѣйствительнымъ положеніемъ и обстановкою, въ которой приходится нести далеко нелегкую службу большинству нашихъ желѣзнодорожныхъ инженеровъ, и, быть можетъ, измѣнятъ глубоко укоренившееся въ обществѣ убѣжденіе, что желѣзнодорожные инженеры, составляя какую-то привилегированную касту, остаются безъ обузданія своего произвола, и дѣлая, что хотятъ, въ сущности являются не проводниками интересовъ общества и государства, а скорѣе шайкою какихъ-то эксплоататоровъ. Говоря это, я далекъ отъ мысли увѣрять, что все существующее въ обществѣ желѣзнодорожныхъ инженеровъ составляетъ идеалъ желаемаго, но хочу только заявить, что несправедливо и неправильно всѣ неустройства въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ приписывать инженерамъ. Смѣю предполагать, что такой взглядъ покоится на рядѣ недоразумѣній и неправильномъ обобщеніи фактовъ, добытыхъ результатами постройки желѣзныхъ дорогъ, справедливыхъ въ отдѣльности, но не могущихъ быть связанными въ одно цѣлое при выводѣ заключенія о пользѣ и дѣятельности инженеровъ вообще. Такой взглядъ неправиленъ въ своей основѣ, и общество, осуждавшее и осуждающее инженеровъ, взвѣшиваетъ дѣятельность большинства изъ нихъ на „вѣсахъ не-

правильныхъ“, о которыхъ еще Соломонъ сказалъ, что они „противны Іеговѣ“.

Ниже читатель увидитъ, какова въ среднемъ была за двадцатипятилѣтіе инженерной службы жизнь одного изъ такихъ „привилегированныхъ“ дѣятелей.

Глава I.

Два слова о дѣтствѣ.—Годы ученія въ нѣмецкомъ Петропавловскомъ училищѣ.—„Толстовщина“ и учебные годы въ гимназіи.—Пребываніе въ университетѣ.—Воспоминанія о Тургеневѣ и Достоевскомъ.—Поступленіе въ институтъ путей сообщенія.

Родился я 16 февраля 1857 года въ городѣ Москвѣ на Спиридоновской улицѣ въ домѣ, принадлежавшемъ дѣду моему—профессору римскаго права Московскаго университета С. И. Любимову. Отецъ мой, старшій сынъ дѣда, былъ глухонѣмой, женившійся, по окончаніи курса въ институтѣ для глухонѣмыхъ въ С.-Петербургѣ, на матери моей, нѣмкѣ по происхожденію, дочери лектора итальянскаго языка въ Московскомъ университетѣ А. Х. Каспари и дальней родственницѣ извѣстнаго швейцарскаго педагога Песталоцци. Впослѣдствіи мать разсказывала мнѣ, какъ сильны были ея опасенія, что дѣти ея будутъ глухонѣмыми, что, по счастію, на дѣлѣ не оправдалось. Дѣтство мое до 10-ти-лѣтняго возраста протекло почти цѣликомъ въ деревнѣ въ маленькомъ подмосковномъ имѣніи, отданномъ въ распоряженіе моему отцу его родителями. Весну, лѣто, осень и большую часть зимы, жили мы безвыѣздно въ деревнѣ, пріѣзжая только на нѣсколько недѣль зимой въ Москву. Близко сроднившійся съ деревней по первымъ шагамъ своимъ въ жизни, я до сихъ поръ люблю въ часы досуга припоминать всѣ обстоятельства этой почти безмятежной поры. На ея свѣтломъ фонѣ обрисовываются двѣ личности, выдающіяся по своимъ далеко незауряднымъ нравственнымъ качествамъ: это моя мать, которой я кругомъ обязанъ своимъ воспитаніемъ вообще и хорошимъ знаніемъ языковъ, въ частности, и старушка няня, проведшая въ домѣ нашемъ 34 года, неустанный другъ и утѣшительница моя во всѣхъ дѣтскихъ, юношескихъ и позднѣйшихъ горестяхъ и невзгодахъ. Это былъ въ полномъ смыслѣ благороднѣйшій типъ дворовой няни прежнихъ временъ. Портретъ этой идеальной старушки сопровождалъ меня во всѣхъ моихъ странствіяхъ и понынѣ стоитъ на моемъ письменномъ столѣ.

Въ 1867 году мы на зиму переселились въ Москву, чтобы подготовить меня въ какое-либо учебное заведеніе. Учителемъ готовившимъ меня по математикѣ былъ, между прочимъ, извѣстный фельетонистъ „Новаго Времени" Буренинъ, тогда еще скромный студентъ Московскаго университета. Въ Москвѣ въ то время почему-то считалось особенно моднымъ нѣмецкое училище при лютеранской церкви св. Петра и Павла. Туда меня и отдали. Режимъ, царившій въ этомъ заведеніи, стоитъ того, чтобы о немъ упомянуть поподробнѣе: съ учениками обращались далеко не педагогическими пріемами. Учитель русскаго языка, Фалѣевъ, бранилъ всѣхъ въ глаза не стѣсняясь: „стой, дуракъ, болванъ, дубина и т. п."—вотъ были его любимыя выраженія. Учитель латинскаго языка д-ръ Крамеръ колотилъ учениковъ по рукамъ безпощадно линейкою, дралъ за уши и ставилъ въ уголъ на колѣни по цѣлымъ часамъ. Припоминаю по сему поводу комичный эпизодъ. Въ то время впервые начиналъ функціонировать въ Москвѣ институтъ мировыхъ судей, и вотъ, когда д-ръ Крамеръ вызвалъ къ каѳедрѣ товарища моего Чуркина и нещадно дралъ его линейкою по рукамъ за то, что тотъ во время урока игралъ на „перышкахъ", то Чуркинъ, сначала стоически выносившій истязаніе, подъ конецъ не выдержалъ и закричалъ: „Господинъ Крамеръ, перестаньте, а не то подамъ на Васъ мировому судьѣ". Тотъ же Крамеръ отбиралъ у учениковъ всѣ сколько-нибудь красивые перочинные ножи, ручки и т. п. и заполнялъ ими ящики комода въ своей квартирѣ. Учитель французскаго языка, швейцарецъ Денореа, мужчина громаднаго роста и атлетическаго сложенія, за малѣйшую шалость дралъ провинившагося за уши. Помню, напримѣръ, такой случай: товарищъ мой Фабриковъ увлекся игрою въ „юлу", Денореа незамѣтно подкрался къ нему и схватилъ за уши, на ушахъ пронесъ его черезъ весь классъ и вышвырнулъ за дверь. Какъ у Фабрикова не оборвались уши, я и до сихъ поръ не могу себѣ представить. Одинъ изъ любимѣйшихъ пріемовъ общаго наказанія всего класса, обыкновенно за то, что классъ не выдавалъ провинившагося товарища, заключался въ томъ, что весь классъ оставался до поздняго вечера (8—9 часовъ) сидѣть въ училищѣ подъ арестомъ, безъ права, что-либо перекусить. Измученные, проголодавшіеся ученики, чтобы нѣсколько утолить голодъ, грызли и сосали ремни отъ своихъ сумокъ и ранцевъ. Вотъ тѣ изумительные педагогическіе пріемы, которые практиковались въ этомъ образцовомъ училищѣ. Въ исключительныхъ случаяхъ прибѣгали къ поркѣ. Ученье почти всѣхъ предметовъ шло на нѣмецкомъ языкѣ, и мнѣ впослѣдствіи было крайне тяжело привыкать снова къ обороту русскихъ фразъ. Особенно плохо была поставлена математика.

Я рѣшительно ничего не понималъ, и посему оцѣнка моихъ познаній за семестръ однажды вылилась въ форму „Einige“ — 1 + (баллъ). Эта неправильная постановка основъ математики отразилась, какъ будетъ видно въ дальнѣйшемъ, на моихъ успѣхахъ по сему предмету и въ казенной гимназіи, куда меня отдали послѣ четырехлѣтняго толченія воды въ Петропавловскомъ училищѣ.

Московская 3-ья гимназія, въ четвертый классъ которой я поступилъ въ 1872 году, примѣчательна по историческому значенію зданія, въ которомъ она помѣщается. Домъ ея, какъ свидѣтельствуетъ преданіе и какъ подтверждаютъ многіе изслѣдователи древностей московскихъ, представляетъ замѣчательный историческій памятникъ. Это домъ боярина и воеводы князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго. Икона Знаменія Божіей Матери со времени князя Пожарскаго находится на особо устроенномъ каменномъ столбѣ, помѣщенномъ въ оградѣ дома, выходящей на Большую Лубянку. Эта икона всегда была предметомъ особаго почитанія. Преданіе объясняетъ это тѣмъ, что во время бывшаго при Аннѣ Іоанновнѣ пожара, извѣстнаго подъ именемъ „Троицкаго“, когда почти вся Лубянка выгорѣла, разрушительное дѣйствіе пламени остановилось, когда огонь дошелъ до того дома, на воротахъ коего находилась эта икона. Роскошная внутренняя отдѣлка дома: лѣпные потолки, стѣны подъ мраморъ, художественнаго рисунка чугунная лѣстница и т. п. — вотъ отличительныя особенности самого зданія гимназіи. Исторія украсила впослѣдствіи стѣны гимназіи и другими достопримѣчательностями. Это мраморныя доски съ исполненными рельефными золотыми буквами надписями о посѣщеніи гимназіи Государемъ Императоромъ Александромъ II въ 1862 году и Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ въ 1856 году. Его Высочество вошелъ въ классъ въ то время, когда одинъ изъ учениковъ, начертивъ на доскѣ на память карту Восточной Азіи, началъ отвѣчать заданный на тотъ день урокъ. Узнавъ, о чемъ идетъ разсказъ, и взглянувъ на ученическій набросокъ карты, Его Высочество замѣтилъ, что на всѣхъ картахъ, русскихъ и иностранныхъ, положеніе устьевъ Амура и близъ лежащихъ частей Азіи показано не вѣрно; оно окончательно передѣлано лишь въ самое послѣднее время русскими моряками.

Его Высочество, взявъ въ руки мѣлъ, собственноручно сдѣлалъ чертежъ и сообщилъ при этомъ о расположеніи русскихъ поселеній въ низовьяхъ Амура, а также о мѣстахъ стоянки и о передвиженіи судовъ русскихъ и англійскихъ у восточныхъ береговъ Азіи во время крымской кампаніи. Въ память посѣщенія Великаго Князя начальство гимназіи, испросивъ разрѣшеніе, вырѣзало изъ доски ту

часть ея, на которой помѣщался начертанный рисунокъ, и помѣстило его въ особую рамку съ надписью „18 сентября 1856 года“. Этотъ рисунокъ до настоящаго времени украшаетъ стѣну той классной комнаты, въ которой изволилъ быть Его Высочество.

Время пребыванія моего въ гимназіи совпадаетъ съ самымъ тяжелымъ періодомъ давленія классицизма при министрѣ народнаго просвѣщенія Толстомъ. Всѣ предметы были подавлены въ угоду латинскому и греческому языкамъ. Переводы и Extemporalia не только съ латинскаго и греческаго на русскій, но съ латинскаго на греческій и наоборотъ, вотъ тѣ кунштюки, которые заставляли продѣлывать несчастныхъ гимназистовъ, совершенно забросивъ естественныя науки и русскую литературу. Мы еле добрались до Пушкина, а о существованіи Тургенева, Толстого и Достоевскаго узнали только внѣ стѣнъ гимназіи. Насъ заставляли стричь волосы, брить проблески усовъ, наказывали за случайно оторвавшуюся пуговицу мундира, сажали въ карцеръ за ношеніе ранцевъ подъ мышкой, а не на спинѣ. Для сего въ подворотняхъ ближайшихъ къ гимназіи улицъ нерѣдко устанавливались надзиратели, которые слѣдили издали за проходившими гимназистами и записывали провинившихся. Самъ я помню, какъ по окончаніи лѣтнихъ каникулъ въ VII классѣ, я вернулся въ гимназію съ едва замѣтнымъ проблескомъ растительности на верхней губѣ. Ко мнѣ тотчасъ же подошелъ нашъ классный наставникъ и преподаватель латинскаго языка, директоръ гимназіи В. И. Малиновскій, и сказалъ: „Любимовъ, у нѣкоторыхъ индѣйцевъ существуетъ обычай праздновать появленіе усовъ и бороды у юношей, но засимъ имъ вырываютъ разъ навсегда всякую растительность. Такъ и Вы отпразднуйте Ваши усики и бороду и отправляйтесь сейчасъ же къ цирюльнику“. Самъ по себѣ директоръ гимназіи, несмотря на свою строгость и наружно неприступный видъ, былъ человѣкомъ добрымъ, всегда готовымъ придти на помощь нуждающемуся ученику. Онъ очень любилъ меня, но самъ не замѣчая, что подавляющія занятія классиками убиваютъ въ насъ возможность развитія математическаго мышленія, считалъ меня абсолютно неспособнымъ къ математикѣ и уговаривалъ по окончаніи гимназіи отправиться на казенный счетъ въ Лейпцигскій филологическій институтъ для подготовки въ преподаватели классическихъ языковъ. Идя все время пребыванія въ гимназіи первымъ ученикомъ, я, благодаря приглушенію математическихъ способностей, на письменномъ выпускномъ экзаменѣ не могъ вѣрно рѣшить задачи по ариѳметикѣ и, получивъ въ среднемъ выводѣ 4 изъ математики, былъ выпущенъ изъ гимназіи не съ золотою, а съ серебряною медалью. Это было первое

мое, какъ мнѣ казалось тогда, серьезное горе въ жизни. Я заявилъ директору, что отказываюсь отъ медали и на зло ему поступаю на математическій факультетъ, что вызвало съ одной стороны увѣщеваніе все-таки принять медаль, а съ другой пожатіе плечами и сожалѣніе о непроизводительномъ шагѣ. Тѣмъ не менѣе личность В. И. Малиновскаго заслуживаетъ, чтобы на ней остановиться нѣсколько долѣе. Ученикъ Грановскаго, воспитанникъ Московскаго университета въ самую блестящую его эпоху, В. И. внесъ въ гимназическое преподаваніе латинскаго языка тотъ методъ, который позаимствовалъ по слушанію исторіи у знаменитаго московскаго профессора и который столь обязательно дѣйствовалъ на его слушателей; глубоко обдумывалъ онъ каждый урокъ, готовился къ нему чтеніемъ историческихъ источниковъ и излагалъ предметъ превосходно и краснорѣчиво, отчего получилъ отъ насъ, учениковъ, прозвище „Кикеръ" (Цицеронъ). Главной цѣлью его преподаванія было, чтобы классическія произведенія дѣйствовали на умъ и сердце учащихся и пріохотить ихъ къ дальнѣйшему изученію языковъ, которые онъ до фанатизма всегда считалъ главнѣйшимъ элементомъ общаго образованія. Внимательно слѣдя за усвоеніемъ учениками формальной части языкознанія, грамматики, В. И. однакоже никогда не терялъ изъ виду, что грамматика далеко не составляетъ конечной цѣли языкоученія, а служитъ лишь средствомъ къ достиженію главнаго результата—чтобы изученіе древнихъ языковъ оказывало бы должное вліяніе на мыслительныя способности. Не удивительно посему, что оба выпуска учениковъ 3-й гимназіи, доведенные В. И. до VIII класса, по латинскому языку оказывались первыми изъ числа 27 гимназій Московскаго учебнаго округа.

Но не однимъ педагогическимъ талантомъ пріобрѣлъ Вячеславъ Ильичъ глубокое уваженіе всѣхъ, знавшихъ его: еще болѣе привлекалъ онъ къ себѣ людей превосходными качествами своего характера. Этотъ всегда серьезный, задумчиво ходившій съ опущенными глазами и на видъ почти угрюмый человѣкъ, таилъ въ себѣ удивительную доброту, сердечность и человѣколюбіе. Чувство правдивости и справедливости развито было въ немъ до высочайшей степени, и никогда, ни передъ кѣмъ не колебался онъ высказывать то, что, по глубокому своему убѣжденію, считалъ справедливымъ. Никогда онъ не увлекался, а прежде, чѣмъ произвести сужденіе о комъ или о чемъ-либо, долго размышлялъ, обдумывалъ и взвѣшивалъ всѣ обстоятельства и выслушивалъ совѣты другихъ, но разъ убѣдившись, что такъ слѣдуетъ поступить и что это дѣйствительно будетъ добрымъ и полезнымъ дѣломъ, онъ уже неуклонно исполнялъ задуманное, и никакія убѣжденія, никакія просьбы

не были въ состояніи измѣнить разъ принятаго рѣшенія. Всѣ служащіе въ гимназіи глубоко уважали и очень любили В. И.; всѣ знали и чувствовали, что имѣютъ въ немъ не только начальника, но и искренняго доброжелателя и друга, который съ радостью поможетъ тамъ, гдѣ помощь нужна. Всѣ знали, что за хорошее дѣло, за хорошаго человѣка онъ готовъ заступиться, стоять горой, готовъ говорить, ходатайствовать, готовъ самъ помочь, чѣмъ только можетъ. Но въ то же время всѣмъ было извѣстно, что этотъ человѣкъ въ высшей степени нелицепріятенъ и честенъ, что не потерпитъ онъ малѣйшей неправды или уклоненія отъ служебнаго долга, что таиться онъ не станетъ, а прямо и откровенно выскажетъ то, что лежитъ у него на сердцѣ.

Годы пребыванія въ гимназіи оставили во мнѣ въ общемъ столь безотрадное воспоминаніе, что долгое время послѣ окончанія гимназіи, я, проходя мимо ея зданія, не могъ воздержаться, чтобы не плюнуть. Но вотъ открылись, наконецъ, давно желанныя двери университета. Четыре года, проведенные въ его стѣнахъ, составляютъ одно изъ самыхъ свѣтлыхъ воспоминаній и промелькнули, къ сожалѣнію, какъ быстрый сонъ. Физико-математическій факультетъ Московскаго университета стоялъ въ концѣ семидесятыхъ годовъ въ зенитѣ своей славы. Дѣйствительно, въ числѣ его профессоровъ были такіе выдающіеся ученые, какъ астрономъ Бредихинъ, математики Давидовъ, Цингеръ и Бугаевъ и механикъ Слудскій и др. Грозой студентовъ былъ профессоръ Цингеръ, рѣзавшій на 1-мъ курсѣ всѣхъ тѣхъ, кои, по его мнѣнію, не годились въ математики. Насъ было на первомъ курсѣ, если не ошибаюсь, болѣе 150 человѣкъ, а послѣ экзамена—бойни Цингера, изъ Анализа и Дефференціаловъ, продолжавшагося до 3-хъ часовъ ночи, перешло на 2-й курсъ что-то немногимъ больше 35 человѣкъ (я въ томъ числѣ, хотя и съ троечкой).—Послѣдующее прохожденіе математическихъ премудростей пошло для меня, какъ по маслу, и помню, получивъ уже при переходѣ со 2-го на 3-ій курсъ круглую пятерку, я отправился къ своему бывшему директору гимназіи, Малиновскому, и съ легкой усмѣшкой спросилъ его, продолжаетъ ли онъ считать меня за круглую тупицу по математикѣ. Бѣдный директоръ не нашелся, что отвѣтить, перемѣнилъ разговоръ и сталъ угощать чаемъ съ конфектами.

Въ 1878 г. въ Москвѣ происходили, такъ называемыя, „Пушкинскія“ торжества по случаю открытія памятника поэту въ началѣ Тверского бульвара. Къ этому времени съѣхались въ Москву всѣ литературныя знаменитости, и мнѣ выпало на долю видѣть и слышать Тургенева, Достоевскаго, Островскаго, Гончарова, Григоро-

вича, Писемскаго и др. на литературно-музыкальномъ вечерѣ въ залѣ Благороднаго Собранія. Вся программа была посвящена отрывкамъ изъ твореній Пушкина. Знаменитый артистъ Московскаго Малаго театра, Самаринъ, прочелъ въ соотвѣтствующей обстановкѣ сцену въ подвалѣ съ золотомъ изъ „Скупого рыцаря“, артистка Маріинской оперы труппы Каменскаго спѣла нѣсколько арій, а оперный артистъ Мельниковъ великолѣпно пропѣлъ романсъ „Я здѣсь, Инезилья“. Тургеневъ прочелъ стихотвореніе „Послѣдняя туча разсѣянной бури“ и т. д. Всѣ были въ какомъ-то восторженномъ настроеніи. Мой товарищъ по университету В. Н. Лясковскій надѣлъ громадный лавровый вѣнокъ на голову или, вѣрнѣе, туловище И. С. Тургенева, находившагося на эстрадѣ. Мы, студенты, обступили его тѣсною толпою, провожая шагъ за шагомъ по заламъ собранія и стараясь ловить каждое его слово. Лясковскій подхватилъ Тургенева подъ руку и, захлебываясь, все только твердилъ: Иванъ Сергѣевичъ, Иванъ Сергѣевичъ..... Тургеневъ добродушно улыбался и жалъ намъ руки.—Да, памятнымъ остался у меня этотъ день. Грустно и тяжело, что всѣ эти могиканы литературнаго творчества сошли уже „подъ темны своды“, и дѣтямъ нашимъ приходится захлебываться литературной порнографіей всякихъ Максимовъ Горькихъ и Леонидовъ Андреевыхъ. Ивана Сергѣевича Тургенева пришлось мнѣ видѣть и слышать еще ранѣе, если не ошибаюсь, зимою того же 1878 г.: какъ пріятель моего хорошаго знакомаго, извѣстнаго въ свое время въ Москвѣ преподавателя пѣнія, В. Н. Кашперова—Тургеневъ согласился прочесть нѣсколько своихъ мелкихъ повѣстей на литературно-музыкальномъ вечерѣ учениковъ Кашперова въ Московскомъ Большомъ театрѣ. Помню, читалъ онъ „Бирюка“ изъ записокъ охотника. Какая дикція! Я сидѣлъ въ четвертомъ ярусѣ и, несмотря на это, могъ разслышать всѣ мельчайшіе оттѣнки чтенія. Послѣ окончанія сего послѣдняго Тургеневъ просидѣлъ остальную часть вечера въ литерной ложѣ бенуара, гдѣ находилась также его неизмѣнная подруга м-мъ Віардо.

Университетская жизнь, какъ я сказалъ уже выше, шла гладко, свѣтло, при самомъ полуотческомъ, полутоварищескомъ отношеніи къ намъ, студентамъ, всего профессорскаго персонала, во главѣ сначала съ ректоромъ Соловьевымъ (извѣстнымъ историкомъ), а по его смерти ректоромъ Тихонравовымъ. Никакихъ волненій среди студенчества въ то время, по счастію, не было, если не считать нѣкотораго броженія послѣ извѣстнаго побоища, устроеннаго въ Охотномъ ряду мясниками и другими торговцами надъ группою неосторожной молодежи, устроившей торжественные проводы Кіевскимъ

студентамъ, арестованнымъ въ Кіевскомъ университетѣ и перевозившимся почему-то съ Курскаго вокзала въ Бутырскую тюрьму.

У насъ же на факультетѣ былъ только одинъ маленькій инциндентъ: отказъ держать экзаменъ изъ термодинамики безобразнѣйшимъ образомъ читанной моимъ однофамильцемъ, не безъизвѣстнымъ другомъ Каткова и Леонтьева, профессоромъ физики Н. А. Любимовымъ.

Но вотъ наступилъ май 1880 г. Университетъ оконченъ со степенью кандидата математическихъ наукъ. Что же дѣлать дальше? Идти въ учителя не хочется. Чиновникомъ стать также. Рѣшилъ попытаться попасть въ институтъ путей сообщенія. Но дѣло трудное: первые два курса закрыты, приходится держать прямо на третій, сдавая всѣ безъ исключенія предметы 1 и 2 курса. Уставши послѣ только-что сданныхъ университетскихъ экзаменовъ—почти немыслимо немедленно приняться за уйму новыхъ предметовъ. Ѣду въ Петербургъ и обращаюсь къ инспектору Института К. Н. Коковцеву съ просьбою, нельзя ли разсрочить экзамены закрытыхъ 1 и 2 курсовъ до Рождества. Получаю категорическій отказъ. Возвращаюсь въ полномъ отчаяніи въ Москву, и тутъ-то добрый геній въ видѣ бывшей фрейлины Императорскаго двора О. И. Темирязевой помогъ мнѣ. Добрѣйшая О. И. дала мнѣ рекомендательное письмо къ министру путей сообщенія К. Н. Посьету. Принявъ меня въ неурочное время и видя мое смущеніе, К. Н. обласкалъ меня, усадилъ въ кресло, внимательно выслушалъ и велѣлъ на слѣдующій день отправиться къ директору института В. П. Соболевскому. „Директоръ сегодня будетъ у меня на докладѣ,—сказалъ К. Н., и я дамъ ему необходимыя указанія". На слѣдующій день утромъ поѣхалъ я къ В. П. Соболевскому, жившему въ то время на дачѣ въ Павловскѣ. Онъ принялъ меня въ халатѣ и туфляхъ. Сказалъ, что министръ все ему сказалъ и разрѣшилъ разсрочить экзамены до Рождества. „Вамъ, какъ будущему жителю Петербурга, будетъ очень полезно познакомиться и съ его окрестностями", прибавилъ добрый В. П. „Я буду вашимъ чичероне по Павловску, а попутно мы съ вами зайдемъ къ К. Н. Коковцеву, который также здѣсь живетъ, и условимся насчетъ сроковъ экзаменовъ". Ознакомившись такимъ путемъ съ Павловскомъ, получивъ отъ К. Н. Коковцева всѣ необходимыя данныя, я попрощался съ радушнымъ В. П. Соболевскимъ и поспѣшилъ сообщить кое-кому изъ своихъ товарищей по университету радостную вѣсть. Товарищами этими были: А. Е. Плакида, И. А. Козыревъ, Н. А. Альфонскій, С. Ф. Улинскій и Н. А. Самгинъ. Къ нашей группѣ присоединилось и еще нѣсколько лицъ, окончившихъ высшія учебныя заведенія, а именно: Филоненко, Спиро, Фесенковъ, Яблонскій и Тимофеевъ.

Въ началѣ сентября начались, насколько помню, и самые экзамены. Къ концу ноября 1880 г. я былъ уже на 2-мъ курсѣ, къ марту 1881 г. на 3-мъ, а въ маѣ того же года перешелъ на 4-й курсъ. Недостатокъ въ средствахъ къ существованію заставилъ меня параллельно съ занятіями въ Институтѣ искать частныхъ уроковъ. Судьба улыбнулась мнѣ, доставивъ довольно выгодный урокъ у тогдашняго начальника сыскной полиціи, извѣстнаго русскаго Лекока—Ивана Дмитріевича Путилина, сына котораго было предложено мнѣ приготовить въ институтъ путей сообщенія. Бывая въ семьѣ Путилиныхъ, мнѣ нерѣдко приходилось видѣть тамъ близкаго пріятеля Ивана Дмитріевича—извѣстнаго разсказчика Ив. Ѳед. Горбунова. Увлекательныя повѣствованія самого Путилина о различныхъ выдающихся случаяхъ изъ его практики и преисполненные тонкаго юмора анекдоты Горбунова до сего времени живо запечатлѣлись въ моей памяти. Лѣто 1881 г. я провелъ сначала въ Старой Руссѣ, а засимъ въ усадьбѣ Путилина „Оснечкахъ“ на р. Волховѣ. Старорусское пребываніе особенно памятно по тому обстоятельству, что дачка, гдѣ пришлось мнѣ жить, находилась противъ домика Ѳ. М. Достоевскаго, любившаго сидѣть на скамеечкѣ подъ окнами этого домика и собирать вокругъ себя мѣстную дѣтвору. Идя ежедневно въ послѣобѣденное время въ читальню при старорусскомъ кургаузѣ, я почти каждый разъ сталкивался тамъ съ Достоевскимъ. Измученное одухотворенное лицо Ѳедора Михайловича глубоко врѣзалось мнѣ въ память. Насколько припоминаю, онъ тогда только-что закончилъ романъ свой „Братья Карамазовы“ и началъ издавать извѣстный свой „Дневникъ писателя“. Осенью того же года я еще разъ встрѣтилъ его у Казанскаго собора, а потомъ вскорѣ его уже болѣе не стало.

Вернувшись къ началу занятій въ институтѣ въ Петербургъ, я задумалъ жениться на дѣвушкѣ, съ которою былъ обрученъ уже три года и которая стала засимъ неизмѣннымъ, дорогимъ, вѣрнымъ и свѣтлымъ другомъ моимъ за все время далеко нелегкой борьбы съ жизнью, я сталъ искать нѣсколько болѣе обезпеченныхъ, чѣмъ частные уроки, занятій и поступилъ, благодаря содѣйствію того же В. Н. Кашперова, о которомъ упоминалъ выше, бывшаго также близкимъ другомъ писателя Островскаго,—въ министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ (министромъ былъ братъ писателя Островскій) помощникомъ столоначальника на жалованье 800 руб. въ годъ. Въ томъ же 1881 г. состоялась моя свадьба, и мы поселились въ комнаткѣ въ пятомъ этажѣ на углу Кирпичнаго переулка и Большой Морской у француженки. До 12 часовъ

я занимался или въ Институтѣ или дома, засимъ отъ 1 часу дня до 5 час. въ министерствѣ, а потомъ, пообѣдавъ „слегка“ съ женою однимъ обѣдомъ отъ знаменитаго въ то время Мильбрета, снова занимался до поздняго вечера проектами. Жена усердно помогала мнѣ, переписывая пояснительныя записки. На экономію, наведенную на нашихъ желудкахъ въ теченіе недѣли, мы позволяли себѣ или пойти на галерку въ Михайловскій театръ или же устраивали jour-fix'ы съ чаемъ, лимономъ и пастилою, на которыхъ собирались близкіе намъ товарищи: А. Е. Плакида, И. А. Козыревъ, С. Ф. Улинскій, Н. А. Самгинъ и, бывшій однимъ курсомъ старше, С. К. Мишинъ. Съ удовольствіемъ вспоминаю объ этихъ скромныхъ „фиксахъ“, гдѣ молодость и надежды на розовое будущее сглаживали тяжелую будничную трудовую жизнь.

На слѣдующій годъ мы стали ожидать прибавленія семейства. Пришлось перебраться уже на маленькую квартирку въ Фонарномъ переулкѣ, гдѣ 1 ноября 1882 г. у родился у насъ сынъ. Вскорѣ стряслась надъ нами бѣда: жена тяжело заболѣла брюшнымъ тифомъ и находилась нѣсколько дней между жизнью и смертью. Въ то же время докторъ, боясь, чтобы молоко не бросилось ей въ голову, требовалъ, чтобы она продолжала кормить ребенка. Послѣдствія вскорѣ сказались: только-что стала немного поправляться жена, какъ сынъ нашъ заболѣлъ въ самой тяжелой формѣ „родимчикомъ“, т. е. спазматическими конвульсіями съ пѣною у рта, причемъ первые три дня болѣзни, припадки регулярно повторялись черезъ каждыя 3—5 минутъ, и нужно было неустанно бодрствовать, чтобы своевременно наложить ледяной компрессъ на голову посинѣвшаго малютки. И вотъ, въ этой ужасной обстановкѣ, сначала тифа жены, гдѣ между ложкою лѣкарства и смѣною компресса на ея головѣ, приходилось выводить циркулемъ заклепки на выпускномъ проектѣ моста, и болѣзнію сына, гдѣ въ два дня пришлось приготовиться къ выпускному экзамену изъ геодезіи, не упуская въ то же время занятій въ министерствѣ,—прошла эта ужасная зима 1883 года. Какъ мнѣ Господь помогъ окончить при такихъ условіяхъ курсъ, да еще по первому разряду—я и до сего времени понять не могу. Какъ ни какъ, а дипломъ въ карманѣ, и жена затѣяла отпраздновать счастливое событіе „кулебякою“ съ бутылкою вина. Явилась все та же компанія сотоварищей, и мы послѣ завтрака отправились первымъ дѣломъ въ Гостиный дворъ покупать столь желанные инженерные академическіе значки.

Оглядываясь на мое пребываніе въ Институтѣ, не могу воздержаться, чтобы не провести параллель сравненія съ другимъ высшимъ учебнымъ заведеніемъ, столь дорогимъ моему сердцу, Москов-

скимъ университетомъ. Не знаю, быть можетъ, теперь постановка дѣла въ Институтѣ иная, отношенія къ студентамъ иныя, но во время, которое описываю въ Институтѣ, я, привыкшій къ сердечному отеческому отношенію профессоровъ, изъ коихъ многіе были все же „свѣтилами" науки,—наткнулся на одинъ только сухой чиновничій формализмъ и почти безучастное отношеніе къ читаемому предмету, а подчасъ и даже весьма малое знакомство съ практикою того же предмета. Изъ Института я не вынесъ ничего, кромѣ диплома, а все въ дальнѣйшемъ далъ мнѣ собственный упорный трудъ и практическія указанія опытныхъ, любящихъ свое дѣло инженеровъ.

Институтскіе профессора, за весьма немногими исключеніями, относились къ преподаваемымъ ими предметамъ, а также и къ самимъ студентамъ, совершенно безразлично. Курсы такихъ основныхъ предметовъ, какъ „Строительное Искусство", „Водяныя Сообщенія" и „Желѣзныя дороги" — были весьма далеки отъ идеала. Такъ, напримѣръ, „Строительное Искусство", читавшееся инспекторомъ института К. Н. Коковцевымъ, и „Водяныя Сообщенія" профессоромъ Глушинскимъ—были компиляціями допотопныхъ данныхъ по сказаннымъ основнымъ наукамъ инженернаго искусства, которое между тѣмъ безпрерывно двигалось впередъ. Но до движенія науки обоимъ почтеннымъ профессорамъ, очевидно, не было никакого дѣла. Основной и столь живой предметъ, какъ „Желѣзныя дороги", требующій, между прочимъ, громаднаго практическаго опыта, при мнѣ два года не читался совсѣмъ, а послѣдній годъ пребыванія въ Институтѣ былъ порученъ въ общемъ весьма симпатичному и даровитому „репетитору" (адъюнтъ-профессору)—Я. Н. Гордѣенко, никогда не служившему на эксплоатаціи желѣзныхъ дорогъ. Не лучше была поставлена „Архитектура", читавшаяся профессоромъ Соколовымъ по компилятивному извлеченію изъ извѣстнаго одноименнаго труда архитектора Красовскаго. Геодезія, заслуженнаго профессора Андреева, представляла собою переполненный опечатками сборникъ туманныхъ указаній по вышеупомянутому предмету, изъ котораго извлечь какой-либо практической пользы, при всемъ желаніи, было почти что невозможно. Нужно было прямо удивляться, какъ профессоръ Андреевъ ухитрялся усложнить и затуманить понятія о самыхъ простыхъ повѣркахъ инструментовъ и основныхъ геодезическихъ дѣйствій. Къ слову сказать, и самые инструменты, по которымъ приходилось изучать геодезію практически, представляли собою, за немногимъ исключеніемъ, нечто иное, какъ кучу антикварнаго хлама. Если прибавить къ этому, что одинъ изъ ближайшихъ помощниковъ профессора Андреева, репетиторъ

Вилькенъ, самъ даже не умѣлъ нивеллировать, то картина состоянія преподаванія геодезіи въ институтѣ составится, думаю, достаточно полная. Мы, студенты, вздохнули нѣсколько свободнѣе, когда въ бытность мою уже на V курсѣ, вышла небольшая книжечка репетитора (нынѣ заслуженнаго профессора) Н. А. Богуславскаго, влившая свѣжую струю въ наши бѣдныя головы взамѣнъ туманныхъ бредней профессора Андреева.

Между тѣмъ требованія, предъявляемыя всѣми поименованными представителями инженерной науки на экзаменахъ, были весьма строги, а самые экзамены представляли собою лотерею въ полномъ смыслѣ этого слова. Вамъ предлагалось только *два* вопроса на экзаменѣ и, если случайно вы на одинъ изъ нихъ не могли отвѣтить и на другой вопросъ отвѣтили только хорошо, то дѣло ваше было плохо. Вамъ за первый ставили 1, а за второй—4, что въ среднемъ давало $\frac{5}{2} = 2^1/_2$, и вы считались не выдержавшимъ экзаменъ, хотя бы вы и знали въ общемъ весь предметъ весьма удовлетворительно, такъ какъ никакихъ другихъ вопросовъ или экзамена по всей программѣ, какъ это дѣлалось въ университетѣ, не полагалось и о вашихъ познаніяхъ судили только по двумъ вопросамъ. Вотъ почему у студентовъ Института было выработано правило: никогда не отказываться отъ вопроса, такъ какъ въ случаѣ отказа вамъ ставился *0*, и если вы на другой вопросъ отвѣтили на *5*— это васъ все-таки не спасало, ибо $\frac{0+5}{2} = 2^1/_2$.

Изъ всѣхъ профессоровъ спеціально инженерныхъ наукъ выдѣлялись дѣйствительно только Н. А. Бѣлелюбскій и Л. Ѳ. Николаи, старавшіеся читаемые ими курсы поставить на должную высоту современной науки. Оба были къ тому же отзывчивыми и вникавшими въ дѣйствительныя обстоятельства того или другого студента человѣка. Особенно памятенъ мнѣ бывшій со мною лично случай на IV курсѣ на экзаменѣ по мостамъ у профессора Николаи. Тяжелыя семейныя обстоятельства, случившіяся со мною во время самаго періода экзаменовъ въ Институтѣ, настолько подорвали во мнѣ всякую увѣренность, что я, не разсчитывая на собственную память, позволилъ себѣ не совсѣмъ легальный, но въ сущности совершенно безвредный для дѣла поступокъ: выписалъ на манжеткѣ лѣваго рукава нѣсколько конечныхъ формулъ по разсчетамъ мостовъ. Сказанное обстоятельство подмѣтилъ одинъ изъ моихъ сотоварищей и когда я вышелъ къ доскѣ экзаменоваться, не постыдился сообщить на ухо профессору Николаи. Сей послѣдній тѣмъ не менѣе далъ мнѣ отвѣтить на билетъ и подойдя ко мнѣ спросилъ, чѣмъ вызвана была вышеуказанная запись формулъ на рукавѣ. Когда я

чистосердечно объяснилъ ему свои семейныя обстоятельства, то онъ, хотя экзаменаціонный отвѣтъ мой былъ и далеко не важный, все-таки поставилъ мнѣ удовлетворительную отмѣтку.

На-ряду съ столь гуманнымъ профессоромъ были въ Институтѣ среди преподавателей и такія личности, кои, изъ личныхъ выгодъ, рѣшались и на не совсѣмъ корректныя дѣла. Такъ, напримѣръ, упомянутый выше репетиторъ Вилькенъ, весьма заинтересованный въ изысканіи способовъ полученія наслѣдства послѣ тяжело больного въ то время родного моего дяди, сенатора А. С. Любимова, старавшійся всячески вредить мнѣ и по возможности удалить меня изъ С.-Петербурга, — не постѣснялся поставить мнѣ нуль на экзаменѣ по геодезіи по одному вопросу, хотя я этого совершенно не заслуживалъ, и только счастливая случайность помогла мнѣ выпутаться изъ этой бѣды.

Еще памятны мнѣ два случая за время пребыванія моего въ Институтѣ путей сообщенія. Это 1 марта 1881 г., день казни Перовской, Русакова и др. Перваго марта я и мой близкій товарищъ, Н. А. Самгинъ, сидѣли въ смежныхъ двухъ комнатахъ, нанимавшихся на Офицерской ул., въ д. № 8, у квартирной хозяйки „Анны Андреевны", и усиленно готовились къ какимъ-то экзаменамъ. Вдругъ вбѣгаетъ къ намъ вся блѣдная, вышеупомянутая дама и кричитъ: „Сейчасъ убили Государя на Екатериненскомъ каналѣ. Я видѣла, какъ везли растрепаннаго съ краснымъ лицомъ убійцу (Русакова)".

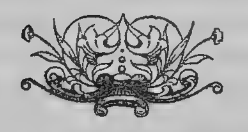
Товарищъ мой сейчасъ же одѣлся и побѣжалъ на Дворцовую площадь, гдѣ въ это время собралась уже громадная толпа народа въ безмолвномъ ожиданіи извѣстія о состояніи здоровья Государя. Когда печальная вѣсть о кончинѣ Государя была объявлена, толпа обнажила головы и перекрестилась, за исключеніемъ какой-то группы молодежи. Рядомъ съ этою группою стоялъ какой-то парень. Парень послѣ этого полѣзъ рукою въ карманъ и вытащилъ таковую мокрою и слегка окрашенною кровью. Оказалось, что парень этотъ благоговѣючи поднялъ на мѣстѣ покушенія на Екатериненскомъ каналѣ комъ, окрашенный кровью Государя, снѣга и спряталъ его, какъ реликвію себѣ въ карманъ полушубка, надѣясь, что морозъ не допуститъ комъ растаять до дому. Смотрѣвшая на парня группа той же молодежи громко расхохоталась и стала подшучивать надъ бѣднягою. Тогда окружавшая ихъ толпа остервенилась и жестоко избила насмѣшниковъ.

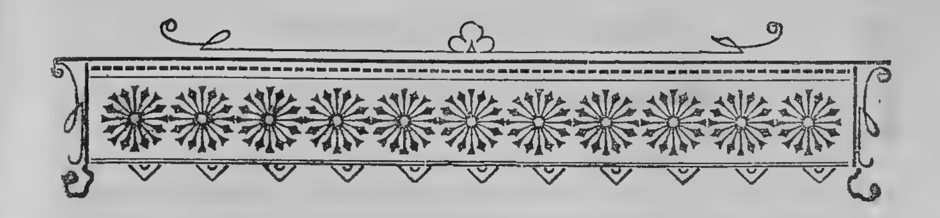
Второй эпизодъ касался, какъ выше было упомянуто, дня казни цареубійцъ. У меня былъ въ этотъ день экзаменъ по Начертательной геометріи и Теоріи тѣней. Идя утромъ въ Институтъ, я

увидѣлъ расклеенныя на всѣхъ углахъ объявленія, что казнь произойдетъ на Семеновскомъ плацу, но что одной изъ соучастницъ въ цареубійствѣ мѣщанкѣ Гессѣ Гельфманъ казнь отсрочивается до разрѣшенія ея отъ беременности. У меня отъ такого объявленія мурашки забѣгали по спинѣ, и самъ не свой сталъ я протискиваться — къ дверямъ Института, черезъ сплошную толпу народа, валившаго по Забалканскому проспекту къ мѣсту казни. Никогда я не забуду этой картины. Былъ ясный морозный день. Народъ бѣжалъ непрерывными потоками: тутъ были и старые люди, мужчины и женщины. Кто несъ скамейку, кто стулъ или столъ, чтобы только лучше видѣть, какъ будутъ казнить. Такое звѣрство толпы и объявленіе объ отсрочкѣ казни Гельфманъ такъ на меня подѣйствовало, что я чуть-чуть не провалился въ этотъ день на экзаменѣ, и только снисходительное отношеніе экзаменатора, уважаемаго полковника Н. И. Макарова, спасло меня и дало возможность перейти на слѣдующій курсъ.

Л. Н. Любимовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).





Эпизоды изъ обороны Портъ-Артура.

Вылазка[1]).

I.

Уже два мѣсяца японскія передовыя части были расположены шагахъ въ 30—40 отъ форта № 2. Это была странная, неслыханная въ войнахъ позиція, создавшаяся благодаря неумѣлой или случайной ошибкѣ въ конструкціи форта.

Фортъ имѣлъ хотя и тонкіе, но все же бетонные казематы, глубокіе крѣпостные рвы, порядочныя бетонныя укрѣпленія (капониры) для продольнаго обстрѣливанія рва, но площадь передъ фортомъ, такъ называемый гласисъ, былъ внѣ досягаемости выстрѣловъ.

Это была удивительно непонятная ошибка строителей. Каждому юнкеру въ училищѣ извѣстно первое правило фортификаціи, вдобавокъ помѣщаемое въ учебникахъ на первой же страницѣ: площадь передъ каждымъ укрѣпленіемъ должна быть обязательно въ хорошемъ обстрѣлѣ на нѣсколько десятковъ шаговъ. И чертежъ тутъ же прилагается, гдѣ съ вала протягивается линія выстрѣла на площадь передъ укрѣпленіемъ. Безъ этой обязательной линіи нельзя чертить ни одного укрѣпленія, почему это правило автоматически засѣдаетъ въ головахъ обучаемыхъ.

А между тѣмъ, тутъ въ постройкѣ основного укрѣпленія крѣпости кто-то наивно пренебрегъ этимъ правиломъ.

Гласисъ форта № 2 былъ весь въ мертвомъ пространствѣ. За рвомъ начинался крутой обрывъ, и на этомъ странномъ гласисѣ спокойно залегло нѣсколько японскихъ баталіоновъ еще въ августов-

---

[1]) См. „Русская Старина“ мартъ 1913 г.

скіе штурмы, когда непріятель на всѣхъ остальныхъ пунктахъ былъ жестоко отшибленъ.

Этой ошибки не было ни на одномъ изъ другихъ фортовъ крѣпости, но допускъ этой ошибки для форта № 2 имѣлъ особо тяжелыя послѣдствія. Фортъ этотъ былъ нѣсколько выдвинутъ впередъ, почему гласисъ не обстрѣливался не только со своего укрѣпленія, но и съ укрѣпленій сосѣднихъ.

Въ этомъ уютномъ уголкѣ тихо и безмятежно въ 30—40 шагахъ отъ насъ проживали наши враги. Для связи со своими оставшимися далеко войсками они пошли сапой назадъ, т. е. стали рыть ровикъ отъ себя назадъ, въ тылъ.

Это тоже было курьезомъ, ибо нормально непріятель придвигается къ гласису такими ровиками впередъ.

Къ концу сентября наше начальство начало тревожиться. Не можетъ быть, чтобы непріятель жилъ на гласисѣ спокойно и бездѣятельно. Энергія и настойчивость нашихъ враговъ были уже хорошо извѣстны; можно было не сомнѣваться, что за эти 2 мѣсяца намъ подстраивалась основательная каверза.

Въ тихія ночи, когда непріятельскія орудія уставали долбить нашъ фортъ, начали пріѣзжать безконечныя комиссіи, эти знакомыя еще по мирному времени безтолковыя совѣщанія лицъ разныхъ спеціальностей, другъ съ другомъ спорящіе и не желающіе одинъ другого понять. Строились всевозможныя предположенія, быть можетъ, и вѣроятныя, но, увы, недостаточно основательныя, ибо мы все же не видѣли, что дѣлаетъ на нашемъ великолѣпномъ гласисѣ непріятель.

Безплодность такого создаванія гипотезъ стала, наконецъ, очевидной, и рѣшено было, прежде чѣмъ что-либо предпринять, узнать, что происходитъ на гласисѣ.

И такъ, нужна была вылазка. Не тѣ маленькія нападенія, которыя производили любители сильныхъ ощущеній въ поискахъ японскихъ винтовокъ, мундировъ и т. п. трофеевъ; нужна была вылазка болѣе крупная, гдѣ бы приняли участіе офицеры и спеціалисты. Нелегкимъ дѣломъ было найти начальника вылазки, того смѣлаго толковаго офицера, который бы сумѣлъ повести людей на предпріятіе опасное, гдѣ никто не сможетъ оказать поддержки даже ружейнымъ огнемъ, гдѣ совершенно неизвѣстны ни силы непріятеля, ни то, что онъ дѣлаетъ. Уже обрисовывалась сущность дѣла: нужно было ворваться въ непріятельскую гущу, расчистить штыками мѣсто, осмотрѣть его, а, если возможно, то и разрушить и уничтожить какія-либо постройки, предназначенныя противъ насъ. При осторожности, сплоченности, той постоянной готовности къ бою, которая

наблюдалась у нашего врага, трудно было разсчитывать на успѣхъ дѣла, а малѣйшее колебаніе могло погубить всѣхъ смѣльчаковъ сразу. Но охотники, какъ всегда, нашлись, и даже больше, чѣмъ оказалось нужно.

Заурядъ-прапорщикъ Малченко, выбранный начальникомъ вылазки, былъ уже давно извѣстенъ гарнизону. Высокій, бородатый мужчина, всегда спокойный и нетеряющійся. На груди его висѣли всѣ четыре георгіевскихъ креста, и, казалось, ему уже больше нечего получать за свое безконечное удальство. И когда въ числѣ желающихъ офицеровъ оказался онъ, всѣ сразу почувствовали, что ужъ этому человѣку можно увѣренно поручить такое предпріятіе. Кто другой, а Малченко не сдастъ.

II.

Въ небольшомъ офицерскомъ казематѣ, гдѣ впослѣдствіи былъ убитъ генералъ Кондратенко, обсуждался планъ вылазки. Двѣ керосиновыя лампочки, безсовѣстно коптя, освѣщали сводчатую комнату съ тремя походными кроватями, деревянный столъ съ раскинутой картой и кучку офицеровъ въ папахахъ и тулупахъ, склонившихся надъ столомъ. Было тѣсно, накурено и грязно. Тяжелый воздухъ стоялъ синеватой пеленой и каждый разъ, когда открывалась дверь, приходилъ въ движеніе, точно желалъ вырваться изъ этихъ давящихъ сводчатыхъ стѣнъ.

Высокій инженерный полковникъ Р. тыкалъ карандашемъ въ карту и говорилъ:

— Самое главное нужно посмотрѣть, нѣтъ ли здѣсь миннаго колодца или начала минныхъ галлерей. По-моему, они ничего другого, кромѣ минъ, предпринять не могутъ...

— Они могутъ здѣсь устроить убѣжище или сборный пунктъ для штурма,—высказывалъ свое мнѣніе тоненькимъ забавнымъ голосомъ пѣхотный капитанъ, комендантъ этого злополучнаго форта.

Воротникъ его тулупа былъ приподнятъ, папаха надвинута на лобъ, а изъ-подъ папахи блестѣли золотыя очки, придававшія ему весьма не воинственный обывательскій видъ. Но, несмотря на свою мирную, гражданскую внѣшность, капитанъ Р. славился своимъ настойчивымъ мужествомъ, своей необузданной горячностью, каждый разъ, когда ему приходилось съ отчаяніемъ, съ какимъ-то безудержнымъ порывомъ отражать самые тяжелые штурмы. Это былъ и пылкій, и желѣзный характеръ. Черезъ три недѣли съ перебитыми пулеметомъ ногами онъ застрѣлился въ госпиталѣ, спокойно за-

явивъ, что онъ не желаетъ влачить жалкое существованіе безногаго калѣки.

Теперь онъ какъ-то упорно и сердито возражалъ на всѣ слова инженеровъ. Точно какая-то скрытая враждебность забитаго пѣхотнаго капитана проглядывала въ его словахъ и довольно ядовитыхъ замѣчаніяхъ.

— Если тамъ минный колодецъ, то они давно уже взорвали бы насъ,—продолжалъ онъ повторять,—вѣдь нельзя же предполагать, что ихъ инженеры такъ долго думаютъ и обсуждаютъ, какъ наши.

Онъ сердито посмотрѣлъ на полковника. Молодой саперный офицеръ Д. съ обвязанной головой вступился за своего начальника.

— Здѣсь грунтъ тяжелый, сплошной камень, они могли не успѣть продѣлать галлерею.

— А у васъ есть книжечки,—упорно продолжалъ свое капитанъ,—вотъ и вычислите, какой успѣхъ работъ въ каменистомъ грунтѣ.

— Я видѣлъ, что они тащили сегодня штурмовую лѣстницу, — сказалъ другой пѣхотный офицеръ,—волокли двое... длинная такая и желтая, должно быть, подкрашена въ защитный цвѣтъ...

Полковникъ старался замять немного острый споръ.

— И такъ, мы рѣшили,—началъ онъ,—что вылазку будутъ дѣлать двѣ колонны, одна правѣе форта, другая лѣвѣе... такъ?—обратился онъ къ бородатому прапорщику.

Прапорщикъ Малченко сидѣлъ неподвижно на стулѣ, немного въ сторонѣ, и равнодушно молчаливо слушалъ. При вопросѣ, обращенномъ къ нему, онъ приподнялся, приложилъ руку къ папахѣ и произнесъ:

— Слушаю-съ!

Полковникъ кивнулъ головой и продолжалъ:

— Люди соберутся сзади форта къ 2-мъ часамъ ночи... здѣсь они подѣлятся на двѣ части и поползутъ правѣе и лѣвѣе форта, ожидая сигнала... такъ?

— Слушаю-съ!—приподнялся равнодушно Малченко.

— Для подачи сигнала прожекторъ начнетъ безъ четверти три освѣщать вершину Дагушаня... ровно въ три часа прожекторъ завѣшиваютъ одѣяломъ, лучъ на вершинѣ исчезаетъ, и по этому сигналу обѣ группы справа и слѣва безъ выстрѣловъ бросаются передъ фортъ... такъ?

— Слушаю-съ!—звучитъ однообразный отвѣтъ прапорщика.

— Бросаться передъ фортъ надо стремглавъ, безудержно и всѣхъ, кто подвернется, переколоть... саперамъ сейчасъ же искать минный колодецъ и галлерею и, если найдутся, взорвать ихъ пироксилино-

выми патронами... остальнымъ продвинуться еще впередъ, чтобы обезпечить саперамъ свободу дѣйствій... когда все это кончится, бѣгомъ назадъ...

— Ну, а мы будемъ наготовѣ,—привѣтливо обращается комендантъ форта къ прапорщику,—пушки, пулеметы будутъ заряжены, люди съ винтовками у вала, и чуть-что, сейчасъ же постараемся васъ выручить.

Все такъ же автоматически поднимается прапорщикъ и прикладываетъ руку къ козырьку.

III.

Никто на форту не спалъ въ темную сентябрьскую ночь, предназначенную для вылазки. Уже съ полуночи началось тихое безшумное движеніе по форту, разставлялись солдаты, отдавались послѣднія приказанія. Распоряженія передавались шепотомъ, чтобы непріятель, бывшій въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ, не услышалъ. Телефоны рядомъ съ офицерскимъ казематомъ крикливо и безудержно звонили.

Комендантъ, какъ всегда взволнованный, носился по форту и тыкался своими золотыми очками во всякую дырку. Японцы изрѣдка и лѣниво пострѣливали. Стоявшій шагахъ въ 100, хорошо знакомый мнѣ пулеметъ отъ времени до времени проходилъ свинцовой дробью по бойницамъ, подлавливая зазѣвавшихся людей. Вонъ солдатъ, со стономъ схватившись за голову, стремительно отбѣжалъ отъ вала и грохнулся посреди форта. Зазѣвался у бойницы, бѣдняга.

— Черти! Сколько разъ говорилъ, не стоять зря у бойницъ,— слышался сердитый шопотъ коменданта.

Нѣсколько очередныхъ бомбъ съ тяжелымъ свистомъ прилетѣли на фортъ и съ грохотомъ раскидали свои массивные, острые осколки по всѣмъ направленіямъ. Артиллеристы завозились у сломаннаго блиндажа, вытаскивая исковерканный, весь перегнувшійся, какъ смятая бумажка, лафетъ.

Пріѣхало начальство: генералъ и два полковника.

Комендантъ своимъ сердитымъ голосомъ рапортовалъ, что все благополучно, за исключеніемъ сломаннаго блиндажа и разбитой пушки. Генералу дали пробу,—щи изъ конины и угостили мясными консервами, „тѣломъ усопшаго бригадира“, какъ шутя называли офицеры эти длинные, пахучія волокна подозрительнаго мяса.

Но вотъ и безъ четверти три. Среди непрогляднаго мрака верстахъ въ двухъ, на острой вершинкѣ засвѣтилось небольшое огненное кольцо.

Круглое свѣтящее пятно стояло неподвижно на сопкѣ, а отъ него шелъ чуть-чуть свѣтлый лучъ къ нашимъ укрѣпленіямъ.

Всѣ были на мѣстахъ. Начальство и офицеры форта стояли у вала, кутаясь въ полушубки и стараясь что-либо разсмотрѣть въ бинокли.

Но кромѣ свѣтлой горки ничего нельзя было разглядѣть въ густой темени тихоокеанской ночи.

Ровно въ 3 часа утра мгновенно свѣтлое пятно скользнуло съ вершинки и исчезло. Тишину ночи прервалъ шумный тяжелый топотъ быстро бѣгущихъ солдатскихъ ногъ. Послышались кряхтящіе звуки въ перемежку съ тонкими пискливыми стонами. Нѣсколько выстрѣловъ, и глухая, жестокая возня...

Обѣ колонны безъ четверти три лежали, притаившись, шагахъ въ 15 передъ японскими часовыми.

Маленькій черный силуетъ японскаго солдата стоялъ неподвижно, имѣя за собой другую такую же фигурку, подчаска. Точно темныя статуи. Ни звука, ни шевеленія.

И, когда по сигналу наши охотники вскочили и бросились на нихъ въ бѣшеномъ порывѣ, ни одна изъ этихъ фигурокъ не сдѣлала шага назадъ.

Короткимъ отрывистымъ движеніемъ вскинули они винтовки и упорно, настойчиво выстрѣлили въ лицо атакующимъ. Съ протяжнымъ стономъ тяжело грохнулся прапорщикъ Малченко. Одно мгновеніе, и оба часовые пронизаны штыками. Беззвучно упали они на землю, на то мѣсто, на которомъ такъ гордо и упорно стояли, упали, не сдѣлавъ шагу назадъ, мертвые, но на своемъ честномъ посту.

Обѣ широкія волны охотниковъ хлынули дальше. Съ двухъ сторонъ вонзились они въ непріятельскую роту, смѣнявшую своихъ рабочихъ.

Нещадное избіеніе застигнутыхъ врасплохъ японцевъ.

— „Вонъ колодецъ! Вонъ, вонъ!"— раздается взволнованный шопотъ. Наши саперы быстро опускаются въ глубокую яму, изслѣдуютъ ее и минуты черезъ двѣ снова наверху.

А бой идетъ. Жестокая трескотня поднимается изъ заднихъ японскихъ траншей. Охотники залегли цѣпью и отвѣчаютъ. Коегдѣ еще идетъ тяжелая возня рукопашнаго боя. Японскіе трупы и еще живые раненые усыпаютъ валикъ и ровъ окопа, раскиданные, точно просыпанная картошка.

Раздается нѣсколько трескучихъ грохочущихъ взрывовъ. То саперы рвутъ минный колодецъ и начало галлерей. По этому сигналу охотники быстро вскакиваютъ и бѣгутъ назадъ торопливо и нестройно.

Вылазка кончена. Цѣль достигнута, минныя работы найдены и испорчены. Въ казематахъ набиваются охотники и шумно повѣствуютъ о случившемся. Ихъ раскраснѣвшіяся лица, горящіе глаза, нервныя движенія свидѣтельствуютъ о возбужденіи, съ которымъ они только-что дрались. Нескладныя взволнованныя рѣчи.

— „Я его какъ пырнулъ, а онъ за штыкъ хватается и прямо на его лѣзетъ“...

— „Совсѣмъ оробѣли! Стоятъ и не шелыхаются“...

— „Я думалъ было, конецъ, да Егоровъ вызволилъ... какъ схватитъ его за горло, ажъ захрапѣлъ“...

Въ офицерскомъ казематѣ, все такъ же тускло освѣщенномъ лампой, небольшая группа окружаетъ носилки, на которыхъ лежитъ Малченко. Пальто разстегнуто, рубаха приподнята, и въ нижней части живота, сквозь наложенную перевязку просачивается кровавое пятно. Онъ тяжело дышетъ, перебираетъ пальцами, его бородатое лицо съ закрытыми глазами, побѣлѣвшее, слегка буроватаго цвѣта. Его рана безусловно смертельна.

Офицеры, фельдшеръ и два солдата смотрятъ грустными глазами на умирающаго богатыря. Тяжелое, обидное чувство подымается въ груди. Всего двое убитыхъ, и одинъ изъ нихъ почему-то, именно этотъ смѣлый, спокойный человѣкъ. Ждутъ доктора. Но не поможетъ и онъ Малченкѣ. И не воскреситъ его телеграмма, поздравляющая его съ первымъ дѣйствительнымъ офицерскимъ чиномъ подпоручика...

IV.

— „Ваше Благородіе, позвольте сдѣлать вылазку“,— говоритъ маленькій черненькій солдатикъ съ типичнымъ еврейскимъ лицомъ. Онъ говоритъ „выласку“ и „ишдѣлать“.

— „Ты? Вылазку? Зачѣмъ?“—изумляюсь я.

— „Тамъ, Ваше Благородіе, трупъ нашего унтеръ-офицера послѣ вылазки остался. Такъ достать его, оттащить отъ японцевъ“...

Изумляюсь больше. Необыкновенная храбрость какъ-то не вяжется съ этой хитрой юркой физіономіей. Что-нибудь не спроста.

— „Ты кто такой? Охотникъ?“

— „Никакъ нѣтъ! А только это унтеръ изъ нашей роты“...

Конечно запрещаю эту глупую, безразсудную вылазку за мертвымъ, хотя и весьма похвальную побужденіемъ.

— „Дозвольте, дозвольте“,—пристаетъ солдатъ.

Повторяю свое запрещеніе.

Черезъ полчаса, обходя фортъ, вижу еврейчика около бойницъ.

— „Ты что здѣсь дѣлаешь?“

— „Я, Ваше Благородіе, хочу только высмотрѣть... Безъ разрѣшенія я не пойду... Только высмотрѣть, гдѣ онъ“...

— „Ладно, стой, только будь осторожнѣе“— предупреждаю я его о пулеметѣ, который отъ времени до времени пускаетъ струю пуль вдоль бойницъ.

Это было подъ вечеръ, часовъ около шести.

На другой день на разсвѣтѣ обхожу фортъ, вижу опять еврейчика у бойницъ.

— „Ты все еще сидишь?“

Молчаніе.

Вглядываюсь пристальнѣе, и спокойная неподвижность фигуры привлекаетъ мое вниманіе.

— „Ты что?..“—наклоняюсь я. Еврейчикъ сидитъ на корточкахъ, держа ружье вертикально передъ собой. Въ его головѣ, смотрящей въ бойницу, сидятъ четыре пули. Маленькія отверстія чуть видны между черными курчавыми волосами, и только тоненькія кровавыя струйки оставляютъ болѣе замѣтные слѣды смертельныхъ ранъ. Пулеметный дождь мгновенно сдѣлалъ свое дѣло, и солдатикъ такъ и застылъ въ своемъ положеніи, прислонившись плечомъ къ земляному валу.

Эта смерть оставила странное впечатлѣніе.

Въ общей робкой массѣ еврейскихъ солдатъ, правда, бывали отдѣльные смѣльчаки, но мотивы, заставившіе полѣзть на смерть этого еврейчика, казались мнѣ слишкомъ высокими и какъ-то не укладывались въ нашихъ обычныхъ понятіяхъ.

Спустя полчаса его выносили на носилкахъ, и группа офицеровъ вела по поводу этого случая оживленный разговоръ у мостика.

— „Хоть и жидъ, а храбрый солдатъ былъ“,— сказалъ комендантъ форта при проходѣ похоронной процессіи.

— „Ваше Высокоблагородіе, позвольте доложить“,— вмѣшался въ бесѣду офицеровъ молодцоватый унтеръ, съ длинными бѣлокурыми усами.

— „Чего тебѣ?“

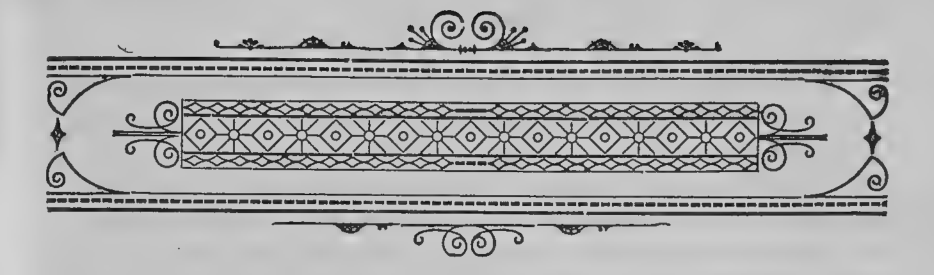
— „Такъ что ёнъ за деньгами ходилъ...“

— „Кто ёнъ?“

— „Еврейчикъ... у того убитаго унтера рублей двѣсти было... Вся команда знала... Онъ прослышалъ, ну, и поползъ... Такъ что совсѣмъ не за трупомъ ходилъ... За деньгами, что у трупа“.

Великое движеніе души стало проще и понятнѣе.

К. Шумскій.



За 38 лѣтъ.

Отрывки изъ неизданныхъ воспоминаній посвящаются памяти

Милія Алексѣевича Балакирева [1]).

После смерти Надежды Дмитріевны и я, и моя мать, мы сразу почувствовали, что не въ силахъ оставаться за границей и вернулись въ Петербургъ.

Тутъ мы узнали, что насъ не извѣщали во-время о ходѣ болѣзни Надежды Дмитріевны по ея желанію и приказанію, что она послѣдніе дни не разставалась съ платкомъ—шалью, подареннымъ ей передъ нашимъ отъѣздомъ за границу, моей матерью; что, глядя на этотъ платокъ, она говорила: „я чувствую ее (мою мать) и дѣтей возлѣ себя", и прибавляла: „пусть набираются силъ. У Елизаветы Николаевны (такъ звали мою мать) и такъ было много горя... Она схоронила четырехъ дѣтей. Къ чему ей ѣхать еще на мои похороны!... А „бѣленькой дѣвочкѣ" (такъ называла она меня) и безъ меня много горькаго придется испытать въ жизни".

Узнали мы и то, что всѣмъ простивъ передъ смертью, даже ужаснѣйшему и развратнѣйшему священнику Демидовскаго дома о. Борисоглѣбскому, ея личному врагу, клеветавшему на нее, она сказала, что не можетъ простить только двумъ людямъ: Биконсфильду—(за его слова о „полезномъ кровопусканіи", когда началось Герцеговинское возстаніе и Сербская война) и г.***, служащему въ Демидовскомъ домѣ, обкрадывавшему на ѣдѣ дѣтей сиротъ...

---

[1]) См. „Русск. Старину", мартъ 1913 г.

... А волны океана все плыли и плыли, все дальше обрушивались на тотъ берегъ, на которомъ мы стояли и съѣдали разстояніе между мною и океаномъ жизни.

...— Въ декабрѣ того же 1879 года я разъ утромъ (18-го декабря) получила отъ Балакирева слѣдующее письмо:

„Вы вѣрно браните меня за то, что я не зашелъ къ Вамъ до среды, какъ обѣщалъ, но все это время я сильно разстроенъ неожиданнымъ ужаснымъ горемъ, и никуда не могу пойти.

Сестра моя 7-го декабря уѣхала не надолго въ Москву, оттуда проѣхала въ Нижній и тамъ скончалась. Вчера происходило ея погребеніе. Вся семья *наша* ошеломлена этимъ событіемъ, которое для меня такъ безотрадно, что избѣгаю даже и разговаривать объ немъ съ кѣмъ-нибудь.—Завтра не ждите на урокъ. Приду въ будущую среду и займемся піэсами, для одного фортепіано, а тріо, которое принесло Вамъ пользу,—размявъ пальцы, послѣ долгаго отдыха отъ фортепіанной игры,—покуда оставимъ.

Преданный Вамъ М. Балакиревъ".

Казалось бы, послѣ его писемъ ко мнѣ о Надеждѣ Дмитріевнѣ и этого письма, мнѣ слѣдовало разспросить его, выказать ему мое сочувствіе, какъ онъ высказалъ мнѣ свое, но я этого не сдѣлала, не смогла сдѣлать. Онъ писалъ: избѣгаю даже и разговаривать объ немъ (т. е. горѣ) съ кѣмъ-нибудь...

Это „кѣмъ-нибудь" я тогда поняла, какъ съ кѣмъ бы то ни было, какъ намекъ и сочла его ненарушимымъ, священнымъ для себя приказаніемъ!

Онъ пришелъ на слѣдующій урокъ съ лицомъ, на которомъ ничего нельзя было прочесть, и мы просто стали играть.

Изъ газетъ же мы узнали, что сестра его, Марья Алексѣевна Балакирева, покончила самоубійствомъ на романической подкладкѣ.

Боже мой, какъ не гармонировало тогда это газетное сообщеніе съ тѣмъ, съ тою жизненной духовно-свѣтлой атмосферой, которая, по моему предположенію, окружала, должна была окружать дома Милія Алексѣевича!

... Въ 1880 г. мы особенно часто видались съ нимъ. Кромѣ двухъ разъ, которые онъ приходилъ для уроковъ, онъ приходилъ еще каждый четвергъ вечеромъ для бесѣдъ.

Эти бесѣды были моей радостью и гордостью, во-первыхъ, потому, что всякій разъ я узнавала изъ нихъ что-нибудь новое изъ политики или просто исторіи или исторіи богословія, литературы, изъ біографій особенно музыкальныхъ дѣятелей, а во-вторыхъ, еще потому, что теперь Балакиревъ позволялъ мнѣ говорить, разсказы-

вать ему прочитанное, терпѣливо, не спуская съ меня глазъ, выслушивалъ мои мысли, передачу какихъ-нибудь католическихъ или протестантскихъ книгъ, брошюръ.

Особенно почему-то помню, какъ слушалъ онъ мой подробный пересказъ католической легенды о св. Христофорѣ, какъ потомъ сказалъ: вамъ, должно быть, особенно трудно найти подругу?.. Знаете, хорошо было бы вамъ познакомиться съ Марьей Павловной Мордвиновой (онъ произносилъ Марья, а не Марія). Она прекраааснaя дѣвушка!..—добавилъ онъ, дѣлая удареніе на слогъ „краас".—Прекрасная-съ!.. Вы подошли бы другъ къ другу.

И тутъ же онъ указалъ мнѣ, что въ католическихъ житіяхъ, въ легендахъ о святыхъ есть часто примѣсь разъѣдающей вообще католическую церковь лжи.

(Я знала тогда уже давно о базисѣ католичества Лже-Исидоровыхъ Декреталіяхъ и о Monita Segreta іезуитовъ).

— Посмотрите,—говорилъ онъ;—у нихъ самъ Богъ лжетъ, прикрываетъ ложь...

(Онъ не задумался, не остановился это сказать).

— Такъ, напримѣръ, въ поэтичнѣйшей легендѣ о Елизаветѣ Венгерской, хлѣбъ, который она несетъ бѣднымъ, превращается въ цвѣты, потому-что она, боясь мужа, солгала,—онъ громко произнесъ это слово,—а Богъ прикрылъ ея ложь чудомъ, принялъ участіе въ ея лжи... Въ православіи вы этого не найдете... Въ православіи она за свой хлѣбъ претерпѣла бы гнѣвъ мужа, мученія, словомъ, то, что было въ дѣйствительности, потому что ложь и православіе несовмѣстимы...

А я слушала его и все больше начинала любить и понимать нашу Церковь, хотя духовенство наше, современное уже той эпохѣ, онъ не любилъ, и часто прохаживался на его счетъ, указывая, какъ еще и раньше оно было плохо, не желая, напримѣръ, хоронить А. С. Хомякова.

А волны океана жизни, между тѣмъ, незримо небольшими струйками все подтачивали и подтачивали тотъ берегъ, на которомъ я стояла.

Какъ-то разъ, придя къ намъ, онъ засталъ у насъ группу молодежи, ярыхъ противниковъ, подъ вліяніемъ своихъ профессоровъ, славянофильства: они вздумали противорѣчить ему. Нѣкоторое время онъ отвѣчалъ имъ, несмотря на ихъ юный, не всегда корректный задоръ. Потомъ, пристально поглядѣвъ на нихъ, умолкъ. А на слѣдующей недѣлѣ, я получила отъ него письмо съ припиской, гласившей:

„Не лучше ли мнѣ придти къ Вамъ вмѣсто сегодня — въ

понедѣльникъ? а то по субботамъ и воскресеньямъ у Васъ товарищи Сережи“.

Съ тѣхъ поръ онъ не иначе называлъ собиравшуюся у насъ молодежь, какъ этимъ коллективнымъ наименованіемъ: „Сереженкины товарищи“, и надо было слышать его мягкія интонаціи, чтобы понять, сколько сарказма вкладывалъ онъ въ эти два безобидныхъ слова!

Кстати сказать, нѣкоторые изъ этихъ Сереженкиныхъ товарищей теперь „видные политическіе дѣятели“...

1881 годъ принесъ новый девятый валъ, захлестнувшій, потопившій многихъ, заледенѣвшій особенно въ первую минуту всѣхъ и вмѣстѣ со всѣми и мою семью...

. . . .

Но здѣсь мнѣ снова хочется сдѣлать маленькое отступленіе и разсказать то, что я передумала, пережила за это ужасное время до 1-го марта и сейчасъ послѣ него.

Обыкновенно теперь принято говорить и писать о страшной неожиданности удара и о чувствѣ возмущенія, что *это*, этотъ ужасъ могъ случиться именно съ Царемъ Освободителемъ, съ тѣмъ, кто вернулъ декабристовъ изъ ссылки, кто даровалъ свободу милліонамъ крѣпостныхъ... Новые суды и пр.

Я, поистинѣ, должна засвидѣтельствовать, что это не совсѣмъ такъ, что великіе акты, ознаменовавшіе собою начало царствованія Государя Александра II, отошли тогда уже въ область исторіи, для молодежи въ область преданія.

Мы, тогда, до событія 1-го марта (мы, т. е. молодежь извѣстнаго круга, не распропагандированная, вѣрноподданически настроенная), слышали отъ нашихъ отцовъ и родственниковъ, возвращавшихся со службы домой, и отъ ихъ знакомыхъ, друзей, сослуживцевъ—совсѣмъ не диѳирамбы послѣднимъ годамъ.

Фразы: Куда мы идемъ?!.. Живемъ всѣ, какъ на вулканѣ! Чѣмъ все это кончится!.. Крадутъ, какъ передъ концомъ!...—Пожиманье плечъ. Разсказы о непорядкахъ въ разныхъ министерствахъ, о постоянной смѣнѣ негодныхъ министровъ, разсказы о расхищеніи Бурятскихъ земель, о расхищеніяхъ въ министерствѣ финансовъ, о покровительствѣ своевольнымъ чиновникамъ высшихъ чиновъ, разсказы, переданные шепотомъ, о „подвигахъ“ нашей дипломатіи: о причинахъ, почему мы остановились въ Галиполи и не вошли въ Константинополь... Страшное паденіе курса послѣ побѣдоносной войны... Наконецъ, разсказы изъ свѣтской, такъ сказать, брачной жизни и изъ исторіи разводовъ, когда вся неправда пряталась, какъ за неприступную стѣну за три слова... Постоянныя покушенія

на жизнь Государя и его вѣрныхъ слугъ (покушеніе на Трепова, убійство Мезенцева, Субботкина и др.), студенческіе безпорядки, правленіе „калифа на часъ", какъ онъ самъ себя называлъ, графа Лорисъ-Меликова, возвращеніе всѣхъ сосланныхъ студентовъ, осужденіе его политики, защита, больше восхваленіе этой же политики, предсказанія: вы увидите...

Все это, какъ ни страшенъ былъ ударъ, дѣлало его не такимъ неожиданнымъ (для молодежи), какъ это теперь принято писать.

(Невольно припоминается мнѣ, сейчасъ, какъ я пишу эти строки, исторія дочерей короля Лира, и причины, почему король-отецъ разгнѣвался на свою Корделію. Причина эта, какъ извѣстно, была правда, высказанная Корделіей, правда, недостаточно глубоко, поэтично и красиво, по мнѣнію старика Лира, выражавшая ея, дочернюю, любовь.

Такъ вѣрно будетъ и со мной за этотъ отрывокъ отъ восхвалителей и „посмертныхъ" (posthumes) почитателей Государя Освободителя...

„А все-таки вертится!" Все-таки это истина, скажу я нынѣшнимъ историкамъ и панегиристамъ Государя Александра II, т. е. истина, что до 1-го марта молодежь восьмидесятыхъ годовъ слышала царствованію Александра II не похвалу, а... сильную критику. Похвала раздалась лишь послѣ мученической кончины).

... Я была одна дома, когда раздались два памятныхъ петербуржцамъ того времени глухихъ удара: разъ, и черезъ нѣкоторое время опять: разъ. Точно кто началъ выбивать гдѣ-то ковры, началъ, почему-то бросилъ, опять началъ и опять бросилъ.

Я не обратила на нихъ особеннаго вниманія, хотя ухо какъ-то невольно ждало дальнѣйшихъ дробныхъ ударовъ палокъ.—Но я читала и мнѣ было интересно мое чтеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ меня мучилъ страхъ, не случилось ли что съ моей матерью, которая выѣхала кататься въ парныхъ саняхъ вмѣстѣ съ моимъ братомъ и долго не возвращалась. Лошади у насъ были молодыя, новыя, и одна изъ нихъ часто пугалась, такъ-что онѣ нерѣдко носили.

Не знаю, сколько времени прошло послѣ ударовъ, но мать моя все еще не возвращалась, когда въ личную мою гостиную вошелъ товарищъ моего брата и страшно напугалъ меня сначала своими осторожными вопросами: вы не знаете, что случилось? (Я похолодѣла отъ мысли: вѣрно что-нибудь съ мамой...) А затѣмъ и разсказалъ о происшедшемъ злодѣяніи.

Потомъ блѣдная вернулась моя мать, узнавшая только отъ нашего швейцара о происшедшемъ, такъ какъ катались они, чтобы лошади не могли испугаться, не на людныхъ улицахъ, а у лавры, Калашниковской пристани и пр.

Мой братъ съ товарищемъ тотчасъ отправились на Дворцовую площадь. Тогда Государь, говорили, былъ еще живъ.

Потомъ, т. е. гораздо позднѣе, вернулся отецъ и разсказалъ, какъ вышелъ изъ Дворца Рылѣевъ и сказалъ народу, переполнившему площадь, что все кончено... Разсказалъ, какъ платкомъ Рылѣевъ вытиралъ кровь, залившую лѣстницу, по которой несли Царя Освободителя...

. . . .

Помню, какъ отецъ былъ страшно взволнованъ, какъ пересохли и почернѣли его губы, какъ дрожали его руки.

... Помню, какъ стала зловѣще пустѣть наша Владимірская площадь, какъ къ вечеру на ней нельзя было увидѣть ни извозчика, ни пѣшехода.

... Помню, какъ вечеромъ же ворвался въ нашу квартиру и спрятался въ кабинетъ отца какой-то бритый, развинченный незнакомый господинъ; какъ моя мать приняла его за кого-нибудь изъ имѣвшихъ что-нибудь общее съ цареубійцами. Какъ на ея разспросы перепуганный лакей отвѣчалъ, что не знаетъ, кто бы это могъ быть, что никогда не видалъ его...

Помню, какъ моя мать, про которую Надежда Дмитріевна всегда говорила: великій духъ въ маленькомъ тѣлѣ, — спасая, какъ она думала, отца, одна вошла въ кабинетъ и спросила страшно нервничавшаго господина: кто онъ? и зачѣмъ онъ пришелъ?

Какъ онъ извинился, назвалъ себя К. А. О—хо, и объяснилъ, что семьи его нѣтъ въ Петербургѣ, что клубы закрыты, а сидѣть дома онъ положительно не въ силахъ въ данныхъ обстоятельствахъ, почему онъ и пришелъ къ моему отцу, ближайшему его сосѣду по улицѣ и постоянному партнеру въ карты въ какомъ-то клубѣ.

... Помню, какъ я сама, — спасаясь отъ того страшнаго гнета, который охватывалъ меня съ каждой минутой все сильнѣе, вышла въ коридоръ, ведущей въ комнаты прислугъ, и, встрѣтивъ тамъ много лѣтъ жившую у насъ старуху прачку, ожидая отъ нея утѣшенія, обратилась къ ней со словами:

— Андревна, ужасъ-то какой!

На что она, понизивъ голосъ до шепота, отвѣтила:

— За жену это, матушка, за жену, Богъ отступился отъ него...

Помню, какъ морозъ пробѣжалъ у меня по спинѣ отъ этихъ ея словъ...

... Потомъ незабываемое впечатлѣніе оставилъ во мнѣ день перенесенія тѣла Царя изъ Зимняго дворца въ Петропавловскую крѣпость.

Мы смотрѣли на процессію изъ оконъ Академіи Художествъ.

Ѣхать туда пришлось раннымъ-рано, какъ говорила моя горничная, что-то около 7 ч. или 8 ч. утра, такъ какъ позднѣе по городу не пропускали экипажей, даже съ билетами. Отецъ, какъ человѣкъ въ извѣстныхъ чинахъ, долженъ былъ участвовать въ процессіи, нести подушку съ какимъ-то орденомъ.

Погода была отвратительная. Дулъ порывистый вѣтеръ. Временами лилъ дождь, временами мелькали въ воздухѣ бѣлыя мухи, временами падалъ хлопьями, тотчасъ таявшій снѣгъ.

У Академіи Художествъ начало процессіи появилось въ исходѣ двѣнадцатаго. Всѣ бывшіе тамъ изныли отъ голода, усталости вслѣдствіе ранняго непривычнаго вставанья, холода въ залахъ и того особеннаго, щемящаго чувства тоски, которое не покидало въ эти дни петербуржцевъ.

Когда появилась голова кортежа, всѣ бросились къ окнамъ, и тотчасъ раздались восклицанія.

Кортежа, процессіи, т. е. какого-нибудь порядка въ похоронномъ шествіи не было. Всѣ и чины, и духовенство шли вразбродъ, въ одиночку или группами, кое-какъ, еле двигая ноги, продрогшіе, промокшіе, кто съ опущенной подушкой, кто съ подушкой подъ мышкой... Кто тутъ же передавалъ подушку, а самъ торопливо удиралъ, какъ школьникъ... Духовенство съ развѣвающимися по вѣтру волосами, особенно не красивы были тѣ, у кого волоса были густы, нѣкоторые съ повязанными по ушамъ (т. е. сложенными въ полоску) цвѣтными узорчатыми платками. Многіе, почти всѣ, поднимая ризы, такъ какъ грязь и мокрота были страшныя...

Прекрасное исключеніе составили пажи. Въ высокихъ сапогахъ, или ботфортахъ, въ бѣлыхъ лосинахъ, они прошли мимо Академіи и дальше, дальше, какъ будто шутя, по залѣ; не дрогнувъ, точно не замѣчая усталости, будто только-что началось шествіе, не чувствуя ни вѣтра, ни дождя, ни холода.

За ними что-то снова потянулось...

Отца моего я, какъ ни глядѣла, не могла узнать. Потомъ появилась колесница, а за ней Государь Александръ III.

Онъ шелъ, если смѣю сравнить, вродѣ пажей. Какъ богатырь, какъ изваянный изъ бронзы, съ той мощной и великой простотой, точно онъ шелъ въ особой атмосферѣ, гдѣ не было ни холода, ни вѣтра, ни дождя, и гдѣ никого не было кромѣ Бога на многолюдныхъ улицахъ, чтобы видѣть его, съ такимъ выраженіемъ ясности, покорности и высоты помысловъ въ свѣтлыхъ голубыхъ глазахъ, что я никогда ужь не могла забыть этотъ взглядъ: онъ слился у меня съ именемъ Александра III, и Александръ III слился у меня съ этимъ взглядомъ. А впослѣдствіи, когда мнѣ бывало больно отъ

происходившаго во время царствованія Государя Александра Александровича (закрытіе высшихъ курсовъ для женщинъ и пр.), я вспоминала этотъ взглядъ и имъ утѣшалась: принимаемыя мѣры были временныя. Когда вскрываютъ гнойникъ, не даютъ сразу затянуться ранѣ, а выпускаютъ гной, что бы тамъ кто ни говорилъ.

VI.

....Совершенно не могу припомнить, когда, т. е. на какой день послѣ событія 1-го марта, я увидѣла Милія Алексѣевича, когда начала и начала ли съ нимъ до лѣта уроки. Или мы отложили ихъ до осени.

Помню одно: мы стоимъ съ нимъ въ залѣ, вскорѣ послѣ цареубійства, и дѣлимся впечатлѣніями о 1-мъ марта. Онъ также взволнованъ, какъ и всѣ.

И вдругъ онъ, откашливаясь, говоритъ мнѣ:

— Да-съ, а знаете, что говоритъ про это народъ?... Нѣтъ? Онъ говоритъ, что Богъ отступился отъ него за грѣхъ, за жену.... Богъ сколько разъ спасалъ его, спасъ бы и тутъ, но....

Выслушавъ его, я дѣлаю ему тѣ возраженія, которыя сдѣлали мнѣ мои родители, когда я разсказала имъ о нашей прачкѣ,—про храбрость Государя, про организованный революціонерами планъ, но онъ перебиваетъ меня:

— Это неизвѣстно-съ! Это ничего не извѣстно. Мы видимъ только факты, а за Бога рѣшать мы не можемъ.

Я смотрю на него, слушаю его, вспоминаю первую статью Хомякова (письмо къ Тертію Ивановичу Филиппову), которую онъ далъ мнѣ, вспоминаю великія слова и разъясненія, чѣмъ святъ бракъ, и чувствую его, Балакирева, внутреннюю, сердечную, органическую связь съ простымъ не „наученымъ" народомъ и.... благословляю его и преклоняюсь передъ народомъ.

. . . .

Кстати, здѣсь, думается мнѣ, будетъ передать и другой разговоръ Милія Алексѣевича.

Онъ вообще никогда не осуждалъ Царскую власть. Славянофилъ чистѣйшей формаціи, онъ страстно, зло и остроумно нападалъ на бюрократію, администрацію, на совѣтниковъ и приближенныхъ Царя, но личность Царя, какъ Царя, была для него не на словахъ, а, поистинѣ, священна. Страстно желая Земскаго Собора, онъ говорилъ только иногда, что Государя Александра II обманываютъ,

что ему внушаютъ иллюзію, будто правитъ онъ. На самомъ дѣлѣ правитъ бюрократія и т. д.

И вотъ какой разговоръ произошелъ у него разъ, при мнѣ, съ моими родителями.

Утреннія газеты принесли извѣстіе о покушеніи на жизнь Трепова. Въ то же утро пришелъ Балакиревъ ко мнѣ на урокъ и до него, по приглашенію моего отца, зашелъ въ столовую выпить стаканчикъ чая, собственно, конечно, поговорить о покушеніи.

Мои родители были страшно возмущены Засуличъ.

Балакиревъ всегда былъ противъ насилія, съ какой бы стороны оно ни исходило, и никогда не одобрялъ дѣйствій революціонеровъ, но тутъ, найдя, должно быть, что моими близкими недостаточно принимаются во вниманіе причины, вызвавшія покушеніе, вдругъ громко, отчеканивая слова и жестко, выговорилъ:

— Да, но какъ можно было сѣчь! (Боголюбова). Нѣтъ-съ, вы отвѣтьте мнѣ только: какъ онъ (Треповъ) смѣлъ приказать сѣчь?!..

Секунду, двѣ длилось молчаніе, потомъ заговорила моя мать, и на какія-то слова ея: что-то, что сѣчь одно, а выстрѣлить, убить, искалѣчить другое,—Милій Алексѣевичъ вскипѣлъ, вскочилъ со стула и гнѣвно выкрикнулъ:

— А что сказали бы вы, если бы вмѣсто Боголюбова высѣкли вашего Сереженьку?.. Вашего сына?

Моя мать страшно покраснѣла, потомъ тотчасъ поблѣднѣла до синевы губъ.

Ей, дворянкѣ и вѣрноподданной до мозга костей, ей, широкой и умной, въ голову все же не могло придти, чтобы кто-нибудь могъ сравнить ея сына съ какимъ-нибудь Боголюбовымъ.

Я была тутъ же, въ столовой, и видѣла, какъ боролись въ душѣ ея разнородныя чувства: уваженія къ Милію Алексѣевичу и негодованія на него за его сравненіе.

Я видѣла и его лицо въ профиль, знала, что глаза его устремлены на мою мать, и чувствовала, что цѣлью его было не оскорбить, а только, такъ сказать, иллюстрировать для рельефности свою мысль этимъ примѣромъ.

Видѣла и нахмуренное лицо отца, молчавшаго, но переводившаго взглядъ съ матери на Балакирева.

— Ну, вотъ, видите-съ,—заговорилъ снова Милій Алексѣевичъ, уже примирительнымъ тономъ,—видите, какое впечатлѣніе произвело на васъ одно предположеніе,—протянулъ онъ,—о наказаніи.

Моя мать вспыхнула.

— Вѣдь, есть разница между моимъ сыномъ и какимъ-нибудь Боголюбовымъ,—волнуясь, заговорила она.

— Никакой разницы,—рѣзко перебилъ Балакиревъ.—Онъ тоже чей-нибудь сынъ, и кому-нибудь дорогъ, какъ вамъ Сережа.

— Разница и въ происхожденіи, и въ воспитаніи,—продолжала моя мать.

Ее сталъ поддерживать мой отецъ и тоже что-то говорить.

— А если мой сынъ попался бы въ томъ или подобномъ,—снова взволнованно сказала моя мать,—въ чемъ Боголюбовъ, посаженъ былъ бы въ тюрьму и все же дерзилъ бы, какъ Боголюбовъ, то... конечно.... его надо было бы и сѣчь... Да этого не можетъ быть,—закончила она, почти успокоившись и поборовъ волненіе.

— Ну, это вамъ теперь такъ кажется,—не захотѣвъ уняться, уступить, выговорилъ Балакиревъ.—А если бы онъ поддался революціонной пропагандѣ... и кто-нибудь задумалъ бы его...

Снова разгорѣлся споръ. Я знала, слышала уже много разъ о рѣзкости Милія Алексѣевича, объ его языкѣ, доставившемъ ему безчисленное количество враговъ, и съ отчаяніемъ думала:

— Ну, вотъ, сейчасъ и у насъ онъ скажетъ что-нибудь непоправимое!

Но онъ вдругъ остановился и совершенно инымъ тономъ произнесъ:

— То, что вы говорите, Елизавета Николаевна, о разницѣ въ происхожденіи и воспитаніи—это не по-христіански. Для Бога этой разницы нѣтъ. Самъ Сынъ Божій на землѣ былъ пріемнымъ сыномъ плотника...

Я взглянула на мою мать и.... увидѣла такое выраженіе ея милаго лица, что тотчасъ тихо вышла изъ столовой въ гостиную и, постоявъ тамъ, не слыша больше рѣзкихъ голосовъ, въ залу.

Черезъ нѣсколько минутъ въ залу стремительно пришелъ и Милій Алексѣевичъ. Онъ былъ красенъ и казался чѣмъ-то очень довольнымъ.

Я посмотрѣла на него,—поняла, что у него съ моею матерью произошло примиреніе, и мы начали урокъ. Послѣ него я побѣжала къ матери.

Она сидѣла въ большомъ креслѣ, въ спальнѣ у окна за своимъ рабочимъ деревяннымъ мозаичнымъ столикомъ, и, увидя меня, мой вопрошающій и все еще встревоженный взглядъ, улыбнулась.

— Онъ правъ, конечно,—сказала она.—Только ужасно у него рѣзкій языкъ.

Слава Богу, это была первая и послѣдняя стычка Балакирева у насъ въ семьѣ. И до и послѣ нея, кромѣ „мира“ и глубокаго уваженія у насъ, у моихъ родителей съ нимъ, не было другихъ отношеній.

Въ 1881 году Милій Алексѣевичъ снова сталъ заниматься Безплатной Музыкальной Школой, вмѣсто Ник. Андр. Римскаго-Корсакова. Помню его первый концертъ 3-го февраля 1881 г. и второй 15-го февраля 1882 г., когда ему поднесли и адресъ, и разныя вышитыя ленты, и полотенца, и множество серебряныхъ вѣнковъ, и, если не ошибаюсь, выигрышные билеты внутреннихъ займовъ. (По крайней мѣрѣ таково было намѣреніе нѣкоторыхъ его почитателей и почитательницъ).

Сильно взволнованный, мелкими шагами, совсѣмъ не похожими на его обыкновенную походку, онъ вошелъ на эстраду въ залѣ Дворянскаго Собранія, и чествованіе началось....

Залъ на этотъ разъ былъ почти полонъ, и я съ гордостью думала, что пустынные вечера для Безплатной Школы миновали, но... „то былъ лишь сонъ".

Послѣ юбилейнаго концерта (82 года), снова залъ во время концертовъ Безплатной Музыкальной Школы сталъ представлять изъ себя безлюдье Гоби или Сахары...

Зато самъ по себѣ 81 годъ (конецъ его или начало 1882 г.), столькихъ потопившій, столькихъ надломившій, къ Балакиреву былъ милостивъ и своимъ девятымъ валомъ, заледенивъ и окунувъ его на время въ ужасъ революціоннаго времени, вынесъ его на сухой, твердый берегъ.

Государь Александръ III, искавшій русскихъ людей, вспомнилъ и о Балакиревѣ и назначилъ его директоромъ Пѣвческой Капеллы.

Съ этой минуты матеріальное положеніе Милія Алексѣевича измѣнилось въ корень. Онъ пересталъ нуждаться... и, какъ послѣдствіе этого, весь отдался своей дѣятельности директора капеллы, многое преобразовалъ и расширилъ въ ней, учредилъ инструментальные классы и пр. Частные же уроки мало-по-малу окончательно оставилъ.

Но, странно, какъ-то именно въ этомъ году онъ съ непонятной горечью сказалъ:

— Мнѣ, какъ бѣлкѣ, привезли возъ орѣховъ, когда зубовъ ужъ нѣтъ.

Въ 1882 году Милій Алексѣевичъ пересталъ такъ часто, какъ послѣдніе годы, бывать у насъ... Но и за этотъ годъ у меня есть отъ него записочки, въ которыхъ видна его душа.

Помощникомъ по Пѣвческой Капеллѣ онъ выбралъ себѣ Николая Андреевича Римскаго-Корсакова.

Кромѣ соединявшаго ихъ въ то время единомыслія и уваженія Балакирева къ музыкальному дарованію Р.-Корсакова, приглашеніе

его со стороны Милія Алексѣевича послѣдовало потому, что у него была: „большая-съ семья-съ“, какъ выражался всегда Балакиревъ.

Причина эта,—т. е. „большая семья-съ“—была вообще для него одной изъ самыхъ уважительныхъ, и, ходатайствуя за кого-нибудь, онъ всегда настойчиво выдвигалъ ее впередъ.

Тогда, да и много лѣтъ спустя, я не понимала, почему это такъ, и только послѣ его смерти, изъ разговоровъ съ его близкими, сообразила, скорѣе почувствовала, что въ дѣтствѣ, послѣ смерти матери, умершей, когда ему было 9 лѣтъ (онъ былъ старшій), вѣрно ему съ маленькими сестрами пришлось пережить не мало тяжелаго, и испытанная нужда въ дѣтствѣ оставила неизгладимый на всю жизнь слѣдъ въ его душѣ.

Въ янв. 1882 г., по поводу постановки Снѣгурочки, онъ писалъ мнѣ:

„Нѣкоторымъ пришла благая мысль поднести Николаю Андреевичу на первомъ представленіи его Снѣгурочки большой вѣнокъ отъ учениковъ, учеиицъ и почитателей его таланта, что тѣмъ болѣе кстати, что еще никогда ему не было публичныхъ овацій. Сообщаю вамъ объ этомъ, какъ его ученицѣ, которой онъ всегда былъ доволенъ гораздо болѣе, чѣмъ другими, и въ случаѣ, если Вы пожелаете принять участіе въ этомъ хорошемъ дѣлѣ, то поспѣшите переслать мнѣ Вашу лепту, такъ какъ первое представленіе Снѣгурочки предполагается на будущей недѣлѣ.

Преданный Вамъ М. Балакиревъ“.

Въ 1883 году въ мартѣ я впервые услышала „Тамару“ Балакирева въ концертѣ Безплатной Школы. Исполнялась она подъ его управленіемъ, но сыграть мнѣ ее на фортепіано,—какъ онъ игралъ раньше другія вещи,—онъ уже не захотѣлъ.

Этотъ же 1883 г. снова былъ для меня и для всей нашей семьи годомъ новаго девятаго вала. Въ сентябрѣ скоропостижно умеръ мой отецъ.

Послѣ 1-го марта 1881 г. онъ весь отдался тѣмъ заботамъ о Государѣ, которыя взяло тогда на себя общество, сталъ ѣздить въ разныя губерніи, куда долженъ былъ ѣхать Государь и т. д.

Тогда же произошло знакомство его съ И. Д. Путилинымъ и еще съ одной крайне несимпатичной личностью, которую можно назвать: Азефомъ въ юбкѣ.

Личныя дѣла его къ тому времени пошатнулись, здоровье тоже. Въ іюнѣ 1881 г. у него сдѣлался первый припадокъ грудной жабы. Черезъ два слишкомъ года припадокъ этотъ повторился и унесъ его въ могилу.

Мы (мать и я) были тогда за границей, куда и онъ намѣревался ѣхать. Отъѣздъ его въ Парижъ былъ назначенъ на 15-е сентября, мы уѣхали изъ Петербурга 7-го, а 12-го въ Лейпцигѣ (куда поѣхали къ знаменитому тогда ушному и горловому врачу Хагену (Hagen), мы получили телеграмму объ его кончинѣ...

. . . .

Онъ лежалъ уже въ закрытомъ гробу, когда мы вернулись.

О, эта лѣстница, по которой мы шли и черезъ нѣсколько часовъ послѣ пріѣзда снова спускались, слѣдуя за гробомъ... О, эта зала, гдѣ по срединѣ стоялъ темный дубовый гробъ... Какимъ все новымъ и инымъ, чѣмъ всегда, онѣ казались...

. . . .

Въ день нашего возвращенія состоялся выносъ тѣла моего отца въ три часа дня на Балтійскій вокзалъ для погребенія въ Сергіевской пустыни, близъ Стрѣльны. Тамъ раньше были похоронены мой старшій маленькій братъ и сестры.

На слѣдующій день были похороны, но ни на выносѣ, ни на похоронахъ, ни на одной панихидѣ (какъ мнѣ сказалъ мой братъ), Балакирева не было.

Къ девятому дню я написала ему письмо, прося его придти помолиться за моего отца.

Я недоумѣвала, почему онъ не приходитъ? Я помнила, какое важное значеніе онъ придавалъ отданію послѣдняго долга, какъ требовалъ, какъ-то разъ, чтобы я поѣхала отдать этотъ долгъ очень мало мнѣ знакомому человѣку. И вдругъ онъ не пришелъ помолиться за моего отца!

Заупокойная служба на 9-й день была во Владимірской церкви для удобства родныхъ и знакомыхъ, и я, къ радости моей, увидѣла его среди молящихся, а при выходѣ узнала и причину его отсутствія на похоронахъ. Онъ былъ въ Москвѣ и только-что вернулся. Петербургскихъ же газетъ вообще не получалъ.

На двадцатый день заупокойная служба была въ Сергіевской пустыни, и хотя онъ зналъ объ этомъ,—онъ снова не былъ на ней.

— Отчего? Отчего?..—мысленно спрашивала я себя и не находила отвѣта.

Мы кончали уже завтракъ и чай въ квартирѣ архимандрита о. Игнатія, на его знакомомъ мнѣ съ дѣтства балконѣ-комнатѣ, когда сзади въ трапезной (или залѣ, гдѣ былъ и всегда бываетъ накрытъ и поданъ завтракъ въ такихъ случаяхъ), раздались удивленные возгласы, чьи-то шаги... Я встала посмотрѣть, что тамъ происходитъ, и встрѣтилась въ дверяхъ галлереи-балкона съ Миліемъ Алексѣевичемъ.

Онъ опоздалъ на поѣздъ и пришелъ въ монастырь пѣшкомъ по шпаламъ!

Служба была кончена, но мы всѣ пошли еще разъ до отъѣзда въ Петербургъ на могилу отца. На ней лежали новые вѣнки съ надписями отъ Николаевской дѣтской больницы, гдѣ отецъ былъ попечителемъ, и еще отъ кого-то... Балакиревъ пошелъ рядомъ со мной. Было 1-е октября, день моего рожденія, и мнѣ было больно и жутко, что 20-й день пришелся именно въ день моего праздника. Мнѣ казалось это дурнымъ предзнаменованіемъ.

Балакиревъ точно догадался о томъ, что происходило у меня на душѣ, и когда мы отходили отъ могилы, тихо сказалъ мнѣ:

— Сегодня день вашего рожденія. Я помню это и считаю, что то, что 20 день пришелся именно на сегодня—это знакъ большой,—протянулъ онъ,—любви къ вамъ Василія Яковлевича. Это его благословеніе вамъ...

Я подняла на него глаза.

— Да-съ, большое благословеніе...—повторилъ Милій Алексѣевичъ, и его слова мгновенно сняли съ меня гнетъ душевный и въ то время совершенно успокоили меня.

Къ сожалѣнію, въ жизни его утѣшительныя слова не оправдались, а сбылось... мое предчувствіе горя.

Изъ Сергіевскаго монастыря мы уѣхали въ ландо, запряженномъ четверкой ямщичьихъ лошадей, а всѣ остальные и Балакиревъ съ ними—на поѣздѣ.

Больше я не помню его на службахъ по моемъ отцѣ. Помню только его пристальный взглядъ, устремленный на насъ въ окна экипажа, когда мы отъѣзжали отъ нашей усыпальницы.

Въ октябрѣ слѣдующаго, 1884 г. я вышла замужъ, и все рѣже и рѣже стала видаться съ Миліемъ Алексѣевичемъ.

Разъ, впрочемъ, онъ пришелъ вечеромъ въ концѣ 84-го г. или началѣ 85 года и принесъ мнѣ свою 3-ю мазурку, посвященную мнѣ.

Затѣмъ, онъ разъ пришелъ, когда моему первому ребенку было нѣсколько недѣль.

Я страшно обрадовалась ему и просила его благословить мою дѣвочку.

Онъ порывисто всталъ и все тѣми же стремительными шагами, знакомыми мнѣ съ дѣтства, прошелъ за мной туда, въ ту комнату, гдѣ временно, такъ какъ въ дѣтской освѣжали, находилась кормилица съ моей дочерью—Ђађу, и неловко и трогательно перекрестилъ ее.

Въ 1887 г. послѣ долгаго, кажется, полуторагодового перерыва, я снова увидѣла его. Онъ зашелъ весной поздно вечеромъ, когда

мы укладывались и переѣзжали на дачу, и остался нѣсколько минутъ...

Я спросила его, какъ онъ находитъ мою мать? Я очень безпокоилась за нее.

Онъ взглянулъ на меня и отвѣтилъ:

— Видно, что она въ трудахъ.

Я не поняла, что онъ хочетъ сказать, и переспросила: очень плохой видъ?..

Но онъ уклончиво повторилъ сказанное.

. . . .

Въ октябрѣ того же года моя мать скончалась.

И онъ тоже не отдалъ ей, какъ онъ называлъ, послѣдняго долга. Не былъ ни на панихидахъ, ни на похоронахъ. Но мнѣ тогда ужъ все было все-равно, и это, т. е. его отсутствіе, не было больно.

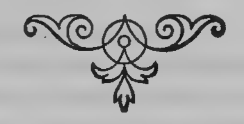
Я была уже щепкой, которую несъ океанъ, и сознаніе, ощущеніе горечи притупилось во мнѣ...

...Остальное время, въ теченіе 11 лѣтъ,—was silence...

Княгиня М. В. Волконская.

Конецъ 1-й части.

(Продолженіе слѣдуетъ).



„Маскарадъ".

Забытый разсказъ изъ жизни Пушкина.

Пушкинъ, жизнь котораго, по справедливому выраженію А. О. Смирновой, представляетъ драгоцѣннѣйшій поэтическій матеріалъ, былъ выводимъ въ беллетристическомъ изображеніи рѣдко и въ общемъ довольно неудачно. Одна изъ лучшихъ подобныхъ попытокъ, при томъ самая ранняя, появилась много лѣтъ назадъ, черезъ два года послѣ смерти поэта. Это—разсказъ „Маскарадъ", напечатанный въ „Библіотекѣ для чтенія" 1839 г. (т. XXXIII, отд. I, стр. 41—64). Въ свое время на него обратилъ вниманіе Бѣлинскій.

„Маскарадъ" — говорилъ критикъ („Московск. Наблюдатель" 1839 г., ч. II, № 3, „Русскіе журналы")—„бойко и рѣзво написанный разсказъ, легкій очеркъ большого свѣта. Въ немъ играетъ важную роль какой-то поэтъ Н—нъ, по имени Александръ Сергѣевичъ, который, когда его маска называетъ Алеко и намекаетъ ему о Кавказѣ и Бессарабіи, принимаетъ это за намекъ на свои сочиненія... Но это еще ничего... Странно, что этотъ Н—нъ, пріѣхавъ съ маскарада домой, „скинулъ фракъ, придвинулъ свѣчу, опустилъ перо въ чернильницу, потеръ рукой по лбу, зѣвнулъ, написалъ шестую строку „Бородинской Годовщины" и легъ спать". Это что-то похожее—какъ бы сказать?—на плоскость, слишкомъ неумѣстную и для многихъ оскорбительную"...

По всѣмъ указаннымъ Бѣлинскимъ признакамъ слишкомъ ясно, что герой „Маскарада" — Пушкинъ. Упоминаніе о „Бородинской одовщинѣ", этой высоко патріотической пьесѣ, которую Пушкинъ

писалъ будто-бы, зѣвая, дѣйствительно плоскость, обидная для памяти поэта. Бѣлинскій тѣмъ ощутительнѣе понялъ эту обиду, что самъ находился тогда въ фазисѣ преклоненія передъ царящею дѣйствительностью. (Именно къ 1839 г. относятся его знаменитыя „бородинскія“ статьи).

Разсказъ подписанъ именемъ „Невѣринъ“, безъ всякихъ иниціаловъ,—очевидно, псевдонимъ. Кто подъ нимъ скрывался, намъ не удалось доискаться. Есть основанія думать, что „Невѣринъ“— самъ издатель „Библіотеки для чтенія“ О. И. Сенковскій. Объ этомъ можно догадываться не только по неприличному намеку на счетъ „Бородинской Годовщины“, который вполнѣ въ духѣ безпардоннаго и бездушнаго Сенковскаго, но и по отрывку изъ „оффиціальнаго донесенія турецкаго посла“, приводимому въ началѣ разсказа. Сенковскій, какъ извѣстно, любилъ и хорошо зналъ Востокъ и охотно и часто о немъ писалъ. Если даже разсказъ и не принадлежитъ Сенковскому, то по немъ несомнѣнно пришлась его безцеремонная редакторская рука. Но всего вѣроятнѣе, что авторъ „Маскарада“ дѣйствительно Сенковскій. „Мы слышали отъ него десятки подобныхъ разсказовъ про частную жизнь Пушкина,— передавалъ А. В. Дружининъ (некрологъ въ „Библ. для чтенія“ 1858 г.).

Давно забытый, но „бойко и рѣзко написанный“ разсказъ „Невѣрина“ интересенъ тѣмъ, что въ немъ выступаетъ Пушкинъ, въ качествѣ свѣтскаго человѣка и остроумнаго двигателя хитро задуманной маскарадной интриги. Былъ ли въ жизни Пушкина переданный „Невѣринымъ“ эпизодъ, это опредѣлить невозможно, но Пушкина авторъ несомнѣнно зналъ и сумѣлъ въ немъ показать находчиваго, увѣреннаго, остроумнаго гражданина большого свѣта.

Тамъ тѣснота, волненье, жаръ,
Музыки грохотъ, свѣчъ блистанье,
Мельканье, вихорь быстрыхъ паръ
. . . .
Всѣ чувства поражаетъ вдругъ.

Пушкинъ.

Било одиннадцать. Первая комната Энгельгардтова дома пестрѣла разноцвѣтными костюмами. Вдругъ дверь въ прихожую отворилась. Вошла дама въ черной маскѣ. Одинъ изъ мужчинъ насмѣшливо спросилъ:

· Beau masque, ты пріѣхала одна?

— Какъ можно, отвѣчала маска, покачивая головой, и оглянулась: старикъ мой тащится за мною. Вотъ онъ.

Въ эту минуту, ничего не подозрѣвая, вошелъ въ прихожую какой-то почтенный генералъ. Бывшіе тамъ мужчины встрѣтили его громкимъ смѣхомъ, окружили и разсказали причину своей веселости. Генералъ просилъ показать затѣйницу: ея ужъ не было.

Между тѣмъ въ залѣ уже начиналось движеніе; насталъ законный часъ непринужденной веселости. Маскарадъ одушевился; всѣ старались любезничать; всѣ шутили и позволяли шутить съ собой.

Маскарадъ, какъ извѣстно, свѣтъ на изнанку. Мужчины скромничаютъ и порой даже краснѣютъ. Женщины бѣгаютъ за мужчинами, шепчутъ имъ любовныя признанія, назначаютъ свиданія, упрекаютъ въ вѣтренности. Сходство между свѣтомъ и маскарадомъ является только въ томъ, что мужчины, и здѣсь и тамъ, плѣняясь сладкими словами, остаются въ дуракахъ.

Одна маска, подцѣпивъ грознаго воина, котораго никогда не встрѣчали въ дамскомъ обществѣ, таскала его изъ одной комнаты въ другую, кружила по залѣ, и дотого расшевелила его воображеніе, что грозный воинъ посматривалъ на нее съ любопытствомъ и даже улыбнулся прежде, чѣмъ передалъ ее другому кавалеру.

Другая морочила философа. И философъ пустился догонять разскащицу, которая открывала ему самыя тайныя его помышленія и вовсе не философическіе замыслы.

Нѣкто, извѣстный своимъ равнодушіемъ къ женскому полу, стоялъ одинокъ и смотрѣлъ насмѣшливо на эти женскія сатурнали.

Ученый оріенталистъ разсказывалъ столпившимся около него молодымъ слушателямъ, какимъ образомъ Ресми-эфенди, посолъ турецкаго султана къ Фридриху Великому, описываетъ наши маскарады въ оффиціальномъ донесеніи, напечатанномъ въ Константинополѣ. „Кромѣ плясокъ и сидячихъ собраній, есть у нихъ одинъ родъ ходячаго собранія, называемаго редутъ или маскарадъ. Мужчины и женщины, налѣпивъ себѣ на лицо странныя рожи, нѣчто въ родѣ носовъ изъ тѣста, употребляемыхъ нашими паяцами, и закутавшись въ покрывала изъ чернаго и краснаго левантина, сперва посидятъ немного, а потомъ вдругъ всѣ встаютъ и начинаютъ въ страшномъ безпорядкѣ кружить по залѣ. Тогда каждый, по росту и тѣлодвиженіямъ, старается узнать ту барыню (бону), къ которой клонится его сердце. Такъ какъ бѣдствіе ревности неизвѣстно мужьямъ тѣхъ странъ и при томъ дѣло происходитъ какъ будто за занавѣсомъ, то, отыскавъ другъ друга, они схватываются подъ руки и преспокойно уходятъ туда, гдѣ ихъ душамъ угодно“.

Всѣ слушатели признали, что посолъ турецкаго султана былъ хорошій наблюдатель нравовъ.

— Чего же ты боишься?

— Мнѣ сказали, говорятъ...

— Что же говорятъ...

— Говорятъ, что у тебя завалъ въ сердцѣ.

Маска убѣжала; обиженный намекомъ красавецъ спѣшилъ узнать ее.

Нѣкоторые изъ самыхъ сонливыхъ, сдвинутые съ своихъ подножій веселымъ разгуломъ маскарада, теряясь въ этой путаницѣ чиновъ и умовъ, пожимали плечами, увѣряя, что маскарадъ въ Петербургѣ—анахронизмъ.

Прочіе, посмѣтливѣе, вникая въ духъ времени, пользовались случаемъ, схватывали на лету сердца, блуждающія безъ цѣли, и были довольны собою.

У дверей залы, при входѣ въ буфетъ, на высшей эстрадѣ, сидѣла неподвижно черная маска. Только по сверкающимъ глазамъ можно было угадать, что она слѣдила кипучее движеніе бала и наблюдала за проходящими.

Кто-то за дверьми сказалъ:

— Здравствуй, Н—нъ.

Маска встала.

Н—нъ разговаривалъ съ однимъ школьнымъ товарищемъ и бранилъ маскарадъ. Для удовольствія бранить, онъ бывалъ на всѣхъ маскарадахъ, пріѣзжалъ одинъ изъ первыхъ, уѣзжалъ одинъ изъ послѣднихъ; нерѣдко тамъ ужиналъ и, послѣ каждаго маскарада, писалъ безсмертные стихи въ альбомъ смертныхъ красавицъ.

— Алеко!—сказала маска, слѣдуя за нимъ и грозя пальцемъ.

Н—нъ остановился, окинулъ маску проницательнымъ взоромъ, покачалъ недовѣрчиво головою, взялъ товарища подъ руку, и, поклонившись, довольно сухо сказалъ маскѣ:

— Я, кажется, тебя не знаю.

— Неблагодарный!—произнесла маска дрожащимъ голосомъ. А я тебя такъ давно знаю!.. такъ давно люблю!

— Вѣрю. Только врядъ ли мы когда встрѣчались?

— Напротивъ. Мы рѣдко когда разстаемся.

— Въ самомъ дѣлѣ? Гдѣ же мы видимся?

— Вездѣ, гдѣ ты бываешь!

— Напримѣръ?

— Я слѣдила за тобой на Кавказѣ, провожала тебя въ Бессарабію, была...

— О! понимаю; ты говоришь о моихъ сочиненіяхъ ...... Многія красавицы дарятъ меня такими свиданіями; но отъ нихъ мнѣ мало проку. Прощай. Въ другой разъ перемѣняй голосъ, ежели хочешь обманывать.

Маска содрогнулась.

— Вотъ скучная маска!—сказалъ Н—нъ, отходя къ своимъ товарищамъ. У ней даже нѣтъ маскарадной сноровки. Вздумала прельщать моими сочиненіями!.. Пойдемъ, князь; быть можетъ, встрѣтимъ что-нибудь поинтереснѣе.

— Постойте, Алеко, сказала маска, не отступая отъ него.

— Какая неотвязчивая! произнесъ Н—нъ, однако жъ оборотился.

— Я имѣю къ вамъ препорученіе, важное дѣло, продолжала маска, понизивъ голосъ.

— Маскарадное?—спросилъ Н—нъ, хитро улыбаясь.

Маска лукаво кивнула головой.

— Это дѣло другое. Изволь, я слушаю.

Съ этимъ словомъ, опустивъ руку товарища, Н—нъ пошелъ съ маской.

— Вы поэтъ?

Дурное начало, подумалъ Н—нъ, сожалѣя, что дался въ обманъ.

— Вы человѣкъ съ душой?

— Ты хочешь сказать, съ душой для хорошенькихъ масокъ? О, съ большой душой!

— Александръ! Здѣсь идетъ дѣло не о маскарадной интригѣ, а о жизни и смерти.

— Право!—сказалъ Н—нъ, удивляясь столь неожиданному обороту,—ты итальянка что ли, что на маскарадѣ угрожаешь кинжаломъ?

— Molto ha da Cuore il fuoco nel mio cuore,—отвѣчала маска, къ большому удивленію Н—на.

— Ты, кажется, mia bella, перепорхнула съ южнаго карнавала на нашу сѣверную масляницу?

— Да. Я здѣсь чужая, не знаю вашихъ обычаевъ, нравовъ... Я прошу вашей помощи!

— Въ чемъ?

— Я имѣю важное дѣло къ человѣку, котораго совсѣмъ не знаю, никогда не видала, и въ рукахъ котораго моя судьба.

— Кто этотъ человѣкъ?

— Его зовутъ Дальскимъ.

— Дальскимъ? Ты не впопадъ избрала меня въ посредники. Дальскій меня не терпитъ; навѣрное тебя подучили, чтобы привести меня въ столкновеніе съ этимъ человѣкомъ.

— Я васъ не понимаю.

— Зачѣмъ же ты выбрала именно меня? Всѣ знаютъ, что онъ, если бы могъ, съ удовольствіемъ вырвалъ бы у меня языкъ...

— Я выбрала тебя потому, что твой языкъ долженъ быть отголоскомъ твоего сердца.

— Не всегда. О, не всегда!.. Кто ты?

— Не спрашивай!

— Но какъ же мнѣ тебѣ услужить, когда я не знаю, ни кто ты, ни чего ты хочешь?

— Выслушайте меня.

Маска начала разсказъ. Н—нъ слушалъ съ выраженіемъ сердечнаго участія. Другія маски, проходя мимо, привязывались къ нему, но онъ отвѣчалъ сухо и коротко; видно было, что разсказъ маски увлекъ совершенно его вниманіе.

— Однако жъ,—сказалъ Н—нъ, когда незнакомка перестала говорить,—я боюсь, чтобы не утонуть намъ съ тобой въ такомъ отважномъ предпріятіи.

— Не бойтесь за себя, Александръ; ни въ какомъ случаѣ я васъ не выдамъ, даже не назову, а меня никто не можетъ порицать за мою смѣлость. Въ моемъ положеніи она простительна.

— Что же мнѣ будетъ за мое участіе?

— Слеза благодарности, которая жжетъ меня подъ маской...

— Я ее принимаю,—сказалъ улыбаясь благородный поэтъ,— такъ и быть; пустимся плыть противъ теченія, и посмотримъ, что изъ этого выйдетъ.

Съ этими словами Н—нъ пошелъ съ незнакомкой вслѣдъ за толпою.

Пройдя раза два взадъ и впередъ по залу, Н—нъ прижалъ локтемъ руку своей маски и шепнулъ ей:

— Вотъ онъ!..

Маска хотѣла броситься къ проходившему мимо ихъ мужчинѣ, высокому, худощавому, важной и гордой осанки, съ глубокими морщинами, съ безстрастнымъ взоромъ.

— Осторожно,—сказалъ Н—нъ, удерживая маску,—прежде надобно тебѣ познакомиться съ новымъ для тебя міромъ, чтобы умѣть подѣйствовать на воображеніе дѣлового человѣка. Дальскій и въ маскарадѣ столько же остороженъ, какъ и у себя въ кабинетѣ. За тысячу верстъ онъ чуетъ просителя, и, не подавая ни малѣйшаго виду, умѣетъ отстранить его. Онъ такъ учтивъ, такъ привѣтливъ, такъ ласковъ, что душа рвется къ нему; а тутъ, глядь, и когти, которые не на шутку васъ задѣнутъ. Этотъ холодный человѣкъ имѣетъ, однако жъ, одну слабую сторону: онъ таетъ отъ

лучей черныхъ глазъ княгини В***. Княгиня вдова, женщина свѣтская, тонкая, умная, и не совсѣмъ молодая; но гордая! Ужасно гордая!.. Сундуки ея набиты процессами. Потеря этихъ процессовъ лишила бы ее той роскоши, безъ которой она не можетъ жить. Дальскій пользуется большимъ вліяніемъ у людей, отъ которыхъ теперь зависитъ судьба ея. Но, чѣмъ болѣе онъ напрашивается на благосклонное вниманіе княгини, тѣмъ далѣе она держитъ его отъ себя. Этою уловкой она раздражаетъ самолюбіе Дальскаго и каждою ласковою улыбкой покупаетъ у него ходатайство по новому процессу. Вѣроятно, послѣ резолюціи послѣдняго, княгиня, изъ благодарности промѣняетъ свою княжескую мантію на графскую корону графа Т***. Этотъ графъ... Посмѣйся хорошенько насчетъ графа Т***; пророчь ему неудачу; назови его близорукимъ, и Дальскій будетъ слушать тебя, развѣся уши... Вотъ тебѣ канва; ты можешь выводить по ней любые узоры; успѣхъ или промахъ, дѣло въ твоихъ рукахъ.

— Вашъ очеркъ меня пугаетъ...

— Не теряй бодрости! Какъ ни уменъ и смѣтливъ Дальскій, самолюбіе и тонкая лесть помогутъ тебѣ сбить его съ толку. Но мнѣ ли учить тебя, какъ обмануть мужчину? Ты женщина: это твое ремесло.

— Благодарю васъ, Алеко. Вы меня ободряете!

— Еще одно слово,— сказалъ Н—нъ,—не говори на маскарадѣ никому „Вы“. Это противно закону. Здѣсь всѣ братья. Для того и маска, чтобы уровнять сословія.

— Постараюсь держаться вашего... твоего правила...

Замѣтивъ робость и замѣшательство незнакомки и чувствуя подъ тафтой неровное біеніе сердца, Н—нъ старался ободрить ее, успокоить и дать ей время собраться съ силами. Онъ указалъ ей на нѣкоторыхъ посѣтителей, изложилъ ихъ послужной списокъ, сношенія и отношенія, и прибавилъ: „Знакомство съ этими лицами можетъ пригодиться тебѣ при случаѣ“. Пока Н—нъ рѣзкою своей кистью писалъ ей портреты нѣкоторыхъ проходящихъ, маска тяжело вздыхала.

— Ты бы должна скорѣй смѣяться надъ моей пестрою картиной,—сказалъ поэтъ съ нетерпѣніемъ,—боюсь, ты все перепутаешь.

— Не безпокойся. Придетъ пора, я буду смѣяться и шутить; увидишь.

— Посмотримъ,— сказалъ Н—нъ, но пора къ дѣлу, время уходитъ. Смѣлѣй начинай, Дальскій приближается... Что же ты, оробѣла? Интригуй же меня!

Маска невнятно что-то пробормотала и потихоньку перекрестилась.

Н—нъ захохоталъ.

Толпа задерживала Дальскаго въ дверяхъ китайской комнаты.

— Бѣдный, какъ его прижали!— сказала маска пискливымъ голосомъ,— ты не уйдешь отсюда.

Дальскій оборотился.

— Ты думаешь, beau masque, что мнѣ нельзя уйти? Почему?

— Ты ожидаешь, ищешь кого-то...

— Кого же?

— Одну особу, которую ты преслѣдуешь на всѣхъ балахъ, на всѣхъ гуляньяхъ.

— Я никого не преслѣдую.

— Отговорки! Я не разъ видѣла, какъ ты, задумчиво въ разсѣянности, слѣдилъ за нею.

— Гдѣ же мы встрѣчаемся съ тобой?

Маска замялась.

Н—нъ подхватилъ: Она увѣряла меня, что видитъ васъ очень часто у Д—выхъ.

— Ты со мною разговаривала?

— О, нѣтъ! Тогда все твое вниманіе было обращено на другую.

— Такъ ты за мною присматриваешь?

— И очень!

— Для чего жъ?

— Чтобы лучше изучить тебя! Хотя ты очень скрытенъ, очень остороженъ, боишься, чтобы не проникли твоихъ замысловъ, однако, я ихъ угадала.

— Почему?

— Ты ненавидишь графа Т***.

Эти слова были сказаны Дальскому на ухо. Онъ изумился.

— Вы знаете, кто эта маска?—спросилъ онъ Н—на.

— Нѣтъ возможности узнать; она то пищитъ, то картавитъ, то шепелявитъ... Она все знаетъ, вездѣ была, наговорила мнѣ такихъ вещей... сущая колдунья. Не угодно ли вамъ самимъ попытаться узнать, кто она; можетъ быть, это вамъ удастся лучше моего.

— Охотно! — сказалъ Дальскій, — если маскѣ угодно подать мнѣ руку.

— О! я знаю, зачѣмъ ты хочешь со мною говорить.

— Зачѣмъ?

— Чтобы разспросить насчетъ ея.

— Плутовка! Кто же это она, которая, по твоему мнѣнію, тревожитъ мое сердце.

— Алина!

— Алина? Ммъ! Нѣтъ! Ты не отгадала... Что же эта Алина думаетъ про меня?

— Про тебя?.. Что ты въ нее влюбленъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?.. И она вѣритъ въ мою любовь?

— Какъ каждая женщина.

— Такъ ты думаешь, что я могу...

— О, да, ты можешь!

— А мой соперникъ?.. Онъ мнѣ опасенъ?

— Тебѣ? Развѣ тебѣ, такъ же, какъ и ему, нужны очки, чтобъ ясно видѣть?

Дальскій окинулъ маску испытующимъ взглядомъ; онъ былъ въ недоумѣніи, догадывался и боялся ошибиться. Онъ подзывалъ нѣкоторыхъ знакомыхъ; маска каждаго называла; съ иными шутила; другихъ дразнила.

— А этого ты знаешь? — спросилъ Дальскій, подводя ее къ графу Т***.

Маска дернула Дальскаго за руку, отворотилась, и, удаляясь отъ графа, сказала Дальскому голосомъ упрека:

— Какая неосторожность!

Дальскій остановился.

— Твое имя! Прошу тебя, скажи, кто ты!

— Угадай!

— Не смѣю. Но ты такъ мила, такъ снисходительна, что вѣрно не откажешь мнѣ въ счастіи увидѣть тебя безъ маски.

— Изволь.

— Мѣсто!

— Михайловскій театръ.

— День?

— Будущая среда.

— Знакъ?

— Во время антракта я уроню въ партеръ афишку.

— А я могу ли тебѣ ее вручить?

— Если ты меня узнаешь, почему же нѣтъ!..

— Постараюсь! Куда же ты? Поговори еще со мною... я еще не успѣлъ ничего сказать.

— Поздно.

— Позволь мнѣ проводить тебя до кареты.

— О, нѣтъ! Это противно законамъ маскарада.

— Я остаюсь. Гдѣ же твой кавалеръ?

— Вотъ онъ,—сказала маска, показывая на Н—на, который въ отдаленіи стоялъ всторожѣ.

— Ваша маска восхитительна,—сказалъ Дальскій, откланиваясь и передавая ее Н—ну.

— Я увѣренъ, что ничего любезнѣе вы здѣсь не встрѣчали... Ну, что?—спросилъ Н—нъ нетерпѣливо у маски, пройдя нѣсколько шаговъ въ молчаніи и осматриваясь, не слѣдуетъ ли за ними Дальскій.

— Александръ Сергѣевичъ, не оставьте меня! Докончите начатое!

— Что вамъ еще надобно?

— Въ среду уговорите княгиню быть въ Михайловскомъ театрѣ, поѣзжайте къ ней въ ложу... и въ антрактѣ сбросьте афишку въ партеръ... я буду все видѣть. Вы обѣщаете?

— Извольте,—сказалъ Н—нъ, смѣясь отъ чистаго сердца.—Но и вы будете въ театрѣ?

— Только не для васъ; вы меня не увидите; ожидайте меня здѣсь у дверей на будущемъ маскарадѣ, и вы все узнаете. Прощайте...

Съ этими словами маска скрылась.

Дальскій предавался самымъ сладкимъ мечтаніямъ; онъ припоминалъ маленькую ручку незнакомки, ея узенькую ножку, ея пахучія бѣлыя перчатки, прозрачный черный чулокъ, благородную осанку, башмакъ, домино, любезность. Чѣмъ болѣе углублялся онъ въ самолюбивыя догадки, тѣмъ веселѣе посматривалъ на любопытныхъ, которые, во время его продолжительнаго разговора съ заманчивою маской, болѣе или менѣе слѣдили за нимъ. На вопросы, кто была эта маска, онъ всячески намекалъ на княгиню, хвалилъ умъ и тонкое обращеніе своей маски, и это самое было зародышемъ слуха, который разнесся по всему городу, будто скоро сбудется неслыханная новость, несбыточное дѣло, и что это дѣло тонкій Дальскій устроилъ въ маскарадѣ. Н—нъ уѣхалъ одинъ изъ послѣднихъ съ этого маскарада. Онъ былъ необыкновенно веселъ, ужиналъ; возвратясь домой, онъ скинулъ фракъ, придвинулъ свѣчу, опустилъ перо въ чернильницу, потеръ рукой по лбу, зѣвнулъ, написалъ шестую строку „Бородинской Годовщины“, и легъ спать.

„Театръ ужъ полнъ. Ложи блещутъ,
Партеръ и креслы, все кипитъ!
Въ райкѣ нетерпѣливо плещутъ,
И взвившись занавѣсъ шумитъ...
„Онѣгинъ“ Пушкина.

Два дня спустя, въ Михайловскомъ театрѣ давали „L'Ecole des vieillards“. Громкія рукоплесканія награждали любимицу актрису. Когда занавѣсъ опустился послѣ перваго акта, множество лорне-

товъ устремлялось на ложу белль-этажа, гдѣ сидѣла очень нарядная дама. Ея нѣкогда знаменитая красота, благородный окладъ лица, разительная бѣлизна, неприкрытая ложнымъ румянцемъ, обращали на себя вниманіе наблюдателей. Сбросивъ бархатную шаль, она живописно оперлась рукою на перилы ложи и разсѣянно окидывала взоромъ кресла. Ложа княгини то пустѣла, то наполнялась дипломатами и военными. Наконецъ вошли графъ Т*** и Н—нъ.

— Откуда такъ поздно?

— Я проспалъ,—сказалъ Н—нъ, уступая графу мѣсто позади княгини и придвигая себѣ стулъ сбоку.

Н—нъ много болталъ, княгиня много смѣялась, графъ много хмурился.

— Перестаньте, Н—нъ, смотрите, всѣ лорнеты обращены на насъ.

— Имъ сюда и дорога.

Княгиня ласково улыбнулась.

— По-неволѣ станешь смѣяться, слушая ваши шалости.

— Смотрите, пожалуйста, княгиня, какъ Дальскій осторожно пробирается между креслами. Я боюсь, что эта старая башня развалится отъ перваго толчка.

— Тише, Н—нъ; вы сегодня нестерпимо веселы.

— Виноватъ ли я, что вы сегодня нестерпимо милы! Это говорю не я, а глаза Дальскаго. Взгляните, какъ жалобно просятся они къ вамъ въ ложу? Бѣдный, онъ боится предательскаго лорнета; онъ не смѣетъ направить его въ вашу сторону. Дайте оболъ Велисарію... поклонитесь ему.

— Что съ вами!.. Онъ и то мнѣ надоѣлъ.

— Онъ остановился. Бѣдняжка, не смѣетъ! Сжальтесь надъ нимъ, княгиня, нето отъ огорченія онъ потеряетъ послѣдніе волосы.

— Н—нъ, я васъ сейчасъ прогоню!

— Въ такомъ случаѣ лучше самому убраться.

Н—нъ привсталъ, снялъ футляръ лорнета княгини съ перилъ, чтобъ положить его на стулъ, и афишка, закружившись въ воздухѣ, упала къ ногамъ Дальскаго, который стоялъ подъ ложей. Дальскій взглянулъ на верхъ и былъ встрѣченъ за спасеніе афишки привѣтливою улыбкой княгини. Глаза его сверкали радостно; нѣтъ болѣе сомнѣнія... это была она! Быстро взбѣжалъ онъ по лѣстницѣ и постучался въ дверь ложи.

— Рѣдкій случай,—сказалъ онъ, подавая афишку,—оказать вамъ услугу, и я поспѣшилъ воспользоваться имъ, чтобы...

— Благодарю, сказала княгиня, смѣясь и принимая афишу.

Въ это время снова началось представленіе; княгиня обрати-

лась къ сценѣ. Дальскій вышелъ изъ ложи. При послѣднихъ словахъ піесы—

„Et ton ami Bonnard ne se mariera pas!"

княгиня съ шумомъ оставила ложу и въ сѣняхъ, прислонясь къ периламъ лѣстницы, ожидала кареты.

— Вы изволили быть вчера въ маскарадѣ?—спросилъ Дальскій, подходя къ княгинѣ.

— Была,—отвѣчала она, поглядывая на дверь.

Нѣсколько человѣкъ молодыхъ щеголей окружили ее и Дальскаго. Къ нимъ присоединился и Н—нъ.

— Какъ вамъ нравится сегодняшняя пьеса?

— Хороша.

— Вы много интриговали?

— Не скажу.

— Сегодня раутъ у графини П***. Вы будете?

— Нравятся вамъ маскарады?

— Не очень. Они рѣдко мнѣ удаются.

— Вы находите?

— Посмотрите, княгиня, какая красавица!

— Гдѣ?

— Вы будете на будущемъ маскарадѣ?

— Если Дворъ будетъ, то и я поѣду.

— Карета австрійскаго посланника!

— Какъ долго не подаютъ моей кареты!

— И будете опять скрываться, какъ на первомъ маскарадѣ?

— Я никогда не скрывалась отъ тѣхъ, кто хочетъ меня узнать.

— Нельзя ли и меня посвятить и въ эту тайну?

— Охотно; вы можете узнать меня по голубой ленточкѣ на рукѣ.

— Но вы перемѣняете голосъ?

— Непремѣнно! Иначе не стоило бы надѣвать маски.

— Какъ же вы это дѣлаете?

— Ваша карета, княгиня,—сказалъ подходя графъ Т***.

Княгиня поклонилась въ обѣ стороны и исчезла.

Дальскій торжествовалъ. Самодовольнымъ видомъ окинулъ онъ стоящихъ. Невидный собою мужчина, находившійся вблизи, поймалъ его взглядъ и поклонился почтительно и низко. Дальскій небрежно кивнулъ ему головой и отворотился.

— Кто это?—спросилъ его Н—нъ.

— Несносный С—нъ.

— А, знаю. Безсмѣнный кандидатъ на всѣ вакантныя мѣста.

— И которыхъ не видать ему, какъ своихъ ушей.

— Кто это съ нимъ стоитъ? Жена его?

— Не знаю,—отвѣчалъ Дальскій, опуская носъ въ бобровый воротникъ.

— Она чудно хороша!

— Вы находите?—спросилъ Дальскій разсѣянно.

— Я рѣдко встрѣчалъ такую красавицу.

— Берегитесь, насъ могутъ подслушать! Пора интригъ и маскарадовъ еще не кончилась.

— Это до меня не касается,— отвѣчалъ Н—нъ, пробираясь къ подъѣзду.

„Какая смѣсь одеждъ и лицъ,
Племенъ, нарѣчій, состояній!“

Насталъ предпослѣдній день масляницы, послѣдній вечеръ свиданій, объясненій, признаній, надеждъ. Пробило одиннадцать. Маскарадъ былъ въ полномъ дѣйствіи. Гости толпились во всѣхъ комнатахъ; вездѣ тѣснота, давка, шумъ. Всѣ кружились, толкались, переговаривались.

Н—нъ сидѣлъ съ однимъ изъ своихъ друзей въ первой комнатѣ и шутилъ надъ проходящими.

— Полно сидѣть здѣсь, пойдемъ!—сказалъ его пріятель.

— Нѣтъ, я усталъ; вчера до трехъ часовъ зѣвалъ я у княгини Х***.

— Ну, такъ я пойду одинъ.

— Съ Богомъ.

Въ это время вошло нѣсколько масокъ. Одна изъ нихъ быстро подошла къ Н—ну и сѣла возлѣ него.

— Не теряй времени.

— А, это ты?

— Отыщи княгиню.

— Ты мной довольна?

— Очень. Отвяжи у нея ленточку на рукѣ.

— Да ты меня измучишь!

— Гдѣ Дальскій?

— Вотъ онъ, стоитъ и считаетъ звѣзды.

— Вотъ и княгиня. Бога ради, дай мнѣ руку и пойдемъ.

Они пошли во вторую комнату. Двѣ маски, живо разговаривая, стояли въ углубленіи окна. Не спуская глазъ съ этихъ масокъ, стоялъ Дальскій у стѣны. Поравнявшись съ нимъ, Н—нъ громко сказалъ своей дамѣ:

— Худо сыграно. Я васъ узналъ! Ваша ленточка... Вы забыли снять ее.

Дальскій обернулся.

— Какъ это скучно! — сказала маска, закрывая свою ленточку носовымъ платкомъ.

— Поздняя предосторожность!—сказалъ Н—нъ.

Маска удвоила свои шаги. Дальскій побѣжалъ за ними.

— Куда вы это такъ бѣжите?

— Дальскій за нами.

— Ну, такъ что же?

— Я тебя узналъ!—сказалъ Дальскій, загораживая имъ дорогу.

— Чего ты отъ меня хочешь?—спросила маска самымъ визгливымъ голосомъ.

— На два слова только.

— Я тебя не знаю.

Маска хотѣла уйти.

— Ты притворяешься.

— Ни чуть; я тебя первый разъ вижу.

— Къ чему эта шутка? Ты та самая маска, которая обворожила меня на прошломъ балѣ.

— Ты думаешь?

— Ты была вчера въ театрѣ?

— Далѣе.

— Ты уронила афишу.

— Не думала, сказала маска, опуская руку Н—на и отходя въ сторону. Ты принимаешь меня за другую.

— Я беру тебя за ту, которую боготворю, которой взглядъ для меня жизнь и смерть... Постой, выслушай меня!

— Здѣсь не мѣсто.

— Теперь или никогда! Рѣши, рѣши мою участь! Скажи да или нѣтъ. Твои дѣла...

— Кстати о дѣлахъ. Я имѣю къ тебѣ просьбу.

— Могу ли я въ чемъ-либо отказать такой любезной маскѣ.

— Но помни, что слово, данное въ маскарадѣ, свято!

— Приказывай.

— Ты сдѣлаешь?

— Непремѣнно. Если только дѣло возможное, такъ оно сдѣлано; а если невозможное... то оно сдѣлается.

— Я принимаю участіе въ одномъ человѣкѣ, котораго судьба въ твоихъ рукахъ.

— Кто онъ, и чѣмъ могу доказать тебѣ мою преданность?

— Доставь С—ну мѣсто, которое онъ ищетъ.

— С—ну? Ты развѣ знаешь С—на?

— Жена его, подруга моего дѣтства; мы вмѣстѣ учились.

— Я этого не зналъ.

— И вѣрно потому былъ къ нему часто несправедливъ?

— Ты думаешь?

— Да!

— Но я никогда у тебя не встрѣчалъ его?

— Обстоятельства. Ты знаешь, въ какомъ несчастномъ положеніи онъ находится.

— Онъ самъ виноватъ. Вы его не знаете, княгиня! Онъ мнѣ врагъ. Онъ много сдѣлалъ мнѣ зла, и я имѣлъ полное право отмстить ему тѣмъ, что онъ для меня готовилъ.

— Мнѣ до этого дѣла нѣтъ. Я этого желаю; я васъ объ этомъ прошу.

— Но... это невозможно.

— Такъ прощайте, мой обожатель.

— Постойте! Вы сердитесь?

— Ваша преданность очень, очень разсудительна.

— Но вы не знаете, чего просите.

— Довольно, что я прошу, и что моя просьба отвергнута; теперь я никому не повѣрю.

— Извините; я вамъ сказалъ, что если дѣло невозможное, то оно сдѣлается... А ежели я исполню ваше желаніе, то повѣрите, что я готовъ для васъ жертвовать всѣмъ, даже своимъ благомъ?

— Повѣрю.

— И не станете болѣе убѣгать меня?

— Не стану.

— И я найду въ васъ ту же благосклонность безъ маски, какъ и въ маскѣ.

— Обѣщаю.

— А онъ?

— Онъ? Такіе люди необходимы для разъѣздовъ изъ театра.

Дальскій засмѣялся.

— Такъ я могу обрадовать мою пріятельницу счастливою вѣстію?

— Можете.

— Бѣдная Александрина, какъ она будетъ рада! Чѣмъ мнѣ доказать теперь мою признательность?

— Подарите мнѣ эту ленточку.

— Съ удовольствіемъ; черезъ нее я узнала рѣдкую доброту вашего сердца.

— А для меня она будетъ залогомъ моего счастія и доказательствомъ вашей благосклонности.

— Когда же увижу въ газетахъ доказательство, что вы дорожите моимъ одобреніемъ? Надѣюсь, на второй недѣлѣ поста. Я васъ жду. Теперь оставьте меня; за нами наблюдаютъ.

И точно, графъ Т***, казалось, не спускалъ глазъ съ дамы, съ которою говорилъ Дальскій. Дальскій поспѣшилъ къ графу.

— Весело ли вамъ графъ?

— Напротивъ, я скучаю. Преглупая выдумка эти маскарады!

— Не говорите этого, отвѣчалъ Дальскій. Суетливое, пестрое сборище имѣетъ большія преимущества передъ форменнымъ баломъ. Нельзя себѣ представить, сколько тутъ созрѣваетъ важныхъ событій, счастливыхъ послѣдствій!..

— Неужъ-то вы и въ маскарадѣ находите дѣловую цѣль?

— Большую, важную! Маскарадъ вѣрный источникъ правды; маска лучшій проводникъ горькой истины, или тайнаго чувства, которыя не смѣютъ или боятся показаться на глаза. Признанія, мнѣнія, просьбы, обвиненія, все можно смѣло высказать подъ маской...

— Съ кѣмъ вы разговаривали?

— Не знаю... Маскарадъ обнаруживаетъ всѣ тайныя отношенія людей, сближаетъ состоянія, доставляетъ неуловимый нигдѣ случай къ объясненіямъ...

— Вы долго разговаривали съ вашей маской?

— Не очень... Приводитъ въ ясность самыя скрытыя мнѣнія людей о людяхъ...

— Вы скрываете. Это была княгиня!

— Не думаю... Объясняетъ много непонятнаго для насъ въ обыкновенныхъ сношеніяхъ лицъ...

— Но гдѣ же цѣль дѣловая? До сихъ поръ я вижу только интригу.

— А просьба? А участіе, принимаемое нѣкоторыми лицами въ дѣлахъ другихъ лицъ?.. Наблюдатель можетъ почерпнуть въ маскарадѣ весьма важныя свѣдѣнія для пользы отечества...

— Желаю вамъ отъ души успѣха и хорошихъ свѣдѣній для пользы отечества, сказалъ графъ, отходя, и скрылся въ толпѣ.

Между тѣмъ Н—нъ подошелъ къ маскѣ, которая обратила было вниманіе осторожнаго Дальскаго.

— Княгиня, это вы?

— Да, да, я. Пожалуйте, не интригуйте меня; дайте руку и проводите меня скорѣе до подъѣзда.

— Зачѣмъ же вы пріѣхали въ маскарадъ?

— Такъ. Всѣ ѣдутъ.

— Съ кѣмъ вы это разговаривали?

— На что вамъ?

— Ага, видите, у васъ есть секреты?

— Можетъ быть.

— Что это у васъ за ленточка?

— Отводъ отъ докучливыхъ людей.

— Подарите мнѣ ее?

— На что она вамъ?

— Для вдохновенія.

— Возьмите. Великому поэту ни въ чемъ не должно отказывать. Кстати, когда будете вы читать мнѣ вашу новую поэму?

— Когда прикажете.

— Хотите ли, на второй недѣлѣ поста. Я на первой говѣю.

— Слушаю.

Они спускались по лѣстницѣ, на которой уже стояли многіе въ ожиданіи своихъ экипажей, кто въ маскѣ, кто безъ маски, кто смѣясь, кто зѣвая. Жандармъ прокричалъ „Карета княгини В***", Дальскій оглянулся, бросилъ жадный взглядъ на руку княгини; сердце его забилось, глаза заблистали; онъ поклонился.

— Довольны ли вы маскарадомъ? спросила она, порхнувъ мимо его.

— Чрезвычайно! отвѣчалъ Дальскій.

Княгиня была уже далеко.

Le masque tombe, l'homne reste.

Прошла и первая недѣля поста.

Въ гостиной княгини В*** сидѣло нѣсколько мужчинъ, поглядывая съ нетерпѣніемъ то на дверь въ столовую, то на часы на каминѣ. Наконецъ звонокъ въ прихожей прозвенѣлъ. Явился Н—нъ. Всѣ пошли въ столовую. Послѣ обѣда, въ гостиной княгини остались одни приверженцы поэзіи и сама хозяйка. Н—нъ читалъ имъ, но читалъ вяло, протяжно, безъ одушевленія. Графъ Т*** зѣвалъ. Княгиня вышивала и дарила поэта краснорѣчивымъ молчаніемъ. Доложили: Петръ Ѳеодосьевичъ Дальскій!

— Откажите, просилъ Н—нъ.

— Нельзя, онъ видѣлъ ваши кареты.

— Онъ такой скучный!

— Еще одинъ процессъ, сказала княгиня, и я вамъ его уступаю, messieurs, въ полное распоряженіе. Дальскій вошелъ. Многіе пробрались къ дверямъ. Н—нъ свернулъ рукопись.

— Я, кажется, помѣшалъ, сказалъ Дальскій, придвигая стулъ.

— Нисколько, сказала княгиня. Что новаго?

— Читали вы сегодняшнюю газету?

— Я никогда не читаю вашей скучной газеты.

— Удостойте хотя разъ, сказалъ Дальскій, развертывая печатный листъ и подавая его княгинѣ.

— Что же тутъ особеннаго? сказала княгиня, поворачивая листъ во всѣ стороны. Пошлыя остроты, скучные отчеты, безсвязныя извѣстія.....

— Третья красная строка на первомъ столбцѣ.

— „Назначаются........“

— Надѣюсь, что вы мной довольны?

— Я?

— Я исполнилъ ваше приказаніе.

— Мое?

— Вашъ protégé получилъ вожделѣнное мѣсто.

— Какой protégé?

— Мужъ Александрины.

— Александрины? Я никакой Александрины не знаю.

— Вы шутите, княгиня! Теперь великій постъ, грѣхъ притворяться! сказалъ Дальскій, нѣжно смотря на княгиню.

Княгиня покраснѣла.

— Я васъ не понимаю.

— Вы развѣ забыли ваши слова, княгиня, что маскарадныя обѣщанія святы?

— Какія обѣщанія? Объяснитесь, прошу.

— На послѣднемъ маскарадѣ вы просили о мѣстѣ для господина С—на.

— Что съ вами? Кто этотъ господинъ С—нъ?

— Какъ? сказалъ графъ Т***. Вы не знаете господина С—на, и просите для него мѣста? Прекрасно, ваше сіятельство! Господинъ С—нъ.....

Графъ описалъ поступокъ господина С—на съ Дальскимъ.

— Я не стала бы просить за такого человѣка. Если бы онъ и былъ мнѣ знакомъ; я почла бы безсовѣстнымъ употреблять во зло мое предполагаемое вліяніе.

— Но вы просили изъ уваженія къ его женѣ, которая подруга вашего дѣтства, съ которой вы воспитывались...

— Мосье Дальскій! да что вы это вздумали морочить меня?

— Но, княгиня, на послѣднемъ маскарадѣ не вы ли сами меня просили?

— На послѣднемъ маскарадѣ?... Графъ, вы лучше моего знаете, разговаривала ли я съ мосье Дальскимъ?

— Въ такомъ случаѣ, позвольте мнѣ представить неоспоримое доказательство.

— Какое?

— Вашу ленточку.

И Дальскій вынулъ изъ портфеля ленточку.

— Это не моя ленточка! Мою я подарила Н—ну. Такъ ли?

— И вы видите, что я васъ не обманулъ, сказалъ Н—нъ, указывая на рукопись.

— Что это все значитъ? вскричалъ Дальскій сердито. Мосье Н—нъ, вы должны знать, кого вы ко мнѣ подводили?

— Могу ли я ручаться за каждую маску? Я принималъ ее за Виргинію Бурбіе.

— А! ба! она все время со мной говорила по-русски.

— А со мною по-италіянски.

— Chi va piano, non sempre va sano, сказала княгиня. Въ другой разъ, мосье Дальскій, не оставляйте вашей осторожности у дверей маскарадной залы.

— Но кто же могъ, княгиня, поддѣлаться такъ искусно подъ вашъ голосъ, ваши пріемы?

— Вѣроятно тотъ, кто имѣлъ въ васъ надобность, отвѣчала княгиня; и съ этими словами уѣхала къ вечернѣ въ домашнюю церковь княгини Ф***.

Въ 1835 году я сидѣлъ съ Н—нымъ въ его кабинетѣ.

— Что, не поѣхать ли намъ сегодня въ маскарадъ?—сказалъ я ему.

— Избави меня Боже отъ такой бѣды, вскричалъ Н—нъ, смѣясь во все горло.

— Давно ли ты сталъ врагомъ маскарадовъ?...

— Да вотъ что со мной случилось въ 18** году.

И онъ разсказалъ мнѣ, что вы прочитали.

— Ну, что же тутъ дурного?

— Какъ что? Я помогъ человѣку, котораго не уважаю.

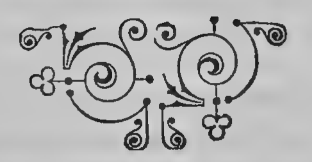
— Это еще не бѣда, сказалъ я. Онъ человѣкъ способный, хоть и интригантъ. Съ тѣхъ поръ онъ могъ исправиться. А, можетъ быть, еще ты обезпечилъ этимъ судьбу достойной женщины и всего семейства, которыя, конечно, невиноваты въ характерѣ господина С—на?

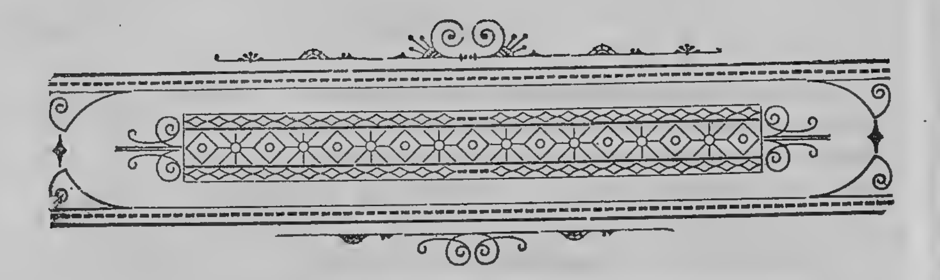
— И то правда, сказалъ Н—нъ весело, и поѣхалъ со мной въ маскарадъ.

Если разсказъ „Невѣрина“ и не вѣренъ, то, во всякомъ случаѣ, говоря словами итальянской поговорки, хорошо выдуманъ. Пушкинъ ловкимъ перомъ нарисованъ среди той блестящей обстановки, которую такъ любилъ поэтъ, и о которой онъ говоритъ въ „Онѣгинѣ“:

Во дни веселій и желаній
Я былъ отъ баловъ безъ ума:
Вѣрнѣй нѣтъ мѣста для признаній
И для врученія письма...
Люблю я бѣшеную младость,
И тѣсноту, и блескъ, и радость.

Н. Лернеръ.





Юные годы.

Воспоминанія о медицинскомъ факультетѣ (1868—73 гг.) Московскаго университета.

Вотъ уже 39 лѣтъ прошло, какъ я окончилъ курсъ; много времени миновало, а воспоминанія былого встаютъ передо мной, какъ нѣчто живое.

Вы—молодые врачи и студенты нынѣшняго времени—знаете клиники съ новѣйшими приспособленіями, слушаете послѣднее слово науки; вы не можете себѣ представить, каковы были клиники, въ особенности хирургическія, въ наше время, и чему насъ учили погрязшіе въ рутинѣ наши профессора-старики.

Въ мое время студентовъ-медиковъ было немного: помнится, на I-мъ курсѣ насъ было около двухсотъ, а до 5-го дошло не болѣе ста. Формы мы не носили, полицейской власти никакой мы не знали, да и надзора за нами, не только въ домашней жизни, но и въ стѣнахъ университета—не было. При насъ было только два субъ-инспектора: врачъ Богословскій на младшихъ курсахъ и врачъ Добровъ на старшихъ; гдѣ же было имъ двумъ слѣдить за политической нравственностью студентовъ, когда мы слушали лекціи въ разныхъ мѣстахъ: бывало изъ клиникъ на Рождественкѣ идемъ въ Ново-Екатеринскую больницу, а оттуда опять на Рождественку или на Моховую въ старый университетъ; гдѣ же имъ двоимъ было поспѣть, и въ чемъ заключались ихъ обязанности—я не знаю. Бывали и въ наше время сходки на политической почвѣ; ораторъ забирается при этомъ на столъ и говоритъ рѣчь, но, такъ

какъ ни наше начальство, ни полиція никакихъ насильственныхъ мѣръ не принимали, эти сходки оставались пустыми забавами; да и то сказать, что большинство студентовъ нашего времени относилось къ занятіямъ на медицинскомъ факультетѣ съ большимъ вниманіемъ, чѣмъ къ политическимъ агитаціямъ.

Приступая къ характеристикѣ уже скончавшихся теперь нашихъ профессоровъ и передавая впечатлѣнія своихъ юныхъ лѣтъ, я хочу оговориться, что излагаю лишь свои личныя воспоминанія, а не говорю за тѣхъ изъ моихъ товарищей, которые, быть можетъ, имѣютъ иные взгляды.

Важнѣйшій предметъ на первыхъ двухъ курсахъ анатомію читалъ намъ Ив. Матв. Соколовъ [1]. Это былъ тучный, высокаго роста брюнетъ лѣтъ 60-ти; широкая борода его сильно серебрилась. Лекціи его были содержательны, и такой сухой предметъ онъ передавалъ съ увлеченіемъ; зналъ онъ анатомію въ совершенствѣ, говорилъ гладко, точно читалъ по книгѣ съ переходомъ въ низкія ноты октавы; иногда прорывались въ его рѣчь семинарскія слова, какъ напр. „arteria alae nazi спущается къ корню носа, а спущаясь, загинается къ крылу онаго“.

Мы слушали его въ анатомическомъ театрѣ; это было особое зданіе въ садикѣ стараго университета и выходило въ Долгоруковскій переул.—Здѣсь, направо изъ швейцарской была большая зала, пропитанная трупнымъ запахомъ, единственнымъ вентиляторомъ для которой служилъ каминъ. Въ залѣ стояло около 30-ти черныхъ столовъ и табуретки; по вечерамъ она не освѣщалась, и студенты, желавшіе заниматься на трупахъ вечеромъ, должны были приносить съ собой свои свѣчи и спички. Тутъ же производились и судебно-медицинскія вскрытія для студентовъ 4—5 курсовъ. Трупы сохранялись въ подвальномъ этажѣ десятками; тамъ было холодно, но льду не было, не было и вентиляціи. Отъ труповъ, назначенныхъ за ненадобностью къ погребенію, сторожа очищали кости тутъ же вываривали ихъ и продавали студентамъ (помнится,— связанный проволоками скелетъ за 15—20 р., не связанный за 5 р.).

Прямо изъ швейцарской вела дверь въ большую, высокую, въ 2 свѣта, аудиторію со скамьями полукругомъ амфитеатра, а налѣво были кабинеты профессора и его прозектора, гдѣ послѣдній приготовлялъ препараты для лекцій.

Собираясь записывать лекцію, я, какъ неопытный юнецъ, поло-

---

[1] Прим. для лицъ, не бывавшихъ на лекціяхъ: принятое выраженіе „читать лекціи“ не означаетъ чтеніе по книгѣ или по запискамъ; профессора, за рѣдкими исключеніями, излагаютъ предметъ устно.

жилъ свою тетрадку на единственный столъ передъ передней скамьей амфитеатра. Ознакомивъ слушателей съ общимъ планомъ своего предмета, Соколовъ приказалъ сторожамъ принести трупъ. Дверь широко растворилась, и 2 сторожа, ухвативъ за руки и за ноги, тащатъ трупъ прямо къ намъ: ближе и ближе; я думаю, зачѣмъ же они несутъ его сюда? Давно бы пора положить его тамъ поодаль. И вотъ, этотъ вонючій трупъ съ позеленѣвшимъ животомъ, съ ввалившимися открытыми глазами на темно-синемъ лицѣ, они бросили на столъ, при чемъ его рука откинулась и легла на мою чистенькую тетрадку. Я чуть было не вскочилъ изъ-за стола отъ непривычной гадливости, но стыдно было товарищей; удержался. Хотѣлъ было перейдти на юридическій факультетъ, но мой братъ Нилъ (онъ былъ тогда на 4 курсѣ, потомъ профессоръ дѣтскихъ болѣзней) увѣрилъ меня, что привыкну. И дѣйствительно, явилась такая привычка, что при работѣ на трупѣ, бывало ѣшь булку, колбасу, а домой случалось приносить прилипшіе къ волосамъ кусочки жира или мяса, почему-то попадавшіе на голову и бороду. Соколовъ кончалъ въ 2 года теоретическую анатомію съ демонстраціями на трупахъ, которые приготовлялъ ему замѣчательно изящно его прозекторъ Никитинъ. Этому послѣднему мы сдавали еженедѣльно экзамены уже на 2 курсѣ по препаратамъ отдѣльныхъ частей тѣла (рука, нога, голова и проч.). Чтобы изучить внутренности и общее расположеніе сосудовъ и нервовъ, намъ выдавали цѣльные трупы на группу въ 8—10 человѣкъ.

Изъ прикладныхъ предметовъ (зоологія, неорганическая химія, ботаника, минералогія и физика) первые два имѣли значеніе для медика, а послѣдніе въ томъ размѣрѣ, какъ было имъ удѣлено время, составляли излишній баластъ. Во всю мою жизнь я не видѣлъ никогда въ библіотекѣ врача ни одной книги по ботаникѣ и минералогіи, какъ совершенно медику не нужныя. Изъ лекцій по минералогіи (Толстопятовъ) я помню теперь только, что есть какой-то октаэдръ и какой-то додекаэдръ, а изъ ботаники, что гдѣ-то въ цвѣткѣ есть пестикъ и какая-то тычинка; до сѣдыхъ волосъ дожилъ, а пожалѣть, что не знаю ничего больше изъ этихъ предметовъ, мнѣ не пришлось.

По физикѣ мы знали изъ гимназическаго курса много больше того, что читалъ намъ Любимовъ. Какой это былъ бездарный профессоръ! Опыты его никогда не удавались, и мы смотрѣли на него не какъ на профессора, а какъ на самаго плохого учителя гимназіи. Онъ былъ сподвижникъ несимпатичнаго намъ Каткова, жалкій послѣдователь его идей, да при томъ не умный и потому вызывалъ къ себѣ полное пренебреженіе.

Противоположность Любимову составлялъ Анат. Петровичъ Богдановъ, извѣстный ученый зоологъ. Излагалъ онъ свой предметъ прекрасно, при чемъ знакомилъ насъ именно съ тѣми животными, которыя могутъ быть названы „болѣзнетворныя чужеядныя", нужныя для изученія медику (отдѣлъ о глистахъ, чесоточный клещъ, вошь и т. п.). Его программа не вмѣщалась на I курсѣ, и потому онъ читалъ и на 2-мъ, а для желавшихъ заниматься болѣе серьезно, (насъ было, помнится, 6 человѣкъ), онъ удѣлялъ 2 часа по воскресеньямъ и читалъ уже не въ аудиторіи, а въ своемъ кабинетѣ.

Выдающимся лекторомъ былъ и Лясковскій по неорганической химіи. Начавъ свою карьеру аптекарскимъ ученикомъ при какой-то аптекѣ, онъ сталъ не только профессоромъ, но и извѣстнымъ ученымъ своими работами по химіи.

Мнѣ и теперь стыдно вспомнить о своемъ казусѣ на экзаменѣ Лясковскаго. Дѣло въ томъ, что по уставу 63 года лекціи изъ прикладныхъ предметовъ на 2-мъ курсѣ не читались, но экзаменъ изъ нихъ производился еще разъ при переходѣ со 2-го курса на 3-й, при чемъ оканчивающимъ курсъ дозволялось держать экзаменъ прямо на доктора медицины при условіи, если эти желающіе имѣли изъ этихъ предметовъ отмѣтки въ среднемъ выводѣ не менѣе $4^1/_2$. Очевидно, и сами профессора считали свои предметы для медика не существенными и потому со 2-го на 3-й курсъ не экзаменовали, а выставляли прошлогоднюю отмѣтку, предлагая экзаменоваться желающимъ поправить ее. До $4^1/_2$ мнѣ при переходѣ на 2-й курсъ чего-то не хватало; а что, думалъ я, если захочу держать прямо на доктора, досадно будетъ; лучше поправить, и дернула меня нелегкая „сунуться въ воду, не узнавши броду". Не усвоивъ себѣ основныхъ законовъ химіи на I курсѣ, я вздумалъ теперь приготовиться по литографированному конспекту, что, конечно, невозможно, и вотъ бѣда моя подошла. Вынулъ билетъ, сталъ обдумывать, и, какъ говорится, „ни въ зубъ". На заданный мнѣ вопросъ Лясковскій поморщился; еще вопросъ, еще... я опять несу чепуху. Не только отвѣчать на вопросы, но даже и понять ихъ не могу... во рту у меня пересохло, въ ушахъ звенитъ. Я переживалъ тотъ же ужасъ, когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ меня несла лошадь и поводья лопнули. Она несла меня въ пространство безпомощнаго такъ же, какъ теперь меня носилъ по невѣдомому мнѣ полю экзаменаторъ. Я ничего передъ собой не видѣлъ, а только ясно вспоминалъ свой ужасъ на бѣшеномъ конѣ. Наконецъ, я очнулся и услыхалъ вопросъ:

— Что произойдетъ, если налить соляную кислоту на мраморъ? Это, г. студентъ, мой послѣдній вопросъ.

Я отвѣтилъ, что произойдетъ шипѣніе и отдѣлится угольная кислота.

После этого онъ участливо и, какъ бы извиняясь, сказалъ: „съ вами, г. студентъ, что-то непонятное: или вы съ химіей совсѣмъ не знакомы, или, можетъ быть, вы не здоровы, у васъ такой видъ, завтра приходите еще разъ, а теперь я вамъ переправить вашу прошлогоднюю тройку не могу!"

Куда тутъ—еще и завтра. Я едва до своего мѣста добрался. Добрый онъ былъ; другой бы эту тройку на единицу переправилъ за нахальство.

Да, какъ тогда меня спасло шипѣніе грязи, когда я вылетѣлъ изъ сѣдла въ топкое болото, такъ и теперь спасло меня шипѣніе!

Лясковскій излагалъ предметъ увлекательно, всегда опыты, реакціи иллюстрировали его краснорѣчивую рѣчь; это былъ выдающійся профессоръ.

Кромѣ Любимова непріятное чувство является при воспоминаніяхъ о священникѣ Сергіевскомъ, читавшемъ „Богословіе". Съ подстриженными въ кружалы волосами и аккуратно подрѣзанной бородой, онъ носилъ изящную шелковую рясу, крахмальные стоячіе воротнички, манжеты и вообще силился изобразить изъ себя франта. Говорили, что онъ ученый, что стричься ему позволяютъ потому, что онъ племянникъ митрополита Филарета.

Въ чемъ заключалось его изложеніе Богословія, я такъ и не понялъ; въ его лекціяхъ былъ наборъ пышныхъ фразъ и брань противъ Ренана, Гегеля; доставалось и Малешоту и Фохту! Право же, было бы полезнѣе, если бы онъ свою филиппику оставилъ при себѣ, потому что своей критикой знаменитыхъ мыслителей онъ никого не могъ убѣдить, а напротивъ, я зналъ такихъ студентовъ, которые, не слыхавши раньше о существованіи этихъ ученыхъ, возбуждались къ нимъ интересомъ только теперь, послѣ натянутаго опроверженія ихъ ученія Сергіевскимъ, доставали ихъ сочиненія и увлекались ихъ идеями! Его лекціи были до того снотворны, его философскій семинарскій языкъ былъ такъ непонятенъ, что, несмотря на то, что онъ читалъ лекціи для первыхъ курсовъ всѣхъ факультетовъ, эта общая аудиторія не была многолюдна. Бывало, зубришь его литографированныя лекціи къ экзамену, и не возможно выкинуть изъ головы мысль: „зачѣмъ эти разсужденія по Богословію нужны врачамъ. Пусть бы ими упивались священники, миссіонеры; мы-то тутъ при чемъ?!

А вотъ еще курьезъ: лекторъ Фелькель.

Гимназія не давала тогда (да и теперь, кажется, тоже) никакихъ познаній по нѣмецкому языку. Въ университетѣ многіе сту-

денты набрасывались на новые языки, чтобы читать научныя книги въ подлинникахъ; другіе же такъ и оставались, не понимая ни одного слова. Для тѣхъ и другихъ Фелькель являлся совершенно лишнимъ; онъ не могъ себѣ усвоить свое положеніе; ему никто не сказалъ, что онъ будетъ имѣть слушателей, едва умѣющихъ прочесть по-нѣмецки чуть не по складамъ, и онъ читалъ лекціи на нѣмецкомъ языкѣ и аккуратно приходилъ въ свой часъ въ громадную аудиторію юридическаго факультета, ему, почему-то, для лекцій назначенную.

— Вы куда идете? встрѣтилъ я разъ товарища Крылова.

— На лекцію нѣмецкаго языка.

— Да развѣ у насъ есть такая каѳедра?

— Какъ же, есть и экзаменъ будетъ.

— Вотъ такъ штука, смутился я. И много слушателей?

— Нѣтъ,—смѣется Крыловъ,—иногда я одинъ, если не зайдутъ по ошибкѣ 2—3 юриста, не ожидая встрѣтить въ своей аудиторіи нашего нѣмца. Пойдемте со мной.

Когда мы вошли, Фелькель былъ уже за каѳедрой, и тотчасъ началось представленіе.

Я зналъ нѣмецкій языкъ, но долго не могъ уяснить себѣ, къ чему клонится рѣчь лектора, наконецъ понялъ, что онъ восхищается нѣмецкой литературой. Говорилъ онъ громкимъ голосомъ, жестикулировалъ, тыкалъ пальцемъ въ какую-то толстую книгу, лежавшую передъ нимъ, призывая ее въ свидѣтели правдивости своихъ словъ.

Вышли мы угнетенные, потому что это продолжалось около часа.

— Вы знаете нѣмецкій языкъ?—спросилъ я Крылова.

— Знаю только 2 слова: „гутъ“ да „моргенъ“.

— Зачѣмъ же вы ходите?

— Жалко мнѣ этого старика. Я, какъ-то, зашелъ къ нему также случайно, какъ вотъ вы теперь; онъ обрадовался, читалъ одному, а потомъ пожалъ мнѣ руку и что-то говоритъ по-своему, какъ будто, не то благодаритъ, не то зоветъ на слѣдующую лекцію; я ему говорю: „гутъ, гутъ, моргенъ“; теперь вотъ ужъ совѣстно его оставить. Иногда я ему дѣлаю бенефисъ, затащу человѣкъ трехъ, четырехъ.

— А экзаменъ то какъ же будутъ сдавать?

— Не знаю...—и мы, вспоминая жестикуляцію нѣмца, помирали со смѣху.

Вотъ какія были въ наше время чудеса!

Экзаменъ его я совершенно не припомню; даже не помню, былъ ли экзаменъ.

О Гивартовскомъ (фармація), Богословскомъ (токсикологія), Найденовѣ (накожныя болѣзни) не могу ничего сказать ни за, ни противъ, какъ о профессорахъ, ничѣмъ не выдающихся. И. Я. Бредихинъ (мочеполовые органы) захватилъ было наше особое вниманіе, но очень скоро заболѣлъ и скончался.

Кто изъ насъ не помнитъ Павла Иван. Медвѣдева? Его забыть нельзя по его чисто отрицательнымъ свойствамъ, да и наружность его была отрицательная. Сѣдые, гладко-причесанные волосы покрывали его маленькую головку съ плоскимъ лбомъ (microcoefalia). Онъ входилъ въ аудиторію робко озираясь, какъ будто ему самому было не ловко, что ему предоставлена такая честь—быть профессоромъ.

Читалъ онъ, не отрывая глазъ отъ тетрадки изъ года въ годъ одно и то же; для него не было движенія науки. Весь курсъ гигіены и діэтетики ограничивался 40—50 страницами литографированныхъ лекцій; большихъ познаній не могла вмѣстить его крошечная головка. Конечно, ничего научнаго изъ его лекцій мы пріобрѣсти не могли, а между тѣмъ эта наука уже и въ то время занимала важное мѣсто въ медицинѣ. Лекція его состояла, напр., въ томъ, что „потолокъ въ избѣ или домѣ долженъ находиться на извѣстномъ разстояніи отъ пола“. (Sic!) ... „отопленіе зимой производится топливомъ изъ дровъ, каменнаго угля или соломы“. (Sic!). (Въ кавычкахъ приведены слова изъ его лекціи безъ утрировки, я ихъ отлично помню). На экзаменѣ достается билетъ „одежда“.

— Что я вамъ, г. студентъ, читалъ объ одеждѣ?—спрашиваетъ этотъ несчастный.

— Одежда бываетъ изъ тканей шелковыхъ, шерстяныхъ и полотняныхъ.

— Хорошо-съ. А еще что?

— Еще вы читали, что зимой люди носятъ шубы и шапки!

— Прекрасно, г. студентъ; и ставитъ 5.

Каково же было наше удивленіе, когда мы, думая, что вся наука о гигіенѣ заключается въ такихъ пустякахъ и вмѣщается въ 40—50 страницахъ, вдругъ видѣли послѣ—толстые томы по гигіенѣ. О, какъ были счастливы тѣ, которые, спустя нѣсколько лѣтъ послѣ Медвѣдева, слушали Ѳ. Ѳ. Эрисмана! Это было уже живое слово науки, той самой науки, которую нашъ Медвѣдевъ просто оскорблялъ своей бездарностью. Непостижимо, какъ могъ Совѣтъ Университета избрать такого профессора.

Гроза студентовъ былъ въ мое время Булыгинскій, читавшій физіологическую химію; его лекціи были на высотѣ современной

науки, но читалъ онъ до такой степени монотонно, унылымъ голосомъ, что силъ не хватало его слушать. Предметъ этотъ трудный особенно для тѣхъ, кто не былъ основательно знакомъ съ неорганической и органической химіей. Для такихъ (въ числѣ которыхъ былъ и я)—это былъ лѣсъ дремучій, и выбраться изъ него было очень тяжело.

А вотъ свѣтлая личность—Александръ Иван. Бабухинъ, первый изъ русскихъ ученыхъ, поставившій гистологію на должную высоту, а своими учеными изслѣдованіями онъ составилъ себѣ имя не только у насъ, но и за границей. Какое прекрасное воспоминаніе оставилъ онъ о себѣ среди его учениковъ. Онъ читалъ мало, но за то, какъ читалъ. Аудиторія его была всегда переполнена, и когда его лаборантъ А. Ѳ. Шнейдеръ объявлялъ намъ, что сегодня А. И. читать не будетъ, на всѣхъ лицахъ было видно разочарованіе. Его талантливое изложеніе было полно новизны и прелести; его особая дикція, бархатный голосъ и своеобразная манера говорить запечатлѣвали въ памяти каждое слово. Кромѣ теоретическихъ лекцій мы занимались у него практически въ его кабинетѣ съ микроскопами. Всегда въ драповомъ короткомъ пальто, накинутомъ на плечи, и въ круглой безъ полей шапкѣ онъ работалъ тутъ же за особымъ столикомъ, но нерѣдко обходилъ наши группы для объясненій намъ. Во время своего студенчества Бабухинъ былъ участникомъ громкой исторіи въ столкновеніи студентовъ съ полиціей и въ числѣ избитыхъ студентовъ оказался онъ такъ сильно, что долго лежалъ въ клиникѣ проф. Иноземцева (знаменитость того времени). Этотъ послѣдній и выдвинулъ его, какъ талантливую личность. Въ началѣ 90-хъ годовъ Бабухинъ умеръ отъ нервной болѣзни.

Совсѣмъ не то былъ профессоръ физіологіи Шереметьевскій; это былъ труженикъ, но не оставившій по себѣ хорошей памяти; дикція у него была снотворная, и слушатели его усиленно таращили глаза, чтобы не уснуть. Изъ живой, интересной науки выходила какая-то каша. Не разъ мы думали: „вотъ, Сѣченова бы къ намъ. Если бы Сѣченовъ да Бабухинъ, какъ подняли бы эти два колосса нашъ факультетъ; было бы лестно считать себя ученикомъ такихъ геніальныхъ учителей. (Сѣченовъ былъ профессоромъ у насъ уже много лѣтъ спустя послѣ смерти Бабухина)“.

При характеристикѣ Шереметьевскаго мнѣ вспоминается диссертація Войнова, потомъ доцента офталмологіи нашего университета. Свѣтлая была личность. По окончаніи курса онъ работалъ года 2 у извѣстнаго физіолога Гельмгольца; написанная тамъ диссертація по офталмологіи имѣла основаніемъ физіологическія изслѣ-

дованія. Оппонентами были назначены проф. глазныхъ болѣзней Браунъ и физіологъ Шереметьевскій. Обыкновенно, при диспутахъ на защитѣ происходитъ обмѣнъ мнѣній: оппонентъ указываетъ на тѣ или иныя упущенія въ работѣ, диссертантъ возражаетъ; не посвященная въ данный предметъ публика рѣдко улавливаетъ, кто остался побѣдителемъ въ диспутахъ; тѣмъ дѣло и кончается. Защита Войнова имѣла совсѣмъ иной характеръ.

Какъ только Шереметьевскій дѣлалъ нападки на тѣ или иные выводы Войновской работы, то Войновъ, не входя въ бездоказательные споры, вынималъ изъ-подъ каѳедры работу изъ кабинета Гельмгольца, по которой и прочитывалъ докозательства своихъ выводовъ; споръ прекращался, оппонентъ переходилъ къ другому тезису, опять являлись изъ-подъ каѳедры тѣ же неопровержимыя доказательства. Такимъ образомъ, всѣмъ становилось ясно, что оппонентъ не только разбитъ на всѣхъ пунктахъ, но и доказана была его полная отсталость отъ новѣйшей литературы по физіологіи. Всѣ эти статьи, брошюры, диссертаціи, извлеченныя изъ-подъ закрытой каѳедры, Войновъ складывалъ на каѳедру, гдѣ и образовалась порядочная горка. На смѣну Шереметьевскаго выступилъ Браунъ, которому тоже пришлось замолчать. Не помню, были ли еще оппоненты, но помню, что послѣдній ударъ Войновъ нанесъ нашимъ профессорамъ тѣмъ, что, по окончаніи защиты, онъ ясно доказалъ самъ отсталость своей работы, ибо не мало времени прошло на напечатаніе ея, да на разсмотрѣніе ея факультетомъ, а тѣмъ временемъ изъ кабинета Гельмгольца, Гейденгайна и другихъ вышли новыя работы, и онъ сталъ самъ разбивать пунктъ за пунктомъ свои выводы. Всѣмъ стало ясно, что все это могъ сдѣлать нашъ физіологъ, если бы онъ слѣдилъ за работами нѣмецкихъ ученыхъ. Торжество защиты оказалось доселѣ небывалое.

Горячечная дѣятельность Войнова была выдающейся; онъ написалъ много серьезныхъ работъ; редактировалъ переводы студентовъ по учебникамъ офталмологіи; основалъ физико-медицинское общество, гдѣ былъ выбранъ предсѣдателемъ, читалъ лекціи, открылъ свою лѣчебницу и быстро пріобрѣлъ извѣстность, какъ въ Москвѣ, такъ и за границей... Онъ умеръ 28—30 лѣтъ отъ галопирующей чахотки.

Матюшенковъ... можетъ ли кто изъ студентовъ того времени забыть старца этого, читавшаго теоретическую хирургію по засаленной, пожелтѣвшей отъ времени тетрадкѣ? Во время чтенія нѣсколько гнусавилъ, чмокалъ и точно жевалъ что-то; слушать его было невыносимо, въ памяти ничего не оставалось; хотя мы были только на 3 курсѣ совсѣмъ незнакомые съ хирургіей, но инстинк-

тивно чувствовалось, что онъ читаетъ намъ не настоящую хирургію, а давно прошедшую, брошеную, всѣмъ свѣтомъ забытую.

Среди года онъ, обыкновенно, приносилъ съ собой цѣлую кипу брошюръ, давно имъ напечатанныхъ „Ученіе объ опухоляхъ и ихъ гистологическомъ строеніи“ [1]), которыя онъ раздавалъ студентамъ, и этотъ его обычай, извѣстный намъ отъ старшихъ курсовъ, заставлялъ посѣщать его лекціи, ибо не было извѣстно, въ какой день произойдетъ эта перекличка слушателей, и отсутствовавшіе студенты уже должны были бояться экзамена. Матюшенковъ когда-то написалъ эту единственную работу и этимъ гордился.

Соколовскій (фармакологія). Не знаю, былъ ли онъ даровитый или бездарный, былъ ли онъ ученый или неучъ, но знаю его толстую книгу фармакодинамику, потому-что такую безтолковщину забыть нельзя. Представьте себѣ, что книга страницъ 500 была испещрена именами различныхъ изслѣдователей, но, такъ какъ, сплошь и рядомъ, они при опытахъ своихъ рѣзко противорѣчили одинъ другому, а самъ авторъ ни однимъ словомъ не обмолвился, на чьей сторонѣ истина, то подобныя цитаты сотенъ изслѣдователей доводили читающаго книгу до изступленія. Читаешь, напримѣръ, цѣлый рядъ именъ: X впрыскивалъ такой-то алколоидъ подъ кожу собакѣ, получалъ повышеніе давленія крови, *б* и *в* не получили, *г* напротивъ нашелъ, что этотъ алколоидъ понижаетъ давленіе; или: такіе-то (цѣлый рядъ именъ) видѣли отъ такого-то средства расширеніе зрачка на опытахъ съ лисицей, а такіе-то (опять цѣлый рядъ именъ) видѣли, что расширеніе зрачка у лисицы не бываетъ, но за то отмѣтили сокращеніе сосудовъ у кроликовъ.

И сотни страницъ его книги полны такимъ сумбуромъ; читаешь и ждешь вывода, гдѣ же истина? И вдругъ въ концѣ концовъ узнаешь, что это средство къ человѣку не примѣнялось, да, вѣроятно, и не будетъ примѣнено. Фу, чортъ, изъ-за чего я трачу время; вѣдь не лисицъ же я буду лѣчить?!

Экзаменовалъ онъ строго, придерживаясь этой своей книги, и ее надо было покупать лично у него (цѣна 3 р.), что и заставляло студентовъ вносить ему деньги. Особенно не любилъ онъ пропускать прямо на доктора. Изъ насъ держало двое (Малыгинъ и Клейнеръ); жаль было смотрѣть на этихъ мучениковъ; Соколовскій каждаго держалъ часа по 2, да мало того, сегодня прогонитъ, а завтра опять часа 2, что-то нѣсколько дней они маялись у него.

Когда теперь, на склонѣ жизни, окинешь взглядомъ всю эту процедуру, какъ дико кажется приготовленіе къ экзаменамъ изъ

---

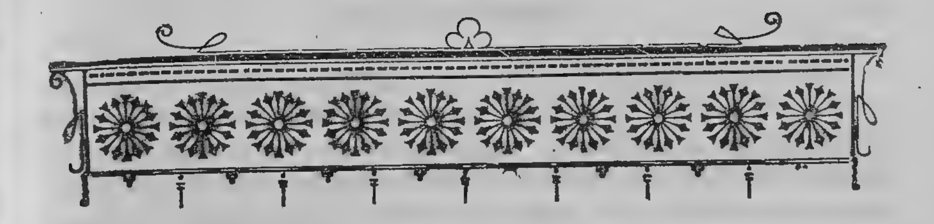
[1]) Точное заглавіе не помню; если измѣнилъ, прошу извинить. П. Ф.

тѣхъ предметовъ, которые затѣмъ никогда въ жизни не понадобились и были забыты съ момента сдачи экзамена. Соколовскій нерѣдко отрицалъ дѣйствія медикаментовъ и не вѣрилъ въ нихъ. Напримѣръ, было такъ: онъ закончилъ свою послѣднюю лекцію словами: „и такъ весь курсъ фармакологіи я кончилъ", но порядочная группа студентовъ обступила его и напомнила, что онъ не читалъ о минеральныхъ водахъ. Онъ согласился съ этимъ, сѣлъ снова за каѳедру и сказалъ: „мнѣ еще остается ознакомить васъ съ чудеснымъ дѣйствіемъ на организмъ минеральныхъ водъ, и я ознакомлю: ихъ пьютъ стаканами, однимъ стаканомъ больше, однимъ меньше—это все равно, градусомъ выше, градусомъ ниже—тоже все равно.—Вотъ и все о минеральныхъ водахъ".

Судебную медицину читалъ Д. Е. Минъ, а судебно-медицинскія вскрытія труповъ дѣлались чаще его прозекторомъ Нейдингомъ (потомъ профессор.). Намъ (на 5-мъ курсѣ) это не дозволялось, а между тѣмъ, я считаю это необходимымъ; вѣдь, большинство врачей попадало въ захолустье (земскіе, городовые врачи), и они должны были сразу встрѣчаться съ дѣйствительностью экспертизы. Какая разница — производить вскрытіе подъ руководствомъ знатока или послѣ одному самостоятельно, видѣвши лишь раньше черезъ толпу, окружающую столъ, что профессоръ что-то рѣжетъ, что-то вынимаетъ и вынутое опять какъ-то разрѣзаетъ. Хорошій былъ профессоръ и всѣми уважаемый И. Ѳ. Клейнъ, читавшій патологическую анатомію. Конечно съ демонстраціями на трупахъ и микроскопіей.

П. Ѳ. Филатовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).



Депутатъ отъ Россіи.

Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой.

Глава V[1]).

Споръ О. А. Новиковой съ Гладстономъ.

Ольга Алексѣевна была очень благодарна Гладстону: великій политикъ постоянно относился къ ней съ рыцарской вѣжливостью, какъ къ женщинѣ, и съ глубокимъ уваженіемъ, какъ къ выдающемуся дипломату. Онъ былъ первымъ поборникомъ дѣла, которое для нея было дороже жизни, и никогда не стѣснялся выказывать высокое почтеніе къ ея преданности славянамъ. Она, съ своей стороны, сильно распространяла въ русской печати высокое мнѣніе о политикѣ Гладстона. Она защищала его отъ всѣхъ противниковъ и имѣла удовлетвореніе знать, что имя и слава Гладстона стояли въ Россіи на той же высотѣ, какъ въ Англіи между либералами.

Но, несмотря на то, что ихъ соглашеніе было основано на политическихъ убѣжденіяхъ, такъ же, какъ на личномъ чувствѣ, оно допускало возможность нѣкоторыхъ споровъ между союзниками. Эти столкновенія никогда не нарушали искренности ихъ личныхъ отношеній. Г-жа Новикова прежде всего русская патріотка: она, не колеблясь, вступала въ споры даже съ Гладстономъ, какъ только, по ея мнѣнію, онъ относился несправедливо къ Россіи.

---

[1]) См. „Русская Старина“, мартъ 1913 г.

Необходимо коснуться хотя бы одной изъ этихъ типичныхъ размолвокъ. Гладстонъ не былъ только интернаціональнымъ государственнымъ человѣкомъ, онъ былъ весьма искуснымъ лидеромъ партіи. Когда онъ находилъ полезнымъ поддержать спорный пунктъ, дающій ему шансы надъ консервативными противниками, онъ избѣгалъ жертвовать голосами избирателей ради своихъ иностранныхъ союзниковъ, голоса которыхъ ничего не значили на выборахъ. Этотъ взглядъ побуждалъ его возражать на безпрестанныя обвиненія консерваторовъ въ его неумѣренной дружбѣ къ Россіи.

Такъ онъ напечаталъ статью, въ которой доказывалъ, что консерваторы, а не либералы, были за послѣднія сто лѣтъ преданными друзьями Россіи.

Это заявленіе „Друзья и враги Россіи" появилось въ январскомъ № „Nineteenth Century". Онъ раньше коснулся того же больного мѣста въ статьѣ (за февраль 1878 г.) того же журнала, говоря о Россіи, какъ о государствѣ, дѣйствія котораго въ европейской политикѣ иногда шли даже въ разрѣзъ съ симпатіями Англіи. Въ статьѣ „Друзья и враги Россіи" онъ идетъ далѣе. Онъ говоритъ, что, за рѣдкимъ исключеніемъ, Россія иногда была въ европейской политикѣ противницей свободы. Кромѣ того, русская государственность поддерживала обыкновенно реакцію съ помощью англійскаго торизма. Онъ даже допускалъ, что Россія была самымъ неподходящимъ орудіемъ для освобожденія Болгаріи. Когда появилась эта статья, Стедъ писалъ г-жѣ Новиковой: „Вы навѣрное прочтете его слова съ негодованіемъ, но онъ не имѣлъ дурного намѣренія, и лучше было бы, если бы Вы не обидѣлись".

Нѣтъ, г-жа Новикова сильно обидѣлась и вознегодовала.

„Я не вижу причины писать о насъ, какъ о неподходящемъ орудіи для предоставленія свободы" нашимъ единовѣрнымъ балканскимъ славянамъ,—возразила она: это какой-то парламентарскій вздоръ! Нашъ образъ правленія былъ крайне полезный факторъ: онъ избавилъ насъ и всю Европу отъ татарскаго ига и далъ намъ возможность гигантскими шагами вести нашъ народъ къ просвѣщенію и воспитанію".

Любопытно, что въ томъ же самомъ № журнала, гдѣ приводилось мнѣніе Гладстона, напечатано было извѣстіе, что освобожденные болгары послали только-что благодарственный адресъ своимъ названнымъ „неподходящимъ орудіемъ"—избавителямъ. Герцогъ Аргальскій соглашался съ болгарами. Онъ сказалъ: напротивъ: „древняя и наслѣдственная непріязнь Россіи къ магометанскимъ

туркамъ сдѣлала ее отмѣнно подходящимъ орудіемъ для избавленія отъ ужаснаго гнета, тяготѣвшаго надъ христіанами".

Г-жа Новикова отвѣтила Гладстону тремя письмами, появившимися въ „Сѣверномъ Эхо" подъ заглавіемъ „Друзья или враги", „Русскія и англійскія партіи" и „Русская иностранная политика". Эти письма типично выражаютъ политическія способности Ольги Алексѣевны и ярко показываютъ умѣнье обоихъ противниковъ наносить и отражать удары. Первая изъ этихъ статей начиналась у нея такъ:

„Я ничего не желаю отъ Васъ. Я не прихожу къ Вамъ non ut cliens sed ut amicus. Мое дѣло предложить Вамъ то, что достойно быть принятымъ каждымъ принцемъ Европы, дружбу англійскому государству, которая, если Вы ее оцѣните справедливо и честно, будетъ Вамъ такъ же выгодна, какъ и намъ. Но Вашъ отказъ въ ней принесетъ Вамъ даже больше вреда, чѣмъ намъ".

„Такое же откровенное заявленіе было сдѣлано англійскимъ посланникомъ, когда шведскій канцлеръ Оксенштирне спросилъ его: чего желаетъ Англія отъ Швеціи?

„Вотъ одинъ изъ многочисленныхъ случаевъ, въ которомъ русскіе не могли бы сдѣлать ничего лучшаго, какъ послѣдовать примѣру англичанъ. Я не посланникъ. Я просто выражаю не исключительно свои взгляды, а взгляды многихъ русскихъ; но если бы я должна была говорить отъ имени Россіи съ Англіей, я не могла бы найти лучшаго выраженія чувствъ, которыя одни могутъ обезпечить искреннее соглашеніе между нами.

„Намъ не нужно Вашего покровительства, какъ Вы не нуждаетесь въ нашемъ. Вѣрьте мнѣ, рѣзкости и оскорбленія послѣдняго времени не увеличили числа Вашихъ друзей въ Россіи. Неужели дошло до того, что дружба съ Россіей есть измѣна Англіи?

„Раздраженіе и озлобленіе, во всѣхъ классахъ Россіи, произведенныя вашими угрозами и оскорбленіями, создали грозную преграду между двумя народами, тѣмъ не менѣе, я твердо убѣждена, что если бы Англія измѣнила свои отношенія къ Россіи, Вашъ первый дружескій шагъ встрѣтилъ бы горячій пріемъ у насъ. Инициатива, на этотъ разъ, должна быть Ваша; намъ сдѣлать больше ничего не приходится".

Затѣмъ г-жа Новикова приводитъ слова Джона Брайта: „У насъ,— говоритъ маститый старецъ,—въ виду двѣ политики, старая, которая, если мы оставимъ ее въ наслѣдство нашимъ дѣтямъ, будетъ

причиной будущихъ войнъ, и новая, за которую я стою и которую проповѣдую: эта будетъ наслѣдствомъ мира и прочной дружбы съ одной изъ величайшихъ имперій свѣта". „Къ этому я присоединяюсь отъ всего сердца"—говоритъ въ заключеніе г-жа Новикова.

Въ письмѣ „Россія и англійскія партіи" она утверждаетъ:

„Меня иногда забавляютъ заявленія англійскихъ газетъ о томъ, что Россія возлагаетъ всѣ свои надежды на вступленіе либераловъ въ оффиціальную власть. Что за чепуха?

Соглашеніе съ Англіей основывается на болѣе серьезныхъ фактахъ.

Рѣчи либераловъ часто компрометтируютъ ихъ партію. Раздается иногда единичный голосъ въ русской печати съ выраженіемъ вѣры въ честь и искренность приверженцевъ г-на Гладстона, но это голосъ вопіющаго въ пустынѣ. Издатель „Моск. Вѣдом.", помѣщающій подобную радужную статью, торжественно заявляетъ, что не согласенъ съ такими мнѣніями, что въ Англіи обѣ партіи одинаково плохи, когда дѣло коснется Христіанскаго Востока. Мнѣ больно видѣть, что русскіе почти такъ же мало довѣряютъ либераламъ, какъ и консерваторамъ. Кромѣ того, вѣдь это въ извѣстной степени осужденіе всей моей собственной дѣятельности. Да, всѣ мои усилія внушить моимъ соотечественникамъ довѣріе къ преданности Гладстона дѣлу освобожденія на Востокѣ до сихъ поръ оказались тщетными.

„И не на одномъ Востокѣ русскіе принуждены были смотрѣть равнодушно на политическую борьбу въ Англіи. Что это была за распря въ началѣ Афганской войны?" Я прекрасно помню восторженные крики по случаю заявленія Гладстона въ Гриничѣ, что если вести войну, то ее слѣдовало бы вести съ Россіей, а не съ Афганистаномъ, въ Малой Азіи.

Съ большой горечью я упоминаю объ этомъ, когда касаюсь впечатлѣнія, произведеннаго въ Россіи статьей Гладстона „Nineteenth Century", за январь 1879 г. Статья эта мнѣ лично была дорога за упоминанія въ ней о нашихъ добровольцахъ въ Сербіи и особенно моего брата Николая. Въ ней столько говорится о нашей искренности въ дѣлѣ освобожденія Болгаріи, что нельзя говорить о ней съ инымъ чувствомъ, кромѣ благодарности. Такимъ великимъ казался Гладстонъ въ Россіи, своей великолѣпной защитой угнетенныхъ. Но его неожиданная попытка доказать свое партійное безпристрастіе временно парализовала остальную его дѣятельность.

Его усилія не вполнѣ увѣнчались успѣхомъ. Южная Болгарія была возвращена туркамъ, и отъ Черногоріи оторвана часть тер-

риторіи, тѣмъ не менѣе имя Гладстона несокрушимо запечатлѣлось въ каждомъ славянскомъ сердцѣ, несмотря на вышеупомянутое временное уклоненіе. Въ освобожденіи Болгаріи мы были союзниками, а не врагами, поэтому можно было надѣяться, что если когда-нибудь Гладстонъ вернется къ власти, память объ этомъ затмитъ воспоминаніе о партійныхъ ошибкахъ. Статья Гладстона „Друзья и враги Россіи“, говоритъ Стэдъ, конечно имѣла большое вліяніе въ англійскихъ либеральныхъ кругахъ, доказавъ англичанамъ его безпристратіе, но въ Россіи она естестественно имѣла обратное дѣйствіе; на это возражала Ольга Алексѣевна. Пренебреженіе, оказанное другомъ, хуже удара врага. Многимъ кажется, что если Гладстонъ, единственный иностранный государственный дѣятель, къ которому они относились съ полнымъ довѣріемъ и уваженіемъ, отвергаетъ, какъ обиду, упрекъ въ дружественныхъ къ намъ отношеніяхъ, если даже онъ могъ дурно отозваться о роли Россіи на Востокѣ, тогда трудно надѣяться на добрыя отношенія между Россіей и Англіей.

„Напрасно я указывалъ на то, говоритъ Стэдъ, что въ той же статьѣ Гладстонъ говоритъ: девизъ либераловъ—дружба съ каждой страной“, но онъ отказывался лишь отъ приписываемаго ему желанія унижаться передъ Россіей.

Если тѣ, кто глубоко сочувствовалъ великому дѣлу Россіи въ освобожденіи славянъ, способны все же ее за что-то упрекать, то въ такой дружбѣ толку мало, возражала на это Ольга Алексѣевна.

Но неужели Россія, принимавшая участіе въ освобожденіи Италіи, въ объединеніи Германіи, въ освобожденіи Греціи, Сербіи, Румыніи и Болгаріи, которая безъ всякаго вліянія извнѣ и безъ революціи освободила 48 милліоновъ собственныхъ крѣпостныхъ,—фактъ, часто забываемый нашими верховными судьями, можетъ, по справедливости, быть подозрѣваема во враждѣ ко всякой свободѣ? Зачѣмъ бороться съ несуществующимъ зломъ?

Если Англія желаетъ нашей дружбы, неблагоразумно отклонить всякую попытку, съ нашей стороны, къ соглашенію. Къ счастью, существованіе и величіе Россіи не зависитъ ни отъ чьей доброй воли, даже Англіи.

Будущее принадлежитъ намъ!

Нѣмцы достигли своего дня, англичане полудня, французы заката дня, итальянцы вечера, испанцы ночи, но славяне, они на утренней зарѣ, заключаетъ она.

Третье письмо, озаглавленное „Иностранная политика Россіи“, отвѣтъ г-ну Гладстону, гдѣ она принимала его вызовъ:

Либералы въ партійной политикѣ, пренебрегая нашими чувствами, говорятъ иногда, что на континентѣ Россія всегда, за малыми исключеніями, поддерживала реакціонную политику, что вызывало поддержку англійскимъ консерваторамъ. Англійскіе либералы допускаютъ прямую свободную рѣчь, они нерѣдко имѣютъ благородное мужество сознать свою ошибку, если будетъ сказано, что нѣкоторыя ихъ замѣчанія противорѣчатъ нѣкоторымъ фактамъ, легко могущимъ ускользнуть у нихъ изъ памяти. Это даетъ мнѣ смѣлость настаивать на нѣкоторыхъ истинахъ, повидимому забытыхъ. Россія не Папа—она себя непогрѣшимой не считаетъ, если чье-нибудь счастье заключается въ томъ, чтобы касаться ея недостатковъ, да будетъ такъ, пусть это дѣлается сколько душѣ угодно, но судя по рѣчамъ нѣкоторыхъ англійскихъ лучшихъ государственныхъ людей, мнѣнія которыхъ хорошо обоснованы и вѣски, политика наша за большую часть девятнадцатаго столѣтія была болѣе въ согласіи съ зрѣлыми взглядами англійскаго либерализма, чѣмъ политика самой Англіи.

На Востокѣ событія оправдали политику Россіи. Англійскіе либералы сознали наконецъ несправедливость поддержки туркамъ, о которой еще Царь Борисъ Годуновъ говорилъ Англіи въ царствованіе королевы Елисаветы. „Да, говоритъ г-нъ Гладстонъ, я согласенъ, что на Востокѣ Россія подала примѣръ прогресса, но это была только благородная непослѣдовательность. Во всемъ другомъ она упорный врагъ свободы, нарушительница мира, угроза независимости націй, словомъ, подходящая союзница англійскимъ консерваторамъ“. Гдѣ доказательства? Мнѣ указываютъ на Бельгію и Венгрію. Я не защищаю нашего вмѣшательства въ Венгрію, о которомъ самъ Гладстонъ говоритъ, что ему предшествовали такія же вмѣшательства со стороны болѣе опытныхъ государствъ, и оно не можетъ сравниться по виновности съ вмѣшательствомъ Англіи въ судьбу Сициліи 50 лѣтъ назадъ. Все, въ чемъ можно винить русскую политику относительно Бельгіи, было съ избыткомъ вознаграждено покровительствомъ той же Россіи въ 1851 г., когда Наполеонъ желалъ присоединить ее къ Франціи.

Послѣ краснорѣчиваго упоминанія объ услугахъ, оказанныхъ Англіи при Александрѣ I, который за нѣсколько недѣль до битвы при Трафальгарѣ спасъ Англію отъ нападенія и который сказалъ эти правдивыя слова: „Мы возвратили Европѣ ея свободу и независимость“, Ольга Алексѣевна продолжаетъ: „Я не защищаю и не порицаю всей политики Россіи, хотя она иногда служила предметомъ удивленія англійскихъ консерваторовъ. Европа дрожала еще отъ треска французской революціи и не была расположена терпѣть

возстанія, и Александръ, стоявшій во главѣ европейской коалиціи, противъ Наполеона, считалъ себя обязаннымъ поддерживать консерваторовъ противъ всѣхъ революціонеровъ Европы. Послѣ смерти Александра политика Россіи перестала возбуждать навѣты англійскихъ либераловъ.

Взглядитесь въ дѣятельность одного столѣтія и спросите, Англія или Россія выдвигала впередъ политику, которая теперь, по мнѣнію англійскихъ либераловъ, всего болѣе гармонируетъ съ развитіемъ свободы и съ успѣхами цивилизаціи.

Освобожденіе Италіи, объединеніе Германіи, преобразованіе Австріи и освобожденіе Востока, все болѣе обязано Россіи, чѣмъ Англіи".

Въ заключеніе приводитъ она замѣчательный обзоръ континентальной политики Россіи.

„Прежде всего я перечислю наши проступки противъ либеральныхъ идей:

„Въ 1819 г. Александръ I на Лейбахскомъ конгрессѣ съ сочувствіемъ англійскаго правительства поддержалъ консервативную политику Германіи.

„Въ 1819 г. на конгрессѣ въ Веронѣ Александръ I-й поддержалъ ту же политику въ Неаполѣ, при сочувствіи англійскаго правительства.

„Въ 1823 г. Россія поддержала французское вмѣшательство въ Испаніи противъ оппозиціи англійскаго правительства.

„Въ 1846 г. Россія въ союзѣ съ Австріей присоединила къ Австріи Краковскую республику противъ протеста Англіи.

„Около того же времени былъ еще случай, когда политика Россіи противорѣчила политикѣ Англіи: лордъ Пальмерстонъ относился къ Греціи, въ дѣлѣ умиротворенія, съ большой жестокостью, что вызвало сильнѣйшій протестъ Россіи. Г-нъ Гладстонъ не можетъ сослаться на это, какъ на примѣръ поддержки, со стороны Россіи, неограниченной власти, противъ свободы и независимости націй, т. к. онъ былъ самымъ ярымъ защитникомъ принциповъ, которые гр. Нессельроде выставлялъ въ своемъ протестѣ противъ политики лорда Пальмерстона; заодно съ Гладстономъ пошло большинство Палаты лордовъ и значительное число самыхъ видныхъ либераловъ Палаты общинъ.

„Въ 1849 г. Россія помогла Австріи въ усмиреніи мадьярскаго мятежа при одобреніи большинства англійскихъ консерваторовъ".

„Въ 1853 г. Россія произвела нападеніе на Турцію и была атакована Англіей по вопросу исключительнаго протектората, который Англія по соглашенію съ Турціей приняла на себя".

„Въ 1871 г. Россія, съ согласія всей Европы, измѣнила параграфъ Парижскаго трактата о Черномъ морѣ, измѣненіе, предложенное Австріей четыре года назадъ“.

„Въ 1878 г. Россія съ санкціи англійскаго правительства возвратила себѣ Бессарабію, отнятую у нея въ Крымскую войну“.

„Теперь позвольте мнѣ перечислить случаи, когда наша политика согласовалась съ взглядами либеральной Англіи“:

„Въ началѣ девятнадцатаго вѣка Россія въ союзѣ съ Англіей спасла свободу и независимость Европы отъ нашествія Наполеона“.

„Въ 1826 г. Россія освободила Сербію при нейтралитетѣ Англіи“.

„Въ 1829 г. Россія съ первоначальной только помощью Англіи довела до конца независимость Греціи“.

„Въ 1831 г. Россія съ содѣйствіемъ Англіи установила королевство Бельгіи“.

„Въ 1833 г. Россія совмѣстно съ Англіей воспрепятствовала Махметъ-Али разрушить Оттоманскую Имперію“.

„Въ 1840 г. Россія снова съ Англіей спасла Турцію отъ опустошенія Франціей и Египтомъ“.

„Въ 1850 г. Россія съ Англіей заставили Германію очистить Шлезвигъ-Гольштинію“.

„Въ 1853 г. Россія спасла Бельгію отъ захвата Наполеона III, съ искреннимъ одобреніемъ англійскаго правительства“.

„Въ 1850 г. Россія поддержала Францію въ освобожденіи Италіи при оппозиціи со стороны Англіи“.

„Въ 1860 г. Россія съ поддержкой Англіи согласилась на занятіе Ливана французами“.

„Въ 1866 г. Россія поддерживала Пруссію въ Прусско-Итальянской войнѣ съ Австріей, при нейтралитетѣ Англіи, что послужило къ началу объединенія Германіи, къ окончанію единенія Италіи и заключилось освобожденіемъ Венгріи.

„Въ 1867 г. Россія въ единомысліи съ Англіей обезпечила эвакуацію турецкихъ войскъ изъ сербскихъ крѣпостей.

„Въ 1868 г. при опозиціи Англіи Россія поддержала возстаніе на Критѣ (къ несчастью недостаточно настойчиво“).

„Въ 1870 г. при нейтралитетѣ Англіи Россія оказала поддержку Германіи, заставивъ Австрію остаться нейтральной, чѣмъ, содѣйствовала объединенію Германіи и паденію Французской имперіи.

„Въ 1875 г. Россія съ Англіей предупредили нападеніе Германіи на Францію.

„Въ 1877 г. при оппозиціи со стороны Англіи Россія освободила Болгарію съ суверенитетомъ Турціи и дала полную независимость Сербіи, Черногоріи и Румыніи“.

„Согласіе между двумя правительствами значительно. Не удивляйтесь же, что мы сомнѣваемся въ здравомъ разсудкѣ людей, которые систематически утверждаютъ, что удаленіе Россіи съ политической карты и изъятіе ея изъ европейскаго равновѣсія должны служить главной цѣлью англійской дипломатіи. Государство, которое стояло во главѣ освобожденія Европы отъ ига Наполеона и освобожденія восточныхъ христіанъ отъ ига Турціи и которое съ успѣхомъ вліяло на сохраненіе Бельгіи, освобожденіе Италіи, единеніе Германіи и преобразованіе Австріи, не изъ такихъ, присутствіе котораго можетъ быть вычеркнуто изъ совѣщательнаго списка Европы, безъ вреда дѣлу свободы, національности и справедливости“.

Прочитавъ предыдущее указаніе европейской политики Россіи, г. Лавелей (бельгіецъ) писалъ Ольгѣ Алексѣевнѣ:

„Дорогая г-жа Новикова. Позвольте мнѣ два слова прибавить въ подтвержденіе Вашего тезиса, что Россія часто защищала въ Европѣ дѣло свободы“.

„Вы допускаете несуществующую ошибку и забываете о либеральномъ актѣ, только-что приведенномъ кн. Меттернихомъ въ его мемуарахъ, вышедшихъ на-дняхъ.

„Правда. Россія не оправдывала революцію 1830 г., и она была совершенно права. Союзъ Бельгіи съ Голландіей—лучшее, что сдѣлано на Вѣнскомъ конгрессѣ. Это было возстановленіе Нидерландовъ XVI вѣка, историческая формація и основанная на видимыхъ географическихъ преимуществахъ. Голландія снабжала своей торговлей и колоніями. Бельгія доставляла промышленность и земледѣліе.

„Соединенные Нидерланды образовали устойчивость Европы, т. к. кусокъ былъ слишкомъ великъ, чтобы его могла проглотить Германія или Франція.

„Въ 1830 году Бельгія не переставала дрожать за свое существованіе. Это неоспоримо. Революція 1830 г. была создана, главнымъ образомъ, католическимъ духовенствомъ противъ протестантскаго короля, и дальновиднѣйшіе изъ либераловъ, всѣ оранжисты, жалѣли объ отдѣленіи Голландіи.

„Россія, своей оппозиціей, защищала, такимъ образомъ, дѣло свободы и настоящаго равновѣсія. Не очевидно ли, что положеніе наше было бы гораздо сильнѣе, если бы мы остались въ союзѣ съ Голландіей и участвовали бы въ ея торговлѣ и поселеніяхъ. Мы дѣлаемъ неимовѣрныя усилія, чтобы исправить ошибку 1830 года, учрежденіемъ таможеннаго союза.

„Итакъ, ошибка, которую Вы признаете за Россіей въ прошедшемъ противъ либерализма, не существуетъ. Наоборотъ, Франція поддерживала нашу революцію, надѣясь насъ присоединить, а Англія, изъ зависти къ голландской торговлѣ.

„Вотъ въ чемъ Ваше упущеніе. Меттернихъ съ гнѣвомъ говоритъ, что въ 1814 г. Императоръ Александръ, вмѣсто возвращенія на престолъ Бурбоновъ, пожелалъ созвать собраніе уполномоченныхъ, чтобъ избрать тотъ образъ правленія, который наиболѣе удобенъ Франціи. Онъ предвидѣлъ, что реставрація не можетъ длиться. Меттернихъ не говоритъ о томъ, но это извѣстно, что Александръ согласился бы и на республику.

„Не доказалъ ли онъ свою предусмотрительность и любовь къ прогрессу и свободѣ?

„А нынѣшній Вашъ Государь, развѣ онъ не оказалъ услуги всему человѣчеству уничтоженіемъ крѣпостного права и освобожденіемъ отъ ненавистнаго турецкаго ига народовъ ему не подвластныхъ.

„Теперь нуженъ не парламентъ, а Монархъ съ славянскими демократическими традиціями.

„Но этотъ предметъ завелъ бы меня слишкомъ далеко, я кончаю, оставаясь преданнымъ Вамъ

Эмиль де-Лавелей".

Лютихъ. 28 декабря 1879 года.

Въ своей статьѣ въ девятнадц. столѣтіи (XIX Century), за мартъ 1880 г. Гладстонъ признаетъ основательными доводы г-жи Новиковой; дѣйствительно, Россія, когда выступала противъ свободы, всегда вызывала сердечное сочувствіе англійскихъ торіевъ, какъ, напримѣръ, когда они одобрили вмѣшательство Россіи въ войну Австріи съ Венгріей.

Г-жа Новикова, не колеблясь, высказывала свои мысли даже тогда, когда Гладстонъ вызывалъ ея гнѣвъ. И Гладстонъ никогда не жаловался на дружескія замѣчанія своего друга. Онъ старался ими воспользоваться. Напримѣръ, въ январѣ 1880 г. г-жа Новикова напечатала въ выноскѣ къ одной изъ главъ „Россія и Англія" слѣдующее замѣчаніе:

„Я не могу понять, какъ это англичане, даже либералы-англичане, такъ странно не освѣдомлены на счетъ Румеліи".

Въ слѣдующемъ собраніи, гдѣ Гладстонъ говорилъ рѣчь, онъ поспѣшилъ исправить указанное г-жей Новиковой упущеніе. Обращаясь къ Мидлотіанскимъ выборщикамъ въ Эдинбургѣ, 17-го марта 1880 г. онъ сказалъ:

„Европа возвратила во власть султана и въ тѣ условія, въ которыхъ была вся Европейская Турція до войны, около милліона населенія Македоніи, большинство котораго христіане и которому была дана свобода Санъ-Стефанскимъ договоромъ, отданы снова турецкимъ пашамъ и положеніе ихъ ни на іоту не улучшилось послѣ войны".

Здѣсь Стэдъ дѣлаетъ перерывъ, чтобъ обратиться къ письмамъ Фруда и г-жи Новиковой о предсмертной болѣзни Карлайля. Вотъ что онъ пишетъ:

„22-го іюня 1878 г. Карлайль на видъ здоровъ, но онъ очень слабѣетъ. Жизненный интересъ падаетъ, и взоры его устремлены въ загробный міръ. Что же это? Неужели тамъ снова начнется борьба страстей и надежды и проблескъ счастья? А въ концѣ концовъ усталость и разочарованіе. И это называется вѣчнымъ покоемъ. Лучше сонъ непробудный и безъ сновидѣній.

„10-го сентября 1879 г. Карлайль чувствуетъ себя хорошо и, какъ всегда, предается своимъ прогулкамъ въ омнибусѣ. Я долженъ возвратиться къ своимъ обязанностямъ, при чемъ въ срединѣ октября и съ этого времени до будущаго лѣта буду, если буду живъ, на своемъ старомъ мѣстѣ въ Онсло-Гарденсъ. Гдѣ Васъ мы скоро увидимъ".

Тяжелое извѣстіе о приближающейся кончинѣ Карлайля было сообщено Ольгѣ Алексѣевнѣ такъ: „30-го января 1881 г. Тяжело Вамъ будетъ извѣстіе, хотя не можетъ оно Васъ удивить. Карлайль умираетъ. Онъ сталъ слабѣть, какъ только начались морозы, и ни на минуту не поправлялся. Онъ лежитъ неподвижно въ постели, едва говоритъ, ничего не ѣстъ и спокойно ждетъ конца. Нѣсколько разъ впадалъ въ безсознательное состояніе, изъ котораго не ожидали, что онъ очнется. Онъ можетъ протянуть еще долго, но я не услышу больше никогда его голоса. Я десять дней его не видѣлъ. Онъ не могъ мнѣ сказать что-нибудь, хотя зналъ, что я въ комнатѣ. Большое будетъ волненіе, чтобы похоронить его въ Вестминстерскомъ аббатствѣ, но распоряженія его на этотъ счетъ строги. Онъ долженъ быть возвращенъ къ праотцамъ въ его любимой Шотландіи.

Жилъ онъ, не видя общественнаго почета отъ своихъ соотечественниковъ, и дѣлать парадное зрѣлище изъ его похоронъ они не должны.

Вскорѣ послѣ его смерти я издамъ два небольшихъ томика его автобіографическихъ воспоминаній, которыя онъ поручилъ мнѣ. Пришлю Вамъ экземпляръ. Касаются они временъ, вещей и лицъ, о которыхъ мало имѣютъ понятія на континентѣ Европы, и едва-ли

они выдержатъ переводъ. Но въ Америкѣ они, я думаю, возбудятъ огромный интересъ. Увидимъ".

Карлайль умеръ 4-го февраля 1881 года.

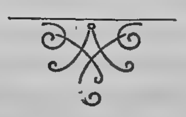
Этотъ маститый историкъ открыто высказывалъ свое уваженіе и сочувствіе политической дѣятельности Ольги Алексѣевны.

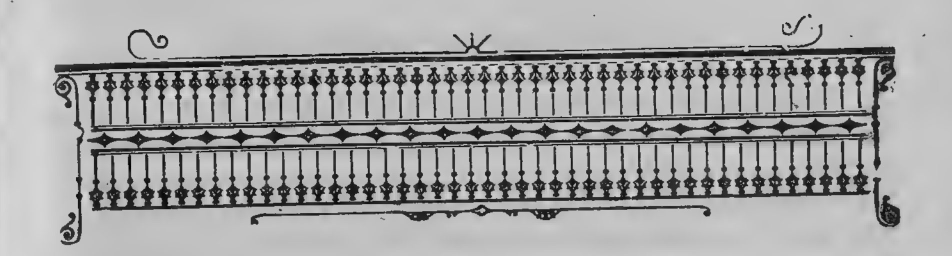
Но ее цѣнили не въ одной Англіи.

За услуги славянскому дѣлу она получила золотую медаль отъ болгарскаго правительства и высокій орденъ св. Саввы отъ Сербіи. Она настаивала на томъ, что они были ей даны въ память ея брата Николая Карѣева. Но въ Москвѣ въ большомъ собраніи монархистовъ, когда предсѣдатель собранія поднесъ ей почетный знакъ, ей пришлось согласиться, что отличія касались лично ея.

Сообщено Е. С. М.

(Продолженіе слѣдуетъ).





М. И. Драгомировъ—генералъ-губернаторъ.

(Изъ отрывочныхъ воспоминаній)[1].

Вотъ два года съ лишнимъ пробылъ я на этомъ посту, никто и не заговаривалъ о необходимости введенія земскихъ учрежденій въ этомъ краѣ, а теперь вдругъ заговорили,— спѣшно подавай, подробно разработать нужно чуть-ли не въ трое сутокъ, говорилъ Мих. Ив., сидя въ своемъ кабинетѣ за письменнымъ столомъ въ Кіевѣ, однажды по возвращеніи изъ Петербурга въ весеннюю пору; чудной вашъ министръ, или кто-нибудь его подвинчиваетъ, но суетности въ немъ не оберешься, а между тѣмъ, кому же, какъ не ему, знать, что спѣшкой только людямъ на смѣхъ что-нибудь можно выкинуть такое несуразное, въ чемъ послѣ не распутаешься.

Съ этими словами М. И. поднялся и пошелъ въ свой довольно обширный садъ, въ которомъ любилъ съ утра заняться посадками и наблюденіемъ за работами находившагося при его домѣ искуснаго садовника.

— Да, чудакъ вашъ Сипягинъ; видно, честности онъ неимовѣрной, но и суетливъ въ томъ же размѣрѣ,—продолжалъ М. И. свой разговоръ, прогуливаясь и съ большою, несвойственною его характеру, заботливостью, поправляя кое-гдѣ вѣтки распускавшагося дикаго винограда, который, по его указаніямъ, былъ разсаженъ гирляндами на краяхъ дорожекъ, обрамленныхъ красивыми чугунными столбиками;—около нихъ, спускаясь и поднимаясь отъ одного къ другому, виноградъ цѣплялся.

---

[1]) См. „Русская Старина“, мартъ 1913 г.

Дѣйствительно, первые два года по вступленіи М. И. въ должность кіевскаго генералъ-губернатора, вопроса о введеніи земства въ трехъ губерніяхъ Юго-западнаго края никто не поднималъ; только лишь отъ предмѣстника Драгомирова,—графа А. П. Игнатьева, остались въ канцеляріи воспоминанія о томъ, какъ онъ представлялъ не разъ свои по этой части проекты, въ которыхъ, съ большой логичностью и обстоятельностью, разбивалъ всякое стремленіе и поползновеніе насадить земское самоуправленіе въ этомъ пестромъ, по его убѣжденію не созрѣвшемъ краѣ;—наверху же вообще этому вопросу значенія не придавали, такъ какъ усматривали бо́льшую насущность въ повсемѣстномъ проведеніи въ жизнь и въ администрацію законности; и этимъ заниматься находили болѣе всего необходимымъ;—нынче это признано правильнымъ называть закономѣрностью, тогда же, при полномъ сознаніи крайне серьезной потребности въ ней,—полушутя говорили, что пошла „юридизація“ Россійской имперіи.

Дм. Серг. Сипягинъ, водворившись на постъ министра внутр. дѣлъ, сразу налегъ на дѣло упорядоченія земскаго хозяйства въ тѣхъ губерніяхъ, которыя земскими учрежденіями были надѣлены, и на дѣло проектированія введенія ихъ въ остальной Россіи или хотя бы въ бо́льшей ея части. Онъ былъ испытанный земецъ, такъ какъ прослужилъ въ Московской губерніи уѣзднымъ предводителемъ дворянства въ тѣ годы, когда дворянство усиленно работало на земской нивѣ.—Въ должность харьковскаго вице-губернатора Дм. Серг. вступилъ съ большимъ запасомъ практическихъ знаній по части земскихъ работъ; эти знанія онъ пріобрѣлъ, отдаваясь всецѣло трудамъ по части хозяйства своего Волоколамскаго уѣзда вообще и въ качествѣ предсѣдателя уѣзднаго земскаго собранія особенно.—Тогдашній харьковскій губернаторъ Александръ Ивановичъ Петровъ, нынѣ членъ Государственнаго Совѣта, съ особой похвалой отзывался о томъ, въ какой степени вице-губернаторъ Дм. Серг. Сипягинъ являлся для него дѣльнымъ помощникомъ по части направленія работы земства губерніи и наблюденія за правильнымъ веденіемъ земскаго хозяйства въ ней.

М. И. Драгомировъ, какъ конотопскій землевладѣлецъ, съ большимъ одобреніемъ встрѣчалъ всѣ проекты Сипягина-министра; онъ не пропустилъ ни работъ его по введенію предѣльнаго земскаго обложенія, ни заботъ по сдерживанію земствъ въ дѣлѣ правильнаго и точнаго выполненія сложныхъ расходованій, но ему, какъ онъ выражался, претила торопливость въ дѣлахъ.

Вообще отношенія между М. И. Драгомировымъ и Д. С. Сипягинымъ, съ теченіемъ времени, установились не важныя; постоянно

отдавая справедливость отмѣнному рыцарству, съ которымъ министръ умѣлъ относиться ко всѣмъ и ко всему, М. И. съ тѣмъ вмѣстѣ нерѣдко нападалъ на него, и было это скорѣй результатомъ какого-то недоразумѣнія; оно крылось главнымъ образомъ въ томъ, что Сипягинъ торопилъ представленіе проектовъ, не думая спѣшить самымъ введеніемъ реформы, а М. И. какъ бы опасался спѣшнаго, то есть торопливаго недостаточно обработаннаго введенія того, надъ чѣмъ необходимо было много поразмыслить.—Къ этимъ недоразумѣніямъ присоединилось еще и то, что М. И., не одобривъ дѣятельности одного изъ губернаторовъ ввѣреннаго ему края, представилъ ходатайство о переводѣ его въ другой край, въ чемъ однако Д. С. Сипягинъ, если не совершенно отказалъ, то не высказалъ особой готовности немедленно удовлетворить ходатайство, а это Мих. Ив—ча, какъ начальника края, поставило въ неловкое или въ непріятное положеніе.—На долго, хотя быть можетъ безъ умысла, затянулось со стороны М. И. представленіе требовавшагося проекта, а со стороны Дм. Серг. изъятіе показавшагося неподходящимъ губернатора; начавшееся сначала на этихъ почти мелочахъ будированіе мало-по-малу готово было перейти во вражду и уже почти перешло, когда вдругъ, какъ бы по уговору, М. И. отослалъ тщательно обработанный имъ лично проектъ, а со стороны министра послѣдовало распоряженіе о переводѣ провинившагося губернатора въ одну изъ сѣверо-западныхъ губерній. Неизвѣстно, какъ отразилось бы это все на взаимныхъ отношеніяхъ двухъ высшихъ представителей власти, если бы, почти одновременно съ тѣмъ, не поразило Россію, какъ громомъ, убійство одного изъ нихъ: 2-го апрѣля 1902 года былъ сраженъ пулями злодѣя министръ внутреннихъ дѣлъ егермейстеръ Дм. Серг. Сипягинъ,—о чемъ М. И. много разъ высказывался съ большимъ и горестнымъ сожалѣніемъ:—Жаль, ни за что погибъ чистый человѣкъ,—говорилъ онъ.

* * *

Все мирное въ ходѣ жизни Россіи вообще и въ дѣлѣ управленія ею въ частности какъ бы заглохло на нѣкоторое время; проснуться суждено было всему не возвращеніемъ къ обычному мирному теченію, а чудовищной бѣдой, внезапно тогда же весной выросшей въ видѣ громаднаго крестьянскаго бунта въ предѣлахъ Полтавской и Харьковской губерній.

Не до проектовъ, а въ особенности не до такихъ оказалось въ то тяжелое время новому министру—статсъ-секретарю Вячеславу Константиновичу Плеве; онъ весь поглотился стремленіями уми-

ротворить зашумѣвшую крамолой жизнь; со свойственной ему необычайной энергіей, взявшись за дѣло горячо, онъ иногда грѣшилъ тѣмъ, что видѣлъ зачатки крамолы или тамъ, гдѣ ихъ не было, или не въ томъ видѣ, въ какомъ она на самомъ дѣлѣ появлялась,—поэтому давалъ ей возможность нежданно проявляться, а затѣмъ и развиваться при такихъ обстоятельствахъ, при которыхъ тому не было и, въ сущности, не могло быть мѣста. Этотъ умный и даже мудрый человѣкъ, говаривалъ М. И., будучи вообще крайне осторожнымъ, давалъ этой своей осторожности иногда выливаться въ родъ хитрости звѣриной, а потому дѣйствовалъ не рѣдко съ излишнею предусмотрительностью, которая порождала то, что, по просту говоря, опредѣляется выраженіемъ—„палилъ изъ пушекъ по воробьямъ".—М. И. былъ знакомъ съ нимъ, т. е. зналъ его давно; познакомился нѣсколько больше въ то время, когда попалъ въ члены Государственнаго Совѣта, въ бытность Плеве государственнымъ секретаремъ. Но ближе онъ узналъ его,—а можетъ быть вообще они узнали другъ друга,—именно въ тотъ періодъ времени, когда В. К. Плеве, вступивъ въ должность министра, только-что успѣлъ поразить всѣхъ своей чрезвычайной энергіей, родившей изъ ряду вонъ выходившую распорядительность въ Полтавско-Харьковскомъ раіонѣ.

Между прочимъ, благодаря этой колоссальной энергіи оказалось возможнымъ тогда же, безостановочно, въ сосѣдней съ тѣмъ раіономъ мѣстности, — какъ ни въ чемъ не бывало, въ концѣ августа выполнить намѣченные раньше большіе маневры, въ которыхъ войска Московскаго военнаго округа, подъ командой своего главнокомандующаго Великаго Князя Сергія Александровича, дѣйствуя противъ ставшихъ подъ начальство воен. министра ген. Куропаткина войскъ Кіевскаго округа, должны были развернуться передъ Государемъ и показать свою боевую готовность.

Согласно Высочайшей волѣ, генералъ М. И. Драгомировъ передалъ свои войска, вмѣстѣ со своимъ искуснымъ начальникомъ штаба—генераломъ В. А. Сухомлиновымъ, военному министру въ его распоряженіе, а самъ остался лишь посредникомъ, которому предоставлено было судить о дѣйствіяхъ обѣихъ образовавшихся такимъ образомъ армій и сужденіе объ нихъ высказать по окончаніи маневровъ со всѣми замѣчаніями о недостаткахъ и достоинствахъ, коимъ суждено было проявиться, какъ въ исполнительныхъ военно-боевыхъ работахъ частей войскъ, такъ и въ распорядительности поставленныхъ надъ ними высшихъ начальниковъ и въ искусствѣ направленія ими тѣхъ частей на поляхъ.

Много утѣшительнаго пришлось тогда слышать о результатахъ

этого Высочайшаго смотра 1902 года войскъ въ боевой готовности; воспоминанія объ этомъ эпизодѣ военной жизни нашей арміи останутся навсегда такими, что основывать свои заключенія о нашей арміи приходится именно по этимъ маневрамъ, во время которыхъ славнымъ войскамъ нашимъ подъ Кургановъ были даны всѣ условія боевой обстановки.—Съ одной стороны, это былъ экзаменъ войскамъ вообще, а съ другой, обстоятельная провѣрка того, что смогъ сдѣлать съ дѣломъ обученія и воспитанія своихъ войскъ генералъ Драгомировъ за тотъ періодъ времени, когда на него, кромѣ командованія ими и повседневной заботы объ ихъ боевой подготовкѣ, были возложены обязанности административнаго управленія такимъ краемъ, каковъ Юго-западный.—Все прошло прекрасно.—М. И. рѣдко подчеркивалъ состояніе своихъ войскъ; такъ, похвалитъ ихъ въ строю или распечетъ, а на сторонѣ бывало не высказывалъ ничего; но въ этотъ разъ онъ позволилъ себѣ дать и повторить сторонній отзывъ: подобрались, подтянулись, молодцами себя показали и Царя очень порадовали, — въ добрый часъ сказать... Ну, и молодцами явились московскіе полки.

* * *

Окончивъ свой большой трудъ по изготовленію проекта введенія въ краѣ земскихъ учрежденій и отправивъ его по назначенію въ собственныя гофмейстера Д. С. Сипягина руки, чуть ли не въ день его гибели, М. И. Драгомировъ не зналъ, куда тотъ трудъ попалъ и какая участь его постигла.

Не разъ онъ заговаривалъ объ этомъ, какъ бы лишь предаваясь воспоминанію объ истекшемъ, о прошломъ; а когда ему предлагали навести справки, онъ всегда, одинаково невозмутимо, отвѣчалъ:

— Всплыветъ; когда понадобится, спросятъ; такъ не пропадетъ.

— Кто спроситъ? когда?

— Тотъ спроситъ, кому понадобится и кому до этого касательство будетъ; а когда? не все ли равно когда, имъ тамъ лучше знать...—съ полнымъ, отличавшимъ его спокойствіемъ, отвѣчалъ онъ.

Но вотъ прошли, порадовавшіе и Царя и Россію отмѣннымъ состояніемъ войскъ, маневры; М. И. Драгомировъ возвратился въ Кіевъ къ своимъ сложнымъ мирнымъ занятіямъ; оживленнымъ разговорамъ о только-что прошедшей курской эпопеѣ не было конца, спокойное настроеніе радовало всѣхъ, вездѣ все входило въ свою колею.

— Что-то Мих. Ив. какъ-будто нѣсколько безпокоенъ дѣломъ, касающимся его пресловутаго проекта,—сказалъ однажды въ компаніи

добрыхъ знакомыхъ генералъ В. А. Воиновъ,—не то, что обезпокоенъ, а занятъ имъ и часто возвращается къ разговорамъ о немъ.

— Отчего же, что произошло?

— Ничего, кажется, не произошло, а между тѣмъ, нѣтъ-нѣтъ, да заговоритъ объ этомъ, трудно разобрать съ чего и почему; такъ онъ всегда спокойно къ такимъ дѣламъ относится: непонятно, что такое вышло, рѣдко что-либо занимаетъ Михаила Ивановича въ такой степени.

— А что же правитель канцеляріи говоритъ объ этомъ?

— Въ томъ-то и дѣло, что правитель канцеляріи тревогу забилъ, не можетъ раскусить въ чемъ суть. Кабы я, говоритъ, помогалъ въ дѣлѣ составленія проекта, я и зналъ бы чего держаться и въ чемъ можетъ оказаться какая бы то ни было загвоздка; а то, вѣдь, самъ онъ отъ начала до конца, отъ первой строки до послѣдней, составилъ по-своему, самъ переписалъ, работа вышла надиво,—но что съ ней дальше произошло,—Христосъ ее вѣдаетъ...

Черезъ нѣсколько дней такого смущенія, которое заражало всѣхъ, Мих. Ив., разговорившись однажды съ тѣмъ же близкимъ ему человѣкомъ, В. А. Воиновымъ, разсказалъ ему исторію, которая его задѣла со всѣхъ сторонъ въ такой степени, что трудно было себѣ представить, какъ могъ онъ, Мих. Ив., чѣмъ-либо подобнымъ такъ озаботиться. — Дѣло выѣденнаго яица не стоитъ, — сказалъ М. И.,—а такъ оно меня охватило, что я просто самъ удивляюсь.

Министръ внутреннихъ дѣлъ, оказывается, началъ съ нимъ разговоръ именно о введеніи земства въ Юго-западномъ краѣ; съ первыхъ же словъ стало ясно, что проектъ, отосланный Д. С. Сипягину, находится у него въ рукахъ, и онъ предложилъ Михаилу Ивановичу теперь же подробно переговорить о деталяхъ того проекта; когда же получилъ заявленіе, что лучше отложить эти переговоры до болѣе удобной минуты, такъ какъ въ данный моментъ можетъ служить помѣхой необходимость занятія чисто военными соображеніями о ходѣ маневровъ, находящихся въ разгарѣ своего хода,—то сказалъ: мнѣ очень жаль, я хотѣлъ получить ваше разъясненіе лишь по двумъ-тремъ пунктамъ прекрасно, обстоятельно составленнаго и разработаннаго проекта,—свидѣтельствующаго объ особомъ знаніи всего касающагося края, о которомъ въ проектѣ идетъ рѣчь.

— Разговоръ между нами на этомъ прекратился,—разсказывалъ далѣе М. И. Драгомировъ,—я, конечно, придалъ очень мало значенія похвалѣ, которая вылетѣла изъ устъ министра; похвала меня не удивила и не обрадовала, такъ точно, какъ что-либо противоположное этому комплименту не могло меня ни поразить, ни огорчить,

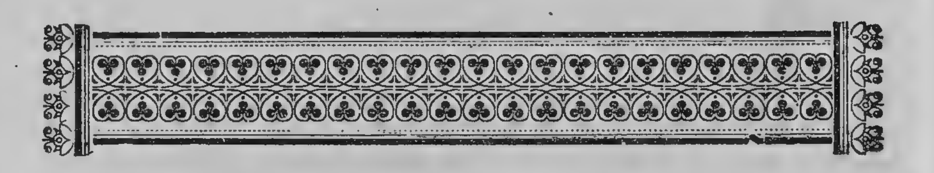
а еще менѣе того обезкуражить. Черезъ два-три дня выплыло нѣчто такое, чему я не повѣрилъ и не повѣрю, въ чемъ вижу простое лишь недоразумѣніе и что мнѣ кажется рѣшительно невѣроятнымъ по самому простому отсутствію нужды въ появленіи всего этого на свѣтъ.

Дѣло въ томъ, что одинъ изъ встрѣтившихся съ М. И. старыхъ пріятелей и товарищей по службѣ въ генеральномъ штабѣ нашелъ нужнымъ преподнесть ему, будто-бы министръ, вечеромъ въ самый день послѣдовавшаго со стороны М. И. отказа начать тотчасъ переговоры о проектѣ, мимоходомъ выразилъ крайнее удивленіе тому, какъ можетъ хорошо освѣдомленный о нуждахъ населенія и жизни Юго-западнаго края, — генералъ-губернаторъ исповѣдывать убѣжденія въ необходимости для того края земскаго самоуправленія...

— Господь съ нимъ, со всѣмъ этимъ мелкимъ эпизодомъ. Именно, повторяю, — говорилъ М. И.—дѣло не стоитъ выѣденнаго яица, но съ какой-то стороны слышится въ немъ та пустая ложь, которая крайне непріятно поражаетъ.—За этимъ министромъ никогда этого не было; товарищъ видно подрадѣлъ...

А. Е. К.

(Продолженіе слѣдуетъ).



Въ поискахъ „палаты“.

(Эпизодъ изъ исторіи Сената).

Трудно, кажется, представить себѣ, чтобы какая-нибудь канцелярія могла даже въ теченіе небольшого промежутка времени остаться безъ помѣщенія! А между тѣмъ именно такой казусъ произошелъ въ Москвѣ въ 1724 году съ одной изъ канцелярій, существовавшихъ при Сенатѣ—такъ называемою рекетмейстерскою конторою. Учрежденіе это, съ рекетмейстеромъ [1]) во главѣ, было вызвано къ жизни волею Петра Великаго въ интересахъ надзора за законностью управленія: рекетмейстеръ долженъ былъ принимать и разбирать подаваемыя ему челобитныя съ жалобами на коллегіи въ случаяхъ волокиты или неправильнаго рѣшенія дѣлъ Первымъ рекетмейстеромъ назначенъ былъ въ 1722 году „изъ полковниковъ“ В. К. Павловъ, человѣкъ твердаго характера. Положеніе новаго должностного лица было не изъ легкихъ: порой ему приходилось докладывать Сенату по такимъ дѣламъ, въ которыхъ замѣшаны были „сильные міра“ той эпохи: настойчивость Павлова въ проведеніи подобныхъ дѣлъ, понятно, возбудила ненависть къ нему многихъ вельможъ; онъ сталъ, какъ говорится, бѣльмомъ на глазу для тѣхъ сенаторовъ, которые съ сенаторскимъ званіемъ совмѣщали еще и должности президентовъ въ коллегіяхъ.

Но особенно враждебно сталъ относиться къ нему генералъ-прокуроръ Сената, знаменитый сотрудникъ Великаго Преобразователя—Павелъ Ивановичъ Ягужинскій. По своей должности рекетмейстеру постоянно приходилось соприкасаться съ генералъ-прокуроромъ, и по поводу дѣлъ, вносимыхъ рекетмейстеромъ на раз-

---

[1]) отъ франц. la requête—прошеніе, челобитная.

смотрѣніе Сената, у него съ Ягужинскимъ часто происходили столкновенія въ Сенатѣ.

Для освѣщенія этихъ отношеній, а также нравовъ высшей бюрократіи петровской эпохи характеренъ тотъ эпизодъ, о которомъ сейчасъ пойдетъ рѣчь. Помѣщаемыя ниже данныя извлечены изъ дошедшаго до насъ и хранящагося въ Московскомъ Архивѣ Мин. Юстиціи отрывка дневника В. К. Павлова [1]).

На 7 мая 1724 года назначено было коронованіе въ Москвѣ императрицы Екатерины Алексѣевны; и еще въ февралѣ этого года Сенатъ сталъ собираться къ переѣзду изъ С.-Петербурга въ древнюю столицу. Вмѣстѣ съ сенаторами готовились къ отъѣзду въ Бѣлокаменную и состоявшія при Сенатѣ должностныя лица, въ томъ числѣ и рекетмейстеръ. Надо замѣтить, что въ первые годы послѣ учрежденія рекетмейстерской конторы она помѣщалась въ Москвѣ, и лишь въ мартѣ 1723 года была переведена въ С.-Петербургъ. 23 февраля 1724 года генералъ-рекетмейстеръ „съ дѣлами и служители“, какъ сказано въ дневникѣ Павлова [2]), выѣхалъ въ Москву. Пріѣхавъ туда, онъ нашелъ прежнее помѣщеніе рекетмейстерской конторы занятымъ, о чемъ свидѣтельствуетъ слѣдующая отмѣтка въ дневникѣ рекетмейстера за 7 марта: „генералъ-рекетмейстерскіе служители съ дѣлами прибыли въ Москву, и оныя дѣла поставлены въ Сенатѣ въ передней палатѣ подъ сенатскій караулъ для того, что въ которыхъ палатахъ въ 722 и 723 годѣхъ до поѣздки въ С.-Петербургъ генералъ-рекетмейстеръ съ дѣлами и служители сидѣлъ, оныя заняты оставшему сенатскому члену“ [3]).

И съ этого времени начались для рекетмейстера хлопоты, можно сказать, мытарства, по полученію для себя „палатъ“ для своей канцеляріи. Не скоро онъ добился своей цѣли: болѣе мѣсяца—до 15 апрѣля—цѣлая контора съ отдѣльнымъ штатомъ служащихъ, исполнявшая важную функцію при Сенатѣ, оставалась безъ помѣщенія!

Прежде всего рекетмейстеръ Павловъ сталъ хлопотать о томъ,

---

[1]) Отрывокъ этотъ былъ найденъ въ Архивѣ Мин. Юстиціи еще въ 70 годахъ прошлаго вѣка покойнымъ С. А. Петровскимъ при собираніи имъ матеріаловъ по исторіи Сената въ царствованіе Петра В., но до сихъ поръ этотъ источникъ еще не былъ использованъ.

[2]) Архивъ Мин. Юст., кн. 54/8155, л. 168 об.

[3]) т. е. князю Дмитрію Михайловичу Голицыну, завѣдывавшему въ это время сенатскою конторою, которая была учреждена въ Москвѣ съ переѣздомъ Сената въ Петербургъ.

чтобы ему опять отдали прежнее помѣщеніе. 10 марта „генералъ-рекетмейстеръ при собраніи въ Сенатѣ Правительствующаго Сената и генерала прокурора докладывалъ, дабы приказали палату, въ которой онъ напредъ сего съ рекетмейстерскими дѣлами сидѣлъ, очистить, и генералъ-прокуроръ сказалъ, что та палата ему самому надобна, и чтобъ онъ искалъ себѣ иную палату; и на оное онъ, генералъ-рекетмейстеръ, сказалъ, что, кромѣ той палаты, сидѣть ему негдѣ, на что генералъ-прокуроръ ему сказалъ: „мы де для тебя иной не складемъ". (Дневникъ Павлова, л. 168 об.).

На другой день, 11 марта, рекетмейстеръ опять обращается къ Сенату, но снова терпитъ неудачу: „Правит. Сената генералъ-рекетмейстеръ о опредѣленіи съ дѣлами и служители палаты докладывалъ, и Правительствующій Сенатъ ничего ему не сказали". (idem, 169).

13 марта въ Сенатѣ какъ будто начали шевелиться: „Правит. Сенату генералъ-рекетмейстеръ о дачѣ ему съ дѣлами и служители палаты подалъ доношеніе, и по тому доношенію Правит. Сенатъ приказали въ камеръ-коллегію и московскому вице-губернатору Воейкову объ отдачѣ ему, генералу-рекетмейстеру, подъ контору изъ дворцовыхъ палатъ послать указы" (idem, 169).

16 марта записано: „генералъ-рекетмейстеръ ходилъ въ камеръ-коллегію и объ отводѣ ему палаты президенту говорилъ, при чемъ той коллегіи прокуроръ Воейковъ на генерала-рекетмейстера кричалъ и выслалъ вонъ нечестно, и на все вышеписанное президентъ ему, генералу-рекетмейстеру, резолюціи не учинилъ" (idem, 169 об.).

Несмотря на такой не особенно любезный пріемъ, Павловъ 18 марта опять идетъ въ камеръ-коллегію: „генералъ-рекетмейстеръ объ отводѣ ему палаты ходилъ въ камеръ-коллегію, и при немъ о сыску палатъ послали изъ той коллегіи во дворецъ, чего ради онъ, генералъ-рекетмейстеръ, ходилъ во дворцовую канцелярію, въ которой судьи ему сказали, что палатъ у нихъ никакихъ нѣтъ, о чемъ де отъ нихъ отвѣтствованіе будетъ въ камеръ-коллегію". (idem, 169 об.).

На другой день, 19 марта, Павловъ докладываетъ о своемъ дѣлѣ генералу-прокурору, но получаетъ отъ него характерный отвѣтъ: „рекетмейстеръ его превосходительства генерала-прокурора о опредѣленіи палатъ докладывалъ, на что онъ, генералъ-прокуроръ, ему сказалъ, что де у него съ нимъ, генераломъ-рекетмейстеромъ, недружба, за которою говорить и мириться и дружбы съ нимъ водить не хочетъ до тѣхъ мѣстъ, пока Его Императорское Величество его, генерала-прокурора, отъ него оборонитъ" (дневникъ, 169 об.).

Черезъ нѣсколько дней—23 марта, рекетмейстеръ снова обращается къ Сенату, но все безуспѣшно: Въ собраніи были сенаторы Ѳедоръ Матвѣевичъ [1]), Гаврило Ивановичъ [2]), Иванъ Алексѣевичъ [3]), князь Дмитрій Михайловичъ, князь Василій Лукичъ [4]) и тому собранію генералъ-рекетмейстеръ о опредѣленіи ему канцеляріи докладывалъ, и на оное Ѳедоръ Матвѣевичъ говорилъ, чтобъ занятую рекетмейстерскихъ дѣлъ контору оставшему члену очистить, понеже де тѣ оставшаго члена дѣла будутъ отправляться съ сенатскими дѣлами обще, на что и оставшій членъ, князь Дмитрій Михайловичъ сказалъ, что онъ тое контору очиститъ, но при томъ же князь Василій Лукичъ сказалъ: о тѣхъ де палатахъ говорилъ генералъ-прокуроръ, что надобны ему, и затѣмъ резолюціи никакой не учинено". (Дневникъ Павлова, 170 л.).

Въ тотъ же день рекетмейстеръ говорилъ оберъ-секретарю Сената Маслову, чтобы онъ доложилъ Сенату о помѣщеніи для рекетмейстерской конторы по доношеніямъ изъ камеръ-коллегіи и отъ бригадира Воейкова, но онъ въ тотъ день не докладывалъ. Въ послѣднихъ числахъ марта все еще продолжалась волокита по вопросу о помѣщеніи для рекетмейстерской конторы. 27 марта записано: „Въ собраніи были сенаторы: Ѳедоръ Матвѣевичъ, князь Дмитрій Михайловичъ, и тому собранію онъ, генералъ-рекетмейстеръ, докладывалъ и просилъ о опредѣленіи ему съ дѣлами конторы, на что князь Дмитрій Михайловичъ сказалъ, что контору, въ которой онъ сидѣлъ, очиститъ. А Ѳедоръ Матвѣевичъ сказалъ, что той конторы отдать ему не можно, понеже оное отправленіе состоитъ въ дирекціи генералъ-прокурора".

Запись на 28 марта гласитъ: „генерала-прокурора генералъ-рекетмейстеръ о томъ, что Ѳедоръ Матвѣевичъ о конторѣ, которая занята оставшему члену, сказывалъ, что оное отправленіе въ дирекціи его, генерала-прокурора, докладывалъ и на оное генералъ-прокуроръ резолюціи никакой не показалъ".

30 марта: „Правит. Сената генералъ-рекетмейстеръ о опредѣленіи подъ контору себѣ палатъ докладывалъ и предъявлялъ, что уже многое время безъ дѣлъ, и Правит. Сенатъ сказали, что то опредѣленіе не ихъ дѣло, но генерала-прокурора; въ собраніи были сенаторы: Ѳедоръ Матвѣевичъ, Петръ Андреевичъ [5]), князь Василій Лукичъ; потомъ они жъ слушали доношенія, поданнаго отъ вице-

---

[1]) Генералъ-адмиралъ Ѳ. М. Апраксинъ.

[2]) Графъ Г. И. Головкинъ.

[3]) Графъ Иванъ Алексѣевичъ Мусинъ-Пушкинъ.

[4]) Князь В. А. Долгоруковъ.

[5]) Петръ Андреевичъ Толстой, пращуръ гр. Л. Н. Толстого.

губернатора Воейкова, въ которомъ онъ отвѣтствовалъ о палатахъ на рекетмейстерскую контору, что у него по указу изъ военной коллегіи починено во дворѣ только восемь палатъ, которыя на запасныхъ конюшняхъ вверху противъ Троицкихъ воротъ, и, слушавъ, разсуждали, что генералу-рекетмейстеру въ тѣхъ палатахъ за дальностью отъ Сената сидѣть невозможно".

По случаю наступившей вскорѣ Пасхи[1]) дѣло о помѣщеніи для рекетмейстерской конторы еще болѣе затянулось. Едва только пасхальная недѣля прошла, какъ рекетмейстеръ опять возбуждаетъ въ Сенатѣ все тотъ же наболѣвшій для него вопросъ: 13 апрѣля въ собраніи были сенаторы Ѳедоръ Матвѣевичъ, Гаврило Ивановичъ, князь Дмитрій Михайловичъ, князь Василій Лукичъ, и тому собранію генералъ-рекетмейстеръ докладывалъ о опредѣленіи себѣ конторы и объявлялъ, что въ дѣла онъ и по нынѣ еще не вступалъ, и Ѳедоръ Матвѣевичъ сказалъ, что то дѣло не ихъ, но генерала-прокурора, а Гаврило Ивановичъ сказалъ, что надобно имъ еще, призвавъ вице-губернатора Воейкова, и у него спрашивать палатъ, на что онъ, генералъ-рекетмейстеръ, имъ объявилъ, что о томъ доношеніе отъ вице-губернатора подано". (Дневн. Павлова, 172 об. и 173).

Черезъ два дня послѣ этого засѣданія, 15 апрѣля, вышло, наконецъ, давно ожидавшееся рѣшеніе Сената, и помѣщеніе для конторы было отведено: „генералу-рекетмейстеру оберъ-секретарь Масловъ въ Сенатѣ объявилъ приказомъ Правит. Сената, дабы ему съ рекетмейстерскими дѣлами сидѣть во дворцѣ вверху у Спаса, гдѣ была ревизіонъ-контора, и по оному приказу того же числа изъ-подъ сенатскаго караулу въ означенную отведенную палату рекетмейстерскія дѣла перенесены". (Дневникъ Павлова, 173 л.). Вы думаете, что съ отведеніемъ помѣщенія для конторы всѣ мытарства рекетмейстера прекратились? Вовсе нѣтъ. Въ дневникѣ Павлова находимъ еще нѣсколько записей, свидѣтельствующихъ о томъ, что онъ все еще не успокоился въ занятой имъ „палатѣ". Рекетмейстеръ обращается къ Сенату съ новымъ ходатайствомъ. Дѣло въ томъ, что отведенная для него контора слишкомъ далеко отстояла отъ села Покровскаго, гдѣ въ это время засѣдалъ Сенатъ; между тѣмъ рекетмейстеру часто приходилось докладывать Сенату по дѣламъ своихъ кліентовъ, и вотъ 20 апрѣля онъ проситъ Сенатъ отвести ему въ Покровскомъ помѣщеніе для подготовки докладовъ: „генералъ-рекетмейстеръ по утру и по полудни былъ въ Покровскомъ въ Сенатѣ, и о томъ, чтобы опредѣлена была ему въ Покровскомъ при Сенатѣ контора, генерала-прокурора докладывалъ,

---

[1]) Пасха въ 1724 году была 5 апрѣля.

на что онъ ему сказалъ, что де можно и безъ конторы по дѣламъ докладывать для того, что де надѣемся тутъ немного быть". (Дневн. Павлова, 173 об.).

Получивъ такой отвѣтъ, Павловъ все-таки не унимается и опять обращается съ тѣмъ же ходатайствомъ то къ Сенату, то къ генералъ-прокурору, но слышитъ лишь насмѣшки: 23 апрѣля „Правит. Сената генералъ-рекетмейстеръ докладывалъ, дабы ему съ рекетмейстерскими дѣлами перейти въ Покровское, и Правит. Сенатъ о томъ всѣ умолчали, только генералъ-фельдмаршалъ, свѣтлѣйшій князь [1]) сказалъ генералу-рекетмейстеру, дабы ему въ Покровскомъ перейти въ хоромы, которыя у воротъ, а въ тѣхъ хоромахъ живутъ богадѣленные нищіе, а генералъ-прокуроръ сказалъ: мы де для тебя хоромъ дѣлать не станемъ". А помѣщеніе для конторы тутъ же подъ руками, да никакъ нельзя было получить его безъ согласія всесильнаго Ягужинскаго: и близокъ локоть, да не укусишь.

24 апрѣля „генерала-прокурора генералъ-рекетмейстеръ докладывалъ о дачѣ ему въ Покровскомъ конторы для того, что въ Покровскомъ въ хоромахъ, гдѣ Сенатъ, есть порозжія свѣтлицы, въ которыхъ только подьяческія постели лежатъ, на что генералъ-прокуроръ сказалъ: „садись де какъ хошь; и того ради онъ, генералъ-рекетмейстеръ, говорилъ оберъ-секретарю Маслову, дабы онъ ему изъ порозжихъ свѣтлицу очистилъ, и оберъ-секретарь сказалъ, что онъ того безъ вѣдома Правит. Сената сдѣлать не можетъ". (Дневн. Павлова, 174 л.).

Получивъ отказъ относительно перевода конторы въ Покровское, Павловъ все еще мечталъ возвратить для себя прежнее помѣщеніе рекетмейстерской конторы: 18 мая, когда затихли коронаціонныя торжества, „Правит. Сената генералъ-рекетмейстеръ докладывалъ о опредѣленіи себѣ съ дѣлами прежней конторы и объявлялъ, что ему вверхъ за золотую рѣшетку ходить трудно, и на оное Ѳедоръ Матвѣевичъ сказалъ, что оное отправленіе состоитъ въ дирекціи генерала-прокурора". (Дневникъ Павлова, л. 177).

Больше уже не встрѣчается въ дневникѣ В. К. Павлова записей о помѣщеніи для рекетмейстерской конторы.

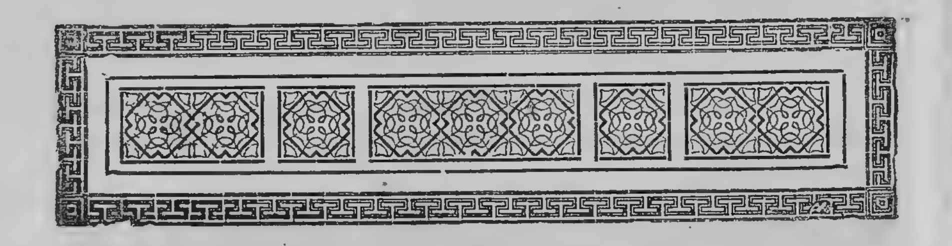
16 іюня 1724 года рекетмейстеръ Павловъ выѣхалъ изъ Москвы въ С.-Петербургъ [2]).

М. С. Померанцевъ.

---

[1]) Свѣтлѣйшій князь А. Д. Меншиковъ.

[2]) Недолго послѣ того В. К. Павловъ оставался въ должности рекетмейстера: въ слѣдующемъ 1725 году, лишь только смежились навсегда очи Великаго Петра, какъ „безпокойнаго" рекетмейстера постарались уволить въ отставку.



Сто лѣтъ назадъ.

Письма И. П. Оденталя къ А. Я. Булгакову о петербургскихъ новостяхъ и слухахъ [1]).

29.

Апрѣля 1. 1813.

Новостей никакихъ не знаю, кромѣ газетныхъ. Здѣсь прилагаю любопытнѣйшимъ статьямъ копію [2]) изъ берлинскихъ. Такъ какъ прокламаціи скорѣй можно списывать, нежели переводить, то для нихъ и прочія извѣстія сообщаю на нѣмецкомъ языкѣ, что впрочемъ для Васъ все одно, а для меня въ моемъ положеніи и при моихъ занятіяхъ легче, ибо путаюсь въ языкахъ, коль скоро разными долженъ въ одно время самъ писать. У меня на сихъ дняхъ прибавилось еще работы. Я договорился переводить съ издателемъ „Инвалида“ новости изъ иностранныхъ газетъ. Завтра въ первый разъ появятся мои статьи. Таковое занятіе не оторветъ меня однако жъ отъ переписки съ Вами. Я напротивъ того буду имѣть нужду въ Васъ, и просить о доставленіи мнѣ извѣстій московскихъ. На столицу сію обращено теперь вниманіе цѣлаго свѣта. Кто лучше Васъ можетъ изображать мнѣ чародѣйственное воскресеніе изъ пепла!

Пожалуйте не откажитесь въ досужее время въ короткихъ строкахъ давать мнѣ понятіе о быстромъ и безпримѣрномъ изглаженіи слѣдовъ разоренія ея.

---

[1]) См. „Русская Старина“, мартъ 1913 г.

[2]) Копіи при письмѣ не оказалось.

30.

Апрѣля 4. 1813.

Меня — просидѣвшаго насквозь всю ночь за переводами манифеста Лудовика XVIII, Смоленскаго деклараціи, геройскихъ нашихъ прокламацій и свѣжихъ новостей для нашего „Инвалида"— колышетъ лихорадка.

Завтра выйдетъ мой первый полный № „Инвалида". Cela s'entend que Vous devez en recevoir un exemplaire honoraire. Съ будущаго вторника будете его встрѣчать вмѣстѣ съ Консерваторомъ. Посмотрите, достоинъ ли онъ рекомендаціи вашей. Въ томъ совершенно на Васъ полагаюсь. Теперь пахнетъ еще онъ моею болѣзнію, но когда расшевелюсь, то, право, употреблю всѣ усилія угодить русской публикѣ, не читающей иностранныхъ газетъ или писанныхъ по крайней мѣрѣ на чужомъ языкѣ.—Опять замололся о себѣ. Перестану, право перестану.—Вотъ Вамъ отъ одного друга моего любопытное письмецо [1]). Прочтя, возвратите.

Противъ газетныхъ извѣстій лишняго не знаю. Довольно и ихъ. Que pensez Vous de la déclaration de Louis XVIII? Ну! ежели французы и теперь не удушатъ изверга, такъ они всѣ изверги! По Сенькѣ шапка. Aber man musz sie dann ausrotten, es koste noch so viel Blut, als es schon gekostet hat. Vous voyez, que je m'enporte. Tant mieux! И я русскую нагайку хочу взять въ руки. Посмотрю, какъ-то цензора газетнаго гражданскій будетъ цензировать.

31.

Апрѣля 8. 1813.

Христосъ Воскресе! Милый Александръ Яковлевичъ. Вотъ Вамъ вмѣсто яйца сочиненіе г-жи Сталь, а кстати пусть прихвостничаетъ и мой 14-й № „Инвалида".

Я еще не отрытъ совсѣмъ, какъ пруссаки въ засыпанномъ подземельѣ. Lesen sie, was Kotzebue darüber geschrieben hat? Одинъ токмо листокъ получилъ почтдиректоръ изъ Кенигсберга. Что успѣлъ лучшаго изъ него выхватилъ дрожащею рукою для нашего журнала, то при семъ посылаю. Переводъ увидите въ будущемъ №.

---

[1]) Письма не оказалось.

Поздравляю съ новыми успѣхами нашего оружія, которые найдете возвѣщенными въ Консерватерѣ.

Говорили за нѣсколько дней, что австрійскій императоръ желалъ съ нашимъ Государемъ видѣться, и дѣло остановилось токмо за назначеніемъ мѣста, но теперь новые слухи, совсѣмъ противные. По частнымъ письмамъ изъ Пруссіи наша гл. квартира тронулась изъ Калиша въ Дрезденъ. Думаютъ, что Государь изволитъ въ семъ городѣ пробыть Святую недѣлю, а тамъ съ арміею опять двинется впередъ.

32.

Апрѣля 12. 1813.

Хочу по тяжелой скорѣй доставить любезнѣйшему Александру Яковлевичу извѣстіе о побѣдѣ надъ вице-королемъ. Оно напечатано въ моей газетѣ, которую прилагаю. Сей номеръ составлялъ вчерась въ пароксизмахъ, держалъ ночью корректуру, въ нихъ же, испытывалъ тьму шиканствъ въ нихъ же, не могу вытащиться объясниться съ министромъ просвѣщенія за ними же, сѣлъ на праздники безъ копѣйки отъ нихъ же: ибо ни къ кому не успѣлъ кинуться перехватить сколько-нибудь на кровныя нужды или сходить въ ломбардъ заложить какую-нибудь вещь. Дано цензурѣ (гражд.) предложеніе министромъ просвѣщенія, чтобъ прежде „Сына Отечества“ не выпускать новостей въ „Инвалидѣ“. Только-что я присталъ къ издателю онаго, такъ и гоненія мерзкихъ людей начались. Имъ хочется, чтобъ я издохъ съ голоду. Это все мартинисты, которымъ я давно не нравлюсь.

Теперь-то болѣе и надѣюсь на праведное Провидѣніе, что оно меня хоть для отмщенія адскимъ крамольникамъ поставитъ на ноги. Имѣю сію слабость, что считаю себя орудіемъ Его для блага Россіи. Но я брежу—Вамъ непріятно будетъ читать возмущенія моихъ чувствъ. Прервемъ и обратимся къ другому.

Знаете ли, что Хитровъ уже здѣсь? Ну! ужъ сыплетъ же онъ о Сперанскомъ и Магницкомъ, которые его невинно обнесли. Теперь я не въ состояніи всего Вамъ передать. До другого случая отлагаю. Онъ формируетъ гусарскій полкъ и съ нимъ отправится въ Германію.

Въ Вильнѣ смирнѣе стали поляки. 1-го апрѣля разстрѣляли тамъ двухъ мужиковъ, зарѣзавшихъ гвардейца. Это сдѣлало сильное впечатлѣніе на дикіе замыслы.

Увѣряютъ, что къ Государю писалъ Бонапарте предпочтительно мирное предложеніе чрезъ Коленкура. Отвѣтъ былъ на словахъ

послу: „На Рейнѣ вступимъ въ переговоры съ франц. правительствомъ“. Не ручаюсь за достовѣрность, но слышанное токмо передаю моему безцѣнному Александру Яковлевичу.

33.

Апрѣля 15. 1813 г.

Alles, alles hat der immerleidende Odenthal erhalten. И посланіе, а карикатуры и приложенія. За первыя благодарю, а о послѣднихъ доношу, что они всѣ тотчасъ разосланы по своимъ мѣстамъ. Долженъ—дабы въ продолженіе письма не забыть съ худою памятью—тотчасъ сказать, что вмѣсто 8-ми только 7 штукъ карикатуръ, и недостаетъ французской артиллеріи одного экземпляра. Надѣюсь, что пополненіе послѣдуетъ. Карикатуры очень хороши, потому что никакихъ толкованій дѣлать на нихъ не должно. Взглянешь и живо видишь состояніе непобѣдимой арміи во время ея правильнаго отступленія. И здѣсь теперь вышли прекрасныя въ англинскомъ вкусѣ, слѣдовательно, для простого нашего народа не такъ-то вразумительны. Я бы выслалъ Вамъ ихъ вмѣсто требуемаго экземпляра „Инвалида“, но у Васъ уже есть имъ поставщикъ.—Объ Ambigu прилагаю единомысленный отвѣтъ.—Не хотите ли, чтобъ я вмѣсто него взялъ на Вашу долю Russisch-deutsches Volksblatt von Kotzebue и Вамъ его доставлялъ?

Образчикъ ему Вы уже имѣете. Но я въ усердіи моемъ все Вамъ предлагаю, а тѣмъ, можетъ быть, и надоѣдаю. Это дѣлаю однако жъ потому, что какъ я ни тупъ, однако жъ знаю Вашъ вкусъ къ остротамъ: тутъ найдете ихъ столько, что некуда будетъ и плюнуть не на остроту.

Этимъ ужъ себя не компрометтируетъ Коцебу: ибо онъ весь взмѣшанъ остротами (Je ne sais si j'ai bien rendu dans mes accès de fievre le mot pétri). Не находите только ошибокъ грубыхъ съ 14-го № включительно въ „Инвалидѣ“, а то считаю на Ваше снисхожденіе въ моихъ конфузныхъ посланіяхъ, коихъ не имѣю времени писать иначе, какъ предаваясь во власть моихъ чувствованій. Минуты сіи, гдѣ я для утѣшенія себя бесѣдую съ Вами, да не отравятся Коцебувскими остротами!

Вы говѣли, когда пустили ко мнѣ посланіе 7-го апрѣля. Вѣрно не сдали того грѣха попу, который въ немъ, можетъ быть, неумышленно со мною сотворили. Не понявъ меня (да меня и понять трудно), Вы сочли меня компрометтированнымъ въ „Инвалидѣ“. Я присталъ только 1-го апрѣля къ издателю его, слѣдова-

тельно ни въ худомъ, ни въ хорошемъ смыслѣ не могъ еще себя ни предъ Вами, ни предъ графомъ компрометтировать.—На что жъ мнѣ Васъ подписывать на мой журналъ: Вы его будете получать отъ меня приношеніемъ. Деньги же за подписку и назначаемыя инвалидамъ слѣдуютъ не мнѣ. Прикажите: такъ я отдамъ остальныя Ваши, у меня хранящіяся въ пользу увѣчныхъ защитниковъ отечества, и имя Ваше выставится въ числѣ благотворителей.—Журналъ сей взялся я поставить на ноги (и какъ бы тамъ ни говорили остряки или отъ невоздержанности или по какимъ-нибудь личнымъ видамъ)—я его поставлю, лишь бы только не лопнулъ совсѣмъ. Какъ у насъ, къ несчастью, до сихъ поръ ничего безъ покровительства не успѣваешь, то и его найду въ тѣхъ, которые еще вовсе не сдѣлались безсовѣстными. Да я же буду сообщать извѣстія съ пылу: неужели и это не заохотитъ подписчиковъ? Не вся же Россія узнаетъ, что я составляю газету сію, не всѣ же меня въ ней ненавидятъ, потому что я не имѣю русскаго прозвища. Не всѣ же въ ней мартинисты! Не всѣмъ же я бѣльмо на глазу—я несчастный человѣкъ, защищающійся до послѣдней невозможности противъ скаредныхъ нападковъ. Меня кидаетъ въ потъ! Мнѣ нужно успокоиться, а я еще больше себя тревожу, объясняясь съ Вами—и кто знаетъ, на какой конецъ? Пошелъ прямо—расшибу лобъ—нѣтъ нужды! Это ужъ будетъ опредѣленная участь. Лучше отъ ошибу прекратить жизнь, нежели отъ мучительнаго голода. Побудьте-ка часочекъ на моемъ мѣстѣ, любезнѣйшій Ал. Як., посмотрѣлъ бы я, что бы Вы заговорили? Но этого съ Вами, надѣюсь и утѣшаюсь, никогда не случится. Наслаждайтесь самою блаженною участію, но не обижайте безъ всякой причины несчастныхъ. On les respecte.

Тфу, батюшки! что со мною дѣлается? Почти впадаю въ обморокъ.—Почта отходитъ. Хочу Вамъ сообщить какія-нибудь новости. Сегодня молебствіе въ Казанскомъ соборѣ въ присутствіи Императрицъ за Дрезденъ, Гамбургъ, Любекъ, Люксбургъ, Ченстоховъ. Австрійцы дали слово остаться нейтральными. Государь изволитъ писать, что онъ очень доволенъ Имп. Францомъ. Реляція о побѣдѣ надъ вице-королемъ получена оффиціальная.

Обнимаю Васъ. Вашъ Консерватеръ.

34.

Апрѣля 23.

Отправлюсь въ армію къ гр. Витгенштейну. Тамъ или прекращу съ честію бѣдственное мое существованіе, или съ славою и поправленнымъ здоровьемъ возвращусь къ моему семейству. Здѣсь

мнѣ, послѣ всего встрѣтившагося, никакъ оставаться не можно. Я долженъ искать разсѣянія въ бранномъ полѣ противъ изверга Наполеона, иначе я чувствую, что я совсѣмъ помѣшаюсь, ибо и теперь стою съ разслабленными нервами на точкѣ сумасшествія. Всего Вамъ описать теперь некогда и не въ состояніи.

Вѣрьте токмо, что мнѣ дѣлать ничего другого не остается. Это еще одно средство спасти себя, ежели спасти еще себя не опоздалъ. Вотъ, при семъ случаѣ, какая до Васъ предварительная просьба (ибо еще нѣсколько разъ писать къ Вамъ буду). Дѣлайте однако жъ по движенію Вашего сердца, и по тому внутреннему убѣжденію, которымъ я могу токмо покушаться на настоящую просьбу. Трощинскому, графу Ѳ. В., Архарову Ив. Петр. и Вамъ поручаю въ случаѣ смерти моей милыхъ дѣтей моихъ. Когда Вы ихъ увидите, то сами удостовѣритесь, что они достойны всякаго со стороны Вашей благодѣянія. Не дѣлайте однако жъ ничего изъ милости, а по тому убѣжденію (еще повторяю), стоитъ ли того отецъ ихъ и стоятъ ли того и дѣти?—Засимъ не столь важная докука. Я родился въ Москвѣ у Менщиковой башни, въ домѣ Андреяна Ивановича Татаринова. Пошлите туда хоть къ воротамъ взять чистой земли, попросите почтенную супругу Вашу, чтобъ она сшила ладонку, а графа, чтобъ онъ въ нее насыпалъ землю, зашейте ладонку, пошлите ее освятить къ Михаилу Архангелу (что называется Менщиковою башнею) и доставьте мнѣ то, съ чѣмъ хочу положенъ быть въ землю. Мысль сія подана мнѣ письмомъ казака къ Платову, въ „Сынѣ Отечества“ помѣщенномъ: она меня утѣшаетъ и еще больше утѣшитъ въ послѣднюю минуту, когда схвачу ее руками на чужой сторонѣ. Въ Майнцѣ родился отецъ мой, умеръ въ Москвѣ. Кто вѣдаетъ? Можетъ быть, мнѣ приведется умереть на его родинѣ, такъ какъ онъ на моей кончилъ жизнь. Мы поквитаемся; но я буду имѣть то преимущество, что умру съ землею московскою. Пожалуйте! не откажите мнѣ въ сей просьбѣ и выполните ее въ точности. При томъ прошу графа, чтобъ онъ чрезъ Васъ выслалъ дѣтямъ моимъ портретъ свой! Я оставляю къ нему надпись.—Матеріалы, которые Вы мнѣ обѣщали о Москвѣ, вышлите; да прошу и впредь редактора онаго имѣть въ своемъ попеченіи. Онъ дѣтина добрый! Узнавши на то Вашу волю, дамъ Вамъ знать, чрезъ кого Вы можете по временамъ и ему дѣлать пособіе Вашими свѣдѣніями. Я, ежели Богъ допуститъ, буду его поддерживать извѣстіями изъ арміи, Васъ же предпочтительно съ прочими моими благотворителями и друзьями не оставлю безъ оныхъ.—Лишь бы только нѣсколько подкрѣпиться и разсѣять убивающія меня мысли, то перо мое пойдетъ пороть, какъ за десять лѣтъ отчесывалъ до

женитьбы. Мой „Инвалидъ“, инвалидомъ, собирающимся на службу, составляемый, печатается и едва выйдетъ черезъ 3 часа. Онъ важнѣе извѣстій противу письма Гласки [1]), у сего посылаемаго, не заключаетъ. Виноватъ! лишнее то, что датчане уже дали намъ 10 т. вспомогательнаго войска. Но и это Вы могли уже видѣть изъ высланнаго къ Вамъ копенгагенскаго письма отъ 2-го апрѣля. Я хочу ѣхать до Гамбурга на кораблѣ. Тѣмъ, можетъ быть, первоначально поправлю и здоровье мое. Распоряженія къ отъѣзду и раздѣлка съ должностью и прочими обязательствами займутъ меня еще добрый мѣсяцъ.

35.

Апрѣля 25. 1813.

Какъ преданнѣйшій Вамъ слуга, послалъ я тотчасъ по полученіи приложеній отъ 17 текущаго, къ кому они слѣдовали, съ двумя почтальонами. Съ благодарностью возвращаю у сего 3 № momus. Le redacteur y a tiré tout le parti possible du jeu des mots sans le tirer par les cheveux. Мнѣ такое чтеніе было лѣкарствомъ, ибо всѣ заключающіяся въ немъ остроты не упадали на меня, какъ иронія веселаго моего Александра Яковлевича въ его краткомъ посланіи. Пожалуй, забавляйтесь, давая мнѣ никогда не входившіе въ мою слабую башку замыслы. Когда подкрѣплю мои нервы, то и голова придетъ въ свою тарелку. А все то, что Вы въ меня пускаете, ни въ больномъ, ни въ здоровомъ положеніи попадать въ цѣль не будетъ. Хоть это и сахарный горохъ, но онъ также, какъ и простой, будетъ отскакивать отъ стѣны. На Васъ самихъ ссылаюсь: заслужилъ ли я такія нападки? Впрочемъ, всякъ видитъ вещи и людей съ своей стороны. Я могу только Васъ увѣрить, что я Васъ признавалъ всегда умницею, въ продолженіе нашей переписки получалъ съ каждою Вашею грамоткою новыя тому доказательства, научился почитать Васъ въ томъ, въ чемъ Вы всякое уваженіе заслуживаете, и хотя-бъ Вы меня безъ всякой причины разлюбили, я однакожъ до смерти любить Васъ не перестану, хотя-бъ Вы на меня наплевали. Хотя-бъ Вы вмѣсто земли прислали мнѣ позему съ московскихъ улицъ или въ сердечныхъ моихъ требованіяхъ послѣдняго моего письма вовсе отказали. Словомъ, дѣлайте, что хотите, je resterai fidèle aux sentimens d'affection, que je vous avais voués jusqu'au tombeau! Я теперь занятъ совершенно достиженіемъ моей цѣли. Движеніемъ, благорастворен-

[1]) Письма Гласки при этомъ письмѣ не оказалось.

нѣйшимъ климатомъ, разсѣянностію среди военнаго шума хочу или поправить мое здоровье, или скорѣе кончить мучительное, ужасное мое существованіе, жесточайшею ипохондріею отягченное и отъ сидячей жизни приходящее каждый день еще въ худшее состояніе. Не забудьте при томъ и стеченіе всѣхъ лютѣйшихъ для меня обстоятельствъ. Много мнѣ хлопотъ, и тѣмъ болѣе, что почти долженъ при слабой памяти всякую вещь нотировать на бумагѣ. Въ мысляхъ моихъ отъ истощенія силъ среди безпрерывной работы нѣтъ никакой связи. Боюсь, кромѣ переводовъ, чѣмъ-нибудь заниматься, ибо самъ себѣ ни въ чемъ не довѣряю, такъ ли все дѣлаю безъ посторонняго руководства. Я, какъ видите, не ослѣпленъ. Все очень чувствую и тѣмъ болѣе мучаюсь. На Бога одного надежда! Попаду на корабль, такъ почувствую, можетъ быть, подкрѣпленіе съ той же минуты, или лопну. J'ai tout écris aujourd'hui pour faire mes adieux à mes correspondens que je ne sais pas ce que ma faiblesse a permis de vous barbouiller. Не взыщите на преданномъ Вамъ человѣкѣ.

36.

Апрѣля 29. 1813 г.

Извѣщая Васъ, любезнѣйшій Александръ Яковлевичъ, о полученіи откровеннаго посланія Вашего отъ 21-го текущаго, ничего болѣе не скажу Вамъ теперь въ моемъ разслабленіи, какъ то, что я кромѣ добраго ничего въ Васъ видѣть не могу и не хочу. У меня вертится голова отъ посѣщеній. Въ сію минуту трое насѣли мнѣ на шею, чтобъ уговаривать меня отъ вояжа. Я попросилъ ихъ дать мнѣ нѣсколько времени отправить къ другу моему почту. Приложенія къ Ивану Алексѣевичу, Тургеневу и Кроку вчерась же тотчасъ по полученіи отправлены съ нарочными. Гласково письмо первое съ каррикатурою тутъ же нашелъ. Благодарю какъ за аккуратность, такъ и за подарокъ. Вы не повѣрите, какія благодарности я самъ получаю за эти каррикатуры и за всѣ интересныя бумаги, которыми Вы меня надѣляете. Бога ради, покамѣстъ еще я не дамъ Вамъ знать, что я уже совсѣмъ готовъ къ отплытію въ Гамбургъ, не лишайте меня таковыхъ наградъ, буде оныя у Васъ случатся. Вашей книги ожидаю съ послѣднимъ нетерпѣніемъ. Вышлите ужъ и на долю Трощинскаго и виленскаго моего корреспондента. Коли хотите, такъ поручите мнѣ и распродажу. Я имѣю на то всѣ каналы чрезъ почтъ-директоровъ и почтмейстеровъ. Есть у меня дюжины двѣ этого люда въ числѣ моихъ знакомыхъ, коимъ я самъ служу, чѣмъ смогу. Разумѣется, что Вамъ служить въ томъ могу

въ Западной Россіи, которая за Петербургомъ, ибо въ другія стороны удобнѣе Вамъ будетъ употребить Рунича. Въ Малороссіи однако жъ чрезъ кіевскаго и полтавскаго почтмейстеровъ я Вамъ надѣюсь угодить болѣе другихъ комиссіонеровъ Вашихъ. Тамъ же и мой Дмитрій Прокофьевичъ, который любуется дѣтьми Якова Ивановича. Dernièrement il m'a écrit encore sur votre compte. Хоть бы отъ отца родного Вамъ привелось то слышать, что сей почтенный мужъ произнесъ по прочтеніи Вашихъ замѣчаній на извѣстную прокламацію. Я для него ихъ перевелъ прежде Васъ. Да! Здѣсь вспоминаю о „Русскомъ Вѣстникѣ". Онъ нуженъ для моего сотрудника. Вы мнѣ его предлагали. Прошу приказать его высылать на мое имя. При доставленіи Вамъ Wolks-Blatt мы съ Вами разочтемся. Мы его еще не получали, и не знаемъ, что онъ стоитъ. Пріѣхавшій изъ Берлина мой знакомый привезъ мнѣ дополнительный къ нему листъ. Я Вамъ его посылаю только съ тѣмъ, чтобъ Вы мнѣ его возвратили скорѣе. Онъ мнѣ нуженъ для моей газеты. Завтра получите переводъ мой въ „Инвалидѣ" разговора Бубны съ извергомъ. Ужъ я успѣлъ его изъ сего листка выхватить.

Я могу для Васъ выписать и Ambigu. (Наша экспедиція ничего не знаетъ). Но онъ страшно дорогъ, и едва-ли не обойдется въ 200 р.

На сихъ дняхъ принесутъ мнѣ подлинную выправку о цѣнѣ отъ англійскаго секретаря, и я Васъ непремѣнно о ней ту же минуту увѣдомлю. Впрочемъ, Вы лучше будете находить изъ Ambigu въ дополнительныхъ листахъ къ Volksblatt-у, которые я такъ же по полученіи газеты экспедиціею для Васъ возьму. Les premiers exemplaires sont déjà destinés pour plusieurs de mes connaissances, qui se trouvent déjà notées sur le registre de l'expédition de gazettes. Изъ этихъ-то экземпляровъ я предпочтительно одинъ пошлю Вамъ. Вотъ Вамъ и требуемые № Conservateur'a для кн. Долгорукова. — Здѣсь найдете и выписку изъ Кутузова письма. Посѣтители настоящіе мнѣ ее теперь принесли, и я спѣшилъ для Васъ ее переписать. Говорятъ, что наша главная армія еще на Святой форсированными маршами двинулась изъ Дрездена впередъ и нанесетъ неожидаемый гдѣ-то ударъ. Мы приготовлены здѣсь къ такимъ событіямъ около Эрфурта, которыя должны удивить вселенную и покрыть безсмертіемъ Кутузова. C'est ainsi qu'on repand à présent des bruits avant les évenemens. И это все берется отъ бабъ. — Слышу (послѣ разныхъ варіантовъ), что Австрія даетъ намъ будто бы 100 тысячъ вспомогательнаго войска. Чего ужъ объ этой Австріи не говорили! Но теперь дѣйствительно то, что она противъ насъ по крайней мѣрѣ не пойдетъ.

Выписка изъ письма его свѣтлости князя Кутузова-Смоленскаго къ его супругѣ:

„Сего дня я много думалъ о Бонапартѣ, и вотъ что мнѣ показалось: — Si on veut prendre le peine de bien juger la conduite continuelle de Bonaparte on peut se persuader jusqu'à l'évidence; qu'il n'a jamais su ou n'a jamais pensé à enchainer la fortune; au contraire cette femme capricieuse voyant une production si singulière que cet homme: un melange de tant de vices, un melange de tant de monstruosités, que par pur caprice elle s'en est emparé et l'a mené comme un enfant à la lisière: mais voyant après beaucoup d'années et son ingratitude et la manière dont il abusait de sa protection, alle l'a laissé là, en disant: „fi! le vilain: voilà un vieillard, poursuivait-elle, qui a toujours adoré mon sexe, qui l'idolâtre encore; et qui n'a jamais été ingrat envers lui, il a toujours aimé à être conduit par une femme. Pour me délasser de toutes les horreurs auxquelles je participe, je m'en vais lui donner le bras, pour quelque temps, au moins“.

37.

30 апрѣля.

Вообразите, что между Швеціею и Даніею открывается война за Норвегію. Это уже въ газетахъ, которыя получены ночью.

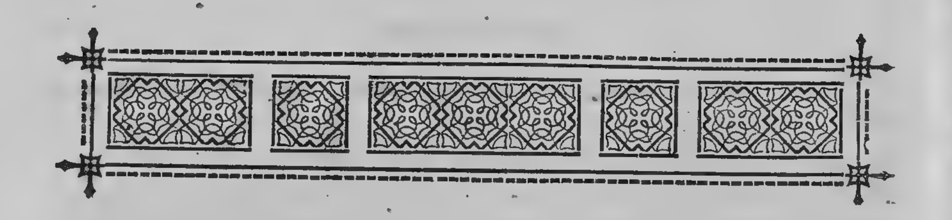
Наполеонъ въ Эрфуртѣ.—Я бы многое что помѣстилъ изъ свѣжихъ газетъ, но мой министръ запретилъ мнѣ прежде двухъ дней послѣ полученія иностранныхъ газетъ помѣщать изъ нихъ новости въ моемъ „Инвалидѣ“. Я Вамъ пришлю копію съ его предложенія, даннаго почтдиректору вчерашнимъ вечеромъ.

Sind das nicht Dinge aus der andere schlechtere Welt, wo die Teufel wohnen? Да что они меня жужатъ на послѣдяхъ. Je me retire pour avoir du repos au moins du côté des persécutions les plus criantes pour un honnête homme.

Некогда. Пишу къ Дм. Пр—чу, да и то какъ попало. Все во мнѣ сдвинулось съ мѣста. Поскорѣй! поскорѣй надобно удалиться!

С. О. Долговъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).



Изъ воспоминаній стараго врача А. А. Синицына [1]).

Какъ я уже сказалъ, я засталъ полкъ въ походѣ въ Крымъ. Военный походъ тогдашняго времени былъ чревычайно своеобразенъ. Въ одно время съ нами шли изъ царства Польскаго 2 пѣхотныхъ дивизіи и 7-ая кавалерійская. Шли по-эшелонно по 2 баталіона въ эшелонѣ. Обыкновенно выходили съ ночлега часу въ 6-мъ утра, дѣлая переходъ отъ 25 до 30-ти верстъ. Гдѣ-нибудь въ половинѣ перехода дѣлался привалъ, на которомъ офицеры, большею частью, завтракали, т. е. пили водку и ѣли остатки отъ вчерашняго обѣда, или насыщались какими-нибудь закусками: колбасами, ветчиной, вареными яйцами и пили чай. Солдатамъ же на привалѣ ничего не давалось: они должны были довольствоваться кускомъ хлѣба, или сухарями, размоченными въ водѣ. Впрочемъ, иные запасались откуда-то водкой. Когда же появилась у насъ въ войскахъ холера, то было предписано отпускать на привалѣ по небольшой порціи водки на каждаго солдата.

Отдохнувъ на привалѣ отъ $1^1/_2$ до 2-хъ часовъ, мы шли дальше и приходили часамъ къ 12 на слѣдующій ночлегъ. Шли два дня подъ рядъ, а на третій день была дневка. На ночлегѣ сейчасъ же давался солдатамъ обѣдъ, который заготовлялся посланными впередъ кашеварами.

Обѣдъ состоялъ изъ щей, или похлебки съ крупами, полуфунта мяса и небольшой порціи водки. Обыкновенно за полкомъ тянулся казенный обозъ, но такъ какъ его было недостаточно для поднятія всѣхъ полковыхъ тяжестей, то кромѣ того брались обывательскія

---

[1]) См. „Русская Старина“, декабрь 1912 г.

подводы, которыхъ отпускалось на полкъ по 100 штукъ. Несчастные подводчики страшно бѣдствовали: во-первыхъ, они отрывались отъ работы въ самое нужное время, лошаденки были у нихъ изнуренныя. Такъ какъ войска по этой дорогѣ шло довольно много, то подводы сгонялись полиціей верстъ за 50 и болѣе. Вмѣсто денегъ подводчикамъ выдавались печатныя квитанціи стоимостью по 75 к. каждая, но, такъ какъ придорожные крестьяне за эти квитанціи ничего не давали, то подводчики часто везли тяжести на некормленныхъ лошадяхъ и сами голодали. Больные везлись съ полкомъ въ лазаретныхъ фургонахъ. Трудно было выдумать что-нибудь неуклюжѣе и неудобнѣе этихъ фургоновъ для перевозки больныхъ.

Представьте себѣ большую русскую троечную телѣгу, въ родѣ тѣхъ, на которыхъ встарину возились товары, расширенную къ переду и суженную сзади; самый же ящикъ ко дну закруглялся, а надъ нимъ возвышался четырехугольный кожаный верхъ съ дверцами по бокамъ. Въ такую телѣгу, или, какъ тогда называлось, лазаретную карету, полагалось класть по 4 больныхъ. Это были по-истинѣ мученики. Ни сидѣть, ни лежать спокойно они не могли. Такъ какъ дно кареты было нѣсколько поднято къ переду и имѣло наклонъ къ заднему концу, то больные какъ при сидѣніи, такъ и при лежаніи—волей-неволей давили на своихъ товарищей и причиняли имъ часто ужасныя страданія. Я самъ видѣлъ, какъ лежавшіе на днѣ телѣги, больные, на которыхъ невольно напирали товарищи, лежавшіе съ боковъ телѣги выше ихъ, толкали, щипали и даже кусали послѣднихъ. Ко всему этому присоединялись мученія отъ тряски и толчковъ во время дороги, такъ какъ никакихъ приспособленій для уменьшенія тряски въ каретахъ не было: ни рессоръ, ни длинныхъ дрогъ, а кузовъ лежалъ непосредственно на осевыхъ подушкахъ. Такихъ каретъ было по двѣ на баталіонъ, т. е. 8 на полкъ. Болѣе легкихъ больныхъ везли на обывательскихъ подводахъ, и эти, сравнительно, страдали меньше. Фельдшера должны были идти пѣшкомъ.

Въ концѣ мая въ нашемъ отрядѣ появилась холера; заболѣвало человѣкъ по 10 въ день. Больные везлись на тѣхъ же фургонахъ.

Для сокращенія числа заболѣваній, придумали дѣлать переходы по ночамъ, т. е. выходили съ ночлега часовъ въ 7 вечера и шли часовъ до двухъ до трехъ ночи, чтобы избѣжать сильной жары. Но это не только не уменьшило числа заболѣваній, но повидимому увеличило ихъ, такъ что вскорѣ стали опять дѣлать переходы по утрамъ. Здоровымъ солдатамъ увеличена была порція водки и мяса до 1-го фунта. Привалы приказано было дѣлать въ нѣкоторомъ разстояніи отъ рѣчекъ и ручейковъ, такъ какъ во многихъ изъ

нихъ вода была, дѣйствительно, нехороша; вмѣсто нея на привалахъ выдавался чай. Больныхъ сдавали, гдѣ было можно, въ попутныя больницы. Эпидемія продолжалась около 1½ мѣсяца и унесла изъ полка около 500 чел. Между прочимъ, мы потеряли отъ нея своего товарища д-ра Козлова, молодого человѣка, полнаго силъ и надеждъ на будущее, только за годъ передъ тѣмъ окончившаго курсъ Московскаго университета. Его схоронили въ городѣ Острогѣ. Тяжелыя были эти похороны: каждому становилось жутко за себя. Изъ офицеровъ тоже умерло трое, одинъ изъ нихъ, впрочемъ, былъ запойный пьяница, и о его смерти не особенно сожалѣли. Послѣдній холерный случай былъ въ Бахчисараѣ 15-го іюля.

Такимъ образомъ мы шли изъ царства Польскаго до Бахчисарая около 2-хъ мѣсяцевъ. Погода все время была превосходная, только возлѣ города Бара въ Подольской губерніи одинъ день побилъ насъ дождь. Несмотря на всѣ трудности и лишенія походной жизни, къ которымъ я, впрочемъ, скоро привыкъ, я наслаждался этимъ походомъ; меня, какъ уроженца сѣвера, не видавшаго ничего кромѣ Петербургскихъ и Новгородскихъ тундръ и трясинъ, поражала, незнакомая мнѣ, природа Волынской и Подольской губерній съ ихъ богатой растительностью. Тамошнія деревни расположены чрезвычайно красиво или на холмахъ, составляющихъ послѣдніе отроги Карпатскихъ горъ, или въ долинахъ между этими холмами. Всѣ онѣ тонутъ въ садахъ, сквозь зелень которыхъ проглядываютъ бѣлыя хатки поселянъ. Лѣса, состоявшіе изъ породъ умѣренной полосы Европы, были такъ красивы, что казались мнѣ садами. Цѣлы ли они теперь?

Ночевали мы или въ хаткахъ, большею частью выбѣленныхъ и довольно чистыхъ, или въ большихъ сараяхъ, сдѣланныхъ изъ переплетенныхъ древесныхъ вѣтвей, называемыхъ тамъ „стодолами". Я ужасно любилъ ночлеги въ этихъ стодолахъ. Полною грудью вдыхаешь въ нихъ чистый воздухъ, пропитанный ароматами всевозможныхъ травъ; утромъ, сквозь щели стѣны проникаютъ свѣтлые нѣжные лучи утренняго солнца; слышишь щебетаніе птичекъ, то влетающихъ въ стодолъ, то вылетающихъ изъ него и встаешь бодрый, свѣжій, жизнерадостный, не чувствуя никакого утомленія вчерашняго перехода.

Въ степной Херсонской губерніи картина природы рѣзко измѣняется: безконечныя степи ея, въ которыхъ ничего не видишь, кромѣ травъ и хлѣбныхъ полей, и гдѣ почти вовсе не встрѣчаешь древесной растительности, были чрезвычайно утомительны для переходовъ, въ особенности въ это жаркое время. Воздухъ, по близости деревень, пропитанъ запахомъ кизяка, употребляемаго жите-

лями вмѣсто дровъ. Днемъ ѣдешь нѣсколько часовъ подъ лучами палящаго южнаго солнца, которое накаливаетъ вамъ голову до того, что дѣлаются галлюцинаціи; пыль раздражаетъ вамъ глаза, сушитъ вамъ ротъ, отчего дѣлается нестерпимая жажда. Воду рѣдко гдѣ встрѣтишь, да и та плохо утоляетъ вашу жажду: послѣ нѣсколькихъ глотковъ холодной воды у васъ во рту дѣлается ощущеніе какъ бы ожога. Все тѣло ощущаетъ томительную ломоту. Ночь такъ же мало освѣжаетъ васъ: раскаленный, почти неподвижный воздухъ стѣсняетъ вамъ грудь, вызываетъ томительную испарину въ тѣлѣ, и утромъ встаешь съ тяжелой головой и съ такимъ чувствомъ въ тѣлѣ, какъ будто всѣ ваши члены налиты свинцомъ. Единственное спасеніе въ этихъ случаяхъ — это чай. Какъ только встрѣтишь гдѣ-нибудь по дорогѣ колодезь, согрѣешь самоваръ, выпьешь 3—4 стакана хорошаго крѣпкаго чаю и сейчасъ же почувствуешь себя освѣженнымъ и бодрымъ. Еще тяжелѣе въ солончаковыхъ степяхъ сѣверной части Крыма отъ Перекопа до Симферополя. За это время у насъ въ полку сильно развились воспаленія глазъ отъ пыли.

Въ Херсонской губерніи я въ первый разъ видѣлъ саранчу. Она летѣла на огромномъ пространствѣ сплошными тучами, затемняющими свѣтъ солнца; летѣла такъ низко, что била вамъ въ глаза и въ лицо. Жители съ ужасомъ смотрѣли на этотъ страшный бичъ, въ одну ночь истребляющій весь годовой урожай.

Конечно, въ походѣ я обращалъ всего болѣе вниманія на внѣшнюю обстановку тѣхъ мѣстностей, на фонъ картины, въ которой проходила жизнь мѣстнаго населенія.

Жизнь эта, по существу своему, была очень тяжела. Изнуренные барщиной, разоренные постоянными переходами войскъ, крестьяне, безъ сомнѣнія, должны были сильно бѣдствовать, несмотря на благодатную природу своего края. Но мы не могли и не имѣли времени обращать вниманіе на экономическія условія ихъ быта. Съ тяжестью ихъ я познакомился впослѣдствіи, прослуживъ въ этихъ краяхъ около 4-хъ лѣтъ.

Когда мы шли близъ австрійской границы, то изъ опасенія флангового нападенія со стороны Австріи, о которомъ тогда много говорили, принимались нѣкоторыя военныя предосторожности. Было приказано отпустить штыки и сабли, во время перехода высылались патрули и развѣдчики, и за каждымъ эшелономъ шли одна, или двѣ роты въ арьергардѣ съ заряженными ружьями.

Съ 15-го іюля до 2-го августа мы стояли на позиціи въ 6-ти верстахъ отъ Бахчисарая на высотахъ близъ рѣки Качи. 2-го насъ перевели на Инкерманскія высоты. Тутъ въ первый разъ я уви-

далъ съ Инкерманской горы море во всей его красѣ. Вечеръ былъ тихій, теплый; передъ глазами развернулась широкая, уходящая въ даль полоса спокойнаго моря, освѣщеннаго лучами заходящаго солнца. На ней вдали виднѣлся непріятельскій флотъ, осаждавшій Севастополь. Картина была величественна, но невольная грусть овладѣла мною.

Подъ этимъ чуднымъ небомъ, въ этой богатой роскошной странѣ стояли 2 вооруженныхъ враждебныхъ лагеря, истреблявшихъ другъ друга. Говорятъ, что, во время Тильзитскаго свиданія Александра I съ Наполеономъ, кѣмъ-то изъ нихъ была произнесена фраза: „Зачѣмъ мы сражаемся другъ противъ друга?"—на что другой собесѣдникъ отвѣтилъ: „Да, это было простое недоразумѣніе". Такое же громадное недоразумѣніе было и здѣсь подъ Севастополемъ, и во имя этого недоразумѣнія истреблялись ежедневно сотни людей, опустошенъ и разоренъ былъ богатый южный берегъ Крыма, а тамъ гдѣ-то, въ глуши деревень бѣдныя матери оплакивали своихъ сыновей, погибшихъ на „кровавой нивѣ", а отцы—своихъ помощниковъ и работниковъ.

Невольно мнѣ пришли тогда на память стихи Лермонтова:

„Жалкій человѣкъ!
Чего онъ хочетъ?.. Небо ясно,
Подъ небомъ мѣста много всѣмъ,
Но безпрестанно и напрасно
Одинъ враждуетъ онъ — ..... Зачѣмъ?"

Къ вечеру 3-го числа было приказано отправить 12 чел. врачей на лѣвый флангъ нашей позиціи въ Юхаръ-Каралесское ущеліе, гдѣ въ деревнѣ Шулѣ былъ устроенъ перевязочный пунктъ. Такъ какъ предполагалось начать сраженіе 4-го августа на разсвѣтѣ диверсіей съ лѣваго фланга, то тутъ ожидалось большое число раненыхъ, вслѣдствіе чего и признано было необходимымъ увеличить число бывшихъ тамъ врачей! Въ число командированныхъ попалъ и я. Мы взяли съ собой вьючныя аптечки и по одному фельдшеру. Присланный для сопровожденія насъ изъ главнаго штаба проводникъ оказался совсѣмъ незнающимъ дороги и повелъ насъ куда-то въ другую сторону. Такъ шли мы съ часъ, пока встрѣтившійся намъ казакъ не указалъ намъ настоящей дороги. Пришли мы въ Шулю часовъ въ 6 утра. Гдѣ-то вдалекѣ слышались пушечные выстрѣлы. Черезъ полчаса къ намъ начали привозить раненыхъ. Къ счастью, ихъ было здѣсь немного, такъ-что часамъ къ 9-ти уже кончили первую перевязку, при чемъ сдѣлано было 4 ампутаціи конечностей! Больныхъ уложили пока въ пустыхъ татарскихъ сакляхъ.

Вскорѣ оказался недостатокъ въ водѣ, такъ какъ татары, уходя изъ деревни, забили и испортили водопроводъ, а доставленной на пунктъ воды едва хватало на перевязку раненыхъ. Вскорѣ и ранеными, и нами овладѣла мучительная жажда, такъ какъ день былъ очень жаркій. Мы съ докторомъ Добряковымъ, бывшимъ впослѣдствіи медицинскимъ инспекторомъ Московскаго округа, добрались до чинары, чтобы укрыться въ ея тѣни отъ солнца. Кругомъ все было тихо, пальбы не было слышно. Часа въ 3 дня мы получили приказъ возвращаться на Инкерманъ къ своимъ частямъ. По дорогѣ я встрѣтилъ вола, котораго гналъ по направленію къ Шулѣ какой-то фурштатъ. На мой вопросъ, куда онъ гонитъ вола— онъ отвѣтилъ, что волъ назначенъ для раненыхъ въ Шулѣ. Когда же я спросилъ, гдѣ котлы и въ чемъ варить пищу,—онъ отвѣтилъ: „Должно быть сзади, а, впрочемъ, не могу знать". Хорошо, что раненые уже были отправлены куда-то изъ Шули, и эта поздняя присылка живого вола безъ всякихъ средствъ приготовить изъ него пищу оказалась ненужною, но случай этотъ достаточно характеризуетъ интендантскую предусмотрительность.

На обратномъ пути лошадь, везшая одну изъ вьючныхъ аптекъ, оступилась и свалилась въ обрывъ, при чемъ у нея оказалась сломанной нога, фельдшеръ же, ѣхавшій на аптечкѣ, отдѣлался незначительными ушибами. Лошадь прирѣзали, а аптечку оставили лежать въ оврагѣ, такъ какъ везти ее было не на чемъ. Когда на другой день послали за аптечкой, она оказалась уже похищенной кѣмъ-то. Ночью вернулись мы на Инкерманъ и тутъ узнали о результатахъ этого плачевнаго дня: боя подъ Черной рѣчкой, окончившагося полнымъ разгромомъ 3-хъ дивизій: 5-й, 12-й и 17-й. Говорили, что опоздали резервы на помощь, бранили князя Горчакова за то, что онъ не позволилъ ударить на непріятеля со стороны Севастополя. Какъ бы тамъ ни было, дѣло было проиграно съ громаднымъ урономъ для насъ. Въ 5-й дивизіи были ранены начальникъ дивизіи и оба бригадныхъ генерала, всѣ 4 командира были убиты; число же раненыхъ и убитыхъ нижнихъ чиновъ опредѣлялось въ нѣсколько тысячъ человѣкъ. На разсвѣтѣ 5-го числа насъ разбудили для перевязки раненыхъ, которые лежали въ палаткахъ по 4 чел. въ каждой. Изъ этихъ палатокъ раздавались стоны и крики раненыхъ о помощи. Едва къ вечеру кончили первую перевязку. Подъ конецъ не доставало ни корпіи, ни бинтовъ для перевязки: пришлось снимать съ раненыхъ подштанники и рвать ихъ на бинты. На раненыхъ съ переломами конечностей налагалась гипсовая повязка изъ смѣси гипса съ какой-то грязью, вмѣсто воды. Это былъ, кажется, первый опытъ примѣненія гипсо-

вой повязки на войнѣ. Она оказалась очень полезною, такъ какъ, фиксируя члены, она давала возможность перевозить больныхъ безъ большихъ страданій. Утромъ 6-го раненыхъ разсортировали и отправили въ госпиталь, а намъ приказано было отправиться въ Севастополь къ своимъ полкамъ и явиться тамъ къ завѣдующимъ перевязочными пунктами. Въ то время въ Севастополѣ было 2 перевязочныхъ пункта: одинъ на Корабельной слободкѣ, а другой въ Николаевскомъ укрѣпленіи на южной сторонѣ. Первымъ завѣдовалъ д-ръ Неводовскій, а вторымъ—за отъѣздомъ Н. И. Пирогова, профессоръ Кіевскаго университета Гюббенетъ. Меня прикомандировали къ первому и въ тотъ же день назначили на ночное дежурство. Перевязочный пунктъ помѣщался въ нижнемъ этажѣ провіантскаго магазина. Прибывъ туда, я нашелъ тамъ священника и д-ра Лошкарева, изъ нашей же академіи, но курсами 3-мя старше меня. Ночью, обыкновенно, исправлялись поврежденія въ укрѣпленіяхъ, и потому число раненыхъ ночью увеличивалось, въ эту же ночь оно было особенно велико и достигало 150 чел. Сначала все были легко контуженные, а часовъ въ 7 вечера принесли молодого юнкера съ совершенно раздробленной нижней конечностью. Это былъ юноша съ прекраснымъ, еще женственнымъ лицомъ. Онъ страшно страдалъ, вспоминалъ какое-то женское имя, быть можетъ,—сестры или возлюбленной,—и только разъ слабымъ голосомъ спросилъ, будетъ ли онъ живъ. Прежде, чѣмъ мы успѣли что-нибудь сдѣлать, онъ умеръ отъ кровотеченія.

Картина эта глубоко меня поразила, такъ-что и теперь черезъ много лѣтъ я не могу вспомнить о ней безъ ужаса и отвращенія къ этому страшному повальному убійству, называемому войной. За что, почему, какая-то шальная бомба, пущенная неизвѣстно кѣмъ, прервала только-что распускавшуюся молодую жизнь. И что всего ужаснѣе — пустившій бомбу сдѣлалъ это, вѣроятно, во имя какого-то долга и, быть можетъ, считалъ себя героемъ.

Дежурства на перевязочныхъ пунктахъ были черезъ день. Днемъ обыкновенно дѣлались большія операціи. При нихъ постоянно ассистировала молодая сестра милосердія, дѣвушка лѣтъ 22-хъ. Звали ее Аннушкой. Она съ такимъ искусствомъ помогала хирургамъ, перевязывала артеріи, зашивала раны, что, по словамъ товарищей, замѣняла опытнаго помощника. Она такъ благодушно и сердечно ухаживала за ранеными, что послѣдніе сами просили ее ассистировать во время операцій. Дѣлала она это ежедневно въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Никакое утомленіе, никакіе труды на нее не дѣйствовали. Въ одинъ изъ послѣднихъ дней осады, она была убита. Вотъ это была истинная героиня, совершавшая великое дѣло

любви и павшая жертвой сознанія своего высокаго долга. И никто, кажется, не вспомнитъ о ней потомъ.

Такъ дѣло шло до конца августа. Самъ Севастополь уже лежалъ въ развалинахъ, и въ немъ не оставалось, кажется, никого изъ жителей. Былъ какой-то грекъ трактирщикъ, да и тотъ скоро куда-то исчезъ. Дня за 2 до сдачи перевязочные пункты были переведены на другую сторону. Бомбардировка послѣднихъ дней была ужасна. Это былъ какой-то сплошной гулъ, съ которымъ не сравнится никакая гроза. Всѣ, какъ будто, ошалѣли отъ него, никакая мысль, никакое соображеніе не приходили вамъ въ голову, такъ-что, когда утромъ 29-го бомбардировка внезапно прекратилась, всѣ были въ какомъ-то недоумѣніи, многіе не вдругъ понимали, что такое случилось. Въ 11 часовъ утра взвилось французское знамя на Малаховомъ курганѣ, и началось отступленіе нашихъ войскъ изъ Севастополя съ южной стороны на сѣверную.

На перевязочномъ пунктѣ на Корабельной слободкѣ было оставлено около 200 раненыхъ, которыхъ не успѣли перевезти на сѣверную сторону. Начальникъ штаба Севастопольскаго гарнизона князь Васильчиковъ поручилъ д-ру Фишеру отправиться на Малаховъ курганъ къ командующему тамъ генералу и просить его отъ имени главнокомандующаго принять этихъ раненыхъ на французскіе перевязочные пункты въ виду возможности взрыва Павловскаго мыска, гдѣ лежали раненые. Всѣ главныя севастопольскія укрѣпленія были заранѣе минированы. Фишеръ досталъ на Малаховомъ курганѣ французскаго главнокомандующаго Пелисье и передалъ ему просьбу Васильчикова. Немедленно всѣ раненые были перенесены во французскій ambulance, а на другое утро взлетѣлъ Павловскій мысокъ. Фишеръ оставался у французовъ 2 дня. Войска перевозились на пароходѣ „Владиміръ“ и на яликахъ, а часть ихъ прошла по наплавному мосту, который былъ устроенъ черезъ бухту заранѣе. Полковыя знамена были вывезены изъ Севастополя за два дня до сдачи ночью, такъ что никто объ этомъ не зналъ. По сдачѣ Севастополя я былъ откомандированъ въ Бахчисарайскій госпиталь, помѣщавшійся въ ханскомъ дворцѣ. Дворецъ этотъ не произвелъ на меня тогда никакого впечатлѣнія, даже знаменитый фонтанъ слезъ вовсе не показался мнѣ величественнымъ. Въ той комнатѣ, гдѣ онъ стоялъ, у насъ былъ пріемный покой. Самъ же Бахчисарай съ его нависшими скалами, стройными, бѣлыми, уходящими въ высь, минаретами производилъ, особенно въ лунную ночь, какое-то чарующее впечатлѣніе.

Больныхъ было много; часть ихъ лежала на койкахъ, а часть на полу, на цыновкахъ Въ госпиталяхъ было довольно

грязно, вслѣдствіе стѣсненія больныхъ. Раны заживали медленно, плохо, сильно гноились, разныя насѣкомыя клали въ нихъ свои яица, изъ которыхъ развивались гусеницы, для удаленія которыхъ употреблялось смазываніе скипидаромъ. Явленіе это я видѣлъ въ первый разъ и нигдѣ потомъ мнѣ не пришлось его видѣть.

Нѣкоторыя раны были очень курьезны. Такъ у одного офицера пуля ударилась въ верхній край правой глазницы, скользнула по лицу внизъ, разорвала край верхней губы, затѣмъ разбила правую горизонтальную вѣтвь нижней челюсти, оттуда прошла черезъ правую ключицу близъ соединенія ея съ грудною костью и вышла надъ третьимъ ребромъ, не затронувъ большихъ сосудовъ. Этого больного я видѣлъ потомъ въ Симферополѣ совершенно выздоровѣвшимъ. Помню еще одну рану: пуля ударила въ правую верхнюю челюсть, пробила ее надъ зубнымъ отросткомъ, но куда дѣлась потомъ—мы не могли отыскать, больной жаловался только на боль при глотаніи, что заставило предположить, что пуля засѣла гдѣ-нибудь сбоку пищепріемника. Вдругъ въ одно утро больной сталъ жаловаться на боль въ лѣвой сторонѣ живота, и, къ удивленію нашему, вмѣстѣ съ поставленнымъ клистиромъ вышла пуля.

Въ Бахчисараѣ я пробылъ до конца сентября, а потомъ былъ откомандированъ въ полкъ, стоявшій въ Бельбекскомъ ущельѣ, въ которомъ расположены были полковые лазареты 4-ой дивизіи.

До 15-го ноября я вмѣстѣ съ полкомъ переходилъ съ одной позиціи на другую. Въ то время былъ сформированъ изъ 2-хъ пѣхотныхъ дивизій—4-ой и 5-ой, одной драгунской бригады и нѣсколькихъ батарей артиллеріи особый отрядъ, состоявшій подъ командой генерала Офросимова, бывшаго впослѣдствіи московскимъ генералъ-губернаторомъ. Отрядъ этотъ прикрывалъ тылъ нашей арміи со стороны Евпаторіи, гдѣ въ то время находились союзники. Такъ какъ было опасеніе, что они могутъ прервать сообщеніе нашей арміи съ Россіею, то отрядъ нашъ постоянно переходилъ съ одной позиціи на другую. Съ этимъ отрядомъ странствовалъ и я. Это было самое бездѣятельное время моего пребыванія въ Крыму.

Утромъ осмотришь 2—3 заболѣвшихъ солдатъ, отправишь ихъ въ госпиталь, а затѣмъ до обѣда бродишь по горамъ и ущеліямъ. Время шло чрезвычайно обнообразно и скучно; единственнымъ развлеченіемъ были карты. Ни газетъ, ни журналовъ, ни другихъ книгъ не было—и что дѣлалось въ Россіи, мы не знали. Даже писемъ мы не получали оттуда. Мы вели чисто цыганскую жизнь.

Къ 15-му ноября нашъ и 6-ой корпусъ были расформированы. Мы сдали людей въ остающіеся въ Крыму полки, для ихъ пополненія, а сами въ кадровомъ составѣ должны были вернуться въ

Подольскую и Кіевскую губерніи для новаго сформированія. Нашъ полкъ былъ назначенъ въ Могилевъ-Подольскій. Всѣхъ младшихъ врачей откомандировали въ военно-временные госпитали. Я былъ назначенъ въ Перекопъ, куда и отправился 15-го ноября. Перекопъ представлялъ тогда грязную клоаку, переполненную ранеными и больными, преимущественно, тифомъ. Главное зданіе госпиталя помѣщалось въ зданіяхъ бывшаго соляного управленія, но большинство больныхъ лежало въ частныхъ домахъ, выстроенныхъ, большею частью, изъ кизяка, сырыхъ и тѣсныхъ. Только часть больныхъ помѣщалась на койкахъ, большинство же лежало на полу на цыновкахъ. Не хватало ни бѣлья, ни перевязочныхъ средствъ, пища больныхъ была плохая и, большею частью, холодная, такъ какъ покуда ее разносили по отдѣльнымъ домикамъ, она успѣвала остыть. При этихъ условіяхъ у больныхъ часто развивались поносы. Смертность больныхъ была огромная, недостатокъ во всемъ ощущался страшный. Говорили, что изъ Россіи шли пожертвованія и бѣльемъ, и перевязочными припасами, но до насъ они не доходили. Ничего подобнаго Красному Кресту, оказавшему такую дѣятельную помощь въ войну съ турками въ 1877—78 г.г., не было; приходилось довольствоваться только тѣмъ, что отпускала казна, но изъ этого много прилипало къ рукамъ интендантскихъ чиновниковъ. Вообще наши военно-временные госпитали, какъ въ Крымскую, такъ и въ послѣднюю войну съ турками, представляли изъ себя нѣчто ужасное. Когда я осматривалъ выставку картинъ В. В. Верещагина изъ послѣдней турецкой войны, то отъ души пожалѣлъ, что онъ не написалъ нѣсколькихъ картинъ изъ быта военно-временныхъ госпиталей. Онѣ достойнымъ образомъ заключили бы серію его картинъ и дали бы ясное и точное представленіе о всѣхъ ужасахъ, сопровождающихъ войну.

2-го декабря я выѣхалъ изъ Перекопа въ Херсонъ, съ транспортомъ больныхъ въ 400 чел. Больныхъ везли на тѣхъ же ужасныхъ лазаретныхъ фурахъ, о которыхъ я говорилъ выше, а болѣе легкихъ—на обывательскихъ подводахъ. Маршрутъ былъ данъ не по прямой большой дорогѣ, а по проселочной. Ночлеги были, большею частью, въ раскольничьихъ слободахъ съ чистыми выбѣленными хатками. Погода была все время прекрасная, ясная и солнечная съ небольшими заморозками по утрамъ въ—1°—2°. Къ вечеру 2-го я почувствовалъ сильную головную боль и тяжесть въ головѣ, на другой день едва могъ сѣсть въ повозку, а 4-го меня уложили въ нее. У меня оказался сыпной тифъ, которымъ я заразился въ Перекопѣ. Въ безсознательномъ состояніи меня привезли 16-го декабря въ Херсонъ и помѣстили въ военно-временномъ го-

спиталѣ № 53, находившемся въ городѣ. Дня черезъ 2, я пришелъ въ себя и началъ быстро поправляться. Спасеніе свое я приписываю тому, что цѣлые дни находился на свѣжемъ воздухѣ, а не въ ужасной зараженной ямѣ, называемой Перекопомъ. Тамъ я, навѣрно, померъ бы. Выздоровленіе шло довольно быстро, такъ что въ 10-хъ числахъ января, когда заболѣлъ тифомъ ординаторъ нашего отдѣленія Андреевъ, мнѣ было поручено завѣдываніе имъ. Въ немъ было 150 человѣкъ больныхъ и въ томъ числѣ около 40 плѣнныхъ французовъ. Это былъ, большею частью, народъ молодой, веселый и очень общительный.

Съ нашими солдатами они сближались очень быстро, какимъ-то образомъ, понимали другъ друга и оказывали другъ другу взаимную помощь. Въ числѣ французовъ былъ очень симпатичный молодой сержантъ, уроженецъ Корсики. Ярый республиканецъ, онъ ненавидѣлъ Наполеона III-го всѣми силами своей души и говорилъ о немъ съ яростью. Моя комната помѣщалась въ нижнемъ этажѣ, а рядомъ жили 2 сестры милосердія, изъ которыхъ одна была молодая, довольно симпатичная полька, очень живая. По вечерамъ въ свободное время или у меня въ комнатѣ, или у сестеръ мы играли въ лото, къ которому скоро пристроился и мой сержантъ. Онъ довольно быстро научился называть цифры и кое-что понимать по-русски, но еще быстрѣе влюбился въ молодую польку и сдѣлалъ ей предложеніе. На бѣду его у польки оказался женихъ, пріѣзда котораго она ожидала съ часа на часъ. Когда сержантъ узналъ объ этомъ, то отчаянію и ярости его не было границъ. Онъ грозился убить соперника, какъ только встрѣтитъ его, при чемъ приходилъ въ страшное изступленіе, такъ что иногда дѣлался даже опаснымъ. Пришлось предметъ его страсти перевести въ другой госпиталь, стоявшій въ какомъ-то селеніи верстахъ въ 30 отъ Херсона. Онъ хотѣлъ бѣжать отъ насъ, такъ что пришлось въ концѣ концовъ его выписать и сдать въ распоряженіе военнаго начальства, которое скоро отправило его съ партіей плѣнныхъ въ Одессу.

Въ первой половинѣ февраля я получилъ предписаніе вернуться въ полкъ, стоявшій тогда въ Могилевѣ Подольской губ., куда послѣ разнаго рода приключеній прибылъ 16 февраля. Вмѣстѣ съ этимъ окончилась моя кочевая военно-походная жизнь. Жизнь эта дѣйствуетъ на людей деморализующимъ образомъ: частыя перекочевки съ одного мѣста на другое, отсутствіе газетъ и книгъ для чтенія притупляетъ вашу нервную систему до такой степени, что даже къ виду страданій окружающихъ васъ людей вы дѣлаетесь индифферентны; впечатлѣнія ваши дѣлаются неглубокими,

поверхностными, какъ бы скользятъ по предметамъ, вашъ мозгъ, при отсутствіи умственныхъ возбудителей, засыпаетъ, моральное чувство также притупляется, такъ что вы равнодушно проходите мимо явленій, которыя въ другое время вызвали бы въ васъ негодованіе, или ужасъ.

Въ послѣднихъ числахъ февраля я уѣхалъ изъ Могилева въ село Носковцы того же уѣзда, гдѣ былъ устроенъ баталіонный лазаретъ и гдѣ я пробылъ болѣе 2-хъ мѣсяцевъ. Пребываніе въ этомъ прекрасномъ уголкѣ, гдѣ все дышало спокойствіемъ мирной деревенской жизни, благодѣтельно подѣйствовало на меня какъ въ физическомъ, такъ и въ моральномъ отношеніи. Правильная и спокойная жизнь, занятія въ лазаретѣ, пріемы больныхъ крестьянъ, чтеніе книгъ, которыя я получалъ изъ богатой господской библіотеки, привели, наконецъ, въ равновѣсіе мою нервную систему.

Въ іюнѣ 1856-го года полкъ былъ переведенъ въ г. Радомысль Кіевск. губ. Это небольшой городокъ на рѣкѣ Тетеревѣ, довольно грязный въ то время, съ развалинами уніатской метрополіи. Общество состояло частью изъ помѣщиковъ, а, главнымъ образомъ, изъ чиновниковъ, по преимуществу поляковъ. Помѣщиковъ въ уѣздѣ было много также исключительно поляковъ, русскихъ же въ всемъ уѣздѣ было только двое, такъ что польскій языкъ являлся господствующимъ. Мы очень скоро и хорошо сблизились съ обществомъ и съ ближайшими къ городу помѣщиками. Жизнь тамъ шла довольно пріятно. Польское общество въ то время не чуждалось такъ русскихъ, какъ это сдѣлалось послѣ возстанія. Оно отличалось любезностью, гостепріимствомъ и чрезвычайной простотою жизни.

Сельское населеніе уѣзда, несмотря на хорошія мѣстныя условія, жило довольно бѣдно, чему главною причиной была крѣпостная зависимость крестьянъ. Хотя во время генералъ-губернаторства въ Кіевѣ Бибикова во всемъ Юго-западномъ краѣ были введены, такъ называемыя, инвентарныя правила, цѣлью которыхъ было урегулированіе отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ, но во-первыхъ, въ самихъ этихъ правилахъ скорѣе ограждались интересы помѣщиковъ, чѣмъ крестьянъ, и съ другой стороны—въ случаѣ нужды правила эти обходились очень легко, чему помогала сама мѣстная администрація. Кромѣ того много имѣній было въ рукахъ арендаторовъ изъ мѣстной шляхты, или такъ называемыхъ поссессоровъ, которые всѣми правдами и неправдами выжимали изъ крестьянъ какъ можно больше дохода въ ущербъ благосостоянію ихъ. Отсутствіе мѣстныхъ рынковъ и мало-мальски сносныхъ путей сообщенія дѣлало сбытъ сельскихъ продуктовъ крайне затруднительнымъ и ставило крестьянъ въ полную зависимость

при сбытѣ ихъ отъ евреевъ скупщиковъ, да и сами помѣщики въ этомъ отношеніи были въ рукахъ евреевъ, такъ что послѣдніе были бы полными хозяевами экономическаго положенія края. Въ ихъ рукахъ были цѣны на всѣ сельскіе продукты и, зная хорошо положеніе какъ помѣщиковъ, такъ и крестьянъ, они всегда умѣли скупать ихъ во-время, т. е. тогда, когда, какъ тѣ, такъ и другіе наиболѣе нуждались въ деньгахъ. Недовольстео своимъ положеніемъ среди крестьянъ было общее и время отъ времени выражалось мелкими вспышками, усмиряемыми мѣстной администраціей, иногда при помощи розогъ. Прибавьте къ этому различіе вѣроисповѣданій, такъ какъ помѣщики были католики, а крестьяне—православные, или обращенные изъ бывшихъ уніатовъ, различіе языковъ (помѣщики говорили по-польски, а крестьяне на русинскомъ нарѣчіи), и вы поймете, какая рознь существовала между этими двумя сословіями. Крестьяне глубоко ненавидѣли своихъ помѣщиковъ, которые ничего не дѣлали для улучшенія ихъ быта, какъ въ матеріальномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніяхъ. Во всемъ уѣздѣ не было ни одной школы, ни одной больницы; нигдѣ и ни въ комъ крестьяне не имѣли для себя защитника. Администрація по большей части поддерживала помѣщиковъ, православное духовенство, которое должно бы было быть естественнымъ защитникомъ крестьянъ, по своей малообразованности само было въ полной зависимости отъ помѣщиковъ, да и мало думало объ интересахъ первыхъ.

А время было замѣчательное, полное самыхъ свѣтящихъ надеждъ. Послѣ Крымской войны, открывшей всѣ язвы нашего общественнаго строя, новымъ воздухомъ повѣяло въ Россіи. Гнетъ, лежавшій на русской мысли и русской литературѣ, началъ ослабѣвать, журналы оживились, стали возникать новые, въ томъ числѣ „Русскій Вѣстникъ“, который въ первые годы своего существованія проповѣдовалъ англійскій конституціонализмъ и вообще по своимъ воззрѣніямъ принадлежалъ къ либеральному лагерю; появилось новое полное изданіе соч. Пушкина и переводы многихъ иностранныхъ книгъ; открыты были двери университетовъ, и преподаваніе въ нихъ стало болѣе свободно, соотвѣтственно современнымъ научнымъ требованіямъ. Само общество оживилось и съ увлеченіемъ стало заниматься политическими и общественными вопросами. Разумѣется, самымъ главнымъ вопросомъ, занимавшимъ всѣ умы, былъ вопросъ о крѣпостномъ правѣ, какъ о страшномъ тормозѣ, лежавшемъ на пути къ развитію и прогрессу въ Россіи. Намъ казалось, что съ уничтоженіемъ его всѣ другіе вопросы будутъ разрѣшены

легко въ самомъ благопріятномъ смыслѣ для дальнѣйшаго развитія нашего отечества.

Вопросъ этотъ постоянно возбуждалъ самые горячіе споры въ обществѣ между тогдашними „отцами“ и „дѣтьми“. Къ сожалѣнію, въ одномъ случаѣ подобный споръ окончился очень трагически.

У насъ былъ молодой офицеръ Гронъ. По окончаніи курса на математическомъ факультетѣ Московскаго университета онъ поступилъ въ калужское ополченіе. По окончаніи войны, онъ рѣшился остаться на военной службѣ и перешелъ въ нашъ полкъ съ намѣреніемъ года черезъ 2 выдержать экзаменъ въ академію генеральнаго штаба. Это былъ милый, чрезвычайно образованный и благородный молодой человѣкъ. Мы часто проводили вмѣстѣ цѣлые вечера за чтеніемъ и бесѣдами. Какъ хорошій знатокъ нѣмецкаго языка, онъ познакомилъ меня съ Гёте, Шиллеромъ и другими нѣмецкими авторами, а также съ нѣмецкой философіей, въ которой я былъ тогда полнѣйшій невѣжда. На вечерѣ у одного офицера, по обычаю, зашелъ споръ о крѣпостномъ правѣ, который мало-помалу перешелъ къ вопросу о дурномъ обращеніи офицеровъ съ солдатами и въ особенности съ денщиками, за что Гронъ всегда жестоко нападалъ на офицеровъ.

Во время этого спора бывшій тутъ баталіонный командиръ маіоръ Щечка, человѣкъ очень грубый и жестокій, сказалъ Грону какую-то дерзость. Тотъ на дерзость отвѣтилъ также дерзостью. Разгоряченный виномъ Щечка бросился на Грона съ кулаками. Послѣдній, желая отпарировать ударъ, оттолкнулъ Щечку такъ сильно, что тотъ упалъ, при чемъ Гронъ сорвалъ съ него погонъ. Дѣло было не шуточное. Какъ ни старались мы успокоить ихъ и заставить помириться, намъ это не удалось, и Щечка на другой день подалъ обо всемъ происшедшемъ рапортъ полковому командиру. Началось слѣдствіе, и Гронъ былъ преданъ военному суду, который приговорилъ его къ 12-ти лѣтней каторжной работѣ, а Щечкѣ былъ сдѣланъ только выговоръ. Мы всѣ страшно жалѣли Грона. Наканунѣ объявленія приговора онъ пустилъ себѣ пулю въ лобъ изъ револьвера, доставленнаго ему кѣмъ-то изъ товарищей на гауптвахту.

Положеніе Радомысля въ то время было не особенно выгодно въ санитарномъ отношеніи. Средняя часть его находится на довольно возвышенной и сухой мѣстности, которая, постепенно склоняясь къ западу и востоку, подъ конецъ дѣлается крайне грязной и низменной, почти болотистой. Протекающая въ южной сторонѣ его рѣка Тетеревъ представляетъ огромное болото, выдѣляющее зловредныя малярійныя испаренія. Полковой лазаретъ помѣщался

на западной оконечности города въ недалекомъ разстояніи отъ рѣки и постоянно подвергался вліянію этихъ испареній. Другого помѣщенія для лазарета найти было нельзя.

Въ уѣздѣ также было много болотистыхъ мѣстностей. Вслѣдствіе этого болотныя лихорадки были тамъ очень часты, очень упорны и нерѣдко злокачественны. Къ тому же, мы въ то время употребляли хининъ крайне неумѣло, давали его на пріемъ отъ 2—5 гранъ—не болѣе, отчего лихорадочные пароксизмы затягивались, что въ свою очередь вело къ истощенію малярійныхъ больныхъ и развитію у нихъ малярійнаго худосочія съ водянками, изнурительными поносами и другими его послѣдствіями, поэтому число больныхъ въ полковомъ лазаретѣ было всегда очень велико, до 150 и болѣе человѣкъ. Смертность была довольно большая. Она вызывала слѣдующее курьезное явленіе. Неизвѣстно, по какимъ соображеніямъ, высшее военное начальство постановило, что смертность въ войскахъ не должна превышать 10% заболѣваній, при чемъ разсчетъ этотъ дѣлался не за годъ, а помѣсячно; въ случаѣ превышенія этой нормы за какой-нибудь мѣсяцъ, назначалось дознаніе о причинахъ возвышенія смертности, а иногда и формальное слѣдствіе, что, конечно, вело къ большимъ непріятностямъ какъ для командира полка, такъ и для врачей. А такъ какъ общая годовая смертность не превышала 10%, то установился такой обычай: при мѣсячныхъ отчетахъ часть умершихъ, превышавшая эту норму, показывалась еще въ живыхъ и затѣмъ уже распредѣлялась на тѣ мѣсяцы, гдѣ смертность была ниже. Такіе умершіе назывались „экономическими“ умершими, такъ какъ на нихъ получалось все казенное довольствіе и жалованіе, остававшееся въ экономіи у командира полка. Въ маѣ 1858-го года по случаю перевода старшаго врача въ другой полкъ и назначенія на его мѣсто врача изъ Омскаго военнаго госпиталя, я долженъ былъ принять въ свое завѣдываніе полковой лазаретъ. При сдачѣ его, бывшій старшій врачъ Гришановъ предложилъ мнѣ принять 13 или 14 такихъ умершихъ. Я долго не соглашался на это, наконецъ долженъ былъ это сдѣлать, такъ какъ въ случаѣ моего отказа Гришанову грозило слѣдствіе. Онъ меня убѣдилъ тѣмъ, что слѣдующіе лѣтніе мѣсяцы процентъ смертности будетъ, конечно, меньше, и я успѣю показать ихъ въ вѣдомостяхъ до пріѣзда новаго врача, который, конечно, не могъ скоро пріѣхать изъ Омска. На мою бѣду въ слѣдующіе мѣсяцы смертность была довольно высока, такъ что къ концу августа у меня оставалось 5 человѣкъ въ запасѣ. Съ большимъ волненіемъ ждалъ я пріѣзда новаго врача, такъ какъ онъ могъ бы не принять этихъ умершихъ, и я подпалъ бы подъ слѣд-

ствіе. Къ счастью дѣло окончилось благополучно. Новый врачъ оказался человѣкомъ знакомымъ съ этимъ нелѣпымъ порядкомъ и принялъ лазаретъ безъ всякихъ возраженій.

Часть II.

Глава I.

Торжокъ, купцы и чиновники.

Лѣтомъ 1859-го года я былъ переведенъ изъ Ладожскаго полка во Владимірскій уланскій, который стоялъ тогда въ городѣ Торжкѣ Тверской губерніи. Пріѣхавъ въ Торжокъ въ концѣ іюля, я остановился въ гостиницѣ Пожарскаго, знаменитой тогда своими пожарскими котлетами и своей хозяйкой Дарьей Евдокимовной Пожарской. Судя по разсказамъ о ней, это была женщина большого ума, чрезвычайно властолюбивая и хорошо знавшая людей, а потому умѣвшая пользоваться ими для достиженія своихъ цѣлей. Она сумѣла пріобрѣсть расположеніе Императора Николая Павловича, хорошо понявъ его характеръ.

Въ своихъ переѣздахъ изъ Петербурга въ Москву онъ всегда останавливался въ ея гостиницѣ. Пожарская встрѣчала его у подъѣзда съ хлѣбомъ-солью, подъ его ноги отъ кареты до крыльца она разстилала въ видѣ ковра дорогую соболью шубку. Это вниманіе чрезвычайно трогало Императора, и, принявъ хлѣбъ-соль, онъ любилъ бесѣдовать съ ней о разныхъ разностяхъ. Она умѣла также пріобрѣсти расположеніе приближенныхъ къ нему: князя Волконскаго, Орлова и другихъ. Все это давало ей возможность обдѣлывать разныя дѣла, не всегда чистыя. Такъ, напримѣръ, всѣмъ было памятно тогда дѣло Дунина-Борковскаго. Это былъ очень богатый помѣщикъ Тверской губерніи, находившійся вслѣдствіе своего слабоумія подъ опекою. Это, конечно, не нравилось ни его супругѣ, ни нѣкоторымъ изъ его родственниковъ. Пожарская, по просьбѣ заинтересованныхъ лицъ, умѣла представить это дѣло Государю въ такомъ видѣ, будто Дунинъ-Борковскій—человѣкъ совершенно здоровый и опека надъ нимъ учреждена неправильно. По повелѣнію Государя дѣло было пересмотрѣно, и Борковскій былъ признанъ совершенно здоровымъ. Опека была снята съ него. Тогда началось расхищеніе его имѣнія женою и нѣкоторыми изъ его родственниковъ, при чемъ безъ сомнѣнія досталось и на долю Пожарской.

Несмотря на подобныя дѣла, довѣріе Государя къ ней ни разу не поколебалось, такъ какъ, разумѣется, за нею были дѣла и хорошія: такъ она часто хлопотала за разныхъ сиротъ, устраивала помѣщеніе ихъ въ разныя учебныя заведенія, хлопотала за лицъ, неправильно осужденныхъ тогдашними судами, что при безгласности того времени случалось нерѣдко, если обвиняемый не имѣлъ средствъ откупиться, или сильныхъ защитниковъ. Государь нерѣдко, по ея ходатайству, приказывалъ пересматривать дѣла и отмѣнять состоявшіеся уже приговоры. Вслѣдствіе этого она имѣла огромное значеніе въ городѣ; не только тогдашнее безгласное купечество, но и дворянство прибѣгало къ помощи Дарьи Евдокимовны, испрашивая себѣ разныя милости отъ Государя.

Я самъ не засталъ ее уже въ живыхъ, но пишу это по разсказамъ, тогда еще свѣжимъ, мѣстныхъ жителей. Въ гостиницѣ, которая существуетъ до сихъ поръ, хранится ея портретъ, писанный, какъ говорятъ, Брюлловымъ. На немъ она изображена круглолицей, здоровой и красивой женщиной чисто русскаго типа, съ свѣтлорусой косой и умными карими глазами. На рукахъ она держитъ ребенка въ кружевной рубашкѣ, какъ говорятъ, внука бывшаго тогда министромъ Двора князя Волконскаго.

Торжокъ по внѣшности мало измѣнился съ тѣхъ поръ, прибавилось только нѣсколько зданій да выстроенъ новый постоянный мостъ черезъ Тверцу. Но внутренній характеръ города и образъ жизни его обывателей измѣнились во многомъ такъ, что, я полагаю, не безъинтереснымъ будетъ сказать нѣсколько словъ о томъ, что я засталъ сорокъ лѣтъ назадъ.

Первенствующими сословіями въ городѣ были купечество и чиновничество. Офицеры уланскаго полка, жившіе въ небольшомъ числѣ въ городѣ и принадлежавшіе большею частью къ помѣщикамъ Тверской и сосѣднихъ губерній, такъ какъ полкъ стоялъ около сорока лѣтъ въ городѣ, въ образѣ своей жизни ничѣмъ не отличались отъ жизни тогдашняго дворянскаго общества и по своей немногочисленности не имѣли большого значенія въ городѣ, а потому мы будемъ говорить теперь только о купечествѣ и чиновничествѣ.

Новоторжское купечество было тогда очень богато и сильно. Въ то время было немало фирмъ, торговавшихъ на сотни тысячъ. Главнымъ раіономъ ихъ торговой дѣятельности были поволжскія пристани, начиная съ Рыбинска, вплоть до самыхъ низовьевъ Волги. Тутъ они скупали, главнымъ образомъ, пшеницу и овесъ.

Овесъ отправлялся большею частью въ Англію, такъ что въ этомъ случаѣ новоторжскіе купцы являлись только посредниками между производителями и потребителемъ—Англіей. Пшеница же перемалывалась на крупчатыхъ мельницахъ, находившихся при рѣкѣ Осугѣ, принадлежащей почти всецѣло Новоторжскому уѣзду, и уже въ видѣ муки продавалась частью за границей, частью въ Петербургѣ и въ городахъ, лежавшихъ къ западу отъ Московскаго шоссе и не имѣвшихъ ни капиталовъ, ни тѣхъ благопріятныхъ для торговли условій, которыми обладалъ Торжокъ. Торговля велась такимъ образомъ: осенью купцы отправляли своихъ приказчиковъ на всѣ пристани и тамъ скупали хлѣбъ, частью большими партіями у помѣщиковъ, частью у крестьянъ съ возовъ, привозимыхъ на базары.

Послѣдній способъ покупки считался приказчиками болѣе выгоднымъ для нихъ, такъ какъ тутъ представлялось обширное поле для разнаго рода обмѣриваній, обвѣшиваній и обсчитываній при разсчетахъ. Послѣднее особенно практиковалось съ добродушными инородцами южныхъ губерній Поволжья. Говорятъ, что иногда разсчитывались даже фальшивыми бумажками, которыя доставлялись въ Торжокъ откуда-то изъ Финляндіи, хотя это не всегда было безопасно. Случалось, что обманутые мужички, узнавъ о томъ, что ихъ надули, догоняли обманщиковъ и колотили ихъ изрядно, иногда даже до смерти. Приказчики сильно наживались при этихъ покупкахъ, и случалось нерѣдко, что ловкій приказчикъ, ѣздившій лѣтъ десять подрядъ на пристани, самъ дѣлался купцомъ, на что, впрочемъ, хозяева не претендовали, лишь бы они давали барыши и имъ, хозяевамъ. Купленный зимой хлѣбъ грузился на барки и доставлялся водой въ Торжокъ въ теченіе лѣта. Здѣсь онъ перемалывался и слѣдующей весной отправлялся въ Петербургъ, такъ что весь оборотъ продолжался почти два года. Хлѣбная торговля, конечно, существовала и въ другихъ центрахъ, но Торжокъ задавалъ тонъ обиліемъ своихъ фирмъ и ихъ солидарностью.

Домашняя жизнь купечества была крайне замкнута. Каждый домъ болѣе или менѣе зажиточнаго купца представлялъ родъ крѣпости, проникнуть въ которую было довольно затруднительно. Дворъ окруженъ былъ хозяйственными постройками и каменной стѣной. Тяжелыя деревянныя ворота были постоянно на замкѣ, и возлѣ нихъ всегда стоялъ мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, представлявшій изъ себя первую ступень служебной іерархіи.

Чтобы попасть въ домъ, надо было сначала переговорить съ мальчикомъ, объяснить ему, кто вы и какое имѣете дѣло къ хо-

зяину, послѣ чего мальчикъ уходилъ, заперши калитку на засовъ. Затѣмъ являлся приказчикъ постарше и, по снятіи съ васъ того же допроса, также исчезалъ на нѣкоторое время. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ этого васъ, наконецъ, впускали во дворъ, и приказчикъ вводилъ васъ въ первую комнату дома. Тутъ находился третій приказчикъ, который шелъ доложить о васъ хозяину. Наконецъ являлся хозяинъ и, пригласивъ васъ сѣсть, начиналъ съ вами разговоръ. Въ это время приносился чай, и вы волей-неволей должны были его пить, чтобы обезпечить успѣхъ своего дѣла. Тутъ только начинался дѣловой разговоръ. Если дѣло было слажено, то хозяинъ приглашалъ васъ въ другую комнату, гдѣ на столѣ была приготовлена водка и закуска. Хозяинъ поздравлялъ васъ съ благополучнымъ окончаніемъ дѣла и предлагалъ выпить водки, а если вы не пьете водки, то сквернаго Елисѣевскаго хереса или не менѣе сквернаго сотерна. Безъ этихъ китайскихъ церемоній не обходилась ни одна торговая сдѣлка. Даже доктора должны были проходить черезъ всю эту шеренгу приказчиковъ, чтобы попасть къ больному. При этомъ экипажъ доктора вводился во дворъ, чтобы проходящіе не видали, что въ домѣ докторъ, ибо болѣть и лѣчиться было „зазорно". Безъ дѣла никогда не ходили другъ къ другу даже ближайшіе родственники. Собирались только въ разные торжественные семейные праздники. Тогда, кромѣ родныхъ, приглашались ближайшіе богатые сосѣди, приходскій священникъ, а иногда и лица, имѣвшія торговыя дѣла съ хозяевами. Приглашался обыкновенно только глава семейства съ женой, сыновья же, а тѣмъ болѣе дочери не приглашались. Начиналось дѣло обыкновенно съ закуски, подававшейся не на обѣденномъ столѣ, а на другомъ. Закусывали большею частію такъ усердно, что многіе садились за столъ полупьяными. Женщины или не закусывали вовсе или закусывали потихоньку въ комнатѣ хозяйки, при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ также усердно пили водку или наливки домашняго приготовленія, преимущественно рябиновую. Обѣдъ былъ шаблонный и состоялъ обыкновенно изъ кулебяки, куринаго супу, холоднаго поросенка и какого-нибудь жаркого. Въ постные дни, конечно, обѣдъ былъ рыбный. За обѣдомъ пили также водку и плохія Елисѣевскія вина. Въ богатыхъ домахъ пили шампанское, а въ менѣе зажиточныхъ какое-то тоттенское, отъ одного бокала котораго порядочнаго человѣка начинало тошнить. При этомъ однимъ изъ наемыхъ лакеевъ провозглашались тосты за хозяина, хозяйку и т. д. Никакихъ рѣчей не произносилось. По окончаніи обѣда часть гостей расходилась, а болѣе близкіе оставались играть въ карты. Играли обыкновенно въ стуколку. Часа черезъ два послѣ обѣда снова по-

давалась закуска и начинались возліянія. Рѣдкій обѣдъ обходился безъ инцидентовъ, изъ которыхъ самымъ незначительнымъ была крупная ссора. Но бывали случаи, когда нѣкоторые изъ гостей выходили съ синяками подъ глазами или другими признаками насилія. И это нисколько не считалось оскорбленіемъ, такъ что соперники, поколотивши другъ друга, встрѣчались на другой день безъ всякой злобы или раздраженія другъ противъ друга.

Свадебные обѣды отличались большею торжественностью и болѣе обильными возліяніями. Вечеромъ бывали обыкновенно танцы, на которые приглашались молодые кавалеры и дѣвицы, большею частію изъ родственниковъ. Иногда приглашались и подруги невѣсты; танцовали кадриль и польку.

Помимо этихъ, такъ сказать, торжественныхъ собраній, даже близкіе родственники никогда не ходили другъ къ другу. Молодежь сближалась между собой большею частію на лавочкахъ, которыя были у воротъ почти каждаго дома. Обыкновенно послѣ вечерняго чая на эти лавочки собирались дѣвицы, къ нимъ являлись поклонники, сидѣли и болтали до поздней ночи. Большею частію эти ухаживанья, за которыми родители почти не наблюдали, заканчивались бракомъ.

Кромѣ того, молодежь встрѣчалась лѣтомъ еще на городскомъ бульварѣ. Каждое воскресенье и каждый праздникъ тамъ играла полковая музыка. Прекрасный полъ, принарядившись въ лучшія платья, пока было свѣтло и играла музыка, сидѣлъ на лавочкахъ по сторонамъ бульварныхъ аллей. Молодежь мужского пола гуляла по аллеямъ. Дѣвицы и молодыя дамы сидѣли чинно, едва-едва переговаривали другъ съ другомъ, рѣдко на какомъ лицѣ увидишь, бывало, улыбку. Но, какъ только стемнѣетъ, картина сразу мѣнялась: дѣвицы и кавалеры гуляли парами, слышался веселый смѣхъ, часто какія-то взвизгиванья, показывавшія, что ухаживанья стали болѣе энергичны. Затѣмъ кавалеры провожали своихъ дамъ до дома, гдѣ еще долго просиживали на лавочкахъ. Нерѣдко и эти ухаживанья оканчивались бракомъ, часто противъ воли родителей, такъ называемымъ уходомъ. Одно время это даже было обычной формой заключенія брака. Родители противъ этого не возставали, такъ какъ это избавляло ихъ отъ расходовъ на приданое и брачные пиры. Обыкновенно же браки заключались при посредствѣ свахъ, нерѣдко противъ воли брачащихся.

Жители города, казалось, были очень религіозны. По воскресеньямъ и по праздникамъ почти всѣ ходили къ заутренѣ и къ

обѣднѣ. Въ домахъ передъ иконами постоянно теплились лампадки. Кромѣ того, купцы заботились объ украшеніи церквей, лили громадные колокола, ставили вокругъ церквей ограды, а въ дѣлѣ благотворительности ограничивались раздачей по праздникамъ милостыни въ видѣ копеечныхъ или двухкопеечныхъ подаяній, большая часть которыхъ шла на кабаки.

Посты соблюдались очень строго. Но эта религіозность была чисто внѣшняя, не проникнутая духомъ христіанскаго ученья о любви. Была масса суевѣрій, которыя держались крѣпко, благодаря всеобщему невѣжеству.

Болѣе глубокой религіозностью отличались раскольники, которыхъ было не мало въ Торжкѣ. Кромѣ старообрядцевъ разныхъ толковъ, были еще раскольники австрійскаго священства, имѣвшіе собственную церковь. Раскольники очень дѣятельно поддерживали другъ друга въ матеріальномъ отношеніи, такъ что между ними не было крайней бѣдности. Въ нѣкоторыхъ сектахъ наблюдалась даже нѣкоторая общность имущества. Послѣдователи этихъ сектъ не имѣли права дѣлить оставшійся послѣ ихъ смерти капиталъ между дѣтьми и ближайшими наслѣдниками, въ пользу которыхъ поступала только самая малая часть капитала, все остальное поступало въ пользу общины. Сектанты эти составляли хорошую доходную статью полиціи, которая за это оставляла ихъ въ покоѣ безъ преслѣдованья, не трогая ихъ тайныхъ моленъ.

Въ настоящее время, конечно, многое перемѣнилось; число сектантовъ уменьшилось, и среди нихъ замѣчается внутреннее разложеніе.

Въ домашней жизни царствовалъ самый грубый, самый жестокій произволъ. Домохозяинъ былъ полный владыка въ своемъ домѣ— все передъ нимъ трепетало, все ему повиновалось; но въ то же время всѣ его обманывали, начиная съ жены и кончая послѣднимъ работникомъ. Деспотизмъ этотъ особенно тяжело отзывался на дѣтяхъ. Даже взрослые сыновья не смѣли шагу сдѣлать безъ воли родительской и все скрывали отъ нихъ.

Ни вина, ни водки не смѣли они пить въ присутствіи отца. Но, за то, вырвавшись на волю, они предавались грубому разврату и кутежамъ. Большею частію послѣ ужина, когда родитель отойдетъ ко сну, взрослые сыновья уходили изъ дома въ трактиры, гдѣ, кромѣ пьянства, предавались, разумѣется, и разврату. Это часто вело къ самымъ печальнымъ послѣдствіямъ, такъ какъ въ случаѣ заболѣванья сифилисомъ, что встрѣчалось нерѣдко, они скрывали отъ

родителей, лѣчились потихоньку у фельдшеровъ или рѣдко у кого-нибудь изъ врачей. При такихъ условіяхъ лѣченье шло неправильно, послѣдствіемъ чего часто являлись самыя застарѣлыя формы сифилиса. И все это вмѣстѣ съ пьянствомъ вело къ вырожденію цѣлыхъ родовъ. Особенно сильно кутила молодежь на пристаняхъ, куда ихъ посылали для закупки хлѣба вмѣстѣ со старшими приказчиками, которые въ своихъ интересахъ покровительствовали кутежамъ молодыхъ хозяевъ.

Дѣтей своихъ купцы учили очень мало, большею частью у мѣстныхъ дьяконовъ и причетниковъ читать, писать, часослову и первымъ правиламъ ариѳметики. Кромѣ приходскихъ школъ и уѣзднаго училища, другихъ учебныхъ заведеній не было. Нѣкоторые богатые купцы посылали кого-нибудь изъ своихъ сыновей въ коммерческое училище, но старики смотрѣли на это косо, усматривая въ этомъ вредное новшество. Теперь, конечно, не то; въ городѣ есть полная женская гимназія, довольно хорошо поставленное городское училище, мужская учительская семинарія, духовное училище и нѣсколько начальныхъ школъ. Все это устроилось въ теченіе тридцати лѣтъ, благодаря великимъ реформамъ Александра II.

Деспотизмъ и упорное отстаиванье традиціоннаго порядка жизни доходили до того, что въ жертву имъ приносились судьба и развитіе дѣтей. Разскажу по этому случаю одинъ печальный и очень характерный случей.

Однажды вечеромъ я былъ приглашенъ въ домъ довольно зажиточнаго купца Сусляева. Меня ввели въ комнату больного, который, какъ оказалось, находился въ сильномъ истерическомъ припадкѣ, вызванномъ опьяненіемъ. Это былъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати, сынъ хозяина. Когда истерическій припадокъ улегся, больной, заливаясь слезами, разсказалъ мнѣ, что у него есть страсть и способности къ музыкѣ и что онъ проситъ отца отпустить его въ Петербургъ для усовершенствованія, но отецъ упорно отказываетъ ему въ этомъ, мотивируя свой отказъ, между прочимъ, тѣмъ, что музыка не купеческое дѣло, что купецъ долженъ торговать, а не заниматься такимъ „зазорнымъ“ дѣломъ, которое можетъ только опозорить ихъ родъ. Я успокоилъ больного, сказавъ, что поговорю съ отцомъ и постараюсь убѣдить послѣдняго отпустить его, сына, въ Петербургъ. Но сколько я ни говорилъ на эту тему съ отцомъ, выставляя на видъ, что самое пьянство сына происходитъ отъ неудовлетворенности его стремленья, обѣщался помочь ему черезъ

своихъ знакомыхъ въ Петербургѣ устроить сына у какого-нибудь хорошаго учителя музыки, я постоянно встрѣчалъ упорный отказъ, мотивированный тѣмъ, что никогда въ ихъ роду не было музыкантовъ, что это можетъ опозорить ихъ родъ и что сынъ долженъ заниматься дѣломъ, т. е. торговлей.

Чѣмъ больше упорствовалъ отецъ, тѣмъ больше пьянствовалъ сынъ. Наконецъ, отецъ заперъ сына въ какую-то комнатку на вышкѣ, куда ему приносили обѣдъ. У него даже отняли плохое старинное фортепьяно, на которомъ онъ прежде упражнялся. Черезъ нѣсколько времени я снова былъ приглашенъ въ домъ Сусляева и нашелъ молодого человѣка въ самомъ ужасномъ состояніи. Онъ былъ остывши, весь синій, почти безъ пульса, конечности дрожали, слова онъ выговаривалъ плохо. Оказалось, что Николай Сусляевъ ухитрился какимъ-то образомъ вырваться съ вышки, сутокъ двое шлялся по кабакамъ, пропилъ тамъ свою одежду и, наконецъ, найденъ былъ въ какомъ-то рву близъ города. Въ этотъ разъ я довольно долго лѣчилъ несчастнаго больного, постоянно упрашивая отца отпустить его въ Петербургъ, хотя, быть можетъ, тогда было уже слишкомъ поздно, и постоянно встрѣчалъ со стороны отца тотъ же отказъ по тѣмъ же резонамъ. Тогда юноша окончательно сдѣлался пьяницей; и много лѣтъ еще можно было видѣть несчастнаго, бродившаго въ одной рубашкѣ и опоркахъ по кабакамъ или выпрашивавшаго въ гостиномъ дворѣ подаяніе, которое тотчасъ же пропивалось. А между тѣмъ у юноши были несомнѣнныя способности къ музыкѣ, какъ я слышалъ объ этомъ отъ двухъ-трехъ компетентныхъ лицъ, случайно слышавшихъ его игру.

Конечно, дѣло не всегда кончалось такъ трагически, какъ съ Сусляевымъ: молодые люди въ концѣ концовъ подчинялись жестокому произволу родителей и шли торговать; но сколько было загубленныхъ силъ и, быть можетъ, талантовъ, сколько разбитыхъ жизней!

Никакой общественной жизни въ городѣ тогда не было. Личность человѣка не имѣла никакихъ правъ, о которыхъ, впрочемъ, тогда никто не имѣлъ никакого понятія. Администрація была всесильна. Отъ нея впрочемъ легко было откупиться деньгами, и купечество дѣйствительно платило на каждомъ шагу, чтобы только избавиться отъ ея придирокъ и придирокъ полиціи. Въ душѣ же они презирали чиновниковъ, а въ особенности полицію.

Городскимъ головой былъ въ то время В. Г. Л., человѣкъ недалекій, но крайне тщеславный. De jure городскіе головы

должны были быть первенствующими лицами въ городѣ, такъ какъ всѣ хозяйственные интересы города находились въ ихъ рукахъ. Но на дѣлѣ это было далеко не такъ. Состоя въ сильной зависимости отъ администраціи, мало знакомые съ законами, нерѣдко малограмотные, они волей-неволей попадали подъ вліяніе своихъ секретарей, назначавшихся изъ чиновниковъ губернскаго правленія и губернаторской канцеляріи. Секретари вели журналы думскихъ засѣданій, завѣдывали всею думской канцеляріей и такимъ образомъ пріобрѣтали большое значеніе въ городскомъ управленіи. На долю же головы оставалось только, такъ сказать, внѣшнее представительство да обязанность откупаться отъ губернской администраціи. За это они получали медали и почетное гражданство.

У Л. страсть къ медалямъ была развита въ высшей степени, что, впрочемъ, имѣло и свои хорошія стороны. Такъ, для полученія лишней медали онъ выстроилъ на свой счетъ каменныя конюшни и казармы для двухъ эскадроновъ уланскаго полка. Въ большіе праздники онъ надѣвалъ мундиръ и всѣ имѣющіяся у него медали и являлся въ такомъ видѣ въ соборъ, а затѣмъ дѣлалъ визиты именитымъ гражданамъ города и наиболѣе вліятельнымъ помѣщикамъ, живущимъ въ городѣ.

Въ сущности онъ былъ человѣкъ добрый и довольно любимый гражданами, такъ что нѣсколько трехлѣтій выбирался головой.

Свои торговыя дѣла онъ велъ довольно плохо, большею частію въ кредитъ и наконецъ такъ запутался въ нихъ, что сдѣлался несостоятельнымъ должникомъ и покончилъ дни свои довольно печально въ тюрьмѣ.

При немъ, между прочимъ, былъ случай, который могъ бы кончиться трагически. Лѣтомъ 1863 года, возлѣ Торжка въ имѣніи Уваровыхъ, Спасскомъ, поселился на дачѣ одинъ петербургскій чиновникъ. Изрѣдка онъ приходилъ въ городъ для его осмотра. Однажды онъ прогуливался среди дня по глухой части города въ плащѣ и соломенной шляпѣ. Когда онъ шелъ по одному изъ маленькихъ переулковъ этой части, вспыхнулъ пожаръ. Сбѣжалось много народа, который, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, былъ въ крайне возбужденномъ состояніи. Явилась обычная мысль о поджогѣ. Какой-то уличный мальчишка крикнулъ, указывая на гуляющаго петербуржца: „Вотъ поджигатель, я самъ видѣлъ, какъ онъ подкладывалъ спички подъ заборъ“. Никому незнакомое лицо этого господина, его необычайный для новоторовъ костюмъ обратили на себя вниманіе возбужденной толпы, которая бросилась на него и хотѣла покончить съ нимъ собственнымъ судомъ (не

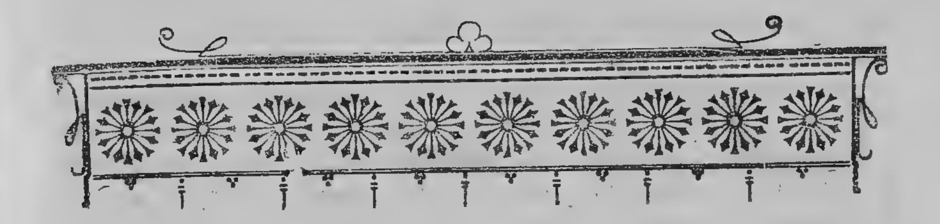
забудьте, что это было послѣ знаменитыхъ петербургскихъ пожаровъ 1862 года, въ которыхъ обвиняли студентовъ, нигилистовъ и т. д.). Не мудрено, что толпа повѣрила этому, особенно подзадориваемая купцомъ Вавулинымъ. Бывшій тутъ Л. былъ такъ ошеломленъ всѣмъ происходившимъ, что не оказывалъ никакого сопротивленія толпѣ. Къ счастью въ это время подоспѣла военная команда и нѣсколько офицеровъ съ полковымъ командиромъ. Имъ едва удалось вырвать несчастнаго изъ рукъ толпы и подъ военнымъ конвоемъ отвести его домой.

Вся эта исторія была разсказана въ одномъ изъ нумеровъ „Искры", и статья оканчивалась слѣдующимъ четырехстишіемъ:

„Давно Сквозника-Дмухановскаго нѣтъ,
И умеръ купчина Абдулинъ,
Зато въ Торжкѣ появились на свѣтъ
Городской голова и Вавулинъ".

Сообщ. Н. Д. Романовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).



Письма Н. П. Ломакина консулу Ѳ. А. Бакулину.

(О средне-азіатскихъ дѣлахъ).

Предлагаемыя письма бывшаго начальника Закаспійскаго Военнаго Отдѣла, генералъ-маіора Николая Павловича Ломакина, дошли до насъ, къ сожалѣнію, не вполнѣ: ни начала, ни конца переписки мы не имѣемъ. Это тѣмъ досаднѣе, что письма полны глубокаго интереса, главнымъ образомъ, конечно, со стороны политической.

Приводимъ краткій послужной списокъ обоихъ корреспондентовъ.

Николай Павловичъ Ломакинъ родился 31 января 1830 г. въ Баку и происходилъ изъ дворянъ Тифлисской губерніи. Воспитаніе получилъ въ Полоцкомъ кадетскомъ корпусѣ и окончилъ въ Дворянскомъ полку. Службу началъ въ 1848 году въ 19 артиллерійской бригадѣ.

Въ 1850—63 г.г. молодой офицеръ съ отличіемъ участвовалъ въ Кавказской войнѣ. Послѣ покоренія Кавказа Николай Павловичъ состоялъ для особыхъ порученій при командовавшемъ войсками Дагестанской области и затѣмъ, въ 1870 году, былъ назначенъ командиромъ мангишлакскаго отряда. Спустя четыре года мы видимъ Николая Павловича на отвѣтственной должности начальника Закаспійскаго Военнаго Отдѣла и вмѣстѣ съ тѣмъ начальника красноводскаго отряда.

Въ хивинскомъ походѣ, гдѣ участвовалъ Ломакинъ, какъ командиръ мангишлакскаго отряда, онъ прежде другихъ вступилъ въ непріятельскіе предѣлы, хотя прочіе отряды много раньше двинулись противъ Хивы.

За походъ и блестящее мужество, проявленное при штурмѣ Хивы, Николай Павловичъ получилъ три награды—чинъ генералъ-маіора, золотое оружіе и орденъ св. Владиміра 3-й степени съ мечами. Императоръ германскій почтилъ его боевыя заслуги въ эту тяжелую и опасную экспедицію орденомъ Краснаго Орла 2-й степени съ мечами и звѣздою, а персидскій шахъ—орденомъ Льва и Солнца 1-й степени. Въ 1876—1879 г.г. Н. П. участвуетъ въ рядѣ дѣлъ съ туркменами и ахалъ-текинцами, а въ 1881 году былъ назначенъ тифлисскимъ губернскимъ воинскимъ начальникомъ и спустя три года—командиромъ 24 мѣстной бригады. Въ 1886 году Николай Павловичъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты и въ 1887 году получилъ команду надъ 19 пѣхотной дивизіей. Въ періодъ 1890—1897 г. г. генералъ Ломакинъ временно командовалъ 12-мъ корпусомъ.

16 іюня 1897 г. кончилась служебная дѣятельность Николая Павловича,—онъ вышелъ въ отставку, по домашнимъ обстоятельствамъ, съ производствомъ въ полные генералы. Скончался генералъ Ломакинъ 14 февраля 1902 г. неожиданно, въ Тифлисѣ, оставивъ по себѣ лучшую память.

Послѣ него остались интересныя записки „Десять лѣтъ въ Закаспійскомъ краѣ“, печатающіяся въ настоящее время въ одномъ нашихъ журналовъ.

Ѳедоръ Абрамовичъ Бакулинъ родился 4 марта 1846 г., въ С.-Петербургѣ, и получилъ образованіе въ Лазаревскомъ Институтѣ Восточныхъ Языковъ, котораго курсъ кончилъ въ 1863 году съ золотою медалью. Въ институтѣ Ѳедоръ Абрамовичъ былъ однимъ изъ любимыхъ учениковъ Ив. Алексѣевича Зиновьева, позже нашего дипломатическаго представителя въ Константинополѣ. Подъ начальствомъ Зиновьева же Бакулину пришлось позже служить въ Персіи. Въ 1870 году Ѳ. А. былъ назначенъ исправляющимъ должность нашего консула въ Астрабадѣ, а спустя три года—утвержденъ въ этой должности.

Прекрасное знаніе языковъ, персидскаго и туркменскаго, умѣнье обращаться съ полудикими туземцами и блестящія дипломатическія способности быстро выдвинули Ѳ. А. изъ ряда нашихъ дипломатовъ и сдѣлали его имя популярнымъ въ Персіи. Къ глубокому сожалѣнію, Бакулинъ, во время своего пребыванія на Востокѣ, заразился маляріею. Болѣзнь заставила его просить о переводѣ. По пріѣздѣ въ С.-Петербургъ, Ѳ. А. получилъ мѣсто нашего дипломатическаго агента, но серьезно захворалъ. Надломленный организмъ не выдержалъ болѣзни, и 29 марта 1879 г. Ѳ. А. скончался въ

С.-Петербургѣ. Ему было всего 34 года. Для нашей бѣдной талантами тогдашней дипломатіи это была крупная потеря.

Ѳ. А. Бакулинъ былъ не чуждъ литературѣ. Его перу принадлежатъ два труда: „Очерки торговли съ Персіею" (Спб. 1875) и „Замѣтки о путяхъ на Востокъ отъ Мешхеда въ Авганистанъ" (ibid. 1879).

За сообщеніе писемъ генерала Ломакина приносимъ глубокую благодарность дочери Ѳ. А. Бакулина—Надеждѣ Ѳедоровнѣ Коняевой, за разрѣшеніе сдѣлать ихъ достояніемъ публики—ей же и вдовѣ Н. П. Ломакина, М. Т. Ломакиной.

В. Алексѣевъ.

1874 годъ.

Милостивый Государь
Ѳеодоръ Абрамовичъ!

Письмо Ваше отъ 16 іюля я получилъ вчера и немедленно спѣшу отвѣчать на оное.

О русскомъ плѣнномъ, находящемся въ Мервѣ, мнѣ давно уже было извѣстно. Это—туркестанскій артиллерійскій солдатъ, взятый въ плѣнъ текинцами минувшею зимою на правомъ берегу Аму-Дарьи, при слѣдованіи съ транспортомъ изъ Халатау въ Петро-Александровскъ. Объ освобожденіи его изъ плѣна и я, и начальникъ аму-дарьинскаго округа много хлопотали, но до сихъ поръ совершенно безуспѣшно.

Чорва [1]) перешла уже Атрекъ и находится теперь въ нашихъ предѣлахъ.

Къ освобожденію изъ плѣна Гулямъ-Риза я приму всѣ зависящія отъ меня мѣры и буду чрезвычайно радъ, если мнѣ удастся это сдѣлать. Тогда саабъ-ихтіаръ [2]) на дѣлѣ увидитъ, чьи подданные эти юмуды.

На всякій случай, посылаю Вамъ для свѣдѣнія копію съ письма моего саабъ-ихтіару (въ переводѣ). Дѣйствія персидскихъ чиновни-

---

[1]) Кочевники-юмуды.

[2]) Астрабадскій губернаторъ Сулейманъ-ханъ-авшаръ, большой пріятель русскихъ. Саабъ-ихтіаръ—почетный титулъ.

ковъ, желающихъ склонить юмудовъ (чорву) не переходить Атрекъ, далеко не соотвѣтствуютъ тѣмъ дружественнымъ заявленіямъ, которыя недавно еще я слышалъ отъ саабъ-ихтіара.

На прошлой недѣлѣ получилъ письма отъ хивинскаго хана и отъ полковника Иванова [1]). Въ Хивѣ все спокойно. Ученая аму-дарьинская экспедиція [2]) уже въ устьяхъ этой рѣки; но пароходамъ проникнуть вверхъ по теченію еще не удалось.

Текинцы, какъ мервскіе, такъ и ахалскіе, пока притихли, и о новыхъ грабежахъ ихъ ничего не слышно. Юмуды наши совершенно спокойны и покорны. Кочевья ихъ преимущественно теперь у колодцевъ и озеръ Бугдайлы, Шаирды и Шихъ, а часть и въ Балханахъ [3]).

Текинцы ахалскіе посылали недавно къ хивинскому хану (который почему-то считаетъ ихъ своими подданными) и къ полковнику Иванову десять человѣкъ старшинъ, съ изъявленіемъ покорности, преданности и проч. Безъ сомнѣнія, этимъ заявленіямъ нельзя придавать никакой вѣры.

Относительно казака Попова [4]) постараюсь сдѣлать все, что могу. Но я могу производить только за военныя отличія, за мирныя же доблести производитъ атаманъ, на вакансіи въ полку, и я могу только, въ этомъ случаѣ, ходатайствовать, что и сдѣлаю.

Прошу засвидѣтельствовать глубочайшее почтеніе мое Вашей супругѣ [5]).

---

[1]) Николай Александровичъ Ивановъ (1842—1904), замѣчательный администраторъ, былъ позже генералъ-губернаторомъ Туркестана. При немъ было улучшено гражданское управленіе и боевая подготовка мѣстныхъ войскъ, при чемъ они были перевооружены. Закаспійская область при Ивановѣ была присоединена къ Туркестану, основана крѣпость Кушка и, вообще, произведено множество преобразованій въ интересахъ процвѣтанія края.

[2]) Цѣлью этой экспедиціи было окончательное изслѣдованіе Узбоя, особенно въ серединѣ его, между Балла-Ишемомъ и Сары-Камышемъ,— пространство, остававшееся вовсе неизслѣдованнымъ,— и окончательное опредѣленіе возможности провода воды на высохшій Узбой изъ Аму-Дарьи, съ цѣлью орошенія безводныхъ степей, простирающихся на юго-западъ отъ хивинскаго оазиса.

[3]) Горный хребетъ.

[4]) Трубачъ казачьяго Гребенского полка, служившій въ Красноводскѣ. За Попова просилъ его братъ, урядникъ конвойной команды при нашемъ консульствѣ въ Астрабадѣ.

[5]) Софіи Семеновнѣ, рожденной Пацевичъ, вѣрной спутницѣ своего мужа, скончавшейся 7 апрѣля 1909 г. въ Гатчинѣ.

Въ половинѣ прошлаго мѣсяца сюда пришелъ изъ Хивы караванъ въ сто тридцать верблюдовъ полк[овника] Глуховского[1]).

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и преданностію
имѣю честь быть
Вашъ покорный слуга
Н. Ломакинъ.

4-го августа
Красноводскъ.

Милостивый Государь
Ѳедоръ Абрамовичъ!

По возвращеніи въ Красноводскъ съ послѣднею шхуною 30 сентября, я засталъ здѣсь второе Ваше любезное, обязательное письмо, за которое чрезвычайно Вамъ признателенъ.

Весь прошлый мѣсяцъ я былъ въ отлучкѣ изъ Красноводска,—ѣздилъ въ Астрахань, чтобъ встрѣтить возвратившееся изъ Петербурга мое семейство, а главное, чтобъ повидаться и переговорить съ начальн[икомъ] кавказ[скаго] горскаго управл[енія] генераломъ Франкини[2]), который присутствовалъ на всѣхъ происходившихъ въ Петербургѣ совѣщаніяхъ по Закаспійскому краю, выраженныхъ въ Высочайше утвержденномъ 13 августа протоколѣ Особой Комиссіи, состоявшейся по Высочайшему повелѣнію, подъ предсѣдательствомъ Его Высочества генералъ-адмирала[3]).

---

[1]) На торговые караваны полковника генеральнаго штаба Александра Ивановича Глуховского (1838—1912) была возложена задача точнаго и положительнаго изслѣдованія торговыхъ путей отъ Каспія къ Хивѣ. Караваны направлялись изъ Красноводска къ Хивѣ и обратно.

[2]) Викторъ Антоновичъ Франкини (1820—1892) въ 1860-хъ г.г. былъ нашимъ военнымъ агентомъ въ Константинополѣ, гдѣ въ совершенствѣ изучилъ турецкій языкъ, благодаря чему близко познакомился съ бытомъ, учрежденіями и боевыми силами турокъ. Въ 1870 г. Франкини былъ назначенъ завѣдующимъ военно-горскимъ управленіемъ на Кавказѣ, а послѣ русско-турецкой войны—первымъ нашимъ губернаторомъ вновь образованной Карской области. Въ 1881 году оставилъ службу и жилъ затѣмъ въ Италіи, занимаясь литературой. Лѣтомъ 1892 г. умеръ въ Аббаціи.

[3]) Особый Комитетъ былъ составленъ 27 іюля 1874 года, по Высочайшему повелѣнію, подъ предсѣдательствомъ В. К. Константина Николаевича, для обсужденія мѣръ по устройству Закаспійскаго Военнаго Отдѣла. Въ засѣданіи присутствовали В. К. Михаилъ Николаевичъ, какъ главнокомандующій кавказскою арміею, военный министръ Милютинъ, управляющій министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, временно-управляющій морскимъ министерствомъ адмиралъ Лесовскій, управляющій Азіатскимъ департаментомъ баронъ Остенъ-Сакенъ и генералъ Франкини. Въ этомъ засѣданіи были рѣшены слѣдующіе вопросы, возбужденные кавказскимъ на-

На случай, если Вамъ неизвѣстенъ этотъ весьма важный и интересный для насъ документъ, (копіи съ коего посланы вашему посланнику [1]) и начальнику астрабадск[ой] станціи [2]), я посылаю Вамъ его, частнымъ образомъ, для Вашего свѣдѣнія.

Мои обращенія къ юмудамъ и поѣздка въ Астрабадъ хотя и въ Петербургѣ надѣлали довольно шума; но, въ окончательномъ результатѣ, все вышло отлично, сообразно нашимъ видамъ и желаніямъ, для пользы края и блага народа.

16-го числа этого мѣсяца я надѣюсь быть на Атрекѣ, гдѣ останусь до зимы, чтобъ лучше ознакомиться съ мѣстностію, которая будетъ избрана подъ новое укрѣпленіе.

Въ настоящее время я въ большихъ хлопотахъ и сильно озабоченъ снаряженіемъ каравана, для отправленія отсюда въ Хиву товаровъ полков[ника] Глуховского. При караванѣ послѣдуетъ ученая экспедиція для окончательнаго изслѣдованія и нивеллировки Узбоя, особенно въ средней его части (отъ Балла-Ишема до Сары-Камыша), еще никѣмъ не извѣданной, поэтому караванъ пойдетъ все время по Узбою, отъ Игдовъ [3]) на Чарышлы. А какъ по этому мѣсту постоянно бродятъ текинцы, то дѣло это весьма рискованное и опасное.

Другая ученая экспедиція изслѣдуетъ теперь ископаемыя богатства въ Балханахъ,—нафтагиль (озокеритъ [4]), нефть и др.

чальствомъ: 1) какъ поступить относительно за-атрекскихъ туркменъ, перекочевавшихъ въ предѣлы Закаспійскаго Военнаго Отдѣла, 2) въ какихъ взаимныхъ отношеніяхъ должны находиться начальникъ Закаспійскаго Военнаго Отдѣла, начальникъ астрабадской морской станціи и посланникъ нашъ въ Тегеранѣ, и 3) не слѣдуетъ ли, въ видахъ лучшаго обезпеченія спокойствія въ Закаспійскомъ краѣ и для ближайшаго наблюденія за атрекскими туркменами, занять какой-либо пунктъ на Атрекѣ постояннымъ укрѣпленіемъ.

[1]) Нашимъ посланникомъ въ Тегеранѣ былъ тогда тайный совѣтникъ Бегеръ.

[2]) Начальникомъ нашей морской астрабадской станціи, помѣщавшейся на о. Ашуръ-адэ, „единственнымъ представителемъ силы и власти Россіи въ юго-восточной части Каспійскаго моря“, былъ капитанъ 1-го ранга, Порфирій Михайловичъ Зайкинъ. Умеръ 10 ноября 1878 г. въ чинѣ контръ-адмирала.

[3]) Игды—колодцы.

[4]) Углеводородъ, воскообразная масса шеколадно-бураго цвѣта, обезцвѣчивающаяся при обработкѣ сѣрною кислотой. Очищенный озокеритъ называется церазиномъ, или горнымъ воскомъ. Онъ имѣетъ твердость послѣдняго и служитъ суррогатомъ пчелинаго воска. Изъ церазина приготовляютъ дешевые сорта свѣчей, онъ же употребляется при лѣпкѣ моделей и проч.

Вообще, время настало довольно бойкое. Между прочимъ, недавно вышелъ ко мнѣ съ изъявленіемъ покорности извѣстный Софи-ханъ текинскій [1]), одинъ изъ главныхъ текинскихъ хановъ, человѣкъ весьма вліятельный и очень неглупый. Обѣщаетъ въ скоромъ времени открыть торговое караванное движеніе между Теке и Красноводскомъ.

Астрабадскому губернатору пришлю съ Атрека черезъ Васъ, съ разрѣшенія Его Высочества, четырехъ самыхъ лучшихъ соколовъ [2]).

Непосредственныхъ сношеній съ нимъ я имѣть не долженъ, а для предупрежденія какихъ-либо недоразумѣній, я и посланникъ въ Тегеранѣ должны сноситься возможно чаще и сообщать другъ другу свѣдѣнія о положеніи дѣлъ. По прибытіи на Атрекъ, я, въ силу этого, отправлю посланнику подробное сообщеніе о положеніи дѣлъ.

Глубочайшій поклонъ и привѣтъ Вашей супругѣ.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію
имѣю честь быть
Вашъ покорный слуга
Н. Ломакинъ.

4-го октября.
Красноводскъ.

Милостивый Государь
Ѳедоръ Абрамовичъ!

Письмо Ваше, отправленное ко мнѣ черезъ П. М. Зайкина, я получилъ уже по выходѣ изъ Чекишляра и потому не писалъ Вамъ прежде, будучи сильно занятъ хлопотами по выступленію отряда въ степь.

Мы уже пятый день стоимъ въ Баятъ-Аджи. Этотъ пунктъ довольно сильно укрѣпленъ самою природою и представляетъ всѣ удобства для занятія его подъ постоянное укрѣпленіе. Но подлѣ, внизъ по Атреку въ двадцати верстахъ, находится другой пунктъ, Гудрыли, который въ хозяйственномъ отношеніи еще удобнѣе для этой цѣли. Остается испытать оба пункта въ гигіеническомъ отношеніи и для этого необходимо будетъ, на основаніи постановленія

[1]) Кизилъ-арватскій ханъ Софи участвовалъ вначалѣ въ нападеніяхъ на наши войска, но затѣмъ оказалъ намъ большія услуги.

[2]) Что и было потомъ выполнено генераломъ Ломакинымъ. Охота съ соколами до сихъ поръ еще одинъ изъ любимѣйшихъ видовъ спорта въ современной Персіи. Въ концѣ XVII в. у одного шаха было болѣе 800 соколовъ. Нѣкоторые изъ нихъ умѣли хватать даже кабановъ, дикихъ козъ и антилопъ. Его Высочество—В. К. Михаилъ Николаевичъ.

протокола 27-го іюля, выставить здѣсь будущимъ лѣтомъ нѣкоторый отрядъ войскъ.

Вамъ уже извѣстно, вѣроятно, что, передъ выходомъ моимъ изъ Красноводска, текинцы, въ числѣ пятисотъ человѣкъ, напали, въ тридцативосьми верстахъ отъ насъ, на аулъ Хали-сердаря и истребили его [1]). Въ то время жилъ у меня и пользовался моимъ гостепріимствомъ Софи-ханъ, который теперь, судя по полученному мною отъ него вчера письму, дѣятельно и съ успѣхомъ хлопочетъ объ освобожденіи изъ плѣна людей изъ аула Хали-сердаря,—снаряжаетъ, будто бы, караванъ въ Красноводскъ и приготовилъ конвой изъ текинцевъ, для сопровожденія въ Хиву ученой экспедиціи для изслѣдованія Узбоя.

Переходъ нашъ отъ Чекишляра до Баятъ-Аджи совершенъ какъ нельзя благополучнѣе и сопровождался самыми благопріятными результатами. Всѣ атабаевскіе и джафарбаевскіе старшины [2]) выѣзжали навстрѣчу, хотя я никого изъ нихъ и не вызывалъ. Съ полною охотою и готовностію служить выставили верблюдовъ, барановъ, лошадей. На всѣхъ ночлегахъ и дневкахъ приходили къ намъ туркмены съ лѣваго берега (куда чорва уже перешла, изъ опасенія текинцевъ) и открывали базары.

Особенное значеніе и вліяніе на весь край имѣетъ выходъ ко мнѣ съ покорностію и предложеніемъ услугъ извѣстнаго Вамъ Муса-хана [3]), который явился съ тридцатью депутатами, — кромѣ своего племени, также и отъ племенъ акъ, куджукъ, дазъ, игдыръ, и другія чорвы.

Атабаевцы первый разъ еще явились русскимъ, и Муса-ханъ, какъ слышно, несмотря на всѣ настоянія и подарки саабъ-ихтіара, не былъ у него.

На-дняхъ выбѣжалъ къ намъ изъ-за Атрека одинъ плѣнный

---

[1]) Текинцы напали на аулъ Хали-сердаря, утромъ 9 октября и совершенно истребили его. 50 мужчинъ и 15 женщинъ и дѣтей были убиты, 150 ч.—взяты въ плѣнъ, въ томъ числѣ жена и дочь сердаря. Захвачено было все имущество вмѣстѣ со стадами барановъ и верблюдовъ. Нападавшіе лишились 40 человѣкъ. Самому сердарю удалось спастись бѣгствомъ лишь благодаря хорошей лошади, при чемъ, однако, онъ былъ раненъ, и его одежда въ нѣсколькихъ мѣстахъ пронизана пулями. Случай былъ очень серьезный, поэтому для преслѣдованія текинцевъ выслали отрядъ подполковника Кишинскаго, которому, съ помощью юмудовъ, удалось отбить баранту и спасти прочіе аулы отъ истребленія текинцами.

[2]) Атабаями и джафарбаями назывались два главныя племени юмудовъ.

[3]) Главный ханъ атабаевъ и частью другихъ племенъ, личность весьма вліятельная и уважаемая. Слѣдуетъ замѣтить, что раньше Муса-ханъ держался персидской стороны.

персіянинъ, захваченный подъ Астрабадомъ юмудами-чомуръ (осѣдлыми). У нихъ же находятся и другіе персидскіе плѣнные, объ освобожденіи коихъ бальюзъ [1]) писалъ П. М. Зайкину, а тотъ передалъ его просьбу мнѣ.

Постараюсь, пользуясь пріобрѣтеннымъ вліяніемъ въ чорвѣ, убѣдить старшинъ оной взять этихъ плѣнныхъ у чомуръ и доставить мнѣ. Это лучшее доказательство, насколько персидскія власти могутъ считать персидско-подданными, не говоря уже чорву, но [и] чомуръ, — постоянно осѣдло кочующихъ за Атрекомъ и считающихся безусловно персидскими подданными, которые безнаказанно грабятъ и уводятъ въ плѣнъ такихъ же подданныхъ. Чорва же за послѣднее время бросила грабежи и разбой. Во всѣхъ послѣднихъ случаяхъ этого участвовали только чомуръ.

Передайте мой привѣтъ Вашей супругѣ.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и преданностію
имѣю честь быть
Вашъ покорный слуга
Н. Ломакинъ.

3-го ноября.
Укр[ѣпленіе] Баятъ-Аджи.

P. S. Посылаю незапечатаннымъ конвертъ на имя посланника, для Вашего свѣдѣнія заключающейся въ ономъ бумаги, по прочтеніи коей покорнѣйше прошу приказать запечатать конвертъ посылаемой казенной облаткой и отправить въ Тегеранъ.

Милостивый Государь
Өеодоръ Абрамовичъ.

Я Вамъ отправилъ 3-го числа письмо и при немъ, въ незапечатанномъ конвертѣ, отзывъ мой посланнику о положеніи дѣлъ у насъ.

Пріѣздъ Ніяза [2]) хотя и былъ весьма непріятенъ для меня, но, во всякомъ случаѣ, радъ, что дѣло выяснилось и что они хотѣли схитрить, да не сумѣли. Ясно, что онъ подосланъ сюда, чтобъ разузнать, что̀ мы дѣлаемъ, кто у насъ бываетъ, что̀ говорятъ. Ніязъ— давно уже извѣстный мнѣ бродяга, шпіонъ и лазутчикъ. По-настоящему, его слѣдовало бы мнѣ заарестовать, но, „чтобъ гусей не раздразнить“...

---

[1]) У персовъ — лицо, завѣдующее дѣлами иностранцевъ въ Астрабадѣ.

[2]) Вліятельный туркменскій старшина (бей). Онъ былъ посланъ астрабадскимъ губернаторомъ и, по приказанію нашихъ властей, отправленъ обратно.

Передайте его саабъ-ихтіару, если онъ дѣйствительно при немъ служитъ, и просите наказать его. Если же онъ, какъ надо полагать, откажется отъ Ніяза, то объясните послѣднему, что у насъ шпіоновъ и лазутчиковъ обыкновенно вѣшаютъ и чтобъ онъ въ другой разъ не попадался мнѣ въ руки.

Посылаю Вамъ для свѣдѣнія копію съ перваго моего отзыва посланнику о положеніи дѣлъ у насъ [1]). Слѣдующіе же подобные отзывы, равно какъ и второй, буду посылать черезъ Васъ, незапечатанными, чтобъ Вы могли изъ нихъ знать, что пишу посланнику, и затѣмъ, запечатавъ ихъ,—отправлять къ нему съ Вашими курьерами.

Если, Богъ дастъ, все будетъ у насъ здѣсь благополучно, какъ было до сихъ поръ, то надѣюсь къ 20-му числу вернуться въ Гасанъ-Кули [2]) или Чекишляръ и затѣмъ думаю побывать въ Аширѣ.

Какъ бы было хорошо, если бы я могъ тамъ повидаться съ Вами или хоть съ Митрофанъ Григорьичемъ [3]), чтобы переговорить кое о чемъ!

До свиданія.

Поклонъ Вашей супругѣ.

Искренно Вамъ преданный

Н. Ломакинъ.

Не признаете ли возможнымъ протелеграфировать, на мой счетъ, въ Тегеранъ, гдѣ Фалькенгагенъ [4]) и какъ его дѣла [5])?

Сообщ. В. А. Алексѣевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) Ея при письмѣ не оказались.

[2]) Юмудскій аулъ къ югу отъ Чекишляра.

[3]) Секретарь астрабадскаго консульства, Митрофанъ Григорьевичъ Ждановъ, позже нашъ генеральный консулъ въ Смирнѣ.

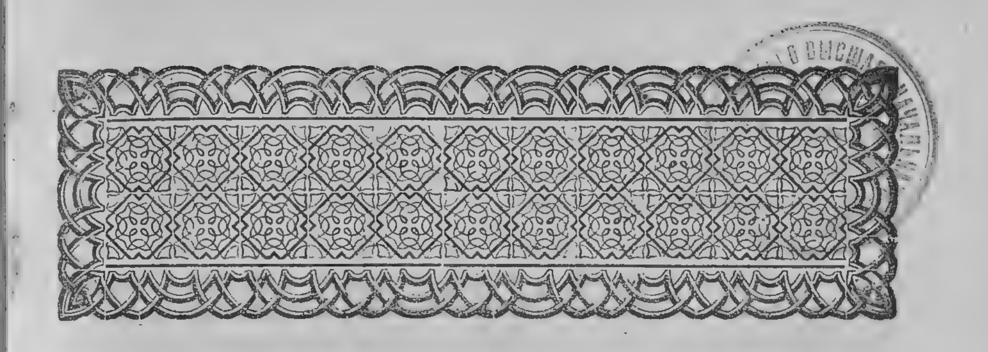
[4]) Инженерный генералъ, посланный въ Тегеранъ, чтобы получить отъ персидскаго правительства концессію на проведеніе желѣзной дороги между Энзели и Тегераномъ. Дѣло кончилось ничѣмъ. Фалькенгагенъ строилъ молъ въ Петровскѣ.

[5]) Ни числа, ни мѣста отправленія нѣтъ.

Редакторъ-издатель **П. Вороновъ.**

Григорій Антоновичъ

Захарьинъ.



Тысяча восьмисотый годъ.

III [1]).

Развитіе заговора противъ Императора Павла.—Опала Свѣчина и призывъ братьевъ Зубовыхъ въ Петербургъ.—Помилованіе опальныхъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ.—Сношенія гр. Н. П. Панина и гр. П. А. Палена съ Великимъ Княземъ Александромъ Павловичемъ.—Увольненіе Панина отъ службы.—Отношеніе Императора къ иностраннымъ представителямъ.—Перлюстрація.—Пребываніе въ Петербургѣ шведскаго короля Густава IV.—Вызовъ иностранныхъ государей на поединокъ.—Дружескія отношенія къ Франціи.—Смерть Рибаса.—Мѣры къ обезпеченію переворота.—Соглашеніе съ Великимъ Княземъ Александромъ.

Перемѣна во внѣшней политикѣ Императора Павла, лишившая графа Никиту Петровича Панина всякой надежды на будущее, побудила его окончательно добиваться исполненія намѣченнаго заговорщиками плана. Но, вступивъ въ сношенія съ Паленомъ, графъ Панинъ никакъ не предвидѣлъ, что всемогущій генералъ-губернаторъ еще въ августѣ 1800 года будетъ назначенъ командовать арміей, расположенной на прусской границѣ, и что его мѣсто займетъ генералъ Николай Сергѣевичъ Свѣчинъ. Перемѣну эту можно было объяснить только временнымъ неудовольствіемъ Императора, и Паленъ успѣлъ въ скоромъ времени возвратить себѣ его благосклонность, начальствуя войсками на осеннихъ маневрахъ въ Гатчинѣ. Но заговорщикамъ нужно было заручиться расположеніемъ и сочувствіемъ новаго

[1]) См. „Русская Старина", февраль 1913 г.

генералъ-губернатора. Сначала графъ Панинъ, а затѣмъ и Рибасъ пробовали склонить Свѣчина къ участію въ ихъ предпріятіи, но получили категорическій отказъ. Онъ объявилъ при этомъ, что не измѣнитъ ихъ довѣрію, чтобы доносомъ пріобрѣсти милость Государя, но, имѣя для этого всѣ средства, предоставленныя ему закономъ, сумѣетъ исполнить свою обязанность. „Спустя два дня послѣ этого, разсказываетъ самъ Свѣчинъ въ своихъ запискахъ, я утромъ былъ уволенъ отъ должности генералъ-губернатора и назначенъ сенаторомъ, а вечеромъ того же дня совсѣмъ отставленъ отъ службы“. Оставляемъ открытымъ вопросъ, чѣмъ была вызвана его внезапная опала. Можно думать, что послѣ категорическаго отказа энергическаго генерала содѣйствовать заговорщикамъ Ольга Александровна Жеребцова употребила для его удаленія все свое вліяніе на Кутайсова, съ которымъ она въ это время вступила въ родственныя связи (Лопухины, сестры фаворитки, вступили незадолго до этого въ бракъ: одна за сына Кутайсова, другая—за сына Жеребцовой). На мѣсто Свѣчина снова назначенъ былъ 27 октября петербургскимъ генералъ-губернаторомъ графъ Паленъ. Этотъ успѣхъ побудилъ Жеребцову къ новымъ искательствамъ чрезъ того же новаго ея родственника, Кутайсова, съ цѣлію призвать въ Петербургъ ея опальныхъ братьевъ, Зубовыхъ, жившихъ въ подмосковныхъ своихъ деревняхъ безвыѣздно подъ надзоромъ полиціи.

Ольга Александровна пустила для этого всѣ средства. Она убѣдила Кутайсова, что братъ ея, князь Платонъ Зубовъ, мечтаетъ жениться на его дочери, и вчерашній брадобрей былъ глубоко польщенъ мыслію имѣть своимъ зятемъ всемогущаго фаворита Екатерины; въ то же время она подкупила значительной суммой актрису Шевалье, извѣстную красавицу того времени, бывшую любовницей царскаго любимца и пользовавшуюся вниманіемъ самого Императора. Кутайсовъ умѣлъ ярко изобразить Императору Павлу раскаяніе Зубовыхъ и постигшія ихъ несчастія, доложилъ ему о брачномъ проектѣ, созданномъ Жеребцовой, и Павелъ, съ обычной своей быстротой, не замедлилъ призвать ко двору князя Платона Зубова и брата его Валеріана. Въ началѣ ноября они возвращены были изъ ссылки и осыпаны милостями: имъ отданы были ихъ имѣнія, находившіяся подъ секвестромъ, и оба они назначены были шефами кадетскихъ корпусовъ. Бывая постоянно при дворѣ и посѣщая Кутайсова, Зубовы тщательно слѣдили за положеніемъ дѣлъ и въ то же время упрочили свои связи съ Паленомъ, бывшимъ ихъ креатурой еще въ царствованіе Екатерины.

Графъ Паленъ спѣшилъ воспользоваться милостями царя къ Зубовымъ, чтобы напомнить ему о другихъ опальныхъ, постра-

давшихъ въ его царствованіе: 2 ноября именнымъ указомъ Сенату дозволено было всѣмъ выбывшимъ или исключеннымъ изъ службы военной или гражданской вновь вступить въ службу. Преслѣдуя свои цѣли—собрать въ Петербургѣ какъ можно болѣе недовольныхъ, графъ Паленъ исходатайствовалъ оговорку, чтобы всѣ таковые явились въ Петербургъ для личнаго представленія Государю. Болѣе 2.000 человѣкъ явились въ Петербургъ послѣ страшныхъ лишеній, испытанныхъ въ пути, безъ средствъ къ пропитанію, въ грязной и рваной одеждѣ. Сначала ихъ принимали милостиво и опредѣляли вновь на службу, но затѣмъ ихъ перестали допускать къ Императору и прошенія ихъ оставались безъ вниманія. Генералъ-губернаторъ видѣлъ въ нихъ людей озлобленныхъ и думалъ, что въ случаѣ нужды, они готовы будутъ на все.

Но самыхъ смѣлыхъ заговорщиковъ и болѣе всего лицъ, стоявшихъ во главѣ ихъ, не могла не смущать мысль о страшномъ для нихъ возмездіи, даже въ случаѣ удачи исхода заговора. Предъ этой мыслію останавливался самъ графъ Петръ Алексѣевичъ Паленъ, для котораго, повидимому, не существовало препятствій, и онъ, совмѣстно съ гр. Панинымъ, рѣшилъ привлечь къ заговору самого наслѣдника престола, Великаго Князя Александра Павловича. Личность Александра, казалось, представляла для этого много шансовъ на успѣхъ. Великій Князь не сочувствовалъ отцу въ его системѣ управленія и всегда, когда могъ, являлся ходатаемъ за опальныхъ и несчастныхъ. Ни для кого не составляло тайны, что Императоръ подозрительно относился къ сыну, котораго еще Екатерина думала объявить своимъ наслѣдникомъ, и что Александръ, съ своей стороны, старался своими дѣйствіями создать себѣ популярность. Еще въ 1798 году, съ началомъ фаворитизма Лопухиной, Александръ, по свидѣтельству своей супруги, пришелъ къ мысли о необходимости измѣнить „характеръ своего поведенія“ по отношенію къ отцу, т. е., оставаясь по внѣшности любящимъ почтительнымъ сыномъ, сосредоточить на себѣ надежды всѣхъ недовольныхъ царствованіемъ Павла. Быть можетъ, этимъ образомъ дѣйствій онъ думалъ спасти себя и династію отъ пропасти, въ которую влекъ ихъ причудливый деспотизмъ его отца. Не могъ онъ также не помнить, что его великая бабка сама не считала отца способнымъ царствовать и именно его, Александра, назначила себѣ въ преемники, и вотъ событія оправдывали это желаніе бабки. Лучше чѣмъ кто-либо Великій Князь зналъ настроеніе общества, созданное правленіемъ отца, и всю силу негодованія, вызваннаго его жестокими и произвольными дѣйствіями. Поэтому откровенія графа Панина о необходимости спасти Россію устраненіемъ Павла отъ дѣлъ правленія не были

для него неожиданны. Онъ вступилъ съ нимъ въ переписку и имѣлъ свиданія въ банѣ, гдѣ легче можно было скрыться отъ любопытныхъ взоровъ; на эти свиданія переодѣтый Панинъ являлся изъ предосторожности съ пистолетомъ въ карманѣ. Невозможность заставить отца добровольно отречься отъ престола затрудняла Великаго Князя, въ общемъ соглашавшагося принять на себя обязанности регента Имперіи. Въ этомъ заключался смыслъ его переписки съ Панинымъ. Впослѣдствіи, уже послѣ смерти Павла, когда Александръ, желая уронить Панина во мнѣніи Императрицы Маріи Ѳеодоровны, сообщилъ ей нѣкоторыя письма къ нему Панина, графъ писалъ Императрицѣ: „S'il agit d'une correspondance secrète avec Votre auguste fils, pour la juger il faut la voir toute entière, et il suffirait de mettre sous vos yeux les lettres de l'Empereur pour vous démontrer que ma conduite dans cette circonstance a été un titre à son estime et à sa confiance, pour vous convaincre, Madame, que vous ne pouvez pas m'accuser sans renier votre propre sang. Ma conduite, les motifs qui m'ont fait agir, peuvent, doivent même déplaire à l'epouse de Paul sans cesser d'être pourtant du nombre de ceux qui décident l'homme public; car, en affaires d'Etat l'homme public ne doit point s'arrêter aux cause personnels". Еще позже графъ Никита Петровичъ, въ рукописномъ „Récit" о своей опалѣ, завѣрилъ своихъ близкихъ: „il est vrai que je suis possesseur d'un papier autographe qui pourrait prouver jusqu'à évidence que tout ce que j'ai medité et proposé pour le salut d'Etat, quelques mois avant la mort de l'Empereur Paul, a eu la sanction de son fils; mais je ne ferai jamais usage de ce titre auprès de l'Impératrice-Mère parcequ'il pourrait être interprête déforablement à l'egard de l'Empereur Alexandre et que je veux respecter dans la personne d'un Prince, qui m'a méconnu, l'amour maternel au de là du tombeau et jusque dans ses erreurs". Эти категорическія увѣренія Панина о характерѣ сношеній его съ Александромъ подтверждаются другими современными извѣстіями и дальнѣйшимъ теченіемъ дѣлъ. Въ разгаръ сношеній съ Александромъ Панинъ былъ 15 ноября уволенъ отъ должности вице-канцлера, съ назначеніемъ сенаторомъ, а 18 декабря и вовсе отставленъ отъ службы, съ приказомъ выѣхать изъ Петербурга. Несмотря на всю свою осторожность Панинъ, вѣроятно, возбудилъ подозрительность Императора своими дѣйствіями. Даже о сношеніяхъ его съ Александромъ многіе знали въ высшемъ обществѣ. За пять дней до увольненія Панина отъ службы, датскій посланникъ въ Петербургѣ Розенкранцъ доносилъ 8 декабря своему правительству: „J'aprends que le comte Panin

communiquait par un canal quelconque au Grand Duc, héritier eventuel, la marche des affaires et même celle qu'il comptait leur faire prendre".

Обстоятельства благопріятствовали графу Панину. Императоръ Павелъ, волѣ котораго безпрекословно повиновалась вся Россія, въ сознаніи полноты своей власти, болѣе чѣмъ когда-либо не терпѣлъ противорѣчій. По выраженію графа Ростопчина, бывшаго въ то время, наравнѣ съ гр. Паленомъ, главнымъ его сотрудникомъ, Императоръ „хотѣлъ все дѣлать самъ, требовалъ, чтобы повелѣнія его исполнялись немедленно, и не допускалъ никакого противорѣчія своей волѣ. Приходилось наблюдать крайнюю осторожность, ловить благопріятныя мгновенія и пользоваться добрымъ расположеніемъ его духа, чтобы достигнуть отмѣны отданнаго приказанія, разубѣдить его въ чемъ-либо и склонить его къ мнѣнію, которое мнѣ казалось тогда лучшимъ". Не будемъ приводить въ доказательство справедливости этого отзыва Ростопчина фактовъ изъ внутренней жизни Россіи: запрещеніе привоза книгъ и музыкальныхъ нотъ изъ-за границы; дѣло Зейдера и капитана Кирпичникова, казнь Грузиновыхъ на Дону и т. д. Но въ это же время и во внѣшнихъ сношеніяхъ принимались важныя мѣры, поражавшія современниковъ своею необычайностію и рѣдкостью. Немедленно по занятіи Англіей острова Мальты, русскій торговый міръ пораженъ былъ 23 октября указомъ о наложеніи на англійскіе суда и товары амбарго: такимъ образомъ внезапно остановилась продажа русскаго сырья въ руки главнаго его покупателя въ самый бойкій періодъ осеннихъ запродажъ, и послѣдствіемъ этого были разореніе и банкротство многихъ русскихъ торговцевъ; главные же поставщики сырья, дворяне-помѣщики, вслѣдствіе страшнаго пониженія цѣнъ на хлѣбъ, пеньку, лѣсъ и т. д. потерпѣли крупные убытки. Эта мѣра Императора принесла вредъ скорѣе русскимъ, чѣмъ англичанамъ, и вызвала естественно общее раздраженіе.

Чтобы поправить дѣло, 22 ноября изданъ былъ новый указъ комерцъ-коллегіи: „Состоящіе на россійскихъ купцахъ долги англичанамъ повелѣваемъ впредь до разсчета платежемъ остановить, а имѣющіеся въ лавкахъ и магазинахъ англинскіе товары въ продажѣ запретить и описать". Это вторженіе въ сферу гражданскаго права было уже страшно по своей односторонности, ибо потерпѣвшими были, конечно, не одни купцы, коимъ давалась исключительная привилегія—не платить долговъ, но и лица всѣхъ сословій, причастныя къ товарообмѣну, и прежде всего производители, главнымъ образомъ, помѣщики-дворяне, которые, по точному смыслу указа, не освобождались, подобно купцамъ, отъ платежей англи-

чанамъ. Чтобы обуздать самовольства англичанъ на морѣ, Императоръ добился заключенія союза съ Швеціей и Даніей для поддержанія Екатерининскихъ принциповъ вооруженнаго нейтралитета. Но въ то же время отношенія его къ представителямъ союзныхъ державъ сдѣлались съ точки зрѣнія международнаго права недопустимыми: онъ третировалъ своихъ союзниковъ, какъ своихъ подданныхъ. Сардинскій посланникъ Бальба былъ высланъ изъ Петербурга въ нѣсколько часовъ за границу по неизвѣстной причинѣ: лишь впослѣдствіи узнали, что изъ перлюстрованныхъ депешъ его Императоръ усмотрѣлъ критическое отношеніе его къ нѣкоторымъ полицейскимъ мѣрамъ. Датскій посланникъ Розенкранцъ, сообщая объ этомъ своему двору, счелъ нужнымъ прибавить: „Il n'a point été dit, autant que je le sache, a M. de Balbe par quoi il a en le malheur de s'attirer cette disgrâce. Il n'est cependant pas doutaux que c'est sa conduite personnelle qui a déplu et que l'amitié de sa Majesté Impériale pour le Roi, son Maître n'a point été alterée“. Дипломатическій корпусъ въ Петербургѣ безмолвствовалъ при такой обидѣ своего товарища, какъ годомъ раньше молчаливо перенесъ запрещеніе Императора вступать въ какія-либо сношенія съ австрійскимъ посломъ въ Петербургѣ, Кобенцлемъ. Сардинскій король также не смѣлъ протестовать изъ боязни лишиться единственнаго своего защитника и, говоря словами Розенкранца, могъ только радоваться, что „l'amitié de S. M. J. pour le Roi n'a point alterée“.

Всеобщее вниманіе, впрочемъ, обратилъ на себя тотъ фактъ, что приказъ о высылкѣ Бальбо Высочайше повелѣно было передать ему его же пріятелю, вице-канцлеру, графу Панину, который вслѣдъ за тѣмъ въ тотъ же день уволенъ былъ отъ своей должности. Чрезъ нѣсколько дней, впрочемъ, Розенкранцъ успѣлъ узнать „par canal quelconque“, что до свѣдѣнія Павла дошло перлюстрованное письмо Бальбо, въ которомъ этотъ дипломатъ сообщалъ своему правительству, что онъ имѣлъ дѣловой разговоръ съ вице-канцлеромъ, „qui était le seul ministre rien pensant, tandisque tous les entours de l'Empereur sont des queux, rendis aux Français“ (подлинныя выраженія Бальбо)“. Предположили, что это письмо переполнило чашу терпѣнія Павла, и ранѣе не благоволившаго къ Панину: еще мѣсяцъ тому назадъ объявленъ былъ ему чрезъ Ростопчина высочайшій выговоръ за то, что онъ говорилъ Розенкранцу о постигшемъ нѣкоторыя мѣстности Россіи неурожаѣ [1]). Увольняя Панина, Императоръ выразился, что „c'est

[1]) Дневникъ, 16 октября.

un Romain, sur qui la disgrâce ne ferait point d'impression" [1]).

Не меньшее впечатлѣніе на дипломатическій корпусъ произвело открытіе, что подкупленный камердинеръ прусскаго посланника графа де-Лузи доставлялъ гр. Ростопчину донесенія и письма своего хозяина. Перлюстрація вообще была въ большомъ ходу, и въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ были спеціалисты по разбору шифровъ. Императоръ Павелъ лично входилъ въ подробности дешифрированія депешъ иностранныхъ представителей, давая для этого Ростопчину свои указанія [2]). Розенкранцъ, обращая вниманіе своего правительства на печальные эпизоды съ Бальбо и Лузи, выражалъ опасеніе и за себя лично, прося въ предупрежденіе возможныхъ случайностей прислать ему новый шифръ для переписки [3]). Опасенія эти не были напрасны: очевидно, что донесенія Розенкранца не нравились Императору Павлу, потому что 20 декабря послѣдовало Высочайшее повелѣніе: „миссіи датской всей выѣхать отсюда".

Но менѣе безцеремонно поступалъ Императоръ Павелъ и съ другимъ своимъ союзникомъ, Швеціей, на этотъ разъ въ лицѣ ея короля, Густава IV, прибывшаго въ началѣ декабря въ Петербургъ для скрѣпленія личнымъ свиданіемъ съ повелителемъ сѣвера союзнаго съ нимъ договора. Упорный, взбалмошный характеръ короля, достаточно проявившій себя четыре года тому назадъ при сватовствѣ за Великой Княжной Александрой Павловной, не обѣщалъ ничего хорошаго изъ встрѣчи его съ Императоромъ Павломъ. Дѣйствительно, Императоръ счелъ себя оскорбленнымъ нѣкоторыми неосторожными выходками „ничтожнаго королька", далъ въ концѣ концовъ замѣтить, что пребываніе его въ Россіи длится слишкомъ долго. Уже простившись съ Императоромъ, король не принялъ оффиціальнаго отъ него письма, при которомъ препровождался орденъ св. Іоанна Іерусалимскаго, потому, что въ немъ пропущенъ былъ титулъ „Норвежскаго наслѣдника", и вмѣстѣ съ тѣмъ отказалъ въ пожалованіи графу Кутайсову высшаго шведскаго ордена Серафимовъ на томъ основаніи, что послѣдній не имѣлъ еще ордена св. Андрея. Тогда разгнѣванный Павелъ велѣлъ тотчасъ же возвратиться придворной свитѣ и кухнѣ, назначеннымъ сопровождать короля до границы, такъ что безъ помощи одного финскаго свя-

---

[1]) Депеша Розенкранца отъ 13 декабря.

[2]) Дневникъ, 16 октября.

[3]) „Je vous envoye le chiffre Prussien, писалъ онъ Ростопчину 7 октября 1800 г., c'est le nouveau et mettez-vous a l'ouvrage à dechiffrer tout de que Lousi a écrit. Ecrivez-moi demain si ce chiffre est bon, car je crains que cela ne sait celui que nous avons déjà". Дневникъ Ростопчина.

щенника король и сопровождавшія его лица не имѣли бы пропитанія. Графу же Кутайсову тотчасъ былъ пожалованъ орденъ св. Андрея. Вслѣдъ затѣмъ для большаго наказанія „королька" запрещенъ былъ 19 декабря вывозъ хлѣба въ Швецію. Отношенія Россіи къ Пруссіи оставались напряженными, потому что Пруссія еще не выказывала склонности присоединиться къ союзу сѣверныхъ державъ противъ Англіи, но Императоръ, по старымъ своимъ симпатіямъ къ ней, пока щадилъ ее; мало того, онъ выразилъ ей свое благоволеніе въ весьма странной формѣ. 8 декабря дано было слѣдующее повелѣніе гр. Ростопчину: „когда прусскій министръ говорить будетъ о позволеніи ссылать въ Сибирь преступниковъ своихъ, то ихъ принимать". Къ счастію для достоинства Россіи, повелѣніе это не было приведено въ исполненіе.

Съ высылкой датскаго посольства изъ Петербурга тѣсно связанъ комическій фарсъ, плодъ игриваго ума Императора Павла, вызова государей Европы на поединокъ для рѣшенія всѣхъ спорныхъ вопросовъ. Вызовъ этотъ, собственноручно написанный Павломъ по-французски, былъ переведенъ, по его приказанію, поэтомъ Коцебу на нѣмецкій языкъ для помѣщенія въ „Гамбургской Газетѣ". „Вы слишкомъ хорошо знаете свѣтъ, сказалъ онъ при этомъ Коцебу, чтобы не слѣдить за текущими событіями. При этомъ я часто поступалъ глупо (ich habe mich oft dumm benommen), и справедливость требуетъ, чтобы я за то былъ наказанъ, и въ этихъ видахъ я самъ наложилъ на себя покаяніе". Статья Императора была слѣдующаго содержанія: „Насъ извѣщаютъ изъ Петербурга, что русскій Императоръ, видя, что европейскія державы не могутъ согласиться между собою, и желая положить конецъ войнѣ, уже одиннадцать лѣтъ терзающей Европу, намѣренъ предложить мѣсто, въ которое онъ пригласитъ всѣхъ государей прибыть и сразиться между собою на поединкѣ, имѣя при себѣ въ качествѣ приспѣшниковъ, судей поединка и герольдовъ, просвѣщеннѣйшихъ своихъ министровъ и искуснѣйшихъ генераловъ, какъ-то: гг. Тугута, Питти, Бернсторфа, при чемъ онъ самъ намѣренъ взять съ собою генераловъ Палена и Кутузова. Не знаемъ, вѣрить ли этому; однако же извѣстіе это, повидимому, не лишено основанія, ибо носитъ отпечатокъ тѣхъ свойствъ, которыя ему часто приписывали". Дѣйствительно, эту шутку несчастнаго Государя приняли всѣ, въ особенности его враги, за нѣчто серьезное и видѣли въ ней отпечатокъ психической ненормальности, которую стали ему приписывать. Очевидно, что самъ Императоръ понялъ значеніе ложнаго шага, имъ сдѣланнаго, но для объясненія вызова, напечатаннаго и въ русскихъ газетахъ, напечатана была въ „С.-Петербургскихъ" и „Московскихъ"

вѣдомостяхъ (19 и 27 февраля 1801 г.) статья не менѣе страннаго содержанія:

„Наконецъ открылось, что означаетъ извѣстіе, помѣщенное 30-го числа минувшаго декабря въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ № 24 и 34. Загадка разрѣшена. Въ россійскомъ императорскомъ кабинетѣ никакой не произошло перемѣны, и политическія дѣла остались въ прежнемъ положеніи. Статья сія, которую никто понять не могъ (sic!), извлечена изъ нѣкотораго письма, писаннаго въ Копенгагенъ бывшимъ датскимъ при россійско-императорскомъ дворѣ министромъ Розенкранцемъ. Говорятъ, яко бы Его Императорское Величество во время стола въ день Рождества Христова сказалъ: „Что весьма хорошо бы было, если бы Государи рѣшились прекратить взаимныя ихъ несогласія, по примѣру древнихъ рыцарей, на опредѣленномъ для ихъ подвиговъ полѣ“. На сей-то шуткѣ помянутый датскій министръ основалъ извѣстіе, которое онъ посылалъ въ Копенгагенъ. Остановленное на почтѣ письмо его было распечатано и представлено Его Императорскому Величеству. Его Величеству благоугодно было приказать напечатать въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ краткую изъ онаго выписку и разослать оную ко всѣмъ своимъ министрамъ, при иностранныхъ дворахъ находящимся. Въ то же самое время Его Императорское Величество приказать изволилъ всему датскому посольству выѣхать изъ Петербурга. Въ нѣкоторыхъ письмахъ утверждаютъ, будто бы г. Розенкранцъ предупредилъ сіе повелѣніе и будто бы императорскіе драгуны не могли его догнать. Впрочемъ, происшествіе сіе, повидимому, никакой не произвело перемѣны въ добромъ согласіи между сими двумя дворами. Изъ Копенгагена пишутъ, что нейтральный трактатъ ратификованъ его величествомъ, королемъ датскимъ, 10-го числа сего мѣсяца, т. е. спустя мѣсяцъ послѣ подписанія онаго. (Изъ англійскаго журнала)“.

Очевидно, это ad hoc неловко придуманное объясненіе никого не могло обмануть. Мы теперь знаемъ всѣ подробности исторіи съ вызовомъ, переданныя Коцебу въ его „Достопамятномъ годѣ моей жизни“, и можемъ достовѣрно заключить, что Розенкранцъ былъ тутъ ни при чемъ. Точно также совершенно невѣрно, будто шутка о вызовѣ сказана была Государемъ въ день Рождества Христова: „Дневникъ“ Ростопчина указываетъ точно дату изгнанія датской миссіи—20 декабря, а переводилъ Коцебу составленный Государемъ вызовъ, по его показанію, въ первой половинѣ декабря. И въ чемъ была вина Розенкранца, если онъ сообщилъ своему правительству о шуткѣ Государя, уже предназначенной къ опубликованію? Наконецъ, самый фактъ сознанія русскаго правительства въ перлю-

страціи донесеній иностранныхъ агентовъ при русскомъ дворѣ едва-ли былъ умѣстенъ въ русскихъ газетахъ. Но поразительнѣе всего было сообщеніе, что высылка иностранной миссіи въ полномъ ея составѣ по самому ничтожному поводу и обращеніе съ представителемъ дружественнаго двора, „comme s'il était un vagabond sans aveu",—„никакой не произвело перемѣны въ добромъ согласіи между двумя дворами". Не мудрено, что Императоръ Павелъ не хотѣлъ видѣть границъ своему всемогуществу.

На-ряду съ этими дѣйствіями Императора Павла на дипломатическомъ поприщѣ укрѣплялись дружескія отношенія къ Франціи. Получивъ донесенія Спренгпортена, отправленнаго во Францію для пріема русскихъ плѣнныхъ, о почетномъ пріемѣ, оказанномъ ему первымъ консуломъ, Императоръ Павелъ написалъ 18 декабря генералу Бонапарту собственноручное письмо, въ которомъ онъ предлагалъ ему „возвратить міру спокойствіе и тишину, въ которыхъ онъ такъ нуждается". Почти въ это же время получилъ онъ и отъ перваго консула письмо, гдѣ новый владыка Франціи заявлялъ, что какъ скоро Русскій Государь пришлетъ къ нему довѣренное лицо съ полномочіями, то чрезъ 24 часа спокойствіе водворится на материкѣ и на моряхъ. Прямымъ послѣдствіемъ этого письма было записанное въ „Дневникѣ" Ростопчина Высочайшее повелѣніе, данное въ день Рождества Христова: „внушить королю французскому, чтобы ѣхалъ изъ Митавы". Этимъ распоряженіемъ Императоръ Павелъ отказывалъ гонимому Людовику XVI въ гостепріимствѣ, еще такъ недавно широко ему предложенномъ, и окончательно порывалъ связи со всѣми сторонниками „de la bonne cause", столь многочисленными въ петербургскомъ обществѣ. Всѣ французскіе эмигранты, изъ которыхъ многіе успѣли уже хорошо пристроиться на русской службѣ и даже породниться съ русской аристократіей, чувствовали, что и на нихъ надвигается страшная гроза...

Любопытно, что, по игрѣ капризной судьбы, другъ и сотрудникъ графа Панина, адмиралъ де Рибасъ началъ пользоваться благоволеніемъ Императора почти съ того самаго дня, когда другъ его лишился вице-канцлерскаго мѣста. 14-го декабря де Рибасъ, пользовавшійся репутаціей опытнаго дѣльца, при начавшихся приготовленіяхъ къ войнѣ съ Англіей, назначенъ былъ помощникомъ графа Кутайсова, президента адмиралтействъ-коллегіи и, за его болѣзнью, сдѣлался докладчикомъ Императора по морской части. Посѣдѣлый въ интригахъ, коварный итальянецъ умѣлъ вкрасться въ довѣріе Государя настолько, что Павелъ былъ отъ него въ восхищеніи. Угадывая мысли Государя, онъ обнадеживалъ его быстрымъ вооруженіемъ флота, предназначеннаго къ дѣйствіямъ про-

тивъ флота, и приведеніемъ Кронштадта на положеніе неприступной крѣпости, хотя, по словамъ Шишкова, эти обнадеживанія основывались на мѣрахъ „игрушечнаго“ свойства. Но важно было то, что Рибасъ задумался надъ выборомъ пути, которому онъ долженъ былъ слѣдовать. Возникалъ вопросъ, не лучше ли воспользоваться довѣріемъ Царя и его милостями, чтобы, предавъ товарищей своихъ по заговору, обезпечить свое будущее? На эти мысли должна была натолкнуть Рибаса особенная близость его къ іезуитамъ и къ главѣ ихъ въ Россіи, патеру Груберу, пользовавшимся въ то время чрезвычайною благосклонностью великаго магистра ордена Іоаннитовъ, т. е. Императора Павла. Во всякомъ случаѣ, милости Императора Павла были гибельны для Рибаса: его союзники и друзья по заговору знали его предательскую натуру и боялись несомнѣнно, что онъ не устоитъ противъ искушенія. Кутайсовъ и сестра княгини Гагариной, фаворитки Павла, бывшая замужемъ за сыномъ Жеребцовой, каждое неосторожное слово Рибаса, сказанное Императору, могли узнать отъ самого Павла и передать друзьямъ Рибаса, столь интересовавшимся его возвышеніемъ. Какъ бы то ни было, но не прошло и двухъ недѣль послѣ начала всеподданнѣйшихъ докладовъ Рибаса, какъ онъ внезапно заболѣлъ какою-то странною болѣзнью. Другъ его, графъ Никита Петровичъ Панинъ, съ самаго начала болѣзни Рибаса, не отходилъ отъ его постели и даже не допускалъ къ нему Грубера. По преданію, сообщенному М. Н. Лонгиновымъ, Рибасу дали, наконецъ, „по ошибкѣ“ вредное лѣкарство, принявъ которое, онъ 2 декабря уже отдалъ Господу Богу грѣшную свою душу. Пушкинъ записалъ со словъ современниковъ, что незадолго до своей смерти Рибасъ будто бы раскаялся въ своемъ соучастіи въ заговорѣ и думалъ написать о томъ Императору, но не успѣлъ. Зная характеръ Рибаса, едва-ли мы ошибемся, если отнесемъ это его запоздалое „раскаяніе“ ко времени, предшествовавшему его болѣзни. Несомнѣнно одно, что привести свое намѣреніе въ исполненіе ему не удалось бы во всякомъ случаѣ: слишкомъ зорко слѣдили за нимъ его же единомышленники.

Уѣзжая изъ Петербурга послѣ разразившейся надъ нимъ опалы, графъ Никита Петровичъ Панинъ оставлялъ дѣло заговора въ зачаточномъ еще видѣ, но въ надежныхъ рукахъ графа Палена. Мы уже видѣли, что Паленъ не раздѣлялъ иллюзіи своего истиннаго друга о возможности перемѣны правленія путемъ, имѣвшимъ видъ законности, напр., рѣшеніями Сената. Съ самаго начала Паленъ рѣшилъ дѣйствовать путемъ насильственнаго переворота, для чего, прежде всего, требовалось заручиться согласіемъ наслѣдника престола. За отъѣздомъ Панина, графъ Паленъ вынужденъ былъ самъ

лично вести переговоры съ Великимъ Княземъ Александромъ Павловичемъ.

Съ Паленомъ Великому Князю вести дѣло было труднѣе, такъ какъ онъ требовалъ перехода отъ словъ къ дѣлу: на энергическія настоянія генерала невозможно было отдѣлываться общими фразами, „слушать, вздыхать и не отвѣчать ничего". „Я рѣшилъ, наконецъ,— разсказывалъ графъ Паленъ графу Ланжерону,—проломать ледъ и высказать ему откровенно и прямо все то, что по-моему нужно было дѣлать. Александръ сначала показалъ видъ, что онъ отвергаетъ мой проектъ; онъ сказалъ, что онъ не отрицаетъ опасности, въ которой находится имперія и онъ самъ, но что онъ рѣшилъ терпѣть все, лишь бы не предпринимать ничего противъ отца. Этотъ отвѣтъ меня не удовлетворилъ и я возобновилъ свои настоянія, давая ему чувствовать всю неотложность переворота, котораго необходимость ясна была съ каждымъ новымъ днемъ, съ каждымъ новымъ безумствомъ (une nouvelle folie); я пробовалъ льстить и устрашить, представляя, что ему остается выбирать между трономъ или тюрьмой и даже плахой. Мнѣ удалось, наконецъ, поколебать его сыновнюю почтительность и даже опредѣлить, совмѣстно съ Панинымъ, средства къ предпріятію, необходимость котораго онъ не могъ не признавать. Но я долженъ сказать правду, что Великій Князь не соглашался ни на что до тѣхъ поръ, пока не вырвалъ отъ меня самой священной клятвы въ томъ, что на жизнь его отца не будетъ произведено никакого покушенія. Я не былъ настолько лишенъ здраваго смысла, чтобы не сознавать невозможности исполнить это обѣщаніе, но нужно было успокоить щекотливость моего будущаго Государя и я его успокоилъ въ этомъ отношеніи, вполнѣ, впрочемъ, увѣренный, что требованіе его не будетъ исполнено".

Изъ разсказа графа Палена можно предполагать, что Панинъ еще во время пребыванія своего въ Петербургѣ согласенъ былъ на насильственный переворотъ и связанныя съ нимъ послѣдствія,— что онъ впослѣдствіи энергически отрицалъ, и что Великій Князь, совмѣстно съ Паленомъ и Панинымъ, еще въ декабрѣ 1800 года принималъ мѣры для подготовленія переворота. „Императору,— говоритъ тотъ же Паленъ, — внушили нѣкоторыя подозрѣнія о моихъ связяхъ съ Великимъ Княземъ Александромъ, и мы объ этомъ знали. Я не могъ посѣщать Великаго Князя, мы не могли даже долго разговаривать между собою, несмотря на то, что насъ сближали служебныя обязанности. Поэтому мы сообщали другъ другу свои мысли и необходимыя указанія только посредствомъ писемъ (вѣра, признаюсь, неблагоразумная и опасная, но неизбѣж-

ная). Великій Князь на наши письма отвѣчалъ своими, которыя передавалъ мнѣ Панинъ; мы ихъ читали, составляли на нихъ отвѣтъ и затѣмъ тотчасъ же сжигали ихъ. Однажды Панинъ сунулъ мнѣ въ руку одно такое письмо въ пріемной Императора прежде, чѣмъ Государь вышелъ. Я думалъ, что буду имѣть время прочесть это письмо, отвѣтить на него и сжечь, но Павелъ внезапно вышелъ изъ своей спальни, увидѣлъ меня, позвалъ и увлекъ меня въ свой кабинетъ, дверь котораго онъ закрылъ: я едва имѣлъ время спрятать письмо Великаго Князя въ свой правый карманъ".

„Императоръ,—продолжалъ разсказъ свой Паленъ графу Ланжерону, — говорилъ со мною о пустякахъ. Въ этотъ день онъ былъ въ хорошемъ настроеніи духа: онъ смѣялся, шутилъ и, наконецъ, хотѣлъ запустить руки въ мои карманы, сказавши: „мнѣ хочется посмотрѣть, что у васъ тамъ; быть можетъ, любовныя записочки?"— Вы меня знаете, любезный Ланжеронъ, вы знаете, что я не трусливъ и не легко теряюсь, но я долженъ признаться, что, если бы въ этотъ моментъ мнѣ пустили кровь, то изъ моихъ жилъ не вышла бы ни одна капля крови".

— „Какъ же вы вышли изъ этой опасности?" — спросилъ Ланжеронъ.

— „Вотъ какимъ образомъ,— отвѣчалъ Паленъ.— Я говорю Императору: „Государь, что же вы дѣлаете? Оставьте это. Вы терпѣть не можете табаку, а я очень люблю его нюхать. Мой платокъ имъ совсѣмъ запачканъ, вы загрязните себѣ руки, ваши пальцы пропитаются противнымъ для васъ запахомъ". Тогда Императоръ отдернулъ свои руки и сказалъ: „Фи, какая гадость! Вы правы". Вотъ какимъ образомъ я спасся!"

Когда Великій Князь рѣшилъ дѣйствовать со мной, то я пріобрѣлъ важнѣйшій залогъ для успѣха... Онъ мнѣ отвѣчалъ за содѣйствіе своего Семеновскаго полка...

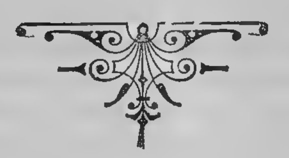
Тайна сношеній Великаго Князя съ Паленомъ и Панинымъ, однако, не могла остаться тайной для многихъ. Уже въ началѣ царствованія Александра удаленный отъ дѣлъ графъ Ростопчинъ, въ письмахъ къ князю Циціанову, сообщалъ ему, что у него въ рукахъ былъ такой автографъ Александра, что если бы онъ поднесъ его Императору Павлу, то Великому Князю грозила страшная участь. Письма Александра не всѣ уничтожались. Мы видѣли, что такой же автографъ былъ у Панина; тѣмъ более основаній думать, что и графъ Паленъ, спеціально изучавшій „пфиффигологію", не устоялъ противъ искушенія запастись на всякій случай доказательствомъ участія Александра въ заговорѣ. Разъ попавши

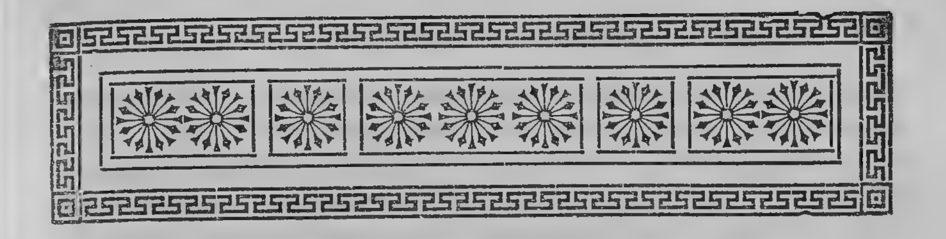
въ сѣти такихъ мастеровъ въ дѣлѣ заговоровъ, какъ Панинъ и Паленъ, Александръ долженъ былъ идти по наклонной плоскости, уже не оглядываясь назадъ: ему уже не было возврата!

Ничего не вѣдавшая Императрица Марія Θеодоровна писала 21 декабря Нелидовой: „Pahlen est un digne et estimable homme et le seul homme en place que j'estime encore"...

Россія вступала въ 19-е столѣтіе, при самыхъ мрачныхъ и ужасныхъ ожиданіяхъ общества...

Е. С. Шумигорскій.





Борьба съ антихристомъ подъ городомъ Тирасполемъ [1]).

Старица Виталія, руководившая своими сподвижницами, между прочимъ, посвящала нѣкоторыхъ изъ нихъ, согласно ихъ просьбѣ и желанію" [2]).

Опредѣленнаго времени для общихъ моленій не было; монашки собирались въ общую келью по стуку въ стѣну. Въ скиту начинала молитву („замолитвовала") Виталія; въ нашемъ домѣ замолитвовала мать; читались часы, каноны,

---

[1]) См. „Русская Старина" мартъ 1913 г.

[2]) Ѳ. Ковалевъ, въ частности, съ подробностію останавливается на изложеніи тѣхъ пріемовъ, къ которымъ прибѣгала Виталія при совершеніи отдѣльныхъ священнодѣйствій. Чинъ посвященія въ монашество учинялся такимъ образомъ: въ нѣкоторомъ разстояніи отъ иконы, помѣщенной на полкѣ у стѣны келіи, ставилась посвящаемая, а по сторонамъ ея устанавливались другія странницы. Ставъ противъ иконы почти у самаго порога келіи, посвящаемая начинала креститься и произносила слѣдующія слова: „Боже, милостивый буди мнѣ грѣшному". По произношеніи этихъ словъ, она становилась на колѣни и приникала головой къ землѣ. Въ такомъ положеніи она оставалась, пока хоръ странницъ и монашекъ не пропоетъ три раза молитву—тропарь „объятія отче". Затѣмъ посвящаемая вставала, дѣлала два или три шага впередъ и опять крестясь произносила: „Создавъ мя Господи и помилуй мя". Хоръ повторялъ „объятія отче". Наконецъ, за третьимъ разомъ посвящаемая говорила: „безъ числа согрѣшила, Господи, прости мя грѣшную" и хоръ опять вторилъ: „объятія отче", за симъ посвящаемая подходила къ Виталіи, стоявшей тутъ же у иконы, получала отъ нея монашеское одѣяніе, разложенное на столѣ, и облачалась въ таковое. Одѣяніе заключалось въ слѣдующихъ предметахъ: въ небольшомъ деревянномъ крестикѣ, надѣвавшемся на шею подъ рубаху, въ камилавкѣ, въ черной шерстяной мантіи, обшитой вокругъ краснымъ шнуркомъ, въ ременномъ поясѣ, въ сандаліяхъ и въ парамантѣ, т. е. въ черномъ шерстя-

акаѳисты. Лично я читалъ чаще всего псалтирь и 12 псалмовъ. На вопросъ, какъ мать моя и Виталія принимали въ свою общину приходящихъ, что требовалось для вступленія въ общину, поясняю, что лично я въ это не входилъ, отъ матери слышалъ, что приходятъ монашки и ихъ принимаютъ безъ всякой платы и безъ обязательства участвовать въ работахъ.

Но „умерщвленіе плоти" строгимъ постомъ, продолжительнымъ стояніемъ и многочисленными поклонами не исчерпываетъ еще всѣхъ подвиговъ плавнинскихъ обитателей-аскетовъ. Въ числѣ вещественныхъ доказательствъ мы находимъ нѣсколько веригъ, кои носились Виталіей и другими монашками. Эти желѣзныя препоясанія, секретно носимыя на тѣлѣ, свидѣтельствуютъ, по заключенію экспертовъ, о тайныхъ подвигахъ насельниковъ скита.

Для того, чтобы проводить въ жизнь созданную Виталіей сложную обрядность, требовалась высокая авторитетность личности Ви-

---

номъ покрывалѣ, которое надѣвалось по верхъ камилавки и спускалось ниже пояса. При надѣваніи креста посвящаемая произносила: „веземъ крестъ и послѣдовавъ кресту", а при надѣваніи камилавки говорила: „творяй ангелы свои, духи и слухи твоя огнь палящъ"; за симъ, при облаченіи въ мантію произносила: „все упованіе мое къ тебѣ возлагаю, мати Божія, сохрани мя въ своемъ покровѣ". Въ такомъ же родѣ стихи произносились и при надѣваніи другихъ предметовъ, при чемъ хоръ каждый разъ пѣлъ троекратно „Господи, помилуй". Съ описаннымъ выше чиномъ посвященія въ монашество я, Ѳ. К., ознакомился при посвященіи Виталіей меня. Вновь прибывающихъ Виталія не перекрещивала и не одобряла прежняго, Тираспольскаго старообрядческаго попа, который вновь окрестилъ кого-то, надъ кѣмъ уже раньше совершено было взамѣнъ крещенія — погруженіе. Изъ моихъ дѣтей я лично крестилъ дѣвочку Ѳеодору, а старшую „погружалъ Иванъ Матренинскій". „Погружалъ" я дочь потому, что не признавалъ поповъ. Такъ меня научила Виталія, пояснивъ, что „нужды ради", т. е. при отступленіи правильнаго священства—можно крестить самому. Виталія не отрицала священства въ принципѣ, а утверждала, что нѣтъ правильнаго священства, и что всѣ нынѣшніе священники ведутъ метрики, „записываются", „подписываются". На вопросъ, посвящала ли Виталія находящихся въ супружествѣ лицъ, объясняю, что по словамъ Виталіи супруговъ нельзя посвящать и только въ видѣ исключенія были посвящены въ монашество передъ смертью супруги Суховы и Ѳомины. Въ схиму Виталія не могла посвящать даже „нужды ради"; „посхимить" можетъ только чернорizецъ монахъ въ санѣ іерейскомъ. Виталія работала схимы и продавала, но кому именно и за сколько не знаю. Передъ смертью всѣ зарывшіеся причащались сами, когда Виталія причащалась сама, то надѣвала на себя схиму. Отказавшись отъ поповъ, я въ теченіе 4-хъ съ лишнимъ лѣтъ не говѣлъ и не причащался; говѣли ли остальные, не знаю. Когда причащались рѣшившіеся умереть — чаша стояла на столикѣ, въ ней было Тѣло Христово въ видѣ маленькихъ кусочковъ, по числу причащавшихся, Кровью Христовой служила вода изъ колодца, причастіе запивали виномъ съ водою".

таліи и безропотное подчиненіе скита этой авторитетности. „Она, по словамъ Ѳ. Ковалева, говорила: „не нужно ни поститься, ни молиться, а нужно исполнить послушаніе“. Иными словами, при столкновеніи религіозныхъ интересовъ съ интересами ея главенства, послѣдніе, по ея воззрѣнію, должны были одерживать верхъ. Предъявляемыя Виталіей требованія были иногда своеобразны и не легко исполнимы. Такъ, въ отношеніи общихъ молитвъ, она не допускала совмѣстнаго нахожденія женатыхъ.

Преклоняясь предъ стариной, Виталія недружелюбно относилась также ко многому, вошедшему въ обиходъ современной жизни. Объясняя свое отрицательное отношеніе къ современнымъ священникамъ, Виталія поясняла Ѳедору Ковалеву причину этого: „прежніе попы „не писались“, держались крѣпко, а нынѣшніе ведутъ метрическія книги, въ коихъ старообрядцы именуются раскольниками“. Виталія говорила: „мы расколъ проклинаемъ, а насъ пишутъ раскольниками“; запись же въ ревизскія сказки Виталія признавала правильной и ничего противъ ревизіи не имѣла. О сѣрникахъ (спичкахъ) говорила Виталія, что: „въ послѣдніе два года мы ихъ не употребляли, а разводили огонь кресаломъ; всего надо добиваться трудомъ, а сѣрники даютъ огонь безъ всякаго труда“. То же Виталія говорила и про машину, т. е. желѣзную дорогу, хотя и пользовалась ею. Старица Виталія оказывала сильное вліяніе своими поученіями на всѣхъ соприкасавшихся съ нею, всѣ ея слушались и подчинялись. Года три или четыре назадъ, удостовѣряетъ тотъ же Ѳ. Ковалевъ, моя мать говорила, что по словамъ матушки Виталіи не слѣдуетъ ходить въ церковь и почитать священнослужителей, не слѣдуетъ сближаться съ людьми, которые вращаются въ мірѣ, по кабакамъ и трактирамъ, и ѣсть и пить изъ одной посуды съ ними, не слѣдуетъ даже ѣсть ту пищу, которую ѣдятъ такіе люди“.

До какой степени измѣнилась Александра Ковалева подъ вліяніемъ Виталіи, свидѣтельствуетъ между прочимъ Ермолай Горзинъ, женатый на дочери Ковалевой Марѳѣ.

По настоящему дѣлу кромѣ Ѳедора Ковалева привлеченъ былъ качествѣ обвиняемаго мѣщанинъ Ермолай Горзинъ, въ усадьбѣ котораго обнаружена была часть труповъ закопанныхъ Ѳедоромъ Ковалевымъ лицъ, но результатами предварительнаго слѣдствія не было обнаружено данныхъ для обвиненія Ермолая Горзина въ участіи съ Ѳ. Ковалевымъ въ совершеніи тѣхъ преступныхъ дѣяній, вслѣдствіе чего уже по постановленію судеб. слѣдователя отъ 31 мая Ермолай Горзинъ былъ освобожденъ изъ подъ стражи и отданъ подъ полицейскій надзоръ. Привлеченіе къ дѣлу не лишаетъ однако

показанія Ермолая Горзина и его семейныхъ цѣннаго значенія, въ качествѣ показаній лицъ, близко касавшихся той обстановки, при которой совершились настоящія преступленія. Ермолай Горзинъ показалъ, что „года полтора тому назадъ, а можетъ быть два—теща моя Ковалева вдругъ стала меня не допускать ѣсть и пить съ нею, даже отдѣльно садила меня, давала особую посуду. Я спросилъ,—почему это—и она объяснила мнѣ, что я хожу по трактирамъ и шинкамъ, бывало вездѣ и встрѣчаюсь съ разными людьми, а потому со мною нельзя ѣсть и пить и она этого не хочетъ. Я на это ей ничего не сказалъ и такъ продолжалось до конца; вмѣстѣ мы не ѣли. Какъ-то я зашелъ въ хату тещи (Александры Ковалевой) по какому-то дѣлу и засталъ тамъ тещу и Виталію. Тутъ теща дала мнѣ хлѣба, соленыхъ огурцовъ и баклажановъ и сама стала ѣсть со мной. Это было очень удивительно, но скоро я догадался, что она, должно быть, по наущенію Виталіи хотѣла меня этимъ задобрить и соблазнить. Подумалъ я это потому, что здѣсь теща стала упрашивать меня, чтобы я не записывался въ перепись, что этого нельзя, что вотъ молъ и матушка Виталія такъ говоритъ, но я по-прежнему отвѣчалъ имъ, что не согласенъ на это и что запишусь, какъ и прежде записывался. Обѣ онѣ пробовали меня просить и убѣждать не записываться, повторяя только одно: „время такое пришло, что нельзя записываться“. Тутъ теща стала серчать и Виталія вдругъ сказала: „нѣтъ благословенія говорить“, и онѣ перестали говорить объ этомъ, и я ушелъ домой. Послѣ того нѣкоторое время и теща и Виталія, какъ видно, сердились на меня и не говорили со мной, но потомъ онѣ опять стали повторять то же самое и совѣтовали мнѣ лучше уѣхать въ тайгу отъ переписи. ...Одновременно съ этимъ онѣ стали учить меня, что не слѣдуетъ платить налоговъ на имущество и что не слѣдуетъ принимать окладныхъ листовъ, а я отвѣчалъ: какъ такъ, вѣдь если я не буду платить налоговъ, то и владѣть землей не буду и чѣмъ же я буду воспитывать дѣтей и себя содержать? Тогда онѣ повторяли, что я говорю чепуху, серчали и переставали говорить, а черезъ нѣкоторое время опять начинали мнѣ повторять то же самое. Я же твердилъ имъ, что какъ жилъ мой дѣдъ и отецъ, такъ и я буду жить“...

Описанный Ермолаемъ Горзинымъ характеръ, сложившихся подъ вліяніемъ Виталіи, отношеній членовъ семьи Ковалевыхъ къ ея дѣятельности, подтверждается и показаніемъ жены этого свидѣтеля—Мареы. Показанія эти даютъ основаніе къ заключенію, что Виталія не обнаруживала склонности къ непосредственному пропагандированію своего міровоззрѣнія, а дѣйствовала главнымъ обра-

зомъ черезъ посредство такихъ, вполнѣ ей отдавшихся лицъ, какъ Александра Ковалева. Она сама не терпѣла противорѣчій и разъ опасалась встрѣтиться съ таковыми, предпочитала выдвигать за себя своихъ людей. Понятно поэтому, что въ представленіи Ермолая Горзина и вѣроятно другихъ окружавшихъ скитъ лицъ—она рисовалась, какъ выразился Горзинъ, „строгою" и „сердитою". Что такая тактика Виталіи приводила съ неизбѣжностью къ отдаленію родственныхъ семей Ковалевыхъ другъ отъ друга, видно также изъ показаній членовъ семьи Соловьевыхъ, къ составу которой принадлежала Анна—жена Ѳ. Ковалева, впослѣдствіи зарывшаяся. Такъ, братъ покойной, Иванъ Соловьевъ, удостовѣрилъ, что Анна съ мужемъ не бывали у нихъ и, какъ онъ думаетъ, „гнушались" ими. „Бывало, сестра Анна проходитъ мимо своего двора и не зайдетъ даже, а старушка Ковалева такъ прямо уже отворачивалась отъ меня". Ковалевы перестали съ ними молиться Богу и не хотѣли ѣсть и пить съ тѣми, съ которыми разобщились, а если изрѣдка пріѣзжали, то привозили съ собой свою посуду и даже свой хлѣбъ. Ковалевы признавали ихъ нечистыми людьми и потому не хотѣли знать ихъ.

Отношеніе Горзина къ попыткамъ Виталіи обратить его въ свою вѣру выяснено также въ показаніи Артемія Реуцева, удостостовѣрившаго, что Горзинъ былъ недоволенъ частыми отправками жены въ усадьбу къ матери, Александрѣ, кричалъ на нее за это и, говорятъ, даже поколачивалъ. Отъ Ермолая свидѣтель слышалъ, что жена его перестала признавать священниковъ по наущенію своей матери (т. е. Александры Ковалевой). Ермолай плакалъ и говорилъ: „братцы, я несчастный человѣкъ, останутся двое сиротъ".

Отчужденность скитянъ отъ окружавшаго населенія, созданная Виталіею, была естественнымъ послѣдствіемъ рѣзкой разницы ихъ религіозныхъ воззрѣній, развивавшихся на почвѣ крайняго фанатизма, внесеннаго въ обиходъ скита Виталіею. Она сознательно создавала эту отчужденность и видимо старалась укрѣпить ее при помощи внѣшнихъ аттрибутовъ. Въ этомъ отношеніи достойно вниманія, что она, принимая въ составъ скита только лицъ, посвященныхъ ею въ монашество, снабжала посвященныхъ внѣшнимъ обликомъ монашескаго состоянія и въ частности кипариснымъ крестомъ, при чемъ снимала съ посвящаемаго „натѣльный" крестъ, ранѣе носимый.

Выдѣляющееся значеніе личности Виталіи выясняется не только путемъ установки общихъ признаковъ созданнаго ею скита, но и путемъ установки частныхъ случаевъ проявленнаго ею вліянія на окружавшихъ ее лицъ. Случаи эти обнаружатся при дальнѣйшемъ

изложенiи, свидѣтельствуя о томъ, что противъ силы ея внушенiй не могли себя охранить первобытныя и непосредственныя натуры обитателей Плавень. Личность Виталiи въ частности свидѣтельствуетъ лишнiй разъ истину, удостовѣренную всею исторiею нашего раскола, что участiе русской женщины въ жизни раскола велико.

Но на пути своей дѣятельности Виталiя встрѣчала не однѣ только розы. Рядомъ съ лицами, слѣпо довѣрявшими ей и не мудрствуя слѣдовавшими за нею, были единицы, сомнѣвавшiяся въ истинности ея участiя и даже рѣшительно и рѣзко отрицавшiя его. Въ ряду скептиковъ укажемъ на того же Ермолая Горзина, женатаго на дочери Александры Ковалевой, о которомъ мы говорили. Онъ показалъ въ этомъ отношенiи, какъ мы видѣли, вполнѣ опредѣленно, что не поддался на энергическiя увѣщанiя тещи и остался вѣренъ своимъ прежнимъ воззрѣнiямъ. Но особенно много заботъ и раздраженiя причинилъ главарямъ скита одинъ изъ сыновей Александры Ковалевой, увлекавшiйся спиртными напитками,—Iувеналiй Ковалевъ. Его протесты были полны лиризма и прiобрѣтали характеръ бурный, какъ о томъ свидѣтельствуютъ его показанiя. „Мать моя“, показалъ онъ, „стала говорить мнѣ, чтобы я оставилъ наше священство и не ходилъ бы къ священникамъ и въ церковь, такъ какъ ничего этого не надо“. Я очень удивился этому и спросилъ—почему это надо, на что мать объяснила мнѣ, что священники стали нехорошiе люди, что они ссорятся между собой, что они пьютъ вино и чай, чего нельзя имъ дѣлать, и что вообще теперь нѣтъ священниковъ и ихъ вовсе не надо. На это я отвѣчалъ, что не могу этого сдѣлать, такъ какъ и дѣдъ и отецъ мой ходили въ церковь и къ священникамъ, а потому и я буду. Тогда мать начала меня бранить. Пробовалъ мнѣ сказать то же самое братъ мой, Ѳедоръ, но такъ какъ онъ моложе меня, то я на него прикрикнулъ, выбранилъ его и сказалъ, что если онъ хочетъ слушать бабскую болтовню и ихъ совѣты, то пусть такъ и дѣлаетъ, а мнѣ чтобы не смѣлъ говорить объ этомъ. Съ того времени онъ больше ничего мнѣ подобнаго не говорилъ и я на него не обращалъ вниманiя, а онъ все молился Богу..... Все это мнѣ надоѣло и я даже боялся ходить къ ней, не желая слушать брань и проклятiя матери, и, правду сказать, ходилъ лишь тогда, когда для храбрости выпивалъ вина. Тогда я отправлялся къ матери и всегда думалъ выругать жившую у нея старицу Виталiю, даже хотѣлъ побить ее, такъ какъ очень хорошо зналъ и видѣлъ, что все это идетъ отъ нея, что это она такъ научила мать и брата. Но Виталiя боялась меня, никогда мнѣ не попадалась на глаза и

пряталась отъ меня, но не разъ случалось, что я, выпивши, кричалъ среди двора у матери и ругалъ Виталію самыми послѣдними словами, а она это слышала. За это моя мать еще больше сердилась на меня, говоря, что какъ я смѣю ругать „ангельскій чинъ", я же говорилъ, что Виталія—обманщица, „уродствуетъ", что она совратила мать и брата изъ истинной вѣры и разстроила нашу семейную жизнь. Что дѣлалось въ домѣ матери—я мало знаю, такъ какъ меня даже и въ домъ перестали пускать"...

На вторичномъ допросѣ Іуеналій Ковалевъ показалъ: „ни отъ матери, ни отъ брата Ѳедора и ни отъ кого другого я никогда ничего не слышалъ объ антихристѣ, о его печати, о томъ, что онъ царствуетъ въ мірѣ и что всѣ власти отъ него. Точно также я ни отъ кого не слышалъ, что не надо платить податей, что надо уходить странствовать въ лѣса и пустыни и что не надо записываться къ ревизіи. Мать моя, Александра, однажды (однако) сказала мнѣ, что не надо записываться въ перепись, а когда я спросилъ, почему, то она лишь отвѣтила, что теперь этого не надо, а такъ какъ я сказалъ, что запишусь и дѣйствительно записался, то она на меня разсердилась и больше съ нею я объ этомъ не говорилъ. Съ кѣмъ-либо другимъ разговоровъ объ этомъ не имѣлъ. Ермолая Горзина я знаю хорошо, такъ какъ онъ женатъ на моей родной сестрѣ Марѳѣ".

Такимъ образомъ пропаганда Виталіи и ея сообщницъ тяжелымъ бременемъ ложилась на невходившихъ въ составъ скита лицъ и вносила разладъ въ семьи. Вліяніе Виталіи держало жителей Плавень въ напряженномъ страхѣ и вселяло въ нихъ ожиданіе чего-то недобраго. Тотъ же свидѣтель Іувеналій Ковалевъ сообщаетъ о слѣдующемъ эпизодѣ жизни Ермолая Горзина, мужа дочери Александры Ковалевой Марѳы (впослѣдствіи закопавшейся). Свидѣтель Іувеналій Ковалевъ говоритъ: „разъ былъ такой случай: Ермолай Горзинъ легъ спать и, проснувшись, не нашелъ ни жены, ни дѣтей дома. Это было на Рождество, уже послѣ того, какъ Анна К. и другіе исчезли, а потому онъ испугался, думая, что и жена его, Марѳа, съ дѣтьми тоже куда-нибудь уѣхала. Онъ такъ испугался, что зимой въ одной рубахѣ сѣлъ верхомъ на лошадь и собирался ѣхать въ Терновку заявить властямъ о розыскѣ жены и дѣтей. Вскорѣ пришли его жена и дѣти, которые ходили, оказывается, гулять".

Не сладко жилось и въ стѣнахъ скита. По словамъ участника этой жизни, Ѳедора Ковалева, „монашки, проживая безъ паспортовъ, очень боялись полиціи и всякаго посторонняго: заслыша вблизи звонокъ, онѣ, бывало, бѣгутъ, колотятся, ховаются и Христа ради упрашиваютъ мою мать скрыть ихъ".

Едва-ли и душевное настроеніе самой Виталіи могло быть ко времени переписи радостнымъ, несмотря на всю мужественную ея волю и глубокое убѣжденіе въ истинности своихъ религіозныхъ воззрѣній. Оторвавшись отъ церкви и лишившись ея поддержки и помощи въ сомнѣніяхъ религіознаго свойства, она вынуждена была пуститься въ путь, чреватый опасностями. Она едва-ли могла, при такомъ направленіи своемъ, найти то религіозное удовлетвореніе, котораго жаждала ея совѣсть. Самый фактъ расширенія ею своихъ полномочій въ качествѣ „евангельской матери" и совершеніе въ послѣдній періодъ ея жизни такихъ духовныхъ требъ, которыхъ она не совершала въ прежнюю пору, свидѣтельствуютъ о томъ остромъ, внутреннемъ броженіи, которое она должна была переживать. Самая непослѣдовательность ея, обнаруженная по отношенію къ желѣзной дорогѣ, къ деньгамъ и другимъ выдвигаемымъ жизнію вопросамъ, показываетъ, что догматическая сторона ея религіозныхъ убѣжденій страдала серьезными дефектами [1]).

Спрошенная по дѣлу экспертиза установила, что Виталія и ея скитники изъ поповцевъ превратились въ безпоповцевъ, но для опредѣленія, къ какой именно сектѣ безпоповской склонилась она, экспертиза встрѣтила серьезныя препятствія. Ставъ послѣдовательницею безпоповщины, говорятъ эксперты, Виталія естественно должна была задать себѣ вопросъ, что же выбрать изъ массы безпоповщинскихъ толковъ?

Для нея было несомнѣнно только одно—что поповщинская вѣра „хуже жидовской" (Григ. Сибилевъ), что истиннаго священства на землѣ нѣтъ,—оно „изсякло" (Ѳедоръ Ковалевъ), что „церкви и священнослужители не нужны вовсе—человѣкъ самъ себѣ церковь" (ibid.). Но вѣдь одними отрицаніями обитатели скита удовлетвориться не могли. Они нуждались въ положительной догмѣ, доступной для ихъ пониманія и удовлетворяющей ихъ совѣсть. Нужно было предложить имъ такую догму, а между тѣмъ создать ее было не подъ силу Виталіи, лишенной широкаго богословскаго образованія и изверившейся въ помощи свѣдущихъ по этому предмету людей. Знакомство Виталіи съ текстами Священнаго Писанія, какъ ни важно оно, не въ состояніи было отстранить всѣ возникавшія въ ней сомнѣнія относительно истинности существующихъ церквей.

---

[1]) По показанію Ѳедора Ковалева, „Виталія и другія монашки рѣшили почему-то не принимать денегъ, но черезъ короткое время вновь стали ихъ принимать. Передъ Рождествомъ я увидѣлъ у матери сумку Виталіи, при чемъ мать сказала, что въ ней хранятся деньги; Виталія расходовала ихъ по нуждѣ, сама же она денегъ не принимала. Когда именно Виталія перестала принимать деньги—сказать точно не могу".

Обреченная, такимъ образомъ, на безнадежное исканіе истины своими личными средствами и сознавая слабость послѣднихъ, Виталія должна была отзывчиво отнестись ко всему, что могло вывести ее изъ тяжелаго состоянія сомнѣній.

Въ дѣлѣ имѣется любопытный документъ, найденный судебнымъ слѣдователемъ по обыску въ скитѣ и можетъ быть сыгравшій роковую роль въ жизни Виталіи и ея скита. Документъ этотъ пріобщенъ къ дѣлу въ качествѣ вещественнаго доказательства и представлялъ изъ себя клочекъ бумаги, найденный исправникомъ подъ клеенкой, на полкѣ, въ кельѣ Ѳедора Ковалева. Въ слѣдовательскомъ протоколѣ осмотра этой бумаги значится слѣдующее: на сложенномъ вдвое клочкѣ бумаги церковно-славянскими буквами написаны заимствованные „Церковными Вѣдомостями", изъ „Томскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей" свѣдѣнія о раскольничьей сектѣ странниковъ или бѣгуновъ, весьма распространенной въ сибирской тайгѣ. „Странники проповѣдуютъ, что въ настоящее время въ мірѣ, особенно въ Россійской церкви и государствѣ, видимо царствуетъ антихристъ, въ цѣломъ рядѣ людей, преимущественно же въ представителяхъ власти, гражданской и духовной. Посему и не слѣдуетъ жить въ мірѣ, гдѣ на всемъ лежитъ печать антихриста, и нужно бѣжать изъ него, скитаясь по пустынямъ, горамъ и лѣсамъ. По слову псалмопѣвца: се удалихся бѣгая и водворихся въ пустыни. Чтобы освободить себя отъ подчиненія антихристу, они разорвали всѣ связи съ государствомъ и обществомъ, перестали записываться въ ревизію, платить подати, брать паспорта, и провозгласили, какъ правило жизни: „аще кто слышится силенъ быти, да борется съ сатаной, страшливіе же да бѣгаютъ", то есть признали возможнымъ двоякое отношеніе къ власти: или открытую борьбу съ нею и всѣми ея учрежденіями и порядками, или, въ случаѣ слабости своей пассивное къ ней отношеніе, въ смыслѣ признанія необходимости укрывательства отъ антихриста бѣгствомъ въ лѣса и пустыни. Секта странниковъ сравнительно не особенно многочисленна: центромъ этой секты обычно считаютъ мѣсто ея родины Ярославскую губернію. Но люди, близко знающіе расколъ и сами вышедшіе изъ раскола, утверждаютъ, что главнѣйшее гнѣздо страннической секты находится въ тайгахъ: Томской, Колыванской, Урманской и Маріинской. Въ особенности въ первой: здѣсь цѣлыя сотни и тысячи людей бродятъ по лѣсамъ и болотамъ, скрываясь у такъ называемыхъ пристанодержателей или познамыхъ. Странники не довольствуются привольной и разнузданной жизнью въ лѣсахъ и болотахъ. Всѣ ихъ стремленія направлены къ тому, чтобы такъ или иначе обезсилить царство антихриста, и

они дѣйствительно обезсиливаютъ это мнимо-антихристово царство, вырывая по временамъ изъ среды его тѣхъ или другихъ его членовъ и уводя ихъ въ пустыни и лѣса на безцѣльное скитаніе и тунеядство.

Странничество въ Томской епархіи изъ укромныхъ таежныхъ угловъ начинаетъ проникать и въ мѣста населенныя. Теперь странники появились на Кулундѣ, есть и въ Бійскомъ округѣ, въ Алтаѣ и преддверіяхъ его; такъ извѣстно, что ушло въ пустынное житіе нѣсколько крестьянъ деревень Выдрихи, Безголосовой и Талды. Въ послѣдней особенно нерѣдко появляются невѣдомо откуда безвѣстные старцы, проживаютъ извѣстное время въ горныхъ ущельяхъ и пещерахъ, и уходятъ, соблазняя съ собой на странствованіе коголибо изъ мѣстныхъ жителей".

Относительно этого клочка бумаги Ѳ. Ковалевъ объяснилъ, что: „незадолго до переписи въ рукахъ у Виталіи оказалась эта вырѣзка изъ какой-то газеты, въ которой говорилось все это. Откуда Виталія достала эту вырѣзку, я не знаю. Она читала ее и намъ и Ѳоминымъ и всѣмъ странникамъ и странницамъ, бывшимъ на-лицо, и говорила, что все это правда, что такъ и слѣдуетъ поступать, и мы вѣрили". Далѣе Ковалевъ удостовѣрилъ, что бумага эта писана бывшей въ числѣ арестованныхъ и затѣмъ зарывшихся монашекъ. Списана была эта статья изъ „Томскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей", въ нѣсколькихъ экземплярахъ. „Виталія считала ее очень важной бумагой и читала намъ и всѣмъ вновь приходившимъ". Документъ этотъ чрезвычайно важенъ и для всѣхъ, критически относящихся къ данному преступленію. Въ лицѣ его выясняется любопытный фактъ, установляющій генезисъ зарожденія въ Виталіи міровоззрѣнія бѣгуновъ. Любопытно, что можетъ быть случайно дошедшій до Виталіи номеръ „Епархіальныхъ Вѣдомостей" далъ ей то, въ чемъ она нуждалась—схему, опредѣлившую ту положительную сторону ея міровоззрѣнія, которой ей не хватало. Бѣгунскіе взгляды вполнѣ соотвѣтствовали ея отрицательному отношенію къ церкви и жизни и явственно намѣчали ей тотъ путь, которымъ надлежало ей идти и вести за собою созданный ею скитъ. Къ моменту совершенія религіознаго изувѣрства въ Плавняхъ Виталіи, можетъ быть, еще и не удалось съ надлежащею полнотой освоиться съ этимъ мировоззрѣніемъ, но основы его много говорили ея уму и сердцу и обусловили дальнѣйшее направленіе ея дѣйствій.

По заключенію экспертовъ сущность ученія секты бѣгуновъ, или странниковъ, заключается въ томъ, что они, „принимая начало безпоповщины, отличаются отъ остальныхъ толковъ этой секты тѣмъ, что доходятъ до крайнихъ выводовъ въ ученіи объ

антихристѣ. Тогда какъ вообще безпоповщина учитъ, что пришедшій со времени патріарха Никона антихристъ царствуетъ невидимо, духовно и что печать его—это содержимые православной церковью обряды, странники утверждаютъ, что антихристъ царствуетъ „тѣлесно и видимо", а печатью антихриста признаютъ повиновеніе правительству" [1])...

---

[1]) Эксперты привели данныя, характезирующія взгляды бѣгуновъ на государство и правительство. На вопросъ, какъ спастись? основатель секты бѣгуновъ въ своемъ сочиненіи „Цвѣтникъ" отвѣчаетъ словами апокалипсиса и св. евангелиста Матѳея: всякому ищущему спасенія необходимо „брань творити" съ антихристомъ (Апок. 13, 7) или „бѣжать въ горы и пустыни" (Матѳ. 24, 16). „Для спасенія души должно быть житіе не пространное, но странное и врагомъ гонительное, чего ради достоитъ таитися и бѣгати". „Удалятися и бѣгати подобаетъ намъ,—читаемъ мы въ одномъ сочиненіи бѣгуновъ,—во антихристово время, понеже писано въ откровеніи Іоанна Богослова, во главѣ 12, яко и церковь побѣжитъ въ пустыню, а церковь—православніи христіане, истинніи раби Христовы; они побѣжатъ въ горы, въ вертепы и пропасти земныя отъ антихристовы прелести и спасутся; аще не такъ, то вси уловлени будутъ злокозненнымъ антихристомъ и погибнутъ вѣчною погибелью. („Вѣст. Евр." 1873, 1). „Быть въ гоненіи, въ страхѣ, въ „скрытіи, вотъ чѣмъ можно спастись" — проповѣдуетъ странническое ученіе, буквально слѣдуя этимъ внушеніямъ въ своемъ собственномъ дѣлѣ. Ихъ никто не гонитъ,—они сами сочиняютъ себѣ гоненіе. Я знаю многихъ странницъ, говоритъ И. Аксаковъ, дочерей довольно зажиточныхъ оброчныхъ крестьянъ, о которыхъ нарочно подавались объявленія, что онѣ въ бѣгахъ, слѣдовательно, подлежатъ преслѣдованію правительства, между тѣмъ онѣ оставались дома, скрываясь въ тайникахъ родительскихъ избъ и находя для себя отраду сколько въ исключеніи изъ общества антихристовыхъ гражданъ, столько же въ стѣсненіи, скрытіи („Русск. Арх." 1866, IV) и гоненія, когда ихъ никто не гналъ. Царство антихриста обнимаетъ собою не только православное правительство и общество, къ нему принадлежатъ также и раскольники всѣхъ остальныхъ толковъ, кромѣ бѣгуновъ. Послѣдніе считаютъ раскольниковъ подвластными антихристу за то, что они такъ или иначе оказываютъ повиновеніе власти, хотя бы только притворное и наружное. „Многіе служители антихриста являются и говорятъ о себѣ: „Я—правой вѣры, я старой вѣры". „Всѣ нарицаются старообрядцы и тѣ, что зовутся поповщиной, а вѣра ихъ пестра, и тѣ, что поморцами прозваны, Ѳедосѣевцами и Филипповцами; но всѣ они одного ехиднаго порожденія". Вотъ почему странники не называютъ себя ни раскольниками, ни ѳеимовцами, по имени основателя секты, ни какимъ-либо другимъ именемъ, а только — христіанами, рабами Божіими, Христовыми. „Вѣра истинная, говоритъ одинъ странникъ, въ пещерахъ, въ вертепахъ и въ пропастяхъ земныхъ. Все теперь растлѣно прелестію антихриста, и земля на тридцать сажень оскверненная нечестіемъ людей вопіетъ къ Богу, прося попалить ее огнемъ и очистить отъ всякой человѣческой скверни. Кто ищетъ спасенія, тотъ долженъ оставить все — отца, мать, родныхъ, друзей, отъ всего отрещись и бѣжать въ пустыню. Не слѣдуетъ жить подъ одной кровлей, твоя ли она, или чужая, все равно, бѣги

Основанія этого бѣгунскаго міровоззрѣнія должны были много говорить Виталіи и подготовить ее, всею ея предшествующею жизнью, къ воспринятію этого ученія, или по крайней мѣрѣ существа его. Въ самыхъ текстахъ Священнаго писанія, которое она отмѣнно знала, она могла найти много данныхъ для подтвержденія предположеній своихъ объ истинности бѣгунскихъ воззрѣній и для увѣрованія въ реальность существованія на землѣ антихриста. Развѣ появленіе его не было издавна предсказано Пророками? (Дан. XI, 36, 37; II Сол. 3, 4)? Развѣ онъ не былъ въ писаніяхъ очерченъ явственными чертами, какъ отвергающій воплощеніе Христово (I Іоан. IV, 3; II Іоан., ст. 7), какъ обманщикъ (Мѳ. XXIV, 5, 24; II Сол. II, 10; I Іоан. II, 22), какъ производящій ложныя чудеса (II Сол. II, 9; Апок. XIII, 13, 14), какъ знаменующій наступленіе послѣдняго времени (I Іоан. II, 18) и т. д.

Самая наступившая въ ту пору народная перепись должна была много говорить той, которая умѣла читать и понимать тексты только буквально, такъ какъ произведенная при царѣ Давидѣ перепись населенія, по сказанію Священныхъ книгъ, вызвала гнѣвъ Божій! Развитію отрицательнаго отношенія Виталіи къ жизни, а

и странствуй, дондеже воззоветъ тебя Господь. Имѣть свой кровъ, — незамолимый грѣхъ, не избудешь его никакими молитвами, никакими поклонами, никакимъ дѣломъ душевнаго спасенія. Будь, какъ птица небесная, и вся вселенная будетъ твоя... Бѣги и брань твори съ антихристомъ. Брань съ антихристомъ есть противленіе его заповѣдямъ и прехвальнѣе этого подвига нѣтъ и спасительнѣе для души нѣтъ ничего. Всѣ паспорты и всякія бумаги нужно откинуть потому, что на нихъ печать антихриста. Податей отнюдь не должно платить: то-есть идолослуженіе врагу—антихристу. И ни къ какому обществу не нужно приписываться: то будетъ вступленіе въ сонмище антихриста и сидѣніе на сѣдалищахъ губителей. Если спросятъ: кто—ты и изъ какого града? отвѣчай: града настоящаго не имѣю, а грядущаго взыскую... И твори брань съ антихристомъ. Не спасутъ ни постъ, ни вериги, ни другіе подвиги. Ни во что вмѣнятся молитвы и денно-нощныя стоянія на правилѣ,—и постъ, и воздержаніе, и отъ людей ненавидѣніе. Для спасенія нужно только смиреніе, послушаніе; не простое то послушаніе, а совершенное отсѣченіе своей воли, совершенная смерть всякаго помысла и всякаго пожеланія; должно дѣлать только то, что велятъ, своей же воли не имѣютъ. Антихристъ многоглавенъ, многоуменъ, многоязыченъ и т. д. (стран. 1871, 9). Такимъ образомъ по ученію странниковъ, антихристъ царствуетъ въ мірѣ видимо, въ лицѣ предержащей власти, исполнители этой власти—слуги антихриста, православное русское государство и общество—это міръ антихристовъ, сатанинскій, къ нему принадлежатъ и всѣ раскольники, кромѣ бѣгуновъ; чтобы спастись, необходимо вести брань съ антихристомъ, т. е. не подчиняться власти, а бѣгать, таиться, скрываться. Таковы общія положенія секты бѣгуновъ.

также рѣшимость ея бороться съ антихристомъ, не останавливаясь ни предъ какими жертвами, съ неизбѣжностію содѣйствовала самая принадлежность ея къ безпоповщинѣ. По господствующему въ послѣдней воззрѣнію, говоритъ историкъ раскола проф. П. С. Смирновъ [1]). Настало „послѣднее время“, міръ близился къ кончинѣ: явился и антихристъ—послѣдній врагъ истинной вѣры. Разъ явился самъ антихристъ, — значитъ, теперь и отступленіе отъ вѣры полное, и хранителя ея можно найти лишь въ „маломъ остаткѣ“, и эти „вѣрные“, предсказанные въ Писаніи на „послѣднія времена“, и суть безпоповцы. Нечестіе осквернило и весь видимый міръ, всѣ вещественные предметы. Отсюда въ храмахъ, въ канцеляріяхъ, въ домахъ, на торгахъ, на поляхъ, — вездѣ око безпоповца зритъ антихриста. Имя Христа Спасителя „Іисусъ“, четвероконечный крестъ, троеперстіе—все это печать антихриста... чай, кофе, табакъ, картофель — суть „сласти антихриста“. Къ самой землѣ эти раскольники чувствуютъ враждебное отношеніе и свой основной принципъ „таитися“ бѣгуны доводятъ до того, что умершихъ хоронятъ секретно, въ мѣстахъ для другихъ неизвѣстныхъ, въ огородахъ, на пашняхъ, на дворахъ, а большею частью въ лѣсу; зарываютъ въ землю не глубоко, чтобы антихристова земля не слишкомъ давила покойника, и при томъ голову устраиваютъ нѣсколько выше, чѣмъ ноги, чтобы легче было подняться, когда настанетъ день Страшнаго Суда; дѣлается это дѣло ночью. Бѣгуны не имѣютъ „ни града, ни села, ни дома“ и главный импульсъ въ ихъ жизни — бѣгство отъ антихриста. Бѣгунъ есть невидимый міру „рабъ Христовъ“, мірское его имя и званіе должно быть никому неизвѣстно. . . . . .

Это безпросвѣтное воззрѣніе на міръ, неизбѣжно приводящее къ жаждѣ смерти, было присуще и Виталіи, какъ то видно изъ показаній Ѳедора Ковалева. Приведенная выше вырѣзка изъ газеты, излагающая бѣгунское ученіе, появилась въ рукахъ ея незадолго до трагической катастрофы въ Плавняхъ. Изъ показаній какъ Ѳ. К., такъ и другихъ свидѣтелей, можно заключить, что объ антихристѣ она говорила и поучала близкихъ, преимущественно въ послѣдній періодъ ея жизни. Она говорила, что „будетъ всеміpная война, что всѣхъ старообрядцевъ будутъ обращать въ православіе, изгонять ихъ въ отдѣльное мѣсто, гдѣ-то далеко, въ Китаѣ что ли, что антихристъ можетъ появиться или въ мясопустную недѣлю, или на Пасху, но приблизительно въ это время долженъ явиться“.

---

[1]) Проф. П. С. Смирновъ: „Въ бѣгствѣ отъ антихриста (общая характеристика современной безпоповщины“. 1903 г.

Виталія рекомендовала Ѳ. Ковалеву, предъ ея самозакопаніемъ, послѣдовать ея примѣру, и говорила: „ты или заройся, или умри голодной смертью, или возьми сумочку, иди по деревнямъ, зови себя странникомъ, бродягою и не открывай своего званія“. Еще раньше, въ филипповку, Виталія заводила разговоръ, о томъ, что слѣдовало бы куда-нибудь бѣжать да некуда, а тайга, о которой сообщалось въ „Томскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“, далека. „Еще осенью прошлаго года между нами, говоритъ Ѳ. Ковалевъ, пронесся слухъ, что правительство будетъ переписывать всѣхъ людей: мужчинъ, женщинъ и дѣтей, и что тѣхъ людей, которые будутъ уклоняться отъ переписки, подвергнутъ разнымъ мученіямъ; другіе говорили, что будутъ вѣшать, а третьи говорили, что уклоняющихся отъ переписи будутъ бросать въ какую-то спеціально устроенную для этого машину, которая разотретъ ихъ въ порошокъ. Монашка Виталія стала говорить всѣмъ намъ: матери моей, сестрамъ, братьямъ и остальнымъ постороннимъ лицамъ изъ старообрядцевъ, что настало время пришествія на землю антихриста, который будетъ разсылать своихъ подчиненныхъ записывать и переписывать всѣхъ христіанъ, и эта запись и перепись именуется „печатью антихриста“ и переписанный и получившій такимъ образомъ эту печать антихриста перейдетъ во власть послѣдняго. Поэтому слѣдуетъ избѣгать этой переписи и всѣми способами уклоняться отъ нея: бѣжать, скрываться по лѣсамъ и пещерамъ, а если сіе будетъ невозможно, то отправляться въ острогъ и умереть за Христа и получить такимъ образомъ мученическую кончину ради царствія Небеснаго. Жена моя Анна этого испугалась и первая заявила, что она готова идти хоть въ яму и зарыться тамъ, но чтобы дѣти наши не получили печать антихриста, она сказала, что и дѣтей зароетъ съ собою въ яму. Виталія одобрила рѣшимость моей жены умереть такимъ образомъ за Христа, ради Царствія Небеснаго, послѣ чего умереть такимъ же образомъ изъявили согласіе: зять мой Назаръ Ѳоминъ, его жена и моя сестра, Домна, ихъ дочь дѣвочка Парасковея, ихъ же работникъ Плосковскій крестьянинъ, парень Григорій Кравцовъ, сестра монашки Виталіи, неизвѣстная по имени и фамиліи и тоже монашка и наконецъ неизвѣстный старикъ монахъ. Я уговаривалъ свою жену не дѣлать этого, но она осталась непреклонною тѣмъ болѣе, что мать Виталія весьма это ободряла и поощряла“.

Не ограничиваясь догматическими соображеніями, Виталія, усматривая въ переписи печать антихриста, приводила доводы, выводимые изъ внѣшнихъ, случайныхъ признаковъ. Такъ, между прочимъ, она утверждала, что „перепись и печать антихриста — одно

и то же, такъ какъ оба слова начинаются на одну и ту же букву „п“, но если бы перепись прямо называли ея настоящимъ именемъ, т. е. печатью антихриста, тогда бы всѣмъ было ясно, къ чему она ведетъ, слово же перепись многихъ „прельщаетъ“ и скрываетъ ея настоящій смыслъ“.

Роковой моментъ столкновенія съ антихристомъ быстрыми шагами приближался къ развязкѣ, а вмѣстѣ приближалось и разрѣшеніе того невозможнаго душевнаго настроенія, которое сложилось въ Плавняхъ, обитатели которыхъ полностію захвачены были идеею о воцарившемся антихристѣ и необходимости борьбы съ нимъ или погибели.

В. Случевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

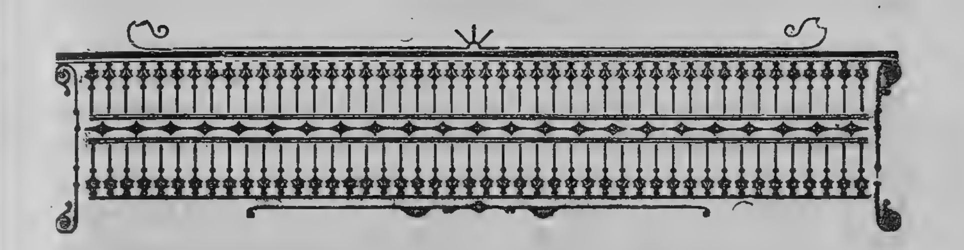
Письмо въ редакцію.

Печатая въ предыдущей книгѣ „Русской Старины“ разсказъ Н. Невѣрина „Маскарадъ“, я высказалъ (стр. 123), хотя и нерѣшительно, догадку, не скрывался ли подъ псевдонимомъ О. И. Сенковскій. Отъ этого предположенія я теперь отказываюсь.

Кто былъ Невѣринъ, неизвѣстно, но это не былъ Сенковскій. Въ той же „Библіотекѣ для чтенія“ (т. XXXIII, отд. VI, „Литературная лѣтопись“, стр. 51), по поводу романовъ Невѣрина, объ авторѣ говорится какъ о молодомъ человѣкѣ, и прибавлено: „мы принимаемъ эту фамилію за псевдонимъ“. Вскорѣ въ „Библіотекѣ для чтенія“ (т. XXXIV, отд. VI, стр. 4—5) была помѣщена рецензія на романъ Н. Невѣрина „Мужъ-эгоистъ“ (Спб., 1839), въ которой похвалено остроуміе автора.

Пользуюсь случаемъ исправить опечатку въ приведенной мною выдержкѣ изъ статьи Дружинина о Сенковскомъ и вмѣсто „подобныхъ разсказовъ“ прошу читать—„любопытныхъ“.

Н. Лернеръ.



На Босфорѣ.

XXV [1]).

Масса впечатлѣній и свѣдѣній, нахлынувшихъ на меня въ первое время моего сюда пріѣзда, мало-по-малу стала укладываться. Явилась возможность въ нихъ разобраться и все привести въ строгій порядокъ. Отрывочныя данныя сводились въ систематическое изложеніе, при чемъ охватывался все болѣе и болѣе широкій кругъ изслѣдованія.

Такъ, въ іюлѣ я уже имѣлъ возможность коснуться даже Египта и Арменіи. Вотъ что я писалъ въ это время военному министру:

...„Съ давняго времени великобританское правительство тяготится соперничествомъ Франціи въ дѣлахъ Египта. Хотя силою капитала и ловкимъ пользованіемъ затруднительнымъ положеніемъ Франціи послѣ франко-германской войны ему и удалось захватить предпріятіе канала въ свои руки, а французское вліяніе въ Египтѣ сильно ослабить, но, не довольствуясь достигнутыми результатами, оно рѣшилось вызвать усиленіе власти султана надъ хедивомъ, разсчитывая на свое большее вліяніе въ Стамбулѣ сравнительно съ французскимъ. Но, подводя хедива подъ ударъ изъ Стамбула, оно было неожиданно удивлено тѣмъ рѣшительнымъ шагомъ, которымъ султанъ выступилъ въ этомъ вопросѣ далеко за черту, ему указанную представителемъ Англіи. Фактомъ превращенія Египта вновь въ турецкую провинцію скомпрометтировано на берегахъ

[1]) См. „Русская Старина“, апрѣль 1913 г.

Нила вліяніе и значеніе обоихъ государствъ. Но, вспоминая традиціонную политику Франціи, тѣ жертвы людьми и денежными средствами, которыми она не скупилась для упроченія своего вліянія въ этой странѣ, нужно сознаться, что большее пораженіе понесла Франція. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что на настоящее положеніе хедива Англія смотритъ, какъ на временное, никогда съ нимъ не примирится и во что бы то ни стало будетъ добиваться возстановленія его правъ. Тогда Египетъ полностью подчинится англійскому вліянію.

Положеніе дѣлъ въ азіатскихъ владѣніяхъ султана, создаваемое новыми происками Великобританіи, совершенно ясно обрисовываютъ наши интересы. Сила Турецкой имперіи не была никогда для насъ опасною въ прошломъ, тѣмъ менѣе она можетъ имѣть значеніе въ будущемъ, ослабленная послѣдовательнымъ выдѣленіемъ изъ ея государственнаго состава земель сербскихъ, греческихъ, румынскихъ и болгарскихъ. Противъ Турціи намъ не нужны союзники, сама по себѣ она беззащитна предъ нами, и ея участіе, какъ самостоятельнаго политическаго тѣла, всецѣло зависитъ отъ нашего произвола. Но, многими вѣками созданная, великая держава Османа образуетъ еще слишкомъ обширное историческое значеніе, чтобы, рухнувъ разомъ, она не произвела водоворота въ политической жизни народовъ и государствъ. Не въ нашихъ интересахъ заставить Турцію умереть насильственною смертью и тѣмъ вызвать на нашихъ рубежахъ продолжительное замѣшательство, отъ котораго, быть можетъ, мы и сами не будемъ въ состояніи совершенно уклониться. Путь нашъ начертанъ прошлымъ. За выдѣленіемъ изъ Турецкой имперіи Греціи шло образованіе Сербіи, дальше отпаденіе Молдо-Валахіи и, наконецъ, созданіе Болгаріи. Теперь на очереди подготовленіе Арменіи къ самостоятельной жизни. До тѣхъ поръ, пока это послѣднее на превратится въ историческій фактъ, а славянскія государства Балканскаго полуострова не достигнутъ политической зрѣлости, намъ нѣтъ рѣшительно никакой надобности въ чемъ-либо вредить власти султана. По отношенію къ египетскому вопросу, событія сложились въ нашу пользу. Хедивъ слишкомъ отъ насъ далекъ, чтобы мы могли имѣть на него непосредственное вліяніе, при почти полномъ отсутствіи нашихъ интересовъ въ Египтѣ. Намъ гораздо выгоднѣе вліять на эту страну черезъ близкій къ намъ Стамбулъ. Очевидно, что и въ эпоху возстановленія власти хедива, чего Англія неминуемо будетъ домогаться, мы должны поддерживать, въ предѣлахъ благоразумія, власть султана. Только такою программою мы не встанемъ въ разрѣзъ къ событію 1833 года.

Едва-ли нужно доказывать всю безполезность для насъ непосредственныхъ территоріальныхъ пріобрѣтеній. Наше Закавказье должно представлять такой плацдармъ политическихъ и военныхъ условій, который давалъ бы намъ возможность сильно вліять на сопредѣльныя азіятскія государства, выгодно удовлетворялъ бы нашимъ торговымъ потребностямъ и представлялъ бы всѣ выгоды и преимущества при вооруженномъ столкновеніи.

Въ Азіи мы не встрѣчаемся съ такимъ могущественнымъ государствомъ, съ которымъ были бы принуждены уравновѣшивать взаимныя выгоды. Здѣсь все должно подчиняться исключительно нашимъ интересамъ, нашей культурѣ, условіямъ нашей торговли и промышленности. Закавказье, какъ передовая позиція гигантскаго дефиле, соединяющаго Европу съ Азіею, должно обезпечивать за нами эксплоатацію произведеній южнаго климата и служить широкимъ устьемъ сбыта предметовъ отечественной промышленности и естественныхъ богатствъ. Съ этой точки зрѣнія едва-ли необходимо распространеніе нашего непосредственнаго господства здѣсь включеніемъ въ государственныя границы обширныхъ пространствъ. Заблаговременно усвоивъ себѣ политику уваженія народностей, способныхъ къ самостоятельной жизни, мы тѣмъ самымъ пріобрѣтемъ въ ихъ лучшихъ представителяхъ усердныхъ помощниковъ въ сферѣ дѣятельности для реализаціи нашихъ интересовъ.

Санъ-Стефанскимъ договоромъ наша азіатская граница выдвигалась къ центру Арменіи, Эрзеруму, включая въ наши предѣлы плодородныя равнины, почти сплошь населенныя армянами. Берлинскій конгрессъ, по настоянію великобританскихъ уполномоченныхъ, отодвинулъ границу далеко назадъ, оставивъ богатѣйшую и населеннѣйшую часть Арменіи за Турціею. § 61 трактата обязывалъ Порту немедленно осуществить реформу, которая обезпечивала бы мѣстное населеніе отъ насилій и грабежа столько же правительственной администраціи, сколько и черкесъ и курдовъ. Послѣднее, разумѣется, осталось невыполненнымъ. Такимъ образомъ, масса армянъ осталась въ томъ же плачевномъ положеніи, въ какомъ была до послѣдней войны. Если англійское правительство способно теперь увѣрить своихъ лордовъ и народныхъ представителей въ преимуществѣ оставленія армянъ за Турціею, будто бы для собственной ихъ пользы сохраненія національной неприкосновенности, то здравый смыслъ англичанъ подскажетъ имъ о преимуществѣ жизни тамъ, гдѣ заслуга и талантъ цѣнятся высоко, безразлично отъ національности, гдѣ рядъ выдающихся представителей армянской народности достигъ высшихъ степеней государственнаго положенія.

Нравственное тяготѣніе армянъ обращено столько же къ нашему Эчміадзину, сколько къ Константинополю. Съ первымъ ихъ связываетъ религіозное чувство къ обще-армянскому католикосу, во второмъ сосредоточивается управленіе ихъ общины болѣе административнаго характера съ армяно-грегоріанскимъ патріархомъ во главѣ. Изъ мѣстныхъ ихъ епископовъ имѣютъ особенное значеніе: находящійся на одномъ изъ островов оз. Вана и по густому армянскому населенію сѣвернаго побережья, и Сисскій—по тѣмъ горнымъ армянскимъ округамъ, которые по свободолюбію и воинственности составляютъ исключеніе въ вообще миролюбивой и легко склоняющейся предъ насиліемъ армянской народности. Армянскій Зайтунъ для Арменіи играетъ почти ту же роль, какую играла Черногорія для сербской народности. Къ сожалѣнію, армянская община ослабляется выдѣленіемъ изъ нея армяно-католической и армяно-уніатской частей, хотя и имѣющихъ весьма мало прозелитовъ въ Великой Арменіи, тѣмъ не менѣе образующей особое административное устройство подъ нравственнымъ главенствомъ Римскаго Папы, съ политическою программою, сильно расходящеюся съ обще-армянскими интересами.

Арменія занимаетъ возвышенное плоскогорье между Ладистанскимъ береговымъ горнымъ гребнемъ надъ Чернымъ моремъ и сѣверо-восточными развѣтвленіями Анти-Тавра, замыкая собою одно изъ трехъ дебуше, которыми Закавказье входитъ въ связь съ Азіею между морями Чернымъ и Каспійскимъ и озерами Ванскимъ и Урміею. Отъ нагорной террасы Арменіи, дающей начало Евфрату и Тигру — двумъ великимъ рѣкамъ Месопотаміи, все пространство на западъ постепенно спускается къ берегу Эгейскаго моря, не представляя особыхъ затрудненій для движенія. На всемъ протяженіи оно отдѣляется отъ Чернаго моря, на сѣверѣ, и Месопотаміи, Сиріи и Средиземнаго моря, на югѣ, труднодоступными хребтами горъ. Сѣверный хребетъ заселенъ большею частью мусульманами, южный—курдами, горными армянами и туркменами.

Эти два слова изъ географіи страны уже очерчиваютъ положеніе Арменіи и характеръ театра военныхъ дѣйствій для операцій, обращенныхъ противъ Турціи. Всесторонне разработать условія экономическаго быта этого пространства, съ торговыми цѣлями для мирнаго времени и свободнаго пользованія средствами края въ военное; обратить симпатіи армянъ въ нашу пользу, чтобы при движеніи впередъ мы могли опираться на намъ дружественное населеніе; нейтрализовать трудные кряжи горъ, составляющіе фактическое владѣніе курдовъ, соглашеніемъ съ вліятельнѣйшими изъ

ихъ беевъ,—вотъ въ чемъ выражается въ ракурсѣ подготовка мирнаго времени.

Консулы и военные агенты составляютъ передовые посты нашего вліянія въ странѣ, гдѣ они находятся. Ихъ обязанность слѣдить за событіями, какого бы характера они ни были, и давать имъ бѣглую характеристику. Для консула и военнаго агента почва дѣятельности одна и та же съ тою только разницею, что, базируясь на общемъ изученіи края, консулъ переходитъ къ оцѣнкѣ обстановки съ точки зрѣнія общей политики, а военный агентъ отъ того же общаго изученія переходитъ къ спеціально военному изслѣдованію. Одно изъ главныхъ условій успѣха дѣятельности консуловъ и агентовъ заключается въ уточненіи ихъ работы. Они должны ясно понимать, что отъ нихъ требуютъ и что требуемое находится въ полной возможности выполненія. Инструкція консулу или агенту должна въ себѣ содержать опредѣленіе раіона его наблюденія, важность этого раіона, вызвавшая его назначеніе, связь консульскаго поста съ общеполитическою задачею, оцѣнку всѣхъ условій мѣстной общественной жизни и указаніе цѣли, къ достиженію которой консулъ или агентъ долженъ стремиться. Сборники свѣдѣній должны освѣщать консулу или агенту всѣ стороны знанія, относящагося до края, служа ему справочною книгою. Географическая карта крупнаго масштаба дополняетъ учебныя пособія агента и даетъ ему возможность сознательно относиться къ мѣстности.

Консулы не должны оставаться неподвижными, а каждый годъ обязательно дѣлать сомкнутые круги путешествій. Самыя названія консульствъ должны пріурочиваться не къ городу, а къ территоріи, почему напр. генеральное консульство въ Эрзерумѣ должно быть переименовано въ генеральное консульство Арменіи, консульство въ Діарбекирѣ въ консульство Курдистана и т. д. Объѣздъ страны консуломъ есть лучшій способъ ея изученія. Требованіе исправленія при этомъ карты и дополненія сборника не выходитъ изъ предѣловъ возможнаго, а между тѣмъ можетъ быстро подвигать впередъ наше знакомство съ краемъ. Необходимо требовать отъ консуловъ и агентовъ отчеты за годовую дѣятельность, чтобы, во-первыхъ, ежегодно же освѣжать сборники и исправлять карту, во-вторыхъ—для избѣжанія повторенія въ будущемъ такого случая, какой напр. былъ съ брошюрою вооруженныхъ силъ Турціи, разосланною въ 1873 году по всѣмъ консульствамъ на пополненіе и исправленіе, и на которую до сихъ поръ не послѣдовало отвѣта ни отъ одного изъ консуловъ. Въ настоящее время на территоріи азіатскихъ владѣній султана мы имѣемъ десять консульствъ и трехъ военныхъ агентовъ. Генеральныя консульства находятся: въ

Эрзерумѣ и Бейрутѣ, консульства съ секретарями: въ Трапезонтѣ и Іерусалимѣ, консульства безъ секретарей: въ Діарбекирѣ, Алеппо и Смирнѣ; вице-консульства: въ Ванѣ, Самсунѣ и Синопѣ. Военные агенты въ Эрзерумѣ, Трапезонтѣ и Алеппо. Выдѣляя генеральное консульство Бейрута, существующее по особому положенію Леванта, и консульство въ Іерусалимѣ, удовлетворяющее нуждамъ паломничества изъ Россіи къ Святымъ мѣстамъ, оказывается, что наибольшее значеніе отведено Эрзеруму и Трапезонту, гдѣ при консульствахъ состоятъ секретари и военные агенты, затѣмъ Алеппо, Діарбекиру и Смирнѣ, не имѣющимъ секретарей, но изъ которыхъ первое имѣетъ военнаго агента, и наименьшее значеніе придано Вану, Самсуну и Синопу. Такая оцѣнка пунктовъ наблюденія съ военной точки зрѣнія не совсѣмъ удовлетворительна.

Во-первыхъ, при распредѣленіи консульствъ не обращено достаточнаго вниманія на новое положеніе англичанъ въ азіятскихъ провинціяхъ Турціи. Такъ все пространство центральной Анатоліи, на которомъ вновь появились англійскіе консульскіе флаги, оставлено въ небреженіи. Мы открыли вице-консульство въ Синопѣ, правда, лучшемъ турецкомъ портѣ на Черномъ морѣ, но не имѣющемъ важнаго значенія по отсутствію военно-морскихъ сооруженій, центральной администраціи и экономическихъ интересовъ вслѣдствіе непроходимости путей внутрь страны. Между тѣмъ центръ Анатоліи, узелъ дорогъ и мѣстопребываніе англійскаго генеральнаго консула, Сивасъ, оставленъ безъ наблюденія. Анатолійское центральное плоскогорье даетъ наибольшій по численности и лучшій по нравственной сплоченности рекрутскій контингентъ оттоманской арміи. Къ тому же военно-топографическое и стратегическое изученіе этой полосы можетъ оказаться весьма полезнымъ въ случаѣ новой войны съ Турціею. Лучшимъ доказательствомъ того, что Синопъ не имѣетъ для насъ никакого значенія, служитъ то обстоятельство, что наше вице-консульство здѣсь до сихъ поръ еще не открыто. Зачѣмъ же было избирать этотъ пунктъ?

Во-вторыхъ, располагая наши средства наблюденія въ Арменіи, намъ выгоднѣе имѣть вице-консула напр. въ Мушѣ, среди сплошного армянскаго населенія, чѣмъ открывать его въ Самсунѣ. Послѣдній портъ имѣетъ для нашихъ интересовъ малое значеніе, обязанности же наблюденія за страною можно было бы возложить на анатолійское консульство въ Сивасѣ съ нештатнымъ агентствомъ по-прежнему въ Самсунѣ.

Въ третьихъ, не обращено вниманія на перенесеніе штабъ-квартиры IV корпуса изъ Эрзерума, въ настоящее время находящагося въ одномъ усиленномъ переходѣ отъ нашей границы, въ Эрзин-

гіянъ, одинъ изъ угловъ дорогъ внутренняго пространства Анатоліи“...

Все, что здѣсь мною приведено изъ моихъ донесеній въ С.-Петербургъ, составляетъ лишь незначительную часть тѣхъ работъ и усилій, которыя мною съ помощниками были выполнены, чтобы сломить косность центральныхъ учрежденій вѣдомствъ военнаго и иностранныхъ дѣлъ. Все было тщательно провѣрено перекрестными изслѣдованіями и санкціонировано авторитетными лицами.

Нельзя сказать, чтобы между личнымъ персоналомъ посольства и консульскихъ учрежденій не было лицъ даровитыхъ и способныхъ къ выполненію серьезныхъ трудовъ. Изъ ихъ рядовъ вышли лучшіе авторы, изслѣдователи странъ, произведенія которыхъ раздвинули широко рамки нашего знанія и освѣтили положенія, въ которыхъ безъ нихъ мы бродили бы слѣпыми. Причина застоя и плачевнаго положенія дѣла заключалась въ дурной организаціи и нерадѣніи высшихъ канцелярій. Тамъ, очевидно, производительность работы цѣнилась дешево. Что-то другое выдвигалось впередъ, ее затѣняя, что только носило личину работы и что можно было понять, только близко къ нему присмотрѣвшись. Верхи мертвили свои органы, обращая дѣятельность ихъ въ непроизводительный расходъ.

Нужно жить на Босфорѣ, на рубежѣ 3-хъ частей свѣта, въ центрѣ интригъ и торгово-промышленной дѣятельности всесвѣтной цивилизаціи, въ лучшихъ условіяхъ климатической нѣги, чтобы имѣть возможность съ успѣхомъ воспринимать бурный потокъ жизни всѣми фибрами своего существа. Какъ въ калейдоскопѣ, быстро смѣняются событія, появляются и исчезаютъ политическіе дѣятели. Не успѣетъ обнаружиться одно теченіе, создастся обстановка, какъ уже нарастаютъ новыя явленія, въ корень видоизмѣняющія прежнія. Чего вчера домогались дипломатическою изворотливостью, извилистыми происками, то сегодня требуется грубо, въ срокъ, опираясь на матеріальную силу. Чтобы не попадать впросакъ, нужно имѣть свѣтлую голову, твердую волю, обширный опытъ и несокрушимую энергію.

Царьградъ притягиваетъ къ себѣ всѣхъ. Здѣсь ключъ и разгадка большинства историческихъ событій. Если по вѣроученію корана падишахъ правовѣрныхъ—тѣнь аллаха на землѣ, то современный султанъ теперь только тѣнь тѣни. До такой степени упалъ исламъ. Наслѣдство открывается, наслѣдники приблизились.

Въ одинъ изъ чудныхъ, по мнѣнію мѣстныхъ жителей, дней для насъ—сѣверянъ нѣсколько душныхъ, когда безпощадный солнечный нагрѣвъ умѣряется воздушнымъ теченіемъ надъ Босфоромъ,

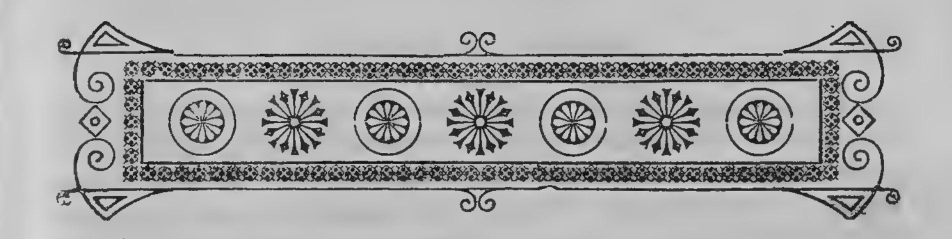
получена телеграмма о пріѣздѣ изъ Аѳинъ брата жены, Дмитрія Адольфовича Эйхлера, секретаря нашей тамъ дипломатической миссіи.

Я поспѣшилъ на пароходную пристань. Рядомъ была простая кофейная, густо заросшая виноградной лозой, куда я поспѣшилъ скрыться отъ все-таки палящихъ лучей солнца. На пристани копошилась толпа всякаго рода и вида людей. Тутъ были и юркіе потомки византійцевъ, все больше торговый народъ, занимавшійся пріемкою и отправкою товаровъ. Были, какъ изъ темной бронзы вылитые, камалы (носильщики), гортанными выкриками „варда“ (берегись) предостерегавшіе прохожихъ отъ громадныхъ тяжестей, колыхавшихся на ихъ могучихъ спинахъ съ стальными мускулами. Были даже представительницы гарема изъ простонародья, задрапированныя въ фередже, все больше старыя и изможденныя. Но истинные послѣдователи пророка Магомета степенно и молча расположились въ кофейной за кофеемъ, чубукомъ или кальяномъ.

Хотя поджидаемаго дорогого гостя я еще но зналъ въ лицо, но не сомнѣвался, что сразу узнаю по родственному сходству съ тою, которую считаю идеаломъ совершенства.

Г. И. Бобриковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).



Дневникъ статсъ-секретаря Григорія Ивановича Вилламова.

1810 г.[1]).

---

24 пятница. Я поѣхалъ во дворецъ къ 10 часамъ. Императрицы не было дома. Я ожидалъ въ обыкновенной пріемной. Императрица возвратилась, и проходя, поклонилась мнѣ. Пріѣхалъ Императоръ и мнѣ сказалъ нѣсколько словъ. Когда онъ уѣхалъ, Императрица позвала меня, и послѣ окончанія дѣлъ дошла очередь до моего прошенія. Императрица хотѣла выразить свое неудовольствіе и доказать мнѣ по пунктамъ, что мои разсужденія неправильны; она не перечитывала письма, но остановилась на одномъ мѣстѣ, что я разсчитываю прожить съ 1800 рублями жалованья, а не могу теперь жить на 7000. Я отвѣчалъ, что, будучи свободнымъ, я могу работать за деньги. Она увѣрила, что я сдѣлалъ бы лучше, сказавъ прямо, что мнѣ недостаетъ для жизни, что я получаю, и она бы съ удовольствіемъ помогла мнѣ. Она хотѣла обвинить мою сестру въ томъ, что я сдѣлалъ. Я сильно протестовалъ, сказавъ, что она ничего не знала до вчерашняго дня. Но, отвѣтила она, вы ей сказали. Конечно, возразилъ я, сказалъ женѣ и сестрѣ, развѣ онѣ мнѣ не близкія?—Жена—да, положимъ, но можно было обойтись, не говоря сестрѣ. Я отвѣчалъ, что нельзя, такъ какъ насъ всего трое: двѣ сестры и я, вотъ вся родня. Она мнѣ передала бумагу—приказъ прибавки 1000 руб. жалованья и другую—ассигнованіе на свои личныя суммы 1500 руб. въ такихъ выраженіяхъ:

---

[1]) См. „Русская Старина“ апрѣль 1913 г.

„Я назначаю господину Вилламову по пятисотъ рублей въ треть изъ моихъ собственныхъ суммъ, начиная съ 1-го сентября сего 1810 года не въ видѣ жалованья, а въ награду за его $8^1/_2$ лѣтнюю службу въ надеждѣ или вѣрнѣе въ увѣренности, что онъ будетъ продолжать службу при насъ съ тѣмъ же усердіемъ и съ тою же привязанностью [1]).

Марія".

И наконецъ, пожаловала мнѣ домъ въ Павловскѣ, купленный только вчера у Гревница за 13.000 руб. Она увѣряла меня, что она думала объ этомъ давно, и желала мнѣ сдѣлать сюрпризъ, но что я испортилъ ей это удовольствіе, это она мнѣ повторила нѣсколько разъ, между тѣмъ это не правда. Покупка совершилась только вчера, а за эту цѣну домъ продавали давно, но объ этомъ рѣчи не было. Я представилъ ей, что она тратитъ совершенно понапрасну деньги на меня, что желаю, чтобы она не раскаивалась въ этомъ, такъ какъ, будучи человѣкомъ, я отвѣчать за себя не могу. Она хотѣла побить меня моимъ собственнымъ оружіемъ, предложивъ мнѣ вопросъ: что независимо ея милостей ко мнѣ и проч., оставивъ все въ сторонѣ, кромѣ ея чувства собственнаго достоинства, могъ ли я думать, что она уволитъ меня безъ пенсіи? И такимъ образомъ, избавляя ее отъ этого расхода, заставилъ бы сдѣлать большій.

Я отвѣтилъ, что не могъ вовсе претендовать на это, и не будучи достаточно высокаго мнѣнія о своихъ заслугахъ, какъ бы я осмѣлился просить и т. д., въ этомъ родѣ. Я спросилъ затѣмъ, что мнѣ дѣлать съ этимъ домомъ?

Она отвѣтила, что подарила домъ, чтобы я его продалъ. Между прочимъ я сказалъ, что я долженъ былъ рѣшиться на что-нибудь, имѣя уже 40 лѣтъ, поработать не для одной только чести и что я хотѣлъ работать для денегъ. Она мнѣ между прочимъ сказала, что, можетъ быть, мое мѣсто при ней мнѣ кажется недостаточно почетнымъ, а дѣла недостаточно важны, или конечно, они скучны и не обнимаютъ большія потребности государства, но что они полезны и проч. Я отвѣтилъ, что не имѣю особыхъ высокихъ стремленій и не могу желать особаго положенія и что вся моя надежда

---

[1]) J'assigne à M-r de Willamoff cinq cents roubles par tierçal de ma cassette à commencer le 1 Sept. 1810, ce n'est pas en titre à appointement, mais de recompense pour ses services de 8 années et ½ passés et dans l'esperence au plutôt la persuasion qu'il continuera à me servir avec le même zèle et le même attachement.

Marie.

заключается въ моихъ двухъ рукахъ, которыя и желалъ употребить въ свою пользу.

— И такъ,—сказала она—употребите ваши руки и голову на службу при мнѣ и, конечно, вы будете довольны и проч.

Она также говорила о моихъ дѣтяхъ; я думалъ, что она сдѣлаетъ что-нибудь для нихъ, но ничего не было. Оставалось только принять то, что она давала. Она потребовала, чтобы я написалъ сестрѣ запрещеніе говорить о моей просьбѣ, и самому не говорить—я обѣщалъ.

— Ну,—сказала она: просите прощенія о томъ, что вы надѣлали. О!—отвѣтилъ я:—я прошу отъ сердца прощенія за все, что я сдѣлалъ непріятное ей, но что, конечно, я рѣшился на то, что единственно было подходящее мнѣ. Наконецъ,—сказала она: вы хотите смотрѣть на ваше письмо съ этой точки, я готова вѣрить—но это не такъ... и проч.—Она желала, чтобы я пошелъ осмотрѣть мой новый домъ, но я ушелъ въ канцелярію и принялся писать.—Когда я снова пришелъ въ 3 часа для представленія къ подписи разныхъ писемъ, она спросила, былъ ли я въ домѣ, я отвѣтилъ, что я писалъ... Наконецъ, разсужденія были очень долгія, и я не могу привести ихъ цѣликомъ.

Я написалъ письмо сестрѣ такого содержанія, чтобы оно могло быть показано, такъ какъ я боялся, чтобы не потребовали его на прочтеніе или добыли его другимъ путемъ. Она приказала придти послѣ обѣда и, какъ обыкновенно, сказала: вы обѣдаете у меня (Vous dinez chez moi).

25 суббота. День Рожденія В. Кн. Николая, которому минуло 14 лѣтъ. Я былъ дежурнымъ сегодня. Я ожидалъ въ пріемной; пріѣхала г-жа Нелидова. Она подошла ко мнѣ съ вопросомъ, отчего я задумчивъ? такой же, какъ вчера. Я колебался въ отвѣтѣ, но она настаивала, какъ бы желая дать понять, что я долженъ быть довольнымъ тѣмъ, что мнѣ дано вчера, я, наконецъ, сознался, что мнѣ очень тяжело, что, конечно, Императрица отнеслась ко мнѣ очень милостиво, но что она, истративъ много денегъ, не сдѣлала мнѣ большой пользы, что это имѣніе меня затрудняетъ и т. д., и объяснилъ ей неудобство какъ сохраненія его, такъ и продажи.

Пріѣхали многіе изъ членовъ нашего совѣта, и по этому случаю я остался обѣдать, желая видѣть Императора и Императрицу Елисавету. Послѣ обѣда я вошелъ на минуту къ Императрицѣ для передачи отвѣта Гурьева относительно предполагаемаго предоставленія выгодъ мануфактурѣ посредствомъ конфискованія англійскихъ товаровъ. Онъ отвѣчалъ, что таможни еще не у него, что и Наказъ, которымъ опредѣляется раздѣленіе министерствъ, хотя и былъ

разсмотрѣнъ въ совѣтѣ, но не готовъ окончательно. Что онъ этой отрасли совсѣмъ не знаетъ и не можетъ сказать, что сдѣлать возможно, но что готовъ содѣйствовать всему тому, что можетъ представиться.

26 воскресенье. Я получилъ послѣ обѣда записку отъ Императрицы съ вопросомъ, говорилъ ли я съ Гурьевымъ относительно капиталовъ Вел. Князя, о передачѣ ихъ изъ банка въ Воспитательный домъ. Я позабылъ объ этомъ и просилъ у ней прощенья.

27 понедѣльникъ. Я былъ дежурнымъ. Пока Императрица была обѣдни (она говѣла), я зашелъ къ графу Ливену провѣрить капиталы Великихъ Князей.

Вотъ, что они имѣли:

	В. К. Николай	В. К. Михаилъ	В. Кн. Анна
золотомъ	2.500 р.	500 р.	500 р.
серебромъ	7.586 р. 32½ к.	1.500 р.	3.000 р.
ассигнаціями	66.330 р.	30.661 р. 84¾ к.	128.991 р. 84 ¾ к.

28 вторникъ. Послѣ утренней работы Императрица снова заговорила о моемъ письмѣ, говоря, что у ней до сихъ поръ все еще остается что-то на сердцѣ, что она очень разсердилась, что я поступилъ дурно и т. д. Я отвѣчалъ, что поступить иначе, нежели такъ, какъ обязывало мое положеніе, я не могъ; что я не имѣлъ о себѣ такого высокаго мнѣнія, чтобы предлагать ей условія и т. д. Она назвала сдѣланный мною шагъ увлеченіемъ, что, желая сдѣлать что-нибудь чрезвычайное, я дѣлаю только глупости и т. д. Я сказалъ, что мои желанія были умѣренныя; я хотѣлъ ограничиться сообразно моимъ средствамъ. Она сказала мнѣ еще, что если бы она не говѣла, то на долго бы сохранила на сердцѣ (*я полагаю злопамятствованіе*), но вслѣдствіе ея долга она желаетъ покончить и болѣе объ этомъ не заговоритъ. Я далъ понять ей, что иначе смотрѣть на все это я не могу. Наконецъ, она протянула мнѣ руку, это было въ родѣ мировой, и послѣ этого спросила меня, переѣхалъ ли я въ свой домъ. Она говорила о продажѣ его, но я замѣтилъ, что было бы странно и неприлично продать немедленно это хорошенькое имѣніе, подаренное ею.

— Нѣтъ,—отвѣтила она: продайте. Я сама буду всѣмъ говорить, что я вамъ подарила для того, чтобы вы продали.—За симъ она сказала, что если ничего важнаго не будетъ, то я могу не приходить послѣ обѣда.

29 среда. Императрица отослала разныя посылки для В. К-ни Маріи къ канцлеру для отправки. Великая Княгиня была уже въ Грузинѣ, имѣніи Аракчеева. Утромъ я зашелъ къ графинѣ Ливенъ,

и она передала мнѣ бумаги, содержавшія оправданія герцога Людовика Виртембергскаго на счетъ его поведенія во время послѣдней войны противъ Франціи, когда онъ, находясь на нашей службѣ, вмѣсто того, чтобы вернуться изъ Франкфурта (гдѣ онъ былъ) въ Россію, отправился въ Штутгартъ, дворъ, союзный нашему врагу, и даже поступилъ на службу виртембергскую.

Графиня сдѣлала весьма дѣльное замѣчаніе: если все правда, что онъ пишетъ, почему онъ не оправдался тогда же, а ждалъ для этого 3 года (время, прошедшее отъ заключенія мира). Я узналъ извѣстіе (сообщенное генераломъ Шевичемъ), что Шумла взята, и великій визирь взятъ въ плѣнъ. Извѣстія оказались ложными. Въ 2 часа послѣ отправки курьеровъ Императрица повела меня осматривать приготовленное помѣщеніе для В. К. Екатерины; и мы и Гревницъ разставляли мебель почти до 4 часовъ. Намъ приказано было придти къ $6^1/_2$ часамъ. Обѣдалъ у Гревница, тамъ я видѣлъ принцессъ Биронъ, пришедшихъ за m-lle Віельгорской.

Въ 6 часовъ поѣхалъ во дворецъ, гдѣ до 8 часовъ пробыли съ Императрицей въ квартирѣ Вел. К—ни.

30 четвергъ. Собирались переѣзжать въ новый домъ, все уложено. Я получилъ записку о томъ, что рѣчь идетъ о поѣздкѣ навстрѣчу Великой Кн—нѣ. Я поѣхалъ во дворецъ. Императрица была взволнована отъ радости. Великая Княгиня писала, что выѣзжаетъ завтра утромъ изъ Шлиссельбурга, и хотя обыкновенно бываютъ два дня въ пути, но она надѣется проѣхать этотъ путь въ 12 часовъ времени.—Императрица хотѣла ѣхать сегодня же, но, кажется, этому помѣшала гр—ня Ливенъ. Императрица сказала мнѣ, что я буду сопровождать ее.

Іюль 1. Пятница. Надѣвъ мундиръ, я отправился во дворецъ. Вел. Княжна должна ѣхать въ Петербургъ въ воскресенье и вернуться въ тотъ же день. Императрица послала меня къ Ушаковымъ, чтобы передать отвѣтъ Государя относительно сына ихъ (Барклай-де-Толли писалъ, что Государь отказалъ въ назначеніи его къ нему адъютантомъ). Если это по слабости здоровья, то они ошибаются, думая, что должность адъютанта военнаго министра легче, нежели въ егеряхъ; что они постоянно посылаются, и одинъ уже уѣхалъ, на Кавказъ, что къ тому же Ушаковъ дурной фронтовой офицеръ, а мѣста при министрѣ должны быть заняты выдающимися офицерами. Императрица указала Государю на Клингера, только-что произведеннаго изъ пажей. Государь отвѣтилъ, что это очень способный молодой человѣкъ, и слѣдуетъ выдвигать такихъ.

Все дѣло въ томъ, что Государь согласился, а В. К. Константинъ—отказалъ. Но если онъ пожелаетъ перейдти въ гражданскую

службу, то Государь переведетъ охотно. Естественно увидѣли, что это значитъ, и не согласились на этотъ переводъ, говоря, что по его чину онъ станетъ не болѣе, какъ писарь. Они также желали, чтобы Императрица переговорила съ В. К. Константиномъ, представляя обстоятельство, что сынъ ихъ не можетъ остаться въ полку, потому что В. Князь будетъ мстить за то, что хотѣлъ оставить полкъ, тѣмъ болѣе, что исторія о назначеніи къ В. М—ру уже извѣстна въ полку. Возвратившись отъ Ушаковыхъ, я засталъ Императрицу, садившуюся въ карету; я сѣлъ съ г-жей Дивовой, и мы выѣхали въ часъ дня. Было очень жарко.—Карета Императрицы скоро скрылась, и мы пріѣхали въ Таврическій дворецъ далеко позже ея. Мы узнали, что въ ту минуту, какъ пріѣхала Императрица, Вел. Княгиня выходила на берегъ. Свиданіе прошло благополучно, но Вел. Княгиня чувствовала припадки слабости. Все Императорское семейство собралось къ обѣду. Пріѣхалъ графъ Головинъ, я хотѣлъ уѣхать, но онъ сказалъ:—не будемъ терять головы и потребуемте ѣсть. Онъ приказалъ поставить два прибора, и мы обѣдали вдвоемъ и потомъ ходили осматривать лодку В. К—ни. Я велѣлъ доложить о себѣ Императрицѣ и спросить приказаній. Она позвала меня. Она сидѣла на диванѣ возлѣ лежащей дочери. Принцъ на стулѣ подлѣ нея. Она спросила, что мнѣ надо. Я отвѣтилъ, что пришелъ узнать, нѣтъ ли приказаній. „Да..., — отвѣтила она, — я имѣю вамъ дать приказаніе“, и тутъ же сняла перчатку съ руки дочери и подняла руку съ приказаніемъ поцѣловать. Я поцѣловалъ и былъ отпущенъ. Вечеръ провелъ у сестры.

2 суббота. Утро Императрица провела съ дочерью, и работа началась поздно; я освободился въ 3 часа и получилъ приказаніе пріѣхать завтра пораньше.

3 воскресенье. Пріѣхалъ въ 9 часовъ, но до обѣдни ничего не дѣлали. Пріѣхала В. К. изъ Павловска. Работалъ съ Императрицей до 2-хъ часовъ. Отпущенъ съ приказаніемъ ѣхать въ Павловскъ. Вчера мнѣ гадала m-lle Ильина и предсказала, что мнѣ предстоитъ путешествіе съ Императрицей и денежныя выгоды—отъ Государя.

4 понедѣльникъ. Въ 11 часовъ я отправился въ банкъ и получилъ капиталы Вел. Кн. и В. К. Анны для перевода въ Сохранную Казну. Такъ какъ деньги не могли быть выданы ранѣе 3-хъ часовъ, я хотѣлъ поручить одному лицу изъ Воспитательнаго дома принесть ихъ и отправился въ совѣтъ Воспитательнаго дома, чтобы устроить это дѣло и отослать Императрицѣ 5.000, изъ которыхъ 3.000 Императрица назначила въ приданое герцогинѣ Брольи Реваль, которая выходила замужъ за молодого Николаи. Оттуда отправился въ Таврическій Дворецъ; прождавъ напрасно Императрицу до 2-хъ

часовъ, я, оставивъ бумаги и 3.000 руб., вернулся въ банкъ. Сдѣлавъ бланковыя надписи и расписавшись въ книгѣ, увидалъ, что переводимые капиталы изъ 142 тысячъ съ процентами возросли до 261 тыс. Въ 5 часовъ меня потребовали во дворецъ; уѣхалъ оттуда въ 8 часовъ. Въ 10 часовъ я отправился въ Павловскъ.

5 вторникъ. Утромъ я отправился во дворецъ, чтобы установить столовые часы. Обошелъ всѣ комнаты, все было готово, доканчивали только билліардъ; вернулся домой въ 2 часа.

Послѣ обѣда поѣхалъ во дворецъ, и тамъ мы помѣстились на балконѣ надъ большимъ входомъ въ ожиданіи пріѣзда. Тутъ были: графъ Головинъ, генералъ Шевичъ и Вольфъ. Императрица пріѣхала въ 7 часовъ, нашла все готовымъ и была довольна, благодарила очень Гревница и Воронихина и уѣхала въ Ижору въ церковь навстрѣчу Великой Княгинѣ Екатеринѣ, которая ѣхала водой до Ижоры послѣ обѣда въ Колпинѣ. Наконецъ, пріѣхала Вел. Княжна съ Императрицей въ коляскѣ шагомъ; сзади ѣхалъ Императоръ въ своей коляскѣ съ принцемъ и проч. въ линейкахъ.—Говорили, что она выѣхала въ 11 часовъ изъ Таврическаго дворца, обѣдали въ Колпинѣ въ 4½ ч., а Государь осмотрѣлъ работы, т. е. видѣлъ отливку мортиры, при которой присутствовала Императрица, и пріѣхали сюда въ 11 часовъ вечера. Мы проводили всѣхъ до комнатъ Великой Княжны, и я уѣхалъ.

7 четвергъ. Сегодня мое дежурство. Обѣдали въ Тронномъ залѣ, и я былъ за обѣдомъ. Такъ какъ говорили, что Императрица Елисавета уѣзжаетъ завтра въ Бальдонъ, я полагалъ, что она пріѣдетъ сюда; однако нѣтъ. Императрица говорила объ этомъ путешествіи, какъ о прогулкѣ. Она была недовольна Чихачевымъ за представленные счета въ 10.000 рублей и послала Вольфа въ Гатчину повѣрить ихъ.

10 воскресенье. Пришелъ Гротенъ и представилъ состояніе коммерческихъ счетовъ Мануфактуры со спискомъ кредиторовъ и должниковъ.

Въ числѣ 1-хъ оказалась сумма въ 136.000 къ уплатѣ за границу. Для этого платежа деньги были помѣщены на проценты, 80 тыс. въ Бѣломорскую компанію, а 80 были у Гротена. Эти два обстоятельства меня удивили и не понравились мнѣ. Гротенъ увѣрялъ, что реализація этихъ суммъ можетъ быть сдѣлана, когда потребуется.

11 понедѣльникъ. Я доложилъ Императрицѣ вѣдомость Гротена, смягчивъ это обстоятельство 136.000 увѣреніемъ данной мнѣ возможности реализаціи и предметомъ назначенія этихъ суммъ. Она согласилась. Мнѣ было сказано, что въ среду я отправлюсь съ до-

кладомъ Государю, чтобы показать ему планы, поговорить о прекращеніи торговли, о докладѣ совѣта на счетъ таксы, по которой будутъ принимать въ залогъ Курляндскія имѣнія, и о продажѣ заложенныхъ имѣній маіоромъ Челищевымъ, которыя запрещено было продавать указомъ покойнаго Государя, отдавшаго ихъ въ опеку. Государь обѣдалъ здѣсь. Послѣ обѣда я находился въ малой круглой пріемной. Императрица вышла съ Государемъ. Онъ, обратясь ко мнѣ, сказалъ: „вотъ начало погашенія ассигнацій" и показалъ синій билетъ, который онъ разорвалъ. Императрица сказала ему, что она назначаетъ мой визитъ къ нему въ среду. Императоръ отвѣтилъ, что мой визитъ ему всегда пріятенъ.—Я былъ отпущенъ.

12 вторникъ. Я приготовилъ записку объ упраздненіи торговой части въ управленіи Александровска и послалъ письмо Гротену, чтобы предупредить его и предложить ему приготовить и сдать всѣ бумаги Вильсону. Такъ же составилъ я краткій отчетъ о состояніи дѣлъ за этимъ упраздненіемъ, такъ какъ всѣ долги падали на мануфактуру. Послѣ 12 часовъ меня потребовали. Я показалъ Вильсону проектъ записки и письмо Гротену, онъ одобрилъ; потомъ я пошелъ къ Императрицѣ. Она нашла, что письмо Гротену хорошо, но, прежде нежели прочла его, она хотѣла, чтобы оно было послано послѣ окончанія дѣла. Но, впрочемъ, нашла хорошо написаннымъ, но желала только, чтобы письмо было послано послѣ завтрашняго доклада Государю.

Въ запискѣ она хотѣла сдѣлать тоже измѣненія. По совѣсти, я считалъ записку хорошо составленной, что она должна быть коротка и сжата, безъ лишнихъ фразъ. Она позвала Вильсона и Вольфа, они нашли записку хорошей. Она хотѣла только добавить относительно окончанія начатыхъ дѣлъ и чтобы отказались только отъ новыхъ предпріятій, но потомъ сказала, обдумавъ все, что она находитъ записку хорошо составленной, и подписала ее. Я получилъ приказаніе придти къ обѣду, чтобы послѣ обѣда заняться отправкою писемъ. Я обѣдалъ, послѣ обѣда принесъ планы къ Великой Княгинѣ, но туда не вошелъ. Послали за Вильсономъ, но его уже не было. Меня пригласили, и я присутствовалъ при объясненіи Императрицею Великому Князю и принцу со всѣми, заученными фразами о сосредоточеніи и проч... съ принципами, кажущимися съ вида глубокими, истинныхъ интересовъ фабрикъ. Наконецъ она дала мнѣ письмо и приказала ѣхать, но возвращаться черезъ Алексадровскъ, чтобы осмотрѣть дѣтей, прибывшихъ изъ Москвы. Я былъ у Биронъ и меня принимала младшая.—Я уѣхалъ въ Петербургъ и взялъ копію со своего письма Императрицѣ на случай, если Государь заговоритъ о немъ. Я рѣшилъ имѣть его съ собою

всегда, когда буду ѣздить къ Государю, чтобы имѣть возможность показать его въ случаѣ, если бы о немъ доложили не съ хорошей стороны и онъ бы спросилъ меня.

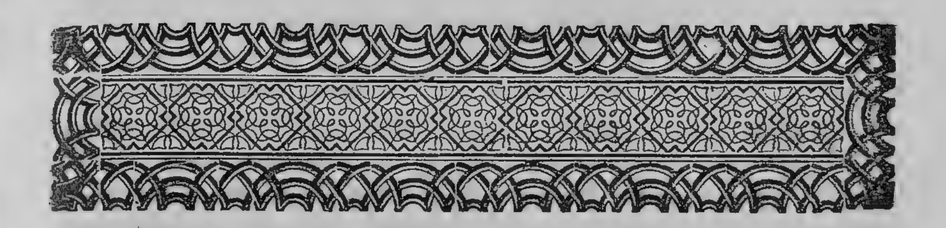
13 среда. Въ 3 часа утра разбудила меня записка, присланная съ нарочнымъ отъ Императрицы. Она требовала ломбардные билеты и 10.000 руб. для подарка Вел. Кн. Къ счастью, они были у меня въ портфелѣ, я послалъ и легъ спать. Въ 10 часовъ былъ въ Зимнемъ Дворцѣ и узналъ, что Государь не пріѣдетъ. Я отправился къ Гурьеву, чтобы поговорить объ испрашиваемыхъ преимуществахъ для мануфактуры и о проектѣ устройства Учетной Кассы. Онъ не былъ за послѣднее, и спросилъ, есть ли у насъ лишніе для нея капиталы, что это не приноситъ болѣе 6-ти процентовъ и что уже много подобныхъ кассъ въ Петербургѣ, Москвѣ, Архангельскѣ и Одессѣ; онъ хотѣлъ знать, на какихъ основаніяхъ предполагается ее устроить. Не будучи въ состояніи высказать мнѣнія, я сказалъ, что это еще только мысль, основанная на томъ, что онъ самъ говорилъ Императрицѣ, мысль неразработанная, но желательно знать только его мнѣніе по этому поводу. Онъ отвѣтилъ, что когда будетъ проектъ готовъ вполнѣ, онъ просмотритъ и сообщитъ свое заключеніе. Я спросилъ, публикованы ли уставы о кассахъ. Онъ мнѣ обѣщалъ достать и далъ мнѣ тутъ же нѣсколько экземпляровъ устава Конторы погашенія, который уже напечатанъ въ сегодняшней газетѣ. Потомъ пошелъ къ Дювалю, передалъ ему 300 руб. для размѣна, потомъ въ Смольный, куда свезъ черные карандаши. Доложивъ это Императрицѣ, я сказалъ передъ самымъ моимъ уходомъ, что мнѣ передала г-жа Адлербергъ письмо маленькой Эммы Дникеръ для м-мъ Бенкендорфъ, и я прибавилъ, что м-мъ Бенкендорфъ присваиваетъ себѣ родъ опеки надъ всѣми фрейлинами, опеки, которая мнѣ не нравится, потому что она влечетъ за собой поѣздки, прогулки, которыя мнѣ стоятъ денегъ, а она не содѣйствуетъ сама ни въ чемъ. Это не понравилось, какъ относившееся къ молодымъ Биронъ, но я очень былъ радъ, что показалъ ей настоящее положеніе дѣлъ.

Поѣхалъ на Каменный островъ, гдѣ встрѣтилъ маркиза де-Травери и г-на Васильева. Я узналъ, что князь Голицынъ былъ у Государя, который только-что возвратился съ прогулки. Пріѣхалъ еще канцлеръ графъ Толстой. Этотъ послѣдній разсказывалъ, что Эртель прибылъ въ молдавскую армію, что 11-го числа онъ ѣздилъ парламентеромъ въ Шумлу, что въ арміи продовольствія хватитъ до октября, а въ магазинахъ муки—до 1-го января, что онъ провелъ 5 дней въ Витебскѣ и пріѣхалъ сюда, чтобы спросить приказаніе о распредѣленіи муки изъ магазиновъ. Впослѣдствіи я узналъ,

что г. Эртель сдѣлалъ этотъ фокусъ по собственному своему способу, который и не удался; что Каменскій имѣлъ полномочія на это, и Эртель долженъ былъ обратиться къ нему, будучи совершенно подчиненъ Каменскому, и потому ему приказали уѣхать немедленно. Государь приказалъ сказать мнѣ, чтобы пріѣзжалъ завтра въ часъ, такъ какъ онъ очень занятъ, и что посолъ обѣдаетъ у него.

Сообщ. Н. А. Вилламовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).



Дневникъ академика В. П. Безобразова.

1887 [1]).

29 апрѣля. Сегодня рожденіе В. К. Сергѣя Алек. Былъ у него все утро. Завтракъ: вся Импер. фамилія. Со мной были очень милы. Государь, проходя мимо, подалъ руку. Могъ бы послѣ завтрака съ нимъ, если бъ совался (а нужно бы было), но по моей привычкѣ остаюсь всегда позади.

6 мая. Сегодня былъ очень доволенъ общимъ собраніемъ Сената,—какъ и всегда. Всѣ дѣла рѣшены справедливо и законно—большинствомъ, хотя и недостаточнымъ (не $^2/_3$ голосовъ), чтобъ было рѣшено окончательно. Но важно господствующее въ Сенатѣ направленіе, которое въ высшей степени благородно и независимо отъ всякихъ вліяній. Большинство было бы сильнѣе, если бы не было нѣкоторыхъ сенаторовъ, всегда во что бы то ни стало согласныхъ съ министрами. Продолжаю и сегодня восхищаться Арцимовичемъ,—въ немъ feu sacré. Онъ хранитъ лучшія преданія Сената. Мордвиновъ, съ которымъ, впрочемъ, я всегда одного мнѣнія, говоритъ сегодня съ усмѣшкой: „стоитъ ли такъ горячиться, какъ Арцимовичъ, изъ-за каждаго жида (мы давали отпоръ министру внутреннихъ дѣлъ, защищавшему произвольныя распоряженія противъ 3-хъ евреевъ). Да, стоитъ. Арцимовичъ поддерживаетъ это воодушевленіе къ чувству долга въ Сенатѣ стоять за законность противъ административнаго произвола. И грустно, что мы русскіе мало способны къ этому воодушевленію. Въ Арц. все-таки польская кровь. Это контрастъ съ Веліо, который вѣдь

---

[1]) См. „Русская Старина“, апрѣль 1913 г.

говоритъ, что сенатскія дѣла не стоятъ выѣденнаго яица. По мнѣнію петербургскихъ чиновниковъ и сановниковъ важны только тѣ занятія, которыя ведутъ къ деньгамъ или къ почестямъ. Деморализація ужасная—сановники нравственно не лучше нигилистовъ. Въ томъ-то и дѣло. Чувство долга въ государственномъ дѣлѣ an sich и für sich исключеніе. Большинство, какъ Веліо, это презираетъ. Даже такіе честные и хорошіе люди, какъ Мордвиновъ, надъ этимъ глумятся (но у него нѣтъ религіи и не можетъ быть одушевленія къ идеаламъ).

2 мая. Сегодня рожденіе В. К. Маріи Павловны. Завтракалъ у нихъ. Мнѣ было скучно, хотя В. К. и была со мной любезна. Я нахожу, что часто бывать при дворѣ невыносимо непріятно. Со всѣми этими людьми я не имѣю ничего общаго, и они, кажется, тоже это чувствуютъ. Я нахожу все мое положеніе въ этой средѣ ненормальнымъ, думаю, что не умѣю себя вести или надо совсѣмъ удалиться. Объ этомъ всемъ надо будетъ подумать.

5 мая. Былъ у меня нынѣшній военный агентъ Вильомъ. Очень умный и много знающій и политически развитый человѣкъ. Куда намъ, съ нашими агентами въ сравненіи съ такими [1]. Мнѣ было интересно, хотя я съ этимъ не согласенъ, что нѣмцы опасаются войны съ Россіей, при нынѣшнемъ нашемъ шовинизмѣ и антинѣмецкомъ настроеніи Государя. Войны не будетъ—она слишкомъ безсмысленна. Но вотъ послѣдствія фавора къ Каткову. Все-таки Германія старается намъ вредить, а мы теряемъ.

16 мая. 13 мая былъ послѣдній экономическій обѣдъ. Ничего особеннаго; всего болѣе разсказывали о послѣднемъ засѣданіи Государственнаго Совѣта,—споры о превращеніи реальныхъ училищъ въ профессіональныя. Тутъ опять возгорѣлся вѣчный нашъ вопросъ о реальномъ образованіи. Этотъ вопросъ получилъ теперь особое значеніе, потому что враги классическаго образованія пользуются новѣйшими покушеніями, въ которыхъ участвовали студенты, чтобы доказать, что классическое образованіе содѣйствовало развитію революціонныхъ идей въ молодежи. Это, конечно, вздоръ. Но въ этомъ опять виноватъ Катковъ, который обѣщалъ, что классическое образованіе и новый университетскій уставъ уничтожатъ разомъ нигилизмъ. Говорятъ, хотятъ принять насильственныя мѣры къ сокращенію людей, поступающихъ въ высшія учебныя заведенія, закрыть

---

[1]) Этотъ Вильомъ, будучи при нашихъ войскахъ военнымъ агентомъ Германіи, въ чинѣ маіора, а равно и его товарищъ маіоръ графъ Ведель во время войны 1877 года, были ближайшими совѣтниками нашего командира IX корпуса, генерала барона Криднера во все время неудачныхъ его дѣйствій въ первую и вторую Плевну. *Ред.*

доступъ въ гимназіи и университеты податнымъ сословіямъ. Прежде искусственно толкали къ высшему образованію. Когда перестанутъ ломать то въ одномъ, то въ другомъ направленіи, тогда облегчится наша смута. Она больше всего произведена государственной ломкой.

17 мая. Былъ сейчасъ у Вышнеградскаго, чтобы говорить о моемъ отпускѣ. Онъ принялъ весьма любезно. Весьма пріятный и умный человѣкъ, говоритъ обо всемъ очень дѣльно. Я еще не видѣлъ подобнаго министра, который бы такъ вникалъ въ дѣло, такъ искренно имъ интересовался и имѣлъ бы столько практическихъ свѣдѣній. При этомъ особенно пріятна необыкновенная простота обращенія—даже патріархальность. Семейный духъ въ домѣ—не петербургскій. Мое дѣло—пособіе м. ф. на продолженіе моихъ изысканій въ московской промышленной области—улаживается особенно хорошо, потому что Вышн. желаетъ собрать свѣдѣнія относительно дѣйствій фабричной инспекціи, которою онъ очень недоволенъ. Мои мысли совершенно согласны съ его. Онъ рѣзко порицаетъ законы объ этой инспекціи (три—1882, 84 и 86 гг.). Онъ говоритъ, что это только *сентиментальность*, никуда не годная для фабричнаго дѣла: первый законъ уже нанесъ вредъ промышленности; нынѣшній 1886 г. сдѣлаетъ ее просто невозможной. Фабриканты вопіютъ. Оставить такъ нельзя. Далѣе онъ говорилъ: „Я люблю дѣлать скоро, надо измѣнить эти законы непремѣнно въ 1887 г. Представить хочу проектъ не позже 1 октября въ Государ. Совѣтъ (какъ всѣ мои проекты), чтобы издать къ 1 января. Для этого нужно въ сентябрѣ уже составить проектъ. Вышн. желаетъ, чтобы въ сентябрѣ я былъ въ Петербургѣ. Для этого онъ поручилъ Найденову и Московскому отдѣленію Мануф. Совѣта представить свои соображенія, также и Обществу содѣйствія промышленности. Тутъ бы важно имѣть мои соображенія. Съ одной стороны будутъ мнѣнія инспекціи, съ другой, съ ними несогласныя, и изъ конфликта этихъ мнѣній можетъ что-нибудь выработаться. Фабрикантамъ надо помогать, а не мѣшать. Малолѣтнія служатъ для уплаты податей. Никакого вреда отъ ихъ работы нѣтъ. М. В. Д. хочетъ взять инспекцію къ себѣ. Я не прочь. Но она не должна быть подчинена Д-ту Полиціи, какъ хотятъ, а просто должны быть чиновники особыхъ порученій—техники при губернаторѣ. Всякая инспекція въ Россіи причиняетъ только расходы.

24 мая. Сегодня проводилъ Олю на Кавказъ. Ея болѣзненное состояніе очень меня тревожитъ.

4 іюня. Опять не было времени записывать, хотя и было что примѣчательное. Весьма для меня впечатлительно было свиданіе

съ Сольскимъ и очень характеристиченъ для нашего времени разговоръ о Гирсѣ. Сольскій крайне возмущенъ фаворомъ къ Каткову и порицаетъ слабость и неспособность Гирса. Но онъ оправдываетъ послѣдняго, что тотъ не можетъ выйти въ отставку, когда Государь не хочетъ, хотя для него и не возможно было оставаться на службѣ по совѣсти, въ особенности потому, что и общество не оцѣнитъ такого геройства и будетъ еще надъ нимъ смѣяться. Спрашивается, какое дѣло до общества, когда исполняешь свой долгъ? Хорошо дѣйствительно общество, въ которомъ нѣтъ даже наверху людей, помышляющихъ о своей совѣсти, и есть только министры, дѣйствующіе, какъ самые мелкіе чиновники. И вотъ какъ разсуждаютъ даже лучшіе люди изъ этихъ маленькихъ великихъ людей. Жалко только Государя, вблизи котораго нѣтъ лучше людей.

7 іюня. Я очень огорченъ смертью Н. Литке, которую хотя и ожидалъ, но не послѣдніе дни.

Друзья, даже младшіе сходятъ въ могилу. Новые въ моемъ возрастѣ не пріобрѣтаются. Н. Литке былъ благородный и рѣдкой доброты человѣкъ, хотя и не унаслѣдовалъ дарованіе отца. Кромѣ грустныхъ чувствъ, потери друга, на мнѣ усиливается отвѣтственность за бумаги гр. Ѳ. П. Литке. Большая часть ихъ у меня и слава Богу.

Теперь я долженъ озаботиться, чтобъ эти бумаги остались и сохранились для исторіи. И это не легко при развалѣ въ семействѣ гр. Литке.

11 іюня. Былъ третьяго дня въ Красномъ въ конной гвардіи, у В. К. Дмитрія Конст. Обѣдали въ офицерской столовой. Полк. Кон. Блокъ (хорошій человѣкъ) и офицеры были очень милы.

13 іюня. Вчера я былъ въ Петергофѣ, у Государя и Императрицы, чтобъ проститься. Оба были необыкновенно милостивы,—превзошли всякія мои ожиданія.

Со мной обращаются какъ съ своимъ человѣкомъ. Я чувствую, что они увѣрены въ моей преданности, и въ этомъ они не ошибаются. Я просилъ дежурнаго флигель-адъютанта, что прежде прощанія я долженъ представить бумаги Литке.

Государь принялъ меня перваго и долго со мной говорилъ. Я сказалъ все, что мнѣ было нужно о моей книгѣ, о Литке и его бумагахъ. Я представилъ корректуру моего введенія, которое не могу выпустить въ свѣтъ, не показавши Государю. Тамъ слишкомъ много говорится о дѣлахъ, близкихъ Импер. фамиліи. Государь оставилъ у себя и сказалъ, что прочтетъ, но теперь нѣтъ времени, а позже.

Я. Но спѣху нѣтъ, мы выпустимъ только осенью, и если Вы

что найдете неудобнымъ для опубликованія, то я прошу Вашихъ указаній.

Государь. Хорошо, я дамъ вамъ знать или, когда вы вернетесь, приглашу васъ къ себѣ.

Я сказалъ, что есть еще послѣдній листъ введенія (IV глава— характеристика Литке), еще не набранный, и я прошу представить его.

Государь. Пришлите мнѣ.

— Лично въ руки Вашего Величества.

Государь. Да.

Затѣмъ, я разсказалъ объ оставшихся послѣ Литке бумагахъ, назвалъ главнѣйшія части его архива.

Между прочимъ переписка съ В. К. Константиномъ Ник. о морскихъ реформахъ. Литке представилъ обширную записку, возражалъ, но его не слушали.

Государь (улыбаясь). Да, не слушали.

Я говорилъ, что надо сберечь этотъ архивъ, подлежащій теперь тайнѣ, и устранить злоупотребленія гласностью. Константинъ Литке желаетъ отдать это все въ распоряженіе Государя, какъ отданы были записки.

Государь. Онѣ у меня.

Я сказалъ, что упоминалъ объ этомъ и о предположеніи отдать ихъ въ Госуд. Архивъ.

Государь. Объ этомъ, кажется, можно напечатать.

Я говорилъ, что можно бы отдать въ архивъ Академіи.

Государь. Гораздо лучше въ Государственный Архивъ. Послѣ Государь прямо приказалъ гр. К. Литке, который представлялся послѣ меня, передать все въ Госуд. Архивъ. И вотъ будетъ мнѣ возня. Когда Государь меня уже отпустилъ, я хотя и противъ этикета сказалъ: Долженъ еще исполнить долгъ.

„Говорите". Денежныя дѣла семейства Литке очень разстроены вслѣдствіе промышленныхъ спекуляцій. Я обязанъ это сообщить В. В. Никто изъ нихъ не рѣшается это Вамъ сказать".

Государь. И Константина также?

— Нѣтъ, только Николая.

Государь (давъ мнѣ руку). Хорошо, я объ этомъ поговорю (съ кѣмъ я не понялъ).

Черта простоты и доброты Государя. Я потерялъ въ Его кабинетѣ лорнетъ и сталъ искать. Государь разсмѣялся и отыскалъ мнѣ его. „Простите, Государь, я такъ слѣпъ, что безъ лорнета теряюсь".

Въ самомъ началѣ Государь спросилъ меня: „Вы опять ѣдете въ путешествіе?". „Благодарю Ваше Величество за пособіе", передъ

тѣмъ я встрѣтился съ Вышн., который сказалъ мнѣ, что докладывалъ Государю, что поручилъ мнѣ собрать свѣдѣнія и соображенія для преобразованія фабричной инспекціи, которая есть *больной органъ*. Вышн. сказалъ, что считаетъ всякія указанія мнѣ излишними, что онъ всегда предоставляетъ полную свободу труда и мнѣній; онъ очень благодарилъ меня за мое обѣщаніе.

Но еще болѣе ласкова была ко мнѣ Императрица, принимавшая меня передъ этимъ. Она посадила меня и говорила около $^1/_2$ часа (это поразило всѣхъ ждавшихъ). Говорила обо всемъ. Почти съ восторгомъ разсказывала о поѣздкѣ въ Новочеркасскъ и о казакахъ. Между прочимъ, говорила о позднихъ балахъ и вредномъ образѣ жизни въ П. (по поводу здоровья Оли). На обратномъ пути въ вагонѣ познакомился съ Альбрехтомъ, помощникомъ начальника придворнаго оркестра. Милый человѣкъ. Необыкновенно доволенъ жизнью при Дворѣ. Восхваляетъ семейные нравы и простоту жизни Государя. Замѣчательный фактъ, какъ всѣ приближенные къ Государю довольны имъ и его семьей.

Альбрехтъ сообщилъ мнѣ любопытную вещь. На-дняхъ Государь получилъ 2 письма съ взрывчатымъ веществомъ. Покушенія не умолкаютъ. Такое же письмо получилъ ректоръ Московскаго университета (креатура Каткова). Революціонное движеніе теперь главное въ учебномъ мірѣ. Въ Мин. Нар. Пр., кажется, смятеніе: не знаютъ, что дѣлать, потерявъ довѣріе къ указаніямъ Каткова. Любопытно было мнѣ вчера говорить съ попечителемъ Кавказскаго учебн. окр. Яновскимъ (умный человѣкъ). Разсуждаетъ совершенно, какъ я: все ломка и ломка, можетъ ли это не производить недовольныхъ и нигилистовъ? Всѣ въ ученомъ и учебномъ мірѣ раздражены; даже такой консервативный и преданный правительству человѣкъ, какъ Яновскій.

17 іюня. Было въ эти дни не мало интереснаго, но опять такая суматоха, что некогда было записывать. Впрочемъ, видя развалины въ семействѣ Литке, могу ли я быть увѣренъ, что мои записки не попадутъ послѣ моей смерти, Богъ знаетъ, въ чьи руки, и лучше было бы ихъ не писать.

14 іюня. Провелъ день въ Павловскѣ съ В. К. Александрой Іосифовной. Обѣдали у нея и потомъ съ нею на музыкѣ. Была со мной необыкновенно любезна. Простота обращенія со мной и прочихъ; такъ В. К. Елизавета Маврикіевна изумительна.

15 іюня обѣдали у меня Конст. Литке съ женой, Оомъ и Терентьевъ. Что это была за свалка! Я побранился съ графиней Литке. Мы уложили ящикъ съ бумагами гр. Ѳ. П. Литке для передачи въ Госуд. Архивъ по приказанію Государя. Другія семейнаго

и частнаго характера (тутъ однако письма многихъ знаменитостей), отложенныя К. Литке, бумаги онъ поручилъ мнѣ; его жена хотѣла взять къ себѣ. Онъ не согласился. Тутъ дошло почти до драки.

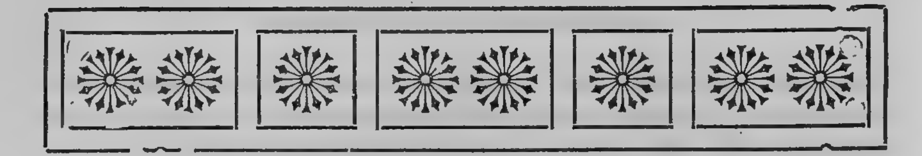
Сегодня я свезъ этотъ ящикъ Н. К. Гирсу для храненія въ Госуд. Архивѣ.

Вчера я завтракалъ у В. К. Павла Алек. въ Царскомъ Селѣ. Я отправилъ при докладной запискѣ Государю послѣднюю главу введенія къ книгѣ о Литке. Ожидаю для себя только непріятностей отъ этой работы. Семейство Литке недовольно, что я недостаточно восхваляю его (если даже не обращать вниманія на ругательства графини А. К. Литке), другіе (Веселовскій) находятъ, что я написалъ панегирикъ.

21 іюня. Эти дни я въ страшной суетѣ. Ѣзжу даромъ каждый день встрѣчать В. К. Сергѣя Алек. (изъ-за границы) и сегодня ѣду, можетъ быть опять безуспѣшно. Трачу здѣсь 3 дня, чтобъ съ нимъ видѣться. Но нечего дѣлать. Слишкомъ я его люблю, чтобъ не повидаться передъ отъѣздомъ. И слишкомъ, какъ мнѣ всѣ говорятъ, и онъ меня любитъ. Вчера, благодаря этой встрѣчѣ, случайно попалъ къ флигель-адъютанту Дерфельдену (симпатичный человѣкъ) на его дачу подлѣ ст. Сиверской, гдѣ познакомился съ его женой, танцовщицей Петипа (прелестная женщина). Оба были ко мнѣ крайне любезны.

Сообщ. М. В. Безобразова.

(Продолженіе слѣдуетъ).



Письмо въ редакцію.

Милостивый Государь

Павелъ Николаевичъ!

Въ Январьской книжкѣ Р. Старины я прочелъ въ „Воспоминаніяхъ" г. Маркова о происходившей, будто-бы, у него бесѣдѣ съ покойнымъ М. Д. Скобелевымъ, въ которой Скобелевъ неуважительно и недружелюбно отзывался о бывшемъ своемъ начальникѣ, а мнѣ—близкомъ человѣкѣ, К. П. фонъ-Кауфманѣ.

Со словъ, яко бы, Скобелева, г. Марковъ передаетъ, что „Кауфманъ, недолюбливавшій бѣлаго генерала и ревновавшій его къ его народной славѣ, при осадѣ Хивы, поручилъ ему произвести съ казачьимъ отрядомъ рекогносцировку у самыхъ стѣнъ города и немедленно вернуться съ донесеніемъ".

Далѣе говорится, что Скобелевъ не только не вернулся съ донесеніемъ, но воспользовался даннымъ ему порученіемъ, чтобы съ „горстью казаковъ" взять Хиву, водрузить въ столицѣ ханства русскій флагъ и водвориться въ ханскомъ гаремѣ. И когда Кауфманъ съ войсками подошелъ къ цитадели, то все уже было кончено. Это Кауфмана такъ-де разсердило, что онъ Скобелева готовъ былъ „съѣсть живымъ", „наплелъ на него въ Петербургѣ въ своей реляціи" и „обошелъ" за Хивинскій походъ наградою.

Все это, по увѣренію г. Маркова, ему говорилъ М. Д. Скобелевъ и подтвердилъ артиллерійскій полковникъ Лифшацкій.

Полковника Лифшацкаго я не зналъ и опровергать ссылку на него г. Маркова не могу, но что Скобелеву г. Марковъ приписалъ

собственныя измышленія, въ лучшемъ случаѣ слышанныя имъ сплетни,—въ этомъ я не сомнѣваюсь.

Во-первыхъ, въ 1873 г., т. е. во время Хивинскаго похода, М. Д. Скобелевъ былъ еще юнымъ подполковникомъ, „народной“ славы тогда онъ еще пріобрѣсти не успѣлъ; въ генералы онъ произведенъ въ 1875 г., бѣлымъ генераломъ прозванъ въ Турецкую войну, а народнымъ героемъ сталъ послѣ Плевны. Слѣдовательно, если въ 1873 г. кто и ревновалъ его къ славѣ и служебнымъ успѣхамъ, то не командующій войсками, который, напротивъ того, провидѣвъ въ Скобелевѣ то, чѣмъ онъ потомъ оказался, поддерживалъ его и выдвигалъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ въ первый разъ, въ 1869 г., прибылъ въ Туркестанскій край.

Во-вторыхъ, въ Хивинскомъ походѣ Скобелевъ участвовалъ въ составѣ Кавказскаго отряда, а не Туркестанскаго, который велъ лично Кауфманъ, а потому до соединенія отрядовъ, которое произошло въ день паденія Хивы, ни посылать Скобелева на рекогносцировку, ни, тѣмъ болѣе, ожидать его немедленнаго возвращенія съ донесеніемъ Кауфманъ физически не могъ.

Въ третьихъ, вступивъ въ Хиву 29 мая 1873 г., Кауфманъ послалъ Скобелева на рекогносцировку 4 августа, но не къ стѣнамъ Хивы, а на пути отъ Змукшира къ Орта-Кую. Это отвѣтственное и рискованное порученіе Скобелевъ выполнилъ блистательно, 11 августа вернулся съ донесеніемъ и, по представленію Кауфмана, за оказанный подвигъ награжденъ св. Георгіемъ 4 степени.

Въ четвертыхъ, у Скобелева, какъ у всѣхъ выдающихся людей, было много завистниковъ и недоброжелателей, но никому, даже изъ клеветавшихъ на него, не приходило въ голову упрекать его въ низкихъ чувствахъ неблагодарности, которыя покушается ему приписать г. Марковъ.

Какъ, въ дѣйствительности, относился Скобелевъ къ К. П. Кауфману, предоставимъ ему сказать самому.

Вотъ, что писалъ М. Д.—К. П. Кауфману, покидая Туркестанъ, на пути въ Дунайскую армію, изъ Казалинска 24 февраля 1877 г.:

„Позвольте, В. Высокопрев., еще и еще выразить вамъ мою глубокую сердечную признательность за все вами для меня сдѣланное; служба подъ вашимъ начальствомъ навсегда останется лучшимъ воспоминаніемъ моей жизни; не говоря уже о положеніи, извѣстной репутаціи, которою всецѣло вамъ обязанъ, но я въ особенности долженъ никогда не забывать какимъ человѣкомъ я прибылъ въ ввѣренный вамъ край въ 1869 г. и какимъ человѣкомъ

я теперь ѣду въ дѣйствующую армію. Я въ полномъ смыслѣ слова ваше созданіе; сознаю это, всегда буду сознавать и горжусь этимъ...

Желаю вамъ здоровья, а себѣ счастья когда-либо опять васъ увидѣть, вамъ преданный и благодарный М. Скобелевъ".

Письмо это напечатано въ статьѣ „Записки о М. Д. Скобелевѣ", „Нов. Время" 1883 г. № 2319 и слѣд.

Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности.

П. фонъ-Кауфманъ.

8 марта 1913 г. Спб.

Юные годы [1].

Воспоминанія о медицинскомъ факультетѣ (1868—73 гг.) Московскаго университета.

Теперь я скажу о клиницистахъ и на первомъ мѣстѣ поставлю Григорія Антоновича Захарьина, директора терапевтической клиники.

О Захарьинѣ и при жизни его и послѣ смерти ходило такъ много разсказовъ и анекдотовъ, его пересуживали на разные лады, критиковали, бранили, имъ и восторгались, словомъ, онъ своею личностью заинтересовалъ не только міръ медицинскій, но и публику. Вотъ почему мнѣ хочется передать свои воспоминанія о немъ не только, какъ о профессорѣ, но и какъ о врачѣ-практикѣ при моихъ встрѣчахъ съ нимъ уже много лѣтъ послѣ моего окончанія курса.

Захарьинъ былъ человѣкъ большого ума. Онъ занялъ каѳедру въ то время, когда старая рутина въ Московскомъ университетѣ еще не уступила мѣста новымъ вѣяніямъ западной науки, и онъ съумѣлъ своей талантливостью и силой ума занять выдающееся положеніе среди другихъ профессоровъ. Я говорю о томъ времени, когда большинство профессоровъ ограничивалось, такъ сказать, домашнимъ воспитаніемъ и за новыми познаніями въ заграничные университеты не ѣздило; нѣкоторые профессора того времени читали лекціи на непонятномъ уже молодежи латинскомъ языкѣ. Если въ мое время клиники, анатомическій театръ и прочіе кабинеты были такъ плохо поставлены, то при его начальной дѣятель-

---

[1] См. „Русская Старина“, апрѣль 1912 г.

ности все это было прямо ужасно. Захарьинъ по окончаніи курса поѣхалъ за границу, потомъ занялъ мѣсто ассистента при проф. Оверѣ и сразу, еще до полученія каѳедры, обратилъ на себя общее вниманіе обширными познаніями и новыми взглядами на преподаваніе. Онъ выработалъ научный методъ діагноза, планъ терапіи и, что очень важно, создалъ свою школу. Нѣкоторые выдающіеся потомъ профессора нашего университета: А. А. Крюковъ, психіатръ С. С. Корсаковъ, А. М. Остроумовъ, Нилъ Ѳед. Филатовъ, А. Ѳ. Снегиревъ, С. С. Головинъ, Ротъ были его школы.

Захарьинъ разбиралъ больныхъ удивительно; всѣ его вопросы больному были по строго опредѣленной системѣ, въ нихъ не было ничего лишняго, а если больной перебивалъ разспросъ, желая вставить что-нибудь, то Захарьинъ строго, иногда—правда—грубо останавливалъ таковыхъ. Когда она считалъ свой разспросъ оконченнымъ и говорилъ: „теперь вы можете дополнить, что мнѣ неизвѣстно“, то больной уже не находилъ дополненій, потому что коротко и ясно все было исчерпано. При изслѣдованіи онъ перкутировалъ громко, чтобы вся аудиторія слышала оттѣнки тоновъ; выслушиваніе производилъ быстро, не приставляя стетоскопъ для провѣрки 2 раза къ одному мѣсту. Изслѣдованіе не ограничивалось только тѣмъ органомъ, на которомъ было сосредоточено все вниманіе больного, а обслѣдовался весь организмъ; иногда этотъ „Захарьинскій разборъ“ длился всю его лекцію, а выводы (собственно чтеніе лекціи) переносились на слѣдующую. Какія дивныя лекціи мы слушали: все было взвѣшено, мысль излагалась ясно, глубоко обдуманно; его своеобразная дикція и слогъ лаконичный врѣзывались въ память. Онъ говорилъ о данномъ случаѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ мы черпаемъ познанія общія по этой болѣзни, потому что симптомы берутся лишь какъ прототипъ цѣлаго отдѣла подобныхъ болѣзней; обладая необычайной памятью, онъ приводилъ намъ уже бывшіе передъ нами подобные же случаи и группировалъ ихъ такъ, что они стояли передъ нашими глазами.

Діагнозъ онъ ставилъ такъ логично, что никакихъ сомнѣній въ насъ не проявлялось, да онъ, за рѣдкими развѣ исключеніями, подтверждался вскрытіемъ, если умершаго можно было вскрыть. Если не измѣнила мнѣ память, рѣдкая форма сифилиса легкихъ была впервые установлена Захарьинымъ въ наше время (за нѣсколько лѣтъ до открытія Кохомъ туберкулезной палочки). Прогнозъ его рѣдко не подтверждался, но онъ былъ въ этомъ предсказаніи очень остороженъ, и я запомнилъ его совѣтъ, что врачъ никогда не долженъ открывать близость смерти тяжело-больному; надо избрать для этого болѣе благоразумнаго изъ близкихъ, чтобы

онъ не открылъ страшной тайны умирающему. Въ заботѣ о врачѣ Захарьинъ говорилъ намъ: „не говорите прямо „больной умретъ“, а говорите: „больной опасенъ, но не безнадеженъ, ибо, въ случаѣ ошибки вашей, вы не будете дискредитированы въ мнѣніи окружающихъ больного“. При назначеніи лѣкарствъ у Захарьина были излюбленныя средства, и при томъ немного, а все, въ чемъ онъ не былъ увѣренъ—онъ отбросилъ; сложные рецепты не прописывалъ, ограничивался двумя-тремя ингредіентами. При лѣченіи онъ особенно обращалъ вниманіе на обстановку и образъ жизни больного, на мѣстность возвышенную или низменную, смотря по роду болѣзни.—Несмотря на то, что онъ былъ къ своимъ слушателямъ строгъ до грубости и былъ далеко не того направленія, какъ были мы, шестидесятники, его лекціи бывали переполнены студентами, жаждавшими услыхать новое слово науки.

Во время его лекцій соблюдалась абсолютная тишина, и малѣйшее невниманіе къ нему его уже раздражало. Вспоминаю, напр., что студентъ вертѣлъ въ рукѣ карандашъ. Захарьинъ замолчалъ и строго уставился въ сторону студента, а тотъ, не замѣчая взгляда, продолжаетъ свое невинное занятіе...

— Г. студентъ!—заговорилъ вдругъ Захарьинъ грозно. — Какъ ваша фамилія? Что вы дѣлаете? Вы путаете мои мысли? Я не могу продолжать лекцію! Вы точно кавалеристъ какой!

Очертивъ Захарьина, какъ профессора, я скажу о томъ, что слышалъ объ немъ, какъ о врачѣ-практикѣ отъ лицъ его знавшихъ, а также и по моимъ личнымъ встрѣчамъ съ нимъ у больныхъ, когда я былъ уже врачемъ.

Захарьина порицали особенно за то, что онъ назначалъ сотни рублей за посѣщеніе больныхъ на дому, за то, что въ его амбулаторіи было вывѣшено объявленіе съ указаніемъ платы въ такіе-то дни 50 р., а въ такіе 100 р. Это-де не соотвѣтствуетъ нравственнымъ принципамъ врача. Зналъ эти нападки и Захарьинъ и въ разговорѣ по этому поводу съ моимъ родственникомъ Ив. Ильичемъ Мечниковымъ онъ сказалъ ему такъ: „въ Москвѣ врачей много, есть плохіе, есть и очень хорошіе, кому не нравится моя оцѣнка своего труда и досуга — пусть лѣчится у другихъ. Для бѣдныхъ есть клиники, безплатныя лѣчебницы, больницы, я не желаю отдавать свои силы и время на благотвореніе; я не могу лѣчить всю Москву!“

Не былъ ли онъ правъ?

Кому изъ врачей не приходилось быть обманутыми своими паціентами? Кто изъ насъ не отдавалъ больнымъ свой трудъ, время, свое здоровье (да здоровье, потому что переутомленіе и нравствен-

ное и физическое подрываетъ здоровье), не получая за это никакого вознагражденія. Утомленнаго земскаго врача зоветъ помѣщикъ или какой-нибудь Разуваевъ (Щедринскій типъ) за 30 верстъ и платитъ гонораръ, котораго не хватаетъ для расплаты съ ямщикомъ. Назначить плату нельзя, потому что ты врачъ. Адвокатъ получаетъ гонораръ по соглашенію. Плевако, Спасовичъ и другія знаменитости брали десятки тысячъ за выходъ на трибуну, имъ не ставилось это въ вину, а Захарьину ставилось и всякому врачу тоже. Его осуждали за это не только въ публикѣ, но и сами врачи, а между тѣмъ этимъ надо бы было подумать о томъ, что если выдающіеся спеціалисты и профессора поставятъ себя въ смыслѣ гонорара на уровень всѣхъ другихъ врачей, то этимъ самымъ они будутъ отнимать у нихъ необходимый для ихъ жизни заработокъ. Захарьинъ заставилъ публику уважать трудъ врача и возвысилъ профессію врача.—Противники Захарьина указывали на такого же гиганта С. П. Боткина, который былъ доступенъ всѣмъ, независимо отъ платы. Пусть я преклоняюсь передъ этой свѣтлой личностью, но не порицаю и взгляда Захарьина по этому щекотливому вопросу. Когда Захарьинъ передалъ свой заработокъ въ 30 тысячъ (не помню за сколько мѣсяцевъ практики, чуть ли не за 4 мѣсяца) въ пользу недостаточныхъ студентовъ, то все-таки кричали, что онъ при его состояніи могъ бы дать не 30—а 60 т.; а когда онъ пожертвовалъ 500 тысячъ на церковно-приходскія школы, то объ этомъ и въ газетахъ писали—зачѣмъ онъ отдалъ на духовныя училища, а не въ другое вѣдомство! Кому какое дѣло!?

Много разсказовъ и анекдотовъ ходило о Захарьинѣ; изъ боязни утомить читателя подробностями, я скажу коротко: то онъ требуетъ, чтобы присланная за нимъ (для посѣщенія больного) карета была съ сидѣньемъ назначенной имъ высоты, то онъ ставитъ условіемъ своего визита, чтобы больной, живущій во 2-мъ и 3-мъ этажѣ, перебрался бы въ 1-й этажъ, то онъ раздражается отъ тиканья маятника стѣнныхъ часовъ, и ихъ останавливаютъ. Укоряютъ его за все это, какъ самодура, а не отнести ли все это вообще къ его нервозности и чрезмѣрной вспыльчивости, при чемъ онъ реагировалъ на пустяки съ аффектомъ.—Когда его пригласилъ въ Петербургъ тяжко заболѣвшій крупознымъ воспаленіемъ легкихъ министръ графъ Толстой, то Государь Александръ III пожелалъ лично узнать отъ Захарьина прогнозъ, и онъ явился во дворецъ. Увидавъ передъ собой лѣстницу, Захарьинъ потребовалъ, чтобы ему поставили кресло на 1-й площадкѣ; отдохнувши тутъ, онъ пошелъ въ пріемную Государя. И это я не отношу къ самодурству, а объясняю тѣмъ, что Захарьинъ страдалъ невралгіей сѣда-

лицнаго нерва, которая не давала ему покоя настолько, что онъ рѣшился на операцію вытяженія нерва. Онъ избралъ частную лѣчебницу доктора Кни. По выпискѣ оттуда, уже съ зажившей раной, онъ, говорятъ, сказалъ какъ-то на лекціи: „со времени моего студенчества хирургія сдѣлала большіе успѣхи, мнѣ сдѣлали новѣйшую операцію и, хотя нѣтъ улучшенія болѣзни, но нѣтъ и ухудшенія“. Видно—во время его студенчества въ большинствѣ случаевъ бывало послѣднее. Чтобы не быть одностороннимъ, я приведу фактъ, говорящій о его черствости и эгоизмѣ.

Когда я былъ гимназистомъ 7-го класса въ Пензѣ, то жилъ у одной особы съ платой за полный пансіонъ 15 р. въ мѣсяцъ; тутъ же въ комнаткѣ жила такою же нахлѣбницей старая, больная, почти слѣпая, по фамиліи Захарьина. Очевидно, нуждаясь въ деньгахъ, она предложила мнѣ давать уроки франц. языка и занималась со мной ежедневно по 2 часа, за что я платилъ ей, помнится, 3 рубля въ мѣсяцъ. Она была замужемъ за бѣднымъ помѣщикомъ Саратовской губ. Къ ней часто приходилъ ея сынъ Петръ Антоновичъ Захарьинъ, похожій на нее; человѣкъ непутевый, безъ образованія, служившій писаремъ въ казенной палатѣ, онъ былъ извѣстенъ въ Пензѣ, какъ спеціалистъ по дрессировкѣ лягавыхъ собакъ, чтобы имѣть отъ этого заработокъ. Старушка относилась къ урокамъ добросовѣстно и по окончаніи урока нерѣдко разговаривала со мной для практики по-французски; не одинъ разъ она говорила, что вотъ, какъ кончу гимназію и поѣду въ Московскій университетъ, то тамъ увижу ея сына, знаменитаго профессора, директора клиники. Вотъ, думаю себѣ, какъ вретъ старушка! Какой такой знаменитый профессоръ, когда его мать перебивается въ такой нуждѣ! Поступилъ я въ университетъ и, бывши еще на 1 курсѣ, зашелъ въ клинику (на Рождественкѣ была), чтобы посмотрѣть, какія клиники бываютъ. Прямо изъ швейцарской ведетъ на 2 этажъ широкая лѣстница; по ней сбѣгаетъ ординаторъ впопыхахъ и говоритъ: „идетъ, идетъ!“ Всѣ бывшіе внизу подтянулись, оправляютъ пиджаки, какъ при входѣ значительнаго лица, и я вижу, что по лѣстницѣ медленно спускается, слегка прихрамывая и опираясь на трость, человѣкъ въ черномъ сюртукѣ со строгимъ взглядомъ... Боже мой, да это вылитый портретъ моей старушки, только съ черной бородой!

— Кто это? спросилъ я.

— Это директоръ клиники, проф. Захарьинъ.

Ну, правду сказала мнѣ старушка; этотъ знаменитый профессоръ ея сынъ и родной братъ дрессировщика лягашей! А у него уже тогда были сотни тысячъ въ акціяхъ Рязанской дороги!

Приведу двѣ мои встрѣчи съ Григорьемъ Антоновичемъ, когда я былъ уже докторомъ.

Лѣтъ черезъ 8—10 по окончаніи курса я изъ деревни пріѣхалъ въ Москву и встрѣтился съ однимъ изъ моихъ бывшихъ паціентовъ Н. А. Умановымъ, пріѣхавшимъ сюда изъ Пензенской губ. собственно для совѣта съ Захарьинымъ. Пригласить его на домъ было нелегко; нужно было предварительно позвать къ больному одного изъ его любимыхъ ординаторовъ (конечно, съ особой платой), который, изслѣдовавъ больного, доложитъ Захарьину, и тогда рѣшится вопросъ, поѣдетъ ли онъ? Что за сватовство такое, я приглашу его и безъ свата, сказалъ я Уманову и поѣхалъ въ клинику. Лекція его была уже окончена, и я хотѣлъ было прямо пройди въ его кабинетъ, но куда тутъ!.. За мной бросились 2 сторожа на цыпочкахъ, а клиническій фельдшеръ Иловайскій, его любимецъ, преградилъ мнѣ доступъ къ затворенной двери.

— Что вы? Что вы? Какъ это можно безъ доклада! Ради Бога, вы насъ всѣхъ погубите!

Аргументъ былъ настолько вѣскій, что я остановился; зачѣмъ же губить людей?!

— Вы по какому дѣлу?

Я объяснилъ.

— Не поѣдетъ безъ своего ординатора.

— А вы, все-таки, доложите.

— И этого нельзя; да къ нему и войти теперь невозможно.

— Да онъ что же дѣлаетъ?

— Лежитъ и въ потолокъ смотритъ.

— Чего же онъ смотритъ?

— А то смотритъ, что сейчасъ онъ посылалъ меня въ банкъ, купоны отрѣзывать, вотъ теперь лежитъ и сосчитываетъ. Нынче ни за что не приметъ, а, впрочемъ, подождите, часа черезъ два онъ меня позоветъ, я доложу объ васъ; да все равно, безъ своего ординатора не поѣдетъ, увѣряю васъ; мнѣ ли его не знать.

2 часа дожидаться я не хотѣлъ, поѣхалъ къ У—ву, и говорю: „недавно я въ деревнѣ на медвѣдя ходилъ, такъ того легче было изъ берлоги добыть, чѣмъ этого“.

Пришлось обратиться къ ординатору Пр—ву, и консиліумъ былъ назначенъ, но съ тѣмъ, чтобы Ум. перешелъ со 2-го этажа гостиницы въ нижній.

На другой день Захарьинъ пріѣхалъ къ больному въ хорошемъ настроеніи духа и какъ только вошелъ, то, прежде чѣмъ Пр. успѣлъ меня представить ему, онъ взглянулъ на меня пристально и, протянувъ руку, спросилъ: Вы докторъ Филатовъ? Вы меня слушали,

вѣдь вы братъ Нила и Абрама Ѳедоровичей? (Нилъ былъ тогда ординаторомъ дѣтской больницы, а Абрамъ ассистентомъ гинекологической клиники).

Меня эта его память удивила; вѣдь я тотчасъ по окончаніи курса уѣхалъ въ деревню и не встрѣчался съ нимъ ни разу; развѣ мое поразительное сходство съ братомъ Ниломъ дало поводъ назвать меня сразу по фамиліи. Послѣ разспросовъ, гдѣ живу, семейный ли и какое отношеніе имѣю къ этому больному, онъ спросилъ, зачѣмъ я пріѣхалъ въ Москву?

— Заняться глазными операціями—отвѣтилъ я.

— У Крюкова?

— Да.

— Прекрасно; вѣдь Браунъ намъ ничего не далъ, а Крюковъ личность свѣтлая, у него вы больше пріобрѣтете. Это ваша статья „Офтамологическія наблюденія?“ Прочелъ съ большимъ интересомъ.

Послѣднее было сказано, чтобы сказать любезность, но какъ могъ онъ вспомнить, что 9 мѣсяцевъ тому назадъ была помѣщена статья, не имѣющая никакого отношенія къ его спеціальности и при томъ въ журналѣ („Медицинское обозрѣніе“), гдѣ въ ежемѣсячныхъ книжкахъ всегда бывало не менѣе 30-ти статей по разнымъ отдѣламъ медицины? Память большая.

На мой вопросъ, могу ли я быть при его консультаціи, онъ сказалъ: „конечно, конечно, вы наблюдали больного, и это очень важно“.

Тутъ произошелъ инцидентъ.

На вопросъ, когда были почечныя колики? больной отвѣтилъ „въ августѣ“.

— А сколько времени продолжались?

— Два мѣсяца, былъ отвѣтъ.

Зах. вдругъ вспылилъ:—Ну что вы говорите?—сказалъ онъ рѣзко... Въ августѣ и два мѣсяца. Вѣдь это абсурдъ. Подумайте. Вы путаете мои мысли.

Мой больной (человѣкъ уже лѣтъ за 50) покраснѣлъ и разрыдался; Захарьинъ вскочилъ, бросился ходить по комнатѣ, нервно вздрагивая; я накапалъ въ рюмку капель и подалъ ихъ больному.

— Вы что даете больному, Петръ Ѳедоровичъ? — спросилъ меня Зах. въ волненіи (онъ запомнилъ даже мое имя, подписанное подъ той статьей).

— Валеріановы капли,—отвѣтилъ я, а самъ боюсь, ну, какъ онъ и на меня набросится за это.

— Прекрасно, прошу васъ дайте и мнѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ оба припадка прошли. „Ну-съ, Ник.

Ал., давайте помиримся, мы оба нервные. Помните, 3 года назадъ было у насъ съ вами то же. Я уже знаю этого больного, обратился онъ ко мнѣ; онъ совѣтовался со мной въ квартирѣ вашего брата, Нила Өедоровича, тогда у насъ такая же сцена была“ [1]).

Разспросъ и изслѣдованіе продолжались. Сто рублей за визитъ были внесены подъ росписку Пр—ву въ книгу сбора въ пользу студентовъ.

Лѣтомъ 92 года я привезъ на консультацію къ Захарьину мою тяжко-больную жену. Онъ жилъ тогда на дачѣ и для пріема больныхъ пріѣзжалъ въ Москву на квартиру одного изъ старыхъ своихъ ассистентовъ и велъ пріемъ черезъ ординаторовъ (ихъ называли „Захарьинскіе молодцы“), это все были только-что кончившая молодежь. День, мнѣ назначенный, былъ „сторублевый“, больныхъ, ожидавшихъ очереди, я насчиталъ 18. По комнатамъ, гдѣ были разсажены мы, буквально мыкались эти 4 молодца, торопливо подходили къ больнымъ, разспрашивали, заучивали, какъ урокъ, отвѣты для доклада своему кумиру. Подбѣжалъ и къ намъ молодецъ; изъ данныхъ ему свѣдѣній ничего не усвоилъ, и насъ внѣ очереди позвали въ кабинетъ. Страшно мнѣ было тогда, что-то онъ мнѣ объявитъ? Зах. принялъ насъ любезно, предложилъ моей больной рюмку хереса, какъ ослабѣвшей при ожиданіи, спросилъ— откуда мы пріѣхали? и на отвѣтъ мой, что изъ Симбирска, замѣтилъ: „вѣдь, вы жили въ Пензенской губ. въ Саранскомъ уѣздѣ, въ сторонѣ отъ большой дороги?“

„Удивляй, удивляй своею памятью“,—думалъ я, но мнѣ теперь не до того.

Молодецъ началъ свой докладъ, конечно, все спуталъ и вралъ немилосердно. Я зналъ, что Зах. можетъ вспылить, если перебить его вопросы, но не могъ выдержать и попросилъ разрѣшить мнѣ поправить нѣкоторыя данныя.

— Конечно, вамъ лучше извѣстно,—сказалъ онъ.

Каково же было положеніе молодца, когда мои поправки относились къ весьма важнымъ моментамъ болѣзни.

Зах. бросалъ строгіе взгляды на молодца, тотъ стоялъ блѣдный. Снесетъ онъ ему голову, думалъ я, выгонитъ онъ его съ должности, молодца.

Послѣ объективнаго изслѣдованія, Зах. проводилъ больную въ сосѣднюю комнату лечь отдохнуть на диванѣ „пока мы побесѣдуемъ съ вашимъ мужемъ“.

[1]) Тогда, по разсказу мнѣ брата, была сцена нѣсколько иная, тогда Ум—овъ на одномъ диванѣ рыдалъ, а Зах—нъ на другомъ лежалъ и билъ ногами по дивану.

Началась не бесѣда, а его чудный разборъ такой рѣдкой формы болѣзни. Діагнозъ „измѣненіе и опущеніе печени на малярійной почвѣ“ онъ поставилъ увѣренно—на основаніи хода температуры и по условіямъ мѣста жительства.

„Я вамъ благодаренъ, что вы вмѣшались въ сообщеніе моего ординатора; мой взглядъ на сущность болѣзни былъ бы ошибоченъ“.

Назначивъ лѣченіе, онъ сказалъ, чтобы осенью я привезъ больную въ его клинику. „Болѣзнь очень серьезная, но выздоровленіе возможно“, закончилъ онъ свой приговоръ. За визитъ онъ съ меня не взялъ, а равно не позволилъ заплатить и молодцу.

Привезти больную въ клинику мнѣ не пришлось; она скончалась, собравшись ѣхать въ Москву. Вотъ это допущеніе въ посредники только-что кончившихъ врачей было крупной ошибкой со стороны нашей знаменитости. Какъ онъ не замѣчалъ, что они перевираютъ ему факты, а больные при этомъ не смѣютъ перебивать и поправлять ихъ доклады. Одно могу сказать ему хоть въ слабое оправданіе: онъ завелъ этихъ помощниковъ уже подъ старость, когда энергія его мышленія несомнѣнно ослабла.

Вотъ Захарьинъ въ моихъ воспоминаніяхъ, заставившій такъ много говорить о себѣ.

Госпитальная и терапевтическая клиника были въ вѣдѣніи профессора Варвинскаго. Маленькій сѣденькій старичокъ, разбиравшій больныхъ себѣ подъ носъ, вяло, не полно, былъ рѣзкой противоположностью Зах—на, какъ по наружности, такъ и по познаніямъ—какъ преподаватель. Онъ, можетъ быть, былъ прежде образованный медикъ, но до насъ дошелъ такимъ старымъ, что ему не только разборъ больныхъ былъ уже не подъ силу, но и передвигаться-то было тяжело. Онъ вышелъ у меня изъ памяти въ деталяхъ, но помню я, что онъ былъ даже глуховатъ и при выслушиваніи больныхъ только притворялся, что слышитъ.

Алексѣй Яковлевичъ Кожевниковъ, проф. нервныхъ болѣзней, пользовался у насъ заслуженнымъ авторитетомъ. Это, пожалуй, по глубокой эрудиціи своей спеціальности, тотъ же Захарьинъ, но громадная разница лежала между ними. Насколько Зах. былъ грозенъ въ отношеніи своихъ ассистентовъ, ординаторовъ, студентовъ и больныхъ, настолько Кож. былъ мягокъ, вѣжливъ, тихъ и скроменъ. Съ больными онъ обращался въ высшей степени гуманно, мягко. Лекціи его были по содержанію прекрасны. Діагнозъ и прогнозъ онъ ставилъ правильно, что и подтверждалось вскрытіемъ умершаго. Разборъ клиническихъ больныхъ былъ не менѣе подробенъ Захарьинскаго. Не знаю, какъ смотрятъ на него другіе, но я

лично ставлю его не ниже Захарьина, только объ немъ не били въ набатъ, какъ о послѣднемъ.

Мнѣ вспоминается одинъ изъ его блестящихъ діагнозовъ.

По симптомамъ болѣзни ему надо было опредѣлить мѣсто опухоли въ мозгу больного. Путемъ исключеній онъ добрался до этой точки такъ, точно ставилъ кругомъ нея тенёта, и точка была названа. Больной умеръ; интересъ къ результату вскрытія среди студентовъ былъ огромный; вѣроятно, и самъ онъ интересовался своимъ діагнозомъ, онъ пріѣхалъ на вскрытіе. Вскрытіе (проф. Клейнъ) показало, что эта опухоль была именно въ точкѣ, указанной Кожевниковымъ.

Клиника дѣтскихъ болѣзней проф. Тольскаго была тоже на Рождественкѣ подъ Захарьинской, но небольшая. Тольскій былъ хорошій лекторъ, знающій свою спеціальность, но онъ не проявилъ себя въ ученомъ мірѣ; да, впрочемъ, кто же и писалъ тогда изъ нашихъ профессоровъ? Очень немногіе; я не считаю, конечно, книгу Соколовскаго и брошюру Матюшенкова въ 15 страницъ за серьезный трудъ.

Рѣчь Тольскаго была удивительно витіеватая, такъ напр., я запомнилъ: „Извѣстно, что глисты предпринимаютъ иногда отдаленныя прогулки по обширному тракту нашего кишечнаго канала“... Или: „если посмотрѣть на этотъ вопросъ съ одной стороны, то выходитъ то и то, а если посмотрѣть съ другой стороны, то“... и т. д. Эти фразы, которыми была испещрена его рѣчь, утомляли слушателей, но все-таки не умаляли достоинства его познаній и научнаго разбора больныхъ.

Ассистентами у него были Ремизовъ и Н. Ѳ. Гагманъ. Перваго я не помню, а о послѣднемъ у меня осталось воспоминаніе, какъ о милѣйшемъ человѣкѣ; отношенія его къ намъ были искренни и просты. Высокаго роста, съ крупными чертами лица и громовымъ голосомъ, онъ казался гигантомъ среди той дѣтворы, которую онъ всегда любилъ и былъ ею любимъ. Ник. Ѳед., потомъ основатель и директоръ ортопедическаго института, оставилъ въ насъ лучшія чувства.

Глазной кининики при насъ не было, но на Тверской ул. была глазная больница, основанная и функціонирующая (также и теперь) на благотворительный капиталъ.—Директоромъ былъ въ ней Густавъ Ив. Браунъ. Онъ читалъ теоретическія лекціи для 4-го курса, а на 5-мъ велъ очень хорошій разборъ больныхъ клинически. Говорилъ онъ по-русски очень неправильно; кромѣ произношенія, онъ часто ошибался въ согласованіи прилагательныхъ мужского и женскаго окончанія словъ. Интересно, что Браунъ зналъ

хорошо русскій, французскій, нѣмецкій, польскій, еврейскій, но ни на одномъ изъ нихъ не говорилъ правильно; у него не было материнскаго языка. Когда онъ демонстрировалъ намъ больного, то обращался къ кому-нибудь изъ насъ, чтобы студентъ разбиралъ самостоятельно, при чемъ иногда поправлялъ слова, напр., студентъ говоритъ лучше, а онъ поправитъ: „нѣтъ, г. студентъ, такъ сказать нельзя, надо: „лутшѣе, лутшѣе". Или слово „флюктуація" онъ поправитъ, что надо сказать „флуктуація".

Извѣстную поговорку: „пуганая ворона куста боится" онъ передѣлывалъ: „пуганая ворона на кустъ садится!"

Написанное имъ „Руководство по глазнымъ болѣзнямъ" правильнымъ русскимъ языкомъ (потому правильнымъ, что оно было исправлено его ассистентами) долго оставалось настольной книгой врачей, пока наконецъ вышли переводныя, а затѣмъ и русскія руководства.

Ассистенты Брауна: А. Н. Маклаковъ—читалъ приватныя лекціи по офталмоскопіи,—а С. Н. Ложечниковъ велъ отдѣлъ глазныхъ операцій, для чего имѣлись фантомы для вставленія въ нихъ свиныхъ глазъ. Едва-ли $^1/_{10}$ часть пятикурсниковъ интересовалась глазными болѣзнями, чтобы посѣщать эти необязательныя лекціи.

Я увлекся собственно отдѣломъ операціи, для этого мнѣ приходилось покупать свиные глаза въ колбасной нѣмца (по 10 к. за пару; почемъ-то они теперь?). Нѣмецъ долго недоумѣвалъ, зачѣмъ требуется столько глазъ молодому человѣку, пока спросилъ меня и, послѣ моего объясненія, что мнѣ нужно на этихъ глазахъ набить руку для операцій людямъ, добрый нѣмецъ приготовлялъ глаза къ моему приходу уже безплатно. Послѣ того, какъ я продѣлалъ сотни двѣ операцій катарактъ на фантомѣ, Ложечниковъ просилъ Брауна допустить меня снять катаракту у больного, такъ какъ онъ за меня ручается. Браунъ согласился и во время операціи зорко слѣдилъ за движеніемъ моей руки, готовый тотчасъ поправить малѣйшую ошибку. Операція была удачна.

Въ этомъ дѣлѣ былъ нѣкоторый рискъ: во 1-хъ, отъ моей ошибки въ разрѣзѣ зрѣніе больного могло пропасть, во 2-хъ, каждый неудачный случай портилъ процентъ благополучныхъ исходовъ. Казалось бы такъ, но какъ ничтожны эти факторы передъ той важной стороной, которая открывается впослѣдствіи въ дѣятельности врача; для оператора вообще, а тѣмъ болѣе для такой тонкой глазной операціи, важно имѣть увѣренность въ себѣ. Даже одна эта операція, подъ руководствомъ профессора, подняла мой духъ, и я, попавъ въ захолустье земскимъ врачемъ, возвратилъ зрѣніе не одной сотнѣ слѣпыхъ бѣдняковъ. Не думаю, чтобы безъ

этого перваго опыта я рѣшился оперировать больного самостоятельно. Призналъ ли Браунъ важность этого шага и давалъ ли оперировать послѣ меня другимъ—не знаю, до меня никто изъ студентовъ не дѣлалъ не только такой серьезной, но даже и мелкихъ. Дѣлая операціи катаракты въ деревнѣ, я, однако, не былъ доволенъ исходами и поѣхалъ въ Москву поучиться въ лѣчебницѣ Андр. Ал. Крюкова (потомъ профессоръ глазныхъ болѣзней). Я объяснилъ Крюкову цѣль пріѣзда, онъ предложилъ мнѣ снять при немъ катаракту и остался работой доволенъ.

— Въ чемъ же дѣло, что у меня потеря до 18%?—спросилъ я, укладывая вымытый уже ножичекъ въ его наборъ.

Онъ остановилъ меня. Этотъ ножичекъ уже не годится, его надо отдать въ мастерскую заново направить, я же для каждой операціи беру новый ножъ.—А я оперирую однимъ ножомъ десятки—сказалъ я.

— Такъ вотъ вамъ и причина вашихъ потерь; чѣмъ острѣе ножъ, тѣмъ тоньше рана и она заживаетъ легче.

И дѣйствительно, я запасся новыми ножами, и процентъ потерь сразу понизился [1]).

Я привелъ этотъ разсказъ собственно для того, чтобы отмѣтить, какъ поверхностно относились къ намъ наши учителя; ни однимъ словомъ никто не обмолвился объ этомъ; всякій-де самъ догадается, что надо имѣть инструментъ острый. Да, но надо догадаться, что онъ долженъ быть не только острый, но идеально острый.

Кохъ велъ акушерскую клинику. Онъ былъ красавецъ собой и имѣлъ громадную практику. Московскія барыни говорили о немъ „на небѣ Богъ, а въ Москвѣ Кохъ“. Онъ былъ нѣмецъ, но говорилъ такимъ правильнымъ русскимъ языкомъ, какимъ природные русскіе не всегда говорятъ; онъ какъ бы щеголялъ правильностью языка. Лекціи были ясны, точны, какъ заведенная машина. Ни одной лишней, ни одной недосказанной мысли. Очевидно, лекціи были твердо заучены. Это чувствовалось и производило непріятное впечатлѣніе. Можетъ быть и языкъ его былъ такъ правиленъ, что каждая фраза была заранѣе заучена и отшлифована. Онъ умеръ еще не старымъ человѣкомъ.

Упомянувъ о Мих. Петр. Черинове лишь въ нѣсколькихъ словахъ, пот. что въ немъ ничего выдающагося не было въ его изложеніи неважнаго предмета діагностики, я перехожу къ характеристикѣ нашихъ хирурговъ и на первомъ мѣстѣ ставлю проф. Во-

---

[1]) Работы о зараженіи глазной раны микроорганизмами появились уже послѣ и предохраненіе отъ этого еще понизило процентъ потерь.

ронцовскаго, развитого и глубоко изучившаго свой предметъ, прекрасно излагавшаго намъ оперативную хирургію, а также ученіе о повязкахъ. Онъ понималъ всю важность практическихъ занятій и, давая намъ дѣлать операціи на трупахъ, онъ требовалъ, чтобы мы дѣлали и разрѣзы и перевязки сосудовъ такъ же отчетливо, какъ и на живомъ организмѣ. Оперативный методъ вырабатывается не памятью мозга, а памятью ощущеній, и онъ старался выработать въ насъ этотъ навыкъ.

Студентъ на экзаменѣ взялъ холодный желѣзный прижигатель не за деревянную рукоятку, а за оливу (тогда прижигателя Пекелена еще не было), Воронцовскаго точно кто толкнулъ къ студенту; онъ схватилъ его за руку и отдернулъ.

— Вѣдь вы сожгли себѣ руку.

Студентъ, недоумѣвая, говоритъ, что прижигатель теперь холодный.

— Теперь холодный, да, но я просилъ васъ показать весь ходъ операціи, а вы хватаете за оливу, которая для операціи не можетъ же быть холодная. Такъ относиться къ дѣлу нельзя.

Онъ былъ всегда деликатный и серьезный, и только разъ проскользнула на его лекціи шутка, вызвавшая общій смѣхъ. Читая о возстановленіи кончика носа и желая подчеркнуть, что эта операція очень рѣдко удается, онъ привелъ разсказъ, что когда одна барыня просила знаменитаго хирурга Дюпюйтрена возстановить ей кончикъ носа, то тотъ отвѣтилъ ей: „сударыня, легче сдѣлать цѣлаго человѣка, чѣмъ кончикъ носа“.

— Не забудьте, добавилъ Воронцовскій, что Дюпюйтрену было тогда за 60 лѣтъ. Изъ этого вы видите, какъ трудна эта операція [1]).

Для работъ на трупахъ мы собирались въ группы по нѣсколько человѣкъ и приходили по вечерамъ въ зданіе анатомическаго театра съ куполомъ надъ громадной аудиторіей въ 2 свѣта. Этотъ домъ стоялъ особнякомъ въ глухомъ клиническомъ саду, что съ Рождественки тянулся къ Неглинному проѣзду.

Велика сила дѣтскаго воспитанія съ нянюшкиными разсказами о мертвецахъ, встающихъ изъ могилъ, о привидѣніяхъ и т. п.

Я уже студентъ 5 курса, матеріалистъ, не вѣрующій въ загробную жизнь и все-таки отдаю дань этой силѣ. Сговорившись съ товарищами своей группы, я пришелъ на занятія раньше другихъ. За мной захлопнулась на скрипучей пружинѣ дверь первая, вторая

---

[1]) Въ наше время не было еще примѣняемо великое ученіе Листера, благодаря которому всѣ заживленія операціонныхъ ранъ стали проходить безъ осложненій.

и третья, я былъ въ темной прихожей; рядомъ изъ отворенной двери часовни усыпальницы точно глядѣли на меня лики большихъ иконъ, по которымъ скользилъ тусклый мерцающій свѣтъ двухъ-трехъ лампадокъ; этотъ свѣтъ освѣщалъ также и лицо покойника, лежавшаго тутъ въ гробу съ сложенными на груди руками. Кругомъ была мертвая тишина, потому что въ этомъ зданіи никто не жилъ. Легкая дрожь пробѣжала по моему тѣлу, и я быстро отворилъ тяжелую дверь въ аудиторію, она захлопнулась и прищемила мое пальто, точно кто-то сзади схватилъ меня сильными руками и не пускаетъ двинуться впередъ. Я въ аудиторіи съ десяткомъ черныхъ столовъ; на четырехъ изъ нихъ лежатъ прикрытые бѣлыми простынями трупы; лунный свѣтъ въ двойной рядъ оконъ освѣщалъ и амфитеатръ скамеекъ, и столы, и мертвыя тѣла. Я былъ охваченъ ужасомъ, уже близкій къ обмороку.

— Сторожъ!—крикнулъ я, и мой голосъ отразился отъ голыхъ стѣнъ, отъ высокаго свода купола и пробѣжалъ по скамьямъ.

Вотъ на одномъ изъ столовъ задвигалась, приподнялась простыня, и что-то грузное соскочило со стола. У меня подкосились ноги, моментъ, пока я разглядѣлъ, что это былъ сторожъ, былъ ужасенъ.

— Извините, ваше благородіе, я все ждалъ студентовъ, никто не идетъ, я прилегъ и уснулъ маленько.

Ив. Ник. Новацкій читалъ намъ лекціи по госпитальной хирургіи въ Н. Екатерининской больницѣ. Это была старая, пропитанная міазмами больница, но клиникъ для этого предмета не было. Матеріала у Новацкаго было много, но не было школы, пот. что онъ не отдавалъ должное вниманіе дѣлу. По его операціямъ было видно, что онъ имѣлъ хорошую технику и операторъ былъ опытный, но грязь, его окружавшая, говорила противъ его намѣренія идти по пути прогресса. Ординаторы и самъ профессоръ ходили по палатамъ безъ халатовъ; мало того, ординаторы (Бетлингъ и Насоновъ) надѣвали при операціяхъ свои старые пиджаки, чтобы не пачкать новыхъ; руки мыли только послѣ операцій. Студентовъ не предупреждали, чтобы они послѣ прикосновенія къ заразнымъ больнымъ или изъ анатомическаго театра не входили въ операціонную и не касались бы перевязокъ. Въ его больницѣ, какъ и въ клиникѣ Басова, появлялась не только рожа, но и госпитальный антоновъ огонь, септицемія,—піэмія, о которыхъ теперь вы, студенты, знаете только по книгамъ.

Знаменитый Листеръ еще въ концѣ шестидесятыхъ годовъ положилъ начало ученію о микроорганизмахъ, какъ источникѣ осложненія ранъ, но наши доморощенные хирурги, какъ Басовъ, Но-

вацкій, Матюшенковъ, были глухи къ этой новой эрѣ хирургіи; они оставались въ затхлой атмосферѣ еще долго, и потому операціи въ полостяхъ (грудь, животъ) были для нихъ чѣмъ-то запретнымъ, пока наконецъ на смѣну Басова явился Н. В. Склифасовскій, но уже послѣ моего окончанія курса. Раздавшіяся слова уже престарѣлаго генія Н. И. Пирогова указывали имъ тотъ путь, по которому должна идти впередъ хирургія, но всѣ эти истины были писаны не для нихъ.

Новацкій, такъ же, какъ и Басовъ, не допускалъ студентовъ оперировать. Мы такъ и кончили, не сдѣлавъ даже вскрытія нарыва. Какой большой пробѣлъ въ преподаваніи. Я помню, что въ началѣ моей службы въ земствѣ я долженъ былъ готовиться передъ операціей по книжкѣ и какъ только брался за ножъ, меня охватывало волненіе. Только благодаря практической подготовкѣ на трупахъ у Воронцовскаго нѣсколько ободрялся. Проходили года, и вмѣстѣ съ тѣмъ жизненный опытъ преодолѣлъ все и давалъ мнѣ право быть руководителемъ другихъ. Заѣзжали ко мнѣ знакомые молодые врачи, и я предлагалъ имъ оперировать въ моей больницѣ. Съ какимъ благодарнымъ чувствомъ они брались впервые за операцію и именно потому, что оперировали въ присутствіи болѣе ихъ опытнаго хирурга. Отъ насъ наши учителя не заслужили этой благодарной памяти. Мнѣ, я знаю, могутъ возразить, что проф. не долженъ рисковать больными, ввѣрившими себя его опытной рукѣ, но вѣдь этотъ взглядъ—узкій; здѣсь, въ клиникѣ онъ можетъ поправить дѣло, но, выпуская на поле дѣятельности врача, никогда не касавшагося ножемъ живого тѣла, рискъ еще большій.

Мнѣ остается сказать еще о двухъ ветеранахъ нашего факультета: оба они были старые, своеобразные: это Вас. Алекс. Басовъ и Алексѣй Иван. Полунинъ. Басовъ велъ хирургическую факультетскую клинику. Въ свое время это былъ для Москвы извѣстный хирургъ, но когда было это его свое время? Я засталъ его въ 1873 году уже старцемъ лѣтъ 70. Не былъ ли онъ современникомъ извѣстнаго Наполеоновскаго хирурга Ларрея, хотя, конечно, моложе его? Оттого, можетъ быть, онъ не упоминалъ въ своихъ лекціяхъ никого изъ современныхъ заграничныхъ славныхъ хирурговъ, кромѣ Ларрея.

Читалъ онъ лекціи громкимъ голосомъ, излагалъ ясно, но онѣ были мало содержательны, а главное, что ближе Ларрея мы никого, какъ будто, не должны были знать, а это вселяло въ насъ мысль, что онъ сообщаетъ намъ о временахъ давно прошедшихъ, значитъ, и интереса къ профессору не являлось.

Онъ игнорировалъ не только именами Дюпюйтрена, Вельйо, Бильрота, но даже и къ основателю русской хирургіи нашему великому Пирогову, котораго тогда и европейскіе ученые считали авторитетомъ науки, Басовъ съ высоты своего величія не снисходилъ, хотя самъ онъ если и имѣлъ извѣстность въ Москвѣ, то только потому, что другихъ хирурговъ въ его время въ Москвѣ не было. Объ немъ ходило преданіе, что онъ 1-й сдѣлалъ операцію фистулы желудка, а это тогда считалось вѣнцомъ хирургіи. Высокаго роста, выбритый, сѣдые его волосы уцѣлѣли только вѣнчикомъ кругомъ затылка, при чемъ на вискахъ торчали въ стороны и при взглядѣ на него сзади представлялись какъ два прозрачныхъ крылышка; очки держались на кончикѣ носа; въ клиникѣ старый вицъ-мундиръ; на улицѣ старая шинель кофейнаго цвѣта, цилиндръ зимой и лѣтомъ и пара въ дышло старыхъ гнѣдыхъ коней со старымъ кучеромъ въ старой коляскѣ, вѣроятно, жили при немъ неразлучно уже много лѣтъ. Оперировалъ онъ смѣло и безсердечно, никогда не смущаясь никакими сюрпризами, которые могли бы другого хирурга привести въ отчаяніе. Такъ, напримѣръ, онъ вылущалъ опухоль на шеѣ. Когда онъ забрался глубоко ножомъ въ рану, мы услыхали особенный свистъ, это воздухъ сильной струей входилъ въ перерѣзанную яремную вену и черезъ нѣсколько мгновеній должна наступить неизбѣжная смерть. Басовъ зналъ этотъ зловѣщій свистъ смерти, но онъ не потерялся, что больной умираетъ подъ его ножомъ.

— Слушайте, вамъ рѣдко придется услыхать этотъ свистъ, — сказалъ онъ намъ своимъ обычнымъ громкимъ возгласомъ, вымылъ руки и спокойно сталъ обходить съ нами палаты.

Или: „подводитъ онъ насъ къ больному съ вывихомъ локтя, беретъ его руку и говоритъ:—Вотъ передъ вами luxatio processus olecranon, вывихъ кзади; для вправленія пользуются различными способами; самый лучшій — это двойное приложеніе силъ: вытяженіе за предплечье и быстрое сгибаніе. Вправленіе совершается легко“.

Говоря это, Басовъ все время вертитъ руку больного, не замѣчая, что даже малѣйшее движеніе вызываетъ судороги въ лицѣ больного отъ страшной боли. Вытянулъ, согнулъ, произошелъ трескъ. Басовъ, не перемѣняя интонаціи, тѣмъ же громкимъ голосомъ продолжаетъ: „вывихъ остался, произошелъ переломъ локтеваго отростка. Иванъ Герасимычъ (его любимый ассистентъ Карчагинъ), наложите повязку“. Безсердечіе было полное въ этомъ человѣкѣ.

Мнѣ скажутъ, что я утрирую; нѣтъ, мои товарищи, помнящіе эти случаи, подтвердятъ эти факты. Я помню, какъ онъ, окруженный

толпой студентовъ, подходитъ къ постели 7-ми лѣтней дѣвочки и говоритъ такъ:

— Еще Ларрей писалъ, что (послѣ слова что, онъ останавливаетъ рѣчь, какъ будто надо ставить точку съ запятой). Еще Ларрей писалъ, что при сильномъ искривленіи голеней надо сдѣлать переломъ для сращенія костей въ прямомъ видѣ. И съ этими словами онъ дѣлаетъ переломъ.—Иванъ Герасимычъ, наложите повязку.—И мы идемъ дальше.

Боже, какой крикъ бѣднаго ребенка огласилъ палату. Надо же имѣть такіе нечувствительные нервы, чтобы не потрудиться дать хлороформъ. Черезъ недѣлю онъ подвелъ насъ къ той же дѣвочкѣ, но такъ какъ онъ уже объяснилъ намъ сущность дѣла, то теперь онъ молча открылъ одѣяльце, взялъ другую ногу, молча переломилъ и эту, сказавъ только, уходя: „Ив. Герасим., наложите повязку“.

Я съ ужасомъ смотрѣлъ на ребенка и на Басова. Первая тряслась, задыхалась отъ боли, лицо было искажено страхомъ, въ лицѣ Басова ни одинъ мускулъ не дрогнулъ, оно было такъ же холодно и спокойно, какъ и въ обычное чтеніе лекцій. И этотъ профессоръ не допускалъ насъ дѣлать операціи; мы не наложили на больномъ ни одной перевязки. Палаты его были все-таки чище, чѣмъ палаты Новацкаго.

Читатель, еще немного терпѣнія; мнѣ остается сказать только о нашемъ деканѣ Алексѣѣ Ив. Полунинѣ. Кто изъ студентовъ, слышавшихъ Полунина, не улыбнется при разговорѣ объ немъ? Онъ сейчасъ же вспомнитъ его фигуру, его своеобразную дикцію, манеру, его жесты и, если не содержаніе его лекцій, то хотя бы отрывки?

Онъ читалъ намъ общую патологію, предметъ очень важный и интересный, но только не въ его изложеніи, потому что это изложеніе относилось не къ семидесятымъ годамъ, а пожалуй къ первой половинѣ XIX вѣка; до того все это было старо, безъ какого-либо движенія впередъ. Его фигура и рѣчь были такъ своеобразны, что я не могу не остановиться на этомъ. Вотъ его фигура: объемистый животъ, какъ у беременной женщины; лысая голова съ рѣденькими волосами на затылкѣ и вискахъ, зачесанными по старинной модѣ впередъ, выдающійся, какъ у Сократа, крутой лобъ; усы и борода тщательно выбритые; маленькіе глазки, какъ будто безъ рѣсницъ, смотрѣли сквозь золотыя очки; на кого онъ смотритъ—узнать было нельзя. Носъ формы башмака (утиный) былъ покрытъ мелкой сѣтью тонкихъ, красныхъ жилокъ. Тонкая верхняя губа во время его чтенія то вытягивалась, то подбиралась. Подъ правымъ ухомъ была ярко-малиновая опухоль величиной съ крупную вишню (еще и до

насъ ее называли „шишка"). Маленькіе стоячіе воротнички, крестъ св. Анны на шеѣ и всегда звѣзда на его вицъ-мундирѣ украшали эту фигуру.

Зимой онъ входилъ въ аудиторію въ высокихъ калошахъ и въ енотовой шубѣ табачнаго цвѣта настолько растегнутой, что звѣзда всегда была видна. Входилъ онъ медленной тяжелой поступью, садился на каѳедру и нѣкоторое время отдувался; потомъ вынималъ изъ грудного кармана засаленную пожелтѣвшую тетрадку, по которой читалъ изъ года въ годъ многимъ поколѣніямъ студентовъ.

У меня до сихъ поръ сохранился набросокъ карандашемъ его фигуры и лица, что я сдѣлалъ съ натуры во время его лекціи. Сколько веселья вызываетъ этотъ портретъ, когда случается встрѣтиться съ кѣмъ-нибудь изъ старыхъ врачей моего выпуска, но мы смѣемся не злымъ смѣхомъ, а умиленнымъ, потому что Алексѣй Ивановичъ не оставилъ въ насъ дурного воспоминанія, онъ былъ добрякъ, доступный студентамъ, отзывчивый къ ихъ нуждамъ, только его генеральскій видъ и никогда не улыбавшееся лицо придавали ему видъ строгій.

Читалъ онъ лекціи и говорилъ какъ-то удивительно смѣшно. Я постараюсь описать его дикцію, хотя знаю, что мое описаніе напомнитъ его лишь слышавшимъ его, неслыхавшіе не представятъ себѣ ясно дикцію Полунина. Слушая его, казалось, что онъ не читаетъ, а поетъ, то повышая голосъ, то понижая, и въ соотвѣтствіи съ этимъ его голосъ періодически колебался отъ высокихъ теноровыхъ нотъ, до самыхъ низкихъ басовыхъ. Его рѣчь постоянно и безпрестанно прерывалась вставками словъ: „что или что-то", „что или что да" и короткимъ вопросительнымъ „а"? Первое что произносится протяжно въ басъ, а послѣдующія или что-то скороговоркой и почти шепотомъ; букву *а* произносилъ онъ коротко, какъ бы вопросительно. Послѣ нѣсколькихъ періодовъ фразъ происходила пауза, при чемъ слышалось глубокое выдыханіе, иногда съ едва замѣтнымъ свистомъ.

Вотъ 2 отрывка изъ его лекцій, записанные мной слово въ слово; по нимъ можно заключить о содержаніи лекцій и его курьезныя вставки.

Онъ читаетъ намъ лекцію о delirium tremens (бѣлая горячка пьяницъ).

„При этомъ у больного разыгрывается фантааазія или „что да". Больной начинаетъ бреедить, а? Какъ будто онъ на яву все видитъ, или что-что. Вотъ онъ сидитъ, будто, за „столомъ"; ему кажется, что гооости кругомъ сидятъ. Что или что что-а?"

Слѣдуетъ пауза съ выдыхомъ.

„Больной начинаетъ угощать ихъ. Иванъ или Сидоръ, что-то, разсуждаетъ больной, подай мнѣ трубку или что-что; закурить дай, а? Что-о или что да. Вотъ-съ, господинъ, наливки не угодно ли? Или что-что? Вотъ-съ Ерофѣичъ, вотъ ратафія или тамъ чтоо-что либо да [1]“.

Продолжительный выдохъ.

„Такъ многое больному кажется-то, а его, между тѣмъ, въ чуланѣ заперли или что-что. Воображенье-то его сиильно разыгрывается, что или что да, а?“

А вотъ отрывокъ его лекціи о кормилицѣ, записанный тоже съ натуры:

„Всякая мать обязана кормить своего младенца или что что-да. Обязана... Я говорю обязана по природѣ, а? А у насъ дѣлается такъ или что-что? Чтоо или что-что а? Приходитъ кормилица и говоритъ: „у меня груди или что-что вотъ какія, ребенокъ что-что вотъ какой, дайте мнѣ жалованье столько-то, сарафановъ или тамъ чтоо или что-что столько-то. Я буду кормить вашего младенца, а своего въ люди отдамъ или что-что-да-а? Я-то совѣтую такъ: чтоо или что-что, вотъ тебѣ, кормилица, жалованье, сарафаны или что да, ѣда будетъ хорошая, ты корми своего младенца, а между прочимъ и моего или что-а? или что-что. Смѣются или что-да надъ моимъ совѣтомъ“.

Конечно, совѣтъ гуманный, что и говорить, но какъ же не смѣяться? Кто же послѣдуетъ совѣту добряка Ал. Ив—ча. Какъ деканъ, онъ былъ вполнѣ на мѣстѣ, это былъ аккуратнѣйшій чиновникъ, не оступавшій отъ буквы закона. Во время какого-то экзамена онъ услыхалъ громкій разговоръ среди студентовъ и произнесъ такую рѣчь:

„Г.г. студенты или что-что! Вѣдь экзаааменъ идетъ или что да. Чтооо или что-что-а? Надо поддерживать извѣѣстную тишину или что-да“.

Когда я былъ на I курсѣ — Захарьинъ уѣхалъ за границу и терапевтич. клинику передали Полунину. Ясно, что студенты 4 курса послѣ блестящихъ лекцій Захарьина не могли переносить лекцій Полунина, одинъ изъ тезисовъ котораго гласилъ: „чѣмъ свѣдущѣе врачъ, тѣмъ онъ осторожнѣе или что-что“, и потому назначеніе его лѣкарствъ сводилось къ отвару алтейнаго корня

---

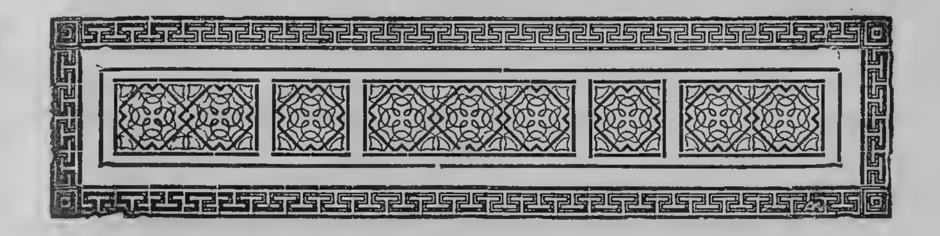
[1]) Въ наше время трубки были уже рѣдкость. Ерофѣичъ и ратафія тоже давно были выкинуты изъ употребленія; отсюда выводъ, что лекція была составлена Полунинымъ въ то время, когда всѣ курили трубки, а папиросъ еще и въ поминѣ не было.

(decocti alteae), т. е. къ средству индифферентному. Курсъ возмутился, пересталъ посѣщать лекціи Полунина, а такъ какъ это совпадало съ движеніемъ шестидесятниковъ, то были произведены аресты, нѣкоторыхъ исключили навсегда, другихъ на 2—3 года, инымъ дозволили перейти въ другой университетъ. Надо полагать, что вся эта исторія, начавшаяся изъ-за Полунина и окончившаяся такъ серьезно, тяжело отозвалась въ душѣ добраго Алексѣя Ивановича, который такъ сердечно относился ко всѣмъ невзгодамъ окружающихъ. Объ немъ ходили разсказы, что приглашенный куда-нибудь къ бѣдняку, онъ не только не бралъ за визитъ, но платилъ ему отъ себя или получивъ за визитъ 3 р. и видѣвъ по обстановкѣ, что это тяжело для больного, давалъ ему сдачи 2 рубля.

Воспоминанія свои я кончаю на этомъ добрѣйшемъ человѣкѣ, хотя и безполезномъ для насъ профессорѣ. Если характеристика нѣкоторыхъ изъ профессоровъ нашего времени вышла у меня рѣзка,—не ставьте въ вину мнѣ, старику, то, что запечатлѣлось въ памяти въ дни моей юности.

Когда кто изъ старыхъ моихъ товарищей, прочитавъ эти воспоминанія, перенесется думами въ свои юные годы и скажетъ мнѣ спасибо за возстановленіе въ ихъ памяти воскресшихъ образовъ, я буду счастливъ.

П. Филатовъ.



Изъ архива графа С. Ю. Витте.

Бумаги А. М. Фадѣева, изъ которыхъ извлечены настоящіе документы, находятся въ семейномъ архивѣ его внука, графа С. Ю. Витте, любезно разрѣшившаго намъ ихъ использовать.

Андрей Михайловичъ Фадѣевъ (31 декабря 1789—28 августа 1867), авторъ извѣстныхъ воспоминаній, напечатанныхъ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1891 г. и отдѣльно, 1897 г., въ Одессѣ, происходилъ изъ весьма почтенной дворянской семьи. Его прадѣдъ, капитанъ Петръ Михайловичъ Фадѣевъ, былъ убитъ подъ Полтавой. Дѣдъ, Илья Петровичъ, умеръ при Аннѣ Іоанновнѣ, въ чинѣ полковника, отъ ранъ полученныхъ въ Турецкой войнѣ. Одинъ изъ братьевъ Андрея Михайловича былъ убитъ въ 1812 г. Былъ военнымъ и отецъ ихъ, Михаилъ Ильичъ. Андрей Михайловичъ одинъ былъ въ этомъ отношеніи исключеніемъ и пошелъ въ гражданскую службу. Въ 1817—1834 гг. онъ управлялъ конторой иностранныхъ поселенцевъ и жилъ въ Екатеринославѣ, потомъ послѣдовательно служилъ въ Одессѣ членомъ комитета иностранныхъ поселенцевъ южнаго края Россіи, въ Астрахани главнымъ попечителемъ кочующихъ народовъ и въ Саратовѣ управляющимъ палатою государственныхъ имуществъ и, затѣмъ губернаторомъ, а съ 1846 г. до смерти былъ членомъ совѣта главнаго управленія кавказскаго намѣстника и управляющимъ экспедиціею государственныхъ имуществъ Закавказскаго края. Это былъ благородный труженикъ и достойный сподвижникъ такого выдающагося государственнаго дѣятеля, какъ графъ М. С. Воронцовъ.

Женатъ былъ А. М. Фадѣевъ на княжнѣ Еленѣ Павловнѣ Долгоруковой, изъ старшей вѣтви князей Долгоруковыхъ, правнукѣ князя Сергѣя Григорьевича, бывшаго другомъ Петра Великаго и казненнаго при Биронѣ.

Елена Павловна была человѣкъ, на рѣдкость образованный, а въ области естественныхъ наукъ пользовалась почетной извѣстностью. Дѣти Фадѣевыхъ—извѣстная писательница Елена Андреевна Ганъ („Зенеида Р—ва") и военный писатель, славянофилъ Ростиславъ Андреевичъ Фадѣевъ, а ихъ внуки—графъ С. Ю. Витте, его сестра писательница Софья Юл. Витте и дочери Елены Ганъ, писательница Вѣра Петр. Желиховская и Елена Петр. Блаватская, начинательница всемірнаго теософскаго движенія и также писательница („Радда-Бай"). Не чужда литературѣ и третья дочь А. М. Фадѣева, Надежда Андреевна, еще здравствующая и живущая въ Одессѣ.

I. О швейцарцѣ Шлаттерѣ.

1.

Милостивый Государь
Андрей Михайловичъ!

Проживающій въ Ногайскѣ Швейцарецъ Шлаттеръ подалъ Государю Императору письмо, заключающее въ себѣ привѣтствіе отъ имени всего Ногайскаго юношества.

Его Величеству благоугодно знать, откуда означенный Швейцарецъ, съ котораго времени и зачѣмъ тамъ находится.

Сообщая о семъ вамъ, Милостивый Государь, я покорно прошу доставить ко мнѣ, какъ можно поспѣшнѣе, всѣ свѣдѣнія, какія вы имѣете о Швейцарцѣ Шлаттерѣ, для доклада о немъ Его Императорскому Величеству.

Пакеты можете адресовать ко мнѣ въ Одессу съ надписью: весьма нужное и въ собственныя руки.

Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть,

Милостивый Государь,
вашъ покорный слуга
Гр. М. Воронцовъ.

№ 1105.
1 ноября 1825.
Симферополь.

Г-ну А. М. Фадѣеву.

Вверху помѣта: „Получ. Ноября 8".

2.

Письмо графу Воронцову.

Выполняя приказаніе вашего сіятельства, въ письмѣ отъ 1-го ноября за № 1105 мнѣ данное, честь имѣю донести касательно Швейцарца Шлаттера, въ ногайскихъ селеніяхъ живущаго, слѣдующее:

Даніель Шлаттеръ есть уроженецъ Швейцаріи изъ кантона Сент-Галла и города того же имени. Отецъ его, бывшій въ купеческомъ званіи, умеръ въ 1806-мъ году, а мать съ 4-мя братьями и нынѣ живетъ въ томъ городѣ. По окончаніи его воспитанія онъ исправлялъ тамъ 15 лѣтъ званіе бухгалтера въ одномъ купеческомъ домѣ и, возымѣвъ охоту къ путешествію, отправился въ Россію въ 1822 г. по паспорту своего правительства, явленному у россійскаго въ Швейцаріи повѣреннаго въ дѣлахъ, вмѣстѣ съ соотечественниками своими, миссіонерами Берлиномъ и Дидрихомъ, кои нынѣ находятся пасторами въ крымскихъ колоніяхъ. Доѣхавъ съ ними изъ С.-Петербурга до Молочанскихъ колоній, онъ остановился тамъ у менониста въ колоніи Орловѣ Корниса, къ коему имѣлъ рекомендательное письмо отъ менонистскаго торговаго дома фонъ-деръ-Смиссена изъ Алтоны, что близъ Гамбурга; а оттолѣ перешелъ въ близлежащее ногайское селеніе Буркутъ 2-й, къ одному ногайцу, по имяни Али-Аметову. Здѣсь онъ научился по-ногайски, пріобучилъ себя къ ихъ образу жизни и пріобрѣлъ довѣренность и любовь какъ своего хозяина, у коего исправляетъ всѣ сельскія работы, получая отъ него за сіе токмо пищу и ногайское одѣяніе, такъ и прочихъ тамъ живущихъ ногайцевъ. Каждое воскресеніе приходитъ онъ въ колонію Орловъ для богомоленія обще съ менонистами, кои всѣ признаютъ его честнымъ и хорошимъ человѣкомъ. Сдѣланной имъ навыкъ къ образу жизни ногайцевъ и къ исправленію всѣхъ домашнихъ работъ, совершенно противоположныхъ въ отношеніи къ прежней его жизни и занятіямъ, удивляетъ всѣхъ его знающихъ.

По словамъ его, цѣль, коей онъ симъ намѣреніемъ достигнуть стремится, состоитъ въ томъ, чтобы узнать достовѣрно внѣшній и внутренній образъ жизни, характера и духа ногайцевъ,—удостовѣриться на опытѣ, какія предстоятъ препятствія къ нравственному ихъ образованію, и какія средства могутъ быть успѣшны къ преодолѣнію оныхъ.

Это письмо (отпускъ), адресованное Новороссійскому генералъ-губернатору графу М. С. Воронцову, помѣчено: „Ноября 10 дня 1825, Екатеринославъ“.

Личность Шлаттера очень заинтересовала Императора Александра Павловича, который въ октябрѣ 1825 г., по дорогѣ въ Крымъ, проѣзжалъ черезъ Маріуполь и ногайскія поселенія. 22 октября ему представлялся А. М. Фадѣевъ, воспроизводившій въ своихъ воспоминаніяхъ разговоръ съ государемъ. Между прочимъ, царь спросилъ Фадѣева („Воспоминанія", ч. I, стр. 84):

— Знаете ли вы швейцарца, поселившагося между ногайцами?

— Нѣсколько знаю.

— А какъ вы о немъ знаете?

— Сколько мнѣ извѣстно, онъ кажется хорошей нравственности и имѣетъ добрыя намѣренія.

— Въ чемъ состоятъ они?

— Въ томъ, чтобы узнать совершенно характеръ, образъ мыслей, нравы, духъ ногайцевъ и сообщить свои свѣдѣнія базельскимъ миссіонерамъ, имѣющимъ цѣлью обращенія магометанъ въ христіанскую вѣру, для облегченія имъ въ томъ успѣха.

— Да!—сказалъ государь,—такъ точно, въ Базелѣ есть институтъ, гдѣ воспитываются миссіонеры. Я желаю ему успѣха, но сомнѣваюсь въ томъ.

Историкъ ногайцевъ А. Сергѣевъ („Ногайцы на Молочныхъ водахъ"—„Изв. Таврич. учен. арх. комиссіи", № 48, стр. 56—57) разсказываетъ, что „при слѣдованіи Александра I черезъ ногайскія земли, въ селѣ Буркутѣ нѣкій Даніилъ Шлаттеръ подалъ ему привѣтственное письмо отъ имени всего ногайскаго юношества. Государь приказалъ Воронцову узнать, что это за человѣкъ. Шлаттеръ оказался уроженцемъ швейцарскаго города Сенгалъ (!) и квартирантомъ менонита Ивана Корниса. Изъ его письменнаго показанія при допросѣ видно, что онъ объѣхалъ нѣсколько разъ всю Европу, а среди ногайцевъ поселился для изученія татарскаго языка. Какая судьба постигла потомъ этого Шлаттера, неизвѣстно".

Александръ I оказался правъ. Христіанство не сдѣлало никакихъ успѣховъ среди ногайцевъ, и черезъ тридцать пять лѣтъ они покинули насиженныя мѣста и ушли въ Турцію. Исторію ихъ ухода разсказалъ тотъ же г. А. Сергѣевъ (въ „Изв. Таврич. уч. арх. комм.", № 49). „Только почти сравнявшіяся съ землей развалины построекъ на мѣстахъ ауловъ, остатки общественнаго сада и разрушенный мостъ въ г. Ногайскѣ, десятка два ногайскихъ словъ въ томъ отвратительномъ южно-русскомъ жаргонѣ, на которомъ говоритъ населеніе Азовскаго побережья, номенклатура рѣчекъ и селеній въ сѣверныхъ уѣздахъ, сохраняющихъ еще на-ряду съ новыми и старыя названія, нерѣдко встрѣчающееся ногайское тавро

на русскихъ лошадяхъ, вотъ и всѣ памятники этого ушедшаго отъ насъ народца, имѣющаго такую печальную исторію".

Александръ Павловичъ умѣлъ выбирать и замѣчать людей. Онъ, вѣроятно, хотѣлъ использовать стремленія Шлаттера и что-нибудь для него сдѣлать, но помѣшала смерть, унесшая царя черезъ мѣсяцъ.

II. Письма Х. Х. Стевена къ А. М. Фадѣеву.

Христіанъ Христіановичъ Стевенъ (19 января 1781—18 апрѣля 1863), извѣстный энтомологъ и ботаникъ, много лѣтъ прослужилъ въ Южной Россіи на сельско-хозяйственномъ поприщѣ, управлялъ Императорскимъ Никитскимъ Садомъ. Свѣдѣнія о немъ указаны Б. Л. Модзалевскимъ въ „Архивѣ Раевскихъ", II, 220—221 [1]). Съ Фадѣевымъ Стевена связывала многолѣтняя дружба.

1.

Судакъ, 1 сентября 1858.

Почтеннѣйшій другъ Андрей Михайловичъ, давно уже я собираюсь опять къ Вамъ писать и поздравить съ повышеніемъ чина, о чемъ я съ удовольствіемъ читалъ въ „Петерб. Вѣд." Мы попрежнему безъ почтоваго сообщенія и, когда случается возможность отправить письма, то едва успѣешь съ самонужнѣйшими. И Ваше письмо отъ августа 1857 я только въ апрѣлѣ нынѣшняго года получилъ. Прошедшую зиму я съ семействомъ проводилъ въ Симферополѣ, а наступающую мы намѣрены здѣсь остаться. У меня мало ужъ осталось знакомыхъ въ городѣ, всѣ вымерли или выѣхали.

Для здѣшняго края ожидаютъ большихъ благъ отъ желѣзной дороги, которая теперь рѣшительно назначена въ Ѳеодосію. Въ этомъ городѣ строютъ очень много частныхъ домовъ; отъ Компаніи также начинаютъ дорогу въ Акманай, что на Азовскомъ морѣ и гдѣ хотятъ, чтобъ была пристань для азовскаго каботажа. Я этого ничего не понимаю и думаю, что суда также хорошо пойдутъ прямо въ Ѳеодосію. Привозятъ изъ-за границы не только рельсы, но и лопатки, кирки, ручныя тачки и т. п. Кромѣ двухъ нашихъ офицеровъ, всѣ инженеры французы, и ихъ, говорятъ, уже

---

[1]) Въ „Арх. Раевскихъ" онъ ошибочно названъ отцомъ Ф. Х. Стевена, лицейскаго товарища Пушкина. Они были братья (см. Н. Гастфрейндъ, „Товарищи Пушкина по Имп. Царскосельскому Лицею", I, 497—498).

до сорока прибыло; главный распорядитель полковникъ Sahêtré. Онъ на счетъ Компаніи устраиваетъ телеграфное сообщеніе отъ Өеодосіи до Симферополя. Какъ бы легко было продолжать до Керчи, а оттоль чрезъ проливъ въ Тамань и вдоль Кубани до Ставрополя, а затѣмъ въ Тифлисъ. Но объ этомъ самонужнѣйшемъ у насъ, кажется, не помышляютъ. Если Вашъ Намѣстникъ о томъ представитъ, то вѣрно и сдѣлается, и сколько сбережется денегъ на посылку курьеровъ!

Теперь въ Оріандѣ на южномъ берегу двѣ великія княгини, а супруги ихъ должны быть на Кавказѣ. Есть еще много пріѣзжихъ знатныхъ вельможъ около Ялты, какъ-то Мордвиновы, Потоцкій etc. Сюда никто не пріѣзжаетъ, однако жъ, кромѣ насъ, намѣренъ здѣсь зиму проводить Капнистъ; я думаю, Вы его знаете.

Сынъ мой, который служитъ на вновь строющемся кораблѣ Цесаревичѣ (35 пушекъ), пишетъ, что надѣется, что у насъ въ Черномъ морѣ будутъ 6 линейныхъ кораблей и 6 фрегатовъ. Дай Богъ, чтобъ это сбылось.

За тѣмъ прощайте, продолжайте любить Васъ душевно уважающаго Х. Стевена.

2.

Судакъ, 20 августа 1859.

Почтеннѣйшій другъ Андрей Михайловичъ, я точно крайне виноватъ предъ Вами, что такъ долго не писалъ, но что писать изъ такого скучнаго уединеннаго уголка, какъ Судакъ. Теперь однако жъ, получивъ Ваше дружеское письмо изъ Кисловодска [1]), не хочу долѣе отлагать чтобъ благодарить за добрую Вашу память. Съ мѣсяцъ тому назадъ, будучи въ Симферополѣ и получивъ три огромныхъ ящика съ растеніями, я писалъ Еленѣ Павловнѣ и благодарилъ за этотъ драгоцѣнный подарокъ, который собираюсь разсмотрѣть подробно зимою, когда опять буду въ городѣ. Я душевно радуюсь, видя изъ письма Вашего, что она получила облегченіе отъ своихъ страданій, и прошу Васъ передать ей мое почтеніе. Въ одномъ изъ ящиковъ была ботаническая книга, за которую я тогда же благодарилъ гг. сочинителей. Это огромнѣйшій трудъ, разсчитанный на многіе темы и свидѣтельствующій о ихъ прилежаніи, но, между нами сказано, безъ пользы для науки. Имъ бы надлежало ограничиться одною грузинскою флорою, которая послѣ

---

[1]) О своемъ пребываніи на кавказскихъ минеральныхъ водахъ лѣтомъ 1859 г. А. М. Фадѣевъ разсказываетъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ (ч. II, стр. 210—213).

сочиненія Маршаля-Биберштейна столько обогащена новыми открытіями. Но предпринятый ими переводъ Ледебура Flora Rossica есть потеря времени.

Несмотря на преклонный вѣкъ мой, я все занимаюсь ботаникою, но очень рѣдко могу дѣлать экскурсіи, а довольствуюсь пересмотромъ растеній моего собранія или того, что иногда получаю отъ корреспондентовъ. Къ тому нынѣшнее лѣто было несносно жаркое: у меня было $+31^1/_2{}^0$ Р. въ тѣни на сѣверной сторонѣ дома, и болѣе недѣли ночью не ниже 22°. Дождя порядочнаго мы здѣсь съ начала іюля не видѣли, горы наши, и безъ того не очень зеленыя, совсѣмъ пожелтѣли, и трава подъ ногами крошится. Въ началѣ іюля прилетѣла саранча съ Черноморія; къ счастію хлѣбъ почти весь былъ убранъ, и захватила она только просо и кукурузу, которыя совсѣмъ истребила. Виноградъ здѣсь отъ нея только въ немногихъ садахъ пострадалъ, а на западномъ горномъ берегу говорятъ, что почти весь съѣденъ, даже деревья повреждены. На виноградѣ саранча не ѣла листьевъ и кистей, а только перегрызла стебельки, отчего кисти были подвержены солнечному зною, и ягоды завяли. Грузинскія вина такъ хороши, что не мудрено будетъ французскимъ мастерамъ, о которыхъ вы пишете, изъ нихъ дѣлать самые превосходные напитки; но любопытно видѣть, что они сдѣлаютъ изъ кизлярскаго вина. Въ Крыму все вино западнаго и южнаго берега раскуплено, а сюда въ Судакъ купцы мало пріѣзжаютъ. Мы опять отправили болѣе 3.000 ведеръ въ Таганрогъ, но понынѣ только малая часть еще продана, и то не дороже 2 р. с., хотя вино отличное. Пишутъ намъ, что и греческія вина худо продаются, хотя противъ прежняго и мало привезено.

Въ Ѳеодосіи работы по желѣзной дорогѣ отложены на время, не знаю почему, а будутъ производиться отъ Москвы до Харькова, что, конечно, нужнѣе. Здѣсь хотятъ заводить вольную почту: и это бы хорошо, если бъ не обратилось въ привилегію съ уничтоженіемъ дилижансовъ частныхъ людей, которые теперь за дешевую цѣну перевозятъ изъ одного города въ другой.

Жена моя теперь въ Симферополѣ или въ степномъ имѣніи; я уже вовсе не занимаюсь хозяйствомъ. Мы проживемъ здѣсь до конца октября, а на зиму поѣдемъ въ Симферополь, гдѣ все-таки менѣе скучно, нежели здѣсь, кромѣ того, что меньшой сынъ мой тамъ въ пансіонѣ. Онъ поступилъ въ 7-й классъ, и будущій годъ хочу его отправить въ горный корпусъ.

Года два или три тому назадъ, кажется, вода въ сѣверномъ источникѣ въ Пятигорскѣ изсякла; течетъ ли она теперь опять

по-прежнему? 1800 я видѣлъ Нарзанъ изобилующимъ газомъ, потомъ онъ годъ отъ году сталъ слабѣе; каковъ онъ теперь [1]?

Прошу васъ дружески вспомнить и опять обрадовать письмомъ преданнѣйшаго Х. Стевена.

3.

Судакъ, 31 марта 1860 г.

Почтеннѣйшій другъ Андрей Михайловичъ, я получилъ Ваше письмо отъ 30 октября 1859 г. въ декабрѣ, когда я былъ погруженъ въ печали отъ потери моей жены, которая отъ сильной простуды получила воспаленіе мозга и на пятый день болѣзни скончалась. Я въ то время самъ былъ боленъ, а это несчастіе столько подѣйствовало, что нѣсколько времени ежедневно ожидали моей кончины, и я послѣ того очень медленно поправился. Теперь однакожъ я такъ здоровъ, какъ можетъ быть старецъ, коему скоро 80 лѣтъ, въ будущемъ январѣ.

Къ сожалѣнію, я не могу исполнить желанія Вашего о высылкѣ къ Г. Толстому сѣмянъ Hibiscus escudentus; я прежде разводилъ это растеніе, а теперь уже давно не сѣю: мнѣ кушанье изъ него не нравится, а греки много употребляютъ, да здѣсь ихъ нѣтъ.

Я читалъ, что вышло описаніе или Исторія Кавказа г. Фадѣева; не Ваше ли это сочиненіе? Если Ваше, то выпишу изъ Москвы. О сочиненіи Вашихъ тифлисскихъ ботаниковъ я нигдѣ не читалъ; желательно, чтобъ они то, отъ котораго мнѣ прислали начало, не продолжали, а обратили свои труды на новое, болѣе соотвѣтствующее требованіямъ науки. Я на-дняхъ получилъ XII-й томъ Nouveaux mémoires de la Société des Naturalistes de Moscou, содержащій списокъ растеній, собранныхъ Г. Бузе въ Закавказіи и въ Персіи, въ коемъ много грузинскихъ растеній. Также есть каталогъ растеній, собранныхъ г. Абихомъ въ Закавказіи. Абихъ и Ханыковъ довольно извѣстны, а о г. г. Морицѣ и Байерѣ я не знаю, какою наукою занимаются. Теперь готовится новая экспедиція ученыхъ академиковъ въ Дагестанъ, гдѣ должно быть уже довольно спокойно. Вѣроятно также скоро будетъ доступна небольшая полоса на берегу Чернаго моря, гдѣ крѣпостцы еще въ рукахъ непріятельскихъ.

О нашемъ Крымѣ лучше молчать, чѣмъ говорить: желѣзную

---

[1]) „Нарзанъ, по увѣренію всѣхъ туземныхъ жителей (хотя доктора этого не говорятъ), съ нѣкоторыхъ поръ потерялъ много своей цѣлительной силы" ibid. 212).

дорогу уже цѣлый годъ начинаютъ, да начало не подвигается впередъ; прибыло наконецъ до 300 человѣкъ рабочихъ изъ Россіи, а директоры не заботились о продовольствіи ихъ и еще менѣе о помѣщеніи. Ѳеодосія полна французовъ, изъ коихъ одинъ успѣлъ пріобрѣсть себѣ женитьбой племянницу генерала Котляревскаго, а другой дочь князя Херхеулидзева; третій, говорятъ, сватаетъ какую-то княгиню Туманову. Ѳеодосійская chronique scendaleuse еще представила bigamie (т. е. diandrie) какой-то г-жи Лулудаки (если не ошибаюсь), которая обвѣнчалась по свидѣтельству вдовы, сестры своей. Въ Судакѣ нѣтъ подобныхъ случаевъ, а гораздо хуже: въ здѣшней церкви оказалась трещина въ стѣнѣ, угрожающая разрушеніемъ ея, такъ что отъ начальства духовнаго получено приказаніе послѣ праздника запечатать ее и священника перевесть въ другое мѣсто. Кажется, можно бы покамѣстъ устроить молитвенный домъ. На вино наше мало покупщиковъ; мое лежитъ непроданное въ погребѣ. Небольшими количествами продаютъ снятое съ дрожжей по 150 до 180 к. с. Зато работники дороги: по 3 дня за 1 рубль, а приходятъ около 8 часовъ и уходятъ въ 4 часа, да еще отдыхаютъ цѣлый часъ. Степныхъ мало приходитъ: изъ Перекопскаго и здѣшняго уѣздовъ многіе переселяются въ Турцію, и будетъ большой недостатокъ рукъ для сельскихъ работъ. Ихъ испугали рекрутствомъ и другими разсказами [1]).

Почты и станціи по милости нашего генералъ-губернатора и понынѣ нѣтъ, а пользуемся случаями для отправки писемъ. Я надѣюсь, что Вы это получите скоро. Прошу передать мое почтеніе Еленѣ Павловнѣ и принять увѣреніе въ душевной преданности Вашего Х. Стевена.

4.

Судакъ, 3 августа 1860 г. [2]).

Я нѣсколько виноватъ предъ Вами, почтеннѣйшій Андрей Михайловичъ, что такъ долго не благодарилъ за послѣднее Ваше дружеское письмо. Я былъ цѣлый мѣсяцъ въ Симферополѣ и у зятя

---

[1]) „Въ 1856 г. въ Крыму распространились слухи о намѣреніи правительства перевести все татарское населеніе изъ Крыма въ сѣверныя губерніи. А когда возникъ проектъ учрежденія въ г. Мелитополѣ новой епархіи, то среди татаръ стали циркулировать слухи, что правительство собирается насильно обратить всѣхъ таврическихъ мусульманъ въ православную вѣру“. (А. Сергѣевъ, цитир. ст. въ № 49 „Изв. Таврич. учен. арх. комм.“, стр. 200).

[2]) Вверху помѣта о полученіи этого письма 17 августа.

моего на Альмѣ, а потомъ здѣсь ожидалъ со дня на день открытія почтовой конторы. Только теперь прибыли почтмейстеръ и почтовыя лошади, которыя были выведены 1856 г., за три мѣсяца до заключенія мира.

У меня теперь гоститъ гельсингфорсскій профессоръ Нордманъ, который нѣкогда былъ въ Одессѣ. Онъ увѣряетъ, что вмѣстѣ съ вами и со мною онъ былъ въ Алупкѣ, что мы ѣхали чрезъ Яйлу, и разсказываетъ подробности, о коихъ я ни малѣйше не помню, такъ меня оставляетъ моя память. Я, впрочемъ, здоровъ, читаю и пишу безъ очковъ, могу и ходить довольно долго. Я съ своими двумя дочерьми проживемъ здѣсь до конца октября, потомъ переѣдемъ въ Симферополь.

Выходъ татаръ приводитъ весь край въ крайнее затрудненіе, а иныхъ въ отчаяніе. Можно полагать, что изъ Крымскаго полуострова уже выселилась половина всѣхъ татаръ, а изъ заперекопскихъ уѣздовъ говорятъ, что всѣ до единаго. Отъ Симферополя до вершинъ Салгира не осталось ни одной деревни, тоже на Дзуѣ и во многихъ другихъ мѣстахъ. Около извѣстнаго вамъ помѣщика Гротена, который снабжалъ присутственныя мѣста дровами, не осталось ни души, около Взметнева тоже. Изъ Симферополя болѣе 500 семействъ ушло; изъ Карасубазара, Бахчисарая, Козлова тоже. И на все это опустошеніе правительство смотритъ не только равнодушно, но, кажется, и радуется!! Подобное ослѣпленіе безъ примѣра. Первое послѣдствіе будетъ то, что города останутся безъ топлива, безъ хлѣба и корма домашнему скоту, а сама казна лишена всѣхъ доходовъ и повинностей отъ многихъ десятковъ тысячъ подданныхъ. Между тѣмъ не принято никакихъ мѣръ для пополненія этой убыли, и если чрезъ долгое время и прибудетъ нѣсколько изъ Россіи, то не скоро привыкнутъ къ климату и къ здѣшнему образу хозяйства. Изъ деревень около Судака немногіе еще выходили, потому что у нихъ свои собственные сады; однакожъ и они собираются, и тогда некому обработывать виноградные сады, и помѣщики доведены до нищеты, если не имѣютъ другого дохода. Эти несчастные татары сами знаютъ, что имъ въ Турціи предстоитъ голодная смерть, а фанатизмъ ихъ влечетъ, и они, какъ бараны, слѣдуютъ одинъ за другимъ, не зная куда. Въ прошломъ году пошло болѣе 2000 хаджіевъ; они-то по возвращеніи подняли народъ, и отъ турецкаго правительства было обѣщано пособіе всякаго рода. Перевозятъ ихъ въ Константинополь по большей части турецкія суда, и уже на дорогѣ отъ тѣсноты и дурного воздуха подъ палубомъ многіе пропадаютъ. Кажется, что въ Петербургѣ боялись такихъ происшествій, какъ теперь въ Сиріи случились, забывъ,

что здѣсь христiане числомъ почти равны мухамеданамъ, и эти послѣднiе всѣ безъ оружiя. Отъ этого выхода татаръ, которые весь свой скотъ продаютъ, теперь все чрезмѣрно дешево, также черепица отъ ихъ домовъ и самые дома. Посмотримъ, какъ будетъ зимой.

За книжку „60 лѣтъ кавказской войны" очень благодаренъ, я ее сообщилъ и другимъ бывшимъ на Кавказѣ. Дай Богъ, чтобъ поскорѣй совершилось усмиренiе и западнаго Кавказа.

Прощайте, со всего сердца желаю Вамъ и всѣмъ Вашимъ добраго здоровья и всякаго благополучiя, и прошу дружески вспомнить о преданнѣйшемъ Х. Стевенѣ.

5 авг. Сейчасъ я слышалъ, что прибыло сюда одно судно съ извѣстiемъ, что пираты турецкiе и съ кавказскаго берега сожгли 7 русскихъ судовъ, которыя ходили между нашими укрѣпленiями, и что это судно и еще одно греческое успѣли отъ нихъ уйти въ море. Такъ ли у Васъ объ этомъ разсказываютъ?

5.

Судакъ, 21 сентября 1860 г.

Почтеннѣйшiй другъ Андрей Михайловичъ, съ сердечнымъ сочувствiемъ узналъ я изъ письма Вашего о кончинѣ супруги Вашей; при сей Вашей печали Вамъ послужитъ утѣшенiемъ, что долгiя страданiя ея, наконецъ, миновались, и въ Вашемъ сердцѣ дѣти Ваши займутъ ея мѣсто [1]).

Выходъ татаръ былъ на минуту остановленъ, но съ прiѣздомъ директора департамента палаты гос. им. Гернгросса, онъ обновился еще въ большихъ массахъ, и даже съ южнаго берега стали выходить. Поля наши остаются невспаханными, стада безъ пастуховъ, сады необработанными. Если правительство опасалось происшествiй, какъ въ Сирiи, то одинъ или два полка могли бы содержать въ повиновенiи всѣхъ татаръ, у коихъ рѣдко у кого есть ружье. Или, можетъ быть, готовится новая война съ Турцiей; но и тогда они бы остались покойны, какъ и въ прошедшую войну. Хорошо, что успѣли вездѣ убрать хлѣбъ, и что урожай изрядный, а будущiй годъ мало чего ожидать можно.

Желѣзная дорога строится помалу, но бѣда, что до самой границы нашей губернiи крайнiй недостатокъ въ водѣ. Хотятъ устроить огромные бассейны для накопленiя зимней и весенней воды, а я думаю, что отъ большого испаренiя лѣтомъ мало останется, и что

---

[1]) Е. П. Фадѣева скончалась 12 августа 1860 г.

лучше бы было вмѣсто паровой устроить конную дорогу, которая несравненно дешевле и для нашихъ тяжелыхъ товаровъ, какъ хлѣбъ и шерсть, довольно скора: пассажировъ здѣсь мало будетъ.

Нордманъ гостилъ у меня почти мѣсяцъ; онъ хочетъ зимовать на южномъ берегу, теперь онъ покамѣстъ въ Симферополѣ. Кеппенъ также долженъ быть уже въ своемъ небольшомъ имѣніи на южномъ берегу, я отъ него послѣ выѣзда изъ Петербурга не имѣю писемъ.

У насъ винодѣліе началось, и урожай противъ послѣднихъ лѣтъ гораздо лучшій. А покупщиковъ нѣтъ и не надѣемся, чтобъ ихъ много было за общимъ безденежіемъ во всей нашей Россіи.

Прощайте, не забывайте душевно преданнѣйшаго Х. Стевена.

6.

Симферополь, 24 января 1861 г.[1]).

Почтеннѣйшій другъ Андрей Михайловичъ, более двухъ мѣсяцевъ уже Ваше письмо лежитъ у меня, и если я такъ долго не писалъ, то это потому, что не о чемъ. У насъ все по-старому: выходъ татаръ продолжался, пока мореплаваніе было возможно, и многіе еще ожидаютъ весны, чтобъ отправиться въ Турцію, несмотря на дурныя извѣстія, которыя оттуда получаютъ. Русскіе переселенцы, 5.500 душъ, прибыли уже въ ноябрѣ; большая часть остановилась въ сѣверныхъ уѣздахъ, гдѣ они по дурнымъ распоряженіямъ палаты государственныхъ имуществъ ужасно страдаютъ отъ холода и голода, и неизбѣжный тифъ похитилъ уже нѣсколько сотъ. Теперь на-дняхъ ожидаютъ ген.-ад. Васильчикова, который уже въ Николаевѣ, для изслѣдованія, но онъ что теперь сдѣлаетъ? Между тѣмъ мы безъ рабочихъ, и не знаемъ, кто у насъ сниметъ сѣно и хлѣбъ посѣянный. Говорятъ, что избавимся отъ Строганова[2]); можетъ быть будетъ другой пораспорядительнѣе.

Въ моемъ домѣ есть перемѣна: я выдалъ старшую дочь за инженера подполковника Гиппепрейтера, который теперь служитъ по желѣзной дорогѣ. Существованіе этой дороги и понынѣ еще не совсѣмъ рѣшено; то говорятъ, что вовсе ея не будетъ, то что вмѣсто Ѳеодосіи она будетъ проведена на Севастополь, что, конечно, было бы гораздо лучше.

Ботанику, какъ я Вамъ писалъ, я совсѣмъ уже оставилъ, однакожъ, все-таки, нѣсколько интересуюсь ею. Между прочимъ,

---

[1]) Вверху помѣта о полученіи письма 1 марта.

[2]) Новороссійскаго генералъ-губернатора.

читалъ я недавно о какой-то флорѣ тифлисской сочиненія Бекетова[1]), незнакомаго мнѣ имени. Пожалуйте, увѣдомьте, гдѣ она издана, и гдѣ г. Бекетовъ. Меня изъ Германіи и Франціи часто просятъ о здѣшнихъ и кавказскихъ растеніяхъ, я бы къ нему адресовалъ этихъ корреспондентовъ, если ему не противно. Также желалъ бы знать, продолжали ли свой трудъ г.г. Оверинъ и Сенковскій.

Проф. Нордманъ, о которомъ я Вамъ, кажется, писалъ, проводитъ зиму здѣсь, но часто болѣетъ. Сынъ его былъ два года на Амурѣ и теперь возвратился въ Петербургъ изъ Иркутска въ 20 дней.

Что дѣлаютъ члены ученой экспедиціи восточнаго Кавказа? Объ нихъ ничего не слышно. Здѣсь, т. е. около Николаева, опять открытъ новый мастодонъ; видно, этихъ животныхъ во время оно было много.

У насъ до Рождества была очень легкая зима, а послѣ новаго года и до 22 января прежестокая, безпрерывная и до -18^0, такъ что опасаемся за виноградъ. Сегодня уже $+4^1/_2{}^0$.

Прощайте, содержите въ доброй памяти и обрадуйте скоро письмомъ вѣрнопреданнѣйшаго Х. Стевена.

7.

Симферополь. 8 марта 1863 г.

Почтеннѣйшій другъ Андрей Михайловичъ, письмо Ваше отъ 26 декабря уже мѣсяца два у меня лежитъ безъ отвѣта; совершенно не о чемъ было Вамъ писать. Живу я по-прежнему и для лѣтъ моихъ довольно здоровъ; радуюсь, когда отъ старыхъ друзей получаю извѣстіе, что и они здравствуютъ. Однакожъ и ихъ число все уменьшается. Недавно здѣсь скончался Андрей Яковл. Фабръ, котораго Вы вѣрно знали, такъ какъ онъ долго служилъ при князѣ Воронцовѣ и потомъ былъ губернаторомъ въ Екатеринославѣ. За какое-то дѣло тамъ онъ предъ смертію получилъ выговоръ; еще больнѣе былъ бы ему ударъ, что онъ лишился мѣста члена губернскаго присутствія по крестьянскимъ дѣламъ, но это было уже послѣ смерти его, что число этихъ членовъ отъ 4 уменьшено на одного. Фабръ оставилъ 250.000 р. деньгами, одного золота и серебра 70.000, да разнаго имѣнія на 150.000, все это на учрежденіе пріюта для сиротъ. Но завѣщаніе его такое неисполнимое, что попечители должны испросить измѣненія. Онъ назначилъ пріютъ для

[1]) Это извѣстный ботаникъ Андр. Никол. Бекетовъ (1825—1902 г.).

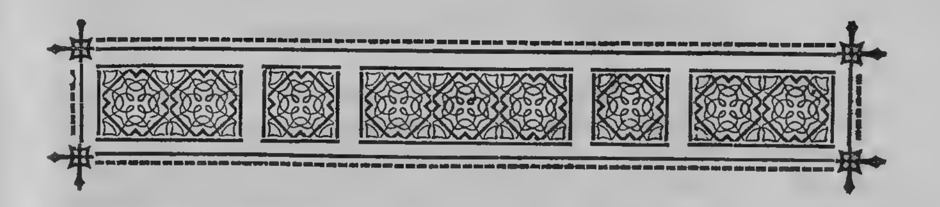
20 круглыхъ сиротъ крымскихъ, а такъ какъ татары не отдадутъ своихъ дѣтей, то во всемъ Крыму не наберется 20 таковыхъ. Онъ назначилъ имъ убѣжище до 13 лѣтъ, а потомъ ихъ отдать ремесленникамъ; доходы отъ денегъ и имѣнія будутъ 20.000 р., а для тѣхъ 20 мальчиковъ и 5.000 много; остальныя деньги онъ назначилъ на умноженіе капитала до безконечности, и тому подобны и другія его распоряженія. На раздачу бѣднымъ ни копѣйки! Вотъ вамъ цѣлая страница о Фабрѣ.

Другая куріозность есть, что изъ Горигорѣцкаго земледѣльческаго училища присланъ профессоръ для устройства дренажа—не для изсушенія болотъ, каковыхъ въ Крыму, какъ извѣстно, нѣтъ, а для доставленія воды трубами на нашей сухой, безводной почвѣ! Этотъ профессоръ въ первый разъ въ южной Россіи; ему, можетъ быть, простительно, что принялъ такое порученіе, а министерство гос. им. не должно бы такъ тратить деньги. Здѣсь уже есть полдюжина чиновниковъ для буренія артезскихъ колодцевъ и т. п., которые ничего не дѣлаютъ и не могутъ дѣлать. У насъ весна очень сухая: послѣ небольшого снѣга, выпавшаго въ началѣ февраля, не было ни капли дождя, а теплота доходила до 14 и ночью постоянно выше 10°. Изъ Одессы мнѣ пишутъ, что цистерны всѣ пусты безъ воды. Новый генералъ-губернаторъ обрадовалъ Одессу извѣстіемъ, что будетъ сдѣлана желѣзная дорога отъ Одессы до Балты солдатами; а какъ солдаты теперь всѣ посланы въ Польшу, то эта дорога, вѣроятно, не скоро начнется. Новое акцизное устройство привело здѣсь многихъ судохозяевъ въ уныніе крайнимъ стѣсненіемъ винокуренія изъ выжимокъ и фруктовъ. Писано и представлено объ измѣненіи, но едва-ли послѣдуетъ какое-либо облегченіе, и придется выжимками и дрожжами кормить скотъ.

Къ пріѣзду Императорской фамиліи дѣлаются большія приготовленія на южномъ берегу въ Ливадіи, бывшемъ имѣніи Потоцкаго, которое за огромную цѣну куплено для Императрицы. А въ Карасубазарѣ нѣтъ моста чрезъ рѣку: вмѣсто починки его совсѣмъ уничтожили, также и на Зуѣ.

Желая Вамъ добраго здоровья, прошу обрадовать письмомъ навсегда преданнѣйшаго Х. Стевена.

Сообщ. Н. Лернеръ.



Три собственноручныя записки генералъ-аншефа графа А. В. Суворова-Рымникскаго къ М. С. Лалаеву.

I.

Берладъ ч: 11 ноября 1789 году.

Мартину Степановичу потрудится съездить въ Яссы съ моимъ брильянтовымъ крестомъ Св: Андрѣя, и въ немъ неизправное починить. Въ чемъ, ежели потребно будетъ, покорнѣйше прошу вспомоществовать, Его Высокородия Сергія Лазаровича.

Графъ Александръ Суворовъ-Рымникскій.

II.

Не договоритъ, намѣкомъ.
Гор: Свита Капугаръ п. отправлена имъ изъ Бендеръ.
Зачѣмъ? ему не надобно и пр. У. Кроми.
Какая жъ лутче притчина? Опознать.

III.

Буде виз: сегод. сюда явился бъ. Лалаеву принять его ласково и откровенно.

Любопытствовать благопристойно о мире, войнѣ, и новизнѣ. Подчивать коѳьемъ табакомъ, и ежели пожелаетъ пилявомъ, кебабомъ и пр. (какъ и питьемъ).

Меня предувѣдомить.

Въ свое время просить ко мнѣ.

По возвращеніи отъ меня трапеза (коли непрежде).

Въ царствованіе Императрицы Екатерины II, во время второй турецкой войны (1787—1791 г.г.), генералъ-аншефъ А. В. Суворовъ командовалъ отрядомъ въ Бессарабской арміи князя Потемкина. Находясь въ 1789 г. съ корпусомъ войскъ въ Берладѣ, Суворовъ долженъ былъ отражать наступательныя движенія турокъ изъ-за Дуная, подкрѣпляя въ то же время корпусъ австрійцевъ, находящійся подъ командою принца Кобургскаго.

11-го сентября 1789 г. на берегахъ р. Рымника Суворовъ разбилъ наголову стотысячную турецкую армію, состоявшую подъ начальствомъ великаго визиря.

За эту побѣду Суворовъ былъ возведенъ Императрицею въ графское достоинство съ именемъ „Рымникскаго" и награжденъ брильянтовыми знаками ордена Св. Андрея Первозваннаго, шпагою съ надписью: „Побѣдителю Визиря" и орденомъ Св. Георгія 1-й степени.

Въ указанный періодъ времени въ ближайшемъ распоряженіи Суворова находился пользовавшійся его полною довѣренностью Мартинъ Степановичъ Лалаевъ, впослѣдствіи полковникъ Орденскаго кирасирскаго полка.

Въ родѣ Лалаевыхъ свято сохранились до нашего времени три вышеизложенныхъ собственноручныхъ записки великаго полководца къ Мартину Степановичу Лалаеву [1]).

Въ первой запискѣ, помѣченной 11-го ноября 1789 г., идетъ рѣчь о починкѣ брильянтоваго креста ордена Св. Андрея Первозваннаго, только что полученнаго Суворовымъ за Рымникскую побѣду 11-го сентября 1789 г. Суворовъ на этой запискѣ подписывается уже „графомъ Рымникскимъ". Такимъ образомъ, это одна изъ самыхъ первыхъ „графскихъ" подписей Суворова.

Вторая записка должна быть датирована 1790-мъ годомъ (съ февраля до іюня).

Въ этой запискѣ Суворовъ приказываетъ М. С. Лалаеву „опознать", по какой именно причинѣ принцъ Кобургскій отправилъ свою свиту изъ Бендеръ въ г. Капуваръ или въ г. Кромау.

Это предположеніе основывается мною на слѣдующихъ соображеніяхъ.

Вторая турецкая война закончилась для Россіи миромъ, подписаннымъ въ Яссахъ въ декабрѣ 1791 года, а союзница Россіи—

---

[1]) Эти записки принадлежали скончавшемуся 28-го октября 1912 года генералу-отъ-артиллеріи Матвѣю Степановичу Лалаеву, приходившемуся двоюроднымъ внукомъ Мартину Степановичу Лалаеву, сподвижнику Суворова.

Берладъ С:: 11. Ноября 1789. году

Мартину Степановичу потрудитися съездить въ Яссы съ моимъ бриллиантовымъ крестомъ Св: Андрея, и въ немъ неисправное починить. Въ чемъ, ежели потребно будетъ, покорнейше прошу вспомоществовать Его Высокородия Сергия Лазаревича.

Графъ Александръ Суворовъ Рымникский

Не договоритъ — наметъ.
Госп: Свита Лануджи П. отправлены изъ Бендеръ
Зачемъ! Ему ненадобно и пр: Д. К Ролли

Какая лучше причина? Опознать,,

Буза Виз: Сей отсюда явился. Лалаеву:
принять его ласково и откровенно.
любопытство благопристойно о мире, войне, и новизнах
Подчивать кофе табакомъ и ежели пожелает пилявъ кебабъ и пр.
/: Вина и питьемъ:/

Меня предупредить.
въ свое время просить ко мне
по возвращении отъ меня Трапеза /: хоть не прежде:/

Австрія закончила ее гораздо раньше: по кончинѣ императора Іосифа (въ февралѣ 1790 г.) Австріей былъ заключенъ съ Турціей миръ въ іюнѣ 1790 года. Командующій австрійскимъ корпусомъ принцъ Кобургскій съ февраля 1790 г., видимо тайно отъ Россіи, вошелъ въ мирные переговоры съ Турціей и, предвидя заключеніе мира, заблаговренно отправилъ свою свиту изъ находившейся въ рукахъ союзниковъ крѣпости Бендеръ (взята Потемкинымъ 3-го ноября 1789 года) обратно въ Австрію. Естественно, что Суворова заинтересовала причина отправки свиты принца Кобургскаго изъ Бендеръ въ „Капугаръ“ (орѳографія Суворова) — вѣрнѣе въ Капуваръ—городъ въ венгерскомъ комитатѣ Эденбургъ (Сопронъ) на лѣвомъ берегу малаго Рааба, или же въ „Кроми“ (орѳографія Суворова)—вѣрнѣе въ г. Кромау въ Моравіи (близъ города Брюнна), нѣсколько сѣвернѣе Капувара. Объясненіе, данное принцемъ Кобургскимъ, что свиты „ему не надобно“,—очевидно не могло удовлетворить Суворова.

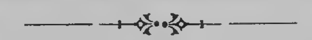
Третья записка должна быть, по-моему, датирована 1790-мъ годомъ (съ іюня).

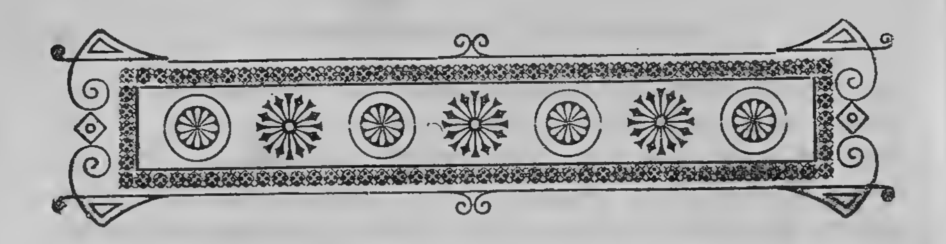
Вотъ основанія моего соображенія.

Турки, ободренные миромъ съ австрійцами, заключеннымъ въ іюнѣ 1790 года, уклонялись отъ заключенія мира съ Россіей, столь желаннаго именно въ то время Потемкинымъ. Этимъ обстоятельствомъ и объясняется забота Суворова объ организаціи радушнаго пріема великаго визиря, ожидавшагося Суворовымъ, видимо, для мирныхъ переговоровъ. Непреклонность турокъ повлекла за собою продолженіе войны, взятіе крѣп. Измаила (10-го декабря) и, наконецъ, Ясскій миръ, подписанный въ декабрѣ 1791 года. Послѣ взятія Измаила Суворовъ былъ отозванъ изъ арміи.

Предложивъ вниманію читателей любопытныя записки знаменитаго нашего полководца, считаемъ нравственнымъ долгомъ принести почтительную благодарность вдовѣ генерала-отъ-артиллеріи Соломіи Николаевнѣ Лалаевой, любезно разрѣшившей опубликовать эти рѣдкіе автографы, приносимые ею въ даръ Суворовскому музею при Императорской Николаевской военной академіи.

В. А. Бернацкій.





М. И. Драгомировъ—генералъ-губернаторъ.

(Изъ отрывочныхъ воспоминаній) [1]).

Никто не можетъ сказать, чтобы можно было вообще когда-либо видѣть М. И. Драгомирова растерявшимся; находчивость была ему не только свойственна, но составляла его принадлежность, являясь однимъ изъ главныхъ качествъ его при всякихъ обстоятельствахъ и при всевозможныхъ случайностяхъ.

Между тѣмъ, два непріятныхъ случая, вышедшіе у него подъ рядъ,—сначала съ однимъ министромъ, а потомъ съ другимъ, какъ будто вселила въ него мысль о необходимости разобраться и такъ или иначе опредѣлить свое положеніе. Довольно было того, что, противъ обыкновенія, М. И. къ каждому изъ этихъ эпизодовъ нѣсколько разъ возвращался, толковалъ о нихъ и самымъ тѣмъ обстоятельствомъ, что, наговорившись объ одномъ и о другомъ на разные лады, онъ каждый разъ какъ бы вновѣ для себя, приходилъ къ тому заключенію, что „дѣло впрочемъ выѣденнаго яйца не стоитъ",—тѣмъ самымъ выказывался нѣсколько иной съ его стороны взглядъ на это дѣло и иное третированіе имъ всего этого вопроса въ душѣ.

Странность положенія и необычность хода высказывавшихся въ тѣ дни М. И—мъ мыслей заставила нѣкоторыхъ изъ окружавшихъ его,—всегда внимательныхъ и доброжелательныхъ къ нему людей, призадуматься, хотя бы настолько, чтобы вникнуть и опредѣлить: не таится ли во всей этой исторіи чего-либо дѣйствительно серьезнаго, требующаго какого-либо солиднаго выясненія или по крайней

---

[1]) См. „Русская Старина", апрѣль 1913 г.

мѣрѣ воздѣйствія къ успокоенію Мих. Ивановича, который, очевидно, былъ чѣмъ-то взволнованъ и растревоженъ. Было это время наступившихъ въ ходѣ болѣзни его сердечныхъ припадковъ; съ одной стороны они могли исказить всякое получавшееся имъ свѣдѣніе, давать тому свѣдѣнію не то освѣщеніе и примѣшивать какое-либо преувеличеніе, весьма нерѣдко пагубное и для дѣла и для здоровья; необходимостью полнаго спокойствія обусловливалась крайняя необходимость устраненія изъ дѣла всевозможныхъ шероховатостей и осложненій. Самъ Мих. Ив., меньше чѣмъ кто-либо, могъ въ этомъ отношеніи подумать о себѣ, а тѣмъ болѣе направить что-либо къ предохраненію себя отъ безпокойства, обычно прописываемаго въ такихъ случаяхъ глубокомысленными врачами, берущимися оберегать организмъ человѣка, болѣющаго сердцемъ и страдающаго всегда сложными послѣдствіями разстройства сердечной области вообще.

* * *

Съ большой осторожностью и аккуратностью поставилъ себя Владиміръ Александровичъ Волковъ въ дѣло развѣдки по этому, казавшемуся ему чрезвычайно важнымъ, дѣлу, а чѣмъ больше терпѣнія и осторожности оно требовало, тѣмъ съ большимъ искусствомъ онъ предавался опредѣленію и толкованію всякой мелочи, встрѣчавшейся по пути.

Но вотъ, однажды Мих. Ив., вообще долго ходившій въ толкахъ объ этой исторіи „кругомъ, да около",—спокойно и опредѣленно разсказалъ, съ какой стороны, собственно говоря, его занимали проступки губернатора, въ поведеніи котораго онъ усмотрѣлъ такъ много предосудительнаго, а главнымъ образомъ страннаго, что не остановился передъ представленіемъ,—если можно выразиться по-военному,—объ отобраніи отъ него губерніи.

Этотъ губернаторъ былъ извѣстенъ Мих. Ив. Драгомирову еще съ тѣхъ поръ, когда, будучи военнымъ, слылъ въ небольшихъ чинахъ за хорошаго, исправнаго строевого офицера; хотя М. И. непосредственнымъ начальникомъ его не состоялъ, но хорошо зналъ тотъ полкъ, въ которомъ онъ началъ службу, а, бывая въ полку, наслышался о служебныхъ качествахъ состава офицеровъ вообще и каждаго изъ нихъ въ отдѣльности; урывками, но все же на глазахъ М. Ив. Драгомирова, этотъ офицеръ, со дня своего выпуска изъ пажей, отбылъ свою службу субалтерномъ, желонерным офицеромъ, батальоннымъ адъютантомъ, полковымъ квартирмейстеромъ, а затѣмъ ротнымъ и батальоннымъ командиромъ, предсѣдателемъ полкового суда и, наконецъ, штабъ-офицеромъ, завѣдывающимъ хозяйственною частью полка.

При этомъ, параллельно съ дававшимися о немъ отзывами по части служебной, отъ моего вниманія, говорилъ Мих. Ив., не ускользали расточавшіяся похвалы нравственнымъ качествамъ этого всегда исправнаго и даже выдѣлявшагося офицера и хорошаго товарища. Помню тотъ моментъ, когда онъ получилъ назначеніе на должность командира полка и вполнѣ понятнымъ мнѣ стало высказанное тогда начальствомъ петербургскаго военнаго округа желаніе оставить его въ предѣлахъ округа. Этимъ, несомнѣнно, до нѣкоторой степени опредѣленно подчеркивалось само собою желаніе впослѣдствіи, имѣя его на виду, удостоить ему возведеніе въ должность командира полка гвардейскаго,—словомъ, я съ удовольствіемъ видѣлъ его тогда на пути штабъ-офицера, выдающагося и къ генеральскому чину подвигавшагося на всѣхъ парахъ.

* * *

Немало удивился я, когда, однажды въ Кіевѣ, сидя дома, получилъ черезъ вѣстового унтера карточку этого самаго, уже почти забытаго мною, штабъ-офицера. Видѣть его давно Мих. Ивановичу не приходилось, приказовъ по гражданской части читать также не доводилось, поэтому онъ нисколько не смутился, прочтя приписку къ имени и отчеству этого браваго штабъ-офицера—„генералъ-маіоръ, такой-то губернаторъ".

Удивило меня лишь то, сказалъ онъ, что такой хорошій для состава арміи матеріалъ призналъ для себя возможнымъ промѣнять чисто-военную строевую службу на гражданскую административную; не вдумываясь въ это долго, я, уже впрочемъ не въ первый разъ, подумалъ, что въ этомъ сказываются результаты неумѣнья со стороны военнаго министерства попридерживать въ арміи настоящихъ, хорошихъ строевыхъ штабъ-офицеровъ и генераловъ, къ частямъ которыхъ слѣдовало бы прочно прикрѣпить, не давая возможности развитія малѣйшаго намека на мысль объ уходѣ изъ строя.

Какъ ни относился вообще М. И. Драгомировъ спокойно къ составу подвѣдомственныхъ ему чиновъ, считая,—справедливо или нѣтъ,—что было бы болото, а черти всегда найдутся въ избыткѣ,—однако, когда въ минуту назначенія своего на постъ генералъ-губернатора, онъ отдалъ себѣ мелькомъ отчетъ въ томъ, что тотъ старый, извѣстный ему съ молодыхъ чиновъ, офицеръ, вышедшій въ генералы, находится въ числѣ трехъ губернаторовъ, состоящихъ подъ его прямымъ начальствомъ, онъ какъ будто бы этому самодовольно улыбнулся.

— Какъ никакъ, все же будто бы лучше, если,—хотя настолько свой, сколько уже давно извѣстный, способный человѣкъ находится въ числѣ непосредственныхъ помощниковъ, сотрудниковъ и сослуживцевъ,—говорилъ Мих. Ив.

— Но каково было мое удивленіе, добавилъ онъ, когда,—съ первыхъ дней вступленія моего въ должность генералъ-губернатора, началъ я получать жалобы на этого моего „сотрудника“ и самыя разнообразныя писанья, имѣвшія характеръ очернявшихъ его доносовъ.

Нисколько не стѣсняясь, М. И. все приходившее къ нему препровождалъ „по принадлежности“ съ предложеніемъ выяснить и доложить о томъ, что окажется. Когда же доносами стали его забрасывать почти ежедневно, пришлось рѣшиться потребовать личнаго объясненія.

— Странное дѣло, говорилъ М. И., прежде и видѣлъ и зналъ со стороны, а теперь вижу близко, какую массу доносовъ, пасквилей и наговоровъ разсылаютъ въ гражданскомъ вѣдомствѣ; народъ ли такой, что, по роду своей службы, не можетъ воздержаться отъ ябеды, или самый складъ службы, а въ особенности положеніе начальническихъ должностей таково, что такъ и подмываетъ каждаго подъ нихъ подкапываться.

Изъ продолжительныхъ личныхъ переговоровъ съ оговаривавшимся, очернявшимся пространнѣйшей литературой губернаторомъ, М. И. пришелъ къ заключенію, что всѣ чудовищныя обвиненія, взводившіяся на начальника губерніи въ доносахъ, представляли собой плодъ измышленій, рождавшихся на почвѣ озлобленія, раздававшагося неисполненіемъ всѣхъ просьбъ, въ фантастичности своей доходившихъ, по большей части, до предѣловъ невозможнаго, а по предосудительности—прямо преступныхъ; не трудно было видѣть, что созданіе жалобъ и оговоровъ исходитъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, отъ израильтянъ, всегда готовыхъ, за простое неудовлетвореніе ихъ низменныхъ вожделѣній, раскрыть подъ любымъ служащимъ пропасть и въ нее, усиліями кагала, провалить на выборъ кого вздумается.

* * *

— Чего, чего только ни сочиняли на бѣднаго губернатора,—разсказывалъ М. И.,—и въ солдаты-то онъ несчастныхъ мѣщанъ и крестьянъ произвольно забиралъ, игнорируя всякое понятіе о законахъ, вѣдающихъ воинскую повинность, и молодыхъ, красивыхъ женщинъ силою забиралъ къ себѣ въ услуженіе, заставляя ихъ жертвовать собою на вѣчно устраиваемыхъ имъ ночныхъ кутежныхъ оргіяхъ; фантазіи не было предѣловъ; все какъ бы сводилось къ подбору злоупотребленій, по характеру своему, представляющихся возможными развѣ лѣтъ за сто до нашихъ временъ... И все это нахально выдумывалось, нагло лгалось на человѣка служилаго.

Миновавъ всѣ козни еврейскаго, кагально вздорнаго, шутов-

ского изобрѣтенія, и отбросивъ „доносы“, М. И. вынужденъ былъ остановиться на имѣвшихъ подобіе правдивости „жалобахъ“, поданныхъ служащими на учинявшіяся по отношенію къ нимъ различныя несправедливости.—Тутъ въ свою очередь было много чудовищнаго.—Я не хочу въ это и входить,—сказалъ онъ губернатору,—но въ нѣкоторыхъ изъ этого рода писаній видно много вопіющаго; тутъ что-нибудь одно: или, незамѣтно для васъ самихъ, вкралось,—быть можетъ невольно, много требующаго исправленія для возстановленія справедливости—тогда займитесь этимъ; или же искусствомъ проходимцевъ вложена въ дѣло масса лжи, отъ которой надо отвадить людей, пытающихся ее плодить; нельзя въ этомъ допускать безнаказанности.—Разверните, посмотрите внимательно и вы увидите: бывшій офицеръ, перешедшій на гражданскую службу, солидно, спокойно пишетъ противъ власти;—или она промахнулась, тогда не поздно еще вернуть все ею сдѣланное, или же тотъ самый офицеръ искусился въ дѣлахъ оклеветанія и тогда, конечно, онъ не долженъ быть терпимъ на занимаемой имъ гражданской должности, какъ бы мала она ни была.

И пораженъ же былъ М. И., когда въ большей части этихъ случаевъ оказалось, что жалобщики не лгали, несправедливость, показавшаяся генералу Драгомирову съ перваго взгляда вопіющею, дѣйствительно была властью губернатора надъ тѣми потерпѣвшими учинена, но губернаторъ въ своихъ дѣйствіяхъ не находилъ никакой неправильности. И это въ цѣломъ рядѣ случаевъ, и противъ самой ясной очевидности.—Въ простомъ разговорѣ съ губернаторомъ М. И. выводилъ прямое заключеніе изъ его же словъ, но сатрапъ какъ бы отказывался понимать суть, которая прямо показывала, что взысканія на подчиненныхъ налагались не за служебные проступки и провинности, а за стороннее, только изъ-за желанія прибѣгнуть къ личной мести.

— Начальникъ, облеченный большою властью, налагаетъ на подчиненныхъ крупныя взысканія за мелочи, отражавшія его личныя съ тѣми подчиненными столкновенія, и нѣтъ силъ доказать ему это, нельзя убѣдительно раскрыть ему глаза на это.—Ничего подобнаго нельзя было себѣ представить; куда дѣвался умъ того неглупаго, здраваго офицера, который съ молодыхъ чиновъ, съ первыхъ шаговъ своей военной службы, обращалъ на себя особое вниманіе; и вдругъ теперь свихнулся такъ односторонне, что сдѣлался чуть ли не общимъ посмѣшищемъ и, во всякомъ случаѣ, „притчею во языцехъ“.

Самая простая справедливость требовала удаленія подобнаго начальника отъ должности; вотъ почему М. И. приложилъ къ этому

свое стараніе, при чемъ рѣшился взять на себя лишь настаиваніе на переводѣ его изъ края съ подробнѣйшимъ при этомъ разъясненіемъ ему необходимости въ другихъ краяхъ или на посту въ другой губерніи отстать отъ такихъ дѣйствій, похожихъ на униженіе себя и выказывающихъ непониманіе своего долга, а во всякомъ случаѣ крайне пагубныхъ въ отношеніи своей чести.

* * *

Долго и много М. И. вспоминалъ объ этомъ эпизодѣ;—вѣдь вотъ какъ-будто и мелочь, а поди-ка,—продѣлывалъ ее не какой-нибудь становой, большой власти не имѣвшій, онъ большого вреда при этомъ принести не могъ бы, а изволь-ка считайся, спроси все это съ такой власти, какова губернаторская, и не оберешься, сколько зла другимъ можетъ учинить несправедливый человѣкъ, если вздумаетъ шутить съ такимъ огнемъ, какъ данная ему огромная, почти неограниченная власть;—а услѣдить за этимъ развѣ придетъ въ голову.—„Какъ пользуется неограниченною властью ограниченный человѣкъ";—гдѣ, кто и когда входитъ въ разсмотрѣніе этого, обсуждаетъ что-либо подобное, могущее иногда выйти крайне поучительнымъ?—Выслушивая впослѣдствіи массу анекдотическихъ разсказовъ объ этомъ своеобразномъ начальникѣ края, генералъ Драгомировъ приходилъ къ прямому выводу относительно ненормальности умственныхъ способностей этого его стараго знакомаго за тотъ періодъ времени и не разъ задавался предположеніемъ, что эта бѣда и вытолкала хорошаго строевого офицера въ сторону; въ строю быть можетъ все обошлось бы благополучно, а тутъ явилось широкое поле развитія старинной болѣзни, именуемой маніей величія и разбавленной частнымъ добавленіемъ страданій на почвѣ неудержимаго влеченія къ проявленію безшабашнаго произвола.

Мих. Ив. всесторонне пожалѣлъ своего прямого подчиненнаго, сослуживца и сотрудника.

Присматриваясь близко къ Михаилу Ивановичу за этотъ періодъ его жизни, В. А. Воиновъ, а съ нимъ, или за нимъ, и нѣкоторые другіе почитатели „командующаго" пришли къ такому заключенію, что онъ внезапно проявилъ массу такой сердечности, какой ни раньше, а можетъ быть и ни позже никому не доводилось въ немъ замѣчать, такъ какъ, вообще, склонности къ ней въ немъ было очень мало.

* * *

Такъ эта исторія съ большой тяготой распустилась въ душѣ Михаила Ивановича; онъ многое въ ней пережилъ и перечувствовалъ, не отдавая себѣ хорошо отчета въ томъ,— почему, именно эта исторія такъ задѣла его за живое и почему тысячи

другихъ эпизодовъ, съ виду болѣе значительныхъ, проходили для него совершенно незамѣченными и слѣда въ немъ не оставляли; самъ Мих. Ив. обратилъ большое вниманіе на этотъ небывалый въ немъ приливъ чувствъ, приписывалъ его такому нервному разстройству, какого прежде никогда въ себѣ не замѣчалъ. Что это, я точно бабиться сталъ,—причудилось ему одинъ разъ, когда онъ вообразилъ, что черезъ-чуръ жалѣетъ губернатора, во всякомъ случаѣ съ нравственной стороны провинившаго далеко не въ малой степени.

* * *

Докторъ, слѣдившій за состояніемъ его здоровья въ ту пору, предвидѣлъ скорое повтореніе такого же приступа, который онъ называлъ припадкомъ, и находилъ нужнымъ настоятельно предложить слѣдить за соблюденіемъ особой осторожности въ отношеніи приливовъ крови къ области сердца. Не былъ этотъ почтенный, нынѣ здравствующій, докторъ глубоко ученый, но онъ опредѣлилъ совершенно вѣрно, какъ бы въ указаніе спеціалистамъ, что въ организмѣ Мих. Ив. именно въ это время произошло нѣчто, измѣнившее ему и отнявшее ту прочность его здоровья, которая до тѣхъ поръ неизмѣнно ставила и держала его силы внѣ обычныхъ условій.—Словомъ, незамѣтно съ этихъ моментовъ громадныя, богатырскія силы М. И. Драгомирова пошли на убыль; затѣмъ, сталъ онъ себя поберегать, благодаря неустаннымъ совѣтамъ того же доктора и веденію болѣе разумнаго образа жизни сохранилъ свои дни на болѣе долгій срокъ, чѣмъ можно было ожидать по предсказаніямъ, создавшимся во дни рокового упадка силъ.—Второй припадокъ, о которомъ рѣчь впереди, выразился, въ общемъ, менѣе ясно, но онъ обнаружилъ болѣе рѣзкія, болѣе чувствительныя для самого Мих. Ивановича послѣдствія.

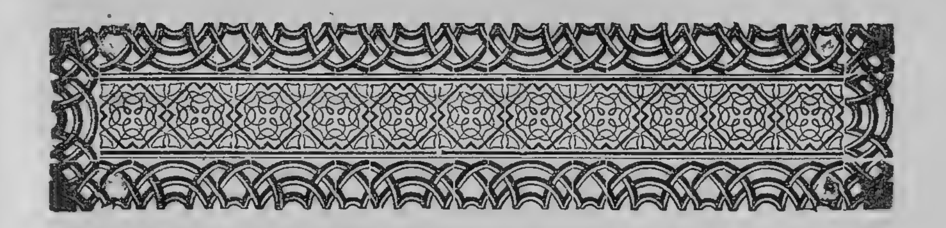
Не исторія, приключившаяся съ губернаторомъ, размягчила командующаго,—говорилъ тотъ же докторъ, и за нимъ это повторяли другіе, а переворотъ, случившійся въ организмѣ, какъ будто бы привелъ его къ болѣе мягкимъ взглядамъ на криминальную сторону губернаторской эпопеи.

Съ тѣхъ поръ, а въ особенности со второго припадка Мих. Ив. сталъ ясно замѣчать въ себѣ, какъ онъ самъ позволялъ себѣ до послѣднихъ дней шутить,— связь между нѣкоторымъ приливомъ непривычной мягкости характера и началомъ конца...

Полную неустанность продолжалъ онъ проявлять лишь въ письменныхъ занятіяхъ; при этомъ говорилъ: перомъ грѣшу по-прежнему.

А. Е. К.

(Продолженіе слѣдуетъ).



Яковъ Іоганъ Урсинусъ[1]).

Профессоръ-депутатъ Екатерининской комиссіи для сочиненія проекта новаго Уложенія.

Теперь, когда проектъ, внесенный на разсмотрѣніе Большой комиссіи, былъ составленъ рѣшительно въ духѣ старо-дворянской партіи, очевидно должны были повториться прежніе споры. Новыхъ доводовъ ожидать было трудно. Были сдѣланы 2 новыхъ предложенія примирительнаго характера: 1) помянутый выше депутатъ Кіевскаго полка Козелецкаго и Остерскаго повѣтовъ отъ шляхетства Золотницкій (XXXII, 305; т. XXXVI, III прил. къ т. XXXII, № 33) предложилъ, чтобы „начало вступленія въ дворянство... впредь опредѣлить со вступленія въ штабъ-офицерскій чинъ" (для военныхъ вмѣсто оберъ-офицерскаго); 2) депутатъ Бѣлгородскаго дворянства Выродовъ (XXXII, 198, и XXXVI, III приложеніе къ т. XXXII, № 7) предложилъ предоставить право просить о дворянствѣ всякому, кто по полученіи указаннаго законами Петра Великаго чина прослужитъ въ чинахъ 50 лѣтъ. Когда отецъ, въ офицерахъ будучи, 25 лѣтъ прослужитъ, то послѣ отца сынъ его долженъ считать только офицерскую свою службу, а ежели чего сынъ не дослужитъ, то внукъ его, считая въ офицерскомъ чинѣ, дослуживалъ бы; а когда внукъ, или хотя и сынъ, 50-ти лѣтній терминъ выслужитъ, тогда долженъ онъ государю бить челомъ, какъ о дворянствѣ, такъ и о дачѣ ему за службу на дворянство диплома и герба..." Но ни то, ни другое изъ этихъ предложеній не получило поддержки отъ другихъ депутатовъ.

---

[1]) См. „Русскую Старину" май 1912 г.

Урсинусъ въ этомъ вопросѣ занялъ совершенно особенное положеніе.

Первое заявленіе, какое ему пришлось по этому поводу сдѣлать, имѣло мѣсто въ засѣданіи 17 іюля (XXXII, 183). Оно примыкаетъ непосредственно къ заявленіямъ партіи Петровскихъ узаконеній и отличается только ясностью и опредѣленностью. „А чтобы потомки благородныхъ людей“ — говорилъ Урсинусъ — „кои отечеству никакихъ услугъ сами не оказываютъ, но даромъ наслаждаются его плодами, получили особыя преимущества предъ другими достойными, кромѣ принадлежащаго имъ дворянскаго титула и наслѣднаго права на родительское имѣніе ихъ, сіе, кажется, ни въ Наказѣ премудрой нашей Матери отечества, ни въ здравомъ разумѣ не основано“. И для того представляетъ, „что, когда отечество наше уже не подвержено тому предразсужденію, которое служило къ чрезмѣрному возведенію дворянства въ другихъ государствахъ“, то не можетъ быть одного мнѣнія съ тѣми, кои ограничиваютъ дворянство единственно на тѣхъ, кои здѣсь въ 3 пунктѣ означены, съ выключеніемъ прочихъ, кои въ силу указовъ и по сіе время имѣютъ право пользоваться благородствомъ, и еще впредь оное право имѣть должны“. Съ этимъ мнѣніемъ Урсинуса заявили согласіе 39 депутатовъ: 22 отъ городскихъ поселеній, 1 отъ новокрещенныхъ чувашъ, 1 отъ черносошныхъ крестьянъ, 4 отъ пахотныхъ солдатъ, 2 отъ однодворцевъ, 9 отъ казачьихъ войскъ. По прочтеніи голоса Урсинуса маршалъ спросилъ: „что бы вмѣсто сего (т. е. 3-й статьи) написать?“ Урсинусъ не былъ готовъ на редактированіе статьи въ окончательномъ видѣ и полагалъ, что это дѣло частной комиссіи, но на настойчивое требованіе маршала объявилъ, что „представитъ о томъ въ слѣдующее первое собраніе“.

Въ слѣдующее собраніе по вызову маршала Урсинусъ объяснилъ (XXXII, 188), что дворянство есть преимущество и, какъ таковое, должно быть награжденіемъ за истинно полезныя услуги и служить средствомъ къ возбужденію духа гражданъ. Поэтому Урсинусъ предлагаетъ такую редакцію 3-й статьи: „дворяне суть всѣ тѣ, кои ради оказанныхъ отечеству весьма важныхъ услугъ и отличныхъ добродѣтелей симъ нарицаніемъ чести монархами пожалованы“. При этомъ (говорится въ дневной запискѣ засѣданія, изложенной довольно спутанно) Урсинусъ высказывается противъ наслѣдственности дворянства. Но затѣмъ, указавъ, что „мысли высокихъ умовъ съ мыслями большей части людей весьма различны“, прибавилъ, что если, уступая человѣческой слабости, пожелаютъ учредить „наслѣдное дворянство, то статья 3 должна гласить такъ: „дворяне суть всѣ тѣ, кои Августѣйшими нашими монархами

чрезъ дипломы дворянскимъ именемъ пожалованы, и законные такихъ людей дѣти; такожде и тѣ, кои понынѣ въ службѣ находились или впредь находиться будутъ и оправляютъ такіе чины, къ которымъ Императоръ Петръ Великій присовокупилъ дворянство, и законные ихъ потомки должны имѣть участіе въ дворянствѣ". Объясняя предлагаемую редакцію, Урсинусъ сказалъ, что, если получившимъ извѣстные чины прежде будетъ позволено перевесть дворянство на дѣтей, то будетъ непонятно, почему изъ такого права будутъ выключены тѣ, кто послѣ получитъ такой же чинъ. Какъ будто „человѣкъ какого-либо ранга не будетъ впредь столь же достоинъ, какъ другой того же ранга понынѣ былъ".

Такимъ образомъ Урсинусомъ предложены 2 редакціи для 2-хъ предположеній съ мотивами для каждой, что именно отъ него и требовалось. Маршалъ, вѣроятно не понявъ, въ чемъ дѣло, объявилъ (XXXII, 190), что депутатъ Урсинусъ „не о томъ (?!) говорилъ, о чемъ у держателей дневной записки записался", и „напомянулъ, чтобы г.г. депутаты непремѣнно въ силу обряда поступать изволили".

Настоящую мысль свою—о замѣнѣ наслѣдственнаго дворянства личнымъ, или чѣмъ-то, ближе всего подходящимъ къ установленному Наполеономъ I почетному легіону, — Урсинусу не пришлось болѣе выдвигать.

Что же касается до второй редакціи, то ея содержаніе Урсинусу пришлось отстаивать еще не одинъ разъ, и при этомъ постоянно наталкиваться на сопротивленіе маршала, обнаруживавшаго, какъ впрочемъ и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, полное непониманіе и задачъ законодательной комиссіи, и сущности разсматриваемыхъ вопросовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ доказывавшаго свою совершенную неспособность руководить работами комиссіи.

Нужно замѣтить, что въ томъ же засѣданіи 23 іюля, въ которомъ были представлены Урсинусомъ только-что разсмотрѣнныя 2 редакціи, еще нѣсколько депутатовъ предложили редакціи 3-ей статьи, тожественныя по смыслу со 2-ой редакціей Урсинуса. Очень многіе изъ депутатовъ—отъ городовъ, казаковъ, инородцевъ и другихъ низшихъ сословій — заявили свое согласіе съ мнѣніями того или другого изъ названныхъ депутатовъ, или съ 2-мя изъ нихъ. Затѣмъ комиссія перешла къ разсмотрѣнію статей проекта, слѣдующихъ за 3-ею (хотя и послѣ нѣкоторые депутаты пользовались разными поводами поднять вопросы, по существу тожественные съ разсмотрѣнными при 3-ей статьѣ).

Въ засѣданіи 7 августа комиссія, разсматривая послѣдовательно статьи проекта, остановилась на 26-ой статьѣ II главы. Когда всѣ

депутаты, записавшіеся въ этотъ день говорить по поводу названной статьи, подали свои голоса, произошелъ эпизодъ, съ предшествовавшими разсужденіями не имѣвшій никакой связи и никѣмъ не ожиданный: депутатъ Дмитровскаго дворянства князь Вяземскій (тайный совѣтникъ — сенаторъ) обратился къ собранію съ рѣчью, сущность которой заключалась въ слѣдующемъ (XXXII, 260).

Кажется, что *дослужившіеся по сіе время* до чина, приносящаго съ собою, въ силу нынѣ состоящихъ узаконеній, дворянское достоинство, онаго никакъ лишены быть не могутъ. Посему нужно устроить, „дабы всѣ россійскіе дворяне, кои отъ предковъ того имени рождены, и кои, *дослужившись до сего времени*, получили сіе достоинство по узаконеніямъ, — были порядочно разобраны, и онымъ бы сдѣланъ вѣрный списокъ, чрезъ что пресѣкутся впредь всякаго рода споры (?!)... Я мыслю прибѣгнуть къ стопамъ Матери и Законодательницы отечества и всеподданнически просить, дабы Она соблаговолила повелѣть вышереченный разборъ дворянству учинить и вписать въ списокъ всѣхъ тѣхъ, кои отъ предковъ благородныхъ рождены, и тѣхъ, кои *дослужились до сего времени*, однимъ названіемъ, чрезъ что, уповаю, скорѣе бъ могли проектъ правамъ благородныхъ разсмотрѣніемъ окончить (?!)...“

По окончаніи чтенія представленія кн. Вяземскаго (прочтеннаго 2 раза), „вопросилъ господинъ маршалъ“ — говорится въ дневной запискѣ засѣданія — „согласны ли на оное г.г. депутаты? на что оказались почти всѣ согласными, кромѣ г. депутата Дерптскаго отъ города Якова Урсинуса, который было началъ говорить, но удержанъ былъ отъ сего господиномъ маршаломъ тѣмъ, что, ежели кто не согласенъ, тотъ можетъ записаться у держателей дневной записки“. Записались двое: Урсинусъ и депутатъ Опочковскій отъ города Борзовъ [1]). Получивъ разрѣшеніе говорить, Урсинусъ высказалъ, „что сія матерія столь важна, что оную до будущаго собранія оставить надлежитъ“. Депутатъ Борзовъ „объявилъ о себѣ, что онъ въ будущее собраніе мнѣніе свое подастъ письменно“. Маршалъ объявилъ, что представленіе кн. Вяземскаго оставляется къ рѣшенію до будущаго засѣданія, потому что нѣкоторые г.г. депутаты того желаютъ.

---

[1]) Напрасно профессоръ Сергѣевичъ (въ статьѣ, напечатанной въ I книгѣ Вѣстника Европы за 1878 г., стр. 250, — „Откуда неудачи Екатерининской законодательной комиссіи“) называетъ Борзова купцомъ: первымъ депутатомъ города Опочки былъ дѣйствительно купецъ Аѳанасій Борзовъ; но онъ еще 20 іюня сдалъ депутатство своему брату Егору Борзову, *поручику* 4-го морского солдатскаго баталіона (XXXII, 148). Этотъ Егоръ Борзовъ и выступилъ противъ кн. Вяземскаго въ засѣданіи 7 августа и въ послѣдующія.

Такимъ образомъ сопротивленіе Борзова и, главнымъ образомъ, Урсинуса помѣшали тому, чтобы мнѣніе кн. Вяземскаго, противорѣчащее ясно выраженному уже весьма многими депутатами желанію *сохранить и на будущее время* право выслуги дворянскаго достоинства чиномъ, признающее только права уже выслужившихъ чины „до сего времени", но по складу рѣчи какъ будто бы направленное главнымъ образомъ на сохраненіе прежнихъ правъ, было принято комиссіею подъ впечатлѣніями минуты почти единогласно.

Въ слѣдующемъ засѣданіи (XXXII, 275—279) Урсинусъ и Борзовъ внесли свои мнѣнія. Урсинусъ высказалъ, что обязанность законодательной комиссіи „назначить тѣ правила, по которымъ сограждане наши должны почесться дворянами, а отнюдь не должны мы пещись о томъ, кто таковъ именно дворянинъ, потому что сіе принадлежитъ до герольдіи". При герольдіи находятся мужи рачительные къ своимъ должностямъ, поэтому нѣтъ причины сомнѣваться, что герольдмейстерская инструкція исполнена, и что, слѣдовательно, въ герольдіи имѣются свѣдѣнія о томъ, кто именно принадлежитъ къ дворянскому сословію; если же бы, противъ чаянія, герольдія не исполнила своей должности, то стараться объ исполненіи состоявшихся указовъ дѣло не комиссіи, а сената.

Борзовъ также говорилъ, что учрежденіе особой комиссіи для разбора дворянства не нужно; что въ случаѣ надобности имѣть списки россійскихъ дворянъ и дослужившихся офицеровъ, то таковые списки могутъ быть истребованы изъ герольдіи, а въ проектѣ правамъ благородныхъ нужно всѣхъ дослужившихся и дослуживающихся штабъ и оберъ-офицерскихъ чиновъ не изъ дворянъ написать дворянами.

Съ мнѣніемъ Урсинуса согласились 66 депутатовъ (въ числѣ ихъ 6 дворянъ южныхъ провинцій), съ мнѣніемъ Борзова—6 депутатовъ (1 дворянинъ), съ мнѣніемъ обоихъ названныхъ депутатовъ—29. Въ то же засѣданіе выразили свое согласіе съ мнѣніемъ кн. Вяземскаго 18 депутатовъ—въ томъ числѣ 12 депутатовъ дворянства, 2—присутственныхъ мѣстъ, 4—городовъ.

Въ слѣдующемъ засѣданіи (XXXII, 288—291) произошло нѣчто весьма удивительное. „Сказано было отъ господина маршала, что г. депутатъ отъ герольдіи Приклонскій представляетъ, чтобы для лучшаго объясненія дѣла прочтены были первыя 8 отдѣленій даннаго ему отъ герольдмейстерской конторы наказа; того ради и не соизволятъ ли оныя теперь выслушать,—что было и исполнено. По прочтеніи ихъ объявилъ г. маршалъ, что собраніе слышало, что списки о дворянахъ еще не внесены въ герольдію, и потому *она*

требуетъ ихъ отъ комиссіи, которая не иначе исполнитъ, какъ всеподданнѣйшимъ испрошеніемъ у Ея Императорскаго Величества, ибо *сама комиссія къ истребованію ихъ и сообщенію въ герольдію способовъ никакихъ имѣть* не можетъ... Почему (?!) и надобно согласиться г.г. депутатамъ или съ г. депутатомъ кн. Вяземскимъ, или съ г.г. депутатами Урсинусомъ и Борзовымъ, чего и ожидать отъ нихъ имѣетъ въ будущее собраніе... а теперь для размышленія дается нѣсколько времени, въ продолженіе котораго слѣдующіе г.г. депутаты подписались, что они согласны съ мнѣніемъ депутата кн. Вяземскаго".

За симъ слѣдовали подписи 79 депутатовъ отъ дворянства, 33 депутатовъ отъ городовъ и 28 депутатовъ отъ однодворцевъ, служилыхъ людей, крестьянъ, инородцевъ и другихъ разночинцевъ— всего 140 депутатовъ.

Все описанное въ дневной запискѣ этого засѣданія способно вызвать удивленіе читателя. Читанный въ засѣданіи наказъ отъ герольдмейстерской конторы депутату ея напечатанъ въ XLIII томѣ Сборника Имп. Русскаго Истор. Общества (стр. 137—145). Въ предисловіи и первыхъ 8 пунктахъ или отдѣленіяхъ его дѣйствительно указывается на то, что „донынѣ вѣрныхъ извѣстій о дворянахъ и ихъ дѣтяхъ, въ службѣ служащихъ и отставныхъ, также умершихъ и вновь родившихся, изо всѣхъ мѣстъ еще не прислано... Сверхъ прежней родословной книги, учиненной въ 7194 и 7195 годахъ (1686 и 1687 по Р. X.), въ которой написано токмо родословіе 169 родовъ, хранятся въ разрядномъ архивѣ поданныя въ прошлыхъ годахъ отъ разныхъ дворянскихъ фамилій родословныя росписи, изъ коихъ нѣкоторыя въ имѣющуюся нынѣ родословную книгу и внесены, но большая часть оныхъ оставлена безъ всякаго о достовѣрности ихъ свидѣтельства".

Такимъ образомъ герольдмейстерская контора дѣйствительно свидѣтельствовала объ отсутствіи порядка въ ея дѣлахъ, но ни въ одномъ изъ прочтенныхъ въ комиссіи пунктовъ ея наказа *требованіе списковъ дворянъ* отъ комиссіи—вопреки утвержденію маршала— не заключается... Контора просила о повелѣніи ей сочинить родословную книгу, о распоряженіи, *чтобы дворянскія фамиліи доставляли* обстоятельныя родословныя росписи, „родословіе каждый родъ съ начала отъ предковъ и доводили до нынѣшняго времени"; и подавали эти росписи въ контору или въ губерніяхъ, провинціяхъ и городахъ для немедленной пересылки въ контору. При этомъ контора просила (п. 8) разъясненія, „повелѣно ли будетъ всѣхъ" дѣйствительно уже пользующихся по пріобрѣтеннымъ чинамъ дворянскимъ достоинствомъ „писать въ родословную книгу; а *впредь*

дослуживающимся въ воинской, гражданской и придворной службѣ не изъ дворянъ до штабъ и оберъ-офицерскихъ чиновъ *достоинствомъ и правомъ дворянскимъ пользоваться ли—не соизволено ли будетъ сдѣлать единственное* навсегда твердое *узаконеніе*".

Стало быть, герольдмейстерская контора просила отъ комиссіи именно того, что могло составить задачу комиссіи законодательной: общихъ правилъ—именно того, чего желали Урсинусъ и Борзовъ,—и съ предложеніемъ кн. Вяземскаго ничего общаго наказъ конторы не представлялъ. Маршалъ же представлялъ дѣло такъ: 1) какъ будто герольдмейстерская контора имѣла право нѣчто требовать отъ комиссіи, и 2) какъ будто для удовлетворенія этого требованія ничего не оставалось дѣлать, какъ принять предложеніе кн. Вяземскаго. Помянутыя подписи 140 депутатовъ показываютъ силу впечатлѣнія, произведеннаго на депутатовъ совершенно невѣрными заявленіями маршала. Въ слѣдующее затѣмъ засѣданіе 18 августа (XXXII, 297 и 298) происходила баллотировка предложеній кн. Вяземскаго, Урсинуса и Борзова. Чтобы дать возможность правильно судить о томъ, что именно произошло въ это засѣданіе, приведу подлинныя слова изъ той части дневной записки, которая относится къ произведенной баллотировкѣ. Маршалъ „сказалъ, что извѣстно г.г. депутатамъ, въ чемъ состоитъ представленіе депутата кн. Вяземскаго, и въ чемъ состоятъ мнѣнія г.г. депутатовъ Урсинуса и Борзова, въ разсужденіи чего и надлежитъ мнѣнія ихъ рѣшить баллами такимъ образомъ, чтобы тотъ, кто согласенъ съ г. депутатомъ кн. Вяземскимъ, положилъ свой шаръ въ правую сторону, а тотъ бы въ лѣвую, кто согласенъ съ депутатомъ Урсинусомъ и Борзовымъ. Вопросъ же, о которомъ рѣшенію быть слѣдуетъ, состоитъ въ томъ, *надлежитъ ли учинить* всеподданнѣйшій *докладъ* Ея Императорскому Величеству о учиненіи разбора дворянству и о *внесеніи въ списокъ дворянскій какъ рожденныхъ отъ предковъ благородныхъ, такъ и дослужившихся до чину, приносящаго съ собою достоинство дворянское.* При чемъ также и во время самой раздачи шаровъ г.г. депутатамъ не преминулъ г. маршалъ имъ паки напомянуть, чтобы тѣ клали шары въ правую сторону, которые согласны съ г. депутатомъ кн. Вяземскимъ, а которые согласны съ г.г. депутатами Урсинусомъ и Борзовымъ, тѣ бы положили свои шары въ лѣвую сторону". Результатъ баллотировки: Большинство 242 голосовъ противъ 157 на сторонѣ кн. Вяземскаго.

Что можно было вывести изъ такой баллотировки? маршалъ отчетливо объяснялъ—быть можетъ, даже употребляя на то совершенно лишнія усилія,—въ которую сторону нужно класть шаръ при согласіи съ мнѣніемъ кн. Вяземскаго и при согласіи съ

мнѣніями Урсинуса и Борзова. Но въ чемъ разнятся эти 2 мнѣнія? Или пониманіе этого вопроса маршалъ хотѣлъ нарочно затемнить въ головахъ депутатовъ, призываемыхъ къ баллотировкѣ, или такого пониманія ему самому недоставало. Будто бы идетъ рѣчь о томъ, вносить ли въ дворянскій списокъ уже дослужившихся до дающаго дворянство чина? Выходитъ, будто противники предложенія кн. Вяземскаго не желаютъ внесенія дослужившихся до дворянства въ дворянскіе списки, тогда какъ они и прежде и въ предпослѣднее засѣданіе заявляли, что должно включить въ число дворянъ и выслужившихъ уже извѣстные чины, и тѣхъ, кто выслужитъ ихъ впослѣдствіи.

При постановкѣ вопроса, сдѣланной маршаломъ, за предложеніе кн. Вяземскаго могли стать одинаково и противники Петровскихъ узаконеній, желавшіе признать ихъ силу лишь за прошедшее время, и сторонники ихъ, желающіе ихъ удержать и на время будущее, но полагающіе, что теперь необходимо защищать противъ кого-то права уже пріобрѣтенныя. Замѣчательно, что въ засѣданіи 18 августа присутствовалъ англійскій посолъ лордъ Каскартъ (Cathcart), описавшій засѣданіе это въ письмѣ къ лорду Уаймоуту (Weymouth) отъ 19—30 августа (XII, 355—361). Оказывается, что онъ — безъ сомнѣнія на основаніи того, что ему сказали спутники,—думалъ, что идетъ вопросъ о томъ: признавать ли дворянство за всѣми лицами, достигнувшими офицерскаго чина, и удивился большому числу лицъ, составившихъ меньшинство, полагая ихъ всѣхъ противниками признанія. Такъ же неправильно понялъ результатъ баллотировки 18 августа проф. Брикнеръ, который въ цитированной уже II главѣ IV ч. исторіи Екатерины II (стр. 572) говоритъ: „пренія... окончились баллотировкою, въ которой большинство голосовъ (242) высказались въ пользу правъ служащаго дворянства, хотя весьма значительное число депутатовъ подало голосъ въ ущербъ дворянскимъ правамъ офицеровъ“. Во всякомъ случаѣ изъ результата произведенной баллотировки никакого заключенія вывести было невозможно, а дѣло комиссіи не подвинулось впередъ ни на шагъ. И это была единственная баллотировка по единственному законопроекту, внесенному на разсмотрѣніе Большой комиссіи! Совершенно правильная оцѣнка, какъ этой баллотировки, такъ и вообще дѣятельности маршала Бибикова и того вреда, который онъ принесъ дѣлу комиссіи своей неспособностью руководить ею, дана профессоромъ Сергѣевичемъ въ его статьѣ объ Екатерининской комиссіи въ № 1 „Вѣстника Европы“ 1878 г. (стр. 250). Въ настоящей статьѣ невозможно не коснуться вопроса о роли маршала въ исторіи комиссіи—въ виду того, что на дѣятель-

ности Урсинуса неспособность маршала ложилась особенно тяжело, хотя въ то же время давала многимъ свойствамъ Урсинуса обнаруживаться съ особенною яркостью.

Баллотировка 18 августа, не давъ никакого указанія на мнѣніе большинства комиссіи относительно 3-ей статьи проекта правамъ благородныхъ, не прекратила и ея обсужденія.

Послѣ обсужденія проекта по статьямъ были открыты пренія по всему проекту въ порядкѣ его статей. Снова была выставлена для обсужденія 3-я статья I главы проекта, и Урсинусу пришлось критиковать ее въ спорѣ съ депутатомъ Старицкаго дворянства Нарышкинымъ (XXXVI, 8). Урсинусъ указывалъ, что статья эта неясно опредѣляетъ въ будущемъ право на дворянство получающихъ оберъ-офицерскіе чины, и требовалъ внесенія въ законъ указанія, что всѣ достигшіе извѣстнаго чина суть дворяне. Того же требовалъ депутатъ Кіевскій отъ шляхетства Золотницкій. Оспаривавшій ихъ Нарышкинъ повторялъ одно и то же, что статья утверждаетъ дворянство за тѣмъ, кто его пріобрѣлъ такъ или иначе, какъ будто не понимая, что всѣхъ интересуетъ рѣшеніе вопроса: какъ будетъ далѣе, будутъ ли производимые впредь офицеры вмѣстѣ съ чиномъ пріобрѣтать дворянство. Замѣчательно, что, когда Урсинусъ поставилъ именно вопросъ ребромъ, спросивъ: „что по новому закону офицеры — дворяне ли?“ „г. маршалъ упомянулъ, что не о томъ дѣло идетъ“ (?!!). Далѣе читаемъ въ дневной запискѣ: „Господинъ депутатъ Урсинусъ сказалъ, что законъ этотъ (3-я статья I главы проекта) несовершенный, а надобно, чтобъ законы были совершенны (т. е. ясны—не допускали двоякаго толкованія), какъ то и Ея Императорское Величество указала. Потомъ г. маршалъ паки объяснилъ (?), господинъ же депутатъ Урсинусъ говорилъ, что они дворяне до сихъ поръ, а ежели симъ закономъ старые уничтожатся, то они будутъ сомнительны въ дворянствѣ; почему для будущаго времени этотъ законъ недостаточенъ, если уничтожатся всѣ древнія узаконенія“.

Такъ до конца маршалъ не понималъ—или не хотѣлъ понять—въ чемъ сущность дѣла, на разъясненіе котораго потрачено столько времени и столько силъ. Можно представить себѣ, какъ легко было вести дѣло въ такомъ собраніи, руководитель котораго вносилъ столько путаницы, не понимая ни задачъ, лежащихъ на собраніи, ни сущности разсматриваемыхъ вопросовъ. Тѣмъ болѣе чести заслуживали члены комиссіи, которые настойчиво стремились прояснить своимъ коллегамъ ихъ обязанности и значеніе дѣлъ, подлежащихъ ихъ обсужденію. Несомнѣнно, Урсинусъ занималъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду такихъ членовъ, неутомимо работая,

несмотря на столь часто выказываемое ему нерасположеніе и противодѣйствіе со стороны руководителя комиссіи. Указаніе на прямое нерасположеніе къ Урсинусу высшихъ сферъ мы находимъ въ томъ же письмѣ лорда Каскарта, которое было выше цитировано. Лордъ Каскартъ, безъ сомнѣнія на основаніи сообщеній своихъ спутниковъ, сопровождавшихъ его въ комиссію, пишетъ: „Мнѣ говорили, что часто вопросы не проходятъ, часто голоса раздѣляются на самыя мелкія партіи, и что одинъ членъ (Урсинусъ, профессоръ изъ Лифляндіи) не соглашается почти ни на одно предложеніе“ (XII, стр. 360). Какъ уже было сказано, работа Урсинуса главнымъ образомъ проявилась при разсмотрѣніи проекта, одна изъ начальныхъ статей котораго, какъ мы видѣли, такъ долго—и въ сущности такъ безплодно—занимала комиссію. Эта именно работа и вызвала внушенное Каскарту мнѣніе объ Урсинусѣ. Переходимъ къ другимъ статьямъ проекта, вызвавшимъ наиболѣе важныя замѣчанія Урсинуса. Тутъ увидимъ, насколько справедливо упрекать его въ желаніи оспаривать предложенія во что бы то ни стало, хоть и безъ достаточныхъ причинъ.

Въ 1 главѣ проекта за указаніемъ способовъ пріобрѣтенія дворянскаго достоинства слѣдовало указаніе условій, при которыхъ дворяне лишаются своего званія. Относящаяся къ этому предмету послѣдняя статья I главы—8-ая—была изложена такъ: „Лишить благородства никого не можно, кромѣ того, который самъ себя лишилъ онаго своими, основанію его достоинства противными, поступками. Противные жъ благородству поступки суть: измѣна, разбой, воровство всякаго рода, нарушеніе клятвы, лжесвидѣтельство въ важныхъ дѣлахъ, кое самъ дѣлалъ, или другихъ уговаривалъ дѣлать, составленіе лживыхъ крѣпостей и другихъ тому подобныхъ писемъ, какъ о томъ точно въ юстицкой части изображено“.

Статья эта вызвала въ комиссіи весьма разнообразныя сужденія. Представители дворянства требовали, чтобы лишать кого-нибудь дворянскаго достоинства могъ только Государь. Одинъ изъ дворянскихъ депутатовъ—депутатъ Верейскаго дворянства Степановъ—высказался (XXXII, 206), что „статья, кажется, столь многими наполнена причинами къ лишенію дворянства, что и самый добродѣтельный человѣкъ, особливо обязанный какою-либо должностью, во всегдашней будетъ опасности лишиться онаго“. Степановъ стоялъ повидимому (изложеніе дневной записки спутанное) за сохраненіе лишь слѣдующихъ „причинъ“: воровство всякаго рода и нарушеніе клятвы. Представители городовъ и низшихъ сословій требовали, напротивъ, увеличенія числа поводовъ къ лишенію дворянства. Нѣкоторое увеличеніе числа поводовъ предлагалъ опекунъ отъ ино-

вѣрцевъ Олсуфьевъ, и съ нимъ согласились 6 дворянъ и 17 представителей другихъ сословій. Особенно характерно заявленіе Тамбовскаго депутата отъ города Дитятева. „Надлежитъ прибавить“, говорилъ онъ... „ежели благородный какого честнаго человѣка убьетъ до смерти, изувѣчитъ, порубитъ шпагою или, въ домъ заволокши станетъ сѣчь и обругаетъ женщину, *какъ то сіе нерѣдко случается* а особливо въ отдаленныхъ городахъ, то бы за сіи тяжкія обиды, по лишеніи дворянства, чинить по точной строгости законовъ и чрезъ то *облегчить гражданамъ жребій, который они съ великою обидою всегда чувствуютъ*“. Это заявленіе интересно сопоставить съ приведеннымъ выше идеальнымъ взглядомъ нѣкоторыхъ дворянъ—кн. Щербатова, Чаадаева, Стромилова—на ихъ сословіе, какъ на подготовленное преданіями и воспитаніемъ служить на пользу отечества. Представители низшихъ сословій, оказывается, „нерѣдко“ видѣли, что ни преданія, ни воспитаніе высшаго сословія не препятствуютъ принадлежащимъ къ нему лицамъ дѣйствовать не на пользу, а во вредъ своимъ согражданамъ, и потому ни расширеніе правъ дворянскихъ, ни принятіе мѣръ противъ вторженія въ дворянскую среду новыхъ, чуждыхъ ей, элементовъ сочувствія низшихъ сословій привлекать не могло.

Радикальнѣе всѣхъ предложеній объ увеличеніи числа поводовъ къ лишенію дворянскаго достоинства было предложеніе Урсинуса [ibidem], которое, очевидно, было логическимъ выводомъ изъ его желанія сдѣлать дворянское достоинство наградою за личныя заслуги въ него возводимаго. Онъ говорилъ, что „не только за сіи преступленія, но и за каждое прегрѣшеніе, ради котораго чиновникъ лишается чина своего, и за всѣ по криминальнымъ законамъ запрещенныя дѣла дворянинъ долженъ сдѣлаться недостойнымъ своего дворянства; ибо какимъ правомъ порокамъ подверженный дворянинъ достоинъ быть можетъ за собою содержать дворянское достоинство между добродѣтельными своими согражданами, когда отмѣнныя добродѣтели основаніемъ бываютъ дворянства“.

Въ томъ же засѣданіи, въ которомъ разсматривался вопросъ о поводахъ къ лишенію дворянскаго достоинства, комиссія перешла къ разсмотрѣнію II главы проекта, посвященной исчисленію правъ, принадлежащихъ членамъ дворянскаго сословія.

Не имѣя надобности слѣдить за дѣятельностью комиссіи въ хронологическомъ ея порядкѣ, я обращусь теперь къ преніямъ, возбужденнымъ тѣми статьями II главы, которыя по содержанію своему ближе всего подходятъ къ разсмотрѣннымъ вопросамъ о пріобрѣте-

ніи и потерѣ дворянскаго достоинства. Эти статьи 34-я и 35-я, въ которыхъ читаемъ слѣдующее:

Ст. 34. „Благородный, взявъ въ супружество хотя и неблагородную, но не безчестную и не обруганную женщину, сообщаетъ какъ ей, такъ и дѣтямъ, отъ онаго супружества происшедшимъ, благородство и право онаго. А кого почитать обезчещеною женщиною, о томъ значится въ законахъ“.

Ст. 35. „Благородная, вышедшая въ замужество хотя и за неблагороднаго, но чиновнаго человѣка, права своего не теряетъ, а мужу и дѣтямъ, отъ сего супружества рожденнымъ, не сообщаетъ онаго; вышедшая же въ замужество за неблагороднаго и нечиновнаго человѣка лишается благородства и права онаго“.

При первоначальномъ разсмотрѣніи 34 статьи (XXXII, 285) Урсинусъ желалъ показать противорѣчіе между 34 и 35 статьями, которыя совершенно противоположно опредѣляютъ судьбу дворянина и дворянки, вступающихъ въ неравные браки, и, будучи вызванъ говорить о 34 статьѣ, просилъ позволенія припомнить 34 статью, когда онъ будетъ опровергать 35-ю. Маршалъ, оставаясь и тутъ при полномъ непониманіи дѣла, сказалъ ему, „что спрашивается теперь отъ него мнѣніе на 34 статью, а не на 35-ю, и такъ бы онъ говорилъ о 34-ой статьѣ, а о 35-ой говорилъ бы тогда, когда должно будетъ говорить объ оной“ (этотъ урокъ профессору выписываю буквально изъ дневной записки; онъ обратилъ на себя особенное вниманіе и профессора Сергѣевича—см. предисловіе къ XXXII тому Сб. И. Р. И. О., стр. XVII и XVIII). Тогда Урсинусъ сказалъ, что ежели дворянка лишится дворянства, вышедши въ замужество за неблагороднаго и нечиновнаго человѣка, то по тѣмъ же причинамъ должно лишать дворянства и дворянина, женившагося на женщинѣ средняго рода, ибо одинаково дѣло дворянина, какъ и дворянки. Съ этимъ мнѣніемъ согласился одинъ изъ городскихъ депутатовъ. Насколько это мнѣніе согласовалось съ понятіями самого Урсинуса, это видно изъ той же дневной записки—изъ того мѣста ея, въ которомъ идетъ рѣчь объ разсмотрѣніи комиссіею 35 статьи (XXXII, 287). Урсинусъ указалъ на противорѣчіе послѣдней статьи съ 8-ою статьею I главы, по которой „никого дворянства лишать не можно кромѣ какъ за таковыя преступленія“. „Преступленіе ли сіе, что бѣдная дворянка съ человѣкомъ средняго рода благополучной сдѣлать себя дозволяетъ?.. Потому, или совсѣмъ сію статью выключить, или, для предупрежденія противорѣчія, вписать въ 8-ую статью супружество съ человѣкомъ средняго рода между преступленіями, а тогда 34 статья выключается“. Съ изложеннымъ мнѣніемъ Урсинуса согласились 14 депутатовъ отъ городовъ и низшихъ сословій.

Послѣ первоначальнаго разсмотрѣнія всего проекта устроенныя маршаломъ пренія снова коснулись 34 и 35 статьи II главы (XXXVI, 50—67). По этому поводу Урсинусу пришлось вести пренія съ депутатами: Старицкаго дворянства Нарышкинымъ и Полтавскаго, Гадяцкаго и Миргородскаго полковъ отъ шляхетства Мотонисомъ. Въ спорѣ съ первымъ Урсинусъ долженъ былъ разъяснять, почему необходимо говорить совмѣстно о 2-хъ поименованныхъ статьяхъ, затѣмъ въ сущности повторить то, что было имъ высказано ранѣе. Преніе съ Мотонисомъ представило большой интересъ. Передъ этимъ преніемъ графъ Григорій Григорьевичъ Орловъ горячо возставалъ противъ лишенія правъ дворянки изъ-за замужества. Защищавшіе статью 35-ю утверждали, что нѣтъ здѣсь наказанія—дворянка добровольно выходитъ замужъ за мѣщанина, напримѣръ, и добровольно будетъ отказываться отъ правъ своего прежняго состоянія. Слово „лишается" соглашались замѣнить другимъ—„отказывается" (отъ дворянства и отъ правъ и преимуществъ, сему чину принадлежащихъ). Урсинусъ утверждалъ, что слово „добровольно" не вполнѣ умѣстно. „Благородная по разнымъ причинамъ, и часто по крайней своей бѣдности, быть можетъ склонена къ сему супружеству, и при томъ при суровости закона лишается своего благородства, и, хотя она сіе лишеніе меньшимъ зломъ, нежели внѣ супружества остаться, почитаетъ, однако мы никакого права не получимъ установить зло, гдѣ его совсѣмъ не надобно"... Существо супружества въ томъ единственно состоитъ, чтобы соединенными силами родить дѣтей и рожденныхъ воспитывать, и „никакихъ иныхъ неотлучимыхъ свойствъ оному приписывать невозможно: чтобъ мужъ сообщилъ званіе свое со своими выгодами женѣ и чтобъ она тѣмъ должна свои выгоды оставить—есть одно токмо предосужденіе, а не справедливый законъ... Права разныхъ государственныхъ чиновъ никакъ не смѣшаются, ибо дворянка останется отлично при своихъ правахъ, а мужъ ея—мѣщанинъ—такожде при своихъ. Сіе ли смѣшательство! Обыкновеніе и древніе законы мнѣнія сего не опровергаютъ. Ибо законодательство—не раба древностей; но препоручила намъ Ея Императорское Величество справедливые законы проектовать, которыми бы всякія несправедливости древнихъ законовъ и привычекъ отмѣнены были... Причины депутата Мотониса, будто бы тѣмъ знатная особа нижней подвержена стала, изъ супружества не слѣдуютъ, ибо мужъ—глава въ своихъ, а жена—въ ея дѣлахъ. Ежели жъ онъ—разумный человѣкъ, то не пристойно ли имѣть мудраго совѣтника или учителя изъ средняго рода? ибо мужъ только глава жены, равнымъ образомъ, какъ и Христосъ—глава церкви; а подобіе сіе не можетъ состоять

въ другомъ, какъ токмо въ совѣтахъ и ученіи, и ежели мужъ такъ мудръ, какъ должно, то ему и правленіе можно поручить, такъ, какъ и знатный господинъ во всемъ правленіе свое надежному человѣку поручаетъ. Привычку варварскую—наказывать свою жену—упоминать не стоитъ, ибо она токмо изъ насильствъ произошла, равно какъ и владѣніе (власть?) надъ женами—потому что онѣ слабѣе, нежели мужи, сотворены".

Изъ статей II главы проекта, относящихся къ личнымъ правамъ дворянъ, особенное вниманіе членовъ комиссіи привлекла къ себѣ статья 2-ая, въ которой говорится: „Благородные имѣютъ полную свободу избирать по собственной своей склонности и благоизобрѣтенію такую службу, какую сами пожелаютъ... и равнымъ, напротивъ того, образомъ могутъ изъ службы по законамъ увольненіе брать, или совсѣмъ въ службу не вступать". Свобода служить или не служить, данная дворянству Петромъ III, не нашла въ комиссіи единогласнаго одобренія. Противъ нея высказались (XXXII, 209—211): Уфимскій депутатъ отъ дворянства Аничковъ—и съ нимъ заявили согласіе 2 дворянскихъ депутата; Тарскій депутатъ отъ города Бекишевъ; Яранскій депутатъ отъ города Антоновъ весьма рѣшительно—предлагая, чтобы дворяне, не вступившіе въ службу, теряли дворянство, и потомки ихъ не пользовались дворянскими правами до тѣхъ поръ, пока сами не дослужатся до оберъ-офицерства.

Съ мнѣніемъ Антонова согласились 25 депутатовъ отъ городовъ и одинъ депутатъ отъ казаковъ.

Урсинусъ высказалъ среднее мнѣніе. Онъ высказался за свободу дворянъ служить или не служить, но съ ограниченіемъ: онъ признавалъ обязательность службы для дворянъ, владѣющихъ вотчинами—„развѣ они внѣ службы посвящаютъ себя такимъ упражненіямъ, которыя приносятъ отечеству преимущественную пользу, и за коими правленіе само присматривать право имѣетъ". Съ Урсинусомъ согласились 15 депутатовъ отъ городовъ и 8 отъ казаковъ и служилыхъ людей. Мнѣніе Урсинуса помѣщено въ подлинникѣ въ XXXVI томѣ сборника И. Р. И. О., на страницахъ 301—302. Тамъ находимъ мотивы, пропущенные въ дневной запискѣ, но которые я считаю необходимымъ здѣсь привести. „Извѣстно",—писалъ Урсинусъ—„что въ древнія времена большая часть деревень были помѣстья, и что блаженной и вѣчной славы и памяти достойный Государь Императоръ Петръ Великій, перемѣняя оныя въ вотчины, повелѣлъ каждому дворянину служить подъ опасеніемъ лише-

нія его дворянства и вотчинъ. Справедливость сего повелѣнія утверждается тѣмъ, что тогдашнія государственныя нужды того требовали, и что тѣ, кои получили отъ отечества свои вотчины, должны были за то оказывать оному полезныя услуги. А услуги дворянства еще надобны отечеству нашему, и кажется, что коронныя маетности въ слѣдующія потомъ времена пожалованы въ томъ намѣреніи, чтобы владѣтели оныхъ чрезъ то въ состояніи были продолжать отечеству свою службу, а не для того, чтобъ чрезъ оныя содержать отечеству безполезныхъ потомковъ. Нынѣшняя служба противъ прежней гораздо труднѣе, почему и весьма многіе изъ дворянства оставляютъ оную, если они имѣютъ хотя малое имѣніе, чѣмъ себя содержать; остаются въ службѣ по большей части бѣдные, коимъ, когда они происходятъ въ знатные чины, по примѣру богатыхъ фамилій держать великіе расходы весьма трудно. Кто содержитъ и пропитаетъ своего ближняго, требуетъ отъ него взаимныя услуги,—равномѣрно отечество имѣетъ право требовать того жъ отъ дворянъ, кои получаютъ отъ деревень и крестьянства не токмо свое пропитаніе, но и доходы на излишніе ихъ расходы".

Когда, по разсмотрѣніи всего проекта, открылись пренія по отдѣльнымъ статьямъ его, по тому же вопросу о необязательности дворянской службы, Урсинусу пришлось оспаривать депутатовъ дворянства Нарышкина и Елагина (XXXVI, 17 и 18). Послѣдніе защищали необязательность службы, указывая въ то же время возможность для Верховной власти принудить дворянъ служить въ такое время, когда служба ихъ окажется необходимой. Урсинусъ приводилъ въ возраженіе то, что власть, принуждая дворянъ къ службѣ въ нужное для этого время, при существованіи общаго позволительнаго закона, будетъ сама себѣ противорѣчить, а также и то, что „дворянинъ, будучи отъ службы по закону свободенъ, не будетъ упражняться въ нужныхъ экзерциціяхъ, которыя необходимо надобны для нужнаго времени", и отъ этого „сдѣлается вредъ цѣлому обществу". Урсинусъ требовалъ, чтобы обязательность службы во время нужды была внесена въ законъ.

Очевидно, въ связи съ изложеннымъ здѣсь взглядомъ Урсинуса на значеніе дворянскихъ вотчинъ, стоятъ замѣчанія, имъ сдѣланныя на 20 статью II главы проекта, редактированную такимъ образомъ:

„Благородныхъ имѣніе, движимое и недвижимое, ни за какое, кромѣ преступленія въ оскорбленіи Величества, не отписывается, и то одно только благопріобрѣтенное, а не родовое. Въ случаѣ же казенныхъ и не казенныхъ долговъ берется только такая часть, которая, по продажѣ, требователей удовольствовать можетъ". Урсинусъ высказалъ (XXXII, 247 и 248) по поводу послѣдней части

статьи — вѣроятно считая въ ней неяснымъ указаніе, изъ какого имѣнія можно брать части для удовлетворенія кредиторовъ, — что долги должно уплачивать и изъ родового имѣнія должника. А по поводу первой части статьи онъ говоритъ: „Отъ дворянина же, въ тяжкихъ преступленіяхъ обвиненнаго, отнимается дворянство, и потому такой преступникъ ни подъ какимъ видомъ не заслуживаетъ милости быть участникомъ и владѣтелемъ дворянскихъ маетностей". Дѣти таковаго дворянина еще права на отцовскія имѣнія не получили, и потому, при отписываніи отъ него имѣнія, „отъ его наслѣдниковъ ничего не отнимается". Предлагая, такимъ образомъ, конфискацію имѣнія преступника, Урсинусъ, очевидно, разсматриваетъ право на дворянское имущество не какъ право собственности, но какъ жалованье за личную службу. Съ этимъ мнѣніемъ Урсинуса согласились 9 депутатовъ отъ городовъ.

Съ правомъ дворянъ служить и не служить связывается право свободнаго выѣзда за границу. Этому праву были посвящены 5-я и 6-я статьи II-й главы проекта, изъ которыхъ послѣдняя послужила предметомъ возраженій Урсинуса, одобренныхъ весьма многими депутатами. Въ статьѣ этой читаемъ: „Не возбраняется... въ чужихъ государствахъ не только временно, но и домами жить и всякое владѣніе пріобрѣтать, хотя бъ они здѣсь какимъ имѣніемъ владѣли, или нѣтъ". Урсинусъ предложилъ къ этой статьѣ сдѣлать добавленіе: „если только дворянинъ въ Правительствующемъ Сенатѣ довольно докажетъ, что пребываніе его въ чужихъ краяхъ отечеству въ самомъ дѣлѣ въ пользу служитъ, и что поступки его на все время его тамъ бытности сему намѣренію соотвѣтствуютъ". Въ объясненіяхъ къ этому предложенію въ голосѣ, поданномъ Урсинусомъ (т. XXXVI, III приложеніе къ т. XXXII, № 14), читаемъ: „Когда онъ (дворянинъ) содержитъ себя въ чужихъ краяхъ изъ доходовъ съ своихъ маетностей, то уважить не излишне, что предки его получили оныя для того, чтобы чрезъ то тѣмъ лучше исправлять службу отечества, а не для того, чтобы проживать оныя у иностранцевъ". Съ мнѣніемъ Урсинуса согласились 55 депутатовъ городовъ, войскъ и другихъ низшихъ сословій. Во время преній по первоначальномъ разсмотрѣніи всего проекта, Урсинусу пришлось отстаивать тѣ же мысли въ связи съ его основною мыслью о значеніи дворянства противъ кн. М. М. Щербатова (XXXVI, 19 и 20). „Дворяне"—говорилъ онъ—„могутъ ѣхать въ чужіе краи, только бъ доказывали, что бытность ихъ тамъ служитъ въ пользу отечества; а ежели они не служатъ ничѣмъ отечеству, то ихъ бытность противится основанію ихъ дворянства; сверхъ того, дѣти ихъ, тамъ

рожденныя, меньше еще показывали услугъ отечеству, а дворянство только заслуженныхъ людей награжденіе по силѣ Большого Наказа... Если кто выѣдетъ изъ отечества для пользы онаго, то по пріѣздѣ долженъ объявить въ Сенатѣ, что онъ хорошаго примѣтилъ и чему обучился".

Въ проектѣ „правамъ благородныхъ" заключалось нѣсколько статей, опредѣлявшихъ почетныя и другія привилегіи дворянскаго сословія. При обсужденіи этихъ статей Урсинусъ проявлялъ старанія, чтобы дворяне, не имѣющіе личныхъ заслугъ, не были ни въ какомъ случаѣ поставлены выше людей заслуженныхъ, какого бы рода ни были послѣдніе, съ другой же стороны, чтобы лица другихъ сословій не терпѣли излишнихъ стѣсненій изъ-за предоставленія различныхъ правъ въ исключительное пользованіе одного сословія.

Рѣшительно отрицательное отношеніе встрѣтило со стороны Урсинуса помѣщеніе въ проектѣ такихъ статей, которыя устанавливали для дворянъ привилегированное положеніе въ судѣ, вопреки началу равенства всѣхъ гражданъ предъ судомъ. Сюда принадлежатъ статьи 30-я и 33-я II й главы. Въ 1-й изъ нихъ читаемъ: „Благородный, впадши въ подозрѣніе по дѣламъ, до чести и жизни касающимся, сверхъ назначенныхъ судей, можетъ со своей стороны назначить одного судью, кого онъ заблагоразсудитъ, и который на то самъ согласится, и можетъ представить для защищенія своего дѣла одного стряпчаго или ходатая въ предписанное законами время" Во 2-й:

„Ежели благородный по тяжебнымъ дѣламъ заслужитъ лицеимство, то можетъ, представя надежный за себя залогъ, свободиться онаго".

По прочтеніи 30-й статьи многіе депутаты отъ городовъ, отъ пахотныхъ солдатъ и отъ другихъ низшихъ сословій высказались противъ нея (XXXII, 273—275). Первымъ высказался депутатъ города Мензелинска отъ отставныхъ унтеръ-офицеровъ и драгунъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка капитанъ-поручикъ Леонтьевъ. Онъ говорилъ, что безпристрастіе въ судѣ и безопасность потребны, сколько для дворянина, столько и для всякаго человѣка, какого бъ онъ званія ни былъ: „слѣдовательно, статья сія, заключающая въ себѣ средство избѣгать судейскаго пристрастія и быть безопасну, долженствуетъ имѣть свое мѣсто въ общемъ правѣ. Право употреблять въ судахъ стряпчаго принадлежитъ равнымъ образомъ всѣмъ вообще". Другіе высказывали боязнь за то, что послѣдствіемъ

утвержденія такой статьи можетъ произойти понаровка преступникамъ, и они не будутъ чувствовать страха за свои преступленія. Всего говорившихъ противъ 30 статьи въ I засѣданіи по ея прочтеніи и согласившихся съ ними было, кромѣ Леонтьева, 34 человѣка.

Въ слѣдующемъ затѣмъ засѣданіи (XXXII, 280) Урсинусъ высказалъ свое мнѣніе, что „праводушный человѣкъ не страшится ни судей, ни строгости законовъ", и что дворянамъ требовать какихъ-нибудь преимуществъ при производствѣ о нихъ криминальныхъ дѣлъ не прилично до разсмотрѣнія проектовъ судоустройства и судопроизводства, пока не будутъ увѣрены, что испрошеніе преимущества необходимо нужно. Съ мнѣніемъ Урсинуса согласились 11 депутатовъ отъ городовъ и другихъ низшихъ сословій.

По поводу 33-й статьи II главы проекта Урсинусъ высказался 2 раза: при первоначальномъ разсмотрѣніи статьи (XXXII, 284 и 285) и въ преніяхъ по ней послѣ первоначальнаго разсмотрѣнія всего проекта (XXXVI, 49). Оба раза онъ говорилъ приблизительно одно и то же: что можно постановить въ законахъ, которыхъ составленіе поручено частной комиссіи о юстиціи, что всѣмъ вольнымъ людямъ (во 2-й разъ было сказано: всякому человѣку) предоставляется освобождать себя отъ взятія подъ стражу („лицеимства"): въ случаяхъ, если ихъ проступки караются только деньгами и имѣніемъ,—внесеніемъ надежнаго залога, а при преступленіяхъ, касающихся до чести и жизни,—представленіемъ поруки.

Съ мнѣніемъ Урсинуса, представленнымъ при первоначальномъ разсмотрѣніи статьи, согласились 17 депутатовъ отъ городовъ, казаковъ, пахотныхъ солдатъ и крестьянъ. Однако стремленіе къ равенству всѣхъ гражданъ передъ судомъ не расположило Урсинуса подать голосъ противъ существенно важной привилегіи дворянъ, которую устанавливалъ проектъ правилъ благородныхъ въ статьѣ 4-й II главы („благородные не подвержены никакому тѣлесному наказанію"). Статья встрѣтила сильное противодѣйствіе въ депутатахъ низшихъ сословій (XXXII, 216—219). Большая часть этихъ депутатовъ настаивала на томъ, чтобы дворяне, лишающіеся дворянскаго достоинства за преступленіе, вмѣстѣ съ тѣмъ подлежали и тѣлесному наказанію. Особенно сильно возсталъ противъ 4-й статьи депутатъ Тамбовской провинціи отъ однодворцевъ Веденѣевъ, въ поданномъ голосѣ котораго читаемъ (XXXVI, III прил. къ т. XXXII, № 13): „Благородный отъ невоздержанія своего, обнадѣясь, что ему нѣтъ наказанія, единымъ днемъ поранитъ 10 человѣкъ, изъ которыхъ можетъ иному приключиться смертный часъ,

то не возопіетъ ли убитаго неповинность проливаемой крови ко Господу. Слѣдовательно, за наложенную отъ благороднаго всякому христіанину отъ насилія его рану дать тѣлесный штрафъ". Веденѣевъ кончаетъ ссылкой на заключающіеся въ Кормчей книгѣ „градскіе законы" (Прохиронъ Василія Македонянина). Урсинусъ не участвовалъ вовсе въ преніяхъ по 4-й статьѣ. Очевидно, онъ признавалъ безполезнымъ предлагать распространеніе ея на прочія сословія—такое предложеніе не могло встрѣтить сочувствія. Но онъ не былъ сторонникомъ тѣлесныхъ наказаній. Этимъ и можетъ только быть объяснено допущеніе имъ неравенства наказаній для преступниковъ различныхъ сословій. Неравенствомъ полагалось начало желательному смягченію карательной системы.

Цѣлый рядъ замѣчаній былъ сдѣланъ Урсинусомъ на статьи проекта, относящіяся къ праву дворянъ на владѣніе „деревнями". Нѣкоторыя изъ этихъ замѣчаній весьма понятны и вытекаютъ изъ основныхъ мыслей Урсинуса о необходимости ставить главною цѣлію законовъ пользу общую; другія скорѣе всего могутъ быть объяснены тѣмъ, что дѣлавшій ихъ не понималъ значенія критикуемыхъ имъ законопроектовъ, которые впрочемъ и для многихъ остались непонятными и никѣмъ разъясняемы не были (профессоръ Сергѣевичъ основательно замѣтилъ въ предисловіи къ XXXVI тому Сб. И. Р. И. О.—страницы I и II—и въ статьѣ „Откуда неудачи Екатерининской законодательной комиссіи" въ № 1 „Вѣстника Европы" за 1878 г. стр. 240, что въ нарушеніе составленнаго Императрицей „Дополненія къ Обряду управленія Комиссіей" не былъ избранъ защитникъ проекта, а изъ естественныхъ защитниковъ — составителей проекта — ни одинъ „не сказалъ ни слова въ его защиту, ни даже въ объясненіе смысла его статей"). Можно догадываться, что нѣкоторыя статьи проекта были составлены въ видахъ облегченія крѣпостного права и содѣйствія къ освобожденію крестьянъ. И вотъ эти-то статьи и настоящая цѣль ихъ Урсинусомъ поняты не были. Обращаюсь именно къ этимъ статьямъ. Въ статьѣ 12-й II главы проекта читаемъ: „Благородные имѣютъ право владѣть деревнями по узаконеніямъ". Къ ней сдѣлано Дирекціонной Комиссіей слѣдующее примѣчаніе: „Какъ далеко власть или право владѣльца надъ его деревнями простирается, о томъ поручено трудиться комиссіи объ имѣніяхъ". Кажется, несомнѣнно, что здѣсь имѣлась цѣль открыть возможность частной комиссіи объ имѣніяхъ установить нѣкоторыя ограниченія помѣщичьей власти въ смыслѣ указаній, сдѣланныхъ Наказомъ Императрицы, или предложеній Коробьина. Между тѣмъ Урсинусъ предлагалъ (XXXII,

228 и 229) эту статью выключить, такъ какъ законъ, о которомъ идетъ рѣчь, долженъ заключать права, дворянамъ въ особенности принадлежащія, а „право владѣть деревнями есть право владѣть своимъ имѣніемъ, которое право всякому гражданину принадлежитъ“.

Въ ст. 13-ой говорится: „Благородные могутъ, если пожелаютъ' право владѣнія крѣпостныхъ своихъ деревень перемѣнить на право деревень свободныхъ. Но свободныхъ деревень паки на право крѣпостныхъ перемѣнить уже не можно“. По поводу этой статьи послѣдовалъ цѣлый рядъ вопросовъ: что такое свободность деревень? чѣмъ имѣютъ онѣ отъ крѣпостныхъ отмѣнность (XXXII, стр. 229 и слѣдующія)? Урсинусъ, очевидно, также не понимая, въ чемъ дѣло, предложилъ (стр. 230 и 231) слово „свободныхъ деревень“ совсѣмъ исключить. Слово это онъ находилъ двоякомышленнымъ, ежели же „подъ симъ званіемъ разумѣются люди, то *совсѣмъ не приличнымъ*“.

Въ статьѣ 14 читаемъ: „Благородные могутъ дѣлать благороднымъ завѣщанія съ условіемъ, законами опредѣленнымъ, на деревни свободныя; крѣпостныхъ же деревень завѣщать таковымъ образомъ не можно“ (примѣчаніе Дирекціонной комиссіи: „въ чемъ состоитъ условіе, и какіе оному положить предѣлы, о томъ поручено трудиться той же комиссіи объ имѣніяхъ“).

Въ статьѣ 16-ой: „Благороднымъ дозволяется благопріобрѣтенныя свободныя деревни отказывать всякому благородному, кому они заблагоразсудятъ, крѣпостныхъ же деревень и родовыхъ свободныхъ никто дарить не можетъ“.

Смыслъ обѣихъ статей, кажется, понятенъ: установляются извѣстныя льготы въ пользу свободныхъ деревень, чѣмъ желаютъ расположить помѣщиковъ обращать свои крѣпостныя деревни въ свободныя, т. е. освобождать своихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Урсинусъ, не принявъ этого обстоятельства во вниманіе, предлагаетъ примѣнять ко всякимъ имуществамъ общія правила: свободы завѣщаній для имуществъ благопріобрѣтенныхъ и запрещенія завѣщать имущества родовыя (XXXII, 236). По поводу ст. 16-й кн. Щербатовъ (XXXII, 239—241) предложилъ возстановить право дарить и отказывать благопріобрѣтенное имѣніе (хотя бы то была крѣпостная деревня) всякому благородному. Урсинусъ соглашался на предложеніе кн. Щербатова, но только съ своей стороны предложилъ выключить слово „благородному“, ибо „не запрещено отказывать землю человѣку средняго рода, а когда на ней поселяются колонисты и вольные люди, то и сіе поселеніе не заключаетъ въ себѣ никакой причины, чтобы запретить пере-

веденіе владѣнія сихъ свободныхъ деревень на людей средняго рода". Такимъ образомъ, исчезало бы поощреніе къ переводу крѣпостныхъ деревень въ разрядъ деревень свободныхъ, но утверждалось право недворянъ на обладаніе сельско-хозяйственными угодьями—право, о которомъ Урсинусъ весьма заботится.

Съ особенною подробностью Урсинусъ высказалъ свою мысль объ общемъ правѣ на земельныя угодья по поводу разсмотрѣнія 21 статьи II главы проекта, въ которой говорилось: „Благороднымъ дозволяется продавать и закладывать всякія, кромѣ условіемъ запрещенныхъ, деревни по своей волѣ, *только бы тотъ*, кому они продаютъ, *человѣкъ былъ благородный*".

Урсинусъ предложилъ слѣдующее измѣненіе (XXXII, стр. 251): „только бы тотъ, кому оныя продаютъ, человѣкъ былъ такой, кому деревнями владѣть не запрещено". Подлинный голосъ помѣщенъ въ т. XXXVI Сборника И. Р. И. О., въ III приложеніи къ тому XXXII подъ № 25. Здѣсь развиваются слѣдующія мысли: „Домостроительство... необходимо требуетъ столько искусства и прилежности, сколько всякая служба, а почти все крестьянство и все земское (земельное, сельское) хозяйство въ государствѣ состоитъ во власти приказчиковъ, кои, упражняясь единственно въ сборѣ доходовъ, о поправленіи домостроительства никогда не помышляютъ. Посему законъ, по которому такимъ людямъ, кои съ младыхъ лѣтъ обучались домостроительству и о приращеніи онаго усердствуютъ, не дозволено купить вотчины по той причинѣ, что они не изъ дворянства, долженъ почесться за запрещеніе, по которому достойные люди не имѣютъ быть допущены къ службѣ отечества, буде они не дворяне. Не воспослѣдовала (ли?) бы государству важная польза оттого, если бъ люди, имѣющіе способность и охоту къ земскому хозяйству, покупали въ каждомъ уѣздѣ вотчины, дабы подавать около лежащимъ крестьянамъ и прикащикамъ хорошіе примѣры, по которымъ бы и имъ домостроительство свое исправлять". Въ подкрѣпленіе своего протеста противъ принятія разсматриваемой статьи проекта въ законъ, Урсинусъ говоритъ, что если этотъ законъ будетъ простираться до всѣхъ провинцій въ государствѣ, то будетъ онъ предосудителенъ и привилегіямъ моихъ собратьевъ въ городѣ Дерптѣ, ибо въ силу данной Дерптскимъ Епископомъ Іоганомъ привилегіи отъ 16 декабря 1540 года имъ позволено имѣть за собою во владѣніи рыцарскія имѣнія безъ выключенія передъ другими".

Это и есть единственный разъ, что Урсинусъ сослался на остзейскія привилегіи. Очевидно, здѣсь ссылка на XVI столѣтіе отнюдь не имѣла значенія ретрограднаго. Но очевидно благодаря этой

ссылкѣ, мнѣніе Урсинуса вызвало сочувствіе съ такой стороны, откуда до тѣхъ поръ не являлось согласныхъ съ его предложеніями: до сихъ поръ къ голосамъ Урсинуса присоединялись большею частью депутаты русскихъ городовъ, казаковъ и другихъ низшихъ сословій коренной Россіи—теперь съ его мнѣніемъ согласился Вальтеръ Гассингъ, депутатъ города Вендена.

Весьма оживленный обмѣнъ разнородныхъ мнѣній вызванъ былъ статьями II-ой главы проекта—22-ой и 23-ей. Въ 1-ой изъ нихъ читаемъ: „На основаніи законовъ благороднымъ дозволяется на своихъ земляхъ и въ своихъ деревняхъ заводить фабрики и заводы“.

Во 2-ой: „Благородные могутъ строить на своей землѣ, въ силу законовъ, всякаго рода и званія мельницы“.

По поводу этихъ статей представляли возраженія весьма многіе депутаты городского и другихъ низшихъ сословій (XXXII, 252—258). Нѣкоторые совершенно отрицали право дворянъ заводить фабрики и мельницы, предоставляя заведеніе первыхъ купечеству, послѣднихъ—крестьянамъ. Большая же часть возражавшихъ противъ 22-ой статьи требовала ограниченія права дворянъ на заведеніе фабрикъ и заводовъ, допуская лишь такіе, которые перерабатываютъ продукты, получаемые съ собственныхъ земель дворянъ, а никакъ не обрабатывающіе продукты покупные. При томъ заявлялись требованія, чтобы заводимыя дворянами фабрики 1) не отрывали крестьянъ отъ земледѣлія и 2) не служили къ отягощенію крестьянъ. Нѣкоторые изъ говорившихъ прямо требовали, чтобы работы на дворянскихъ фабрикахъ производились вольными людьми. Изъ дневной записки комиссіи видно, что Урсинусъ также допускалъ заведеніе дворянами фабрикъ только для обработки ихъ „собственныхъ продуктовъ“ и при условіи, чтобы „употребляемые на оныхъ люди не отвлекаемы были отъ земледѣльства“. Но изъ подлиннаго голоса, поданнаго Урсинусомъ, помѣщеннаго—безъ конца—подъ № 26 въ томѣ XXXVI Сборника И. Р. И. О., въ Ш приложеніи къ тому XXXII-му, слѣдуетъ, что Урсинусъ обращалъ вниманіе не на одни лишь здѣсь указанныя условія. Онъ предлагалъ при дозволеніи открывать фабрики и заводы разсматривать условія сбыта ихъ произведеній. Указывая на то, что перепроизводство фабричныхъ продуктовъ можетъ не только наносить ущербъ фабрикантамъ, но и лишать заработка спеціально подготовленныхъ къ извѣстному дѣлу рабочихъ, Урсинусъ предлагаетъ заводить лишь такія фабрики, произведенія которыхъ могутъ имѣть постоянный сбытъ.

По поводу 23 статьи Урсинусъ сказалъ, что въ разсужденіи тѣхъ мельницъ, кои фабрикамъ служить могутъ, напр. въ которыхъ толченіе масла дѣйствуется, и проч., должно то же наблюдать, что онъ представлялъ о фабрикахъ къ статьѣ 22-ой.

Со сказаннымъ Урсинусомъ по поводу статьи 22-ой согласились 17 депутатовъ отъ городовъ, изъ которыхъ одинъ—депутатъ города Вендена Гассингъ—согласился и съ его замѣчаніями на статью 23-ю.

Новыя разъясненія къ сдѣланнымъ имъ замѣчаніямъ на 22-ю статью Урсинусъ давалъ по окончаніи первоначальнаго разсмотрѣнія всего проекта въ преніяхъ, которыя ему пришлось вести съ депутатомъ Бѣлгородскаго дворянства Выродовымъ и депутатомъ главнаго магистрата Дурасовымъ (XXXVI, 37 и 41).

Выродовъ, какъ и многіе другіе дворянскіе депутаты, представлялъ фабрики преимущественно дѣломъ дворянъ, а не купечества. Между прочимъ, указывалось ими, что на сѣверѣ, вслѣдствіе климата, большую часть года крестьяне не могутъ заниматься земледѣльческимъ трудомъ, и потому ихъ нужно занять другимъ дѣломъ.

Урсинусъ повторилъ указаніе на опасность перепроизводства фабрикатовъ. Далѣе онъ говорилъ, что ежели дворянинъ учился тому, что потребно къ учрежденію фабрики, и желаетъ употребить на то свой капиталъ, то ему запретить заводить фабрики не слѣдуетъ. Но работу на фабрикѣ онъ не долженъ производить своими людьми, отнимая ихъ отъ земледѣлія. Крестьянъ, которые земли не имѣютъ, надлежитъ переводить на другую землю. Всякія вещи надлежитъ дѣлать тѣмъ, которые къ тому способны. Если земледѣльцы большую часть года препровождаютъ въ праздности, то желательно, чтобы крестьянамъ, по окончаніи ихъ земледѣлія, изыскать способы къ какимъ-либо рукодѣльямъ, приносящимъ пользу обществу, къ фабрикамъ же они не способны, потому что руки ихъ къ нѣжнымъ искусствамъ неспособны, а если ихъ совсѣмъ фабричными сдѣлать, то они отстанутъ отъ земледѣльства, которое всякими способами у насъ возбуждать должно, чувствуя, что у насъ земледѣльцевъ весьма мало. Если городскіе жители не въ состояніи будутъ фабричныхъ вещей приготовлять столько, сколько надобно, тогда уже и крестьяне могутъ быть употреблены на фабрики, и тогда перестанутъ быть крестьяне.

Далѣе—дворяне, имѣющіе пропитаніе отъ службы и деревень, вступая во владѣніе фабриками, отнимаютъ пропитаніе отъ мѣщанъ. Но ежели мѣщане не въ довольномъ числѣ находятся, тогда можно дозволить заведеніе фабрикъ всякому, кто захочетъ, лишь бы множество фабрикъ не провосходило требованія фабричныхъ вещей.]

Съ депутатомъ главнаго магистрата Дурасовымъ, сказавшимъ, что въ начальныхъ словахъ 22-й статьи II части проекта: „на основаніи законовъ“ заключается указаніе на то, что законамъ предоставляется рѣшеніе вопросовъ: гдѣ и какія кому фабрики имѣть должно, Урсинусъ согласился на томъ, что отъ комиссіи „о рудокопаніи, сбереженіи и растеніи лѣсовъ и торговлѣ вообще“ будетъ опредѣлено, какія въ деревняхъ надлежитъ заводить фабрики, а тогда статья 22-я не должна быть предосужденіемъ тѣхъ законовъ, которые для общей пользы установятся.

Опуская участіе Урсинуса въ преніяхъ по 27 статьѣ II главы проекта (XXXVI, 43 и 44) съ кн. Щербатовымъ, которыя ничего интереснаго не представили, такъ какъ въ существѣ дѣла противники мало расходились, остается указать на замѣчанія, сдѣланныя Урсинусомъ—чисто редакціоннаго свойства—на статью 43-ю II главы проекта. Въ статьѣ этой говорилось: „Никто кромѣ Россійскихъ благородныхъ, въ Россіи сими правами пользоваться не можетъ“. Урсинусъ совершенно основательно замѣтилъ относительно такой редакціи статьи слѣдующее (XXXII, 315): такъ какъ въ числѣ поименованныхъ въ проектѣ правъ, есть такія которыя, очевидно принадлежатъ всѣмъ людямъ, то изъ статьи, „какъ она нынѣ написана, слѣдуетъ, что у многихъ нашихъ согражданъ отнимаются ихъ права построить мельницы, заводить фабрики, охотиться на своихъ земляхъ и прочія права, принадлежащія людямъ, хотя они и не изъ дворянъ“.

Въ засѣданіи Большой комиссіи 6 октября (XXXVI, 69), маршалъ объявилъ, что, въ силу обряда, объ управленіи комиссіею „проектъ правамъ благородныхъ съ учиненными на оный примѣчаніями и преніями“ слѣдуетъ отослать въ Дирекціонную комиссію, что и было исполнено. Съ слѣдующаго засѣданія въ комиссіи началось чтеніе законовъ, „принадлежащихъ до помѣстій и отчинъ“, и разсужденія по поводу прочитанныхъ законовъ. Эти занятія—въ которыхъ Урсинусъ не принималъ активнаго участія—продолжались да засѣданія 18 декабря, когда былъ прочитанъ указъ о распущеніи Большой комиссіи до окончанія работъ комиссій частныхъ (XXXVI, 146 и 147). 22 декабря былъ прочитанъ (XXXVI, 151) указъ объ увольненіи отъ комиссіи тѣхъ членовъ ея, которые должны были уѣхать на войну, по поводу открытія военныхъ дѣйствій противъ Турціи.

Большая комиссія собиралась еще нѣсколько разъ въ декабрѣ 1768 и въ январѣ 1769 года для замѣщенія убылыхъ мѣстъ въ

частныхъ комиссіяхъ и для назначенія кандидатовъ на вакансіи, которыя могутъ въ этихъ комиссіяхъ открыться по распущеніи членовъ Большой. Кромѣ того (XXXVI, 153) по Высочайшему указу въ 5 комиссій—дирекціонную, экспедиціонную, о разборѣ наказовъ и проектовъ, о разборѣ родовъ государственныхъ жителей и о правосудіи вообще—надлежало выбрать по три члена для усиленія ихъ состава. Кандидаты намѣчались записками, подававшимися въ засѣданіи 23 декабря. Въ засѣданіи 8 января маршалъ сообщилъ (XXXVI, 157), что по поданнымъ запискамъ о кандидатаиъ въ дирекціонную и экспедиціонную комиссіи списокъ сочиненъ, и „что досталось быть по большинству подписокъ въ дирекціонной комиссіи членами депутатамъ“:

1) Вотской пятины отъ дворянства Мих. Мордвинову;
2) Володимерскому отъ дворянства кн. Петру Трубецкому;
3) Дерптскому отъ города Якову Урсинусу;
4) Ярославскому отъ дворянства кн. Мих. Щербатову;
5) Эзельскому отъ дворянства Густаву фонъ-Веймарну;
6) Московскому отъ дворянства графу Петру Панину;
7) Серпейскому отъ дворянства графу Ал-дру Строганову;
8) Старицкому отъ дворянства Алексѣю Нарышкину;
9) г. опекуну отъ разныхъ иновѣрцевъ Адаму Олсуфьеву.

Затѣмъ маршалъ прочелъ составленный о произведенныхъ выборахъ докладъ Ея Императорскому Величеству, „на что и будетъ ожидать Высочайшей конфирмаціи, а когда сіе получитъ, тогда и о тѣхъ господахъ кандидатахъ, изъ которыхъ въ каждую частную комиссію назначено по три человѣка, собраніе объявить имѣетъ“. Въ слѣдующемъ засѣданіи—12 января (XXXVI, 158) маршалъ объявилъ собранію, что докладъ, поднесенный отъ комиссіи Ея Императорскому Величеству, полученъ „и съ конфирмаціею, по которому Ея Величество назначить соизволила въ каждую комиссію слѣдующихъ трехъ депутатовъ. Въ дирекціонную комиссію оказались назначенными: Мордвиновъ, князь Щербатовъ и графъ Панинъ, т. е.—считая по большинству полученныхъ голосовъ—1-й, 4-й и 6-й кандидаты. Урсинусъ—3-й кандидатъ—оказался обойденнымъ и вмѣстѣ со 2-мъ, 5-мъ, 7-мъ, 8-мъ и 9-мъ кандидатами вошелъ въ составъ дирекціонной комиссіи лишь въ качествѣ запаснаго члена.

Засѣданіе 12 января было послѣднимъ засѣданіемъ Большой комиссіи—она была закрыта рѣчью маршала. Черезъ 1½ года—8 іюля 1770 года—было созвано соединенное засѣданіе всѣхъ частныхъ комиссій. Занятія этого собранія депутатовъ ограничились тѣмъ, что маршалъ сообщилъ о сдачѣ депутатскаго достоинства

4-мя депутатами другимъ лицамъ, на что собраніе—какъ и всегда прежде—соглашалось. Засѣданіе было открыто въ началѣ 11-го часа и окончилось въ исходѣ того же часа (XXXVI, 160). Не прекратились пока только отдѣльныя засѣданія частныхъ комиссій. Дальнѣйшая дѣятельность Урсинуса могла проявляться только среди комиссіи „объ училищахъ и призрѣнія требующихъ“, гдѣ онъ былъ дѣйствительнымъ членомъ, и, быть можетъ, въ комиссіи объ имѣніяхъ, гдѣ онъ былъ помощникомъ члена. О послѣдней комиссіи мы извѣстій не имѣемъ. Но о первой нѣкоторыя свѣдѣнія сообщены графомъ Д. А. Толстымъ въ Сборникѣ отдѣленія русск. языка и слов. Имп. Академіи Наукъ (т. 38, № 4, стр. 63 и слѣд.) и С. М. Соловьевымъ въ его статьѣ „Разсказы изъ русской исторіи XVIII вѣка, 1767 годъ“, помѣщенной въ октябрьской книжкѣ „Русскаго Вѣстника“ за 1861 годъ (стр. 338 и 339). Свѣдѣнія, приведенныя Соловьевымъ—съ ссылкою на его статью—приведены и въ книгѣ профессора В. Н. Латкина „Законодательныя Комиссіи въ Россіи въ XVIII ст.“ (т. I, Спб., 1887 г., страницы 420—422).

Болѣе подробныя свѣдѣнія находимъ въ рядѣ статей С. В. Рождественскаго въ журналѣ Мин. Нар. Просвѣщенія за 1907 и 1908 г. (1907 г. — декабрь, 1908 г. — февраль и май), озаглавленныхъ „Проекты учебныхъ реформъ въ царствованіе Императрицы Екатерины II до учрежденія комиссіи о народныхъ училищахъ“.

Изъ этихъ послѣднихъ статей я приведу нѣсколько мѣстъ, которыя могутъ служить дополненіемъ нашихъ свѣдѣній о дѣятельности Урсинуса въ Екатеринской Комиссіи.

Частная комиссія „объ училищахъ и призрѣнія требующихъ“, „открывъ свои засѣданія 29 мая 1768 г., озаботилась прежде всего собраніемъ необходимыхъ матеріаловъ; отъ дирекціонной комиссіи она затребовала свѣдѣнія о существующихъ духовныхъ и свѣтскихъ училищахъ, просила доставить выписки изъ депутатскихъ наказовъ, касающіяся учебной реформы, проектъ Академіи Наукъ, планъ государственныхъ гимназій Клингштета, Миллера и Дюмареска[1]). Въ первыхъ же засѣданіяхъ наводились справки и велись разсужденія о положеніи учебнаго дѣла въ иностранныхъ государствахъ: объ англійскихъ университетахъ, о прусской системѣ народныхъ училищъ, о школахъ ирландскихъ. Черезъ годъ комиссія вознамѣрилась было исходатайствовать своимъ членамъ право посѣщать,

---

[1]) Клингштетъ—депутатъ и членъ частной комиссіи объ училищахъ—о немъ сказано выше; Миллеръ—извѣстный исторіографъ, занимавшій въ 1765 г. должность завѣдывающаго воспитательнымъ домомъ; Дюмарескъ—докторъ богословія и капелланъ англійской факторіи въ С.-Петербургѣ, лично извѣстный Императрицѣ.

всѣмъ вмѣстѣ или порознь, во всякое время, государственныя училища, какъ-то: кадетскій корпусъ, Академію Художествъ, женское училище въ Смольномъ, дабы, усматривая на самомъ дѣлѣ происходящіе успѣхи отъ учрежденія тѣхъ мѣстъ, члены комиссіи тѣмъ лучше могли соображать свой проектъ. Осуществилось ли это намѣреніе, неизвѣстно".

Кромѣ матеріаловъ, намѣченныхъ самой частной комиссіей, она получила отъ комиссіи дирекціонной инструкцію, въ которой нѣкоторые вопросы, подлежащіе ея обсужденію, уже предрѣшались заранѣе. Такъ, училища раздѣлялись на низшія, среднія и высшія. „Курсъ нижнихъ училищъ, открываемыхъ не только въ городахъ, но также и въ селахъ, инструкція ограничивала кругомъ элементарнаго обученія чтенію, письму, ариѳметикѣ и катехизису. Вольнымъ учителямъ, не получающимъ ниоткуда опредѣленнаго жалованья, предоставлялась свобода открывать повсемѣстно и такія школы, въ которыхъ, кромѣ начальныхъ основаній наукъ, могли преподавать и новые языки... Къ среднимъ школамъ инструкція относила гимназіи и семинаріи... Относительно верховныхъ училищъ, университетовъ или академій инструкція ограничивалась краткимъ указаніемъ, что они состоятъ изъ четырехъ факультетовъ: богословскаго, юридическаго, медицинскаго и философскаго. При этомъ отмѣчалось, что философскій факультетъ имѣетъ общее, пропедевтическое значеніе: философію каждому, въ университетѣ находящемуся, слѣдуетъ прослушать"...

„Согласно данному отъ дирекціонной комиссіи наставленію, училищная комиссія должна была представить общій планъ своей работы. Сначала комиссія намѣревалась выработать подробный планъ учебнаго законодательства, но когда обнаружились разногласія, грозившія надолго затянуть работу, то остановились на рѣшеніи составить краткій планъ... Въ концѣ 1768 г. такой планъ, подписанный Ашемъ, Урсинусомъ, Беклешовымъ и Золотницкимъ, былъ представленъ въ дирекціонную комиссію. По содержанію своему этотъ планъ представлялъ въ болѣе развитомъ видѣ схему учебной системы, намѣченную въ инструкціи комиссіи, или оглавленіе будущаго основного закона, объемлющаго цѣльную систему народнаго просвѣщенія"... „Вмѣстѣ съ планомъ поступили въ дирекціонную комиссію замѣчанія на него нѣкоторыхъ членовъ. Золотницкій, хотя и подписалъ планъ, находилъ въ немъ существенные недостатки... По его мнѣнію, планъ содержалъ одни весьма генеральныя и ничего опредѣлительнаго не заключающія оглавленія. Поэтому онъ представилъ свой собственный планъ, нѣсколько подробнѣе развившій общую схему, которая была начертана отъ имени всей вообще

комиссіи... Съ особымъ планомъ выступилъ и Клингштетъ... Въ защиту общаго плана комиссіи представили свои объясненія баронъ Ашъ и Урсинусъ. Золотницкому они коротко отвѣчали, что всѣ разногласія съ нимъ могутъ быть легко устранены при сочиненіи самыхъ законовъ. Клингштету же былъ данъ отвѣтъ по всѣмъ пунктамъ, по которымъ онъ разошелся съ общимъ планомъ комиссіи".

Указываемые г. Рождественскимъ пункты разногласія особеннаго интереса не представляютъ. Шла рѣчь о томъ, напримѣръ, нужно ли въ планѣ помѣщать общее разсужденіе объ училищахъ, нужно ли говорить о домашнемъ образованіи и воспитаніи, нужно ли упоминать о существующихъ на основаніи особыхъ законоположеній кадетскомъ корпусѣ и Академіи Художествъ. Болѣе важное разногласіе было по вопросу, нужно ли учреждать школы для иновѣрцевъ (осѣдлыхъ инородцевъ), пользу которыхъ Ашъ и Урсинусъ энергически отстаивали.

Дирекціонная комиссія разсмотрѣла внесенныя въ нее бумаги и экстрактомъ изъ протокола 29 декабря 1768 г. сообщила училищной комиссіи свои заключенія по вопросамъ, возбудившимъ разногласіе.

„Новаго общаго плана, примирявшаго мнѣнія отдѣльныхъ членовъ и исправленнаго по замѣчаніямъ дирекціонной комиссіи, училищная комиссія уже не составляла и въ январѣ слѣдующаго 1769 года приступила къ разработкѣ отдѣльныхъ частей учебнаго законодательства"...

Въ первую очередь, согласно общему плану, комиссія „двинула проектъ о низшихъ училищахъ, сельскихъ и городскихъ. Члены комиссіи Золотницкій, Урсинусъ, Стромиловъ, Леонтьевъ представили каждый свой проектъ; чтеніе и разсмотрѣніе этихъ проектовъ заняло много времени, и только въ августѣ началась выработка окончательнаго проекта. Обсужденіе его по отдѣльнымъ статьямъ также затянулось надолго, и 9 февраля слѣдующаго 1770 г. было получено отъ дирекціонной комиссіи напоминаніе объ ускореніи работы. Наконецъ, проектъ о нижнихъ сельскихъ и городскихъ училищахъ, подписанный Хоминскимъ, Стромиловымъ, Клингштетомъ и Леонтьевымъ, 15 іюля 1770 г. представленъ былъ въ дирекціонную комиссію; Урсинусъ не подписалъ проекта, заявивъ, что подаетъ въ комиссію особое мнѣніе".

О составѣ и характерѣ курса, начертаннаго училищной комиссіей, г. Рождественскій говоритъ слѣдующее:

„Золотницкій, подробный планъ котораго легъ въ основаніе проектовъ комиссіи, настаивалъ на элементарности курса сельскихъ

училищъ. Сельскія школы,—писалъ онъ, — должны быть самыя сокращенныя и содержащія въ себѣ такое только ученіе, которое дѣлаетъ жителей, сколько возможно, доброжелательными и трудолюбивыми. Поэтому обученіе въ сельскихъ школахъ ограничивается только чтеніемъ, истолкованіемъ православнаго закона и краткимъ нравоученіемъ. Все прочее, какъ-то: обученіе письму и ариѳметикѣ, оставляется на произволеніе владѣльцевъ и самихъ родителей. Предположенія Золотницкаго о постановкѣ элементарнаго народнаго образованія были всецѣло приняты въ составленномъ комиссіей проектѣ нижнихъ, сельскихъ и городскихъ школъ. Весь курсъ ученія, проходимаго въ этихъ школахъ, вмѣщается въ одной учебной книгѣ, составленіе которой поручается Св. Синоду. Книга эта раздѣляется на двѣ части. Первая, печатанная церковною печатью, содержитъ: 1) россійскую азбуку церковной и гражданской печати, а также исчисленіе буквами и цифрами“ (здѣсь безъ сомнѣнія имѣется въ виду только ознакомленіе съ изображеніемъ чиселъ цифрами—арабскими и славянскими), „2) короткія утреннія, вечернія и предобѣденныя молитвы, 3) катехизисъ съ яснымъ, но краткимъ истолкованіемъ десятословія и догматовъ вѣры; вторая часть, печатанная гражданской печатью, заключаетъ въ себѣ компендіумъ христіанскаго нравоученія, или христіанскихъ добродѣтелей, состоящихъ въ должности подданныхъ къ Государю, въ безпрекословномъ повиновеніи государственнымъ узаконеніямъ, въ почитаніи и послушаніи господъ своихъ и другихъ установленныхъ властей и въ должности къ самому себѣ и ближнему. Обученіе рукописному чтенію производится по особымъ азбукамъ, въ которыя также включается краткое нравоученіе. Обученіе письму оставляется на волю родителей и производится за особую плату“... (отправленіе дѣтей въ школу и обученіе ихъ предметамъ основнымъ предполагалось сдѣлать обязательнымъ). „Продолжительность курса сельской школы не ограничивается какимъ-либо опредѣленнымъ промежуткомъ времени: каждый, признанный способнымъ къ ученію, обучается столько времени, сколько нужно, чтобы научиться всякую книгу безъ нужды читать. Курсъ нижнихъ городскихъ школъ, предназначенныхъ для мѣщанскихъ дѣтей, отличается отъ курса сельскихъ только тѣмъ, что обученіе письму сдѣлано въ нихъ обязательнымъ“.

Сами составители этого проекта не могли не видѣть скудости предлагаемаго ими народу образованія и—въ особенности—непрочности его. Золотницкій, высказавъ, что нижнія школы „не будутъ полезны, ежели ученики, выходя изъ оныхъ, погрузятъ свое ученіе въ забвеніи или небреженіи“, находилъ нужнымъ возложить на

приходскихъ священниковъ по воскреснымъ днямъ послѣ литургіи преподавать народу краткое и ясное поученіе о заповѣдяхъ и догматахъ вѣры. Комиссія усвоила эту мысль, и по ея проекту, „приходскій священникъ, какъ непосредственный наблюдатель за сельскими школами, былъ обязываемъ вести воскресныя поученія, служащія общенародной школой, и требовать, чтобы оставившія школу дѣти въ свободное время по домамъ повторяли учебную книгу и всегда были готовы отвѣчать на вопросы священника“.

Относительно школъ городскихъ комиссія сознавала потребность не только въ поддержаніи въ бывшихъ ученикахъ пріобрѣтенныхъ ими познаній, но и въ пополненіи этихъ познаній свѣдѣніями по предмету, особенно важному для торговопромышленнаго класса—по ариѳметикѣ.

„Относя этотъ предметъ—говоритъ г. Рождественскій—къ области средняго образованія, комиссія проектировала устройство особыхъ ариѳметическихъ школъ въ тѣхъ городахъ, въ которыхъ не будетъ высшихъ и среднихъ училищъ... Школы эти могли быть не равными по курсу: гдѣ находились надлежаще подготовленные учителя, должна проходиться полная ариѳметика, а гдѣ такихъ учителей достать нельзя, то, по крайней мѣрѣ, первыя основанія ариѳметики“. Очевидно, ни одно изъ указанныхъ предположеній училищной комиссіи не имѣло въ виду расширенія общеобразовательнаго курса „нижнихъ“ училищъ. Но очевидно также, что, не предлагая такого расширенія, комиссія въ точности слѣдовала выше упомянутой инструкціи, данной ей дирекціонной комиссіей, и едва-ли ей было возможно расширить курсъ народныхъ училищъ, названныхъ нижними, за предѣлы, инструкціею положенные. Этимъ обстоятельствомъ, я полагаю, и объясняется тотъ фактъ, что Урсинусъ, не подписавъ проекта комиссіи, вмѣсто заявленной имъ подачи особаго мнѣнія, предпринялъ другой шагъ въ интересѣ расширенія того круга образованія, который назначался для населенія городского. Вотъ что читаемъ мы объ этомъ шагѣ въ трудѣ г. Рождественскаго.

„Вскорѣ послѣ того, какъ проекты нижнихъ школъ, сельскихъ и городскихъ, сданы были въ дирекціонную комиссію, депутатъ Урсинусъ возбудилъ вопросъ о необходимости учредить *великое число* школъ, промежуточныхъ между приходскими и гимназіями не только для обученія тѣхъ, кто не попадетъ въ гимназію, но и для приготовленія къ послѣднимъ. Другіе члены комиссіи возразили, что въ проектахъ, внесенныхъ въ дирекціонную комиссію, уже нельзя сдѣлать никакихъ измѣненій, и Урсинусу предоставлено было въ особомъ мнѣніи подробно описать всѣ роды училищъ, какіе онъ

найдетъ необходимо нужными. Черезъ нѣсколько засѣданій Клингштетъ поддержалъ предложеніе Урсинуса, представивъ особую записку о *тривіальныхъ школахъ*. Въ этой запискѣ Клингштетъ доказывалъ, что образованіе должно повышаться со строгою постепенностью, почему отъ заведенія гимназій невозможно получить протекающей пользы, если въ оныя будутъ принимаемы дѣти, кромѣ грамоты ничего не знающія. Кромѣ подготовки учащихся къ гимназіямъ, тривіальныя школы должны давать и нѣкоторое законченное образованіе дѣтямъ, коихъ состояніе и должность упражненія въ высшихъ наукахъ не требуетъ... И это предложеніе Клингштета встрѣтило возраженіе со стороны Стромилова и Хоминскаго, что особенныхъ школъ между низшими училищами и гимназіями учреждать не надо, а слѣдуетъ нужныхъ знаній классы прибавить къ гимназіямъ. Тѣмъ не менѣе вопросъ о тривіальныхъ школахъ затронутъ былъ еще нѣсколько разъ, и 2 ноября 1770 г. комиссія согласилась отнести проектированныя Урсинусомъ и Клингштетомъ школы къ вольнымъ училищамъ, т. е. предоставить учрежденіе ихъ частной инициативѣ. Въ мартѣ 1771 г. комиссія еще разъ вернулась было къ проекту Клингштета объ учрежденіи во всѣхъ городахъ тривіальныхъ школъ, но въ дальнѣйшемъ этотъ вопросъ уже больше не возбуждался. Въ проектѣ о среднихъ училищахъ комиссія, слѣдуя подробному плану Золотницкаго, ограничилась указаніемъ, что принимаемыя въ гимназіи дѣти „должны уже научены быть россійской грамотѣ, читать и писать и первымъ частямъ ариѳметики“.

Прежде чѣмъ перейти къ извѣстіямъ о трудахъ училищной комиссіи по вопросамъ о средней и высшей школѣ, обращаю вниманіе на слѣдующія два обстоятельства. Во 1-хъ, считаю очевиднымъ, что рѣшенія комиссіи, какъ по установкѣ предѣловъ курсу нижнихъ училищъ, такъ и по предложеніямъ Урсинуса и Клингштета объ учрежденіи школъ, посредствующихъ между нижними и гимназіями, строго соотвѣтствовали инструкціи, данной комиссіей дирекціонной: выше было уже сказано, что инструкція эта, ограничивъ курсъ низшихъ училищъ чтеніемъ, письмомъ, закономъ Божіимъ и ариѳметикой, между низшими и средними училищами (а къ среднимъ относились ею гимназіи и семинаріи), допускала только училища „вольныя“, учителя которыхъ опредѣленнаго содержанія не получали.

Второе обстоятельство то, что С. М. Соловьевъ приписываетъ училищной комиссіи другой проектъ: „учрежденія школъ нижнихъ въ городахъ и мѣстечкахъ“. Этотъ послѣдній проектъ ставитъ начальному народному образованію несравненно болѣе широкія рамки. Въ курсъ нижнихъ школъ онъ включаетъ ариѳметику съ дробями

и третными (т. е. тройными) правилами, начало географіи и универсальной исторіи. Составленіе руководства по ариѳметикѣ и географіи возлагается проектомъ на Академію наукъ, по исторіи указывается въ качествѣ руководства книга Московскаго профессора Дильтея. Окончившимъ курсъ въ проектѣ рекомендовалось читать Новый Завѣтъ, Большой Наказъ (Императрицы Екатерины), Роленеву древнюю исторію и „прочія историческія благонравныя книги". Разница между двумя проектами поразительная! Но г. Рождественскій показываетъ, что послѣдній проектъ принадлежитъ не училищной комиссіи, а комиссіи о церковныхъ имѣніяхъ. Комиссія эта (учрежденная въ 1762 г.) состояла изъ архіепископовъ: С.-Петербургскаго Гавріила и Псковскаго Иннокентія, статсъ-секретаря Императрицы Г. Н. Теплова и Синодальнаго оберъ-прокурора П. П. Чебышова. 25 октября 1771 г. прекратились засѣданія училищной комиссіи, и въ этотъ же день Императрица повелѣла названной духовной комиссіи разсмотрѣть проектъ „учрежденія школъ нижнихъ въ городахъ и мѣстечкахъ", составленный 2-я членами этой комиссіи *архіепископомъ Гавріиломъ* и *Тепловымъ* и поднесенный ими на апробацію Императрицы. 18 октября 1772 г. комиссія постановила одобрить проектъ и поднести его на Высочайшую апробацію. Дальнѣйшаго движенія проектъ не получилъ. 24 іюля 1783 г. комиссія, заслушавъ указъ Сената о новой комиссіи объ учрежденіи народныхъ училищъ, постановила: дѣло о нижнихъ градскихъ школахъ рѣшеннымъ не почитать.

Сопоставленіе приведенныхъ г. Рождественскимъ фактовъ даетъ, какъ мнѣ кажется, основаніе объяснить разницу между изложенными проектами именно тѣмъ, что духовная комиссія не была связана инструкціями, подобно частной училищной комиссіи, обязанной подчиняться комиссіи дирекціонной, въ дѣятельности которой профессоръ Сергѣевичъ видѣлъ одну изъ главныхъ причинъ неудачи Екатерининской комиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія [1]).

---

[1]) Замѣчу здѣсь, что графъ Д. А. Толстой, въ названной выше статьѣ въ 38 т. Сборника Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, изложилъ проектъ училищной комиссіи согласно съ г. Рождественскимъ, только въ болѣе краткомъ видѣ. При томъ онъ опустилъ совершенно предложеніе Урсинуса объ учрежденіи городскихъ школъ, стоящихъ по курсу между начальными школами и гимназіями, и говорилъ только о проектѣ тривіальныхъ школъ Клингштета. Не обративъ также вниманія на то, что окончательный проектъ нижнихъ училищъ, препровожденный въ дирекціонную комиссію, Урсинусомъ *не былъ подписанъ*, между тѣмъ какъ училищная комиссія составленный Урсинусомъ проектъ курса сельскихъ школъ одобрила, гр. Толстой приписалъ весь проектъ инціативѣ Урсинуса.

Возвращаюсь къ сообщеніямъ г. Рождественскаго о проектахъ, составлявшихся училищною комиссіею. О дѣятельности комиссіи по вопросамъ о среднемъ и высшемъ образованіи приходится сказать немного. „Оставшійся въ черновомъ видѣ—говоритъ г. Рождественскій—проектъ среднихъ школъ, который комиссія объ училищахъ не успѣла представить въ дирекціонную, воспроизводитъ съ нѣкоторыми измѣненіями подробный проектъ Золотницкаго, ставившаго среднимъ школамъ самостоятельную задачу: готовить свѣтское и духовное юношество ко всякаго рода государственнымъ и духовнымъ службамъ и званіямъ. Золотницкій дѣлилъ проектированныя имъ среднія школы—государственныя гимназіи—на большія и меньшія, различая ихъ только въ числѣ наукъ и учащихъ". Курсъ всѣхъ гимназій отличался многопредметностью, въ особенности, разумѣется, большихъ. „Продолжительность курса гимназій обоихъ типовъ Золотницкій не указывалъ. Повидимому, онъ не дѣлалъ проектированныхъ имъ курсовъ обязательными для всѣхъ учениковъ... и допускалъ спеціализацію, соотвѣтственно сословно-профессіональному предназначенію, учащихся... Казеннокоштные ученики, по его предположенію, проходятъ курсъ по плану, устанавливаемому совѣтомъ гимназіи; для учениковъ своекоштныхъ предметы преподаванія избираются по усмотрѣнію родителей или опекуновъ, однако" и въ этомъ случаѣ начальство гимназіи должно являться главнѣйшимъ совѣтникомъ.

„Училищная комиссія не приняла предложеннаго Золотницкимъ раздѣленія гимназій на большія и меньшія и установила одинъ типъ гимназіи съ курсомъ, еще превышавшимъ многопредметностью курсъ большихъ гимназій Золотницкаго... Расположенія курса по классамъ проектъ комиссіи также не давалъ. О возможности спеціализаціи въ такомъ обширномъ курсѣ, соотвѣтственно сословно-профессіональному предназначенію учащихся, проектъ не упоминалъ! Чему приписать такое умолчаніе—г. Рождественскій не объясняетъ. Скорѣе всего, казалось бы, причиною умолчанія слѣдуетъ предположить незаконченность проекта.

Что касается до высшихъ учебныхъ заведеній, то вопросъ о нихъ въ училищной комиссіи былъ наименѣе разработанъ. Онъ затрогивался только въ общихъ планахъ учебной организаціи, представленныхъ, какъ отъ имени всей комиссіи, такъ въ частности отъ Золотницкаго и Клингштета, при чемъ, по словамъ г. Рождественскаго, „не вызвалъ разногласій и былъ намѣченъ рядомъ пунктовъ, показывающихъ, что комиссія готовилась его изслѣдовать глубоко и всесторонне". Собственно къ систематической разработкѣ вопроса о „верховныхъ училищахъ", т. е. объ университетахъ, ко-

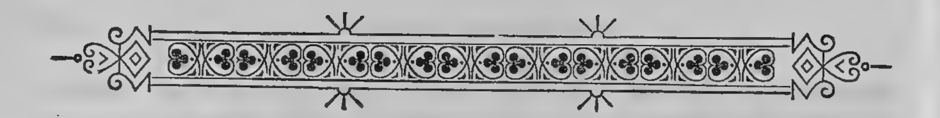
миссія готовилась приступить по окончаніи проекта о среднихъ школахъ въ октябрѣ 1771 года, но, какъ уже сказано, въ концѣ этого мѣсяца ея занятія прекратились. Вмѣстѣ съ тѣмъ прекращаются и наши свѣдѣнія о дѣятельности Урсинуса.

Къ какому заключенію можно придти изъ всего выше предложеннаго обзора этой дѣятельности? Мнѣ кажутся несомнѣнными его желаніе служить на пользу Русской земли, его неустанное трудолюбіе, энергія, желаніе и способность дѣйствовать, несмотря на препятствія, которыя щедро выдвигаются невѣжествомъ, соединеннымъ съ самонадѣянностью. Вмѣстѣ съ тѣмъ представляются несомнѣнными его обширныя разнородныя познанія и сильная логика. Онъ понималъ лучше другихъ задачи законодательной комиссіи и понималъ лучше многихъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя нужды страны. Онъ настойчиво требовалъ, чтобы всякая дѣятельность была открыта людямъ, къ ней способнымъ и къ ней подготовленнымъ—всѣмъ такимъ людямъ и только такимъ людямъ. Далѣе, онъ стремился къ тому, чтобы всякое преимущество, всякая привилегія давались въ награду за дѣйствительную службу странѣ, за дѣйствительную пользу, ей принесенную. Далѣе, онъ умѣлъ увлечь за собою многихъ депутатовъ, и при томъ депутатовъ, принадлежащихъ совсѣмъ къ другимъ сферамъ и стоящихъ совсѣмъ на другой ступени развитія; умѣлъ склонить многихъ къ согласію на нѣкоторыя, по крайней мѣрѣ, изъ своихъ мыслей и предположеній и пріобрѣсти ихъ довѣріе. Многими изъ своихъ воззрѣній онъ далеко опередилъ не только своихъ современниковъ, но и людей, принадлежащихъ къ поколѣніямъ позднѣйшимъ. Мы не знаемъ съ точностью его дѣятельности, предшествовавшей его вступленію въ законодательную комиссію. Еще того менѣе знаемъ мы о послѣдующей судьбѣ его. Пересматривая адресъ-календари, относящіеся къ годамъ, слѣдовавшимъ за открытіемъ Большой Комиссіи, несмотря на то, что они полнѣе относящихся къ 60-мъ годамъ XVIII столѣтія (въ спискахъ, напр., профессоровъ Московскаго университета мы въ 70-хъ годахъ встрѣчаемъ и младшихъ преподавателей—профессоровъ, не входящихъ въ составъ Университетскаго Совѣта или, какъ тогда писалось, Собранія—чего не было въ годахъ 60-хъ), я не встрѣтилъ имени Урсинуса ни между профессорами, ни между служащими въ Академіи Наукъ, ни между членами коллегій или канцелярій, въ которыхъ онъ бы могъ занимать мѣсто по своимъ познаніямъ съ пользою для дѣла. Или онъ пересталъ существовать вскорѣ по закрытіи училищной комиссіи, или какія-то обстоятельства помѣшали правительству использовать его по-

знанія и способности. Объ немъ, какъ выше изложено на основаніи статьи г. Змиградскаго въ Сборникѣ учено-литературнаго общества при Юрьевскомъ университетѣ, вспомнили слишкомъ 30 лѣтъ спустя, и то затѣмъ только, чтобы взыскать съ него 67 р. 89 к. за депутатскій знакъ. Тѣмъ не менѣе полагаю, что одна дѣятельность Урсинуса въ Екатерининской законодательной комиссіи даетъ право желать, чтобы имя этого дѣятеля не было совершенно забыто русскимъ обществомъ.

А. Вороновъ.

(Окончаніе).



За лучинку и поцѣлуй.

(Изъ жизни генерала Фадѣева).

Въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія, находясь на службѣ въ С.-Петербургѣ, мнѣ приходилось посѣщать, хотя и не особенно часто, моего дальняго родственника генерала-отъ-артиллеріи Александра Александровича Фадѣева [1]), въ то время проживавшаго на Сергіевской улицѣ въ собственномъ домѣ.

Въ одно изъ такихъ посѣщеній у насъ почему-то зашелъ разговоръ, слѣдуетъ ли или нѣтъ арестовывать офицеровъ съ посаженіемъ на гауптвахту. По этому поводу Александръ Александровичъ разсказалъ мнѣ то, что съ нимъ произошло въ 30-хъ годахъ, когда онъ состоялъ репетиторомъ и дежурнымъ офицеромъ въ Михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ.

Въ тѣ времена каждое воскресенье во дворецъ Вел. Князя Михаила Павловича являлись ординарцы юнкера отъ училища, и, конечно, при ихъ представленіи всегда присутствовало все ближайшее начальство.

Въ одинъ изъ такихъ воскресныхъ дней вся группа съ дежурнымъ офицеромъ поручикомъ Фадѣевымъ была построена въ одной изъ залъ и ожидала появленія Великаго Князя.

Послѣ обычнаго рапорта Великій Князь имѣлъ обыкновеніе лично командовать юнкерамъ: „ранцы долой“,—что означало, что юнкерамъ будетъ дано угощеніе.

По этой командѣ исполненіе снятія ранцевъ происходило по

---

[1]) Алек. Алек. Фадѣевъ, офицеръ съ 1 января 1829 г., былъ профессоромъ химіи въ артил. академіи и послѣдніе годы членомъ Александров. ком. о раненыхъ, ум. въ 1894 г.

нѣсколькимъ пріемамъ, при чемъ пристежка ранцевъ къ ремнямъ держалась на деревянныхъ, точеныхъ штивтикахъ, которые на обычномъ языкѣ назывались „лучинками“.

Когда юнкера начали отрывисто, имѣя счетъ про себя, снимать ранцы, то у одного изъ нихъ сломалась вышеуказанная „лучинка“ и ранецъ, сорвавшись съ плечъ, покатился по скользкому паркету. Подобный непорядокъ вызвалъ неудовольствіе Великаго Князя, и онъ, указывая пальцемъ на лежавшій у ногъ его ранецъ, воскликнулъ: „Это что такое!“.

Результатомъ сего случая было то, что Фадѣевъ очутился прямо изъ дворца на гауптвахтѣ въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ.

Не прошло и ¼ часа, какъ поручикъ Фадѣевъ былъ водворенъ на гауптвахтѣ, гдѣ караульный начальникъ, офицеръ Преображенскаго полка, успѣлъ уже высказать ему слова утѣшенія, какъ дверь снова растворилась и въ помѣщеніе былъ введенъ какой-то цивильный, державшій себя болѣе чѣмъ сконфуженно. Этотъ статскій господинъ, послѣ быстро совершенныхъ формальностей по пріему, сѣлъ на скамейку рядомъ съ Фадѣевымъ. Прошло нѣсколько минутъ молчанія. Наконецъ, Фадѣевъ заговорилъ съ нимъ первый, обращаясь съ естественнымъ въ подобномъ положеніи вопросомъ:

— „Позвольте узнать за что вы сюда попали“?

— „За поцѣлуй“.

— „Какъ за поцѣлуй? Кого же вы поцѣловали?

— „Никого не цѣловалъ“.

— „Ну, такъ, васъ кто-либо поцѣловалъ?“.

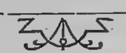
— „И меня никто не цѣловалъ, а дѣло въ томъ, что я, отвѣтилъ статскій, какъ цензоръ, пропустилъ въ печать стихотвореніе „Поцѣлуй“. Митрополитъ и поднялъ всѣхъ на ноги за фразу сказанную въ этомъ стихотвореніи: „За поцѣлуй отдамъ полцарства“.

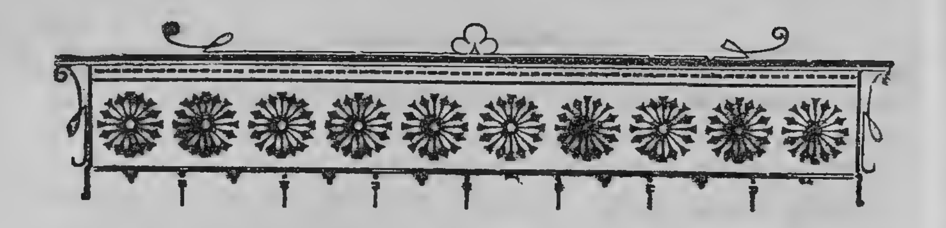
Послѣ маленькой паузы и цензоръ въ свою очередь спросилъ Фадѣева: „а вы за что здѣсь?“—За лучинку.

— „Какъ за лучинку? За какую лучинку“? И Фадѣевъ ему разсказалъ, что уже извѣстно читателю.

Цензоромъ оказался извѣстный Никитенко, который впослѣдствіи, благодаря здѣсь начавшемуся знакомству, былъ приглашенъ читать русскую словесность въ Михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ и академіи.

Сообщено Д. Ф. Девель.





Депутатъ отъ Россіи.

Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой.

Глава VI [1]).

Недавнее присоединеніе Босніи и Герцеговины, какъ и каждое посягательство Австріи на Балканы, возбуждало протестъ Ольги Алексѣевны. Въ 1882 г., когда она издала свою замѣчательную книгу: „Скобелевъ и славянское дѣло“, въ 1888, когда она указала на предполагаемые виды Австріи на Салоники, и наконецъ въ 1908 г., когда она первая заявила въ Таймсѣ о незаконности аннексіи Босніи и Герцеговины. Она была неутомимымъ, твердымъ и безстрашнымъ противникомъ австрійскихъ узурпацій. Соперниковъ въ этомъ у нея нѣтъ, ни мужчины, ни женщины. Она заявила кн. Горчакову о несправедливости къ славянамъ, въ 1878 г. черезъ тридцать лѣтъ она же напоминаетъ Извольскому о его долгѣ въ славянскомъ дѣлѣ.

Судьба какихъ-нибудь двухъ милліоновъ славянъ въ гористыхъ мѣстностяхъ сѣверо-запада Оттоманской имперіи вопросъ большой важности. Вопросъ о гробѣ Господнемъ волновалъ всю средневѣковую Европу, изъ поколѣнія въ поколѣніе, но въ 1396 г. боснійскій король первый поднялъ знамя единенія славянъ на религіозной почвѣ. Въ Босніи и Герцоговинѣ возникли первыя волненія въ 1875 г., результатомъ которыхъ было освобожденіе Болгаріи.

---

[1]) См. „Русская Старина“, апрѣль 1913 г.

Для славянъ это святотатство видѣть колыбель славянской свободы въ австрійскихъ рукахъ.

Ольга Алексѣевна не только раздѣляетъ эти чувства, она ихъ выражаетъ, чѣмъ очень способствуетъ западному міру понять славянство и сочувствовать ему. Она именно эту цѣль преслѣдовала своей книгой „Скобелевъ и славянское дѣло". У нея было много основаній это написать; она была другомъ русскаго героя и его политической союзницей; его симпатіи и антипатіи она раздѣляла вполнѣ. Мать Михаила Дмитріевича Скобелева приглашала г-жу Новикову ѣхать съ ней въ освобожденную Болгарію, гдѣ сынъ ея командовалъ оккупаціонной арміей, но болѣзнь ея мужа помѣшала Ольгѣ Алексѣевнѣ воспользоваться этимъ заманчивымъ предложеніемъ. Г-жа Скобелева была обречена на смерть въ этомъ путешествіи: она была убита черногорскимъ Узатисомъ, котораго генералъ Скобелевъ выбралъ ей въ провожатые, изъ своего штаба, какъ вѣрнаго человѣка.

Скобелевъ, слава котораго была очень велика, прославился еще своими двумя рѣчами, произнесенными имъ въ послѣдній годъ его жизни; ими онъ парализовалъ корысть Австріи и на 25 лѣтъ отдалилъ присоединеніе Босніи и Герцеговины. Онъ умеръ 39 лѣтъ [1]).

Будь онъ живъ теперь, Австрія не рѣшилась бы поглотить эти двѣ провинціи. Книгу свою г-жа Новикова написала не для того только, чтобъ познакомить англичанъ съ жизнью народнаго героя, но чтобъ уяснить имъ стремленіе славянъ.

Это сочиненіе наполнено блестящими подвигами Скобелева. Г-нъ де-Лавеле былъ отъ него въ восторгѣ,—онъ писалъ О. А.:

„Я получилъ Вашего Скобелева и съ жадностью его читаю; кромѣ таланта, съ которымъ книга написана, я любуюсь энтузіазмомъ, которымъ дышитъ каждая страница. Она не похожа на наши западныя книги; здѣсь все старо и безплодно. Вы еще имѣете вѣру восемнадцатаго вѣка! А это потому, что у Васъ есть будущее впереди, у насъ же что остается кромѣ надежды на реформы, слушать совѣты экономистовъ и наживать деньги. Біографія и личный характеръ Скобелева составляютъ первую часть книги, вторая посвящена дѣлу славянъ. До сихъ поръ не было въ Англіи такого яснаго и популярнаго объясненія славизма. Здѣсь трудно исчислить

---

[1]) За нѣсколько недѣль до своей смерти М. Д. Скобелевъ привезъ Ольгѣ Алексѣевнѣ великолѣпный свой портретъ съ надписью: „О. А. Новиковой и отъ восторженнаго цѣнителя ея политической дѣятельности". Этотъ портретъ О. А. пожертвовала Румянцевскому музею, гдѣ онъ находится и теперь.

всѣ стремленія, симпатіи и антипатіи, которыя должны измѣнить карту восточной Европы, но слѣдуетъ упомянуть о томъ, что касается Босніи и Герцеговины“.

По мнѣнію Биконсфильда Берлинскій трактатъ усилилъ Оттоманскую имперію прибавкой двухъ пунктовъ къ Санъ-Стефанскому договору. Болгарію раздѣлили на три части: свободная Болгарія, Восточная Румелія или полу-свободная Болгарія и Македонія, возвращенная въ рабство. Второй пунктъ: Согласіе Европы на занятіе Австріей Босніи и Герцеговины. Теперь эти два пункта уже уничтожены, а политика Россіи оправдывается.

Россія честнѣе всѣхъ государствъ соблюдала условія Берлинскаго трактата. Когда Болгарія завладѣла Восточной Румеліей, Россія менѣе другихъ державъ это поддерживала. Занятіе Австріей Босніи и Герцеговины было допущено ею лишь для того, чтобъ освободить Болгарію и Сербію.

Лордъ Биконсфильдъ грозилъ войной Россіи, если туркамъ не будетъ разрѣшено ставить гарнизонъ на проливахъ; онъ въ этомъ разсчитывалъ на поддержку Австріи. Опасеніе войны съ двумя державами оправдывало въ глазахъ кн. Горчакова уступчивость русской политики въ Берлинѣ.

Турки, не увѣдомленные о русско-австрійскомъ соглашеніи, относительно ихъ двухъ сѣверо-западныхъ провинцій, сначала отказались подписать трактатъ; они на это согласились лишь тогда, когда Австрія сдѣлала имъ секретное заявленіе, что оккупація будетъ временная и что главенство Турціи остается неизмѣннымъ.

Въ 1879 г. былъ подтвержденъ этотъ договоръ между султаномъ и Австро-Венгріей, обезпечивающій главенство султана надъ занятыми провинціями.

Когда, 5-го іюля, обсуждалась статья 25-я, Бисмаркъ такъ опредѣлилъ роль Австро-Венгріи: она уполномочена пополнить недостатки турецкаго управленія, осуществить великую задачу: сохраненіе порядка и обезпеченіе будущности населенія. Повторяю: полномочіе не передавало власть въ руки двуединой монархіи, которая продолжала принадлежать султану, договоры, заключенные Турціей, оставались въ силѣ, иностранцы были подвѣдомственны своимъ консульствамъ, австрійскіе законы не касались ихъ. Замѣчательно, что со времени занятія Австріей Босніи и Герцеговины не разъ уже появлялась опасность войны по поводу этого занятія. Первая произошла послѣ двухъ рѣчей генерала Скобелева, въ Парижѣ и въ Петербургѣ, испугавшихъ всю Европу, въ то время, но предотвратившихъ опасность, которая казалась неизбѣжной,

Содержаніе парижской рѣчи г-жа Новикова приводитъ въ своей книгѣ; это было знаменательное, всенародное заявленіе, достойное глубокаго вниманія и въ настоящую минуту.

Вотъ нѣсколько выдержекъ изъ этой рѣчи:

„Европѣ грозитъ опасность великой войны! Она неизбѣжна; Берлинскій трактатъ топчется въ грязь Австріей; Россіи нѣтъ причинъ быть довольной этимъ трактатомъ, для нея и для южныхъ славянъ это былъ плохой договоръ, по крайней мѣрѣ онъ спасаетъ ихъ отъ гнета иностранныхъ деспотовъ. Если онъ будетъ нарушенъ, будетъ война. Вы скажете, что эта война будетъ безумна, что это будетъ самоубійство! Можетъ быть, но есть обстоятельства, когда самоубійство неизбѣжно. Въ войнѣ нѣтъ нужды! Миръ можетъ быть сохраненъ, если факты будутъ во-время признаны. Объ этихъ фактахъ я и хочу Вамъ напомнить, такъ какъ дипломаты ихъ затемнили. Я не имѣю вражды противъ Германіи, но почему не удерживаетъ она Австрію отъ посягательствъ? Если бъ Берлинъ сказалъ: „руки прочь“, Вѣнѣ пришлось бы повиноваться. Славяне одного желаютъ,—остаться славянами; они не хотятъ быть мадіаризованы, германизованы или подъ властью іезуитовъ, говоритъ Скобелевъ.

„Австріи дано право занять и управлять двумя провинціями для установленія въ нихъ порядка, но она превышаетъ свои полномочія, усиливая рекрутскій наборъ и распространяя въ народѣ іезуитское ученіе. Славяне были самостоятельнѣе даже подъ турецкимъ владычествомъ, чѣмъ подъ гнетомъ вѣнской бюрократіи. Почему не хочетъ Австрія дать имъ развиваться по-своему и жить своею жизнью, можетъ быть суровой и грубой, не эта жизнь должна служить основой ихъ общественнаго и политическаго развитія.

„Россія единственная страна въ Европѣ, гдѣ достаточно идеализма, чтобы воевать изъ-за чувства. Ея народъ не уклоняется отъ жертвъ за вѣру и братство. Остерегайтесь довести эти чувства до крайнихъ предѣловъ“, заключилъ свою рѣчь Скобелевъ.

Въ то время какъ Скобелевъ говорилъ это въ Парижѣ, Ольга Алексѣевна, въ статьѣ своей „Кризисъ въ Сербіи“, выражала совершенно тождественныя мысли. Оба они руководились общей имъ любовью къ славянству; у обоихъ прозвучала нотка предостереженія, и Австрія приняла это во вниманіе.

Она смутилась: гроза прошла.

Турція заявила, что усиленіе рекрутскаго набора есть извращеніе Берлинскаго трактата, незаконный захватъ власти Австріей, но, говоритъ дальше Стедъ, это было только начало нарушеній; имѣется въ виду: присоединеніе Сербіи, занятіе Черногоріи, Бол-

гарія должна была стать вассальной Габсбурговъ. Австрія распространяла свое вліяніе на Румынію и печать полна была сообщеніями отъ весьма освѣдомленныхъ корреспондентовъ о томъ, что готовится походъ на Салоники. Россія молчала, но когда храбрые герцеговинцы и босняки подняли оружіе противъ австрійскаго гнета, русскія сердца забились и Скобелевъ заговорилъ. Слова его, какъ разразившаяся бомба въ непріятельскій лагерь, разсѣяли заблужденіе, будто бы Россіи раздражить нельзя.

„Я помню, писала Ольга Алексѣевна, какъ однажды, за нѣсколько недѣль до смерти, Скобелевъ сказалъ: „Меня забавляло, что говорили за границей про мою рѣчь въ Петербургѣ: „Военный и говоритъ о политикѣ; это чудовищно! Они забыли, что въ Россіи отношенія Государя къ своимъ подданнымъ совершенно иныя, чѣмъ въ ихъ конституціонныхъ странахъ. Между Царемъ и нами есть что-то. Почему намъ не сказать ему, что мы думаемъ, отъ чего мы страдаемъ и чего мы желаемъ. Я думалъ, что мой долгъ былъ наказать ихъ, и я это сдѣлалъ“.

„Его рѣчь принесла пользу, говоритъ г-жа Новикова, она очистила атмосферу“.

Тѣнь русской сабли предостерегла готовящагося узурпатора. Скобелевъ, уѣзжая въ Парижъ, былъ увѣренъ, что будетъ война, если Австрія будетъ настаивать на программѣ, объявленной ея печатью. Ей необходимо было напомнить о Берлинскомъ трактатѣ, а такъ какъ никто объ этомъ не подумалъ, Скобелевъ взялъ это на себя. Дѣйствіе было произведено; вотъ что по этому поводу говоритъ г-жа Новикова. „Я часто видѣла Скобелева послѣ его возвращенія и всякій разъ онъ отрицалъ свою рѣчь въ Парижѣ; „мои слова, сказанныя вскользь, не слѣдуетъ считать рѣчью, но вотъ что произвело впечатлѣніе: „Западъ ошибается на счетъ Россіи, сказалъ я, онъ думаетъ, что мы такъ ослаблены войной, что все наше могущество уже изсякло. Это ошибка. Націю, состоящую изъ ста милліоновъ людей, способныхъ жертвовать собой за идею, не такъ легко стереть. Россія жива, и если будутъ перейдены извѣстные предѣлы, она рѣшится воевать“.

Гамбетта привѣтствовалъ слова Скобелева: „Они принесли большую пользу“, говорилъ онъ ему, „они наполнили сердца патріотическимъ пыломъ и даютъ надежду на франко-русскій союзъ. У Гамбетты одинъ врагъ—Германія, у Скобелева врагъ—Австрія, нападающая на Балканы“.

Результаты оправдали слова Скобелева, а многихъ его рѣчь устрашила, между прочимъ Фруда; онъ писалъ г-жѣ Новиковой:

„Война, о которой говоритъ Скобелевъ, хуже преступленія, это было бы безуміе, преступленія могутъ прощаться, безуміе никогда.

„Вамъ дѣлать вызовъ всей Европѣ! это возбудило бы порицаніе всего безпристрастнаго міра, и Вы пострадаете. Ваши здѣшніе друзья, друзья въ Вашемъ отечествѣ должны будутъ признаться въ своей ошибкѣ. Что Вы найдете у себя? я ничего хорошаго не предвижу отъ разсужденій Каткова, который не защищаетъ того, что самъ считаетъ справедливымъ". Ольга Алексѣевна отвѣтила ему нѣсколько ѣдко. 30 марта 1882 г. Фрудъ смиренно пишетъ:

„Удивленный, какъ и всѣ, выступленіемъ Скобелева, я хотѣлъ узнать, готовъ ли походъ славянъ противъ тевтоновъ? въ такомъ случаѣ я бы зналъ, что дѣлать. Вы, въ этой борьбѣ, могли бы побѣдить, Австрія могла бы быть разбита, но Ваши финансы оказались бы истощенными. Выжать изъ Вѣны пять милліардовъ Вы бы не могли, даже изъ Вѣны и Берлина вмѣстѣ взятыхъ; а по моему глупому разсужденію Ваша настоящая задача—теперь заняться внутренними дѣлами. Россія сильная въ мирное время съ развитіемъ ея неисчерпаемыхъ богатствъ сдѣлаетъ все, что захочетъ своимъ молчаливымъ вліяніемъ, страхомъ и уваженіемъ, которые она внушитъ".

Въ одномъ разговорѣ съ Скобелевымъ г-жа Новикова у него спросила: Такъ не было въ Вашей рѣчи нападенія на Германію? Конечно нѣтъ, отвѣтилъ онъ, я сказалъ, чтобы договоръ, заключенный въ Германіи и подписанный кн. Бисмаркомъ, былъ свято исполненъ; вотъ и все.

Славянская тактика состояла въ томъ, чтобы изолировать Австрію: Россія подтверждала свою дружбу Германіи, подъ условіемъ, чтобы Бисмаркъ не поддерживалъ Австрію въ ея нападеніяхъ на Балканахъ. Повидимому, это удалось, такъ какъ Австрія не двигалась 26 лѣтъ.

Въ своей статьѣ „Австрія и Россія", г-жа Новикова излагаетъ точку зрѣнія славянъ. Въ 1882 г. она писала,—начавъ съ остроты кн. Горчакова, „Австрія не нація, она даже не государство, она только правительство. Почему такъ глубоко ненавидятъ Австрію, спрашиваетъ она, всѣ славянскія страны, принадлежащія ей и не принадлежащія" и сама отвѣчаетъ на этотъ вопросъ: да за ея ненависть, ея несправедливость, ея жестокость, за преслѣдованіе всѣхъ славянъ, не желающихъ быть ренегатами.

Прекратите это преслѣдованіе, и ненависти не будетъ. Даже слабая попытка справедливости къ славянамъ могла бы вызвать дружбу къ ней въ Россіи.

Ольга Алексѣевна продолжаетъ: „Чего мы требуемъ отъ Австріи? Мы только желаемъ, чтобы славяне могли жить своею жизнью, какъ славяне и какъ православные. Когда графъ Таафе провозгла-

силъ, что Австрія должна признавать историческое право народностей, славяне стали надѣяться на лучшее будущее". Гегель сказалъ: „Австрія не нація, это имперія. Если это федеративная имперія, она можетъ существовать, но если она представляетъ власть меньшинства, она обречена на гибель".

Затѣмъ г-жа Новикова переходитъ къ жгучему вопросу о Босніи и Герцеговинѣ. „Занятіе этихъ провинцій было пробнымъ камнемъ австрійской добросовѣстности. Въ 1877 г. были сдѣланы приготовленія къ занятію Босніи и Герцеговины въ то самое время, когда гр. Андраши торжественно заявлялъ, что правительство никогда не имѣло въ виду такого шага.

„Австрія напустила на несчастныхъ славянъ подонки своихъ должностныхъ лицъ, еврейскую саранчу и своихъ іезуитскихъ агентовъ; военные расходы въ 1882 г. въ занятыхъ провинціяхъ достигли 3.000.000 фун.

Австрія заняла Боснію, продолжаетъ г-жа Новикова, чтобъ сокрушить славянство, и въ этомъ успѣла. 29-го сент. 1882 г. корреспондентъ Таймса пишетъ: турецкіе законы вошли въ поговорку въ Европѣ, однако въ Босніи о нихъ теперь думаютъ почти съ сожалѣніемъ; этотъ чудный край отданъ на съѣденіе австрійскимъ чиновникамъ.

Австрія не основала никакихъ учрежденій, увеличила рекрутскій наборъ, что стоило 3.000.000 ф., и австрійскіе чиновники управляютъ съ военной строгостью и съ чиновничьимъ безразсудствомъ. „Они бы стрѣляли въ насъ при первой возможности, говоритъ австрійскій офицеръ о боснякахъ, а почему? потому что не слушали благоразумнаго совѣта гр. Бейста, а слушались Биконсфильда и стремились уничтожить всякую независимость въ славянскихъ провинціяхъ. „Сербы наши смертельные враги", говоритъ одно австрійское должностное лицо, почему? потому что австрійцы вмѣшивались въ ихъ мѣстные обычаи и хотѣли превратить славянъ въ нѣмцевъ, мадьяръ или евреевъ. Словомъ, боснійцы должны существовать для Австріи...

Въ 1882 г. г-жа Новикова надѣялась, что Австрія поняла или начинаетъ понимать, что антиславянская политика Тиссы—измѣна.

Въ прошломъ году, пишетъ она, я рѣшилась написать въ англійской газетѣ то, что заявляютъ оффиціальные австрійцы: но венгерское правительство сдѣлало мнѣ честь запретить № газеты съ моей статьей. Едва нѣсколько ея экземпляровъ достигли Сербіи.

Не русская газета, а австрійская „Пражскія Народни Листы", обратилась къ нашему Государю, умоляя его принять участіе въ австрійскихъ славянахъ, какъ онъ это сдѣлалъ относительно балканскихъ.

Докторъ Ригеръ, вліятельный лидеръ богемскихъ славистовъ, писалъ Московскому Славянскому Комитету въ 1876 г.:

„Какъ могъ не радоваться богемскій народъ успѣху русской арміи? Не сражаются ли русскіе люди за право, свободу и вѣру? За человѣколюбіе, за честь славянскаго племени, такъ долго угнетеннаго въ Христіанской Европѣ; въ этой борьбѣ слава Россіи— наша слава, гордость славянъ въ сознаніи, что кровь нашихъ братьевъ льется не даромъ. Мы счастливы, что могущественные славяне, защищая славянъ слабыхъ, пріобрѣтаютъ право на любовь и благодарность всего славянскаго міра.

Англійскій вице-консулъ въ Сербіи пишетъ г-жѣ Новиковой: „Не касаясь министерскаго кризиса и политическихъ интригъ, для меня совершенно ясно, что сербскій народъ благодаренъ Россіи за прошлое и надѣется на нее, какъ на старшую сестру въ будущемъ“.

Въ 1888 г. Ольга Алексѣевна снова принялась за протестъ. 7-го февраля она помѣстила въ газетѣ статью подъ ироническимъ заглавіемъ „Бѣдная Австрія“.

Единственное опасеніе войны у насъ, съ 1879 г., пишетъ она, въ томъ случаѣ, если Австрія, поддерживаемая Германіей, нарушитъ Берлинскій трактатъ и пойдетъ на Салоники. Такой шагъ непремѣнно поведетъ къ войнѣ. Россія не можетъ допустить, чтобы Австрія стала тюремщикомъ для православныхъ народовъ отъ Дуная до Эгейскаго моря! Если же Австрія вспомнитъ грозныя слова „руки прочь!“, нѣтъ никакой причины для войны. Ошибка Германіи въ томъ, что она допускаетъ Австрію дѣйствовать двулично на Балканскомъ полуостровѣ. Избраніе католическаго принца на Болгарскій престолъ, постоянная вражда къ Православной церкви, жадность къ захвату славянскихъ земель, невольно вызываетъ возмездіе.

Чтобъ не нарушать миръ, Россія можетъ исполнять всѣ условія Берлинскаго договора, но нельзя требовать, чтобы она его ухудшала и подвергала бы опасности интересы тѣхъ, которыхъ благоденствіе близко ея сердцу.

Въ мартѣ она написала еще статью: „Слово предостереженія и ободренія“. Въ ней она яснѣе, чѣмъ когда-либо доказываетъ, что причина вражды къ Австріи вопросъ религіозный; католицизмъ вездѣ враждебенъ православію.

Откровенность—лучшее средство для поддержанія мира, продолжаетъ она. „Всякій, кто колеблется употребить всѣ мѣры, чтобъ сократить миръ, преступникъ, но молчаніе значитъ потворство беззаконію и поощреніе къ войнѣ.

Намъ также больно видѣть австрійскую пропаганду католичества въ славянскихъ странахъ, какъ и угрожающее движеніе ея войскъ

за предѣлы Босніи и Герцеговины. Когда, въ октябрѣ, Австрія объявила о присоединеніи этихъ провинцій, наперекоръ Берлинскому трактату, Ольга Алексѣевна первая заговорила о томъ, что Австрія не права, что въ протоколѣ Лондонскаго договора 1871 г. она обязывалась вмѣстѣ съ другими державами въ слѣдующемъ:

Существенный законъ для націй тотъ, что ни одно государство не можетъ освободиться отъ договорнаго обязательства, или измѣнить его условія иначе, какъ съ согласія договаривающихся державъ посредствомъ мирнаго соглашенія.

Г-жа Новикова написала два письма въ Таймсъ. Въ первомъ она говорила о безцеремонномъ отношеніи къ присоединеннымъ славянамъ.

Съ такой увѣренностью утверждаютъ, что австрійское правительство намѣрено воспользоваться настоящимъ положеніемъ, но если это такъ, что надо дѣлать остальнымъ державамъ? Какъ воскресить Берлинскій трактатъ? Какъ не выслушать жалобъ этихъ несчастныхъ провинцій? Но вѣдь правительства уже имѣютъ трогательное прошеніе босне-герцеговинцевъ, поданное Гаагской Конференціи? Вотъ оно, въ двухъ словахъ написанное сербскими эмигрантами, спасавшимися отъ австрійскихъ притѣснителей: „Владычество австрійское въ тысячу разъ нестерпимѣе турецкаго“, говоритъ оно. Нельзя отрицать, что въ этомъ заявленіи видно чрезмѣрное ожесточеніе сербовъ; главный пунктъ, которому каждый православный долженъ сочувствовать, это утвержденіе, что австрійскія власти обращаются съ православными (составляющими большинство) съ неслыханной несправедливостью. Они вмѣшиваются въ ихъ религіозные обряды, выказываютъ явное предпочтеніе католикамъ; съ магометанами они одинаковы, какъ съ православными. Эти послѣдніе подъ постояннымъ надзоромъ полиціи, тогда какъ католики пользуются всѣми преимуществами іезуитскаго управленія.

Богатые мусульмане бѣжали изъ страны, и на оставленныхъ ими помѣстьяхъ устроились нѣмецкія и еврейскія колоніи. Личная свобода не обезпечена. Управленіе ведется въ полномъ противорѣчіи съ понятіемъ о справедливости; полиція дѣлаетъ домашніе обыски днемъ и ночью и не применетъ застрѣлить несчастнаго крестьянина, ежели тотъ сопротивляется позорному оскорбленію надъ его женой или дочерью. Шпіонство возведено въ систему; устраиваются искусственные заговоры, чтобъ избавиться отъ лица ненавистнаго правительству. Туземцы не имѣютъ права переѣхать изъ одного округа въ другой, безъ разрѣшенія полиціи. Въ городахъ объявлено осадное положеніе, и дурное обращеніе съ гражданами на улицѣ считается вещью обыкновенной. За всякую переписку съ Сербіей или съ Черногоріей назначено строжайшее нака-

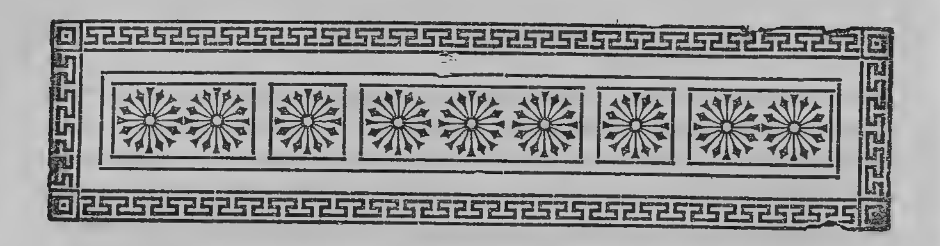
заніе. Іезуиты и евреи шныряютъ по провинціямъ, и австрійское правительство, не колеблясь, прибѣгаетъ къ постыднымъ средствамъ, чтобъ разрушать нравственность несчастнаго населенія, порученнаго его заботамъ. Вся администрація Босніи и Герцеговины въ рукахъ австрійцевъ. По послѣднимъ статистическимъ свѣдѣніямъ въ этихъ провинціяхъ состояло 1.840 должностныхъ лицъ; изъ нихъ 189 (немного больше десяти проц. православные сербы), 106 мусульманъ, остальные—1.545 австрійцы. Эта саранча чиновниковъ такъ же безнравственна, какъ бездѣятельна,—вотъ причина того горькаго недовольства населенія и застоя во всемъ, по сравненію со странами, освобожденными Русской войной 1877 г. Петиція кончалась просьбой, во имя справедливости, избавить провинцію отъ австрійскаго владычества. Они просили о назначеніи европейской комиссіи, которая бы на мѣстѣ убѣдилась въ точности ихъ обвиненій, и справедливость ихъ указаній должна бы вызвать немедленное прекращеніе австрійскихъ полномочій.

Мнѣ неудобно входить въ подробности этихъ обвиненій, но всѣмъ славянамъ и всѣмъ православнымъ давно извѣстно, что австрійское занятіе имѣло единственную цѣль—уничтоженіе православія и славянскаго духа въ этихъ провинціяхъ. Корреспонденты различныхъ газетъ возражали противъ этихъ обвиненій, утверждая, что матеріальное благосостояніе занятыхъ провинцій увеличилось. На это Ольга Алексѣевна отвѣчала: Таймсъ 7-го октября 1908 г.

„Нѣкоторые изъ Вашихъ корреспондентовъ, англиканскаго, католическаго и еврейскаго вѣроисповѣданія, протестуютъ противъ объясненій боснійскихъ выходцевъ; они говорятъ, что зато въ матеріальномъ отношеніи провинція—очевидное улучшеніе. Но такъ ли это? Къ тому же развѣ матеріальныя богатства замѣнятъ потерю вѣры, потерю души? За эти тридцать лѣтъ, Австрія преслѣдовала Православную Церковь во всѣхъ ея догматахъ и обрядахъ. Она губитъ молодежь нравственно и физически. Тутъ повторяется система Меттерниха относительно сына Наполеона (всѣ знаютъ, что это значитъ). Неужели сдадутъ Австріи все населеніе провинцій, какъ стадо овецъ? Неужели же эти люди, возбудившіе восточный вопросъ, не достойны вниманія европейскаго ареопага? Не обратиться ли къ плебисциту? Но будетъ ли этотъ плебесцитъ добросовѣстенъ, въ этомъ весь вопросъ! Мой голосъ, вѣроятно, гласъ вопіющаго въ пустынѣ. Но и одинъ человѣкъ можетъ сказать одно вѣское слово: въ данную минуту слово это—„остерегайтесь".

Сообщено Е. С. М.

(Продолженіе слѣдуетъ).



Письма Н. П. Ломакина консулу Ѳ. А. Бакулину [1]).

(О средне-азіатскихъ дѣлахъ).

1875 годъ.

Милостивый Государь
Ѳедоръ Абрамовичъ.

Письмо Ваше отъ 20 декабря я получилъ только въ концѣ прошлаго мѣсяца. Предполагая, что письмо это Вы отправили ко мнѣ съ кѣмъ-либо изъ нашихъ туркменъ, я прошу Васъ сообщить мнѣ, съ кѣмъ именно оно было отправлено. Тогда я примѣрно взыщу съ него, чтобъ пріучить другихъ къ аккуратности.

Чрезвычайно Вамъ признателенъ за сообщаемыя Вами столь обязательно свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ туркменскихъ степяхъ. Они такъ интересны, что я постоянно посылаю ихъ въ Тифлисъ, для доклада Его Высочеству.

Изъ посылаемыхъ Вамъ при семъ, въ незапечатанномъ конвертѣ, отзывовъ моихъ г. посланнику Вы усмотрите о положеніи дѣлъ у насъ. Извѣстія эти, повидимому, весьма благопріятны для нашего положенія и вліянія среди этихъ дикарей.

Съ занятіемъ же нами укрѣпленнаго пункта на Атрекѣ и съ возвратомъ, съ разрѣшенія Его Высочества, юмудамъ пятнадцати т[ысячъ] рублей, за братыхъ у нихъ для хивинской экспедиціи полк[овникомъ] Маркозовымъ [2]) верблюдовъ, за коихъ еще не было

---

[1]) См. „Русская Старина", апрѣль 1913 г.

[2]) Извѣстный участникъ хивинскаго похода, скончавшійся 26 апрѣля 1908 г. въ Спб. генераломъ-отъ-инфантеріи въ отставкѣ. Ни одна изъ нашихъ большихъ газетъ не почтила памяти Маркозова хотя бы коротенькой замѣткой.

имъ заплочено, наше положеніе и вліяніе между этими кочевниками, надѣюсь, вполнѣ укрѣпится и утвердится.

Изъ Хивы получилъ вчера извѣстія, что Ивановъ перешелъ Аму, разгромилъ юмудовъ, предалъ все огню и мечу у тѣхъ племенъ, кои не покорялись и не вносили контрибуціи, и затѣмъ благополучно вернулся въ Ташаузъ.

Мнѣ предложено снова представить подробныя соображенія объ изслѣдованіи этою весною Узбоя. Полагаю поручить это дѣло текинцамъ, за что они, повидимому, берутся съ полною охотою, желая показать намъ на дѣлѣ свою преданность и покорность и заслужить милостивое вниманіе Его Высочества.

Софи-ханъ получилъ прямо золотую медаль на шею.

Полученное при Вашемъ письмѣ (отъ 20 декабря) письмо Сулейманъ-хана, которое онъ, какъ Вы пишете, писалъ мнѣ уже по полученіи, какъ надо полагать, наставленій изъ Тегерана, меня очень удивило. Онъ, между прочимъ, тамъ пишетъ: „Для персіянъ все равно, чьи бы подданные ни были юмуды, лишь бы они были покорны и спокойны". Какъ Вамъ извѣстно, назадъ тому нѣсколько мѣсяцевъ онъ пѣлъ объ этомъ совсѣмъ другую пѣсню. Такой поворотъ, я полагаю, можно объяснить тѣмъ, что въ Тегеранѣ, кажется, сильно озабочены тѣмъ, что въ нашихъ предѣлахъ, сѣвернѣе Атрека, очутилась почти половина буджкурдскаго округа, что̀ подтвердили теперь и прибывшіе ко мнѣ текинскіе старшины и ханы. Но до времени объ этомъ, по моему мнѣнію, не слѣдуетъ дѣлать никакихъ заявленій персидскимъ чиновникамъ и властямъ [1]). Объ этомъ ни съ кѣмъ изъ нихъ не слѣдуетъ и говорить; какъ-будто мы ничего не знаемъ. Я увѣренъ, что они скоро сами подымутъ вопросъ о пересмотрѣ конвенціи о границѣ.

О томъ, что̀ мною подчеркнуто, не признаете ли нужнымъ, на всякій случай, представить и на благоусмотрѣніе г. посланника.

Записку о Хоросанѣ пришлю, какъ только снимутъ копію. Она довольно обширная.

Свидѣтельствую мое глубочайшее почтеніе Вашей супругѣ. Привѣтъ Митрофанъ Григоричу.

Искренно Вамъ преданный и уважающій Васъ

Н. Ломакинъ.

3 марта.
Баку.

P. S. Дня черезъ три ѣду на Мангишлакъ. Недѣли черезъ двѣ вернусь въ Красноводскъ.

---

[1]) Набранное разрядкой подчеркнуто въ подлинникѣ.

Милостивый Государь
Ѳедоръ Абрамовичъ!

Извините, ради Бога, что такъ давно не писалъ Вамъ; но, послѣ моего послѣдняго письма къ Вамъ, я почти все время былъ въ разъѣздахъ или въ походѣ и не могъ свободно располагать своимъ временемъ. Знаю, что это не оправданіе, но надѣюсь на Ваше доброе снисхожденіе и расположеніе ко мнѣ.

Я былъ весьма обрадованъ сообщеннымъ мнѣ сегодня Порфирій Михайловичемъ извѣстіемъ, что Вы намѣреваетесь посѣтить нашъ отрядъ и провести съ нами нѣсколько дней. Это бы доставило мнѣ величайшее удовольствіе, и я буду этому весьма радъ. Вы будете у насъ самымъ дорогимъ гостемъ, и мы употребимъ всевозможныя средства, чтобъ Вамъ было у насъ удобно и хорошо, не говоря уже про то, что это было бы весьма полезно и даже необходимо по отношенію къ нашимъ общимъ друзьямъ—туркменамъ.

Я пробуду въ Чекишлярѣ по 1-е сентября. Хорошо бы было, если бы Вы могли пріѣхать въ Чекишляръ къ этому числу. Порфирій Михайловичъ дастъ Вамъ для этого лодку „Тюлень". Отъ Чекишляра Вы, вмѣстѣ съ отрядомъ, проѣхали бы до Баятъ-Аджи, пробыли бы тамъ нѣсколько дней, по Вашему усмотрѣнію, и затѣмъ съ казаками въ одинъ или два дня вернулись бы къ Чекишляру, гдѣ къ назначенному дню ожидалъ бы Васъ „Тюлень". Вся эта поѣздка не займетъ, такимъ образомъ, болѣе недѣли времени, а чѣмъ больше пожелаете пробыть съ нами, тѣмъ больше мы будемъ рады.

Не пишу Вамъ здѣсь ничего о нашихъ туркменскихъ дѣлахъ: часть оффиціальныхъ о семъ сообщеній я уже препроводилъ къ Вамъ, остальныя же, касательно похода нашего отъ Мулла-Кари до Чекишляра, пришлю на этихъ дняхъ.

Записки г. Венюкова [1]) о Хоросанѣ, Туркменіи, Индіи и др., а также записку г. Стебницкаго объ изслѣдованіи верхняго Атрека гг. Беккеръ и Гиль [2]), я передалъ Порфирію Михайловичу, который,

---

[1]) Михаилъ Ивановичъ Венюковъ (1832—1901)—извѣстный географъ и путешественникъ, Іеронимъ Ивановичъ Стебницкій (1832—1897)—знаменитый геодезистъ.

[2]) Полковникъ Беккеръ, адъютантъ принца Уэльскаго, вмѣстѣ съ лейтенантомъ англійской службы, Гилемъ, путешествовалъ по Хоросану. Въ 1873 г. онъ появляется, подъ видомъ охоты, въ нашихъ владѣніяхъ—пріемъ не новый для англичанъ—и старается поссорить насъ съ персіянами, указывая имъ на земли, по его мнѣнію, незаконно захваченныя нами. Въ русско-

по мѣрѣ прочтенія, будетъ посылать къ Вамъ всѣ эти интересныя записки.

До пріятнаго свиданія.

Засвидѣтельствуйте мое глубочайшее почтеніе Вашей супругѣ.

Искренно Вамъ преданный и уважающій Васъ

Н. Ломакинъ.

22 августа 1875.
Чекишляръ.

Баятъ-Аджи. 7-го сентября.

Многоуважаемый
Ѳеодоръ Абрамовичъ!

Крайне сожалѣю, что непредвидѣнное обстоятельство помѣшало Вамъ пріѣхать къ намъ и лишило меня удовольствія имѣть такого дорогого гостя.

Можетъ быть, къ 1-му октября, когда отрядъ вернется къ Чекишляру и простоитъ тамъ почти весь тотъ мѣсяцъ, Вы будете свободнѣе. Былъ бы весьма радъ хоть тогда повидаться съ Вами.

Пишите ко мнѣ, если будете такъ добры, черезъ Порфирій Михайловича.

Ввѣренный мнѣ отрядъ перешелъ сюда изъ Чекишляра какъ нельзя благополучнѣе. Здоровье людей въ превосходномъ состояніи.

Здѣсь мы застали, такъ же, какъ въ Бугдайлахъ и Шаирдахъ, громадныя кочевья, до четырехъ тысячъ кибитокъ нашей, восточной, чорвы, — чорва, кочующая у Шаирды и Бугдайлы, называется западной — аулы коей расположены сплошь на всемъ пространствѣ нашего праваго берега Атрека, отъ Баятъ-Аджи до переправы Байрамъ-Олумъ, въ слѣдующей послѣдовательности: коджуки, салахи, кочанъ, бадрагъ, емиръ, игдыръ, кулагъ, карравп, атабай, бяглёха, илгай, дазъ, діяджи, канъ-ёгмазъ и снова игдыры.

Это, какъ Вамъ извѣстно, самыя дикія племена нашей чорвы; они-то и составляютъ постоянную грозу персіянъ. Но нашъ отрядъ они встрѣтили съ тѣмъ же превосходнымъ радушіемъ и съ полнымъ довѣріемъ, какъ и аулы западной чорвы, въ Шаирдахъ и Бугдайлахъ. И здѣсь, какъ и тамъ, ни одинъ аулъ передъ нашимъ приходомъ не тронулся съ мѣста,—гдѣ кто кочевалъ, тамъ и остался. Верблюды и бараны вездѣ покойно паслись по нашему пути; конные вездѣ выѣзжали навстрѣчу. Мужчины, женщины и дѣти цѣлыми сотнями постоянно посѣщаютъ лагерь, заводятъ тор-

---

турецкую войну Беккеръ командовалъ турецкими войсками и носилъ имя Беккеръ-паши. Гиль дѣлалъ въ британскомъ ученомъ обществѣ въ Бельфастѣ сообщеніе о своей поѣздкѣ.

говлю. Зачастую можно встрѣтить нашего солдатика, идущаго обнявшись съ туркменами. Многіе обращаются къ нашему врачу за пособіемъ. Здѣсь мы теперь вполнѣ убѣдились, что въ прошломъ году туркмены намъ правду говорили, что, если здѣсь будетъ постоянное укрѣпленіе, изъ Баятъ-Аджи скоро выйдетъ другой Макарьевъ [1]).

Насъ посѣщаютъ даже здѣсь персы и курды. Первые просятъ ходатайства передъ хивинскимъ ханомъ, по разнымъ долговымъ претензіямъ къ хивинскимъ подданнымъ, послѣдніе — съ жалобами на чорву, за угонъ скота въ прежнее время.

Между прочимъ приходили люди (по ихъ словамъ) и отъ Ермамбетъ-хана курдскаго, съ привѣтомъ ко мнѣ, завѣреніемъ въ его расположеніи ко мнѣ и въ томъ, что онъ хотѣлъ самъ пріѣхать сюда, да дѣла помѣшали. И хорошо, что помѣшали!

До свиданія.

Передайте мой поклонъ Вашей супругѣ.

Искренно Вамъ преданный

Н. Ломакинъ.

Аширъ. 12 октября. Полдень.

Многоуважаемый

Өедоръ Абрамовичъ.

Письмо Ваше отъ 7 октября я получилъ здѣсь 9-го, а отзывъ отъ 10 числа № 540—вчера ночью.

Крайне сожалѣю, что разныя обстоятельства и ожидаемый пріѣздъ шаха въ Мазандеранъ лишили меня удовольствія видѣться съ Вами. Впрочемъ, едва-ли шахъ пріѣдетъ въ эти страны: говорятъ, у него въ казначействѣ совсѣмъ нѣтъ денегъ, а эти путешествія всегда бываютъ сопряжены со значительными расходами.

Черезъ Порфирія Михайловича я, по примѣру прежнихъ разъ, препроводилъ къ Вамъ копіи съ моихъ донесеній о движеніяхъ отряда отъ Чекишляра въ Баятъ-Аджи и далѣе къ чату [2]) и о пребываніи нашемъ въ этихъ пунктахъ. На-дняхъ пришлю къ Вамъ копію съ моихъ послѣдующихъ донесеній о положеніи дѣлъ у насъ.

Удивляюсь, что Вы, повидимому, такъ поздно получили эти отзывы, такъ какъ включили въ Ваше донесеніе миссіи лишь

---

[1]) Намекъ на бывшую Макарьевскую ярмарку.

[2]) Это имя не собственное, а нарицательное. Такъ называется по-туркменски, вообще, мѣсто соединенія двухъ рѣкъ, въ данномъ случаѣ рѣки Сумбаръ съ Атрекомъ.

краткія объ этомъ свѣдѣнія, извлеченныя изъ моего послѣдняго письма къ Вамъ.

Свѣдѣнія о жалобѣ нѣкоторыхъ туркменъ астрабадскимъ персидскимъ властямъ о занятіи нами ихъ пастбищъ, сѣвернѣе Атрека, до меня дошли еще задолго до полученія о томъ свѣдѣній отъ Васъ, въ такомъ видѣ. Нѣсколько атабаевцевъ, человѣка три-четыре, не болѣе, и то изъ самыхъ незначительныхъ личностей, не имѣющихъ никакого вліянія въ народѣ и заискивающихъ поэтому благорасположенія персіянъ, дѣйствительно, говорятъ, ѣздили въ Астрабадъ и заявили, что русскіе пришли къ ихъ ауламъ въ Таирды, стоятъ тамъ и кормятъ своихъ верблюдовъ вмѣстѣ съ ними и потому спрашивали, что имъ дѣлать. На это послѣдовалъ отъ губернатора[1]) приказъ, который я самъ видѣлъ, чтобъ они не тревожились приходомъ нашимъ и исполняли бы всѣ наши законныя требованія.

Захвату Хашалъ-ханомъ у Дангатара двадцать пять верблюдовъ я не придаю никакого особаго значенія. Во-первыхъ, это сдѣлано имъ потому, что родственники ханъ-Девлета (Ельгельды-ханъ и др.) недавно угнали у атабаевъ нѣсколько штукъ верблюдовъ, за то, что тѣ угнали у нихъ прежде сколько-то верблюдовъ, а во-вторыхъ, я увѣренъ вполнѣ, что, какъ только я вернусь въ Чекишляръ и ко мнѣ пріѣдетъ Муса-ханъ и другіе атабаевскіе старшины, они заставятъ Хашалъ-хана гораздо скорѣе возвратить этихъ верблюдовъ, чѣмъ это въ состояніи сдѣлать персидскія власти. Но, во всякомъ случаѣ, необходимо, чтобъ и они не сидѣли, въ этомъ случаѣ, сложа руки, иначе они этимъ окончательно развяжутъ руки своимъ *вѣрноподданнымъ*[2]) юмудамъ, и тогда, если они сами, т. е. власти персидскія, не въ состояніи будутъ заставить своихъ подданныхъ исполнить наши справедливыя требованія, мы вынуждены будемъ испросить разрѣшеніе самимъ исполнить это. Вотъ, будь я другой Маркозовъ[3]), я бы непремѣнно изъ-за этого пустого случая перешелъ бы Атрекъ, создалъ бы тамъ громкое дѣло, перебилъ бы нѣсколько десятковъ туркменъ, сжегъ бы нѣсколько тысячъ ихъ кибитокъ и проч. и затѣмъ написалъ бы трескучую ташкентскую реляцію.

Впрочемъ до свиданія. Да хранитъ Васъ Аллахъ.

Поклонъ мой Вашей супругѣ.

Искренно Вамъ преданный

Н. Ломакинъ.

---

[1]) Вѣрнѣе изъ Тегерана, такъ какъ жалобы туркменъ были отправлены персидскимъ губернаторомъ въ столицу.

[2]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

[3]) См. примѣч. 2-е на 372 стр.

P. S. Я сюда пріѣхалъ теперь съ женой и съ дочерью. Всѣ они уѣхали посмотрѣть Ашрефъ [1]), мы же остались съ Порфирій Михайловичемъ здѣсь.

Чекишляръ. 21 октября.

Многоуважаемый
Ѳедоръ Абрамовичъ.

Чрезвычайно Вамъ признателенъ за присылку брошюры Вашей „Очерки торговли съ Персіею" [2]). Сохраню ее, какъ лучшее воспоминаніе о томъ времени, которое я съ такимъ удовольствіемъ провелъ, въ прошломъ году, въ Астрабадѣ, въ Вашемъ домѣ.

Узнавъ отъ Порфирій Михайловича, что Вамъ нужна шпага, я немедленно, по возвращеніи въ Чекишляръ, отправилъ таковую Вамъ черезъ него, съ особымъ нарочнымъ. Получили ли Вы ее? Очень буду радъ, если она Вамъ пригодится.

По возвращеніи въ Чекишляръ, меня снова во множествѣ стали осаждать наши старшины чорвы. Всё увѣряютъ меня, что ихъ вызываютъ въ Міанъ-Кале [3]) для встрѣчи шаха, но что они не хотятъ идти. Я отвѣтилъ имъ, что они должны идти, такъ какъ часть года кочуютъ въ его земляхъ. Впрочемъ, дѣйствительно, я сильно сомнѣваюсь, чтобы кто-либо изъ значительныхъ старшинъ чорвы пошелъ туда; развѣ изъ числа недовольныхъ почему-либо нами.

Между прочимъ, я теперь положительно узналъ, что астрабадскія и мазандеранскія власти и чиновники распускаютъ между туркменами нелѣпые слухи, что всѣ земли и сѣвернѣе Атрека принадлежатъ Персіи, а намъ только дозволено ходить въ этихъ странахъ, для защиты ихъ отъ текинцевъ.

---

[1]) Городъ въ Мазандеранской провинціи, верстахъ въ восьми отъ берега Астрабадскаго залива. Ашрефъ основанъ въ 1612 г. знаменитымъ шахомъ Аббасомъ Великимъ. Славится своими садами—откуда его названіе персидскаго Версаля— и многочисленными развалинами, напоминающими о быломъ величіи Персіи. Лучшій изъ садовъ принадлежитъ шаху. Этотъ садъ вмѣстѣ съ городомъ и дворцами былъ до основанія уничтоженъ дикою вольницею Разина во время его набѣга на Персію.

[2]) Полное заглавіе: Очерки торговли съ Персіею. Азербайджанъ, Мазандеранъ, Астерабадъ. Составилъ Ѳ. Бакулинъ. Спб. 1875. Собственно это не брошюра, а книга въ 130 стр.

[3]) Міанъ-Кале персіяне называютъ полуостровъ или вѣрнѣе низменную песчаную косу въ сѣверной части Астрабадскаго залива, верстъ около трехъ ширины и верстъ 45 длиною, образованную морскими заносами. Другое названіе — Орусъ-кале, т.-е. русская крѣпость, объясняется тѣмъ, что въ 1668—69 гг. здѣсь зимовалъ Разинъ. У русскихъ коса Міанъ-кале называется полуостровомъ Потемкина.

По поводу этихъ превратныхъ толковъ и чтобъ не вводить нашу чорву въ заблужденіе, я счелъ необходимымъ разослать по всей нашей чорвѣ бумагу отъ себя, въ коей объявляю и подтверждаю ей снова, что наша граница съ Персіею есть Атрекъ; что всѣ земли юмудовъ сѣвернѣе Атрека принадлежатъ Россіи, а южнѣе—Персіи, и поэтому, когда они кочуютъ сѣвернѣе Атрека,—должны во всемъ подчиняться намъ, а южнѣе—Персіи.

Гоклановъ [1]) считаютъ безусловно персидскими подданными: они живутъ постоянно въ предѣлахъ Персіи и платятъ ей дань. Этимъ лѣтомъ, за время нашей рекогносцировки, они, въ нашихъ предѣлахъ, сѣвернѣе Атрека, угнали у нашей чорвы четырнадцать верблюдовъ и три лошади. Справедливость требуетъ, чтобъ или Персія сама приняла мѣры, чтобъ ея подданные не смѣли грабить въ нашихъ предѣлахъ [2]),—о чемъ я не замедлю войти съ оффиціальнымъ отзывомъ въ нашу миссію,—или предоставила бы это намъ, если сама не въ силахъ это сдѣлать.

Дикая рѣзня и бойня, совершаемая Клычъ-ханомъ [3]) и др., возмутительна. И достойно ли это великой націи, что почти на глазахъ ея войскъ безнаказанно происходитъ такое варварство, такое звѣрство? Что жъ дѣлать, когда пресловутая граница по Атреку связываетъ намъ руки! И кто же отъ этого страдаетъ, какъ не сама Персія?

Ради Бога, если Вамъ что-нибудь извѣстно о Мешхеди-Мисріанѣ [4]), не оставьте мнѣ сообщить подробно, чей это былъ городъ, когда и кѣмъ разрушенъ. Меня это чрезвычайно интересуетъ.

Будьте добры,—если можно, возвратите мнѣ записки Венюкова и Стебницкаго, черезъ П. М. Зайкина, до 30 числа, т. е. до ухода отряда отсюда. Онѣ мнѣ нужны.

---

[1]) Одно изъ трехъ главныхъ туркменскихъ племенъ, не кочующее, а занимающееся земледѣліемъ и частью шелководствомъ.

[2]) Подчеркнуто въ оригиналѣ.

[3]) Юмудскій ханъ Клычъ, недовольный тѣмъ, что астрабадскій губернаторъ далъ ему меньше, чѣмъ прежде, пшеницы и подарковъ, напалъ на персіянъ возлѣ Астрабада, убилъ нѣсколько человѣкъ мирныхъ жителей и нѣсколько человѣкъ захватилъ въ плѣнъ—въ обмѣнъ на юмудовъ—и затѣмъ удалился, перейдя Атрекъ, въ наши предѣлы, тогда какъ персіяне сочли его убитымъ.

[4]) Или Мешадъ-Методовранъ. Развалины въ степи, находящіяся возлѣ колодцевъ Дашъ-верды, къ сѣверу отъ Атрека. Эти развалины — остатки построекъ изъ обожженнаго кирпича, частью съ надписями, въ общемъ около двадцати бугровъ. Каждый изъ нихъ носитъ отдѣльное имя. Зимой возлѣ нихъ располагаются многочисленныя кочевья юмудовъ.

Представьте, какъ нелѣпы туркмены: сейчасъ ко мнѣ пріѣхалъ нарочный съ просьбою объ освобожденіи Данга-Ата, который, будто бы, задержанъ въ Астрабадѣ!

Передайте мой поклонъ Вашей супругѣ.

Искренно Вамъ преданный
Н. Ломакинъ.

P. S. Сейчасъ получилъ извѣстіе, что Хашалъ-ханъ возвратилъ нашимъ старшинамъ захваченныхъ имъ казенныхъ верблюдовъ. Говорятъ, что на призывъ губернатора онъ не ходилъ въ Астрабадъ и возвратилъ верблюдовъ по настоянію старшинъ нашихъ.

1876 годъ.

Островъ-Аширъ. 3-го марта.

Милостивый Государь
Ѳедоръ Абрамовичъ.

Изъ препровождаемаго при семъ отзыва моего повѣренному въ дѣлахъ въ Тегеранѣ [1]), который прошу Васъ отправить при первой возможности,—Вы усмотрите о положеніи дѣлъ у насъ.

Скорѣйшее рѣшеніе текинскаго вопроса представляется крайне необходимымъ, иначе мы создадимъ себѣ большія затрудненія—и въ самомъ непродолжительномъ времени. Могу Вамъ частно и подъ большимъ секретомъ сообщить, что объ этомъ и сдѣлано уже представленіе отъ Его Высочества. Боюсь только, что этому крайне необходимому для насъ дѣлу можетъ помѣшать весьма возможное осложненіе обще-европейскихъ дѣлъ на Востокѣ, т. е. на нашемъ Западѣ. Намъ необходимо держать пока это дѣло въ большомъ секретѣ, чтобъ объ этомъ не стало извѣстнымъ между нашими юмудами, а отъ нихъ немедленно дойдетъ и до текинцевъ, и этимъ можно испортить дѣло.

Въ Тифлисѣ Его Высочество изволилъ принять меня весьма милостиво. Прошлою рекогносцировкою всѣ остались весьма довольны, и я получилъ приказаніе представить всѣхъ участвовавшихъ въ этой рекогносцировкѣ къ наградамъ, какъ за военныя отличія, хотя у насъ собственно никакихъ военныхъ дѣлъ и не было; но результаты, достигнутые этою рекогносцировкою, безъ сомнѣнія,

---

[1]) Князю Владиміру Павловичу Урусову.

важнѣе результатовъ нѣкоторыхъ громкихъ и блистательныхъ побѣдъ[1]).

Вашу брошюру о персидской торговлѣ весьма многіе въ Тифлисѣ просили меня дать имъ прочесть. Всѣ вообще отнеслись съ полнымъ сочувствіемъ къ этому почтенному труду и надѣются на продолженіе онаго.

Въ послѣднее время нашъ восточный берегъ Каспійскаго моря обратилъ общее вниманіе капиталистовъ и разныхъ солидныхъ компаній. Отовсюду поступаютъ ко мнѣ заявленія объ отводѣ участковъ для ловли рыбы, добычи соли, сѣры, нефти и озокерита. На Челекенѣ, на участкахъ Нобеля[2]), добыча нефти идетъ на правильныхъ, раціональныхъ началахъ. Изъ двухъ буровыхъ скважинъ идетъ уже нефть фонтанами, на первомъ—съ глубины десяти саженъ, а на второмъ, болѣе значительномъ,—съ двадцати саженъ глубины. Устроилась уже тамъ цѣлая шведская колонка (sic), изъ чистенькихъ, опрятныхъ домиковъ. Изъ Средней Азіи огромный запросъ на нефть и фотогенъ[3]). Послѣднему цѣна въ Хивѣ и Ташкентѣ отъ двѣнадцати до четырнадцати р. пудъ, вслѣдствіе чего бакинское нефтяное общество устраиваетъ тамъ большіе склады нефтяныхъ продуктовъ. Первый транспортъ, съ агентомъ, на-дняхъ уже отправляется для сего изъ Красноводска въ Хиву.

Между прочими промышленными компаніями, намѣревающимися посвятить свою полезную дѣятельность нашему юному краю, осо-

---

[1]) Въ 1875 г., для осмотра средней части стараго русла Аму-Дарьи отъ колодцевъ Игды до высохшаго озернаго бассейна Сары-камыша былъ отправленъ изъ Красноводска въ Хиву особый караванъ полковника Глуховского, а кавказскимъ намѣстникомъ прикомандированъ къ нему для производства съемочныхъ и топографическихъ работъ офицеръ, топографъ Лупандинъ. До колодцевъ Игды экспедиція слѣдовала въ отрядѣ, находившемся подъ командой генералъ-маіора Ломакина, а дальнѣйшій путь до озерного бассейна Сары-камыша вверхъ по Узбою, мимо колодца Чарышлы, сдѣлала лишь подъ прикрытіемъ небольшого отряда туркменской милиціи. Результаты, достигнутые экспедиціей, дѣйствительно, были „важнѣе результатовъ нѣкоторыхъ огромныхъ и блистательныхъ побѣдъ“,— съемкой, произведенной отъ колодцевъ Игды до колодца Декча, Лупандинъ связалъ конечные пункты изслѣдованій, которые, со стороны Аму-Дарьи, были сдѣланы полковникомъ Глуховскимъ, со стороны Каспійскаго моря — знаменитымъ геодезистомъ полковникомъ Стебницкимъ. Всѣ участники экспедиціи были представлены къ наградамъ, какъ за военныя отличія. См. нашу статью „Забытый проектъ“ („Русское Судоходство“ февраль 1910 г., стр. 88—95).

[2]) Людвига Нобеля, отца извѣстнаго „благодѣтеля“ волжскихъ пароходчиковъ.

[3]) Добываемое изъ каменнаго угля ламповое масло.

бенное вниманіе обращаетъ компанія, во главѣ коей стоитъ церемоніймейстеръ Двора Его Величества Дурасовъ, съ капиталомъ въ нѣсколько милліоновъ, которая проситъ отдать ей Карабугазскій заливъ, съ цѣлію запрудить его и образовать громадныя залежи соли, на пространствѣ двадцати тысячъ кв. верстъ. Тогда во всей Европѣ будетъ меньше соли, чѣмъ въ одномъ этомъ мѣстѣ, подлѣ котораго предполагаютъ устроить обширные содовые заводы, которыхъ въ Россіи нѣтъ ни одного, и мы всю соду, на нѣсколько милліоновъ рублей, получаемъ изъ-за границы.

Что подѣлываетъ мой пріятель, Сулейманъ-ханъ? Когда онъ вступилъ снова въ управленіе несчастною астрабадскою провинціею, я его поздравилъ съ этимъ. Вѣроятно, онъ не получилъ моего письма объ этомъ, потому что отвѣта не было.

Передайте мой привѣтъ Вашей супругѣ.

Искренно Вамъ преданный и уважающій Васъ

Н. Ломакинъ.

Красноводскъ, 25 мая.

Многоуважаемый

Ѳедоръ Абрамовичъ!

Съ особеннымъ удовольствіемъ я каждый разъ, какъ и теперь, получаю и съ жадностію прочитываю Ваши интересныя письма и оффиціальныя сообщенія.

Послѣднее Ваше письмо отъ 19 числа этого мѣсяца Порфирій Михайловичъ былъ такъ любезенъ, выслалъ ко мнѣ съ особымъ нарочнымъ паровымъ судномъ, и потому я получилъ его, вмѣстѣ съ прочими бумагами, 23 числа ночью.

Предполагавшійся походъ въ Теке по разнымъ, политическимъ, вѣроятно, соображеніямъ отложенъ до времени. Безъ сомнѣнія, тутъ имѣли вліяніе и опасенія англичанъ за Мервъ, и отмѣна намѣренія шаха двинуть свои войска въ Теке, со стороны Хоросана. Это, впрочемъ, мнѣ только такъ кажется, я, можетъ быть, и ошибаюсь; но, во всякомъ случаѣ, рано или поздно, но движеніе нашихъ войскъ въ Теке неизбѣжно, и чѣмъ скорѣе это будетъ, тѣмъ лучше. То, чего мы теперь могли бы достигнуть почти безъ выстрѣла, едва-ли современемъ обойдется безъ значительныхъ жертвъ, особенно когда текинцамъ удастся сплотиться и вооружиться [1]). Что же дѣлать!—Не разъ уже у насъ приходится начинать съ того, чѣмъ слѣдовало бы кончать, и наоборотъ. Такъ и теперь.

---

[1]) Какъ извѣстно, дальнѣйшія событія вполнѣ оправдали слова Н. П. Ломакина.

Взамѣнъ этого похода, долженствовавшаго имѣть огромное вліяніе на всѣ наши дальнѣйшія предпріятія въ этомъ краѣ, на насъ возлагается тщательное устройство военно-торговой дороги между Красноводскомъ и бассейномъ Аму-Дарьи, съ надлежащимъ обводненіемъ и обезопасеніемъ оной. Безъ сомнѣнія, это дѣло тоже чрезвычайно важное; но возможно ли, въ самомъ дѣлѣ, будетъ обезопасить этотъ путь вполнѣ, пока мы не водворимъ порядокъ и спокойствіе въ этомъ домикѣ, разбойничьемъ гнѣздѣ и не усмиримъ текинцевъ? Съ устройствомъ же дѣлъ въ Теке, устроилась бы сама собой и наша военно-торговая дорога, а теперь это будетъ стоить и громадныхъ суммъ, и будетъ весьма затруднительно для войскъ.

Я препроводилъ Порфирію Михайловичу копію съ полученнаго мною по этому предмету изъ Тифлиса оффиціальнаго письма № 1201 и съ моей записки, заключающей соображенія мои по этому дѣлу. Я просилъ его, по прочтеніи этого письма и записки, послать ихъ частно и Вамъ, единственно для Вашего свѣдѣнія, съ тѣмъ чтобы Вы не представляли ихъ въ миссію, такъ какъ по этому дѣлу не послѣдовало еще отъ Его Высочества окончательнаго распоряженія. По полученіи же таковаго, я не замедлю сообщить о томъ и Порфирію Михайловичу, и Вамъ, съ особымъ нарочнымъ пароходомъ.

Для пересылки въ посольство препровождаю Вамъ въ особомъ пакетѣ нѣсколько свѣдѣній о положеніи дѣлъ у насъ.

Посылаю также черезъ станцію около сотни плѣнныхъ персовъ, пришедшихъ изъ Хивы.

Теперь осталось такъ мало времени до предстоящаго конгресса оріенталистовъ [1]), и я такъ буду занятъ это время приготовленіемъ къ походу въ августѣ, что едва-ли мнѣ удастся принять какое-либо участіе въ этомъ конгрессѣ. Альбомъ же мнѣ прислалъ Кауфманъ, который, безъ сомнѣнія, прислалъ такой и въ конгрессъ [2]).

Глубочайшій отъ меня привѣтъ и поклонъ Вашей супругѣ и Митрофанъ Григорьичу.

Преданный Вамъ
Н. Ломакинъ.

---

¹) Рѣчь идетъ о состоявшемся осенью 1876 г. въ С.-Петербургѣ третьемъ международномъ съѣздѣ оріенталистовъ.

²) Подобный же драгоцѣнный альбомъ, состоящій изъ рѣдкихъ фотографій видовъ Персіи, типовъ персіянъ и проч., до сихъ поръ хранится у наслѣдниковъ Ѳ. А. Бакулина.

Красноводскъ, 11 іюня.

Многоуважаемый
Ѳедоръ Абрамовичъ!

По важности посылаемыхъ къ Вамъ и къ Порфирію Михайловичу бумагъ, заключающихъ окончательныя распоряженія по предстоящимъ ввѣренному мнѣ отряду, въ этомъ году, занятіямъ, я счелъ необходимымъ отправить эти бумаги на Аширъ съ особымъ нарочнымъ паровымъ судномъ, которое останется на Аширѣ, полагаю, около двухъ недѣль, пока люди, посылаемые мною въ чорву, джафарбаевъ и акъ-атабаевъ, кочующую теперь въ нашихъ предѣлахъ, сѣвернѣе Атрека,—коимъ поручается мною нанять тамъ отъ четырехсотъ до пятисотъ верблюдовъ,—не вернутся оттуда на Аширъ съ какими-либо положительными извѣстіями по возлагаемому на нихъ порученію. Всѣхъ верблюдовъ мнѣ надо на походъ до Куня-Ургенча около восьмисотъ. Изъ нихъ половину я могу пріобрѣсть здѣсь, въ Красноводскомъ округѣ, а относительно найма другой половины сильно разсчитываю на нашу чорву.

Я посылаю Вамъ при семъ копіи со всѣхъ бумагъ относительно предстоящихъ намъ въ началѣ августа движеній и дѣйствій, а также и оффиціальныя объ этомъ сообщенія посольству,

Я приказалъ также препроводить къ Вамъ копіи съ переводами и съ моихъ послѣднихъ писемъ казіямъ [1]), старшинамъ и ханамъ чорвы джафарбаевъ и акъ-атабаевъ, кочующей теперь въ нашихъ предѣлахъ, сѣвернѣе Атрека [2]), относительно найма у нихъ верблюдовъ и пожалованныхъ нѣкоторымъ изъ нихъ наградъ. Я предложилъ ввѣренному мнѣ управленію неупустительно исполнять это и на будущее время,—признавая эту мѣру необходимою, какъ въ виду недобросовѣстности персидскихъ пограничныхъ властей, такъ и щекотливости вообще въ нашей дипломатической сферѣ. Какую бурю подняли было въ прошломъ году изъ-за того только, что я пригласилъ къ себѣ старшинъ чорвы въ Чекишляръ, въ то время, когда она кочевала въ нашихъ предѣлахъ, сѣвернѣе Атрека!

Посылаю Вамъ также весьма интересный документъ—копію съ предписаній генер[алъ]-адъют[анта] Кауфмана генералу Иванову относительно вмѣшательства его въ дѣла Теке и вообще туркменскихъ племенъ, кочующихъ на югъ отъ хивинскихъ владѣній [3]).

---

[1]) Судьямъ.

[2]) Этихъ копій при письмѣ не оказалось.

[3]) И этой копіи тоже нѣтъ.

Я только съ прошлою срочною шхуною получилъ изъ Тифлиса шесть экземпляровъ вновь отпечатанной карты Закаспійскаго края, изъ числа коихъ одинъ экземпляръ и спѣшу выслать Вамъ.

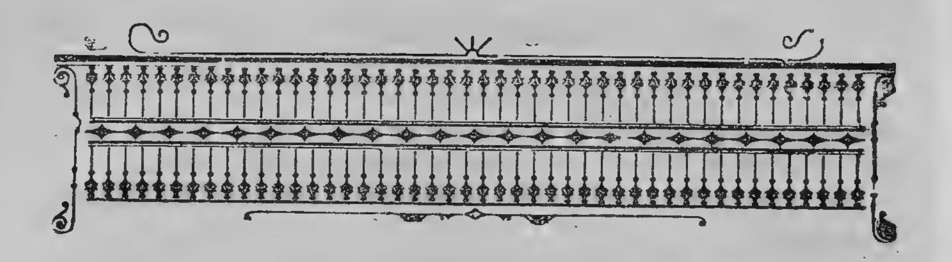
Свидѣтельствую мое почтеніе Вашей супругѣ и Митрофанъ Григорьичу.

Искренно Вамъ преданный

Н. Ломакинъ.

Сообщ. В. А. Алексѣевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).



Польскій бунтъ и старообрядцы.

Подавленіе польскаго мятежа 1863 года не уничтожило существованія польской революціонной партіи. Главари ея, во-время скрывшіеся изъ предѣловъ Польши и разсѣявшіеся по разнымъ странамъ Европы, вскорѣ же послѣ возстанія начали снова свою разрушительную работу.

По свѣдѣніямъ министерства внутреннихъ дѣлъ эта дѣятельность польскихъ революціонеровъ представляется въ такомъ видѣ.

Одинъ изъ руководителей партіи, извѣстной въ революціонныхъ кругахъ подъ названіемъ Окша (онъ же Оржеховскій), находясь въ Константинополѣ, рѣшилъ организовать народное возстаніе уже не въ предѣлахъ Польши, а въ центральной полосѣ Россіи. Онъ задумалъ поднять народную чернь и такимъ путемъ вызвать нѣчто въ родѣ Пугачевскаго бунта. При этомъ вниманіе Окши было направлено главнымъ образомъ на старообрядческую массу, по его мнѣнію, наиболѣе благопріятную для распространенія въ ней оппозиціоннаго настроенія. Было рѣшено выдвинуть на сцену личность Императора Петра III, особенно популярную среди раскольниковъ и вообще среди русскаго крестьянства, у котораго съ именемъ этого Императора издавна связывалась мысль о всевозможныхъ благахъ и льготахъ бѣдному населенію. Роль самозванца и вмѣстѣ старообрядческаго мессіи поручена была нѣкоему Александру Крыловскому, человѣку уже имѣвшему революціонное прошлое. Чтобы подготовить народную массу къ принятію этого самозванца, изъ Константинополя были отправлены въ предѣлы центральной Россіи

девять опытныхъ эмиссаровъ—агитаторовъ, снабженныхъ воззваніями, подписанными старообрядческими учителями въ Добруджѣ.

Замыслы польскихъ эмигрантовъ не оставались, конечно, неизвѣстными министерству внутреннихъ дѣлъ, которое и поспѣшило къ этому принять соотвѣтствующія мѣры.

Въ началѣ іюня 1868 года министръ внутреннихъ дѣлъ разослалъ начальникамъ губерній, въ предѣлы которыхъ были отправлены польскіе эмиссары, предписанія объ арестѣ какъ агитаторовъ, такъ и тѣхъ воззваній, которыя будутъ при нихъ. Такое же предписаніе было получено и московскимъ генералъ-губернаторомъ, который немедленно же предложилъ принять мѣры по содержанію министерскаго предписанія г. оберъ-полиціймейстеру. А послѣдній въ свою очередь разослалъ московскимъ полицейскимъ приставамъ приказы. Въ этихъ приказахъ г. оберъ-полиціймейстеръ писалъ слѣдующее:

Весьма циркулярно.

Московскаго
ОБЕРЪ-ПОЛИЦІЙМЕЙСТЕРА
Канцелярія.
Столъ С.
8 іюня 1868 года
№ 1279.

По дошедшимъ до министерства внутреннихъ дѣлъ свѣдѣніямъ, польская революціонная партія, а въ главѣ ея извѣстный по своимъ проискамъ Окша (Оржеховскій) въ Константинополѣ замышляетъ организовать возстаніе между раскольниками, въ родѣ Пугачевскаго бунта, выставивъ предъ ними личность Петра III, и съ этой цѣлью въ наши предѣлы, а именно въ губерніи: Московскую, Тамбовскую, Курскую, Симбирскую и Воронежскую отправлено уже девять опасныхъ эмиссаровъ, которые снабжены воззваніями, подписанными раскольничьими старшинами въ Добруджѣ. Главную роль въ этомъ дѣлѣ принялъ на себя нѣкто Александръ Крыловскій православный русскій, но у котораго мать католичка, и онъ изъявилъ готовность разыгрывать самозванца и раскольничьяго мессію; Крыловскій участвовалъ будто бы въ Житомірѣ во всѣхъ манифестаціяхъ въ 1861 и 1862 годахъ. Ему отдано преимущество предъ всѣми молодыми людьми по чистотѣ его выговора на русскомъ языкѣ и потому, что онъ успѣлъ вполнѣ ознакомиться съ правами, повѣріями и литературой раскольниковъ. Онъ уменъ, предпріимчивъ и дѣятеленъ; большого роста, блондинъ, лице благообразное, 27 лѣтъ, на

лѣвой рукѣ имѣетъ какой-то знакъ и крестъ, по которому его узнаютъ раскольники. Кромѣ того, онъ будетъ обладать значительными денежными средствами. Въ послѣднее время Крыловскій попеременно бывалъ въ Добруджѣ и Бѣлградѣ.

Согласно предложенію г. московскаго генералъ-губернатора отъ 6-го іюня за № 203, послѣдовавшему съ отношенія г-на министра внутреннихъ дѣлъ, предписываю вашему высокоблагородію принять строжайшія мѣры къ самому тщательному секретному наблюденію за появленіемъ во ввѣренной вамъ части или самаго Крыловскаго или вышеупомянутыхъ эмиссаровъ, а также и помянутыхъ воззваній съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ обнаруженія тѣхъ лицъ, они немедленно были задержаны со всѣмъ, что при нихъ окажется и о томъ тотчасъ же было мнѣ донесено, а равно и въ случаѣ отысканія воззваній, таковыя тотчасъ же должны быть предоставлены мнѣ".

Намъ неизвѣстно точно, къ чему привели замыслы польскихъ революціонеровъ и чѣмъ окончилась тревога, поднятая по этому случаю министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Несомнѣнно одно, что никакого народнаго возстанія не было въ это время, не было даже и признаковъ его.

Но польскіе революціонеры, очевидно, очень разсчитывали на раскольничью массу. Они видѣли въ ней легко воспламеняющійся матеріалъ, для котораго достаточно одной искры для того, чтобы онъ превратился въ громадное пламя.

Такой взглядъ на раскольниковъ возникъ среди польскихъ революціонеровъ еще задолго до польскаго мятежа. Раскольники знали о такомъ взглядѣ на нихъ и рѣшительно отвергли отъ себя такую роль. Еще въ 1863 году старообрядцы Преображенскаго богадѣленнаго дома въ Москвѣ представили Государю Александру II письмо, въ которомъ всячески открещивались отъ приписываемой имъ роли пособниковъ польскимъ революціонерамъ. „Измѣнники и возмутители хотѣли оклеветать насъ предъ цѣлымъ міромъ и приравнять насъ къ себѣ, говорилось въ этомъ письмѣ. Они лгали на насъ. Мы хранимъ свой обрядъ, но мы Твои вѣрные подданные. Мы всегда повиновались властямъ предержащимъ... Въ новизнахъ Твоего царствованія намъ старина наша слышится" [1]).

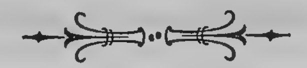
Несмотря, однако, на такое открещиваніе, о которомъ вожди революціи не могли, конечно, не знать, взглядъ на старообрядцевъ, какъ на своихъ сообщниковъ, у польскихъ революціонеровъ продолжалъ держаться довольно упорно. Какъ видно изъ приведеннаго документа, онъ существовалъ еще и въ концѣ 70-хъ годовъ.

---

[1]) „Русск. Архивъ" 1889 года, № 5, стр. 159.

Дальнѣйшія событія показали, что польскіе революціонеры заблуждались въ своихъ представленіяхъ о старообрядцахъ, какъ о такой народной группѣ, которая по всему своему историческому прошлому должна бы быть враждебно настроенной въ отношеніи къ правительству. Старообрядцы, какъ общественная группа, продолжали оставаться совершенно чуждыми къ какимъ бы то ни было революціоннымъ вліяніямъ.

Н. Г. Высоцкій.



Изъ жизни инженера путей сообщенія.

Глава II [1]).

Первые шаги на инженерномъ поприщѣ. Моя первая постройка на Орловско-Витебской ж. д.—Московскій округъ путей сообщенія.—Московско-Рязанская ж. дорога.—Курско-Харьково-Азовская ж. д.

Приступая къ воспоминаніямъ о своей инженерной дѣятельности, я считаю необходимымъ напередъ оговориться, что судьбою не суждено было мнѣ быть строителемъ какихъ-либо выдающихся инженерныхъ сооруженій, такъ какъ почти вся моя служебная дѣятельность протекла большею частью по эксплоатаціи желѣзныхъ дорогъ, но за то и такая моя служба была чревата довольно выдающимися обстоятельствами, не всегда выпадающими на долю того или другого эксплоатаціоннаго инженера. Нѣкоторыя, такъ, напримѣръ, крушеніе Императорскаго поѣзда близъ ст. Борки имѣютъ даже и историческій интересъ.

Но начну съ первыхъ моихъ „инженерныхъ" шаговъ. Еще въ бытность на послѣднемъ курсѣ института, я, благодаря содѣйствію А. Е. Плакиды, заручился согласіемъ начальника сл. пути Орловско-Витебской ж. д., А. И. Лебединскаго принять меня на постройку временнаго 26 саженнаго моста черезъ р. Полстенку близъ станціи Дубровка вышеуказанной дороги.

Въ шпальной избушкѣ на опушкѣ лѣса на живописныхъ берегахъ рѣчки поселились мы съ женою, мальчикомъ нашимъ и нянею,

---

[1]) См. „Русскую Старину" апрѣль 1913 г.

въ сосѣдствѣ съ 400 землекоповъ, насыпавшихъ объѣздной путь и плотниковъ, работавшихъ на постройкѣ моста. Прислуживалъ намъ съ виду набитый дуракъ, но въ дѣйствительности весьма смышленый и обладавшій задатками кулинарнаго искусства ремонтный рабочій Анисимъ, научившійся къ концу лѣта подъ руководствомъ жены готовить впрокъ даже всякіе маринады. „Барыня, я побѣгъ" и мигомъ Анисимъ вскакивалъ на задній тормозъ тихо слѣдовавшаго мимо насъ товарнаго поѣзда за съѣстными продуктами въ Дубровку. Онъ ухитрился даже устроить въ одной изъ чугунныхъ 0,50 с. трубъ, уложенныхъ подъ насыпью, временный „погребъ", гдѣ, благодаря проточной водѣ и сквозняку, говядина, завернутая въ мокрую тряпку, сохранялась довольно долго въ свѣжемъ видѣ. Няня катала нашего сынка въ ящикѣ, къ которому Анисимъ придѣлалъ колесики, по бровкѣ насыпи. По буднямъ столовался у насъ мой сосѣдъ по постройкѣ другого временнаго моста въ 2-хъ верстахъ инженеръ Э. фонъ-Раабенъ (нынѣ покойный), а по праздникамъ—Н. А. Самгинъ, жившій на другой дистанціи. Иногда мы съ женой ѣздили на праздничный день въ Орелъ, гдѣ насъ на славу угощалъ радушный А. Е. Плакида, наблюдавшій въ то время надъ ремонтомъ устоевъ Окскаго моста на той же Орловско-Витебской дорогѣ. Славное было тогда время. Чудное лѣто. Интересъ первыхъ инженерныхъ работъ. Хорошіе товарищи.—Въ указанный періодъ времени послѣ Кукуевской катастрофы было предписано осмотрѣть всѣ чугунныя трубы на дорогахъ и мнѣ, независимо отъ постройки моста, было поручено пролѣзть и тщательно снять чертежъ со всѣхъ трещинъ въ звеньяхъ трубъ дистанціи, на которой я работалъ. Трубъ было великое множество. Трещинъ масса. Приходилось протискиваться при помощи веревки, тащимой рабочими, даже въ трубахъ отверстіемъ 0,33 с., иногда наполненныхъ иломъ, грязью и камнями. Затѣмъ нивеллировать насыпи, подъ которыми были проложены трубы. И тутъ-то сказалась моя полная безпомощность: я, *инженеръ*, окончившій институтъ путей сообщенія, *не умѣлъ* нивеллировать. Провѣрки-то нивеллира я зналъ, но практически обращаться съ нимъ не умѣлъ.

Мнѣ не стыдно въ этомъ сознаться, ибо это всецѣло былъ плодъ упомянутаго выше прекраснаго преподаванія геодезіи профессоромъ Андреевымъ и его репетиторомъ Вилькеномъ. Великое спасибо покойному фонъ-Раабену, ему я сознался въ своемъ невѣжествѣ, и онъ въ два три пріема обучилъ меня всѣмъ тонкостямъ нивеллировки. По окончаніи постройки моста, я вынужденъ былъ искать себѣ какихъ-либо иныхъ занятій и поступилъ инженеромъ для техническихъ занятій въ Московскій округъ путей сообщенія, при

начальникѣ округа А. Ф. Красовскомъ. Это было время, гдѣ ставшее традиціоннымъ мнѣніе общества объ инженерахъ округа путей сообщенія—еще не могло уступить новымъ освѣжающимъ вліяніямъ. Новому только-что вступившему въ должность начальнику Московскаго округа глубокоуважаемому А. Ф. Крассовскому приходилось съ первыхъ же шаговъ бороться вовсю съ укоренившимися годами порядками, а какіе порядки въ былое время существовали въ округахъ, извѣстно всѣмъ.

На водяныхъ путяхъ округа было нѣсколько чище, и я крайне обрадовался, когда меня командировали на р. Донъ, гдѣ сначала пришлось снять около 70 верстъ рѣки мензульной съемкой, и пронивеллировать ея паденіе, а засимъ строить регуляціонныя кулевыя перемычки въ Пятиизбянской станицѣ войска Донского. Жить приходилось въ станицѣ, наполненной старообрядческимъ населеніемъ, крайне враждебно относившимся къ „поганымъ" русскимъ. Съ великимъ трудомъ можно было найти бутылку молока для сына, а овощи и куръ (говядины совсѣмъ не было) брать просто нахрапомъ, такъ какъ ни за какія деньги не отдавали таковыхъ добровольно. Приходилось посылать рабочихъ попросту „красть" то или другое и оставлять деньги на крыльцѣ или окошкѣ казачьей хаты. Особенно памятно мнѣ возвращеніе съ мѣста работы верхомъ, черезъ лѣсъ, гдѣ на полянѣ толпа подвыпившихъ казаковъ человѣкъ въ 100—150 обступила меня и два конныхъ казака схватили мою лошадь подъ уздцы, крича „скидавай шапку, кланяйся казачьей громадѣ". Улучивъ минуту, я ударилъ нагайкою свою лошадь, которая взвилась на дыбы, вырвалась такимъ образомъ изъ рукъ безчинствующей толпы казаковъ, которая понеслась за мной... Сначала казаки гнались за мной, но потомъ почему-то сразу отказались отъ дальнѣйшаго преслѣдованія. Пріѣхавъ домой, я пошелъ жаловаться станичному атаману но онъ посовѣтовалъ мнѣ махнуть на все рукой, во избѣжаніе худшихъ послѣдствій.

Въ станицѣ жила со мною и моя семья, т. е. жена съ нашимъ сынкомъ и няней. Много доставалось труда и безпокойства на ея долю. Невозможно было достать прачки, женѣ и нянѣ приходилось самимъ стирать бѣлье, развѣшивать его на дворѣ хатки и засимъ гладить. Пьяные казаки, пользуясь моимъ отсутствіемъ на работахъ, то и дѣло скакали съ гикомъ и свистомъ передъ нашей квартирой, а въ одинъ прекрасный день, забаллотированный при выборахъ, станичный атаманъ вымещалъ свое горе тѣмъ, что напившись до зеленаго змія сталъ на крыльцѣ своего дома и началъ палить направо и налѣво изъ ружья и револьвера. Такъ было днемъ

безъ меня. Ночью, когда я былъ уже дома, было не лучше: хата наша представляла настоящій клоповникъ. Клопы копошились не только въ стѣнахъ, но заползали на потолокъ и оттуда валились прямо на кровать нашего бѣднаго малютки. Этотъ путь эти хитрыя бестіи избрали потому, что мы кровать съ вечера обсыпали кругомъ широкою преградою изъ персидскаго порошка. Сами мы вынуждены были спать изъ-за тѣхъ же клоповъ въ сѣняхъ на доскахъ, покрытыхъ сѣномъ, а пріѣхавшій для провѣрки моихъ работъ, мѣстный начальникъ отдѣленія инженеръ Р. Ф. Реевскій остановившійся у насъ и неубоявшійся клоповъ, жестоко поплатился ночью отъ сильныхъ укусовъ клоповной арміи: онъ такъ привскакивалъ на своей кровати, что сломалъ ее, упалъ на полъ и расшибся. Если прибавить ко всему вышеупомянутому, что добрые люди предупредили моихъ рабочихъ, что казаки зарятся на мою верховую лошадь, на которой я ѣздилъ на работы, и собираются украсть ее ночью, и что приходилось располагать на крышѣ конюшни рабочаго съ ружьемъ—то не трудно себѣ представить, какъ всѣ эти условія пребыванія въ землѣ войска Донского отразились на здоровьѣ моей бѣдной жены. Она ни одной ночи не могла больше спать, исхудала, какъ щепка, и здѣсь было положено начало дальнѣйшей надломки ея здоровья.

Служба въ округѣ путей сообщенія по всѣмъ перечисленнымъ соображеніямъ, несмотря на крайне симпатичную и благородную личность самого начальника округа, была мнѣ далеко не по нутру, и я, воспользовавшись случаемъ, поступилъ запаснымъ начальникомъ дистанціи на Московско-Рязанскую дорогу, бывшую въ то время на апогеѣ своего благоустройства, котораго она достигла при такомъ знатокѣ дѣла, какъ Н. Л. Марковъ. Предсѣдателемъ правленія былъ въ то время извѣстный желѣзнодорожный дѣятель И. Е. Ададуровъ, по выбору котораго было поручено мнѣ произвести летучія изысканія по намѣченной въ то время Казанско-Муромской линіи.

Эти провѣрочныя летучія изысканія Казанско-Муромской ж. дороги пришлось мнѣ производить совмѣстно съ секретаремъ правленія Московско-Рязанской дороги (впослѣдствіи директоромъ правленія той же дороги) Ростовцевымъ. На мнѣ лежали техническія, на немъ—экономическія изслѣдованія. Время для изысканій было выбрано довольно неудачно, а именно поздняя осень. Начали мы ихъ съ гор. Пензы и прошли послѣдовательно черезъ г.г. Мокшаны, Инсаръ, Саранскъ, Починки, Ардатовъ, Алатырь, Свіяжскъ, Казань, Симбирскъ, село Промзино, Лукояновъ, Арзамасъ, Кулебакскіе и Выксунскіе заводы и наконецъ Муромъ. Проходя и проѣзжая черезъ малонаселенныя,

а иногда и почти совсѣмъ дикія мѣстности, среди чувашъ, черемисовъ и мордвы, зачастую приходилось голодать. Кромѣ чернаго хлѣба и огурца—достать было нечего. Были мѣста, гдѣ не было въ цѣлой деревнѣ самовара. Ночевать приходилось въ курной избѣ, гдѣ не было печи, а среди пола разводился камелекъ, а глаза ѣло отъ дыма. Въ окна, заклеенныя промасленной бумагою, свисталъ вѣтеръ, а кругомъ шумѣлъ и стоналъ вѣковой лѣсъ, сплошь засоренный валежникомъ и изъѣденный на сотни верстъ короѣдами, за отсутствіемъ сколько-нибудь правильнаго лѣсохозяйства. Зато какъ было пріятно послѣ такой чувашской избы отогрѣться, умыться и закусить, выбравшись изъ такихъ дебрей въ первую сносную русскую деревню. Помню какъ, проплутавъ и проголодавъ три или четыре дня въ лѣсныхъ дебряхъ за Алтыремъ, мы выбрались наконецъ въ село Батѣево близъ города Свіяжска, гдѣ за 30 коп. накормили насъ прекрасной курицей и супомъ и ничего не взяли за ночлегъ. Помню также почему то картинку на стѣнѣ почтовой станціи съ замѣчательнымъ стихотвореніемъ (сохраняю орѳографію подлинника)

Вѣнера.

„Остужу тебя струямъ
Чистыхъ водъ фонтана
Волновать дѣвичью кровь
Ты не станешь рано".

Не буду останавливаться на дальнѣйшихъ подробностяхъ нашего путешествія и отмѣчу лишь случай, чуть не стоившій мнѣ жизни. Остановившись въ извѣстномъ еще по курсу географіи своимъ хлѣбнымъ богатствомъ, селѣ Промзинѣ, имѣніи графа Рибопьера (Симбирская губ.), красиво расположившемся на крутомъ берегу р. Суры,—я рѣшилъ обслѣдовать поближе мѣсто впаденія въ вышеозначенную рѣку ея притока р. Барыша, находящееся въ разстояніи 15 верстъ отъ села Промзина. Отправился я туда утромъ рано одинъ, верхомъ на лошади, взятой изъ мѣстной почтовой станціи. День былъ ярко солнечный и морозный. Пришлось одѣть полушубокъ. Благополучно осмотрѣвъ все, что мнѣ было нужно въ Барышской слободѣ—я имѣлъ неосторожность пожелать вернуться въ Промзино новымъ, нѣсколько болѣе короткимъ путемъ, вдоль р. Суры и, положившись на указаніе двухъ бабъ, собиравшихъ по поймѣ рѣки ленъ, двинулся смѣло по тропинкѣ шедшей по самому краю берега рѣки. Вскорѣ, однако, тропинка среди сплошного, хотя и оголеннаго отъ листвы, но весьма частаго кустарника и низко-

рослыхъ ветелъ, сначала раздвоилась, потомъ прервалась въ какомъ-то высохшемъ староръчьи, и засимъ растроилась или расчетверилась по другую сторону староръчья. Какую же тропу выбрать? Теряюсь, пускаю лошадь на угадъ, попадаю въ новое староречье. Кустарникъ густѣетъ. Солнце кое-гдѣ проглядываетъ только отдѣльными проблесками черезъ чащу, спускаясь все ниже, ниже къ горизонту. Вокругъ ни звука. Я начинаю безпокоиться. Самъ усталъ, не пивши и не ѣвши съ ранняго утра. Пробую предоставить лошади самой выбраться изъ кустарнаго лабиринта, лошадь останавливается ежеминутно, какъ бы сама недоумѣвая, куда направить свои шаги. Начинаются сумерки. У меня въ глазахъ отъ отчаянія и слабости зеленые круги. Почти валюсь съ сѣдла. Бросаю на шею поводья и въ полубезсознательномъ состояніи вишу на шеѣ у лошади. Очнувшись, вижу, что умное животное вывезло меня на какую-то дорогу въ дремучемъ вѣковомъ сосновомъ лѣсу. Я немного пріободряюсь. Ѣду дальше и при пересѣченіи небольшого ручейка вижу двухъ какихъ-то мужиковъ, ковыряющихъ вилами по дну ручья (оказалось, ловили рѣчныхъ выдръ). Окликаю ихъ и справляюсь, куда ведетъ дорога. Оказалось въ Промзино. Ѣду еще нѣсколько верстъ. Впадаю отъ изнеможенія снова въ забытье, вися на шеѣ лошади. Прихожу въ себя на нѣсколько секундъ передъ какимъ-то большимъ мостомъ (черезъ р. Суру). Снова—обморочное состояніе и, наконецъ, очнулся окончательно въ тотъ моментъ, когда меня сволакиваютъ, въ буквальномъ смыслѣ слова, съ сѣдла и переносятъ на рукахъ въ верхній этажъ почтовой конторы, мѣсто моего жительства. Оказалось, что я пробылъ въ сѣдлѣ около 14 часовъ, и если бы не умная моя лошадь, вѣроятно, погибъ гдѣ-либо въ чащѣ порослей Сурской поймы. Съ тѣхъ поръ я заклялся „сокращать“ себѣ путь по невѣдомымъ тропамъ. . . . .

Изысканія мои принесли мнѣ весьма скромную награду, въ видѣ всего лишь 500 р. с., а львиную долю ассигнованной на этотъ предметъ суммы—получилъ вышеозначенный сотоварищъ мой г. Ростовцевъ. . . . .

Дальнѣйшая служба моя на Московско-Рязанской дорогѣ протекала въ общемъ далеко не мирно. Начальство благоволило ко мнѣ, но сотоварищи по службѣ изъ зависти старались, гдѣ только возможно было, устроить мнѣ какую-нибудь пакость, дѣйствуя, главнымъ образомъ, на мое самолюбіе. Хотя интриги были мелочны и въ то же время шиты бѣлыми нитками, но въ суммѣ отравляли не только мое существованіе, но и жизнь моей жены. Шла форменная травля, ловили каждый мой шагъ и пользовались каждой

моей служебной или частной отлучкой, чтобы наклеветать на меня или вообще устроить непріятность. Такъ было, между прочимъ, и въ одну изъ моихъ послѣднихъ командировокъ въ Варшаву для пріемки литыхъ крестовинъ, заказанныхъ правленіемъ общества дороги одному изъ мѣстныхъ заводовъ. Я поѣхалъ въ Варшаву вмѣстѣ съ женою, чтобы, пользуясь случаемъ, показать ей столицу Польши. Едва администрація завода узнала, что я не одинъ, какъ командировала въ Европейскую гостиницу, гдѣ мы остановились, своего представителя, просить жену осмотрѣть ихъ заводъ и почтить своимъ присутствіемъ небольшой завтракъ. За нами прислали чудную коляску, показали заводъ въ мельчайшихъ подробностяхъ, катали по городу и окрестностямъ и угостили завтракомъ, словомъ, ухаживали вовсю. Несмотря на это, я, снявъ сюртукъ и взявъ въ руки слесарное зубило, къ великому изумленію заводскихъ чиновъ, сталъ лично пробовать зубиломъ каждую изъ крестовинъ, предупредительно окрашенныхъ заводомъ сурикомъ, хотя окраска могла быть допущена только послѣ пріемки и клейменія мною. Такое обстоятельство показалось мнѣ подозрительнымъ, я удвоилъ вниманіе и въ результатѣ... открылъ массу раковинъ (отверстій) въ стальномъ литьѣ, зачеканенныхъ свинцомъ. Конецъ дѣла былъ тотъ, что изъ 195 предъявленныхъ къ пріемкѣ крестовинъ около $^2/_3$ были мною забракованы. Тогда заводскіе распорядители сначала обратились ко мнѣ съ предложеніемъ „раздѣлить грѣхъ пополамъ", когда же я совершенно спокойно отказался отъ столь лестнаго предложенія, они сдѣлали попытку повліять на жену, говоря, что „вѣдь не медали же добивается Вашъ супругъ съ такою усердною пріемкою"... Тѣмъ временемъ враги мои въ Москвѣ не дремали, и когда я вернулся, то узналъ, что строгостью моей пріемки осталось правленіе дороги недовольнымъ. (Впослѣдствіи уже, послѣ ухода моего со службы, пришлось мнѣ слышать, что всѣ забракованныя мною крестовины были благополучно доставлены въ Москву... и приняты дорогою).

Изъ работъ, произведенныхъ въ бытность мою на службѣ на Рязанской дорогѣ, могу отмѣтить еще производство изысканій Симоновской вѣтви и постройку хозяйственно-противопожарнаго водопровода по мѣстечку Раменское, обязательство въ прокладкѣ каковаго правленіе общества взяло на себя взамѣнъ полосы земли, добровольно уступленной обывателями Раменскаго подъ прокладку желѣзнодорожнаго новаго водопровода.

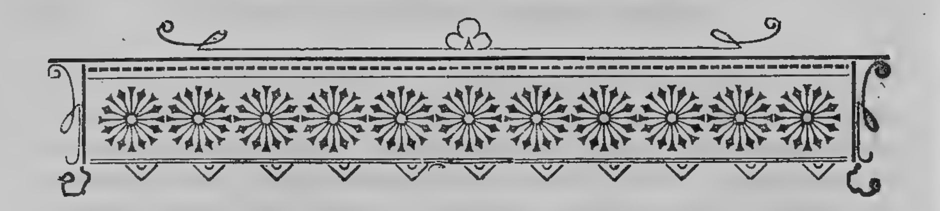
Въ концѣ концовъ, я не вытерпѣлъ травли на Московско-Рязанской ж. д. и, воспользовавшись случаемъ, перешелъ въ 1885 г. на службу въ г. Харьковъ на Курско-Харьково-Азовскую ж. дорогу,

гдѣ прослужилъ до 1891 г., сначала запаснымъ начальникомъ дистанціи, а засимъ начальникомъ дистанціи. Замѣняя разновременно уѣзжавшихъ въ отпускъ или болѣвшихъ начальниковъ дистанцій, я досконально изучилъ всю линію, начиная отъ Курска и кончая Ростовомъ-на-Дону. Много пришлось вынести всякихъ невзгодъ и треволненій, много потратить здоровья и силъ. Нѣкоторая неясность слуха осталась и до сего времени послѣдствіемъ простуды на сильнѣйшихъ 6-ти недѣльныхъ заносахъ въ 1890/91 году.

Первою моею работою на дорогѣ было 26-ти дневное безсмѣнное дневное и ночное дежурство и постройка обходнаго пути на 266 верстѣ. Полотно дороги проходило здѣсь по крутому косогору и вдругъ поползло. Сначала началъ обваливаться Курскій путь, а вслѣдъ за нимъ и Ростовскій. Землю выпирало со всего косогора, вмѣстѣ съ кустами и деревьями съ образованіемъ громадныхъ вспучинъ у подошвы косогора. Не успѣвали пропустить одинъ поѣздъ, какъ полотно садилось на 0,25—0,40 сотокъ. Только-что на скорую руку успѣвали подбить путь подвозимымъ балластомъ, какъ полотно садилось съ большею сравнительно осадкою подъ послѣдующимъ поѣздомъ до тѣхъ поръ, пока не рухнулъ, наконецъ, окончательно весь Курскій путь на протяженіи около 100 саженъ. Приходилось ухитряться кое-какъ поддерживать Ростовскій путь и въ то же время подготовить въ материкѣ излучины косогора полотно подъ временный обходъ, хотя бы самаго крутого радіуса (80—90 с.). И вотъ 19 ночей и дней приходилось пропускать съ замираніемъ духа поѣзда по неуклонно садившемуся Ростовскому пути, а 7 дней дежурить еще при пропускѣ по новому пути, гдѣ скрипъ и визгъ подвижного состава по кривымъ необычайныхъ радіусовъ и ненадежность самаго полотна заставляли опасаться какой-либо катастрофы. Ближайшее изслѣдованіе причинъ грандіознаго обвала—указало на отсутствіе сопряженія уступами насыпи на косогорѣ съ материкомъ и въ постепенномъ подмывѣ, стекавшею по косогору безъ должнаго отвода нагорною канавою по наклонной плоскости примыканія, водою. Вслѣдъ за окончаніемъ временнаго объѣзда, пришлось спроектировать новое постоянное направленіе линіи въ данномъ мѣстѣ, по которому поѣзда слѣдуютъ въ настоящее время.

Л. Н. Любимовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).



Два письма В. А. Жуковскаго къ А. Н. Оленину (1838 г.).

Въ Архивѣ Императорской Публичной Библіотеки при дѣлѣ № 22 1838 года хранятся два письма В. А. Жуковскаго. Ни то, ни другое еще до сихъ поръ не были изданы. Ихъ мы не находимъ ни у И. Θ. Бычкова [1]), ни въ сборникахъ [2]), не говоря уже о собраніяхъ сочиненій В. А. Жуковскаго.

Говоря послѣднее, я не хочу этимъ придавать письмамъ какое-либо исключительное значеніе: одно изъ нихъ просто оффиціальное отношеніе,—но тѣмъ не менѣе они интересны въ силу даже того факта, который послужилъ поводомъ для ихъ написанія: письма относятся къ юбилею И. А. Крылова въ 1838 году.

2-го февраля 1838 года въ Петербургѣ происходило рѣдкое, даже небывалое торжество: чествовали знаменитаго баснописца И. А. Крылова въ день исполнившагося пятидесятилѣтія его литературной дѣятельности. До сихъ поръ литература не знала такого факта. Публичнаго признанія,— даже оффиціальнаго, не только общественнаго,— ея заслугъ не было. И, конечно, юбилей И. А. Крылова былъ явленіемъ необычайнымъ. Въ этомъ торжествѣ участвовали всѣ писатели,— и естественно: Крыловъ былъ „патріархъ" русской литературы; въ Крыловѣ видѣли славу Россіи [3]),

---

[1]) Бумаги В. А. Жуковскаго, поступившія въ Имп. Публичную Библіотеку въ 1884 году. Разобраны и описаны Ив. Бычковымъ. СПБ. 1887 г.

[2]) „Памяти В. А. Жуковскаго и Н. В. Гоголя". Вып. I. СПБ. 1907 г.

[3]) Письмо А. Н. Оленина. Кеневичъ В. Θ. Матеріалы для біографіи И. А. Крылова. Сборникъ статей, читанныхъ въ Отд. рус. яз. и слов. Имп. Академіи Наукъ. Т. VI. СПБ. 1869 г., стр. 308 (второй пагинаціи).

и мысль объ его чествованiи „быстро пролетѣла по всему русскому литературному мiру, всѣ приняли ее съ жаркимъ чувствомъ патрiотизма, и она мгновенно осуществилась [1]). Но это не былъ праздникъ только литераторовъ. Принять участiе въ немъ желали и другiе. Лобановъ указываетъ, что въ залѣ, куда прiѣхалъ И. А. Крыловъ, „ожидали его литераторы и почитатели его таланта“ [2]). Были на чествованiи и гости [3]), и, повидимому, ничто не омрачало праздника, объединившаго всѣхъ въ одномъ чувствѣ—„нравоучительныя и между тѣмъ прiятныя ваши творенiя для всѣхъ возрастовъ, составляли непоколебимую вашу славу—и славу Россiи“ [4]), и „окруженный пирующими, на его праздникѣ вельможами, друзьями и всѣми русскими литераторами, которые только были тогда въ Петербургѣ, за исключенiемъ только тѣхъ, которымъ болѣзнь помѣшала участвовать въ торжествѣ: честимый, привѣтствуемый, оглушаемый радостными рукоплесканiями, нашъ бѣловласый старецъ почувствовалъ въ эти минуты сладкое и полное упоенiе славы...“ [5]).

Въ единодушiи на торжествѣ, въ жаркихъ чувствахъ къ писателю, въ энергiи осуществленiя идеи празднованiя сказывались не только личныя отношенiя къ баснописцу, въ XIX в. относившемуся ко всѣмъ явленiямъ одинаково: „философствуя сквозь сонъ“,—было и другое: въ чествованiи писателя видѣли признанiе значенiя литературы, и, конечно, тѣ, для которыхъ литература была дорога, взялись съ жаромъ за идею торжества: литература становится на свое, принадлежащее ей, мѣсто, и юбилей Крылова являлся не только фактомъ его жизни, но и праздникомъ всей литературы—и даже болѣе:

А о праздникѣ народномъ,
Безкорыстномъ, благородномъ
Позднимъ внукамъ разскажу
И листокъ вѣнка Крылова
Для потомства молодова
Какъ святыню покажу [6]).

---

[1]) М. Лобановъ. Жизнь и сочиненiя Ив. Ан. Крылова. СПБ. 1847 г., стр. 78.

[2]) ibidem, стр. 79.

[3]) ibid., стр. 82.

[4]) Письмо А. Н. Оленина. В. Ѳ. Кеневичъ. Сборникъ.... стр. 308 (второй пагинацiи).

[5]) Лобановъ, стр. 82.

[6]) Е. Гребенка. Сборникъ.... стр. 307—08 (второй пагинацiи).

Вполнѣ естественно,—каждая мелочь торжества получала свое значеніе. Лавровые листки, которые раздавалъ А. И. Крыловъ на память, съ этой точки зрѣнія, какъ видимъ изъ стихотворенія, получали свой смыслъ. „Лавровый листокъ вашъ послужитъ намъ живымъ, бесцѣннымъ выраженіемъ тово, чѣмъ вы ужъ насъ прежде надѣлили—участкомъ вашей славы“ [1]); „отъ всей души благодарю за присланный лавровый листокъ—онъ перейдетъ въ наслѣдство къ моимъ дѣтямъ“ [2]).

Насколько важенъ былъ, во взглядахъ современниковъ, юбилей И. А. Крылова, еще ярче видно изъ заключительной рѣчи А. Н. Оленина: „Въ заключеніе сего празднества въ честь И. А. Крылова, предлагается гг. участвующимъ въ пиршествѣ (и всѣмъ, кто пожелаетъ быть соучастникомъ въ томъ же преднамѣреніи) выбить въ память сего событія медаль, съ изображеніемъ съ одной стороны профильнаго портрета И. А. Крылова, а съ другой—приличной къ сему надписи“ [3]). И медаль была выбита. „На медали... написано: 2 февраля 1838 года. И. А. Крылову въ воспоминаніе пятидесятилѣтія литературныхъ его трудовъ, отъ любителей русской словесности“ [4]).

По поводу этой медали въ производствѣ Публичной Библіотеки возникло дѣло [5]). Дѣло сравнительно небольшое. Переписки было мало. Бумаги въ большинствѣ касаются выбора, представленія и утвержденія рисунка и надписи.

Начинается оно съ отношенія А. Н. Оленина гр. Уварову, Министру Нар. Просвѣщенія, съ препровожденіемъ рисунка медали и надписи, а „равно и вылепленнаго изъ воску въ большомъ видѣ моделя, работы пенсіонера Лютина“. Въ отвѣтъ на это Уваровъ пишетъ новое отношеніе, въ которомъ сообщаетъ Оленину, что по Высочайшему соизволенію дѣло переходитъ къ Министру Финансовъ, куда и отправлено все присланное Оленинымъ.

Но для скорѣйшаго осуществленія идеи, очевидно, былъ предпринятъ и другой путь,—чрезъ В. А. Жуковскаго, человѣка близкаго ко двору,—воспитателя Наслѣдника Престола,—и третья бумага—отношеніе В. А. Жуковскаго къ А. Н. Оленину:

---

[1]) Письмо Лажечникова. ibid., стр. 311 (второй пагинаціи).

[2]) Письмо Загоскина. ibid., стр. 312 (второй пагинаціи).

[3]) Сборникъ... стр. 308 (второй пагинаціи),

[4]) Лобановъ, стр. 82.

[5]) № 22. 1838 г. Дѣло Управленія Императорской Публичной Библіотеки о Высочайше утвержденномъ рисункѣ медали въ честь 50-лѣтней литературной дѣятельности баснописца И. А. Крылова.

Милостивый Государь
Алексѣй Николаевичъ.

Имѣю честь препроводить къ вашему Высокопревосходительству рисунокъ медали въ честь И. А. Крылова, утвержденный Государемъ Императоромъ. Я представлялъ Его Величеству этотъ рисунокъ черезъ Государя Наслѣдника, который возвратилъ мнѣ его съ собственноручною на немъ отмѣткою и объявилъ мнѣ изустно высочайшее соизволеніе на то, чтобы надпись на медали была сдѣлана по образцу, здѣсь прилагаемому.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и неизмѣнною преданностью честь имѣю быть
Вашего Высокопревосходительства
Покорнѣйшимъ слугою
В. Жуковскій.

1838 г. февраля 9.

При этомъ, собственноручно написанномъ Жуковскимъ, отношеніи приложены два образца надписи, подъ одной изъ нихъ помѣтка: „Высочайше утвержденная надпись“. Она слѣдующая:

1838 года 2 февраля.
Съ высочайшаго соизволенія
Государя Императора
Николая Павловича
знаменитому
русскому баснописцу
Ивану Андреевичу Крылову
въ день его рожденія
и совершившагося пятидесятилѣтія
Его литературной дѣятельности
отъ друзей
Русской славы.

Надпись эта, какъ можно видѣть изъ книги М. Лобанова (см. выше) была измѣнена. Какимъ это образомъ достигнуто, изъ дѣла выяснить нельзя, но причина была та, какъ видно изъ послѣдующей бумаги А. Н. Оленина гр. Канкрину, Министру Финансовъ, что медальеръ отказался вмѣстить такую надпись на небольшой по объему медали.

Но все это одна—внѣшняя—сторона дѣла. Здѣсь мы видимъ единодушное всѣхъ желаніе и чествовать, и закрѣпить въ памяти чествованіе. Послѣднее велось энергично, и дѣло осуществилось быстро. Помощь въ этомъ оказалъ, несомнѣнно, и Жуковскій своею близостью ко двору. Да и распорядители не откладывали дѣло, что видно изъ пригласительной бумаги Оленина (распорядителями были: Ал. Н. Оленинъ, В. А. Жуковскій, П. А. Плетневъ, В. А. Каригофъ, кн. П. А. Вяземскій и кн. В. Ѳ. Одоевскій): „для окончанія всѣхъ дѣлъ касательно обѣда, даннаго И. А. Крылову".

Но далеко не такъ гладко прошелъ юбилей, какъ можно судить по описанію торжества. Были факты, которые, можетъ быть, и омрачили для нѣкоторыхъ празднество литературы. И Лобановъ дѣлаетъ далеко не лишнюю оговорку о присутствовавшихъ на торжествѣ литераторахъ: „были всѣ, говоритъ онъ, за исключеніемъ тѣхъ, которымъ болѣзнь помѣшала участвовать" [1]). Среди привѣтствій, полученныхъ И. А. Крыловымъ, на юбилеѣ, мы находимъ письмо Н. И. Греча [2]). Онъ объясняетъ въ письмѣ свое отсутствіе „разстройствомъ здоровья, причиненнымъ жестокимъ огорченіемъ" [3]). Объясненіе довольно неопредѣленное. Опредѣленнѣе узнаемъ объ этомъ изъ черновой рукописи Н. И. Греча, найденной Н. К. Пиксановымъ въ Карловскомъ архивѣ. Изъ объясненія Греча мы видимъ, что онъ не былъ на юбилеѣ, такъ какъ его имя было исключено изъ списка распорядителей [4]). Между тѣмъ наканунѣ юбилея онъ узналъ волю государя „чтобы всѣ литераторы участвовали въ застрашнемъ праздникѣ" [5]). И „это внезапное обстоятельство жестоко его взволновало: онъ воротился въ кресла (дѣло было въ театрѣ) и не могъ тамъ высидѣть до конца. Кровь приступила у него къ головѣ, и принужденъ былъ со средины спектакля отправиться домой, почувствовалъ жестокую лихорадку, не спалъ всю ночь и на другой день всталъ въ совершенномъ разстройствѣ" [6]). Нѣсколько иначе Н. И. Гречъ представилъ дѣло впослѣдствіи въ своихъ „запискахъ" [7]). Цѣна этихъ заявленій теперь довольно опредѣленна, но въ свое время извѣстно было только письмо Греча И. А. Крылову, а остальное все дополнялось слухами, которые,

---

[1]) Лобановъ, стр. 82.

[2]) Сборникъ.... стр. 309 (второй пагинаціи).

[3]) ibid.

[4]) Н. К. Пиксановъ (сообщ.). „Изъ архива Ѳ. В. Булгарина". „Русская Старина" т. 122. 1905 г., кн. IV, стр. 201.

[5]) ibid., стр. 202.

[6]) ibid., стр. 202.

[7]) Н. И. Гречъ. „Записки".

можетъ быть, распускалъ и самъ Гречъ въ цѣляхъ оправданія, такъ какъ ему пришлось имѣть дѣло по поводу юбилея съ Дубельтомъ [1]). Неизбѣжно, конечно, нареканія были и на распорядителей и болѣе всего ихъ принялъ къ сердцу А. Н. Оленинъ. Почему онъ болѣе другихъ былъ затронутъ этими слухами, объясняетъ отчасти его отношеніе къ В. А. Жуковскому отъ 9 февраля 1838 года, отношеніе, посланное имъ В. А. Жуковскому въ отвѣтъ на вышеприведенную бумагу послѣдняго. Въ немъ А. Н. Оленинъ указываетъ на распространившіеся слухи о дѣятельности распорядителей въ распредѣленіи билетовъ; говоритъ, что во всемъ этомъ онъ не виноватъ, такъ какъ предлагалъ заранѣе предусмотрѣть неизбѣжныя ошибки и вмѣстѣ съ тѣмъ обвиняетъ и Жуковскаго въ томъ, что вину на все сваливаютъ теперь на него, Оленина [2]). Въ заключеніе Оленинъ отказывается совершенно отъ дальнѣйшаго участія въ дѣлѣ.

---

[1]) ibid. стр. 501.

[2]) Привожу и письмо А. Н. Оленина В. А. Жуковскому:

9 февраля 1838.

М. Г.

Василій Андреевичъ.

Вчера вечеромъ поздно я получилъ письмо Вашего Превосходительства съ объявленіемъ Высочайшаго утвержденія надписи къ медали, предполагаемой въ честь И. А. Крылова. Между тѣмъ рисунокъ той стороны медали, на которой предполагалось быть профильному портрету Нашего Знаменитаго Баснописца, еще не возвращенъ Его Превосходительствомъ С. С. Уваровымъ, принявшимъ на себя поднести оный Государю Императору. Со стороны же Вашего Превосходительства не сказано ни объ этомъ портретѣ, ни о порядкѣ исполненія сего предположенія, а потому и я принужденнымъ нахожусь обременить Васъ, М. Г., нѣкоторымъ по сему предмету объясненіемъ, если Вы полагаете на меня возложить исполненіе сего дѣла.

Вашему Превосходительству извѣстно, что непринятіе моего предложенія составить списокъ особымъ приглашеннымъ къ празднеству, данному И. А. Крылову (число коихъ долженствовало ограничиться размѣромъ залы, избранной для сего пиршества) произвело нѣкоторый безпорядокъ, принудившій Васъ самихъ свезти билетъ А. С. Шишкову—но я не знаю, какими судьбами сей безпорядокъ падаетъ теперь на меня—на меня, отказавшагося отъ раздачи билетовъ съ самаго начала и получившаго токмо отъ князя В. Ѳ. Одоевскаго 12 билетовъ, единственно для моихъ родственниковъ. Между тѣмъ, дошелъ до меня слухъ, что не токмо одинъ изъ почтенныхъ моихъ товарищей, изъ гг. распорядителей пиршества, отозвался одному изъ почтеннѣйшихъ сановниковъ нашихъ (изъявившему сожалѣніе свое, что не былъ приглашенъ, какъ и графъ Орловъ, къ пиршеству, данному Крылову), что сей безпорядокъ произошелъ уповательно отъ меня! Въ прибавокъ къ сему я узналъ вчера у себя дома, что и Ваше Превосхо-

Отказъ такого лица, какъ А. Н. Оленинъ, конечно, былъ ущербомъ для дѣла. А. Н. Оленинъ, помимо своего положенія, былъ къ И. А. Крылову близкій человѣкъ, человѣкъ, имѣвшій значеніе въ жизни баснописца, и распорядителямъ, конечно, непріятенъ былъ отказъ Оленина. Только этимъ и можно объяснить быстрый отвѣтъ В. А. Жуковскаго. Жуковскій, считая положеніе для дѣла опаснымъ, отвѣчаетъ въ тотъ же день и не оффиціальной бумагой, а дружескимъ письмомъ, написаннымъ наскоро, подъ впечатлѣніемъ минуты; онъ не дѣлаетъ въ началѣ даже обычнаго обращенія, пишетъ на цвѣтной бумагѣ. На оффиціальную бумагу отвѣтъ былъ частнымъ письмомъ, но и это письмо попало въ дѣло о медали.

Письмо до сихъ поръ не было напечатано,—приведу его:

„Чудеса на семъ свѣтѣ! Право не знаю въ чемъ вы меня обвиняете. Никогда и никому я на васъ не жаловался въ нераздачѣ билетовъ. Одинъ только билетъ не попался въ руки къ одному изъ приглашенныхъ нами и это билетъ... [1]), котораго вы хотѣли извѣстить черезъ Сведоха. Орловъ же былъ приглашенъ, и ему посланъ былъ билетъ, котораго ему его камердинеръ не отдалъ. Орловъ это знаетъ и не обвиняетъ никого. Во всемъ это(мъ) я, право, нисколько не виноватъ ни передъ другими, ни передъ вами. За что вы сердитесь на меня, право, не знаю. И если бы мнѣ быть Брутомъ, то развѣ только для того, чтобы за васъ подставить грудь свою подъ удары заговорщиковъ. Прошу знать и вѣдать, что во всякомъ заговорѣ я буду съ вашей стороны, а не противъ васъ.

Теперь дѣло о медали: Государь утвердилъ ту надпись, которую вамъ было угодно принять по моему предложенію и поправить. Что же касается до другой стороны, то она была уже утверждена прежде. Какъ хотите, а объ подпискѣ на медаль хозяйничать не кому, кромѣ васъ: вы здѣсь главное лице, и вамъ, какъ личному благожелателю Крылову, слѣдуетъ взять на себя и отдать ему честь отъ лица Россіи, которая, награждая своего поэта, въ то же время не можетъ не быть за него благодарною и вамъ, во всю его жизнь,

---

дительство взваливаете эту бѣду на меня! На это я могу Вамъ только сказать: et toi Brutos aussi. Сіе обстоятельство побуждаетъ меня просить Васъ убѣдительнѣйше, М. Г., избавить меня отъ всего, что можетъ подать поводъ показать меня виновнымъ передъ публикою—слѣдственно, избавить меня отъ напечатанія приглашеній къ соучастью въ издержкахъ для выбитья предполагаемой медали и отъ сбора на то денегъ.

Ожидая благосклоннаго на мою просьбу отвѣта, имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ и совершенной преданностью

Алексѣй Оленинъ.

[1]) Слово не разобрано. Л. И.

вы были его руководителемъ и поощрителемъ. Не отказывайтесь же отъ принадлежащаго вамъ дѣла. А на вранье не обращайте вниманія. Безъ вракъ никакое публичное дѣло не обходится: таковъ уже ходъ вещей міра сего.

Надобно будетъ переговорить объ этомъ дѣлѣ лично, созвать распорядителей къ себѣ и условиться, что и какъ сдѣлать.

Вамъ мой привѣтъ: не гнѣвайтесь, батенька, Алексѣй Николаевичъ, на меня! Ни въ чемъ передъ вами не виноватъ, ни словомъ, ни дѣломъ, ни помышленіемъ.

Вамъ душевно преданный
В. Жуковскій.

9 февраля 1838 г.

Это письмо всего ярче показываетъ, что далеко не такъ гладко все прошло, какъ можетъ показаться. Да и администрація тоже, очевидно, чего-то боялась, какъ можно видѣть изъ черновой записки Н. И. Греча [1]). Правда, распорядители сдѣлали все, чтобы не было недоразумѣній, но „безъ вракъ никакое публичное дѣло не обходится: таковъ ужъ ходъ вещей міра сего“. И избѣжать этого было трудно, тѣмъ болѣе, что это зависѣло не отъ нихъ: задѣто было самолюбіе Н. И. Греча,—и разыгралась исторія. Правда, онъ выступилъ печатно [2]), но и въ данномъ случаѣ въ такой формѣ, что распорядителямъ пришлось дать отповѣдь обиженному публицисту [3]). Стоустая молва раздувала этотъ инцидентъ, и слухи проникли въ домъ А. Н. Оленина, результатомъ чего было его письмо. Эти слухи, очевидно, мало имѣли реальнаго содержанія. А. Н. Оленинъ указываетъ въ письмѣ на высокопоставленное лицо, но, кажется, въ данномъ случаѣ онъ повторялъ только слухи: слишкомъ скоро прошла его обида. Достаточно было В. А. Жуковскому написать письмо, и обида прошла: письмо его вполнѣ удовлетворило, и слѣдующая бумага исходила опять отъ А. Н. Оленина. Въ этой бумагѣ онъ, исполняя просьбу В. А. Жуковскаго, приглашаетъ распорядителей на собраніе „для окончанія всѣхъ дѣлъ касательно обѣда, даннаго И. А. Крылову“.

Имѣла значеніе въ данномъ случаѣ, конечно, и та быстрота, съ какой В. А. Жуковскій отвѣтилъ А. Н. Оленину: схваченъ былъ моментъ. Имѣла, конечно, значеніе и задушевность письма, и самая форма

---

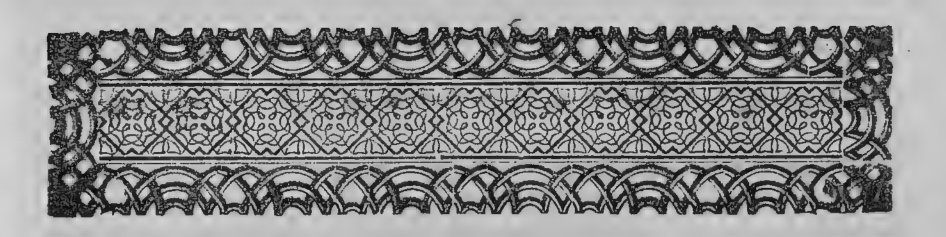
[1]) Пиксановъ. „Рус. Старина“, т. 122, стр. 203.

[2]) Сѣверная Пчела 1838 г. № 32. См. также Кеневичъ. Сборникъ.... стр. 309 (второй пагинаціи). Прим. I.

[3]) Литер. Прибавл. къ Русскому Инвалиду 1838 г. № 7. Также у Кеневича. Сборникъ.... стр. 309 (второй пагинаціи). Прим. I.

его—не оффиціальнаго отношенія, а дружеской записки, выяснявшей всю важность для дѣла участія въ немъ отказывающагося,—эта сторона письма, которая дѣлаетъ его болѣе удобнымъ для частной переписки, а не оффиціальнаго дѣлопроизводства. И какимъ образомъ оно попало въ дѣло—вопросъ. Но на этотъ вопросъ отвѣтить можно только вопросомъ же: какимъ образомъ въ дѣлопроизводствѣ Публичной Библіотеки возникло и самое все это дѣло, когда медаль И. А. Крылову поднесена была,—по идеѣ,—частными лицами и не за службу его въ Библіотекѣ, а за его литературную дѣятельность?

Л. Ильинскій.



Екатерина II—законодательница [1]).

Начиная съ Петра Великаго, которымъ была сдѣлана первая попытка кодификаціи законовъ, изданныхъ послѣ 1649 г. съ устарѣлымъ Уложеніемъ Алексѣя Михаиловича, и до изданія полнаго свода законовъ въ 1835 г., въ царствованіе Николая I, мы видимъ, на протяженіи цѣлаго столѣтія, рядъ попытокъ кодификаціи русскихъ законовъ, но всѣ онѣ оказались безплодны и не привели къ желаемому результату; причиною этого было не бездѣйствіе комиссій, коимъ ввѣрялось это дѣло, но прежде всего отсутствіе въ то время научно-образованныхъ юристовъ и опытныхъ юристовъ-практиковъ; это сознавалъ уже Петръ Великій, и посылка имъ молодыхъ дворянъ за границу для занятій юриспруденціей свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ старался устранить это зло; назначая стипендіи лицамъ, ѣхавшимъ за границу изучать право, и открывая имъ перспективы быстрой и выгодной служебной карьеры, Царь хотѣлъ побороть этимъ свойственную русскимъ дворянамъ нелюбовь къ гражданской службѣ и побудить ихъ избирать этого рода дѣятельность.

Пятьдесятъ лѣтъ спустя положеніе дѣлъ мало измѣнилось. Екатерина, вскорѣ по восшествіи своемъ на престолъ, также послала для изученія юриспруденціи въ Лейпцигскій университетъ двѣнадцать молодыхъ дворянъ, въ числѣ коихъ былъ извѣстный А. Н. Радищевъ, и ею были подтверждены предоставленныя Петромъ Великимъ рус-

[1] Beiträge zur Geschichte Katharinas II. Die instruktion zur Abfassung eines neuen Gesetzbuches. von Friedrich Andreae.

скимъ дворянамъ льготы при поступленіи на службу по судебному вѣдомству.

Эти мѣры, точно также какъ при Петрѣ Великомъ, не принесли особенной пользы, и одинъ нѣмецкій путешественникъ, посѣтивъ Россію въ 1794 г., утверждалъ, что „человѣкъ небогатый, поступивъ на службу не имѣя протекціи, подвигается по службѣ весьма медленно, хотя бы начальство аттестовало его съ наилучшей стороны, и что тотъ, кто, понадѣявшись на обѣщанія, данныя Императрицею, поступаетъ на службу въ канцелярію, сидитъ тамъ до сѣдыхъ волосъ“.

Успѣшному ходу работъ комиссій, на которыя возлагалась разработка законовъ, мѣшала самая постановка дѣла; къ участію въ этихъ временныхъ комиссіяхъ трудно было привлечь мало-мальски свѣдущихъ лицъ, къ тому же они нерѣдко получали новыя назначенія и оставляли занятія въ комиссіи, едва успѣвъ ознакомиться съ дѣломъ, и ихъ замѣстителямъ приходилось начинать работу сначала. Иногда случалось, что смѣнялись всѣ члены комиссіи, оставался только редакторъ и копиисты.

Работа тормозилась еще тѣмъ, что подборъ законовъ, подлежавшихъ кодификаціи, былъ сопряженъ съ большими затрудненіями. До 1802 г., когда при Сенатѣ былъ учрежденъ архивъ, въ Россіи не существовало центральнаго хранилища для законодательныхъ актовъ, которые препровождались, большею частью въ рукописномъ видѣ, для руководства въ подлежащія коллегіи и судебныя учрежденія, и такимъ образомъ комиссіи, на обязанности которыхъ лежало собрать узаконенія, должны были разыскивать указы и повелѣнія по канцеляріямъ различныхъ учрежденій, гдѣ они хранились въ полномъ небреженіи, и привозить ихъ издалека. Это не только замедляло работу комиссій, но, при небрежности низшихъ должностныхъ лицъ, дѣлало ее совершенно непроизводительной.

Отличительною чертою всѣхъ комиссій было отсутствіе ясно выработаннаго плана и полная безсистемность работъ. Каждая новая комиссія не только не продолжала трудовъ своей предшественницы и не избѣгали повторять ея ошибокъ, но какъ бы ставила себѣ цѣлью „испробовать свои силы въ какомъ-нибудь новомъ экспериментѣ“. Весьма характерна въ этомъ смыслѣ судьба законодательной комиссіи, учрежденной Петромъ Великимъ въ 1700 г. Такъ какъ комиссія работала, по мнѣнію Царя, слишкомъ медленно, то онъ рѣшилъ со свойственной ему энергіей „насильственно“ довести кодификацію до конца и издалъ указъ, коимъ всѣ узаконенія, несогласовавшіяся съ уложеніемъ, объявлялись недѣйствительными.

Такимъ образомъ явилось на свѣтъ быстро составленное Сводное

Уложеніе, которое не было ни утверждено, ни напечатано, но коимъ долгое время руководствовались русскія судебныя установленія.

Петръ Великій какъ бы предуказалъ своимъ преемникамъ два пути, по которымъ могли идти законодательныя работы: либо согласовать Уложеніе Алексѣя Михайловича съ изданными позднѣе законами, либо разрѣшить законодательную проблему, выработавъ непосредственно новое самостоятельное Уложеніе. Колебанія между этими двумя противорѣчивыми системами продолжались весь XVIII вѣкъ и тормозили не только законодательные труды комиссій, но и самое собираніе законовъ. Единственно, къ чему стремилась всякая комиссія—это закончить свой трудъ какъ можно скорѣе. Уложеніе 1649 г. было закончено въ короткій срокъ—немного менѣе трехъ мѣсяцевъ—это былъ образецъ, которому стремились подражать всѣ законодательныя комиссіи, и въ общемъ онѣ болѣе увлекались мыслію начертать новые законы, нежели заботились о розыскѣ старыхъ, что составляетъ всегда трудъ утомительный и не сулящій славы.

Таковы, въ общихъ чертахъ, обстоятельства, предшествовавшія самой интересной изъ неудавшихся законодательныхъ попытокъ, такъ называемой „большой комиссіи", созванной Екатериной въ 1767 г. для составленія новаго Уложенія. Комиссія эта, какъ извѣстно, замѣчательна въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, потому, что къ участію въ ней были вызваны депутаты со всей Россіи, и во-вторыхъ, по Наказу, начертанному Екатериной собственноручно для руководства депутатамъ. И то и другое имѣло цѣлью доставить законодательной попыткѣ Екатерины европейскую славу. И дѣйствительно, корифеи западно-европейской литературы были повергнуты въ изумленіе попыткой русской Царицы выслушать мнѣніе народныхъ представителей, которая была охарактеризована Mehée de la Touche—лицомъ близкимъ къ Бомарше, какъ „первая дань, заплаченная разуму самодержавной монархической властью". Мы знаемъ, что сама Екатерина подъ конецъ жизни относилась весьма скептически, чтобы не сказать враждебно, ко всѣмъ попыткамъ управленія при участіи народныхъ представителей, но въ 1766 г. мысль созвать депутатовъ со всѣхъ концовъ Россіи принадлежала всецѣло самой Императрицѣ и была навѣяна на нее чтеніемъ западно-европейскихъ писателей.

Наказъ, данный Екатериной комиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія, представлялъ собою нѣчто невиданное, не имѣвшее прецедента, и былъ возможенъ лишь въ тотъ вѣкъ просвѣщеннаго абсолютизма, но однако ни Фридрихъ Великій, ни Іосифъ II не рѣшились сдѣлать ничего подобнаго. Напротивъ того, Фридрихъ при редактированіи Corpus Fridericianum предоставилъ своему канцлеру,

по профессіи юристу, полную свободу въ разработкѣ законовъ, ограничивъ свое участіе въ этомъ дѣлѣ рѣчью „Dissertation sur les raisons d'établir ou d'abroger les lois", прочитанной имъ въ засѣданіи академіи въ 1749 г., въ которой были изложены общіе взгляды на принципы законодательства.

Хотя въ Наказѣ Екатерины также излагались только общіе принципы, но они излагались въ предположеніи, что они будутъ примѣнены въ новомъ уложеніи на практикѣ, либо какъ коррективъ къ существовавшимъ законамъ, либо какъ основные принципы для тѣхъ законовъ, которые должна была выработать законодательная комиссія. Принципы, заимствованные изъ „Духа законовъ" Монтескье, должны были вдохнуть новую душу въ русское законодательство и хотя отдѣльныя статьи Наказа были заимствованы изъ сочиненій западныхъ писателей, но Екатерина была такъ глубоко проникнута идеями, изложенными въ ихъ сочиненіяхъ, онѣ такъ претворились въ ея умѣ, что на составленный ею Наказъ можно смотрѣть, какъ на ея собственное произведеніе.

Изъ записокъ Императрицы мы знаемъ, что, пріѣхавъ въ Россію, честолюбивая юная Великая Княгиня Екатерина Алексѣевна отрѣшилась отъ всего прошлаго: отъ своего отечества, отъ семьи и вѣры, чтобы сродниться съ Россіей. Это выразилось не только въ ея страстномъ желаніи сблизиться съ окружавшими ее русскими людьми, но въ особенности въ той энергіи, съ какою она стремилась какъ можно скорѣе играть роль въ новой для нея средѣ. Чѣмъ живѣе чувствовался ею разладъ съ лѣнивой и безпечной Елисаветой Петровой и съ грубоватымъ Петромъ Ѳедоровичемъ, тѣмъ энергичнѣе она хваталась за всякій случай заявить о себѣ. Это стремленіе молодой женщины снискать любовь окружающихъ („affection du public") имѣло рѣшающее значеніе въ исторіи ея умственнаго развитія.

По собственному признанію Екатерины, при отъѣздѣ въ Россію она была достаточно образована, чтобы быть женою любого изъ сосѣднихъ принцевъ. Со стороны Императрицы Елисаветы для ея дальнѣйшаго образованія не было ничего сдѣлано, она только дала ей учителя русскаго языка и преподавателя закона Божьяго. Въ инструкціи, составленной въ 1746 г. для Великаго Князя, ему запрещалось чтеніе романовъ, чтеніе же „книгъ рекомендовалось въ послѣобѣденное и вечернее время", если бы у него не было въ это время охоты къ болѣе серьезнымъ занятіямъ. Въ инструкціи, составленной для Великой Княгини, о чтеніи вовсе не упоминалось. Изъ этого видно, что о какихъ-либо умственныхъ запросахъ по отношенію къ Екатеринѣ при русскомъ дворѣ не было и рѣчи. Графъ Гилленбергъ

шведскій посланникъ, пріѣхавшій къ русскому двору со спеціальной миссіей въ 1744 г., первый далъ ей совѣтъ читать серьезныя книги, между прочимъ сочиненія Монтескье, говоря, что она окружена столькими подводными камнями, что она можетъ погибнуть, если не будетъ стоять выше всѣхъ по уму, который ей необходимо развить чтеніемъ лучшихъ сочиненій.

Екатерина, съ присущимъ ей „серьезнымъ, разсудочнымъ, холоднымъ умомъ" сразу дала себѣ отчетъ въ томъ, что при умственно лѣнивомъ дворѣ Императрицы Елисаветы начитанность представляла собою нѣчто необычайное, незаурядное и слѣдовательно дала бы ей возможность самымъ выгоднымъ образомъ выдѣлиться среди окружающихъ.

Вначалѣ цѣль, къ которой стремилась Екатерина, была чисто внѣшняя. Ей казалось достаточнымъ, чтобы ея стремленіе къ образованію было признано. Но нѣсколько времени спустя послѣ первой встрѣчи съ гр. Гилленбергомъ Екатерина записала: „я вижу съ удовольствіемъ, какъ съ каждымъ днемъ возрастаютъ ко мнѣ симпатіи общества, которое смотритъ на меня какъ на интереснаго ребенка, не лишеннаго ума". Ей было пріятно отмѣтить, что окружающіе дѣлали разницу между нею и ея мало интеллигентнымъ супругомъ, который ничего не читалъ, или довольствовался чтеніемъ лютеранскихъ молитвенниковъ и разсказовъ. Но первое время знакомство съ литературными произведеніями было для Екатерины только средствомъ, а не цѣлью; она поглощала довольно много книгъ безъ разбора, хватаясь за все, что ей попадало въ руки или что ей совѣтовали прочесть болѣе видные люди при императорскомъ дворѣ, какъ напр. прусскій посланникъ Мардефельдъ или лейбъ-медикъ Лестокъ. Рѣшивъ по совѣту послѣдняго прочесть словарь Bayles'а отъ A—Z, она выказала этимъ скорѣе желаніе выполнить трудную работу, по совѣту человѣка, пользовавшаго ея уваженіемъ, нежели стремленіе познакомиться съ трудомъ французскаго автора. Вообще, хотя Екатерина много читала, но болѣе серьезное, сознательное отношеніе къ литературѣ проявилось у нея лишь въ 1754 г., когда она впервые прочла Монтескье „Esprit des lois" и Вольтера „Essai sur les moeurs et l'esprit des nations".

Чтеніе этихъ книгъ и по ихъ содержанію, и по тому особому настроенію, въ какомъ находилась въ ту пору Великая Княгиня, должно было произвести на нее сильное впечатлѣніе; не подлежитъ сомнѣнію, что, несмотря на совѣтъ, данный ей графомъ Гилленбергомъ въ 1744 г. прочитать сочиненія Монтескье, Екатерина познакомилась съ ними лишь десять лѣтъ спустя, когда

„Духъ законовъ, какъ писалъ аббатъ Рейналь герцогинѣ Саксенъ-Готской, сталъ настольной книгою въ кабинетахъ ученыхъ и въ уборныхъ дамъ и петиметровъ".

Простота и ясность изложенія этого, столь быстро распространившагося и вошедшаго въ моду сочиненія произвела сильнѣйшее впечатлѣніе на Великую Княгиню, до тѣхъ поръ совершенно незнакомую съ трактовавшимися въ нихъ вопросами и въ силу этого оказавшейся чрезвычайно воспріимчивой ко всякому политическому ученію.

Въ 1754 г. Екатерина стала матерью. Рожденіе такъ давно ожидаемаго наслѣдника престола освободило Великую Княгиню отъ докучливаго надзора со стороны Елисаветы Петровны и ея приближенныхъ. Престолонаслѣдіе было обезпечено, и личная жизнь Великой Княгини не представляла уже для придворныхъ прежняго интереса. Получивъ, такимъ образомъ, возможность свободнѣе и спокойнѣе заниматься самообразованіемъ, Екатерина была до глубины души оскорблена тѣмъ, что къ ней, матери наслѣдника престола, относились такъ пренебрежительно. Благодаря этому ея стараніе выдвинуться, привлечь къ себѣ вниманіе окружающихъ казалось уже безцѣльнымъ и ненужнымъ. Лишенная возможности заняться воспитаніемъ сына, она не находила исхода томившей ее жаждѣ дѣятельности. Отсутствіе этой дѣятельности и прямыхъ заботъ, а равно отчужденность отъ окружающихъ вызвала въ душѣ Екатерины чувство заброшенности и томительнаго одиночества, которое усугублялось тѣмъ, что она лишилась въ это время общества своего друга—Сергѣя Салтыкова. Таково было угнетенное состояніе духа, въ какомъ Екатерина приступила къ чтенію Вольтера, Монтескье и Беккаріи.

Подъ вліяніемъ этого настроенія, прочитанное не только произвело на нее огромное впечатлѣніе, но придало ея мыслямъ совершенно иное теченіе; Екатерина стала относиться критически къ тому, что происходило у нея на глазахъ, и очень скоро, не ограничиваясь критикой лицъ и фактовъ, она подвергла ей всю тогдашнюю Россію съ точки зрѣнія идеальнаго государства, начертаннаго Монтескье; а выводомъ изъ этого сопоставленія было то, что она ясно увидѣла полное несоотвѣствіе русской государственной дѣйствительности и русскихъ законовъ съ законодательными теоріями Монтескье.

Изъ критики русской дѣйствительности, возникшей на почвѣ знакомства съ иностранной литературой, въ умѣ Екатерины возникли совершенно опредѣленныя требованія относительно будущаго, какъ это явствуетъ съ очевидностью изъ ея писемъ, относящихся къ послѣднимъ годамъ жизни Елисаветы Петровны.

Она излагала въ нихъ не отрывочныя мысли, навѣянныя чтеніемъ, а рядъ принциповъ, связанныхъ одной общей идеей и составляющихъ какъ бы одно цѣлое. Въ изложеніи этихъ мыслей сказалась уже не супруга будущаго монарха, а сама будущая монархиня, которая заблаговременно намѣчала себѣ рядъ основныхъ правилъ, коими были проникнуты впослѣдствіи всѣ ея правительственныя мѣропріятія и которыя должны были создать ей славу и обезпечить благополучіе ея подданныхъ.

Этотъ удивительный фактъ объясняется поворотомъ, совершившимся въ взглядахъ и настроеніяхъ русскаго двора въ 1750-хъ годахъ. Ухудшившееся состояніе здоровья Елисаветы Петровны заставляло приближенныхъ ожидать скорой перемѣны царствованія. Великій князь Петръ Θедоровичъ былъ слабъ здоровьемъ и велъ такой образъ жизни, при которомъ онъ не могъ разсчитывать на долговѣчность. Кромѣ того народъ не любилъ его за пренебреженіе русскими обычаями, а придворные ненавидѣли его за высокомѣріе и ребяческое своенравіе. Всѣ сомнѣвались, чтобы ему удалось долго удержать престолъ, и взоры всѣхъ были обращены на великую княгиню, къ которой должна была перейти власть какъ къ опекуншѣ ея несовершеннолѣтняго сына. Никто иной, какъ самъ канцлеръ Бестужевъ, передалъ Екатеринѣ еще въ 1757 г. проектъ, согласно которому, въ случаѣ кончины Императрицы Елисаветы, великая княгиня должна была стать правительницей имперіи.

Эти виды на будущее дали исходъ томившей Екатерину жаждѣ дѣятельности, и въ ея умѣ выработался мало-по-малу совершенно опредѣленный взглядъ на призваніе монарха; вмѣстѣ съ тѣмъ росла увѣренность, что она не всегда будетъ безучастной зрительницей происходящаго, но выступитъ современемъ въ дѣятельной роли руководительницы судьбъ Россіи и что ей удастся направить ее согласно со своими взглядами.

Эта вѣра въ болѣе широкое будущее не поколебалась и въ послѣдніе годы царствованія Елисаветы, самые тяжелые годы въ жизни Екатерины, когда она была очень одинока. Полная идей, плановъ и надеждъ на будущее, она не имѣла въ это время никого, съ кѣмъ бы она могла подѣлиться своими надеждами; ей оставалось только повѣрять ихъ бумагѣ. Замѣтки, которыя Екатерина набрасывала въ то время карандашемъ на отдѣльныхъ листахъ бумаги, весьма характерны и даютъ ключъ для уясненія слагавшихся въ то время ея политическихъ взглядовъ.

„Желаю и хочу только блага странѣ, въ которую привелъ меня Господь", записала она однажды. „Слава ея дѣлаетъ меня слав-

ною. Вотъ мое правило, и я буду счастлива, если мои мысли могутъ въ томъ содѣйствовать“.

А вотъ ея взглядъ на сущность монархической власти: „Власть безъ довѣренности народа ничего не значитъ. Легко достигнуть любви и славы тому, кто этого желаетъ; примите въ основу вашихъ дѣйствій, вашихъ постановленій благо народа и справедливость, никогда неразлучныхъ. У васъ нѣтъ и не должно быть другихъ видовъ. Если душа ваша благородна—вотъ ея цѣль“.

Эти програмныя фразы написаны очевидно подъ впечатлѣніемъ идеи о божественномъ происхожденіи монархической власти; онѣ весьма любопытны для характеристики личныхъ взглядовъ Екатерины: говоря объ обязанности монарха радѣть о благѣ народа, она видитъ конечную цѣль въ той славѣ, которую осуществленіе этого блага даетъ правителю; роль радѣтельницы о благѣ народа казалась ей самодовлѣющей и интересовала ее постолько, поскольку она могла озарить славою правителя. Въ этомъ отношеніи взглядъ Екатерины былъ отличенъ отъ взгляда Фридриха Великаго, называвшаго себя „первымъ слугою государства“.

Выработавъ себѣ представленіе объ идеальномъ государствѣ и о томъ, каковъ долженъ быть идеальный правитель, Екатерина считала самой важной обязанностью монарха дать странѣ хорошіе законы, и ее лично особенно прельщала болѣе всего слава законодателя. Цитируя Монтескье, она говоритъ объ этомъ въ Наказѣ: „Правда, что хорошее мнѣніе о славѣ и власти Царя могло бы умножить силы державы его, но хорошее мнѣніе о его правосудіи равнымъ образомъ умножитъ оныя“.

Правосудіе, какъ видно изъ этой цитаты, отождествлялось Екатериной съ благомъ народа, которое возможно тогда, когда у него хорошіе законы.

Прійдя къ убѣжденію, что главная цѣль и призваніе монарха—въ изданіи хорошихъ законовъ, Екатерина, по самому свойству своей натуры, не могла на этомъ остановиться, а должна была уяснить себѣ, какимъ путемъ возможно было достигнуть этой цѣли: передъ ней стала проблема практическаго осуществленія законодательной реформы.

На что же она могла опереться, чтобы подготовиться къ этой трудной и отвѣтственной задачѣ. Въ вопросы внутренней политики Екатерина, въ бытность великой княгиней, не была посвящена, о какомъ-нибудь опытѣ у нея въ дѣлѣ управленія, не могло быть и рѣчи; съ прошлымъ Россіи, съ ея исторіей она была еще мало знакома, оставалось подготовить себя къ будущей дѣятельности чтеніемъ, и она читала и дѣлала выписки, набрасывала замѣтки,

которыя послужили ей современемъ богатымъ матеріаломъ при составленіи Наказа.

Со вступленіемъ Екатерины на престолъ въ 1762 г. разрѣшилось то натянутое положеніе, въ какомъ она находилась съ самаго рожденія Павла Петровича. Скрытая дотолѣ ея энергія получила возможность выказать себя, и Императрица проявила вскорѣ такую кипучую дѣятельность, которая повергла въ изумленіе современниковъ Гр. Минихъ пишетъ, что Императрица работала по пятнадцати часовъ въ день.

Можетъ показаться страннымъ, что мысль о новомъ Уложеніи какъ будто мало занимала Екатерину въ первые годы ея царствованія. Хотя уже 9 августа 1762 г. была созвана законодательная комиссія подъ предсѣдательствомъ князя Шаховского, но въ обществѣ о намѣреніи Государыни приступить къ изданію новаго уложенія мало говорили и даже въ 1766 г., въ то время, когда Екатерина уже цѣлый годъ работала надъ Наказомъ, графъ Сиверсъ совѣтовалъ ей издать новое Уложеніе и писалъ, что это былъ бы самый прочный и самый славный памятникъ ея царствованія.

Екатерина не оставляла мысли, такъ давно ее занимавшей; но она работала цѣлыхъ полтора года надъ Наказомъ, читала и писала, не говоря объ этомъ окружающимъ ни слова; въ письмахъ же къ своимъ литературнымъ друзьямъ: Вольтеру, Даламберу и г-жѣ Жофренъ, Государыня неоднократно упоминала о своей работѣ. Впрочемъ, кое-кто и изъ русскихъ также былъ посвященъ въ ея тайну, какъ это видно, напр., изъ письма канцлера Воронцова отъ 23 сентября 1768 г., въ которомъ онъ говоритъ о Наказѣ въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ, а также изъ письма самой Екатерины къ г-жѣ Жофренъ отъ 18 іюня того же года, въ которомъ она пишетъ, что всѣ, видѣвшіе уже ея работу, говорятъ, что это „non plus ultra“ совершенства.

Въ своихъ письмахъ къ г-жѣ Жофренъ, Вольтеру и Даламберу Императрица излагала самый процессъ своей работы надъ Наказомъ; изъ нихъ мы узнаемъ, что Императрица посвящала этому труду ежедневно часа два—три, по утру, что ея работа подвигалась довольно быстро, такъ, напр., въ іюнѣ 1765 г., она пишетъ г-жѣ Жофренъ, что у нея готово шестьдесятъ четыре страницы, а осенью было уже написано свыше ста страницъ; въ другомъ письмѣ она высказываетъ желаніе послать свой трудъ на просмотръ Даламберу, когда онъ будетъ достаточно выработанъ, но затѣмъ ей приходится отказаться отъ этой мысли, такъ какъ, написавъ половину Наказа, она его разорвала или сожгла.

Въ письмахъ говорится также о томъ, что Императрица „на

пользу имперіи обобрала президента Монтескье, не называя его". „Надѣюсь, прибавляетъ Императрица, что если бы онъ съ того свѣта увидалъ меня работающею, то простилъ бы эту литературную кражу во благо 20 милліоновъ людей, которое изъ того послѣдуетъ. Онъ слишкомъ любилъ человѣчество, чтобы обидѣться тѣмъ; его книга служитъ для меня молитвенникомъ".

Увлеченіе Екатерины теоріями Монтескье сказалось на содержаніи ея знаменитаго Наказа, въ который вошло до 250 статей изъ „Духа законовъ". Готовясь къ своему труду, она перечитала кромѣ этого сочиненія „Преступленіе и Наказаніе" Беккаріи, „Essai" Вольтера, „Institutions politiques" Билефельса, сочиненія энциклопедистовъ и многія другія, менѣе значительныя сочиненія, которыя всѣ были испещрены ею замѣтками на поляхъ.

Она много разъ передѣлывала и переписывала свой Наказъ, частью исправляя слогъ, частью передѣлывая цѣлые параграфы по настоянію окружающихъ, по мнѣнію которыхъ они были слишкомъ либеральны. Подобные отзывы не были неожиданностью для Императрицы; въ замѣткахъ, набросанныхъ ею еще въ бытность великой княгиней, она высказывала, напр., предположеніе, что всѣ мѣры, которыя будутъ клониться къ освобожденію крестьянъ, не встрѣтятъ сочувствія со стороны помѣщиковъ, людей, какъ она выражалась, исполненныхъ упрямства и предразсудковъ („remplis d'entêtement et de préjugés"). И въ самомъ дѣлѣ, ядъ новыхъ идей, высказанныхъ въ Наказѣ, которыя были навѣяны западно-европейской литературой и не имѣли дотолѣ права гражданства въ русскомъ обществѣ, а также взгляды Императрицы на предметы права государственнаго, уголовнаго, гражданскаго, были слишкомъ отличны отъ господствовавшихъ въ то время въ Россіи взглядовъ, чтобы не вызвать противодѣйствіе или, по меньшей мѣрѣ, критики и неодобренія со стороны русскихъ. Умный Н. И. Панинъ, ознакомившись съ Наказомъ, ограничился двусмысленнымъ замѣчаніемъ: „Ce sont des axiomes pour renverser des murailles".

Возраженія русскихъ критиковъ Наказа касались, главнымъ образомъ, уголовныхъ наказаній и освобожденія крестьянъ,—двухъ вопросовъ, въ которыхъ особенно сказалось вліяніе на Наказъ западно-европейскихъ идей.

Энергичнымъ выразителемъ взгляда дворянства на освобожденіе крестьянъ былъ Сумароковъ, доводы котораго сводились къ разсужденію, что „продавать людей, какъ скотъ, не слѣдуетъ, но гдѣ же будетъ взять слугъ, если не будетъ крѣпостныхъ". Онъ выражалъ, между прочимъ, опасеніе, что крестьяне, получивъ свободу, злоупотребятъ свободой, станутъ дерзки, лѣнивы,

Хотя Екатерина высмѣивала Сумарокова и его взгляды, но она не могла съ нимъ не считаться, ибо за его спиною стояла воля русскаго дворянства и духовенства. То же самое говорилъ нѣкогда епископъ ростовскій Арсеній Мацеевичъ, то же говорили: епископъ псковскій Иннокентій, епископъ тверской Гавріилъ, генералъ-прокуроръ князь Вяземскій, Г. Р. Державинъ, даже сама просвѣщенная княгиня Дашкова.

Объ огромномъ впечатлѣніи, произведенномъ въ Европѣ законодательной попыткой Екатерины, свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что интересъ къ Наказу не ослабѣвалъ въ теченіе всего XIX вѣка, какъ это показываютъ многочисленныя изданія Наказа, появившіяся съ 1769 по 1907 г.

Первое изданіе Наказа, даннаго Императрицей Екатериной комиссіи о составленіи проекта новаго Уложенія, было роздано съѣхавшимся въ Петербургъ депутатамъ 24 августа 1767 г. съ предупрежденіемъ, чтобы они не снимали съ него копій и не давали бы переводить его на другіе языки, ибо Императрица сама позаботится о переводѣ его на французскій и нѣмецкій языки, дабы не былъ искаженъ смыслъ текста. И, дѣйствительно, въ томъ же году, въ Москвѣ появился Наказъ на нѣмецкомъ языкѣ, но этотъ переводъ, выполненный тн. сов. Минихомъ, ст. сов. Клингштедтомъ и историкомъ и академикомъ Г. Ф. Миллеромъ, не отличался точностью и по отзыву современниковъ былъ написанъ не особенно хорошимъ нѣмецкимъ языкомъ.

Первый оффиціальный переводъ на французскій языкъ появился въ 1769 г. Посылая рукописный экземпляръ перевода Вольтеру, Екатерина писала, что „его не успѣли еще напечатать“. Вопросъ о томъ, кѣмъ сдѣланъ переводъ и сдѣланъ ли онъ съ русскаго оригинала или съ нѣмецкаго перевода остается невыясненнымъ. Екатерина не одобряла и французскаго перевода и приписывала его недостатки сравнительной бѣдности французскаго языка.

Въ 1770 г. появилось новое изданіе Наказа на четырехъ языкахъ: русскомъ, латинскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ. Изъ переписки Екатерины съ Фальконетомъ видно, что Императрица интересовалась малѣйшими подробностями этого изданія и придавала ему большое значеніе.

Этимъ исчерпываются оффиціальные переводы Наказа, появившіеся при жизни Екатерины.

Желаніе Императрицы распространить Наказъ и видѣть его переведеннымъ на всѣ европейскіе языки нашло живой откликъ въ Западной Европѣ, гдѣ очень скоро, еще при жизни Императрицы, появились переводы ея труда на англійскій, италіанскій, голланд-

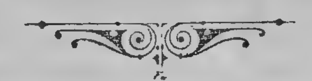
скій и польскій языки. Такимъ образомъ кругъ читателей Наказа постоянно расширялся, а универсальность вопросовъ, которые въ немъ затрогивались, была причиною того, что всякій, принимавшій хотя бы малѣйшее участіе въ литературномъ движеніи того времени, находилъ въ этомъ трудѣ что либо, что могло заинтересовать его и заставить призадуматься надъ затронутыми въ немъ вопросами. Такъ какъ Наказъ, по цѣли, ради которой онъ былъ написанъ, являлся произведеніемъ не только литературнымъ, но долженъ былъ служить основаніемъ при составленіи новаго Уложенія— Екатерина ясно писала г-жѣ Жофренъ: „quoique la plume en soit novice, mais je repond de l'exécution en pratique"—то Императрица могла быть увѣренной въ томъ, что ея произведеніе прочтутъ не одни писатели, занимавшіеся теоретической разработкой затронутыхъ въ немъ вопросовъ, но и коронованныя особы и государственные люди. И дѣйствительно, отзывами объ Наказѣ и ссылками на него полны всѣ литературныя произведенія XVIII вѣка: объ немъ говорится и въ письмахъ коронованныхъ особъ и государственныхъ людей и философовъ, объ немъ упоминаютъ въ своихъ сочиненіяхъ юристы, историки, путешественники упоминаютъ въ своихъ рѣчахъ академики, изъ него приводятся цитаты въ школьныхъ программахъ, такъ какъ онъ былъ весь проникнутъ духомъ новыхъ теорій и ученій, возвѣщенныхъ передовыми мыслителями Западной Европы, и ихъ гуманными идеями, то онъ вызвалъ всеобщій восторгъ и изумленіе, такъ что даже швейцарецъ Массонъ,— далеко не бывшій поклонникомъ Екатерины, долженъ былъ признать, что „вся Европа огласилась восторженными отзывами", вызванными чтеніемъ Наказа, который называли „произведеніемъ самаго просвѣщеннаго ума и самаго чувствительнаго сердца".

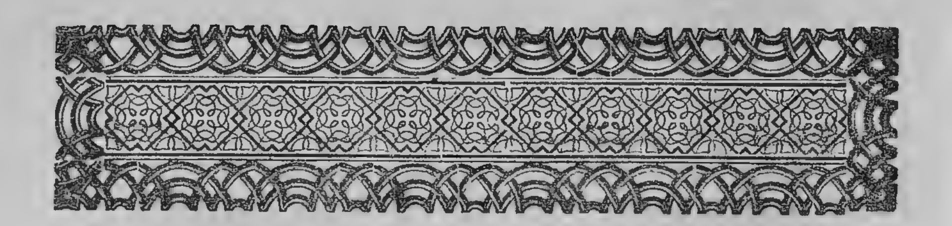
Этотъ отзывъ, въ которомъ „умъ противупоставлялся сердцу", весьма характеренъ для того времени.

Превознося ученость Екатерины и ея начитанность, современные критики ея труда не только не ставили въ вину автору Наказа многочисленныя позаимствованія, сдѣланныя ею изъ Монтескье, Беккарія и др. писателей, въ чемъ ее укорили многіе писатели XIX вѣка, но они смотрѣли на то, что она черпала свои идеи изъ такихъ прекрасныхъ источниковъ, какъ на особую заслугу и доказательство мудрости коронованной русской законодательницы; можно только отмѣтить, что намѣреніе Екатерины построить новое Уложеніе на основѣ совершенно новыхъ, еще далеко не общепризнанныхъ литературныхъ теорій, воплотить ихъ, такъ сказать, на практикѣ, всѣхъ ошеломило и породило совершенно фантастическія представленія о Россіи и о русскихъ порядкахъ.

Не удивительно поэтому, что при появленіи Наказа въ Западной Европѣ, считали возможнымъ осуществленіе законодательныхъ предначертаній Екатерины въ близкомъ будущемъ, но изумительно то, что въ это продолжали вѣрить въ то время, когда сама Императрица давно уже отказалась отъ своихъ проектовъ, и что даже иностранцы, подолгу жившіе въ Россіи, писали, что Екатерина осуществила свои планы и что ей удалось выполнить то, что не удалось Петру Великому,—такъ великъ былъ гипнозъ, произведенный на современниковъ безпримѣрной въ исторіи попыткой Императрицы Екатерины II начертать самой проектъ и основы новаго Уложенія.

Т.





Выдержки изъ писемъ, писанныхъ въ 1812 г. изъ Великой Арміи Наполеона, изъ Россіи во Францію, и не дошедшихъ по назначенію, какъ задержанныя Чернымъ Кабинетомъ Наполеона или почтой въ Гамбургѣ.

(Извлечено изъ Архива Мин. Иностр. Дѣлъ въ Парижѣ Denis Roche. Переводъ Н. Тр.).

Письма эти содержали много важныхъ свѣдѣній, сообщаемыхъ офицерами своимъ женамъ и близкимъ, но изъ опасенія, что они произведутъ невыгодное впечатлѣніе во Франціи, ихъ задерживали.

Нижеслѣдующія выдержки изъ этой пачки недоставленныхъ писемъ будутъ какъ бы иллюстраціей состоянія умовъ офицеровъ Наполеона, въ общемъ, конечно, достаточно уже выясненнаго.

Вотъ, что писалъ, изъ Динабурга, 19-го сентября 1812 г. инженерный офицеръ Маріонъ (Marion) баталіонному командиру Тибо (Thiebault) въ штабѣ генерала Сюше, въ Испаніи.

„Я имѣю честь состоять здѣсь, командовать инженерной частью въ 10-мъ корпусѣ, но не имѣю у себя подъ командой ни одного француза, кромѣ капитана Біэнкура (Biencour). Всѣ прочіе пруссаки или поляки. Наша большая, наша великая армія настоящее столпотвореніе Вавилонское, по смѣшенію языковъ. По счастью, у насъ есть архитекторъ, который все отлично ведетъ. Русскіе познакомились съ нимъ подъ Можайскомъ“.

Изъ Виллатофики (?) около Полоцка отъ 7-го окт. 1812 г. одинъ артиллеристъ пишетъ полковнику Бертону (Berthon) тоже артиллеристу:

„Болѣзни уносятъ у насъ очень много народу. Увѣряю Васъ, что еще никогда у насъ не было такой тяжелой войны, какъ настоящая“.

Несмотря на нѣсколько ранъ, полученныхъ Рапомъ (Rapp) до вступленія въ Москву, онъ сохраняетъ свое хорошее расположеніе духа:

„Сегодня (7-е октября 1812 г.) ровно мѣсяцъ, пишетъ онъ, что Императоръ выигралъ самое блестящее, но и самое ужасное сраженіе изо всѣхъ битвъ, бывшихъ со времени революціи. Когда генералъ Компанъ (Compans) былъ раненъ, Императоръ далъ мнѣ его чудную дивизію; но я, въ свою очередь, былъ 4 раза раненъ въ полчаса времени. Первый разъ—пистолетной пулей на излётѣ, въ руку; второй разъ—пистолетнымъ выстрѣломъ въ бедро; третій разъ въ лѣвую руку ядромъ, и напослѣдокъ картечной пулей въ лѣвое бедро. Этотъ ударъ вышибъ меня изъ сѣдла и заставилъ выйти изъ дѣла. По счастью, у меня ничего не сломано, и я уже почти поправился. Всѣ увѣряютъ, что мнѣ не бывать смерти на войнѣ“.

Шесть дней спустя,—13-го октября,—офицеръ Салха (C. Saalhat) пишетъ изъ Москвы великой герцогинѣ Тосканской, во Флоренцію:

„Погода, несмотря на холодъ, хорошая. Въ Москвѣ осталось очень немного жителей, такъ что мы составляемъ здѣсь настоящую колонію... Въ общемъ, живется недурно. Послѣ большого пожара, ни одинъ домъ не сгорѣлъ; грабежъ прекращенъ; все приведено въ порядокъ... Мы идемъ на непріятеля; если онъ дождется насъ, все забудется.—P. S. Въ эту самую минуту, въ первый разъ пошелъ снѣгъ!“.

Этотъ первый снѣгъ не очень-то смущаетъ великую армію, судя по слѣдующему письму Луи (Luy) къ адмиралу Гантому (Gantheaume) въ Парижъ (16-го октября).

„Во всякомъ случаѣ намъ нельзя здѣсь зазимовать; средства наши не позволятъ намъ этого. Пожаръ, уничтожившій пять шестыхъ города, лишилъ насъ большей части тѣхъ средствъ, на которыя мы разсчитывали. Особенно озабочены кавалеріей, замѣтно уже уменьшившейся. Духъ въ арміи наилучшій. Русскіе не примутъ новаго сраженія, и если мы будемъ ихъ преслѣдовать, они, вѣроятно, очистятъ занимаемую ими мѣстность. Гвардія въ полной сохранности и великолѣпна“.

Письмо барона Жюльеминето къ женѣ (Juilleminetо) отъ того же числа не такое уже бодрое:

„Настоящая война уноситъ у насъ больше всего людей не непріятельскимъ огнемъ, а болѣзнями, лишеніями и усталостью. Только желѣзное здоровье можетъ выдерживать все это! Мы не замедлимъ оставить Москву. Войска проходятъ: полагаютъ, что они идутъ на Калугу, Тулу и Малороссію. О туркахъ нѣтъ больше

и рѣчи. Эти отчаянные казаки наносятъ очень много вреда нашему тылу и нашимъ фуражировкамъ".

Груши (Grouchy), все отъ того же числа, говоритъ своей женѣ о мирѣ:

„Будемъ надѣяться, что или состояніе моего здоровья заставитъ меня вернуться къ Вамъ, или же я снова избѣгну гибельныхъ случайностей войны. Завтра или послѣзавтра ждутъ возвращенія кн. Волконскаго, который повезъ Государю предложенія, сдѣланныя Лористономъ... Дай намъ Богъ отбросить подальше русскихъ, имѣть гдѣ прокормить армію и заключить миръ, который такъ же всѣми желаемъ, какъ и необходимъ".

Генералъ баронъ Гpecco (Gressot) (?) изъ Skiszen желаетъ знать что творится:

„Мы здѣсь съ великимъ нетерпѣніемъ ждемъ вѣстей изъ Москвы. У насъ нѣтъ ни газетъ, ни извѣстій. Интересно бы также знать, что творится въ Испаніи. А Вы что подѣлываете во Франціи?".

Барагюе д' Иллье (Barraguay d'Hilliess), призванный 8 іюля къ командованію одной дивизіей, точно предчувствуетъ своимъ пессимизмомъ ужасный для него день 9-го ноября [1]), и даже свою смерть, въ томъ же году въ Берлинѣ отъ болѣзни и отъ огорченія, вслѣдствіе суда, которому его предали. Вотъ, что онъ пишетъ 31 октября своей женѣ, изъ Ельни:

„Всѣ эти переходы, въ погоню за главной русской арміей безъ возможности догнать ее, только истощаютъ войско. Не сдѣлавши еще ни одного выстрѣла, солдаты наши приходятъ легко въ страхъ передъ казаками, которые ведутъ войну на манеръ мамелюковъ: окружаютъ войско, испуская дикіе крики. Я надѣюсь, впрочемъ, соединиться скоро съ 1-мъ корпусомъ Императора и, слѣдовательно, избавиться отъ этого скучнаго командованія, которое не можетъ стать ни полезнымъ, ни почетнымъ. Я принялъ его безропотно.

Мало вѣроятій на близкій миръ; вторая кампанія неизбѣжна, такъ какъ русская армія, несмотря на свои потери, очень еще сильна.

Всѣ солдаты, до единаго, жаждутъ конца этой войны, а офицеры еще того болѣе; такъ что если Императоръ захочетъ исполнить горячія желанія своей арміи, онъ велитъ закрыть двери храма Януса; но, зная, какъ онъ упрямо держится своихъ плановъ, я не могу ожидать, что онъ внемлетъ голосу своей арміи. Я очень стѣсненъ въ деньгахъ. Онъ даетъ мнѣ трехмѣсячное содержаніе, воз-

---

[1]) День, въ который онъ попалъ къ намъ въ плѣнъ со всей своей дивизіей. (Примѣчаніе переводчика).

мѣщеніе путевыхъ расходовъ; но наличными деньгами у меня ни гроша! А, между тѣмъ, онѣ такъ бы мнѣ нужны, чтобы пополнить убыль въ моей конюшнѣ“.

Пять дней спустя, и четыре дня передъ его несчастнымъ плѣненіемъ, есть еще его письмо, отъ 4-го ноября 1812, изъ Ельни же. Письмо это очень интересно, полно прозорливости, а конецъ его производитъ тяжелое впечатлѣніе:

„Мнѣ пришлось сражаться ежедневно; по счастью, я не потерпѣлъ урона. On ne m'a pas entame, но я не стану ждать подхода русской арміи, которая, несомнѣнно, будетъ здѣсь черезъ нѣсколько дней. Не съ моими же новобранцами мнѣ отличиться! Я тогда только и почувствую себя счастливымъ, когда съ меня снимутъ эту тяжелую, ввѣренную мнѣ обузу. Испытанному въ бояхъ ветерану [1]) нужны и солдаты соотвѣтствующіе ему. Ничто не указываетъ на скорый миръ. Русскіе дѣйствовали отлично, и Императоръ поспѣшаетъ, чтобъ спасти свой тылъ и запасы, которые, какъ говорятъ, въ большой опасности... Сами русскіе удивлены настоящей побѣдой“.

„Жизнь наша, какъ передового войска: спимъ на соломѣ, за два часа до разсвѣта, уже на ногахъ, частенько не слѣзаемъ съ лошади по 16 ч. къ ряду, сапогъ никогда не снимаемъ, по ночамъ насъ то и дѣло будятъ; питаемся скверно: безъ вина, все на черномъ ржаномъ хлѣбѣ, и пьемъ отвратительную воду. Много нужно силъ, чтобы выносить все это. Меня и не удивляетъ, что въ арміи столько болѣзней. Нашъ образъ жизни и здѣшній климатъ враги посильнѣе русскихъ.

„Если бъ Вы только знали, какъ часто я о Васъ думаю, какъ тоскую по Васъ и какъ стремлюся къ Вамъ!.. А между тѣмъ, для Васъ, для Васъ одной я принесъ въ жертву мои склонности, мое спокойствіе, мое счастье и здоровье: вѣдь если бъ не Вы, я давно бы оставилъ службу, довольный, совершенно довольный моими скромными средствами. Конечно, я не упрекаю Васъ въ этомъ, такъ какъ считаю своимъ долгомъ приносить Вамъ всѣ жертвы; въ минуты, когда я дѣлаюсь ко всему равнодушнымъ и мною одолѣваютъ тоска и недовольство, меня поддерживаетъ сознаніе, что я могу жертвовать для Васъ всѣмъ. Но всему бываетъ конецъ, и я думаю достигнуть его послѣ настоящей кампаніи“.

Этимъ письмомъ заканчивается связка писемъ, захваченныхъ почтой въ Гамбургѣ изъ Россіи во Францію. Но въ ней есть еще

---

[1]) Барагуэ д'Иллье въ это время было всего 52 г. (Примѣчаніе переводчика).

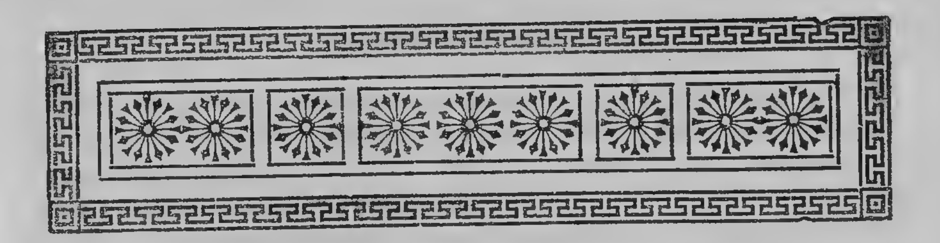
одно письмо, недопущенное изъ Франціи въ Россію, которое мы тоже приведемъ. Оно напомнитъ о затрудненіяхъ, поджидавшихъ Наполеона во Франціи. Писала его королева голландская Гортензія, мать будущаго Наполеона III къ брату своему вице-королю Италіи, Евгенію Богарне. Письмо отъ 13 ноября 1812 г. изъ Saint Leu.

„Очень ужъ давно я ничего о тебѣ не знаю... Въ настоящее время, Вамъ вѣрно уже извѣстно объ нашей парижской авантюрѣ [1]).

„Всѣхъ очень тревожитъ, какъ къ ней отнесется Императоръ. Какъ ни смѣются надъ полиціей, а все же ею очень заняты; и думаютъ, что Императоръ не пожертвуетъ людьми, столь ему преданными... Разные толки дали поводъ очень многимъ, считать, что Императоръ, можетъ, уже умеръ. Всѣ о немъ справляются и, не придавая вѣры всѣмъ этимъ толкамъ, боятся однако за тѣхъ, кто вдали отъ всякихъ извѣстій. Я повторяю сказанное мнѣ Императрицей, которой Императоръ писалъ, что надѣется скоро ее увидѣть. Если это будетъ здѣсь, мы всѣ будемъ счастливы этимъ, но если онъ вызоветъ ее въ Варшаву, мы проведемъ очень скучно зиму. Мнѣ будетъ очень пріятно, если ты найдешь случай засвидѣтельствовать Императору мое почтеніе“.

В. Н. Трескина.

[1]) Заговоръ генерала Мале (Malet) (Примѣч. переводчика).



Замѣтка о Посошковѣ.

Въ біографіи извѣстнаго писателя Петровскаго времени, И. Т. Посошкова многіе моменты его жизни остаются неясными въ виду того, что главнѣйшія біографическія данныя берутся изъ его собственныхъ сочиненій, въ которыхъ Посошковъ, хотя и довольно часто, но обычно мимоходомъ сообщаетъ о себѣ разныя свѣдѣнія. Такъ въ „книгѣ о скудости и богатствѣ" имѣется указаніе на то, что ея авторъ подавалъ въ 1718 году „доношеніе о новоначинающихъ деньгахъ", въ которомъ онъ „изъяснялъ, что такія деньги вельми къ воровству способны". Это доношеніе до сихъ поръ нигдѣ не найдено, содержаніе же его лишь кратко изложено въ вышеназванной книгѣ Посошкова [1]).

Но помимо того, Посошковъ, какъ спеціалистъ денежнаго дѣла, неоднократно выступалъ съ разными предложеніями по поводу денегъ [2]). Изъ текста, напечатаннаго ниже, видно, что онъ въ 1708 году „пришедъ въ золотую палату, словесно доносилъ" о воровскихъ мѣдныхъ копейкахъ и денежкахъ, и предлагалъ выче-

---

[1]) Сочиненія Ивана Посошкова, М., 1842 г., I, стр. 251—255.

[2]) Еще въ доношеніи 1701 г. (о ратномъ поведеніи), поданномъ боярину Ѳ. А. Головину, Посошковъ писалъ: „И естли бы В. Государь указалъ денежному дѣлу быть противъ прежняго моего письма, то чаялъ бы я у Бога милости, что одною денежною прибылью вышеписанное число (3.031.300 руб.—для арміи) исполнилось бы. И буде В. Государь совершенно укажетъ денежное дѣло управить съ мелкою дробью, яко-жъ прежде явихъ въ денежномъ письмѣ, то доведется и пошлинной сборъ направить". (Сочиненія, I, стр. 291; о дѣятельности Посошкова въ качествѣ денежнаго мастера см. 212, 213).

канить образцы такого рода, чтобы невозможно было „ни отливать (монеты), ни печатать въ домѣхъ“, благодаря чему, по его мнѣнію, „воровство“ въ могнетномъ дѣлѣ въ корнѣ будетъ пресѣчено. Сверхъ того Посошковъ указывалъ на значительную прибыль казнѣ, въ особенности, если монеты „гораздо лехчее учинить“.

Проектъ Посошкова, интересный самъ по себѣ, любопытенъ и въ томъ отношеніи, что даетъ нѣкоторыя новыя біографическія свѣдѣнія объ его авторѣ. Дѣло въ томъ, что въ началѣ 1708 года ландрихтеръ Ингерманландской губерніи Римскій-Корсаковъ представилъ Посошкова въ качествѣ кандидата па должность водочнаго мастера и въ докладѣ о томъ писалъ: Посошковъ „до нынѣшняго года былъ у такого водочнаго строенія на Москвѣ на Каменномъ мосту, а нынѣ свободенъ“. На это послѣдовала резолюція А Д. Меншикова (21 марта 1708 г.): „Посошковъ приличился въ ратушѣ въ воровствѣ, того ради выбрать къ тому иного, кого пристойно“. Такой отзывъ Меншикова изслѣдователи считаютъ „недоразумѣніемъ“, которое позднѣе благополучно разъяснилось въ пользу Посошкова, такъ что онъ въ 1709 или въ 1710 г. былъ назначенъ водочнымъ мастеромъ въ Новгородъ [1]).

Какъ разъ объ этомъ промежуточномъ періодѣ, когда Посошковъ отъ водочнаго строенія учинился „свободенъ“, а въ Ингерманландскую губернію назначенія еще не получилъ, нѣкоторыя свѣдѣнія даетъ печатаемый ниже документъ [2]), съ собственноручной распиской Посошкова въ полученіи 10 руб. „на опытные денежные инструменты“ для вычеканки образцовыхъ монетъ, имъ предложенныхъ. Текстъ этого документа слѣдующій:

„По указу Великого Государя дѣлаются мѣдныя деньги на денежномъ дворѣ приказу Большой казны и на монетномъ Кадашевскомъ дворѣ, тяжлостію копейка по два золотника, деньга по золотнику, полушка по полузолотнику, а укрѣпленія отъ воровства на нихъ никакого не учинено: итого ради почало быть въ народѣ въ тѣхъ деньгахъ воровство; много въ тѣхъ деньгахъ является копеекъ и денежекъ отливныхъ. И того денежнаго дѣла уставной мастеръ Иванъ Посошковъ, усмотря тѣ воровскія деньги, пришедъ въ Золотую палату, словесно доносилъ, что въ мѣдныхъ копейкахъ и денежкахъ, а наипаче въ Кадашевскихъ явилось воровство, почали ихъ дѣлать отливныя. И для свидѣтельства того явившагося

[1]) Е. М. Прилежаевъ, біографія Посошкова въ изданіи Св. Синода „Завѣщаніе Отеческое“, Спб. 1893 г.; Павловъ-Сильванскій, а) И. Т. Посошковъ; б) Новыя извѣстія о Посошковѣ (Сочиненія, т. II, Спб., 1910 г.).

[2]) Извлеченъ изъ арх. Морского Мин., дѣла адмиралт. канцеляріи, № 12, л. 601—602.

воровства принесъ воровскихъ отливныхъ 11 копеекъ да 6 денежекъ, которыя онъ прошлого 706 году на Каменномъ мосту изъ сборной казны выбралъ и нынѣшняго 708 г. въ Сибирскомъ приказѣ изъ соболиной продажи; и въ торгахъ такія деньги являются; и есть ли де того денежнаго дѣла не измѣнить и крѣпости имъ не учинить, то де также умножитца въ нихъ воровство, якоже и во прежнихъ мѣдныхъ деньгахъ было.

А будетъ де Великій Государь укажетъ тѣ мѣдныя деньги въ вѣсу и въ воображеніи измѣнить и учинить ихъ новымъ розвѣсомъ и образцомъ отмѣтнымъ, то де мочно ихъ укрѣпить, еще и гораздо легчее ихъ учинить, то никакова въ нихъ воровства не будетъ, ни отливать, ни печатать въ домѣхъ будетъ воровсти невозможно [1]).

И есть ли Великій Государь укажетъ быть копейкамъ вѣсомъ по золотнику и мѣди аще въ дѣлѣ положить пудъ по 12 рублевъ, то прибыль у нихъ будетъ у пуда по 26 рублевъ по четыре гривны, и у тысячи пудъ будетъ прибыли 26.400 рублевъ.

А буде-жъ безъ четверти по золотнику, и мѣдь съ работою положить хотя по 13 рублевъ пудъ, то прибыли у пуда будетъ 38 рублевъ двѣ гривны, а у тысячи пудъ будетъ прибыли 38.200 рублевъ.

А будетъ быть копейкѣ по полузолотнику и еще мѣдь въ дѣлѣ ляжетъ и по 14 рублевъ, то прибыли у нихъ будетъ у пуда 28 рублевъ 26 алт. 4 деньги; а у тысячи пудъ будетъ прибыли 62.800 рублевъ.

И будетъ Великій Государь укажетъ для образца таковыхъ денегъ сдѣлать всѣхъ трехъ рукъ по фунту, и на то дѣло надобно на всякія къ тому опытныя снасти Свицкаго желѣза или Сибирскаго три пуда, стали добрые полпуда, мѣди красныя 4 фунта, зеленыя четверть фунта, Гранштыкилевъ нѣмецкихъ полдюжины, пилокъ мелочныхъ полдюжины-жъ, да кузнецамъ и отдѣльщикамъ за работу и на уголье и на мелочные расходы 10 рублевъ денегъ.

Означенное [2]) доношеніе имѣть до указу въ повытьи подъячаго Якова Протопопова, а объявленныя худыя мѣдныя деньги, записавъ положить до доношенія адмиральскаго въ судейской ящикъ и на дѣло образцовыхъ мѣдныхъ денегъ, купя означенные выше сего

---

[1]) Это мѣсто совпадаетъ съ тѣмъ, что напечатано въ книгѣ о скудости и богатствѣ, на стр. 256 (М., 1842 г.), гдѣ впрочемъ, слѣдуетъ исправить одну опечатку: напечатано „воровски“, слѣдуетъ читать, очевидно, какъ здѣсь—„воровсти“.

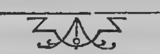
[2]) Отсюда до расписки Посошкова писано другимъ почеркомъ, значитъ, весь документъ состоитъ изъ 3-хъ частей: 1) изъ записи доношенія. 2) резолюціи и 3) расписки Посошкова.

припасы и давъ мѣдь и на дѣло работникамъ и наемъ десять рублей съ роспискою велѣть ему оныя образцовыя деньги дѣлать немедленно въ приличномъ мѣстѣ на денежномъ дворѣ и сдѣлавъ объявить въ приказѣ морского флота.

1708 г. октября въ 16 день взялъ я Иванъ Посошковъ приказу морского флота и подъячего у Якова Протопопова на опытныя денежные инструменты изъ ево повытья десять рублевъ денегъ и росписался".

Сообщаемыя въ напечатанномъ документѣ свѣдѣнія, дополняя прежнія, еще конкретнѣе подтверждаютъ то, что Посошковъ принималъ новое и энергичное участіе въ денежномъ дѣлѣ, о которомъ онъ подавалъ по крайней мѣрѣ четыре раза свои предположенія и проекты: въ первый разъ около 1701 года, во второй—въ 1708, въ третій—въ 1718 и въ четвертый—въ 1724 году (въ книгѣ о скудости и богатствѣ).

М. Клочковъ.



Сто лѣтъ назадъ.

Письма И. П. Оденталя къ А. Я. Булгакову о петербургскихъ новостяхъ и слухахъ [1]).

38.

С.-Петербургъ. Маія 2. 1813 г.

Ура! Самъ Наполеонъ разбитъ при Люценѣ 20-го апрѣля въ присутствіи Всемилостивѣйшаго Государя нашего. Сраженіе было наикровопролитнѣйшее отъ отчаянности французовъ, которыхъ шесть разъ прогоняли изъ Люцена. Наконецъ не могли они болѣе противиться храбрости россійскихъ и прусскихъ воиновъ и потому предались бѣгству. На мѣстѣ осталось 15 тысячъ непріятелей, много взято въ плѣнъ, и отбито нѣсколько пушекъ. Гр. Витгенштейнъ былъ главнымъ повелителемъ союзныхъ армій.—Поздравляю васъ! Цѣлую васъ въ восторгѣ.—Непріятеля преслѣдуютъ къ Эрфурту. Шельма былъ силенъ.

Увы! Любезнѣйшій Александръ Яковлевичъ, князь Смоленскій скончался 16 апрѣля въ Бунцлау.

Его мѣсто заступилъ герой Витгенштейнъ. Voilà de quoi se rejouir et de s'attrister!

Вчера было ужъ молебствіе при Дворѣ по случаю побѣды.

Реляція еще печатается о побѣдѣ.

Его Императорское Величество въ Дрезденѣ 16-го апрѣля вы

---

[1]) См. „Русская Старина", апрѣль 1912 г.

сочайше повелѣть соизволилъ генералу-отъ-кавалеріи графу Витгенштейну быть главнокомандующимъ соединенныхъ россійско-прусскихъ войскъ со всѣми по сему званію правами и уполномочіями.

39.

Маія 3. 1813.

Кутузова привезутъ сюда хоронить во всемъ великолѣпіи. Его кончина возвѣстится манифестомъ. Я думаю, что при дворѣ наложенъ будетъ и трауръ. Здѣсь все въ большомъ унынiи чрезъ толь важную потерю для цѣлаго государства. C'était un homme capable de tricher un Napoléon. Вѣдь это въ настоящихъ обстоятельствахъ рѣшитъ одолѣніе злодѣя сего.—Витгенштейнъ болѣе герой, нежели покойный; но у него нѣтъ ресурсовъ политическихъ, коими изобиловала голова хитраго Михаила Ларіоновича.

40.

Мая 6. 1813.

Вчерась пріѣхалъ изъ арміи курьеръ и привезъ прилагаемую у сего реляцію. Я ничего достовѣрнаго въ пополненіе оффиціальныхъ извѣстій не слыхалъ.

Говорятъ, что злодѣя хотятъ обойти съ лѣваго фланга и отрѣзать отъ Тюрингенскаго лѣса. Ежели сіе намѣреніе удастся, то чортъ возьметъ Наполеона, а гр. Витгенштейнъ будетъ генералъ-фельдмаршаломъ и главнокомандующимъ всѣхъ нашихъ армій.

Французская артиллерія состоитъ наиболѣе изъ пушекъ, снятыхъ въ Антверпенѣ съ кораблей. Ихъ по чрезмѣрной тяжести трудно перевозить съ мѣста на мѣсто, а что еще болѣе благопріятствуетъ намъ, такъ это совершенный недостатокъ въ канонерахъ у французовъ.—Оба послѣдніе курьеры слегли отъ скорой ѣзды, и первый едва-ли не умретъ. Представьте, что они поспѣли изъ-подъ Лютцена, ѣхавши на Вильну, въ 8-й день сюда.

41.

С.-Петербургъ. Маія 7. 1813.

Новаго не въ состояніи былъ порядочно узнать. Однакожъ скажу, что упомню. Наши оплошали подъ Данцигомъ. Всему блокировавшему корпусу примѣрная сдѣлана оштрафовка. Офицеры 5 лѣтъ не будутъ производиться въ чины, рядовые перерядятся въ сѣрое сукно на годъ. Это корпусъ генерала Левиза.

42.

Майя 9. 1813.

Почта уже пришла. Я прочиталъ все. Мы отступили къ Эльбѣ, въ ожиданіи свѣжихъ подкрѣпленій сзади. Въ Берлинѣ на всякій случай принимаются мѣры къ защищенію города. Надежда на сторонѣ праваго дѣла. Дай Боже, чтобъ въ семъ послѣднемъ движеніи впередъ врагъ рода человѣческаго нашелъ конечную свою гибель!

Государь съ союзникомъ своимъ еще въ Дрезденѣ, куда ожидали и гр. Витгенштейна.

P. S. Всѣ извѣстія сіи отъ 11-го уже майя по нов. ст. изъ Берлина.

Въ ночь сего дня пріѣхалъ изъ арміи курьеръ, но не успѣлъ еще узнать, съ чѣмъ онъ явился.

43.

Мая 10. 1813.

Курьеръ, пріѣхавшій за прошедшею ночью, отправленъ Всемилостивѣйшимъ Государемъ нашимъ изъ Пильницы отъ 27 апрѣля. Привезенныя имъ извѣстія вѣроятно состоятъ въ увѣдомленіи обѣихъ Императрицъ о вожделѣнномъ здравіи августѣйшаго Монарха, который намѣревался ѣхать оттуда въ Прагу: ибо болѣе ничего не слышно, а меня и вчерась и сегодня посѣщали такіе люди, которые бы непремѣнно о томъ должны были знать.

Изъ газетъ вчерашнихъ видно, что мы, видя многочисленнаго непріятеля, благоразумно дѣлаемъ, что отступаемъ въ безопасныя мѣста, гдѣ скорѣе можемъ и соединиться съ идущими въ подкрѣпленіе силами не маловажными, и удобнѣе довольствовать ихъ.

Въ случаѣ какого-либо несчастнаго оборота берлинцы обѣщаютъ отчаянно защищать свои жилища.

Богъ да увѣнчаетъ союзное оружіе побѣдою рѣшительною прежде таковой крайности.

Вдовствующая Императрица вчерась изволила отправляться для лѣтняго пребыванія въ Павловское. Кажется, ежели не ослушался, и Елизавета Алексѣевна отправилась или отправляется на сихъ дняхъ въ Царское Село.

Въ Черниговѣ случилось чрезвычайное происшествіе. Тамошняго губернатора, ворвавшись къ нему въ домъ, заколол какой-то казацкій ротмистръ. Злодѣй, неизвѣстно, былъ ли бѣшеный, или имѣлъ какую-нибудь злобу противъ добраго Френсдорфа, о кото-

ромъ вся губернія очень хорошо отзывалась. Всего страдалецъ сей получилъ 14 ранъ въ нѣсколько мгновеній и вскорѣ отъ нихъ умеръ. Посланъ отъ Вязмитинова чиновникъ для произведенія слѣдствія.

Тѣло свѣтлѣйшаго везутъ сюда на Полангенъ, Митаву, Ригу. Чрезъ двѣ или три недѣли будетъ оно уже стоять въ Казанскомъ соборѣ. Иные говорятъ, что въ немъ оно и будетъ погребено.

Quelle triste tournure prennent les affaires en Allemagne! Вы узнаете еще не то про гвардію.—Бернадотта опасаются.—Неужели онъ обманулъ и англичанъ, которые до небесъ его превозносятъ?

44.

Маія 13. 1813 г.

Посылаю вамъ трогательный Высочайшій рескриптъ къ вдовствующей свѣтлѣйшей княгинѣ. Государь самъ его писалъ. И себѣ и покойному воздвигъ имъ монументъ.

Тѣло нашего Фабія привезутъ къ 1-му іюня.

Австрія рѣшительно намъ помогаетъ. О семъ писалъ самъ благодатный нашъ Царь. Шведы напротивъ того кривятъ поганою своею душишкою. Простись же ты, Бернадоттъ, съ престоломъ шведскимъ. Нѣтъ, Вы не ошиблись въ первоначальномъ о немъ заключеніи.—Какъ оплошали такъ англичане! Какихъ людей они не посылали раскусить этого дѣтину!—Шведы стоятъ уже на границахъ Норвегіи. По сему и Данія не можетъ помогать намъ. Кн. Долгоруковъ оставилъ уже Копенгагенъ. Дѣла на Эльбѣ хороши. Позиція самая надежная. Будутъ теперь, до появленія австрійскихъ войскъ въ полѣ, ограничиваться оборонительною системою. Здѣсь негодяи распространили самые безпокойные слухи на счетъ нашего отступленія; но они уже изобличены во лжи. Бонапарте не смѣетъ и подумать перешагнуть чрезъ Эльбу.—Берлинцы, какъ напуганныя вороны, и куста боятся. Вольно имъ было приготовляться къ отчаянной оборонѣ города.

Все съ подробностями знаю о несчастномъ Френсдорфѣ.—Сюда привезли еще молодца изъ Георгіевска, какого-то Соковнина, который тамъ набиралъ съ поддѣланными предписаніями министра полиціи войска и бралъ изъ казенной палаты на то деньги.

Я не распространяюсь, полагая, что вы о семъ уже знаете.

На особомъ листѣ:

У Мейссена и еще въ другомъ мѣстѣ французы перебрались было черезъ рѣку, но ихъ наши порядочно потузили Wie gebissene Hünde eilten sie wieder dahin, woher sie gekommen waren.

И. О.

Ci joint la piece en question.

Ни въ одной газетѣ нѣтъ описанія на счетъ Берлина, кромѣ Коцебувой. Видно, онъ самъ болѣе всѣхъ трусить французовъ, что кончилъ свой Ueberbliek der Erreignisse отрывкомъ письма покойнаго свѣтлѣйшаго. Ручаюсь, что, ежели французовъ не отгонятъ для успокоенія Коцебу отъ Эльбы, то онъ съ своею редакціею навостритъ лыжи въ Кенигсбергъ. Der Kerl hat viel Courage um Fliegen sods zu schlagen. Какая потѣха будетъ для Меркеля, паче чаянія Die Flucht nach Königsberg сбудется. Бернадоттъ явился въ Померанію командовать войсками шведскими. Я, право, все-таки еще его не понимаю. Въ Швеціи оставилъ онъ два корпуса для защищенія границъ. Кто-жъ хитритъ: Швеція или Данія?

Милорадовичеву корпусу дѣйствительно досталось быть въ передѣлкѣ, но онъ отступилъ въ порядкѣ и дорого заплатилъ непріятелю за отчаянное на него нападеніе съ тройнымъ числомъ.

45.

С.-Петербургъ. Маія 16. 1813.

Я раздѣляю съ вами опасенія, кои рождаетъ искра несогласія, возникающая между Даніею и Швеціею. Я все-таки виню Бернадотта, а не Датское правительство.

Ну, Александръ Яковлевичъ. Пришла почта. За цензуру пора.— Взгляну на важнѣйшія статьи и Вамъ ихъ примахну.

J'ai parcouru la gazette de Berlin. Изъ Берлина на всякій случай, какъ изъ Москвы, вывозятъ казенныя драгоцѣнности заблаговременно; впрочемъ тамъ надѣются болѣе уцѣлѣть, ибо французы, переправившіеся чрезъ Эльбу, всюду отражены и съ большею потерею должны были возвратиться на лѣвый берегъ. Гамбургу напротивъ того достается. Островъ Вильгелмсбургъ взятъ непріятелемъ и съ него стрѣляютъ уже по несчастному городу.

Датскія войска явились однакожъ не впускать туда французовъ, хотя и не намѣрены дѣйствовать наступательно.

Кн. Шварценбергъ возвратился изъ Парижа и получилъ команду надъ войсками австрійскими, которыя идутъ изъ Богеміи противъ изверга, а тѣ, которыя трогаются изъ Галиціи, поручены фельдцейхмейстеру кн. Реусу. Гр. Стадіонъ отправленъ въ главную квартиру къ нашему Государю, а гр. Бубна къ Наполеону.

Кажется, что французы опѣшили на Эльбѣ и не смѣютъ ничего важнаго предпринимать.

46.

Маія 17. 1813.

Третій разъ собираюсь писать къ единственному моему Алек. Яковлевичу о канцлерѣ, что онъ ѣдетъ куда-то лѣчиться по примѣру нашего министра внутреннихъ дѣлъ, который уже и отслужилъ въ среду путешественный молебенъ въ Почтовой церкви. Потянется чрезъ Ревель, Перновъ и Дерптъ на Ригу и Митаву, а можетъ быть и на Бальдонскія воды, ежели въ Митавѣ не почувствуетъ разстроенному отъ трудовъ здоровью поправленія отъ вояжа. Сюда ѣдетъ изъ Дрездена гр. Юр. Александ. Головкинъ. И объ этомъ давно хотѣлъ дать вамъ знать; но забывалъ. Вчерась я къ Вамъ намаракалъ Бернадоттову прокламацію, а ввечеру увидалъ, что она находится и въ Консерватерѣ, котораго до отправленія Московской почты не было времени пробѣжать. Въ такихъ-то я недосугахъ, торопяхъ и разметанности.

47.

Маія 20. 1813.

Я опять съ восторгомъ приношу мое поздравленіе съ началомъ побѣды, которая долженствуетъ еще быть довершенною, и еще болѣе насъ обрадовать. Берлинскіе жители ложатся теперь спокойно спать, а встаютъ рано по утру отъ нетерпѣнія узнать о новыхъ успѣхахъ. И гамбургцы не страшатся болѣе пришествія злодѣевъ. Въ соединеніи съ датчанами защищаютъ сей городъ до 30 тысячъ войска. Чернышевъ и Деренбергъ зашли уже въ тылъ угнѣздившемуся на островахъ предъ Гамбургомъ непріятелю.

Въ пятницу пріѣхалъ сюда гр. Ник. Петр. Панинъ. О семъ получилъ уже записку вечеромъ въ субботу. Онъ стоитъ въ Лондонѣ вояжеромъ. Канцлеръ всѣмъ самъ объявляетъ, что и онъ для поправленія здоровья намѣренъ путешествовать; но еще не рѣшился, въ которую сторону потянуться. Справляется, гдѣ покойнѣе въ настоящее время дороги? Беретъ съ собою для компаніи Крейдемана.

Не получили до сихъ поръ церемоніала похоронамъ Свѣтлѣйшаго, а его обѣщали прислать изъ Главной квартиры. Между тѣмъ тѣло приближается. Въ Ригу чрезъ нарочнаго отсюда дано было знать, чтобъ везли его какъ можно тише. Его однакожъ привезутъ 22 числа, т. е. послѣ завтра, въ Сергіевскую пустынь въ 15 верстахъ отъ Петербурга. Можете представить себѣ суматоху. Съ

субботы начали родственники въ Бозѣ почивающаго дѣлать всѣ приготовленія на свой счетъ. Не знаютъ однакожъ, гдѣ его отпѣвать и гдѣ его хоронить. La ville s'offre à présenter un démimillion, ayant appris qu'aucune somme n'était pas encore assignée pour les funérailles. On lui a fait entendre qu' elle n'en fasse la moindre démarche. Дѣйствительно Государю не мудрено было противъ непріятеля позабыть о обѣщаніи своемъ. Но каковы окружающіе, долженствовавшіе о томъ напомнить?—Намъ такъ вѣжливыми письмами г-нъ Уваровъ напоминаетъ о томъ, что и безъ него давно товарищъ мой съ высланнаго вами ко мнѣ письма къ Глинкѣ обѣщалъ мнѣ исполнить. Sie verden sehen wie das Ding arrangiert ist, Leider wir haben so wenig Zeit gehabt um es eher aûsuken.

48.

С.-Петербургъ. Маія 23. 1813.

8-го и 9-го маія продолжалась у Баутцена генеральная баталія. Мы удерживали при наступленіи ночей мѣсто сраженія за собою. Непріятель все еще лѣзетъ драться по превосходству силъ своихъ. Втрое противъ насъ теряетъ. Мы, кажется, для отдыху отступаемъ нѣсколько назадъ. On recule, pour pouvoir sauter après plus loin.—Въ Гамбургъ прибылъ Бернадоттъ съ шведскими войсками. Городъ сей теперь въ безопасности. Союзъ Австріи съ нами и Пруссіею уже объявленъ. Австрія идетъ съ нами войною не только на Наполеона, но и на Саксонію и Баварію. Завтра читайте „Инвалида" нашего. Въ немъ все обстоятельнѣе найдете.

Скажу еще теперь, что завтра привезутъ въ Сергіевскую пустынь, въ 15 верстахъ отсюда, тѣло Смоленскаго князя. До сего часа нѣтъ еще никакого разрѣшенія отъ Государя въ разсужденіи его похоронъ. Поставлены тѣмъ въ тупикъ. Когда тѣло привезли токмо на границу Петербургской губерніи, то вдругъ появился большой черный орелъ надъ гробомъ и парилъ нѣсколько минутъ саженяхъ въ пяти не выше. И царь пернатыхъ отдаетъ послѣднюю честь великому мужу.

49.

Маія 24, 1813.

Получено разрѣшеніе похоронить тѣло Смоленскаго въ Казанскомъ соборѣ.—Отъ Нарвы несетъ его народъ на плечахъ своихъ и не

допускаетъ иностранцевъ, которые также рвутся воздать сію последнюю почесть праху великаго мужа.

Нынѣшнею ночью принесли гробъ въ Сергіевскую пустыню, гдѣ и простоитъ еще нѣсколько дней, ибо Голицинъ Тургеневской будетъ еще дѣлать нужныя приготовленія для великолѣпнѣйшихъ похоронъ на кабинетскій коштъ.

На особомъ листкѣ:

Сейчасъ пріѣхалъ курьеръ съ новою побѣдою близъ Баутцена. Отбито у Шельмы 13 пушекъ—убитъ Дюрокъ. Только и знаю. Ура! Ура! Ура!

Слава Тебѣ, Господи!

50.

С.-Петербургъ. Маія 27. 1813.

Мы отступили почти до Бреслау: но тѣмъ хуже для лютаго злодѣя. 18-го маія Австрія долженствовала открыть непріятельскія дѣйствія противъ наполеонцовъ. На сихъ дняхъ ждутъ курьера съ извѣстіемъ о рѣшительномъ сраженіи. Французы теряли до сихъ поръ втрое, а въ роковой баталіи должны потерять вшестеро и быть побѣждены наголову. J'ai des grandes raisons à espérer cela, quoique on veut ici montrer la chose tout-à-fait d'un autre côté. — Что прикажете дѣлать съ мерзавцами! Гр. Никита Петровичъ уѣхалъ 23-го ввечеру, взявъ подорожную до Клина. Здѣсь остается еще гр. Марковъ. Не уѣхалъ еще и собирающійся на Коренную ярманку Государственный канцлеръ. — Не коснусь до восхитительнаго привезенія тѣла Смоленскаго князя въ Сергіевъ монастырь 24 числа.

51.

С.-Петербургъ. Маія 28.

Все, патріоты мои, идетъ хорошо. И въ Гишпаніи бьютъ французовъ. Бернадотта провожаетъ по пятамъ англійскій адъютантъ. И Сухтеленъ потянулся за нимъ въ Германію.—Что жъ хотятъ тутъ дѣлать и датчане? Они, правда, въ переговорахъ съ злодѣемъ; открыты многія ихъ шашни: mais la force du courant d'un aussi grand fleuve les emportera malgré eux. Les mesures sont prises à l'égard de la Suède et du Dannemarc, comme vous le savez déjà, peut-être. Узнаете еще чудеса. Ежели чья политика безъ правилъ, то и мѣры должны быть странныя. Въ этомъ отношеніи мы всѣхъ перещеголяли. Поставимъ всякаго въ тупикъ, чтобъ уга-

дать нашу систему. Darüber ist viel zu sagen: aber nicht mit der Post.—Хорошо, кабы намъ можно было часовъ на пять сойтись покалякать изустно! Еще и съ этою почтою не получили мы для Весъ Volksblatt. Uebersicht der neuesten Vorfälle in der lezten № ist vortrefflich.—Жаль, что у меня нѣтъ времени кое-что изъ него вытянуть!—Говорятъ, будто гр. фонъ-деръ Палена (пфифіолоrиста) потребовали въ армію. Il peut remplacer Koutouzoff, боюсь токмо, что это неправда. На злодѣя надобно напускать такихъ людей.

52.

С.-Петербургъ. Маія 30. 1813.

Извѣстія всѣ въ газетахъ хороши. Возвѣщенная Вамъ побѣда оными подтверждается.

Наши-то вѣсти другого совсѣмъ естества. Барклай сдѣланъ опять главнокомандующимъ. — Прогнѣвили мы, видно, Бога снова. Опять напущено ослѣпленіе.

53.

31. May.

Все хорошо—кромѣ назначенія главнокомандующаго. Загляните въ мою газету. Тамъ пространно говорится о новѣйшихъ происшествіяхъ.—Шельма ретируется. Вотъ теперь-то бы съ добрыми планами и начать его жучить. Но я думаю, что намъ въ риѳму будетъ кричать: ай! ай!

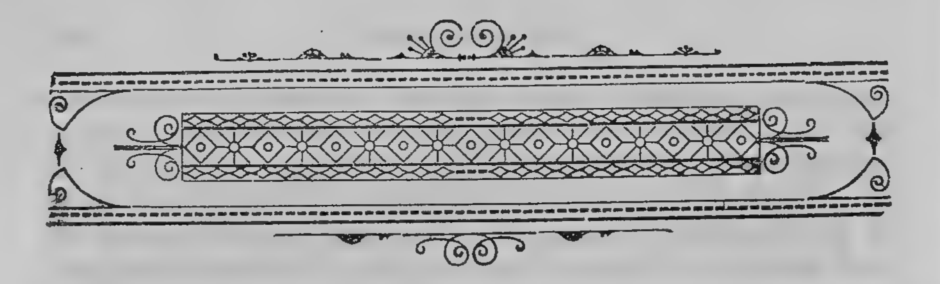
Отъ 25-го текущаго получилъ отъ корреспондента моего извѣстія. Польская ракалія чего-то ждетъ: становится, наипаче въ Варшавѣ, наглѣе въ предсказаніяхъ своихъ; однакожъ съ нею круто поступаютъ. Уймется, чортъ ее побери!

Тормасовъ на пути сюда проѣхалъ уже чрезъ Вильну. При арміяхъ онъ сдѣлался будто бы лишнимъ, какъ и Чичаговъ, который теперь здѣсь ругаетъ всѣхъ, и споритъ, у кого охота есть схватиться съ этою экзалтированною головою—что Наполеона побѣдить не можно.

Знаетъ кошка, чье мясо съѣла.

С. О. Долговъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).



Люди и нравы за полвѣка[1]).

Недавно, читая записки А. И. Соколовой, я встрѣтилъ въ нихъ и знакомую фигуру князя Ю. Н. Голицына. Чѣмъ-то далекимъ, далекимъ пахнуло на меня; далекимъ и хорошимъ... Исполинская фигура Голицына возстала предо мною, какъ живая...

Помню и его сына, тогда еще мальчика лѣтъ семи-восьми: въ голубой шелковой рубашечкѣ, опоясанной серебрянымъ кушачкомъ, въ черныхъ бархатныхъ русскаго покроя штанишкахъ, онъ какъ-то безъ призору бѣгалъ по клубу въ то время, когда отецъ велъ веселые разговоры съ друзьями за общимъ столомъ.

Вѣроятно, этотъ мальчикъ и обратился впослѣдствіи въ молодого человѣка, про котораго говоритъ и А. И. Соколова, но, увы, безъ правъ на княжескій титулъ. Мы тогда этого и не подозрѣвали, и всѣ звали красиваго малютку „князенька“.

— Скучно вашему сынку, князь, одному-то, какъ-то заговорилъ я съ Юріемъ Николаевичемъ: разрѣшите мнѣ привезти для него компанію—моего братишку, ровесникъ вашему-то будетъ.

— Ради Бога! Очень и очень обяжете. Я просто страдаю, глядя на его одиночество.

Въ слѣдующій разъ я привелъ въ кружокъ своего брата. Тутъ ужъ я началъ страдать: ужасно боялся, что онъ, прямо съ улицы-то, по обычаю, накладетъ для перваго знакомства сіятельному другу

[1]) См. „Русская Старина“ мартъ 1913 г.

въ загорбокъ, какъ говорится, по первое число, вотъ тотъ и будетъ помнить.

Но однако все обошлось благополучно.

Князь Голицынъ, когда я съ братомъ уходилъ домой, такъ горячо просилъ опять въ слѣдующій разъ привести его въ кружокъ, что я не могъ отказать и обѣщалъ непремѣнно исполнить его желаніе.

Мы пошли въ переднюю одѣваться. Князенька такъ прилипъ къ братишкѣ, что пошелъ провожать насъ. Здѣсь онъ обращается къ швейцару и спрашиваетъ:

— А гдѣ же?...

— Здѣсь, ваше сіятельство,—слышится сзади голосъ другого лакея.

Я обернулся и вижу въ рукахъ человѣка громадный пакетъ, который передается въ руки князька.

— А это отъ меня.... передавая пакетъ брату, говоритъ какъ-то сконфуженно аристократъ.

— Спасибо... глядя исподлобья, мычитъ мой плебей.

— Ты смотри же, не обмани, приходи въ четвергъ.

— Ладно! коли братъ возьметъ, приду; съ тобою весело...

— Ну, вотъ и хорошо; очень радъ буду тебя видѣть; смотри же, не обмани!... и при этомъ мило погрозилъ ему пальчикомъ.

— Ну, а то...

Что этимъ хотѣлъ сказать мой шестилѣтній братишка, ей Богу, не знаю.

Одѣлся онъ въ свой полушубокъ, забралъ пакетъ, и мы отправились домой, конечно, пѣшкомъ, благо близко,

Весело мнѣ было смотрѣть на этихъ дѣтишекъ, а на сердцѣ было все-таки неспокойно.

Только-что вышли мы изъ кружка, прошли дворъ, вышли на улицу, я сейчасъ же съ допросомъ:

— Ну, что жъ, тебѣ понравилось?

— Извѣстно, понравилось. Тамъ хорошо.

— Ну, что же вы дѣлали?

— Чай пили... печенье ѣли... груши ѣли... виноградъ ѣли... (О, плебей!).

— И играли?

— Извѣстно, играли...

— А ты съ нимъ не подрался?

— Нѣтъ, зачѣмъ драться: онъ добрый.

— Ну, смотри, Илюша, веди себя хорошенько, не осрами меня, а то въ другой разъ не возьму.

Пришли домой, и первое дѣло братишки было, не раздѣвшись, бѣжать къ матери.

— Смотри, мама, что у меня-то?—и начинаетъ вытаскивать изъ пакета все благопріобрѣтенное: груши, яблоки, виноградъ...

Нѣсколько разъ я бралъ его съ собой, и, къ моему удивленію, никакого скандала онъ не произвелъ. Весь сезонъ плебей и князь были друзьями.

И я замѣчалъ, какое хорошее вліяніе это имѣло на братишку въ воспитательномъ отношеніи: разныя выходки брата, подъ часъ непозволительныя по своей рѣзкости и дикости, какъ-то постепенно сглаживались.... Плебсъ полировался и понемногу уходилъ съ улицы...

Жаль, что это продолжалось недолго.

X.

Я такъ спутался съ этимъ кружкомъ, такъ увлекся театромъ, что совсѣмъ забросилъ ученье. Да и не могъ не забросить: всѣмъ существомъ стремился я къ сценѣ, жилъ ею, дышалъ; сцена цѣликомъ захватила меня, какъ говорится, съ головы до пятъ...

Я забылъ разсказать, какую штуку я удралъ лѣтомъ того года.

Не посѣтуйте на меня за то, что я, оставляя въ сторонѣ хронологію, вернусь нѣсколько назадъ.

Лѣтомъ этого года артистъ Малаго театра, рѣдкостный комикъ Н. И. Музиль былъ командированъ на гастроли въ Тифлисъ. Намѣстникъ Кавказа, великій князь Михаилъ Николаевичъ, проѣзжая чрезъ Москву, посѣтилъ театръ, видѣлъ Музиля, восхищался его игрою и пригласилъ его на лѣто къ себѣ. Вотъ Музиль и уѣхалъ въ Тифлисъ. И залѣзла въ мою юную голову такая дѣтская хитрость: во время репетиціи я забрался за кулисы Малаго театра; темь страшная; ни души не видно; гдѣ-то вдали слышатся какіе-то разговоры—очевидно репетировали... Не знаю, куда тронуться, да и боюсь... Сердце усиленно бьется въ груди... Вдругъ выходитъ изъ-за кулисъ и натыкается въ потемкахъ на меня господинъ...

— Извините, пожалуйста, мнѣ бы нужно было видѣть Николая Игнатьевича Музиля...

— Его нѣтъ; онъ въ Тифлисѣ.

— Ахъ... какъ жаль...

Разговаривая, мы вышли на улицу, и только тутъ я узналъ въ разговаривавшемъ со мною господинѣ артиста Александрова.

— А вамъ зачѣмъ нуженъ Музиль?

— Да я было хотѣлъ посовѣтоваться съ нимъ, какъ бы мнѣ получить дебютъ...

— Такъ, вѣдь, это-жъ можно и безъ него: отправляйтесь въ контору театра... Знаете, на Малой Дмитровкѣ? Явитесь къ инспектору репертуара В. П. Бѣгичеву, такъ какъ директоръ Пельтъ въ отпуску, и тотъ исправляетъ его должность; заявите о вашемъ желаніи, и больше ничего. Вѣроятно, дебютъ вамъ разрѣшатъ...

— Очень, очень вамъ благодаренъ!..

Я проводилъ его до Кузнецкаго моста, и мы разстались.

О! юность, юность! О, неопытность!

На другой день начинаю дѣйствовать, какъ по-писанному: отправляюсь на Малую Дмитровку, храбро дергаю за ручку звонка; дверь отворяетъ представительный швейцаръ.

— Мнѣ нужно видѣть Владимира Петровича Бѣгичева...

— Пожалуйте, принимаютъ; я сейчасъ доложу.

Черезъ двѣ—три минуты возвращается и какъ-то особенно радушно (такъ мнѣ показалось) говоритъ: сейчасъ выйдутъ, потрудитесь подождать.

О! надежда моя начала расти. Все предвѣщало удачу.

Вдругъ дверь отворяется, и изъ кабинета выходитъ красавецъ-мужчина, лѣтъ 35, высокаго роста, кудрявый брюнетъ, въ модномъ бархатномъ пиджакѣ, обшитомъ широкою шелковой тесьмой, въ бѣломъ жилетѣ и свѣтлыхъ брюкахъ.

Это былъ самъ Бѣгичевъ, герой Москвы, первый ея всѣми признанный легкомысленный красавецъ. Говорятъ, что Маркевичъ въ своемъ романѣ „Четверть вѣка назадъ“ изобразилъ именно его подъ фамиліей... Вотъ ужъ и забылъ эту фамилію. Извините.

Я разсказываю ему въ чемъ дѣло... Разсказываю робко, заикаясь...

— Вы хотите получить дебютъ?—съ улыбкой спрашиваетъ онъ меня.

— Да, я желалъ бы...

— Прекрасно. Отправляйтесь въ театръ, спросите режиссера Александра Ѳедоровича Богданова, скажите ему, что вы были у меня, и что противъ вашего дебюта я ничего не имѣю. Сегодня съ нимъ я увижусь!

Слегка наклоняется ко мнѣ, протягиваетъ крупную красивую руку, которую я даже пожалъ отъ радости, и аудіенція кончена.

Боже! до чего все это легко! И какъ мнѣ везетъ! Спасибо Александрову: указалъ прямую дорожку.

Отъ Малой Дмитровки до Малаго театра рукой подать. Бѣгу туда, не воровски, какъ вчера, а прямо лѣзу на сцену и дежурному капельдинеру говорю: мнѣ нужно видѣть режиссера, А. Ѳ. Богданова.

— Они здѣсь, сейчасъ доложу.

Дѣйствительно, выходитъ ко мнѣ маленькій, сѣденькій старичекъ

— Вы желали меня видѣть?

— Да, я...

— Что же вамъ угодно?

Я объясняю ему, что хотѣлъ бы получить дебютъ; былъ у В. П. Бѣгичева, который направилъ меня къ нему.

— Очень хорошо. Въ чемъ же вы желали бы дебютировать?

— Въ „Простушкѣ и воспитанной“.

— Какую же роль?

— Емели.

— Прекрасно. Милости прошу завтра въ 11 часовъ на репетицію. Я распоряжусь.

Бѣгу домой, а самъ думаю: что же это такое? Сказка... сонъ... или же... ужасная дѣйствительность? Да, ужасная! Не удивляйтесь, трусъ велій объялъ меня. Лихорадило меня цѣлыя сутки, мѣста себѣ не находилъ.

Наступило утро слѣдующаго дня. Съ девяти часовъ я началъ ходить по улицѣ вокругъ театровъ, то Большого, то Малаго. Вопросъ: идти ли на репетицію, или нѣтъ, казалось, насквозь просверлилъ мой мозгъ... Но вотъ слышу на Спасской башнѣ играютъ часы... бьетъ половина одиннадцатаго... я стремительно бѣгу къ актерскому подъѣзду Малаго театра... подхожу къ нему... останавливаюсь... и... струсилъ. Махнулъ рукой и... побѣжалъ домой...

Да, не пошелъ, а побѣжалъ, побѣжалъ, точно жуликъ, за которымъ гналась сотня городовыхъ и дворниковъ. Испугался...

На этомъ и оборвался мой первый шагъ къ сценѣ.

Въ то время, кажется, въ единственномъ юмористическомъ журналѣ Миллера: „Развлеченіе“ была помѣщена каррикатура: нарисована театральная сцена, загроможденная лѣсомъ кулисъ; на верху надпись „Малый театръ“; къ этой сценѣ подходитъ бритый молодой человѣкъ и останавливается... Въ раздумьѣ смотритъ на порогъ... На порогѣ во всю длину растянулась фигура съ физіономіей актера Н. Е. Вильде...

Но само собою разумѣется, что эта каррикатура не касалась меня. Я самъ бѣжалъ, гонимый ужасомъ, и Вильде тутъ былъ ни при чемъ.

XI.

Около этого времени А. Н. Островскій выпустилъ въ свѣтъ свою драматическую хронику „Дмитрій Самозванецъ и Василій Шуйскій“.

Захватывающій интересъ содержанія хроники, безподобная обстановка, высокоталантливая игра артистовъ и, наконецъ, имя Островскаго, все это неудержимо влекло и москвичей, и пріѣзжихъ провинціаловъ въ театръ, не видавшихъ до сего времени ничего подобнаго. Не удивительно, что піеса шла черезъ день и всегда съ аншлагомъ, что билеты всѣ проданы.

Недавно, разбирая разный рукописный хламъ,—грѣхи моей молодости,—я нашелъ тетрадку, въ которой написана данная намъ на святки 1867 года работа на тему: „Какъ я провелъ святки?“.

Вступленіе заняло всего 15—20 строкъ: одинъ день, какъ двѣ капли воды, похожъ на другой: всталъ, умылся, помолился Богу; попилъ чайку, пообѣдалъ, погулялъ, опять чай, поужиналъ и на боковую. Ну, что же тутъ можно было выбрать интереснаго для даннаго сочиненія? Понятно, что я скорехонько перешелъ къ театру, всей душой мною любимому.

Когда я перечитывалъ сочиненіе, вся постановка Самозванца воскресла въ моей памяти: декораціи, костюмы, игра и вообще вся обстановка прошли передо мною, какъ будто я видѣлъ все это мѣсяцъ, или два тому назадъ... Какъ будто Шумскій, Вильде, Самаринъ, Провъ Садовскій, Васильева, Ѳедотова, Ѳедотовъ и др. и до сей поры здравствуютъ и проживаютъ на Москвѣ. А между тѣмъ, увы! все это дорогіе покойники, кромѣ моего божка, Г. Н. Ѳедотовой, здравствующей и понынѣ...

Да, времени прошло много... Много воды утекло!..

Почти полвѣка!

Что значитъ молодость, способность воспринимать и хранить впечатлѣніе: прошло полвѣка, а между тѣмъ „оно во мнѣ... оно со мной!..“

Вотъ проходитъ предо мною старый бояринъ князь Василій Шуйскій. Удивительно правдиво сумѣлъ вызвать изъ тьмы вѣковъ эту историческую личность А. Н. Островскій, а воплотить ее—великій артистъ С. В. Шумскій. Въ боярской думѣ—Шуйскій одинъ; съ Самозванцемъ—другой; въ ссылкѣ—третій; съ калачникомъ Иваномъ—четвертый; во главѣ мятежа—пятый, и т. д. разнообразіе до безконечности! Только это разнообразіе и давало зрителю понять, что за сложный характеръ былъ Шуйскій! Все у него обдумано, взвѣшено, процѣжено, нигдѣ и ни въ чемъ ни сучка, ни задоринки.

Приходитъ преданный Самозванцу Басмановъ и докладываетъ ему, что на Москвѣ противъ него образовался заговоръ: и бояре, и духовенство, и народъ участвуютъ въ этомъ заговорѣ...

— „Казни бояръ направо и налѣво, а Шуйскаго впередъ! Онъ голова всему!“.

Благородная натура Самозванца противъ этого, противъ казни. Ужъ если это такъ, то пусть осудитъ Шуйскаго на казнь не онъ, самодержавный царь, а боярская дума.

— „Я оставляю за собой великое право царей—миловать!“

Вотъ засѣданіе Думы. Стража вводитъ подсудимаго Шуйскаго. Дьякъ Щелкаловъ читаетъ обвинительный актъ. Дмитрій требуетъ отъ Шуйскаго отвѣта, и Шуйскій даетъ его; даетъ такой туманный отвѣтъ, отъ котораго пылкій Дмитрій вскакиваетъ съ трона и требуетъ сознанія полнаго, или же перехода къ обвиненію его въ самозванствѣ.

— „Тогда ужъ я оправдываться буду!“ говоритъ онъ.

Но Шуйскій спокоенъ. Онъ говоритъ въ отвѣтъ на это, что онъ служилъ царю за совѣсть; что дѣлалъ такъ, какъ приказывалъ ему царь, и мимоходомъ бросаетъ комомъ грязи въ своихъ враговъ, главнымъ образомъ въ Петра Ѳедоровича Басманова.

Подсудимаго уводятъ. Уходитъ и Дмитрій во внутренніе покои требуя отъ Думы обсудить дѣло и поставить свой приговоръ. Слышатся немногіе и при томъ робкіе голоса защиты, но большинство противъ Шуйскаго, и рѣшено казнить его...

— „На чемъ рѣшили бояре?“—спрашиваетъ быстро, по обыкновенію, входя, Дмитрій.

Дьякъ Щелкаловъ читаетъ приговоръ: рѣшено лишить Шуйскаго всего имѣнія и на Лобномъ мѣстѣ отсѣчь голову.

Царь утвердилъ приговоръ. Басмановъ радъ. Но радость эта преждевременна. Великодушный Дмитрій сейчасъ же смягчаетъ приговоръ: отвести Шуйскаго на Лобное мѣсто, совершить обрядъ казни, сказать ему, что Царь даруетъ ему жизнь и посылаетъ въ ссылку въ дальнюю глухую деревню.

Басманова коробитъ.

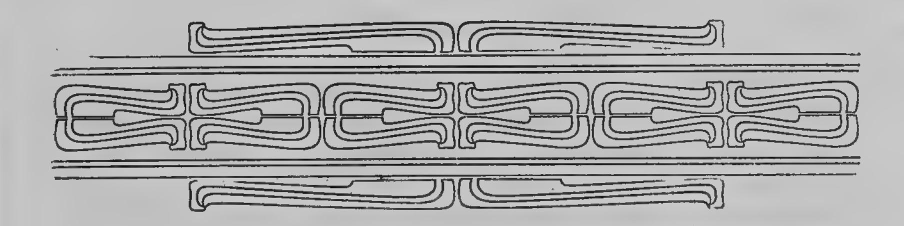
Н. Морозовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Редакторъ-Издатель **П. Вороновъ**.

Александра Марковна

Мармусевичъ.



Дневникъ статсъ-секретаря Григорія Ивановича Вилламова.

1810 г. [1]).

14 іюля четвергъ. Имѣлъ много визитовъ, просителей. Поѣхалъ на Каменный островъ. Государь принялъ меня, утвердилъ все, посовѣтовалъ показать проектъ построекъ каменщику Руджи, какъ самому искусному, когда же я назвалъ Руско, онъ сказалъ, что и этотъ знающій, ему довѣриться можно. Возвратившись и пообѣдавъ, я поѣхалъ въ Александровское. Передалъ Вильсону совѣтъ, данный Государемъ относительно Руджи, видѣлъ дѣвочекъ и мальчиковъ, пріѣхавшихъ изъ Москвы, далъ записку о тѣхъ, которые должны быть помѣщены въ Гатчинѣ, и уѣхалъ въ 8 часовъ. Дорога была отвратительная, лошади еще хуже, и я пріѣхалъ домой только къ полуночи.

15 пятница. Я былъ дежурнымъ, приготовилъ приказъ управленію о упраздненіи коммерческой части. Императрица приказала мнѣ сообщить о томъ Вильсону. Я получилъ отвѣтъ отъ Гротена на письмо, которое я послалъ ему до доклада у Государя, хотя Императрица приказала послать послѣ, но я надѣялся увидѣть его въ тотъ же день и боялся задержать. Онъ прислалъ счетъ долга въ сохранной казнѣ, что было 35.900 р. въ золотѣ и серебрѣ, и ассигнуетъ уплату 136/т. у себя въ Бѣломорской компаніи въ 3 срока: сентябрь, декабрь и февраль. Это разумно. Императрица осталась довольна. Я обѣдалъ во дворцѣ.

---

[1]) См. „Русская Старина“, май 1913 г.

16 суббота. День свободный. Мы получили приглашеніе къ 6 часамъ на балъ на птичникѣ со всѣми дѣтьми безъ исключенія, даже съ грудными, если таковыя есть. Собралось 46 дѣтей, имъ сдѣлали репетицію полонеза. Въ 7 часовъ пріѣхала Императрица; всѣхъ дѣтей повели къ ней навстрѣчу. Потомъ дѣти танцовали полонезъ, постарше—англезъ. Въ 8 часовъ стали разъѣзжаться послѣ того, какъ Императрица пожелала, чтобы родители представили ей своихъ дѣтей.

17 воскресенье. Утромъ я поѣхалъ во дворецъ, куда свезъ къ М-lе Дивовой сестру и М-lе Ильину. Обѣдалъ дома, а послѣ обѣда поѣхалъ къ Императрицѣ, возвратившись, далъ 10.400 р. Чистякову для работъ въ Гатчинѣ. Потомъ пришелъ Вильсонъ, который принесъ проектъ приказа объ учрежденіи Торговой части, вполнѣ одобрилъ его.

18 понедѣльникъ. Пришли М-lе Нелидова, Арсеньевъ, Луиза Биронъ, графъ Віельгорскій и М-lе Дивова и Давыдовъ. Всѣ уѣхали, но осталась М-lе Давыдова. Разговоръ зашелъ о связи Луизы Биронъ съ Давыдовымъ; что объ этомъ говорили въ городѣ, и объ ихъ дурномъ руководителѣ М-lе Бенкендорфъ, между прочемъ говорятъ, что Бенкендорфъ послѣ того, какъ поощряла эту связь, сводя у себя молодыхъ людей, не хочетъ болѣе принимать его (понятно Давыдова), говоря, что она не хочетъ, чтобы ея комната служила мѣстомъ свиданія. М-lе Дивова сказала, что много дамъ, пріѣзжающихъ изъ города, говорятъ объ этомъ. Услышавъ это и зная отъ Сергѣя Сергѣевича о разговорѣ, который былъ въ домѣ Давыдовыхъ, гдѣ шуринъ его, Орловъ, жалѣлъ свою сестру, что мужъ ея возвращается постоянно не въ духѣ, скучаетъ со своими и занимается другимъ предметомъ и пр., я рѣшился предупредить Луизу Биронъ о всѣхъ разговорахъ.

Въ 2 часа Императрица прислала за мной по поводу письма князя Голицына, главнаго надзирателя, въ которомъ онъ говоритъ о неутвержденномъ докладѣ о содержаніи крыши Воспитательнаго дома. Я нашелъ всю переписку по этому предмету, и Императрица утвердила докладъ.

19 вторникъ. Дежурный. Государь пріѣхалъ утромъ въ дрожкахъ изъ Царскаго Села, гдѣ онъ ночевалъ, и привезъ извѣстіе о смерти королевы Прусской, 34 лѣтъ отъ роду, отъ скоротечной чахотки, послѣ пяти-дневной болѣзни. По этому случаю къ обѣду всѣ надѣли трауръ. Послѣ обѣда, имѣя еще неоконченную работу, я ожидалъ Императрицу наверху; по окончаніи дѣлъ, я былъ отпущенъ.

Я написалъ письмо Луизѣ Биронъ, увѣдомляя о разговорахъ на ея счетъ и убѣждая ее быть осторожнѣе.

20 среда. Приготовилъ нѣсколько писемъ и отослалъ въ канцелярію. Принцесса Биронъ приказала мнѣ сказать, что отвѣтъ пришлетъ послѣ.

Занимался своимъ дневникомъ, который началъ съ 13-го до настоящей минуты. Послѣ этого занялся передѣлкою счетовъ, присланныхъ изъ Александровскаго, прибавивъ къ общей суммѣ долговъ лажъ на золото и серебро на сумму 359.000 руб., занятую коммерческимъ отдѣленіемъ, что составило дефицитъ въ 683 тыс. руб. Я насчиталъ только 155 тыс. лажу, потому что мануфактура принимала лажъ по курсу 1-го января, если же считать по теперешнему курсу, то дефицитъ будетъ въ 850 тыс.

Вчерашнія газеты сообщаютъ реляцію изъ нашей Дунайской арміи, по которой корпусъ генерала Воинова находится въ Челикавакѣ, на дорогѣ въ Константинополь, въ тылу арміи визиря, находящейся въ Шумлѣ.

21 четвергъ. Въ 10 часовъ поѣхалъ во дворецъ. Вольфъ увѣдомилъ меня о намѣреніи Императрицы завтра пожаловать участки земли тутъ въ Павловскѣ своимъ лакеямъ и горничнымъ.

Когда она потребовала меня къ себѣ, то сама говорила мнѣ объ этомъ и вѣрила или дѣлала видъ, что вѣритъ, что это доставитъ имъ удовольствіе. Но она сильно ошибается: они будутъ очень затруднены своими землями. Когда она мнѣ говорила, что это для нихъ будетъ большая польза, я сказалъ: „да, если они могутъ извлечь ее“. „О, да, сказала она, — если они не хотятъ строиться, то они могутъ отдать въ наемъ огородникамъ“. Здѣсь ихъ нѣтъ, отвѣтилъ я. Но она предполагала, что это имъ будетъ выгодно. Такъ какъ сегодня сняли трауръ, я долженъ былъ сбѣгать домой перемѣнить жилетъ. Были пріѣзжіе изъ Петербурга, и за обѣдомъ видѣлъ М. Арсеньеву, урожденную Каховскую (Александру). Послѣ обѣда мы съ ней долго говорили. Графъ Строгановъ спросилъ, нѣтъ ли газеты; на мой отрицательный отвѣтъ онъ просилъ и сказалъ подошедшему Загряжскому, чтобы и тотъ просилъ меня дать сюда газету.

Сегодняшнее собраніе давало хорошій сюжетъ для картины. Привезли рисунокъ Шебуева, молодого ученика Академіи, окончившаго курсъ въ Италіи. Рисунокъ изображаетъ Благотворительность. Хорошо и изящно. Его поставили въ комнатѣ, сосѣдней съ Греческимъ заломъ въ кабинетѣ Императрицы. На-

рисованъ чернымъ карандашемъ, дѣйствительно, хорошо. Спускаясь, я встрѣтилъ Дюваля, и пошли съ нимъ смотрѣть картину и потомъ въ пріемную Императрицы. Императрица вернулась отъ Великой Княгини и позвала Дюваля. Вошелъ Великій Князь и сказалъ, что онъ мнѣ пришлетъ билеты на 150 тыс. руб., которые онъ положилъ въ прошломъ году, чтобы я сдѣлалъ бланковыя подписи, которыя онъ подпишетъ, и чтобы я получилъ проценты за годъ. Вольфъ и я были позваны. Пріѣхалъ Государь въ 7 часовъ, послѣ его отъѣзда снова позваны и, наконецъ, отпущены.

Сегодня встрѣтилъ Полетику, котораго я чуть было не узналъ, и тотъ прошелъ бы, не поклонившись мнѣ, но я поклонился ему, и онъ отвѣтилъ мнѣ очень холодно, приподнявъ шляпу.

22 пятница. Именины Императрицы. Я получилъ отъ г-на Давыдова пакетъ съ работами глухо-нѣмыхъ и стихотвореніе директора. Въ 11 часовъ поѣхалъ во дворецъ и встрѣтилъ Императрицу на лѣстницѣ. Она сказала мнѣ: лѣнивецъ, откуда Вы являетесь такъ поздно? Я поцѣловалъ ей руку и передалъ работы. Потомъ пошелъ въ зало, гдѣ собралось много народа. Я увидѣлъ принцессу Биронъ, которая какъ будто избѣгала меня; я нашелъ, что лицо ея измѣнилось или поблѣднѣло, не знаю, измѣнилась ли она въ лицѣ, увидѣвъ меня, или это настоящій цвѣтъ. — Я передалъ Саблукову проектъ приказа объ управленіи Александровскимъ, чтобы онъ высказалъ свое мнѣніе, какъ желала Императрица.—Баташевъ мнѣ говорилъ о медали, обѣщанной Кухнопу, оказалось, что дѣло остановилось изъ-за цвѣта ленты. Императоръ хотѣлъ, чтобы она была не Анненская, я сказалъ, что это безразлично, такимъ образомъ дѣло устроилось. Я спросилъ Аракчеева, какъ получилъ отпускъ принцъ Евгеній Виртембергскій: съ содержаніемъ или нѣтъ? Онъ отвѣтилъ, что не помнитъ, но что это найдется въ бумагахъ. Потомъ я говорилъ съ Барклаемъ-де-Толли, упомянувъ о Вольцогенѣ, который находился при немъ и получалъ жалованье, онъ отвѣтилъ, что Вольцогенъ имѣлъ не отпускъ, а командировку, и потому сохранилъ содержаніе, но впрочемъ, если Императрица желаетъ, онъ доложитъ Государю. Я поѣхалъ на короткое время домой и, возвратившись во дворецъ, узналъ, что обо мнѣ спрашивали. Пошелъ къ Императрицѣ, она подписала приготовленныя три письма, изъ нихъ одно къ кн. Алексѣю Куракину по случаю болѣзни его брата, который подвергся обжогу на праздникѣ, данномъ австрійскимъ посломъ кн. Шварценбергомъ въ Парижѣ, во время котораго

зало загорѣлось. Обжогъ былъ очень опасный, и вслѣдствіе дурного лѣченія началась гангрена, но теперь ему лучше.

Второе письмо—гр. Кушелеву, отвѣтъ на его поздравленіе. 3-е г-жѣ Адлербергъ. Я передалъ отвѣтъ военнаго министра на счетъ ея племянника. Она спросила, говорилъ ли я ея именемъ, я отвѣтилъ: да.

Пригласили Саблукова и начали трактовать объ исторіи упраздненія торговли. Саблуковъ полагалъ, что надо было сдѣлать точный просмотръ корреспонденціи и счетовъ, сравнить ихъ, оградить себя отъ новыхъ требованій, сдѣлавъ публикаціи о прекращеніи фирмы и пр. Императрица была готова снарядить въ походъ всѣхъ бухгалтеровъ и т. д. Но тутъ доложили о приходѣ Государя. Онъ пріѣхалъ до обѣдни, у которой и присутствовалъ. Я ушелъ домой. Послѣ обѣда прислали за мной—въ 6 часовъ меня ожидали во дворцѣ. Императрица спросила меня, гдѣ я остался, что я, вѣдь, зналъ, что нужно кончить дѣло о торговлѣ съ Саблуковымъ. Я сказалъ ей, что Саблуковъ здѣсь, и я вижу, что онъ хочетъ сдѣлать цѣлую исторію—комиссію для разсмотра всего этого и т. д., что примѣръ, приведенный имъ объ облегченіяхъ, сдѣланныхъ Зутцерланду, не вѣренъ, потому что Зутцерландъ былъ банкротъ, и дѣло шло о полученіи казенныхъ денегъ; между тѣмъ, тутъ вовсе нѣтъ вопроса объ объявленіи управленія банкротомъ. Наконецъ позвали Саблукова, и всѣ его великолѣпныя рѣчи привели къ приказанію переписать проектъ приказа, добавивъ къ нему въ томъ мѣстѣ, гдѣ сказано, что Гротенъ долженъ сдать бумаги, а что Вильсонъ долженъ принять ихъ. Въ концѣ я началъ говорить и сказалъ Саблукову: „мнѣ кажется, цѣль этой перемѣны есть уничтоженіе особой экспедиціи, которая дѣлала разныя операціи сама, и никто объ этомъ не зналъ, что по установленнымъ правиламъ никто не имѣетъ права вмѣшиваться, кромѣ управляющаго экспедиціей; и теперь все дѣло въ прекращеніи подобнаго положенія, и привести, какъ операціи, такъ и счета въ ясность и чистоту“.

Государь еще разъ прервалъ этотъ разговоръ. Выходя и увидѣвъ Вильсона, онъ сказалъ ему по-англійски, что очень доволенъ тѣмъ, что видѣлъ въ Колпинѣ. Императрица, поговоривъ еще съ кн. Шаховскимъ и кн. Голицынымъ, главнымъ надзирателемъ, вышла, наконецъ, къ собравшемуся обществу. Уходя изъ дворца, я догналъ кн. Шаховскаго и Голицына, которые шли ко мнѣ, пришелъ также Сергѣй Сергѣевичъ Ланской, Шторхъ и Вольцогенъ, и пили чай у меня.

Вечеромъ я принялся за дневникъ и привелъ въ порядокъ корреспонденцію кн. Алексѣя Куракина. 1-го іюля (новаго стиля) по случаю свадьбы Наполеона кн. Шварценбергъ давалъ праздникъ и устраивалъ въ саду зало и галлерею легкой постройки, обтянутыя раскрашеннымъ масляными красками холстомъ, декорированнымъ и обвѣшеннымъ легкой матеріей, которая загорѣлась, и огонь охватилъ мгновенно все зало. Наполеона предупредили во-время; княгиня Паулина Шварценбергъ, супруга посла, вошедшая въ зало, чтобы отыскать дочь, сгорѣла и была найдена на другой день и узнана только по своимъ драгоцѣннымъ вещамъ; княгиня Лауенъ и г-жа Лабенская, супруга нашего консула, умерли скоро отъ обжоговъ; племянница кн. Шварценберга очень больна; онъ самъ сталъ очень задумчивъ, и боялись за его здоровье. Замѣчаютъ, что всѣ браки во Франціи съ эрцгерцогинями Австрійскими сопровождались несчастіями и служили дурными предзнаменованіями; изъ послѣднихъ примѣровъ былъ бракъ несчастнаго Людовика XVI.

Мнѣ это напомнило разсказанное мнѣ въ Швеціи несчастіе, случившееся при рожденіи короля Шведскаго, Густава Адольфа IV, лишеннаго престола. Видѣніе короля Карла IX, повидимому, какъ будто, оправдывается. Въ газетахъ помѣщенъ актъ присоединенія Голландіи къ Франціи послѣ отреченія отъ престола Людовика Бонапарта. Вотъ еще братъ, который поссорился. Люсьенъ Бонапартъ, находившійся постоянно въ ссорѣ, говорятъ, отвѣтилъ Наполеону на предложеніе—выбрать для себя корону: Я прошу корону Англіи. Если это правда, то очень остро и похоже на Люсьена. Завоеваніе Испаніи тоже не удается. Знаменитый Фуше, министръ полиціи, въ немилости, а Талейранъ въ худшихъ отношеніяхъ, какъ никогда не было. Евгеній Богарне, повидимому, имъ покинутъ. Это разъединеніе въ семействѣ, эти немилости относительно его лучшихъ опоръ, эти неудачи въ Испаніи и несчастіе при праздновании его свадьбы, представителемъ двора, къ которому принадлежитъ его супруга, все это не заставитъ ли вѣрить предсказанію о его счастьи до 40 лѣтъ? Ему 41-й минетъ въ августѣ. Говорятъ, что Коленкуръ будетъ отозванъ.

23 суббота. Мое дежурство шло по обыкновенію, но утромъ я сопровождалъ Императрицу на прогулку вмѣстѣ съ Гревеницемъ. Встрѣтили Великую Княгиню съ супругомъ, возвращавшуюся изъ Елисаветинскаго павильона. День былъ чудный.

Мы встрѣтили много лицъ, оставшихся здѣсь со вчерашняго дня. Принесли статую Аполлона, предназначенную для поста-

новки въ новый театръ, сдѣланный изъ зелени и деревьевъ, но она оказалась слишкомъ велика для приготовленной ей ниши. Императрица отдала вчера приказъ о распредѣленіи розданныхъ участковъ земли, и говорятъ, будто бы Кольчугинъ ей сказалъ довольно грубо, что это все равно, что ничего не дать. Императрица говорила мнѣ о Крыловѣ, который ее не поблагодарилъ. Она нашла, что это не хорошо, и поручила мнѣ переговорить съ нимъ. Вечеромъ я получилъ эстафету отъ Нелединской, письмо на имя Императрицы съ объявленіемъ о рожденіи ребенка у ея дочери, княгини Оболенской, а другое къ Нелидовой, которую я не нашелъ ни во дворцѣ, ни дома передавъ письмо Императрицѣ, искалъ ее въ саду, но напрасно, возвращаясь во дворецъ, я встрѣтился съ ней и передалъ письмо. Увидѣвъ на главной лѣстницѣ Крылова, я спросилъ его, благодарилъ ли онъ Императрицу? Онъ отвѣтилъ: нѣтъ. А когда я заявилъ, что Императрица говорила мнѣ объ этомъ, онъ представилъ мнѣ свое положеніе, говоря, что для него ничего не сдѣлали болѣе прочнаго послѣ столькихъ лѣтъ службы безъ перерыва при Императрицѣ. Что же касается новаго пожалованія, то оно съ его стороны не стоитъ благодарности, что онъ готовъ прибавить туда и свои 2.000 десятинъ въ Саратовѣ и отдать все обратно, что онъ готовъ идти служить къ своему другу Янитосу, который купилъ 1.300 душъ крестьянъ, принадлежавшихъ Павловску, наконецъ, онъ разразился жалобами. Я возвратился домой.

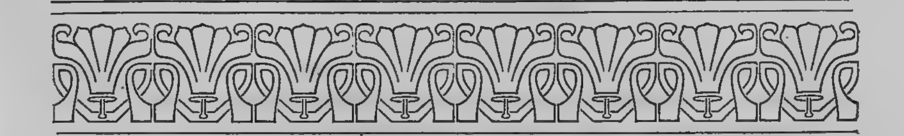
24 воскресенье. Пріѣхалъ посланный отъ Императрицы, я приказалъ ему предупредить Вольфа, какъ дежурнаго, но поѣхалъ въ 12 часовъ во дворецъ, меня желали видѣть послѣ обѣдни. Императрица поручила мнѣ отвѣчать г-жѣ Нелединской, благодарившей ее за пожалованье шифра дочери и увѣдомлявшей о разрѣшеніи старшей дочери.

Я написалъ ей, другое Калинину и еще два дѣловыхъ и вмѣстѣ съ письмомъ Императрицы къ Нелединскому отправилъ эстафетой, пока Императрица была у Великой Кн. Екатерины. Она встрѣтилась и сказала мнѣ съ волненіемъ: представьте, что со мной случилось! Затѣмъ она разсказала, что Вел. Кн. Екатерина хочетъ вынуть свое приданое изъ кассы Воспитательнаго дома, чтобы помѣстить въ кассу погашенія долговъ: этой операціей она выигрываетъ полмилліона звонкой монетой или милліонъ ассигнаціями. Я нашелъ разсчетъ вѣрнымъ и не находилъ другого препятствія для исполненія, какъ только недостатокъ въ наличныхъ деньгахъ. Она была очень раздражена, но это

не мѣшало мнѣ находить, что эта спекуляція весьма естественна. Она ее находила противной брачному контракту, который и приказала принести. Я находилъ, что когда сказано, что приданое должно быть помѣщено въ банкѣ, то одинъ банкъ стоитъ другого. Наконецъ, она приказала мнѣ составить записку для опроверженія этого проекта. Вернувшись домой и пообѣдавъ, я занялся составленіемъ этой записки. Я держался буквы контракта и началъ съ того, что подобная операція въ общежитіи имѣетъ названіе, которое не произносится, и давая понять неприличность такого ажіотажа особы въ ея положеніи, я старался доказать, что нельзя держать приданое иначе, какъ въ банкѣ, а что заемъ не есть банкъ, что же касается свободы распоряженія приданымъ, которое предполагаетъ В. К-ня, она можетъ располагать только въ пользу своихъ наслѣдниковъ и пр. Наконецъ, я старался, какъ умѣлъ, но сознавалъ, что всѣ эти разсужденія только имѣютъ видъ правдоподобія и лжемудрыя. Окончивъ, поѣхалъ во дворецъ и засталъ тамъ Вольфа, съ которымъ Императрица уже говорила объ этомъ дѣлѣ. Оказалось, что многіе аргументы, которые я привелъ въ запискѣ и о которыхъ мы не говорили съ Императрицей до обѣда, выставлялись ею послѣ разговора съ Вольфомъ, она желала еще нѣсколько измѣненій, чтобы я упомянулъ объ Установленіи покойнаго Государя—объ Императорскомъ семействѣ, гдѣ, она полагала, говорится о процентахъ. Такъ какъ у насъ не было этого устава, она желала, чтобы я послалъ за нимъ съ нарочнымъ въ городъ. Къ счастью нашелся въ здѣшнемъ управленіи. Вечеромъ приготовилъ записку; Вольфъ былъ согласенъ со всѣмъ, что я привелъ въ запискѣ, а Императрица была, кажется, даже убѣждена, но я сознаюсь, что я находилъ все это только похожимъ на правду. Я все передѣлалъ, какъ умѣлъ.

Сообщ. **Н. А. Вилламовъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).



На Босфорѣ.

XXVI [1]).

Для полноты изслѣдованія состоянія Турціи послѣ войны необходимо очертить ея положеніе еще съ точки зрѣнія боевой способности, т. е. ея жизнеспособности къ самостоятельному существованію. По этому предмету мною было донесено въ Петербургъ нижеслѣдующее:

„...Основы военнаго могущества Турціи состоятъ изъ ея мусульманскаго населенія, способнаго къ военной службѣ, и денежныхъ средствъ для обращенія этого населенія въ боевыя единицы. По общему числу мусульманскаго народонаселенія, несущаго воинскую повинность, правительство могло съ него брать до войны ежегодный контингентъ въ 37/т.; послѣ войны только 30/т.; но въ дѣйствительности беретъ около 25/т. Вооруженныя силы состоятъ изъ дѣйствующей арміи, редифа и мустахфыза, съ общимъ срокомъ военной службы въ 20 лѣтъ, изъ которыхъ по 6-ти лѣтъ приходится на дѣйствующія войска и редифъ и 8 лѣтъ на мустахфызъ. Государственная территорія раздѣляется на батальонные округа, до войны въ общемъ числѣ 150-ти, а за выдѣленіемъ 8 боснійскихъ, 10 болгарскихъ и 4-хъ азіатскихъ, послѣ войны 128-ми. Такимъ образомъ въ дѣйствующей арміи должно быть 150/т. человѣкъ, столько же въ редифахъ и 200/т. въ мустахфызѣ, всего до 500/т. Если же Портѣ удастся привлечь къ воинской повинности остальныхъ мусульманъ, то

[1]) См. „Русская Старина", май 1913 г.

общая масса войскъ можетъ быть до 800/т. человѣкъ, болѣе или менѣе вооруженныхъ, снаряженныхъ и обученныхъ.

Обвиненіе въ неточности опредѣленія силы турецкой арміи предъ войной несправедливо. Благодаря продолжительному сроку, данному Портѣ для завершенія приготовленій къ войнѣ, ей удалось сдѣлать громадный запасъ матеріальной части и собрать подъ ружье до 600/т. человѣкъ. Мы же считали въ рядахъ турецкой арміи только 400/т. человѣкъ. Вотъ этотъ-то излишекъ въ 200/т. произошелъ отъ энергическихъ приготовленій турецкаго правительства въ самое послѣднее время. За годъ передъ войной въ территоріальныхъ округахъ было приготовлено только для 207 баталіоновъ, во время же войны запаса хватило на 380. Кромѣ того центральные склады въ Константинополѣ дали возможность сформировать еще 230 баталіоновъ; но то были баталіоны, на 4/5 своего состава не прошедшіе военной школы.

При 10/м. мусульманскаго населенія, турецкое правительство могло бы имѣть ежегодный рекрутскій контингентъ въ 50/т. чел. и довести вооруженныя силы во время войны до милліоннаго состава; но часть этого населенія въ мирное время не несла воинской повинности, чѣмъ общая численность понижалась до 750/т. Въ военныхъ дѣйствіяхъ, однако, принимали участіе такія части населенія, какъ албанцы, курды, арабы и пр., которыя въ организацію не входили.

Къ началу войны спѣшное формированіе редифныхъ баталіоновъ далеко не было окончено, когда на всѣхъ раіонахъ театра военныхъ дѣйствій обнаружился громадный недостатокъ въ войскахъ. Со всѣхъ сторонъ настоятельно требовали подкрѣпленій. Приходилось спѣшить отправленіемъ только-что собранныхъ людей. Въ результатѣ стройное развитіе боевыхъ силъ превратилось въ случайныя сводки резервистовъ изъ разныхъ мѣстностей въ редифныя части и таборы мустахфыза. Были редифные округа, выставившіе третьи и четвертые батальоны; въ другихъ же образовано только по два. Люди округовъ, въ которыхъ не хватало запаса боевого снаряженія, отправлялись въ Константинополь, гдѣ получали обмундированіе, вооруженіе и снаряженіе и подъ случайными наименованіями направлялись на войну.

Если ограничиться голымъ перечисленіемъ наскоро сколоченныхъ тактическихъ единицъ, то ихъ общая численность возрастетъ до 800/т., что обыкновенно и выставляется въ турецкихъ свѣдѣніяхъ о мусульманской силѣ во время войны; но

при этомъ не обращается вниманія на недостаточность маршавыхъ частей, что заставляло въ отрядахъ обращать многіе таборы на пополненіе остальныхъ. Случалось также, что какой-нибудь редифный батальонъ растаивалъ, и не столько отъ боевыхъ потерь, сколько отъ нравственной деморализаціи. Люди разбѣгались и возвращались на родину, гдѣ вновь включались въ ряды слѣдующаго батальона. Тѣмъ не менѣе мобилизованная масса мусульманскаго населенія была громадна при полномъ напряженіи силъ имперіи.

Война растрепала армію, лишила ее большей половины матеріальной части и истощила военные запасы. Подъемъ энергіи съ минуты заключенія перемирія сразу упалъ до полнаго разслабленія. Въ короткій періодъ времени отъ 700/т. подъ ружьемъ осталось едва 200/т. деморализованныхъ людей.

Между тѣмъ неопредѣленное положеніе послѣ Санъ-Стефанскаго мирнаго договора, притязанія Австро-Венгріи и Греціи, волненія въ Македоніи и угрожающее положеніе нашей арміи вызывало со стороны правительства султана новое напряженіе вооруженныхъ силъ. Отклонивъ всѣ государственные вопросы и прекративъ уплату по долговымъ обязательствамъ, за исключеніемъ расчета съ военными подрядчиками, оно сосредоточило всю свою дѣятельность на сераскеріатѣ и военно-техническихъ учрежденіяхъ артиллерійскаго вѣдомства. Къ осени прошлаго года численность арміи была доведена до 275/т., а съ возвращеніемъ изъ Россіи плѣнныхъ до 300/т. Кавалерія и артиллерія, сильно пострадавшія, не превосходили половины прежняго состава. Порта вздохнула свободнѣе съ очищеніемъ нашими войсками передовыхъ позицій.

Въ декабрѣ наступилъ новый годъ мусульманской эры 1296-й. Государственное казначейство было накапунѣ банкротства. Денежныхъ средствъ не только не хватало на предметы первой необходимости, но ихъ не было и на содержаніе арміи самаго скромнаго размѣра. А политическая обстановка повелительно требовала все новыхъ и новыхъ расходовъ въ области военнаго дѣла. Имперіи приходилось существовать на долговой бюджетъ, и нужно удивляться изворотливости, съ которою ея руководители еще не попали въ финансовую петлю. Держава Османа держалась, въ буквальномъ смыслѣ слова, между стульями европейскихъ государствъ.

Отраженіе политическихъ событій года можно легко найти въ сопоставленіи состава арміи и ея распредѣленіи по территоріи теперь и годъ тому назадъ.

	1878.	1879.
I. На Босфорѣ	50.000	18.000
II. На Констант. полуостр. .	40.000	28.000
III. Въ центрѣ Балк. пол. . .	110.000	116.000
IV. „ Арменіи и Анатоліи .	30.000	30.000
V. На остальн. пространств.	45.000	33.000
	275.000	225.000

Отсюда можно заключить, что, во-первыхъ, положеніе Турціи за годъ улучшилось, такъ какъ являлась возможность сократить армію на 50/т., а если считать вернувшихся изъ плѣна, то на 75/т.; а во-вторыхъ, что ея отношеніе къ сосѣднимъ странамъ значительно измѣнилось. Россія скорѣе всѣхъ выполнила свои обязательства, чѣмъ дала возможность султану ближайшую къ Стамбулу армію уменьшить почти вдвое, съ 90/т. на 46/т.

Приведенныя цифры указываютъ также на то значеніе, которое предается Портой пространству между греческой границей, предѣлами Босніи и болгарскими провинціями. Сосредоточеніе здѣсь войскъ происходитъ вслѣдъ за окончаніемъ Берлинскаго конгресса. Въ настоящее время на этомъ центральномъ раіонѣ европейскихъ владѣній Турціи расположена половина всей, находящейся подъ ружьемъ, турецкой арміи. Вотъ гдѣ, по мнѣнію Порты, самое больное мѣсто, которое обусловливается отношеніями къ Австро-Венгріи, Греціи, Черногоріи и болгарскимъ провинціямъ. Вотъ какъ распредѣляется эта масса войскъ въ 116/т.

	Бат.	Эск.	Бат.	Людей.
1. Коссовская армія . . .	68	18	15	42.550
2. Эпиръ и Ѳессалія. . .	82	20	11	46.450
3. Скутарійская дивизія.	19	2	3	10.000
4. Салоникскій корпусъ.	32	13	2	17.250
	201	53	31	116.250

Коссовская армія состоитъ изъ двухъ дивизій, Ново-Базарской и Ускюбской, и Митровицкой бригады. Первая занимаетъ округа: Сеницы, Ново-Базара и Рогозна-дага. Вторая—Ускюбъ, отъ Куманова до Бильжи-хана, Егри-Цалапку, отъ Царево до Печево, Струмпенцу, Радовокъ и Иштибъ (Веласъ). Митровицкая бригада—Митровицу, Вучитернъ и Приштипу.

	Бат.	Эск.	Бат.	Людей.
Ново-Базарская дивизія .	26	6	5	18.000
Ускюбская	28	8	4	18.850
Митровицкая бригада . .	14	4	6	5.700

Сила Коссовской арміи обусловливается важнымъ значеніемъ пространства ея расположенія по отношенію къ Австро-Венгріи, княжествъ Сербіи и Болгаріи и Албанской народности. Первая не скрываетъ своего намѣренія захватить Салоники на Егейскомъ морѣ съ широкою полосой земли, соединяющею портъ съ государствомъ. Не менѣе твердо выражаетъ Сербія жизненную необходимость овладѣть Старою Сербіею, колыбелью сербства. Болгарія изъ передовой Софіи грозитъ вліять на болгаръ Македоніи.

По § 25 Берлинскаго трактакта Австро-Венгрія пріобрѣтала право содержать на всемъ пространствѣ Ново-Базарскаго санджака гарнизоны и владѣть военными и торговыми путями. Конвенціею, заключенною между Австро-Венгріею и Турціею 21 апрѣля 1879 г., это право было сильно обрѣзано. Уполномоченный Вѣнскаго правительства домогался овладѣть даже и Митровицею, на линіи желѣзной дороги въ Солунь, но въ дѣйствительности ему пришлось сдать и по многимъ другимъ важнымъ вопросамъ. Вся юго-восточная часть санджака, отъ кряжа Рогозна-дага и водораздѣла верховья Ибара до р. Лима, осталась въ исключительномъ владѣніи Турціи. Для славянскаго дѣла этотъ неожиданный и громадный успѣхъ имѣетъ чрезвычайно важное значеніе. Натискъ нѣмецкаго вторженія на Балканскій полуостровъ былъ парализованъ, благодаря затрудненіямъ, встрѣченнымъ австрійскими войсками при оккупаціи Босніи и Герцеговины, благодаря денежнымъ при этомъ жертвамъ, размѣръ которыхъ далеко превзошелъ предположеніе, наконецъ благодаря энергичнымъ мѣрамъ турецкаго правительства, успѣвшаго въ короткій срокъ сосредоточить къ предѣламъ Босніи значительныя боевыя силы. Эта рѣшительность Порты отстоять свои интересы даже силою оружія оказалась лучшимъ доводомъ къ миру и къ рѣшенію вопроса въ ея пользу. Нельзя при этомъ не указать на въ высшей степени корректное и исполненное достоинства поведеніе нашего посла. Въ результатѣ соблюдены интересы славянства и умѣренъ пылъ прогрессивной политики его соперницы.

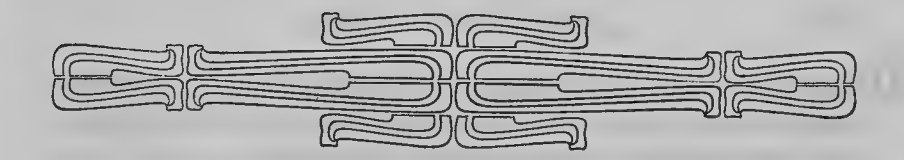
Считаю умѣстнымъ сказать здѣсь нѣсколько словъ о современномъ положеніи Ново-Базарскаго санджака, какъ о такой мѣстности, которая легко можетъ сдѣлаться театромъ военныхъ дѣйствій.

Рогозна-дагъ, поперекъ пересѣкаемый единственнымъ колеснымъ путемъ изъ Босніи въ Старую Сербію, представляетъ сильную оборонительную позицію, природная крѣпость которой еще усилена турками укрѣпленіями съ многочисленною артиллеріею. Всѣ крѣпостныя орудія Ново-Базара, Сеницы и прочихъ бывшихъ укрѣпленныхъ пунктовъ теперь сосредоточены на позиціи Рогозны. Всего до ста орудій старыхъ и двадцать новыхъ крупповскихъ большого колибра. Кромѣ мѣстнаго склада матерьяльной части, большіе запасы находятся въ Вучитернѣ и Митровицѣ. Въ послѣдней 12 крупповскихъ осадныхъ орудій. Но позиція на Рогозна-дагѣ не обезпечивала бы Митровицы со стороны Босніи, если бы апрѣльская конвенція допустила свободный доступъ въ долину верхняго Ибара австро-венгерскимъ войскамъ [1]). Турки поняли слабую сторону и важность вопроса и съ необыкновенною настойчивостью добились того, чего желали, несмотря на сопротивленіе австрійскаго генеральнаго штаба.

Г. И. Бобриковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) Обходъ позиціи возможенъ только съ одной стороны легкимъ переваломъ черезъ водораздѣлъ рр. Верхняго Ибара и Лима, т. е. въ томъ направленіи, которымъ проектировался Прессслемъ желѣзно-дорожный путь изъ Босніи.



Люди и нравы за полвѣка [1]).

Димитрій приказываетъ послать посольство къ осужденному Шуйскому и сообщить ему, что царь его прощаетъ, возвращаетъ ему все и зоветъ опять къ себѣ. Всѣ разошлись,

— Вотъ, Басмановъ, случай, когда изъ врага можно сдѣлать преданнаго друга!

Шуйскій уменъ; онъ нуженъ здѣсь, а не въ ссылкѣ".

Но и Басмановъ уменъ. Басмановъ ни на волосъ не вѣритъ Шуйскому.

— Молодъ и великодушенъ царь—говоритъ онъ. Играетъ онъ и своею и нашими головами.

Потрясающее впечатлѣніе производила тогда эта сцена; не знаю, какъ теперь...

И вотъ, Шуйскій въ ссылкѣ...

Впрочемъ, довольно. Подробный разборъ піесы и игры не входятъ въ мою задачу и завлекъ бы меня слишкомъ далеко. Но не могу не сказать нѣсколько словъ объ общемъ впечатлѣніи, которое производила постановка этой піесы.

Въ массѣ картинъ ея есть очень много такихъ, гдѣ дѣйствуетъ толпа, народъ. Такъ, напримѣръ, сцена царскаго выхода изъ дворца въ соборъ; засѣданіе боярской думы; сходка съ разныхъ концовъ родины приверженцевъ В. Шуйскаго, уже сосланнаго Самозванцемъ въ ссылку; отношеніе народа къ польскимъ и нѣмецкимъ войскамъ въ сценѣ, гдѣ жильцы и торговцы задумали разбить домъ, въ которомъ стояли жолнеры, и куда утащили они русскую дѣвушку на глазахъ всего народа; наконецъ, сцена возстанія въ ночь на 17 мая, когда на-

---

[1]) См. „Русская Старина", май 1913 г.

родъ покончилъ съ первымъ самозванцемъ. Всѣ эти массовыя движенія шли удивительно стройно; обдуманная работа режиссера была видна въ каждомъ шагѣ артистовъ.

Отъ того, разумѣется, и впечатлѣніе получалось отчетливое, глубокое, неизгладимое...

Отличительная черта таланта автора—умѣнье не утомлять зрителя однообразіемъ—проявилась здѣсь во всей силѣ. Захватывающія своимъ драматизмомъ сцены, какъ въ калейдоскопѣ, смѣняются сценами, блещущими неподдѣльнымъ комизмомъ: лукавый Шуйскій ведетъ сцену съ калачникомъ Ѳедоромъ, чисто народныя выраженія котораго отдаютъ несомнѣннымъ комизмомъ; гармонія чиннаго бала во дворцѣ Самозванца нарушается вводомъ Иванушки-дурачка; даже судъ надъ Шуйскимъ не обходится безъ острыхъ словъ то дьяка Щелкалова, то самого Шуйскаго.

Недурно было бы этою манерою письма А. Н. Островскаго воспользоваться нашимъ современнымъ писателямъ. А то у насъ если начнутъ ныть, такъ ноютъ отъ Камы многоводной до широкаго Днѣпра; начнутъ смѣшить—до тошноты.

Чувства-то мѣры и не достаетъ.

XII.

19 ноября 1867 года умеръ митрополитъ московскій, знаменитый іерархъ Филаретъ Дроздовъ; угасъ великій свѣтильникъ, столпъ православія. Взоры европейскихъ умовъ во многихъ и многихъ случаяхъ съ глубокимъ почтеніемъ обращались къ этому маленькому, сѣденькому, худенькому старичку.

Девятый десятокъ уже доходилъ преосвященному, но глаза его блестѣли, какъ у юноши. Природа брала свое: угасало постепенно бренное тѣло, земное стремилось къ землѣ, но духъ не переставалъ крѣпчать, умъ развиваться. Многіе въ немъ видѣли генія. Когда вы примете во вниманіе, что это питомецъ знаменитой греко-россійской академіи 18 вѣка (что нынѣ Заиконоспасское духовное училище), а въ концѣ концовъ профессоръ и ректоръ академіи настоящей, то вамъ ничего не остается дѣлать, какъ признать геній Филарета. Человѣкъ, получившій чутошное по нынѣшнему времени образованіе, изучавшій науки, находившіяся еще въ младенчествѣ и затѣмъ самъ, своими силами, раздвинувшій научные горизонты—это, дѣйствительно, подъ силу только генію.

И вотъ геній оставилъ свою бренную оболочку и отлетѣлъ.

Въ простомъ дубовомъ гробу лежитъ эта оболочка. Народъ толпами спѣшитъ на Троицкое подворье отдать послѣднее цѣлованіе своему архипастырю и зритъ витію—безгласнымъ и бездыханнымъ... Закрылись пронизывавшіе васъ насквозь глаза, а лицо все то же: худенькое, капельное, гладко обтянутое желтоватой кожей. Поглядѣть на него и невольно подумаешь: онъ спитъ, а не умеръ.

Въ день перенесенія его праха въ Чудовъ монастырь народъ сплошной стѣной установился на троттуарахъ по всему пути шествія. А путь былъ очень не маленькій: подворье въ переулкѣ около Самотеки; отъ Самотеки процессія повернула по Садовой плоть до пересѣченія ея съ Тверской и въ Кремль...

И вездѣ народъ, снимавшій шапки и благоговѣйно крестившійся, высказывая въ слухъ пожеланіе вѣчной памяти усопшему святителю.

Про особую торжественность перенесенія праха, отпѣванія и похоронъ говорить не стану, такъ какъ вполнѣ этого не разскажешь, а такъ, кое-что, не можетъ имѣть значенія; а вотъ нѣчто изъ жизни владыки поразскажу.

Предупреждаю: за что купилъ, за то и продаю. Гдѣ правда, гдѣ анекдотъ, предоставляю судить всѣмъ и каждому.

Строгъ былъ митрополитъ Филаретъ, даже очень строгъ. Духовенство трепетало при одномъ воспоминаніи о его маленькихъ, но ежевыхъ рукавицахъ. Говорили, что онъ не прочь былъ воспользоваться свѣдѣніями, доставленными ему и разными анонимами.

Дошелъ до него слухъ объ одномъ сельскомъ попикѣ, который, угощая своихъ гостей водочкой, говорилъ такъ:

— Ну-ка, братія, хватимъ! Зѣло хорошо и благовременно! Забористая, настоящая дроздовка!

А фамилія Филарета была Дроздовъ [1]).

Конечно, собесѣдники очень хохотали; пошли передавать и дальше; нашлись такіе, которые донесли объ этомъ преосвященному.

И вдругъ въ своей медвѣжьей берлогѣ получаетъ попикъ изъ консисторіи бумажку, въ коей предписывается ему явиться въ такой-то день и часъ къ митрополиту на подворье.

Разумѣется, удивленію бати и трепету его не было предѣловъ. Приходилось объясняться не съ кѣмъ другимъ, а съ Филаретомъ!

---

[1]) Версія этого разсказа уже была воспроизведена въ „Русской Старинѣ". *Ред.*

Да еще еслибъ знать о чемъ,—можно бы было подготовиться,—а тутъ—одна тьма!

Является на подворье въ назначенный день и часъ. Служка пошелъ доложить.

Возвращается и говоритъ:

— Пожалуйте въ пріемную; владыко сейчасъ выйдутъ къ вамъ.

Проводилъ его въ пріемную, усадилъ на стулъ, а самъ нырнулъ въ другую дверь. Глядь, возвращается съ подносомъ, на которомъ стоитъ стаканъ чаю, ваза съ вареньемъ, корзинка съ бѣлымъ хлѣбомъ домашняго печенья... и ставитъ все на столѣ около бати.

Диву дается бѣднякъ! Глазамъ не вѣритъ: не въ гости же пригласилъ его къ себѣ владыко?

А вотъ отворяется тихохонько и другая дверь; выходитъ изъ нея маленькій старичекъ въ подрясникѣ, на головѣ черная скуфеечка, и тихо направляется къ нему, устремивъ на него свои маленькіе, блестящіе, пронзительные глаза...

По обычаю того времени батя бухъ! прямо въ ноги... Всталъ, подошелъ принять благословеніе.

— Ты... Всѣхсвятскій? гнуситъ маленькая фигурка.

— Всѣхсвятскій, преосвященнѣйшій владыко, заикаясь, отвѣчаетъ гость.

— А!.. Это хорошо; садись, гость будешь!

Удивленію нѣтъ конца: Филаретъ сажаетъ его, заскорузлаго попа, въ своемъ присутствіи, когда рѣдкіе изъ заслуженныхъ столичныхъ протоіереевъ не смѣли объ этомъ и подумать.

— Садись... садись... Вотъ и чай тебѣ принесли... Дай-ка и мнѣ чашечку...

Служка побѣжалъ и принесъ владыкѣ чаю.

Усѣлись: попикъ съ одной стороны стола, Филаретъ съ другой.

— Ну... что жъ... пей чай-то... съ булками—варенья клади...

Тотъ дрожащими руками придвигаетъ къ себѣ чашку... кладетъ варенье, а самъ во всѣ глаза смотритъ на маленькаго монаха, въ рукахъ котораго были и милость, и казнь.

Сдѣлалъ глотокъ—другой... третій...

— Фу-ты, Господи! отродясь не пилъ чай въ присутствіи такой высокой особы.

— Ты... когда... поймаешь... блоху... Что ты съ ней дѣлаешь? съ разстановкой, не глядя на гостя, спрашиваетъ высокая особа.

— Я?!.

— Ну, да, ты...

— Я... покатаю ее... въ пальцахъ... говоритъ батя, вставая.

— Такъ... такъ... Покатаешь! Да... ну, а потомъ?

— ?

Молчаніе... Переминается батя съ ноги на ногу... Дѣлаетъ какія-то неопредѣленныя движенія рукой.

— Ну, что жъ потомъ-то... Когда покатаешь?

— Потомъ... подъ ноготь...

— Ишь ты какой жестокосердный! Подъ ноготь!.. А я такъ вотъ ее чаемъ пою... да еще съ вареньемъ... съ булкою... Ну, ступай съ Богомъ домой! Помни „дроздовку"... да держи языкъ за зубами... Не маленькій вѣдь! Санъ носишь!..

Тутъ только понялъ бѣдняга въ чемъ дѣло...

* * *

Во всей Москвѣ одно только лицо изъ духовенства не боялось грознаго владыки и частенько отвѣчало ему довольно рѣзко. Это былъ его любимый протодьяконъ Успенскаго собора Александръ Антоновичъ (фамилію его забылъ). Вся Москва звала его Антонычемъ.

Интересно было смотрѣть на совмѣстную службу митрополита и его протодьякона.

Маленькій, сѣденькій старичекъ сидитъ, а бѣлый, какъ лунь, высоченный, съ необъятною грудью и спиной протодьяконъ стоитъ около него.

Еле-еле слышится голосъ изможденнаго митрополита...

Могучій басъ Антоныча бархатомъ разстилается по громадному храму и слышится въ самомъ отдаленномъ углу. Это была мощь необычайная.

Разсказывали про него такой анекдотъ.

Возвращается Антонычъ изъ Москворѣчья домой поздно ночью съ богатыхъ именинъ, или со свадьбы. Идетъ не торопясь. Дорога лежитъ чрезъ покрытую глубокимъ снѣгомъ Москву-рѣку, на которой мѣстами были полыньи для полосканья бѣлья.

Жарко старичку... Распахнулъ онъ рѣдкостную свою норковую шубу, подарокъ какого-то его замоскворѣцкаго поклонника-богача, и шагаетъ себѣ не торопясь по рѣкѣ.

Предлагали лошадь, да не поѣхалъ... Надо пройдтиться.. Подышать чистымъ воздухомъ...

Вдругъ два оборванца нападаютъ на него...

Позарились на его шубу и напали...

Да не тутъ-то было: захватилъ Антонычъ одного изъ нихъ за волосы, да въ прорубь...

Окунаетъ да поетъ:

„Во Іорданѣ крещающуся тебѣ"... и т. д.

Могучій басъ въ тиши зимней ночи разносится на громадное пространство.

Со всѣхъ сторонъ бѣгутъ хожалые (въ то время) и сторожа. Онъ передаетъ имъ бѣднягу съ рукъ на руки, а самъ потихоньку пошелъ домой...

— А отъ тебя, Антонычъ, опять разитъ винищемъ... И когда ты уймешься? Хоть бы себя-то пожалѣлъ!.. качая укоризненно головой, говоритъ ему Филаретъ.

— А вы, владыко, не нюхайте... Дѣло-то это не архипастырское...

— Ну, и дуракъ! тебѣ же добра желаю...

И разойдутся по-хорошему.

Родина Филарета, какъ извѣстно, Коломна. Есть тамъ и по сіе время считающіе себя его родственниками въ двадцать седьмомъ колѣнѣ, а тогда-то филаретовщина царила тамъ во всю.

Слабъ вообще человѣкъ, была слабость и у старца митрополита. Грѣшный человѣкъ, мирволилъ кое-когда и кое-въ чемъ своей роденькѣ.

Въ приходѣ былъ извѣстный въ то время попъ Ѳедька. Женатъ онъ былъ на племянницѣ Филарета.

Что продѣлывалъ Ѳедька въ Коломнѣ, такъ это ума помраченіе! Все это зналъ митрополитъ, часто вызывалъ его къ себѣ, читалъ нотаціи, нѣсколько разъ посылалъ его въ монастырь на послушаніе, гдѣ Ѳедоръ пилъ еще больше; нѣтъ—ничего не дѣйствуетъ на него: пьянствуетъ, скандальничаетъ до срамоты.

Лопнуло терпѣніе владыки; вызываетъ его къ себѣ, разноситъ на всѣ корки.

— Я тебя, пьяницу, сана лишу... въ солдаты отдамъ! заканчиваетъ съ нимъ бесѣду Филаретъ.

— Ну, что-жъ... отдавай! твоя племянница солдаткой будетъ!..

— Тьфу! убирайся вонъ!

Въ концѣ концовъ Ѳедоръ былъ отрѣшенъ отъ должности и долгое время шлялся по Коломнѣ, частенько заходя въ гости къ священнику, поставленному на его мѣсто.

Много я слышалъ отъ этого именно священника разсказовъ о похожденіяхъ Ѳедора; такъ много, что теперь я боюсь пере-

путать ихъ, а потому и не заношу въ свои записки. А жаль! это все-таки черточки даннаго времени, изъ которыхъ могла бы получиться картинка въ общемъ не безынтересная.

XIII.

Наступилъ 1868 годъ. Увлеченіе мое театромъ шло все дальше, да больше. Онъ страшно захватилъ меня всего, а на дѣло я махнулъ рукой. Подошли экзамены, которые я еле-еле сдалъ на тройки, кромѣ математики, которая всегда у меня шла хорошо. Да и тройки-то были сомнительныя. Думаю, что выдали мнѣ аттестатъ благодаря моимъ успѣхамъ прошлаго года.

Оставалось ждать назначенія на должность. Что ее дадутъ—это было для меня несомнѣнно—я стипендіатъ, а гдѣ именно—это былъ большой вопросъ.

Наконецъ, дождался: назначили въ маленькій уѣздный городишко, Донецъ, на 11 р. 87 коп. жалованья въ мѣсяцъ.

(Считаю тутъ нужнымъ оговориться: названіе городовъ и собственныя имена лицъ я измѣню, во избѣжаніе какихъ бы то ни было недоразумѣній, за исключеніемъ, разумѣется, лицъ болѣе или менѣе извѣстныхъ. Дѣлаю это для того, чтобы имѣть возможность стоять поближе къ правдѣ).

Но я не испугался этой мизерной цифры: послѣобѣденные рублевки моего учителя Дмитрія Ивановича стояли у меня на счету и я безъ страха и сомнѣнья глядѣлъ въ будущее.

Мать собрала меня въ путь: нашила бѣлья, купила новую пиджачную пару, поисправила прочую одежонку, и вотъ въ концѣ сентября 1868 года поѣхали мы съ нею на вокзалъ. Бѣдная моя мама плакала всю дорогу. Досадно было мнѣ смотрѣть на ея слезы: я съ кокардой, а она плачетъ!

Вся Москва смотрѣла на меня, а она нюни распустила. Срамота! Точно въ солдаты меня отдаютъ!

Но вотъ и вокзалъ. Беру билетъ 3-го класса до губернскаго города, а тамъ еще 80 верстъ на лошадяхъ скакать.

Сильно билось мое молодое сердчишко въ груди, но въ хлопотахъ я мало обращалъ на это вниманія. Я бѣгалъ по вагонамъ, ища себѣ мѣста. Наконецъ, нашелъ, удобно размѣстился съ своимъ небольшимъ багажемъ и сталъ у окна въ ожиданіи отхода поѣзда.

Мама стояла противъ вагона и издали крестила меня. Она крѣпилась... не плакала. Чего это ей стоило — одному только

Богу извѣстно! А я и вовсе, вовсе чувствовалъ себя молодцомъ.

Но вотъ послѣдній звонокъ... Свистокъ кондуктора... Машинистъ отвѣтилъ свисткомъ... Второй свистокъ... и поѣздъ тронулся...

Я опустилъ стекло и долго, долго смотрѣлъ на мать, давшую полную волю своимъ слезамъ.

Тутъ ужъ и я не выдержалъ и горько, горько заплакалъ...

Немудрено, читатель!

До сего времени я не зналъ другого города, кромѣ Москвы. Былъ (въ дѣтствѣ еще) въ Троицкомъ посадѣ и только. Я бы не зналъ, что такое деревня, село, если бы не ходилъ одинъ разъ съ отцомъ на богомолье въ Косино, въ верстахъ восьми отъ Москвы.

И вдругъ... ѣду...

Прощай, Москва! Я промѣнялъ тебя, родную старушку, на какой-то городишко съ полуторатысячью жителей!..

Вся жизнь моя короткая пробѣжала въ моемъ умѣ во время дороги. Все прошлое было такъ свѣтло, такъ понятно для меня; а въ будущемъ—темь, неизвѣстность... И въ этой тьмѣ и неизвѣстности придется мнѣ, юному и неопытному, барахтаться, жить, да еще, пожалуй, бороться!..

Самоувѣренность моя куда-то пропала... и „въ душѣ невольное сомнѣнье“ появилось вмѣсто нея.

Но... все Богъ!.. Во всемъ Его святая воля!

Чѣмъ дальше отходилъ отъ Москвы поѣздъ, тѣмъ становилось мнѣ легче. Новыя дорожныя впечатлѣнія вытѣсняли понемногу все старое; новая обстановка начинала меня интересовать; я съ особеннымъ любопытствомъ выходилъ на станціяхъ и присматривался къ людямъ, къ мѣстамъ, къ постройкамъ—къ жизни.

Я какъ-то старался не думать ни о прошедшемъ, ни о будущемъ; я жилъ только данною минутой.

Соскучился — сейчасъ въ дорожную корзинку: достанешь бѣловской колбаски, домашній пирожокъ съ говядинкой, поѣшь, а глядь, часикъ—другой и прошелъ. Значитъ, ближе къ цѣли...

Семь часовъ ѣзды, и мы подкатили къ большому губернскому городу. Это теперь моя губернія. Я провинціалъ.

Вышелъ изъ вагона, повытаскалъ свои вещи и... не знаю, куда мнѣ сунуться. Московская бойкость моя, увы, куда-то исчезла... Вышелъ изъ вокзала, робко подошелъ къ извозчику (выбралъ такого, у котораго лицо мнѣ показалось подобрѣе) и

разговорился съ нимъ; объяснилъ, куда я ѣду, что мнѣ нужно, и просилъ похлопотать обо всемъ и меня устроить.

И вотъ онъ повезъ меня на постоялый дворъ, гдѣ можно найти попутчиковъ. Спасибо ему: не выбраться бы мнѣ, безпомощному юнцу, изъ моего положенія, если бы не онъ.

На постояломъ дворѣ было много народу: ямщики, шнырявшіе всюду, искали работы, подбирали попутчиковъ; въ большой избѣ путешественники, кто пилъ чай въ ожиданіи лошадей, кто разбирался въ своихъ вещахъ, кто жевалъ сухую закуску. Изъ нижняго этажа несся людской гомонъ: то извозчики и постояльцы попроще садились за обѣдъ. Вкусный запахъ щей понесся по всему дому и раздражалъ обоняніе и аппетитъ...

Входитъ мой извозчикъ. Какъ родному брату я обрадовался ему.

— Вы, купецъ, куда ѣдете? спрашиваетъ онъ человѣка съ густой шевелюрой на головѣ, длинной бородой, въ жилеткѣ, поверхъ выпущенной розовой ситцевой рубашки, въ сапогахъ бутылками и при часахъ.

— А тебѣ что за дѣло? ты что за спросъ? отвѣчаетъ тотъ, держа на своей толстой пятернѣ блюдечко съ чаемъ.

— Да... значитъ... мнѣ надо барчука устроить. Коли-бъ вмѣстѣ, вотъ и хорошо...

Обернулся ко мнѣ купецъ и спрашиваетъ:

— А вамъ куда?

— Въ Донецъ...

— Ну, вотъ и ладно. А ты ступай съ Богомъ! обойдемся и безъ тебя! говоритъ онъ моему покровителю.

Какіе все добрые! Всѣ-то меня жалѣютъ... всѣ заботятся обо мнѣ... Хорошіе всѣ!..

— Ну, прощай, баринъ... Добрый путь! Купецъ тебя не обидитъ...

Я вскочилъ, вынулъ изъ кармана гривенникъ и далъ ему.

— Прощай! Спасибо тебѣ.

Извозчикъ вышелъ.

— Вы что же, къ сродственникамъ, что ли, ѣдете въ Донецъ?

— Нѣтъ, я на службу.

— На службу... у... у?.. удивленно протянулъ онъ, зорко вглядываясь въ меня съ какимъ-то недовѣріемъ.

— Да, на службу.

— Вы кѣмъ же это, значитъ, будете?

— Я назначенъ учителемъ въ приходское училище.

— Да-н-ну?!

— Право такъ. Это вѣрно. Я не стану васъ обманывать.

— Хмъ! малецъ—и учитель! Чудно.

Хоть и недовѣрчиво отнесся ко мнѣ этотъ крупный, сильный человѣкъ, но онъ былъ мнѣ симпатиченъ. Я почему-то вѣрилъ въ него, надѣялся.

Стали собираться въ горницу извозчики и предлагали свои услуги. Купецъ только чаекъ попиваетъ, да молча ухмыляется.

„Что, думаю, онъ дѣлаетъ? вѣдь этакъ всѣхъ извозчиковъ разберутъ и ѣхать будетъ не съ кѣмъ.

Посмотримъ, что будетъ дальше“.

Наконецъ, онъ отпилъ свой чай; крѣпко вытеръ полотенцемъ вспотѣвшее лицо и толстую, красную шею и сталъ понемногу укладывать свой харчъ.

А извозчики все ходятъ и ходятъ, чѣмъ дальше, тѣмъ больше набиваются.

— Да что жъ, ваше степенство, говоритъ одинъ изъ нихъ: ѣхать, такъ ѣхать. Прикажите, духомъ домчимъ...

— Я бы и поѣхалъ, да вотъ баринъ товарища ждетъ.

Я обертываюсь и ищу глазами барина, который ждетъ товарища.

Никого нѣтъ. Я глаза на него вытаращилъ.

Оказывается, это онъ ямщиковъ за носъ водилъ. Товарищъ, разумѣется, не приходилъ, такъ какъ никакого товарища у меня не было. А онъ раззадоривалъ ямщиковъ вопросами: Сколько тѣ возьмутъ за троихъ, и сколько за двоихъ, да кто дешевле... Аукціонъ!

Вотъ ужъ вѣкъ живи, вѣкъ учись, а все дуракомъ умрешь.

Наконецъ, сторговались, за сколько, ужъ теперь не помню.

Подали тарантасъ, въ который впряжена тройка сытыхъ лошадокъ. Весело погромыхиваютъ бубенцы; колокольчикъ привязанъ къ дугѣ. Ямщикъ похаживаетъ около тарантаса и осматриваетъ его. Все это было для меня ново и интересовало меня.

— Ну, баринъ, одѣвайся! говоритъ мнѣ попутчикъ.

Я надѣлъ на себя ватное пальто съ бобровымъ воротникомъ.

— Это ты такъ-то поѣдешь?

— Да. А что.

— Да. Чудакъ человѣкъ! Ты что ли это по Невскому что ли собрался гулять? Вѣдь 80 верстъ ѣхать, сыро, въ полѣ вѣтеръ... Смотри, какъ проберетъ!

— Да у меня больше ничего нѣтъ теплаго.

— Ну, чудакъ ты! Ай въ первый разъ ѣдешь?

— Въ первый.

— То-то я вижу... Ну, да ладно, въ случаѣ чего у меня еще овчинный тулупъ есть, имъ и прикроемся.

Дѣйствительно, сентябрь подходилъ къ концу, хоть солнце пекло еще хорошо, а ужъ ночи были свѣжеваты, и большое спасибо я говорилъ моему попутчику за его овчинный тулупъ, подъ которымъ въ дорогѣ я чувствовалъ себя, какъ въ раю.

Наконецъ, размѣстивъ свои вещи, мы кое-какъ усѣлись въ тарантасъ, усѣлись полулежа. Тутъ я невольно подумалъ: Слава Богу, что ѣдемъ вдвоемъ: и одинъ-то онъ прищемилъ меня къ боку рогожнаго верха ямской телѣжки, а ужъ втроемъ-то вовсе бы была смерть: духъ выдавили бы изъ меня.

— Ну, Господи благослови! Трогай—бѣлоногій! распоряжался купчина, снимая фуражку и истово крестясь. Послѣдовалъ и я этому примѣру.

Выѣхавъ за заставу, ямщикъ остановился отвязать колокольчикъ, такъ какъ городомъ ѣзда съ колокольчикомъ воспрещалась.

На разстояніи 80 верстъ, которыя намъ предстояло проѣхать, мы останавливались, вотъ ужъ теперь не помню,—одинъ, или два раза. Кажется, что одинъ. Само собою разумѣется, я очень обрадовался этой остановкѣ. Обрадовался не только потому, что захотѣлось и чайку попить, и закусить хоть немножко, да и поразмяться, ноги вѣдь отекли, но больше-то потому, что попутчикъ мой, заснувъ въ тарантасѣ чуть ли не на пятой верстѣ по выѣздѣ, безпробудно спалъ всю дорогу; тарантасъ на колдобинахъ дороги качало изъ стороны въ сторону: въ какую сторону качнетъ тарантасъ, туда валится и грузное тѣло сосѣда. Бывали моменты, когда мнѣ приходилось тяжеленько жить на свѣтѣ, но, что жъ дѣлать, терпѣлъ.

Хотя проѣхать нужно было всего 80 верстъ, но ѣхали мы долго. И лошади попались хорошія, и дорога еще не успѣла испортиться, а продолжительное чаепитіе во время остановокъ, смѣна лошадей, опять торжественное усаживанье въ тарантасъ, отняли у насъ много времени, и я только подъ утро слѣдующаго дня на далекомъ горизонтѣ увидѣлъ городокъ.

Это и былъ Донецъ. Разглядѣть его хорошенько, какъ ни старались мои молодые глаза, издали было очень трудно, тѣмъ болѣе, что городъ стоитъ на довольно высокомъ открытомъ

мѣстѣ, казалось близко, но на самомъ дѣлѣ онъ еще очень далеко отъ насъ, въ верстахъ пятнадцати.

Разспрашивать о немъ моего спутника было нельзя; онъ спалъ самымъ завиднымъ образомъ, тогда какъ я всю дорогу не смыкалъ глазъ, все чего-то ждалъ.

— Это Донецъ? тихо спрашиваю у ямщика.

— Онъ самый.

Вотъ и рѣка, протекающая подъ самымъ городомъ. Мы проѣхали животрепещущій мостъ и стали подыматься на довольно крутую гору. Сейчасъ же отъ моста пошла городская улица, по обѣ стороны ея расположилось два ряда домиковъ, не домовъ, а именно домиковъ: одноэтажныхъ, въ три, или самое большое въ пять оконъ; одни изъ нихъ крыты дранью, другіе тесомъ; попадались на задворкахъ и соломенныя крыши.

Вотъ куда я попалъ послѣ столицы-то...

Купчина мой, какъ по заказу, проснулся въ деревушкѣ, служившей предмѣстьемъ города; проснулся и сталъ приводить себя въ порядокъ: стряхнулъ съ огромнаго своего картуза сѣно и соръ; обычнымъ жестомъ пятерни удивительно ловко освободилъ свой носъ отъ излишней жидкости, поправляя свою шевелюру, онъ въ то же время успѣлъ и вытереть пальцы о собственные волосы, надвинулъ на лобъ картузъ и сталъ глазами пересчитывать весь свой багажъ.

Взобравшись на вершину горы, глазамъ моимъ прежде всего представился пустырь, а за нимъ главная улица, на углахъ которой, фасадомъ на пустырь, стояли два большіе каменные дома, двухъэтажные; изъ нихъ въ одномъ помѣщался мѣстный кладезь мудрости—Донецкій университетъ, состоящій изъ уѣзднаго и приходскаго училищъ, а въ другомъ—полицейское управленіе.

— Ну, ты знаешь куда? спрашиваетъ ямщика мой попутчикъ.

— Ну,во! Знамо, знаю... Извѣстно куда... Кого, кого, а ужъ тебя-то не знать?!

Остановились мы около большого каменнаго неоштукатуреннаго дома, весь верхній этажъ котораго занималъ его владѣлецъ, а въ нижнемъ своего рода „Мюръ и Мерилизъ". Въ его магазинѣ имѣлся крайне разнообразный товаръ: и чай, и сахаръ, и закуски, и вино, и конфекты, и деготь, и шлеи, и хомуты, и валенки, и сапоги...

А вывѣска гласила: „Колоніальный магазинъ Артемова".

Вылѣзъ онъ изъ тарантаса; приказчики бросились вытаскивать его вещи. Сейчасъ было видно, что пріѣхалъ „самъ".

— Ну, ты куды барина-то повезешь? отдавая половину условленной платы съ прибавкою на чай мѣднаго пятака.

— Да куды? Извѣстно, ко Степанычу; куды же больше-то? снимая шапку, отвѣтилъ извозчикъ.

— Ну, что-жъ... Хорошо... Да скажи отъ меня Степанычу, чтобы онъ не обижалъ моего барина-то... Чтобы успокоилъ его...

— Ладно... скажу.

Распрощались мы съ моимъ попутчикомъ, онъ былъ мнѣ очень симпатиченъ за его заботу обо мнѣ, я ему былъ весьма благодаренъ: ужъ очень я себя чувствовалъ-то сиротливо...

Двинулись мы дальше; проѣхали сажень 15—20 и остановились на той же улицѣ, но только на противоположной сторонѣ, тоже около каменнаго дома и тоже неоштукатуреннаго. Впрочемъ, не для чего этого повторять; въ городѣ каменныхъ домовъ было не больше десятка, а отштукатуренно и всего-то три: училище, острогъ, да домъ богатаго купца на Соборной площади, а все остальное оставалось ближе къ природѣ.

XIV.

Хозяинъ встрѣтилъ меня съ низкими поклонами. Это былъ сѣдой, высокій благообразный старикъ. Простота, сердечность, радушіе застыли на его лицѣ.

И это не была маска.

Ахъ, какіе все хорошіе люди! Господи, какіе хорошіе!

Весь мой несложный багажъ бережно втащили въ горницу верхняго этажа; появились двѣ женщины—старая и молодая, которыя принялись убирать бѣлый деревянный столъ, накрыли его чистою красною скатертью, старуха устанавливала чайную посуду, а молодуха побѣжала за самоваромъ.

Не успѣлъ я, какъ слѣдуетъ, раздѣться, какъ входная дверь опять отворилась, и здоровенная молодая краснощекая баба—работница, съ подоткнутымъ за поясъ подоломъ сарафана, внесла почти ведерный самоваръ, давно-давно нечищенный, и поставила его на столъ. Хозяина я попросилъ заварить чаю, а самъ пошелъ умыться. Меня вывели на галлерею, выходившую на несовсѣмъ опрятный дворъ, и указали на висѣвшій большущій глиняный умывальникъ.

Совершивъ омовеніе, освѣжившись послѣ утомительнаго пути, въ первый разъ въ моей жизни совершеннаго, послѣ безсонной ночи, я съ удовольствіемъ усѣлся за столъ и пригласилъ хозяина раздѣлить со мною компанію. Онъ присѣлъ

и сталъ хозяйничать: ополоснулъ чашки, вытеръ ихъ чистымъ полотенцемъ, налилъ чаю, и стали мы его попивать.

Бесѣда наша не была особенно любопытна, да и не могла она быть такою, общаго-то ничего не было у насъ: онъ—старикъ, я—молодой; онъ изъ Донца отъ роду никуда не выѣзжалъ, а я только-что туда пріѣхалъ; ни общихъ знакомыхъ, ни общихъ интересовъ, ни общихъ задачъ и цѣлей—ничего! Такъ о чемъ же было говорить?

Даже спросить о дорогѣ въ училище и того не требовалось; я ѣхалъ мимо него.

Переодѣлся я въ свою новую пару и отправился къ начальству представляться.

Штатный смотритель Николай Ивановичъ Коссаговскій произвелъ на меня пріятное впечатлѣніе: молодой, представительный брюнетъ, нѣсколько рыхлая сыроватая фигура котораго имѣла видъ несовсѣмъ здороваго человѣка. Онъ былъ женатъ на дочери небогатой подгородней помѣщицы-вдовы и жилъ очень порядочно, очевидно не на одно свое жалованье, хотя, какъ увидитъ читатель изъ послѣдующаго, жизнь въ Донцѣ была страшно дешева. Теперь подобная дешевка немыслима и должна отойти въ область тѣхъ пріятныхъ воспоминаній, которымъ едва-ли суждено когда-нибудь повториться.

Коссаговскій обошелся со мною очень мило, внимательно, просто и любезно, разспросилъ меня обо всемъ и очень подробно: откуда и когда пріѣхалъ, есть ли родители, гдѣ остановился, нашелъ ли себѣ квартиру и т. п.

На дворѣ раздался звонъ вѣчевого колокола, возвѣщавшій объ окончаніи урока.

— Ну, пойдемте на верхъ, я познакомлю васъ съ товарищами. А послѣ уроковъ, пожалуйста, приходите ко мнѣ обѣдать, запросто, безъ церемоній, чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ.

Мы поднимались на верхъ, а толпа сорвавшихся школьниковъ неслась внизъ, на обширный училищный дворъ, чтобы воспользоваться и пятью минутами перемѣны: побѣгать, порѣзвиться, подышать свѣжимъ воздухомъ.

Какъ мнѣ все это нравилось! Хорошо!

Конечно, училищная обстановка не могла произвести на меня впечатлѣнія благопріятнаго, особенно послѣ Московской: сильно повытертыя ступени некрашеной лѣстницы; рваная клеенка и войлокъ на входной двери, ремонтируемой чаще всего домашними средствами; темная большая передняя, въ которой раздѣвались учителя и небольшая часть учениковъ

побогаче, у которыхъ была не только нижняя, но и верхняя одежда, большинство же сидѣло и въ классахъ въ тѣхъ же костюмахъ, въ какихъ бѣгало на улицѣ: въ поддевкахъ весною и осенью, въ полушубкахъ нагольныхъ и крытыхъ—зимою.

Всѣ преподаватели были налицо. Три класса одновременно требовали трехъ учителей, а всѣхъ ихъ пятеро, да въ приходскомъ училищѣ трое, и всѣ ежедневно собирались въ учительской: приватныхъ уроковъ негдѣ было заполучить, а дома нечего было дѣлать, только женѣ мѣшать въ хозяйствѣ. Вотъ и собирались всѣ воедино въ совѣтскую комнату. Кому слѣдовало, тотъ шелъ на урокъ, а остальные усаживались около большого круглаго стола, бесѣдовали, читали газеты и журналы, свирѣпо критиковали дѣйствія начальства...

„Вѣдь столбовые все! Въ усъ никому не дуютъ!"—какъ говоритъ Фамусовъ въ „Горе отъ ума".

Законоучителемъ былъ молодой приходскій священникъ, отецъ Дмитрій М. Интеллигентный, умный, веселый человѣкъ. Мы съ нимъ впослѣдствіи сошлись очень близко; часто проводилъ я у него вечера за интересною бесѣдой. Нужно сказать, что мѣсяца за три, за четыре передъ моимъ пріѣздомъ уѣхалъ оттуда извѣстный литераторъ У., который занималъ должность учителя русскаго языка въ уѣздномъ училищѣ. Въ нѣкоторыхъ его произведеніяхъ (первыхъ) встрѣчаются типы, выхваченные прямо изъ жизни Донца, какъ, напримѣръ, хозяинъ дома, въ которомъ жилъ У. Интересно передавалъ Дмитрій о томъ, какъ У. разсказывалъ ему о своемъ хозяинѣ, выгонявшемъ свиней, забравшихся подъ заднюю часть его дома.

— Животики, бывало, надорвешь! заключалъ Дмитрій свой разсказъ.

— И при этомъ, замѣть, самъ никогда не улыбнется.

Это-то понятно; плохо передается комическое публикѣ, если самъ чтецъ или разсказчикъ начинаетъ хохотать, или усиливается быть смѣшнымъ...

Дмитрій былъ въ общемъ очень умный и развитой попикъ, но полученное имъ семинарское образованіе пятидесятыхъ годовъ, жизнь въ такомъ медвѣжьемъ углу, какъ Донецъ, не ахти какъ много дала ему новаго, свѣжаго, интереснаго... Само собою разумѣется, что разсказъ талантливаго У. производилъ на него сильное впечатлѣніе, отъ котораго, можетъ быть, ему всю его жизнь не пришлось отдѣлаться.

Да что тамъ У.! Даже мнѣ не составляло никакого труда

зарядить Дмитрія самымъ развеселымъ смѣхомъ; ужъ очень легко онъ поддавался этому.

Въ Москвѣ мнѣ часто приходилось видѣть новую еще въ то время пьесу „Свадьба Кречинскаго“. Кречинскаго игралъ Шумскій, Расплюева—Провъ Садовскій. Пьеса у меня была, и вотъ мы собрались какъ-то у Дмитрія, и сталъ я ее читать. Шумскій и Садовскій стояли передо мною, какъ живые; подражать имъ мнѣ не стоило особаго труда... Такъ не только Дмитрій, а всѣ учителя помирали со смѣху.

Очень естественно: кто нови не видалъ, тотъ и ветоши радъ.

Думается мнѣ, что ужъ очень много было, что называется, непосредственнаго, неиспорченнаго въ этихъ хорошихъ людяхъ, много было воспріимчивости, а тутъ еще что-то новенькое, сильное... Ну, и смѣялись!

Смѣялись отъ души тому, что въ наше горькое время даже и на молодежь не производитъ надлежащаго впечатлѣнія. Теперь больше въ модѣ сало, грубая откровенная плоскость, рискованныя позы, а не острота. Вотъ всѣ и облысѣли раньше времени!

Въ городѣ было всего три церкви: соборный храмъ, кладбищенская церковь и одна приходская, гдѣ и настоятельствовалъ нашъ от. Дмитрій. Такъ какъ городъ былъ очень малъ, то житье духовенства было бы скудновато, если бы къ городскимъ церквамъ, въ томъ числѣ и къ собору, не было приписано по нѣсколько пригородныхъ деревень.

Наступилъ великій постъ. Все населеніе въ чистый понедѣльникъ „омылось банею водною“, намазывалось елеемъ, посыпало пепломъ главу, надѣло соотвѣтствующія времени маски и стало усердно посѣщать церковныя службы.

Великолѣпная погода, бѣгущіе съ горъ ручьи, божественный воздухъ, непролазная грязь—все это веселило сердца донцовъ, освободившихся отъ тяжелаго зимняго покрова.

Великій постъ, сверхъ ожиданія, промелькнулъ какъ-то удивительно скоро. Скоротали его, главнымъ образомъ, работа, которой я предался въ школѣ съ особеннымъ рвеніемъ: не хотѣлось на первый годъ ударить себя лицомъ въ грязь, вотъ и приналегъ и на себя и на ребятъ.

Подошла страстная недѣля. Думалъ было съѣздить въ Москву, къ матери, да разливъ рѣки помѣшалъ, это во-первыхъ, а во-вторыхъ и карманъ не позволялъ: проѣхать туда и обратно пятьсотъ верстъ—это не шутка. Вотъ я и остался. На страстной недѣлѣ я сталъ говѣть. Аккуратно посѣщалъ всѣ церковныя службы, а въ среду отправился на исповѣдь. Думалъ, думалъ,

кого избрать себѣ въ духовники, ничего не придумалъ. Рѣшилъ исповѣдываться у Дмитрія. Я всегда серьезно относился къ этому таинству, и потому человѣкъ, предъ которымъ я готовъ откровенно распахнуть свою душу, долженъ былъ высоко стоять въ моемъ понятіи. Это у меня осталось до сихъ поръ. Я не признаю исповѣди по обязанности, во что бы то ни стало, у своего приходскаго батюшки, мнѣ нуженъ духовный отецъ, а не батюшка. Вѣнчай меня, крести, миропомазуй, хорони—кто угодно, мнѣ все равно; но на исповѣдь и къ святому причастію я пойду только къ такому, къ которому я расположенъ и душою и сердцемъ. Въ этомъ я всегда былъ свободенъ отъ всякаго постоя; я лучше пойду на исповѣдь къ іеромонаху, что и дѣлаю до сего времени.

Выбравши Дмитрія въ свои духовные отцы, я въ среду явился къ вечернѣ, отстоялъ ее, принесъ по московскому обычаю свѣчку, — „даръ алтарю" —, и сталъ ожидать своей очереди. Когда очередь подошла, я пошелъ за занавѣску, перекрестился, положилъ земной поклонъ и, наклонивъ голову, смиренно подхожу къ батюшкѣ.

Проходитъ полминуты, онъ молчитъ... Я стою... Проходитъ минута—онъ все молчитъ... Вглядываюсь въ его эпитрахиль,—она что-то шевелится... А Дмитрій все молчитъ. Я тихо подымаю голову, исподлобья вглядываюсь въ него и вижу, голова его отвернулаеь въ сторону, а уста свои онъ прикрылъ всею пятерней; онъ едва-едва удерживался отъ смѣха.

Чему онъ смѣялся—для меня была загадка.

— Уйди ты, ради Бога, отъ грѣха дальше! вдругъ слышу его тихій голосъ.

Удивленно я посмотрѣлъ на него, пожалъ плечами и пошелъ несолоно хлебавши...

Послѣ-то онъ мнѣ разсказалъ, въ чемъ дѣло.

— Входишь ты ко мнѣ, лицо постное, а мнѣ (надо же такому грѣху случиться), и вступи въ голову твой Расплюевъ! Такъ вотъ и стучитъ въ ней: „Ну, разъ ударь! Другой—ударь! Удовольствуй себя, да и отстань! А вѣдь это... что же... до безчувствія".

Ну, смѣхъ меня и заразилъ...

Такъ и лопнуло мое говѣнье.

XV.

Теперь долженъ сказать нѣсколько словъ о своемъ училищѣ. Это была громадная комната, настолько большая, что въ ней

могли помѣщаться сто сорокъ два ученика. Вы можете по этому уже судить, что за анаѳемскія были условія, при которыхъ мнѣ приходилось начать работу: учебныхъ пособій никакихъ, холодъ страшный, углы промерзли, ребята сидятъ въ полушубкахъ, у кого они были; а на ребенка изъ бѣдной семьи (а такихъ было громадное большинство) такъ ужасъ было смотрѣть: весь закоченѣетъ, руки, какъ гусиныя лапы—красныя, растрескавшіяся, подъ носомъ скоро получится сосулька...

Одна только жалость!

Я былъ не одинъ; у меня имѣлся помощникъ, второй соборный діаконъ. И вотъ въ одной комнатѣ идетъ у насъ общая работа: онъ велъ младшее отдѣленіе, а я—старшее и среднее. При такихъ условіяхъ волей—неволей приходилось вмѣсто школы устраивать какой-то еврейскій шабашъ.

Да, не въ авантажѣ обрѣлъ я поле своей дѣятельности.

Какой тамъ авантажъ, если учителю всю зиму приходилось работать въ тепломъ пальто и въ теплыхъ калошахъ.

Рѣшилъ объ этомъ поговорить и съ штатнымъ смотрителемъ и съ городскимъ головой.

Одно только утѣшеніе нашелъ я для себя въ классѣ—громадный библіотечный шкафъ; онъ прежде всего обратилъ на себя мое вниманіе. Каждую перемѣну, каждую свободную минуту я подходилъ къ этому шкафу, рылся въ немъ и намѣчалъ себѣ книги для чтенія. Библіотека состояла главнымъ образомъ изъ періодическихъ изданій, которыя, вѣроятно, выписывались на казенныя деньги. Я встрѣтилъ тамъ журналы самаго либеральнѣйшаго направленія того времени. „Современникъ“, „Русское Слово“, „Отечественныя записки“, и др. Очевидно, въ шестидесятыхъ годахъ не особенно боялись заразы, не то, что теперь.

Библіотека эта захватила меня цѣликомъ. Писаревъ, Благовѣщенскій, Благосвѣтловъ, Чернышевскій, Добролюбовъ, Зайцевъ—всѣхъ я ихъ перечиталъ и, представьте, они не увлекли меня за собою. Я съ большимъ удовольствіемъ читалъ Писарева, его ядовитый, острый языкъ мнѣ очень нравился: его умѣнье издѣваться, какъ, напримѣръ, надъ Клюшниковымъ и его романомъ „Марево“, и ему подобными писателями, доставило мнѣ много веселыхъ минутъ. Но я, конечно, очень хорошо понималъ, что это происходила казнь человѣка противоположнаго лагеря.

Возмутилъ меня писаревскій разборъ Пушкинскаго „Онѣгина“. Какъ ни старался Писаревъ свалить генія съ пьедестала, нѣтъ, не могъ, даже въ моихъ глазахъ—восемнадцатилѣтняго маль-

чика. Мнѣ думалось такъ: Писареву было не на чемъ воспитать свой умъ, вкусъ, развить свои знанія.

Писаревъ, какъ ни-какъ, а пользовался наслѣдіемъ того же Пушкина, того же Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Достоевскаго... Былъ ли бы Писаревъ—Писаревымъ, если бъ не было этихъ господъ. Это еще большой вопросъ! А вотъ эти-то господа чѣмъ могли воспользоваться? Какое имъ-то попало наслѣдство?

Нѣтъ, время и обстоятельства слѣдовало бы принять во вниманіе, если, конечно, есть желаніе быть критикомъ безпристрастнымъ...

На другой день моей службы сослуживцы мои заговорили со мной, между прочимъ, о квартирѣ. Рекомендовали мнѣ холостецкую квартиру у Натальи Ивановны „съ большими удобствами“, какъ, смѣясь, говорили они, и сходной по цѣнѣ. Для меня самое цѣнное удобство заключалось въ томъ, что домикъ Натальи Ивановны былъ противъ училища. Это дѣйствительно большое удобство, принявъ во вниманіе непролазную грязь во всемъ городѣ и весною и осенью, и непролазный снѣгъ зимою.

Окончилъ я свои уроки и пошелъ къ Натальѣ Ивановнѣ. Домикъ ея деревянный, въ пять оконъ, стоялъ на углу большой улицы и пустыря. Квартира эта такъ и считалась учительской. Передо мною жилъ долгое время Б., но поженился и зажилъ своимъ домкомъ.

Я не понималъ еще въ то время выраженія „съ большими удобствами для холостяковъ“ и не придавалъ ему какого-либо особеннаго значенія, но послѣ-то понялъ...

Чрезъ калитку я вошелъ на небольшой дворикъ; обошелъ домъ и направо въ углу увидалъ входную дверь, безъ крыльца, съ однимъ невысокимъ порожцемъ.

Я вошелъ въ кухню. Хозяинъ, малый лѣтъ 32, высокій, черный, худой,—былъ кровельщикъ; лѣтомъ ѣздилъ по деревнямъ накладывать желѣзныя крыши на церквахъ и помѣщичьихъ домахъ, а зимой занимался луженьемъ самоваровъ, кастрюль и разными желѣзными подѣлками: самоварныхъ трубъ, терокъ и т. п. домашнихъ вещей. И тутъ я засталъ его за работой, отъ которой стоялъ страшный шумъ, слышавшійся даже на улицѣ.

Около русской печки стояла молодая, лѣтъ 26 женщина, въ русской наколкѣ, въ неособенно опрятномъ ситцевомъ платьѣ, бокъ юбки котораго былъ заткнуть за поясомъ, отчего изъ подъ платья виднѣлось довольно большое бѣлое пятно нижняго бѣлья. Около нея вертѣлась бѣлобрысая дѣвочка лѣтъ четырехъ.

Увидѣвъ меня, она оттолкнула ребенка опустила поддернутый край платья и съ улыбкою на широкомъ разрумянившемся отъ печки лицѣ, затараторила мелкою пѣвучей мѣщанскою дробью.

— Что вамъ будетъ угодно?

Только тутъ хозяинъ бросилъ свою стукотню, изъ-за которой не слыхалъ, какъ я вошелъ, и обернулся къ намъ, когда раздался голосъ его супруги.

Я сказалъ, что мнѣ было нужно.

— А! пожалуйте, пожалуйте! привѣтливо заговорилъ хозяинъ.

— Юша! покажи фатеру, а я поставлю самоваръ.

Мы вошли съ саженнымъ Юшей въ переднюю. Я невольно обратилъ вниманіе на длинныя сухопарыя руки Юши, съ напруженными жилами, длинными корявыми пальцами, и подумалъ: „вотъ дастъ раза-то, такъ прощай, мамаша“!

Комнату, куда мы вошли, называли переднею, но она же была и столовою: небольшая, узкая комнатка, съ лежанкою и однимъ окномъ, выходившимъ на дворъ.

Изъ этой комнаты вели еще двѣ двери: одна—въ ихъ спальню, а другая—въ залъ, а изъ зала налѣво, рядомъ съ кухней, была маленькая въ одно окошко комнатка, которая и предназначалась для жильца.

Пока мы осматривали квартиру, самоваръ уже поспѣлъ и хозяйка гремѣла чайною посудой, то и дѣло вбѣгая къ намъ то за тѣмъ, то за другимъ...

Усѣлись за чаепитіе и повели бесѣду. Затѣмъ перешли къ условіямъ жизни и торгу. Оказывается, что они потребовали съ меня семь руб. пятьдесятъ коп. въ мѣсяцъ за комнату, съ правомъ пользоваться заломъ, когда придутъ ко мнѣ гости, со стиркою бѣлья, обѣдомъ и ужиномъ; самоваровъ сколько хочешь, чай—сахаръ свой.

Выходило дешевле пареной рѣпы. И это назначилъ хозяинъ, который вовсе не намѣренъ былъ оказывать мнѣ какія-либо милости.

Вотъ вы и подумайте, какое золотое время было, увы, безвозвратно минувшее...

По подсчету у меня отъ жалованья оставалось слишкомъ четыре рубля въ мѣсяцъ.

Ничего, еще жить можно.

Въ этотъ же вечеръ я оставилъ постоялый дворъ и занялъ свою собственную квартиру. Сходилъ и купилъ столовую семи-

линейную лампочку съ зеленымъ абажуромъ, маленькій чайникъ, два стакана и два блюдечка, устроилъ себѣ что-то въ родѣ письменнаго стола, оправилъ постель и долго любовался своимъ логовомъ. Такъ какъ окно выходило на большую улицу, то хозяйка притащила коленкоровую бѣлую занавѣску и прикрѣпила ее къ окну.

Ну, будуаръ модной красавицы получился, да и только!

На другомъ углу пустыря стоялъ каменный одноэтажный домикъ и при немъ мелочная лавка. И домъ, и лавка принадлежали отцу моей хозяйки, которая успѣла сбѣгать къ нимъ и позвала къ себѣ смотрѣть новаго жильца.

И дѣйствительно, къ вечеру набралось ихъ полная изба.

Когда я вернулся съ своими покупками, то засталъ въ квартирѣ страшный гомонъ: явились къ намъ папаша, маленькій плотненькій мѣщанинъ, ни на минуту не выпускавшій изо рта трубки-носогрѣйки, набитой ужаснѣйшею махоркой, отъ которой онъ ежеминутно отплевывается; его супруга, совершенно испарившаяся въ настоящее время изъ моей памяти; дочь—невѣста, Таня, что называется рѣпа (на ихъ жаргонѣ), а не дѣвка: кряжистая, здоровенная, съ лицомъ, осыпаннымъ веснушками, спина въ три четверти, а росту меньше двухъ аршинъ,—да три, или четыре парня въ возрастѣ отъ 16 до 7 лѣтъ.

Прежде всего при входѣ меня сшибъ съ ногъ смѣшанный запахъ махорки и дегтя, которымъ по сему особому случаю смазаны сапоги гостей.

Однимъ словомъ—Брокаръ, или Сіу!

Чтобы имъ пусто было! Убили.

Такъ какъ въ мою комнату тоже была дверь изъ кухни, то, понятно, я былъ очень радъ, что мнѣ не пришлось пролѣзать эту гущу.

Вошелъ, раздѣлся, зажегъ свою лампу и приготовился что-то дѣлать.

— Сергѣй Григорьевичъ! пожалуйте чай кушать! отворяя ко мнѣ дверь изъ залы, пригласила хозяйка.

— Благодарю васъ; сейчасъ приду.

Чувствуя, что отъ нихъ не скоро придется отдѣлаться, я изъ экономіи потушилъ лампу, сложилъ ученическія тетрадки и пошелъ къ нимъ.

Вся семья расселась около стѣнокъ на самодѣльныхъ стульяхъ, окрашенныхъ свѣтложелтою краской, съ волосяными сидѣньями. Хозяйка моя съ матерью усѣлась на диванѣ и разливала чай; хозяинъ съ тестемъ около окна, а у другого оставили мѣсто

мнѣ. Какой-то изъ братцевъ порывался было занять это мѣстечко, да его погнали: мѣсто удобное и предназначенное для гостя почетнаго, каковымъ въ данномъ случаѣ былъ я.

Вошелъ, честь честью со всѣми поздоровался за ручку, а мальцовъ просто погладилъ по головамъ, хотя они тоже, какъ видно, бывали въ обществѣ, и полѣзли было ко мнѣ съ протянутой пятерней; но я былъ слѣпъ и отлично обошелся безъ этихъ нѣжностей.

Начался общій разговоръ. Такъ мало интересовалъ меня этотъ разговоръ, что я рѣшительно изъ него ничего не помню. Мое дѣло было прислушиваться да понимать, если возможно это. Говорили сразу въ три—четыре голоса.

Чай налили всѣмъ въ чашки, сахаръ поставили на столѣ—пользуйся; тутъ же были и баранки, или, по-тамошнему, кателки. Я взялъ одну изъ нихъ и съ удовольствіемъ съѣлъ. Она была чрезвычайно вкусна, но вкуса совершенно иного, чѣмъ московскія баранки того времени.

Всѣ занялись чаепитіемъ. По всей комнатѣ то и знай раздается грызеніе сахара, подуваніе на чай, стукъ чашкою о блюдечко. Довольно большой самоваръ хозяйка бѣгала подогрѣвать раза два. За это время они успѣли разузнать про меня всю подноготную: гдѣ жилъ, учился, есть ли родители и родня, сколько мнѣ лѣтъ и пр. пр.

И зачѣмъ это было имъ нужно знать—Господь ихъ вѣдаетъ: сейчасъ видно, что дѣлать имъ нечего и весь интересъ ихъ въ данную минуту сосредоточивался исключительно на мнѣ.

Иванъ Ермолаичъ такъ испортилъ воздухъ своею махоркой, что у меня не на шутку начала разбаливаться голова; терпѣніе мое истощалось; я не могъ дождаться, когда, наконецъ, окончится этотъ soirée безъ танцевъ, но съ запахомъ ассенизаціоннаго обоза...

Слышу, бьетъ восемь часовъ; хозяйка перемываетъ посуду; одинъ малый зѣваетъ во всю ивановскую; глядя на него и мамаша стала поводить рукой около своихъ прекрасныхъ устъ; очевидно, подходилъ часъ ко сну отходящу.

— Митюнька, будетъ зѣвать-то, ты бы орѣшковъ погрызъ! слышу голосъ хозяйки, али бы мятныхъ пряничковъ пожевалъ...

А Митюнька хоть бы тебѣ что! ему не доѣды: глаза, какъ у соннаго судака; волосы спутались; голова оперлась на руку... ничего малый не понимаетъ.

— Нѣтъ, видно, въ гостяхъ хорошо, а дома лучше. Собирайтесь-ка домой спать! рѣшилъ Ермолаичъ, и всѣ поднялись.

Сейчасъ видно умнаго-то человѣка!

Наконецъ-то, убрались. Хозяинъ пошелъ провожать гостей за калитку, хозяйка продолжала убирать посуду, а я первое дѣло сталъ искать форточку. Ни одной, какъ на грѣхъ!

— Тяжеленекъ табачокъ-то куритъ Иванъ Ермолаичъ. Не позволите ли, Наталья Ивановна, дверь на полчасика отворить?

— Сейчасъ, сейчасъ! Да, ужъ... Папашенька какъ придетъ, всегда угару напуститъ.

Ужъ и дѣйствительно угару. Въ пору всѣ трубы открывать.

Всѣ двери Наталья Ивановна отворила настежь и принялась чайнымъ полотенцемъ изгонять нечистый духъ родителя.

Только поэтому и живъ остался; а то, представьте: перегородки до верху не доходятъ, форточки ни одной: умрешь насильственной смертью и убійцы не найдутъ.

Это какой-то пособникъ Екатерины Медичи по части спроваживанія на тотъ свѣтъ, знаменитый Рэне-флорентинецъ.

Собрались ужинать: подали горячее; чувствую ничего, ѣсть еще можно; затѣмъ несетъ хозяйка жареную картошку, опять ничего; даже хороша, ибо картошку и гречневую кашу я люблю.

Поѣли и на боковую.

Работать я не особенно много сегодня работалъ, а усталъ; очень усталъ. Завтра праздникъ, надо побывать съ визитомъ у городского головы.

XVI.

Дѣятели городскіе были народъ темный, дикари, но безусловно съ хорошими, отзывчивыми сердцами; конечно, въ областяхъ болѣе доступныхъ ихъ пониманію. Пріѣхавъ на службу городу, само собою разумѣется, я первымъ долгомъ счелъ явиться къ городскому головѣ.

Лордъ-меръ жилъ въ собственномъ большомъ одноэтажномъ деревянномъ домѣ. Если замоскворѣцкіе типы, портреты которыхъ оставилъ намъ Островскій, еще доживали послѣдніе свои денечки въ Таганкѣ, да на Полянкѣ, да на Вшивой горкѣ (какъ тогда называли москвичи эту горку), то встрѣтить такой типъ въ Донцѣ, конечно, было немудрено. Правда, не такъ рѣзко выраженный, какъ у Островскаго, но все-таки было видно, что яблочко отъ яблоньки пало недалеко.

Въ первое же воскресенье послѣ обѣдни иду къ нему. Крыльца на улицу не имѣлось; оно по старинушкѣ было во дворѣ. Отворилъ калитку, а войти боюсь. Невдалекѣ отъ ка-

литки стояла канура, а изъ нея ласковыми глазами смотрѣлъ на меня громадный цѣпной песъ. Смотритъ на меня и не шелохнется.

На дворѣ—ни души. Не знаю, что дѣлать. Войти боюсь: порядочныя брюки только однѣ есть, и тѣхъ можно лишиться.

Захлопнулъ калитку и пошелъ бродить подъ окнами: авось, кого-нибудь увижу.

И дѣйствительно, въ одномъ окнѣ виднѣется праздничная фигура. Слышу сквозь затворенную раму зычный голосъ:

— Вы ко мнѣ что ль?

— Къ вамъ.

Махнулъ онъ рукой по направленію къ калиткѣ, и вслѣдъ затѣмъ слышу:

— Василиса!.. Али кто тамъ—пустите гостя!

Когда я опять отворилъ калитку, то съ крыльца спускалась женщина среднихъ лѣтъ, въ сарафанѣ и бѣлой коленкоровой рубахѣ съ широкими рукавами, въ большомъ черномъ платкѣ на головѣ.

— Иди, родимый, иди!

— А собака не тронетъ?

— Ну, гдѣ тамъ: ей умирать пора! она мнѣ ровесница.

Я прошелъ дворъ и поднялся на крыльцо. Въ передней осадилъ меня несшійся изъ кухни запахъ жаренаго лука и раздражалъ мое обоняніе.

Въ дверяхъ залы стоялъ самъ голова, очень богатый, какъ тогда говорили, купецъ-кожевникъ Осовъ.

— Милости просимъ, милости просилъ! привѣтствовалъ онъ меня.

— Вотъ счелъ долгомъ побывать у васъ, представиться да поговорить объ училищѣ.

— Ну, что-жъ... давай поговоримъ; кстати и пирогъ готовъ... закусимъ и поговоримъ.

Н. Морозовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Александра Марковна Мармусевичъ.

(Біографическій очеркъ).

„Что въ имени тебѣ моемъ?
„Оно умретъ, какъ шумъ печальный
„Волны, плеснувшей въ берегъ дальный,
„Какъ звукъ ночной въ лѣсу глухомъ.

А. С. Пушкинъ.

14-го января 1906 года въ Москвѣ скончалась 78 лѣтъ отъ роду въ крайней бѣдности, безвѣстная поэтесса Александра Марковна Мармусевичъ. Отмѣченная печатью таланта, она покинула этотъ міръ такъ же незамѣтно, какъ и жила въ немъ. Ни одно изъ ея произведеній нигдѣ не было напечатано, а между тѣмъ эти образцы чистѣйшей поэзіи, казалось, заслуживали бы самаго лестнаго вниманія.

Отецъ Александры Марковны былъ черногорецъ съ Далматинскаго побережья Адріатическаго моря, Маркъ Егоровичъ Любатовичъ, родомъ изъ Бокка ди Каттаро; мать Александры Марковны была чистокровная черногорка изъ фамиліи Комадыничъ, родомъ изъ г. Никшича. Вслѣдствіе преслѣдованія со стороны австрійскихъ властей, родители Александры Марковны были принуждены покинуть свою прекрасную родину и переселиться въ единоплеменную Россію, въ Москву.

Александра Марковна родилась въ 1828 году. Въ одномъ изъ своихъ стихотвореній автобіографическаго характера она писала:

„Я родилась въ поэзіи эпоху,
„Когда еще жилъ Пушкинъ на землѣ,
„Духъ Байрона охватывалъ Европу
„И Лермонтова стихъ уже звучалъ вполнѣ...

Александра Марковна воспитывалась въ Москвѣ сначала въ пансіонѣ Кноль, а затѣмъ въ пансіонѣ Дюмушель, который окончила съ правами на открытіе учебнаго заведенія.

Поэтическая натура Александры Марковны рано дала себя чувствовать. Въ своемъ стихотвореніи „Картины прошлаго" она писала:

„Я все желала въ мірѣ видѣть,
„Душой стремилась все обнять,
„Умомъ хотѣла все понять
„И не умѣла ненавидѣть.
„Я рано стала жить душой:
„Еще въ младенческіе годы
„Любила бурю я съ грозой,
„Мятели зимней непогоды...

Еще десятилѣтней дѣвочкой Александра Марковна начала писать стихи. Ея творчество развивалось подъ вліяніемъ поэзіи Пушкина:

„Онъ, какъ кумиръ, сіялъ предъ нами,
„Къ нему стремилась я душой,
„Его безсмертными стихами
„Я просвѣтила разумъ свой.

(„Памяти Пушкина").

Къ сожалѣнію, тетрадь съ дѣтскими стихотвореніями Александры Марковны была у нея отобрана классной дамой и затерялась.

Впослѣдствіи немалое вліяніе на развитіе у Александры Марковны литературнаго вкуса имѣло знакомство ея съ кружкомъ славянофиловъ (съ Аксаковыми во главѣ), съ И. С. Тургеневымъ, съ В. П. Боткинымъ. Кстати будетъ замѣтить, что Александра Марковна была лично знакома съ Катрановымъ, котораго И. С. Тургеневъ изобразилъ подъ фамиліей Инсарова въ своемъ романѣ „Накануне".

По окончаніи Александрой Марковной пансіона, семья Любатовичъ переѣхала въ Аккерманъ, гдѣ владѣла нѣсколькими десятинами земли и виноградниками.

Вскорѣ послѣ переселенія на югъ Россіи Александра Марковна вышла замужъ за штурмана дальняго плаванія Мармусевича. Этотъ бракъ былъ крайне неудаченъ: мужъ прокутилъ почти все ея состояніе и, наконецъ, пропалъ безъ вѣсти, оставивъ молодую жену съ малюткой-сыномъ.

Въ началѣ семидесятыхъ годовъ Александра Марковна поселилась въ Одессѣ и здѣсь открыла женскую гимназію. Но ея широкая нерасчетливая натура препятствовала веденію коммерческой части этого предпріятія: она, входя въ положеніе бѣдныхъ учениць, не брала съ нихъ платы. Въ гимназію Александра Марковна вложила остатки своего состоянія и вскорѣ осталась положительно безъ копѣйки. 50 лѣтъ отъ роду она была вынуждена тяжелымъ трудомъ домашней учительницы добывать средства на содержаніе себя и больного сына.

Въ 1879 году она перебралась съ сыномъ въ Москву (ей было суждено прожить въ Москвѣ до самой кончины, въ теченіе 27 лѣтъ) и здѣсь занималась подготовкой въ средне-учебныя заведенія, играла на вечерахъ, служила гувернанткой. Это тяжелое положеніе отразилось въ ея стихотвореніи „Неблагодарный трудъ":

„Кто это легкой поступью
„По грязной мостовой
„Идетъ, какъ будто, ощупью
„Осеннею порой?
„Худа, блѣдна, измучена—
„Съ уроковъ грошевыхъ,
„И думой озабочено
„Ея лицо. Утихъ
„Шумъ города тревожнаго,
„Чуть свѣтятъ фонари,
„А захолустье грязное
„Уснуло до зари.
. . . .
. . . .
„Учительница жъ бѣдная,
„Прійдя къ себѣ домой,
„Измученная, нервная,
„Не можетъ спать порой.

Александра Марковна обожала своего сына, но онъ умеръ еще въ молодыхъ лѣтахъ отъ чахотки. Бѣдная мать писала:

„У Бога я прошу одной отрады—
„Въ загробной жизни встрѣтиться съ тобой...
. . . .
„Ты былъ въ семъ мірѣ бѣдный странникъ,

„Тебя не каждый понималъ,
„Ты добровольный былъ изгнанникъ
„И свѣтлой юности не зналъ.
„Съ душой младенческой и сердцемъ откровеннымъ,
„Ты въ людяхъ идеалъ прекраснаго искалъ,
„Ты бѣденъ былъ, но щедръ копѣйкою послѣдней,—
„Съ себя послѣднюю одежду отдавалъ...

Наступила старость, одинокая, безотрадная; положеніе бѣдной глухой старушки, лишенной возможности давать уроки, сдѣлалось невыносимымъ. Добрые люди, впрочемъ, немного смягчили ея участь: исхлопотали ей ничтожную пенсію изъ общества гувернантокъ, а въ послѣдніе годы жизни Александры Марковны въ ней принялъ участіе нынѣ покойный сынъ знаменитаго „Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ“—отзывчивый П. В. Жуковскій, благодаря которому, Александра Марковна стала получать пособіе по 200 руб. въ годъ изъ Кабинета Его Императорскаго Величества. Какъ примѣнимы къ Александрѣ Марковнѣ слова великаго поэта:

„Не такъ, любезный другъ, писатели богаты.
„Судьбой имъ не даны ни мраморны палаты,
„Ни чистымъ золотомъ набиты сундуки:
„Лачужка подъ землей, высоки чердаки—
„Вотъ пышны ихъ дворцы, великолѣпны залы.

Однако Александра Марковна стоически переносила жизненныя невзгоды, никто не слышалъ отъ нея жалобы на судьбу:

„Я не ропщу; забавамъ свѣта
„Душой я мало предана,
„Къ нимъ не лежитъ душа поэта—
„Не суетой она полна.
„Я—странникъ изъ другого міра—
„Люблю свой скромный уголокъ,
„Гдѣ иногда подъ звуки лиры
„Я отдыхаю отъ тревогъ,
„Гдѣ ложь, тщеславье, осужденье
„Не могутъ оскорблять мой слухъ,
„Друзей непрошенныхъ сужденья
„Не потревожатъ здѣсь мой духъ...

Несчастливо сложившаяся семейная жизнь заставила Александру Марковну углубиться въ самое себя и породила недо-

вѣрчивое, отрицательное отношеніе къ, казалось бы, доступнымъ для нея радостямъ жизни. Всякую мысль объ этихъ радостяхъ она гнала прочь:

„Прочь, запоздалыя желанья!
„Прочь, свѣжей юности мечты!
„Вы—поздней осени цвѣты,
„Какъ ихъ, васъ ждетъ одно страданье.
„Сомнетъ холодный вѣтеръ нивы,
„Морозъ васъ крѣпко обойметъ
„И вьюга мѣсто, гдѣ цвѣли вы,
„Сыпучимъ снѣгомъ занесетъ.

(„Позднее увлеченіе“).

Въ „минуту жизни трудную“ Александра Марковна, какъ глубоко-вѣрующій человѣкъ, обращалась съ трогательной мольбою къ Богу:

„Творецъ, возьми меня къ Себѣ
„Дай бросить міра шумъ мятежный!
„На днѣ могилы неизбѣжной
„Дай отдохнуть мнѣ въ вѣчномъ снѣ!

(„Молитва“).

Желанная смерть, однако, долго не приходила за ней: Александра Марковна скончалась 14-го января 1906 года въ глубокой старости, 78 лѣтъ отъ роду, отъ воспаленія легкихъ, въ Московской Голицынской больницѣ и 17-го января была погребена на счетъ П. С. Зибертъ, друга ея юности, на Московскомъ Ваганьковскомъ кладбищѣ, рядомъ со своими родственниками.

„Такъ и меня въ своемъ стремленьи
„Тотъ буйный унесетъ потокъ,
„И въ бездну броситъ онъ забвенья
„Мой неоконченный вѣнокъ.
„Пройду я въ мірѣ незамѣтно
„И не оставлю въ немъ слѣда,—
„Такъ въ звѣздномъ хорѣ мимолетно
„Летитъ падучая звѣзда.

(„Удѣлъ“).

Въ молодости Александра Марковна была очень красива. Пишущему эти строки пришлось познакомиться съ нею въ ноябрѣ 1902 года. Почтенная, сѣдая, какъ лунь, старушка съ благородными чертами лица и съ живыми черными глазами,

глуховатая, была одѣта чрезвычайно скромно и держала себя съ достоинствомъ. Она вся жила воспоминаніями прошлаго и въ интересной бесѣдѣ съ нею я незамѣтно провелъ нѣсколько часовъ.

Произведенія Александры Марковны могутъ быть раздѣлены на слѣдующія категоріи: а) стихотворенія патріотическія. Сюда относятся: „Привѣтъ въ день Коронованія Государя Императора Николая II-го“, „Привѣтъ Государынѣ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ“, „Русскому Царю“, „Передъ гробомъ Императора Александра III-го“, „Привѣтствіе Новорожденному Наслѣднику Цесаревичу Алексію Николаевичу“, „Портъ Артуръ“. Изъ этихъ стихотвореній 2-е было милостиво принято Ея Величествомъ, а за 4-е Александра Марковна удостоилась получить благодарность Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны. б) Стихотворенія, посвященныя славянамъ. Сюда относятся: „Славянамъ“, „Далмація“, „Слетъ соколовъ“, „Родина“. Горячее черногорское сердце Александры Марковны не могло забыть свою далекую, прекрасную родину—Далматинское побережье и его жемчужину—Бокка ди Каттаро, о которой кн. Дм. Голицынъ (Муравлинъ) говоритъ [1]:—Здѣсь—рай для художника, для поэта. Здѣсь всякимъ атомомъ бытія прославляется сила прекраснаго, здѣсь всѣ проявленія природы слагаются въ гимнъ вѣчной красотѣ. И тутъ же, на берегахъ, нѣтъ ни одной пяди земли, которая бы не была обагрена кровью, пролитою славянствомъ въ его борьбѣ съ врагами. Каждый камень можетъ служить памятникомъ геройскихъ защитъ и удалыхъ нападеній, всякая скала помнитъ чью-либо мучительную смерть. Въ эту прекрасную Бокку дипломатія трактатовъ и кабинетныхъ измышленій опрокинула необъятное количество горя, незаслуженныхъ разочарованій, лжи, траура и проклятій. Въ Боккѣ слилась красота, созданная Богомъ, и гнусность, измышленная людьми.

Въ своихъ славянскихъ стихотвореніяхъ Александра Марковна выразила мысли и чувства, волнующія славянскій міръ въ настоящее время. Такъ, въ первомъ изъ нихъ она пишетъ:

„Еще не смыта кровь героевъ
„Съ Балканскихъ горъ, долинъ, полей
„И тѣни предковъ дружнымъ строемъ
„Будятъ уснувшихъ сыновей.

---

[1]) Кн. Дм. Голицынъ (Муравлинъ). У синя моря. Путевые очерки Черногоріи и Далматинскаго побережья. Спб., 1898 г. Стр. 41—42.

„Пора! Отъ сна возстаньте, братья,
„И, вспомня славу прежнихъ лѣтъ,
„Сплотитесь тѣсной, дружной ратью,
„Сыны забытые побѣдъ!
„За вами право и страданье,
„Передъ вами лучъ свободы—власть!
„Героевъ слава—достоянье!
„Чѣмъ быть рабомъ—нѣтъ, лучше пасть!

Во 2-мъ стихотвореніи Александра Марковна пророчествуетъ:

„Далматы вспомнятъ вновь преданья старины
„И весь славянскій міръ возстанетъ для войны.
„Забывъ семейную вражду, сплотятся братья,
„И вновь появятся герои прежнихъ лѣтъ,
„И здравицей зальютъ горячія объятья
„Для новой славы и побѣдъ.

в) Стихотворенія, посвященныя памяти матери, мужа и сына, а также посвященныя родственникамъ, напр., извѣстному (нынѣ покойному) артисту В. П. Далматову. Настоящая фамилія последняго была Лучичъ. В. П. Лучичъ, родомъ черногорецъ съ Далматинскаго побережья, приходился Александрѣ Марковнѣ племянникомъ. Она посвятила ему 3 стихотворенія, одно изъ которыхъ приложено къ настоящему очерку.

г) Стихотворенія, посвященныя замѣчательнымъ дѣятелямъ: В. А. Жуковскому, А. С. Пушкину, И. С. Аксакову, Ѳ. Ѳ. Лангеру, Контскому, П. В. Жуковскому, митрополиту Владиміру и друг.

д) Прочія стихотворенія. Среди нихъ есть много цѣнныхъ, автобіографическаго характера.

е) Стихотворенія, переведенныя Александрой Марковной съ французскаго.

ж) Драмы, и

з) Дѣтскія пьесы. Эти пьесы Александра Марковна писала, будучи гувернанткой, для семейныхъ праздниковъ и разучивала ихъ со своими воспитанниками.

Нѣсколько избранныхъ стихотвореній А. М. Мармусевичъ:

I.

В. П. Далматову.

„Артистъ, любимецъ москвичей,
„Прими привѣтъ отъ нихъ не новый
„И на главу свою надѣнь,
„Не въ первый разъ, вѣнокъ лавровый.
„Пусть золотымъ дождемъ роса
„Съ того вѣнка обильно льется,
„И пусть житейскихъ бурь гроза
„Главы артиста не коснется.
„Пусть времени полетъ щадитъ
„Счастливой молодости годы,
„Дары роскошные природы
„Своимъ клеймомъ не заклеймитъ.
„Чтобы въ листахъ вѣнковъ лавровыхъ
„Терновыхъ иглъ ты не нашелъ,
„Путемъ восторговъ вѣчно новыхъ
„Къ желанной цѣли ты пришелъ.

Москва, 1882 г.

II.

Молитва.

„Творецъ! возьми меня къ Себѣ,
„Дай бросить міра шумъ мятежный,
„Душой измученной и нѣжной
„Дай отдохнуть мнѣ въ тишинѣ.
„Ужели и за гробомъ мнѣ
„Въ удѣлъ назначены страданья?
„Ужель души моей рыданья
„Тебя не трогаютъ онѣ?
„Въ толпѣ и лживой, и холодной,
„Въ кругу безчувственныхъ людей
„Я не могу дышать свободно,
„Я не могу имѣть друзей.
„Я жажду теплоты сердечной,
„И душу слить хочу съ душой
„Горячей, и любовью вѣчной
„Запечатлѣть союзъ святой.

„Но гдѣ найду я эту душу?
„Скажи, гдѣ дышетъ эта грудь,
„Къ которой я могу прильнуть,
„Святого чувства не наруша?

„Творецъ! дай вѣсть ей обо мнѣ,
„Быть можетъ и она, тоскуя,
„Одна томится въ тишинѣ,
„Быть можетъ, для нея живу я!

„Но если это лишь мечта,
„Однѣ несбыточныя грёзы...
„Напрасно льются эти слезы,
„И если жизнь моя пуста...

„Творецъ! возьми меня къ Себѣ,
„Дай бросить міра шумъ мятежный!
„На днѣ могилы неизбѣжной
„Дай отдохнуть мнѣ въ вѣчномъ снѣ!

Одесса, 1870 г.

III.

Позднее увлеченіе.

„Ужель еще не улеглись
„Любви мятежныя желанья,
„И пылкой юности мечтанья
„Съ душевной бездны поднялись!

„Ни тяжесть лѣтъ, ни трата силъ
„Въ борьбѣ съ людскимъ предубѣжденьемъ,
„Ни умъ холоднымъ разсужденьемъ
„Душевный жаръ не утолилъ.

„Чего я жду? зачѣмъ мечтать?
„Иль не пожата жатва жизни?
„Холодной осенью не рвать
„Цвѣтовъ весеннихъ въ полѣ жизни.

„Быть можетъ, мигъ... и сонъ любви
„Исчезнетъ вдругъ, какъ дымъ куренья,
„И горько будетъ пробужденье,
„Оледенѣетъ жаръ въ крови.

„Зачѣмъ напраснымъ искушеньемъ
„Свой умъ померкшій заблуждать?
„Пора холоднымъ размышленьемъ
„Страстей порывы укрощать.

„Прочь, запоздалыя желанья!
„Прочь, свѣжей юности мечты!
„Вы—поздней осени цвѣты,
„Какъ ихъ, васъ ждетъ одно страданье.
„Сомнетъ холодный вѣтеръ нивы,
„Морозъ васъ крѣпко обойметъ
„И вьюга мѣсто, гдѣ цвѣли вы,
„Сыпучимъ снѣгомъ занесетъ.

Москва, 1880 г.

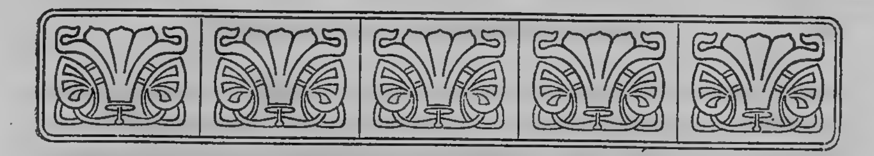
IV.

Удѣлъ.

„Лишь гаснетъ солнце за горою
„И городской смолкаетъ шумъ,
„Ко мнѣ нестройною толпою
„Слетаетъ рой мятежныхъ думъ.
„Тогда всѣ міра обольщенья
„Меня не радуютъ собой,
„И жизнь, какъ демонъ отверженья,
„Предстанетъ вмигъ передо мной.
„И вспомню я, что мчатся годы,
„Уносятъ за собою все,
„Чѣмъ міръ богатъ, горды народы,
„Счастливцевъ праздное житье,
„И бѣдняка удѣлъ тяжелый,
„И горя вопль, и смѣхъ веселый.
„Такъ и меня въ своемъ стремленьи
„Тотъ бурный унесетъ потокъ,
„И въ бездну броситъ онъ забвенья
„Мой неоконченный вѣнокъ.
„Пройду я въ мірѣ незамѣтно
„И не оставлю въ немъ слѣда,—
„Такъ въ звѣздномъ хорѣ мимолетно
„Летитъ падучая звѣзда.

Москва, 1853 г.

В. А. Бернацкій.



Изъ воспоминаній стараго врача А. А. Синицына [1]).

К ъ числу уличныхъ развлеченій въ зимнее время принадлежали *кулачные бои*. Обыкновенно въ воскресенье и другіе праздничные дни около вечерни, на одной изъ отдаленныхъ улицъ собиралась толпа мѣщанской молодежи человѣкъ до четырехсотъ. Толпа эта дѣлилась на два лагеря, и каждый лагерь, выстроившись въ шеренгу по два въ рядъ, становился противъ другого. Въ каждомъ лагерѣ избирались одинъ или два предводителя, становившихся обыкновенно съ боку шеренги. Постоявъ такъ минуты двѣ, начинали острить другъ надъ другомъ и перебраниваться, затѣмъ кидать другъ въ друга снѣжками. Послѣ этого по командѣ „сходись!“ лагери бросались другъ на друга, и начинался настоящій кулачный бой. Удары вначалѣ были не очень сильны, но по мѣрѣ возбужденія они становились все сильнѣе и наносились по лицу, по носу, по зубамъ, по груди, такъ что многіе падали на снѣгъ, часто окровавленные съ фонарями подъ глазами, съ выбитыми зубами и т. д. Кругомъ дерущихся обыкновенно собиралась большая толпа изъ уличныхъ мальчишекъ, купеческихъ сынковъ, которые бросали въ дерущихся мѣдныя деньги, что тѣхъ еще больше приводило въ ярость. Бой продолжался часа полтора, пока обѣ стороны не ослабѣвали. Иногда побитыхъ уносили на рукахъ. Полиція въ эти дни не вмѣшивалась изъ боязни быть побитой.

Чтобы закончить мой разсказъ о новоторжскомъ купечествѣ, опишу двѣ довольно оригинальныя встрѣчи. Кажется, въ 1861 году я лѣчилъ довольно долго купца В. М. Вавулина, однофамильца

[1]) См. „Русская Старина“ апрѣль 1913 г.

того, который орудовалъ на пожарѣ. Это былъ старикъ лѣтъ восьмидесяти, истощенный продолжительнымъ нагноеніемъ въ колѣнномъ суставѣ. По случаю уборки дома передъ какимъ-то праздникомъ его перевели въ другую комнату, въ которой, къ удивленію моему, я увидалъ два большихъ шкафа съ книгами. Въ одномъ изъ нихъ въ старинныхъ кожаныхъ переплетахъ стояло большое количество книгъ свѣтскаго содержанія и въ томъ числѣ полное собраніе сочиненіи Вольтера. Удивленный этимъ, я спросилъ Вавулина, откуда у него эти книги. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что эти книги онъ пріобрѣлъ очень давно, когда былъ еще масономъ. Я сталъ разспрашивать Вавулина объ нихъ, но къ сожалѣнію онъ частью отъ старости, частью отъ истощенія и болѣзни совсѣмъ почти потерялъ память, и изъ его безсвязныхъ, непослѣдовательныхъ разсказовъ я ровно ничего не могъ понять. Онъ перепутывалъ событія, лицъ и даты. Я узналъ только, что къ этому обществу, кромѣ него, принадлежало еще нѣсколько новоторжскихъ купцовъ, что доказываетъ, что развитіе купечества въ началѣ девятнадцатаго столѣтія было выше, чѣмъ въ серединѣ его.

У того же Вавулина я встрѣтилъ однажды высокаго благообразнаго старика-купца лѣтъ шестидесяти, съ сѣдой окладистой бородой. Его умная рѣчь меня очень заинтересовала, и я невольно просидѣлъ у больного дольше обыкновеннаго. Оказалось, что гость былъ достаточно знакомъ съ русской литературой, былъ большимъ поклонникомъ Герцена и получалъ „Колоколъ“, нѣсколько номеровъ котораго онъ далъ мнѣ для прочтенья. О Герценѣ онъ говорилъ съ восторгомъ, въ особенности о его статьяхъ по крестьянскому вопросу и о старообрядцахъ. Онъ самъ былъ старообрядцемъ Рогожскаго толка. Звали его—Александръ Ивановичъ Сборовскій.

Вообще старообрядцы въ то время возлагали большія надежды на императора Александра II и вѣрили, что онъ признаетъ свободу совѣсти и установитъ полную вѣротерпимость. Кромѣ того, онъ изрѣдка высказывалъ идеи соціалистическаго характера, съ которыми онъ, какъ оказалось, познакомился во время своего путешествія въ Бѣлую Криницу, въ Галицію, куда онъ ѣздилъ для разрѣшенія какихъ-то религіозныхъ недоразумѣній съ Бѣло-Криницкими раскольниками. Былъ онъ, кажется, и въ Лондонѣ у Герцена, но говорилъ объ этомъ неохотно.

Къ сожалѣнію, знакомство наше продолжалось недолго. Онъ вскорѣ уѣхалъ въ Москву, и я больше нигдѣ не встрѣчалъ его.

Мѣщанское сословіе было также, если не болѣе, невѣжественно и грубо, какъ и купечество. Жили они очень бѣдно, грамотныхъ между ними было очень мало. У нѣкоторыхъ были небольшія полосы земли на городскихъ нивахъ. Нужно сказать, что еще при Екатеринѣ II городу было отведено, кажется, болѣе четырехъ съ половиной тысячъ десятинъ земли для общаго пользованья. Большею частію эта земля попала въ руки купечества и вообще людей болѣе достаточныхъ. Въ общемъ пользованіи оставался только лѣсъ, изъ котораго дозволялось пользоваться только бѣднѣйшимъ гражданамъ, да городскіе выгоны. Такимъ образомъ мѣщане, не имѣя земельнаго обезпеченія, должны были сильно бѣдствовать. Главнымъ средствомъ къ существованію, кромѣ обычныхъ городскихъ промысловъ: кузнечества и др., было шитье рукавицъ для судорабочихъ. Черезъ Торжокъ тогда проходило болѣе трехъ тысячъ барокъ, на которыхъ было тысячъ двадцать или болѣе судорабочихъ. Всѣ они запасались здѣсь многими необходимыми вещами.

Главнымъ образомъ работали женщины. Въ Торжкѣ тогда было очень распространено шитье по сафьяну. Нѣсколько подрядчиковъ заказывали женщинамъ вышивки по сафьяну золотомъ, серебромъ и шелками. Изъ этого шились туфли, башмаки, спальные сапоги и подушки. Все это продавалось частью въ Торжкѣ проѣзжимъ, частью въ Петербургѣ, Москвѣ и другихъ большихъ городахъ. Швеямъ платили за это поштучно, обыкновенно очень недорого, такъ что главные барыши доставались подрядчикамъ. Наибольшею извѣстностью пользовалась фирма купцовъ Королевыхъ, которые на Лондонской выставкѣ 1855 года получили за эти работы медаль. Кромѣ сафьяна, вышивали и по бархату. Производство это существуетъ и теперь, только въ меньшихъ размѣрахъ.

Нѣкоторые изъ мѣщанъ занимались еще разнаго рода извозомъ и перевозкою товаровъ.

ГЛАВА II.

Вторымъ господствующимъ сословіемъ было довольно многочисленное чиновничество. Оно отличалось тѣми же качествами, какъ и вездѣ въ Россіи того времени, т. е. брало взятки, играло въ карты, кутило по всякимъ случаямъ: на крестинахъ, именинахъ, свадьбахъ и т. п.

Главнымъ лицомъ въ городѣ былъ городничій. Въ то время эту должность занималъ маіоръ Астафьевъ. Это былъ человѣкъ

въ сущности добрый и неособенно притязательный, но про предшественника его, Л., разсказывали цѣлыя легенды. Пользуясь расположеніемъ губернской администраціи, съ которой онъ дѣлился своей добычей, онъ всесильно властвовалъ надъ городомъ.

Масса разнаго рода законоположеній и полицейскихъ правилъ, почти никому неизвѣстныхъ, ставило обывателя въ полную зависимость отъ полиціи, и, чтобы избавиться отъ тѣхъ стѣсненій, которыя на каждомъ шагу его преслѣдовали, онъ долженъ былъ платить взятки всякому, кто на него прикрикнетъ, иначе онъ не могъ заниматься свободно ни торговлей, ни промыслами. Въ дѣлѣ вымоганія взятокъ Л. былъ, какъ говорили, мастеръ первой руки. Кромѣ того, важныя статьи дохода составляли для него откупъ, выдача паспортовъ мѣщанамъ, проходныя свидѣтельства баркамъ и т. д. Кромѣ этихъ, какъ тогда называли, безгрѣшныхъ доходовъ, онъ не пренебрегалъ и другими болѣе темными.

Въ новоторжскихъ кабакахъ и трактирахъ было постоянное пьянство и всевозможныя оргіи, въ которыхъ участвовали и купеческіе сынки, и приказчики съ проходящихъ судовъ. Оргіи эти всегда кончались драками, при чемъ бывали случаи и убійствъ.

Все это, конечно, покрывалось полиціей, а мертвыя тѣла, какъ говорятъ, спускались въ Тверцу. Разумѣется, львиная доля этихъ доходовъ доставалась городничему. За годъ или за два до его увольненія отъ должности, во время пасхальной заутрени была убита кухарка или сожительница мѣнялы, жившаго въ довольно населенной части города, близъ мужского монастыря. Убійство совершено было съ цѣлью ограбленія, почему-то убійцы не успѣли воспользоваться всѣмъ имуществомъ мѣнялы, а равно и деньгами его. Явилась, конечно, полиція, составили всѣ нужные протоколы, „только денегъ не нашли“. Всѣ окрестные жители и самъ мѣняла указывали на нѣкоторыхъ лицъ, какъ на вѣроятныхъ виновниковъ преступленія, но слѣдствіемъ ничего не было раскрыто. Дѣло тогда было передано, какъ говорилось, суду и волѣ Божіей. Самъ мѣняла, какъ иногородній, былъ высланъ изъ Торжка. Въ публикѣ были слухи, что денегъ было нѣсколько тысячъ, и что большая часть ихъ попала въ руки Л.

И такія дѣла много лѣтъ сходили ему съ рукъ, благодаря, конечно, покровительству губернской администраціи. Единственное хорошее дѣло, которое сдѣлалъ Л., было то, что онъ вымостилъ часть городскихъ улицъ. Впрочемъ, должность городни-

чаго скоро была уничтожена, такъ какъ городская полиція была слита съ уѣздной.

Представителемъ послѣдней въ то время былъ исправникъ, о которомъ мы скажемъ впослѣдствіи.

Начальники другихъ вѣдомствъ, какъ напримѣръ казначей, почтмейстеръ, большой роли не играли, хотя и ухитрялись подъ конецъ своей службы при незначительномъ жалованьи обзавестись хорошенькими домами, разумѣется, на имя своихъ женъ.

Секретари и другое мелкое чиновничество также грабили, „елико можаху". Типическимъ представителемъ этого класса былъ секретарь уѣзднаго суда Владиміръ Ивановичъ С. Уѣздный судъ въ то время составлялъ первую инстанцію для всѣхъ уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ. Судьи и засѣдатели выбирались дворянствомъ, и рѣдко были свѣдущи въ законахъ и дѣлахъ, вслѣдствіе чего, при тогдашней негласности суда, все дѣло было въ рукахъ секретаря и его подчиненныхъ чиновниковъ, которые дѣлали, что хотѣли. С. былъ дѣлецъ первой руки и вершилъ всѣ дѣла по своему произволу въ пользу тѣхъ, кто ему больше дастъ.

Самая его фигура была типична: это былъ блондинъ средняго роста, всегда гладко выстриженный и выбритый, всегда прилично одѣтый, голубые глаза его смотрѣли изъ-подъ золотыхъ очковъ, всегда кротко и любезно, но, вглядѣвшись въ нихъ пристальнѣе, вы въ нихъ замѣчали выраженье хитрости съ подобострастьемъ. Впрочемъ, онъ никогда не смотрѣлъ прямо въ глаза собесѣднику. Говорилъ онъ тихо, спокойно, фразы его были крайне осторожны, какъ будто онъ не высказывалъ вполнѣ своего мнѣнія, при чемъ на его тонкихъ губахъ бродила какая-то лукавая улыбка. Ходилъ онъ мягкой, почти неслышной кошачьей походкой. Самое замѣчательное въ немъ были руки, широкія, съ короткими пальцами, онѣ были всегда сложены такъ, какъ будто всегда хотѣли что-нибудь схватить и удержать. Онъ началъ свою карьеру, почти мальчикомъ въ качествѣ писца въ какомъ-то судѣ. Скоро онъ изучилъ всѣ тогдашніе законы, привыкъ ко всякимъ крючкотворствамъ и наконецъ добился мѣста секретаря уѣзднаго суда. Тутъ ему открылось широкое поле дѣятельности, при всеобщемъ невѣдѣніи законовъ и судопроизводства. Онъ умѣлъ брать съ обѣихъ тяжущихся сторонъ, и съ истца, и съ отвѣтчика: сегодня диктовалъ прошеніе истцу, завтра возраженіе отвѣтчику, но самъ не писалъ черняковъ, чтобы не быть уличеннымъ. Къ нему обращались не только купцы и мѣщане, но и интеллигентная публика. Мнѣ самому случалось не

разъ видѣть у его подъѣзда экипажи мѣстныхъ помѣщиковъ, такъ какъ подобныхъ ему дѣльцовъ въ городѣ больше не было.

Для примѣра разскажу дѣло о завѣщаніи одного богатаго помѣщика Чевакинскаго. Это былъ богатый бездѣтный старикъ, жившій большею частію въ Петербургѣ. Онъ обратился къ С. съ просьбой написать ему духовное завѣщаніе въ пользу одного изъ отдаленныхъ его, Чевакинскаго, родственниковъ по боковой линіи, что С. и исполнилъ. Черезъ нѣсколько времени, когда старикъ померъ, другой родственникъ, болѣе близкій къ завѣщателю по степени родства, занимавшій крупное мѣсто въ какомъ-то департаментѣ въ Петербургѣ, обратился къ С. съ просьбой опровергнуть это завѣщаніе. Сдѣлать это послѣднему было очень легко, такъ какъ, писавши завѣщаніе, онъ на всякій случай сдѣлалъ какія-то формальныя упущенія, въ силу которыхъ оно оказалось недѣйствительнымъ, и все имѣніе перешло въ руки послѣдняго просителя. С. же, помимо денежнаго гонорара, получилъ прекрасный домъ въ городѣ, устроенный на барскую ногу.

Затѣмъ онъ зорко слѣдилъ за бездѣтными стариками и по смерти ихъ умѣлъ какъ-то вмѣшиваться въ дѣло раздѣла наслѣдства, при чемъ часто большія доли попадали въ руки лицамъ, или вовсе не имѣвшимъ права на наслѣдство, или имѣвшимъ право на меньшую долю противъ той, которая выдѣлялась имъ при помощи С. Кромѣ того, онъ умѣлъ забирать въ свои руки молодыхъ людей съ состояніемъ, не имѣвшихъ близкихъ родственниковъ. Онъ потакалъ ихъ слабостямъ, приглашалъ къ себѣ на кутежи, втягивалъ въ долги и, пользуясь ихъ безграничнымъ довѣріемъ, въ концѣ концовъ разорялъ ихъ, предварительно высосавъ изъ нихъ все, что было возможно.

Изъ нѣсколькихъ подобныхъ случаевъ разскажу одинъ, наиболѣе типичный. Верстахъ въ пятнадцати отъ города было имѣніе одного молодого человѣка А. Н. Юрьева. Онъ служилъ во флотѣ, завѣдывалъ какою-то технической частью въ Кронштадтѣ и, какъ человѣкъ способный и хорошо образованный, пользовался большимъ расположеніемъ великаго князя Константина Николаевича. Но, къ сожалѣнію, у него была, что называется, широкая русская натура, и такая же у его жены. Онъ любилъ оргіи съ музыкой, пѣснями, плясками, въ чемъ поддерживала его и жена, у которой было много цыганскихъ наклонностей. Предаваться этимъ оргіямъ въ Кронштадтѣ или Петербургѣ было, по его положенію, не совсѣмъ удобно. Поэтому онъ часто ѣздилъ въ Торжокъ, гдѣ предавался кутежамъ иногда сутокъ

по трое и больше. С. скоро сумѣлъ овладѣть его довѣріемъ и сталъ потакать его дурнымъ наклонностямъ. Я занималъ тогда квартиру въ домѣ С., и поэтому могъ знать, что дѣлается у нихъ. Юрьевъ мало-по-малу такъ втянулся въ этотъ образъ жизни, что сталъ манкировать службой и дѣлать долги. С охотно ссужалъ его деньгами, подъ большіе проценты, будто бы занятыми имъ у постороннихъ лицъ. Все это повело къ тому, что Юрьевъ потерялъ довѣріе великаго князя и былъ переведенъ на службу изъ Кронштадта въ Аральскую флотилію. Деньгами на дорогу снабдилъ его тотъ же С., но уже подъ залогъ имѣнія.

Тамъ Юрьевъ построилъ пароходъ и при первомъ же пробномъ плаваніи съ музыкой и пѣснями посадилъ его на камень, такъ что пароходъ былъ совершенно испорченъ. Послѣ этого онъ былъ зачисленъ по флоту безъ жалованья.

Вернувшись въ Торжокъ, онъ снова началъ кутить, но теперь онъ довольствовался только одной водкой, такъ какъ имѣніе его было уже совсѣмъ разстроено. Кутежи привели его къ хроническому воспаленію легкихъ, отъ котораго онъ и умеръ, а большая часть его имѣнія перешла къ С.

Конечно, Юрьевъ, быть можетъ, и безъ помощи этого послѣдняго рано или поздно кончилъ бы тѣмъ же, но во всякомъ случаѣ С., подталкивая его на кутежи, ускорилъ его паденье и разоренье.

Наконецъ С. долженъ былъ, по какимъ-то обстоятельствамъ выйти въ отставку, что дало ему возможность еще больше крючкотворствовать въ качествѣ адвоката, и только введеніе новаго суда положило предѣлъ его дѣятельности.

Остальные чиновники дѣйствовали въ томъ же духѣ, но у нихъ не было такого широкаго полета и его діавольской дерзости. Поистинѣ чиновничество было страшной язвой, сосавшей народный организмъ и заражавшей его нравственно. При немъ не могли развиться ни уваженіе къ человѣческому достоинству, ни чувство законности и равноправности въ судѣ. Недаромъ Хомяковъ сказалъ, что Россія „запятнана въ судахъ неправдой черной“.

ГЛАВА III.

Для медицинской помощи народу была тогда въ Торжкѣ одна городская больница, помѣщавшаяся, какъ и теперь, въ прекрасномъ саду на сѣверной окраинѣ города на довольно возвы-

шенномъ мѣстѣ. Впрочемъ, она едва-ли заслуживала названіе больницы; это была скорѣе богадѣльня, въ которой призрѣвались отставные нижніе чины, лѣчившіеся тогда на счетъ военнаго вѣдомства, и нижніе чины мѣстной команды. Изъ жителей города и уѣзда почти никто не лѣчился въ ней, развѣ случайно полиція пришлетъ какого-нибудь поднятаго на улицѣ или побитаго въ дракѣ пьяницу. Помимо бѣдности больничныхъ средствъ и существовавшаго тогда въ народѣ недовѣрія къ больницамъ, много мѣшала мѣстнымъ жителямъ лѣчиться въ ней высокая плата за лѣченье, которая взыскивалась обыкновенно за цѣлый мѣсяцъ, хотя бы больной пролежалъ въ ней не болѣе одного или двухъ дней.

Больница была очень скудно снабжена медицинскими пособіями.

Лѣкарства отпускались in crido изъ запасныхъ аптечныхъ магазиновъ военнаго вѣдомства по очень ограниченному каталогу, въ которомъ, напримѣръ, не было никакихъ препаратовъ желѣза, кромѣ сѣрнокислаго, ни одного іодистаго препарата, а изъ наркотическихъ были только опій и экстрактъ белены. Для лицъ гражданскаго вѣдомства они покупались въ приготовленномъ видѣ въ вольныхъ аптекахъ.

Такимъ образомъ случалось слѣдующее: если для больного нижняго чина необходимъ былъ, положимъ, іодистый кали, то онъ выписывался изъ военной аптеки на имя какого-нибудь гражданскаго больного, если же таковыхъ не было въ данный моментъ, то и совсѣмъ не выписывался. Никакихъ операцій въ больницѣ не дѣлалось, такъ какъ въ ней не было никакихъ инструментовъ, кромѣ стараго ампутаціоннаго набора, пожертвованнаго какимъ-то купцомъ, и двухъ фельдшерскихъ наборовъ.

Въ женскомъ отдѣленіи лѣчились только проститутки, да старыя вдовы нижнихъ чиновъ.

Амбулаторнаго пріема больныхъ тогда не было, и да самое слово „амбулаторный“ не было въ употребленіи. Жители города побогаче лѣчились у постороннихъ врачей, а побѣднѣе частью у фельдшеровъ, частью у знахарей.

Больницей завѣдывалъ городской врачъ, который по преклонности лѣтъ туда рѣдко заглядывалъ, да, по правдѣ сказать, дѣлать ему тамъ было нечего. Кромѣ врача, при ней было еще два старыхъ мало свѣдущихъ фельдшера; они главнымъ образомъ занимались ставленіемъ банокъ и клистировъ городскимъ больнымъ. Въ больницѣ не было даже ванной комнаты.

Врачей въ городѣ было трое. Старшій изъ нихъ былъ вольнопрактикующій врачъ Алексѣй Сафоновичъ Лавровъ, окончившій курсъ въ Московской Медицинской Академіи въ 1811-мъ году. Сначала онъ былъ военнымъ врачемъ, а съ 1827-го года, по выходѣ въ отставку, навсегда поселился въ Торжкѣ, какъ врачъ вольнопрактикующій. Онъ имѣлъ большую практику, особенно среди помѣщиковъ, которыхъ тогда было очень много, и среди которыхъ было нѣсколько людей состоятельныхъ. Случалось ему бывать въ одинъ и тотъ же день въ трехъ сторонахъ уѣзда, такъ что, какъ онъ говорилъ, онъ завидовалъ иногда собакамъ, спавшимъ спокойно въ своихъ конурахъ.

Аптеки въ тѣ времена въ Торжкѣ еще не было, такъ что ему приходилось самому приготовлять для больныхъ лѣкарства, за которыя онъ тоже бралъ деньги.

Онъ былъ человѣкъ очень скупой и разсчетливый и даромъ ничего не дѣлалъ. Бѣдныхъ больныхъ онъ принималъ мало.

Подъ старость онъ скопилъ себѣ хорошій капиталъ тысячъ до ста, какъ оказалось послѣ его смерти, кромѣ того пріобрѣлъ двѣ деревушки, всего душъ до двухсотъ. Помѣщикъ, какъ говорятъ, онъ былъ не изъ мягкихъ. Въ своемъ медицинскомъ развитіи онъ остановился на томъ, что слышалъ въ Академіи. Обыкновенное изслѣдованіе больного у него, какъ и у всѣхъ тогдашнихъ врачей, ограничивалось опредѣленіемъ температуры на ощупь, осмотромъ языка, ощупываньемъ того мѣста, гдѣ больной жаловался на боль и т. п. Никакого понятія ни объ оскультаціи, ни о перкуссіи онъ не имѣлъ.

Но, конечно, долговременный опытъ и привычка развили въ немъ тонкую наблюдательность, такъ что онъ довольно правильно не опредѣлялъ, а скорѣе угадывалъ болѣзни.

Въ терапіи у него главную роль играли разнаго рода кровеизвлеченія и всякія отвлекающія и ослабляющія средства. Такова была вообще медицина того времени, и Лавровъ стоялъ ни выше, ни ниже своихъ товарищей.

Человѣкъ онъ былъ вообще умный и хорошій юмористъ. Его разсказы о томъ, что онъ видѣлъ и слышалъ на своемъ вѣку, часто были очень остроумны, такъ что слушались съ большимъ интересомъ. Особенно хорошо онъ зналъ жизнь помѣщиковъ за нѣсколько поколѣній. Особенной любовью онъ не пользовался, такъ какъ всѣ видѣли въ немъ человѣка сухого и корыстолюбиваго.

Полную противоположность ему представлялъ уѣздный врачъ

П. М. Циргъ, окончившій курсъ въ Дерптѣ въ двадцатыхъ годахъ. Это былъ человѣкъ добрый и вполнѣ безхарактерный. Онъ помогалъ всѣмъ, обращающимся къ нему за пособіемъ безъ различія богатыхъ и бѣдныхъ. Со всѣми онъ обращался благодушно и любезно.

Въ медицинскомъ развитіи, вѣроятно, онъ былъ не выше Лаврова, но въ то же время былъ хорошій акушеръ и въ силу своихъ нравственныхъ качествъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ и любовью, какъ въ городѣ, такъ и въ уѣздѣ. Нужно сказать, что въ то время русская медицинская литература была очень бѣдна не только оригинальными произведеніями, но и переводами. Медицинскихъ журналовъ вовсе не существовало, и только въ концѣ сороковыхъ годовъ д-ръ Грумъ-Гржимайло сталъ издавать газету „Другъ здравія", имѣвшую скорѣе характеръ популярный, а не чисто-научный. Поэтому трудно винить тогдашнихъ врачей, особенно русскихъ, мало знакомыхъ съ иностранными языками, въ томъ, что они не шли впередъ въ научномъ своемъ развитіи. Живя среди общества малоразвитого, не интересовавшагося никакими ни политическими, ни общественными вопросами, и врачи мало-по-малу, принимали общую складку жизни, посвящая свободное время не научнымъ занятіямъ, а игрѣ въ карты, мѣстнымъ сплетнямъ и т. п.

Циргъ былъ очень оригиналенъ, но въ его оригинальныхъ выходкахъ высказывалась та же благородная, добродушная и незлобливая натура. Впрочемъ, въ юношествѣ онъ отдалъ дань привычкамъ своего времени и, будучи студентомъ, дрался на дуэли съ какимъ-то товарищемъ, который впослѣдствіи былъ пасторомъ гдѣ-то въ Лифляндіи. Вслѣдствіе этой дуэли у него былъ большой шрамъ на лбу. Когда его спрашивали о причинахъ дуэли, онъ, добродушно улыбаясь, отвѣчалъ: „глупъ-съ былъ".

Прямодушіе его было замѣчательно. Такъ однажды онъ лѣчилъ отъ какой-то хронической болѣзни управляющаго въ одномъ большомъ барскомъ имѣніи.

Когда больной умеръ, онъ попросилъ у жены его позволеніе вскрыть покойника. По вскрытіи онъ подошелъ ко вдовѣ и сказалъ: „Ну-съ, извините-съ,—совсѣмъ не отъ той болѣзни лѣчилъ вашего мужа".

Немного найдется врачей, которые съ такой откровенностью признаются въ своей ошибкѣ. Въ Циргѣ же любовь къ правдѣ брала верхъ надъ самолюбіемъ и всякими иными соображеніями.

Городской врачъ Маціевичъ, также очень пожилой, былъ одинъ изъ тѣхъ неудачниковъ, которыхъ судьба бьетъ на каждомъ шагу.

Кончилъ онъ курсъ въ Петербургской Академіи въ тридцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія, служилъ сначала въ какомъ-то гвардейскомъ полку, гдѣ и женился. Жена оказалась женщиной пустой, развратной и вдобавокъ пила запоемъ. Это заставило его выйти изъ военной службы и поселиться въ Торжкѣ. Тяжелая домашняя обстановка при его мягкомъ характерѣ страшно дѣйствовала на него. Онъ какъ-то опустился ипотерялъ всякую энергію, а потому и въ публикѣ не имѣлъ особаго довѣрія. Лѣчилъ онъ только однихъ больныхъ и жилъ очень бѣдно.

Кромѣ того, въ городѣ было два военныхъ врача. Въ то время, когда я пріѣхалъ въ Торжокъ, старшимъ врачомъ полка былъ М. И. Ивановъ, окончившій курсъ въ Московской Академіи въ 1845-мъ году. По образованію онъ стоялъ, конечно, гораздо выше своихъ сотоварищей. Онъ былъ человѣкъ очень умный, но съ тяжелымъ неуживчивымъ характеромъ. Гордый, крайне самолюбивый, онъ не терпѣлъ никакого противорѣчія со стороны больныхъ и окружающихъ, терпѣть не могъ врачебныхъ консиліумовъ и относился къ своимъ товарищамъ съ нѣкоторой долей презрѣнія. Практиковалъ онъ среди людей богатыхъ; бѣдняки совсѣмъ къ нему не обращались. Вслѣдствіе всего этого его вообще не любили въ городѣ и обращались къ нему только въ крайности.

Жители уѣзда, за исключеніемъ помѣщиковъ, были лишены всякой медицинской помощи.

Уѣздный врачъ занимался почти исключительно судебно-медицинскими вскрытіями да изрѣдка выѣзжалъ на эпидеміи.

Вскрытій тогда производилось гораздо больше, чѣмъ теперь. Всякій случай скоропостижной смерти, хотя бы и не было никакихъ признаковъ насилія или какого-нибудь подозрѣнія въ насильственной смерти, служилъ поводомъ для вскрытія тѣла. Эти безполезныя вскрытія часто были очень обременительны, особенно въ осеннее и весеннее время, такъ какъ приходилось иногда терять сутокъ двое или трое для вскрытія какого-нибудь старика, умершаго отъ разрыва или паралича сердца на глазахъ всей семьи. Выѣзды уѣзднаго врача на эпидеміи мало приносили пользы населенію. Получивъ донесеніе о появленіи болѣзни большею частію запоздалое, полицейское управленіе сообщало объ этомъ врачу. Тотъ, пріѣхавъ на мѣсто, осматривалъ больныхъ, прописывалъ имъ лѣкарства, рецепты которыхъ

передавалъ старостѣ, чтобы по нимъ взять лѣкарства въ вольной аптекѣ. Затѣмъ давалъ кое-какія наставленія относительно содержанія больныхъ и мѣръ изоляціи, если болѣзнь того требовала, и въ заключеніе составлялъ протоколъ, который отправлялъ въ полицейское управленіе. Лѣкарства по ихъ дороговизнѣ не покупались, а совѣты, данные врачемъ, оставались безъ выполненія, такъ какъ за этимъ наблюдать было некому. Самъ же врачъ уѣзжалъ въ городъ.

ГЛАВА IV.

Дворянскій и крестьянскій бытъ передъ реформой.

Дворянъ въ Новоторжскомъ уѣздѣ жило довольно много. Особенно богатыхъ людей между ними насчитывалось немного, большею частію это были помѣщики средней руки, имѣвшіе отъ двухъ-до трехсотъ душъ крестьянъ.

Дворянство, вообще, было довольно образовано. Между ними было нѣсколько человѣкъ, окончившихъ университетъ. Всѣ помѣщики жили почти круглый годъ въ своихъ усадьбахъ, занимаясь хозяйствомъ, ѣздили другъ къ другу въ гости и играли въ карты.

Въ каждомъ домѣ можно было найти какой-нибудь журналъ: „Современникъ" или „Русскій Вѣстникъ", въ которомъ помѣщались, между прочимъ, „Губернскіе очерки" Щедрина и который былъ тогда въ лучшемъ либеральномъ періодѣ своего существованія. Въ нѣкоторыхъ домахъ можно было найти „Revue des deux mondes" и французскіе романы. Все это вело, конечно, къ развитію среди общества помѣщиковъ западно-европейскихъ идей и болѣе правильныхъ взглядовъ на общественныя отношенія. Славянофиловъ я почти не встрѣчалъ между ними. Въ силу такого развитія и отношенія къ крестьянамъ были довольно человѣчны.

Хозяйство, впрочемъ, велось почти вездѣ рутинно по старой трехпольной системѣ. Въ большинствѣ имѣній была барщина. При такихъ условіямъ крестьянамъ въ хорошихъ имѣніяхъ, особенно тамъ, гдѣ не было нѣмцевъ-управителей, жилось не худо. Всего хуже было имъ у мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ, гдѣ съ нихъ выжимали, что называется, всѣ соки. Были имѣнья, въ которыхъ мужикъ работалъ всѣ шесть дней на помѣщика.

На обработку своей земли ему оставались только воскресенья и ночи.

Въ такихъ имѣніяхъ и всероссійская панацея-розга примѣнялась нерѣдко. Два имѣнья въ то время были взяты подъ опеку за жестокое обращеніе съ крестьянами. По зимамъ нѣкоторыя семейства жили въ городѣ или пріѣзжали туда на время, чтобы поиграть въ карты и доставить дочерямъ возможность повеселиться въ мѣстномъ клубѣ, гдѣ онѣ танцовали съ офицерами уланскаго полка (штатскихъ кавалеровъ тогда не было). Въ городѣ жили довольно скромно. О прежней широкой и привольной помѣщичьей жизни оставались только одни преданья. Такъ какъ имѣнья были заложены въ Опекунскомъ Совѣтѣ, и сама жизнь становилась съ каждымъ днемъ дороже, то приходилось по необходимости сдерживаться, особенно въ ожиданіи будущей реформы, которая при всей нашей „рассейской" безпечности все-таки заставляла многихъ призадуматься о будущемъ.

Предводителемъ дворянства былъ тогда довольно богатый помѣщикъ Н. А. Загряжскій, человѣкъ преклонныхъ лѣтъ, довольно равнодушный ко всему, что дѣлалось кругомъ. Впрочемъ, онъ былъ человѣкъ добрый, вовсе не тщеславный и былъ любимъ всѣми, кто его зналъ. Всѣ называли его „папочкой".

Дѣлами, какъ своими, такъ и общественными, онъ занимался очень мало, да и самая должность предводителя не имѣла тогда такого значенья, какъ теперь, такъ что дѣловыя бумаги могли лежать по нѣсколько мѣсяцевъ безъ всякаго движенія.

Собственное его хозяйство велось приказчиками, которые, впрочемъ, не особенно притѣсняли крестьянъ, тѣмъ болѣе, что онъ не былъ особенно требователенъ, и каждый имѣлъ къ нему свободный доступъ.

Года за два до эмансипаціи онъ вздумалъ перевести шесть крестьянскихъ дворовъ изъ своей усадьбы Селихово въ другую деревню, такъ какъ дворы эти дѣйствительно стѣсняли его усадьбу. Онъ выстроилъ для нихъ въ другой деревнѣ новые дворы со всѣми нужными постройками, давалъ имъ по триста рублей на перевозку и землю въ количествѣ большемъ противъ того, чѣмъ они пользовались въ Селиховѣ. Но крестьяне заупрямились, и Загряжскій спокойно безъ всякихъ споровъ подчинился ихъ желанію переселяться, не прибѣгая ни къ какимъ принудительнымъ мѣрамъ.

Какъ въ деревнѣ, такъ и въ городѣ, онъ почти не выходилъ изъ дома, сидѣлъ вѣчно въ бѣличьемъ халатѣ на одномъ и

томъ же креслѣ, пилъ часа два утренній чай, потомъ закусывалъ и обѣдалъ на томъ же мѣстѣ, затѣмъ отдыхалъ послѣ обѣда. Послѣ отдыха опять начиналось чаепитіе и закусыванье; затѣмъ онъ мирно отходилъ ко сну. Когда къ нему приходилъ его секретарь съ бумагами, онъ прежде всего угощалъ его закуской, а потомъ приказывалъ положить дѣла на фортепьяно, стоявшее тутъ же въ комнатѣ, приговаривая: „Эхъ, Владиміръ! дѣло не волкъ,—въ лѣсъ не убѣжитъ!“ и только послѣ долгихъ и настоятельныхъ убѣжденій подписывалъ двѣ-три самыхъ нужныхъ бумаги.

Блаженныя то были времена, когда можно было жить и служить спустя рукава.

ГЛАВА V.

Хотя съ каждымъ днемъ приближалось наступленіе эмансипаціи, власти тѣмъ не менѣе поддерживали крѣпостное право во всей его строгости. Разскажу по этому поводу два эпизода, которыхъ я былъ свидѣтелемъ, хотя первый изъ нихъ принадлежитъ собственно не къ новоторжскому періоду моей жизни.

Въ январѣ 1859 года три роты Ладожскаго пѣхотнаго полка, гдѣ я тогда служилъ, были командированы изъ города Радомысля въ село Нѣмовичи Ровенскаго уѣзда въ имѣніе Кашовскаго для усмиренія, такъ называемаго, крестьянскаго бунта. Я долженъ былъ отправиться съ этими ротами, какъ врачъ.

Отъ Радомысля до мѣста нашего назначенія было около четырехсотъ верстъ. Мы ѣхали на крестьянскихъ подводахъ, на саняхъ. Большая часть дороги шла старыми вѣковыми лѣсами, которые почти сплошною массою занимали тогда всю сѣверную часть Волынской губерніи. Цѣлы ли теперь эти роскошные лѣса. Зима была мягкая и не особенно снѣжная. Къ вечеру четвертаго дня мы остановились въ селѣ Тиголицы или Тимолицы, въ двадцати верстахъ отъ Нѣмовичей. Тутъ ожидалъ насъ становой приставъ съ распоряженіемъ волынскаго губернатора, который былъ уже въ Нѣмовичахъ. По распоряженію губернатора мы должны были прибыть въ Нѣмовичи на другой день часамъ къ десяти утра и остановиться на опушкѣ лѣса близъ часовни, или каплицы, и тамъ ждать его дальнѣйшихъ распоряженій. Изъ Тимолицъ мы вышли часу въ шестомъ утра и прибыли въ началѣ десятаго къ часовнѣ.

Здѣсь роты остановились. Отъ часовни шла прекрасная ровная дорога къ панскому дому, обсаженная съ обѣихъ сторонъ

пирамидальными тополями и другими деревьями умѣреннаго климата. Соскучившись стоять у часовни, я пошелъ къ панскому дому, отстоявшему отъ нея версты на полторы. По дорогѣ не было никакого движенія, я никого не встрѣтилъ и ни отъ кого ничего не могъ узнать. Войдя въ обширный дворъ панской усадьбы, обнесенный каменною полустѣною съ желѣзными рѣшетками, я увидалъ тамъ громадную толпу крестьянъ сотъ до пяти или шести человѣкъ, стоявшихъ съ обнаженными головами передъ домомъ. Тутъ же я встрѣтилъ какого-то двороваго въ ливреѣ, который на мой вопросъ, что это за люди, отвѣчалъ мнѣ, что это „бунтовщики". Я думалъ сначала, что встрѣчу буйную и шумную толпу, а между тѣмъ передо мною были люди, стоявшіе, смиренно понуривъ головы, съ унылыми и мрачными лицами „Ну, подумалъ я, гдѣ и когда видали бунтовщиковъ съ обнаженными головами и съ такимъ смиреннымъ и подавленнымъ видомъ?" Войдя черезъ огромное крыльцо панскаго дома въ громадную переднюю, я встрѣтилъ тамъ лакея, который указалъ мнѣ отведенную для меня комнату въ одномъ изъ крыльевъ панскаго дома, изъ которой открывался видъ на громадный старинный садъ. Черезъ нѣсколько минутъ пришелъ другой лакей и сказалъ мнѣ, что его сіятельство губернаторъ просилъ меня къ себѣ.

Прицѣпивъ къ вицъ-мундиру шпаженку, я пошелъ въ домъ и въ одномъ изъ залъ встрѣтилъ князя Друцкаго-Соколинскаго, тогдашняго волынскаго губернатора, въ мундирѣ и съ красной лентой черезъ плечо. Это былъ человѣкъ довольно ограниченнаго ума и развитія, не знавшій между прочимъ даже различія между планетами и кометами. Я самъ слышалъ, какъ въ Житомірскомъ саду онъ называлъ знаменитую комету 57 года планетой.

Его сіятельство изволили мнѣ объяснить, что сейчасъ начнется экзекуція и что я долженъ на всякій случай присутствовать при ней въ качествѣ врача. „Какіе, подумалъ я, заботливые люди—собираются пороть людей и на всякій случай приглашаютъ врача".

Что такое экзекуція—я слыхалъ уже раньше, но то, что я увидалъ здѣсь, было до такой степени ужасно и отвратительно, что трудно и разсказывать.

Вскорѣ прибыли наши роты съ ружьями съ примкнутыми штыками и окружили дворъ. Затѣмъ губернаторъ вышелъ на крыльцо въ сопровожденіи жандармскаго штабъ-офицера, исправника и нѣсколькихъ чиновниковъ и приказалъ крестьянамъ

стать на колѣни, что толпа смиренно исполнила; часть солдатъ была введена во дворъ и поставлена около крыльца, вѣроятно, для охраны его сіятельства и свиты, въ которой, между прочимъ, былъ какой-то быкообразный господинъ въ черномъ фракѣ, будущій владѣлецъ села Нѣмовичи, и нѣсколько сосѣднихъ помѣщиковъ, приглашенныхъ зачѣмъ-то администраціей. Губернаторъ приказалъ исправнику, приземистому господину лѣтъ пятидесяти, съ волосами, остриженными подъ гребенку, съ бритыми усами и бородой и подобострастнымъ чисто чиновничьимъ выраженьемъ лица, прочитать какія-то бумаги. Это былъ указъ гражданской палаты объ утвержденіи духовнаго завѣщанія умершаго помѣщика Игнатія Кашовскаго, по которому все имѣніе Нѣмовичи съ землею, поселенными на ней крестьянами, около двухъ тысячъ душъ, со всѣми угодьями, отказывалось, помимо другихъ наслѣдниковъ, племяннику его Михаилу Кашовскому въ полную собственность и распоряженіе. Крестьяне, стоя на колѣнахъ, выслушали чтеніе повидимому безучастно. Губернаторъ, представляя имъ новаго помѣщика, объяснилъ суть завѣщанія и спросилъ ихъ, будутъ ли они слушаться пана?

Вся толпа въ одинъ голосъ отвѣчала: „нэ, кажи, нашъ панъ не сей, а Людвигъ Кашовскій". Губернаторъ два раза повторилъ вопросъ и оба раза получилъ тотъ же отвѣтъ. Тогда стали спрашивать крестьянъ по одиночкѣ; каждый отвѣчалъ: „Якъ громода (міръ) каже". Спросивши человѣкъ пятнадцать и получая все тотъ же отвѣтъ, его сіятельство изволили осерчать и громогласно закричалъ: „розогъ!"

Тогда вдругъ откуда-то выскочили человѣкъ 20—30 сотскихъ и такъ называемыхъ земскихъ стражниковъ, и началась порка страшная, безумная, злая. Удары сыпались безъ счету. Отпустивъ нѣсколько десятковъ розогъ, подымали наказуемаго и снова спрашивали его, будетъ ли онъ слушать пана? И, получивъ все тотъ же отвѣтъ: „якъ громода каже", снова возобновляли порку. Пороли съ изступленіемъ до обмороковъ, но ни одного стона не вырывалось изъ груди этихъ мучениковъ. Вокругъ ограды собралось нѣсколько десятковъ женщинъ, женъ и дочерей истязуемыхъ; онѣ, разумѣется, плакали, шумѣли, старались ворваться во дворъ, конечно, безуспѣшно. Вдругъ съ сельской колокольни раздался набатъ. Губернаторъ приказалъ привести тѣхъ, кто звонилъ. Тогда солдаты привели человѣкъ пятнадцать женщинъ.

Губернаторъ попросилъ меня осмотрѣть, нѣтъ ли между

ними беременныхъ. Я отдѣлилъ пять или шесть, оказавшихся беременными, остальныхъ же губернаторъ приказалъ высѣчь. Тогда и беременныя съ дикими воплями легли на землю и требовали, чтобы и ихъ пороли, что, впрочемъ, не было исполнено. Порка мужиковъ между тѣмъ шла своимъ чередомъ и продолжалась часовъ до пяти, до самаго обѣда. Когда всѣхъ перепороли, мы всѣ вошли въ домъ, а мужиковъ губернаторъ оставилъ на дворѣ, гдѣ они провели всю ночь голодные и холодные, такъ какъ онъ приказалъ ихъ не отпускать. Войдя въ домъ, я встрѣтилъ почтеннаго старичка въ вицъ-мундирѣ, который отрекомендовался мнѣ какъ ровенскій уѣздный врачъ, также приглашенный на экзекуцію. Когда я его спросилъ, гдѣ же онъ былъ все время, онъ отвѣчалъ, что просидѣлъ во внутреннихъ покояхъ съ графиней и бесѣдовалъ съ ней о французской литературѣ для успокоенія ея нервъ. Въ то время всѣхъ богатыхъ помѣщиковъ въ тѣхъ краяхъ называли графами. Счастливцы графиня и докторъ, могущіе толковать о французской литературѣ, когда кругомъ истязаютъ сотни людей.

Насъ пригласили къ обѣду, накрытому въ огромной залѣ, великолѣпно освѣщенной старинными люстрами и канделябрами. Когда всѣ перезнакомились и усѣлись за столъ, изъ внутреннихъ комнатъ вышелъ губернаторъ, ведя подъ руку красивую, роскошно одѣтую даму лѣтъ сорока съ гордымъ выраженіемъ лица. Это была графиня, супруга Михаила Кошевскаго. Величественно кивнувъ всѣмъ головою, она сѣла за столъ на хозяйскомъ мѣстѣ.

Когда начался обѣдъ, въ сосѣдней комнатѣ раздалась музыка, и полились чудные звуки такой-то шопеновской мазурки, разыгрываемой крѣпостнымъ оркестромъ.

Предоставляю вамъ судить о томъ, какой эффектъ должно было производить сочетаніе Шопена и розогъ; думаю, что никогда и нигдѣ несчастный Шопенъ не разыгрывался подъ такой аккомпанементъ.

По окончаніи обѣда я ушелъ въ отведенный мнѣ номеръ. Подавленный, ошеломленный всѣмъ видимымъ мною, я былъ какъ въ чаду. Что это—галлюцинація или дѣйствительность? Мнѣ хотѣлось кое-что разузнать объ этой исторіи, но, къ сожалѣнію, всѣ лакеи были заняты; изъ нашихъ офицеровъ, которыхъ было человѣкъ восемь или девять, также никто ничего не зналъ.

Къ чести ихъ надо сказать, что всѣ они были также пора-

жены и возмущены всѣмъ происшедшимъ. Проснувшись на другой день часовъ въ восемь, я увидалъ, что толпа крестьянъ стоитъ еще на дворѣ. Я подошелъ къ нимъ и сталъ ихъ уговаривать. Они смотрѣли на меня съ сумрачными лицами. Когда же я сказалъ: „Какъ же вы не хотите повиноваться, когда самъ губернаторъ говорилъ вамъ объ этомъ?" нѣсколько изъ нихъ со свойственною хохламъ добродушно ироническою улыбкою, отвѣчали: „Якій се губернаторъ? Коюсь беребралы? (переодѣли) къ намъ губернаторъ пріѣде изъ Питера отъ Царя".

Снова вышелъ губернаторъ на крыльцо и обратился къ крестьянамъ съ тѣми же вопросами, какъ и наканунѣ. Получивъ тѣ же отвѣты, онъ снова велѣлъ сѣчь ихъ, и снова началась безобразная, возмутительная порка. Вѣроятно, губернаторъ разсчитывалъ, что ослабленные вчерашней поркой, голодные и холодные послѣ безсонной ночи они скорѣе сдадутся.

Человѣкъ 5 или 10, опустивши глаза, почти неслышно проговорили: „Будемо", остальные по-прежнему отвѣчали отказомъ. Тогда опять всѣхъ перепороли, послѣ чего губернаторъ велѣлъ отобрать такъ называемыхъ зачинщиковъ, которыхъ оказалось человѣкъ двѣнадцать, и заковать ихъ въ кандалы, затѣмъ ихъ бросили въ подвалъ помѣщичьяго дома, обращенный на время въ тюрьму послѣ чего, его сіятельство изволило отбыть. Такъ окончился второй день генеральнаго сраженія. Побѣдители, т. е. чиновники и самъ панъ Кашовскій, ходили съ ликующими лицами, довольные своей побѣдой. Затѣмъ началось сраженіе на гражданскомъ полѣ, т. е. судебное слѣдствіе. Суть дѣла была въ слѣдующемъ: умершій Кашовскій, по словамъ одного изъ его родныхъ, съ которымъ я послѣ познакомился, происходилъ изъ богатой польской семьи и получилъ превосходное французское образованіе, какакое обыкновенно получали дѣти богатыхъ дворянъ конца XVIII и начала XIX столѣтія. Въ молодости онъ провелъ нѣсколько лѣтъ въ Парижѣ, затѣмъ вернулся на родину и здѣсь засѣлъ навсегда среди своихъ полѣсскихъ лѣсовъ.

Будучи старымъ холостякомъ, онъ взялъ на воспитаніе старшаго сына М. Кашовскаго, Людвига, который приходился ему такимъ образомъ внучатымъ племянникомъ, далъ ему прекрасное домашнее воспитаніе и такъ любилъ его, что не разставался съ нимъ до самаго его поступленія на военную службу. Во время нашего разсказа Людвигъ Кашовскій былъ поручикомъ какого-то гусарскаго полка.

Старикъ часто гулялъ съ нимъ по деревнѣ и въ разгово-

рахъ съ крестьянами всегда называлъ его своимъ наслѣдникомъ, такъ что крестьяне давно уже привыкли смотрѣть на него, какъ на своего будущаго помѣщика, и полюбили его, такъ какъ это былъ молодой человѣкъ мягкій и добродушный.

Самъ старикъ Кашовскій, по разсказамъ, былъ человѣкъ очень добрый, но очень лѣнивый. Въ управленіе имѣнья онъ входилъ очень мало, а подъ старость одряхлѣлъ и сдѣлался малоподвижнымъ, вслѣдствіе чего совсѣмъ пересталъ заниматься дѣлами, предоставивъ завѣдываніе ими нѣкоему дворянину Вывѣрковскому.

Тутъ-то начались страшныя безобразія. Хитрый, пронырливый и жадный до денегъ, Вывѣрковскій, совершенно овладѣлъ старикомъ, сумѣлъ перессорить и оттолкнуть его отъ всѣхъ родныхъ, такъ что сдѣлался полновластнымъ и безотчетнымъ хозяиномъ имѣнья. Конечно, крестьянамъ и раньше жилось не особенно легко, но при Вывѣрковскомъ, который завѣдывалъ имѣньемъ болѣе десяти лѣтъ, тягость положенія сдѣлалась невыносимой. По слѣдствію, напримѣръ, оказалось, что крестьяне, кромѣ барщины и другихъ обязанностей, должны были заниматься сплавомъ лѣса до Нѣмана по рѣкамъ Гордыню и Случу, впадающему въ Нѣманъ.

Такъ какъ лѣсъ составлялъ самую доходную статью имѣнья, то ежегодно извѣстная часть его вырубалась и продавалась лѣсоторговцамъ, большею частью евреямъ. Для сплава нанимались мѣстные крестьяне отъ десяти до пятнадцати рублей человѣку за время отъ начала сплава до конца его, при чемъ крестьянамъ выдавалось только по три рубля на человѣка, а остальныя поступали будто бы въ господскую экономію, но, какъ оказалось, самъ Кашовскій ничего не зналъ объ этой операціи, и выручаемыя съ крестьянъ деньги нигдѣ не записывались на приходъ. За крестьянъ же, уходившихъ съ лѣсомъ, должны были отбывать барщину ихъ семьи. Подобнаго рода порядки были и по другимъ частямъ управленія, но самое главное и самое страшное было — эротическія похожденія самого Вывѣрковскаго и его клевретовъ.

Онъ приказывалъ приводить къ себѣ на смотръ молодыхъ дѣвушекъ, записывалъ наиболѣе красивыхъ и затѣмъ требовалъ ихъ къ себѣ. Еще во время производства слѣдствія онъ успѣлъ лишить невинности одну четырнадцати-лѣтнюю дѣвочку, которую я самъ свидѣтельствовалъ, за что онъ и былъ арестованъ.

До Кашовскаго о всѣхъ этихъ безпорядкахъ ничего не доходило. Такъ какъ онъ никуда не выходилъ дальше ограды своей

усадьбы, то Вывѣрковскій сумѣлъ окружить его надзоромъ изъ преданныхъ ему, Вывѣрковскому, людей. Если же случайно какой-нибудь крестьянинъ прорывался до него съ жалобой на управляющаго, то Кашовскій не вѣрилъ этимъ жалобамъ, потому что Вывѣрковскій со своей стороны всегда умѣлъ оправдаться. Такъ тянулось дѣло болѣе десяти лѣтъ. Наконецъ, выведенные изъ терпѣнія крестьяне рѣшили подать жалобу губернатору. Нашелся какой-то отставной военный писарь, который написалъ имъ эту жалобу. Крестьяне выбрали изъ своей среды трехъ довѣренныхъ, тотъ же писарь написалъ имъ фальшивые паспорты, такъ какъ получить настоящіе отъ Вывѣрковскаго было невозможно, и снабдилъ эти паспорты фальшивыми копчеными печатями, на которыхъ помѣщичій гербъ былъ имъ очень искусно поддѣланъ. Но до губернатора ихъ не допустили, такъ какъ Вывѣрковскій, узнавъ объ ихъ отъѣздѣ въ Житоміръ, тотчасъ же поскакалъ за ними и за двѣ или три станціи до Житоміра арестовалъ ихъ при помощи своего пріятеля станового пристава, и ихъ подъ конвоемъ возвратили въ Нѣмовичи. Но боясь, что его злоупотребленія будутъ раскрыты, въ случаѣ преданья крестьянъ суду, Вывѣрковскій не далъ этому дѣлу никакого хода, оставивъ, впрочемъ, паспорты у себя. Въ это время умеръ старикъ Кашовскій. Тотчасъ же прилетѣлъ въ Нѣмовичи М. Кашовскій съ женою и какимъ-то адвокатомъ. Раньше М. Кашовскій не былъ у дяди уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Дали знать полиціи о смерти старика; пріѣхалъ предводитель дворянства съ полиціей; на слѣдующій день вскрыли кабинетъ покойника и нашли тамъ завѣщаніе, по которому все имѣніе поступило въ полную собственность М. Кашовскаго. Какъ только узнали объ этомъ крестьяне, они снова попросили писаря написать имъ прошеніе губернатору и паспорты, что тотъ и исполнилъ.

Чтобы не попасться въ руки Вывѣрковскому, они отправились другой дорогой. Въ прошеніи они заявляли, что завѣщаніе Кашовскаго—фальшивое, что настоящее завѣщаніе составлено въ пользу Л. Кашовскаго, и описывали всѣ злоупотребленія Вывѣрковскаго. Хотя у послѣдняго была сильная поддержка среди губернскихъ чиновниковъ, но во всякомъ случаѣ губернаторъ впредь до разбора дѣла приказалъ временно устранить Вывѣрковскаго, и администраторомъ имѣнья былъ назначенъ сосѣдній помѣщикъ Шычевскій. Тутъ крестьяне попали изъ огня да въ полымя; это былъ старикъ лѣтъ 70-ти, отставной полковникъ, выросшій въ школѣ Аракчеева.—Худой, но еще очень крѣпкій, съ острыми чертами лица, подстриженными ще-

тинистыми усами, жесткій по характеру. Онъ ввелъ въ своемъ имѣніи какую-то Аракчеевскую дисциплину; крестьяне выходили на барщину по барабанному бою, во всѣхъ избахъ было введено полнѣйшее однообразіе; всѣ крестьяне должны были ходить въ однообразныхъ, сшитыхъ по образцу, данному Шычевскимъ, костюмахъ. Даже пища должна была приготовляться во всѣхъ избахъ однообразная, для чего Шычевскій разсылалъ съ вечера по избамъ приказы.

Все имѣніе его—около шестисотъ душъ, находилось въ одномъ селѣ. Шычевскій каждое утро обходилъ большую часть избъ, осматривалъ печи, и если находилъ что-нибудь изготовленное не по его приказу, то сейчасъ же наказывалъ хозяйку двумя-тремя ударами нагайки. Это былъ какой-то фанатикъ аракчеевщины; даже жена его должна была одѣваться по его расписанію. Разумѣется, тѣ же порядки онъ началъ заводить и въ Нѣмовичахъ.

О самомъ М. Кашовскомъ, которому было завѣщано имѣніе, ходили по всей округѣ слухи самые неблагопріятные. Небольшого роста, тучный съ короткой шеей, краснолицый, съ выпученными воловьими глазами, онъ скорѣе былъ похожъ на быка или борова, а не на человѣка. Онъ даже говорилъ какъ-то особенно, какъ будто-то бы ему трудно было произносить слова. А между тѣмъ въ молодости онъ получилъ порядочное образованіе, слушалъ лекціи въ какомъ-то германскомъ университетѣ, но, живя въ глуши Волынскаго Полѣсья, среди безгласныхъ рабовъ, онъ потерялъ человѣческій образъ. Также онъ былъ не безъ грѣха по эротической части, хотя у него была красавица жена, гораздо моложе его.

И вотъ въ руки этихъ двухъ извергов попали Нѣмовицкіе крестьяне. А между тѣмъ дѣло объ утвержденіи завѣщанія шло своимъ порядкомъ, такъ какъ заявленіе крестьянъ о фальшивости завѣщанія было оставлено безъ послѣдствій. Тогда-то крестьяне заволновались. Съ одной стороны они помнили, что старикъ Кашовскій всегда называлъ имъ своимъ наслѣдникомъ Людвига Кашовскаго, о которомъ у нихъ сохранились самыя лучшія воспоминанія, и который по общему отзыву былъ дѣйствительно человѣкъ очень порядочный, гуманный и мягкій; съ другой стороны упорные слухи о томъ, что завѣщаніе составлено въ ночь смерти старика М. Кашовскимъ съ женою и пріѣхавшимъ адвокатомъ, глубоко засѣли въ головы крестьянъ.

Тогда они на совѣтѣ между собой рѣшили признать своимъ паномъ не Михаила, а Людвига Кашовскаго. Надо сказать,

что послѣдній былъ сынъ М. Кашовскаго отъ перваго брака. Послѣ этого, они рѣшили послать двухъ ходатаевъ въ Петербургъ. Когда завѣщаніе было утверждено, и исправникъ пріѣхалъ вводить во владѣніе М. Кашовскаго, крестьяне единогласно заявили ему свое рѣшеніе не признавать послѣдняго, и, такимъ образомъ, началось настоящее дѣло. Я прожилъ послѣ того въ Нѣмовичахъ мѣсяца три. Слѣдствіе велось довольно добросовѣстно жандармскимъ офицеромъ Бѣловодскимъ и ассесоромъ губернскаго правленія Козловскимъ. По окончаніи слѣдствія, двѣнадцать человѣкъ, признанныхъ зачинщиками, писарь, писавшій жалобы и паспорты, и Вывѣрковскій были отправлены въ тюрьму. О дальнѣйшемъ ходѣ дѣла я подробныхъ свѣдѣній не имѣю, такъ какъ скоро былъ переведенъ на службу въ Россію.

Изъ писемъ одного сосѣдняго помѣщика, съ которымъ я тамъ познакомился, я узналъ впрочемъ, что арестованные крестьяне были сосланы въ Сибирь, а Вывѣрковскій въ тюрьмѣ отравился. Что касается завѣщанія, то оно осталось въ силѣ, такъ какъ крестьяне ничѣмъ не могли доказать его фальшивости. И такимъ образомъ они достались М. Кашовскому.

Какъ имъ жилось подъ властью этого чурбана—догадаться не мудрено. Къ счастью ихъ, скоро наступила эмансипація. Теперь, спрашивается, на сколько нужны были всѣ эти неистовства и жестокости, съ которыми велось дѣло? Неужели не было другихъ болѣе мягкихъ и мирныхъ средствъ для усмиренія крестьянъ? Мнѣ кажется, побольше терпѣнія и любви къ нимъ, и можно бы обойтись безъ этихъ возовъ розогъ и всѣхъ неистовствъ, особенно на порогѣ 19-го февраля.

Теперь опишу второй случай. Въ іюнѣ 60 года два эскадрона уланскаго полка, подъ командой полковника Носовича, были отправлены въ Бѣжецкій уѣздъ въ имѣніе Зиновьева, занимавшаго довольно видное мѣсто при дворѣ.

Имѣніе это было оброчное, заключало около двухъ тысячъ душъ и состояло изъ семи деревень. Крестьяне, крайне недовольные разнаго рода злоупотребленіями и излишними поборами своего бурмистра, самовольно смѣнили его и, собравши весенній оброкъ, поручили доставить его въ Петербургъ барину черезъ выбраннаго ими бурмистра, при чемъ никакихъ безпорядковъ ими не было произведено. Зиновьевъ, признавъ въ этомъ нарушеніе своей помѣщичьей власти, не принялъ отъ крестьянъ оброка и сообщилъ объ этомъ тверскому губернатору графу Баранову,

прося его возстановить во власти стараго бурмистра. Крестьяне, конечно, не согласились на это.

Барановъ послалъ для увѣщанья крестьянъ жандармскаго полковника Симоновскаго, человѣка хитраго и очень ловкаго, но, увы, сему воспитаннику іезуитовъ не удалось убѣдить крестьянъ подчиниться требованію помѣщика.

Тогда по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ были командированы два нашихъ эскадрона и размѣщены по деревнямъ. Тутъ началось слѣдствіе, изъ котораго, кромѣ разсказанныхъ нами фактовъ, выяснилось только то, что крестьяне, посылая въ Петербургъ выбранныхъ ими лицъ, самовольно отобрали у бывшаго бурмистра печать помѣщичьей экономіи и приложили ее къ паспортамъ, которые были выданы лицамъ, отправленнымъ въ Петербургъ съ оброкомъ. Симоновскому, кромѣ того, очень хотѣлось открыть зачинщиковъ этого дѣла, для чего онъ, конечно, хотѣлъ прибѣгнуть къ ultima ratio тогдашняго слѣдственнаго порядка, т. е. къ розгамъ, но къ счастью ему помѣшалъ въ этомъ его товарищъ по слѣдствію, чиновникъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, Дмитрій Петровичъ Тыртовъ, человѣкъ очень милый и образованный, умершій впослѣдствіи прокуроромъ Казанскаго окружнаго суда.

Впрочемъ, Симоновскому удалось сорвать свой гнѣвъ на одномъ допрашиваемомъ имъ мужичкѣ. Въ то время, когда сей зловредный бунтовщикъ стоялъ передъ нимъ на колѣняхъ, отрицая свое участіе въ выдачѣ паспортовъ, Симоновскій въ пылу негодованія такъ усердно ударилъ его въ подбородокъ своимъ высокоблагороднымъ колѣномъ, что у него самого сдѣлалась контузія на колѣнѣ. Не знаю, занесена ли эта почтенная контузія въ формулярный спинокъ Симоновскаго.

Дѣло было кончено административнымъ порядкомъ, т. е. человѣкъ 20, признанныхъ наиболѣе виновными, подвергли тѣлесному наказанію, а человѣкъ 40 болѣе или менѣе продолжительному аресту. При этомъ случилась одна курьезная сцена: осматривая по обязанностямъ врача присужденныхъ къ тѣлесному наказанію, я нашелъ между ними мальчика 14 или 15-ти лѣтъ. На мой вопросъ, какъ онъ попалъ сюда? онъ отвѣчалъ, что матка послала его вмѣсто отца, который поѣхалъ по дѣламъ въ Тверь. Когда я сказалъ объ этомъ Симоновскому, онъ прогналъ мальчика со словами: „Пошолъ прочь, негодяй, съ этихъ поръ уже учишься обманывать начальство“. Послѣ этого Симоновскій произнесъ чувствительную рѣчь о повиновеніи начальству, разумѣется, возстановилъ во власти стараго бурмистра. И все это

совершалось накануне 19-го февраля. Объ этомъ дѣлѣ было напечатано только въ „Колоколѣ“, въ русскихъ же газетахъ о немъ не упоминалось

Вѣроятно, подобныя исторіи встрѣчались и въ другихъ мѣстахъ, только печать не смѣла касаться ихъ.

У насъ въ Новоторжскомъ уѣздѣ на стражѣ крѣпостного права стоялъ исправникъ, Николай Матвѣевичъ Швейковскій. Это былъ человѣкъ твердо убѣжденный въ томъ, что безъ крѣпостного права Россія существовать не можетъ, и поэтому строго и систематически преслѣдовалъ всякое нарушеніе его. Какъ человѣкъ умный, онъ умѣлъ это дѣлать такъ, что не вызывалъ большого ропота среди крестьянъ. Онъ не прибѣгалъ ни къ какимъ поборамъ съ нихъ и ни съ какимъ колебаніямъ ни въ ту, ни въ другую сторону, вслѣдствіе чего выбирался исправникомъ около тридцати лѣтъ, пользовался общимъ уваженіемъ. Сама фигура его была внушительна: высокій брюнетъ съ сильною просѣдью, съ густыми, торчащими кверху, волосами. Голова у него была квадратная, какъ у римскихъ статуй, правильный лобъ, густыя нависшія брови, черные умные глаза съ выраженіемъ твердости, но не жестокости, спокойно и самоувѣренно смотрѣвшіе на васъ, высокая могучая грудь,—все это придавало ему чрезвычайно внушительный видъ. Говорилъ онъ спокойно, съ легкимъ юморомъ и никогда не выходилъ изъ себя. Крестьяне боялись, но и уважали его, такъ какъ онъ никогда не измѣнялъ данному имъ слову, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ они даже ходили совѣтоваться съ нимъ. Большинство помѣщиковъ любило его. Законы онъ зналъ прекрасно и никогда не отступалъ отъ буквы ихъ. Его глазъ проникалъ всюду, во всѣ закоулки администраціи и всѣ отрасли полицейскаго управленія. Дороги, содержаніе переправъ, подворная повинность, лежавшія въ то время на крестьянахъ, все это, по крайней мѣрѣ по наружности, было въ исправности. И все это онъ умѣлъ дѣлать какъ-то во-время, не обременяя особенно крестьянъ. Взятокъ, въ собственномъ смыслѣ этого слова, онъ не бралъ, но пользовался, конечно, тѣми разнообразными доходами, которые въ то время считались безгрѣшными доходами отъ откупа, съ разнаго рода казенныхъ подрядовъ, съ содержанія земскихъ большихъ дорогъ и т. п. Вѣроятно, что большія помѣщичьи экономіи, въ которыхъ при тогдашнемъ положеніи дѣлъ возникали мелкія помѣщичьи недоразумѣнія, платили ему извѣстную опредѣленную

подать. Говорятъ, что въ то время, когда опеки надъ дворянскими имѣніями были въ завѣдываніи земскаго суда, онъ былъ не совсѣмъ чистъ и по этой части, но мы не знаемъ этого навѣрное. Всякія, даже малѣйшія нарушенія крѣпостного права онъ преслѣдовалъ со строгостью и настойчивостью. За нѣсколько лѣтъ до нашего разсказа былъ убитъ одинъ изъ довольно крупныхъ помѣщиковъ М. П. П.

Причиной убійства, какъ говорили, было не столько жестокое обращеніе съ крестьянами, сколько разнаго рода эротическія похожденія покойнаго. Убійство было совершено такъ искусно и аккуратно, что, несмотря на всѣ розыски и инквизиціонныя мѣры, исправнику болѣе мѣсяца ничего не удавалось открыть. Наконецъ какая-то случайность, болтовня какой-то бабенки въ трактирѣ или двухъ пьяныхъ мужиковъ, указала на преступника, служившаго у П. поваромъ.

На этомъ можно бы и остановиться, но хотѣлось открыть во что бы то ни стало всѣхъ участниковъ преступленія. Тогда Швейковскій отправился въ усадьбу убитаго, перепоролъ тамъ множество лицъ и наконецъ таки добился открытія остальныхъ участниковъ преступленія. Порки, какъ мнѣ разсказывали потомъ, производились по нѣсколько разъ въ день, при чемъ ни на возрастъ, ни на полъ, ни на здоровье подвергаемыхъ пыткѣ не обращали никакого вниманія.

За мелкія нарушенія крѣпостного права, виновные, конечно, также подвергались розгамъ въ меньшихъ размѣрахъ. При этомъ бывали иногда замѣчательные курьезы. Сосѣдній съ Торжкомъ помѣщикъ, очень богатый человѣкъ, имѣвшій большую дворню, утромъ посылаетъ своего двороваго человѣка съ письмомъ въ городъ къ исправнику. Дворовый, большой шалопай, передъ тѣмъ въ чемъ-то провинившійся, смекнулъ, что въ этомъ письмѣ не можетъ быть ничего особенно хорошаго для него. Выйдя изъ усадьбы, онъ встрѣтилъ другого двороваго и упросилъ его отнести это письмо въ городъ подъ тѣмъ предлогомъ, что у него крестины у кумы, предложивъ, впрочемъ, за это гривенникъ.

Тотъ, ничего не подозрѣвая, снесъ письмо въ земскій судъ, гдѣ въ то время было присутствіе. Исправникъ, прочитавъ письмо, приказалъ посланному подождать въ передней. По окончаніи засѣданія онъ приказалъ дворянскому засѣдателю выпороть посланнаго. Тотъ, не разобравши, въ чемъ дѣло, исполнилъ это приказаніе. Когда кончилась экзекуція, мужикъ, наконецъ, поинтересовался узнать, за что его пороли. Такимъ образомъ дѣло разъяснилось, и тогда дворянскій засѣдатель,

человѣкъ въ сущности добродушнѣйшій, сказалъ крестьянину: „Ну, ничего, братецъ, не сердись—впередъ зачтется“! Что же мужикъ? Ничего, преспокойно отправился домой, гдѣ надъ нимъ смѣялась вся дворня. Подобное происшествіе никого не возмутило, и, вѣроятно, такіе случаи бывали нерѣдко.

Швейковскій, имѣя очень маленькое состояніе и получая скудное жалованье, жилъ, хотя и скромно, но довольно прилично. Былъ очень гостепріименъ, такъ что у него ежедневно играли въ карты на двухъ или трехъ столикахъ. Подъ старость онъ нажилъ себѣ состояніе и выстроилъ хорошую усадебку. Вышелъ онъ въ отставку на другой же день послѣ обнародованья манифеста 19 февраля, уѣхалъ въ деревню, откуда не выѣзжалъ лѣтъ семь до самой своей смерти.

Несмотря на свое крѣпостничество, это былъ, во всякомъ случаѣ, лучшій изъ чиновниковъ тогдашняго времени, никогда не отступавшій отъ своихъ убѣжденій и, по тогдашнимъ понятіямъ, честный.

ГЛАВА VI.

Реформа 19-го февраля.

Когда въ 1857 году былъ обнародованъ рескриптъ Александра II къ виленскому генералъ-губернатору о необходимости уничтоженія крѣпостного права, я жилъ въ городѣ Радомыслѣ Кіевской губерніи. Въ этомъ довольно большомъ уѣздѣ жило много помѣщиковъ почти исключительно поляковъ; русскихъ, кажется, было только двое. Я помню то сильное возбужденіе, которое обнаружилось тогда среди польскаго общества.

Помѣщики съѣзжались другъ къ другу, всего чаще къ своему предводителю, толковали объ этомъ горячо, не стѣсняясь присутствіемъ насъ, русскихъ. Всего больше возмущались они надѣломъ крестьянъ землею. Противъ личнаго освобожденія и надѣла усадьбами они не возставали; надѣлъ же землею они считали революціонной экспропріаціей собственности. Большинство изъ нихъ сознавало, что всѣ эти разсужденія имѣютъ чисто теоретическій характеръ и что рано или поздно придется покориться волѣ правительства. Что думали они про себя, сказать трудно, но о возстаніи не было и рѣчи и никакихъ намековъ.

Пріѣхавъ въ Новоторжскій уѣздъ въ концѣ 59-го года, я не встрѣтилъ здѣсь ничего подобнаго. По наружности все было спокойно, всѣ казались равнодушными къ предстоящей реформѣ.

Положимъ, мѣстные комитеты уже прекратили тогда свою дѣятельность. Дѣло перешло въ главный комитетъ въ Петербургъ, гдѣ и покрылось туманомъ канцелярской тайны. Въ провинцію проникали кое-какія случайныя, часто противорѣчащія другъ другу, свѣдѣнія. Крестьяне, конечно, знали о будущей реформѣ, но вели себя сдержанно и умно.

Вся перемѣна состояла только въ томъ, что, съ одной стороны, уменьшились случаи противодѣйствія помѣщичьей власти, съ другой сами помѣщики не особенно ревниво настаивали на репрессіяхъ, и во весь этотъ періодъ по 19 февраля не было здѣсь какихъ-либо крупныхъ недоразумѣній ни съ той, ни съ другой стороны. Болѣе благоразумные и развитые изъ помѣщиковъ потихоньку готовились къ реформѣ: переходили съ барщины на вольнонаемный трудъ, запасались машинами и т. п., при чемъ были иногда крайне идиллическія увлеченія.

Одинъ помѣщикъ показывалъ мнѣ въ своей усадьбѣ огромный питомникъ яблонь, вишенъ и другихъ плодовыхъ деревьевъ. На мой вопросъ,—для чего ему нуженъ такой громадный питомникъ?—онъ предобродушно отвѣчалъ, что съ наступленіемъ эмансипаціи крестьяне заживутъ какъ въ раю и настолько улучшатъ свое хозяйство, что будутъ имѣть потребность въ извѣстномъ комфортѣ, будутъ разводить сады, огороды и т. д. Когда я съ усмѣшкой позволилъ себѣ усумниться въ этомъ, указывая на бѣдность и неразвитость населенія, мой собесѣдникъ утвердительно покачалъ головой и обозвалъ меня Ѳомой невѣрующимъ. А между тѣмъ это былъ человѣкъ неглупый и въ остальныхъ отношеніяхъ практическій. Большинство же другихъ помѣщиковъ, особенно мелкопомѣстные, какъ-то полуравнодушно относились къ вопросу о реформѣ, а многіе даже сомнѣвались въ возможности самой реформы. Были такіе, которые распространяли тревожные слухи о какихъ-то волненіяхъ среди крестьянъ, иные даже прямо говорили, что крестьяне не сегодня—завтра перевѣшаютъ помѣщиковъ и заберутъ ихъ землю, продавали имѣнія и уѣзжали заграницу.

„Mon cher, nous aurons bientôt la jacquerie“, говорилъ мнѣ не разъ одинъ старый и богатый помѣщикъ [1]), имѣвшій, впрочемъ, дѣйствительныя причины предполагать, что въ случаѣ чего крестьяне не будутъ съ нимъ особенно деликатны. И дѣйствительно—въ скоромъ времени онъ продалъ имѣніе и уѣхалъ въ южную Францію отдыхать на лонѣ Пиренейской природы и французской крестьянки (въ „Pau“).

[1]) Ал-дръ Ѳедор. Полторацкій.

Но народъ молчалъ, подчинялся и твердо скрывалъ свои завѣтныя думы.

На губернскомъ дворянскомъ собраніи конца 1860 года произошли безпорядки, вызванные, впрочемъ, не столько аграрнымъ вопросомъ, сколько желаніемъ повредить губернскому предводителю Уньковскому и его партіи и устранить ихъ отъ дѣлъ. А. М. Уньковскій, дѣятельность котораго по крестьянскому вопросу довольно извѣстна, былъ уволенъ отъ должности и отправленъ въ ссылку въ Вятку. Ссылкой закончилась его благотворная дѣятельность въ дѣлѣ эмансипаціи.

Въ томъ же собраніи дворянство составило всеподданнѣйшій адресъ о дарованіи дворянству нѣкоторыхъ политическихъ правъ. Адресъ этотъ остался безъ всякихъ послѣдствій, вызвавъ, однако, неудовольствіе противъ дворянства въ высшихъ сферахъ.

Уѣзднымъ предводителемъ дворянства, вмѣсто старика Загряжскаго, былъ выбранъ Алексѣй Александровичъ Бакунинъ.

Бакуниныхъ было четыре брата. Двое изъ нихъ, Алексѣй и Николай, скоро сошли съ арены общественной дѣятельности по обстоятельствамъ, о которыхъ будетъ сказано ниже, а двоимъ, Павлу и Александру, пришлось играть большую роль въ исторіи Новоторжскаго уѣзднаго и Тверского губернскаго земствъ.

Алексѣй Бакунинъ былъ одинъ изъ выдающихся людей своего времени. Богато одаренный отъ природы, высоко-развитой, мягкій и общительный, онъ скоро пріобрѣлъ всеобщее уваженіе и любовь. Трудно было найти человѣка, съ которымъ было бы пріятнѣе говорить. Онъ не спорилъ съ вами, не давилъ васъ своимъ умственнымъ превосходствомъ, но кротко и спокойно развивалъ передъ вами свою мысль и, въ концѣ концовъ, вы незамѣтно для себя подчинялись его авторитету и дѣлались его поклонникомъ. У него былъ умъ широко-понимающій и всепрощающій; въ этомъ онъ былъ похожъ, мнѣ кажется, на своего великаго учителя, Грановскаго.

Послѣ обнародованія манифеста 19-го февраля онъ поселился въ городѣ и съ ранняго утра до поздней ночи спокойно и благодушно разъяснялъ всѣмъ приходившимъ къ нему какъ крестьянамъ, такъ и помѣщикамъ статьи Положенія и возбуждаемыя ими недоразумѣнія.

Къ сожалѣнію, дѣятельность ихъ продолжалась не долго (не болѣе года). Въ декабрѣ 1861 или январѣ 1862 года на собраніи предводителей дворянства и посредниковъ предложено было подать правительству заявленіе, въ которомъ, согласно мнѣнію

А. М. Уньковскаго [1]), проводилась мысль, что правильное рѣшеніе крестьянскаго вопроса невозможно безъ принятія обязательнаго единовременнаго и повсемѣстнаго выкупа съ участіемъ со стороны правительства.

Заявленіе подписали три предводителя: Бакунинъ, Балкашинъ (Корчевской) и Лихачевъ (Ржевскій), членъ присутствія по крестьянскимъ дѣламъ Николай Бакунинъ и девять мировыхъ посредниковъ. Мысль эта, впослѣдствіи до нѣкоторой степени осуществленная самимъ правительствомъ, въ то время показалась до такой степени революціонной и опасной, что въ Петербургѣ въ высшихъ сферахъ забили въ набатъ, заговорили о заговорѣ въ Тверской губерніи, тѣмъ болѣе, что такимъ образомъ представлялся прекрасный случай напугать Государя Императора возможностью революціи и возбудить его противъ реформы. Въ Тверь былъ посланъ генералъ-адъютантъ Анненковъ для руководства всѣмъ дѣломъ, а по городамъ, гдѣ жили остальные участники, для ареста ихъ посланы были жандармскіе офицеры.

Мѣра эта вызвала негодованіе всѣхъ порядочныхъ людей даже изъ противнаго лагеря, а равно и въ заграничной прессѣ. Арестованныхъ заключили въ Петропавловскую крѣпость, и надъ ними было назначено слѣдствіе, затѣмъ они были преданы суду Сената, который присудилъ ихъ къ заключенію въ смирительный домъ съ лишеніемъ нѣкоторыхъ правъ, въ томъ числѣ права участвовать въ дворянскихъ собраніяхъ, а, слѣдовательно, и права быть избирателемъ или избираемымъ.

Это былъ первый политическій процессъ въ царствованіе Александра II, извѣстный подъ именемъ „дѣла тринадцати“.

По отбытіи наказанія А. Бакунинъ вернулся въ имѣніе свое село Прямухино Новоторжскаго уѣзда, гдѣ и жилъ до самой своей смерти, занимаясь науками. Прощенья за свои прегрѣшенія онъ не просилъ, какъ большинство участниковъ въ дѣлѣ.

Мировыми посредниками перваго призыва были П. Д. Кишенскій, Н. М. Полторацкій, В. Н. Кудрявцевъ, П. Н. Ельчаниновъ и Н. С. Медвѣдковъ.

Первый изъ нихъ былъ отставной Семеновскій офицеръ. Онъ былъ изъ числа той молодежи сороковыхъ годовъ, которая была проникнута либеральными, отчасти соціалистическими

---

[1]) Мысль эта была высказана Уньковскимъ въ запискѣ, представленной имъ Главному комитету по крестьянскому вопросу.

идеями, изъ которой между прочимъ выдвинулся кружокъ Петрашевскаго.

Это былъ человѣкъ убѣжденный, прямолинейный, строгій къ другимъ, но въ то же время и къ самому себѣ. Онъ никогда не шелъ ни на какіе компромиссы. Онъ вышелъ въ оставку вскорѣ послѣ ареста тринадцати.

Кудрявцевъ, человѣкъ уже пожилой, представлялъ изъ себя довольно странную личность. Раньше онъ былъ ярымъ защитникомъ крепостного права какъ на словахъ, такъ и на дѣлѣ, былъ очень строгъ къ крѣстьянамъ и многихъ изъ своихъ дворовыхъ сослалъ въ Сибирь. Во время дѣйствія губернскаго комитета по крестьянскимъ дѣламъ онъ писалъ грозныя филиппики противъ освобожденія крестьянъ съ землею и другихъ правительственныхъ мѣръ, какъ человѣкъ страстный, конечно, не стѣснялся въ выраженіяхъ. Но никакихъ твердыхъ убѣжденій у него не было. Во время дворянскихъ выборовъ 59-го года Уньковскій разглядѣлъ его и, какъ говорятъ, въ одну ночь обратилъ его въ вѣру православную, т. е. изъ консерватора и ретроградa сдѣлалъ его прогрессистомъ. Кудрявцевъ сдѣлался такимъ же ярымъ прогрессистомъ, какимъ былъ консерваторомъ, говорилъ въ собраніяхъ громовыя рѣчи, стучалъ кулакомъ, однимъ словомъ, старался играть роль Мирабо, такъ что наконецъ добился чести быть въ числѣ тринадцати. По отбытіи наказанія онъ просилъ помилованія, былъ послѣ того раза два гласнымъ, но тутъ его старые консервативные взгляды снова взяли верхъ и, въ концѣ концовъ, онъ долженъ былъ оставить общественную дѣятельность. Казалось, зачѣмъ было бы его выбирать, но дѣло въ томъ, что онъ былъ человѣкъ очень богатый, крайне тщеславный и самолюбивый. Если бы его не привлечь къ общественной дѣятельности, онъ сразу сталъ бы въ оппозицію, которая при его средствахъ и вліяніи на нѣкоторую часть помѣщиковъ могла бы быть даже опасной для дѣла, а тутъ въ обществѣ другихъ посредниковъ онъ, конечно, не могъ такъ скоро свихнуться съ прямого пути, какъ это случилось впослѣдствіи. И дѣйствительно, онъ во всемъ шелъ наравнѣ съ ними, даже вдаваясь въ крайности.

Полторацкій, офицеръ Генеральнаго штаба, человѣкъ умный, безусловно честный, былъ замѣшанъ въ дѣлѣ тринадцати и долженъ былъ оставить общественную дѣятельность.

Медвѣдковъ, человѣкъ прекрасно образованный, вскорѣ вышелъ въ отставку вслѣдствіе постоянныхъ столкновеній съ помѣщиками своего участка, такъ навываемаго корельскаго края,

землевладѣльцы котораго почти поголовно отличались крайнимъ консерватизмомъ и ретроградствомъ.

Таковы были посредники перваго призыва.

---

19 февраля въ томъ году приходилось на масленицѣ, и правительство, боясь разнаго рода смутъ, отложило опубликованіе манифеста до 5-го марта (перваго великопостнаго воскресенья). Но это, вопреки надеждамъ консерваторовъ, не вызвало нигдѣ никакихъ волненій среди крестьянъ.

Къ 5-му марта были командированы по уѣзду губернаторскіе чиновники по нѣскольку на уѣздъ, къ нимъ были присоединены мѣстные чиновники. Они должны были объѣзжать весь уѣздъ, собирать въ каждомъ имѣніи всѣхъ наличныхъ крестьянъ въ присутствіи помѣщиковъ и объявить имъ Высочайшій указъ объ освобожденіи и главныя статьи Положенія 19-го февраля и выдать имъ оное. При этомъ также не обошлось безъ курьезовъ. Такъ, напримѣръ, командированный въ имѣніе г-жи Ивковой чиновникъ пріѣхалъ туда съ вечера и, объявивъ помѣщицѣ о цѣли своего пріѣзда, просилъ ее собрать утромъ пораньше на ея дворѣ крестьянъ для объявленія имъ манифеста. Каково же было его удивленіе, когда, выйдя утромъ на крыльцо, онъ нашелъ возлѣ него кучу свѣженаваленныхъ камней. На спросъ его объ этомъ, помѣщица объявила, что только когда эти камни заговорятъ, тогда и крестьяне будутъ свободны. Нечего дѣлать, пришлось собрать крестьянъ въ сосѣдней деревнѣ и тамъ объявить имъ манифестъ.

Въ другомъ имѣніи помѣщика Черенкова въ Карельскомъ краю крестьяне въ числѣ душъ двадцати оказались повально пьяными и, ставъ на колѣни, стали кричать, что они не хотятъ свободы и просятъ оставить ихъ за ихъ добрымъ помѣщикомъ. Помѣщикъ былъ старый полковникъ, уже выжившій изъ ума отъ старости. Когда чиновикъ сталъ уговаривать крестьянъ подчиниться волѣ правительства, крестьяне единогласно заявили, что они просятъ оставить ихъ въ распоряженіи помѣщика до его смерти, такъ какъ онъ обѣщалъ ежедневно поить ихъ водкой. „Что же, ваше благородіе“, говорили крестьяне, „старичекъ хилый и году не проживетъ, и тогда мы со всѣмъ удовольствіемъ покоримся царской волѣ, а по крайней мѣрѣ, за это время попьемъ всласть водочки“. Не скоро удалось чиновнику убѣдить крестьянъ въ неразумности ихъ желанія. Были и другія въ этомъ родѣ выходки въ другихъ мѣстахъ, но въ

общемъ все обошлось тихо и благоразумно. Вообще крестьяне не высказывали нигдѣ ни особой радости ни особеннаго недовольства Положеніемъ и думали какую-то свою глубокую думу, до сихъ поръ непонятую нами.

Какъ извѣстно, манифестъ не вполнѣ удовлетворилъ и либеральную часть общества, но во всякомъ случаѣ впечатлѣніе, произведенное имъ, было громадно не только у насъ, но и за границей. Тамъ внимательно слѣдили за всѣмъ, происходившимъ у насъ въ Россіи, за всѣми малѣйшими признаками волненія или недовольства. Выражали удивленіе, что такой великій переворотъ, обливавшій во многихъ мѣстахъ почву Европы потоками крови, проходитъ въ Россіи такъ спокойно, не вызывая нигдѣ кровавыхъ столкновеній. Въ самомъ дѣлѣ, за исключеніемъ восточныхъ губерній (Казанская исторія Щапова, напримѣръ) почти вездѣ дѣло обошлось мирнымъ путемъ. Въ Европѣ понять этого не могли.

Пострадали непосредственно только нѣсколько старушекъ, изъ которыхъ двѣ сошли съ ума, а съ третьей сдѣлался ударъ сейчасъ же послѣ объявленія манифеста, да одинъ старичекъ умеръ отъ удара также въ самый день объявленія его. Вотъ и всѣ, на первое время, жертвы переворота.

Но этотъ великій день къ прискорбію положилъ начало тѣхъ смутъ и той травли всего либеральнаго и порядочнаго въ Россіи, которая теперь разрослась въ извѣстной части прессы до такихъ чудовищныхъ размѣровъ. Нѣсколько порядочныхъ людей, по иниціативѣ, кажется, Юрія Ѳедоровича Самарина, устроили торжественный обѣдъ въ Москвѣ въ Англійскомъ клубѣ. Всѣ они, конечно, были въ самомъ розовомъ настроеніи; произнесено было множество рѣчей, объяснявшихъ значеніе переворота и восхвалявшихъ великаго Царя-Освободителя. Черезъ нѣсколько дней въ газетахъ ретрограднаго направленія появились неприличныя статьи, въ которыхъ московскій праздникъ былъ изображенъ въ какомъ-то шутовскомъ видѣ, а участники его выставлены чуть ли не Маратами, посягающими на основные устои русской жизни. Разумѣется, все ретроградное было въ восторгѣ отъ этихъ статей, и это было началомъ „торжествующей свиньи“.

Послѣ реформы лучшая часть дворянства сознала необходимость сближенія съ крестьянами. Дѣло это было очень трудное. Многовѣковый гнетъ крѣпостного права прорылъ такую глубокую пропасть между двумя сословіями, положить мостъ черезъ которую было въ то время почти невозможно, и всего менѣе можно было это сдѣлать какими-нибудь заискиваньями передъ крестьянами.

Тутъ явилось какое-то фальшивое сантиментальничанье. Многіе помѣщики стали относиться къ крестьянамъ съ какимъ-то любезничаньемъ. Мужиковъ стали почему-то называть „мужичками“, говорить имъ „вы“, стали даже приглашать ихъ къ себѣ на именинные пироги и обѣды, при чемъ препаивно удивлялись, что мужикъ ѣстъ не по-свински, а по-человѣчески и ведетъ себя довольно прилично. Но это мало помогало, и пропасти, лежавшей между обоими сословіями, засыпать этимъ было нельзя. Люди сближаются между собою на почвѣ общаго дѣла, а такого тогда не было. Составленіе уставныхъ грамотъ и разверстаніе угодій, порождая споры между сторонами, скорѣе могли увеличить рознь, а не служить къ сближенію. Глухая ненависть крестьянъ къ помѣщикамъ, не выражаясь никакими особенными дѣйствіями, была до того сильна, что даже теперь, по прошествіи 50-ти лѣтъ послѣ эмансипаціи, люди того поколѣнія, которое застало еще крѣпостное право, не могутъ говорить о немъ равнодушно. Къ тому же, устройство крестьянскаго управленія, исключивъ изъ среды волости всѣхъ лицъ, не принадлежащихъ къ крестьянству, провело новую разъединительную черту между сословіями, лишивъ въ то же время участія въ общественныхъ дѣлахъ всю мѣстную интеллигенцію.

Всесословная волость и до сихъ поръ остается мечтою людей прогрессивнаго лагеря. Мы помнимъ попытки нѣсколькихъ помѣщиковъ изъ этого лагеря принять участіе въ общественныхъ дѣлахъ въ качествѣ волостныхъ писарей, что, безъ сомнѣнія, могло бы имѣть хорошее вліяніе на упорядоченіе волостныхъ дѣлъ и на развитіе въ крестьянахъ чувства законности. Но всѣ эти попытки были отклонены правительствомъ.

Только въ первое время существованія земства пропасть эта понемногу начала наполняться. Но до сихъ поръ оба сословія стоятъ другъ противъ друга безъ взаимнаго пониманія.

Какъ на ближайшее послѣдствіе реформы 19 февраля указываютъ обыкновенно на начавшееся тогда обѣднѣніе помѣщиковъ, продолжающееся и до настоящаго времени.

Такъ до 19 февраля 61 года въ Новоторжскомъ уѣздѣ было 139 помѣщичьихъ усадебъ, въ настоящее время изъ нихъ осталось только 30 въ рукахъ дворянъ.

Я не буду говорить о причинахъ этого явленія,—онѣ очень сложны и объ нихъ было писано уже много. Но, во всякомъ случаѣ, врядъ-ли реформа 19 февраля играла здѣсь главную роль. Въ Западномъ краѣ реформа эта была введена при условіяхъ болѣе тяжелыхъ для помѣщиковъ того края, но, по об-

щему свидѣтельству всѣхъ бывшихъ тамъ въ послѣднее время, помѣщичьи усадьбы не представляютъ такого оскудненія, какъ у насъ. Дѣло въ томъ, что у насъ почти всѣ имѣнія были раньше заложены въ Опекунскій Совѣтъ, хозяйство велось крайне рутинно, безъ знанія дѣла и безъ предусмотрительности. Застигнутые почти врасплохъ реформой, помѣщики наши не знали, что имъ дѣлать. Выкупныя проживались безъ всякой пользы для хозяйства, или же употреблялись на разныя предпріятія, которыя не соотвѣтствовали ни климатическимъ, ни мѣстнымъ условіямъ, ни условіямъ рынка. Помѣщики продолжали вести прежній образъ жизни, постоянно нуждались въ деньгахъ и, при отсутствіи правильнаго кредита, попадали въ руки ростовщиковъ и кулаковъ. Не мудрено, что при этихъ условіяхъ началось постепенное ихъ разореніе.

Для крестьянъ ближайшимъ послѣдствіемъ реформы было освобожденіе отъ личной зависимости и пріобрѣтеніе личной свободы въ своихъ домашнихъ дѣлахъ. Эту независимость крестьянинъ ставитъ очень высоко.

При введеніи института земскихъ начальниковъ въ народѣ появились предположенія, что это замаскированное возвращеніе крѣпостного права. Я въ то время былъ мировымъ судьей. Однажды ко мнѣ пришелъ старый знакомый крестьянинъ, бывшій когда-то волостнымъ старшиной, человѣкъ очень умный. Мало-по-малу разговоръ перешелъ на предполагаемую реформу и на порожденные ею слухи. Тогда старикъ съ горячностью сказалъ мнѣ: „Вотъ что я тебѣ скажу: потихоньку да полегоньку можно отобрать у насъ и землю и всѣ льготы; но если дѣло дойдетъ до воли,—тогда, братъ, держись“!

Къ сожалѣнію, послѣ исторіи тринадцати всѣ лица, принадлежавшія къ мѣстному либеральному лагерю, временно устранились отъ участія въ дѣлахъ, и дѣло введенія въ дѣйствіе положенія попало у насъ въ не совсѣмъ хорошія руки. Предводителемъ дворянства вмѣсто Бакунина былъ выбранъ Владиміръ Алексѣевичъ Полторацкій, личность, надъ которой стоитъ остановиться. Отецъ его нѣсколько лѣтъ былъ губернскимъ предводителемъ дворянства; у самого В. А. было около пятисотъ душъ въ Новоторжскомъ уѣздѣ. Онъ кончилъ курсъ въ Пажескомъ корпусѣ, служилъ нѣсколько лѣтъ на Кавказѣ, во время Крымской войны участвовалъ въ нѣсколькихъ сраженіяхъ, получилъ двѣ серьезныя раны и офицерскій Георгіевскій крестъ. Онъ получилъ

отличное свѣтское образованіе, прекрасно говорилъ и писалъ по-французски и по-нѣмецки; умъ у него былъ чрезвычайно бойкій, смѣтливый и дерзкій. Какъ родной племянникъ министра графа Киселева, онъ имѣлъ хорошія связи въ высшемъ петербургскомъ обществѣ. При такихъ задаткахъ онъ могъ бы быть полезнымъ дѣятелемъ общества. Но судьба рѣшила иначе: онъ признавалъ только тотъ кружокъ людей, къ которому принадлежалъ по рожденію, воспитанію и службѣ; все, что было внѣ этого круга, онъ болѣе или менѣе откровенно презиралъ. Съ какой-то ненавистью онъ старался подавлять всякое проявленіе человѣческаго достоинства внѣ своего кружка.

Однимъ словомъ, это былъ прирожденный врагъ всякаго гражданскаго прогресса. Самая фигура его была характерна: онъ былъ красивый брюнетъ выше средняго роста съ правильными чертами лица. Небольшой, но также чрезвычайно правильный лобъ, темно-каріе, смотрѣвшіе на васъ дерзко и надменно глаза, правильный, слегка вздернутый носъ, небольшіе черные усы, громкій повелительный голосъ, могучій торсъ — все въ этомъ человѣкѣ говорило о силѣ и склонности повелѣвать.

Сначала онъ рѣдко появлялся въ Торжкѣ, жилъ въ Москвѣ, былъ тамъ членомъ Англійскаго клуба и имѣлъ тамъ большое вліяніе. Затѣмъ сталъ все чаще и чаще жить въ Торжкѣ, по причинѣ, какъ говорили, разстройства денежныхъ дѣлъ. Жена его жила въ Москвѣ у своего дяди князя Грузинскаго. По пріѣздѣ въ Торжокъ онъ сразу сдѣлался главою извѣстнаго кружка, состоявшаго изъ офицеровъ и нѣсколькихъ помѣщиковъ, которые по складу своихъ мыслей были одного закала съ нимъ, хотя ни у одного изъ нихъ не было той дерзости и надменности, какъ у Полторацкаго.

Люди эти играли въ карты, завтракали, обѣдали большею частію съ шампанскимъ и проживали свое состояніе.

Полторацкій завелъ у себя въ имѣніи постройку большой барской усадьбы, которую никогда не достроилъ и въ которой никогда не жилъ, завелъ тамъ псовую охоту, для чего выписалъ тридцать лошадей съ Кавказа, а охотниковъ одѣлъ въ кавказскія папахи. И все это онъ сдѣлалъ въ то время, когда у него не было почти ни гроша денегъ. Постояннымъ домомъ въ Торжкѣ онъ не жилъ, перекочевывая съ квартиры на квартиру, при чемъ не вездѣ разсчитывался съ хозяевами. Онъ занималъ направо и налѣво куши отъ двухсотъ до пятисотъ рублей, дѣлая при этомъ видъ, что будто онъ одолжаетъ того, у кого занимаетъ. Время отъ времени онъ при-

возилъ изъ Москвы тысячи двѣ или три, уплачивалъ изъ этихъ денегъ часть новоторжскихъ долговъ и такимъ образомъ поддерживалъ кредитъ. Говорили, что эти деньги выманивала его жена у своего дяди князя Грузинскаго, служившаго въ придворномъ вѣдомствѣ и завѣдывавшаго во время коронаціи 56-го г. народными торжествами.

На охоту В. А. ѣздилъ чрезвычайно роскошно, съ нимъ всегда было два фургона съ провизіей и разнаго рода вещами.

Для характеристики разскажу нѣсколько встрѣчъ съ нимъ. Разъ, возвращаясь отъ больного изъ уѣзда, я былъ остановленъ его охотниками въ деревнѣ Макарьинѣ верстахъ въ 16-ти отъ города, съ заявленіемъ, что В. А. не велѣлъ пропускать никого изъ знакомыхъ.

Когда я вошелъ въ избу, занимаемую имъ, я былъ пораженъ роскошью, съ которой она была убрана. Всѣ стѣны и полъ были убраны персидскими коврами; въ избѣ стояли два складныхъ стола, на одномъ изъ нихъ было четыре серебряныхъ прибора для обѣда, на другомъ—водка и закуски. Тутъ были, кромѣ В. А., братъ его Дмитрій и новоторжскій помѣщикъ Василій Денисовичъ Давыдовъ, сынъ извѣстнаго партизана. Обѣдъ былъ роскошный; между прочимъ, была уха изъ стерлядей, за которыми онъ посылалъ почти ежедневно въ сосѣдній городъ Старицу, верстъ за пятьдесятъ.

Потомъ мы играли въ преферансъ, такъ что я уѣхалъ отъ него съ Давыдовымъ только часовъ въ двѣнадцать ночи, что называется, сытъ и пьянъ. Давыдовъ, самъ человѣкъ очень богатый, былъ пораженъ всей этой роскошью. Дорогой ямщикъ разсказалъ намъ, что Полторацкій никогда не разсчитывается съ крестьянами за свои ночлеги и забранный у нихъ кормъ для лошадей. Когда мужики начнутъ очень приставать, онъ, какъ говорилъ ямщикъ, ударитъ нагайкой по Джигиту (его верховая лошадь) и ускачетъ, пригрозивши имъ краснымъ пѣтухомъ. Мужики, боясь такой угрозы, молчали и безропотно переносили его грабежи.

Нѣсколько недѣль послѣ этого мнѣ пришлось проѣзжать черезъ усадьбу Полторацкаго часу въ восьмомъ утра, какъ разъ въ охотничій праздникъ, т. е. 1-го сентября. Дорога шла мимо самого дома. Вдругъ слышу зычный голосъ, обозвавшій меня. В. А. сидѣлъ на балконѣ усадьбы съ какимъ-то другимъ незнакомымъ мнѣ господиномъ; оба были въ халатахъ. Передъ ними стоялъ полуштофъ водки и свѣжіе бобы и горохъ для закуски. Полторацкій сказалъ мнѣ, что сегодня охотничій праздникъ, и пригласилъ меня и моего спутника откушать охотничьяго пи-

рога на конюшнѣ. Сидѣвшій съ нимъ оказался его родственникомъ тоже Полторацкимъ, Пав. Александ., бывшимъ, какъ и В. А., офицеромъ на Кавказѣ. Въ тѣхъ же костюмахъ наши хозяева отправились съ нами на конюшню. Конюшня эта была устроена съ роскошью; передъ нею былъ залъ человѣкъ на сто; тутъ были разставлены столы съ пирогами и закусками. Всѣ мы сѣли за одинъ столъ вмѣстѣ съ охотниками. По окончаніи завтрака, покрытаго, конечно, порядочнымъ возліяніемъ, Полторацкій повелъ насъ по стойламъ показывать лошадей. Войдя въ стойло, гдѣ стоялъ его верховой конь Джигитъ, красивый кабардинскій жеребецъ, Полторацкій ударилъ его ладонью по крупу со словами: „Ну, Джигитъ, завтра въ походъ", при чемъ такъ сверкнулъ глазами, что я подумалъ, что передо мной стоитъ какой-нибудь атаманъ XVII-го вѣка.

Нужно замѣтить, что бабка его по отцу была знаменитая въ свое время Агаѳоклея Александровна Полторацкая. Начавши съ двухъ или трехъ сотъ душъ, она оставила своимъ дѣтямъ громадное состояніе въ пятнадцать тысячъ душъ.

Лѣтъ сорокъ тому назадъ о ея подѣтеляхъ ходила масса разсказовъ въ Новоторжскомъ уѣздѣ. Напримѣръ, когда она объѣзжала поля, замѣчала, что какой-нибудь крестьянинъ по ея мнѣнію плохо работаетъ, тутъ же на мѣстѣ производила расправу, т. е. порола.

Докторъ Лавровъ, практиковавшій въ Новоторжскомъ уѣздѣ слишкомъ 60 лѣтъ и отлично знавшій всѣ условія помѣщичьей жизни, разсказывалъ мнѣ, что подъ старость, когда она жила въ громадномъ, чуть не царскомъ домѣ своемъ въ селѣ Грузинахъ Новоторжскаго уѣзда, она страдала часто безсонницей и когда всѣ извѣстныя тогда гипнотическія средства были истощены, она приказывала собрать мужиковъ изъ сосѣднихъ деревень и пороть ихъ передъ окнами своей спальни, находившейся въ нижнемъ этажѣ дома; стоны несчастныхъ мужиковъ дѣйствовали на нее какъ морфій; подъ звуки этого адскаго оркестра она тихо засыпала. Правда, мужики скоро догадались, что она не можетъ ничего видѣть изъ глубины комнаты и притворялись, будто ихъ порютъ. Затѣмъ я слышалъ про нее разсказъ въ Петербургѣ, гдѣ у нея былъ собственный домъ возлѣ Сѣнной площади, занимаемый впослѣдствіи Вяземской Лаврой. Однажды утромъ она увидѣла, что передъ окнами ея дома на Сѣнной собралась большая толпа народа. Она послала своего лакея узнать въ чемъ дѣло. Тотъ доложилъ ей, что въ народѣ слухъ, что Полторатчиху будутъ сегодня пороть плетьми. Тогда

она велѣла заложить коляску и, выѣхавъ въ ней на четвернѣ на площадь, закричала: „Что, подлецы, прежде, чѣмъ меня выпорятъ, я васъ половину передавлю". Народъ, видя, что она дѣйствительно хочетъ привести въ исполненіе свое намѣреніе, разбѣжался. И такого дикаго звѣря не только не посадили въ клѣтку за желѣзные запоры, а напротивъ высокопоставленныя лица искали чести быть съ ней знакомыми и пользовались ея милостивымъ вниманіемъ. Не объ этихъ ли дикихъ порядкахъ вздыхаютъ наши консерваторы? Не удивительно, что дикіе инстинкты перешли отъ бабки къ внуку.

И вотъ такого-то барина новоторжское дворянство выбрало своимъ предводитемъ. Случилось это такъ. Партія, противная либераламъ, во главѣ которой стоялъ довольно богатый помѣщикъ Нероновъ, боясь, чтобы власть не попала снова въ руки кого-нибудь изъ противниковъ, инсинуировала и интриговала среди всегда колеблющагося большинства и настолько запугала его, что всѣмъ мерещилась чуть ли не соціальная революція въ случаѣ избранія вновь одного изъ Бакуниныхъ или изъ лицъ близкихъ имъ. Такъ какъ изъ среды ихъ самихъ никто не разсчитывалъ получить достаточное большинство, то они и выставили кандидатуру Полторацкаго, надѣясь на его имя и заслуги отца, бывшаго нѣсколько трехлѣтій губернскимъ предводителемъ. Выборы происходили не въ губернскомъ городѣ, а въ Торжкѣ въ залѣ гостиницы Федухина. Собралось человѣкъ сорокъ или болѣе дворянъ. Полторацкій скромно сѣлъ въ самомъ заднемъ ряду креселъ и противъ своего обыкновенія не шумѣлъ, не шутилъ и ограничивался лишь самыми скромными замѣчаніями.

По разсмотрѣніи нѣсколькихъ частныхъ вопросовъ приступили къ выборамъ. Послѣ отказовъ двухъ или трехъ предложенныхъ кандидатовъ, стали просить Полторацкаго. Онъ всталъ и долго отказывался, какъ Борисъ Годуновъ отъ царства. Среди избирателей слышались голоса: „Владиміръ Алексѣевичъ! послужите намъ, спасите насъ"[1])!

Наконецъ всталъ генералъ Воробьевъ и сказалъ патетическую рѣчь о томъ, что единственное спасеніе уѣзда въ принятіи Полторацкимъ должности предводителя, потому что такъ называемая Бакунинская партія хочетъ обезземелить и обездолить уѣздъ. Не выдержало отчизно-любивое сердце Полторацкаго, и онъ со скромностью принялъ великую миссію спасенія отечества, т. е. дворянства. Ну, и спасъ же онъ ихъ!

---

[1]) Бакунины и вся прогрессивная партія въ этомъ собраніи не участвовали.

Черезъ два или три мѣсяца были выборы губернскаго предводителя. Тутъ Полторацкій явился кандидатомъ, разсчитывая на имя отца и на свое личное обаяніе; больше никакихъ заслугъ у него не было. Онъ умѣлъ такъ ловко интриговать, что при первой баллотировкѣ былъ выбранъ громаднымъ большинствомъ (что-то 360 голосовъ изъ 400 баллотировавшихъ).

Нужно было выбрать къ нему кандидата, для обсужденія чего былъ назначенъ перерывъ засѣданія на нѣсколько минутъ. Въ это время полилось шампанское, и всѣ поздравляли вновь избраннаго предводителя.

Между тѣмъ часть публики опомнилась и, вовсе не желая имѣть предводителемъ Полторацкаго, рѣшила во что бы то ни было сдѣлать собраніе недѣйствительнымъ. По закону какъ предводитель, такъ и кандидатъ избираются въ одномъ и томъ же составѣ дворянъ.

Когда провѣрили голоса за кандидата, ихъ оказалось на два меньше противъ числа баллотировавшихъ Полторацкаго. Нечего дѣлать, надо было отложить выборы до слѣдующаго дня. Утромъ, при вторичной баллотировкѣ Полторацкій получилъ тридцатью или сорока голосами меньше, чѣмъ наканунѣ, а предложенный въ кандидаты Сухотинъ былъ выбранъ почти единогласно и утвержденъ Государемъ. Полторацкому хотѣлось быть губернскимъ предводителемъ, главнымъ образомъ, потому, что при своихъ связяхъ въ Петербургѣ и при своей ловкости онъ могъ бы года черезъ два попасть въ губернаторы.

Въ дѣлахъ по крестьянскому присутствію онъ не принималъ почти никакого участія; являлся туда рѣдко, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда надо было поддержать какую-нибудь крупную несправедливость противъ крестьянъ. Онъ прослужилъ такимъ образомъ до открытія земства, т. е. до 66 года.

Благодаря своимъ связямъ, старымъ военнымъ заслугамъ и близкому родству съ военнымъ министромъ Милютинымъ, человѣкомъ крайне довѣрчивымъ и знавшимъ одну только хорошую сторону военной дѣятельности Полторацкаго, на Кавказѣ, онъ поступилъ снова въ военную службу, получилъ батальонъ, участвовалъ въ Хивинскомъ походѣ, потомъ формировалъ Крымско-Татарскій дивизіонъ, командовалъ имъ нѣсколько лѣтъ и сдалъ въ большомъ безпорядкѣ съ начетомъ тысячъ въ пятнадцать. Во время послѣдней турецкой кампаніи онъ командовалъ Чугуевскимъ уланскимъ полкомъ, который сдалъ также съ большимъ начетомъ и все-таки былъ произведенъ въ генералъ-маіоры.

Мировые посредники второго призыва стояли много ниже первыхъ, какъ по своему образованію, такъ и по нравственнымъ качествамъ. Они не дѣйствовали такъ строго-безпристрастно, какъ тѣ, и вездѣ, гдѣ только было можно, держали сторону помѣщиковъ. Предсѣдательствовалъ большею частію на ихъ съѣздахъ посредникъ Шнейдерсъ изъ Карельскаго края. Это былъ человѣкъ неглупый, но безъ всякихъ принциповъ и въ душѣ крѣпостникъ. При всякихъ столкновеніяхъ крестьянъ съ помѣщиками онъ всегда рѣшалъ дѣло не въ пользу первыхъ, былъ довольно грубъ и дерзокъ съ крестьянами на съѣздахъ, часто ихъ не выслушивалъ какъ слѣдуетъ и въ случаѣ сильнаго противорѣчія съ ихъ стороны безъ дальнихъ разговоровъ выпроваживалъ ихъ изъ залы засѣданія. Былъ даже такой случай: помѣщикъ А. П—ій передъ эмансипаціей отрѣзалъ у крестьянъ ихъ полевую землю и взамѣнъ ея далъ землю худшаго качества. При составленіи уставной грамоты крестьяне, конечно, на это не согласились, и дѣло перешло въ съѣздъ. На съѣздѣ явился уполномоченный со стороны П—аго и человѣкъ двѣнадцать со стороны крестьянъ. Обѣ стороны горячо отстаивали свои интересы. Раздраженный этимъ споромъ Шнейдерсъ обратился къ бывшему случайно въ засѣданіи командиру уланскаго полка, человѣку хорошему, но очень недалекому, съ просьбой дать ему воинскую команду для арестованія крестьянъ.

Черезъ нѣсколько минутъ явилось человѣкъ двадцать солдатъ подъ командой офицера и съ обнаженными саблями отвели крестьянъ на военную гауптвахту.

Такимъ образомъ дѣло приняло какъ-будто характеръ крестьянскаго бунта.

Для оправданія своихъ дѣйствій Шнейдерсъ сейчасъ же поѣхалъ къ исправнику, прося его дать удостовѣреніе въ томъ, что, несмотря на всѣ увѣщанія, крестьяне шумѣли на съѣздѣ, не соглашаясь ни на какія предложенія со стороны П—аго, вслѣдствіе чего необходимо было прибѣгнуть къ военной силѣ. Исправникъ, человѣкъ очень порядочный, конечно, не согласился на такой подлогъ и искаженіе фактовъ и сейчасъ же послалъ объ этомъ эстафету губернатору. Между тѣмъ и полковникъ со своей стороны долженъ былъ донести о происшествіи по командѣ начальнику дивизіи и, кажется, на Высочайшее имя. Къ утру пришла эстафета отъ губернатора съ приказомъ немедленно освободить крестьянъ, и было назначено слѣдствіе, такъ что побѣдители не долго наслаждались торжествомъ своей побѣды. Хотя слѣдствіе не повело ни къ чему по

отношенію къ Шнейдерсу, но крестьяне все-таки отстояли свои права и получили землю.

Нѣкоторые изъ посредниковъ были такъ недѣятельны и такъ небрежно относились къ дѣлу, что когда наступилъ двухлѣтній срокъ, къ которому должно было окончиться составленіе уставныхъ грамотъ, около половины ихъ не было еще составлено, и пришлось назначить для окончанія дѣла въ эти участки по нѣсколько кандидатовъ.

Несмотря на все это, въ общемъ дѣло обошлось довольно благополучно, и большихъ недоразумѣній было не много, благодаря отчасти долготерпѣнію нашихъ крестьянъ, хотя по нѣкоторымъ признакамъ можно было судить, что они не вполнѣ довольны тѣмъ разрѣшеніемъ аграрнаго вопроса, какое было дано Положеніемъ 19 февраля и особенно положеніемъ о выкупѣ. Имъ, конечно, казалось страннымъ, что за землю, которую они обрабатывали въ теченіе долгаго ряда поколѣній, имъ приходилось еще платить выкупъ. Затѣмъ самимъ надѣломъ они были въ общемъ недовольны: они думали, что большая часть помѣщичьей земли должна перейти имъ, и много лѣтъ еще между ними ходили слухи о какомъ-то новомъ передѣлѣ земель, и сохранялась тайная надежда на него. Къ тому же общинное землевладѣніе и круговая порука, установленныя Положеніемъ, дѣлали крестьянина крѣпкимъ землѣ, что во многихъ случаяхъ стѣсняло его личную иниціативу.

Но по необходимости они покорились, помня, вѣроятно, что „сила солому ломитъ".

Мелочныя недоразумѣнія по поводу разверстанія угодій возникали и впослѣдствіи и разрѣшались мировыми посредниками и мировымъ съѣздомъ.

Такимъ образомъ, съ составленіемъ уставныхъ грамотъ разрѣшался первый актъ великаго дѣла освобожденія крестьянъ.

ГЛАВА VII.

Земство и судебная реформа.

Въ началѣ 1866-го года были въ первый разъ избраны гласные въ уѣздное земское собраніе. Какъ извѣстно, земство было тогда всесословное; хотя гласные дѣлились на три разряда: первый разрядъ отъ землевладѣльцевъ, второй отъ городскихъ обывателей и третій отъ крестьянскихъ обществъ, владѣющихъ землею на общинномъ правѣ, но во всѣ эти разряды

могли быть выбираемы лица безразлично отъ всѣхъ сословій. Такъ, въ первый разрядъ можно было выбирать не только дворянъ, но купцовъ и крестьянъ, если они владѣли земельной собственностью въ извѣстномъ размѣрѣ. Отъ крестьянскихъ обществъ избирались иногда и дворяне, пользовавшіеся довѣріемъ и уваженіемъ общества, если они на основаніи земельнаго ценза имѣли право быть избираемыми въ гласные.

Законъ, возложивъ на земство заботу о мѣстныхъ нуждахъ и пользахъ въ самомъ широкомъ смыслѣ, нашелъ возможнымъ предоставить это дѣло только лицамъ, имѣющимъ извѣстную земельную собственность, и такимъ образомъ устранилъ отъ участія въ земскихъ дѣлахъ ту часть мѣстной интеллигенціи, которая не имѣла земельной собственности. Это имѣло свои невыгодныя послѣдствія, такъ какъ кромѣ чисто-хозяйственныхъ дѣлъ въ уѣздѣ на земствѣ лежитъ забота о народномъ образованіи и устройствѣ медицинской части. Участіе въ этомъ дѣлѣ мѣстной безземельной интеллигенціи, не связанной экономическими интересами, могло быть очень полезно и вѣроятно спасло бы земство отъ многихъ ошибокъ, сдѣланныхъ имъ въ этомъ отношеніи.

Крестьяне въ то время не имѣли вполнѣ яснаго представленія о своихъ нуждахъ и не умѣли возбуждать въ земскихъ собраніяхъ вопросовъ о тѣхъ потребностяхъ, которыя выходили изъ круга изъ хозяйственныхъ интересовъ; въ такихъ-то случаяхъ участіе безземельной интеллигенціи оказало бы большую услугу.

Весною 1866 года состоялось первое земское собраніе для избранія земской управы. По закону до избиранія лицъ на земскія должности необходимо было опредѣлить имъ жалованье. Вопросъ этотъ вызвалъ среди гласныхъ продолжительныя и горячія пренія. Прогрессивная партія предложила назначить всѣмъ членамъ одинаковое содержаніе по 600 рублей въ годъ. Другая же сторона предложила назначить предсѣдателю 1500 р., а членамъ по 1200 въ годъ. Прогрессисты въ основаніе своего предложенія выставляли то, что содержаніе членамъ управы назначается не какъ вознагражденіе за ихъ трудъ, который въ то время и оцѣнить было невозможно, но только какъ пособіе на тѣ излишніе расходы, которые каждый изъ нихъ долженъ понести по своей службѣ въ земствѣ, какъ-то: по найму квартиры въ городѣ, лишней прислуги и т. п.

При этомъ имѣлось отчасти въ виду устранить отъ веденія земскихъ дѣлъ тѣ нежелательные элементы, которыя начали

высказывать аппетиты на земскій пирогъ. Противники возражали, что при назначеніи такого ограниченнаго содержанія въ земствѣ могутъ служить только люди болѣе или менѣе обезпеченные, и такимъ образомъ будутъ устранены полезные дѣятели. Противъ равномѣрности содержанія возражали, что предсѣдатель несетъ большую отвѣтственность, чѣмъ другіе члены, и по необходимости долженъ имѣть больше расходовъ. Послѣ долгихъ споровъ прогрессисты одержали верхъ, и предсѣдателемъ управы былъ выбранъ П. А. Бакунинъ, а членами Т. Н. Повало-Швейковскій и Н. С. Львовъ.

Въ слѣдующемъ трехлѣтіи вопросъ этотъ былъ снова возбужденъ той же группой гласныхъ, но большинствомъ голосовъ былъ рѣшенъ въ прежнемъ смыслѣ. Вскорѣ П. А. Бакунинъ былъ выбранъ предводителемъ дворянства.

П. Бакунинъ при своемъ умѣ и образованіи имѣлъ огромное значеніе какъ въ уѣздномъ, такъ и въ губернскомъ земствахъ. Ему принадлежала руководящая роль во всѣхъ вопросахъ, касающихся устройства земскихъ дѣлъ. Большинство мѣропріятій по этимъ вопросамъ было возбуждено по его иниціативѣ и рѣшались согласно съ его предложеньями. Въ земскихъ собраніяхъ онъ велъ дѣла съ огромнымъ тактомъ: спокойно, съ неотразимой логикой онъ развивалъ свою мысль и разбивалъ возраженія противника. Нужно сказать, что онъ долго слушалъ лекціи Гегеля и изучилъ вполнѣ его діалектическій методъ. Проживши долго въ Западной Европѣ, онъ былъ хорошо знакомъ со всѣми формами ея гражданской жизни и старался привить къ русской жизни то, что при тогдашнихъ условіяхъ могло быть приложимо къ ней. Его рѣчи въ земскихъ собраніяхъ, какъ выразился одинъ мой петербургскій пріятель, случайно попавшій на собраніе, были похожи на общедоступныя лекціи о лучшихъ формахъ гражданскаго общежитія (modus vivendi). Не обинуясь можно сказать, что живи онъ въ какомъ-нибудь конституціонномъ государствѣ, онъ былъ бы главой и руководителемъ партіи и не разъ занималъ бы министерскій постъ.

А дѣла въ земствѣ предстояло много. Прежде всего необходимо было произвести опись и оцѣнку тѣхъ недвижимыхъ имуществъ, которыя подлежали земскому обложенію. Въ помощь управѣ для веденія этого сложнаго дѣла былъ приглашенъ гласный отъ города Е. И. Поповцевъ. Оцѣнка была произведена какъ на основаніи доходности имѣній, такъ и по соображеніи со средствами владѣльцевъ. Всѣ имѣнія были оцѣнены въ девять съ чѣмъ-то милліоновъ.

Этой оцѣнкой земство руководится и до настоящаго времени. Разумѣется, она не вполнѣ соотвѣтствовала дѣйствительной стоимости имѣній, но, по крайней мѣрѣ, земство, хотя приблизительно, ознакомилось съ тѣми средствами, которыми оно могло располагать для своего бюджета.

Лѣтомъ 1866 года появилась въ Торжкѣ эпидемія холеры. Она была занесена судорабочими съ каравана барокъ, шедшаго тогда по Тверцѣ. Надо сказать, что Торжокъ расположенъ по обѣимъ сторонамъ рѣки Тверцы. Правая сторона его представляетъ рядъ холмовъ, пересѣченныхъ оврагами и ручьями, лѣвая же представляетъ возвышенное плато, постепенно понижающееся съ сѣверо-востока на юго-западъ. Съ каждой стороны рѣки есть по нѣсколько улицъ очень низкихъ и топкихъ. Эпидемія главнымъ образомъ и гнѣздилась въ этихъ улицахъ. Случаевъ заболѣванія въ болѣе высокихъ частяхъ города было только два, на семьдесятъ слишкомъ всѣхъ больныхъ.

По заявленіи моемъ о появленіи эпидеміи, земская управа сейчасъ же устроила временную больницу на двадцать кроватей въ одномъ изъ концовъ города, снабдивъ ее всѣмъ необходимымъ для пользованія больныхъ. Все это было готово въ три дня; при старомъ же бюрократическомъ порядкѣ прошло бы недѣли двѣ—три до устройства больницы. Въ то же время были очищены площади и большіе дворы въ разныхъ общественныхъ учрежденіяхъ. Для дезенфекціи изверженій больныхъ выдавался по домамъ желѣзный купоросъ. Все это было сдѣлано быстро, безъ всякой излишней переписки, въ чемъ высказалось сразу преимущество новаго общественнаго порядка передъ старымъ бюрократическимъ. Эпидемія окончилась въ послѣднихъ числахъ августа. Она повторилась и въ 1867 году, но въ болѣе слабой степени.

Въ очередномъ собраніи 1866-го года земство приступило къ устройству предоставленныхъ ему Положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ дѣлъ. Предстояло, во-первыхъ: перевести всѣ натуральныя повинности, лежавшія тяжкимъ бременемъ на однихъ крестьянахъ, на денежныя, равномѣрно распредѣленныя между всѣми участниками земства. Во-вторыхъ, заняться устройствомъ въ уѣздѣ школъ и, въ третьихъ, заняться устройствомъ медицинской помощи народу.

Къ натуральнымъ повинностямъ принадлежали квартирная, дорожная и подворная. Первая была особенно тяжела для крестьянъ, какъ въ матерьяльномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи. Изъ пяти эскадроновъ квартировавшаго въ городѣ кава-

лерійскаго полка два стояли въ казармахъ въ самомъ городѣ, а три—по деревнямъ. Обыкновенно въ каждой деревнѣ одинъ или два лучшихъ двора отбирались подъ конюшни, а солдаты жили по избамъ у крестьянъ, пользуясь у нихъ приваркомъ и хлѣбомъ. Хотя за это они должны были отдавать крестьянамъ получаемый ими провіантъ, но провіантъ этотъ рѣдко доходилъ до крестьянъ полностью, а иногда и совсѣмъ не доходилъ, такъ какъ солдаты предпочитали продавать его въ свою пользу. Такимъ образомъ въ крестьянской семьѣ появлялся лишній ротъ, требующій насыщенія. Затѣмъ, появленіе въ семьѣ посторонняго, молодого и почти ничѣмъ не занятаго квартиранта разрушало ея нравственный порядокъ: либо жена, либо дочь хозяина подвергались ухаживанію этого квартиранта и въ концѣ концовъ дѣлались его жервой. Такимъ образомъ это была одна изъ самыхъ ненавистныхъ для крестьянъ повинностей. Кромѣ того, солдаты нерѣдко крали у крестьянъ запасы овса и сѣна.

Согласно предложенію Бакунина земство постановило просить правительство передать въ его распоряженіе три большихъ почтовыхъ станціи на Московско-Петербургскомъ шоссе, въ селахъ Мѣдномъ, Будовѣ и Выдропускѣ, не имѣвшія больше никакого назначенія послѣ открытія Николаевской желѣзной дороги. Въ каждой изъ нихъ свободно можно было расположить эскадронъ, такъ какъ при каждой, кромѣ достаточнаго помѣщенія для людей и офицеровъ, находились конюшни на 150 лошадей. Для исправленія и приспособленія ихъ къ помѣщенію эскадроновъ постановлено было ассигновать двадцать тысячъ рублей. Зимой казармы были переданы земству, и съ весны 1867-го года было приступлено къ ихъ исправленію. Здѣсь управа сдѣлала большую ошибку. Въ видахъ экономіи не былъ приглашенъ техникъ-спеціалистъ, который наблюдалъ бы за постройкой, а управа передала дѣло проживавшему въ Торжкѣ архитектору-самоучкѣ, не составивъ никакихъ плановъ и смѣтъ. Ревизіонная комиссія, осматривая эти постройки передъ собраніемъ 67-го года, нашла въ нихъ много неисправностей и много неоконченнаго, на что необходимо было ассигновать по смѣтѣ, составленной комиссіей вмѣстѣ съ архитекторомъ Өедоровымъ, еще около девяти тысячъ рублей. Объ этомъ былъ составленъ подробный докладъ Кишенскимъ.

Докладъ этотъ вызвалъ въ собраніи бурныя пренія, тѣмъ болѣе, что отчетъ управы былъ составленъ крайне неудовлетворительно, безъ всякихъ объясненій. Конечно, ни на одну минуту ни у кого не могло явиться мысли о какихъ-либо злоупотреб-

леніяхъ, но все-таки такое небрежное отношеніе къ общественнымъ дѣламъ, отзывавшее барскими привычками, вызвало во многихъ раздраженіе противъ управы. Какъ ни грустенъ былъ этотъ фактъ, но собранію пришлось ассигновать просимую комиссіей сумму, чтобы докончить начатое дѣло. Инцидентъ этотъ чуть было не повелъ къ дуэли между Бакунинымъ и Кишенскимъ. Бакунинъ, при всей своей серьезности, имѣлъ привычку говорить иногда о дѣлахъ шуточно.

Когда Кишенскій прислалъ въ управу свой докладъ о результатахъ осмотра казармъ, Бакунинъ, встрѣтившись съ нимъ, сказалъ, что онъ получилъ его цидульку. Кишенскій, относившійся чрезвычайно строго и серьезно къ общественнымъ дѣламъ, былъ оскорбленъ такимъ выраженіемъ и вызвалъ Бакунина на дуэль. Къ счастью, стараніями другихъ гласныхъ, одинаково уважавшихъ Бакунина, такъ и Кишенскаго, дѣло было улажено, и Бакунинъ извинился передъ Кишенскимъ за свое выраженіе.

Лѣтомъ 1868-го года передѣлки казармъ были кончены, и послѣ осмотра ихъ ревизіонной комиссіей въ нихъ были помѣщены три эскадрона гусарскаго полка. Съ тѣхъ поръ никогда ни одинъ солдатъ не квартировалъ больше въ крестьянскихъ домахъ, и крестьяне свободно вздохнули, избавившись отъ этой тяжелой и ненавистной повинности.

Дѣло исправленія дорогъ въ уѣздѣ было сопряжено съ большими трудностями; четыре большихъ дороги, содержаніе которыхъ лежало на земствѣ: Большая Бѣжецкая, называвшаяся также Осташевскою, такъ какъ она шла черезъ станцію Осташково Николаевской желѣзной дороги, Осташковская, шедшая къ городу Осташкову, Ржевская и Старицкая. Трудно сказать, которая изъ нихъ была хуже. По свойству грунта лучше всѣхъ была Старицкая; остальныя же представляли или цѣлый рядъ непроходимыхъ болотъ и топей, какъ Бѣжецкая, или рядъ пригорковъ и низменностей, до того грязныхъ и топкихъ, что колеса экипажей погружались въ грязь почти цѣликомъ, а лошади уходили туда по брюхо.

Мосты на многочесленныхъ рѣчкахъ и ручейкахъ были до того плохи, что большею частію приходилось во избѣжаніе опасности выходить изъ экипажа. И по такимъ-то дорогамъ православный людъ ѣздилъ нѣсколько столѣтій.

Сначала земство стало исправлять ихъ старымъ рутиннымъ образомъ, т. е. засыпать ямы фашинникомъ съ землею и прокапывать кое-гдѣ канавы. Конечно, такой способъ исправленія

мало помогалъ. Года черезъ два дороги снова пришли въ прежнее состояніе.

Только мосты исправлялись лучше, т. е. изъ лучшаго матеріяла и дѣлались прочнѣе. Наконецъ мало-по-малу земство пришло къ мысли, по предложенію гласнаго В. Н. Линда, устраивать постепенно мостовую изъ булыжника, которымъ чрезвычайно обиленъ Новоторжскій уѣздъ. Въ настоящее время большая часть дорогъ сдѣлалась удобною для проѣзда во всякое время, хотя работа эта все еще не вполнѣ закончена.

Изъ натуральныхъ повинностей оставалась только одна подводная. Для замѣны ея сначала предполагалось учредить въ извѣстныхъ пунктахъ земскія стойки, но такъ какъ это на расчеты потребовало большого ежегоднаго расхода, то земство нашло болѣе выгоднымъ войти въ непосредственное соглашеніе съ полиціей и съ чинами судебнаго вѣдомства, и выдать имъ въ ихъ распоряженіе ежегодно извѣстную сумму на проѣзды, что составило ежегодно расходъ въ 4.000 р. съ небольшимъ.

Теперь земству предстояло приступить къ устройству двухъ важнѣйшихъ отраслей земскаго дѣла—учебной и медицинской. Школъ для крестьянъ въ уѣздѣ тогда не было, кромѣ двухъ школъ Министерства Государственныхъ Имуществъ и двухъ частныхъ школъ: одна въ сельцѣ Коницынѣ была устроена одной изъ владѣлицъ его Авдотьей Михайловной Бакуниной на свои собственныя средства, а другая въ селѣ Млевичахъ священникомъ П. О. Черенцовымъ частью на собственныя средства, частью на пожертвованія мѣстныхъ помѣщиковъ.

Я счелъ необходимымъ упомянуть объ этихъ лицахъ, какъ о первыхъ піонерахъ въ дѣлѣ народнаго образованія, имена которыхъ достойны того, чтобы быть сохраненными въ потомствѣ.

Въ городѣ было уѣздное училище и нѣсколько приходскихъ школъ, кромѣ того, городскія дѣти учились у своихъ приходскихъ священниковъ и дьяконовъ. Крестьяне же были почти повально безграмотны. Чтобы помочь этому злу, земство на первыхъ порахъ постановило учредить по одной школѣ въ волости, ассигновавъ на содержаніе каждой по 200 рублей. Конечно, этого было очень мало, такъ какъ одна школа приходилась слишкомъ на пять тысячъ жителей, но, въ виду неопредѣленности платежной способности населенія, пришлось довольствоваться пока и этимъ. При этомъ земство постановило оказывать денежныя пособія тѣмъ крестьянскимъ обществамъ, которыя пожелали бы устроить у себя школы.

Въ 1867 году гласный В. Н. Линдъ для того, чтобы упрочить положеніе открываемыхъ земствомъ школъ, предложилъ ежегодно ассигновать по три тысячи рублей въ видѣ неприкосновеннаго капитала одной изъ нихъ сверхъ суммы, ассигнуемой на содержаніе всѣхъ прочихъ школъ.

Такимъ образомъ, постепенно всѣ открываемыя земствомъ школы въ теченіе извѣстнаго числа лѣтъ могли бы быть обезпечены собственнымъ неприкосновеннымъ капиталомъ. Хотя это предложеніе было встрѣчено возраженіями со стороны ретроградпаго лагеря, но все-таки оно было, въ концѣ концовъ, принято, и первый жребій палъ на школу въ селѣ Прямухинѣ.

Ретроградная партія главнымъ возраженіемъ противъ открытія школъ на общеземскій счетъ выставляла то, что въ этихъ школахъ дѣти дворянъ учиться не будутъ, такъ пусть крестьяне открываютъ ихъ на собственный счетъ. Они забывали при этомъ, что всѣ спеціальныя учебныя заведенія, какъ-то: кадетскіе корпуса, Училище Правовѣдѣнія, дворянскіе институты для дѣвицъ и другія заведенія, въ которыхъ воспитываются по преимуществу дворянскія дѣти, содержатся на общегосударственный счетъ, а потому справедливость требуетъ, чтобы дѣти крестьянъ учились если не на общегосударственный, то на общеземскій счетъ. Иные доказывали, что грамота крестьянству не нужна вовсе, что грамотный мужикъ не будетъ заниматься крестьянствомъ, а пойдетъ или въ писаря или въ сидѣльцы въ кабакъ, и пользы отъ него для общества не будетъ никакой. Нѣкоторые настаивали на введеніи въ школахъ преподаванія церковно-славянскаго языка, но, разумѣется, всѣ эти возраженія не выдерживали никакой критики.

Крестьяне отнеслись къ открытію школъ сначала довольно равнодушно, не высказывали при этомъ особеннаго удовольствія, но и вѣскихъ возраженій не представляли. Но вскорѣ отношенія ихъ къ школѣ совершенно измѣнились: съ слѣдующаго же года начали поступать отъ крестьянъ заявленія съ просьбами объ открытіи новыхъ школъ, на которыя съ ихъ стороны предлагались пожертвованія, то лѣсомъ, то работой, то въ видѣ содержанія на ихъ счетъ учителей: очевидно, они начали сознавать необходимость и пользу грамотности. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ стали открывать такъ называемыя школы грамотности, нанимая для этого учителей. Земство оказывало со своей стороны небольшое пособіе этимъ школамъ. Кое-кто, человѣка два, три изъ помѣщиковъ открыли школы на собственный счетъ съ небольшимъ пособіемъ отъ земства. Конечно, открытіе школъ шло не особенно быстро,

частью по ограниченности земскихъ средствъ, а частію по недостатку подготовленнаго учительскаго персонала. Въ школахъ обучали большею частію семинаристы; кое-гдѣ были отставные чиновники, оставшіеся за штатомъ за упраздненіемъ нѣкоторыхъ присутственныхъ мѣстъ, частію бывшіе писаря; кое-гдѣ обучали дочери сосѣднихъ помѣщиковъ. Все это были люди или совсѣмъ неподготовленные или подготовленные очень мало въ смыслѣ педагогическомъ. Чтобы помочь этому горю, губернское земство по предложенію кашинскаго гласнаго П. Н. Максимовича рѣшило открыть въ Твери учительскую женскую семинарію, на что Максимовичемъ былъ пожертвованъ довольно значительный капиталъ. Затѣмъ въ Торжкѣ на счетъ губернскаго земства была открыта мужская учительская семинарія съ трехлѣтнимъ курсомъ.

Эти два учебныя заведенія, функціонирующія и до сихъ поръ, вскорѣ стали давать земству хорошо подготовленныхъ учителей и учительницъ, и дѣло народнаго образованія стало развиваться довольно быстро въ соразмѣрности со средствами земствъ. Земскія школы тогда находились только въ вѣдѣніи самого земства, не подчиняясь никакому постороннему давленію ни со стороны общей администраціи, ни учебной.

Всѣ ограниченія въ этомъ отношеніи развились уже впослѣдствіи, подъ вліяніемъ соображеній, совершенно чуждыхъ для земства.

Въ очередномъ собраніи 1866-го года мною былъ представленъ проектъ организаціи земско-медицинской помощи для народа. Дѣло это было довольно трудное. Нигдѣ на Западѣ мы не имѣли никакихъ прецедентовъ для этого, у себя дома также ничего до сихъ поръ не было сдѣлано въ этомъ направленіи, такъ что приходилось все творить сначала, не имѣя никакихъ образцовъ для руководства. Нужно было считаться не только съ ограниченностью земскихъ средствъ, но и съ массой предразсудковъ, существовавшихъ въ то время среди публики. Даже среди людей довольно развитыхъ упорно поддерживалось мнѣніе, что крестьянамъ не нужна правильная медицинская помощь, что они не пойдутъ лѣчиться въ больницу, и что при условіяхъ ихъ быта всякое лѣченіе сведется къ нулю. Даже въ медицинскомъ уставѣ того времени, а можетъ быть и теперь, еще существовала статья, въ которой выражалалось, что при простотѣ и однообразіи крестьянской жизни, ихъ болѣзни очень несложны и не требуютъ особаго лѣченія, а потому и совѣтовалось лѣчить

ихъ средствами простыми, преимущественно изъ растительнаго царства, собираемыми на мѣстѣ черезъ фельдшеровъ и другихъ лицъ.

Составители этой курьезной статьи вѣроятно забыли или, можетъ быть, не знали, что сифилисъ царитъ во многихъ селеніяхъ, поражая нерѣдко цѣлыя семьи, что золотуха, рахитизмъ и другія дѣтскія болѣзни уносятъ болѣе пятидесяти процентовъ дѣтскаго населенія ранѣе достиженія дѣтьми пятилѣтняго возраста, что глазныя болѣзни въ родѣ трахомы господствуютъ во многихъ мѣстностяхъ эпидемически, что въ случаяхъ эпидемій населеніе вымираетъ безъ всякой помощи, что невѣжественныя бабки-повитухи портятъ здоровье бѣдныхъ рожепицъ и губятъ новорожденныхъ своими дикими пріемами. При такой постановкѣ дѣла нельзя было задаваться широкими планами о приглашеніи въ уѣздъ большого числа врачей, объ устройствѣ нѣсколькихъ больницъ въ немъ, гдѣ бы крестьяне получали правильную медицинскую и хирургическую помощь. Пришлось ограничиться устройствомъ медицинской помощи по такъ называемой разъѣздной системѣ, которая была принята потомъ почти во всѣхъ земствахъ.

На первое время предположено было устроить въ уѣздѣ пять фельдшерскихъ пунктовъ для амбулаторнаго пріема больныхъ и пригласить двухъ врачей, которые не менѣе трехъ разъ въ мѣсяцъ должны были объѣзжать пункты своего района, какъ для пріема больныхъ, такъ и для наблюденія за фельдшерами. Городскую больницу, которая должна была перейти въ земство, предположено было реорганизовать на основаніяхъ, о которыхъ будетъ сказано ниже. При каждомъ фельдшерскомъ пунктѣ долженъ быть фельдшеръ и запасъ медикаментовъ для амбулаторнаго лѣченія и отъ двухъ до четырехъ кроватей. Въ случаѣ эпидеміи врачи и фельдшера должны были выѣзжать на мѣсто ея для поданія помощи. Какъ это дѣлалось и къ какимъ привело результатамъ, увидимъ сейчасъ. Въ случаѣ приглашенія на трудные роды врачи должны были также выѣзжать для поданія помощи. Кромѣ того, предполагалось пригласить въ уѣздъ двухъ или трехъ акушерокъ.

Проектъ этотъ вызвалъ самыя оживленныя пренія. Даже между крестьянами нашлись лица, возстававшія противъ него. Особенно сильныя возраженія вызвало предложеніе о приглашеніи акушерокъ. „Намъ бабешекъ не нужно“, какъ энергически выразился одинъ изъ крестьянскихъ гласныхъ: „вотъ фельдшеръ, чтобы поставить банки—это дѣло хорошее, а больше намъ ни-

чего не нужно". Въ такомъ же почти родѣ были возраженія со стороны нѣкоторой части интеллигенціи. Правду сказалъ поэтъ:

„Въ насъ подъ кровлею отеческой
Не запало ни одно
Жизни чистой, человѣческой
Плодотворное зерно".

Послѣ долгихъ и бурныхъ преній пришлось отказаться отъ приглашенія акушерокъ и нѣсколько измѣнить первоначальный планъ расположенія лѣчебницъ. Такъ, вмѣсто лѣчебницы въ селѣ Сергіевскомъ въ южной части уѣзда постановлено открыть лѣчебницу въ селѣ Будовѣ въ сѣверной части его. Послѣднее было сдѣлано въ видѣ компромисса съ довольно вліятельнымъ гласнымъ Мячковымъ, который заявилъ, что въ случаѣ несогласія на это управы, весь проектъ будетъ отвергнутъ.

Для спасенія дѣла пришлось согласиться на эту уступку, хотя Будово, отстоящее отъ города всего на двадцать верстъ на Московско-Петербургскомъ шоссе, нуждалось въ больницѣ менѣе болѣе отдаленныхъ мѣстъ уѣзда. Наконецъ проектъ былъ принятъ и на содержаніе всей медицинской части ассигновано было пять тысячъ рублей. Съ такими скудными средствами было положено начало дѣлу, которое, какъ оказалось, было вызвано не призрачною, а настоятельною и дѣйствительною потребностью народной жизни и, развиваясь съ каждымъ годомъ, достигло въ настоящее время такихъ широкихъ размѣровъ.

Въ началѣ 1867-го года приступлено было къ устройству лѣчебницъ. До того времени существовала въ уѣздѣ одна лѣчебница въ селѣ Козицынѣ, устроенная бывшей сестрой милосердія Кресто-Воздвиженской общины Екатериной Михайловной Бакуниной на собственныя средства въ 1861-мъ году [1]). Кромѣ амбулаторнаго пріема въ ней было четыре кровати для постоянныхъ больныхъ.

Содержалась она на счетъ г-жи Бакуниной, кромѣ того изъ Кабинета Государыни Императрицы выдавалось ежегодно по двѣсти рублей на поддержаніе ея.

Е. М. Бакунина была первою русскою сестрою милосердія и сотрудницей Н. И. Пирогова въ Севастополѣ, а потомъ начальницей сестеръ милосердія Кресто-Воздвиженской общины до 1861 года и работала тамъ подъ руководствомъ врача общины Тарасова. При своемъ свѣтломъ умѣ и обширномъ разносто-

[1]) Исторія ея описана мною въ іюльской книжкѣ „Вѣстника Европы" за 1897 годъ, въ „Воспоминаніяхъ о Ек. Мих. Бакуниной".

роннемъ образованіи она подъ руководствомъ этихъ двухъ наставниковъ пріобрѣла навыкъ въ распознаваніи и лѣченіи какъ внутреннихъ, такъ и въ особенности хирургическихъ болѣзней и, вернувшись въ 1861 году въ свое наслѣдственное имѣніе Козицыно, рѣшила посвятить остатокъ своей жизни дѣлу медицинской помощи народу.

Основанная ею лѣчебница скоро пріобрѣла извѣстность и довѣріе среди крестьянъ, стекавшихся туда цѣлыми сотнями. Какъ только былъ утвержденъ проектъ организаціи земской медицины, земство, по предложенію Е. М. Бакуниной, приняло эту лѣчебницу въ число земскихъ и назначило туда фельдшера. При этомъ лѣчебница продолжала содержаться на счетъ Бакуниной, а средства, ассигнуемыя земствомъ, пошли на расширеніе ея дѣятельности: число кроватей было увеличено съ четырехъ до восьми, расширено самое зданіе лѣчебницы, сдѣланы многія улучшенія въ ея содержаніи.

Приблизительно по типу ея были устроены и другія земскія лѣчебницы: лѣчебница въ деревнѣ Мошнахъ, въ деревнѣ Сосновицахъ и селѣ Будовѣ были устроены въ наемныхъ помѣщеніяхъ, для лечебницы въ деревнѣ Локотцахъ владѣльцемъ этого имѣнія С. И. Смирновымъ былъ пожертвованъ небольшой домъ въ своей усадьбѣ. При каждой лѣчебницѣ было устроено по четыре постоянныхъ кровати для нѣкоторыхъ случаевъ.

Главнымъ затрудненіемъ при устройствѣ лѣчебницъ былъ крайній недостатокъ мало-мальски порядочныхъ и образованныхъ фельдшеровъ. Фельдшерскихъ школъ, какія развились впослѣдствіи, тогда еще не существовало. Было нѣсколько военно-фельдшерскихъ школъ, въ которыхъ давалось довольно сносное по тому времени фельдшерское образованіе. Хотя фельдшера эти, привыкшіе дѣйствовать въ правильно организованныхъ госпиталяхъ и лазаретахъ, не вполнѣ удовлетворяли требованіямъ земской дѣятельности, но все-таки приходилось обращаться къ нимъ, какъ къ наиболѣе добропорядочному элементу. При нѣкоторыхъ большихъ гражданскихъ больницахъ были также фельдшерскія школы, по программамъ и объему преподаванія стоявшія ниже школъ военныхъ.

Почти общій недостатокъ всѣхъ тогдашнихъ фельдшеровъ было поклоненіе Бахусу; рѣдко можно было найти человѣка безупречнаго въ этомъ отношеніи. Въ одну изъ лѣчебницъ, Локотецкую, пришлось пригласить фельдшера изъ такъ называемыхъ ротныхъ фельдшеровъ, обучавшихся обыкновенно въ

полковыхъ лазаретахъ. Къ сожалѣнію, субъектъ этотъ оказался не только мало свѣдущимъ, но и крайне нетрезвымъ.

Въ лѣчебницу въ селѣ Будовѣ являлось очень мало больныхъ, такъ какъ въ этомъ огромномъ селѣ, растянувшемся на протяженіе двухъ верстъ, и въ окрестныхъ деревняхъ жили по преимуществу старообрядцы, неохотно прибѣгавшіе тогда къ медицинской помощи. По моему предложенію управа рѣшила обратить эту лѣчебницу въ спеціально сифилитическую. Такъ какъ число сифилитиковъ въ уѣздѣ, требовавшихъ больничнаго лѣченія, было довольно велико, и только небольшая часть ихъ могла пользоваться въ городской больницѣ, нанятый же для Будовской лѣчебницы домъ могъ вмѣстить въ себѣ свободно до пятнадцати человѣкъ больныхъ, но и рѣшено было устроить тамъ филіальное сифилитическое отдѣленіе, тѣмъ болѣе, что Будово, находясь въ двадцати двухъ верстахъ отъ города на шоссе, имѣло удобное сообщеніе съ городомъ, и завѣдующій этимъ участкомъ врачъ могъ посѣщать ее четыре и болѣе разъ въ мѣсяцъ. По моему предложенію былъ приглашенъ туда знакомый съ лѣченіемъ сифилитиковъ фельдшеръ, служившій въ Петербургской Калинкинской больницѣ. Нужно сказать, что въ то же время по моему предложенію земство постановило всѣхъ сифилитиковъ, нуждающихся въ больничномъ лѣченіи, лѣчить въ больницѣ безплатно на земскій счетъ, а въ 1868-мъ году былъ изданъ законъ, установившій для всѣхъ земствъ безплатное лѣченіе сифилитиковъ.

По проекту, утвержденному земствомъ, городская больница, состоявшая въ вѣдомствѣ Приказа общественнаго призрѣнія, должна была, по принятіи ея отъ Приказа, составить, такъ сказать, центральную больницу Новоторжскаго земства. Передача этой больницы въ земство встрѣтила препятствіе со стороны городского управленія, считавшаго ее почему-то собственностью города, хотя городъ не тратилъ на содержаніе ея ни копѣйки. Переписка по этому дѣлу длилась нѣсколько мѣсяцевъ, наконецъ, городъ долженъ былъ отказаться отъ своихъ фиктивныхъ правъ на нее, по рѣшенію высшей администраціи.

По принятіи больницы въ земство тотчасъ же приступили къ устраненію ея недостатковъ: было устроено женское отдѣленіе на двадцать кроватей, старыя деревянныя койки замѣнены желѣзными, устроена комната для операцій и ванная, пріобрѣтены необходимые инструменты для операцій, такъ что въ теченіе года больница приняла довольно удовлетворительный видъ. При ней былъ также открытъ амбулаторный пріемъ больныхъ.

Сначала ею завѣдывали оба врача по очереди, такъ что въ день выѣзда одного изъ нихъ въ уѣздъ для осмотра фельдшерскихъ пунктовъ, больныхъ осматривалъ другой врачъ, остававшійся въ это время въ городѣ. Порядокъ этотъ скоро оказался неудобнымъ, и для завѣдыванія городской больницей въ 1869-мъ году былъ приглашенъ особый врачъ, а участковые врачи, завѣдуя своими пунктами, должны были являться въ больницу, когда были въ городѣ, только для амбулаторнаго пріема.

Кромѣ обыкновенныхъ больныхъ въ эту больницу перевозились изо всѣхъ пунктовъ тѣ больные, которые требовали большихъ операцій, и въ ней же лѣчились сифилитики со всего уѣзда. Сифилитическое отдѣленіе въ Будовѣ просуществовало не болѣе года, такъ какъ крестьяне, боясь огласки, поступали туда крайне неохотно.

Вмѣсто него была открыта лѣчебница съ шестью кроватями въ селѣ Сергіевскомъ въ южной части уѣзда. Въ устройствѣ ея принялъ большое участіе сосѣдній землевладѣлецъ В. П. Тыртовъ, помогавшій земству какъ и матерьяльными пособіями, такъ и своимъ нравственнытъ вліяніемъ на окрестныхъ жителей. Въ 1868-мъ году фельдшерскій пунктъ изъ деревни Локотцы по тѣснотѣ помѣщенія былъ переведенъ въ село Прямухино, въ которомъ владѣльцы имѣнія Бакунины уступили довольно обширный домъ, гдѣ, кромѣ амбулаторіи, было также устроено шесть постоянныхъ кроватей. Содержаніе больныхъ отпускалось на счетъ земства.

Лѣтомъ 1867-го года вся южная и западныя части уѣзда были охвачены эпидеміей сыпного и возвратнаго тифа. Всего въ теченіе лѣта было болѣе трехъ тысячъ больныхъ. Деревни, въ которыхъ были больные, посѣщались врачами, но къ сожалѣнію никакихъ дѣятельныхъ мѣръ къ прекращенію болѣзни и къ ограниченію ея распространенія принять было невозможно. Все дѣло ограничивалось выдачею лѣкарствъ, большею частью хинина и соляной кислоты, совѣтами обмывать больныхъ холодной водой и соблюдать вокругъ нихъ возможную чистоту; но наблюдать за соблюденіемъ этихъ мѣръ было некому. Участковые фельдшера могли только урывками посѣщать эти деревни; врачи тоже рѣдко имѣли возможность посѣтить охваченныя эпидеміей селенія больше двухъ разъ въ мѣсяцъ, хотя почти каждый день въ теченіе двухъ мѣсяцевъ выѣзжали въ уѣздъ. Діагнозъ фельдшерами часто ставился неправильно, иногда даже наугадъ. Они не всегда умѣли отличить сыпной тифъ отъ возвратнаго, а одинъ изъ нихъ (Локотецкій) обыкновенно послѣ

посѣщенія какой-нибудь пораженной эпидеміей деревни докладывалъ, что въ ней появилась „скарлатина съ сильной слабостью“.

Изоляцію больныхъ отъ здоровыхъ устроить было невозможно. Хотя почти въ каждой деревнѣ были свободныя избы, но отдѣлить въ нихъ больныхъ было очень затруднительно, такъ какъ ходить за ними было некому: эпидемія развилась въ самое рабочее время, когда каждая минута дорога для крестьянина, сидѣлокъ же для больныхъ найти было невозможно, вслѣдствіе чего мы не особенно настаивали па изоляціи, встрѣчая къ тому же въ этомъ сильное сопротивленіе крестьянъ. Въ одномъ селеніи крестьяне даже поколотили старосту, очень рьяно настаивавшаго на выполненіи въ точности этой мѣры.

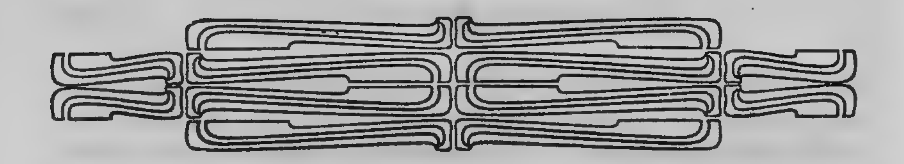
Прибѣгать къ содѣйствію полицейской власти было болѣе чѣмъ опасно: этимъ путемъ можно было только отвратить крестьянъ отъ себя. Вообще мы постоянно старались избѣгать содѣйствія полиціи по причинѣ тогдашней грубости, неумѣлости и недобросовѣстности низшаго полицейскаго персонала.

Когда года черезъ два послѣ этого въ городѣ развилась сильная эпидемія скарлатины, и предложено было составлять статистическія карточки о заболѣвающихъ, городская санитарная комиссія имѣла неосторожность обратиться для этого къ содѣйствію полиціи. Тогда я наткнулся въ одномъ домѣ на такую сцену: пріѣхавъ туда утромъ, я встрѣтилъ въ передней полицейскаго служителя. На мой вопросъ, что онъ тутъ дѣлаетъ, онъ отвѣчалъ, что ему приказано слѣдить, когда умрутъ больные, чтобы донести объ этомъ по начальству.

Вошедшій въ это время въ переднюю хозяинъ дома чуть не со слезами на глазахъ просилъ меня избавить его отъ посѣщеній этого господина, такъ какъ онъ, являясь каждое утро въ домъ, обыкновенно сидѣлъ до тѣхъ поръ, пока ему не давали гривенникъ или пятиалтынный. Конечно, я сейчасъ же отправился въ комиссію и настоялъ на избавленіи больныхъ отъ такихъ лишнихъ посѣтителей.

Сообщ. **Н. Д. Романовъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).



Къ біографіи митрополита московскаго Платона Левшина.

По случаю исполнившагося 11 ноября 1912 г. столѣтія со дня смерти митрополита московскаго Платона Левшина,—едва-ли не замѣчательнѣйшаго проповѣдника и представителя церковной науки своего времени,—въ органѣ С.-Петербургской духовной академіи — „Христіанское Чтеніе“ профессоръ академіи Б. В. Титлиновъ помѣстилъ біографію этого іерарха (въ ноябрьской книжкѣ „Хр. Чт.“ 1912 г.— „Московскій митрополитъ Платонъ (Левшинъ) и его участіе въ церковно-правительственной дѣятельности своего времени“). Въ этой статьѣ проф. Титлинова останавливаетъ на себѣ вниманіе одно обстоятельство, весьма важное для біографіи митрополита Платона и характеристики его личности, но невѣрно освѣщенное авторомъ. Проф. Титлиновъ съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ останавливается на перемѣнѣ, происшедшей въ судьбѣ Платона въ 1776 г., удалившей его отъ двора и превратившей его изъ ловкаго, обходительнаго и очень осторожнаго придворнаго въ „брюзжащаго отставного церковнаго сановника“. Перемѣну эту почтенный авторъ пытается объяснить просто тѣмъ, что съ извѣстной поры Платонъ началъ „брюзжать“, обнаруживать недовольство церковно-правительственной политикой того времени, и слухи объ этомъ „брюзжаніи“ Платона дошли до свѣдѣнія императрицы, оставшейся этимъ недовольной. Но отъ такого объясненія не становится яснѣе вопросъ: почему же осторожный придворный въ одинъ прекрасный моментъ пересталъ вдругъ быть осторожнымъ и сталъ громко высказывать свое недовольство; очевидно, была особая внѣшняя причина, побудившая Платона быть недовольнымъ и сильно почувствовать это недовольство.

Для разрѣшенія этого вопроса автору,—писавшему свою статью почти исключительно по автобіографіи Платона и изданной перепискѣ его,—слѣдовало бы обратиться къ общеисторическимъ изслѣдованіямъ и матеріаламъ, касающимся той эпохи;

вѣдь Платонъ довольно долгое время стоялъ слишкомъ близко ко двору Екатерины II, чтобы не быть запутаннымъ въ сложныхъ обстоятельствахъ тогдашней придворной жизни. И дѣйствительно, въ 1776 г. былъ особый поводъ для неудовольствія Екатерины на Платона, погубившій дальнѣйшую карьеру Платона, и отсюда-то начинается и „брюзжаніе" опальнаго іерарха.

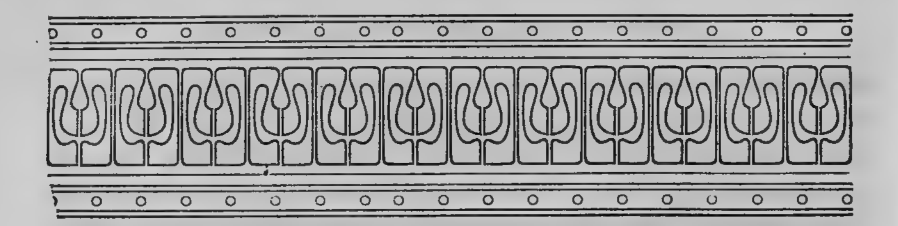
Первая жена наслѣдника престола Павла Петровича,—Наталія Алексѣевна была духовной дочерью Платона и вмѣстѣ съ тѣмъ для него „особой благопріятнѣйшей благодѣтельницей", а между тѣмъ Екатерина не взлюбила своей невѣстки и заподозрила ее въ измѣнѣ мужу. Когда въ апрѣлѣ 1776 г. Наталія Алексѣевна умерла, Екатерина, чтобы умѣрить печаль Павла, показала ему компрометтирующую переписку покойной жены его и этимъ значительно излѣчила его отъ скорби и посодѣйствовала скорому заключенію второго его брака [1]). Платонъ же, видимо, очень симпатизировалъ покойной великой княгинѣ: онъ,—имѣвшій „неотступное при смерти умирающей княгини пребываніе" и напутствовавшій ее въ другую жизнь исповѣдью и св. причастіемъ,—могъ быть очень полезенъ императрицѣ въ этихъ щекотливыхъ семейныхъ обстоятельствахъ ея; между тѣмъ онъ пребывалъ въ замѣтной печали по поводу смерти своей духовной дочери и почтилъ ея „святую" для него память надгробнымъ словомъ [2]). Словомъ, Платонъ не захотѣлъ или не сумѣлъ услужить императрицѣ, когда это отъ него потребовалось, а, можетъ быть, и прямо покрывалъ грѣхъ умершей. Екатерина, умѣвшая изо всего извлекать для себя пользу, данными обстоятельствами убѣдилась, что Платонъ ей не нуженъ и даже лишній при ея дворѣ; поэтому-то его уже не сдѣлали духовникомъ второй супруги Павла и постепенно оттерли отъ двора. Когда Платонъ увидѣлъ, что роль его при дворѣ кончена, онъ утратилъ свою прежнюю осторожность и осмотрительность и началъ—постепенно все больше и больше—выражать свое недовольство порядками.

Владиміръ Пархоменко.

---

[1]) См. въ изслѣдованіи А. А. Васильчикова—„Семейство Разумовскихъ", Спб., 1880 г., срв. у Д. Ѳ. Кобеко—„Цесаревичъ Павелъ Петровичъ", Спб., 1883 г. (2-е изд.); за неимѣніемъ въ данный моментъ этихъ книгъ подъ руками, лишенъ возможности привести изъ нихъ точныя выдержки.

[2]) Намеки есть и въ извѣстной автору автобіографіи Платона (во 2 ч. кн. Снегирева „Жизнь Москов. м—та Платона"—въ 4 изд., Спб., 1891 г., стр. 231—232), но этихъ намековъ авторъ не уяснилъ себѣ и потому не придалъ имъ значенія.



Годы службы моей въ Варшавскомъ учебномъ округѣ и эпизоды учебнаго быта.

ГЛАВА I.

Отправленіе и прибытіе на службу въ Конинъ.

(Воспоминанія педагога).

Я окончилъ курсъ въ университетѣ св. Владиміра, по историко-филологическому факультету, въ 1866 году. Послѣ сдачи послѣдняго экзамена и присужденія мнѣ диплома, я поспѣшилъ подать прошеніе о назначеніи меня на должность учителя гимназіи. Чтобы вѣрнѣе получить мѣсто, я подалъ прошеніе о предоставленіи мнѣ должности учителя одновременно въ нѣсколько учебныхъ округовъ. И такъ какъ раньше другихъ округовъ я получилъ отъ попечителя Варшавскаго учебнаго округа назначеніе меня на должность учителя русскаго языка, исторіи и географіи Россіи и Царства Польскаго въ Конинское уѣздное педагогическое училище, то я и принялъ это назначеніе. Помню, что и товарищи и родственники мои были удивлены рѣшимостью моею ѣхать на службу на окраину Россіи и въ край, едва только умиротворенный послѣ возстанія; многіе изъ товарищей моихъ предсказывали мнѣ скорое бѣгство мое изъ Царства Польскаго обратно въ Кіевъ; но я прослужилъ въ этомъ краѣ 37 лѣтъ. Въ немалое смущеніе привело меня назначеніе въ г. Конинъ; долго пришлось мнѣ искать мою резиденцію по картѣ: Конинъ, находящійся въ 12 верстахъ отъ прусской границы и таможни Пайзернъ, принадлежалъ въ то время къ уѣзднымъ городамъ Варшавской губерніи, а съ образованіемъ Калишской губерніи былъ причисленъ къ этой послѣдней.

Назначеніе на должность было получено мною 22 октября, а перваго ноября я покинулъ Кіевъ и отправился къ мѣсту моего назначенія.

Въ то время отъ Кіева до Варшавы желѣзной дороги еще не было и мнѣ предстояло совершить переѣздъ на перекладной, къ счастію, мнѣ представился случай совершить мой переѣздъ болѣе удобнымъ способомъ, въ омнибусѣ, привозившемъ въ Кіевъ какую-то высокопоставленную особу и возвращавшемся порожнякомъ въ Варшаву.

Хотя до назначенія меня на должность я не выѣзжалъ изъ Кіева за черту города, но переѣздъ мой отъ Кіева до Варшавы не оставилъ во мнѣ особаго впечатлѣнія и не былъ богатъ фактами: особое вниманіе мое привлекло мѣстечко Коростень, въ которомъ я искалъ слѣдовъ историческихъ событій и воспоминаній объ этой бывшей столицѣ древлянъ и дѣятельности энергичной княгини Ольги; еще обращалъ на себя вниманіе губернскій городъ Житоміръ своею опрятностію, чистотою двухъэтажныхъ каменныхъ домиковъ, расположенныхъ на городской площади и главныхъ улицахъ, а также каменнымъ довольно обширнымъ гостинымъ дворомъ и своими церквами. Уже въ это время Житоміръ имѣлъ репутацію тихаго пристанища для отставныхъ чиновниковъ. Но наиболѣе сильное впечатлѣніе произвелъ на меня городъ Ровно: когда, при въѣздѣ въ городъ, я выглянулъ изъ омнибуса, то городъ представился мнѣ постигнутымъ наводненіемъ, при чемъ вода имѣла видъ густой, черной жидкости. При ближайшемъ наблюденіи оказалось, что всѣ улицы города, особенно площади, покрыты были густою, липкою грязью, высотою въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до полуаршина, такъ что колеса нашего омнибуса значительно погружались въ грязь и экипажъ двигался съ необыкновенною медленностью, едва вытаскивая колеса изъ грязи, особенно, если они попадали въ ухабы мостовой. Сожалѣю, что память моя не сохранила воспоминаній, какъ обитатели этого города совершали передвиженія по улицамъ и между домами; видимо я всецѣло былъ поглощенъ наблюденіемъ надъ плаваніемъ нашего экипажа по грязному морю и балансированіемъ его при погруженіи въ ухабы.

Хотя юго-западный край представлялъ и въ это время пеструю картину населенія, состоящаго изъ русскихъ, поляковъ и евреевъ, но во всемъ пройденномъ мною пути, отъ Кіева до Бреста включительно, чувствовалось нахожденіе въ предѣлахъ родного края, среди населенія, говорящаго по-русски;

чувствовались вездѣ русскіе административные порядки; но картина рѣзко измѣнилась, едва мы миновали Брестъ-Литовскъ и въѣхали въ мѣстечко Тересполь, лежащее на границѣ Царства Польскаго. Какъ при въѣздѣ въ иностранное государство, насъ подвергли таможенному осмотру, энергично допрашивали, не веземъ ли мы чаю, сахару, особенно табаку, засвидѣтельствовали наши паспорта, выдали намъ какіе-то пропускные листы, на непонятномъ для насъ польскомъ языкѣ, и только послѣ этого мы двинулись въ дальнѣйшій путь. Это непривѣтливое впечатлѣніе при въѣздѣ въ Царство Польское еще болѣе усилилось наблюденіемъ надъ мѣстнымъ населеніемъ: мѣстечко Тересполь утопало въ грязи не менѣе города Ровно, а населеніе его, состоящее преимущественно изъ евреевъ, представляло верхъ бѣдноты и неряшливости. Здѣсь я впервые видѣлъ настоящихъ евреевъ въ грязныхъ лапсердахъ, съ пейсами, и особенно поразили меня еврейки съ стрижеными волосами и какими-то грязными, лоснящимися накладками на головахъ.

Варшава произвела на меня сильное впечатлѣніе: кромѣ Кіева, я другихъ большихъ городовъ не видѣлъ. Кіевъ же въ то время былъ малопредставительнымъ по внѣшности городомъ. Только правительственныя зданія, построенныя въ царствованіе императора Николая I, отличались монументальностію, своеобразностію и красотою стиля, да приводили каждаго въ умилительный восторгъ многочисленные Кіевскіе храмы; частныя же зданія, воздвигнутыя, большею частью, по планамъ архитектора Берета, не отличались ни грандіозностью, ни красотою и представляли изъ себя одноэтажныя или двухъэтажныя коробки, единственнымъ украшеніемъ которыхъ служили колонны на фронтовой части зданія, въ подъѣздахъ; при этомъ дома были неправильно разбросаны, между домами шли длинные деревяные заборы. Даже въ лучшей части города, на Крещатикѣ, были одноэтажные и деревянные домики, иногда съ мезониномъ и высокимъ крыльцомъ со стороны улицы, какъ, напримѣръ, домъ, въ которомъ помѣщался книжный магазинъ Литова. Площади представляли изъ себя песчаные оазисы, а мостовыя на улицахъ, даже главныхъ, были только по срединѣ, по обѣимъ же сторонамъ ихъ шли песчаныя обочины, вплоть до кирпичныхъ тротуаровъ, огражденныхъ отъ мостовой деревянными столбиками, на которыхъ въ торжественные дни разставлялись сальныя плошки, достаточно коптѣвшія во время горѣнія. Кіевъ въ то время не отличался

многолюдствомъ населенія: въ немъ было въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ около ста тысячъ жителей, въ началѣ же пятидесятыхъ годовъ, какъ значится въ изданной департаментомъ народнаго просвѣщенія „Географіи Россіи" Павловскаго, въ Кіевѣ было всего 47 тысячъ жителей.

Варшава была большой городъ, обстроенный на манеръ западно-европейскихъ городовъ. Трехъэтажные дома шли непрерывною линіей вдоль главныхъ улицъ; частные дома, правда, не отличались красотою стиля, но старинныя постройки, какъ, напримѣръ, дворцы польскихъ магнатовъ, обращенные въ правительственныя зданія, многочисленные костелы, гостиницы, какъ напримѣръ Европейская, величественныя зданія правительственныхъ театровъ, Большого и Малаго, отличались и грандіозностью и разнообразіемъ стиля, какъ постройки разныхъ эпохъ и вѣковъ. Во внѣшнемъ отношеніи городъ отличался чистотою и порядкомъ: дома были подкрашены, на улицахъ стояли многочисленные полицейскіе, въ чистыхъ форменныхъ мундирахъ; извозчики были парные и вполнѣ приличные; улицы порядочно вымощенныя, безъ ухабовъ и песчаныхъ пустырей. Одно только безобразило Варшаву, этотъ большой городъ не имѣлъ канализаціи и всѣ нечистоты изъ многочисленныхъ дворовъ, даже на главныхъ улицахъ, текли по рейнштокамъ, а на второстепенныхъ нечистоты выливались изъ дворовъ прямо на улицу, въ рейнштоки, которые представляли изъ себя небольшое углубленіе между оконечностями мостовой и тротуарами; по этимъ рейнштокамъ текли потоки жидкостей до того зловонные, что непривычный человѣкъ, особенно по утрамъ, когда сторожами еще не промыты и не прочищены были эти текущія клоаки, не могъ пройти по улицѣ, не заткнувши носъ платкомъ. Это зловоніе достигало невѣроятныхъ размѣровъ на тѣсныхъ улицахъ, особенно въ старой части города, на такъ называемомъ Старомъ мѣстѣ, густо населенномъ бѣднотой, переполнявшей до верху оригинальныя средневѣковыя постройки, часто пяти и шестиэтажные домики этой части города. Только въ концѣ Новаго Свѣта и на Уяздовской аллеѣ рейнштоки давали чувствовать себя менѣе. Но не смотря на это, Варшава была большой благоустроенный на европейскій ладъ городъ. Въ ней было свыше 240 тысячъ жителей и такъ какъ Варшава была соединена желѣзной дорогой съ Петербургомъ, Берлиномъ и Вѣной и стояла на перепутьи за границу, то коренное населеніе ея пополнялось десятками тысячъ проѣзжаго народу, поэтому, сравнительно съ Кіевомъ,

Варшава была шумнымъ и живымъ городомъ. Неудивительно, что я, вышедши изъ гостинницы побродить по городу, заблудился, и долго искалъ свою Польскую гостинницу, въ которой я остановился.

Кстати упомянуть, что за номеръ въ Польской гостинницѣ, правда расположенный на третьемъ этажѣ, я платилъ два съ половиною злотыхъ въ сутки ($37^1/_2$ коп.); теперь эти номера идутъ по полтора и два рубля въ сутки. Варшава вообще отличалась въ то время дешевизною жизни. Такъ, обѣдъ во всѣхъ почти ресторанахъ, за исключеніемъ аристократическихъ ресторановъ, какъ, напримѣръ, ресторанъ Европейской гостинницы, стоитъ два злотыхъ (30 копѣекъ), а въ нѣкоторыхъ даже и 25 копѣекъ. Обѣдъ обыкновенно состоялъ изъ 4 блюдъ, подавались супъ или борщъ, не избѣжная „штука мяса", съ хрѣномъ, горчицею и проч., т. е. отварное мясо изъ супа и борща, которое подовалось, какъ отдѣльное блюдо; далѣе слѣдовало „печень" т. е. жаркое различныхъ сортовъ, „лягоминъ", т. е. сладкое и въ заключеніе кофе. Въ кондитерскихъ стаканъ чаю или кофе стоило 5 коп., а въ трактирахъ стаканъ чаю стоилъ даже пентку ($2^1/_2$ коп.). Прислуги въ ресторанахъ и кондитерскихъ болѣе 5 коп. за услугу не давали, а теперь менѣе 15 коп. нельзя дать даже въ самыхъ посредственныхъ ресторанахъ. Правду сказать, прислугу избаловали мы, русскіе, привыкшіе задавать шику и бросать деньгами гдѣ нужно и не нужно. На сколько скромны были требованія мѣстной прислуги, подтвержденіемъ можетъ служить тотъ фактъ, что даже въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія можно было найти кухарку съ платою по десять злотыхъ, т. е. по полтора рубля, въ мѣсяцъ.

Жизнь въ Варшавѣ била ключемъ, Варшава была веселый городъ, изобилующей массою развлеченій и удобствъ жизни; но проживаніе въ этомъ городѣ для русскаго человѣка не было особенно пріятно. И на меня Варшава произвела угнетающее впечатлѣніе въ первый же день пребыванія моего въ ней. Побродивши по городу, я зашелъ, по данному мнѣ еще въ Кіевѣ, указанію, въ ресторанъ Саксонской гостинницы, лучшей въ то время послѣ Европейской гостинницы, съ цѣлью пообѣдать. Въ ресторанѣ я увидѣлъ множество народа, среди котораго было много обѣдавшихъ офицеровъ. Скромно усѣвшись за одинъ изъ столиковъ, я обратился къ первому проходившему мимо меня лакею съ просьбою дать мнѣ обѣдъ, но лакей пробѣжалъ мимо меня, не обративши никакого вниманія на мои слова. Я обратился съ той же просьбою еще къ нѣсколькимъ лакеямъ,

проходившимъ мимо меня, которые также не удостоили меня своимъ вниманіемъ, я попробывалъ заявить свою просьбу громче, но и это не произвело никакого впечатлѣнія. Тогда, просидѣвши за столикомъ минутъ десять, я обратился къ ближайшему возлѣ меня офицеру съ просьбою объяснить, почему мнѣ не даютъ обѣда, не понимаютъ меня, что ли. Любезный офицеръ подозвалъ лакея и сказалъ ему: „тенъ панъ проси о обядъ".—А, обядъ, отвѣтилъ лакей и началъ приносить мнѣ обѣдъ. Можно ли допустить, чтобы въ Варшавѣ, въ ресторанѣ, гдѣ всегда обѣдаетъ масса военныхъ, нашелся бы человѣкъ, который не понялъ бы такого обыденнаго слова, какъ слово обѣдъ, и при томъ созвучнаго польскому слову, „обядъ", или который, наконецъ, не догадался бы, что лицо, пришедшее въ обѣденную пору въ ресторанъ и усѣвшееся за столомъ, требуетъ обѣда. До того еще сильна была ненависть поляковъ къ русскимъ, что они не хотѣли даже отвѣчать на вопросы, обращенные къ нимъ не по-польски. Несмотря на такое отношеніе къ русскимъ поляковъ, я все же съ удовольствіемъ провелъ въ Варшавѣ нѣсколько дней, побывалъ въ Большомъ театрѣ на балетѣ и въ Маломъ на драмѣ. Драматическій театръ въ то время процвѣталъ въ Варшавѣ; въ немъ подвизалась на сценѣ знаменитая польская актриса Модржеевская, которую я видѣлъ въ коронной ея роли Адріаны де Кувреръ, въ драмѣ того же наименованія, и которая, хотя я не понималъ по-польски, произвела на меня своею игрою сильное впечатлѣніе; кромѣ Модржеевской, польскую сцену украшали знаменитые актеры: трагикъ Круликовскій и комикъ Жулковскій.—Менѣе впечатлѣнія произвелъ на меня балетъ, въ которомъ подвизалась извѣстная въ то время польская балерина Холевицкая, бывшая не первой молодости, не отличавшаяся красотою и очень худая, за то коръ-де-балетъ блисталъ молодостью, красотою и граціей.

Отдохнувши въ Варшавѣ два дня, я отправился къ мѣсту своего служенія, въ Конинъ, куда и прибылъ 7 ноября. Путь предстоялъ мнѣ отъ Варшавы до Кутно по желѣзной дорогѣ, а отъ Кутно до Конина въ срочной почтовой каретѣ.

ГЛАВА II.

Служба въ г. Конинѣ.

Конинъ произвелъ на меня благопріятное впечатлѣніе. Будучи уѣзднымъ городомъ, Конинъ по внѣшности могъ поспорить и съ нѣкоторыми губернскими городами, хотя онъ былъ неболь-

шой городокъ, имѣвшій не болѣе 7—8 тысячъ жителей. Вслѣдствіе близости къ прусской границѣ, Конинъ застроивался по заграничному типу: дома всѣ были каменные двухъэтажные, безъ интерваловъ и заборовъ; городъ имѣлъ двѣ довольно обширныя площади, на одной изъ площадей находилась ратуша и главный костелъ. Городъ пересѣкала довольно широкая рѣка Варта; въ концѣ города находился чудный тѣнистый паркъ, принадлежавшій мѣстному монастырю. Зданіе прогимназіи не отличалось ни красотою, ни обширностью. Первое представленіе мое инспектору прогимназіи привело меня въ немалое смущеніе. Я поступилъ на службу вскорѣ послѣ усмиренія польскаго возстанія, когда еще не вполнѣ было снято военное положеніе. Послѣ усмиренія польскаго возстанія, русскіе чиновники не боялись обнаружить мѣстному населенію свою силу и власть, поэтому не только къ начальству, но и вообще къ каждому русскому человѣку и русскому чиновнику поляки относились со страхомъ и боязнью и видѣли въ каждомъ русскомъ человѣкѣ, а особенно русскомъ чиновникѣ, наблюдателя за ними и крокодила, готоваго съѣсть ихъ. Такое впечатлѣніе произвелъ видимо и я на свое начальство, инспектора прогимназіи Соболевскаго, который встрѣтилъ меня не только любезно, но и робко; самъ снялъ съ меня мою баранью шубейку и самъ повѣсилъ ее на вѣшалку, чѣмъ привелъ меня въ великое смущеніе, когда я узналъ, что человѣкъ, совершившій такой актъ вѣжливости, былъ мой начальникъ. Но въ моментъ моего представленія мой начальникъ, кажется, перепуталъ наши роли: меня посчиталъ начальникомъ, присланнымъ надзирать за нимъ, а себя подчиненнымъ. Еще болѣе приниженный видъ имѣлъ мой предмѣстникъ, учитель русскаго языка Милковскій, глубокій старикъ, нѣсколько глуховатый. На мой вопросъ, что знаютъ по русскому языку мои ученики и какъ велось преподаваніе русскаго языка, учитель отвѣтилъ мнѣ очень неопредѣленно, при чемъ извинился, что хотя онъ преподавалъ русскій языкъ тридцать лѣтъ, но по-русски не говоритъ, а повелъ со мною бесѣду на польскомъ языкѣ. Это обстоятельство не мало удивило меня, но въ то же время и ободрило; если учитель Милковскій тридцать лѣтъ могъ преподавать русскій языкъ, не говоря по-русски, то тѣмъ болѣе я считалъ себя въ правѣ преподавать русскій языкъ, не говоря по-польски.

Прежде чѣмъ приступить къ разсказу о первыхъ шагахъ моей педагогической дѣятельности въ должности учителя русскаго языка конинскаго уѣзднаго пятикласснаго педагогическаго

училища, я считаю необходимымъ очертить положеніе мое въ Конинѣ, какъ русскаго человѣка и русскаго чиновника.

Положеніе мое, какъ человѣка, оторваннаго отъ семьи и брошеннаго изъ родного города на край русскаго государства, въ среду населенія, относившагося въ то время ко всему русскому съ нескрываемою ненавистію, хотя — подъ вліяніемъ еще не вполнѣ снятаго военнаго положенія—и раболѣпнаго предъ русскимъ чиновникомъ, было не изъ пріятныхъ. Это положеніе усиливалось еще тѣмъ обстоятельствомъ, что во всемъ городѣ русскихъ чиновниковъ было всего два человѣка—уѣздный военный начальникъ Крыжницкій и я, если не считать состава Каргопольскаго драгунскаго полка, квартировавшаго въ то время въ Конинѣ. Командиромъ полка былъ князь Щербатовъ; полкъ считался аристократическимъ, жилъ широкою жизнію, держался особнякомъ и, конечно, не сходился съ двумя русскими чиновниками, о существованіи одного изъ которыхъ офицерство едва-ли знало. Исключеніе составлялъ только полковой священникъ отецъ Янкевичъ; священникъ былъ вдовый; слѣдовательно, въ городѣ оставался для меня одинъ семейный домъ—уѣзднаго начальника Крыжицкаго, относившагося ко мнѣ тепло и сочувственно и въ семействѣ котораго я могъ отводить душу отъ тоски одиночества, тѣмъ болѣе, что Крыжицкій оказался кіевляниномъ и у насъ были общіе интересы и предметы воспоминаній. Квартированіе въ городѣ полка и существованіе, вслѣдствіе этого, полковой церкви, хотя и находившейся въ несоотвѣтственной для храма обстановкѣ, въ домѣ, гдѣ помѣщались также гостиница и ресторанъ, много скрашивали тоску одиночества и отчужденности отъ родины.

Мои товарищи по прогимназіи были, большею частію, древніе старики, люди отяжелѣвшіе, неподвижные, несклонные къ другой жизни, кромѣ замкнуто семейной, по этому сойтись мнѣ съ ними семейно было бы не легко, да никто изъ нихъ не высказалъ мнѣ желанія ввести меня въ свою семью. Изъ преподавателей болѣе близко сошелся я съ учителемъ всеобщей исторіи и географіи Шлезингеромъ, воспитанникомъ Московскаго университета, развитымъ и образованнымъ человѣкомъ, на столько прекрасно владѣвшимъ русскимъ языкомъ, что при прощаніи со мною, по случаю перевода моего изъ Конина въ Калишъ, онъ написалъ мнѣ на память стихотвореніе на русскомъ языкѣ; кромѣ того, я сошелся съ учителемъ рисованія и чистописанія, способнымъ преподавателемъ, красивымъ и элегантнымъ молодымъ человѣкомъ Подбѣльскимъ; оказывалъ

мнѣ еще большее вниманіе письмоводитель прогимназіи, очень часто посѣщавшій меня; но этотъ послѣдній, кажется, оказывалъ вниманіе преимущественно моему русскому гостепріимству. Прочіе товарищи держались какъ-то отчужденно. Князь Богуцкій и учитель математики Лакомый, оба отяжелѣвшіе субъекты, избѣгали сношеній со мною; учитель же естествовѣдѣнія принадлежалъ къ преподавателямъ, о которыхъ разсказываютъ столь невѣроятные анекдоты, что знакомство съ нимъ не имѣло никакой привлекательности; готовъ былъ сойтись со мною учитель нѣмецкаго языка Кэль, но препятствіемъ къ этому служило то обстоятельство, что Кэль, подобно гоголевскому Христіану Христіановичу, кромѣ нѣмецкаго языка, другого не употреблялъ; поляки товарищи не очень симпатично относились къ нему, какъ нѣмцу. Вообще же скажу, что отъ своихъ товарищей-поляковъ я не испытывалъ явно враждебнаго отношенія; можетъ быть причиною этого была моя молодость и мое доброжелательное отношеніе къ людямъ вообще и къ полякамъ въ частности, съ политическимъ настроеніемъ которыхъ я еще мало былъ знакомъ и ихъ іезуитизма и коварства еще не имѣлъ возможности испытать на себѣ. Въ общемъ положеніе мое было если не безнадежно тяжелое, то монотонное и тоскливое. Какъ я въ своемъ одиночествѣ вспоминалъ счастливое время студенческой жизни, не крѣпкія, простыя и доброжелательныя товарищескія отношенія и какъ въ этомъ одиночествѣ мнѣ хотѣлось сдѣлаться студентомъ и снова пройти кругъ студенческой жизни! Единственнымъ утѣшеніемъ въ моемъ одиночествѣ служила для меня переписка съ университетскими товарищами и родными. Эта переписка была такъ часта, что сблизила меня съ завѣдывающимъ почтовымъ отдѣленіемъ чиновникомъ полякомъ, который дружелюбно относился ко мнѣ и часто посѣщалъ меня на дому.

Я прибылъ на службу 7 ноября, и особенно тоскливо тянулось для меня зимнее время; это настроеніе оказалось съ особенною силою съ наступленіемъ 1867 года, когда, по случаю реформы единства казначействъ, прекращена была выдача жалованья до 1 марта. Легко можно представить человѣка, занесеннаго силою судьбы въ далекій и чуждый край и очутившагося въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ, даже безъ предварительнаго заблаговременнаго предупрежденія, безъ денегъ. Къ счастію, благодѣтелями въ этомъ случаѣ явились евреи, которые охотно, за хорошіе, конечно, проценты, снабжали мѣстныхъ чиновниковъ деньгами, пропорціонально жалованью каждаго,

въ надеждѣ навѣрное получить ихъ съ открытіемъ казначействъ. Лѣтомъ мое положеніе въ Конинѣ нѣсколько улучшилось: явилась возможность совершать прогулки въ окрестные лѣса и ближайшія мѣстности.

Мнѣ особенно памятна поѣздка въ мѣстечко Ляндекъ, находящееся верстахъ въ десяти отъ Конина. Въ эту поѣздку на меня произвелъ особенное впечатлѣніе осмотръ дивнаго костела, находящагося въ этомъ мѣстечкѣ. Этотъ костелъ грандіозныхъ размѣровъ, весь снаружи и внутри бѣлоснѣжный; внутри костела много свѣта; бѣломраморные алтари и цѣлые ряды мраморныхъ колоннъ и статуй святыхъ производятъ чарующее впечатлѣніе на посѣтителя. Въ Варшавѣ костеловъ я не посѣщалъ, и этотъ впервые видѣнный мною величественный католическій храмъ произвелъ на меня сильное впечатлѣніе. Не могу не вспомнить соединеннаго съ этимъ дивнымъ католическимъ храмомъ эпизода, о которомъ мнѣ разсказывалъ военный начальникъ Крыжицкій.

Во время возстанія главнѣйшіе акты дѣятельности повстанцевъ Конинскаго уѣзда проявлялись преимущественно въ окрестностяхъ мѣстечка Ляндекъ. Было извѣстно, что вождь повстанческихъ бандъ скрывается въ Ляндекѣ или вѣрнѣе въ находящемся въ немъ костелѣ; но администраторъ костела, его помощникъ и органистъ не внушали подозрѣнія и считались людьми болѣе или менѣе благонадежными.

Вслѣдствіе свѣдѣній, что начальникъ мѣстной повстанской организаціи скрывается въ Ляндѣнскомъ костелѣ, въ немъ неоднократно производился самый тщательный обыскъ, но безрезультатно. Наконецъ въ осмотрѣ костела рѣшилъ участвовать самъ военный начальникъ Крыжицкій, и на этотъ разъ осмотръ увѣнчался успѣхомъ и преступникъ былъ найденъ въ самомъ костелѣ. У католиковъ есть обыкновеніе во время нѣкоторыхъ богослуженій, какъ, напримѣръ, въ великую пятницу, устраивать въ костелѣ нѣчто въ родѣ мистерій: такъ въ означенный день устраивается въ одномъ изъ отдѣленій храма, предъ алтаремъ, Геѳсиманскій садъ, устанавливаемый елками и искусственными цвѣтами и деревьями, въ большихъ кадкахъ, а также и тропическими растеніями. За окончаніемъ надобности подобныя декоративныя украшенія обыкновенно хранятся въ храмѣ, въ удобномъ для этого мѣстѣ. Такъ и въ Ляндѣнскомъ костелѣ. Въ примыкающемъ къ храму коридорѣ, въ стѣнѣ, былъ устроенъ огромный шкафъ, въ которомъ и сохранялись въ высокихъ кадкахъ искусственные цвѣты и растенія. Каждый

разъ при обыскѣ въ костелѣ открывался этотъ шкафъ, и ревизующіе, увидѣвъ плотно, въ рядъ стоящія кадки съ цвѣтами и деревьями, довольствовались осмотромъ шкафа на взглядъ, не допуская мысли, чтобы среди кадокъ, въ узкомъ шкафу, могъ спрятаться за цвѣтами человѣкъ; но Крыжицкій велѣлъ выставить изъ шкафа цвѣты, и тотчасъ показались ноги искусно прижавшагося къ стѣнѣ человѣка. Эффектъ былъ неожиданный! Обнаружилось, что главный довудца мѣстной повстанческой организаціи ночью руководилъ движеніемъ и давалъ соотвѣтственныя распоряженія, днемъ же скрывался на колокольнѣ Лянденскаго костела; при приближеніи же опасности въ видѣ оцѣпленія костела воинскими командами и осмотра всѣхъ его помѣщеній, онъ искусно, потайными ходами, пробирался въ коридоръ, въ которомъ находился упомянутый шкафъ съ цвѣтами и деревьями, и прятался въ немъ, рискуя задохнуться отъ недостатка воздуха.

Устроился я къ Конинѣ, въ смыслѣ квартирной обстановки, вполнѣ удовлетворительно. Я нанялъ квартиру въ одномъ изъ лучшихъ домовъ въ Конинѣ, расположенномъ на городской площади, у богатой помѣщицы Б., очень красивой и интеллигентной женщины, имѣвшей милаго и благовоспитаннаго мальчика, состоявшаго ученикомъ четвертаго класса Конинской прогимназіи. Сношеній съ моей квартирной хозяйкой я никакихъ не имѣлъ, уплачивая квартирную плату черезъ прислугу; да, вѣроятно, моя красавица-хозяйка не имѣла расположенія ко всему вообще русскому и къ знакомству съ русскимъ человѣкомъ, какъ это можно заключить изъ слѣдующаго случая, разсказаннаго мнѣ Крыжицкимъ.

Противъ дома, въ которомъ жила г-жа Б., находилась полковая церковь; вслѣдствіе этого всѣ парады происходили на площади противъ ея квартиры. Крыжицкій неоднакратно замѣчалъ, что какъ только во время парада военный оркестръ начиналъ играть гимнъ: „Боже, Царя храни", въ квартирѣ г-жи Б. мгновенно опускались на всѣхъ окнахъ шторы. Видя въ этомъ проявленіе демонстративныхъ чувствъ и желая проучить г-жу Б. и предостеречь ее отъ подобныхъ выходокъ, Крыжицкій во время одного изъ парадовъ, когда шторы на окнахъ ея квартиры опустились, послалъ жандарма въ ея помѣщеніе и поручилъ ему предложить г-жѣ Б. немедленно выйти на балконъ и прослушать исполненіе гимна. Хорошо еще, что дѣло происходило лѣтомъ и можно было выйти на балконъ въ компатномъ одѣяніи.

Изобразивъ обстановку, въ которой я очутился въ Конинѣ,

и состояніе мѣстнаго общества, я долженъ приступить къ описанію моей педагогической дѣятельности и первымъ шагамъ ея. Но предварительно считаю долгомъ коснуться вопроса, на сколько я былъ подготовленъ къ предстоящей мнѣ педагогической дѣятельности. Не подлежитъ сомнѣнію, что ни гимназія, ни университетъ, хотя въ этомъ послѣднемъ и читался курсъ педагоги и дидактики, не давали практической подготовки къ педагогической дѣятельности. Я не только не былъ знакомъ практически съ методикой преподаванія предметовъ, но и самыя познанія мои по предметамъ, которые читались въ университетѣ, не соотвѣтствовали гимназическимъ программамъ и требованіямъ, ибо въ университетѣ чтеніе предметовъ отличалось большою спеціализаціей: ни по исторіи, ни по литературѣ весь предметъ не проходился, а читался только какой-нибудь періодъ или отдѣлъ; такъ, напримѣръ, профессоръ русской исторіи Ставровскій курсъ русской исторіи ограничивалъ разборомъ источниковъ русской исторіи и періодомъ древней Руси до удѣльнаго времени включительно; географія, конечно, вовсе не предавалась въ университетѣ. Большею полностью отличался курсъ русской словесности, излагаемый проф. Селинымъ, осмысленно и съ надлежащею полностью освѣщавшимъ явленія русской литературы древняго и новаго періодовъ. Такимъ образомъ студентъ, вступившій по окончаніи курса въ университетѣ на педагогическую дѣятельность, не только не былъ знакомъ съ методами преподаванія предметовъ, но и самыя познанія его по предметамъ, преподаваемымъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, не отличались ни полностью, ни законченностью. По счастливой случайности, я вступалъ на свое педагогическое поприще не безъ нѣкоторой подготовки. Такою подготовительною школою для меня служило репетиторство. Происходя изъ недостаточной семьи, я уже съ четвертаго класса гимназіи занимался репетиторствомъ. Въ бытность студентомъ, я имѣлъ иногда по три репетиціи въ день. Занятіе репетиторствомъ давало мнѣ возможность не только выработать пріемы преподаванія примѣнительно къ возрасту и познаніямъ моихъ учениковъ, но и обогащало самого меня тѣми элементарными познаніями, которымъ не мѣсто въ университетѣ, но которыя необходимы для преподавателя средняго учебнаго заведенія; вмѣстѣ съ тѣмъ, занимаясь съ однимъ или двумя учениками, я имѣлъ возможность изучать ихъ характеръ, наклонности и приспособляться къ ихъ индивидуальнымъ качествамъ. Кромѣ того, я почти въ теченіе года состоялъ преподавателемъ въ одной изъ кіевскихъ

воскресныхъ школъ. Такимъ образомъ я приступилъ къ своей педагогической дѣятельности уже съ нѣкоторымъ навыкомъ и опытностію, пріобрѣтенными, правда, самоучкою, безъ надлежащаго руководительства. Было еще одно счастливое обстоятельство, которое дало мнѣ возможность познакомиться съ пріемами и методами преподаванія русскаго языка въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Въ Кіевѣ, по инпціативѣ попечителя Кіевскаго учебнаго округа Ѳедора Ѳедоровича Витте, въ 1863 и 1864 годахъ, во время каникулъ, состоялся при университетѣ св. Владиміра многолюдный съѣздъ преподавателей русскаго языка и словесности среднихъ учебныхъ заведеній округа. Въ то время преподаваніе въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ шло шаблонно, не было у преподавателей выработанныхъ методовъ даже въ кіевскихъ гимназіяхъ, за немногими исключеніями. Если такъ шло преподаваніе въ губернскомъ городѣ и центральномъ пунктѣ округа, то легко представить, какіе педагогическіе экземпляры можно было встрѣтить на провинціи въ какомъ-нибудь Новгородъ-Сѣверскѣ или Бѣлой Церкви, гдѣ и какую-нибудь книгу, кромѣ учебной, съ трудомъ можно было найти; поэтому, мысль Витте созвать въ Кіевѣ съѣздъ преподавателей русскаго языка и словесности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ для выработки методовъ и программъ преподаванія русскаго языка и словесности была очень счастливой и плодотворной. Засѣданія съѣзда были доступны для студентовъ. Я усердно посѣщалъ всѣ засѣданія съѣзда. Интересны были эти съѣзды какъ по существу ихъ, такъ и по наблюденіямъ надъ педагогическимъ персоналомъ, которому ввѣрено было преподаваніе такого важнаго предмета, какъ русскій языкъ. Среди преподавателей, особенно провинціальныхъ, встрѣчались экземпляры не только ахраическіе, но и по истинѣ замѣчательные по своей отсталости и шаблонности въ преподаваніи. Въ то время въ гимназіяхъ преподавалась теорія прозы и поэзіи по знаменитому Зеленецкому, учебниковъ же русской литературы подходящихъ и совсѣмъ не было, такъ что преподавателю приходилось самому работать надъ изученіемъ произведеній русскихъ авторовъ и извлекать изъ такого изученія соотвѣтственныя гимназическому пониманію литературныя данныя.

Неудивительно, что большинство преподавателей ограничивались, въ лучшемъ случаѣ, толкованіемъ такихъ учебниковъ, какъ теорія прозы и поэзіи Зеленецкаго или теорія словесности Мипина; въ большинствѣ случаевъ преподаваніе словесности

ограничивалось задаваніемъ по учебнику „отъ сюда“—„до сюда“; а изученіе исторіи русской литературы состояло въ передачѣ краткой біографіи поэта и перечисленіи его произведеній, въ рѣдкихъ случахъ съ передачею содержанія главнѣйшихъ изъ нихъ. Легко представить, какимъ открытіемъ Америки было для многихъ преподавателей, особенно провинціальныхъ архаическаго типа, чтеніе на съѣздѣ болѣе передовыми преподавателями рефератовъ о методахъ преподаванія русскаго языка и словесности, чтеніе примѣрныхъ уроковъ русскаго языка и словесности, указаніе на необходимость ознакомленія учащихся съ самыми произведеніями изучаемыхъ авторовъ и извлеченія историко-литературныхъ данныхъ изъ разбора преподавателемъ этихъ произведеній въ классѣ, при активномъ участіи воспитанниковъ. Я никогда не забуду той искренней и пламенной исповѣди, съ которою одинъ изъ старыхъ провинціальныхъ педагоговъ обратился, при закрытіи съѣзда, съ выраженіемъ признательности къ предсѣдателю и иниціатору съѣзда, попечителю Витте, за устройство съѣзда, давшаго преподавателямъ возможность не только ознакомиться съ методами и пріемами преподаванія, но и пріобрѣсти свѣдѣнія, которыми они не могли обогатить себя по неимѣнію къ этому вспомогательныхъ средствъ въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ они состояли на службѣ десятки лѣтъ. Скромный ораторъ чистосердечно сознался, что до съѣзда онъ въ своей педагогической дѣятельности бродилъ въ темнотѣ и только во время съѣзда прозрѣлъ, обогатился свѣдѣніями и ознакомился съ наглядными и доступными пониманію учащихся способами преподаванія предмета. Полезное и благотворное значеніе имѣло для меня посѣщеніе этихъ засѣданій съѣзда. Вотъ та практическая и теоретическая подготовка, съ которой я началъ свою педагогическую дѣятельность.

Приступаю къ первымъ шагамъ моей педагогической дѣятельности въ Конинскомъ уѣздномъ училищѣ, или, какъ оно носило титулъ, въ конинскомъ уѣздномъ пятиклассномъ педагогическомъ училищѣ, хотя въ мое время оно состояло изъ четырехъ классовъ, такъ какъ пятый, педагогическій классъ, былъ закрытъ раньше.

Главное затрудненіе въ моей педагогической дѣятельности состояло въ томъ, что такъ какъ въ то время всѣ предметы, кромѣ русскаго языка, исторіи Россіи и географіи Россіи и Царства Польскаго, преподавались на польскомъ языкѣ и мой предмѣстникъ, учитель русскаго языка Милковскій, не владѣлъ русскимъ языкомъ, то мои ученики ничего не знали по-русски,

а я не говорилъ по-польски и даже не вполнѣ понималъ польскую рѣчь. По повѣркѣ мною познаній моихъ учениковъ оказалось, что они умѣютъ читать по-русски, но буквально на каждомъ словѣ дѣлаютъ ошибки въ удареніи и мало понимаютъ прочитанное. Много пришлось мнѣ положить труда для выясненія учащимся значенія русскихъ словъ; еще болѣе требовалось труда научить учениковъ правильно произносить слова по удареніямъ. Изъ дѣтства усвоенная учащимися привычка ставить, согласно польской граматикѣ, ударенію на предпослѣднемъ слогѣ влекла ихъ невольно примѣнять это правило и къ русскимъ словамъ. Съ особенною силою оказывалась эта привычка въ словахъ однозвучныхъ въ русскомъ и польскомъ языкѣ, какъ напримѣръ: во̀да по-польски и вода́ по-русски, бяда по-польски и бѣда̀ по-русски. Десятки разъ приходилось поправлять неправильно произнесенное удареніе, и ученикъ все-таки повторялъ свое во̀да; это страшно утомляло учителя, а подъ часъ и раздражало. Учителю приходилось непрерывно говорить и для большей вразумительности усиливать интонацію голоса. Такая работа особенно была тяжела, если при томъ учителю приходилось имѣть много уроковъ. Только впослѣдствіи установлено было для учителя русскаго языка опредѣленное число уроковъ, сперва восемнадцать, а потомъ пятнадцать. Въ началѣ же реформы, когда въ полной гимназіи полагалось всего два учителя русскаго языка, которые обязаны были преподавать русскій языкъ и словесность, русскую исторію и географію Россіи и Царства Польскаго, учителю приходилось иногда имѣть отъ 24 до 30 уроковъ. Послѣ четырехъ—пяти уроковъ усиленной горловой и умственной работы учитель приходилъ домой совсѣмъ разбитый.

Такимъ образомъ всѣ занятія мои въ классѣ первоначально ограничивались чтеніемъ русскаго текста, толкованіемъ словъ, пересказомъ по вопросамъ содержанія прочитаннаго и въ переводѣ русскаго текста на польскій языкъ и наоборотъ, что способствовало выясненію значенія русскихъ и польскихъ словъ. Письменныя работы состояли, главнымъ образомъ, въ русской диктовкѣ. Первоначальные опыты этихъ упражненій представляли экземпляры ошибокъ въ правописаніи не только въ каждомъ словѣ, но и нѣсколькихъ ошибокъ въ одномъ словѣ. Изученіе грамматики, по необходимости, ограничивалось распознаніями частей рѣчи, склоненіями и спряженіями русскихъ словъ. Завершеніемъ письменныхъ работъ было составленіе учащимися примѣровъ на употребленіе падежей и спряженій и на различные виды предложеній.

Съ такими познаніями по русскому языку закончили мои ученики учебный годъ, а ученики четвертаго класса получили и установленныя свидѣтельства объ окончаніи четырехъ классовъ училища. Такъ какъ ученики мои отличались прилежаніемъ и поведеніемъ, то я только двухъ—трехъ человѣкъ въ 4 классѣ не удостоилъ удовлетворительной отмѣтки по русскому языку, остальныхъ же 25 человѣкъ призналъ заслуживающими таковой отмѣтки, ибо они сдѣлали все, что можно было сдѣлать въ теченіе года при данныхъ обстоятельствахъ, и не вина была учениковъ, если ихъ довели до четвертаго класса безъ надлежащихъ познаній.

Первый годъ моей службы окончился благополучно и мирно. Учащіеся разстались со мною дружелюбно: преподаватели и ученики четвертаго класса снялись общей группой, и ученики поднесли мнѣ фотографическій снимокъ съ собственноручными подписями—этой чести, въ дальнѣйшей моей службѣ, я удостоивался не часто. По окончаніи учебнаго года я отправился въ родной городъ Кіевъ на каникулы. Проѣзжая чрезъ Лодзь, я рѣшилъ явиться къ начальнику Калишской учебной дирекціи, имѣвшему мѣстопребываніе въ Лодзи, которому я еще не представлялся при отправленіи на службу, вслѣдствіе отсутствія его. Въ то время начальникомъ Лодзинской учебной дирекціи былъ простодушнѣйшій нѣмецъ и добрѣйшій человѣкъ, Эрнестъ Карловичъ Бергъ. Начальнику дирекціи тогда были подчинены всѣ учебныя заведенія въ губерніи, не исключая мужскихъ и женскихъ гимназій и прогимназій, которыя только въ 1873 году, съ введеніемъ Высочайше утвержденнаго 30 іюля 1871 года устава гимназій и прогимназій, выдѣлены были изъ ихъ вѣдѣнія. Вотъ почему я счелъ долгомъ представиться начальнику дирекціи. Первыя слова, которыми меня встрѣтилъ Эрнестъ Карловичъ, былъ вопросъ: „какъ вамъ живется въ Конинѣ, не скучаете ли Вы“? Когда я выяснилъ Бергу, на сколько тяжело мое положеніе въ прогимназіи, гдѣ я являюсь единственнымъ русскимъ учителемъ и гдѣ въ самомъ городѣ нѣтъ русскихъ людей, Бергъ сказалъ мнѣ: „Ваше положеніе все же лучше, нежели положеніе бѣднаго Речинскаго въ Сѣрадзской прогимназіи; у Васъ въ городѣ квартируетъ полкъ, есть церковь; Речинскій же въ Сѣрадзѣ является единственнымъ русскимъ чиновникомъ; при томъ Сѣрадзь отвратительный городъ. Речинскій мнѣ сказалъ, прибавилъ Бергъ, что если онъ еще годъ пробудетъ въ Сѣрадзѣ, то онъ не ручается за свои умственныя способности. Онъ даже просилъ меня перевести его въ Конинъ“.

— Не желаете ли Вы перейти на службу въ калишскую женскую гимназію? Тогда на Ваше мѣсто я переведу Речинскаго?. Я изъявилъ полную готовность на такое перемѣщеніе и поблагодарилъ Берга.

Перемѣщеніе мое состоялось въ каникулы. Съ началомъ учебнаго года я заѣхалъ въ Конинъ только проститься съ товарищами и забрать свое несложное имущество. Переѣздъ между этими городами въ 54 версты я сдѣлалъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ.

III.

Служба въ Калишѣ.

Въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія Калишъ послѣ Варшавы принадлежалъ къ числу наиболѣе благоустроенныхъ городовъ Привислинскаго края. Положеніе Калиша въ двухъ верстахъ отъ прусской границы не могло не влiять на его внѣшность и благосостояніе. Калишъ былъ обстроенъ на заграничный манеръ двухъ- и трехъэтажными домами, идущими сплошною линіей, безъ перерывовъ и заборовъ, и хотя боковыя улицы его были узки и извилисты, но это не лишало его красоты и оригинальности. Въ центрѣ города находился чудный паркъ, посрединѣ котораго проходитъ мелководная и не широкая рѣка Просна; паркъ содержался въ образцовомъ порядкѣ. Въ паркѣ расположено грандіозное зданіе бывшаго кадетскаго корпуса, которое занято было квартирою губернатора и нѣкоторыми присутственными мѣстами. Въ паркѣ находился небольшой, но изящный монументъ въ память союза, заключеннаго въ Калишѣ 25 марта 1813 года между Императоромъ Александромъ I и прусскимъ королемъ Фридрихомъ Вильгельмомъ III. Такъ какъ Калишъ, со времени присоединенія его къ Россіи въ 1815 году, былъ административнымъ центромъ,—сперва воеводскимъ городомъ, а съ 1833 года губернскимъ, то въ немъ находились всѣ губернскія присутственныя мѣста, было значительное число русскихъ чиновниковъ и квартировавшихъ въ немъ войскъ. Начальникомъ Калишской губерніи былъ князь Голицынъ, державшій себя важно и мало сходившійся съ мѣстнымъ чиновничьимъ міромъ. Въ этомъ городѣ была каменная православная церковь, прекрасный костелъ св. Николая и католическій монастырь; женская гимназія помѣщалась въ частномъ домѣ, мужская же гимназія имѣла собственное казенное зданіе, но была неудачно распланирована архитекторомъ, при постройкѣ ея въ половинѣ прошлаго столѣтія и такъ мало приспособлена къ нуждамъ учеб-

наго заведенія, что, по весьма распространенному въ Калишѣ преданію, поляки, вѣроломнымъ образомъ захвативъ очутившагося ночью на гимназической площади архитектора, разложили его предъ зданіемъ гимназіи и высѣкли за неудачное возведеніе храма науки. Въ городѣ была очень порядочная гостиница Пуша, въ залѣ которой была устроена сцена, на которой подвизались артисты заѣзжихъ польскихъ труппъ, такъ какъ въ то время ни въ одномъ изъ губернскихъ городовъ Привислинскаго края, за исключеніемъ Варшавы, не было постоянныхъ труппъ и отдѣльныхъ театральныхъ зданій. Изъ провинціальныхъ городовъ раньше другихъ обзавелся театральнымъ зданіемъ Петроковъ, въ которомъ догадливый и практичный пивоваренный заводчикъ Шпанъ, устраивая для нуждъ завода ледникъ и погребъ для храненія пива, додумался до мысли, вмѣсто сооруженія надъ этими погребами не приносящей никакой пользы обыкновенной крыши—сперва устроить надъ ними каменный ящикъ, изображающій собою зрительный залъ съ ярусомъ ложъ, и затѣмъ поставить надъ всѣмъ зданіемъ покрывающую его крышу, вслѣдствіе чего получился одновременно и ледникъ и театръ. Нѣсколько позднѣе построено было театральное зданіе въ Люблинѣ, а затѣмъ въ Кѣльцахъ, при Польской гостиницѣ. Другіе же губернскіе города и по настоящее время не имѣютъ театральныхъ зданій, за исключеніемъ Лодзи, въ которой имѣется прекрасный концертный домъ и нѣсколько неважныхъ театральныхъ зданій.

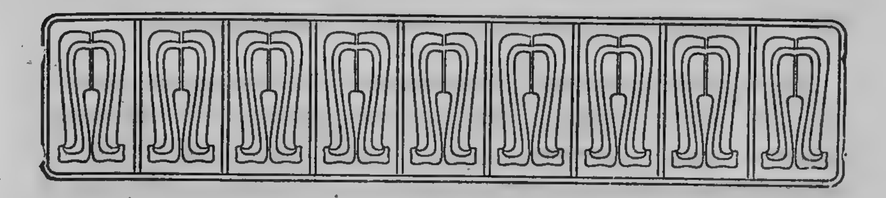
Кратковременное пребываніе мое въ Калишѣ въ должности преподавателя русскаго языка Калишской женской гимназіи, оставило во мнѣ самое пріятное воспоминаніе: и ближайшій мой начальникъ Даніилъ Степановичъ Пономаревъ, инспекторъ мужской гимназіи, бывшій въ то же время и начальникомъ женской гимназіи, и русскіе товарищи по гимназіи, въ числѣ которыхъ одинъ, преподаватель мужской гимназіи Петръ Амфилохіевичъ Сотничевскій, бывшій моимъ школьнымъ коллегой по гимназіи и университету, приняли тепло и радушно. Въ Калишѣ по счастливой случайности большинство русскихъ педагоговъ были кіевляне; вслѣдствіе этого между нами существовали общіе интересы, и связующимъ насъ пунктомъ служили воспоминанія и событія, соединенныя съ роднымъ городомъ. Я былъ вполнѣ доволенъ своею судьбою и совершенно неожиданно для себя чрезъ два мѣсяца былъ переведенъ въ Кѣлецкую мужскую гимназію; но еще не успѣлъ я получить отъ начальника Кѣлецкой учебной дирекціи извѣщеніе о моемъ

перемѣщенiи, какъ изъ округа послѣдовало новое распоряженiе о назначенiи меня вмѣсто Кѣлецкой гимназiи въ Петроковскую и о перемѣщенiи въ Кѣлецкую гимназiю вмѣсто меня учителя петроковской гимназiи Х.

Обстоятельства такой служебной комбинацiи были для меня непонятны, но впослѣдствiи они выяснились. Учителемъ русскаго языка въ Петроковской гимназiи состоялъ нѣкто Х—й, по происхожденiю татаринъ, человѣкъ способный, авторъ нѣскольких сочиненiй по исторiи татарскаго народа, но преданный пороку, который не допускается для расы, исповѣдующей ученiе Магомета, и усвоенiе котораго Х. можно объяснить только тѣмъ обстоятельствомъ, что Х., происходя отъ предковъ татарскаго племени, настолько обрусѣлъ, что въ совершенствѣ усвоилъ и одинъ изъ главныхъ русскихъ пороковъ. Въ бытность учителемъ въ Петроковѣ Х. однажды проявилъ свою натуру настолько оказательно, что явилась необходимость перевести его изъ Петрокова. Когда я, по прибытiи въ Петроковъ, представлялся губернатору Коханову, онъ встрѣтилъ меня слѣдующими словами: „Вашъ предмѣстникъ скомпрометтировалъ званiе русскаго педагога". Вамъ предстоитъ поддержать репутацiю русскаго человѣка и русскаго педагога. Оказалось, что, когда попечителю Витте было донесено объ эпизодѣ съ Х., то онъ рѣшилъ перевести въ Петроковъ учителемъ русскаго языка человѣка, на котораго онъ могъ бы положиться, что тотъ поддержитъ репутацiю русскаго педагога, поэтому онъ предназначилъ къ переводу въ Петроковъ учителя Калишской мужской гимназiи Петра Амфилохiевича Сотничевскаго, брата лично извѣстнаго ему по Кiеву доктора Сотничевскаго; но такъ какъ учитель Сотничевскiй просилъ оставить его въ Калишѣ, то вмѣсто Сотничевскаго попечитель назначилъ меня возстановлять репутацiю русскаго педагога. Въ Петроковѣ я прослужилъ почти семь лѣтъ. Такая довольно продолжительная служба въ Петроковѣ дала мнѣ возможность ближе познакомиться съ мѣстнымъ обществомъ и условiями жизни русскихъ людей въ польской средѣ, а равно и съ тѣми мѣрами, которыя мѣстная администрацiя употребляла для водворенiя въ краѣ русскихъ порядковъ. Время пребыванiя моего въ Петроковѣ также совпало съ началомъ и завершенiемъ реорганизацiи мѣстныхъ учебныхъ заведенiй по типу общеимперскихъ учебныхъ заведенiй и ихъ руссификацiей.

В. Смородиновъ.

(Продолженiе слѣдуетъ).



Воспоминанія бывшаго студента Харьковскаго университета 60-хъ годовъ.

Съ небольшимъ 50 лѣтъ тому назадъ, я вступилъ въ число студентовъ Харьковскаго университета, отъ котораго черезъ 2 года получилъ кандидатскій дипломъ. Покуда еще всѣ впечатлѣнія моей студенческой жизни сохраняются въ свѣжести, хочется изложить ихъ на бумагѣ. Насколько это изложеніе можетъ заинтересовать читателей— судить мнѣ очень трудно. Описывая обстоятельства лучшаго времени своей жизни, трудно оторваться отъ субъективной точки зрѣнія. Все, или по крайней мѣрѣ, многое, сильно затрогивавшее интересъ личный, представляется мнѣ важнымъ въ смыслѣ общественномъ, а для другихъ можетъ быть многое изъ этого многаго представитъ интересъ слишкомъ слабый. Но да извинятъ эти другіе невольное увлеченіе дорогимъ прошлымъ и невольную переоцѣнку этого прошлаго...

Я явился въ Харьковскій университетъ въ качествѣ бывшаго студента 2-го курса историко-филологическаго факультета университета С.-Петербургскаго и черезъ нѣсколько дней подалъ исправляющему должность ректора прошеніе о переводѣ меня въ факультетъ юридическій. При этомъ я просилъ также, чтобы меня зачислили на 2-й же курсъ, такъ какъ я въ Петербургѣ занимался предметами юридическаго факультета и вполнѣ надѣюсь въ концѣ года выдержать переводный экзаменъ въ 3-й курсъ. Въ послѣдней просьбѣ мнѣ отказали, и я на 3-й годъ послѣ своего оффиціальнаго зачисленія студентомъ зачисленъ былъ снова студентомъ 1-го курса, но только новаго факультета. Въ объясненіе происшедшаго я долженъ сказать нѣсколько словъ о томъ, что предшествовало моему переходу въ Харьковъ.

Въ С.-Петербургскій университетъ я вступилъ въ 1860 г., За годъ передъ тѣмъ я, въ качествѣ кадета 1-го кадетскаго корпуса, сдалъ экзаменъ на чинъ прапорщика артиллеріи или подпоручика арміи, но воспользоваться правомъ, добытымъ по экзамену, я не могъ, такъ какъ имѣлъ тогда всего 16 лѣтъ отъ роду... Я былъ переведенъ въ необязательный 3-й спеціальный классъ корпуса, но взялъ 11-ти мѣсячный отпускъ и сталъ готовиться къ пріемному экзамену въ университетъ. Не зная вовсе древнихъ языковъ, я долженъ былъ въ теченіе года почти все время употребить на занятіе латинскимъ языкомъ и на пріемномъ экзаменѣ получилъ по этому предмету высшую изъ трехъ отмѣтокъ, которыя тогда ставились экзаменовавшимся (весьма удовлетворительно, удовлетворительно и неудовлетворительно). Знанія греческаго языка не требовалось ни для какого факультета, и потому я, по выдержаніи экзамена по всѣмъ остальнымъ предметамъ, могъ поступить на какой угодно факультетъ. Греческимъ языкомъ я только началъ заниматься, и потому, очевидно, я наименѣе былъ подготовленъ къ поступленію наисторико-филологическій факультетъ. Между тѣмъ, именно этотъ факультетъ былъ избранъ мною. Меня влекло туда стремленіе ознакомиться съ славянскими нарѣчіями и славянской исторіей... Полагаясь на свои силы, я считалъ возможнымъ одолѣть оба древнихъ языка, на сколько это окажется необходимымъ.

Въ 1-й годъ по зачисленіи въ студенты (1860—61 учебный годъ), я продолжалъ еще занятія латинскимъ языкомъ, аккуратно посѣщая лекціи—если ихъ можно такъ назвать—Гр. Ив. Лапшина, который занимался съ нами переводами Тацита. Лекцій греческаго языка я рѣшилъ покуда не слушать, думая подготовиться къ нимъ къ слѣдующему году. Между тѣмъ слушалъ лекціи Н. И. Костомарова, М. И. Сухомлинова и Изм. Ив. Срезневскаго и по окончаніи учебнаго года былъ по тогдашнимъ правиламъ безъ экзамена переведенъ на 2-й курсъ того же факультета.

2-й студенческій годъ (1861—2 учебный годъ) мнѣ не пришлось слушать университетскихъ лекцій, такъ какъ вслѣдствіе студенческихъ волненій университетъ былъ закрытъ. Я былъ, согласно прошенію, уволенъ изъ числа студентовъ со свидѣтельствомъ о состоявшемся переводѣ во 2-й курсъ. Предоставленный самому себѣ, я, оставивъ въ сторонѣ занятія древними языками, занялся исключительно чтеніемъ. За 2 студенческіе года въ Петербургѣ я прочелъ напечатанные труды Костомарова, вышедшіе томы „Русской Исторіи съ древнѣйшихъ временъ“ Со-

ловьева (вышли I—IX томы), сочиненія Грановскаго, все, что вышло въ русскомъ переводѣ изъ трудовъ Маколея, и въ нѣмецкомъ переводѣ обѣ части „Исторія цивилизаціи въ Англіи“ Бокля. Кромѣ того я прочелъ курсъ политической экономіи Горлова, русскій переводъ политической экономіи Дж. Ст. Милля и, затѣмъ, все, что могъ найти относящагося къ государственному праву западно-европейскихъ державъ (тогда вышло, между прочимъ, изданіе редакціи „Современнаго Слова“: „Обзоръ современныхъ конституцій“). Говорю это въ объясненіе своего права сказать ректору Харьковскаго университета, что я ознакомленъ уже съ частью курса юридическаго факультета, на что, впрочемъ, какъ я уже сказалъ, Совѣтъ Харьковскаго университета не обратилъ никакого вниманія.

На слѣдующій учебный 1862—63 годъ въ Петербургѣ были открыты только 2 факультета: физико-математическій и восточныхъ языковъ, а для бывшихъ студентовъ прочихъ факультетовъ были учреждены 150 стипендій по 200 рублей въ годъ: 30 въ университетѣ Московскомъ и по 60 въ Харьковскомъ и Казанскомъ. Я подалъ прошеніе о зачисленіи на стипендію въ Московскомъ университетѣ, но получилъ отказъ: въ Москву назначали только тѣхъ студентовъ, которые сдали переводный экзаменъ изъ 2-го курса въ 3-й (другихъ переводныхъ экзаменовъ тогда не было). Мнѣ предложили выбрать одинъ изъ 2-хъ другихъ университетовъ, и я выбралъ Харьковъ. Переходя въ другой университетъ, я хорошо сознавалъ, что мнѣ должно оставить мысль о историко-филологическомъ факультетѣ, тѣмъ болѣе, что, желая заниматься исторіей, я всегда болѣе интересовался вопросами исторіи политической,—ни изученіе лингвистики, ни изученіе литературы не влекло меня къ себѣ,—но и теперь не покидало меня желаніе изучать славянскія нарѣчія. Встрѣтивъ въ зданіи Спб. университета исправлявшаго тогда должность ректора Измаила Ивановича Срезневскаго, который хорошо помнилъ свою немногочисленную аудиторію предшествовавшаго года, я подошелъ къ нему и сказалъ о предстоящемъ моемъ переходѣ въ Харьковъ. Измаилъ Ивановичъ предложилъ мнѣ зайти къ нему за полученіемъ рекомендательнаго письма къ харьковскому профессору славянскихъ нарѣчій, Петру Алексѣевичу Лавровскому; я, въ виду вышеизложеннаго желанія, обрадовался этому предположенію, посѣтилъ Измаила Ивановича и съ благодарностью принялъ отъ него обѣщанное письмо. Затѣмъ, черезъ нѣсколько дней, въ сентябрѣ 1862 года, вооруженный надлежащими бумагами, подорожной „по казенной

надобности" и прогонными деньгами въ размѣрѣ 50-ти рублей, я отправился съ 2-мя товарищами черезъ Москву въ Харьковъ, гдѣ и оказался вскорѣ, какъ уже было сказано, студентомъ 1-го курса юридическаго факультета.

Къ описанію обстоятельствъ моего пребыванія въ Харьковѣ я теперь и обращаюсь.

Профессоровъ въ Харьковскомъ университетѣ въ мое время въ 2-хъ факультетахъ,—о которыхъ я только и могу говорить,—было немного, и весьма многіе изъ нихъ занимали по 2 каѳедры. Въ историко-филологическомъ факультетѣ единственнымъ представителемъ классической филологіи былъ профессоръ Тихоновичъ. Онъ читалъ латинскій языкъ, его литературу, римскія древности, греческій языкъ, литературу и древности, и въ то же время онъ занималъ должность инспектора классовъ женскаго института вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи. Деканомъ историко-филологическаго факультета былъ профессоръ русской литературы Николай Алексѣевичъ Лавровскій,—впослѣдствіи директоръ Нѣжинскаго филологическаго института и затѣмъ попечитель Рижскаго учебнаго округа. Младшій братъ его—Петръ Алексѣевичъ—былъ профессоромъ славянскихъ нарѣчій и въ то же время главнымъ воротилой всѣхъ университетскихъ дѣлъ. Впослѣдствіи онъ былъ назначеннымъ ректоромъ Варшавскаго университета, а затѣмъ—попечителемъ Оренбургскаго учебнаго округа. Наука языка имѣла блестящаго представителя въ лицѣ молодого доцента Потебни. Но крайне печально было во все время моего пребыванія въ Харьковѣ положеніе науки исторической. Она была представлена 2-мя профессорами: русской исторіи—Зернинымъ и всеобщей—Петровымъ. Петровъ, котораго талантливые очерки обратили на себя заслуженное вниманіе впослѣдствіи, оба мои харьковскіе года по болѣзни вовсе не читалъ лекцій. Зернинъ читалъ лекціи въ началѣ перваго года, и для филологовъ, и для историковъ, затѣмъ прекратилъ ихъ также по болѣзни, отъ которой уже и не оправлялся. Замѣчательнымъ профессоромъ, кажется, впрочемъ онъ никогда не былъ. Если къ названнымъ лицамъ присоединить еще протоіерея Добротворскаго, который читалъ богословіе для студентовъ всѣхъ факультетовъ, церковное законовѣдѣніе для юристовъ и церковную исторію для филологовъ,—то весь составъ филологическаго факультета моего времени исчерпанъ. Не позволяя себѣ судить о внутреннемъ достоинствѣ профессоровъ, которыхъ я выслушалъ изъ любознательности одну или двѣ лекціи, считаю себя только въ правѣ сказать, что даромъ слова они обладали.

Серьезное значеніе, какъ профессоръ, кромѣ Потебни, могъ имѣть во всякомъ случаѣ Петръ Алексѣевичъ Лавровскій,—человѣкъ, несомнѣнно обладавшій и знаніями и способностями. Съ нимъ мнѣ пришлось въ скоромъ времени по пріѣздѣ познакомиться. Я явился къ нему съ письмомъ И. И. Срезневскаго. Онъ принялъ меня очень любезно, и я просидѣлъ у него до поздняго вечера. Я сообщилъ П. А—ичу о своемъ переходѣ на юридическій факультетъ и о желаніи продолжать изученіе славянскихъ нарѣчій. Къ этимъ заявленіямъ моимъ онъ отнесся въ высшей степени сочувственно. Убѣдившись, какъ кажется, изъ довольно длиннаго разговора, что я дѣйствительно обладаю нѣкоторыми свѣдѣніями по исторіи, какъ и по его спеціальному предмету, онъ въ тотъ же вечеръ указалъ мнѣ цѣль, къ которой, по его мнѣнію, я долженъ былъ стремиться, и достиженіе которой для меня затрудненій не представитъ. Въ юридическомъ факультетѣ будетъ учреждена каѳедра исторіи славянскихъ законодательствъ, но кандидатовъ на эту каѳедру здѣшній факультетъ имѣть навѣрное не будетъ. Окончивъ курсъ юридическаго факультета, я окажусь законнымъ кандидатомъ на новую каѳедру. Уходя, я получилъ любезное предложеніе хозяина посѣщать его. Я рѣшился пользоваться приглашеніями П. А—ча, если они и далѣе будутъ повторяться. Попробовавъ черезъ нѣсколько времени снова придти къ нему, я встрѣтилъ снова любезный пріемъ и предупредительное отношеніе, почему въ теченіе всего перваго года я по крайней мѣрѣ разъ въ мѣсяцъ бывалъ у него. Лекціи его я посѣщалъ аккуратно. Онъ преподавалъ студентамъ въ этотъ годъ сербскій языкъ и читалъ исторію сербскаго народа. Меня онъ не желалъ много отвлекать отъ занятій юридическихъ, но тѣмъ не менѣе давалъ нѣкоторыя книги на сербскомъ и на хорватскомъ нарѣчіи. Разговоръ его былъ всегда оживленный и интересный, дышащій любовью къ славянскому міру и ненавистію къ австрійскому владычеству надъ славянами и къ пріемамъ австрійской внутренней и внѣшней политики. Къ профессорамъ юридическаго факультета Лавровскіе не питали пріязни. Отчасти это исходило изъ разности воззрѣній, изъ нелюбви къ западническому направленію, которое они видѣли въ представителяхъ юридическаго факультета, въ особенности же въ Д. И. Каченовскомъ, отчасти были тутъ и личныя причины, такъ какъ П. А. Лавровскій въ своемъ стремленіи заправлять университетомъ встрѣчалъ въ Каченовскомъ и въ его товарищахъ по факультету часто сильное сопротивленіе. Про меня П. А—чъ

говорилъ одному изъ близкихъ ему лицъ, съ которымъ я впослѣдствіи часто встрѣчался, что онъ надѣялся мною „вбить клинъ“,—по его выраженію,—въ юридическій факультетъ. Славянофильское направленіе, которому я сочувствовалъ еще при началѣ своихъ мечтаній объ университетѣ, было довольно сильно и въ началѣ харьковскаго времени, и оно меня внутренне сближало съ Лавровскимъ. Но нужно сказать, что именно къ концу этого перваго харьковскаго года меня стало перетягивать къ западничеству. У меня сохранились замѣтки, которыя я дѣлалъ въ концѣ этого года по прочтеніи одной изъ статей Аксаковскаго „Дня“, именно статьи Гилярова-Платонова по поводу судебной реформы. Въ этой статьѣ рѣзко повторялась мысль Конст. Аксакова о томъ, что русскій народъ для себя, „для земли“ жаждетъ свободы мысли и слова, предоставляя свободу дѣйствія, власть принужденія представителямъ правительства. Русскіе земскіе люди не могутъ, какъ люди европейскаго запада, „священнодѣйствовать“, принимая на себя власть. Въ своихъ замѣчаніяхъ на эту статью я выражалъ сомнѣніе, чтобы можно было найти элементъ „священнодѣйствія“ и въ поступкахъ нашего чиновничества. Главнымъ же образомъ я выбиралъ и выписывалъ мѣста изъ IX тома исторіи Соловьева, изъ которыхъ вытекало, что представители земли,—члены земскаго собора,— нисколько не чуждались принимать на себя власть, чтобы расправляться съ измѣнниками въ родѣ Ѳедора Андронова... Не сумѣю указать, подъ какими именно вліяніями я болѣе и болѣе отставалъ отъ славянофильства; вмѣстѣ съ тѣмъ я внутренне отдалялся и отъ П. А. Лавровскаго... Съ Дм. Ив. Каченовскимъ я имѣлъ случай встрѣтиться и познакомиться въ одинъ изъ первыхъ дней моего пребыванія въ Харьковѣ,—ранѣе еще, чѣмъ увидѣлъ его на каѳедрѣ. При отъѣздѣ изъ Петербурга я получилъ отъ одного знакомаго, бывшаго харьковскаго студента, рекомендательное письмо къ его харьковскому товарищу—Петру Захаровичу Тимошенко, который въ это время занималъ должность въ Харьковскомъ университетѣ помощника библіотекаря. Петръ Захаровичъ готовился къ профессорской дѣятельности. Онъ сдалъ экзаменъ на магистра политической экономіи и собирался писать диссертацію. Обстоятельства ему не позволили осуществить свои желанія. Черезъ нѣсколько времени онъ, имѣя въ виду женитьбу, принялъ на себя уроки русскаго языка и словесности въ Харьковскомъ женскомъ институтѣ. Заботы о семьѣ потребовали увеличенія занятій, и надежды на профессуру были скоро покинуты... Во все время моей харьковской жизни я часто

посѣщалъ П. З—ча, но особенно памятенъ мнѣ былъ первый визитъ къ нему. Письмо, которое я къ нему имѣлъ, я ему передалъ въ библіотекѣ и затѣмъ, по его приглашенію, зашелъ на его квартиру вблизи Екатеринославской улицы. У него я засталъ совершенно незнакомаго мнѣ человѣка, которому онъ меня представилъ, какъ петербургскаго студента, мнѣ его не называя. Они собирались вмѣстѣ прогуляться и предложили мнѣ идти съ ними, на что я съ удовольствіемъ согласился. Незнакомецъ меня сталъ спрашивать о С.-ПБ-скомъ университетѣ и о моихъ занятіяхъ. Зашелъ разговоръ о Боклѣ, которымъ я въ то время увлекался (несмотря на свое славянофильство). Я высказался въ томъ смыслѣ, что для занятій исторіей, какъ оказывается, необходимо ознакомленіе со многими частями естествознанія, и что я, къ сожалѣнію, очень мало знакомъ съ естественными науками и желалъ бы пополнить свои знанія. Мнѣ казалось, дѣйствительно, въ это время необходимо пополнить свои свѣдѣнія, въ особенности по химіи. Я учился химіи въ кадетскомъ корпусѣ, но проходили ее кратко и по системѣ Берцеліуса, между тѣмъ я зналъ, что теперь дѣлается общепринятой система унитарная. Я думалъ, между прочимъ, что буду посѣщать лекціи профессора Ник. Ник. Бекетова. Оказалось, что я затронулъ больное мѣсто моего собесѣдника. Онъ отвѣтилъ мнѣ горячею рѣчью, продолжавшеюся все время нашей прогулки (а мы прошли всю Екатеринославскую улицу до Семинарской Горки и назадъ). Онъ говорилъ, что нельзя такъ разбрасываться, какъ я думаю. Каждая наука слишкомъ сложна, чтобы можно было себя отдавать и другимъ еще. Между тѣмъ, мы въ особенности нуждаемся въ наукѣ общественной. Юридическое и политическое образованіе наше особенно слабо. А вотъ теперь предстоитъ судебная реформа. Люди нужны будутъ, но люди съ обширными и глубокими знаніями и привычные къ работѣ, къ работѣ усидчивой. Совокупность этихъ двухъ условій,—пріобрѣтеніе привычки къ труду и пріобрѣтеніе юридическаго образованія—вотъ что требуется настоящимъ моментомъ исторіи, вотъ чего требуетъ отъ насъ нашъ гражданскій долгъ. Когда собесѣдникъ насъ оставилъ, я узналъ отъ Т., что это былъ профессоръ Каченовскій. Очень мнѣ пріятно было слышать эту рѣчь Каченовскаго, тѣмъ болѣе, что я былъ согласенъ почти съ каждымъ словомъ его. Нечего и говорить, что я проникся съ этой встрѣчи глубокимъ къ нему уваженіемъ и глубокой симпатіей. Тѣмъ не менѣе, я не оставилъ желанія посѣщать лекціи Бекетова. Казалось мнѣ, во 1-хъ, что Каченовскій не достаточно цѣнилъ ме-

тодъ Бокля и недостаточно цѣнитъ значеніе наукъ, чуждыхъ его прямой спеціальности, а главное, преувеличенная вѣра въ собственныя силы не оставляла меня. Лекціи Н. Н. Бекетова я слушалъ довольно долго, прервалъ ихъ наравнѣ съ прочими вслѣдствіе 3-хъ-недѣльной болѣзни, но потомъ, возобновивъ посѣщеніе прочихъ лекцій, ихъ слушаніе уже не возобновлялъ. Кромѣ Бекетова я ходилъ, насколько мнѣ позволяло здоровье, на лекціи только 3-хъ профессоровъ: Лавровскаго, Каченовскаго и Станиславскаго. О лекціяхъ Лавровскаго я уже говорилъ. Для поясненія, какіе курсы я слушалъ у 2-хъ другихъ профессоровъ, я долженъ обратиться къ описанію состава юридическаго факультета того времени. Профессоровъ и на юридическомъ факультетѣ было немного. Притомъ, и они не всѣ были налицо. Профессоръ политической экономіи Сокальскій все время моего пребыванія въ Харьковѣ былъ за границей. Его каѳедра пустовала. За границей былъ почти все время и готовившійся занять каѳедру ученикъ и любимецъ Каченовскаго— Андрей Николаевичъ Стояновъ. Деканомъ юридическаго факультета былъ профессоръ уголовнаго права, Александръ Ивановичъ Палюмбецкій, единственный изъ наличныхъ профессоровъ, занимавшій только одну каѳедру. Остальные же профессора занимали каѳедры: Каченовскій—международнаго права и государственнаго права западно-европейскихъ державъ. Пахманъ—полицейскаго права и гражданскаго права, Станиславскій—энциклопедіи законовѣдѣнія, римскаго права и русскаго государственнаго права. Кромѣ названныхъ профессоровъ (и прежде помянутаго профессора каноническаго права, прот. Добротворскаго), читалъ еще лекціи финансоваго права доцентъ Стельмаховичъ, который, къ сожалѣнію, нѣкоторое время также болѣлъ и, кажется, въ скоромъ времени изъ-за болѣзни оставилъ университетъ. Говорю: къ сожалѣнію, хотя я его и не слушалъ вовсе. Но я готовился къ экзамену изъ финансоваго права по его запискамъ, которыя представляли изъ себя замѣчательно хорошее, обстоятельное и отчетливо изложенное руководство. Большая часть юридическихъ предметовъ была сосредоточена на 3-мъ и, частью, на 4-мъ курсѣ. Палюмбецкій, Пахманъ, Каченовскій, Стельмаховичъ и прот. Добротворскій читали исключительно студентамъ этихъ 2-хъ курсовъ. Палюмбецкій и Пахманъ читали 3-му курсу матеріальное уголовное и гражданское право, 4-му курсу—судопроизводство, Пахманъ, кромѣ того—3-му курсу читалъ полицейское право; Стельмаховичъ и прот. Добротворскій читали финансовое и каноническое право 4-му курсу. Каченовскій одинъ годъ читалъ

обоимъ старшимъ курсамъ международное право, другой годъ—также соединеннымъ курсамъ—государственное право европейскихъ державъ—по 6 разъ въ недѣлю, каждый день по лекціи.

Студенты 2-хъ первыхъ курсовъ, кромѣ общихъ лекцій (богословія, русской исторіи) изъ профессоровъ юристовъ слушали только Станиславскаго. Кажется, еще политическую экономію студенты должны были слушать на одномъ изъ первыхъ курсовъ, но этотъ предметъ, какъ я уже сказалъ, за отсутствіемъ профессора Сокальскаго, не читался при мнѣ. Я слушалъ въ теченіе 1-го моего харьковскаго года вмѣстѣ со студентами 2-хъ старшихъ курсовъ Каченовскаго, который въ этотъ годъ читалъ государственное право западно-европейскихъ державъ, и затѣмъ, насколько мнѣ не мѣшали лекціи Каченовскаго и Лавровскаго, посѣщалъ лекціи Станиславскаго по энциклопедіи для студентовъ 1-го курса и по римскому праву для 2-го курса. Остановлюсь теперь на этихъ лекціяхъ.

Каченовскій читалъ исторію государственнаго права Англіи и Франціи и очеркъ современнаго состоянія государственныхъ учрежденій (центральныхъ и мѣстныхъ) въ обѣихъ названныхъ странахъ. Слѣдующій разъ, когда ему пришлось читать этотъ же предметъ (въ 1864—5 учебномъ году), онъ присоединилъ еще къ своему курсу очеркъ Венгерской конституціи до 1849 года. Его курсъ былъ весьма подробный и обстоятельный. Онъ подробно разсматривалъ, между прочимъ, всѣ имѣвшіе мѣсто въ исторіи случаи столкновеній между парламентомъ и королевской властью, между парламентомъ и судами, между обѣими палатами парламента—до послѣдняго инцидента по поводу отмѣны пошлины на бумагу по предложенію Глэдстона въ министерство Пальмерстона включительно. Нельзя сказать, впрочемъ, чтобы Каченовскій обладалъ даромъ освѣщать вопросы запутанные. Въ умахъ слушателей далеко не все оказывалось разъясненнымъ, и затѣмъ, разумѣется, еще большая неясность оказывалась въ запискахъ, его слушателями составленныхъ. Помню, съ какимъ удовольствіемъ мы, готовившіеся въ слѣдующемъ году къ экзамену у Каченовскаго, брались за лицейскія записки профессора Александровскаго лицея, Ивановскаго (бывшія у одного изъ моихъ товарищей). Къ сожалѣнію, записки эти были значительно короче записокъ, составленныхъ по лекціямъ Каченовскаго. Но за то все, что въ нихъ находилось, было изложено ясно и отчетливо. Каченовскій былъ болѣе всего художникъ. Онъ увлекался своимъ предметомъ и увлеченіе свое вносилъ въ преподаваніе. Къ своей задачѣ онъ относился въ

высшей степени добросовѣстно. Не пропуская ни одной лекціи, являясь въ аудиторію въ теченіе первыхъ пяти минутъ послѣ звонка и выходя изъ нея черезъ нѣсколько минутъ послѣ звонка выходнаго, онъ, какъ бы боялся опустить хоть одно слово изъ того матеріала, который онъ могъ сообщить своимъ слушателямъ. Но такая заботливость о сбереженіи матеріала преподаванія не мѣшала ему удѣлять отъ многихъ лекцій минутъ по 5—10-ти, иногда и ¼ часа на лирическія отступленія. Ему, поклоннику западно-европейскаго строя, кололи глаза многія явленія въ окружающей жизни, указывающія на отрицательное отношеніе къ его идеаламъ. Онъ стремился возбудить въ студенчествѣ прежде всего любовь къ занятіямъ, почтеніе къ европейской наукѣ вообще и въ особенности къ наукамъ, изучающимъ детали государственнаго, соціальнаго и экономическаго строя Западной Европы, и почтеніе къ тому, что выработано вѣками европейской цивилизаціи. Между тѣмъ, въ студенчество съ разныхъ сторонъ проникали иныя вѣянія, расшатывающія тѣ столбы, на которыхъ умѣренные западники желали утвердить образованіе будущихъ поколѣній. Съ одной стороны дѣйствовали націоналисты, въ 2-хъ видахъ: славянофилы, работающіе во имя національности великорусской, и украинофилы,—во имя національности малороссійской; съ другой—послѣдователи крайнихъ партій запада. И тѣ и другіе относились къ университетской наукѣ, какъ ея задачу понималъ Каченовскій, враждебно, или даже презрительно. Націоналисты искали сближенія съ народомъ, погруженнымъ въ невѣжество, и отъ него думали получить назиданіе. Какой бы національный костюмъ ни избирался, сущность была одна и та же: народныя пѣсни, народные обычаи ставились во главу угла, если не просвѣщеннѣйшими представителями націоналистическихъ воззрѣній, то множествомъ ихъ молодыхъ послѣдователей. Какое-то римское право, нѣмецкая юридическая наука, государственныя учрежденія, введенныя гдѣ-то въ Англіи или во Франціи, къ намъ непримѣнимыя,—очевидно все это ни къ чему не нужно, не стоитъ на это терять время. Но еще громче въ послѣднее время раздавались голоса, рѣшительно отрицающіе всякое значеніе за тѣмъ, къ изученію чего призывалъ университетскую молодежь Каченовскій. Голоса эти шли не изъ Хохлатчины, не изъ Москвы, а изъ Петровскаго окна въ Европу. На страницахъ модныхъ—для учащейся молодежи—петербургскихъ изданій помѣщались насмѣшки надъ „говорильнями“, какъ величались западно-европейскіе парламенты; вся европейская юридическая и политико-

экономическая наука, кромѣ крайнихъ соціалистическихъ теорій, признавалась ничего не стоющею. Каченовскій не могъ равнодушно переносить ту мысль, что западно-европейская политическая наука, недавно еще преслѣдуемая въ качествѣ опасной, не успѣла еще у насъ акклиматизироваться, а уже новыя волны готовы затопить ее... И вотъ, пользуясь разными поводами, перерывалъ онъ свои лекціи лирическими отступленіями, посвящая ихъ то славянофиламъ, то украинофиламъ, то—и чаще всего—новому направленію: послѣдователямъ и почитателямъ „Современника“ и К°,—направленію, которое онъ окрестилъ именемъ „всёнипочёмства“. Во всѣхъ этихъ отступленіяхъ звучала одна и та же нотка. Всегда имъ указывалось, что общественное дѣло трудное, что организація государственныхъ учрежденій требуетъ знаній, что опытъ показываетъ часто непримѣнимость того, что кажется легкимъ, что Западная Европа богата громаднымъ опытомъ, что его нужно изучать и изучать, а не относиться къ нему съ легкомысленнымъ презрѣніемъ, что основательное изученіе этого опыта и есть задача университетской науки и гражданская обязанность учащихъ и учащихся въ университетѣ.

Нужно сказать, что въ то время среди русскихъ западниковъ произошелъ серьезный расколъ. Катковъ со своимъ „Русскимъ Вѣстникомъ“ и „Современной Лѣтописью“ держался англоманства, почитая англійское самоуправленіе, какъ его изображалъ Гнейстъ, съ мировой юстиціей, творимой представителями джентри, занимающими безплатныя почетныя должности. Малѣйшее сомнѣніе въ безусловномъ совершенствѣ этого порядка отмѣчалось Катковымъ какъ недостойное серьезныхъ людей проявленіе наклонности nil admirari (какъ озаглавилъ Катковъ свою статью въ защиту англійской мировой юстиціи противъ профессора Б. И. Утина). Противоположныя мнѣнія высказывались Чичеринымъ, который, проводя идеи Дюпонъ Уайта, доказывалъ необходимость контроля центральнаго правительства надъ самоуправленіемъ, дающимъ власть надъ мѣстнымъ населеніемъ представителямъ высшаго класса этого населенія. При этомъ новѣйшая исторія англійскихъ учрежденій (послѣ избирательной реформы 1832 года), съ постепеннымъ развитіемъ министерскаго контроля и увеличеніемъ числа платныхъ должностей, служила Чичерину прекрасной иллюстраціей защищаемыхъ имъ мыслей. Этимъ спорамъ Каченовскій оставался чуждъ. Ему казался западный строй вообще достойнымъ тщательнаго изученія, и всѣ его разновидности чуть не равноцѣн-

ными при сравненіи ихъ съ порядками нашей отживающей старины. Съ 1863 года газета Московскаго университета „Московскія Вѣдомости", въ которой помѣщалъ нѣкоторыя свои статьи Чичеринъ, изъ-подъ редакціи Корша перешла въ руки Каткова. Состоялось такимъ образомъ примиреніе не между двумя направленіями, но между ихъ органами. При этомъ соединенные органы оказались органами совершенно новаго направленія—направленія, котораго знамя поднято Катковымъ во время польскаго возстанія 1863 года, и къ которому примкнуло большинство русскаго дворянства и значительная часть чиновничества. На второй годъ моего пребыванія въ Харьковѣ мнѣ пришлось слушать Каченовскаго, читающаго уже другой предметъ—право международное. Лирическія отступленія и здѣсь нерѣдко имѣли мѣсто. Но предметъ этихъ отступленій былъ уже другой: они посвящались главнымъ образомъ... Каткову. Натурѣ Каченовскаго не могли не быть противными тѣ ноты, которыя были взяты Катковымъ. Профессоръ Московскаго университета, сотрудникъ Грановскаго, представитель философіи въ союзѣ съ недавними крѣпостниками, ратующими за насильственное подчиненіе народности, стоящей на нѣсколько болѣе высокой, чѣмъ мы, ступени культуры, и преданной идеѣ свободныхъ учрежденій... Но и этого еще недостаточно. Каченовскій—провозвѣстникъ международнаго права, международныхъ соглашеній, точнаго исполненія международныхъ трактатовъ. Правительства западно-европейскихъ державъ заговорили по поводу польскаго вопроса, объ условіяхъ вѣнскаго трактата 1815 года, о необходимости передать вопросъ на обсужденіе новаго конгресса, во всякомъ случаѣ о необходимости новыхъ международныхъ соглашеній. Катковъ привѣтствовалъ ноты князя Горчакова, въ которыхъ отвергалась самая мысль о какихъ бы то ни было международныхъ соглашеніяхъ по польскому вопросу; послѣдній признавался нашимъ внутреннимъ вопросомъ. Каченовскій во имя торжества права сталъ на точку зрѣнія, діаметрально противоположную. Нѣтъ никакой надобности разбирать, какую точку зрѣнія въ данномъ вопросѣ нужно считать вѣрною. Для оцѣнки личности Каченовскаго нужно признать прежде всего независимость его сужденій. Защищать мысль, которую онъ признавалъ за истину, защищать ее противъ массы слушателей, для которыхъ имена Герцена, Чернышевскаго, Добролюбова, Писарева были имена чуть не святыя, имена авторитетовъ непререкаемыхъ, или противъ Каткова, за котораго стояло правительство и большинство людей вліятельныхъ въ томъ или

другомъ отношеніи, для Каченовскаго было требованіемъ натуры, требованіемъ, которому онъ отдавался безъ размышленія, вопреки всякимъ соображеніямъ и собственной выгодѣ и даже безопасности. Не для угожденія начальству онъ боролся съ вліяніемъ Чернышевскаго, не для пріобрѣтенія популярности онъ высказывался теперь противъ Каткова. Онъ говорилъ то, что думалъ, высказывалъ то, что считалъ за истину, и высказывалъ свои мысли горячо, съ воодушевленіемъ. Какъ велико было вліяніе Каченовскаго на слушателей? Это вопросъ, который рѣшить довольно трудно. Между харьковскими студентами, на-ряду съ партіями украинофиловъ, весьма многочисленной, и славянофиловъ, далеко не многочисленной, существовала партія, которую называли каченофилами. Партія эта была также немногочисленна. Это объяснялось многими причинами. Не говорю уже о томъ, что для молодежи естественно вѣрить въ возможность и даже въ легкость достиженія тѣхъ идеаловъ, которые выставлялись писателями радикальнаго лагеря—идеаловъ политическаго и имущественнаго равенства и общаго благоденствія, но, полагаю, не послѣднею причиною малочисленности партіи было и то обстоятельство, что принадлежность къ ней налагала на членовъ нѣкоторую обязанность и обязанность не легкую—обязанность работать. Дѣйствительно, извѣстные мнѣ члены партіи много занимались, много читали. Успѣхи ихъ занятій были, разумѣется, весьма разнообразные,—стояли они въ прямой зависимости отъ способности работающихъ. У многихъ изъ нихъ эти способности усердію мало соотвѣтствовали, и работа ихъ болѣе отличалась количествомъ, нежели качествомъ. Но въ то же время на дѣятельности ихъ лежала печать гуманности и любви къ истинному просвѣщенію.

Впрочемъ, заговоривъ о лекціяхъ Каченовскаго, я незамѣтно для себя перешелъ во 2-й годъ моего харьковскаго пребыванія, не покончивъ съ первымъ. Я уже сказалъ, что изъ профессоровъ юристовъ, кромѣ Каченовскаго, я слушалъ еще лекціи Станиславскаго по энциклопедіи законовѣдѣнія и по римскому праву. Станиславскій перешелъ въ Харьковъ изъ Казани. Позже мнѣ пришлось читать, что въ Казани Станиславскій навлекъ на себя подозрѣнія въ политической неблагонадежности. Здѣсь онъ, казалось, былъ внѣ всякихъ подозрѣній. Былъ чрезвычайно остороженъ. Словомъ владѣлъ прекрасно, начиналъ лекцію очень тихо, видимо съ расчетомъ, чтобы привлечь къ себѣ вниманіе аудиторіи, затѣмъ постепенно возвышалъ голосъ. Какъ съ внѣшней стороны, такъ и со стороны содержанія, его чтеніе было

ясно, отчетливо и доступно пониманію слушателей. Въ римскомъ правѣ для многихъ слушателей камнемъ преткновенія служили латинскіе тексты, которые особенно тщательно искажались составителями лекцій, и въ такомъ печальномъ видѣ, а то и еще съ большими искаженіями—воспроизводились отвѣчающими на экзаменѣ. Очень часто на экзаменѣ Станиславскій снисходительно-иронически предлагалъ отвѣчающимъ говорить исключительно по-русски. Мнѣ достались записки по римскому праву, весьма толково составленныя студентомъ Я., но латинскіе тексты въ нихъ были одно отчаяніе. Составитель окончилъ гимназію—кажется Орловскую—занимаясь только законовѣдѣніемъ вмѣсто латинскаго языка, и для поступленія въ университетъ держалъ экзаменъ по этому языку особо. Вѣроятно, экзаменъ былъ произведенъ очень снисходительно, такъ какъ пріобрѣтенныя при приготовленіи къ нему познанія не удержали Я. отъ употребленія выраженій въ родѣ res judicatum и т. под. Про Станиславскаго вообще можно сказать, что это былъ невыдающійся, но весьма полезный профессоръ. Изъ его лекцій по энциклопедіи мнѣ памятенъ слѣдующій случай. Пришлось ему излагать различныя формы государственнаго устройства. „Сравнивая между собою разные образцы правленія,—говорилъ Станиславскій—большинство современныхъ писателей отдаютъ предпочтеніе, я долженъ вамъ это сказать, правленію монархическому ограниченному, конституціонному. Но я—продолжалъ онъ—съ этимъ мнѣніемъ не согласенъ. При извѣстной степени умственнаго и политическаго развитія народа, для него можетъ быть признанъ соотвѣтствующимъ республиканскій образъ правленія. Но, если народъ такой степени развитія не достигъ, нужно предпочесть для него образъ правленія монархическій неограниченный“.

Не могу оставить воспоминаній о первомъ годѣ моего пребыванія въ Харьковѣ, не упомянувъ о студенческомъ кружкѣ, который составился въ этомъ году и собирался въ опредѣленные дни въ квартирѣ студента Н. Главнымъ организаторомъ этого кружка былъ студентъ-юристъ II курса Павелъ Александровичъ Матвѣевъ. Въ него входило членовъ 15—20 студентовъ разныхъ факультетовъ, болѣе или менѣе знакомыхъ между собою. Цѣлью кружка была организація литературно-научныхъ занятій. Предполагалось общими усиліями перевести какое-нибудь сочиненіе на русскій языкъ и издать переводъ, указывать членамъ интересныя статьи для чтенія и ознакомленія съ ними всего общества посредствомъ рефератовъ и тому под. Былъ избранъ

предсѣдателемъ кружка одинъ бывшій дерптскій студентъ С., получившій въ Дерптѣ степень—не помню хорошенько—кандидата или магистра. Для переводовъ было избрано сочиненіе Зибеля: Исторія французской революціи. Были разобраны между участниками кружка главы этого сочиненія, но получилось извѣстіе, что въ Петербургѣ Зибель переводится и выйдетъ скоро въ печати, стало быть труды наши будутъ напрасны. Затѣмъ мысль о переводахъ была совершенно оставлена. Кружокъ занимался чтеніемъ рефератовъ безъ какой-нибудь опредѣленной системы. Желающіе дѣлились съ товарищами прочтенными и заинтересовавшими ихъ статьями. Руководитель совершенно стушевался. Чуть ли не вся его дѣятельность ограничилась прочтеніемъ привѣтственной рѣчи, наполненной общими мыслями о томъ, что учащаяся молодежь должна стремиться къ добру, къ свѣту, знанію и проч. Помню, что я выступалъ въ кружкѣ съ рефератами два раза. Въ первый разъ я излагалъ содержаніе той главы сочиненія Бокля (I гл. 2 части), въ которой идетъ рѣчь объ исторіи Испаніи. Во второй разъ я читалъ выдержки изъ двухъ журнальныхъ статей, обрисовывавшихъ бытъ 2-хъ противоположныхъ концовъ славянскаго міра—Чешской деревни и Уральской казачьей общины. Въ первой (по описанію Ровинскаго) представлялось большое неравенство состояній—сѣдлаковъ, халупниковъ и домкарей, изъ которыхъ одни обладаютъ достаточнымъ количествомъ земли, другіе—одной хатой съ прилегающимъ къ ней дворомъ и огородомъ, третьи и безъ огорода обходятся. При этомъ дѣти сѣдлаковъ получаютъ хорошее образованіе, нѣкоторые изъ нихъ оканчиваютъ курсъ въ университетѣ. Въ селахъ заведены очень порядочныя библіотеки. Въ Уральской общинѣ (описаніе ея было заимствовано изъ статей въ газетѣ „Очерки") полное равенство имуществъ, члены дѣлятъ между собою продукты общей работы (рыбной ловли). Почти такое же равенство оказывается и въ образованіи членовъ общины, ограничивающемся выучкой грамоты у начетчиковъ. Помню интересный рефератъ студента К. (бывшаго впослѣдствіи старшимъ предсѣдателемъ одной изъ судебныхъ палатъ), сообщавшій взглядъ разныхъ писателей на Іоанна Грознаго. Одинъ изъ студентовъ натуралистовъ сообщилъ химическій анализъ нѣкоторыхъ часто встрѣчающихся въ обыденной жизни предметовъ. Дѣйствительно серьезный трудъ былъ представленъ въ слѣдующемъ году въ неполномъ собраніи общества П. А. Матвѣевымъ, который лѣтомъ у себя въ деревнѣ записывалъ рѣ-

шенія крестьянскихъ судовъ по поводу дѣлежа денегъ, вырученныхъ за рекрутскія квитанціи, которыя выдавались семьямъ бывшихъ ратниковъ ополченія. Этимъ трудомъ Матвѣевъ началъ рядъ своихъ наблюденій надъ юридическимъ бытомъ крестьянъ—впослѣдствіи напечатанныхъ. Отмѣчу, что въ числѣ членовъ кружка, о которомъ идетъ рѣчь, былъ мало замѣтный тогда членъ, который впослѣдствіи оставилъ прекрасный слѣдъ въ юридической литературѣ—К. В. Анненковъ.

Лѣто 1863 года я провелъ частію въ Петербургѣ у родныхъ, частію въ деревнѣ Тульской губерніи у знакомыхъ. Пребываніе въ деревнѣ было для меня вдвойнѣ интересно. Во-первыхъ, пришлось познакомиться съ невѣдомымъ для меня до тѣхъ поръ сельскимъ міромъ, и при томъ, въ такое время, когда этотъ міръ приведенъ былъ въ сильное движеніе—дѣйствовали мировые посредники, составлялись уставныя грамоты, заключались условія помѣщиковъ съ ихъ бывшими крѣпостными о дополнительныхъ работахъ. Представлялась возможность многихъ интересныхъ наблюденій. Во-вторыхъ, въ помѣщичьемъ домѣ, гдѣ я пользовался гостепріимствомъ, была очень порядочная библіотека, гдѣ можно было найти много цѣнныхъ изданій XVIII и начала XIX столѣтій. Между прочимъ я тамъ прочелъ въ первый разъ (въ русскомъ переводѣ) „Духъ законовъ", Монтескье. Въ Петербургѣ я купилъ недавно вышедшій курсъ уголовнаго права В. Д. Спасовича и съ увлеченіемъ прочелъ его.

На слѣдующій годъ я рѣшился оставить всякія побочныя занятія и исключительно заняться приготовленіемъ къ экзамену. По возвращеніи въ Харьковъ я сталъ посѣщать лекціи 3-го курса уголовнаго права Палюмбецкаго, международнаго права Каченовскаго (общіе съ 4 курсомъ), гражданскаго права Пахмана и лекціи 4 курса гражданскаго судопроизводства того же Пахмана.

Опишу свои впечатлѣнія отъ прослушанныхъ мною лекцій. О лекціяхъ Качановскаго я уже говорилъ довольно много и прибавить къ сказанному ничего особеннаго не могу.

Обращаюсь къ нашему криминалисту А. И. Палюмбецкому. Я уже сказалъ, что передъ началомъ года прочиталъ учебникъ Спасовича. Въ смыслѣ приготовленія къ экзамену, это чтеніе мнѣ никакой пользы принести не могло. Начиная съ системы курса, все было по-другому. Палюмбецкій былъ строгимъ послѣдователемъ Кёстлина. Какой бы вопросъ уголовнаго права ни разбирался, Палюмбецкій приводилъ цѣлый рядъ мнѣній нѣ-

мецкихъ криминалистовъ по этому вопросу и заканчивалъ его рѣчью, начинающейся со словъ: „Наконецъ Кёстлинъ"... Помню то мѣсто программы, въ которой указывались вопросы о дѣйствіи уголовнаго закона въ пространствѣ и времени, т. е. вопросы о томъ, какой законъ нужно примѣнить, если, напримѣръ, преступникъ подданный одного государства, потерпѣвшій—другого государства, а мѣсто совершенія преступленія—третье государство, или если преступленіе совершено во время дѣйствія одного закона, а судъ надъ преступникомъ или исполненіе приговора должны послѣдовать уже при дѣйствіи новаго закона. Одинъ изъ предыдущихъ билетовъ носилъ заглавіе: „Моментъ существенный и моментъ явленія въ преступленіи", заглавіе же билета, который былъ посвященъ указаннымъ вопросамъ, было такое: „Отношеніе момента явленія въ преступленіи къ обособленію права по его содержанію". Разумѣется, все это можетъ быть разъяснено и разъяснилось. Преступникъ своимъ дѣйствіемъ оскорбляетъ отвлеченную идею права. Въ этомъ существенный моментъ, субстанція преступленія. Но отвлеченная идея права сама по себѣ не можетъ подвергнуться посягательству. Она должна для этого „принять внѣшнее объективное бытіе въ формѣ закона положительнаго" данной страны и даннаго времени. На эту форму и посягаетъ преступникъ. Здѣсь моментъ явленія въ преступленіи. Если бы преступленіе разсматривалось только въ его субстанціи, какъ нарушеніе идеи права, общей всему человѣчеству, всякой странѣ и всякому времени, то вопросы, подобные вышеприведеннымъ, не могли бы возникать вовсе, стало быть, ихъ появленіе, необходимость посвящать имъ часть науки уголовнаго права связана именно съ моментомъ явленія, а не съ субстанціей преступленія. Изъ этого примѣра видно, какимъ философскимъ туманомъ покрывалъ Палюмбецкій свое преподаваніе. Его длинная фигура, длинное изсушенное лицо представлялось какимъ-то идеаломъ кабинетной, сухой науки, чуждой всего живого, способной засушить всякаго, съ нею соприкасающагося. Въ то же время эта фигура представлялась также чѣмъ-то въ родѣ отвлеченной идеи права, принявшей только внѣшнее объективное бытіе въ формѣ профессора и декана. И надо сказать, что такое представленіе было согласно съ истиной. По разсказамъ лицъ, знакомыхъ съ недавнимъ прошлымъ Харьковскаго университета, Палюмбецкій былъ однимъ изъ главныхъ борцовъ, вынесшихъ на своихъ плечахъ осуществленіе идеи законности въ университетской

жизни. Недавнее прошлое университетской жизни излишкомъ законности не отличалось. Профессора держали пансіонеровъ и проводили ихъ въ кандидаты. Называли и нѣсколькихъ профессоровъ-юристовъ, весьма непохожихъ другъ на друга дарованіями и познаніями въ наукахъ, но одинаково способныхъ для дѣятельности коммерческой и одинаково въ ней преуспѣвавшихъ. Разсказывали о карикатурахъ на профессоровъ-взяточниковъ, которыя ходили по рукамъ студентовъ. Изображался, наприм., одинъ профессоръ (кажется финансоваго права), который будто бы развозилъ въ фургонѣ своихъ протеже по ярмаркамъ и показывалъ ихъ за деньги, выкрикивая: „посмотрите, господа, какихъ мы кандидатовъ выпускаемъ; спросите напр. у этого—сколько дважды два — ей-богу не скажетъ". Обыкновеннымъ способомъ доставленія дипломовъ было сообщеніе экзаменующимся вопросовъ, къ которымъ тѣ должны были готовиться. Беретъ студентъ билетъ, начинаетъ путать, профессоръ замѣчаетъ: „Ну, вы это не такъ-то хорошо знаете, ну, а разскажите вотъ что", и предлагаетъ вопросъ, на который тотъ отвѣчаетъ безъ запинки. „Хорошо, ну, вотъ еще что разскажите", отвѣтъ по-прежнему безукоризненный, и результатъ получается соотвѣтствующій. Упорнымъ, говорятъ, трудомъ и претерпѣніемъ всевозможныхъ непріятностей удалось Палюмбецкому и его друзьямъ добиться утвержденія другого порядка экзаменовъ, который и примѣнялся въ наше время исключительно. Экзаменующійся бралъ по каждому предмету 3 билета и отвѣчалъ только по нимъ. Въ случаѣ рѣшительно неудовлетворительнаго отвѣта экзаменаторъ, въ видѣ снисхожденія, предлагалъ еще вопросъ, но не иначе, какъ испросивъ на это разрѣшеніе остальныхъ профессоровъ (которые всѣ присутствовали на всѣхъ экзаменахъ своего факультета), и отмѣтка въ такихъ случаяхъ ставилась по общему соглашенію и, разумѣется, никакъ не кандидатская. Ни о какихъ протекціяхъ при экзаменахъ вообще, о денежныхъ же въ особенности, въ наше время слышно не было.

Обращаюсь къ разсказу о лекціяхъ послѣдняго профессора, выше мною упомянутаго, — Пахмана — о моихъ отношеніяхъ къ нему.

С. В. Пахманъ, по свидѣтельству профессора Гольмстена, до 1851 года читалъ лекціи въ Одесскомъ Ришельевскомъ лицеѣ (см. статью Гольмстена о жизни и дѣятельности Д. И. Мейера въ приложеніи къ чтеніямъ Мейера по русскому гражданскому праву). Въ этомъ году, по возвращеніи изъ Москвы, гдѣ онъ

защитилъ магистерскую диссертацію „о судебныхъ доказательствахъ", онъ перешелъ въ Казанскій университетъ по приглашенію и при содѣйствіи Мейера. Въ Казани онъ занялъ тогда каѳедру полицейскаго права. Эту же каѳедру онъ занималъ и въ Харьковѣ и только въ 1862 году вмѣстѣ съ тѣмъ сталъ читать и гражданское право. Все его сочувствіе принадлежало очевидно послѣднему. Если его лекція по гражданскому праву приходилась въ праздничный день, то онъ переносилъ ее на ближайшую лекцію полицейскаго права: „пусть лучше пропадаетъ та лекція", говорилъ онъ своимъ слушателямъ. И дѣйствительно его способностямъ, его строго логической головѣ наиболѣе соотвѣтствовало преподаваніе гражданскаго права, и именно его догматики: изложеніе основныхъ началъ права, изъ которыхъ отдѣльныя опредѣленія закона истекали бы въ качествѣ логическихъ выводовъ. Для усвоенія курса Пахмана, мы имѣли прекрасное подспорье въ вышедшемъ незадолго передъ тѣмъ, подъ редакціей Вицына, курсѣ Мейера. Пахманъ далеко не во всемъ сходился во взглядахъ съ Мейеромъ, но часто ссылался на него, и во всякомъ случаѣ—какъ при согласіи, такъ и при разнорѣчіи—имѣлъ въ виду изложеніе Мейера. При чтеніи лекцій Пахманъ часто отступалъ отъ общепринятаго, въ университетахъ, акроаматическаго метода преподаванія: часто обращался къ аудиторіи, требуя, чтобы кто-нибудь изъ слушателей далъ отвѣтъ на вопросъ, имъ поставленный. Всегда почти находился кто-нибудь дававшій отвѣтъ. Разумѣется, мы, принимавшіе участіе въ такой катехизиціи предмета, не всегда давали отвѣты удачные. Не соглашаясь съ полученнымъ отвѣтомъ, Пахманъ превращалъ лекцію въ простую бесѣду, охотно разъясняя, въ чемъ сдѣлана ошибка, и почему отвѣтъ нужно считать ошибочнымъ. При такихъ бесѣдахъ во время чтенія особенной части гражданскаго права со мною 2 раза случилось слѣдующее. Я завелъ съ С. В. формальный диспутъ, доказывая ему, что его утвержденія противорѣчили сказанному имъ прежде, въ общей части права, что логическимъ выводомъ изъ сказаннаго имъ тогда будетъ именно рѣшеніе вопроса, мною предлагаемое, а не предлагаемое имъ теперь. Такъ мы и разошлись, не уступивъ другъ другу поля сраженія. Черезъ нѣсколько времени мнѣ сообщилъ одинъ изъ молодыхъ харьковскихъ юристовъ, Р. А. Шишкинъ (товарищъ предсѣдателя уголовной палаты, бывшій правовѣдъ, съ которымъ я познакомился чрезъ помянутаго выше Матвѣева), что, встрѣтившись въ одномъ обществѣ съ Пахманомъ, услы-

шалъ отъ него, что одинъ студентъ ему дѣлалъ серьезныя и дѣльныя возраженія. Фамиліи студента Пахманъ не зналъ, но опредѣлилъ его тремя словами: „Рыжій, зубастый и ѣдкій". Шишкинъ слышалъ, должно быть отъ Матвѣева, о моихъ диспутахъ, и такъ какъ 2 первые эпитета, приведенные Пахманомъ, подходили къ моей наружности, то онъ и понялъ, что Пахманъ имѣлъ въ виду меня. Черезъ мѣсяцъ или 2 послѣ этого разговора, я хотѣлъ сдѣлать Пахману еще одно какое-то возраженіе, но на лекціи пропустилъ удобное время и предложилъ это возраженіе послѣ лекціи, встрѣтивъ Пахмана въ коридорѣ. Выслушавъ мое возраженіе, вмѣсто отвѣта онъ спросилъ меня: „Да вы въ которомъ курсѣ: 3-мъ или 4-мъ? Я васъ вижу и съ тѣмъ и другимъ". Я отвѣтилъ, что считаюсь студентомъ 2-го курса, но, состоя въ университетѣ уже 4-й годъ, думаю весною, въ качествѣ сторонняго слушателя, держать кандидатскій экзаменъ. „И прекрасно, сказалъ онъ,— а послѣ экзамена, если пожелаете остаться при университетѣ, то заявите, и я это заявленіе поддержу".

Съ особеннымъ удовольствіемъ помѣщаю этотъ разсказъ объ отношеніи Пахмана ко мнѣ—студенту, отъ котораго для себя лично онъ ничего ожидать не могъ, и который заявилъ себя, по его собственнымъ словамъ, только „ѣдкостью",—какъ разсказъ, характеризующій его личность, полагаю, съ прекрасной стороны.

Разсказъ о второмъ годѣ своего харьковскаго студенчества закончу воспоминаніемъ о посѣщеніи университета Цесаревичемъ Николаемъ Александровичемъ. Цесаревичъ заявилъ желаніе посѣтить лекціи 4-хъ профессоровъ: русской словесности Н. А. Лавровскаго, международнаго права Каченовскаго, гражданскаго права Пахмана и русскаго государственнаго права Станиславскаго, и пробыть у каждаго изъ нихъ по $^1/_2$ часа. Названные четыре профессора далеко не одинаково отнеслись къ предстоявшей имъ задачѣ. Каченовскій и Пахманъ прочли лекціи на ту тему, на которую имъ предстояло читать для студентовъ, и за тѣмъ повторили ихъ своимъ слушателямъ, такъ какъ не всѣ мы могли попасть на чтеніе въ присутствіи Цесаревича. Лавровскій и Станиславскій избрали темы особенныя, которыя, по ихъ предположенію, могли болѣе заинтересовать высокаго гостя. Лавровскій прочелъ введеніе въ какой-то періодъ древней русской словесности, Станиславскій „о правахъ и преимуществахъ самодержавной власти". Высокій гость

пріѣхалъ въ сопровожденіи графа Строганова, профессоровъ Побѣдоносцева, Бабста и еще другихъ лицъ свиты. Его провожали студенты многочисленною толпою, такъ что въ аудиторіи, въ которую онъ входилъ, могла помѣститься только небольшая часть за нимъ слѣдовавшихъ. Я попалъ только въ аудиторію, въ которой читалъ Станиславскій. Онъ прочелъ свою лекцію съ свойственнымъ ему краснорѣчіемъ, отчеканивая каждое слово.

Незадолго до начала экзаменовъ я явился къ инспектору студентовъ (Засядко), который меня вовсе не зналъ, и подалъ ему прошеніе объ увольненіи изъ числа студентовъ и затѣмъ другое о допущеніи къ экзамену. Засядко отечески убѣждалъ меня взять эти прошенія обратно и уничтожить ихъ. „Какъ это вы, студентъ II курса, хотите держать экзаменъ на кандидата!“ говорилъ онъ. Тщетно я представлялъ ему, что я во II курсѣ только считаюсь, и что, не приготовившись, я никакъ бы не рѣшился являться на экзаменъ. „Да понимаете ли вы, что вы уже не можете получить званія дѣйствительнаго студента, вѣдь получить это званіе могутъ только студенты, а не держащіе экзаменъ со стороны“. Я сталъ увѣрять г. Засядко, что званіе дѣйствительнаго студента для меня нисколько не привлекательно, и я совсѣмъ объ немъ не мечтаю. Не помню другихъ подробностей нашего разговора, только помню, что онъ продолжался очень долго, и что Засядко, наконецъ, покачивая головою, взялъ мои прошенія.

Вторая весна, проведенная мною въ Харьковѣ (1864 г.), была проведена такимъ образомъ при особыхъ обстоятетьствахъ. Рѣшался капитальный вопросъ жизни. Серьезность положенія не мѣшала однако мнѣ пользоваться прелестями южно-русской весны. Каждый почти день я забирался съ записками въ существовавшій тогда Карповскій садъ, залегалъ гдѣ-нибудь на травѣ и прерывалъ свое чтеніе только для того, чтобы сходить „столоваться“. Очень жаль, что теперь, говорятъ, Харьковъ лишился этого лучшаго сада—съ пригорками и оврагами—мѣсто его прорѣзано рельсами желѣзныхъ дорогъ и занято желѣзно-дорожными мастерскими. Не все, значитъ, въ Харьковѣ улучшилось послѣ нашего времени. Передъ экзаменомъ я переѣхалъ на квартиру, которую занимали три бывшихъ петербургскихъ студента Вильсонъ (нынѣ сенаторъ гражданскаго кассаціоннаго департамента), Ниве и Залебедскій, всѣ трое державшіе кандидатскій экзаменъ по юридическому факультету. Мы

пользовались общими пособіями и раздѣлили общую участь, получивъ всѣ четверо кандидатскія отмѣтки. Можно сказать, что экзамены производились снисходительно. Въ особенности легко ставились отмѣтки 3, т. е. „достаточно“, требуемыя для права на званіе дѣйствительнаго студента. Изъ 30 слишкомъ экзаменовавшихся юристовъ Каченовскій отказалъ въ этой отмѣткѣ по государственному праву западно-европейскихъ державъ только одному студенту. Онъ нанесъ Каченовскому, можно сказать, личное оскорбленіе. На вопросъ: откуда пріѣхалъ въ Англію въ 1688 г. Вильгельмъ Оранскій, онъ отвѣчалъ: „Изъ Испаніи“. Увидѣвъ впрочемъ пораженное ужасомъ лицо Каченовскаго, онъ пожелалъ исправить свою ошибку и сказалъ: „Нѣтъ, изъ Ирландіи“. Такимъ образомъ принцъ, поднявшій на своемъ кораблѣ флагъ съ надписью: „За протестантизмъ и свободу Англіи“, оказался прибывшимъ изъ средоточія католическаго фанатизма! Подобнаго оскорбленія Каченовскій не былъ въ силахъ вынести. Кандидатскія отмѣтки (требовалось $4^1/_2$ въ среднемъ по всѣмъ факультетскимъ предметамъ) ставились, разумѣется, не такъ щедро. Каченовскій послѣ 2-го моего экзамена у него по международному праву сказалъ мнѣ, что ему пріятно засвидѣтельствовать, что онъ видѣлъ во мнѣ постоянное стремленіе къ упорному труду. Экзаменъ по гражданскому праву сошелъ также прекрасно. Всѣ обстоятельства для того, чтобы мое оставленіе при университетѣ могло осуществиться, складывались благопріятно. Въ концѣ экзамена я зашелъ къ П. А. Лавровскому и разсказалъ ему о благополучномъ исходѣ большей части экзаменовъ, сказалъ въ то же время о предложеніи, полученномъ мною отъ Пахмана, и что я, кажется, остановлюсь на гражданскомъ правѣ, которымъ изо всѣхъ юридическихъ наукъ я болѣе всего занимался. Онъ отнесся къ этому признанію поощрительно и обѣщалъ въ совѣтѣ свое содѣйствіе. Экзамены окончились, но оставалось еще серьезное дѣло—приготовленіе диссертаціи. Я поспѣшилъ уѣхать домой и къ осени вчернѣ заготовилъ диссертацію по гражданскому же праву. Вернувшись въ Харьковъ въ концѣ августа, я, пользуясь университетской библіотекой, принялся за окончательную разработку диссертаціи и въ октябрѣ мѣсяцѣ подалъ ее декану. Въ то же время диссертація эта, озаглавленная: „О характерѣ правъ наемщика по договору имущественнаго найма“, была отправлена черезъ одного бывшаго харьковскаго студента, служившаго въ Петербургѣ, въ редак-

цію Журнала Министерства Юстиціи, принята ею и напечатана въ февральской книжкѣ журнала за 1865 годъ. Въ ноябрѣ 1864 года я получилъ кандидатскій дипломъ и оффиціальный вопросъ черезъ декана (А. И. Палюмбецкаго), желаю ли я остаться при университетѣ на стипендію для приготовленія къ экзамену на магистра.

Этимъ собственно и окончились мои отношенія къ Харьковскому университету, но не совсѣмъ окончились отношенія къ его профессорамъ. Предложеніемъ остаться при университетѣ я не воспользовался по „семейнымъ обстоятельствамъ". Задумавъ жениться, я долженъ былъ скорѣе устроить свое матеріальное положеніе. Въ ноябрѣ же мѣсяцѣ 1864 года я записался кандидатомъ на должность судебнаго слѣдователя при Харьковской уголовной палатѣ, а въ декабрѣ получилъ 2 предложенія занять мѣсто слѣдователя: въ Екатеринославской и въ Тульской губерніяхъ. Екатеринославскій губернскій прокуроръ обратился къ Д. И. Каченовскому съ просьбой рекомендовать ему кого-либо изъ извѣстныхъ ему кандидатовъ Харьковскаго университета, и Каченовскій, знавшій о моемъ отказѣ отъ оставленія при университетѣ и о поступленіи въ уголовную палату, рекомендовалъ ему меня. Тульскому прокурору рекомендовалъ меня старшій братъ моей невѣсты, служившій въ Тулѣ предсѣдателемъ одной изъ палатъ. Сообразно своимъ „семейнымъ обстоятельствамъ", я избралъ Тулу, поѣхалъ въ этотъ городъ представиться прокурору, а въ слѣдующемъ мѣсяцѣ (январѣ 1865 г.) поступилъ учителемъ въ Тульскую гимназію, гдѣ въ это время былъ замѣчательный педагогическій составъ. Директоромъ гимназіи былъ И. Ѳед. Гаяринъ, инспекторомъ Евг. Льв. Марковъ. Съ ними я познакомился немедленно по пріѣздѣ въ Тулу черезъ одного изъ гимназическихъ учителей.

Названныя лица и нѣкоторые изъ преподавателей равно отличались и талантливостью, и любовью къ своему дѣлу.

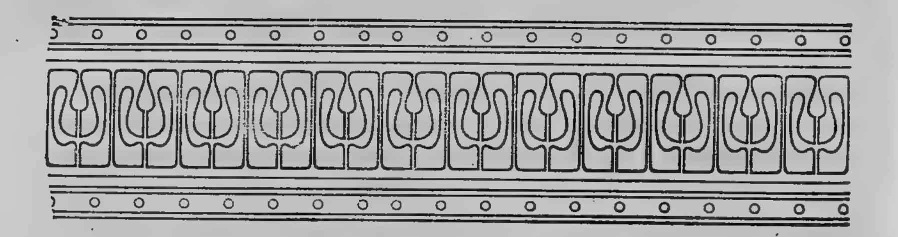
Въ Тульской гимназіи я служилъ всего $^{1}/_{2}$ года. Гаяринъ перешелъ въ Москву окружнымъ инспекторомъ, Марковъ—директоромъ въ Симферополь, нѣкоторые учителя перешли въ столицы; составъ гимназіи радикально измѣнился; я также получилъ возможность перейти въ Петербургъ.

Но кратковременное пребываніе въ Тульской гимназіи увлекло меня въ педагогическую дѣятельность, и я оставался при этой дѣятельности болѣе 30-ти лѣтъ.

Въ 1896 г., обезпеченный пенсіей по должности инспектора классовъ женскаго института, и сохраняя службу только въ учебномъ комитетѣ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи, я вернулся къ оставленнымъ мною занятіямъ юридическими науками и вмѣстѣ съ тѣмъ оживилъ свои старыя харьковскія связи. Изъ моихъ харьковскихъ профессоровъ оставался въ живыхъ только С. В. Пахманъ, который еще въ 1866 году перешелъ въ С.-Петербургскій университетъ, а въ 1880-хъ годахъ былъ назначенъ сенаторомъ. Случайно встрѣтившись съ нимъ въ Петербургѣ, вскорѣ послѣ его перехода туда, я получилъ приглашеніе заходить къ нему и нѣсколько разъ посѣтилъ его. Возобновивъ свои юридическія занятія, я возобновилъ и знакомство съ нимъ, и въ 1898 году, по его просьбѣ, взялъ на себя разборъ нѣкоторыхъ рукописей, относящихся къ юридическимъ обычаямъ инородцевъ Западной Сибири и присланныхъ къ Пахману, какъ къ предсѣдателю комиссіи при Географическомъ Обществѣ по собиранію народныхъ юридическихъ обычаевъ. Составленная мною на основаніи помянутыхъ рукописей статья помѣщена Пахманомъ въ изданномъ подъ его редакціей въ 1900 году II томѣ Сборника народныхъ юридическихъ обычаевъ, составившемъ XVIII томъ Записокъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по Отдѣленію этнографіи. Въ 1903, 1904 и 1905 г.г. были напечатаны въ журналѣ „Вѣстникъ Права" 2 моихъ доклада, сдѣланные въ гражданскомъ отдѣленіи Юридическаго Общества при С.-Петербургскомъ университетѣ, по поводу нѣкоторыхъ статей проекта новаго Гражданскаго Уложенія и, кромѣ того, статья: „Вопросъ о родовыхъ имуществахъ въ депутатскихъ наказахъ 1767 года". Оттиски этихъ статей я всегда съ особеннымъ удовольствіемъ относилъ Семену Викентьевичу, который постоянно съ большимъ интересомъ относился и къ вопросамъ, мною затрагиваемымъ, и къ моимъ работамъ по нимъ. Затѣмъ занятія юридическими вопросами, чуждыми гражданскаго права, отвлекли меня снова отъ занятій, которыя могли интересовать Пахмана, и я довольно долго у него не былъ. Въ маѣ 1909 года, напечатавъ брошюру: „Очередные вопросы наслѣдственнаго права", я занесъ экземпляръ ея къ старому наставнику. Меня предупредилъ швейцаръ, что сенаторъ боленъ и давно никого не принимаетъ, но предложилъ доложить обо мнѣ. Меня больной принялъ, но вовсе не узналъ меня и не скоро понялъ, чего собственно я хочу отъ него. „Такъ эту книгу я могу оставить у себя?"—спросилъ онъ наконецъ. Я

подтвердилъ свою просьбу принять ее. Онъ выказалъ особенную любезность, выйдя въ переднюю провожать меня, но такъ до послѣдняго моего поклона не вспомнилъ ничего изъ нашихъ прежнихъ отношеній. Въ ноябрѣ слѣдующаго—1910—года я присутствовалъ при отпѣваніи и проводилъ до могилы тѣло послѣдняго изъ моихъ харьковскихъ профессоровъ.

А. Вороновъ.



Шесть мѣсяцевъ въ Курляндіи.

IV [1].

Нападеніе латышей на пасторатъ. — Перестрѣлка.—Изъ первоначальной исторіи латышей.—Ихъ религія.—Отношеніе къ нѣмецкимъ пасторамъ.—Курляндское дворянство.—Освобожденіе курляндскихъ крестьянъ.—Раздутый бунтъ 1841 года.—Подавленіе его.—Пасторы.—Демонстраціи въ киркахъ.—Закрытіе ихъ.—Католическіе приходы.—Ревизія сенатора Манассеина.—Аграрный вопросъ.—Отношеніе латышей къ русскимъ.

Между тѣмъ толпы собирались. 26 іюля испр., касса и архивъ Грингофскаго волостного правленія, а равно и еще въ другихъ волостяхъ были сожжены дѣла и зерцала. Согласно извѣстіямъ, тогда же крестьянскіе безпорядки охватили Бausскій и Туккумскій уѣзды. При чемъ въ одномъ мѣстѣ, по слухамъ, собралась толпа въ нѣсколько тысячъ человѣкъ и произвела до 60 выстрѣловъ въ казаковъ, но была ими разсѣена.

По словамъ учителей, которымъ можно было вѣрить, испр., старымъ экономомъ, послѣднее время шайки перестали собираться въ большемъ числѣ. Но рядомъ съ этимъ пошелъ со всѣхъ сторонъ упорный слухъ, что на 15 августа подготовляется повсемѣстная какая-то необычная демонстрація. Но и 15-е прошло благополучно. Вообще разныхъ тревожныхъ слуховъ много ходило. Начинало брать сомнѣніе, да собирались ли, по крайней мѣрѣ въ дальней мѣстности, такія громадныя шайки

[1]) См. „Русскую Старину“ май 1912 г.

(до 5 т.), какъ о томъ оффиціально доносилось начальству. Чтобы это провѣрить, мы поѣхали въ пасторатъ (усадьба пастора) въ 8 вер. отъ им. Гофцумберга и Кирхи. Такое отдѣленіе пастора отъ Кирхи, между прочимъ, насъ не мало удивило. „25 іюля на дворѣ пастората (такъ доносилось губернатору) явилась громадная толпа около 5 тыс. человѣкъ". Видя еще издали приближеніе ея, пасторъ съ женою незамѣтно ускользнули въ лѣсъ, а оттуда пѣшкомъ пробрались на ближайшую (15 вер.) жел. станцію и благополучно уѣхали въ Митаву. Толпу бѣглецовъ видѣли издали. У страха глаза велики.

Латыши выломали окно пасторскаго кабинета, влѣзли, собрали метрическія и другія книги прихода и сожгли. Но изъ вещей въ домѣ ничего не тронули. Стоявшіе тогда въ Гофцумбергѣ казаки, узнавъ о появленіи толпы, поспѣшили на выручку, но „вслѣдствіе малочисленности" (17 челов.) напасть на латышей не рѣшились. Повстанцы по нимъ открыли якобы огонь; казаки „залегли" и „завязали" перестрѣлку; истратили по 5 патроновъ, т. е. 85 и ушли себѣ восвояси. Казачій офицеръ говорилъ, что толпа была въ 5 т., что онъ „ясно видѣлъ", какъ (только) одна пуля „попала въ цѣль" и „какъ убитаго потащили". Мы по этому поводу разспрашивали пасторскаго вагара. Онъ 20 лѣтъ прослужилъ и преданъ своему хозяину вполнѣ. Всѣ о немъ дали самые лестные отзывы. И вотъ этотъ почтенный вагаръ, очевидецъ, говорилъ, что вся толпа до послѣдняго человѣка стояла во дворѣ, что численность ея не превышала 400 человѣкъ (объ этомъ свидѣтельствовалъ и самый размѣръ двора, большого числа людей онъ вмѣстить не можетъ), что ни одна казачья пуля въ цѣль не попала. Мы видѣли вытоптанное мѣсто въ несжатомъ еще хлѣбѣ, откуда стрѣляли казаки. Отстояло оно всего лишь на 300 шаговъ отъ двора. Да, плоховато владѣла эта команда казаковъ винтовками. Но зато въ совершенствѣ... нагайками. Сколькихъ батраковъ она перебила... Мы видѣли одну жертву, много спустя послѣ экзекуціи, въ весьма плачевномъ состояніи.

Въ Гофцумбергскомъ пасторатѣ, какъ и въ другихъ, были сожжены метрическія книги. Равнымъ образомъ при разгромахъ волостныхъ правленій революціонеры особенно тщательно истребляли тѣ документы, на основаніи которыхъ составляются призывные списки. Цѣль—затруднить ожидавшуюся дополнительную мобилизацію и даже сдѣлать ее, какъ они полагали, невозможною; а также и осенній призывъ новобранцевъ, кото-

рыхъ агитаторы убѣждали ни въ какомъ случаѣ не давать. Весь латышскій народъ всегда относился и относится враждебно къ пасторамъ. Исторія страны объясняетъ причину этого.

До появленія нѣмцевъ латыши были язычники. Хотя у нихъ въ качествѣ главнаго божества и былъ Перкунъ, властитель вселенной (Дэвсъ или Вацай-тэвсъ—старый отецъ), но предпочтеніе отдавалось второстепеннымъ богамъ, домашнимъ, которыхъ было множество. Вообще религія была запутана, понятія о ней шатки. *Касты жрецовъ*, жившихъ на счетъ народа, у латышей *не было*. Нѣмцы силою принудили ихъ принять христіанство. Многіе латыши при первой возможности снова возвращались въ язычество. Но мечъ „рыцарей Креста“ безпощадно стиралъ отступниковъ съ лица земли; вѣдь, числомъ вырѣзанныхъ язычниковъ у нихъ измѣрялась заслуга предъ Богомъ! Къ тому же это было и выгодно—имущество отступниковъ дѣлалось достояніемъ благочестиваго Ордена, т. е. „убогихъ монаховъ“. Папскія буллы, призывавшія крестоносцевъ въ Ливонію, воспрещали обращать въ рабство жителей „если они примутъ христіанство и *пока останутся христіанами*“. И, благодаря этому позволенію, съ теченіемъ времени весь народъ былъ обращенъ въ полнѣйшее рабство. Члены Ордена и его васалы получили „Suspleni domini et proprietatis“ (право неограниченнаго господства надъ личностью и собственностью) и еще одно право, которымъ широко пользовались—жизни и смерти. Одинъ изъ лучшихъ магистровъ Плеттенбергъ (1494—1534) пытался ограничить этотъ вопіющій произволъ хотя такимъ постановленіемъ: „кто *хочетъ* присудить своихъ людей къ смертной казни, долженъ взять для того двухъ людей магистрата, свѣдущихъ въ законномъ правѣ“.

Могъ ли народъ иначе относиться къ этимъ „рыцарямъ божіимъ“, т. е. ко всему гнетущему его духовенству, какъ не съ ненавистью! Припомнимъ, что, къ довершенію всего, рыцари давали обѣтъ цѣломудрія (celibat), на дѣлѣ же были превеликіе поклонники жизненныхъ утѣхъ.

Но—„все великое земное разлетается, какъ дымъ“. И могущественный Орденъ палъ. Рыцари обратились въ дворянъ. Хотя безграничное безправіе въ странѣ съ теченіемъ времени нѣсколько послабѣвало, но все-же дворяне въ своихъ владѣніяхъ по-прежнему были полными владыками и по своему усмотрѣнію чинили судъ и расправу надъ крестьянами. Они являли изъ себя всесильное сплоченное сословіе, ревниво охра-

нявшее только свои интересы, свои привилегіи въ феодальномъ духѣ; они составляли въ странѣ все; о крестьянахъ, какъ о сословіи, не могло быть и рѣчи. По законамъ, дворяне, могли судиться только дворянами.

Населеніе края приняло лютеранство. Но отъ этого народу стало не легче. Въ числѣ привилегіи дворянства сохранилась съ нашихъ дней одна: „право помѣщиковъ назначать въ свои приходы пасторовъ по своему усмотрѣнію“. Всѣ кирки принадлежатъ дворянству; пасторы—ихъ ставленики, зависящіе отъ нихъ и въ матеріальномъ отношеніи (усадьбы, въ которыхъ живутъ пасторы, и земля, принадлежащая къ нимъ, по большей части, помѣщичьи). Поэтому пастырь-нѣмецъ для народа—чужой.—„Это не нашъ пасторъ,—нѣмецкій“, говорятъ латыши, и только въ силу необходимости обращаются къ нему.

25 августа 1817 г. курляндское дворянство освободило крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Но латыши не могутъ праздновать этотъ день—положеніе ихъ отъ того только ухудшилось. На одномъ изъ ландтаговъ ландратъ Самсонъ сказалъ по этому поводу: „дворянство сдѣлало для себя выгодную аферу“ (ein dutes Gescheft)“. Актомъ 25 авг. латышъ, „исконный хозяинъ, балтійскихъ береговъ“, былъ лишенъ земли. „Мы, курляндское, предоставляя себѣ одно право собственности на землю“. И это дворянство, говорится въ актѣ, отрекаемся отъ всѣхъ правъ, „право“ повлекло за собою послѣдствія, закончившіяся нынѣ кровавымъ актомъ. „Только теперь окончательно мы завоевали Прибалтійскій край“, сказалъ одинъ изъ лидеровъ дворянства послѣ подписанія акта 25 авг. 1817 г.

Если латышъ послѣ того не хотѣлъ умереть съ голоду, онъ долженъ былъ просить помѣщика о сдачѣ ему участка земли, конечно, на условіяхъ, которыя ему продиктовалъ отпустившій его на свободу благодѣтель.

Страшный голодъ 1840 и 1841 гг. въ конецъ подорвалъ экономическое положеніе крестьянъ. Аграріи, „у которыхъ амбары ломились отъ хлѣба“, отказали въ просимой помощи. Доведенный до отчаянія народъ прибѣгнулъ не къ бунту, что ожидать было можно, а къ рѣшенію переселиться въ „русскія“ губерніи и—принять православіе—„исповѣдывать одну религію съ царемъ“. И къ исполненію послѣдняго намѣренія приступилъ немедленно. Тогда генералъ-губернаторъ, остзенцъ же гр. Паленъ, энергично этому воспротивился и въ донесеніяхъ

своихъ всему этому придалъ характеръ опаснаго народнаго движенія.

Приходившихъ въ Ригу принимать православіе пороли у... архіерейскаго дома... И „бунтъ“ былъ подавленъ при помощи войска... Вообще этотъ эпизодъ является прекрасной иллюстраціей системы управленія краемъ. Правительство довѣрилось дворянству, дѣлало по его настоянію все, чтобы оттолкнуть отъ себя и обозлить народъ, а нѣмцы, „окончательно завоевавшіе страну“, подготовили въ своемъ ослѣпленіи весьма непріятныя для себя послѣдствія. Къ мирному, спокойному соглашенію, по нашему глубокому убѣжденію, враждующимъ сторонамъ не прійти. Въ послѣдніе дни бароны, добровольно ставшіе во главѣ карательныхъ отрядовъ, принявшіе энергичное участіе въ подавленіи возстанія, подлили масла въ огонь и безъ того всегда горѣвшій. Этого послѣдняго имъ латыши никогда не забудутъ.

Но, несмотря на подавленіе „мятежа“ въ 1841 г., стремленіе латышей отдѣлаться отъ лютеранства прорвалось съ неудержимою силою и въ 1845 г., когда болѣе 20 т. ихъ перешло все-таки въ православіе. Хотя правительство крутыми мѣрами и не препятствовало уже тогда переходу, но все-же, въ угоду остзейскому дворянству, обставило его стѣснительными формальностями.

Конечно, не православіе само по себѣ влекло латышей, а желаніе лишь не быть съ нѣмцами даже одной религіи, которая до нѣкоторой степени ихъ только и соединяла.

Тотъ общій и въ послѣднее время открытый протестъ латышскаго народа противъ пасторовъ не служитъ конечно доказательствомъ, что между послѣдними нѣтъ достойныхъ личностей, отдавшихся честно служенію своей паствы.

Звѣздой первой величины въ этомъ отношеніи является, напр., 80-ти лѣтній добеленскій [1]) пасторъ Августъ Биленштейнъ, предсѣдатель Латышскаго Лютер. Общества. Онъ составилъ превосходную латышскую грамматику, редактировалъ изданную въ Митавѣ (1877 г.) библію на латышскомъ языкѣ, издалъ большое собраніе народныхъ пѣсенъ. На эти подвиги его несомнѣнно могла воодушевлять только любовь къ народу,

---

[1]) М. Добеленъ Митаво-Боусскаго у. на небольшой р. Берзы съ живописными развалинами древняго укрѣпленнаго замка, основаннаго въ 1263 г. магистромъ фонъ Мейгеймомъ. Въ началѣ XVIII ст. замокъ былъ еще обитаемъ.

служенію которому онъ посятилъ свою жизнь. Казалось, латыши должны были цѣнить это, а также и понимать, что п. Биленштейнъ основательно разработалъ ихъ языкъ, издавъ многочисленные труды по народовѣдѣнію и исторіи, способствовалъ развитію въ нихъ самопознанія и національному подъему. Вѣдь, къ тому самому стремятся младолатыши, только къ сожалѣнію инымъ путемъ. А между тѣмъ латыши не пощадили и Биленштейна. Они напали на его пасторатъ, сожгли приходскія книги и всѣ бумаги лично пастора, рукописи, многочисленный собранный имъ матеріалъ для намѣченныхъ работъ. Глубоко вкоренилась въ душу латышей ненависть къ чужому для него пастору!

Пришлось намъ ближе узнать одного пастора, добраго гуманнаго, всецѣло, даже фанатически, преданнаго своему дѣлу. Его пасторатъ какъ-то избѣгъ общей участи, и онъ самъ въ числѣ очень немногихъ не покинулъ приходъ, но чувствовалъ свое положеніе ненадежнымъ. Богослуженіе совершалъ подъ охраною. Мы видѣли въ киркѣ изрядное количество палокъ, приготовленныхъ, чтобы было чѣмъ обороняться. Были частые случаи, что соціалисты не останавливались даже предъ избіеніемъ служителя алтаря въ самой церкви.

Въ одно изъ воскресеній этотъ же пасторъ служилъ обѣдню. Толпа революціонеровъ около самой кирки устроили „народный митингъ“. Произносились зажигательныя рѣчи вообще и въ частности, что пасторовъ-дармоѣдовъ не нужно, а также и учить дѣтей закону Божьему и пр. въ этомъ духѣ.

Все это возмутительное выкрикиваніе хорошо слышно было въ киркѣ и мѣшало богослуженію. Пасторъ не выдержалъ, вышелъ и обратился съ просьбою отойти нѣсколько дальше. Его грубо оборвали... Служи себѣ тамъ! „мы тебѣ не мѣшаемъ, но не мѣшай и намъ служить здѣсь свою обѣдню, а не то“... послѣдовали угрозы.

Этотъ самый пасторъ, когда въ волость (его приходъ) явился тысячный карательный отрядъ, надоѣдалъ начальству своими просьбами о смягченіи участи многочисленныхъ арестованныхъ; ежедневно приходилъ къ нимъ „молиться вмѣстѣ“, утѣшать. Заключенные отъ моленія, впрочемъ, уклонялись. И все это едва не кончилось для пастора довольно печально. По доносу солдата-латыша, сопровождавшаго его къ арестованнымъ, пастора (нѣмца) заподозрили въ неблагонадежности. Отдано было приказаніе посадить его подъ арестъ. Къ счастью, вспыльчивый, но добрый начальникъ карательнаго отряда смягчился и

далъ себя убѣдить, что слова пастора были или умышленно извращены, или не такъ поняты солдатомъ.

Лѣтомъ 1905 г. демонстраціи въ киркахъ, начавшіяся въ краѣ еще и раньше, стали повторяться почти каждое воскресенье, сталкивали пасторовъ съ каѳедръ во время, произнесенія ими проповѣди, вытаскивали изъ кирокъ. Въ одной изъ нихъ выпустили голубя съ красной лентой на шеѣ съ подписью: „долой пасторовъ"; принуждали ихъ нести красные флаги; при отказѣ—избивали, а послѣ, воткнувъ древко за воротникъ, силою вели впереди процессіи; вообще продѣлывали всякія издѣвательства. Пѣли въ киркахъ революціонныя пѣсни. „Проснитесь, рабочіе люди". Во время произнесенія молитвы за Царя поднимали неистовые крики и пр. Въ Сатенской киркѣ неизвѣстными, пріѣхавшими на велосипедахъ, во время богослуженія была брошена бомба съ вонючею жидкостью. Одно воскресенье особенно ознаменовалось возмутительными демонстраціями во многихъ киркахъ. Въ Грингофской, напр., появились 20 пріѣзжихъ демонстрантовъ. Одинъ изъ нихъ угрожалъ пастору револьверомъ, трое другихъ, взойдя на каѳедру, ударили пастора кулакомъ по головѣ и разорвали на немъ облаченіе.

Лютеранская консисторія распорядилась закрыть всѣ кирки, подвергнувшіяся оскверненію. Однако это только побудило революціонеровъ къ устройству въ слѣдующее же воскресенье цѣлаго ряда неистовствъ въ другихъ киркахъ. Они не остановились даже предъ такимъ возмутительнымъ и при томъ безсмысленнымъ подвигомъ, какъ разрушеніе Лаздоунскаго кладбища.

Консисторія еще закрыла нѣсколько кирокъ. „Прихожане иногда пытались защищать своихъ пасторовъ", но якобы, „не имѣя оружія, не въ силахъ были бороться съ вооруженными агитаторами". Нѣсколько сотъ противъ нѣсколькихъ. Во время одной изъ такихъ попытокъ былъ убитъ выстрѣломъ изъ револьвера въ Кронсесовской киркѣ (Митавскаго у.) баронъ Бистромъ и раненъ предводитель дворянства баронъ Ганъ. Въ данномъ случаѣ защитниками были нѣмцы; о защитникахъ же изъ латышей—не слышали.

Всего этого безобразія между прочимъ не было въ католическихъ природахъ [1]). Ксендзы, они не изъ нѣмцевъ, сумѣли расположить къ себѣ свою паству. Самое революціонное движе-

---

[1]) По вѣроисповѣданіямъ населеніе Кур. г. распредѣляется такъ: католиковъ 75 т., костеловъ 20; лютеранъ 510 т., кирокъ 102; православныхъ 25 т., четней 23, монастырей 2; іудеевъ 52 т.

ніе между латышами-католиками было слабѣе, анархическаго же и совсѣмъ не замѣчалось. Въ воскресенье около самой стѣны Шрунденской кирки во время обѣдни происходилъ бурный митингъ. Случайно въ толпѣ находилось нѣсколько человѣкъ католиковъ, пріѣхавшихъ за покупками. По окончаніи митинга къ нимъ подошли демонстранты лютеране съ заявленіями, что въ слѣдующее воскресенье они явятся къ нимъ въ Лененъ и около костела устроятъ такое же собраніе. Въ отвѣтъ на это лененцы, показывая здоровенные кулаки, категорически объявили: „Попробуйте только, мы вамъ всѣ ребра переломаемъ".

Еще примѣръ: въ послѣднихъ числахъ ноября, когда движеніе принимало уже грозные размѣры, когда пасторамъ рискованно было показываться даже на улицахъ, деканъ Гольдингенскаго костела ѣхалъ въ уѣздъ къ больному. Около корчмы, по дорогѣ, стояла подвыпившая толпа крестьянъ. Завидя приближающійся хорошій экипажъ и сидѣвшаго въ немъ „господина" и принимая его, вѣроятно, за нѣмца, латыши начали угрожающе галдѣть. Когда же экипажъ подъѣхалъ, то нѣсколько человѣкъ, узнавъ сидящаго въ немъ, бросились зажимать рты кричавшихъ со словамъ—„тише, тише—это нашъ ксендзъ!" Всѣ умолкли и, почтительно снявъ шапки, привѣтствовали декана: „labden, labden!" (добрый день).

Знаменитая ревизія Прибалтійскаго края сенаторомъ Манассеинымъ (1882 г.), имѣвшая цѣлью раскрыть обособленность мѣстнаго строя, вызвала большое оживленіе среди латышей и эстовъ. Въ числѣ просимыхъ ими тогда реформъ первое мѣсто занимало: предоставленіе народу права выбирать *своихъ* пасторовъ и обращеніе начальной школы въ дѣйствительно народную, съ изъятіемъ ея изъ-подъ власти *нѣмецкихъ пасторовъ*.

Другія ихъ пожеланія были слѣд.: выкупъ усадебъ по правительствомъ установленной таксѣ, надѣленіе землею батраковъ, распространеніе на мызныя земли (помѣщичьи) повинностей, тяготѣющихъ исключительно на крестьянскихъ земляхъ, и, наконецъ, реформа суда.

Между прочимъ Манассеинъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ указывалъ на возможность катастрофы, какъ на неизбѣжное слѣдствіе ненормальныхъ взаимныхъ отношеній привилегированнаго нѣмецкаго дворянства и мѣстнаго населенія.

Движеніе противъ пасторовъ и какъ-бы самой религіи составляетъ отличительную черту прибалтійской революціи; поэтому о ней мы нѣсколько и распространились. Но этимъ, конечно, и ограничивалось—революція шла, что называется, во

всю, нося также и общій, какъ и въ русскихъ губерніяхъ, характеръ, съ политическими убійствами, аграрными безпорядками и пр. Броженіе среди латышей, собственно таившееся всегда, особенно усилилось въ послѣднюю четверть прошлаго столѣтія. Но съ 1903 г. начало принимать иное направленіе и вылилось, наконецъ, въ рѣзко революціонной и даже анархической формѣ. Въ краѣ работали „латышская соціалъ-демократическая партія" и „латышскій рабочій союзъ" (соц.-рев.).

Земля въ Прибалтійскомъ краѣ приблизительно распредѣлена такъ: три четверти ея принадлежитъ помѣщикамъ-дворянамъ и казнѣ; остальная крестьянамъ-усадебовладѣльцамъ и арендаторамъ. Не слѣдуетъ упускать изъ вида, что размѣры усадебъ 25—50 и даже до 80 дес. Въ одной Курляндской губ. латышей (въ круглыхъ числахъ) 500 т.; нѣмцевъ—городской буржуазіи и дворянъ, упорно отстаивающихъ свои феодальныя привилегіи, около 40 т. Къ числу мелкихъ владѣтелей надо еще отнести великороссовъ, бѣлоруссовъ и поляковъ—ихъ около 19 т. Цифры говорятъ сами за себя. Число землевладѣльцевъ-крестьянъ по отношенію къ остальной массѣ, составляющей безземельный пролетаріатъ, ничтожно.

„Помѣщики, сдавая въ аренду, или продавая арендные участки, удержали за собою почти всѣ права и перевели всѣ тяготы и повинности на земельные участки; они оставили за собою право охоты, рыбной ловли, винокуренія, пивоваренія, право содержать корчмы (и теперь), шинки, право заводить фабрики, заводы".

Что въ Прибалтійскомъ краѣ положеніе вещей ненормально, давно уже было извѣстно. Объ этомъ въ свое время писалъ Погодинъ, Самаринъ. Правительство кое-что даже дѣлало: способствовало, путемъ принудительнаго отчужденія отъ крупныхъ землевладѣльцевъ, переходу въ собственность крестьянъ незначительнаго, впрочемъ, количества земли. Но самая покупка участковъ, а также и аренда ихъ обставлены были великими трудностями, доступными небольшому числу счастливцевъ, что и не могло внести успокоенія, такъ какъ не касалась большинства. Въ экономической борьбѣ съ нѣмцами латыши не нашли себѣ сильной и искренней поддержки правительства. Это вызвало накопленіе неудовольствія, перешедшаго послѣ въ открытый и кровавый протестъ. Среди рабочихъ и батраковъ соціалисты нашли поэтому благопріятную почву для проповѣди. Обездоленные батраки, эти прибалтійскіе паріи, легко ловятся на удочку несбыточныхъ обѣщаній, на которыя такъ щедры

агитаторы. Число батраковъ въ трехъ губерніяхъ около 600 т., а арендаторовъ и собственниковъ только 60. Изъ этихъ 600 т. небольшая часть живетъ въ городахъ и составляетъ классъ рабочихъ. Положеніе ихъ не только не хуже, но даже лучше положенія русскаго рабочаго, да и не одного только русскаго. Остальная масса—это рабочіе у помѣщиковъ и у крестьянъ-собственниковъ.

„Въ безземельной массѣ населенія живетъ ничѣмъ не заглушимая потребность земельной собственности, удовлетвореніе которой нынѣ представляется возможнымъ лишь въ видѣ исключенія, ибо политика нѣмцевъ клонится къ недопущенію образованія мелкаго землевладѣнія, чтобы обезпечить свои крупныя хозяйства рабочею силою". Но подлежитъ сомнѣнію, что на этотъ счетъ у нихъ давно уже существуетъ тайное соглашеніе—они выработали нормы платы, а главное: недовольный своимъ положеніемъ у одного помѣщика батракъ не можетъ перейти къ другому—его не примутъ. И свободное повидимому балтійское крестьянство на дѣлѣ является закрѣпощеннымъ.

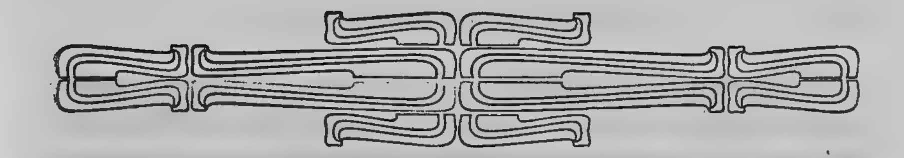
Изъ латышей, при ихъ склонности къ землѣ и трудолюбію, вышли бы превосходные хозяева. Но батраки не могутъ осуществить своихъ стремленій въ родной сторонѣ, пока выработанный нѣмцами экономическій строй не измѣнится. Дворяне могутъ продавать свои имѣнія только дворянамъ, а многіе никому—заповѣдныя имѣнія фидеикомиссы. Казна не хочетъ разстаться съ принадлежащими ей многочисленными имѣніями, хотя они плохо эксплоатируются и идутъ къ упадку. Владѣльцы же латыши цѣпко держатся за свои участки и ни за что не выпустятъ ихъ изъ своихъ рукъ. По установившемуся обычаю, усадьбы даже не дробятся раздѣлами, а переходятъ къ старшему сыну. И несчастный батракъ осужденъ на вѣчное батрачество.

Коренное населеніе края собственно всегда было на сторонѣ русскихъ и правительства. Никакого недоброжелательства у нихъ къ намъ не замѣчалось. Въ одной латышской пѣснѣ поется: „Русскому я даю свою сестрицу, а самъ себѣ беру литвинку. Хожу къ русскимъ, хожу и къ литовцамъ. Вездѣ мнѣ зятья, родня". Въ свое время латышей легко было руссифицировать. Достигнуть этого хотѣли, но пассовали передъ оппозиціею нѣмцевъ. Многіе изъ послѣднихъ всегда занимали высокіе посты и тормозили предпринимаемое. При Императорѣ Александрѣ III съ нѣмецкимъ элементомъ велась даже упорная борьба. Кое-что дѣлали, но не додѣлали. Когда же стали замѣчаться слабые еще предвѣстники народнаго движенія, власти

не пошли впередъ событій, остановились въ нерѣшительности, а въ концѣ концовъ предпочли въ предстоящей борьбѣ найти поддержку въ консервативномъ элементѣ края (по разсчету), т. е., въ нѣмцахъ. И достойное поощренія стремленіе народа выбиться въ Россію изъ нѣмецкихъ тисковъ, возродить задавленную ими племенную особенность, постепенно перешло въ открытое вооруженное возстаніе уже противъ того же правительства. И бушуетъ теперь взбаламученное народное море, и обильно льется напрасная кровь!

Е. А. Альбовскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).



Лѣтопись и мысли стараго педагога.

Окончилась Крымская война. Русскія войска, покрытыя кровью и славою, вернулись во внутреннія губерніи. При входѣ въ городъ, знамена, штыки, каски и экипажи украшались дубовыми вѣнками. Всюду народъ встрѣчалъ войска съ почетомъ и радостью. Въ честь ихъ слагались хвалебные гимны. Европейскіе журналы отдавали должную дань уваженія геройскому мужеству славнымъ защитникамъ Севастополя. Офицеры, бывшіе питомцы кадетскихъ корпусовъ, живые свидѣтели и участники изумительныхъ самоотверженныхъ подвиговъ, принимались какъ желанные и почетные гости. Военный мундиръ давалъ доступъ во всѣ гостиныя средняго и высшаго общества. Живо помню, съ какимъ радушіемъ принимали насъ—военныхъ—всюду.

Но уже въ концѣ 50-хъ годовъ отношеніе общества къ офицерамъ стало быстро измѣняться. Меня просили заѣхать въ одинъ кадетскій корпусъ, гдѣ воспитывался мой родственникъ. Въ пріемной комнатѣ, куда съ моимъ родственникомъ пришли еще нѣсколько кадетъ, я съ величайшимъ удивленіемъ услышалъ отъ нихъ, что военная служба ничего не представляетъ для ума и сердца порядочнаго человѣка, что она можетъ удовлетворять только тупицъ и людей малоразвитыхъ, что въ корпусѣ учатъ ихъ только ружистикѣ и шагистикѣ, что многіе изъ нихъ намѣрены послѣ выпуска и производства въ офицеры искать другихъ занятій и другой службы. Такъ говорила молодежь, нѣсколько лѣтъ готовившаяся къ службѣ въ войскахъ. Мое заступничество за военное званіе не имѣло успѣха. Я недоумѣвалъ, что за причина такого направленія среди молодежи.

Вернувшись въ Петербургъ, я увидалъ въ обществѣ явное пренебреженіе ко всему военному. Солдатчина, кадетчина, ремешокъ, бурбонъ и другія выраженія примѣнялись на каждомъ шагу ко всему, что носило военный мундиръ.

Странное и интересное это было время. Насталъ тотъ историческій моментъ, когда по тогдашнему выраженію „пробуждалась русская мысль“, и русское общество походило на школьниковъ, выпущенныхъ на свободу послѣ долгаго сидѣнія въ классѣ. Не только молодежь, но пожилыхъ стариковъ обуяла какая-то дѣтская радость. Поднятіе вопросовъ объ освобожденіи крестьянъ, о гласномъ судопроизводствѣ и другіе возбуждали нескончаемые разговоры. Всѣ спорили, волновались и увлекались.

Бостонъ, преферансъ и ералашъ были вытѣснены изъ частныхъ и изъ общественныхъ собраній. Сколько при этомъ горячаго, незрѣлаго, но благороднаго и возвышеннаго. О подпольныхъ интригахъ еще не было и рѣчи. Новыя педагогическія идеи также занимали видное мѣсто и въ разговорахъ, и въ литературѣ.

Въ высшихъ сферахъ тоже были недовольные современными качествами офицеровъ и постановкой обученія и воспитанія въ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Признавали, что эти заведенія, обходясь дорого, не приносятъ ожидаемой отъ нихъ пользы ни въ числѣ, ни въ качествѣ выпускаемыхъ офицеровъ, которые, при недостаточной научной подготовкѣ, обнаруживали малое знакомство съ условіями военнаго быта и требованіями военной дисциплины, при этомъ относились къ прямымъ своимъ обязанностямъ безъ необходимой серьезности и энергіи.

Начальники воинскихъ частей поэтому предпочитали офицеровъ, произведенныхъ изъ юнкеровъ, служившихъ въ частяхъ войска, которые были хотя менѣе образованы, чѣмъ кадеты, но были полезнѣе по своему большему знакомству съ военной служебной практикой.

Такое пониженіе офицерскаго состава арміи объяснялось тѣмъ, что при коренномъ обновленіи всего строя русской жизни открылось много занятій по другимъ отраслямъ общественной и частной дѣятельности, обѣщавшихъ болѣе выгодную карьеру и, повидимому, болѣе интересное по своей новизнѣ дѣло. Поэтому болѣе даровитые изъ окончившихъ курсъ въ кадетскихъ корпусахъ покидали военную службу.

При этомъ и приливъ дѣтей (своекоштниковъ) въ корпуса сталъ гораздо меньше.

Уже съ 1857 года начались нѣкоторыя измѣненія въ кадетскихъ корпусахъ. Особенное вниманіе было обращено на неудовлетворительность педагогическаго персонала.

Въ 1862 году учрежденъ былъ особый комитетъ изъ выдающихся дѣятелей военнаго вѣдомства и министерства народнаго просвѣщенія, коему поручено было всесторонне обсудить необходимыя перемѣны въ устройствѣ военно-учебныхъ заведеній.

Комитетъ этотъ призналъ, что слѣдуетъ отдѣлить общее образованіе отъ спеціально-военнаго, такъ какъ въ кадетскихъ корпусахъ сосредоточиваются воспитанники при большой разницѣ въ возрастѣ, что представляло значительныя неудобства въ примѣненіи къ нимъ одинаковыхъ требованій въ военныхъ упражненіяхъ и воинской дисциплинѣ. Признано также необходимымъ повысить образовательный цензъ воспитывающихъ и по возможности сблизить воспитательную и учебную части.

Результатомъ работъ этого комитета было отдѣленіе спеціальныхъ классовъ прежнихъ кадетскихъ корпусовъ въ особое заведеніе—военное училище и устройство общеобразовательныхъ заведеній военнаго вѣдомства, подъ названіемъ военныхъ гимназій. Къ занятію должностей воспитателей въ этихъ послѣднихъ заведеніяхъ положено допускать безразлично—военныхъ и гражданскихъ чиновъ, имѣющихъ солидное образованіе, улучшивъ при этомъ ихъ служебное положеніе, какъ въ матеріальномъ отношеніи, такъ и въ расширеніи круга ихъ правъ и обязанностей.

Преобразованіе старыхъ кадетскихъ корпусовъ въ военныя гимназіи происходило постепенно, съ цѣлью путемъ непосредственнаго опыта выяснить подробности новаго устройства.

Съ августа 1863 года началось, подъ руководствомъ директора генерала Г. Г. Даниловича, преобразованіе 2 кадетскаго корпуса.

Въ 1864 году я встрѣтилъ въ одномъ знакомомъ мнѣ семействѣ директора одного изъ московскихъ корпусовъ. Онъ долго разговаривалъ со мною о новомъ устройствѣ военныхъ гимназій и говорилъ при этомъ о новой роли воспитателей, о важномъ значеніи ихъ въ качествѣ руководителей подрастающаго поколѣнія. По его словамъ, воспитатель получаетъ въ свое распоряженіе отъ 25 до 30 дѣтей, за которыхъ онъ становится вполнѣ отвѣтственнымъ и въ учебномъ и въ воспитательномъ отношеніи, при чемъ ведетъ ихъ самостоятельно. Подъ конецъ бесѣды онъ предложилъ мнѣ должность воспитателя въ

его корпусѣ. Хотя я и находился подъ вліяніемъ господствовавшаго тогда общаго интереса къ педагогическимъ идеямъ и былъ въ приподнятомъ настроеніи отъ разсказовъ директора, но все-таки просилъ время, чтобъ обдумать его предложеніе и провѣрить себя.

Литература того времени много занималась педагогическими вопросами. Статьи Пирогова, Ушинскаго, Спенсера, Раумеръ и прочихъ возбуждали во мнѣ живой интересъ. Однажды я прочелъ такія мысли, высказанныя Ушинскимъ: „воспитатель, стоящій въ уровнѣ съ современнымъ ходомъ воспитанія, чувствуетъ себя живымъ дѣятельнымъ членомъ великаго организма, борющимся съ невѣжествомъ и пороками человѣчества, посредникомъ между всѣмъ, что было благороднаго и высокаго въ прошедшей исторіи людей, и поколѣніемъ новымъ, хранителемъ святыхъ завѣтовъ людей, боровшихся за истину и благо. Онъ чувствуетъ себя живымъ звеномъ между прошедшимъ и будущимъ и сознаетъ, что его дѣло, скромное по наружности, есть одно изъ величайшихъ дѣлъ исторіи, что на этомъ дѣлѣ зиждуться царства и имъ живутъ цѣлыя поколѣнія“.

Впечатлѣніе этихъ словъ на меня, еще очень молодого человѣка, было столь сильно, что я пересталъ колебаться и на другой же день послалъ докладную записку московскому директору и просилъ его о прикомандированіи меня къ корпусу въ качествѣ воспитателя. Въ маѣ мѣсяцѣ 1865 года и состоялось мое назначеніе.

Черезъ нѣсколько дней я представился главному начальнику военно-учебныхъ заведеній Н. В. Исакову.

Въ пріемную комнату его квартиры, кругомъ обставленную полками съ книгами, вышелъ Н. В., необыкновенно красивый, величественнаго вида. Онъ молча вперилъ въ меня глаза и нѣсколько времени оставался недвижимымъ. Затѣмъ обратился ко мнѣ со словами: „Вы очень молоды; чувствуете ли вы призваніе къ той дѣятельности, которую себѣ избираете, знакомы ли съ ней“? Получивъ мой отвѣтъ, онъ сталъ медленно ходить изъ одного конца комнаты въ другой, не глядя на меня; останавливался и смотрѣлъ въ окно, перелистывалъ книги и, все время не переставая, говорилъ о роли воспитателя, о томъ, какъ важно, чтобы онъ въ своей дѣятельности опирался на антропологическія науки, но что одна наука пока еще мало даетъ безъ другого фактора—нравственной личности воспитывающаго, что одни и тѣ же слова и мнѣнія производятъ на людей различныя впечатлѣнія, въ зависимости отъ качествъ тѣхъ, кто

ихъ говоритъ, насколько они сами внушаютъ довѣріе и имѣютъ авторитетъ. Говорилъ онъ очень складно, и рѣчь его лилась спокойно и ровно.

На меня Н. В. производилъ въ тѣ минуты впечатлѣніе человѣка, говорящаго съ самимъ собою и повторяющаго не разъ говоренное. Наконецъ онъ остановился и,—показалось мнѣ,—какъ будто удивился, увидѣвъ меня. „Мы ищемъ людей съ академическимъ образованіемъ, и я очень радъ принять васъ въ свое вѣдомство; желаю вамъ успѣха“, закончилъ онъ спокойнымъ однообразнымъ тономъ и отпустилъ меня.

Въ іюнѣ я пріѣхалъ въ Москву, гдѣ ласково былъ принятъ директоромъ И. В. Жданъ-Пушкинымъ.

Воспитанники были въ лагеряхъ въ селѣ Коломенскомъ, и черезъ нѣсколько дней мнѣ пришлось туда ѣхать. Отправлялось четыре воспитателя на смѣну дежурившихъ первую половину лѣта. Мы поѣхали всѣ вмѣстѣ на казенной линейкѣ тройкою, и я тутъ впервые познакомился съ моими новыми сослуживцами, отъ которыхъ узналъ нѣкоторыя подробности о своихъ предстоящихъ обязанностяхъ.

Подъѣзжая къ Коломенскому, мы были встрѣчены большой группой воспитанниковъ, которые бѣжали за линейкой съ веселыми лицами и привѣтственными криками. „Не правда ли, какія, повидимому, милыя дѣти, обратился ко мнѣ одинъ изъ воспитателей, и какъ намъ рады? Но дня черезъ два-три, быть можетъ, увидите совсѣмъ другое; не стройте иллюзій по этой встрѣчѣ“.

Воспитанники размѣщались въ длинныхъ парусиновыхъ шатрахъ, напоминавшихъ мнѣ наши лагерныя стоянки въ Петергофѣ. По концамъ каждаго шатра были отдѣльныя помѣщенія для офицеровъ. Перегородки были тоже изъ парусины на тиковой подкладкѣ. Здѣсь помѣщалась казенная кровать, столикъ и два стула.

Устроивъ свои вещи, я вышелъ изъ шатра къ воспитанникамъ. На Москву открывался изъ лагерей чудный видъ, а съ другой стороны виднѣлись старинныя историческія церкви села Коломенскаго. Я присѣлъ на скамейку около шатра, и меня тотчасъ же окружили воспитанники, видимо стараясь проникнуть и угадать, какого свойства послалъ имъ Богъ воспитателя. Разговаривали сначала сдержанно, потомъ охотно стали разсказывать о лагерныхъ порядкахъ. „Вы поведете насъ куданибудь подальше отъ лагеря?“ допрашивали они меня. Спросили, не голоденъ ли я, и раздобыли мнѣ стаканъ чаю и булку. Впечатлѣніе было хорошее и я, довольный всѣмъ, легъ спать.

На другой день началась моя новая служба. Воспитанники имѣли здоровый, веселый видъ. Строевыя занятія, гимнастика и всѣ передвиженія: въ столовую, на купанье, на учебныя занятія, совершались стройно, въ ногу, безъ разговоровъ. Очевидно, на эту сторону обращалось много вниманія, но на учебныя занятія шли не охотно и занятія эти отбывались только для формы. Въ свободное время воспитанники часто пѣли хоромъ, охотно играли въ городки, въ мячъ, лапту. Отношеніе къ воспитателямъ было довольно добродушное.

Дня черезъ три мнѣ пришлось поѣхать въ Москву по собственнымъ дѣламъ. Вернувшись на другой день, я вошелъ въ свою палатку и открылъ ящикъ стола, чтобы взять папиросъ, но ихъ тамъ не было. Я былъ увѣренъ, что забылъ ихъ въ Москвѣ, но вечеромъ, лежа уже въ постелѣ, услыхалъ тихій разговоръ между воспитанниками: „новый воспитатель хорошо съ нами обращается, а онъ сдѣлалъ такую гадость, стащилъ у него папиросы". На другой день повелъ я воспитанниковъ гулять, и дорогою разговоръ коснулся куренія. Я высказалъ, что второй день не курю, потому что забылъ папиросы въ Москвѣ. „Нѣтъ, вы ихъ не забыли, а у васъ ихъ стащили и мы знаемъ кто". Я не сталъ разспрашивать и сказалъ, что поднимать исторіи не стану, а они сами должны повліять на виновнаго. Пришли въ лѣсъ. Воспитанники просили меня распустить ихъ бродить по лѣсу. Я согласился, и при мнѣ остался только горнистъ; по сигналу должны были всѣ собираться. Черезъ часъ былъ поданъ сигналъ; начали собираться; лица у всѣхъ были возбужденныя, всѣ переглядывались и шептались. Когда двинулись въ обратный путь, то нѣкоторые пошли около меня и послѣ нѣкотораго колебанія и недомолвокъ, говорятъ: „а мы повліяли и съ виновнымъ расправились".—Какъ это расправились?—спрашиваю въ недоумѣніи. „Мы его высѣкли". Я остолбенѣлъ, сталъ ихъ бранить. „Ничего,—говорятъ,—это ему полезно, онъ не въ первый разъ замѣченъ". Придя въ лагерь, я былъ въ большомъ волненіи и недоумѣніи, какъ мнѣ поступить. Встрѣтясь съ директоромъ, я конфиденціально разсказалъ ему и спросилъ, что мнѣ слѣдуетъ дѣлать. „Ничего не дѣлать,—отвѣтилъ И. В.,—это недурно, что они такъ поступили, вы никому объ этомъ не говорите, ваше вліяніе на нихъ черезъ это только выиграетъ".

Прошла недѣля, воспитанники просятъ меня повести ихъ въ другую сторону за село Коломенское. Я согласился, и мы отправились въ сторону, гдѣ былъ мелкій кустарникъ и ого-

роды. Опять по просьбѣ воспитанниковъ я распустилъ ихъ. Не прошло и четверти часа, какъ слышу крикъ въ кустахъ; всѣ воспитанники бѣгутъ къ одному мѣсту и тамъ идетъ какая-то свалка. Самъ бѣгу туда и вижу, что воспитанники дерутся съ крестьянами; у многихъ въ рукахъ палки. Оказывается, что кадетами сдѣланъ набѣгъ на крестьянскіе огороды, гдѣ росли огурцы, и владѣльцы усмотрѣли это. Съ трудомъ удалось мнѣ прекратить драку. Разбранивъ крестьянъ, что они бросились расправляться съ дѣтьми, вмѣсто того, чтобы послать сказать мнѣ. „Это они не впервой,—говорили крестьяне,—пробовали жаловаться—ничего не выходитъ“. Собравъ воспитанниковъ, я сердитый и возмущенный повелъ ихъ домой и началъ говорить имъ о неприкосновенности чужой собственности. „Это фуражировка,—говорили они,—каждый годъ она бываетъ; мы имъ платимъ потомъ за убытки, ну, а подраться съ ними не мѣшаетъ; они прошлый годъ одного товарища чуть не до смерти избили, цѣлый часъ безъ памяти былъ, и въ лагерь пришлось его на рукахъ отнести“. Все это говорилось такимъ добродушнымъ тономъ, что сердце у меня отошло, но больше я ихъ въ дальнія прогулки не водилъ. По традиціямъ они должны были, въ теченіе лагерей, сдѣлать хоть одну фуражировку, иначе потеряютъ уваженіе товарищей и подвергли бы себя насмѣшкамъ за трусость.

По возвращеніи изъ лагерей, въ первыхъ числахъ августа, начались классныя занятія. Новыя программы, новыя требованія и порядки вызывали неумолкаемые разговоры. Комитеты воспитателей и преподавателей собирались два-три раза на недѣлѣ. Комитеты эти были нововведеніемъ, такъ какъ въ нихъ прежде участвовали только начальствующія лица. Директоръ гимназіи былъ прежде инспекторомъ классовъ въ томъ же заведеніи и зналъ все до тонкости. Хотя онъ и не былъ академикомъ, но былъ хорошо образованъ, начитанъ и стоялъ въ курсѣ дѣла. Спокойный, сдержанный, онъ внимательно выслушивалъ собесѣдника и говорилъ немного, но очень вѣско, тономъ, не допускавшимъ дальнѣйшихъ возраженій.

Воспитанный еще на старыхъ порядкахъ, онъ въ душѣ былъ имъ преданъ, но, видимо, старался усвоить и внушить подчиненнымъ новыя понятія и вѣянія. Очень внимательный и предупредительный къ служащимъ, онъ былъ по внѣшности суровъ и недоступенъ съ воспитанниками и очень къ нимъ требователенъ; никогда не заигрывалъ, а подчасъ былъ до того гнѣвенъ, что расправлялся по-старинному, забывая новыя вѣянія.

Въ то же время заботливость его о дѣтяхъ была замѣчательная; онъ зналъ характеръ и семейное положеніе почти каждаго изъ нихъ. Воспитанники очень боялись его, но безспорно цѣнили и уважали. Во время его болѣзни, помню, служили молебны и подавали просфоры. При серьезной невзгодѣ у каждаго изъ нихъ являлась особенная потребность поговорить съ директоромъ.

Воспитательный составъ былъ при моемъ поступленіи весьма разнообразенъ. Двое было изъ окончившихъ курсъ въ военной академіи, четверо—изъ духовной академіи, нѣсколько артиллеристовъ и нѣсколько старыхъ—изъ прежнихъ дежурныхъ офицеровъ. Естественно, что и взгляды на пріемы воспитанія были крайне разнообразны. Преподаватели были всѣ старой формаціи, со старыми пріемами и требованіями, но большинство очень недурно вели преподаваніе и достигали порядочныхъ результатовъ. Особенно хороши были математики. Они конечно прислушивались къ новымъ методамъ, одобряя ихъ, но не примѣняли.

Комитеты были трехъ родовъ: воспитательный, по возрастамъ [1]), называемый тогда дисциплинарнымъ, преподавательскіе и педагогическіе, въ которыхъ участвовалъ весь составъ засѣданія; въ послѣднихъ говорили обыкновенно не многіе: директоръ, инспекторъ и бывшіе студенты духовныхъ академій. Мы, молодые воспитатели, больше слушали и поучались. Вопросы, обсуждавшіеся въ нихъ, вначалѣ носили характеръ общій, теоретическій. Педагоги, окончившіе курсъ въ духовныхъ академіяхъ, со старикомъ Б. во главѣ, упорно стояли на томъ, что главное средство воспитанія есть серьезныя учебныя занятія, что они заключаютъ въ себя всѣ элементы для выработки характера, воли, привычки къ труду, самостоятельности и дисциплины; они очень скептически относились къ инымъ средствамъ, рекомендуемымъ въ то время. Они утверждали, что суровая школа предпочтительнѣе, ибо она вырабатываетъ стойкость, и умѣнье бороться съ жизненными невзгодами, а слащавая внѣшняя гуманность того времени якобы плодитъ слабость характеровъ и разводитъ оранжерейныя растенія, которыя гибнутъ въ суровой дѣйствительной жизни. Отвлеченные разговоры

---

[1]) Въ заведеніи было 6 классовъ, они соединялись въ 3 возраста, по 2 класса въ каждомъ. Возрасты жили въ одномъ зданіи, но отдѣльно, сходились только къ обѣду и въ церкви.

на этихъ комитетахъ занимали такъ много времени, что привели къ необходимости устроить общія педагогическія собранія всѣхъ военно-учебныхъ заведеній г. Москвы.

Мысль объ учрежденіи такихъ собраній принадлежала директору гимназіи И. В. В.-П. Они устраивались по субботамъ въ библіотекѣ I-й Московской военной гимназіи, подъ предсѣдательствомъ одного изъ директоровъ (впослѣдствіи другихъ лицъ по избранію). Одинъ или двое изъ участвующихъ читали рефераты и ставили тезисы для обсужденія. Споры были горячіе, но обыкновенно ни къ чему опредѣленному и реальному не приводившіе. Темы, конечно, болѣе касались злобы дня: элементарныхъ курсовъ, предметныхъ уроковъ, статей современныхъ авторовъ-педагоговъ—Спенсера, Ушинскаго, Пирогова, Раумера, Бенеке, Эрисмана и проч.

Памятны мнѣ рефераты о развитіи любви къ труду воспитанниковъ, читанные старымъ преподавателемъ одной изъ гражданскихъ гимназій, авторомъ многихъ учебниковъ. Онъ, между прочимъ, проводилъ ту мысль, что трудъ свободный и сознательный не есть трудъ въ настоящемъ значеніи этого слова, а человѣкъ, который можетъ оставить свою работу, если захочетъ и заинтересованъ самымъ содержаніемъ работы, не есть труженникъ, а дилетантъ труда. Настоящій трудъ есть тотъ, когда приходится роботать обязательно, часто безъ интереса къ содержанію труда, когда работа, во что бы то ни стало, должна быть окончена къ извѣстному времени, въ силу необходимости для личнаго существованія. Хитрить съ трудомъ, говорилъ онъ, нельзя; обходить трудности труда—невозможно. Трудъ потому и труденъ, что онъ трудъ. Такого труда люди боятся и избѣгаютъ. Усилить энергію въ трудѣ можно либо интересомъ, либо нуждою. Переходя къ учащимъ, онъ утверждалъ, что трудъ ученья обязателенъ и несознателенъ для учащихся, ибо отдѣльная цѣль ученья имъ недоступна. Слѣдовательно, побужденіемъ къ труду остается самодовольство и понудительныя мѣры. Большая часть учениковъ встрѣчаетъ въ жизни обязательный, а не свободный трудъ и такъ какъ жизнь неминуемо наказываетъ за лѣнь, то и ученики должны заранѣе знать и испытывать послѣдствія лѣни.

По поводу наградъ и наказаній онъ утверждалъ, что предшествовавшіе намъ педагоги не были совсѣмъ неправы, когда не гнушались этими средствами, и если мы отнесемся къ нимъ слишкомъ свысока, то пожалуй останемся въ накладѣ. Гоненія на награды и наказанія, говорилъ онъ, воздвигнуты въ Европѣ

давно, со времени Базедова и филантропистовъ; но большинство тамошнихъ общественныхъ организмовъ имѣютъ кромѣ теоретическихъ выводовъ много жизненности, и практика школы до сихъ поръ не приняла этого ученія и нельзя указать ни одного достаточно долго существовавшаго заведенія, на которомъ можно было бы убѣдиться въ возможности подобной системы воспитанія. Впрочемъ, ученіе это полезно въ томъ смыслѣ, что много содѣйствуетъ постепенному исчезновенію злоупотребленій означенными мѣрами. У насъ же всякое изреченіе раціонализма немедленно облекается въ инструкцію.

Референтъ стоялъ также за цифровыя отмѣтки, на кои тогда началось также гоненіе. Онъ утверждалъ, что въ отмѣткахъ этихъ выражается доброе или худое мнѣніе учителя объ ученикѣ, который видитъ, что усилія его оцѣнены, трудъ его замѣченъ, что,—безъ излишней щепетильности можно сказать—всегда пріятно всякому человѣку. Это возвышаетъ его въ собственныхъ глазахъ и въ глазахъ близкихъ ему людей, доставляетъ имъ радость и удовольствіе. Другой рефератъ, возбудившій много преній, былъ по поводу ученія Спенсера объ относительной цѣнности разныхъ учебныхъ предметовъ и преимуществъ естественныхъ наказаній передъ искусственными. Спенсеръ совѣтуетъ прибѣгать къ послѣднимъ только въ крайнихъ случаяхъ; совѣтуетъ не предъявлять дѣтямъ слишкомъ большихъ нравственныхъ требованій, избѣгать черезмѣрнаго контроля, предоставляя ребенка, гдѣ только можно, дисциплинѣ опыта, повелѣвать рѣдко и только тогда, когда другія средства не удались. „Но если вамъ случается приказывать, говоритъ Спенсеръ, то приказывайте твердо и рѣшительно, никогда не отступайте, подражая и въ этомъ случаѣ природѣ, рѣшенія которой неизмѣнны и безапелляціонны. Избѣгайте понудительныхъ мѣръ, если есть хотя малѣйшая возможность, но когда считаете нужнымъ деспотизмъ, будьте серьезнымъ деспотомъ“.

Теперь всѣ эти мысли стары и истрепаны, но тогда были новы и интересны и вносили большое оживленіе въ наше кропотливое дѣло.

Собранія эти существовали года два, а потомъ мало-по-малу прекратились; болѣе потому, кажется, что субботній вечеръ былъ единственный въ недѣлѣ, когда педагоги, въ особенности воспитатели, могли отдохнуть среди семьи, или знакомыхъ и пріобщиться къ другимъ общественнымъ интересамъ.

Работы въ то время дѣйствительно было очень много. Приходилось только пообѣдать дома и часокъ отдохнуть. Вечеромъ, при возвращенiи домой, чувствовалась такая усталость, что ни для какихъ развлеченiй не было ни охоты, ни силъ.

На дисциплинарныхъ комитетахъ обсуждались главнымъ образомъ внѣшнiе порядки и проступки воспитанниковъ. И здѣсь вопросъ о взысканiи и поощренiи былъ однимъ изъ самыхъ жгучихъ вопросовъ. Совокупность всѣхъ дебатовъ этихъ закончилась очень курьезнымъ кодексомъ о наказанiяхъ.

На кодексѣ этомъ подробно было указано, какому наказанiю подвергается воспитанникъ въ старшемъ, среднемъ и младшемъ возрастѣ: а) за отмѣтки на урокахъ 5—4, 3—2, 1—0 и б) за нарушенiе порядка, обозначеннаго въ классномъ или въ возрастномъ журналѣ римскими цифрами I, II, III.

Такъ, напримѣръ: на воспитанника средняго возраста, получившаго въ журналѣ отмѣтку I, налагалось обязательно одно изъ слѣдующихъ наказанiй: а) лишенiе послѣдняго блюда за обѣдомъ, б) лишенiе утренняго или вечерняго чая, съ оставленiемъ на одномъ хлѣбѣ, в) замѣна бѣлаго хлѣба чернымъ при утреннемъ или вечернемъ завтракѣ, г) постановка на штрафъ въ рекреацiонномъ залѣ на одинъ часъ, д) арестъ въ классѣ отъ 2—4 часовъ, е) сокращенiе отпуска отъ $2^1/_2$ до 4 часовъ, ж) лишенiе отпуска наканунѣ праздника, з) лишенiе занятiй мастерствомъ. За отмѣтку въ классномъ журналѣ 1 и 0 воспитанники младшаго возраста подвергались: а) лишенiю отпуска или на весь праздничный день, или съ увольненiемъ только послѣ обѣдни, б) лишенiю игръ и занятiй въ классѣ въ праздничный день отъ 3 до 5 часовъ.

Кромѣ того, всѣ получившiе 1 и 0, во всѣхъ возрастахъ должны были во время слѣдующей лекцiи стоять въ классѣ на своемъ мѣстѣ до тѣхъ поръ, пока преподаватель не спроситъ и не позволитъ сѣсть.

Кодексъ этотъ, въ общемъ заключавшiй въ себѣ 54 статьи и 7 примѣчанiй, былъ выработанъ инспекторомъ классовъ Неовiусомъ по образцу якобы существующаго въ Швецiи. Онъ имѣлъ цѣлью прiучить воспитанниковъ къ законности и неизбѣжности возмездiя за нарушенiе своей обязанности не отъ воспитателя, а отъ закона, такъ какъ наказанiе налагалось несмотря ни на какiя смягчающiя обстоятельства. При этомъ достигалось единообразiе въ наказанiяхъ со стороны воспитателей, что признавалось весьма важнымъ.

Экземпляръ этого интереснаго устава или кодекса сохранился у меня до сего времени и желающіе могутъ его видѣть. Реагировалъ онъ недолго, мѣсяца четыре, не болѣе, затѣмъ умеръ естественной смертью, безъ всякаго о томъ постановленія. Воспитанники дали ему странное названіе „Синія яйца".

Помнится мнѣ также одинъ общій педагогическій комитетъ, на которомъ разсматривался только вопросъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ. Споръ длился съ 8 часовъ вечера до 2 часовъ ночи и когда приступлено было къ голосованію—отмѣнить тѣлесное наказаніе или оставить для исключительныхъ случаевъ, то только голосъ предсѣдателя далъ перевѣсъ въ пользу отмѣны. На другой день послѣ завтрака, воспитанники проникли въ цейхгаусъ, гдѣ хранились розги, торжественно вынесли ихъ и въ присутствіи воспитателей сожгли при крикахъ „ура".

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, директоръ, встрѣтивъ меня и заговоривъ о послѣднемъ комитетѣ, спросилъ: „ну, а вы за что подали голосъ, за отмѣну, или оставленіе розогъ?" и когда я, смущенный, сознался, что подалъ голосъ за употребленіе розогъ въ исключительныхъ случаяхъ, то онъ нѣжно посмотрѣлъ на меня, крѣпко пожалъ мою руку и, вздохнувъ, пошелъ домой.

Въ томъ же учебномъ году, за какой-то безобразный поступокъ одного мальчика, комитетъ приговорилъ его къ исключенію. Тогда является отецъ воспитанника, старый севастопольскій воинъ, плачетъ, какъ ребенокъ, и умоляетъ въ учительской всѣхъ присутствующихъ наказать его сына розгами, но не исключать изъ заведенія. Всѣ до того были потрясены видомъ этого старика, что рѣшили просить директора пересмотрѣть въ комитетѣ проступокъ воспитанника П. Директоръ согласился и на другой день въ комитетѣ постановили—уважить просьбу старика-отца: наказать П. розгами, но не исключать изъ заведенія. Чтобы не входить въ противорѣчіе съ постановленіемъ объ уничтоженіи тѣлеснаго наказанія, рѣшено было перевести его въ разрядъ штрафованныхъ и на будущее время принять за правило, установивъ, какъ было въ войскѣ, разрядъ штрафованныхъ; въ исключительныхъ случаяхъ, переводить виновныхъ въ этотъ разрядъ и оставить для нихъ тѣлесное наказаніе. Такая система понравилась, кажется, и другимъ военнымъ гимназіямъ, и такъ установился разрядъ штрафныхъ. По поводу этого, впослѣдствіи, изъ Главнаго Управленія появился циркуляръ по педагогическимъ вопросамъ, въ которомъ высказывалось, что „введеніе въ заведеніи

разряда штрафованныхъ воспитанниковъ и особенно съ тѣмъ оттѣнкомъ, какой придается имъ въ войскахъ, представляетъ мѣру крайне вредную въ воспитательномъ смыслѣ". Далѣе объяснялось, въ чемъ заключается вредъ этой мѣры.

Исполненіе наказаній розгами воспитанника П. директоръ, ехидно улыбаясь, поручилъ мнѣ. Отказаться было нельзя, и я первый разъ въ жизни долженъ былъ исполнить экзекуцію, за которую раньше подалъ свой голосъ. Похолодѣвъ, съ помутившимися глазами, я взялъ мальчика и повелъ его въ цейхгаузъ, гдѣ все уже было приготовлено. П. дрожалъ какъ въ лихорадкѣ, зубы его стучали, онъ не могъ выговорить ни слова, но не плакалъ. Я отошелъ къ окну, не глядя на П., приказалъ дядькамъ раздѣть его и наказать.

Мнѣ показались безконечно долгими эти нѣсколько секундъ, когда мальчика раздѣвали и клали на скамейку. Раздалось расссъ... расссъ... и раздирающій душу крикъ. Далѣе я не выдержалъ и закричалъ: „Не надо, не надо, довольно". Горло у меня схватила судорога, я обернулся, П. вскочилъ съ лавки, не одѣтый, бросился ко мнѣ на шею, бился и рыдалъ, обнявъ меня. Я обнималъ его и цѣловалъ. П. окончилъ курсъ въ военной гимназіи, мы съ нимъ были въ наилучшихъ отношеніяхъ до конца. Исправился ли онъ? Да онъ никогда и не былъ дурнымъ по натурѣ. Это былъ совершенно безвольный субъектъ, и переходы отъ хорошаго къ дурному у него были часты и неожиданны, подъ вліяніемъ минуты.

Составъ воспитанниковъ заведенія былъ разнообразный. Ихъ можно было раздѣлить на двѣ главныя группы. Старые кадеты, поступившіе въ корпусъ въ дореформенное время, и младшій возрастъ, гдѣ пріемы воспитанія были уже современные.

Первые жили еще подъ вліяніемъ старыхъ кадетскихъ традицій. Въ послѣдніе годы передъ реформой порядки въ корпусахъ были очень распущены. Внѣшняя дисциплина, столь суровая въ Николаевскія времена, ослабѣла, и въ корпусахъ стали происходить крупные безпорядки, о которыхъ, при моемъ поступленіи на должность воспитателя, были еще очень живыя преданія и воспоминанія. Заведеніе, въ которое я поступилъ на педагогическое поприще, пользовалось передъ реформой дурной репутаціей, и слѣды прежняго режима еще оставались. Въ старшемъ классѣ было одно отдѣленіе, великовозрастныхъ; ихъ звали „сенаторы". Мимо ихъ класса не безопасно было проходить, и всѣ по возможности избѣгали этого, такъ какъ изъ класса могли попасть въ голову книга, губка, или палка.

Эти взрослые юноши держались особнякомъ и упорно отстаивали свои, по ихъ пониманію, права.

Раза два на прогулкѣ, мнѣ пришлось случайно говорить съ ними. Я никого изъ нихъ не зналъ по фамиліи, такъ какъ былъ воспитателемъ въ младшемъ возрастѣ. Разговоръ ихъ со мною произвелъ на меня недурное впечатлѣніе. Говорили они очень серьезно, вдумчиво и даже разумно. Главной темой разговора была дальнѣйшая ихъ дѣятельность по окончаніи курса. Они взвѣшивали прерогативы военнаго званія и сравнивали ихъ съ выгодами и значеніемъ другихъ профессій. Общественные вопросы того времени были имъ не чужды и живо интересовали ихъ. О своихъ недостаткахъ и слабостяхъ они говорили откровенно и спокойно, какъ взрослые люди. Спрашивали, что побудило меня принять такую мизерную, по ихъ понятіямъ, должность (воспитателя), какъ дежурнаго офицера въ корпусѣ. Къ совершившемуся тогда первому покушенію на жизнь Императора Александра II они отнеслись съ величайшимъ негодованіемъ.

Эти, повидимому, серьезные люди дѣлали нерѣдко серьезныя глупости, такъ что всѣ съ нетерпѣніемъ ждали, когда они покинутъ заведеніе.

Средній возрастъ былъ, однако, самый трудный. Тамъ было одно классное отдѣленіе „каторжное“. Къ нему былъ назначенъ особый чрезвычайно строгій воспитатель, съ особыми полномочіями (на слѣдующій годъ онъ оставилъ заведеніе). Почти половина этого отдѣленія ходила въ сѣрыхъ курткахъ, въ лазаретныхъ халатахъ или мундирахъ, вывернутыхъ наизнанку. Это была одна изъ мѣръ для ихъ обуздыванія. Снятіе погонъ не производило на нихъ никакого впечатлѣнія, а потому ихъ, какъ недостойныхъ носить форму заведенія, одѣвали въ шутовскіе костюмы. Въ нихъ они ходили въ классы и въ столовую, но и это не помогало. Тогда заведены были смирительныя рубашки, съ длинными рукавами. Ихъ надѣвали на разбушевавшихся мальчугановъ, связывая рукава крестъ-на-крестъ, и такимъ образомъ добивались, чтобы буянъ успокоился, послѣ чего снимали рубашку, но случалось, что тотчасъ же опять приходилось надѣвать вторично.

Никогда не забуду одного случая: на страстной недѣлѣ, когда большинство воспитанниковъ разъѣхалось домой, и осталось немного, то средній и младшій возрасты соединили, вѣроятно, чтобы облегчить воспитателей въ числѣ дежурствъ. Мнѣ пришлось быть дежурнымъ въ страстную субботу. Было

сдѣлано распоряженіе, чтобы воспитанники въ шесть часовъ вечера напились чаю и, приготовивъ себѣ бѣлье и одежду къ Свѣтлой заутренѣ, ложились спать. Имѣлось въ виду, что они до заутрени выспятся и легко выстоятъ продолжительную церковную службу.

Приведя воспитанниковъ отъ чаю прямо въ спальню, я приказалъ имъ почиститься и ложиться спать. Младшій возрастъ, минутъ черезъ двадцать, былъ въ постелѣ, а буяны средняго возраста стали стаскивать ихъ съ постели, обливать водой, скакать по ихъ кроватямъ и топтать лежавшихъ и почти заснувшихъ дѣтей. Сначала спокойно, а потомъ и возвышеннымъ голосомъ, я останавливалъ буяновъ, приказывалъ имъ ложиться, но расходившіеся озорники не обращали ни малѣйшаго вниманія на мои убѣдительныя и грозныя слова. Тогда я подозвалъ къ себѣ наиболѣе буйнаго и дерзкаго изъ нихъ З., вышелъ съ нимъ изъ спальни въ цейхгаузъ и велѣлъ дядькамъ надѣть на него смирительную рубашку. Дядьки съ трудомъ съ нимъ справились и положили связаннаго на диванъ. Я вернулся въ спальню, гдѣ хотя и стало нѣсколько потише, но безпорядки все еще продолжались. Не успѣлъ я дойти и до половины спальни, какъ вижу—бѣжитъ ко мнѣ только-что связанный З., котораго товарищи, проскользнувъ въ цейхгаузъ, развязали и выпустили, З. бѣжалъ съ крайне возбужденнымъ лицомъ и сжатыми кулаками, за нимъ гнались двое воспитанниковъ и въ 2—3 шагахъ отъ меня схватили и поволкли въ умывальную комнату, гдѣ сунули его голову подъ кранъ и стали усиленно поливать водой. Затѣмъ отвели его въ постель и уложили. Послѣ этого все успокоилось, и водворилась тишина. Было около 10 часовъ вечера, а въ 11 часовъ назначенъ, былъ подъемъ. Я отправился къ директору доложить ему о случившемся. И. В. молча выслушалъ меня, вынулъ свою табакерку, похлопалъ по ней выразительно пальцами, раскрылъ ее, досталъ щепотку табаку, медленно потянулъ въ каждую ноздрю, отряхнулъ пальцы и выразительно кивнулъ. Этотъ пріемъ былъ обычный у И. В., когда онъ былъ чѣмъ-нибудь недоволенъ и принималъ въ умѣ какое-либо опредѣленное рѣшеніе. „Разберемъ на другой день праздника", отвѣтилъ онъ мнѣ и велѣлъ идти въ возрастъ.

Въ одиннадцать часовъ ударилъ барабанъ, и воспитанники стали подыматься. Тихо и спокойно одѣвались они, переговаривались изрѣдка, шепотомъ. Предъ началомъ заутрени я построилъ ихъ, осмотрѣлъ и повелъ въ церковь. Все соверша-

лось въ полномъ порядкѣ и при необычной тишинѣ. Послѣ обѣдни воспитанники разговѣлись въ столовой и опять въ порядкѣ пришли въ спальню и стали раздѣваться. Я стоялъ у окна печальный и смущенный. Вдругъ подходитъ ко мнѣ З. и еще нѣсколько воспитанниковъ. З. говоритъ мнѣ: „простите насъ, г. поручикъ, мы такъ глупо вели себя,—Христосъ Воскресе". Я похристосовался съ каждымъ, и всѣ мы мирно легли спать. Инциндентъ былъ исчерпанъ и разбирать на другой день праздника ничего не пришлось.

Въ младшемъ возрастѣ были воспитанники уже иной формаціи, весьма изобрѣтательные на шалости, очень рѣзвые и безпокойные, но болѣе доступные воспитательскому воздѣйствію новаго направленія. Старыя традиціи время отъ времени проникали въ ихъ среду и хотя не легко, но вытѣснялись нами.

Скажу однако же, что въ старыхъ традиціяхъ не все было дурно. Духъ товарищества,—быть можетъ не всегда вѣрно понимаемый съ точки зрѣнія взрослыхъ,—былъ очень прочный и при всѣхъ неудобствахъ для начальства носилъ въ себѣ что-то рыцарское, устойчивое, хотя шелъ какъ бы въ разрѣзъ съ правдивостью и откровенностью, какихъ мы, молодые педагоги, добивались. Существовала въ традиціи нѣкоторая корпоративная честь, не позволявшая дѣлать глупости внѣ стѣнъ заведенія. Къ нѣкоторымъ поступкамъ воспитанники сами относились съ необыкновенной строгостью и житье провинившимся было тяжелое. Такъ: воровство, обманъ (кромѣ начальства), фискальство, лесть и подлизываніе къ старшимъ, трусость, жадность и другіе виды дѣйствительно несимпатичныхъ качествъ у товарищей были не терпимы. Любовь къ родинѣ и Царю, отвага, мужество, доблестное отношеніе къ опасностямъ и самоотверженность очень цѣнились и уважались среди воспитанниковъ.

Мнѣ кажется, мы, искореняя старыя кадетскія привычки, недостаточно вдумывались въ ихъ свѣтлыя стороны и черезчуръ много полагали усердія, чтобы сформировать примѣрныхъ, благонравныхъ мальчиковъ. Старыя традиціи, между тѣмъ, могли бы быть для насъ во многихъ случаяхъ хорошими союзниками.

Усердія въ насъ дѣйствительно было много: приходили на утреннія занятія къ приготовленію уроковъ, и тотчасъ начиналась та мелкая, кропотливая работа, которая не дозволяла, кажется, ни одной минуты мальчику оставаться самимъ собою.

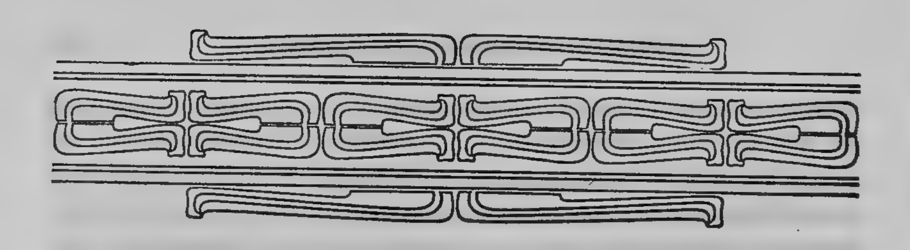
Каждая минута была распланирована и разграфлена. Мы почти не сидѣли дома, отстали отъ знакомыхъ, отъ развлеченій, не имѣли времени слѣдить за другими интересами, волновавшими тогда общество, становились односторонними и чуждыми жизненныхъ явленій въ другихъ сферахъ и не пополняли личнаго образованія. Воспитанные сами въ строгомъ Николаевскомъ режимѣ, мы, быть можетъ, придавали слишкомъ большое значеніе формальной сторонѣ и не обладали еще умѣніемъ заглядывать въ душу ввѣренныхъ намъ дѣтей—мы не имѣли живой воды.

Главное управленіе осаждало частыми циркулярами, проникавшими въ малѣйшія детали воспитательнаго дѣла. Для обсужденія этихъ циркуляровъ созывались безпрестанно комитеты. Кромѣ того, каждый воспитатель, къ концу учебнаго года, былъ обязанъ приготовить письменный отчетъ о своей дѣятельности за минувшій годъ.

Намъ розданы были программы, которой слѣдовало придерживаться при составленіи отчета и категорически отвѣчать на поставленные въ ней вопросы. Всѣхъ вопросовъ въ программѣ было 23. Привожу нѣкоторые изъ нихъ: 1) Достигъ ли воспитатель нравственнаго авторитета у воспитанниковъ, или борьба традиціонныхъ началъ въ воспитанникахъ представляетъ препятствіе къ сближенію его съ воспитанниками? 2) Противъ какихъ особенностей въ характерѣ массы воспитанниковъ воспитатель ведетъ преимущественно борьбу? 3) Продолжается ли подготовительная работа, въ чемъ она заключается, или воспитаніе пошло уже правильнымъ путемъ?... 22) Къ чему ведутъ собранія воспитателей на практикѣ и въ какой степени они направляютъ труды отдѣльныхъ дѣятелей на поприщѣ воспитательной службы?

Н. В. Гриневичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).



Дѣло объ уничтоженіи эстампа съ изображеніемъ казни Людовика XVI-го.

(Изъ исторіи цензуры въ послѣдніе годы царствованія Екатерины Второй).

16-го ноября 1793 года главнокомандующій Москвы князь Александръ Александровичъ Прозоровскій въ письмѣ на имя оберъ-прокурора Сената Николая Николаевича Салтыкова писалъ:

Милостивый Государь мой, Николай Николаевичъ!

„Не знаю, какимъ образомъ вошелъ эстампъ въ Москву богопротивной казни короля Французскаго, и между прочими достался Окорокову, содержателю Университетской Типографіи, который мнѣ объявилъ, что онъ сей эстампъ отдалъ вырѣзать граверу въ Сенатской Типографіи. Я считаю, что сіе зрѣлище есть не прилично для каждаго благомыслящаго человѣка; для чего покорнѣйше Вашего Превосходительства прошу оны эстампы и доску, отобравъ, ко мнѣ доставить, а граверу безъ дозволенія Вашего никаковыхъ досокъ для эстамповъ не вырѣзывать. На что, ожидая отвѣтствія съ подателемъ же сего, пребуду съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію, Вашего Превосходительства, милостиваго государя моего, покорный слуга, князь Александръ Прозоровскій".

Оберъ-прокуроръ Салтыковъ, въ виду особенной важности просьбы Прозоровскаго, немедленно же приступилъ къ ея исполненію. Въ это же время имъ было получено дополнительное письмо князя Прозоровскаго, слѣдующаго содержанія:

„Милостивый Государь мой, Николай Николаевичъ!

„Я не выполнилъ въ первомъ письмѣ моемъ къ Вашему Превосходительству, что граверъ рѣжетъ доску извѣстнаго эстампа не Сенатскій, но живущій въ Сенатской Типографіи,

нанятой Окороковымъ изъ Академіи Художествъ, Николай Ивановъ Соколовъ. То все по письму моему прикажите оный эстампъ и доску отобрать, и не знаю, съ позволенія-ль онъ Оберъ-Прокурора тамъ помѣщается, также увѣдомить. Пребывая съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію, Вашего Превосходительства, милостиваго государя моего, покорный слуга князь Александръ Прозоровскій".

Что отвѣчалъ Салтыковъ на вопросъ о томъ, съ его ли разрѣшенія помѣщается въ Сенатской Типографіи граверъ Соколовъ,—неизвѣстно, такъ какъ отвѣтнаго письма оберъ-прокурора къ главнокомандующему въ дѣлѣ не сохранилось. Эстампъ же и доска были въ тотъ же день доставлены къ князю А. А. Прозоровскому.

Получивъ эти вещи, главнокомандующій распорядился немедленно вызвать къ себѣ на домъ Окорокова и учинить ему строгій допросъ.

Допросъ былъ произведенъ въ тотъ же день. На поставленный Окорокову вопросъ объ эстампѣ онъ показалъ слѣдующее: „Предки его были въ Веневскомъ купечествѣ; съ дѣтства служилъ онъ въ Сенатской Межевой Экспедиціи въ ученикахъ въ Чертежной, гдѣ и произведенъ землемѣромъ въ чинъ армейскаго подпоручика". Слышалъ онъ, Окороковъ, не помнитъ отъ кого, будто есть въ Петербургѣ эстампъ съ изображеніемъ казни короля Людовика XVI-го, и въ газетахъ петербургскихъ читалъ, что собирается даже подписка на печатаніе этого эстампа. Этому прошло недѣль шесть. Онъ, Окороковъ, издавна имѣлъ переписку съ секундъ-ротмистромъ конной гвардіи Алексѣемъ Пашковымъ, котораго онъ и просилъ, „чтобы онъ, купя его, прислалъ къ нему". Пашковъ исполнилъ его просьбу и выслалъ ему эстампъ и портретъ короля французскаго, при чемъ выслалъ ихъ въ незапечатанномъ пакетѣ; и на почтѣ этихъ вещей ему не выдали. Но потомъ онъ все-таки получилъ ихъ. И по полученіи, писалъ Пашкову, спрашивая, публично ли или секретно продаются эти вещи въ Петербургѣ. Тотъ отвѣчалъ, что онъ ихъ купилъ публично, а не секретно. Послѣ этого, онъ Окороковъ, отдалъ эстампъ граверу Николаю Ивановичу Соколову, „который имъ приговоренъ изъ Петербургской Академіи Наукъ, гдѣ онъ былъ помощникомъ у Скородумова"; граверъ имѣетъ отпускъ изъ Академіи. У Окорокова съ Соколовымъ сначала былъ договоръ, по которому первый обязанъ былъ платить послѣднему 300 рублей жалованья; потомъ же этотъ договоръ былъ измѣненъ такъ, чтобы платить „съ работы".

Такъ какъ въ Университетской Типографіи для Соколова не оказалось мѣста, то онъ, Окороковъ, помѣстилъ его въ Сенатскую Типографію, которая находится „на содержаніи у него жъ". Въ настоящее время Соколовъ еще не окончилъ работы. „Намѣреніе же его, Окорокова, было оный эстампъ внесть въ университетскую цензуру и послѣ продавать". Другого намѣренія онъ, Окороковъ, не имѣлъ, кромѣ „единой корысти". Когда Окорокову было указано, что онъ самъ, „кажется, могъ разумѣть, что зрѣлище сего эстампа есть непріятное", онъ отвѣчалъ, что „и ему такъ сначала казалось"; но потомъ, на основаніи письма Пашкова, онъ подумалъ, что разъ въ Петербургѣ подобныя вещи продаются публично, то не будетъ, конечно, предосудительнымъ изданіе этого эстампа, а также продажа его и въ Москвѣ. На вопросъ почему Окороковъ не представилъ на цензуру этого эстампа прежде, чѣмъ отдавать его граверу, онъ отвѣчалъ тѣмъ же указаніемъ на письмо Пашкова; „а въ цензуру не прежде представить хотѣлъ, какъ тогда, когда доска вырѣжется". Этотъ эстампъ Окороковъ показывалъ „многимъ изъ университетскихъ", между прочими видѣлъ его „одинъ переводчикъ, который у него при переводѣ газетъ". Въ концѣ допроса Окорокову было сказано: „Извѣстно каждому въ Россіи, что всякая связь съ Франціею запрещена и всякаго рода получать оттуда товары, и, слѣдовательно, могъ бы онъ (Окороковъ) понять, что сей эстампъ въ Петербургъ привезенъ секретно". Но Окороковъ и на этотъ разъ отвѣчалъ: „сего не дозналъ, а положился на увѣреніе, какъ выше сказано, г. Пашкова".

Допросъ производилъ самъ А. А. Прозоровскій. Содержаніе допроса было признано не подлежащимъ ни малѣйшей огласкѣ, а потому тогда же былъ составленъ и объявленъ Окорокову слѣдующій указъ:

„1793 года, ноября 16 дня, Высочайшимъ Ея Императорскаго Величества указомъ объявлено содержателю Университетской Типографіи, подпоручику Василію Иванову сыну Окорокову, чтобъ онъ о томъ, о чемъ былъ спрашиванъ Его Сіятельствомъ Главнокомандующимъ въ Москвѣ и во всей губерніи Московской, генералъ-аншефомъ, сенаторомъ и кавалеромъ, княземъ Александромъ Александровичемъ Прозоровскимъ, относительно до эстампа о казни короля Французскаго, и что въ отвѣтахъ своихъ показалъ, отнюдь, ни подъ какимъ видомъ, никому не объявлялъ, подъ опасеніемъ неизбѣжнаго по законамъ наказанія".

Вѣроятно, еще раньше Окорокова былъ допрошенъ по этому же дѣлу проживавшій въ Москвѣ итальянецъ Себастьянъ Черфали. Показаніе его приведемъ въ донесеніи о результахъ разслѣдованія Главнокомандующаго въ Москвѣ Государынѣ Императрицѣ, каковое донесеніе было отправлено кн. Прозоровскимъ на другой же день. Это донесеніе заключаетъ въ себѣ очень большія подробности, а потому мы приводимъ его въ цѣломъ видѣ.

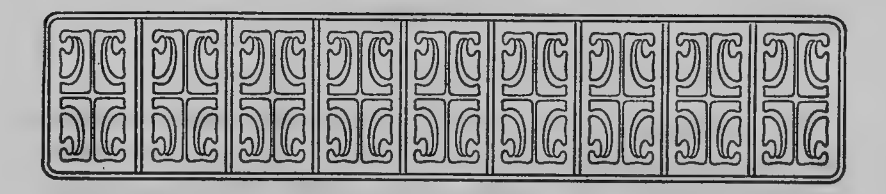
„Всемилостивѣйшая Государыня!

„Такъ какъ я, со времени моего донесенія Вашему Императорскому Величеству и по нынѣ, все нездоровъ, для чего принужденъ содержать діэту и никуда не выѣзжаю, кромѣ какъ въ хорошее время, если случится прогуливаться, да черезъ силу выѣзжалъ въ празднованіе всерадостнаго для всѣхъ насъ высочайшаго Его Императорскаго Высочества, Великаго Князя Александра Павловича бракосочетанія,—то, съ публикой не видяся, мало слышу, а паче что въ таковыхъ обстоятельствахъ, каковыя Ваше Величество ниже усмотрѣть изволите, отъ меня и отъ полиціи крайне остерегаются, а вижу только тѣхъ, которые изъ пріятелей моихъ меня посѣщаютъ, отъ которыхъ свѣдалъ я, что появился эстампъ смерти Короля Французскаго и что оный намѣрены здѣсь печатать, но кто и у кого, свѣдѣнія не имѣлъ. Я приказалъ полиціймейстеру тотчасъ, чрезъ конфидентовъ, о томъ развѣдать. Тотчасъ купили, чрезъ одного купца, у пріѣхавшаго сюда изъ Петербурга, итальянца Савостьяна Черфалія, котораго послѣ полиціймейстеръ спрашивалъ, гдѣ онъ ихъ взялъ. Онъ сказалъ, что, проѣзжая черезъ Тверь, купилъ 5 эстамповъ смерти Королевской у живущаго въ Твери итальянца Голлени, у коего оныхъ было до 20. Изъ купленныхъ же имъ продалъ два графу Бутурлину, одинъ бригадиру Козлову и одинъ совѣтнику Алсуфьеву, а пятый купленъ вышесказаннымъ конфидентомъ и ко мнѣ представленъ. Эстампы же прощанья Короля съ фамиліей (Черфали) купилъ здѣсь у итальянца Іосифа Веніори, изъ которыхъ нѣсколько продалъ разнымъ людямъ, а оставшіе, какъ у него, такъ и у Веніори, отобраны полиціймейстеромъ. Іосифъ же Веніори получилъ изъ Аувсбурга. Въ прочемъ Черфали объявилъ, что эстампы смерти Королевской продаются въ Петербургѣ у итальянца Карла Травелли, живущаго въ домѣ Милютина на Преспективной, противъ церкви Католитской, также и у итальянца Роспинни. Я два эстампа прощанія Короля съ фамиліей и

одинъ смерти Королевской здѣсь на усмотрѣніе Вашего Императорскаго Величества препровождаю. А между тѣмъ свѣдалъ отъ того же конфидента, что онъ видѣлъ въ Сенатской Типографіи сей эстампъ, котораго граверъ дѣлаетъ доску по повелѣнію содержателя Типографій Университетской и Сенатской, отставного изъ землемѣровъ Сенатской экспедиціи, въ чинѣ отъ арміи подпоручика, Окорокова. Я призвалъ его къ себѣ, спрашивалъ и, что онъ показалъ, здѣсь всеподданнѣйше пріобщилъ въ оригиналѣ. Я, Всемилостивѣйшая Государыня, оставивъ его на свободѣ, взявъ съ него обязательство въ молчаніи — за чѣмъ онъ ко мнѣ былъ призванъ, полагая, чтобы сію исторію, сколько можно, сдѣлать меньше гласною, для чего и распроданные эстампы не отбиралъ. Да слышу я, что у нѣкоторыхъ есть полученные изъ Петербурга, но у кого—свѣдать не могъ, хотя и увѣряетъ Окороковъ, что лейбъ-гвардіи секундъ-ротмистръ Пашковъ, какъ Ваше Императорское Величество изъ допроса видѣть изволите, увѣрилъ его, что оный эстампъ публично въ С.-Петербургѣ продается, но сему вѣры дать не могу, то разсудилъ оный, яко для всякаго благомыслящаго человѣка непріятное зрѣлище, удержать и всенижайше донести Вашему Императорскому Величеству и ожидать на сіе Высочайшаго Указа, доску жъ и эстампъ отъ гравера, чрезъ сношеніе мое съ оберъ-прокуроромъ Салтыковымъ, изъ Сенатской Типографіи отобралъ и взялъ къ себѣ".

Какая резолюція послѣдовала на этомъ донесеніи кн. А. А. Прозоровскаго, и чѣмъ вообще окончилось все это дѣло—свѣдѣній объ этомъ въ просмотрѣнныхъ нами документахъ не имѣется. (Моск. Архивъ М-ва Юстиціи. Дѣло Канцеляріи Московскихъ Губернаторовъ, № 181110).

Н. Г. Высоцкій.



Диспозиція

для будущаго строя въ мирное торжество.

АРХИВНЫЯ МЕЛОЧИ,

собранныя генералъ-лейтенантомъ Н. Ѳ. Дубровинымъ и хранящіяся въ Московск. отдѣл. Архива Главн. Штаба.

1775 г. Іюля 8-го.

1.

Сего мѣсяца 10-го числа въ день Торжества о заключеніи мира съ Портою Оттоманскою всѣмъ находящимся здѣсь полкамъ быть въ строю, которымъ и приказать прибыть на назначенныя имъ отъ Господина Генералъ-Квартермистра Лейтенанта Нефедьева мѣста по полуночи въ 6 часовъ, во всякой чистотѣ и исправности, кавалерійскимъ же полкамъ быть въ строю пѣшими и построиться по обѣ стороны улицъ какъ коннымъ, такъ и пѣхотнымъ полкамъ въ двѣ шеренги.

2.

Какъ Господинъ Генералъ Порутчикъ и ковалеръ Графъ Мусинъ Пушкинъ въ тотъ день будетъ въ церемоніи, а не при полкахъ, то во время того строю быть пѣхотнымъ полкамъ въ командѣ Его Свѣтлости Господина Генерала-Порутчика и ковалера Принца-Гессенъ-Дармшатскаго,—кавалерискими командовать за Генералъ-Порутчика Господину Генералъ-Маіору и ковалеру Князю Голицыну, Господину Генералъ-Маіору и ковалеру Князю Трубецкому командовать первымъ и третьимъ Гренадерскимъ, Господину Генералъ-Маіору Грушецкому Нарвскимъ и Воронежскимъ полками, Господину Генералъ-Маіору и ковалеру Князю Волконскому быть при ковалеріи.

3.

По постановленіи полковъ на назначенныя мѣста приказать для свободнаго проѣзда изъ тѣхъ улицъ, которыя застановятся фрунтомъ въвести втѣ улицы столько людей, чтобъ проѣзжать возможно было а когда начнется пальба то тѣхъ людей поставить во фрунтъ и никого уже не пропускать, равнымъ образомъ и во время шествія Ея Императорскаго Величества стоять въ полномъ фронтѣ.

4.

Отъ всѣхъ полковъ произведенъ будетъ бѣглый огонь, почему и имѣть на каждаго человѣка по три холостыхъ патрона, а какъ скоро данъ будетъ сигналъ по которому начнется пушечная пальба и стрѣлять бѣглымъ огнемъ когда приказано будетъ (начать сперва съ правой сторонѣ и принимать огонь по одной сторонѣ полкъ отъ полку возвращаяся лѣвою стороною).

5.

Во время шествія Ея Императорскаго Величества знамена и штандарты уклонять тогда, когда карета противу знаменъ или штандартовъ поровняется, а не прежде дабы неиспугать лошадей.

6.

Отъ Лейбъ-Кирасирскаго полку командировать въ день торжества въ кортежѣ для конвою съ пристойнымъ числомъ Оберъ и унтеръ-офицеровъ кирасиръ тридцать человѣкъ и будущему при ономъ конвоѣ офицеру завтрашняго числа по утру для полученія приказу явиться у Его Превосходительства Господина Генерала Аншефа и кавалера Григорія Александровича Потемкина.

7.

Когда въ народѣ метать будутъ жетоны солдатамъ запретить оные подымать, понеже имъ на каждаго человѣка по одному жетону выдано будетъ.

Подпись: *А. Бибиковъ.*

Копія.
(Изъ бумагъ Принца Гессенъ-Дармштадтскаго. Архивъ Канц. Воен. Мин—ва).

Сообщ. **В. П. Федоровъ.**

Редакторъ-издатель **П. Вороновъ.**

РУССКАЯ СТАРИНА въ изд. 1913 г.

ТОМЪ СТО ПЯТЬДЕСЯТЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

АПРѢЛЬ, МАЙ, ІЮНЬ.

Записки и воспоминанія.

СТРАН.

I. Въ Царьградѣ въ 1878—79 г.г. Г. И. Бобрикова . . . . 33—47

II. Изъ жизни инженера путей сообщенія Л. Н. Любимова . . . . 84—98, 390—397

III. За 38 лѣтъ. Отрывки изъ неизданныхъ воспоминаній, посвящаются памяти Милія Алексѣевича Балакирева. Княгини М. В. Волконской. . . . . 107—121

IV. Юные годы. Воспоминанія о медицинскомъ факультетѣ (1868—73 г.г.) Московскаго университета. П. Ѳ. Филатова. 142—152 и 281—300

V. Депутатъ отъ Россіи. (Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой). Сообщено Е. С. М. . . . . 153—164, 362—371

VI. М. И. Драгомировъ—генералъ-губернаторъ (Изъ отрывочныхъ воспоминаній А. Е. К. 165—171 и 318—324

VII. Изъ воспоминаній стараго врача А. А. Синицына. Сообщ. Н. Д. Романовъ. . . . . 188—212 и 495—549

VIII. На Босфорѣ. Г. И. Бобрикова 253—260, 455—460

IX. Люди и нравы за полъ-вѣка. Н. Морозова . . . . 438—444, 461—484

X. Годы службы моей въ Варшавскомъ учебномъ округѣ и эпизоды учебнаго быта. В. Смородинова . . . . 552—570
XI. Воспоминанія бывшаго студента Харьковскаго университета 60-хъ годовъ. А. Г. Воронова . . . . 571—595
XII. Шесть мѣсяцевъ въ Курляндіи. Е. А. Альбовскаго . . . . 596—606

Изслѣдованія. — Историческіе и біографическіе очерки.—Переписка.—Разсказы.—Матеріалы и замѣтки.

I. Статьи, подлежащія напечатанію въ этомъ году 1
II. Борьба съ антихристомъ подъ городомъ Тирасполемъ. В. Случевскаго . 3—19, 237—251
III. Дневникъ статсъ-секретаря Григорія Ивановича Вилламова 1810 г. Сообщ. Н. А. Вилламовъ . . . . . 20—29, 261—270, 447—454
IV. Къ вопросу о смерти царевича Димитрія. И. С. Бѣляева . . . . 30—32
V. Письмо въ редакцію А. Ѳ. Кони. Е. Ф. Турау . . . . 48—52
VI. Дневникъ академика В. П. Безобразова. 1887. Сообщ. М. В. Безобразова . . . 53—60, 271—277
VII. Горе московскихъ жителей въ 1812 году (Современныя письма) И. Шляпкина. 61—65
VIII. Басурманская неволя. В. Шереметевскаго . . . . 66—83
IX. Эпизоды изъ обороны Портъ-Артура. К. Шумскаго . . . . 99—106
X. „Маскарадъ“, забытый разсказъ изъ жизни Пушкина. Н. Лернера . . . . 122—141
XI. Въ поискахъ „палаты“. (Эпизодъ изъ исторіи Сената). М. С. Померанцева. 172—177

СТРАН.

XII. Сто лѣтъ назадъ. Письма И. П. Оденталя къ А. Я. Булгакову о петербургскихъ новостяхъ и слухахъ. С. О. Долгова . . . . 178—187, 429—437
XIII. Письма Н. П. Ломакина консулу Ѳ. А. Бакулину. (О средне-азіатскихъ дѣлахъ). Сообщ. В. А. Алексѣевъ . . 213—222, 372—385
XIV. Тысяча восьмисотый годъ. Е. С. Шумигорскаго . . . . 223—236
XV. Письмо въ редакцію. Н. Лернера . . 252
XVI. Письмо въ редакцію. П. фонъ-Кауфманъ . . . . 278—280
XVII. Изъ архива графа С. Ю. Витте. Сообщ. Н. Лернеръ . . . . 301—314
XVIII. Три собственноручныя записки генералъ-аншефа графа А. В. Суворова-Рымникскаго къ М. С. Лалаеву. Сообщ. В. А. Бернацкій . . . . 315—317
XIX. Яковъ Іоганъ Урсинусъ. Профессоръ-депутатъ Екатерининской комиссіи для сочиненія проекта новаго Уложенія. А. Г. Воронова . . . . 325—359
XX. Польскій бунтъ и старообрядцы. Н. Г. Высоцкаго . . . . 386—389
XXI. Два письма В. А. Жуковскаго къ А. И. Оленину (1838 г.). Л. Ильинскаго . . 398—406
XXII. Екатерина II—законодательница. Т. . . . 407—419
XXIII. Выдержки изъ писемъ, писанныхъ въ 1812 г. изъ Великой Арміи Наполеона изъ Россіи во Францію, и не дошедшихъ по назначенію какъ задержанныхъ Чернымъ Кабинетомъ Наполеона или почтой въ Гамбургѣ (извлеченіе изъ Архива Мин. Иностр. Дѣлъ въ Парижѣ Denis Roche. Переводъ Н. Тр.). В. Н. Трескиной . . 420—424
XXIV. Замѣтка о Посошковѣ. М. Клочкова . 425—428
XXV. За лучинку и поцѣлуй (изъ жизни генерала Фадѣева). Сообщено Д. Ф. Девель . . . . 360—361
XXVI. Александра Марковна Мармусевичъ (біографическій очеркъ). В. А. Бернацкаго . . . . 485—494

СТРАН.

XXVII. Къ біографіи митрополита московскаго Платона Левшина. В. Пархоменко. . 550—551
XXVIII. Лѣтопись и мысли стараго педагога Н. В. Гриневича. . . . . 607—623
XXIX. Дѣло объ уничтоженіи эстампа съ изображеніемъ казни Людовика XVI. Н. Г. Высоцкаго . . . . 624—628
XXX. Диспозиція для будущаго строя въ мирное торжество. Сообщ. В. П. Федоровъ. 629—630

Приложенія.

I. Портретъ Милія Алексѣевича Балакирева (при IV-й книгѣ).
II. Портретъ Григорія Антоновича Захарьина (при V-й книгѣ).
III. Факсимиле трехъ записокъ Суворова (тамъ же).
IV. Портретъ Александры Марковны Мармусевичъ (при VI книгѣ).

Библіографическій листокъ.

1. Записки Сѣверо-Западнаго Отдѣла Императорскаго Русскаго географическаго общества. Книжка 3, 1912 г. Вильно, 1912 г. (на оберткѣ апрѣльской книги).

2. Проф. Д. И. Багалей. Очерки изъ русской исторіи. Томъ 2-й. Монографіи и статьи по исторіи Слободской украйны. Харьковъ 1913 г. (тамъ же).

3. С. Ф. Либровичъ. Императоръ подъ запретомъ. Двадцать четыре года русской исторіи. Съ портретами, снимками съ картинъ, медалей, монетъ, грамотъ и пр. Изд. т-ва М. О. Вольфъ. Ц. 1 р. (тамъ же).

4. Ф. Орловъ. Исконно-русское достояніе въ Варшавѣ и четвертый раздѣлъ (1610—1912 г.) (по поводу сооруженія памятника-часовни патріарху Филарету въ Варшавѣ). Ц. 60 к. (тамъ же).

5. Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 20 декабря 1911 г. по 3 января 1912 г. (тамъ же).

6. Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 3 января по 10 января 1912 г. (на оберткѣ майской книги).

7. Великій Князь Николай Михаиловичъ. Петербурскій Некрополь. Томъ IV. С. Ѳ.—Спб. 1913. (на обертке іюньской книги).

8. Сергѣй Глаголь. Очеркъ исторіи искусства въ Россіи. Москва. Книгоиздательство „Проблемы эстетики". 1913. Ц. 40 к. (тамъ же).

9. П. Я. Чаадаевъ. Сочиненія и письма. Томъ. I. Подъ редакціей М. Гершензона. Изд. „Путь". Москва. 1913 г. Стр. 440. Цѣна за два тома 5 р. (тамъ же).

10. И. С. Симоновъ. Грановскій-учитель. Къ 100-лѣтію со дня рожденія. Спб. Изд. журнала „Педагогическій сборникъ". 1913. Ц. 25 к. (тамъ же).

11. Собраніе сочиненій въ стихахъ Елисаветы Шаховой. Издалъ внукъ автора Н. Н. Шаховъ (тамъ же).

12. Графъ. А. А. Самойловъ. Филаретъ Никитичъ. Историческая драма въ пяти дѣйствіяхъ. Спб. 1913. (тамъ же).

13. Н. Белдытскій. Ныробскій узникъ, древности и окрестности села Ныроба, Чердынскаго уѣзда.—Его же. Ныробскій узникъ. (Историческій эскизъ).—Юбилейныя изданія. Пермь. 1913, 1912 г.г. (тамъ же).